

КАВАЛЕРГАРДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛКОВЫХ ИСТОРИЯХ КАК ТАКОВЫХ И САМОМ КАВАЛЕРГАРДСКОМ ПОЛКУ

*Мы не стремимся быть первыми, но
не допустим никого быть лучше нас.*

*Генерал-адъютант граф А.И. Мусин-Пушкин,
кавалергард*

На рубеже XX века, словно бы ощущая близкий конец "старого мира" и стремясь сохранить хоть какую-то овеществленную память о прошлом, в большинстве полков русской армии поспешили издать свои полковые истории. Впрочем, основным поводом написания полковых биографий послужили грядущее празднование столетия Отечественной войны 1812 г. и начавшиеся двухсотлетние юбилеи петровских полков - первых в регулярной русской армии, сформированных во времена великого преобразователя России. Но самые первые издания полковых историй увидели свет гораздо раньше - еще в царствование Николая I. В 1832 г. вышла "Краткая история Кавалергардского ее императорского величества полка" А. В. Висковатова; в 1843 г. - "Краткая история гренадерского Перновского полка"; в 1852 г. - "История лейб-гв. Павловского полка" О. Х. Гоувальта и "Изюмский Слободской казачий полк. 1651-1765 годы" Я. Я. Гербеля... Все эти книги изданы в Санкт-Петербурге.

Тогда это были единичные выпуски, а впоследствии, как уже сказано, издание полковых историй приняло более планомерный характер. Например, в 1899 г. вышло в свет не менее девяти наименований таких книг, а в следующем, 1900 г. - двенадцати (не исключено, впрочем, что какие-то книги остались неучтенными). Единой установленной формы выпуска и оформления полковых историй не было. Они могли представлять собой роскошные фолианты, обтянутые мундирным офицерским сукном, украшенные полковыми знаками, обширно иллюстрированные, - или же являться тонкими книжечками в неброской с виду обложке. Могли они быть как многотомными изданиями - подобно "Истории 44-го драгунского Нижегородского полка" В. А. Потто (т. 1-11, Санкт-Петербург - Тифлис, 1892-1908), так и очень скромными брошюрами-"памятками" для нижних чинов, как, например, "Наш полк. Краткая история 59-го пехотного Люблинского полка" А. Н. Рещикова (Одесса, 1911, с иллюстрациями).

Весьма обширной оказалась и география выпуска этих книг. Многие из них, как и самые первые, вышли в Санкт-Петербурге; немало было выпущено в Москве, Варшаве, Киеве, Тифлисе. Печатались полковые истории также в губернских, даже в уездных городах, вплоть до далекого Никольска-Уссурийского, где в 1911 г. вышел "Краткий очерк о 8-м Восточно-Сибирском стрелковом полку", или заштатных Бендер, в которых в 1895 г. отпечатана книга Е. Я. Ястремского "Материалы для истории 55-го пехотного Подольского полка за время русско-турецкой кампании 1877-1878 годов". То есть книги зачастую, хотя и не всегда, издавались там, где в данное время дислоцировался полк.

Последняя из таких книг увидела свет в том году, когда было расформировано подавляющее большинство полков прежней русской армии, - в 1918 г. (*Некоторые полки были распущены или самораспустились в 1917 г., иные - после 1918-го. Есть легенда, что некий конный полк просуществовал чуть ли не до 1926 г., - пока о нем не вспомнили и не расформировали.*) Это оказался исторический очерк фон Толя "14-й пехотный Олонецкий полк. 1798 -1914", выпущенный в Корее.

А сколько книг так и осталось ненаписанными, неизданными! Ведь если каждый из полков пешей и конной гвардии, гвардейские саперы, артиллеристы, моряки выпустили, что было вполне справедливо и заслуженно, как минимум, хотя бы по одной своей полковой книжке (*В частности, по Преображенскому полку вышли такие книги: "Потешные*

*Преображенские - лейб-гвардии Преображенский полк. 1863-1912. Спб.; "История лейб-гвардии Преображенского полка" О. П. Бобровского, т. 1-2. Спб., 1900-1904; "История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683-1883 гг." А. К. Чичерина, С. Н. Долгова, Л. Н. Афанасьева, т. 1-4. Спб., III и др.), то многие армейские части, в том числе даже самые известные, коренные, прославленные во многих знаменитых походах и сражениях, остались без боевых летописей. Нет, например, истории значившегося в списках русской армии под номером первым Невского пехотного его величества короля Эллинов полка, сформированного в 1706 г., отличившегося на полях Отечественной и Русско-турецкой 1877-1878 гг. войн. Нет истории славного 5-го гусарского Александрийского ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полка - знаменитых "черных", или "бессмертных", гусар, в разные годы не единожды громивших турок, поляков, австрийцев, французов... А вот из всей многолетней истории основанного еще в 1651 г. 12-го гусарского Ахтырского ее императорского высочества великой княгини Ольги Александровны полка, в рядах которого в лихую годину Отечественной войны 1812 г. служил знаменитый поэт-партизан генерал-лейтенант Д. В. Давыдов, в свет успел выйти только один, причем второй, том, охватывающий период с 1765 по 1796 г. ("*История Ахтырского полка*" С. И. Одинцова, В. А. Потто. Спб., 1902).*

Можно было бы еще и еще перечислять пробелы в полковой историографии, однако это заняло бы слишком много места. Но чем, однако, интересны подобные книги, написанные, как правило, не профессиональными литераторами и не историками-специалистами? Разумеется, не своими литературными достоинствами и не широтой охвата и осмысления исторического материала. Зато в них нередко содержатся уникальные сведения из полковых архивов, преданий и воспоминаний ветеранов, официальной и личной переписки, документов, некогда захваченных у противника. Особую ценность имеет взгляд автора - как правило, полкового офицера - на события минувших дней, его трактовка исторических событий, оценки и выводы. Ведь одно дело - беспристрастный взгляд историка, литератора, и совсем другое - точка зрения человека военного, принадлежащего все к той же полковой семье, пусть и столетия спустя после описываемых событий. Офицер, носящий, предположим, измайловский или павлоградский мундир, не может быть сторонним, равнодушным очеркистом, когда идет речь об истории его полка, той самой части, службой в которой он гордится.

Нередко полковые истории, особенно боевых армейских частей, сохраняют на своих страницах детальные описания сражений и целых кампаний, которые сегодня фактически совершенно забыты. Они или замалчивались на протяжении многих десятилетий вульгарной историографией, или были затенены последующими грандиозными событиями. Так Отечественная война 1812 г. фактически заслонила собой героические события Русско-шведской войны 1808 - 1809 гг.; но и действия войск генералов М. Б. Баркляя-де-Толли и князя П. И. Багратиона на главном направлении отхода русской армии в 12-м году скрыли от нас первые победы Отечественной войны, успехи 3-й армии генерала А. П. Тормасова... Подробное описание событий, оставшихся за рамками не только учебников истории, но подчас и серьезной военно-исторической литературы, можно найти именно на страницах летописей полков, непосредственно участвовавших и отличившихся в тех делах и кампаниях.

Каждый полк гордился своими героями. Почетные места в историях занимают описания ратных подвигов офицеров, солдат, целых подразделений. Если, к примеру, перелистать историю славного 84-го пехотного Ширванского полка, долгое время воевавшего на Кавказе - "Служба ширванца. 1726 - 1909 гг." (Тифлис, 1910), - то как много имен забытых ныне героев встречаешь на ее страницах: генерал-майор Гуляков, с честью павший перед рядами своего полка; унтер-офицер Махонин, который с горстью солдат в течение пяти часов удерживал редут от отчаянных атак шестисот чеченцев; рядовой Куксенко, спасший товарища в бою; барабанщик Головченко, первым ворвавшийся через пролом в стене в крепость Ахалцих и в круг изумленных турок ударивший на барабане сигнал тре-

воги... Список этот можно продолжать еще долго. Каждый подвиг предков становился образцом для подражания воинов последующих поколений, на этих героических примерах воспитывались гордость за принадлежность к полковой семье, верность сложившимся в ней традициям.

Интересно и поучительно узнавать о судьбах забытых героев, но не менее ценны и встречающиеся на страницах книг первые упоминания о будущих великих полководцах, военачальниках, проходивших обер- или штаб-офицерскую, а порой и солдатскую службу в рядах гвардейских или армейских полков.

Немного, очевидно, найдется изданий по истории Отечественной войны 1812 г., где не упоминалось бы имя прославленного генерала Н. Н. Раевского. Корпусной командир, он был одним из главных действующих лиц той кампании. Но куда скромнее представлялась роль Николая Николаевича во времена похода к Дербенту и Шемахе в 1795-1796 гг., когда он, двадцатичетырехлетний полковник, командовал Нижегородским драгунским полком. По-настоящему подробно рассказано об этом важном этапе биографии будущего военачальника всего в одной книге: уже упомянутой "Истории 44-го драгунского Нижегородского полка".

В книге "Очерк истории Санкт-Петербургского гренадерского полка. 1726-1880" Ф. Ф. Орлова (Спб., 1881) (*Слово "очерк" не должно смутить читателя представлением о чем-либо кратком, объем данной книги - более 800 страниц*) не единожды упомянуто имя батальонного командира премьер-майора М. Б. Баркляя-де Толли - участника войны с Польшей 1794 г. Если же обратиться к "Истории 25-го пехотного Смоленского полка за два века его существования" В. П. Максудова (Спб., 1901), то можно узнать, что в сражении при Рымнике отличился состоявший при генерал-аншефе А. В. Суворове поручик Иван Дорохов - тот самый гусарский генерал-лейтенант И. С. Дорохов, что был в числе замечательных партизанских начальников 1812 г.

Каждый полк гордился своей причастностью к судьбам прославленных людей. Материалы об их службе в полку собирались со всей тщательностью, а имена их были воистину святы для полковой семьи. Недаром даже в названиях некоторых полков русской армии сохранились фамилии бывших сослуживцев, командиров и шефов - 4-й гренадерский Несвижский генерал-фельдмаршала князя Баркляя-де-Толли; 11-й гусарский Изюмский генерала Дорохова... Портреты и подробные жизнеописания этих людей украшали полковую историю. Перечисленные особенности этих книг, изданных, как правило, иждивением (т. е. на средства) офицерского корпуса полка, определяли интерес к ним не только достаточно узкого круга людей, в той или иной степени причастных к имени данного полка, но и широкого круга ревнителей отечественной военной истории, любознательных читателей, в особенности юношества.

Нет сомнения, что и сейчас, в период нашего возвращения к истокам собственной биографии, эти старинные издания интересны не одним лишь специалистам. Однако по вполне понятным причинам полковые летописи давно уже стали раритетами. Выпущенные довольно ограниченными тиражами, многие эти книги погибли в огне революций и войн или увозились за границу - сперва в качестве самых дорогих реликвий, затем, ближе к нашему времени, как ценный товар.

Горько признать, но немало этих книг было намеренно уничтожено как в качестве источников "монархической пропаганды", так и из желания откреститься от "заблуждений прошлого". Ведь в большинстве книг были "атрибуты монархизма" - портреты царей и цариц, высочайшие рескрипты, верноподданнические реляции. Впрочем, многие издания, вероятно, просто исчезли во времени, как вообще исчезают старые книги. Те же, что до сих пор хранятся в публичных и личных библиотеках, в частных коллекциях, в музеях, доступны весьма ограниченному числу читателей, в основном, специалистам.

И вот теперь Военное издательство обращается к старым полковым летописям, открывая большую серию "Полки Русской армии". Первой книгой этой серии становятся "Кавалергарды".

Кавалергарды...

Слово, звучанием своим напоминающее скрежет вынимаемого из ножен боевого палаша, топот лошадиных копыт по мерзлой земле, разрыв картечного снаряда над головой... Слово, в котором эхом отзываются наименования Аустерлиц и Кульм, в котором, слышатся отголоски понятий "империя", "престол", "коронация". Кавалергардский ее императорского величества полк российской гвардии - первый из кавалерийских полков как по своему номеру, так и по своему статусу. Кавалергарды были почетной стражей у трона в торжественные дни коронаций почти всех российских императоров и императриц. Ни одна из других частей гвардии или армии не имела столь же удивительной, уникальной истории, подобной истории Кавалергардского полка. Вернее, не совсем так...

Боевое прошлое кавалергардов, крещенных огнем при Аустерлице, отличившихся при Бородине, побывавших затем еще в нескольких кампаниях, но в основном в качестве кавалерийского резерва, а много позже понесших немалые потери на полях первой мировой войны, кажется весьма скромным на фоне послужных списков многих и многих не только армейских полков, порой десятилетиями не выходявших из боев, но даже и большинства гвардейских. Однако во главе тех самых прославленных боевых полков, бригад, дивизий, корпусов весьма часто стояли генералы, ранее имевшие честь носить кавалергардский мундир. В рядах этих полков нередко командовали эскадронами и дивизионами бывшие кавалергарды. Порой и в солдатских шеренгах все тех же полков находились разжалованные за различные проступки или провинности кавалергардские офицеры, стремившиеся своей удалью и отвагой возратить утраченный чин...

Именно люди, в разные времена служившие в кавалергардах, создали ту уникальную историю полка, которой не оказалось равных. Не было в России другой воинской части, в чьих списках значилось бы столько знаменитых имен прославленных полководцев, известных государственных деятелей - начиная от самого Петра Великого и ближайших его сподвижников, от блистательных фаворитов Екатерины II и заканчивая министрами и видными деятелями Государственной думы времен последнего царствования... Историю кавалергардов невозможно было запечатлеть вне истории императорского двора, вне истории всей России. В этом случае она сразу бы потускнела, утратила свою масштабность, свелась бы к простому перечислению лиц, в большинстве своем мало известных современному читателю: тогда-то, допустим, шефом кавалергардов являлся граф Юлий Помпеевич Литта, а тогда-то, предположим, служил в рядах полка князь Николай Григорьевич Репнин... Многим ли сейчас знакомы эти некогда славные, знаменитые имена?

Но стоит лишь более подробно обратиться к биографиям кавалергардов, выйти за строгие рамки собственно полковой истории - и тут же погружаешься в мир дипломатических таинств, придворных интриг, политических заговоров, ожесточенной борьбы за власть, прикасаешься к тайным пружинам, двигавшим внутреннюю и внешнюю политику России и определявшим взаимоотношения ее с государствами Европы и Азии.

Вместе с тем через биографии многих из кавалергардов проходят блестящие боевые дела, войны, почти стершиеся в памяти последующих поколений, заслоненные иными, подчас и не более громкими, но более близкими к нам по времени событиями, узнаешь о судьбах героев, чьи подвиги не сохранились в истории лишь потому, что даже она не в силах сберечь все имена...

Историю полка невозможно также представить без имен декабристов - деятелей тайного общества, героев и мучеников 14 декабря 1825 года. Двадцать восемь офицеров, служивших в ту пору или ранее в Кавалергардском полку, оказались в той или иной степени замешаны в заговоре - ни один полк не был столь тесно связан с движением декабристов...

При чтении биографий кавалергардов возникает достаточно обширная картина жизни, быта, нравов, культурного уровня и интересов российского общества в самых различных его слоях. Ведь бывшие кавалергарды становились полководцами и министрами,

царедворцами и заговорщиками, известными деятелями культуры и дипломатами, армейскими офицерами и жандармами, столпами промышленности и пионерами сельского хозяйства, религиозными адептами...

Кавалергардские биографии изобилуют не только образцами подлинной самоотверженности на полях сражений, беззаветной жертвенности, верности присяге, престолу и воинскому долгу, что всегда было в традициях русской армии, но и дерзкими гвардейскими "шалостями", поединками, любовными интригами, тем лихим молодечеством, которое было присуще офицерской среде былых времен. Интерес к биографиям обуславливается также семейными, родственными, дружественными связями многих кавалергардов с выдающимися личностями отечественной культуры и истории, косвенной их причастностью к событиям, определявшим судьбы империи...

Удивительная история кавалергардов нашла и совершенно необыкновенное воплощение в исторической литературе. В период с 1899 по 1912 г. в Санкт-Петербурге вышли четыре больших по формату, роскошно изданных, богато иллюстрированных тома "История кавалергардов. 1724-1799-1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка" С. А. Панчулидзева. Тогда же, в 1901-1908 гг., были выпущены точно такие же по виду и оформлению четыре тома "Сборника биографий кавалергардов. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского полка" - уникальное, не имеющее аналогов издание.

Чтобы этот четырехтомник составить, в 1897 г. в Санкт-Петербурге была издана книга "Сведения, которые желательно иметь для Сборника биографий кавалергардов". Книга представляла собой обращение к ветеранам полка, наследникам бывших кавалергардов, их родственникам и друзьям, ревнителям отечественной истории, которые могли обладать материалами, связанными с жизнью и деятельностью служивших в кавалергардии лиц. В книге был помещен список всех служивших в полку - с самого его первого дня, с образования роты драбантов, дан перечень обстоятельных вопросов по пятнадцати позициям касательно происхождения, родственных связей, образования и военной подготовки, службы, как военной, так и статской, наград, семейного положения и прочих подробностей из жизни людей, имевших честь когда-либо носить кавалергардский мундир.

Через четыре года было начато издание биографий кавалергардских генералов и офицеров, кавалергардов Лейб-кампании, а также рядовых кавалергардов того периода, когда в полку служили исключительно дворяне... Биографии эти получились весьма различными по объему, они не только включали период непосредственной службы в полку, но и представляли собой достаточно подробные биографические очерки. Их объем определялся ролью и значением данной личности в истории полка, в истории России. Поэтому, например, явно выделяются биографии А. Д. Меншикова, А. Г. Орлова-Чесменского, Г. А. Потемкина, А. И. Чернышева, Д.В. Давыдова, П. Д. Киселева и других.

В 1-й том вошли биографии кавалергардов от Петра Великого до Лейб-кампании Елизаветы Петровны, во 2-й - кавалергардов времен Екатерины II и Павла I; 3-й том целиком посвящен биографиям офицеров царствования Александра I, эпохи наполеоновских войн; 4-й охватывает почти вековой период - от Николая I до Николая II. Биографии, прослеживающие жизнь целых династий кавалергардов, расположены в последовательности поступления офицеров в полк - или их производства из эстандарт-юнкеров в офицеры в самом полку. Исключения составляют некоторые полковые командиры, биографии которых передвинуты ближе к биографиям тех офицеров, которыми они командовали. Так, в частности, биографический очерк шефа полка генерала от кавалерии Ф. П. Уварова, поступившего в кавалергардию в августе 1799 г., при Павле I, помещен не во 2-м, как бы следовало, а на открытии 3-го тома, так как практически всю четверть века александровского царствования Уваров прослужил шефом полка, был одним из знаменитых деятелей той эпохи.

Несмотря на то, что в книге-обращении "Сведения, которые желательно иметь..." перечислены все без изъятия фамилии кавалергардов, однако впоследствии оказались исключения из общего списка. В предисловии к 3-му тому указано:

"Настоящая книга заключает в себе биографии офицеров, служивших или числившихся в Кавалергардском полку при императоре Александре I, а именно с 12 марта 1801 г. по 1 января 1826 г., за исключением биографий следующих 22 лиц: М. С. Лунина 1-го, князя С. Г. Волконского, М. Ф. Орлова 1-го, светлейшего князя П. П. Лопухина, А. З. Муравьева 1-го, В. П. Ивашева, И. Ю. Поливанова 2-го, Ф. Ф. Вадковского (эти 8 лиц выбыли из полка до 14 декабря 1825 г.), А. А. Кологривова, графа А. П. Витгенштейна 1-го, графа З. Г. Чернышева, И. А. Анненкова, П. П. Свинына, А. С. Горожанского, Н. А. Васильчикова, Н. Н. Де-Прерадовича, князя Ал. П. Вяземского 2-го, Д. А. Арцыбашева, П. Н. Свистунова, А. М. Муравьева, а равно не служивших в рядах полка, но числившихся по полковым спискам П. И. Пестеля и А. А. Крюкова. Биографии этих лиц, как участников 14 декабря, полк решил не помещать в своем "Сборнике". Пусть судит их история, но политика не дело воина - вступая на политическое поприще, он нарушает свои священнейшие обязанности: изменяет своему долгу перед Престолом и Отечеством..."

Этические, нравственные, политические и прочие соображения, которыми в данном случае руководствовались составители "Сборника", вряд ли являются достаточным утешением для историка. Ведь в числе двадцати двух вышеперечисленных лиц большинство являются людьми весьма незаурядными, известными не только по своей деятельности в тайном обществе, но также военными и даже государственными заслугами. В их числе - боевой генерал Отечественной войны 1812 г. князь С. Г. Волконский; военный разведчик и дипломат, флигель-адъютант, пользовавшийся особым доверием императора Александра, генерал-майор М. Ф. Орлов; романтический герой, отважный и дерзкий гусарский подполковник М. С. Лунин...

Удивляет односторонне-предвзятый подход составителей "Сборника" к людям 14 декабря, осужденным только за намерения, за умысел мятежа, - ведь никто из кавалергардов-декабристов участия в восстании не принимал, не был на Сенатской площади в рядах бунтовщиков. А между тем и во 2-м, и в том же 3-м томе "Сборника биографий кавалергардов" помещены обширные очерки об участниках и даже руководителях двух царубийств (1762 и 1801 гг.) - братьях Орловых, Ф. П. Уварове. Есть в "Сборнике" и биографии кавалергардов, лишенных чинов и дворянства за уголовные преступления, людей, приговоренных к разного рода позорным наказаниям...

Между тем документально подтверждено, что к тайному обществу принадлежало еще шесть, кроме исключенных двадцати двух, кавалергардов - граф Я. Н. Булгари, С. Н. Бегичев, князь Ф. Ф. Гагарин, В. И. Пестель, А. Ф. Шереметев, князь Ф. А. Щербатов. Одни из них были "высочайше прощены", других опять-таки "высочайше было повелено" считать непричастными. Но ведь точно так же не понесли наказания и некоторые из не включенных в "Сборник" офицеров: например, генерал-майор (позднее - генерал-лейтенант) светлейший князь П. П. Лопухин, "по высочайшему повелению освобожденный без последствий", или ротмистр граф А. П. Витгенштейн, которого "высочайше побелено не считать прикосновенным к делу". Такая избирательность представляется странной, но кто бы сегодня мог объяснить ее причину?

Роскошный восьмитомник "Истории" и "Сборника биографий", изданный к 100-летию полка, отнюдь не является единственной опубликованной его историей. Еще в 1832 г., как было упомянуто выше, в свет выпустили "Краткую историю Кавалергардского полка", в которой излагались основные этапы его существования, рассказывалось об участии полка в военных походах и боевых действиях, о ратных подвигах. Были также приведены сведения о местах расквартирования полка в Петербурге и занимаемых им казармах, очень подробно описывались обмундирование и вооружение кавалергардов в разные времена их существования. В книге были приведены краткие сведения о полковых командах, о шефах, об "известных особах, в полку служивших", то есть о здравствовавших в ту

пору принце Александре Вюртембергском, военном министре генерале Чернышеве и егермейстере Д. В. Васильчикове.

В 1851 г. была издана "История кавалергардов и Кавалергардского ее величества полка с 1724 по 1 июля 1851 г.", главной ценностью которой явились краткие формулярные списки всех офицеров, числившихся в роте драбантов, в Кавалергардском корпусе и полку, - откуда и когда вступил в кавалергарды, когда в какие чины был произведен, куда выбыл... Отдельно приведены списки начальствующего состава, награжденных, раненных и убитых в сражениях офицеров.

Вышедшая в 1893 г. книга "Беседа эскадронного командира Кавалергардского ее императорского величества полка с господами офицерами вверенного ему эскадрона" напоминает своим названием краткие полковые истории и "памятки", но на деле таковой не является. Анонимный автор лишь вскользь коснулся некоторых этапов полковой истории, однако вся книга является своеобразным наставлением по этике кавалерийской офицерской службы... Зато к юбилею Отечественной войны - очевидно, в 1912 г. - вышла (без указания автора, года и места издания) небольшая книжечка "Кавалергарды и Конная гвардия в день Бородинского боя", подробный рассказ об участии гвардейской кирасирской бригады в том достопамятном сражении.

Казалось бы, этим изданием и завершается перечень книг по истории Кавалергардского полка. Однако в 1936 г. в Париже вышли из печати 1-й и 2-й тома книги, написанной бывшим кавалергардским офицером Владимиром Николаевичем Звезгинцовым "Кавалергарды в Великую и гражданскую войну" (сдвоенный 3-й и 4-й том этой книги был опубликован в 1966 г.) В 1977 г., опять-таки в Париже, вышла его же книга "Кавалергарды-декабристы. Дополнение к Сборнику биографий кавалергардов", тираж всего только 200 экземпляров (к слову, в очерках этих события и люди 14 декабря предстают несколько в ином свете, чем это традиционно было принято). В столице Франции увидела свет и книга П. И. Доленко "Кавалергарды: от Петра Великого и доньне".

Представляемая вниманию читателей книга "Кавалергарды", открывающая, напомним, новую серию исторических публикаций Воениздата "Полки русской армии", композиционно состоит из трех разделов: истории полка, биографий наиболее заметных его представителей и мемуаров бывших кавалергардов (которых, впрочем, отыскалось до обидного мало).

Первый раздел представляет собой сокращенное изложение подлинного текста "Истории кавалергардов" С. А. Панчулидзева. Сокращение коснулось в основном материала, имеющего весьма отдаленное отношение к истории полка, разного рода повторов и подробностей, не представляющих большой познавательной ценности. Несколько изменена компоновка материала. Так, в частности, подробное описание церемоний всех коронаций российских императоров, при которых присутствовали кавалергарды, читать достаточно утомительно. Тем, более что в книге Панчулидзева все коронации сведены в 1-м томе. Мы включаем описание лишь двух коронаций (первой и последней) - супруги Петра Великого императрицы Екатерины Алексеевны и императора Николая II, к тому же согласуя их с хронологической последовательностью повествования. Так же представилось необходимым сделать некоторые дополнения за счет последующих изданий книг по истории полка и справочников, потому что у Панчулидзева полковая летопись практически заканчивается на второй половине XIX века. Однако в этом, как и в прочих разделах, максимально сохранены особенности текста, язык и стиль авторского повествования.

Второй раздел составлен на основе четырехтомника "Сборник биографий". Авторы большинства биографических очерков не ограничивались описанием службы офицера в рядах полка, но старались возможно более подробно рассказать о его судьбе, личности, заслугах перед Отечеством или, напротив, о глубокой вине перед окружающими людьми;

одним словом, здесь все - и величие, и корысть, и удаля, и прегрешения. В свое время очерки эти, как уже говорилось, готовились разными людьми, далеко не литераторами, но некоторые столь интересно и талантливо написаны, что порой истинно переживаешь за героя, а порой улыбаешься лукавству, веселому нраву и лихости, свойственным русскому человеку во все времена.

Третий раздел составлен из полковых мемуаров... И вот тут, сколь это ни удивительно, выясняется, что таковых существует очень и очень мало, хотя известно, что некоторые бывшие кавалергарды оставили обширное мемуарное наследие. Дело, очевидно, объясняется тем, что для многих из этих людей гвардейская служба или почетное пребывание в полковых списках явились не более чем эпизодом их богатейших биографий, приятным юношеским воспоминанием, первым шагом к вершине государственной или военной службы - но не более того. Так, поэт-партизан генерал-лейтенант Д. В. Давыдов, известный писатель и мемуарист, прослуживший в кавалергардах три с лишним года, уделил этому периоду своей жизни всего лишь несколько строк в интересно написанной автобиографии "Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова".

Все же кое-что интересное существует. Это прежде всего главы из написанных бывшими кавалергардскими офицерами книг - таких известных, как "Записки" декабриста генерал-майора князя С. Г. Волконского и "Пятьдесят лет в строю" генерал-лейтенанта советской армии графа А. А. Игнатъева. В книгах этих, охватывающих достаточно обширные отрезки времени, есть главы, посвященные службе в Кавалергардском полку - в разные, разумеется, периоды его существования.

Куда менее известна читателям мемуарная книга графа С. Д. Шереметева "Полковые воспоминания", изданная в Санкт-Петербурге в 1898 г. Текст ее мы приводим почти полностью, исключая некоторые страницы, где излагаются события жизни автора, не имеющие непосредственного отношения к службе в полку.

Совершенно особняком - и не только в литературе о Кавалергардском полку, но и вообще в ряду военных мемуаров - стоит небольшая книжка бывшего унтер-офицера Д. И. Подшивалова "Воспоминания кавалергарда", изданная в Твери в 1904 г. Это - редкий как в нашей отечественной, так и в мировой военной литературе тип "солдатских мемуаров". О судьбе автора известно не более, чем рассказал он о себе сам. Текст этой книги, написанной искренне, без утайки и прикрас, также приведен почти полностью...

Но довольно предисловий. Перед вами, дорогой читатель, на самом деле уникальный и интереснейший исторический материал, дающий возможность почувствовать само дыхание ушедшей эпохи. По словам, приведенным в полковой истории, невозможно переоценить "оздоровляющее значение изучения нашей истории для современного русского", чтоб не променять "на деньги медные - старинные медали".

Книга "Кавалергарды" иллюстрирована репродукциями картин, рисунков, гравюр и фотографиями, помещенными в различных изданиях полковой истории, а также специально подобранным фотоматериалом.

Александр БОНДАРЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ КАВАЛЕРГАРДСКОГО ПОЛКА

Коронация Екатерины I

*Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего...*

А. С. Пушкин. "Полтава"

Манифестом от 15 ноября 1723 г. Петр Великий возвестил свое намерение короновать Екатерину: "...И понеже ведомо есть, что в прошедшей двадцатиединолетней войне коль тяжкие труды и самый смертный страх отложя собственной нашей персоне, за Отечество наше полагали, что с помощью Божией и окончили, что еще Россия так честного и прибыточного мира не видала и во всех делах славы так никогда не имела, в которых вышеописанных наших трудах наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великой помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действиях, отложя немочь женскую, волею с нами присутствовала и, елико возможно, помогала, а наипаче в прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии и от них несумненно всему государству: того ради данною нам от Бога самовластию за такие супруги нашей труды коронациею короны почтить, еже Богу изволят, нынешней зимы в Москве иметь совершенно быть".

Не любивший роскоши Петр на этот раз отступил от своих привычек: задолго начались приготовления к коронации, и государь не щадил средств, чтобы придать императорской коронации, впервые в России утверждаемой, необыкновенное великолепие. Первое императорское коронование должно было не только доказать всему миру, что Петр считает несомненным свое право на императорский титул, но и воочию явить все могущество новой империи.

Самому короноваться императорской короной Петр, венчанный на царство, не желал, и, коронуя Екатерину, он этим как бы указывал вперед на своего преемника. К числу забот Петра обставить предстоящую коронацию возможным великолепием должно отнести и учреждение драбантов, или кавалергардов (*Драбанты* (чеш. *drabant*, нем. *Trabant*) - старинное наименование телохранителей при правительствующих особах; кавалергарды (от фр. *Cavalier* - всадник и *garde* - охрана) - почетная стража лиц императорской фамилии в особо торжественных случаях. (Здесь и далее пояснения составите-

ля)). Весьма вероятно, что первоначальным образцом при таком учреждении послужили знаменитые драбанты Карла XII.

31 марта 1724 г. явился в государственную Военную коллегия "господин генерал-майор Лефорт и объявил, что вчерашнего числа был он у Его Императорского Величества в доме на бывшем головинском дворе, где Его Императорское Величество изволили ему

повелеть выбрать из обретающихся в Москве из армейских и из заполошных (заштатных) офицеров, которые ныне в Москве, в драбанты 60 человек, а кому над оными команду иметь, о том впредь прислан будет в Военную коллегия Его Императорского Величества указ".

Ровно через две недели драбанты были набраны. 14 апреля "был смотр офицерам от капитана до прапорщика армейских и гарнизонных полков, из которых выбрано 60 человек в драбанты". В тот же день Толстой промеморией (докладной запиской) уведомил Военную коллегия: "По Его Императорского Величества указу приготовлено на 60 человек драбантов платья 60 кафтанов да 60 красных верхних накладных кафтанов же с гербами по обе стороны и штаны; и сим требуется, чтоб то на драбантов платье в Военную коллегия принять и велеть определенным драбантам надеть и примерить, и ежели которым из них будет коротко или узко и оные б драбанты о том объявили, и то будет поправлено. И государственной Военной коллегия учинить

о сем по Его Императорского Величества указу" (*В свое время при написании полковой истории использовались многочисленные источники, включавшие архивные материалы, различные публикации, воспоминания современников и пр., которые цитировались, как указывалось в первом издании книги, "из дошедших до нас документов"*).

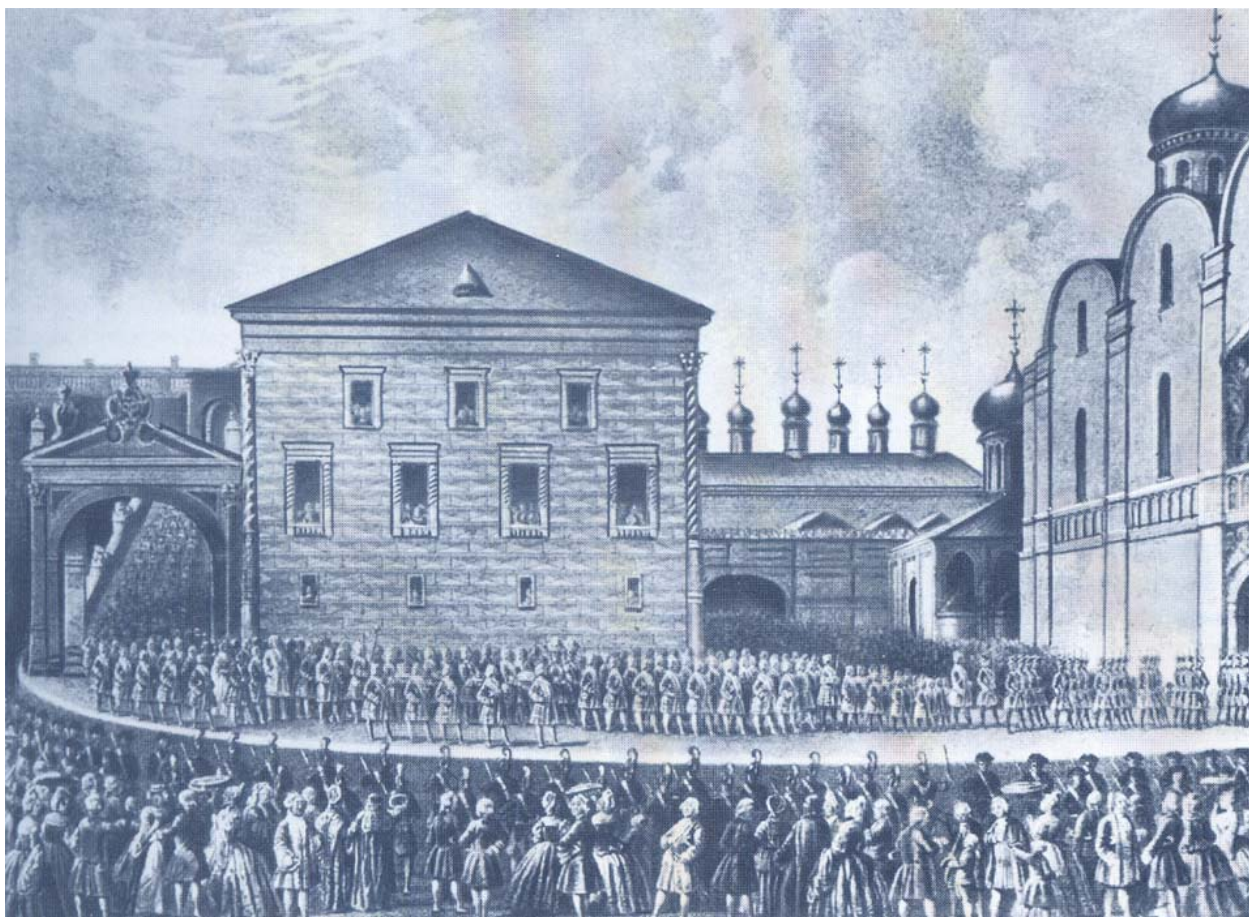
Во исполнение промемории того же 14 апреля Военная коллегия постановила от-править драбантов к действительному тайному советнику Толстому с ассессором Военной коллегия Хлоповым (*Ассессор (лат. Assessor) - заседатель*) - в России должность военно-го, штатского или придворного чиновника). Но на другой день ей было объявлено "пред-ложение" князя Меншикова, что по указу Ее Величества государыни императрицы вы-бранных из офицеров в драбанты повелено ведать и убирать его светлости", а потому Ментиков требовал присылки их к нему в слободской дворец с бригадиром Леонтьевым. 16 апреля Леонтьев объявляет Военной коллегия от имени Меншикова об определении к выбранным из офицеров в драбанты "трех подполковников, трех майоров; при том же быть ему, господину бригадиру, да полковнику Загряжскому".

Несмотря на скудость дошедших до нас материалов, несомненно можно утвер-ждать, что драбанты послужили поводом к раздорам между ближайшими к Петру и Ека-терине вельможами. Мы видели, что распоряжение Военной коллегия об отсылке драбан-тов в распоряжение Толстого - верховного маршала коронации - отменяется словесным указом Екатерины, объявленным Меншиковым. Меншиков же делает смотр драбантам и назначает Леонтьева и Загряжского в кавалергарды. 5 мая, т. е. за два дня до коронации, Меншиков лично объявляет коллегия распоряжение "в Москве публиковать чрез офице-

ров с военной музыкою, что коронавание Ее Императорского Величества всемилостивейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны имеет быть на сей неделе, в четверток, т. с. 7 числа сего мая; и притом его светлость объявил, что для офицеров к тому действию (из тех), кои выбраны в кавалергарду, чтоб выбрать человек 10".

Но вслед за сим является в Военную коллегию тот же бригадир Леонтьев и объявляет, "что генерал-лейтенант господин Ягужинский предложил ему донести генерал-фельдмаршалу его светлости князю Меншикову, чтобы кавалергардии для публикации о коронации Ее Величества государыни императрицы не посылать". В происходившей борьбе на этот раз Меншиков не взял верх. Он даже не попал в число кавалергардов. Во главе кавалергардии поставлен другой любимец Петра - генерал-прокурор, генерал-лейтенант Павел Иванович Ягужинский. Офицерами в кавалергардию назначены: поручиком - генерал-майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, женатый морганатическим браком на младшей дочери царя Иоанна Алексеевича царевне Прасковье, подпоручиком - бригадир Михаил Иванович Леонтьев, двоюродный племянник царицы Натальи Кирилловны, и прапорщиком - полковник князь Семен Федорович Мещерский.

Всех кавалергардов было 71: 4 офицера, 60 кавалергардов комплектных, 4 запасных, 1 литавщик и 2 трубача; последние трое из нижних чинов. Современники, описывая кавалергардию, согласно утверждают, что в кавалергарды "люди были выбраны из всей армии самые великорослые и видные". Обмундирование их, сделанное под наблюдением верховного маршала коронации Толстого, поражало всех своею красотою и богатством. Снабжение кавалергардии лошадьми было произведено при помощи реквизиции: 21 и 22 апреля были вытребованы к князю Меншикову от всего московского купечества, русского и иностранного, верховые и упряжные лошади и самые красивые и рослые из них назначены под драбантов. По прошествии нескольких дней чужестранное купечество было освобождено от этой временной повинности, и взамен этого недостававшие лошади были выставлены русскими сановниками. Масть лошадей была вороная.

Шествие Петра I и Екатерины Алексеевны в Успенский собор в Кремле

Поутру 7 мая обе гвардии Его Императорского Величества и прочие батальоны пришли в Кремль и поставлены были на площади Ивановской... А от самых апартаментов императорских, "как вверху и по большому крыльцу, называемому Красным, и по мосту, который от того крыльца до церкви соборной сделан был, поставлены были по обеим сторонам гренадеры от гвардии", т. е. гренадерские роты Преображенского и Семеновского полков. В 10-м часу началось шествие в собор. Его открывала *"половина кавалергардии императорской с офицерами оной наперед"*. Вероятно, кавалергарды шли по три в ряд, с карабинами на левом плече.

За ними следовали пажи, депутаты из провинций, генералитет, далее несли регалии (мантию, скипетр, державу и корону). За регалиями, имея перед собою верховного маршала, шел император со своими двумя ассистентами - князьями Меншиковым и Репниным. Петр был *"в летнем кафтане небесно-голубого цвета, богато вышитом серебром, в красных шелковых чулках и в шляпе с белым пером"*. За императором шествовала Екатерина *"в богатейшей робе"*, сделанной на испанский манер, и в головном уборе, усыпанном драгоценными камнями и жемчугом. Платье на ней было из пурпуровой материи с богатым и великолепным шитьем. Императрицу вел герцог Голштинский; поддерживали ее ассистенты, графы Апраксин и Головин; шлейф мантии несли пять дам "первейшего рангу". За императрицей следовали фрейлины и придворные дамы, а *"потом шли полковники, офицеры и прочая шляхта национальная, которые определены были в сей церемонии"*. Шествие замыкала *"другая половина кавалергардии императорской"*.

Встреченные на рундуке Успенского собора духовенством, император и императрица, в предшествии его и при пении псалма "Милость и суд воспою тебе, Господи", направились к устроенному посреди собора трону. *"Ожидая, пока Их Императорские Величества на трон взошли, господин генерал-поручик Ягужинский, яко капитан императорской кавалергардии, також и господин генерал-майор Дмитриев-Мамонов, той же кавалергардии поручик, стали по обеим сторонам входа большого приступа на троне для сбережения оного; другие два господина командующие офицеры той кавалергардии, бригадир Леонтьев и полковник Мецкерский, стали по обеим сторонам среднего приступа, между всходом на трон, все четыре с посохами команды своей в руках"*.

Так описывается первое появление кавалергардов в России. Сформированные для первой коронации, кавалергарды с тех пор сохранили свое первоначальное назначение: с одной стороны - служить почетной охраной коронационному шествию, с другой - выставлять своих офицеров часовыми на ступенях трона во время священных коронавания и миропомазания наших царей.

Герцог Шлезвиг-Голштинский довел Екатерину только *"до низу трона... а Его Величество император, подав руку императрице, пошли на трон"* и воссели *"на своих императорских креслах"*. Прекратился звон; умолкло пение. Петр встал и, взяв в руки скипетр, повелел верховному маршалу *"призвать к себе архиереев и прочих властей"*, и когда оные по повелению приступили, тогда Его Величество, стоя, изволил сказать краткую речь следующего содержания: *"Понеже всем известно есть, как прежде объявляли мы манифестом о намерении своем для коронавания любезнейшей нашей супруги, которое ныне изволите по чину церковному совершить..."* Началось священнодействие.

Екатерина встала на колени *"на уготованной подушке"*; первенствующий архиерей Феодосий Новгородский, *"осеня верх главы ее крестообразно и положив руку на главу ее, прочитал молитву"*. Затем, когда императрица встала, архиереи приняли хламиду, т. е. короновательную мантию, и подали оную Императорскому Величеству, а Императорское Величество, держа скипетр в руке своей, возложил оную на Ее Величество. Затем императрица снова опустилась на колени, и Феодосий громко прочитал молитву *"Тебе единому царю человеков..."*.

По окончании молитвы Екатерина поднялась, и Петр, *"такожде держа скипетр"*, возложил на нее корону, а первый архиерей поднес Ее Величеству державный глобус. "У Ее Величества в это время по лицу скатилось несколько слез. Государыня вслед за тем об-

ратилась к Его Величеству императору и, преклонив правое колено, хотела как бы поцеловать его ноги; но он с ласковой улыбкой тотчас же поднял ее". Певчие запели многолетие, раздался звон во все колокола и был первый залп из пушек и "из ружья мелкого" от солдат, стоящих в параде на Ивановской площади. В это время как духовные, так и мирские "поздравление отдали". Петр положил скипетр, Екатерина - державу на подушки и

Вид Кремля

вместе спустились с трона, сопровождаемые верховным маршалом, ассистентами и назначенными для несения шлейфа дамами.

Дойдя до солеи (*возвышение перед иконостасом в православной церкви*), они разошлись на свои церковные места, "а прочие господа, которые регалии несли, также и господа командиры от императорской кавалергардии и оба герольдмейстеры империи остались на прежних своих местах". По окончании пения киноника (церковное песнопение) император и императрица одновременно сошли со своих мест, и Петр, взяв Екатерину за руку, подвел ее к царским воротам, у которых Екатерина опустилась на золотую богатую подушку. Началось совершение таинства миропомазания. Первенствующий архиерей помазал Ее Величество крестообразно на челе, на персях и на обеих руках, на каждое помазание глаголя: "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа". Затем императрица тут же на солее причастилась обыкновенно пречистых тайн от первого из служащих литургию архиерея. По окончании обоих таинств Их Величества возвратились на свои церковные места. Император шел впереди, а императрицу вели ее ассистенты - графы Апраксин и Головин. Раздался второй залп из орудий и ружей.

По окончании литургии верховный маршал приказал "всем из церкви паки дефилировать к церкви Михаила Архангела", но, чувствуя слабость сил своих, Его Императорское Величество другими дверьми прямо из церкви в свои апартаменты пошел. Для шествия в Архангельский собор был приготовлен весьма богатый балдахин на шести литых серебряных штангах. Императрица в мантии и короне, опираясь на руку герцога Голштинского, встала под этот балдахин и шествовала под ним до Архангельского собора. По сторонам государыни шли ее ассистенты, а также двое старших офицеров кавалергардии - Ягужинский и Дмитриев-Мамонов. Впереди нее несли на подушках скипетр и державу.

При выходе из Успенского собора был третий залп из пушек и мелкого ружья и звон во все колокола, с играющими трубами, литаврами, барабанами "и при радостном восклицании множества собранного народу". А рота кавалергардии императорской тогда стояла вдоль моста "по обеим сторонам от соборной церкви (т. е. Успенского собора) даже до церкви Михаила Архангела". И как скоро вся процессия в помянутую церковь вошла, "то она кавалергардия села на лошади и ожидала, пока Ее Величество сядет в карету". Императрица, выслушав краткое молебствие, приложилась к мощам св. Дмитрия-царевича и поклонилась гробницам царским. Затем "изволила Ее Величество, по выходе из той церкви, сесть в императорскую карету о восьми возниках (лошадях) для посещения монастыря Вознесенского, в котором гробы предков Императорского Величества женского полу".

Господин генерал-лейтенант Ягужинский с половиною роты кавалергардии императорской - на лошадях, с литаврами, трубами - и другими своими офицерами начали сей марш. Заключила оный марш другая половина кавалергардии... В шествии "к императорскому столу" кавалергарды не участвовали. Вероятно, они стояли в строю "в сенях". По входе Их Величеств "в залу торжества" они сели за стол, поставленный на рундуке (воз-

вышении) под балдахин. По обеим сторонам возле трона стояли генерал-лейтенант Ягужинский и генерал-майор Мамонов. Для герцога Голштинского отступя от рундука, где был императорский стол, *"поставлен был особый стол, за который он сел, когда Их Величества засели. И некоторое время обождав, прочие духовные и мирские мужеского и женского пола чиновные особы сели за приготовленными особливими столами"*.

Кушанье носили на стол императорские подполковники; и то учинялось следующим порядком. *"Когда Их Величество повелят кушанье перемывать, то верховный маршал прикажет церемониймейстеру выходить офицерам, определенным кушанье носить"*. Оный церемониймейстер потом шел наперед. За ними офицеры, определенные кушанье носить. За ними кравчий (боярин, ведавший царским столом). И потом обер-гофмейстер (придворный чин, ведавший церемониалом). За ним верховный маршал (здесь: главный распорядитель церемонии). Вышеупомянутый церемониймейстер со всеми прочими, кроме верховного маршала, из залы выходили для принятия блюд с кушаньем, а верховный маршал оставался у дверей в зале. А назад с кушаньем до императорского стола шли следующим образом: сперва великий маршал, за ним обер-гофмейстер, потом кравчий, за ним офицеры с кушаньем, а по сторонам тех офицеров подле каждого по два человека от кавалергардии с карабинами на руках *"для бережения кушанья"*.

Коронационные торжества продолжались по 11 мая. С их окончанием завершилась и служба кавалергардов. 26 мая в протоколе Военной коллегии записывается следующее: *"Господин бригадир Леонтьев предлагал словесно, что господин генерал-лейтенант и кавалер Ягужинский предложил ему, дабы данный на кавалергардию мундир выдать, и положить в удобное место, и иметь в надлежащем хранении; по которому его предложению приказано помянутый от кавалергардии мундир принять, осмотра и учиня опись, в мундирную контору, и положить в пристойное место, и иметь в надлежащем смотре, и о приеме оногo в контору послать указ..."*

Эпоха дворцовых переворотов

*О! исполать, ребята,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здоровье ваше пьем.*

Г. Р. Державин «Здравный орел»

Люди западной Европы, смотря на удивительные явления, происходившие в первой четверти XVIII века в Европе восточной, говорили, что все эти преобразования суть следствия одной личной воли царя, со смертью которого все введенное им рушится и восстановится старый порядок вещей... Но этого не случилось: новый порядок вещей остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворот со всеми его последствиями как необходимо вытекший из условий предшествовавшего положения русского народа. Время от кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II обыкновенно рассматривалось как время печальное, непривлекательное, время малоспособных правителей, дворцовых переворотов, недостойных любимцев. Но мы не можем разделять этих взглядов. Названное время имеет высокий интерес для историка именно потому, что здесь русские люди были предоставлены самим себе ввиду громадного материала, данного преобразованием», — писал замечательный русский историк С. М. Соловьев. Мы же обращаемся к этим событиям потому, что они впрямую связаны с историей Кавалергардского полка.

Петр унес в могилу неразрешенным вопросом о своем наследнике, скончался, не успев воспользоваться установленным им же законом о праве государя избирать себе преемника, а потому законным наследником престола являлся великий князь Петр, сын царевича Алексея. Великому князю было всего 12 лет, и, естественно, являлся вопрос о регентстве. С другой стороны, Петр оставил коронованную им супругу.

И та и другая кандидатуры имели своих сторонников. За великого князя стояла старинная знать, оттертая «птенцами Петровыми», за него же стояло «народное большинство» как за единственного мужского представителя династии.

*Звезда и знак ордена
св. Андрея Первозванного*

Партию Екатерины составляли ближайшие сотрудники Петра, которые могли проиграть свое положение с воцарением великого князя: Меншиков, Толстой, Ягужинский, Макаров, Феодосий Яворский и Феофан Прокопович. На всех их знать смотрела как на выскочек, и они действительно таковыми были, но уже одно то, что они «выскачили» в люди и удержались на этой высоте во все царствование великого императора, доказывает, что у них не было недостатка ни в уме, ни в энергии. Среди их противников ни один не принадлежал к числу главных сподвижников Петра; ни один из них не занимал выдающегося положения, не был у кормила правления, а потому и не имел необходимых средств для ведения борьбы.

Главным же средством для борьбы были, конечно, войска. Армия, разбросанная по всем пределам империи, не могла представить из себя ни удобного, ни внушительного орудия. В совершенно ином положении находились гвардия и вообще петербургский гарнизон: сосредоточенные в самом Петербурге и ближайших окрестностях, эти войска представляли из себя внушительный как по своей численности, так и по своей дисциплине и сплоченности отряд до 30 тысяч человек.

Не подлежало сомнению, что весь петербургский гарнизон последует примеру гвардии, а потому главное было заручиться гвардией. Но гвардия была предана до обожания умирающему императору; эту привязанность переносила она и на Екатерину, которую видели постоянно с мужем и которая умела казаться солдату «настоящей полковницей».

Пока в ночь на 28 января важнейшие сановники совещались во дворце о престолонаследии, зал наполнился гвардейскими офицерами. Главнейшие из офицеров «сами, без всякого зова, приходили уж к царице» и поклялись ей в верности и в неизменном решении своем утвердить ее на престоле, хотя бы пришлось для этого подвергнуть опасности свою жизнь.

Партия родовитой знати пошла на уступки и предложила провозгласить императором юного Петра, а регентшей назначить Екатерину. Но... под окнами дворца раздался бой барабанов: преображенцы и семеновцы стояли уже на плацу перед дворцом. Ранее же, еще при жизни Петра I, был составлен акт, признававший Екатерину самодержицей, и по кончине своего супруга она была провозглашена царствующей императрицей.

Императрица (пока шло совещание вельмож) «имела предусмотрительность» заранее послать в крепость деньги для уплаты жалованья гарнизону, который не получал его уже 16 месяцев, подобно прочим войскам. Гвардии она дала слово заплатить все ей следующее из собственных денег... Чтобы еще более расположить их к себе, царица распорядилась раздачею всем полкам денег не в счет жалованья; солдатам же, занятым на различных работах, приказано было прекратить работы и отправиться к местам своей стоянки, будто бы молиться Богу за государя. У очевидца событий можно найти кратко резюмиро-

ванное основание всем этим чрезвычайным мерам: *"На гвардейские полки, решение коих служит здесь законом, царица могла положить"*.

...События, сопровождавшие это воцарение, были прототипом всех будущих государственных переворотов. Окидывая взором события до вступления на престол императора Николая I включительно, мы должны прийти к заключению, что почти ни одно воцарение не произошло без государственного или, точнее, военно-дворцового переворота. В одних случаях воцарение является непосредственным следствием переворота, в других переворот или контрпереворот происходит через известный промежуток времени после вступления на престол; иногда войска, участвовавшие в перевороте, действуют сознательно, в других случаях вводятся в обман своими главарями. Мы остановимся подробнее на этих событиях при дальнейшем изложении, теперь же не можем не обратить внимания на то обстоятельство, что все эти государственные перевороты обошлись России сравнительно дешево. Какие же тому причины?

К счастью для России, она никогда не знала «иноземных телохранителей»; гвардия, как и прочие войска, была набираема из русских. Если и бывали попытки «обыностранивать» гвардию, попытки эти никогда не удавались полностью и на долгое время. Гений великого преобразователя, не допускавшего вообще иноземцев занимать первые места в государстве и особенно ревниво оберегавшего от этого свои войска, спас и в данном случае Россию; при всем желании некоторых из его преемников создать себе «иноземную» гвардию попытки эти никогда не пускали глубоких корней.

Безусловно признавая, что роль, которую вплоть до Николая I играли в России войска, и в особенности гвардия, не соответствовала прямому назначению их, тем не менее мы должны признать, что при ненормальности в XVIII столетии всего государственного строя, выбитого из колеи уничтожением закона о естественном престолонаследии, гвардия, будучи учреждением вполне национальным, не раз оказывала огромные услуги России. Ни заигрывание с ней, ни прямой подкуп никогда не могли заставить ее помочь иностранцам закрепить в России порядки, ей не свойственные. Рано или поздно порядки эти получают отпор, и во главе оппозиции мы видим гвардию; причина тому — тесная и неразрывная связь, существовавшая «между гвардией и всей русской землею». Гвардия в России, к счастью для последней, всегда сохраняла по способу своего комплектования тесную связь с массой населения: не только солдаты, но и офицеры в подавляющем большинстве были русские; владея населенными поместьями, будучи помещиками, офицерство в России никогда не представляло из себя обособленной от земли касты.

Являясь, таким образом, вполне русским учреждением, гвардия никогда не усваивала себе понятия о служении лицу, противопоставляя такое служение — служению всему государству, как то мы видим на Западе, где существовали наемные телохранители. Россия никогда не знала наемной гвардии; государи наши всегда доверяли свою охрану своим подданным. Основной принцип нашего государственного строя — отождествление лица государя в государстве и государства в лице государя — был и краеугольным камнем в понятиях гвардии. В выработке самосознания Российского государства, самосознания, что Россия должна и может представлять из себя совершенно самостоятельное, а не буксируемое Европой государство, гвардия, несомненно, оказала немалые услуги.

Во всех государственных переворотах, до переворота 1762 г. включительно, мы должны признать сознательность стремления к цели всех его деятелей сверху донизу; отличительная черта всех их — отсутствие скрытой от массы солдат цели. Последующие два переворота резко отличаются именно тем, что нижние чины привлекаются к заговорам или путем прямого обмана, или скрытием от них всех целей главарей.

3 декабря 1725 г. состоялся указ императрицы Екатерины I о выборе в кавалергардию 60 человек из знатного шляхетства *«самых лучших людей из прапорщиков и из поручиков, кои в тех рангах продолжительно и порядочно служили, из молодых (младших) и старших капитанов, кои пожелают»*. По объявлении князем Меншиковым сего указа Военной коллегии светлейший препроводил в нее и штат кавалергардии, а именно: 1 ка-

питан-поручика в ранге фельдмаршала, 1 поручика — генерал-майора, 1 корнета — также генерал-майорского ранга, 1 вахмистра — подполковника, 3 капралов — майоров и 60 рядовых. На жалованье и прочее довольствие исчислялась сумма в 11 229 руб. 67,5 коп.

Но пока набиралась кавалергардия, к чему было приступлено не позже 10 января следующего, 1726 г., когда последовало распоряжение Военной коллегии *«убор на драбантов или кавалергардию взять из кабинета в коллегию»*, штаты были увеличены. Высочайшим указом 30 апреля 1726 г. кавалергардия должна была состоять из 68 «служащих» и 5 «неслужащих», всего из 73 человек. В штатах кавалергардии в первый раз капитаном показывается царствующий император; должности поручика, вахмистра и капралов повышены против штатов 3 декабря на один ранг, и все 60 человек рядовых кавалергардов показываются в капитанском ранге по армии. К «неслужащим» отнесены: писарь, литавщик, двое трубачей и кузнец; последние, кроме писаря, были «капитулованы» из иностранцев: кузнец в Петербурге, а остальные в Берлине адъютантом Меншикова майором Бандемиром.

Капитану, капитан-поручику и поручику содержания не полагалось. В числе капралов один Бойе — из пленных шведов, принятый подполковником на русскую службу еще Петром Великим, — получал содержание почти вдвое против русских. Лошадей по штату положено 79; всего же на кавалергардию назначалась сумма в 14 856 руб. 25 коп. В январе 1726 г. кавалергардия не была еще сформирована. 26 января Военная коллегия циркулярно приказывает не только о немедленной высылке в С.-Петербург, в Военную коллегию,

Императрица Екатерина I

назначенных в кавалергардию штаб- и обер-офицеров *«для осмотра и определения по сообщенному при том ведении (князя Меншикова) реестру»*, но сверх того, *«усмотря из обер-офицеров людей молодых, которые б были из знатного шляхетства, росту большого и состояния (поведения) доброго для выбора в кавалергардию потому ж прислали»*. Кроме вышесказанных качеств от кавалергардов требовалось еще *«достаточное иждивение»* (достаточные денежные средства), ибо им не полагалось ни казенных квартир, ни вседневного обмундирования, и мы видим, что *«написанный»* (зачисленный) в кавалергардию Никита Бунин увольняется из нее потому, что *«за небогатством в кавалергардии быть не может»*.

В феврале начинают прибывать вновь пожалованные кавалергарды, но, по-видимому, недостаточно быстро, и князь Меншиков неоднократно подтверждает Военной коллегии *«о немедленной высылке для определения в кавалергардию разных полков и из прочих мест... офицеров»*. По прибытии этих офицеров в Петербург они *«ставились на смотр»*, вероятно, к князю Меншикову. Годные немедленно зачислялись в кавалергардию, с исключением из списков своих полков, а *«которые по осмотру в кавалергардию не определены»*, те отпускались к прежним командам. К июню был еще неполный комплект кавалергардии, и потому Меншиков вновь подтверждает о высылке *«сверх посланных реестров годных офицеров в Военную коллегию немедленно»*. К концу июля кавалергардия была вполне организована; не хватало только 10 кавалергардов. В июне князем Меншиковым был заказан за границею штандарт «и прочее» (вероятно, литавры и трубы) за 1526 талеров.

В первый раз вновь учрежденная кавалергардия была представлена императрице в день тезоименитства государыни, 24 ноября 1726 г. В 10-м часу поутру собрана была против Исаакиевской церкви на лугу *«новоучиненная кавалергардия в числе 40 персон знатных шляхтичей конницею, к которой тогда на богато убранной лошади прибыл рейхс-маршал генерал-фельдмаршал его светлость князь Меншиков яко командующий оной»*

кавалергардии капитан-лейтенант, и повел к Зимнему Ее Величества дворцу, и, прибыв, поставил оную против двора Ее Императорского Величества на берегу Невы-реки в строй». Здесь кавалергарды ожидали выезда императрицы к обеду в Исаакиевскую церковь. За каретой императрицы, непосредственно за придворными кавалерами, следовала кавалергардия, «которую предводил за лейтенанта генерал-майор и кавалер господин Дмитриев-Мамонов». Таким же точно порядком состоялось и обратное шествие во дворец.

*Звезда и знак ордена
св. Екатерины*

1 января состоялась подобная же церемония при поездке императрицы к обеду в церковь Св. Троицы (на Петербургской стороне). По возвращении во дворец императрица дала роскошный обед и бал, причем в зале у всех дверей «стояли на часах от кавалергардии по два человека». В этот же день Иван Ильич Дмитриев-Мамонов пожалован в генерал-лейтенанты и Кавалергардского корпуса поручики; полковник и вахмистр князь Алексей Иванович Шаховской — в генерал-майоры и корнеты, подполковник и капрал Бойе — в полковники и вахмистры. 6 января, в день Богоявления, по окончании водосвятия, состоялся парад на Неве. Императрица ехала в коляске о восьми лошадях «в амазонском тканном из серебра платье, в белом парике и в шляпе... при пребогато украшенной бриллиантами шапке, имея в правой руке повелительный жезл». Перед коляскою ехали верхами кавалергардии капрал и литавщик и шесть трубачей; остальная же кавалергардия следовала непосредственно за императрицей под командою князя Меншикова, за которым корнет князь Шаховской вез только что пожалованный штандарт. В замке (после всех, один) ехал поручик Дмитриев-Мамонов.

По окончании парада императрица дала обед, на который приглашены были все офицеры гвардии и штаб-офицеры прочих частей, в том числе от кавалергардии «поручик, вахмистр и три капрала». ..6 мая 1727 г. скончалась Екатерина I, и императором без всякого замешательства был провозглашен сын царевича Алексея под именем Петра II. 7 мая Петр, подобно своему державному деду и императрице Екатерине, принял на себя чин капитана кавалергардов. Недолгое его царствование практически не оставило следов в истории кавалергардии — впрочем, как и в истории всей Российской империи. Зато этого никак нельзя сказать про царствование сменившей Петра II на престоле герцогини Курляндской — императрицы Анны Иоанновны...

Все кавалергарды, кроме нескольких иноземцев, принадлежали исключительно к русскому среднему поместному дворянству и вследствие указанных уже нами условий службы должны были обладать некоторым состоянием. Встречающиеся между кавалергардами титулованные лица носили исключительно княжеский титул, и притом таких родов, которые по тем или иным причинам не принадлежали к ближайшим к трону фамилиям. Таким образом, по своему комплектованию Кавалергардский корпус представлял из себя однородную массу, тесно связанную по своему происхождению и материальным интересам с провинциальной Россией; огромное большинство кавалергардов принадлежало к хорошим поместным дворянским родам, но не к придворной знати. Это позволяло кавалергардам чувствовать себя людьми достаточно независимыми и заставляло императрицу с тем считаться.

Вот почему Анна Иоанновна в первые дни своего царствования явила ряд милостей кавалергардам. 26 февраля императрица пожаловала им не в зачет полный месячный оклад жалованья; указом Сената 18 июня повелевалось «впредь на содержание того корпуса деньги отпускать из той коллегии (военной) полную сумму, не причитая к оставшимся в том корпусе деньгам, понеже от того корпуса показано, что остаточные деньги употребляются в том лее корпусе на покупку лошадей и на прочие расходы»; в течение 1730 г. 4 кавалергарда пожалованы в вице-капралы с производством в майоры и 34 произведены из поручиков в капитаны; тогда же жалованье кавалергардов сравнено с жалованьем гвардейских офицеров, причем положено 48 кавалергардам «против рангов» состоять в капитанском чине, а остальные 24 — в чине поручиков армии.

Однако случаем вознесенная на российский престол императрица продолжала тяготеть к Курляндии, видела опору свою в тех людях, что были рядом с ней ранее. Недаром же, по словам современника, *«Бирон, курляндец, прибывший с нею из Митавы, назначен обер-камергером; многие другие курляндцы также пользуются большой милостью, что очень не по сердцу русским, которые надеялись, что им отдано будет предпочтение... Анна и Бирон понимали очень хорошо, что русские люди, и прежде всего русская знать, не могли сносить этого спокойно; Анна и Бирон чувствовали, что есть оскорбленные, и, естественно, оскорбители питали неприязнь к оскорбленным. Естественно же было окрестить себя людьми, которые не могли быть оскорбленными иноземством фаворита, для которых он свой... Против неудовольствия надобно принять меры. Надобно увеличить число гвардейских полков».*

Императрица учреждает третий пехотный полк гвардии под именем Измайловского, расформирует Кавалергардский корпус и «наместо его» образует Конногвардейский полк. Офицеры новых двух полков были большей частью иностранцами или ливонскими дворянами. Эти два гвардейских полка должны были служить противодействием остальным, старым, и сдерживать народ от попыток к мятежу.

Командиром Измайловского полка (подполковником) назначен граф Карл Левенвольде (брат фаворита), а Конной гвардии — Ягужинский, но фактически командовали ею генерал-майор фон Траутфеттер и брат Бирона — Карл.

В «С.-Петербургских ведомостях» в течение месяца одна за другой помещаются две заметки: в № 39 читаем мы следующее сообщение из Москвы от 8 мая: *«На сих днях случилось здесь зело редкое приключение, а именно: некоторый кавалергард полюбил недавно некоторую шляхетской породы девицу. Но понеже он ее иным образом получить не мог, как сим, что он ее увезти намерился, то нашел он на сих же днях сей случай: как помянутая девица с ее бабушкой выехала, взял он ее от ее бабки из кареты силой и поехал в церковь, в которой он попу той церкви себя с оной девицей венчать велел».* Между тем о похищении узнали при дворе, и не успели молодые доехать домой, как кавалергард был «взят с того же часа с попом и со всеми, кто ему в том помогал, под караул, и ныне всяк зело желает видеть, каким образом сие курьезное и любопытное приключение кончится». Дальнейших указаний о сем «зело редком, курьезном и любопытном приключении» в «С.-Петербургских ведомостях» помещено не было. Невольно обращает на себя внимание самый факт помещения в тогдашней единственной и к тому же правительственной газете такого рода приключения.

Ровно через месяц в тех же «Ведомостях» напечатано: *«Из Москвы, от 10-го дня июня: в прошедший понедельник изволила Ее Императорское Величество господина капитана Албрехта и корнета от кавалергардии князя Трубецкого в майоры лейб-гвардии Преображенского полка всемилостивейше пожаловать. Вместо помянутой кавалергардии имеет Конный драбантский полк учрежден быть».*

Пока формировалась Конная гвардия, кавалергарды продолжали исполнять обязанности своей придворной службы. До нас дошли сведения о месте расположения кавалергардов при приеме иностранных чрезвычайных посольств. 26 января императрица давала торжественную аудиенцию китайскому посольству, а в марте — турецкому. Кавалергарды

«с ружьем» в обоих случаях стояли в Тронной зале, от дверей до половины залы. «У аудиенц-залы послов встретили два камергера и поручик кавалергардов, тоже расставленных шпалерами от двери до первой балюстрады залы; с этого места уже в глубине залы можно было видеть Ее Величество восседающей на возвышенном троне, к которому вели шесть ступенек... Ее Величество являлась во всех царских регалиях: на голове ее надета была корона, на плечах — императорская мантия, украшенная драгоценными камнями.

Скипетр и держава лежали возле нее на отдельном столике».

Кавалергардский трубач

31 декабря 1730 г. издан указ об учреждении лейб.-гв. Конного полка, но только 23 июня 1731 г. последовал указ о расформировании Кавалергардского корпуса. При этом 80 строевых лошадей, амуниция на 78 человек и 3941 рубль казенных сумм сданы в Конную гвардию. Пятеро кавалергардов переведены офицерами в Конную гвардию, один (Георг Гоудринг) — в Измайловский полк, остальные определены или в армейские полки (33 чел.), или в гражданскую службу (13 чел.). Большинство переведенных как в армию, так и в гражданскую службу были повышены чинами, причем императрица оказала еще следующую милость: назначенных в армейские полки при командировании в Низовый корпус велено было «обойти две очереди, кроме кап. Александра Юшкова, пожалованного майором в полки в Низовый корпус, которого немедленно отправить». Есть основание предполагать, что правительство зорко следило за «раскассанными» кавалергардами и в особенности не желало, чтобы они оставались в Москве.

В сентябре последовал следующий именной указ Сенату: «1731 г. сентября 20-го дня генерал-лейтенант и лейб-гвардии майор ландграф Гессенгомбургский приказал кавалергардов, кои по присылке определены по командам в армейские полки и отпущены для исправления нужд их в деревни до января месяца будущего, 1732 г., сыскать всех в Военную коллегия и объявить им именной Ее Императорского Величества указ, чтоб они в определенные команды ехали, не дожидаясь прежде данного срока без всякого медления, а которые по командам не определены, тех выслать по прежнему отпуску в деревни их, дабы они в Москве праздно не шатались».

Для объявления кавалергардам этого указа послан был Военной коллегии вахмистр Андрей Салтыков, который «26 сентября сказал, что он для объявления вышеписаного указа тем офицерам в дома их ездил, токмо их никого в домах не нашел, а служители их объявили ему, что они, помещики их, поехали из Москвы в дома свои». Теперь никто не сомневается, доносил Рондо от 9 августа, «что зимою Ее Величество отправится в Петербург (с 5 августа гвардия начала уже выступать из Москвы); иные думают, что двор пробудет в Петербурге долее, чем вообще говорят, так как русское дворянство в высшей степени раздражено против нынешних фаворитов, которые на случай, если бы что-нибудь приключилось с императрицей, считают себя, вероятно, более безопасными в Петербурге,

чем в Москве: оттуда им нетрудно пробраться в Швецию или вообще выбраться из России, о чем нельзя и думать, пока они проживают в Москве». 8 января 1732 г. двор выехал из Москвы в Петербург.

Наступила бироновщина...

Лейб-кампания

*Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает...*

*М. В. Ломоносов.
«Ода на день восшествия на престол
Елизаветы Петровны»*

В ночь на 25 ноября 1741 г. на российский престол взошла дочь Петра Великого — императрица Елизавета Петровна... В этой главе мы рассказываем об истории учрежденной ею Лейб-кампании (от нем. Leib - тело и фр. Compagnie - рота) — гренадерская рота лейб.-гв. Преображенского полка в 1741-1762 гг.), также являвшейся одной из предшественниц Кавалергардского полка.

Указом 31 декабря 1741 г. Елизавета Петровна объявила об учреждении Лейб-кампании.

«Божией милостию мы, Елизавета Первая, императрица и самодержица всероссийская, и прочая, и прочая. Понеже во время вступления нашего на всероссийский родительский наш престол полки нашей лейб-гвардии, а особливо гренадерская рота Преображенского полка, нам ревностную свою верность так показали, что мы оною их службою... желаемый от всего государства нашего успех в восприятии престола, без всяких дальностей и не учиня никакого кровопролития, получили; и яко же мы в том благодарны есть Господу Богу, подателю всех благ за неизреченную его милость к нам и всему государству нашему; так имея во всемилостивейшем нашем рассуждении... верную службу вышеписанных, не можем остаться, не показав особливою нашей императорской

милости к ним, чего для соизволили мы учинить следующее (следует перечисление денежных наград гвардейским, Ингерманландскому и Астраханскому полкам)... А гренадерскую роту Преображенского полка жалуем: определяем ей имя — Лейб-компания, в которой капитанское место мы, Императорское Величество, соизволяем сами содержать и оною командовать, а в каком числе каких чинов она наша Лейб-компания состоять имеет и какие ранги обер- и унтер-офицерам и рядовым мы всемилостивейше пожаловали, то следует при сем... Оной нашей Лейб-компании во всех вышеписанных как унтер-офицеров, капралов и рядовых, кроме заротных чинов, всемилостивейше жалуем дворянами (кои до сего времени того не имеют) с таким указом, чтоб от них родившиеся от сего числа дети дворянство по наследству имели; которых ныне от нас всемилостивейше пожалованных дворян повелеваем в нашей герольдии вписать в дворянскую книгу и, для незабвенной памяти будущим родам государства нашего, о сем, от Господа Бога дарованном, успехе в восприятии нами всероссийского родительского нашего престола, в котором случае оные персоны нашей Лейб-компании знатную свою службу нам и всему государству показали, сделать гербы по апробованному от нас рисунку; а которые есть из дворян, и тем в гербы их прибавить и сей новый герб и приготовить надлежащие дипломы к подписанию нашему...»

Императрица назначила свою коронацию на весну 1742 г. Времени для приготовления было немного, а потому пошла спешная работа; в числе других немало забот представляли постройка «кавалергардского убора» на 68 чинов Лейб-компания и доставка им лошадей.

Первоначальное желание императрицы было, чтобы Лейб-компания, или хотя часть ее, имела своих верховых лошадей и чтобы она уже на коронации явилась бы конницей; последнее, вероятно, потому, что при коронации Екатерины I кавалергарды сопровождали императрицу в Вознесенский монастырь верхами. С этой целью в марте 1742 г. отправлен был в Малороссию камер-лакей Платон Гордеев с приказанием выбрать «как с отписных Миниховых и Головкина, так и со всех казенных — яко-то Конной гвардии и кирасирских — заводов лошадей, добрых, кроме заводных (заводских) жеребцов и кобыл». Лошади эти предназначались «как для входу Е. И. В-ва в Москву, так и для высочайшей Е. И. В-ва коронации для церемонии под Лейб-компанию».

Гордееву было приказано набрать 400 лошадей, но он мог набрать годных всего 13 лошадей на заводе Миниха и 2 лошади на заводе Конной гвардии; да, кроме того, на заводах малороссийских и слободских полков Гордеев из числа представленных ему 40 лошадей выбрал 5. Таким образом, командировка Гордеева окончилась полным неуспехом: Лейб-компания не получила лошадей ни к коронации, ни впоследствии; а когда кавалергарды, входившие в ее состав, должны были являться конными, — лошади и пистолеты брались из Конной гвардии.

Одни за другими идут приказы и приказания о том, чтобы лейб-компанцы вели себя «добропорядочно, как регул требует»; составленные почти в одних и тех же выражениях, возбраня под угрозой «жесточайшего штрафования» одни и те же проступки и преступления, тянутся эти приказы и «ордеры» через все двадцатилетнее существование Лейб-компания, но мало исполняются.

Вчерашние солдаты, спившиеся еще в казармах, люди грубые, которых не только «штрафовать палкою», но «бить батогами» и далее «кошками» можно было сколько угодно, сразу пожалованы офицерами, сделаны дворянами; мало того, в манифесте объявлено, что «*оные персоны... знатную свою службу нам и всему государству показали*».

Удивительно ли, что у них, попавших из «подлости» сразу на такую высоту, закружилась голова, что они возомнили, что всякое их безобразие будет им ради «знатной» их службы прощено? Восстановить дисциплину в Лейб-кампании можно было только двумя способами: путем крайней строгости, не останавливаясь ни перед какими мерами, или же путем более постепенным, но и более верным: дав Лейб-кампании офицеров, способных своим авторитетом и своим примером укрепить дисциплину. Ни того, ни другого не было сделано.

Шествие Елизаветы Петровны в Грановитую палату к аудиенции

Первый способ был во всех отношениях неподходящ: он не соответствовал ни политическим взглядам императрицы, ни ее личному характеру — крайне добросердечному и признательному, ни общему положению вещей. Рубить драчунам если не головы, то руки, бить кнутом ругателей, гонять сквозь строй пьяниц, когда эти-то лица только что названы «персонами», оказавшими императрице и России «знатную» службу, было бы по меньшей мере непоследовательно, и на это никто бы не мог уговорить Елизавету Петровну. Заметим, что в то время строгости, неизбежные в военной службе, многие еще считали немецкими новшествами, без которых русские войска могут обойтись, и бессердечное и пренебрежительное отношение большинства иноземцев-офицеров к солдатам как бы подкрепляло этот взгляд.

Ко второму способу Елизавета Петровна также не могла прибегнуть. Лейб-кампания была ею учреждена с целью иметь всегда около себя отряд решительных и преданных ей лиц. Лучшего выбора императрица не могла сделать: преображенские гренатеры доказали на деле, что вполне обладают и тем и другим. Понятно, что команду над этими телохранителями Елизавета Петровна должна была поручить людям безусловно ей преданным; но, к сожалению, все участники 25 ноября были люди, не только не имевшие никаких военных дарований, но и не имевшие понятия о воинской дисциплине. С целью вознаградить, а может быть, и для того, чтобы на первых порах поставить во главе Лейб-кампании человека военного, капитан-поручиком ее сделан был принц Людвиг Гессенгомбургский. Не ему, конечно, человеку бесхарактерному, бесцветному и слишком добродушному, было командовать Лейб-кампанией. К тому же принц Людвиг уже в Крымский поход доказал, что имеет разве что отрицательные понятия о дисциплине. Занятый устройством придворных увеселений, в которых показал немалый талант, генерал-фельдцейхмейстер принц Гессенгомбургский посвящал более времени фейерверкам и «комедиантам», чем Лейб-кампании; управление он сдал Гринштейну. Но мог ли авантюрист темного происхождения и едва ли не из жидов, вчерашний даже не гренатер, а солдат Преображенского полка иметь какой-либо прочный авторитет в глазах лейб-кампанцев? Мы должны, впрочем, отдать справедливость Гринштейну, что он круто взялся за дело и не скупился на наказания.

Внутренний караул

Тотчас же по вступлении на престол Елизаветы Петровны начались приготовления к коронации, и в числе других распоряжений в марте были выбраны «в кавалергарду» 1 сержант, 1 вице-сержант, 3 капрала, 3 вице-капрала и 60 гренадеров «доброго состояния» (поведения).

Из офицеров Лейб-компании в кавалергарды назначены были принц Гессенгомбургский, М. Л. Воронцов, П. И. Шувалов и Гринштейн. Эти кавалергарды и после коронации не были распущены, а остались в Лейб-компании в том же составе — 68 человек. Они не представляли из себя отдельной команды, а были распределены по всем капральствам, но им велись отдельные списки, и по большей части они имели свою особую очередь в несении службы внутренних караулов. Во всех же прочих отношениях кавалергарды были в совершенно одинаковых условиях с остальными лейб-кампанцами. При назначении в кавалергарды обращалось внимание на поведение, возраст и красоту; так, в приказе по Лейб-компании 22 февраля 1745 г. принц Гессенгомбургский писал: *«Понеже Ее И. В-во в числе кавалергардов изволила усмотреть малорослых, того ради дневальному сержанту перемерить всех кавалергардов и, сколько кому росту будет, рапортовать, а на место малорослых выбрать из большого роста, состоятельных (хорошего поведения) и в сем публичном месте (во дворце) удобных от 10 до 15 человек, чтоб иногда, чрез к тому необычайных поступков, неудобность происходить не могла»*. Из кавалергардов выключаются: *«по прошению — Федосей Ляхов и Никита Булатов за старостью, а Егор Хлопотов за шумством»* (пьянством).

Кавалергард Лейб-компании

Непосредственно кавалергардами управлял сержант, назначенный к ним за старшего; этим сержантом за все царствование Елизаветы был Михаил Афанасьевич Охлестышев. При сержанте состояло два капрала и два вице-капрала. Кроме того, «для наряжания на караул и осмотра кавалергардов» ежедневно по очереди назначались по двое кавалергардов, но с конца 1744 г. обязанность эта была возложена на кавалергардских капралов и вице-капралов, причем приказано было, чтобы «они меж себя были дежурными не в зачет других капралов». От дежурств и осмотра кавалергардов был избавлен только кавалергардский вице-капрал Травин, *«понеже на него положено смотрение кавалергардской амуниции, точию (только) ему, Травину, ходить в свою очередь на караул»*.

Строй кавалергардов был четырехшереножный, причем, как то видно из сохранившегося списка за 1744 г., в первой шеренге было 17 человек, во второй — 12, в третьей — 10 и в четвертой — 19. Внутренний караул от Лейб-компании обыкновенно состоял из 50 человек, из которых 10 человек при 1 капрале были от кавалергардов; караул сменялся ежедневно, кроме тех,

которые были наряжены в караул в наказание. Собравшись в дежурной, караул до выступления заряжал ружья под непосредственным наблюдением караульного сержанта, а вернувшись с караула, гренадеры обязательно должны были разрядить ружья.

20 ноября 1742 г. принц Гессенгомбургский отдал нижеследующий приказ о порядке содержания внутреннего караула:

«1) Стоящим на карауле капралам и гренадерам с караулу без просу караульных унтер-офицеров не отлучаться; кто ж проситься станет, то по рассмотрению оных

отпускать позволяется на час или на два; и смотреть, чтоб на тот час, пока отпущены будут, явились; буде же не явятся, о таких рапортовать, почему с оными поступлено быть имеет по силе военного артикула; 2) в карауле в карты отнюдь не играть, такоуж ни крику, ни шуму не чинить, а находиться в добром порядке, как офицерская должность требует; 3) маркитантов, такоуж и прочих подобных тому, с съестными припасами в караульню не пускать, такоуж и во дворец команде Лейб-кампании не приводить; 4) господам унтер-офицерам наиприлежно смотреть, дабы команда, стоящая на карауле, во всяком порядке и исправности содержана была; буде же что усмотрено будет, то могут ответ дать».

Приказом 8 мая 1745 г. определен был порядок вступления лейб-кампанских караулов во дворец: *«Когда Лейб-кампании сержант или вице-сержант придут на караул во дворец, то б кавалергарды шли наперед в одну шеренгу, а сержант или вице-сержант с командою — за ними; а сменясь с караула, идти из дворца сержанту или вице-сержанту с командою наперед, а кавалергардам назад».*

Прямой и единственной обязанностью Лейб-кампании была охрана особы императрицы и лиц императорской фамилии. Как в Петербурге, так и в Москве и в загородных дворцах обеих столиц при императрице, а во время высочайших «походов» и при великом князе и великой княгине всегда была команда лейб-кампанцев. В Петербурге ежедневно внутренний караул от Лейб-кампании состоял из 1 сержанта, 1 капрала, 10 кавалергардов и 40 гренадеров при барабанщике и флейтовщике. Караул заступал в 9 часов утра, а 4 декабря 1760 г. состоялся приказ Разумовского о заступлении внутреннего караула в 12 часов. Число постов, выставяемых лейб-кампанским караулом, было очень ограниченное: днем — пара часовых с одним подчаском у дверей во внутренние апартаменты и один часовой и один подчасок у лейб-кампанского «прапора» (знамени); на ночь прибавлялись еще один-два часовых и один-два подчаска. Парные часовые были по большей части кавалергарды и стояли ближайшими к внутренним покоям императрицы. За них могли проходить («имели вход») днем и ночью только лица, непосредственно находившиеся в услужении императрицы, а днем — высшие сановники и ближайшие из придворных, о которых поименно сообщалось лейб-кампанскому караулу. Это право и легло в основание надолго сохранившегося выражения придворного устава — «лица, вход за кавалергардов имеющие».

Лейб-кампания, и соответственно ее кавалергарды, существовала до самого конца царствования императрицы Елизаветы Петровны. Петр III Лейб-кампанию распустил... К слову, он был единственным российским императором, который короновался без кавалергардии.

«Под сению Екатерины...»

*Ты не наемник — сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин — вождь,
Бог — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щит,
Честь — мзда твоя,
вселенна — зритель,
Потомство плесками гремит.*

*Г. Р. Державин.
«Осень во время осады Очакова»*

Недолгое царствование Петра III завершилось очередным дворцовым переворотом 28 июня 1762 г. Свое решающее слово вновь сказала гвардия. Лб.-кампанцы, принявшие участие в возведении на престол Екатерины II, были награждены «пожалованием в кавалергарды». Возобновить Лейб-кампанию императрица не пожелала: не в Елизавете Петровне, а в Петре I решила Екатерина II раз навсегда искать себе примера.

5 июля императрица изустно повелела графу И. С. Гендрикову быть шефом при учреждаемом вновь Кавалергардском корпусе. 11 июля Гендриков представил императрице несколько докладов, относившихся до организации корпуса; в первом из них он сообщал о том, «что к учреждению одного корпуса потребно», причем за основание им была принята организация корпуса 1726 г. императрицею Екатериной I.

Ясно и определенно положила императрица свои резолюции почти на каждый пункт доклада. Оставлены были без ответа только те пункты его, которые императрица в данное время не имела возможности решить. Резолюции Екатерины II на докладах Гендрикова составляют полное положение о Кавалергардском корпусе. *«Бывшие Лейб-кампании унтер-офицеры, капралы и вице-капралы, гренадеры, — доносил граф Гендриков, — кои ныне назначены в Кавалергардский корпус, также и другие нижние чины, которым в Кавалергардском корпусе места не остается, а при благополучном Вашего Императорского Величества на всероссийский престол восшествии, имея к Вашему Императорскому Величеству крайнюю ревность, были; и как они люди недостаточные, из которых другие уже и дневного пропитания почти не имели и так здесь жили, претерпевая скудость, приискивая места ко определению, чтоб могли иметь хотя малое пропитание; высочайшею Вашего Императорского Величества милостию все полки по-*

жалованы полугодовым жалованьем; не соизволите ль из своего милосердия и их всемилостивейше пожаловать и, ежели соизволите, — откуда сумму получить?» Императрица против этого пункта написала: *«Всем бывшим Лейб-компаниям, которые были здесь 28 числа июня, сделать список с показанием по их чинам, что каждому за полгода надлежит, и оную ведомость представить нам».*

Одновременно с вышеозначенным докладом граф Гендриков представил другие доклады, в которых писал, что из числа пожалованных в кавалергарды лейб-компанцев 34 человека *«за долговременною службою, за разными болезнями продолжать службу не могут»*; что *«бывшего Лейб-компаниям корпуса заротные нижние чины были отставлены, некоторые с награждением прапорщицких чинов, а по большей части многие из них без всякого награждения, теми же чинами, на их собственное пропитание»*; что эти нижние чины, *«имея крайнее усердие»* к императрице, находились 28 июня вооруженные во дворце с прочими лейб-компанцами. А потому Гендриков ходатайствовал: 1) вышеупомянутых 34 человека наградить еще одним чином и, согласно их желаниям, одних отставить вовсе от службы с пенсией в размере половинного оклада жалованья по новому чину, а другим предоставить разные места по администрации и в армии; 2) заротных чинов, по их желанию, отставить от службы с награждением обер-офицерским чином.

Императрица собственноручно наложила 16 июля резолюцию: *«Всех по докладам отставить — с награждением чина и половинным жалованьем — тем, которые своего пропитания не имеют, а которые в службу военную или штатскую пожелают, то оных определить по рассмотрению Сената».* Так как на некоторые пункты доклада 11 июля не последовало решения, то Гендриков вошел 2 августа с новым докладом, в котором просил повелений относительно тех вопросов, на которые не последовало резолюций, а именно: 1) об определении в Кавалергардский корпус лекаря; 2) об определении писарем секретаря Илью Афанасьева. Против первого пункта императрица положила резолюцию — *«придворным лекарем»*, а против второго — *«быть по сему».* В том же докладе Гендриков испрашивал повелений императрицы относительно коронационной службы кавалергардов: о числе кавалергардов для сопровождения императрицы и великого князя во время путешествия в Москву — *«за мною 6 человек, за великим князем столько же»*, о том, когда отправиться в Москву остальным кавалергардам, — *«после моего отъезда»*, в каком доме в Москве поместить кавалергардов — *«лефортовский дом, а если занят, дать им деньги на квартиры или нанять дом»*; какой иметь мундир шефу — *«генеральский»*; какое отличие иметь на мундирах унтер-офицеров, иметь ли им позумент на обшлагах и воротниках — *«иметь позумент, как имели».* Пункт о том, строить ли (шить ли) кавалергардским офицерам для предстоящей коронации на казенный счет, по примеру коронации Елизаветы Петровны, *«бархатные пунцовые мундиры с золотым шитьем»*, императрица оставила без ответа. В последнем пункте своего доклада Гендриков просил указать, как ему поступать с лейб-компанцами, которые *«отставлены были не по их желаниям, но почти все на их пропитание, из коих другие и никакого не имеют»*, и что ныне они, приехав в Петербург, просят об определении их в Кавалергардский корпус и в другие места. Против этого пункта императрица написала: *«О сем уже сказано графу Гендрикову».*

Организация корпуса

В 1764 г. императрица пожелала дать кавалергардам новое устройство и новое обмундирование, которое бы и по наружному виду, и по богатству далеко превосходило все прочие войска, включая и саму гвардию, и вполне соответствовало бы назначению кавалергардов: быть *«избранною стражей при лице императорском».* С этой целью государыня возложила на тогдашнего президента Военной коллегии графа Захара Григорьевича Чернышева составление нового проекта о Кавалергардском корпусе. *«Не только великолепие государственное, но и знатность Величества того требует, — так начинал свой проект «о корпусе шевальегардов» Чернышев, — чтоб иметь около освященной монаршей пер-*

соны некоторый отменный и выборный корпус военного звания, и для того полагается оный хотя небольшой, но преимущественный всем над прочими корпусами военных людей, которого название должно быть — кавалергарды».

Сущность проекта Чернышева заключалась в следующих положениях: «1) корпус должен быть конный; 2) шеф корпуса пароль и приказ от Ее Величества принимает и отдает в свой корпус через дневального унтер-офицера и обо всем, что до оного касается и принадлежит, докладывает Ее Величеству и еженедельно о состоянии корпуса рапорты подает; имеет вход, как дежурный камергер, у двора, а во всех церемониях и выходах публичных идет или едет подле Ее Величества, отступя несколько назад, всегда с тростью из черного дерева с костяной белой головкою и наконечником; 3) шевальегарды должны быть все из дворян и поручиками, а корпус сей должен быть конный; во все места, кроме Сената, писать от корпуса шевальегардов сообщения; 4) ...буде случатся (кавалергарды) в строю, то над всеми войсками старшинство корпусом берут; 5) два шевальегарда всегда на ординарции у Ее Величества и всегда за нею в выезде верхами позади кареты едут; во дворе ординарцы ожидают повелений близ часовых того корпуса и в той комнате находятся».

Штат корпуса Чернышев предлагал установить из шефа — 1, бригадиров (прежних капралов) — 4, кавалергардов — 50, лекаря — 1, копииста — 1. Комплектование корпуса он хотел учредить так: бригадиров производить из кавалергардов, а кавалергардов — из сержантов гвардии и из подпоручиков армии при условии, чтоб они были дворяне, имели б не менее 50 душ, были б росту не меньше 2 аршин 6 вершков, «собой видные и неженатые и не старше 30 лет». Бригадиров, которые должны были иметь майорский ранг, предполагалось выпускать при производстве по линии в подполковники, а кавалергардов — по прослужении трех лет в корпусе — в армию капитанами. Всего на содержание корпуса Чернышев исчислял сумму в 20 тыс. руб. ежегодно.

Копию со своего прожекта Чернышев препроводил графу Гендрикову, и последний, докладывая императрице о состоянии корпуса, так отзывался о проекте Чернышева: «А в написанном З. Г. Чернышевым о Кавалергардском корпусе прожекте, который В. И. В-вом был смотрен, я совершенно В. И. В-ву донести не могу, но с оного полученную от него, Чернышева, точную копию имею, которую при сем всеподданнейше прилагаю... В прочем, — оканчивал свой доклад Гендриков, — в означенном прожекте, кроме мундира и прочих уборов и лошадей, предписаны Чернышевым должности содержания такого ж, каковы и ныне в корпусе в команде моей под высочайшим Б. И. В-ва соизволением происходят... И от В. И. Б-ва всеподданнейше прошу милостивейшей апробации: так ли быть штату корпуса Кавалергардского, как мною сочинен по благополучном В. И. В-ва высочайшем на всероссийский императорский престол восшествии, который и ныне находится (существует), или повелите ль указать по штату 1726 г. учредить, или по прожекту гр. Чернышева, или высочайше укажете в другом ему образе по особливому В. И. В-ва соизволению остаться».

17 марта Гендриков и Орлов представили всеподданнейший доклад, в котором предлагали штат корпуса установить нижеследующий: шеф — 1 («рангу генерала полного»), поручик — 1 («рангу генерал-поручика»), вахмистр — 1 (полковник), капралов — 4 (2 подполковника и 2 премьер-майора), кавалергардов — 60 (прапорщиков, подпоручиков и поручиков), писарь — 1 (поручик или подпоручик) и, сверх того, нижних чинов: копиистов — 2, фельдшеров — 4 и сторожей для посылок — 6. Комплектовать корпус предлагалось унтер-офицерами гвардии, а также прапорщиками и подпоручиками армии, «но чтоб были дворяне и собой не малорослые и о честном поведении имели б аттестаты от своих командиров»; самый же выбор полагалось «отдать на справедливое рассмотрение и попечение командующему Кавалергардским корпусом шефу». Продолжительность службы в корпусе предполагалась до чина капитана, а с производством по линии в капитаны, «не оставляя в корпусе капитанами, выпускать в полки».

Доклад предлагал ввести двойное обмундирование: 1) всedневное («кафтаны васильковые... штаны алые... шляпы с золотым широким позументом»), причем докладчики ходатайствовали о постройке на первый раз и всedневногo обмундирования «из казны»; 2) парадное, о котором в докладе говорилось так: «О парадных мундирах и прочих уборах — каковым им быть... всеподданнейше предаем в особливое В. И. В-ва высочайшее соизволение». 24 марта императрица подтвердила (*Конфирмация* (лат. *Confirmatio* - утверждение) — здесь: утверждение высшей властью) этот доклад, написав на нем «быть по сему», причем против «поручика» написала «граф Григорий Орлов», а против пункта о парадном обмундировании — «образцовый дан будет».

Вероятно, Гендриков решил, что императрица оставила без ответа ходатайство о постройке (шитье) на казенный счет всedневногo обмундирования, ибо 2 апреля он представил новый доклад о том же: «Предписанным чинам, в рассуждении их недостатка, также и вперед принимаемым в комплектное число, на первый случай по одному мундиру с шляпою и с портупеей не повелите ль В. И. В-во из высочайшей своей монаршей милости построить из казны, а вперед чтоб оные все чины имели от себя?»

Графу Гендрикову да Графу
Гр. Орлову рассмотреть
штат Кавалергардского
корпуса так же прошения
Графа Чернышева
в том же деле обмундирова-

Резолюция рукой Екатерины II: «Графу Гендрикову да графу Гр. Орлову, рассмотри штат Кавалергардского корпуса, также проект графа Чернышева, предоставит нам со мнением.»

Того же числа государыня утвердила доклад. Организовав корпус по новому положению, Гендриков уехал в отпуск, сдав команду поручику корпуса графу Григорию Орлову, а 30 декабря Гендриков согласно прошению был уволен от обязанности шефа Кавалергардского корпуса. 25 марта 1765 г. шефом корпуса назначен граф Григорий Орлов, а на его место поручиком — граф Алексей Орлов.

Когда закатилась звезда Григория Орлова, то Алексей подал прошение об увольнении его в отставку, о чем 1 января Военная коллегия уведомила Кавалергардский корпус; на место Алексея Орлова того же, 1 января 1776 г. поручиком назначен Г. А. Потемкин. В следующем году 22 сентября прибавлен был в корпусе новый офицерский чин — корнета, предоставленный «флигель-адъютанту и лейб-эскадронов шефу полковнику Семену Зоричу» с пожалованием ему чина генерал-майора. Возведенный в 1772 г. в княжеское Римской империи достоинство с титулом светлости, Григорий Орлов номинально числился шефом кавалергардов до своей кончины (1783 г.), но на самом деле ими командовал Григорий Александрович Потемкин.

2 февраля 1784 г. шефом корпуса назначен Потемкин с возведением в чин генерал-фельдмаршала, а поручиком — Александр Дмитриевич Ланской (6 марта), и вслед за этим 25 июля Зорич был уволен от службы. В 1786 г. Ланской скончался, и в том же году корнетом назначен Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, пожалованный через два года в поручики корпуса. Вслед за женитьбой Мамонова и удалением его от двора корнетом назначен был Платон Александрович Зубов. Открывшаяся с кончиною Потемкина вакансия шефа не была замещена около двух лет, когда 21 октября 1793 г. Зубов, тогда уже князь, был назначен шефом корпуса.

2 февраля 1784 г. шефом корпуса назначен Потемкин с возведением в чин генерал-фельдмаршала, а поручиком — Александр Дмитриевич Ланской (6 марта), и вслед за этим 25 июля Зорич был уволен от службы. В 1786 г. Ланской скончался, и в том же году корнетом назначен Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, пожалованный через два года в поручики корпуса. Вслед за женитьбой Мамонова и удалением его от двора корнетом назначен был Платон Александрович Зубов. Открывшаяся с кончиною Потемкина вакансия шефа не была замещена около двух лет, когда 21 октября 1793 г. Зубов, тогда уже князь, был назначен шефом корпуса.

Канцелярия

Канцелярией корпуса заведовал писарь офицерского ранга. В ее ведении находилось то же, что в наше время относится к обязанностям полковых канцелярий, и мы уже не видим, чтобы канцелярия Кавалергардского корпуса занималась поместными делами кавалергардов, как то было в Лейб-компани. При канцелярии состояло двое копиистов (писарей), которые по прослужении известного числа лет и по аттестации шефа выпускались из корпуса с награждением обер-офицерским чином.

Так, в 1766 г. граф Орлов представил доклад об определении копиистов Аврамова и Лукошкова в другие места, по их желанию, с награждением обер-офицерскими чинами, и императрица собственноручно сделала на докладе надпись: «Отослать их в Сенат для определения с награждением чина по местам».

Комплектование

Первые кавалергарды сформированного Екатериною II Ее Императорского Величества Кавалергардского корпуса, за исключением двух, были из лейб-кампанцев, причем почти все принадлежали по своему происхождению к родовому, а не пожалованному за 25 ноября 1741 г. дворянству.

Таковой характер комплектования корпуса одними дворянами был сохранен в течение всего царствования императрицы Екатерины. Единственные исключения из этого правила были следующие: 1) в числе первых кавалергардов было трое не дворян: капрал Преображенского полка Сергей Мерзятин, капрал Семеновского полка Алексей Толкачев и барабанщик Лейб-компани Иван Дьяков, но одновременно с пожалованием в кавалергарды они были возведены в потомственное дворянство; 2) в 1764 г. пять преображенцев не дворян пожалованы в кавалергарды; 3) в 1771 г. императрица пожаловала в кавалергарды трех нижних чинов гвардии также не из дворян.

Но насколько такое пожалование выходило из ряда обыкновенных, видно из отданного по этому случаю приказа по корпусу: *«Ее И. В-во всемилостивейшая государыня высочайше пожаловать соизволила в кавалергарды хотя не из дворян, но по известной Ее И. В-ву службе, другим не во образец, лейб-гвардии полков: Семеновского — каптенармуса Ивана Истомина, фурьера Алексея Шадеева на состоящие ныне вакансии, да сверх комплекта, Измайловского — капрала Ивана Берсеньева»*. Выбор людей в кавалергарды был, согласно положению о корпусе, предоставлен шефу, но фактически выбор делала сама императрица.

В течение 34-летнего царствования Екатерины II в Кавалергардском корпусе было всего 354 человека; из них 8 офицеров и 346 унтер-офицеров и кавалергардов. Вышеупомянутые унтер-офицеры и кавалергарды распределялись так. По сословиям: дворян — 335, не дворян — 11; по национальности: русских — 289, немцев — 50, поляков — 3, сербов и греков — по 2; по первоначальной службе: из Лейб-компани — 49, гвардии — 199, армейской пехоты и кавалерии — 75, разных частей и учреждений — 23. В кавалергарды назначались: 1) армейские офицеры — теми же чинами; 2) гвардейские унтер-офицеры — с производством в офицеры, а именно: сержанты — в поручики; каптенармусы, фурьеры и гефрейт-капралы — в подпоручики и капралы — в прапорщики

Выбытие из корпуса унтер-офицеров и кавалергардов происходило по следующим причинам: 1) за смертью; 2) по прошению в отставку за достижением кавалергардами чина капитана и, в виде исключения, секунд-майора; 3) за преступления и проступки; 4) за недостатком средств.

В свою очередь, удаление из корпуса за проступки было троякого рода: 1) выключение; 2) перевод в армию без прошения; 3) перевод в армию хотя и по прошению, но вынужденному — так сказать, выход из корпуса под давлением.

Служба кавалергардов

Главной службой Кавалергардского корпуса была охрана особы императрицы. Там, где имела пребывание государыня, выставлялся внутренний караул кавалергардов. Они же сопровождали ее в путешествиях. Но кроме охраны особы императрицы кавалергарды употреблялись для посылок наподобие фельдъегерей. «Изготовить в Софии (Царском Селе) Ланского дом для житья, — приказывала императрица Храповицкому. — Тут же будут жить кавалергарды для нужных посылок, они же и в саду отвратят беспокойство от челобитчиков».

По возвращении с коронации императрица назначила день своего торжественного въезда в Петербург в годовщину своего восшествия на престол — 28 июня. Кавалергарды верхами под командою своего поручика графа Г. Г. Орлова следовали непосредственно за каретой государыни. В 1765 г. состоялись маневры под Красным Селом. 13 июня команда кавалергардов при вахмистре и двух капралах выступила в лагерь, куда после отъезда императрицы 18-го числа из Петербурга в Красное Село отправились и все остальные кавалергарды. 19-го состоялся высочайший объезд лагеря, продолжавшийся более двух часов. Войска были разделены на две армии — государыни и П. И. Панина. В состав первой армии вошла вся гвардия под начальством фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина и дивизия князя А. М. Голицына. Всею артиллерией командовал генерал-фельдцейхмейстер Г. Г. Орлов. Для прикрытия левого фланга и отчасти фронта государыниной армии был сформирован под начальством Измайлова легкий корпус, в состав которого вошли 1,5 батальона Суздальского полка (Суворова) с несколькими кавалерийскими частями. С этим легким корпусом сама государыня производила рекогносцировку неприятельского расположения. Сначала кавалерия потеснила неприятельские ведеты и пикеты, а затем Суворов с пехотой и артиллерией произвел наступательное движение, занимая высоты одну за другой и очищая путь императрице для осмотра неприятельских позиций, причем конница прикрывала его фланги. Маневр был произведен очень хорошо и в большом порядке. Добыв нужные сведения, государыня приказала легкому корпусу отходить к главным силам и возвратилась к своей ставке в 10 часов вечера.

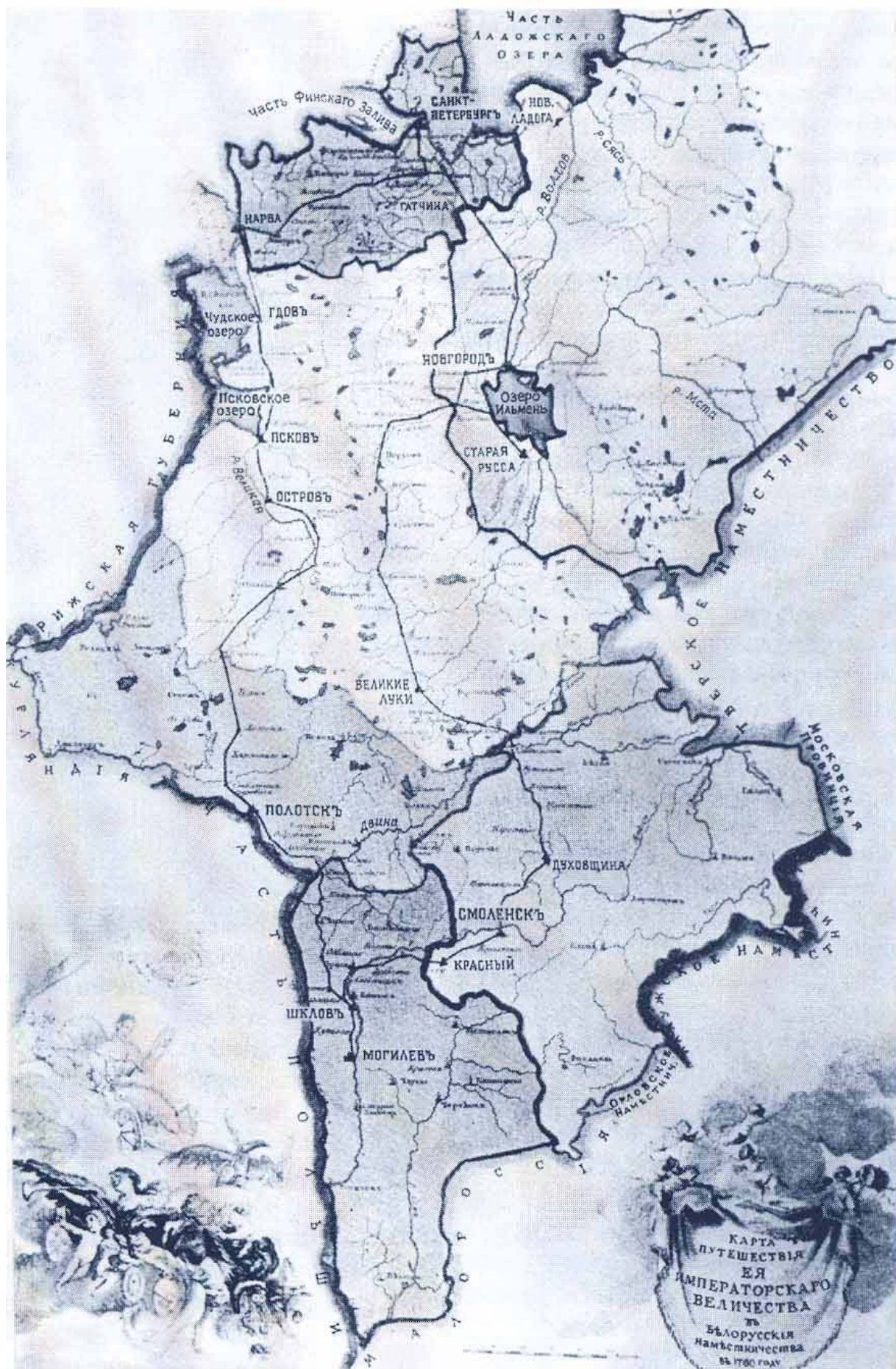
Маневры производились до 27-го числа включительно. Государыня ездила большею частью верхом и возвращалась в ставку иногда поздно ночью. Характерная черта маневров заключалась в правиле, которого держались обе стороны: не побеждать часть русского непобедимого войска, а только «одерживать над противником легкую поверхность».

Императрицу и великого князя Павла Петровича в их путешествиях сопровождали 1 капрал и 6 кавалергардов. Остальные отправлялись в двух командах — одна до выезда императрицы, а другая вслед за нею; когда же пребывание двора предполагалось непродолжительное, как, например, в высочайшее путешествие в Прибалтийский край в 1764 г., в Ревель и Ригу заранее были отправлены команды кавалергардов в составе каждая 1 капрала и 12 кавалергардов, а в 1775 г., во время высочайшего шествия в Троице-Сергиеву лавру, были посланы 1 капрал и 8 кавалергардов.

Комната, в которой становился во дворцах кавалергардский караул, именовалась «кавалергардской». В этой комнате в Зимнем дворце 1 января иностранные послы приносили обыкновенно поздравления с Новым годом.

Обыкновенные, а потому и многочисленные приезды во дворец были по воскресным дням. Кто имел право носить шпагу, тот мог войти в общую залу перед кавалергардами — ни малейшего не видно было надзора, и каждому двери были открыты. Ни внизу, ни на лестнице, ни в зале никому не приказано спрашивать: кто вы и куда идете? На краю общей залы (которая окнами была к Дворцовой площади) была дверь, по сторонам которой стояли два кавалергарда из армейских офицеров в кирасах и треугольных шляпах, с ружьями к ноге. Здесь начинался этикет входов.

Карта путешествий Екатерины II

«За кавалергардов» могли входить те только, кто был написан в данном им списке. Но и из сих большая часть не имела права входить далее Тронной, за которою находились «бриллиантовая», а за сею «уборная» комнаты. В сию последнюю входили только собственно при делах бывшие и еще немногие другие, особенно ей известные персоны...

В воскресные дни бывали малые выходы в церковь. Государыня без всякой церемонии изволила шествовать через «столовую» комнату и в церкви стояла иногда в «фонарике», а иногда в «столовой» у открытых дверей в «фонарик» церковный, облокотясь на спинку стула. В большие праздники бывали большие выходы. Государыня изволила идти в предшестве придворного штата через Тронную в церковь. В таких случаях она имела на себе ленты св. Андрея, Георгия и Владимира, а иногда и малую бриллиантовую корону. По сторонам ее шли дежурный генерал-адъютант и вахмистр кавалергардов, за нею вся царская фамилия. По возвращении тем же порядком из церкви государыня останавливалась в «кавалергардской» комнате — здесь подходили к руке...

Перед выходом раздробленное на отделения общество двигалось, волновалось, подобно какой-либо ярмарке, и соединение смешанных разговоров производило необыкновенный гул; но одно слово гофмаршала при растворенных дверях «шш!» налагало удивительную тишину. Тогда являлось взору «что-то величественное, пленительное, превосходящее смертных и достойное всех тронов в мире». Екатерина, в русском платье, с тремя на нем звездами, с крупными бриллиантами на голове, сопровождаемая капитаном гвардии с одной стороны и кавалергардским капралом с другой, шествовала в церковь. При возврате от литургии она приветствовала иностранных министров. Ожидавшие представления мужчины становились тут при всем собрании на колена, целовали у нее руку, а во внутренних покоях были подводимы дамы. В 2 часа был выход в «столовую» комнату, где к столу приглашалось человек до 40 и более.

В высокотожественные дни и кавалерские праздники столы бывали в Георгиевской зале; тогда государыня кушала на троне, в малой короне, ей прислуживали первые чины двора. Иногда государыня имела на себе платье гвардейского полка, т. е. дамское платье светло-зеленого сукна, обложенное золотым галуном. В Георгиевской зале, когда государыня кушала на троне, стол накрывался покоем (Стол ставился в виде буквы П, которая в старину называлась «покой»), а в середине, против трона, особый стол для духовенства. Хоры музыки и пение заезжих знаменитостей оглашали залу пиршеств. Богатство одежд придавало особенное великолепие двору. Камергеры, и камер-юнкеры, и все придворные чины были во французских кафтанах, облитых золотом. Одежда кавалергардов особенно была блистательна. Их было 60 человек; все рослые люди...

В будни кавалергарды имели на груди и спине серебряные супервесты, палаши, ружья и лядунки серебряные, шляпы с галуном и черным плюмажем. Парадная форма была: супервесты, палаши, ружья — все кованого серебра; на руках, на ногах, на сапогах серебряные накладки, шлемы серебряные с черными перьями. Это были совершенно серебряные латы, и надобно было выбирать молодцов, которые бы могли снести такую тяжесть... Пажи в то время славились шалостями. *«Любимая забава была таскать патроны у караульных кавалергардов и сержантов. Лишь только задремлет кто из них (что иногда случалось), тотчас патрон вытащен был из сумы и летел в камин. Эти хлопушки забавляли, хотя за это и больно наказывали...»*

В 1793 г. 28 сентября состоялось бракосочетание великого князя Александра Павловича с великой княжною Елизаветой Алексеевной. Кавалергарды занимали в этот день некоторые посты во дворце, а в «кавалергардской» комнате приносил поздравление дипломатический корпус.

«Перед дверьми церкви по обеим сторонам стояли кавалергарды в богатом уборе, а во время высочайшего обеденного стола оные же кавалергарды расставлены были в галерее от бокового покоя, при каждых стеклянных дверях по три человека, дабы не было утеснения от зрителей (тут были чужестранные министры и прочее шляхетство)». После стола, окончившегося в 3,5 часа дня, «господа обер-гофмаршал, гофмаршал, обер-

церемониймейстер, церемониймейстер и придворного штата кавалеры, бывшие при услугах при высочайшем дворе, а также караульные: капрал кавалергардской, гвардии капитан и офицеры, бывшие с командою при ношении кушанья и при пушечной пальбе (всего до 50 персон), в столовой комнате кушали, считая и у окошек, на офицерских приставках; после гвардии офицеров кушали кавалергарды, до 20 человек, кои потчеваны от большого стола оставшимся кушаньем».

При всех торжественных аудиенциях кавалергарды или занимали особый караул, или весь корпус выставлялся в залах шпалерами иногда с ружьями, а иногда без ружей. При этом кавалергарды обыкновенно не отдавали чести, кроме некоторых случаев, вероятно, по особому приказанию императрицы, так как это отдание или неотдание чести кавалергардами каждый раз упоминается особо.

Обязанности караульной службы определены были нижеследующим приказом 8 августа 1762 г., соблюдавшимся во все царствование Екатерины II.

«В дом Ее И. В-ва караулу выходит, как капралу, так и кавалергардам, пополудни в 9 часов неотменно и как карабин, так мундир и амуницию иметь в наилучшей чистоте и исправности, волосы б на голове у всех всегда были убраны и напудрены и на косах банты черные, волосяные... Кавалергардам из караулни на часы и с часов ходить и сменяться бодро и порядочно, и, идучи на часы и обратно как двором, так и покоями, никаких разговоров между собою и с посторонними не иметь, и во время маршу правою или левою рукою не размахивать... Будучи ж на часах, где показан будет пост, от места отнюдь не отходить, карабин к стене не приставлять, а стоять на часах со всякою осторожностью; так же и с караула собою ни для чего и ни под каким видом не отлучаться, памятуя воинские права, что за таковое преступление чинить повелено... При смене караула, которые придут и которым смениться должно, оных гг. капралам в караульне обучать экзерциции по одному артикулу, а особливо стараться показывать те темпы или приемы, как сменяться на часах; и потом зарядить карабин, и всегда на карауле быть с заряженным карабином... Когда ж из чинов Кавалергардского корпуса придут во дворец на караул или кроме караула, чтоб за собою имели людей в ливрее и во всякой опрятности; и каждый день поутру присылать кавалергардам людей своих к караульному капралу с известием о себе и к приказу... Если же, от чего Боже сохрани, случится пожар или в барабан будут бить тревогу, а особливо близ двора Ее И. В-ва, в таковом случае всем Кавалергардского корпуса чинам в самой скорости быть в доме Ее И. В-ва. Экзерциции обучаться между собою и во всех приемах и темпах делать карабином бодро так, как от флигельманов пред сим уже было показано, а когда собраны будут для учения экзерциции, то б тогда не было в приемах разности или чего отменного. Сверх всего вышеписаного накрепко подтверждается за кавалергардами всегдашнее смотрение иметь гг. унтер-офицерам и капралам, и если кто в чем усмотрен будет неисправен, то стараться, как наивозможно, поправлять и предостерегать, а буде же что в противном случае необходимо найдется, об оном рапортовать словесно или письменно.»

*Кавалергарды в церемонии приема
посольства в Тронном зале Зимнего дворца*

Прохождение службы

При учреждении корпуса в 1762 г. кавалергарды, начиная с вице-вахмистра и до нижних чинов, «для приращения интереса» расписаны были по одному и по два человека по полкам, причем последним вменялось в обязанность, «когда кавалергардам по тем полкам доходить будет к перемене, тогда об оных в Военную коллегия присылать с прочими именные списки, дабы пред служащими в полках ни малейшей обиды не имели».

26 сентября 1764 г. императрица по докладу графа Чернышева «изустно указать соизволила кавалергардов распределить не по одним кавалерийским полкам, но и по пехотным полкам, дабы оных не больше одного в полку счислялось». Извещая о сем высочайшем повелении, Военная коллегия писала в Кавалергардский корпус, «чтоб оный благоволил каждого из кавалергардов спросить, в который кто точно кавалерийский и пехотный полк желает определен быть». Кавалергарды при производстве в капитаны выпускались из корпуса в тот полк, в котором числились, хотя бывали случаи (но не иначе как с особого высочайшего повеления), что некоторые кавалергарды и при производстве в капитаны оставляемы были в корпусе.

Однако Военная коллегия не допускала переводов из одного полка в другой; так, когда кавалергард Николай Беклемишев просил перевести его из Таганрогского драгунского полка в Воронежский пехотный на том основании, что он «по слабости здоровья кавалерийской службы нести не может», Военная коллегия отказала, весьма резонно мотивируя свой отказ тем, что Беклемишев, «находясь теперь в Кавалергардском корпусе, при полку кавалерийской службы не несет». Получить отпуск на продолжительное время было затруднительно вследствие незначительного состава корпуса и сравнительно большого ежедневного расхода людей в наряде; за просрочками зорко следили и принимали энергичные меры к возвращению к команде просрочивших; так, в 1767 г. новгородская губернская канцелярия доносила в корпус, что «находящийся в отпуску в доме своем кавалергард Иван Менделеев от болезни своей хотя малую свободу и имеет, только за слабостью его здоровья к команде ему ехать еще никак не можно». Прошло три месяца, а Менделеев ни из отпуска не возвращался, ни нового «доношения» о нем не поступало. Тогда от Кавалергардского корпуса послан был в новгородскую губернскую канцелярию «указ» о том, чтоб *«Менделеева чрез нарочных, посланных из оной канцелярии в дом его, по самой сущей справедливости освидетельствовать и, буде он здоров, то в самоскорейшем времени, обязав его подпискою, выслать в Кавалергардский корпус, а ежели паче чаяния он, Менделеев, и поныне одержим болезнью, то выслать его тотчас по получении облегчения, и дабы он, получа свободу, праздно не находился в доме, иметь той канцелярии наивсегдашнее о нем сведение и чрез каждые две недели в Кавалергардский корпус рапортовать»*.

В 1775 г. кавалергард барон Фабиан фон Врангель просил о продлении ему отпуска, но ему было отказано на том основании, что «ныне Кавалергардский корпус состоит не в комплекте», а при том писалось, что *«в бытность вашу вы более находились в отпуску, нежели против прочей своей братии несли службу»*. На этом основании Врангелю предписывалось «неотменно» явиться в срок, а в противном случае ему угрожали тем, что, «не приемля от вас никаких отговоров, о высылке вас к команде послан будет в ревельскую генерал-губернскую канцелярию указ».

Кавалергард Григорий Бибииков в 1763 г. просрочил отпуск на 22 дня, «за которую просрочку подлежал он быть в силу военного артикула штрафован, но оное при первом его проступке ему упускается». Но в 1790 г. мы встречаемся с такого рода наказанием за просрочку: *«...прапорщика и кавалергарда Антона Сируча, который сверх данного просрочил 4 месяца, из списка кавалергардов яко нерадивого к службе исключить»*.

При производстве в капитаны кавалергарды переводились на службу в тот полк, в котором они числились, но многие из них предпочитали службу по гражданскому ведомству. Мы должны здесь заметить, что в те времена военная служба не была резко отделена

от гражданской, и военным весьма нередко давались назначения или командировки по делам чисто гражданского управления.

Императрица высоко ценила те качества, которые, несомненно, вырабатываются у военных под влиянием особых условий военной службы: способность к инициативе, отсутствие буквоедства и крючкотворства. Недаром говаривала она: *«В нужных случаях он (военный) решим и может две недели прослужить по-военному. Скорее определю гусарского поручика, нежели ключника придворного»*.

Каждое перемещение по службе кавалергарда производилось не иначе как или с высочайшего указа, или по крайней мере с ведома императрицы, и мы из дошедших до нас документов можем видеть, что государыня входила во все подробности дела и правильно оценивала службу, безошибочно налагала справедливые резолюции, причем боевой службе отдавала преимущество далее перед службою участников переворота 28 июня.

Так, одним и тем же докладом граф Г. Орлов в 1766 г. ходатайствовал о назначении согласно их желанию кавалергардов Михаила Афанасьевича Долгова-Сабурова и Никиту Ефимовича Мартьянова к статским делам: Сабурова при конторе Невского монастыря, а Мартьянова в петербургскую экономическую контору. Сабуров не участвовал в перевороте, но, «быв в Прусском походе на разных баталиях, ранен в шею и прострелена нога пулею навывлет», а Мартьянов был участником переворота. Императрица наложила на вышеупомянутый доклад следующую резолюцию: *«Сабурова определить по его желанию с награждением чина, а Мартьянова отослать в Сенат для определения по его рассмотрению к статским делам»*.

При увольнении кавалергардов в отставку соблюдалось следующее: всем участникам 28 июня 1762 г. жаловался чин и неимущим давался пенсион в размере половины получаемого ими жалованья; остальным чин жаловался только по особой милости. В 1766 г. Орлов вошел с всеподданнейшим докладом о семи кавалергардах, бывших лейб-кампанцах и принимавших участие в возведении Екатерины II на престол, ходатайствуя о награждении их следующим чином *«и по крайней их бедности по желаниям их определить с армейским жалованьем, с рационы и денщицы по поданным от них челобитным, иных к местам, а иных, уволя от статской и воинской службы, всемилостивейше отставить с пенсионом»*, т. е. на тех же основаниях, как и прочих лейб-кампанцев, бывших при восшествии на престол и пожалованных в кавалергарды. Императрица написала на докладе: *«Которые просят к статским делам — тех для награждения чином и определения с штатным жалованьем к местам отослать в Сенат; равномерно и тех, кои просят в отставку, наградя чином... удовлетворить пенсионом против прочих, прежде отставленных»*.

Единственное исключение было сделано для четырех кавалергардов, пожалованных в корпус из нижних чинов (не дворян) гвардии, а именно: Андрея Стволова, Осипа Миронова, Афанасия Меньшова и Алексея Кузнецова; им при отставке в 1778 г. была назначена пенсия в размере получаемого ими жалованья.

Постоянные военные действия, продолжавшиеся почти без перерыва во все царствование Екатерины II, влекли некоторых из кавалергардов на боевое поприще; одни сами просились «в рассуждении военных обстоятельств продолжать службу в полках армии», другие же были командированы от корпуса на театр военных действий; так, например, в 1788 г. Григорий Меньшов, Густав фон Брюммер, Фабиан Вреде и Владимир Шеншин «в сходственность Ее И. В-ва соизволения, по их желанию быть волонтерами на кораблях в Средиземном море», были отправлены к адмиралу Грейгу. Первые двое поступили на корабль «Дерис» и, по отзыву командира капитана Федора Ломена, «присмотрены в поведении весьма хорошего, порученную должность исправляли с успехом и рачением и во всех случаях в действии против неприятеля оказывали себя мужественно». Вреде не удалось участвовать в военных действиях, а Шеншин попал в Балтийский флот и, находясь на корабле «Кир Иоанн» капитана Тета, «в сражении 6 июля со шведским неприятельским

флотом оказал себя храбрым и расторопным, также был и при сожжении в 26-й день июля месяца шведского корабля «Кронпринц Густав Адольф» и в бывших оказиях в 4-месячном пребывании при флоте оказал себя к службе усердным с желаемым успехом».

Отправление ординарческой службы кавалергардами заключалось, во-первых, в том, что они доставляли «в губернии и провинции» высочайшие манифесты, во-вторых, — что они состояли «в числе положенных для разных случающихся посылок при свите Константинопольского посольства»; иногда же на них возлагались особые поручения, так, например, Грибовский заносит в свой дневник: «О беспорядках по ночам от худого освещения улиц; посылка кавалергардов для освидетельствования освещения».

Дисциплина

Набираемые почти исключительно из дворян, находясь постоянно при императрице, кавалергарды в отношении дисциплины далеко уже не походили на лейб-кампанцев.

Унтер-офицер, кавалергард и офицер в царствование Екатерины II

От кавалергардов, как от ближайших телохранителей государыни, требовалось образцовое поведение, причем за малейшее нарушение дисциплины их переводили в те армейские части, в которых они числились. Даже нижние чины порочного поведения не были терпимы в корпусе. Не подлежит сомнению, что даже к началу царствования Екатерины II нравы значительно смягчились по сравнению с тем, что мы видели при вступлении на престол Елизаветы Петровны; однако они до конца жизни Екатерины оставляли желать лучшего.

Императрица в 1787 г. жаловалась, что «теперь много выходит шалостей от гвардейских, для того (потому) что всякий сброд набирают, а прежде служили одни дворяне»,

но одно дворянское происхождение без соответственного воспитания не препятствовало как прежде, так и впоследствии тому, что в гвардии не переводились «шалости», имевшие все признаки уголовных преступлений; и если исстари «подписывались под руки и разные делали обманы для получения денег», то то же самое было и теперь.

Ниже мы приводим случаи нарушения дисциплины и совершения преступлений кавалергардами в царствование Екатерины II, и, приняв во внимание общее состояние нравственности и понятие о праве, существовавшее в то время, мы должны согласиться, что таковых правонарушений было немного и что Ее Императорского Величества Кавалергардский корпус за все 34 года своего существования являлся во всех отношениях образцовым.

...25 августа 1764 г. кавалергард Алексей Нарымов, зайдя в трактир «обер-директора» Саввы Яковлева, заколол насмерть работника Яковлева, Ефимова. Следственная комиссия «мнением» положила, что хотя на основании законов Нарымов «и подлежал бы смертной казни, но, как из обстоятельства производимого дела видно, он то учинил действительно не по другой какой умышленной злости или прежде бывшей вражде, а единственно от безмерного пьянства, как бы уже в беспамятстве, и, может, за кое-либо от того работника огорчительное ему слово оного заколол». А потому и приняв во внимание, что Нарымов служит беспорочно уже 23 года, комиссия полагала Нарымова, «отобрав патенты, лиша чинов, вместо смерти прогнать шпицрутенами чрез 1000 человек 12 раз и, написав в рядовые, определить для церковного покаяния на род подначальный». На всеподданнейшем докладе графа Гендрикова Екатерина II написала: *«Лиша его всех чинов, сослать на церковное покаяние в монастырь»*.

...Кавалергард Алексей Коробьин, находясь в 1775 г. в Москве, встретился с женою сержанта Настасьей Болотиной, разговорился с нею, и она тогда ему, кавалергарду, «о своем жителстве открылась». Оказалось, что Болотина нанимает квартиру близ дома Коробьина. И Коробьин вместе со своим двоюродным братом Михаилом Коробьиным и выгнанным со службы воеводою Халкидонским вечером 28 сентября отправились в гости к Болотиной. У Болотиной они застали жену солдата из дворян Татьяну Строилову и «черевешника» (башмачника) Мартына Дегтерева. Решил ли Дегтерев ограбить Коробьина или по другим причинам, а только когда Алексей Коробьин, посидев минут с десять, стал выходить от Болотиной, Дегтерев вместе с дворником Павловым в сенях напали на него, ударили по лицу, а когда он хотел войти назад в комнату Болотиной, то, ухватя за косу, не пускали, причем, по показанию Коробьина, требовали с него 100 руб. Заслыша драку, Халкидонский выскочил из окна и побежал в дом Коробьина, откуда прибежали люди Коробьина с кольями и, увидя, «что господина их бьют, с теми, кто его бил, начали производить драку». Между тем Дегтерев и Павлов скрылись, а Коробьин и люди его, ища их, ворвались в помещение Дегтерева, где в суматохе один из них, приняв лежавшего на полу больного человека за Дегтерева, ударил его раза два дубиной. Были ли удары очень увесисты или тот потерпевший был сильно болен, только в результате он оказался мертвым... Алексей Коробьин, согласно прошению, был переведен в армию.

Кавалергардами совершались подлоги. ...Кавалергард князь Михаил Ухтомский продал подложно чужого беглого человека. При допросе Ухтомский показал, что проданный им человек явился к нему сам и объявил, что достался ему, Ухтомскому, по наследству от умершей тетки его Булуниной. Чем окончилось дело, нам неизвестно, оно было начато в июне 1765 г., а мы видим, что 8 июля 1766 г. Ухтомский без прошения переведен в армию.

...В 1765 г. обнаружилось, что кавалергард Федот Насонов, еще будучи в Лейб-кампании, заложил в 1760 г. Государственному банку для дворянства недвижимое свое имение, показав в нем 25 душ мужского пола. По справке же за ним, Насоновым, «оказались только одна дворовая девка и один мальчик пяти лет». Замечательно, что требование банка заключалось лишь в том, чтобы у Насонова ежегодно удерживалось из жалованья 50 руб. впредь до погашения долга (200 руб.).

...В 1774 г. оказалось, что кавалергард Алексей Вердеревский подложно заложил несуществующее у него имение. Когда банк потребовал «о присылке его к следствию», то канцелярия корпуса отвечала, что Вердеревский ныне в корпусе не состоит, а переведен по прошению в полки 1-й армии.

...«Подпоручика и кавалергарда Василия Дмитриева, который по требованию из канторы С.-Пб. Госуд. банка для дворянства за учиненный им в заложении имений подлог для произведения над ним по силе законов следствия отправлен в реченную банковую кантору, из списка Кавалергардского корпуса выключить».

Екатерина II вскоре по вступлении на престол обратила внимание на картежничество, процветавшее преимущественно в обеих столицах, и в 1768 г. указом Сенату воспретила азартные игры под угрозой тяжелых наказаний. Среди многочисленных картежников самого разнообразного состояния и положения оказалось двое кавалергардов: капрал корпуса Федор Иванов и кавалергард Дмитрий Спешнев. Иванов, пойманный «в картежной, запретительной игре» с генерал-майором Поздеевым, подал императрице повинную, и «Ее Величество высочайше указать соизволила о касательных до него по тому делу обстоятельствах сделать решение на основании закона, не требуя более от него дополнения». Иванов был приговорен к штрафу в размере годового оклада жалования.

...Спешнев, находясь в 1768 г. в отпуске в Москве, обыграл «в банк фаро» вместе с целой компанией темных личностей комиссионера, «перекреста из жидов» Михаила Башмакова, который показал, что пропитание имеет «от делания на продажу помады», причем прибавил, что он и разносит «данные от господ разные галантерейные вещи». Эти-то вещи, данные от господ на продажу, Башмаков за неимением наличных денег и проиграл. Началось дело, но когда 30 мая 1768 г. Военная коллегия уведомила Кавалергардский корпус о проступке Спешнева, канцелярия корпуса могла уже ответить коллегии, что «прапорщик Спешнев, по желанию его служить Императорскому Величеству и Отечеству в заграничной армии, сего года марта 31-го дня отослан в государственную Военную коллегия и более в кавалергардах не состоит».

Дошедший до нас случай наложения дисциплинарного взыскания был в 1766 г.: «По приказу е. с. графа А. Г. Орлова подпоручик и кавалергард Петр Гофман за учиненный им проступок оставлен без очереди на караул на 8 суток».

Первым комиссаром корпуса (*Комиссар* {фр. *commissaire*, лат. *Commissarius* - уполномоченный) — должностное лицо, облеченное особыми или значительными полномочиями; здесь: казначей) был Иван Захаров, у которого в 1765 г. при сдаче им своей должности оказался недочет в 668 руб. 95 коп. Представляя об этом 23 июня 1766 г. всеподданнейший доклад императрице, Орлов указывал на то, что Захаров, «служба в бывшей Лейб-кампании с 1755 г., находился при восшествии В.И. В-ва на всероссийский престол» и что Захаров объясняет недостачу денег тем, что прочел их (просчитался) «ни от чего иного, как по всегдашней слабости своего здоровья и болезненных иногда припадков». Екатерина написала на докладе: «Прощается».

Через три дня Орлов внес другой доклад о том, что Захаров, «находясь ныне во всегдашних болезненных припадках и имея в голове и в ногах лом, и в сердце колотье, и на груди горб, просит за вышеписанными болезнями из корпуса отставить с награждением против выпущенных прочих служащих в бывшей Лейб-кампании и потом в кавалергардах — премьер-майорским чином с пенсионом». Граф Орлов так заключал свой доклад: «Всемиловейшая государыня! Я, представя о нем, что он, служба в бывшей Лейб-кампании, так и быв потом при восшествии В.И.В-ва на всероссийский императорский престол, заслуживает высочайшую В.И.В-ва милость и благоволение». Императрица написала на докладе: «Быть по сему».

Кавалергард в головном уборе (шишаке)

В 1769 г. комиссаром был назначен Василий Ласунский, бывший лейб-кампанец и участник в возведении Екатерины II на престол. Ласунский пробыл в этой должности до 1772 г., когда обнаружилась растрата казенных денег. Дело Ласунского тянулось до 1775 г., и в апреле этого года императрица приказала отослать его в Военную коллегия «для произведения над ним военного суда». Ласунский показал на суде, что у него «не явилось денег 9506 рублей 60 коп, потому, что оные им, Ласунским, употреблены были на собственные его расходы... а именно: имея по чину своему карету, а при том и лошадей, кои, по несчастью его, падали, почему он те деньги и издерживал». Суд нашел, что «сей проступок учинен им, капитаном Ласунским, весьма дерзновен», а потому приговорил его к повешению, постановив «до получения на то конфирмации сковать в железа». Екатерина так

конфирмировала приговор: *«В рассуждение прежней его службы, расковав, исключить его из службы».*

Кавалергард Андрей Воейков 9 июля 1777 г. самовольно отлучился из квартиры своей, за что тотчас же приказом по корпусу был исключен из кавалергардов. Воейков пробрался в Польшу, но в начале 1780 г. добровольно вернулся в Россию; над Воейковым учрежден был «генеральный военный кригсрехт» (военный суд). Воейков объяснял свой побег тем, что вошел «в партикулярные долги», о которых узнал отец его, писавший вахмистру Кавалергардского корпуса Арсеньеву; Арсеньев пригрозил, что Воейков будет «за те долги при корпусе штрафован». Чтоб не подать своим товарищам дурных о себе мыслей, он вышеупомянутую отлучку и сделал. Суд, приняв во внимание, что Воейков «в сие впал по молодым своим в тогдашнее время летам», приговорил его «написать до выслуги в солдаты». Екатерина II положила нижеследующую конфирмацию: *«Воейкова в учиненном побеге за границу, как он явился сам, простить и, выключив из Кавалергардского корпуса, определить в армейские полки в такое место, где бы мог он ревностною службою загладить помянутое преступление».*

Хозяйство

Денежное довольствие. Денежное довольствие кавалергарды получали четырех видов: жалованье, рационы, денщицьи деньги и порционы. Размеры окладного жалованья были определенные и зависели от чина кавалергарда; размеры рационов также были в зависимости от чинов, но, кроме того, как этот вид денежного довольствия, так и денщицьи деньги изменялись с повышением цен на жизненные припасы. Так как кавалергарды имели ранги армейских офицеров, а по штатам рационы в армии производились не круглый год (но внутри России из 6-месячного расчета, а в Остзее (Остзейский край (от нем. названия Балтийского моря Ostsee) — то же, что Прибалтийский край) в течение 7 месяцев), то в 1763 г. граф Гендриков ходатайствовал перед императрицею, чтобы кавалергардам во время пребывания их в Москве по примеру того, как выдавали Лейб-кампании при императрице Елизавете Петровне, «рационы производились, как в Остзее, на 7 месяцев». На этот доклад последовала высочайшая резолюция: «Быть по сему».

Порционные деньги выдавались за содержание внутреннего караула в следующих размерах: 50 коп. — кавалергардам и 20 коп. — нижним чинам корпуса. Большинство кавалергардов не имело денщиков на том основании, что они владели более чем 100 душами крестьян или в Остзейском крае более чем 5 гаками, каковым денщиков не полагалось, и мы видим, что денщиков требуют себе только кавалергарды или из лейб-кампанцев, или из пожалованных не из дворян. 25 июля 1762 г. Гендриков представил особый доклад, в котором писал: *«...ныне я за потребно рассудил В. И. В-ву всеподданнейше представить, хотя предписанный Кавалергардский корпус и в малом числе людей состоит, только для довольствия оного жалованьем, мундиром, амуницией и прочим довольная сумма денег потребна, то... не соизволите ль всевысочайше повелеть Военной коллегии, начав от вице-вахмистра до нижних чинов, расписать по полкам, по одному и по два человека в полк, в коих и числится им старшинством впредь для перемены (производства), а когда они по своему старшинству доходят будут к перемене, об оных Военной коллегии сообщать в Кавалергардский корпус; жалованье ж на них, не отпуская в полки, в которых счисляться имеют, главному комиссариату по третям года отдавать в Кавалергардский корпус. Затем уже потребна денежная сумма только на одно мундирное и амуничное строение и на мелочные расходы».* Императрица утвердила этот доклад.

Офицеры Кавалергардского корпуса получали жалованье свое также в корпусе, причем граф А. Гр. Орлов приказал из своего оклада отсылать в московский воспитательный дом по 500 руб. в год.

Вещевое довольствие. Мы видели, что Екатерина II, вступив на престол, решила короноваться осенью того же года. Для коронации нужны были кавалергарды, нужно бы-

ло не только набрать их, но и обмундировать, и уже 16 июля состоялся высочайший указ: на вновь учреждаемый Кавалергардский корпус построить новые мундиры. Вслед за тем граф Гендриков представил императрице доклад с исчислением расходов на Кавалергардский корпус вплоть до коронации. Расходы эти показаны были в размере 3968,5 руб., причем Гендриков указывал, что сумму эту можно сократить на 1012 руб., если будет разрешено вместо постройки новых конских уборов взять те, которые были заготовлены на «голландские полки». Императрица против этого места доклада написала: «Графу Гендрикову проведать, в Ораниенбауме ли оные уборы и не отосланы ли в Военную коллегию».

В апреле 1764 г. Гендриков представил императрице доклад о необходимости «построить чинам Кавалергардского корпуса для всегдшнего употребления супервесты с принадлежащею к ним амуницией». Обмундирование строилось на 65 человек и по смете испрашивалось 10 153 руб. 87,5 коп. Императрица положила резолюцию: «Быть по сему, а деньги... отпускать из кабинетной суммы». Через год (в марте 1765 г.) приступлено было к постройке парадной кавалергардской амуниции. Мы не можем указать стоимости ее, но на изготовление ее было принято с Монетного двора 15 фунтов золота и 50 пудов серебра. Денежными и вещевыми довольствиями заведовал комиссар, избиравшийся всеми кавалергардами за их общей ответственностью.

Квартирное довольствие. По учреждении Кавалергардского корпуса положены были кавалергардам квартирные деньги, но по прибытии корпуса в Москву оклады оказались слишком незначительны, и их пришлось увеличить на 30—50%. Расквартировать же корпус в лефортовском доме не было возможности вследствие его неисправности, и в нем удалось только поместить цейхгауз. Кавалергардам же предписано было нанять себе квартиры вблизи головинского дворца, где имела местопребывание императрица.

По возвращении двора в Петербург для жительства кавалергардов не было отведено казенного помещения, а им выдавались квартирные деньги; даже для канцелярии и цейхгауза приказано было нанять помещение «с каменной палаткою в улицах Миллионной, Луговой (Малая Миллионная), Большой или Малой Морских или около Гостиного двора». Но и этого не удалось сделать: во-первых, поблизости не было подходящих помещений, во-вторых, домовладельцы требовали слишком дорого (500 руб.), а потому под канцелярию и для житья нижних чинов приказано было отвести четыре комнаты в одном из казенных домов близ Зимнего дворца. Выбор пал на «старый Зимний дом», где канцелярия помещалась до 1765 г., когда была выведена в наемное помещение в доме Демидова по Большой Миллионной улице с платою по 16 руб. в месяц.

В 1767 г. в Москве даже канцелярию и цейхгауз нельзя было расположить в лефортовском доме, а под них был нанят поблизости, в Немецкой слободе, близ головинского моста дом полковника Штока за 600 руб. в год.

Расходы по содержанию корпуса выражались в ежегодной сумме 12-14 тыс. руб., не считая постройки мундиров.

Кавалергардский полк - первое упоминание

*Нет, Павлуша, не тягайся
Ты за Фридрихом Вторым:
Как ты хочешь умудряйся -
Дон-Кихот лишь перед ним.*

Неизвестный автор XVIII века

В ноябре 1796 г. великий князь Павел Петрович стал императором. Первая цель, которую поставил он перед собой, - это «навести в России порядок». За дело император взялся энергично и жестко, стремясь все перестроить и переменить в самые короткие сроки. В общей ломке не мог уцелеть и Ее Императорского Величества Кавалергардский корпус.

Уже 11 ноября состоялся следующий высочайший приказ: «Генерал граф Мусин-Пушкин назначается шефом Кавалергардского корпуса, о формировании которого полное повеление дано оному Мусину-Пушкину, которому и дается подполковник Давыдов в штабы». Выбор Павла I остановился на Валентине Платоновиче Мусине-Пушкине, вероятно, на том основании, что, во-первых, когда в 1794 г. императрица объявила Совету намерение «устранить сына своего Павла от престола», ссылаясь на его нрав и неспособность, и весь Совет готов был покориться сему намерению, остановил его В. П. Мусин-Пушкин, сказав, что нрав и инстинкты наследника, когда он сделается императором, могут перемениться; и замечание сие остановило намерение Екатерины объявить наследником внука своего Александра; во-вторых, Мусин-Пушкин всегда старался смягчать отношения, существовавшие между императрицею и ее сыном. Давыдов, назначенный «в штабы», т. е. помощником шефа, был «гатчинец», накануне только поверстанный «чин в чин» в Конную гвардию.

С учреждением нового корпуса кавалергардов старый, екатерининский, не был тотчас же распущен; подобно тому как Петр III поступил с Лейб-компанией. Кавалергардскому корпусу дали отслужить последнюю службу своей государыне: кавалергарды содержали ежедневный караул при теле скончавшейся императрицы. До 15 ноября тело императрицы находилось в опочивальне. 15 ноября оно было перенесено «из почивальной в

тронную комнату на парадную кровать, поставленную на троне», причем в головах кровати находились «на часах лейб-гвардии капитан и капитан-поручик... несколько шагов отступя, по обе стороны вдоль около кровати - шесть кавалергардов с карабинами на плече; равномерно у обеих дверей, у каждой по два кавалергардских часовых внутри комнаты, а в «кавалергардской» комнате остались те же часовые».

Петр III Федорович был, как известно, похоронен в Александро-Невской лавре. Вступив на престол, Павел I не только решился перенести тело отца своего в Петропавловский собор, но придать этому событию вполне вид погребения коронованного императора. *«За государственными, хранимыми в Москве регалиями отправлен особый отряд кавалергардов. Взятие и вывоз оных из сей древней столицы происходил с великою и пышною церемонией. Для отвоза и положения оных сделан был особый длинный и драгоценною материей обшитый ящик, и повезли его покрытый драгоценною парчюю, при охранении скачущих по обеим сторонам, и спереди и сзади, многих кавалергардов во всем их пышном убранстве».*

19 ноября тело Петра Федоровича было вынута из могилы и переложено в новый великолепный, золотым глазетом обитый гроб. 25 ноября в 7 часов утра особо изготовленная корона была в торжественном поезде перевезена в лавру. Корону нес вице-канцлер князь Куракин, «имея ассистентов по сторонам, а отступя от них, четыре кавалергарда, по два на стороне». За короною шел сам император. Когда Куракин с короною и ассистентами поместился в особо приготовленную карету, то по сторонам ее ехали, за неимением конных кавалергардов, четыре офицера Конной гвардии. *«Приехав к святым воротам, - читаем в церемониале, - от ворот до церкви идут тем же порядком, как и во дворце, и потому быть у ворот, если не будет кавалергардов верхами, из караула Невского монастыря для ассистенции короны четырем кавалергардам».* Павел I собственноручно возложил корону на гроб своего отца.

В тот же день, в полдень ровно, в Зимнем дворце состоялось «с тою же церемонией, с какою в 8 часов поутру надевать будет корону Его Императорское Величество на великого государя императора Петра Федоровича... перенесение короны, которую соизволит надевать на главу покойной государыни - Ее Императорское Величество».

Того же числа в 4 часа дня предусматривалось перенесение тела Екатерины II из тронной комнаты в траурную залу по нижеследующему церемониалу: «Знатное духовенство соберется в облачении в тронную комнату; обоего пола придворные... кои вход имеют за кавалергардов, - в дежурную кавалерскую комнату Его И. В-ва, а прочие - в кавалергардскую». Затем по приказанию государя особы, назначенные для перенесения регалий, берут оные и в предшествии фурьеров, церемониймейстеров и гофмаршалов переносят их в траурную залу. В процессии младшие регалии несутся впереди, причем «от первого регалия до последнего по обе стороны идут кавалергарды». За регалиями вослед - император с императрицей и членами императорской фамилии и за ними весь остальной двор. *«При входе церемонии в траурную залу уже расставлены будут наперед командированные к телу гвардии офицеры, кавалергарды, пажи и камер-пажи, а именно: на верхней площадке катафалка - четыре гвардии офицера, пажи и камер-паж, а на нижней галерее катафалка - двенадцать кавалергардов с карабинами на плече и, как уже выше сказано, в предписанном трауре».*

Затем Их Величества со всем двором вновь возвратились в тронную комнату, где по совершении литии (*Лития (от греч. Lite) - просьба, моление*) - обряд в христианстве, отпевание умершего при выносе тела) тело было положено в гроб и в торжественной процессии перенесено в траурную залу. В траурной зале «все было обтянуто черным. Блестящий огонь в камине освещал эту комнату скорби. Кавалергарды с их красными колетами и серебряными касками разместились группами, или облокотившись на свои карабины, или отдыхая на стульях... Вокруг катафалка горело шесть лампад, а на ступенях, опершись на свое оружие, стояли кавалергарды», несшие теперь свою последнюю службу своей государыне и благодетельнице.

2 декабря жителям Петербурга представилось необыкновенное зрелище, которое еще недавно не представилось бы самому смелому воображению: из Невского монастыря потянулась в Зимний дворец печальная процессия с останками Петра Федоровича...

По прибытии шествия во дворец гроб Петра Федоровича был внесен в траурную залу и поставлен на катафалке рядом с гробом Екатерины II. *«Посреди залы воздвигнут был катафалк. Государыня лежала в открытом гробе, с короной на главе. Тело было покрыто императорскою порфиною (Порфира (от греч. Porphyreos - пурпурный) - пурпурная мантия монарха); вокруг было поставлено шесть подсвечников. Против гроба священник читал Евангелие. На ступенях катафалка стояли кавалергарды, печально опершись на свои карабины. Зрелище было прекрасное, умиленное и величественное, но гроб с прахом Петра III, стоявший подле, смущал душу. Сердце разрывалось при виде этого оскорбления, которого не могла предотвратить сама смерть... Дивные слова Евангелия глубоко проникали в мою душу, - говорит графиня В. Н. Головина, - все кругом меня казалось мне ничтожеством... Лунный свет обильно лился в окна. Этот тихий и спокойный свет составлял резкую противоположность с многочисленными огнями среди обширной залы. Все остальное пространство ее было во мраке... по временам вопли и рыдания нарушали торжественную тишину».*

5 декабря оба гроба одновременно перевезены в Петропавловский собор, где в тот же день последовало отпевание. Того же числа графу Мусину-Пушкину объявлена «высочайшая благодарность за образование новых кавалергардов», а на другой день последовал нижеследующий высочайший приказ: «Его И. В-во всемилостивейше повышает всех старых кавалергардов чипом; командиру их представить их желание: куда кто и в какой род службы желает; ибо их служба кончится по прошествии шести недель от кончины блаженной памяти императрицы». С 5 по 18 декабря народ всякого звания допускаем был на поклонение, а в этот день останки Петра Федоровича и императрицы Екатерины II после панихиды были преданы земле.

С этим вместе кончилась служба Ее Императорского Величества Кавалергардского корпуса. Высочайшим приказом 25 декабря все старые кавалергарды были распределены по местам. Таким образом кончилось существование кавалергардов, «имевших колыбелью своею учрежденную Елизаветой Петровной и потом Петром III упраздненную Лейб-кампанию»...

Первоначально Мусин-Пушкин начал формировать Кавалергардский корпус в составе одного эскадрона, но уже 31 декабря Павел I приказал «из всех полков гвардии отослать генералу от кавалерии графу Мусину-Пушкину числом 500 унтер-офицеров для составления вновь двух кавалергардских эскадронов». 3 января кавалергарды получили три штандарта, по одному на каждый эскадрон. В церемонии прибавки штандартов приняли участие император, императрица, великие князья Александр Павлович и Константин Павлович, великая княгиня Анна Федоровна, великие княжны Александра и Елена Павловны «и многие знатные персоны». Того же числа было отдано в высочайшем приказе: «Его Величество объявляет свое удовольствие генералу от кавалерии графу Мусину-Пушкину за скорое формирование кавалергардов».

Учрежденные Павлом I «новые» кавалергарды появились первый раз в строю (в составе одного эскадрона) на крещенском параде 6 января 1797 г. и стояли сперва вместе с прочими войсками на площади между Зимним дворцом и зданием Главного штаба, а потом во время шествия императрицы и великих княгинь и княжон перешли к парадному подъезду, со стороны набережной Невы. Император лично командовал войсками, а великие князья Александр и Константин Павловичи находились при своих полках (Семеновском и Измайловском). «Первый полк (Преображенский) предводитим был Его Величеством, а когда оный прошел, то Его Величество изволил прибыть в галерею к Ее Величеству и оттуда изволил смотреть идущих полков... а когда надлежало следовать коннице, то Его Величество изволил выйти и, сев на верховую лошадь, изволил присутствовать при оном войске».

Получив трехэскадронный состав, Кавалергардский корпус стал именоваться Кавалергардскими эскадронами, которых штат был издан 26 января 1797 г. Кавалергардам было присвоено обмундирование белого цвета с красным и с серебром, по форме кирасир того времени с кирасирским же вооружением, причем кавалергарды обыкновенно носили треугольные шляпы, но в торжественные дни надевали серебряные кирасы и серебряные же шишаки со страусовыми перьями. Кавалергарды явились в серебряном снаряжении 27 февраля 1797 г., когда часть их конвоировала последнего польского короля Станислава Августа во время торжественного его въезда от мызы графини Скавронской (м. Графская Славянка) в назначенный для его жительства Мраморный дворец.

На коронацию в Москву отправлен был 9 февраля 1-й (единственно сформированный тогда) эскадрон под командою Давыдова, причем государь лично провожал эскадрон. Остальные формировавшиеся эскадроны оставлены в Петербурге под командою полковника Фроловского. В день коронации граф Мусин-Пушкин произведен в генерал-фельдмаршала «с пожалованием также 4000 душ крестьян».

Во время пребывания императорской фамилии в Москве и под Москвою кавалергарды, Конная гвардия и лейб-гусары занимали внутренние дворцовые караулы. 1-4 апреля была церемония раздачи вновь утвержденных знаков отличия св. Анны, причем вся гвардия расставлена была от Красного крыльца до дома графа Безбородко, в котором жил государь. Вероятно, кавалергарды участвовали:

1) на молебствии в Успенском соборе 13 апреля, после которого было чтение нового статута орденов, в число которых не были внесены ордена св. Георгия и св. Владимира (но во время чтения статута «государь изустно с престола изрещи соизволил тако: *«А орден св. великомученика и Победоносца Георгия остается на прежнем своем основании так, как и статут его»*);

2) на параде в день Преполовения (*Преполовение, т. е. половина Пятидесятницы, древний христианский праздник*), когда император Павел, одетый в далматик (*род мантии или накидки*) и с короной на голове, лично командовал войсками... 6 мая эскадрон выступил из Москвы.

Нам неизвестно, когда вернулся 1-й эскадрон в Петербург, но 9 июня в первый раз мы встречаем название Кавалергардского полка. В высочайшем приказе от того числа читаем: «Кавалергардского полку в лейб-эскадроне быть шефу генерал-фельдмаршалу графу Мусину-Пушкину; во втором - генерал-лейтенанту маркизу д'Отишану; в третьем - полковнику Давыдову. Полковым же командиром быть по шефе генерал-лейтенанту маркизу д'Отишану». Назначение маркиза д'Отишана могло принести большую пользу новоформируемому полку.

Считаясь одним из лучших кавалерийских генералов того времени, он жил уже несколько времени в Петербурге, пользуясь особым благоволением императора Павла, и перед самою коронацией был принят из генерал-лейтенантов французской службы в русскую, в кавалерийские полки, с ношением кавалерийского армейского мундира.

До нас дошли скудные сведения о внутреннем быте Кавалергардских эскадронов. Они, в сущности, до начала лета 1797 г. состояли на бумаге. В феврале двое кавалергардов были выключены из эскадронов: один, Круглов, - «за дурное поведение» определен рядовым в армию; другой, Федоров, - «для суждения в дурном его поведении и самовольной отлучке» отдан под суд. И то и другое сделано по высочайшему повелению.

Есть основание предполагать, что среди собранной со всех концов России дворянской молодежи были и маловоспитанные люди, и даже гуляки. Так, 7 апреля 1797 г. петербургский генерал-губернатор граф Буксгевден дал на имя полковника Фроловского два ордера. В первом из них Буксгевден писал: *«Дошло до сведения моего, что больные вверенных вам эскадронов повседневно умножаются... и многие из них присылаются в венерических болезнях, почему и предписываю вам, господин полковник... стараться всячески удерживать от вышеобъявленных дурных болезней и от такого распутства сих молодых людей»*. Во втором ордере значилось: *«Ежедневно усматриваю я, что находящиеся под*

ведомством вашим кавалергарды не только в крайней неопрятности ходят по городу, но и должного почтения не оказывают даже и генералитету; почему и предписываю вам подтвердить, чтобы господа офицеры за своими подчиненными в сих случаях имели строжайший присмотр, приказав наблюдать должное о предпочтении не только генералитету, но и всем штаб- и обер-офицерам, а в противном случае имеет поступлено быть, яко с ослушниками воинских предписаний»

Граф Буксгевден возлагал на Фроловского задачу совсем не по плечу: удерживать молодежь от дурных поступков, внушать им правила военного приличия Фроловский не мог ни по своему воспитанию, ни по усвоенным им «гатчинским» взглядам на отношения начальника к подчиненным. Фроловский разрешил задачу столь «по-гатчинскому», что даже другой «гатчинец» Давыдов пришел в некоторое смущение: 22 марта Фроловский донес Буксгевдену и Давыдову о неисправимо дурном поведении 17 кавалергардов, причем сообщил, что двое из них были им «наказаны розгами». Буксгевден взглянул на применение розг к дворянам снисходительно; Давыдов же в ответ на рапорт Фроловского писал ему, что он поступил «незаконно и с упущением должности», что наказание двух кавалергардов розгами «совсем неприлично, а могли бы не токмо двух, но и более при собрании обоих оставших эскадронов наказать соразмерно их вине фухтелями» (!) (*Фухтель* (от нем. *Fuchtel* - шпага) - вид телесного наказания, когда наказуемых били шомполами или клинком плашмя по обнаженной спине). На донесении графа Буксгевдена государю последовала собственноручная высочайшая резолюция: «Написать всех оных в рядовые к Бенкендорфу в полк».

Такова была обстановка, среди которой пришлось появиться на свет первому полку кавалергардов. В основу его была положена верная мысль, которую император Павел попытался вторично осуществить в 1799 г. в виде «стражи гроссмейстера державного ордена св. Иоанна Иерусалимского», или, иначе говоря, второго (по времени сформирования) полка кавалергардов. Мысль заключалась в следующем: заставить действительно служить, а не числиться на службе русскую дворянскую молодежь и, заставив ее испытать на себе всю тяжесть службы нижнего чина, этим самым подготовить ее к званию офицера армейской кавалерии.

Павлу I по причинам, которые мы увидим ниже, не удалось осуществить этой мысли; привести ее в исполнение много лет спустя пришлось его преемнику. Сознавая, что для того, чтобы быть достойным офицером, необходимо кроме твердого и всестороннего знания обязанностей службы быть воспитанным в чувствах чести, император Павел решил собрать всю эту молодежь вместе, поручив ее нравственное воспитание и строевое образование французскому эмигранту, кавалерийскому генералу маркизу д'Отишану.

Выбор был одновременно удачный и неудачный. Несомненно, что д'Отишан знал и любил кавалерийское дело и, как руководитель строевого кавалерийского образования, он был на высоте поставленной ему задачи; то же самое мы должны сказать и относительно его нравственных качеств. Неудачным же мы позволяем себе назвать этот выбор в том отношении, что д'Отишан был иностранец, и к тому же эмигрант. Он не знал ни слова по-русски; с другой стороны, огромное большинство кавалергардов не знало ни слова по-французски, и, следовательно, командир полка не мог иметь непосредственного влияния на своих подчиненных. Д'Отишан, как эмигрант, был представителем идей «старого режима» Франции, режима аристократического, совершенно не свойственного ни духу России, ни исторически выработанным государственным началам империи. Вместе с тем такого рода назначение было резким отступлением от завета Петра Великого, не допускавшего иностранцев на главные места в войске, завета, которому так блистательно и плодотворно для развития самосознания, чести и достоинства России следовали обе продолжательницы его великого дела: Елизавета Петровна и Екатерина II.

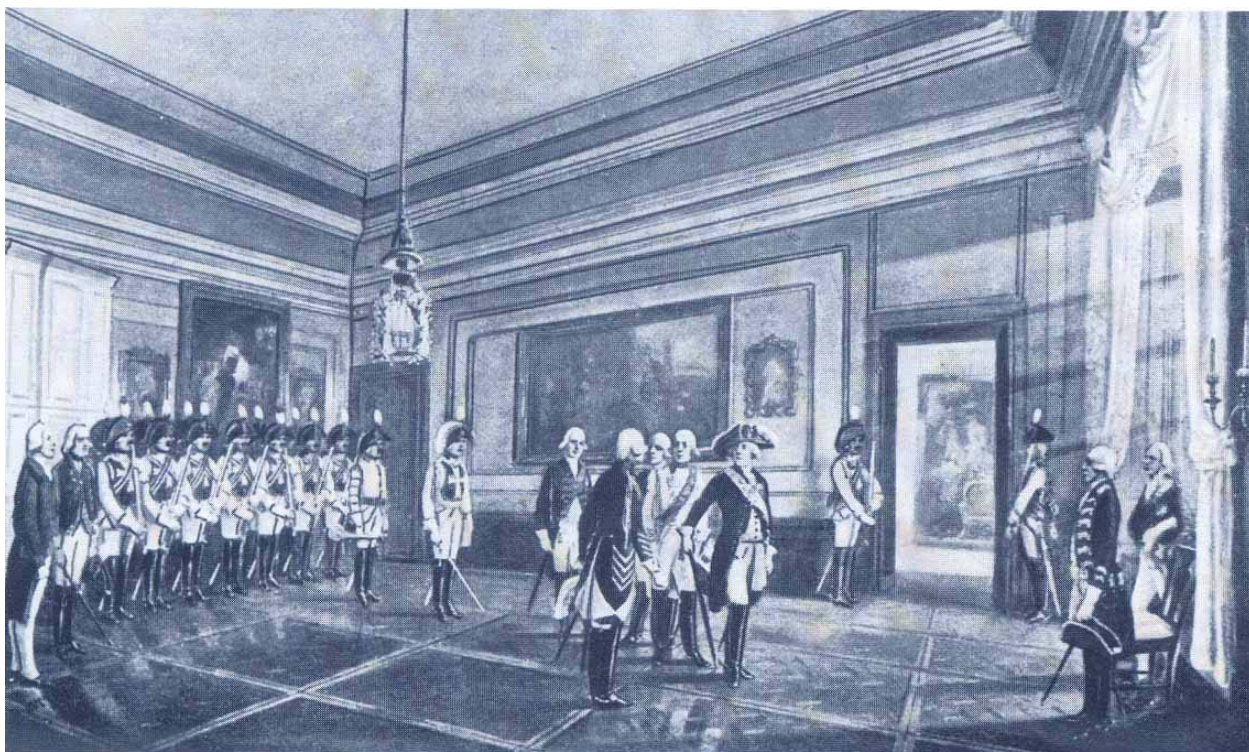
Полковой штаб-трубач

Еще до назначения командира Кавалергардскому полку император Павел непосредственно сам входил в мелкие подробности службы кавалергардов, чем, несомненно, умалял значение шефа графа Мусина-Пушкина. С назначением д'Отишана командиром полка значение шефа еще более уменьшилось: д'Отишан имел или прямо доклад у государя, или же представлял государю свои доклады через великого князя Александра Павловича.

Служба

Обязанности службы кавалергардов при императоре Павле были те же, что и в предшествовавшие царствования, - составлять ближайшую охрану Их Величеств. Желая воздать царские почести польскому королю Станиславу Августу, Павел I приказал и во дворцы, где жил король, посылать караул от кавалергардов. Во время пребывания императора или императрицы в загородных дворцах туда посылалась команда кавалергардов.

Мы видели, что Павел I желал, чтобы кавалергарды, продолжая исполнять свои прежние обязанности, явились бы вполне организованной строевой кавалерийской частью, для чего им были даны лошади, чего не было со времени распускания Кавалергардского корпуса императрицей Анной Иоанновной.

Павел I в залах Гатчинского дворца

Лето 1797 г. застало Кавалергардский полк в полном разгаре формирования, и потому кавалергарды не принимали участия в маневрах в Гатчине, но эскадрон, находившийся в Павловске, участвовал в фальшивых тревогах, происшедших 2 и 4 августа. Очевидец-современник так рассказывает об этих тревогах: *«Однажды вечером (это было 2 августа), когда государь, окруженный двором и своим обычным обществом, прогуливался в саду Павловска, услышали вдруг звуки барабана, на которые обратили особое внимание, так как для вечерней зори было еще рано. Изумленный государь остановился. Звуки барабана раздавались уже повсюду. «Да это - тревога!» - вскричал Павел и быстрыми шагами возвратился ко дворцу, сопровождаемый великими князьями и военными. Императрица с остальной частью общества следовала за ним издали. Приблизившись ко дворцу, нашли, что одна из ведущих к нему дорог занята была частью гвардейских полков; кроме того, со всех сторон и со всевозможною поспешностью стекались ко дворцу и кавалерия,*

и пехота. Спрашивали, куда нужно было идти, сталкивались, и на дороге, недостаточно широкой для скопления войск, кавалерия, пожарный обоз, военные повозки прокладывали себе путь с ужасными криками. Императрица, опираясь на руку одного придворного, пробиралась через эту толпу, спрашивая об императоре, которого она потеряла из виду. Беспорядок наконец сделался так велик, что некоторые дамы, именно великие княгини, принуждены были перескочить через забор, чтобы не быть раздавленными. Вскоре войскам дан был приказ разделиться. Повернули ко дворцу. Император был взволнован и в дурном расположении духа. Аллей было много, и войска продолжали прибывать ко дворцу в течение всего вечера. Подобное и без всякой уважительной причины скопление войск, имевших репутацию беспокойных, коими были гвардейцы, могло только встревожить такой подозрительный и недоверчивый характер, каким был характер императора. После долгих розысков открыли, что вся эта суматоха произведена была трубою, на которой играли в конногвардейских казармах. В ближайших казармах вообразили, что это сигнал к тревоге, повторили его, и таким образом тревога распространялась от одного полка к другому. Войска думали, что это была действительно тревога, испытание... Через день, почти в тот же час, когда двор прогуливался в другой части сада, прилегавшей к большой дороге и отделенной от нее лишь оградой, вдруг услышали звук трубы, и несколько кавалеристов во всю прыть прискакали по тропинке, прилегавшей к большой дороге. Император в гневе бросился на них с поднятою палкой и принудил возвратиться назад. Великие князья и адъютанты торопились последовать его примеру. Все были очень удивлены этой второй сценой. Императрица в особенности потеряла голову... На этот раз войскам помешали собраться, по никогда не узнали достоверно истинной причины этой второй суматохи: никто не мог или не хотел объяснить ее. Говорили, что, убежденные в том, что суматоха, происшедшая за день до того, была тревогой, произведенной по приказанию императора, гвардейцы были ежеминутно наготове ко второй и что легкий шум показался им сигналом; другие утверждали, что сигнал дан был шутником с целью произвести смятение, подобное предыдущему. В конце концов некоторые были наказаны, и затем ничего подобного более не повторялось».

В сущности, все это дело само по себе не имело серьезного значения: смятение было, несомненно, только результатом нервного состояния гвардии и всех лиц, бывших при особе государя, который военные забавы и упражнения считал самым важным делом монарха и весьма часто подвергал опасности свое достоинство самодержца, превращаясь в самого заурядного и мелочного экзерцирмейстера.

Дух и дисциплина

Мы уже видели, какой был дух и какова была дисциплина в Кавалергардских эскадронах. То же самое мы должны сказать и о Кавалергардском полку. Порывность формирования эскадронов согласно идее хотя и верной, но плохо отвечавшей действительности и не разработанной в деталях, поручение этой задачи сначала графу Мусину-Пушкину, никогда не отличавшемуся избытком энергии и самостоятельности, а затем пришлому маркизу д'Отишану не сулили успеха полку. Недаром еще 3 июля д'Отишан обращался к Мусину-Пушкину с просьбой ходатайствовать перед государем о приостановке на некоторое время дальнейших назначений в кавалергарды. Нужно было разобраться в собранном материале, нужно было его рассортировать и профильтровать, но для этого нужно было время, а его не давали.

Кому из нас не известно, что при формировании части из других частей последние стараются спустить весь свой физический и нравственный брак? Так было и при формировании Кавалергардского полка: полки в числе своих фурыеров, капралов и т. д. отправили все, что было у них худшего. Неудивительно поэтому, что в числе присланной молодежи оказались не только дурно воспитанные люди, но даже воришки.

Кавалергарды в царствование Павла I

Так, кавалергард Иван Смердов «ночью, разломав замок в комнате, где хранятся принадлежащие к обозу вещи, с двух выючных попон ободрал позумент и одну из них похитил, а выжигу продал за 5 руб.; потерял карабин и шпоры; продал казенные вещи: фуфайку, перчатки, шляпу и чемодан... всего на 128 руб. 40 коп.». Суд постановил: Смердова повесить. Генерал-аудитор заключил: лишив Смердова настоящего звания и дворянства, написать в отдаленные гарнизонные полки вечно в солдаты. 27 августа 1797 г. по делу Смердова последовала нижеследующая высочайшая резолюция: "Весьма так".

9 июля дежурный по полку ротмистр Титов 1-й рапортовал маркизу д'Отишану: «Сего 9 июля дня стоящий на квартире на Вознесенской улице в доме купца Тразина кавалергард Кроткой 1-й прибил эскадрона Вашего превосходительства кавалергарда Колтовского, которого, по осмотру моему, нашел я весьма больно прибитым в левый глаз и щеку; от коего удара видны во всю левую сторону синие знаки с великою при том опухолью». Драка произошла из-за неуместной и гнусной шутки Колтовского относительно сестры Кроткого. Глубоко возмущенный кулачною расправой между кавалергардами, д'Отишан ходатайствовал перед графом Мусиным-Пушкиным об исключении обоих из полка. 28 июня Мусин-Пушкин прислал ордер д'Отишану: «Его Императорское Величество всевысочайше указать соизволил, чтобы кавалергардов, содержащихся под арестом, Кроткого и Колтовского, за худое их поведение из полку Кавалергардского выключая, отослать в государственную Военную коллегию для определения в армейские полки в рядовые».

Но что можно было ожидать от молодых кавалергардов, когда большинство их офицеров были типичные *gatchinois* вроде поручика Букина, который, будучи дежурным, напивается пьяным, самовольно покидает дежурство и под предлогом, что кавалергард Сербин не отдал ему чести, бьет его на улице и сажает на конюшню, а не под арест. Маркиз д'Отишан стремится насадить порядочность в высочайше вверенном ему полку, в котором каждый рядовой - дворянин, в полку, который должен служить рассадником офицеров армии.

Шеф полка при назначении д'Отишана дает ему (20 июня) ордер, в котором значится: *«Полк Кавалергардский препоручается в полное командование в. пр-ва, почему имеете вы оный осмотреть во всех частях, а при том рекомендую в. пр-ву при собрании всех господ штаб- и обер-офицеров объявить, чтоб не осмеливались они унтер-офицеров и рядовых штрафовать палкою, также и бранными или грубыми словами, а обходились с ними ласково и вежливо, как должно с благородными людьми. Ежели кто окажется в худом поведении или в нерачении своей должности, о таковых представляли бы они вам, а вы уже по мере преступления имеете штрафовать по вашему рассуждению, сходно со званием кавалергарда»*. Так писал рожденный в благородстве и действительно благородный человек другому себе подобному, но... писать было одно, а действительность была иная. Запрещение «штрафовать палкою благородных» слишком походило на потемкинские времена, когда даже «неблагородным» разрешалось, и то в крайних случаях, давать не более шести палок. Но потемкинские времена решено было вырвать с корнем и даже след его могилы замести; признано было, что «при князе Потемкине... вместо службы обращались в передней и в пляске», а Аракчеев шел дальше, у него язык поворачивался боевые знамена называть «екатерининскими юбками»!

Подтянуть некоторую распушенность, существовавшую в конце царствования Екатерины II в войсках вообще и в гвардии в особенности, было необходимо, но вместо того, чтобы сделать это исподволь и пригодными для русских мерами, решено было подтянуть на прусский образец, т. е. при помощи суровых телесных наказаний, давно уже выведенных у нас Потемкиным. «Эмблемою их и служила трость, заимствованная от пруссаков вместе с их одеждой и уставами». Исправить армию должны были «гатчинцы».

Квартирное довольствие

Для жительства Кавалергардских эскадронов и Кавалергардского полка были отведены дом «под названием прежде бывшего Боурского корпуса» (Литовский замок) и, кроме того, два дома, перешедшие в казну, находившиеся поблизости замка. Но далеко не все кавалергарды могли поместиться в казенном здании, и потому некоторые были расквартированы по обывательским домам в Коломне, по Вознесенской и Офицерской и прилегающим к последним улицам.

Забываясь о дисциплине полка, д'Отишан хорошо понимал, что главное средство для поддержания ее - собрать всех кавалергардов в одно место для жительства, и потому представил проект о ремонте Боурского корпуса; расчет был составлен в июле месяце еще на трехэскадронный полк. При этом по смете архитектора требовалось 22 735 руб. 23 коп. Были припасены материалы и приступлено к некоторым работам, но полк был расформирован до окончания их.

Расформирование полка

Уже в начале августа у императора Павла явилась мысль не то сократить численность кавалергардов, не то вовсе уничтожить Кавалергардский полк. 11 сентября началось сокращение штатов. Кавалергардам было предоставлено на выбор: 1) офицерам - выйти в отставку с мундиром, или перейти тем же чином в Конную гвардию либо лейб-гусары, или же соответствующим чином на гражданскую службу; 2) унтер-офицерам - перейти тем же званием в полки, откуда поступили в кавалергарды, или же выйти в отставку с чином гвардии корнета, но без права ношения в отставке мундира, или же коллежским юнкером в гражданскую службу; 3) кавалергардам - выйти в отставку со званием унтер-офицера или же коллежским юнкером в гражданскую службу. 123 лошади переданы Конной гвардии, 18 - лейб-гусарам, обозные лошади - Преображенскому полку. Серебряная амуниция и конский убор переданы Конной гвардии.

Поддержание дисциплины не было легко, когда о расформировании полка не было и речи, теперь же это сделалось еще затруднительнее. Все старания д'Отишана, пока еще была надежда на сохранение хотя одного эскадрона, были направлены к быстрому удалению из полка всех выбывающих за сокращением штата. Мало того что денщики вели себя так, что д'Отишан ходатайствовал о поголовном их арестовании, но уволенный уже из полка кавалергард Пинонжик пытался украсть полковую печать...

1 декабря 1797 г. Кавалергардский полк фактически прекратил свое существование.

Мальтийские рыцари

*Так, князь! держись и ты сих правил
И верь, что похвала мечта:
Счастлив, коль отличает Павел
И совесть у тебя чиста!*

*Г. Р. Державин.
"Похвала за правосудие"*

Эпоха императора Павла замечательна не только внезапными падениями, но и нечаянными возвышениями. Так что нет ничего удивительного в том, что расформированный Кавалергардский полк вскоре не только «восстал из пепла», но и превратился в самый привилегированный полк славной российской гвардии. Рассказ о возрождении полка мы должны начать с истории мальтийских рыцарей.

Со второй половины XI века в Иерусалиме существовал странноприимный дом (дом для паломников, госпиталь) и при нем была церковь во имя св. Иоанна. Постепенно это учреждение разрасталось и превратилось сначала в братство иоаннитов (или госпитальеров), а затем - в монашеский орден. Через некоторое время орден был преобразован в духовно-рыцарский...

Орден иоаннитов как по несомненной своей пользе, так и по покровительству, оказываемому ему папами, быстро возрос в своем значении, и в такой же степени возросло его материальное благосостояние. Многие лица жертвовали ордену не только деньги, но и имения, и вскоре почти во всех странах Западной Европы орден владел землями. Такие участки земли назывались командорствами, и они управлялись заслуженными и увечными рыцарями ордена. Шаг за шагом отступал орден перед напором османлисов, и мы должны сознаться, что никто не сделал более его в отстаивании общехристианских святынь от владычества неверных. В 1291 г. была взята турками Акра, последняя опора христиан в Палестине, и иоанниты перешли на остров Родос. С переходом на Родос еще более изменился характер ордена: из духовно-рыцарского он все более и более становился исключительно рыцарским. Странноприимство отошло на задний план; рыцари завели сильный флот, не раз наносивший жестокие поражения туркам. Султаны ясно увидели, что они до тех пор не могут быть спокойны в своих владениях, пока Родос не будет взят и орден уничтожен. В 1522 г. султан Сулейман II с 400 судами и 140-тысячной армией высадился на Родосе. После продолжительной осады великий магистр ордена Виллье де л'Иль-Адан вынужден был покинуть Родос. Орден обосновался на острове Мальта, уступленном ему Карлом V.

С переходом рыцарей на Мальту они стали именоваться мальтийскими рыцарями; они принимали участие во всех войнах западных держав с турками и вели постоянную борьбу с пиратами, бороздившими Средиземное море.

Управление Мальтой было чисто в духе феодального права и возбуждало постоянное сопротивление мальтийцев, не раз переходившее в восстание. Но по мере того как принципы, выработанные феодализмом, отживали свой век, менялся и облик ордена. «Героические его времена существовали только в воспоминаниях, а вместе с этим исчезла и строгость дисциплины. Вера и рыцарские идеи, основные двигатели знаменитого учреждения, не оказывали более влияния на потомков госпитальеров. Большинство их считало себя избавленными от строгого соблюдения монашеских обетов... и предалось светским удовольствиям». Упадок ордена, начавшийся еще с половины XVIII века, дошел к концу века до крайности.

Россия, находившаяся в постоянной борьбе с турками, должна была обратить внимание на Мальту. «Остров Мальта с его разросшимися укреплениями начинает считаться с XVIII века одной из сильнейших крепостей Европы, и это обстоятельство в соединении с его географическим положением привлекает внимание всех держав, стремящихся господствовать в Средиземном море. До сих пор христианские государи вели борьбу между собою из-за приобретения главенства в самом ордене... но с XVIII века каждый государь желает завладеть островом и, не будучи в состоянии этого сделать, старается помешать, чтобы остров не попал в руки соперника».

Первые сношения России с Мальтой произошли при Петре I, поручившем боярину Борису Петровичу Шереметеву посетить великого магистра ордена. При преемниках его связь с Мальтийским орденом ограничивалась одними официальными и редкими сношениями. Екатерина II оценила стратегическое значение острова Мальта. Она вошла в тайные переговоры с гроссмейстером Пинто и старалась уговорить его принять участие в тогдашней войне русских с турками. Но «правительство Мальты было слишком подчинено двору Людовика XV, влияние французов было слишком велико в совете ордена и на всем острове; великий магистр, рыцари и мальтийцы не могли согласиться на такое предложение».

В таком же положении оставалось дело и при преемниках Пинто. Ближайший преемник его Хименес хотя в силу заключенного с Россией тайного договора и приказал своему флоту соединиться с эскадрой графа Алексея Орлова, но перед угрозой французского правительства отнять у ордена все имущества, находившиеся во Франции, отказался от союза с Россией, однако передал русским все карты и планы, заготовленные орденом для экспедиции на восток.

В другой раз сношение ордена с русским правительством возникло как последствие раздела Польши. В начале XVII столетия последний потомок князей Острожских Януш, учредив из обширных владений своих на Волыни майорат, отказал его по духовному завещанию князьям Заславским, с тем чтобы по пресечении этого дома из майората учреждено было в Польше приорство Мальтийского ордена. Род князей Заславских угас в последних годах того же столетия, но вследствие разных притязаний польских вельмож на Острожское имение приорство было учреждено только в 1773 г. по взаимному согласию держав, участвовавших в первом разделе Польши. Установлено было польское приорство с шестью командорствами, имевшее главным своим местопребыванием г. Острог и получавшее на свое содержание ежегодно 120 тыс. флоринов из Острожского имения.

При последнем разделе Польши Волынь отошла к России, и Екатерина уничтожила польское приорство.

Еще при Екатерине начал службу в русском флоте мальтийский рыцарь Юлий-Ренато Литта. Оказанные им подвиги в первом Роченсальмском сражении (1789 г.) доставили ему орден св. Георгия и золотую шпагу, но поражение нашей гребной эскадры при том же Роченсальме в 1790 г. было причиной того, что Литта был уволен в Италию в отпуск «впредь до востребования». В начале 1795 г. граф Литта вернулся в Петербург в ка-

честве посланника ордена св. Иоанна Иерусалимского и в декабре того же года зачислен в гребной флот сверх комплекта. При жизни Екатерины Литта не мог добиться возвращения ордену доходов с Острожского имения, но со вступлением на престол Павла I ему удалось достигнуть своей цели. «Зная всю ненависть Павла I к правилам французской революции, искусно пользуясь рыцарским и способным к увлечению характером императора, кавалеры Мальтийского ордена, или лучше Литта, старались внушить ему, что он совершает великое дело для христианства и человечества, поддерживая этот орден, который служит оплотом христианской религии против неверия и защитником монархий против якобизма и начал революционных. Пламенному воображению Павла I умели представить Литта и

Звезда и знак ордена
св. Иоанна
Иерусалимского
(Мальтийский крест)

другие, что в Мальтийском ордене можно соединить все дворянство Европы и образовать в нем такой военный институт в Европе, который был бы средоточием всего благородного и которого главная цель состояла бы в поддержании престолов государей и разрушении зловредных начал французской революции». Особой конвенцией 1797 г. государь увеличил доходы ордена до 300 тыс. флоринов, причем взамен польского приорства учреждено «российское великое приорство», которое должно было состоять из десяти командорств, жалуемых только русским подданным.

Получив известие о заключении конвенции, великий магистр Роган решил выслать в Петербург орденскую святыню - крест, который носил Ла Валетт (магистр ордена), и вместе с тем предложить императору принять титул «протектора ордена св. Иоанна Иерусалимского».

«Пламенное воображение Павла I рисовало ему уже при этом самые великолепные картины; его благодушно-рыцарское сердце уже веровало, что вот скоро около него соберется все дворянство Европы, все талантливое, благородное, нравственное и любящее порядок и законность окружит его, и он - новый Готфрид Бульонский - во главе своей верной и преданной армии пойдет крестовым походом против ненавистной революции, восстановит ниспроверженные монархии, водворит нравственность и законность и, увенчанный лаврами и осыпанный благословениями от всех монархов, будет управлять судьбами Европы» (Готфрид Бульонский (1060-1100) - герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей первого крестового похода на Восток).

Из всего этого огромного плана приведена была в исполнение только часть его, а именно: учреждена была Павлом I, по званию великого магистра, особая гвардия, составленная исключительно из дворян. Первое повеление о формировании этой гвардии под названием Кавалергардского корпуса было объявлено графу Литте 8 января 1799 г., а 11 января состоялся следующий высочайший приказ: «В формирующийся Кавалергардский корпус для составления гвардии особы великого магистра ордена св. Иоанна Иерусалимского назначаются: шефом - поручик великого магистра граф Литта, а лейтенантом - находящийся в свите Его Императорского Величества генерал-майор князь Долгоруков».

В каком числе формировался корпус, в официальных бумагах того времени называвшийся Кавалергардским Его Императорского Величества корпусом, сведений не сохранилось. Известно только, что император, предоставив себе назначение офицеров и унтер-офицеров, разрешил графу Литте выбирать в кавалергарды по собственному усмотрению унтер-офицеров из всей гвардии, однако не иначе как с согласия полкового начальства. Графу Ростопчину удалось низвергнуть Литту, который впал в немилость и 18 марта был уволен от службы и выслан в поместье жены своей графини Скавронской. На

место Литты шефом корпуса назначен был 22 марта князь Владимир Петрович Долгоруков.

3 апреля император Павел учредил «двор великого магистра державного ордена св. Иоанна Иерусалимского». В числе чинов этого двора был командир гвардии, но уже 17 апреля звание это уничтожено, и в орденских церемониях место его занял шеф кавалергардов со званием капитана гвардии великого магистра.

Кавалерийский супервест

Первоначально Кавалергардскому корпусу был дан штат, включавший 2 генералов (шефа и командира), 5 штаб- и обер-офицеров, 9 унтер-офицеров, 75 кавалергардов, 1 литаврщика, 4 трубачей и 92 нестроевых разного звания, в том числе денщиков для уборки лошадей 44 и офицерских 38. Все поименованные здесь чины, за исключением музыкантов и нестроевых, должны были быть из дворян. Шеф и командир полагались из командоров, а все

штаб-, обер- и унтер-офицеры - из кавалеров Мальтийского ордена, т. е. с назначением в Кавалергардский корпус лица эти жаловались Павлом Петровичем в мальтийские рыцари.

Для командоров учрежден был знак для ношения на шее (белый финифтяный крест, с золотыми лилиями на углах и с золотой короной наверху), а для кавалеров - такой же, меньших размеров, для ношения в петлице. Кресты носились на черной ленте. Кроме того, у командоров и у кавалеров на левой стороне колета и мундира нашивалось изображение орденского креста из белой материи. Содержание корпуса отнесено на суммы капитула ордена.

Как и в 1797 г., все строевые чины Кавалергардского корпуса имели обмундирование и вооружение по образцу кирасирских полков, причем в парадных случаях они носили малиновые супервесты с белым почти во всю грудь крестом, а в большие торжества надевали каски с перьями и орденские (малинового цвета), через плечо, шарфы. Корпусу был дан штандарт из малинового штофа с белым прямолинейным крестом. Все принадлежавшие к строевому составу корпуса имели еще особый красный мундир для придворных собраний и балов, и кавалергардские офицеры нередко отправляли службу за камергеров, для чего накануне по корпусу отдавался особый приказ: «Наряжается в выход за Его Императорским Величеством такой-то, которому быть в красном мундире и башмаках». При представлениях театральных пьес в Эрмитажном театре этот офицер стоял обыкновенно за креслом государя.

К преимуществам кавалергардов (офицеров и нижних чинов) описываемой эпохи принадлежит еще ношение шляп с плюмажем, что тогда в военном ведомстве было присвоено одним генералам.

В числе обрядов мальтийских рыцарей существовал обряд сожжения костров накануне Иванова дня - орденского праздника. Обычай этот сохранился от времен нахождения ордена в Палестине, когда именно в этот день на кострах сжигали белье, бывшее в употреблении в странноприимных домах. С водворением ордена в Петербурге обряд этот с большой торжественностью был соблюден в первый раз 23 июня 1799 г.; в церемонии этой принял участие сам государь. Еще 16 июня половина Кавалергардского корпуса под командою князя Михаила Петровича Долгорукова, оставившего нам описание этой цере-

монии, была послана из Павловска в Петербург для привоза мальтийских регалий: гроссмейстерской короны, знамени, кинжала веры и печати.

«Итак, - пишет Долгоруков, - 20 июня я привожу все эти вещи из Петербурга с великим торжеством; для каждой из них была отдельная карета, а для знамени - коляска; в каждой карете было по три персоны. Корону везли гр. Шереметев, кн. Барятинский и кн. Трубецкой; знамя - гр. Головкин, Олсуфьев и еще множество лиц, назначенных для держанья этих предметов. Мы ехали с большим торжеством до Павловска, где нас приняли. Всем бывшим там кавалерам и командорам (ордена св. Иоанна Иерусалимского) приказано было сделать встречу в парадных одеждах и прибыть во дворец, куда все это было отвезено. Надо сознаться, что я совершил этот путь по чрезмерной жаре, что всем придворным господам было крайне не по нутру. Накануне праздника, в 6 часов вечера, все войска были в параде на площади пред дворцом. Мы же были в самом дворце, равно как эскадрон Конной гвардии, который был размещен по покоям на проходе Е. И. Величества».

Ровно к 6 часам все находившиеся в Петербурге кавалеры и командоры собрались во дворец. Высочайший выход проследовал в Большую залу, где император и императрица встали у трона. Великий сенешал Нарышкин поднес «на золотом блюде освященную факлу незажженную, каковые приняли от пажей и все восемь членов совета ордена. Из Большой залы выход направился на плац за железными воротами, где были поставлены девять костров. В замке шествия шел гроссмейстер (Павел I), за которым шли с одной стороны его оруженосец гр. Кутайсов, а с другой - кн. Владимир (шеф корпуса) с палашом наголо. Все шествие три раза обошло девять костров, устроенных на плаце, окруженном войсками, потом Е. И. Величество, великий князь Александр Павлович и остальные члены орденского капитула зажгли костры, и когда они загорелись, то все возвратились в том же порядке. Что касается до императрицы, то она со всей императорской фамилией была поблизости в палатке, чтобы видеть эту церемонию. На другой день, в день праздника, утром после парада была обедня, какая бывает обыкновенно в праздничные дни, и ничего не было необыкновенного. Как накануне, мы были расставлены в покоях, чрез которые проходили в церковь».

Вечером 23 июня в Петербурге, во дворе орденского дома, происходила такая же церемония сожжения костров, причем туда был прислан отряд кавалергардов.

Формирование корпуса

О формировании корпуса сохранились лишь отрывочные сведения, заключающиеся: в исходящем журнале корпуса за 1799 г., в котором к тому же недостает некоторых страниц, и в делах комиссариатского департамента. На основании этих сведений можно прийти к следующим выводам: граф Литта не занимался формированием корпуса, а этим всецело заведовал князь Долгоруков под наблюдением великого князя Александра Павловича. В кавалергарды были взяты: 1) унтер-офицеры гвардейских полков, по большей части из Конной гвардии; 2) «служившие в присутственных местах при письменных делах, имеющие звание губернских регистраторов» (10 человек); 3) недоросли, в том числе из одной малороссийской губернии поступило 15 человек. Откуда взяты были лошади (89 строевых и подъемных), мы указать не можем, но конную амуницию, «покуда не будет в оном корпусе», государь император приказал получить из Конной гвардии.

В марте в корпусе было 42 кавалергарда, а к маю состояло 9 унтер-офицеров и 65 кавалергардов.

Для квартирования корпуса отведен был дом «бывший Хлебникова», но, вероятно, по непригодности его кавалергарды были переведены в дом бывшего при Екатерине II Генерального штаба, носивший так же, как и Литовский замок, название "Боурского дома", где позже находились казармы Конной гвардии.

Офицер и унтер-офицер Кавалергардского корпуса

За неимением данных мы не можем указать на состояние дисциплины в корпусе: не сохранилось ни приказов по корпусу за это время, ни журнала взысканий. До нас дошло только сведение о том, что двое кавалергардов (Колычев и Кикнадзе) были выписаны 2 мая по высочайшему повелению из корпуса фурлейтами (*возчиками, обозными рядовыми*) в Петербургский крепостной полк, но за что именно - неизвестно. 9 августа 1799 г. князь Долгоруков был отчислен из шефов корпуса по армии с назначением состоять при заграничном корпусе генерала Римского-Корсакова, а на его место назначен «Его Императорского Величества генерал-адъютант Уваров, коему остаться при прежнем звании и должности».

С назначением Уварова шефом Кавалергардский корпус, которому могла угрожать та же участь, какая постигла полк д'Отишана, не только не был уничтожен, но по высочайшему повелению был доведен до трехэскадронного состава. К сентябрю в корпусе состояло 11 унтер-офицеров и 96 кавалергардов; затем численность состава несколько уменьшилась вследствие производства многих из кавалергардов в офицеры в полки армейской кавалерии, но взамен их из «разных полевых полков» спешно были направлены в Петербург унтер-офицеры из дворян для определения в кавалергарды, и еще 28 августа последовал следующий приказ по корпусу: «Кавалергардский корпус разделяется на три эскадрона: 1-й - шефа генерал-адъютанта Уварова; 2-й - подполковника Кологривова; 3-й - майора князя Долгорукова».

Насколько торопились с укомплектованием корпуса, а также и насколько было велико значение Уварова, можно видеть из того, что всеподданнейшее донесение графа Палена, что посланный за кавалергардами ротмистр Супонев забирает подводы, приготовленные для других частей войск, не имело ни для Супонева, ни для Уварова неприятных последствий.

К концу сентября число кавалергардов уже доходило до 166 человек, и мы видим, что Уваров уже не входит при переводах в предварительное сношение с полковыми командирами, а объявляет переводы в кавалергарды высочайшими повелениями. *«На формирование вновь прибавленного числа кавалергардов Его Имп. Величество высочайше соизволил приказать отпустить из ведомства кабинета 35 тыс. руб.»*. Эта сумма была ассигнована в добавление к сметным остаткам по корпусу (около 25 тыс. руб.).

Кавалергардский корпус в трехэскадронном составе в первый раз представился государю в Гатчине 7 октября. Император Павел остался вполне им доволен, и того же числа в высочайшем приказе было объявлено: "Его Императорское Величество объявляет свое отменное благоволение учившемуся сего числа Кавалергардскому корпусу, а отменную благодарность - генерал-адъютанту Уварову и всем штаб- и обер-офицерам за скорое приведение в должный порядок оногo корпуса; также и всем господам кавалергардам за хорошее старание и послушание". На другой день корпусу были пожалованы новые штандарты, по одному на каждый эскадрон, которые и были освящены на плацу перед дворцом.

Осенью 1799 г. в Гатчине придворные торжества следовали одно за другим по случаю обручения, а затем свадеб великих княжон Елены Павловны с наследным принцем Фридрихом Мекленбургским и Александры Павловны с Палатином Иосифом, причем кавалергарды стояли шпалерами от Тронной залы в нижнем этаже до площадки большого подъезда. Во время выхода в церковь около государя шли генерал Уваров и князь Голицын (командир Конной гвардии) «с обнаженными палашами, держа оные вниз». Они же 12 октября стояли на троне во время высочайшего стола. 22 октября, в день праздника Казанской Божьей Матери, во время молебна «у поставленного пред царскими дверьми на лоя с мощами Иоанна Крестителя и Божьей Матерью, писанною евангелистом Лукою, находилось по два у каждой стороны с обнаженными палашами кавалергардских офицера».

Кавалергарды ежедневно занимали во дворце, в котором имел местопребывание государь, внутренний караул, причем в торжественных случаях надевали латы. Так, внутренний караул был в латах во все дни торжеств по случаю вышеупомянутых бракосочета-

ний великих княжон, с 12 по 25 октября. В дни спектаклей в Эрмитаже туда наряжался особый караул в составе офицера, музыканта и восьми кавалергардов.

Дух и дисциплина

До нас дошло крайне мало данных, на основании которых можно было бы составить себе точное представление о духе и дисциплине кавалергардов 1799 г. На основании сохранившихся данных о наложенных взысканиях можно предположить, что дисциплина в корпусе при Уварове была значительно выше, нежели в полку д'Отишана; объяснить себе это можно тем, что при Уварове последний сам выбирал молодых людей в кавалергарды, а следовательно, мог принимать должные меры к тому, чтобы полки не спускали в корпус весь свой нравственный и физический брак.

С 9 августа, дня назначения Уварова шефом, и по начало 1800 г. наложены были следующие взыскания на офицеров: 1) поручик Авдулин за то, что он вывел во внутренний караул кавалергарда без палаша (!), наряжен на три дежурства; 2) корнет Дмитриев, выехавший в караул грязно одетый и имевший конский убор также не в порядке, назначен «дежурным не в очередь не на короткое время»; 3) корнет Бороздин, стоя в карауле, «не успевал отдавать честь кому следует»; наряжен дежурным на неделю, а на другой день дежурство продолжено «сверх наряженного срока еще без очереди, пока приказано будет оно сменить», ибо при посещении казарм Уваров «не нашел ни дежурного офицера, ни дежурных кавалергардов»; 4) поручик Ушаков арестован на квартире (вероятно, за какую-нибудь неисправность его караула в Эрмитаже).

Должно отдать справедливость генералу Уварову, что он был вообще умерен в своих взысканиях и, видимо, старался воздействовать на своих подчиненных стыдом, а не страхом. Так, только после неоднократных напоминаний кавалергардам, чтобы они перед всяким офицером, «даже прапорщиком», снимали шляпу, и что «много по сие время такого случалось, за что ни малой похвалы не заслуживают», посадил под арест одного кавалергарда, который перед ним самим не снял шляпы.

Ровно через год по учреждении Кавалергардского корпуса как гвардии великого магистра - 11 января 1800 г. император Павел повелел переформировать корпус в трехэскадронный Кавалергардский полк на одинаковом положении с остальными гвардейскими полками, не присваивая ему прежнего преимущества: состоять из дворян. На другой день после этого повеления последовал высочайший приказ: *«Его Императорское Величество объявляет особливое свое благоволение генерал-адъютанту и шефу кавалергардов Уварову за содержание совершенно в должном порядке сформированных из дворян трех эскадронов кавалергардов; также свое благоволение гг. штаб- и обер-офицерам и самим кавалергардам; в уважение чего все господа из дворян унтер-офицеры и кавалергарды выпускаются по их желаниям в кавалерию, инфантерию, к статским делам и в отставку обер-офицерскими чинами».*

С этих пор назначение кавалергардов изменилось против первоначальной их цели, и они поступили в общий состав войск, удержав, однако же, первое место в ряду кавалерийских полков и сохранив Петром Великим дарованное им высокое преимущество - иметь из среды своих офицеров стражу у трона при священном венчании на царство российских монархов.

"Император остался доволен..."

*Так же рать числом обильна;
Так же мужество в ней сильно,
Те ж орлы, те ж знамена
И полков те ж имена...*

*В. А. Жуковский
«Бородинская годовщина»*

 формирование нового полка было произведено следующим образом: шефом полка назначен был шеф Кавалергардского корпуса Ф. П. Уваров, он же и командовал полком; одиннадцать офицеров корпуса перечислены в полки и двое произведены в офицеры полка из кавалергардов; остальное число офицеров было пополнено переводом девяти офицеров из Конной гвардии. Что же касается до людей и лошадей, то император Павел, желая сделать новый полк блестящим во всех отношениях, *«изволил предоставить самому себе выбор людей и лошадей; для сего Конная гвардия выведена была в полном строе в Царском Селе пред дворцом, и государь император изволил лично отобрать 7 унт.-офицеров, 5 музыкантов, 249 рядовых и 245 лошадей - первых со всей амуницией, вторых в полном конском уборе»*. Таким образом, более половины Кавалергардского полка составили офицеры и нижние чины Конной гвардии. Остальное число нижних чинов было пополнено переводом людей из армейских кирасирских полков. Государь лично осматривал присланных для укомплектования. К апрелю месяцу 1800 г. полк был совершенно сформирован и укомплектован...

Как только новый полк был почти сформирован, приступлено было к конным учениям, назначаемым обыкновенно «после развода вскоре». После Пасхи, в апреле, конные учения происходили ежедневно и начинались обыкновенно в 6 часов, т. е. были до развода.

В первый раз император Павел присутствовал на учении полка на Царицыном лугу 23 апреля, остался им вполне доволен и тут же пожаловал нижним чинам по чарке вина. На другой день состоялся следующий высочайший приказ: *«Его И. В-во объявляет свое благоволение генерал-адъютанту и шефу Кавалергардского полка Уварову за приведение одного полка в надлежащий порядок и благодарность всем господам штаб- и обер-офицерам, а нижним чинам жалует по рублю на человека»*.

12 и 14 мая государь делал учения на Царицыном лугу всей гвардейской кавалерии и 12 мая остался особенно доволен кавалергардами, которым и пожаловал по фунту говядины и по чарке вина. На учении 14 мая Павел Петрович остался доволен всеми полками, за что и была объявлена высочайшая благодарность как шефам, так и штаб- и обер-офицерам.

До второй половины мая полк только получал одни высочайшие благодарности, но с 22 мая получил один за другим два выговора, причем государь заметил, что «полк начал опущаться». Относилось ли это «опущение» к строевой службе или внутреннему порядку, решить трудно, но, судя по приказу по полку того же 22 мая о том, чтобы дежурные офицеры являлись на вахтпараде великому князю Константину Павловичу, можно предположить, что немилость государя была вызвана упущениями по внутреннему порядку полка.

Затем в течение лета 1800 г. император Павел еще неоднократно объявлял свою благодарность полку и награждал нижних чинов, но два раза объявлены были выговоры генералу Уварову и один раз полковнику Супоневу.

22 июля в Петергофе полку пожалованы новые штандарты.

Служебные наряды

Полковой наряд состоял из: 1) трех дежурных офицеров, 2) полкового караула, 3) внутреннего караула, 4) ординарцев и вестовых, 5) наряда по особым случаям. Смена дежурных и полкового караула бывала рано утром, обыкновенно в 6 часов, а внутреннего караула - после вахтпарада (развода с церемонией).

Дежурные офицеры разделялись на старшего и младших. Из младших один назначался рундом (*Рунд - здесь: офицер, помощник дежурного по караулам*), и ему же поручалось «смотрение за больными кавалергардами, находящимися в конногвардейском госпитале»; другой офицер «парадировал» с полковым караулом. Дежурные офицеры обязаны были смотреть за порядком как в казармах, так и в конюшнях, чтобы нижние чины без позволения и неопрятно одетые («в развращенном виде») не отлучались со двора; они должны были присутствовать при чистке лошадей, при водопое и задаче корма.

Полковой караул. С 18 января, первого дня фактического существования полка, караул состоял из трех рядовых «в шинелях и фуражирках», но с 12 февраля караул увеличен до состава унтер-офицера, двух ефрейторов и девяти рядовых; приказом 20 марта наряд этот еще увеличен на трубача и семь человек для «парадирования»; эти семь человек, «когда караул вступит в сошки, идут домой». (*Сошки (ружейные) - подставки при караульных, к которым приставляются ружья*) Во время пребывания полка в загородных резиденциях выставлялся только караул к «казенному ящику» в составе четырех кавалергардов.

Внутренний караул от кавалергардов назначался ежедневно под командою одного офицера. Определить численность внутреннего караула нам не удалось.

Ординарцы и вестовые. Ежедневно назначались: один унтер-офицер «на ординарцы к Его Величеству»; вестовые: а) к шефу - один «с карабином», б) «к полковнику Супоневу» (старшему полковнику), в) «к адъютанту Горданову» (полковому адъютанту).

Наряды по особым случаям состояли из: внутреннего караула, выставляемого в Эрмитаже во время спектаклей; офицеров, назначаемых «в выход за Его Императорским Величеством»; наряда по воскресным и праздничным дням всех офицеров к обедне в придворную церковь.

Прохождение службы

Прежде существовавшие наименования унтер-офицеров - вице-вахмистр, каптенармус, гефрейт-капрал и капрал - были уничтожены, а оставлены только звания вахмистра и квартирмистра; прочие назывались просто унтер-офицерами. Поступавшим на службу дворянам воспрещено было называться вахмистрами, но велено их звать юнкерами и вменено им в обязанность по поступлении на службу три месяца служить за рядовых.

Из нижних чинов право на производство в офицеры гвардии имели одни юнкера, прослужившие три года, а на производство в офицеры армии - унтер-офицеры и не из дворян, но прослужившие 12 лет унтер-офицерами и известные хорошими способностями и примерным поведением.

Производство в чины делалось на открывавшиеся вакансии по представлению начальства, обыкновенно в сентябре месяце, и всегда объявлялось в высочайших приказах, отдаваемых при пароле.

Желающие выходить в отставку подавали просьбы об увольнении от службы также в сентябре месяце.

Срок службы нижним чинам определен был в 25 лет. Выслуживший этот срок увольнялся на инвалидное содержание, где бы ни пожелал жить. Для нижних чинов, выслуживших беспорочно 20 лет, император Павел установил военный знак отличия св. Анны, избавлявший их от телесных наказаний. В 1800 г. знак этот был заменен «донатами ордена св. Иоанна Иерусалимского», т. е. медным крестом с лилиями в углах и с номером на обороте. Крест этот носили в петлице на черной ленте, причем он не снимался при производстве в офицеры.

Дисциплина

Все материалы, дошедшие до нас, и по которым можно бы было составить себе понятие о состоянии духа и дисциплины в Кавалергардском полку со времени переформирования его на общих основаниях в гвардейский кавалерийский полк, заключаются в книге приказов с 17 января по 20 октября 1800 г. Более 7/8 этой книги занимают высочайшие приказы и лишь остальное составляют полковые приказы и приказания, или, как в то время последние назывались, «словесные приказы».

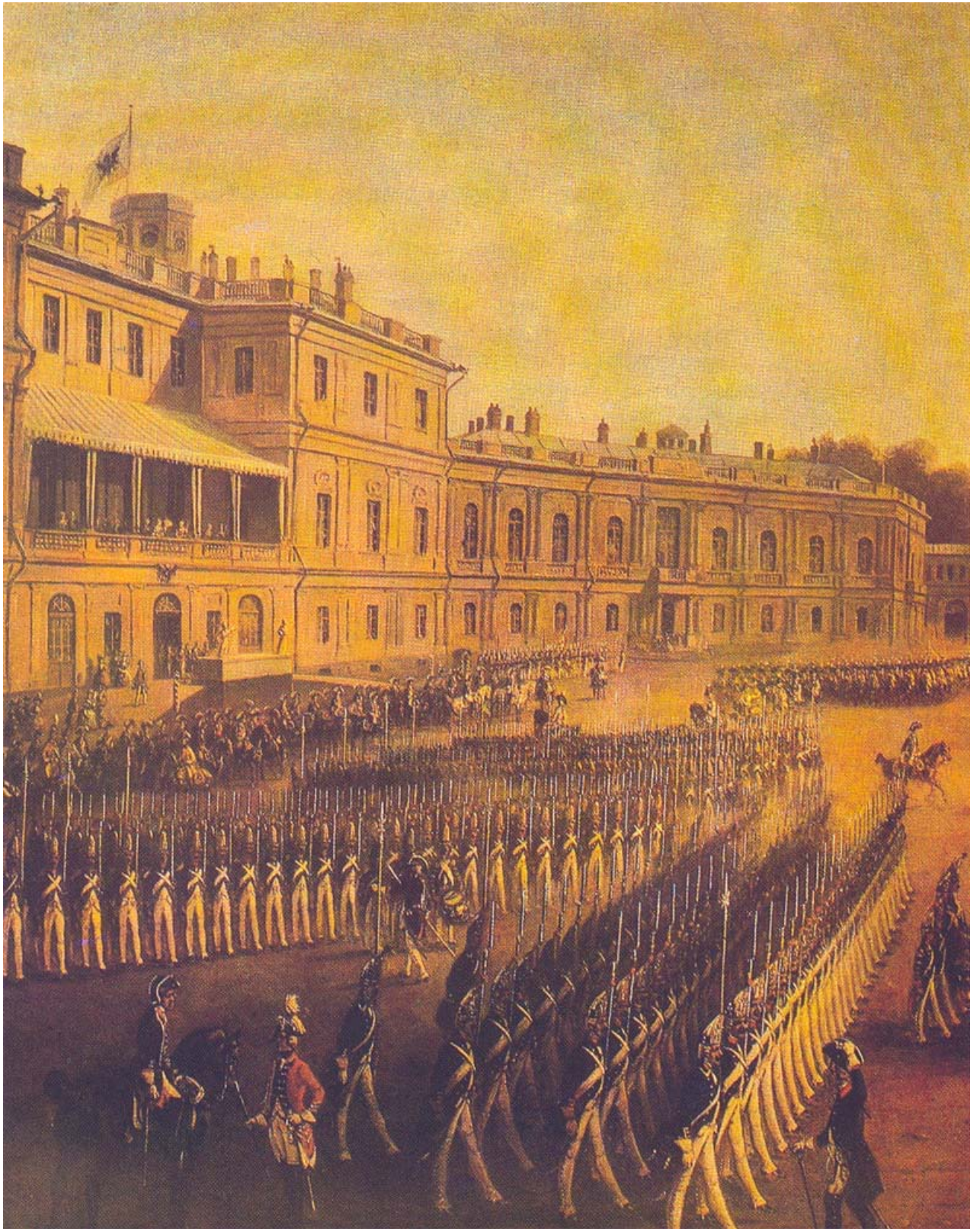
На основании этих приказов по полку можно составить себе более или менее точное представление о дисциплине офицеров, но зато они почти ничего не дают для характеристики состояния дисциплины между нижними чинами; штрафные журналы, если такие и существовали, не сохранились.

Проступки офицеров заключались, по-видимому, исключительно в несоблюдении установленной формы и в манкировке службою (главным образом в опаздывании на вахтпарад). Впрочем, за указанное выше время имеется один высочайший приказ 28 июня 1800 г. с выражением замечания офицерам: *«Его Императорское Величество делает замечание господам офицерам лейб-гвардии своего батальона и Кавалергардского полка, что они неучтивы, что и доказали сего числа поручик Гендпкин (?) и поручик Уваров»*. В чем заключалась неучтивость офицеров 1-го батальона Преображенского полка и кавалергардов, нам не удалось выяснить.

Нельзя не обратить внимания на умеренность требований генерала Уварова и его мягкое, даже снисходительное и полное уважения отношение к офицерам; он не ищет случаев для карания, старается воздействовать на офицеров не страхом, а стыдом (*«по службе упущения не только что не сделают нам похвалы, а, конечно, наведут справедливый гнев государев»*); наконец, когда, видимо, ничто уже не помогает, он налагает взыскания крайне умеренные. Отметим еще, что все его наказания заключаются в лишние дежурствах; ни разу он не прибегнул к унижительному наказанию арестом за часовым, с отображением оружия, и только дважды подвергнул офицеров домашнему аресту, и то с отпращиванием должности, т. е. с сохранением оружия.

О состоянии дисциплины среди нижних чинов мы можем представить лишь более или менее гадательные соображения. Вероятно, поведение нижних чинов полка было весьма хорошее, чему порукою может служить, что полк был сформирован из отборных людей, причем всем было известно, что полк не только непосредственно формируется под ближайшим наблюдением государя, но и сохранит постоянное назначение кавалергардов служить ближайшими телохранителями особы императора. Ни для кого, конечно, не было тайной и значение, которое приобрел генерал Уваров у Павла I. Доказательством того, что мы едва ли ошибаемся, может служить тот факт, что за указанный нами период времени (с 17 января по 20 октября) ни один нижний чин не был отдан под суд, ни один не был наказан шпицрутенами и ни один не был исключен из полка.

Вероятно, нижних чинов наказывали розгами, но в те времена этого рода наказание считалось обыденною вещью; отсутствие же в полку «гатчинцев» и характер генерала Уварова молено считать ручательством, что розгами не злоупотребляли.

Парад войск в Гатчине

Главные и наиболее частые проступки нижних чинов заключались, по-видимому, в пьянстве и в несоблюдении формы, или, по тогдашнему выражению, в хождении «в развращенном виде».

Отметим еще требования Уварова: чтобы взводные командиры занимались обучением своих людей; чтобы люди точно знали, что и сколько им полагается от казны; чтобы офицеры избегали карточной игры. «Рекомендуется всем господам обер-офицерам, - писал Уваров в приказе 5 февраля, - как возможно удаляться карточной игры, даже убежать и тех, которые ею занимаются».

Комплектование

Комплектование офицерами. Комплектование полка офицерами происходило двумя основными способами: 1) производством и 2) прикомандированием и переводом. Первый способ разделяется на два вида: а) производство из своих полковых юнкеров (вольнотопляющихся) и б) производство воспитанников военно-учебных заведений.

В последовавшие за царствованием Павла I годы правления императора Александра I полк комплектовался офицерами преимущественно (а до учреждения Школы - почти исключительно) из своих юнкеров (*Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Санкт-Петербурге; позднее - Николаевское кавалерийское училище*).

Штатное число юнкеров было по два на эскадрон, остальные считались сверхкомплектными, и никакого содержания от казны им не полагалось. Принятие юнкеров, а равно и производство в эстандарт-юнкера разрешалось (до 1818 г.) цесаревичем. Затем это право перешло к командиру гв. корпуса. От поступающего юнкера, если он не имел свидетельства об окончании курса в высшем или среднем учебном заведении, требовалось держание особого экзамена при 1-м кадетском корпусе. Наименьший срок службы для юнкеров был 6-месячный (в том числе первые три месяца за рядового, или, по тогдашнему выражению, «за рядового с галунами»); из этого правила не исключались и выпущенные подпоручиками воспитанники таких заведений, как, например, Институт путей сообщения.

Число юнкеров до 1822 г. почти всегда превышало штатное число; состав их был довольно пестрый. По-видимому, прием был снисходительный, зато большинство юнкеров (до 70 %) не производилось офицерами в кавалергарды, а выпускалось в другие гвардейские или армейские полки. Дисциплина относительно юнкеров была строгая; проступки их в общем были такие же, как и проступки офицеров, - несоблюдение формы, неотдание чести; взысканий за незнание строевого устава мы не встречаем, вероятно, потому, что полковое начальство относилось снисходительно к ошибкам молодых людей, только что начинающих службу; что же касается до гарнизонного устава, то юнкера лучше исполняли его требования, нежели офицеры.

В 1823 г. образована была Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Она была организована «совершенно на других основаниях» сравнительно с Пажеским и кадетскими корпусами и Дворянским полком. Подпрапорщики и юнкера считались откомандированными от своих полков, т. е. это были нижние чины, а не воспитанники учебного заведения. От подпрапорщиков и юнкеров Школы требовалось «полное знание тогдашней очень сложной военной службы, причем дисциплина и субординация были доведены до неимоверно строжайшей степени. Познания по строевой службе требовались такие, что молодой человек, выпущенный из Школы подпрапорщиком в гвардию офицером, при поступлении его в полк знал практически все должности и обязанности по военной службе, как, например, ротного командира и даже самого командира батальона».

За период с 1801 по 1855 г. Пажеский корпус дал полку 86 офицеров, что составляет 17,47 % всего числа офицеров за этот период времени. Большинство пажей недолго служило в рядах полка, а потому влияние этого заведения на дух кавалергардского общества не могло быть значительным. До 1819 г. всех выпускных пажей обучали пешему

строю в Преображенском полку, но в 1819 г. император Александр приказал пажей, выходящих в кавалерию, обучать всем строевым занятиям в Кавалергардском полку. От полка назначались офицеры «для привоза и отвоза» пажей. Так продолжалось до 1828 г.

Для удобства исследования мы делим столетие (1800-1899) на четыре равных периода. Следовательно: первый период будет заключать в себе года с 1800 по 1824 г. включительно, второй - с 1825 по 1849 г., третий - с 1850 по 1874 г. и четвертый период - с 1875 по 1899 г. включительно; статистические данные разработаны в процентах относительно подданства, племени, вероисповедания и образования. Причем включены лишь лица, действительно служившие офицерами в рядах полка, поэтому включены прикомандированные, хотя впоследствии они и не были переведены в полк, и исключены лица, носившие мундир полка, но не служившие на самом деле в рядах полка.

(Данные эти размещены в тексте по мере нашего повествования.)

В течение рассматриваемого первого периода (1800-1824) поступил в полк 291 офицер, что составляет 36 % всего поступления за столетие (среднее годовое поступление - 12 человек).

В этот период в полку русских по крови было свыше 3/4 всего офицерского состава (81,4 %), затем идут немцы (12,3 %), следующее место занимают поляки (3,7 %), а всех иностранцев всего 2 %.

В среднем за весь первый период православные составляли 83,1 %, а «инославные» 16,8 %, причем число протестантов почти в три раза превышало число католиков.

Данные также указывают, что: 1) в первый период полк преимущественно (свыше 72 %) комплектовался производством офицеров из полковых юнкеров, огромное большинство которых получило домашнее образование, и 2) получившие образование в русских учебных заведениях или выдержавшие экзамены для поступления в ведомство иностранных дел составляли менее одной трети (28 %). Однако многие из офицеров полка, получившие домашнее образование, были люди вполне образованные, а иногда и весьма высокого образования.

Комплектование нижними чинами. Способы комплектования полка нижними чинами можно разделить на три вида: главный, второстепенный и случайный. Первый способ состоял в переводе рядовых из армии; второй, в свою очередь, распался на: а) определение в полк рекрутов, б) определение кантонистов (*Кантонисты* (нем. *Kantonist* - новобранец, *Kanton* - округ) - в России в первой половине XIX в. сыновья солдат, числившиеся с рождения за военным ведомством) и в) перевод из других гвардейских полков; третий способ комплектования заключался в: а) капитуляциях (вербовке), б) определении в службу бродяг.

Все распоряжения по комплектованию кавалергардов при императоре Александре I непосредственно исходили от него; почти все нижние чины определены по личному выбору Александра Павловича (последнее сохранилось и при императоре Николае I).

Комплектование кавалергардов армейскими нижними чинами при Александре I обыкновенно происходило так: армейским полковым командирам объявлялось высочайшее повеление о присылке определенного числа рядовых на укомплектование Кавалергардского полка. Люди эти должны были быть «из лучших людей, не старые, стройные, расторопные и хорошего поведения... (ростом) от 2 аршин 10 вершков, но не менее 8, а разве по самой нужде 7». Выбор людей иногда предоставлялся шефам полков, но иногда в повелении прямо были поименованы рядовые, которых требовалось прислать. В сопровождении эстандарт-юнкера или унтер-офицера от того полка или особо присланного унтер-офицера от Кавалергардского полка выбранных везли на почтовых прямо в Петербург, где они представлялись на смотр государю.

Переписка того времени указывает на старание шефов и полковых командиров уклониться от выдачи своих «лучших людей», но это было нелегко, так, например, Изюмский полк прислал в 1803 г. шесть человек, которые оказались «не совсем сходные с волею Его Величества»; немедленно последовало новое повеление: «Дабы на перемену

присланы были другие - лучшие, а до прибытия оных помянутые шесть человек рядовых оставались в оном Кавалергардском полку».

В 1816 г. установлено было комплектовать три гвардейских кирасирских полка людьми армейских кирасирских полков и в кавалергарды повелено выбирать людей из полков: Лейб-Кирасирского Ее Величества, Екатеринославского и Новгородского по 36 человек, а всего 108 человек в год. В 1819 г. закон этот был изменен, число солдат на гвардейские кирасирские полки увеличено до 116 человек в год, по особому вычислению. Но независимо от этого назначалось и немало пехотных армейских солдат.

Назначение рекрутов (кроме в фурманы (*Фурман - владелец или возчик фуры (большая телега для клади); здесь: обозный*)) и переводы из гвардейских частей делались также государем; последние переводы производились или для улучшения музыкантского хора, или (вероятно) потому, что данный солдат подходил к кавалергардскому типу.

В дальнейшем выбор людей из армейских частей в гвардию обыкновенно возлагался на лиц государевой свиты.

Третий способ комплектования состоял в определении: по капитуляциям (вербовке) и бродяг. Капитуляции заключались полком с разрешения цесаревича на срок не менее 4 лет; большинство капитулянтов принадлежало к польской шляхте. С конца царствования Александра I мы не встречаем более капитулянтов, а вольноопределяющихся, принимавшихся на следующие сроки: 1) купцы и вообще лица неподатных сословий - 12 лет, прямо унтер-офицерами, 2) лица податных сословий - рядовыми, на общий 25 (22)-летний срок. Бродяги должны были приниматься полками на службу в силу высочайшего приказа 7 июня 1804 г. Бродяг определяли в фурманы, но если владелец находил их, то получал обратно.

В первой четверти XIX в. унтер-офицеры по происхождению распределялись следующим образом: крестьян помещичьих - 37 %, дворовых людей - 2 %, крестьян казенных - 25 %, казаков и малороссов - 19 %, церковников и солдатских детей - по 5 %, однодворцев - 6 %, разного звания - 1 %. Средний возраст строевых унтер-офицеров был около 30 лет (при наименьшем возрасте 19 лет и наибольшем - 45 лет). Из общего числа строевых нижних чинов женатых было 9 %.

В 20-х годах нижние чины по происхождению распределялись так: крестьян - 90 %, солдатских детей - 6 %, мещан и церковников - по 2 %, При этом на южные губернии приходилось 45 %, приволжские - 22 %, центральные - 16 %, северные - 13 %. На остальные губернии приходилось 4 %, в том числе на прибалтийские - 2 %.

Приблизительно такой состав полка был и в последующие годы, т. е. свыше 93 % были русские православные и из этого числа около 3/5 великороссов и 2/5 малороссов. Остальные 7 % падают на латышей и эстов (около 2 %), поляков (с 1832 г. около 4 %) и татар (менее 1 %).

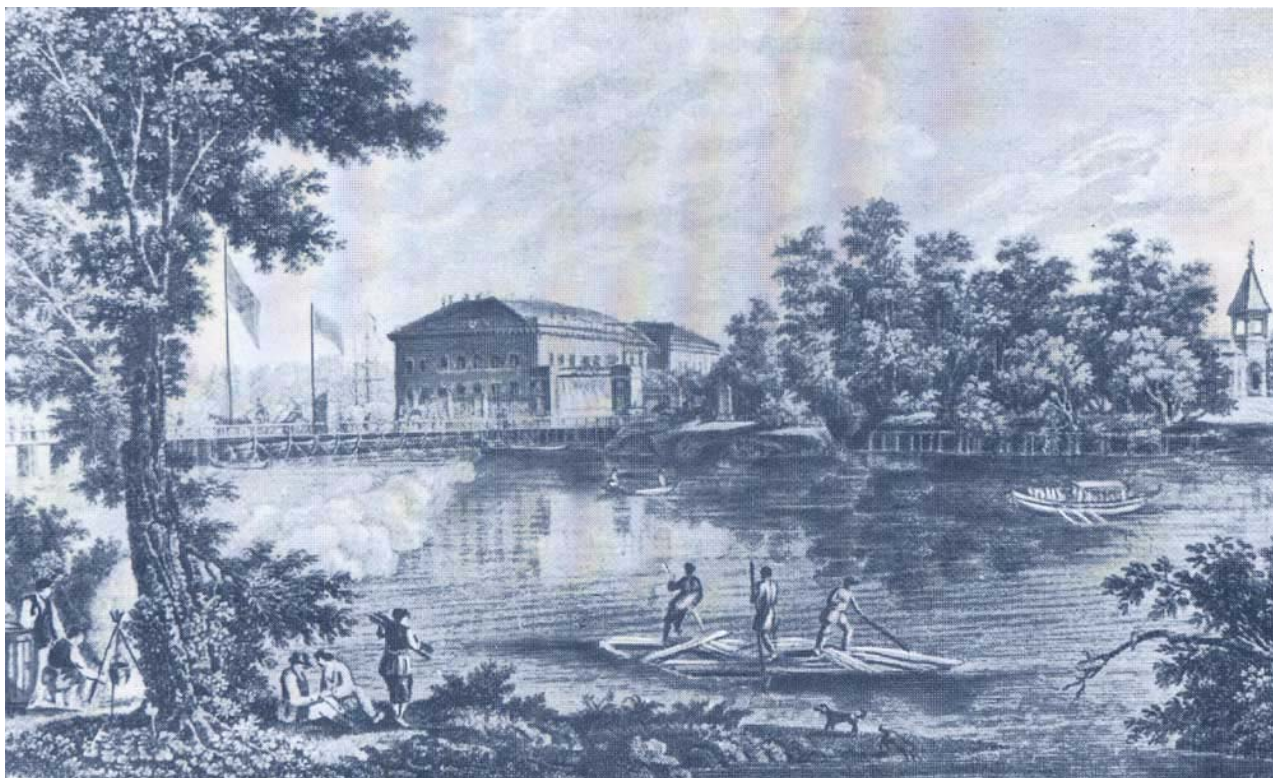
Сроки службы были: до 22 августа 1826 г. - 25-летний для крестьян всех наименований и мещан и 15-летний для прочих податных категорий, а с этого числа в гвардии - 22-летний. 30 августа 1834 г. действительный срок под знаменами определен в 20 лет и 2 года (в гвардии) в бессрочном отпуску. В 1851 г. срок под знаменами еще убавлен на 5 лет. Мера эта была попыткой образовать запас армии, но, как известно, этой цели несколько не достигла. Она лишь повела к самообольщению относительно численного состава армии и прямо и косвенно весьма вредно отразилась на исходе войны 1853-1855 гг.

Новая Деревня

Ежегодно, начиная с 1802 г., полк переходил летом в Новую Деревню (Собакину Деревню), где в течение около шести недель кормили лошадей травой. Травяного довольствия не полагалось по штатам Кавалергардского полка; полк круглый год получал на строевых лошадей сухой («горький») фураж, и кормление травой производилось с гигиенической целью. Для травokoшения полку отводились сенокосы на мызе Лахта (графини

Музиной-Пушкиной-Брюс), мызе Лисий Нос (Долинского) и в Новой Деревне (Яковлевой). Четыре эскадрона располагались в Новой и Старой Деревнях, а один - в Коломягах, в мощеных дворах.

Полк выступал в Новую Деревню в начале или середине июня, а в Петербург возвращался в конце сентября. Без сомнения, такое продолжительное пребывание солдат не в казармах оказывало благоприятное влияние на здоровье их. Близость Каменного острова, где по летам жил Александр Павлович, обязывала полк быть всегда начеку, а потому все офицеры должны были жить в Новой Деревне и окрестных дачах и могли отъехать в Петербург не иначе как по билету от полкового командира. Больные офицеры с переходом полка в Новую Деревню должны были переехать туда же. Для нижних чинов полк с 1808 г. устроил в расположении каждого эскадрона купальни, куда нижние чины водились командами при унтер-офицере. Лошадей расковывали до 1808 г. на время травяного довольствия всех сразу, а с этого года по очереди (по 15 лошадей в эскадроне).

Вид дворца на Каменном острове в Санкт-Петербурге

С началом травяного довольствия конные учения прекращались, пешие производились редко и строевые занятия ограничивались выправкой и пешим по-конному. Перед выступлением на траву отдавался приказ о внутреннем порядке полка во время нахождения в Новой Деревне; приказы эти в общем были повторениями приказа 1803 г.; так, до 1809 г. предписывалось, «чтобы во всякое время, когда ни приехал начальник или государь император... буде приказано будет эскадрону пешему или конному собраться, то, конечно, не более одного часа, чтоб был готов».

Соблюдение во всей точности формы требовалось и во время нахождения в Новой Деревне, и нарушение ее составляло нередкий проступок со стороны офицеров.

В 1803 г. сначала разрешено было ездить в город в рейтузах, но вскоре затем последовал приказ, воспрещавший офицерам носить рейтузы всюду, кроме Новой Деревни. Приказ этот сохранял силу до 1809 г. Другое весьма частое нарушение формы заключалось в ношении пудры.

«Ваше превосходительство, - писал Уваров 13 июля 1802 г. полковому командиру, - сего дня поутру Его Императорское Величество приказывать изволил, что на сих днях, быв в Новой Деревне, где Кавалергардский полк расположен, видел много офицеров и нижних чинов, а между оными встретил поруч. Валуева с вымытой головою, что весьма ему не понравилось; а как уже довольно часто с г. Валуевым случается быть неисправным в его звании, а в сем случае, сверх того, даже и той осторожности не имеет, чтоб не попадаться в глаза, перед кем не следует, иначе как в надлежащем порядке, что уже и совсем мундиру неприлично; почему и извольте, ваше превосходительство, сие отдать в приказе, дабы и прочие гг. офицеры оного остерегались, а его, Валуева, извольте наказать квартирным арестом с отпращиванием должности и присмотреть за оным, дабы он с квартиры не отлучался, а иначе будет подвержен важнее сего штрафу».

Того же числа шеф Уваров отдал в приказе: *«Дошло до сведения моего: 1) что некоторые гг. офицеры Кавалергардского полка прогуливаются по садам не только что не по форме одетые, но даже совсем не в мундирах, а в партикулярных куртках и шароварах, также в картузах и в круглых шляпах, и притом в такое время, что не только публика, но даже и сам Его Императорское Величество был; 2) нижние чины, как унтер-офицеры, так и рядовые, по ночам иногда находятся в пьянстве. В рассуждении чего рекомендую в пр-ву отдать об оном наистрожайший приказ, дабы гг. эск. к-ры взяли свои меры удержат подчиненных от таковых непозволительных поступков, а ежели же за тем еще что-либо последует: кого найдете из гг. офицеров в неисполнении приказаний, то, тотчас арестовав, при рапорте ко мне извольте доставить... А что ж касается до нижних чинов, то также, ежели того роду от дежурных гг. офицеров упущение в должности и несмотрение за нижними чинами случится, а как ясно видно, что гг. офицеры штрафу дежурить не в очередь никакой цены не делают, то так же какой должности упущения найдете - арестовав, рапортом ко мне представьте. А как все такое случающееся относится к гг. эск. к-рам, то и непременно долженствует им брать все возможные меры к прекращению беспорядков и, конечно, не иначе как весьма строго взыскивать с частных гг. офицеров и штрафовать оных за непорядки нижних чинов. Так же запретить отлучаться и на лодках ездить нижним чинам без спросу, а отпускать только тех, на поведение которых полагаться можно. А унтер-офицеров частных, не из дворян, за таковые непорядки наказывать жестоко палками, а дворяне неминуемо за несмотрение будут разжалованы в рядовые. И потому, отдав все оные приказы, рекомендую оные все в таких случаях чинить исполнения».*

Начиная с 1808 г, отдавался при переходе на траву следующий приказ: *«Так как чрез деревню весьма часто царская фамилия и публика проезжают, то и предписывается, чтоб никто из гг. офицеров непристойных одеяний не носил, а нижние чины соблюдали бы должную вежливость, за чем иметь особенное смотрение гг. дежурным при полку».*

Весну и осень многие члены императорской фамилии проводили обыкновенно на Елагином острове, куда переезжали в половине мая. Поэтому и кавалергарды стали переходить в Новую Деревню ранее прежнего. Здесь полк оставался до последних чисел июня, когда действующие эскадроны уходили в Петергоф, а в Новую Деревню переходил из города запасный эскадрон. Из Петергофа полк переходил в Красное Село, а по окончании больших маневров снова возвращался в Новую Деревню и 5 сентября на Елагином острове справлял свой полковой праздник. В казармы полк возвращался, смотря по погоде, в середине или конце сентября.

Во время пребывания императорской фамилии на Елагином острове у дворца ежедневно по вечерам (с 4-5 часов) играли кавалергардские музыканты и трубачи. Офицерам предписывалось, *«когда они будут у зори или на гулянье, быть одетым не иначе как в виц-мундирах и шляпах, но отнюдь не в сюртуках»*, а великий князь Михаил Павлович воспрещал *«гг. офицерам курить на островах».*

В Новой Деревне не было места для полковых конных учений, и полку приходилось для этого ходить на Царицын луг или на семеновский плац. В 1834 г. генералу Грин-

вальду словесно было высочайше разрешено производить учения на эспланаде крепости (Эспланада - здесь: открытое пространство в крепости между цитаделью и городскими строениями), но там можно было учиться только подивизионно. Полковые командиры часто и тщательно осматривали расположение эскадронов, причем Гринвальд требовал, чтобы эскадронные командиры *«заботились о помещении нижних чинов... ибо необходимо каждому солдату должно иметь свой угол, где около постели хранить все свое имущество»*.

В 1838 г. он же писал: *«В некоторых эскадронах замечено мною, что нижние чины носят длинные волосы, а притом старые шинели не вычинены, неловко надеты, и что вообще нижние чины неопрятны около себя и в устройстве собственных вещей; а как опрятность солдата есть первое условие не только потому, что сие требуется по званию его, но еще необходимо для образования, то я предлагаю гг. эскадронным командирам строго соблюсти, дабы нижние чины нигде и ни в каком случае не позволяли бы себе того неряшества и неприличной оплошности в одевании, хотя когда бы и дома был, что не только замечается мною, но даже и высшим начальством, тогда как напредь сего кавалергарды отличались щегольством от прочих полков; волосы же с получения сего остричь короче... В № 4 эскадроне я заметил, что не все кавалергарды отпускают бакенбарды, почему повторяю приказ мой: никому бакенбардов и усов не брить и еще отпускать оные как можно ниже...»*

До и после Аустерлица

*Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.*

*К. Н. Батюшков.
"К Дашкову"*

ри Павле I кавалергарды стали регулярным кавалерийским полком, при Александре I - полком боевым. Крещение огнем он получил во время Австрийского похода в 1805 г. - в войне с наполеоновской Францией.

В число войск, выступавших в заграничный поход, включена была и гвардия под начальством цесаревича великого князя Константина Павловича, брата императора Александра.

Приготовления к походу гвардии начались с июля месяца; 17 июля высочайше повелено было во время похода нижним чинам пудры не носить и усов не фабричь, а потому «перед выступлением в поход вымывать себе головы и чесаться просто до самого прибытия в назначенное место».

Во время похода высочайше повелено: ежедневно выдавать нижним чинам по 0,5 фунта говядины, производить офицерам нормальные рационы натурой. 10 августа государь делал смотр на Измайловском плацу гвардейским частям, и прямо с этого смотра кавалергарды пошли в поход. Сначала походное движение происходило в свободных бригадах, и кавалергарды шли в одной бригаде с измайловцами, лейб-гренадерами, лейб-гусарами и лейб-казаками под командою командира лейб-гв. Гренадерского полка генерал-майора Лобанова. Маршрут был Луга, Витебск, Минск, Брест-Литовск. Время выступления кавалергардов «отдавалось на произвол полкового командира», и обыкновенно полк выступал в 7-9 часов утра, обгонял на походе свою пехоту и шел прямо «в назначенные квартиры». У местечка Усвят 9 сентября государь догнал гвардию. Оттуда государь поехал в Пулавы, взяв с собою шефа полка Ф. П. Уварова. Вскоре затем (23 сент.) полковник Д. П. Уваров пожалован во флигель-адъютанты, а Балабину, назначенному в личные адъютанты к шефу Уварову, и шефскому адъютанту Чернышеву приказано было 26 сентября немедленно следовать в Пулавы. В Витебске, куда бригада прибыла 16 сентября, была дневка, во время которой «дворянство дало офицерам маскарад»; позволено было быть «на маскараде» без шпаг и шарфов, но в форменных фуражках и напудренным.

Еще в 1803 г. издано было высочайшее повеление об обозах. К этому высочайшему повелению цесаревич присовокупил свой совет заменять повозки вьюками. Очевидно, основанием для этого совета послужил личный опыт Константина Павловича, вынесенный им из суворовского похода.

За пять дней до выступления полка в поход цесаревич писал из Стрельны Уварову: *«Господин генерал-лейтенант и кавалер Уваров. Для отвращения препятствия, могущего произойти от большого и совершенно излишнего обоза в Кавалергардском полку, который должен сколько возможно быть облегчен во время движения, сделал я примерное положение об экипажах шефа полка, штаб- и обер-офицеров, которые они в походе иметь должны. Препровождая при сем оное к вам с примерною запиской об экипаже офицерском (вкуче с вьючным седлом, чемоданом, дешичьим ранцем и прочим), предлагаю, дабы все предписанное в помянутом положении было немедленно произведено в действие во вверенном вам Кавалергардском полку, и в случае похода не могло найтись ничего против оного излишнего»*. В этом примерном положении, которое предписывалось немедленно привести в исполнение, определялось и потребное количество верховых и вьючных лошадей для штаб- и обер-офицеров; кроме того, для всех офицеров полка - одна четырехконная повозка для возки всех офицерских палаток.

Того же числа адъютант цесаревича Гинц писал Уварову: *«Е. и. выс-во цесаревич изволил приказать дать знать в. пр-ву, что, хотя и сказано в повелении, при сем к вам препровожденном с приложением примерного положения об экипажах Кавалергардского полка, что препровождается к вам для образца вьючное седло, чемодан, дешичьий ранец и прочее, но как всего оного здесь не имеется, то чтоб вы получили оным вещам образец у лб.-зв. Конного полка шт.-ротмистра Шперберха, которому об оном дано уже знать»*. Допустим, что в тот же день образцы вьюков были доставлены в Кавалергардский полк, но так как полк выступил 10-го числа того же месяца, то сомнительно, чтобы, готовясь к выступлению, он успел бы в пять дней построить *«вьючные седла, чемоданы, дешичьи ранцы и прочее»*.

Такого рода экстренное требование, когда к войне готовились более года, едва ли не способно было внести путаницу, некоторое раздражение, а главное, могло уронить ту самую власть, на обязанности которой лежало приведение подчиненных ей войск с мирного на военное положение.

30 сентября в Несвиже цесаревич отдал следующий приказ по гвардейскому отряду: *«Объезжая вчерашнего числа колонны, нашел я едущую бричку, и на вопрос мой, кому она принадлежит, сидящий на ней человек отвечал, что бричка принадлежит Кавалергардского полка ротмистру Левенвольде, а по отысканию моему оказалось, что сие был ротмистр барон Левенвольде 1-й, который обще с ротмистром Левашевым и поручиком Уваровым имели оную (В русской армии, особенно в гвардейских полках, существовала традиция обращения офицеров друг к другу по фамилии, а не по имени и отчеству. В официальных документах, чтобы различать родственников или однофамильцев, офицерам присваивались порядковые номера в соответствии с очередностью их поступления на военную службу и званием. И несмотря на различные места этой службы, каждый значился под "собственным" номером (в кавалергардах, например, одно время служили Васильчиковы - 2-й (Дм. Вас.) и 4-й (Ник. Ив.), но не было ни 1-го, ни 3-го). Следует оговорить также, что по тексту встречаются фамилии, имеющие в исторической и художественной литературе двоякое написание - например, д'Отишан (Дотишамп), Левенвольде (Лсвенвольд), Де-Прерадович (Депрерадович) и др.). Как сей поступок показывает явное непослушание начальнику, от коего по высочайшей воле сделаны были строгие подтверждения о неимении кавалерийским офицерам повозок, то на сие, сделав оным офицерам строжайший выговор, предписываю их арестовать и вести пешком за последним взводом Кавалергардского полка во время похода, содержа на полковой гауптвахте. А генерал-майору Де-Прерадовичу 2-му, который о сей повозке не был сведущ и на вопрос мой отвечал мне, что, может быть, сие от него сделано скрытно, за какое слабое*

смотрение и незнание, что происходит в командуемом им полку, в коем от него не должно быть ничего скрытного, отказывается на 24 часа от команды полком. Полковнику же Авдулину, у которого в эскадроне состоят помянутые офицеры, коим принадлежит бричка, также за незнание о сем и потому за слабое смотрение делается строжайший выговор с подтверждением, чтобы он впредь был исправнее в своем деле. О чем, к сожалению моему, принужденным нахожусь себя отдать в приказе для сведения во всем корпусе».

Но еще накануне начальник кавалерии Кологривов прислал в полк следующее приказание: «Е. и. выс-во, заметив, что оного полка ротмистр барон Левенвольде 1-й сверх неоднократных подтверждений имеет повозку, приказал мне к точному и неперемennomу исполнению предписать следующее. 1) Командиру полка г. ген.-майору Де-Прерадовичу за слабое смотрение отказать от командования и ехать назад оного. Старшему по нем полк. кн. Репнину принять командование. 2) Ротмистра барона Левенвольде 1-го и участвующих с ним в той повозке офицеров, как не повинующихся повелениям начальника, арестовать и вести в последнем взводе. Повозку же со всей имеющейся в ней поклажею, кроме вещей, принадлежащих к мундиру, сжечь, а лошадей отдать в полк».

Получив приказание Кологривова, генерал Де-Прерадович собственноручно написал в полк: «Сего числа отдан в сей полк приказ от ген.-лейт. Кологривова, что по повелению его имп. высочества за слабое смотрение отказывается мне командование полком, а как я болен простудюю, то благоволит Кавалергардский полк в подаваемых рапортах по команде таковым меня показывать. - На марше, Новая Свиржа, сентября 29 дня 1805 г.».

О случившемся было донесено шефу полка Уварову, находившемуся в это время в числе лиц, сопровождавших государя, и с большой вероятностью можно предположить, что Уваров довел о сем до сведения государя. Как бы ни было, но 10 октября цесаревич из Брест-Литовска прислал Де-Прерадовичу следующий рескрипт: «Господин генерал-майор и кавалер Де-Прерадович 2-й. Видя с самого выступления из Санкт-Петербурга в походе командуемый вами Кавалергардский полк, содержащийся в порядке, и не получая от обывателей никаких жалоб о притеснениях, поставляю долгом изъявить мою благодарность за усердие ваше к службе Его Императорского Величества; свидетельствую оную всем господам офицерам и нижним чинам полка, вами командуемого...»

О походе гвардии по России (до Брест-Литовска) историки говорили, что он отличался самым строгим порядком, «доставившим ей благодарственный приказ цесаревича в самых лестных выражениях»; эти сведения требуют некоторых фактических поправок.

Во-первых, отметим распушенность войск, неизбежно вызывавшую репрессивные меры, во-вторых, - излишество и мелочность некоторых распоряжений, доказывавших, что плац-парадное искусство принималось за серьезное, пригодное и в военное время дело, в-третьих, - проявление несдержанности характера цесаревича, бывшее одной из причин весьма печального для дела столкновения его с Н. И. Де-Прерадовичем. Цесаревич проявлял большие заботы о питании людей и корме лошадей, неоднократно давал людям по чарке водки, награждал деньгами нижних чинов за похвальное поведение, преследовал преступления и распушенность, но вместе с тем не мог отрешиться от доведенной до крайности мертвящей централизации власти, которую столь страстно критиковал в Петербурге и которая сводила к всякую власть, ниже его стоявшую. Все должно было исходить от него, все должно было делаться по его приказаниям, о всякой мелочи должен был он знать, все направлять и регулировать. Вследствие этого происходили недоумения, выжидание приказаний, являлись и бездействие власти, и превышение ее. Прибавим к этому отсутствие вообще надлежащим образом подготовленных законоположений, неизбежность предоставления в военное время некоторого произвола в применении закона.

Несомненно, что распушенность существовала в войске и что пример ее давали офицеры. Есть известие, что офицеры брали с собою в поход не только своих жен, но и попугаев в клетках, по 50 индеек и по стольку же пулярок, не говорим уже о крепостной

прислуге. Военные обозы и ныне представляют мало привлекательного, но в то время они поистине должны ли являться бичом армии. Но крепостная Россия могла дать только крепостную армию. Нельзя было бороться в армии против проявлений крестного права, когда все государство было им пропитано; такого рода борьба, такого рода стремление искоренить одно из свойств крепостничества не могли дать ничего серьезного, дельного, только могли вызвать раздражение и столкновения, вредно отражавшиеся на деле.

С другой стороны, некоторые из требований, предъявленных цесаревичем к войскам, были не только чрезмерными, но и излишними, ибо они ничего общего с боевыми целями, а следовательно, и с военным делом не имели. В результате получалось не сбережение сил войска для той страшной минуты, для которой не может быть лишней силы, лишней энергии, а трата их понапрасну. «Двигаться врозь - драться вместе» - вот принцип, которому следовал Наполеон, перебрасывая свои войска с берегов Атлантического океана на Дунай; в то же самое время войска наши, спешившие на выручку Кутузову, совершали этот поход за тысячу верст от неприятеля «в замечательном порядке»: в пехоте «все офицеры постоянно шли на своих местах и следили за самым точным равнением»!

Де-Прерадович продолжал числиться больным до самого прихода полка в Ольмюц. Полк прибыл в Брест-Литовск 17 октября и имел там дневку, в Брест-Литовске весь отряд был разделен на три колонны (т. е. эшелона). Кавалергарды вошли в состав третьего эшелона генерала Малютина вместе с лейб-казаками, лейб-гренадерами и шестью орудиями. 19 октября полк перешел границу. При вступлении в пределы Австрии высочайше повелено:

- 1) артельных повозок вовсе не брать;
- 2) отпускать рационы по желанию офицерам натурой или деньгами, по 6 коп. серебром за рацион;
- 3) войскам получать провиант и фураж *«от российских комиссионеров, коим получать оные от цесарских комиссионеров».*

Пленение армии Макка вынудило гвардию ускорить движение: приказано было идти форсированным маршем до 40-50 верст в день. Для облегчения марша австрийское правительство выставляло подводы для возки амуниции и добавочных лошадей дляпряжки в обоз, так, для Кавалергардского полка - 17 бричек и 114 лошадей.

Кавалерия двигалась независимо от пехоты («идти кавалерии и пехоте самим по себе»); время выступления назначалось в 8 часов или «отдавалось на произвол гг. полковых командиров», 1 ноября полку назначена была переправа через Вислу. Из пяти эскадронов полка три эскадрона под командой князя Репнина успели переправиться, затем мост разорвало; 4-й и 5-й эскадроны и полковой обоз под командой полковника Авдулина остались на правом берегу реки. При этом дивизионе находился и числившийся больным Де-Пре-радович.

5 ноября Авдулин из Рахова доносил Репнину: «По присланному ордеру в с-ва из местечка Апатова, конечно, буду стараться на марше о сбережении людей и лошадей, но честь имею в с-ву донести, что через р. Вислу с большим трудом в маленькой лодке можно переправляться, а эскадронам нет возможности никакой до сих пор, и другой день дует большой ветер, от чего еще и опаснее. А в фураже и провианте большое имею затруднение: овса несколько четвертей имел от здешнего комиссара, а сена очень мало; теперь посылаю в разные места, мили за три и далее, и плачу большую цену, и боюсь, как река задержит дней пять, то совершенно нечем будет кормить лошадей на этой стороне; и провиант также покупаю и очень дорого плачу. А о переправе все меры буду брать, чтобы быть скорее на той стороне, но большой лед и ветер все способы отымают...»

7 ноября Авдулину удалось переправиться и дойти до м. Сташева, откуда он доносил, что на другой день дойдет до м. Нов.-Места и надеется прибыть 10-го числа в Краков. 8 ноября три эскадрона полка вступили в Краков, где имели дневку. В Краков вступили «без пудры», но во время дневки приказано было быть причесанным «под пудрою». От Кракова движение происходило уже не тремя, а двумя эшелонами, так как цесаревич при-

соединил к своему эшелону эшелон Кологривова; третий эшелон (теперь второй) остался в прежнем составе под начальством Малютина. С выступлением из Кракова приказано ежедневно отпускать винную порцию.

Только 13 ноября Авдулин присоединился в м. Фридеке к полку. Насколько исправно было продовольствие, можно судить по рапорту Авдулина, где он говорит, что, прибыв во Фридеке в 6 часов ночи после совершенного в 19 часов перехода в 11 миль, он до сих пор (9 часов утра 14 ноября) не имел фуража. «Если, - писал далее Авдулин, - лошади будут околевать от такого форсированного марша и за неимением по стольку часов фуража, (то) покорнейше прошу вашего сиятельства, что впредь случится - от ответу меня избавить».

Беспорядки, вольные и невольные, достигли своего апогея. «Не мытьем, так кантanjem» решено было заставить русских не только принять, но дать бой. Все было пущено в ход. К сожалению, император Александр дал себя на этот раз провести...

Сражение при Аустерлице

Мы оставили наш полк на походе к Ольмюцу идущим в заднем эшелоне (Малютина) с лейб-гренадерами и лейб-казаками. 17-го, т. е. два дня после стычки у Вишау, эшелон Малютина прошел через Ольмюц; 19-го он ночевал в м. Бучовиц, в 2 милях не доходя Аустерлица, «столь мало помышляя о сражении, что Кавалергардскому полку приказано было готовиться к царскому смотру, а потому начали чиститься, одеваться, пудриться, приделывать чепраки, вновь привезенные из Петербурга». Обозы приказано было оставить на месте. С рассветом на биваке услышали пушечный гул, и едва эшелон выступил, как получено было приказание цесаревича поспешить на рысях. «*Пройдя Аустерлиц, - говорит князь Репнин, - увидели мы весь горизонт, покрытый боем*». Едва успел полк переправиться через Раузницкий ручей по плотине у Вальк-Мюле, как прискакал цесаревич, обратившийся к полку со словами: «Выручайте пехоту!»

Поднявшись на берег, кавалергарды увидели перед собою семеновцев, окруженных кавалерией, отбивающих у нее свои знамена. Кругом - ни вправо, ни влево - не видно было русских частей войск, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картине служила почти сплошная стена французской пехоты.

Три первых эскадрона кавалергардов, пройдя валькмюльскую гать, развернулись вправо от нее и пошли в атаку на неприятельскую пехоту; командир 4-го эскадрона князь Репнин пошел прямо перед собою против кавалерии Раппа; за Репниным последовали 5-й

эскадрон и 1-й взвод шефского эскадрона под командой корнета Альбрехта, отвозивший в Аустерлиц полковые штандарты и следовавший в хвосте полка. Французская пехота была опрокинута первыми тремя эскадронами кавалергардов, что дало возможность преобращенцам и пешей артиллерии свободно перейти ручей. Репнин смял первую линию Раппа; она несется назад под прикрытием огня своей артиллерии (трех батарей). На выручку ей маршал Бессьер ведет вторую линию; но к Репнину из-за ручья спешит Оленин с первыми двумя эскадронами конногвардейцев. Два эскадрона Бессьера обрушиваются на правый фланг Репнина и Оленина, четыре - на левый фланг. Началась общая свалка, продолжавшаяся несколько минут... Наконец Репнин и Оленин опрокинуты. Конная батарея Костенецкого окружена неприятелем. Все смешалось: прислуга дерется уже врукопашную, ее выручает 3-й эскадрон (С. Н. Ушакова) кавалергардов; наша пехота, опасаясь бить по своим, не могла открыть огня.

Из конной батареи на этом берегу ручья осталось одно только орудие с полковником Костенецким; отстреливаясь, он отходил; под его прикрытием скакала наша кавалерия назад через плотину.

Полк был расстроен, почти наполовину уничтожен, большинство офицеров перебито и взято в плен, но он не был разбит: он еще слушался своего командира; по переходе через плотину остаток полка быстро собрался и построился на левом берегу Раузницкого ручья. Гвардия Наполеона не решилась преследовать... Подоспела пехота Бернадотта и тоже остановилась... Знамена нашей гвардии не были поруганы...

Полк, впервые увидавший огонь, кровью своею запечатлел царское слово - быть ему первому в списках нашей кавалерии.

Полагая, что неприятель прекратил наступление, гвардия отступила к Аустерлицу, чтобы устроиться позади лейб-гренадер, занявших позицию против Вальк-Мюле, в полутора верстах от плотины. Остались только кавалергарды и лейб-казаки сажень в ста от мельницы. Через час Де-Прерадович увидел неприятельскую артиллерию, занимавшую высоты, и попытки неприятеля к переправке. Де-Прерадович немедленно уведомил Малютину, прося подкрепления пехотой и кавалерией. Малютин отрядил к нему батальон измайловцев при четырех орудиях. Французы открыли пушечный огонь, на который отвечал Де-Прерадович, но не пытались всерьез перейти овраг. Около трех часов «прискакал к полку шеф его Уваров и объявил Де-Прерадовичу повеление государя держаться на месте до сумерек и, расставив вдоль оврага пикеты, прикрыть отступление армии, понесшей в этот день совершенное поражение». Вечером Де-Прерадович стал сниматься с позиции и прикрывал отступление армии до прибытия отряда Багратиона, назначенного в арьергард. Последними отступили кавалергардские пикеты, которыми командовал ротмистр барон Левенвольде 1-й.

На левом берегу Раузницкого ручья стоят остатки Кавалергардского полка. На противоположном берегу, на холме, стоит Наполеон, окруженный многочисленной свитой. У подножия холма - его гвардия с мамелюками, только что вернувшимися из своей последней атаки. Рапп приказывает подвести пленных офицеров к Наполеону. На вопрос Наполеона: «Кто старший?» - ему назвали князя Репнина. «Ваше имя?» - спросил Наполеон. - «Князь Репнин». - «Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?» - «Я командовал эскадронами Кавалергардского полка». - «Ваш полк честно исполнил долг свой». - «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату». - «С удовольствием отдаю ее вам. А что это за молодой человек с вами?» - "Это сын генерала Сухтелена. Он служит корнетом у меня в эскадроне». - "Он слишком молодым вздумал тягаться с нами". «Молодость не мешает быть храбрым!» - смело ответил Сухтелен. - «Хороший ответ, молодой человек! Вы далеко пойдете».

Кавалергардские офицеры нашли «в шалашах» французской главной квартиры самый радушный прием и попечение о своих ранах.

В каком числе палашей дрался Кавалергардский полк под Аустерлицем, мы точно указать не можем; вступил полк в пределы Австрии в количестве 809 палашей; к 28 ок-

тября в полку состояло 804 палаша; более чем вероятно, что за месяц из него выбыло не менее 4 человек (строевых), а потому мы примем число палашей круглой цифрой 800.

Полк потерял умершими от ран, ранеными и взятыми в плен 13 офицеров; нижних чинов строевых убито, ранено, умерло от ран и пропало без вести 226 человек, нестроевых взято в плен 13 человек. Итого полк потерял свыше 40 % своего офицерского состава и около 1/3 нижних чинов и лошадей.

Кроме того, взята неприятелем часть обоза (1-го разряда), в том числе повозка Де-Прерадовича с 2600 голл. червонцев (7800 руб. серебром) и 20 000 руб. ассигнациями. Утеряно оружия, амуниции, конской сбруи и т. д. - около 1/3 всего состава...

27 ноября государь уехал в Петербург.

В тот же день гвардия перешла к м. Собоштиште; половина войск располагалась по квартирам, а половина - лагерем. Кавалергарды шли во второй колонне (Малютин) и стали у Собоштиште лагерем. За отъездом цесаревича в Берлин командование над гвардией принял Кологривов. Приказано было принять строжайшие меры против мародеров, запрещено брать самовольно подводы, «отнюдь не обижать жителей... ибо от сего зависит пропитание войск». 28 ноября гвардия выступила на Краков.

На другой день (по уходе первой колонны) вторая колонна расположилась в занимаемых ею квартирах (кавалергарды - в м. Собоштиште); 28-го вторая колонна перешла в м. Стара-Пура, где имела дневку; 30-го прибыла в Тренчин. Движение затруднялось артиллерией, и для подмоги ей ежедневно назначался батальон.

Поход по Австрии, начиная с 1 декабря, производился по условиям мирного времени («поход по полкам прямейшими дорогами»). 13 декабря эшелон Малютин вступил в Краков, где имел двухдневный отдых. При вступлении в Краков приказано было «нижним чинам почиститься и головы пригладить», но о пудре не было ни слова. Там же выдано жалованье за сентябрьскую треть. 31 декабря - переправа через Вислу, - кавалерия на паромах, пехота на понтонах. 1 января была дневка, а затем ежедневно до 11-го вклю-

чительно был поход, 11 января эшелон вступил в пределы России в Брест-Литовске, где колонна отдыхала три дня. Для дальнейшего похода по России гвардейский корпус распределен был на шесть эшелонов, причем кавалергарды с лейбегерями составили третий эшелон под начальством Н. И. Де-Прерадовича. 15 января эшелон выступил из Бреста на Минск, Витебск, Великие Луки, Порхов, Гатчина. Переходы были уменьшены; дневки назначались через два перехода.

В общем, должно сознаться, что условия, в которые были поставлены войска при этом мирном походе по *своей* стране, были крайне неблагоприятны. Поход происходил с юга на север, и оказалось, что войска не имеют при себе полушубков. Только 12 февраля присланы были деньги на них, но и это не помогло делу: Де-Прерадович доносил, что полушубки «искупить невозможно», и ходатайствовал заменить их иной

Знак ордена
св. Александра Невского

теплой одеждой, но Кологривов не считал себя вправе дать разрешение. В начале марта наступила оттепель, а потому Кологривов весьма благоразумно приказал «выступать в марш гораздо раньше, и, ежели возможно, так, чтобы могли приходиться на квартиры заблаговременно и покуда еще не сделается оттепель, кроме тех дней, в которые с переменою погоды могла бы увеличиться стужа». Число больных по мере движения все увеличивалось; начальство принимало меры к лечению их, но, очевидно, эти меры не могли уменьшить

заболеваемости. На требования начальства выяснить причины «увеличения болезней» врачи отвечали, что оно происходит «от частых перемен погоды и непрерывного похода». К довершению беды в Вел. Луках заболел доктор Цее, единственный врач при полку.

К сожалению, недостает материалов для характеристики одного из важнейших факторов военных операций - продовольствия; все, что удалось нам найти, заключается в резкой переписке Де-Прерадовича с корпусным интендантом Гове. Интендантство старалось заставить войска принимать продовольствие (когда таковое имело) на возможно больший срок: например, хлеб «сверх имеющегося ныне в полку - на три дня, а круп - на девять дней». Не говоря уже о том, что желание начальства избавить солдат, сидевших долго на сухарях, от еды черствого хлеба или избавить строевых лошадей от лишней тяжести было весьма естественно, но интендантство иногда уведомляло о принятии продовольствия сверх нормы за такой короткий срок до выступления, что нельзя было успеть его принять.

Для выяснения вообще отношений интендантства к полку достаточно будет следующего факта. Выступая в поход, полк имел недобор фуража; 16 марта на походе к Петербургу полк получил требование петербургского провиантского депо «в непродолжительном времени» вывезти фураж (350 четвертей овса и 4322 пуда сена) из рожковских магазинов, «дабы фураж за невыбором от лежания не пришел в порчу и правление через то не ответствовало». На это сообщение полк 2 апреля отвечал, что «при выступлении сего полка в поход весь оный фураж оставлен был в полное комиссии распоряжение, из которого во время нахождения полка за границу в походе могла бы комиссия чинить отпуск и на место оного заготовлять вновь». Слишком был прозрачен сюрприз, заготавливаемый полку, и потому он предупреждал интендантство, что «недобренный фураж не иначе примет как во всей должной годности». Несмотря на такое предупреждение, сено было отпущено 15 апреля «гнилое и совершенно к употреблению не годное». Де-Прерадович донес по команде Кологривову; последний уведомил генерал-интенданта князя Волконского; Волконский приказал «сделать наистрожайшее исследование, кем именно было оно отпускаемо, а при том подтверждал, чтобы полки все вообще были довольствованы сеном законной доброты и совершенной годности».

Словом, вся канцелярская машина была пущена в ход по всем правилам подъяческой науки. Интересно только то, что виноватым являлся, по мнению интендантства, сам же полк, так как на требование объяснений от «здесьнего провиантского правления» последнее уверительно донесло, что смотрителем Некрасовым «гнилого сена в оный полк отпущено не было, но всем приемщикам дозволено было брать сено по их произволу из всех сенных сараев». Таким образом, выходило, что кавалергардские приемщики сами пожелали принять негодное сено... Позволяем себе заметить, что таковой прием обвинения обвинителя - один из шаблонных приемов кляузничества; прием этот гениально воспроизведен Гоголем в мнении городничего об унтер-офицерской жене...

По мере приближения к Петербургу войска все чаще и чаще получали приказания от цесаревича. Из них отметим следующие: чтобы нижние чины, «являющиеся по выздоровлении из госпиталей во фронт, употребляемы не были до самого вступления в С.-Петербург»; чтобы при вступлении в Гатчину «гг. офицерам быть во всей форме и под пудрой», а «у всех нижних чинов были выстрижены волосы по форме, шинели же непременно починены сукном того цвета, какое имеют на шинелях, а также вся амуниция была бы вычищена, поправлена и уравнена на людях». «Его имп. высочеству угодно, чтобы приближающиеся к Гатчине колонны входили на место церемониальным маршем...»

Кавалергарды вступили в Гатчину 30 марта; 31-го имели там дневку.

В Гатчине войскам было пожаловано вдовствующей императрицей по чарке вина, по фунту рыбы и по сайке. 1 апреля полк перешел в Красное Село, а на другой день в Ямскую слободу и д. Купчину в ожидании сбора всей гвардии для торжественного вступления в Петербург.

Гвардия вступила в Петербург 7 апреля в 12 часов дня. Встреченная государем, она прошла церемониальным маршем до Зимнего дворца. Во главе войск шли кавалергарды. После парада полк занял новые казармы, построенные у Таврического дворца, государь пожаловал нижним чинам по фунту говядины, по чарке вина и по 1 руб.

Через неделю розданы были награды: Уварову пожалованы Георгий 4-й ст. и Александровская лента, Де-Прерадовичу - Георгий 3-й ст., князю Репнину - Георгий 4-й ст.; эскадронные командиры, а равно Балабин и Чернышев получили орден св. Владимира 4-й ст.; все раненые офицеры - золотое оружие (шпаги), все остальные офицеры - Анненские кресты на шпаги. Все юнкера полка и один унтер-офицер произведены в офицеры. Все чины гвардии, бывшие в походе, получили не в зачет третное жалованье. Но полк кроме этих наград еще ранее удостоился получить высшую награду: благодарность государя. 5 января Уваров предписал Де-Прерадовичу отдать в приказе по полку следующее:

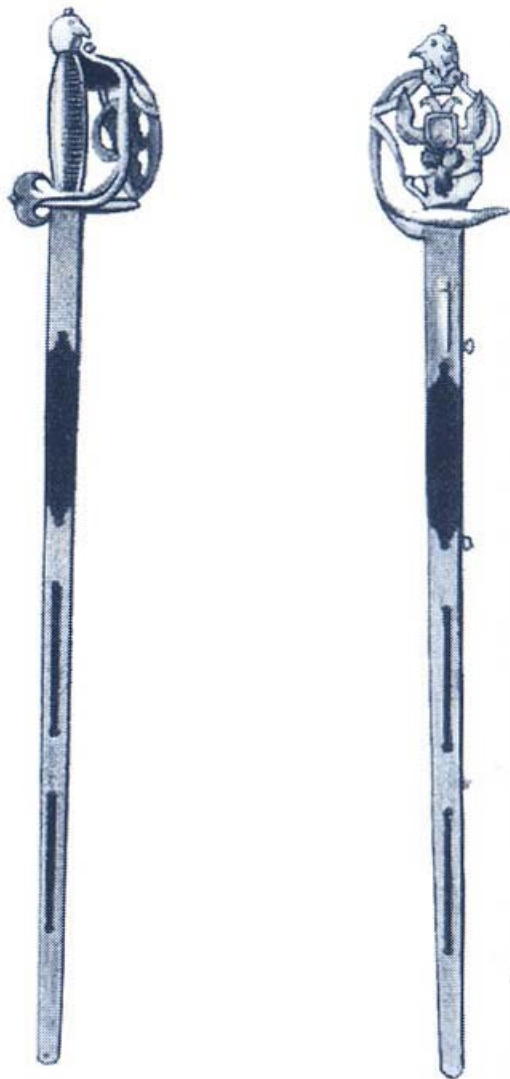
«По прибытии моем в С.-Петербург с величайшим удовольствием услышал я изустную Его Императорского Величества, всемилостивейшего нашего государя императора, отличную похвалу и благодарность Кавалергардскому полку за оказанную храбрость и сделанное вспоможение лейб-гвардии пехотным полкам тогда, когда они были многочисленной неприятельскою конницею пехотою атакованы во время сражения против французов, бывшего ноября 20-го дня 1805 г. Вся публика сего города также не перестает с признательностью хвалить сей храбрый подвиг полка Кавалергардского. Таковое чисто-сердечное о полку единомыслие тем вяще для меня восхитительно, что доказывает мне мое счастье иметь таковых товарищей и командовать полком, который при первой встрече с неприятелем заслужил генерально от всех сие отличное мнение, и, будучи преисполнен признательностью, спешу разделить господами генералом, всеми штаб- и обер-офицерами и нижними чинами таковое мое ни с чем не сравненное удовольствие, надеясь, что и впредь ей полк без сумления удержит доверенность и навлечет на себя внимание Его Императорского величества, равно и признание всенародное».

За неимением данных мы не можем указать числа бежавших из полка при обратном походе; сохранились лишь сведения о побеге двух фурманов - Телегина и Гукова. Телегин добровольно явился к лужскому городничему, которому объяснил, что он остался в Луге «за пьянством»; вероятно, он был наказан дисциплинарным порядком, Гукова же Кологривов предал суду, но оказалось, что он вовсе не имел намерения укрыться от службы, а, «будучи в пьянстве, отлучился от команды и на другой день сам добровольно явился к полку». Поэтому Кологривов, «не находя его уличившимся в намерении к побегу», предоставлял Де-Прерадовичу наказывать его за пьянство, «по вашему рассмотрению». В Слониме двое рядовых обокрали лавку золотых дел мастера, еврея. Вещи и деньги были найдены и возвращены еврею, но при следствии открылось, что укрывателями были еще один унтер-офицер и трое рядовых, которые и были все преданы суду.

При выступлении полка в поход запасный полуэскадрон под командой ротмистра Черепанова остался в Петербурге. 20 августа высочайше повелено было всех ефрейторов перечислить в запасной полуэскадрон, и можно предположить, что полк в обмен их получил рядовых, а 23 августа высочайше повелено вернуть к запасному полуэскадрону берейтора. (*Берейтор - объездчик верховых лошадей, лицо, обучающее верховой езде*). 24 августа Черепанов получил высочайшее повеление выступить в г. Несвиж, а 30-го того же месяца - обождать в Петербурге прибытия ремонтов. 16 октября прибыл ремонт Ильинского (63 лошади), на другой день - ремонт пахринской казенной конюшни (50 лошадей), и 5 ноября Черепанов выступил из Петербурга. Все запасные части включены были в состав резервной армии Римского-Корсакова. В Витебске Черепанов при возвращении государя в Петербург получил словесное высочайшее повеление "остановиться и ожидать повеления о выступлении от полка". Черепанов расположился на квартирах в Бабиновичах, где получил высочайшее повеление вернуться обратно. 4 февраля 1806 г. запасный полуэскадрон вернулся в Петербург.

Вооружение

До 1805 г. полк не имел кирасирского предохранительного вооружения (кирас и касок); в 1804 г. даны были кожаные каски; весной 1812 г. даны металлические кирасы (черные); в 1828 г. черные кирасы заменены медными; в 1848 г. даны медные каски. Вооружение состояло: офицеров, унтер-офицеров и трубачей - палаш и пара пистолетов, возимых на седле в ольстредях; рядовых - палаш и карабин (мушкетон). В начале 1831 г., во время похода в Польшу, передняя шеренга вооружена пиками, к которым (на походе) даны флюгера и темляки

Кавалергардские палаши

Образцы вооружения были изменяемы. Палаша старые, обоюдоострые в 1803 г. заменены новыми, таковыми же; в 1828 г. даны трехгранные палаша; в 1809 г. вместо кожаных ножен даны металлические. Карабины (мушкетоны) в 1818 г. были заменены во фланговых рядах взводов штуцерами; в 1827 г. карабины оставлены для пешего строя; в 1847 г. штуцера переделаны из кремневых в ударные.

Уход за оружием был вопиющий; за весь рассматриваемый нами период времени вплоть до 1855 г. лишь изредка встречаются приказы, относящиеся до сбережения оружия, тогда как буквально не проходило недели, чтобы не было приказа, относящегося до «позитуры», «носков», «колен», «каблуков» и т. д. По вышеуказанным приказам мы всего яснее составим себе понятие о состоянии оружия, которое начальством не отделялось вообще от «железных вещей».

Пистолеты и карабины чистились и полировались нижними чинами по данным в каждый эскадрон образцовым пистолетам и, очевидно, при этом портились; кроме того, «стволы и ложи карабинов подпиливались единственно для темпа, от чего есть совершенная порча оружия»; предписывалось эскадронным командирам наблюдать, «чтобы впредь сего не было». Но одновременно с этим весьма разумным приказом отдан был другой, едва ли таковой же: «Сейчас всего полка пистолеты снять со стен в казармах и положить оные в ольстреди в конюшнях... пистолеты должны всегда находиться в конюшнях при

седлах».

Как относился полк к своему предохранительному вооружению, т. е. придавал ли он ему боевое значение, сведений мы не имеем.

«Начальник дивизии заметить изволил у нижних чинов: палашиные полосы большею частью погнуты, что, вероятно, происходит от небрежной чистки их, и вообще железные вещи дурно чищены». – «Командующим кавалерийским корпусом найдено, что у многих палашей клинки шатаются в эфесах... равно, что во время чистки остается загиб, что строго воспрещено, притом что железные вещи вообще не довольно прилежно чи-

щены». – «При осмотре моем оружия, - писал генерал Гринвальд, - к неудовольствию, заметил я заржавленные клинки, ножны, пики и карабины... Не могу умолчать об исправном солдате 6-го эск. Александрове, у коего палаши в совершенной чистоте и ни малейшей ржавчины не имеет, несмотря, что был в походе... в вознаграждение его усердия и в поощрение на будущее время даю ему 25 руб.».

«За исключением очень малого количества, все вообще карабины от давнего употребления, т. е. с 1815 г., ослабли в курках и не держатся в ладьях. Ложи ссохлись, отчего стволы, гайки, курки и казенные винты неплотно на своих местах находятся и шурупы не держат». – «Начальником дивизии замечено, что нижние чины не сберегают палашиные полосы, многие найдены его пр-вом погнутые, также ржавленные и нечисто вычищенные, почему предписываю эскадр, командирам обратить на этот предмет особенное внимание, а нижним чинам наистрожайше подтвердить, чтобы полосы отнюдь не были погнутые или ржавленные и как можно были бы чище вычищены.» - «В разводе... государь император изволил заметить, что у некоторых унт.-офицеров из являвшихся Его Имп. Величеству на ординарцы конными полоски были согнуты. В отвращение подобного замечания предписываю эскадр. командирам иметь сие в виду».

Лишь в конце 1854 г. под влиянием севастопольского погрома явилась слабая и осторожная попытка обратить на оружие должное внимание. Радикальное изменение в этом деле суждено было сделать императору Александру Павловичу.

Казармы

До ухода в поход 1805 г, полк был расположен в "Боурском доме" (Литовском замке) на Крюковом канале и в прилегающих к нему зданиях, в том числе и в лейб-гренадерской казарме. За недостатком помещения под полковые мастерские высочайше повелено было 12 июня 1801 г. передать полку «дом запасных магазинов, где помещается оных контора», и на постройку новых и ремонт старых зданий отпущено 84 тыс. руб. из с.-петербургского ратгауза. Часть этих зданий была каменная, а другая часть деревянная. В 1803 г. переданы полку «место и старые кузницы, принадлежащие морским казармам, по другую сторону Крюкова канала от хлебных магазинов».

По возвращении полка из Аустерлицкого похода он был помещен в нововыстроенных казармах. Постройка их производилась с 1802 г. архитектором Руска (Louis Rusca) под наблюдением генерал-адъютанта графа Комаровского. Полк едва успел прийти из похода и разместиться в новых казармах, как был выведен в Новую Деревню, а зимою выступил в новый поход. Таким образом, он не успел принять казарм, да и не все работы были окончены. Прием начался осенью 1807 г. Смотрителем при постройке казарм был «состоящий по армии поручик Воцкий», и, к счастью для полка, он же был оставлен и смотрителем казарм.

История приема казарм весьма поучительна, во-первых, как страница из истории постройки казарм вообще, во-вторых, как пример энергичной борьбы честных людей со злоупотреблениями. С одной стороны - полк, т. е. Де-Прерадович, Черепанов и Воцкий, с другой – «комитет строения казарм для лейб-гвардии полков».

«Дело» начинается серией рапортов эскадронных командиров о том, что «происходит течь», сходит краска, штукатурка осыпается, печи неисправны, двери не притворяются, не хватает стойл, на полковом дворе невылазная грязь, «на бульваре» сохнут деревья и трава «от недостатка садовой земли» и т. д., и т. д. Одновременно с этим Воцкий рапортует: «Комитет... делает мне свои предписания и словесные приказания с репримандами на-против данных мне от полку... как будто бы я нахожусь в полном ведении и распоряжении того комитета», и просит полк «уведомить комитет, дабы не делал мне никаких предписаний и требований без ведома Кавалергардского полка, так как и нахожусь я непоколебимым и преданным в полном ведении и распоряжении сего полка у г. полкового командира».

Вызванный в полк для осмотра член комитета Чихачев удостоверил, что во многих местах действительно течь, которую Руска объяснял таким образом: над жилыми покоем от того, что над ними «слуховые окна были открыты, а покои заперты; конюшни же текут в рассуждении неудобности бумажных крыш». Конюшенные корпуса были покрыты «по прежним деревянным двутесным крышам бумажными листами. Бумажные эти листы так тонки, слабы и гнилы, что от прибывания обойными (!) гвоздями сделались проломы и дыры». Листы были окрашены только с верхней стороны, что, очевидно, не могло предохранить их от гниения. «Оная бумага, - писал Воцкий, - подвержена огню», между тем под подобной крышей помещались сеновалы. На крышах - весьма пологих - накапливалась масса снега, при скидывании которого даже деревянными лопатами листы, прибитые обойными гвоздями, отрывались.

Полк потребовал от комитета исправлений. Комитет отвечал, что «всякая неисправность и починка казарм предоставлена главнокомандующим в С.-Петербурге Вязмитиновым собственно хозяйственному распоряжению г. коллежск. советника и архитектора Руска», к которому и рекомендовал обратиться. Полк обращается к Руска; Руска доносит комитету, что исправления сделаны; полк же пишет комитету, что, «какие, по донесению Руска, исправлены работы, - полк ничего не видит», а Руска тем временем доносит Вязмитинову, что «все починки исправлены», что казармам составлена опись и что поэтому «может их сдать полку архитекторский помощник Ткачев». Полк просит комитет прислать кроме Ткачева еще члена комитета, но последний отказывается в этом. Начался прием казарм Черепановым и Воцким, но они вскоре нашлись вынужденными приостановиться приемом: опись, представленная Ткачевым, оказалась «во многом несходственна, ибо оная сделана тому уже два года, а после сего времени были разные деланы перестройки суммою до 70 000 руб.». Только 17 февраля следующего года Руска представил требуемые описи, а до тех пор он отписывался от полка.

Кавалергардские кирасы

Наконец государю была представлена ведомость «о недостатках и неисправностях... оказавшихся по описи и сверх оной». 9 марта 1808 г. последовало высочайшее повеление относительно: 1) исправления крыш; 2) предоставления места для складки дров; 3) насыпки полкового двора; 4) исправления штукатурки; 5) очищения берега Невы против казарм.

Прошло два года, а дело все оставалось в том же положении. Между тем состояние казарм все более и более ухудшалось: осенью 1808 г. сорвало часть железной крыши над солдатскими казармами; полк обратился в комитет, но последний отвечал, что «на таковое исправление сей комитет ни повелений от высшего начальства, ни назначенных на оное

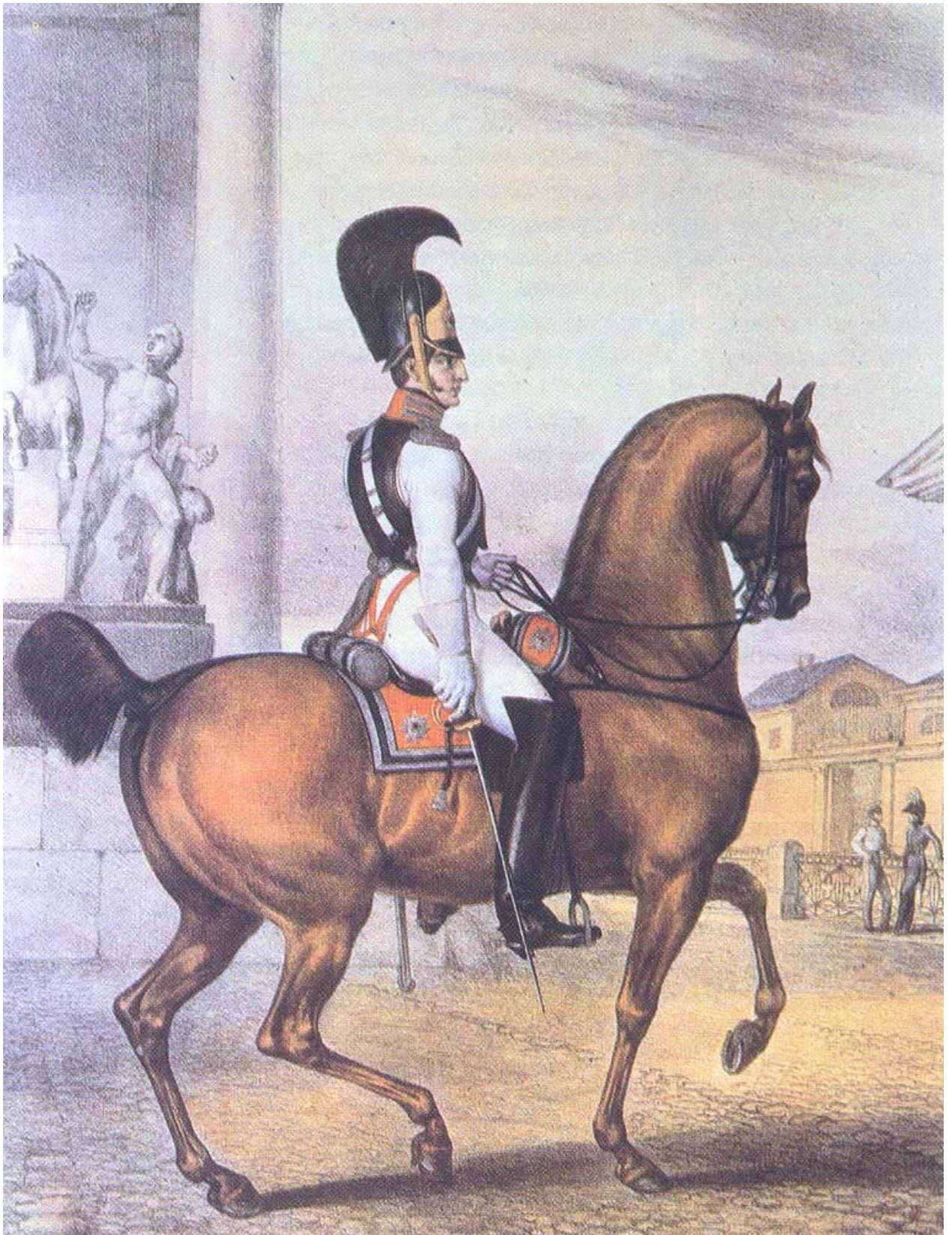
сумм у себя не имеет». Вслед за тем Воцкий рапортовал Черепанову: «...Сего числа оказалось: под бумажною кровлею над конюшней... на потолке между балок под смазкою наборные доски сгнили и опустились со смазкою на подшивку, что, по-видимому, оказалось от течи». Полк уведомил о случившемся и комитет и Руска, но и комитет и Руска упорно молчали ровно год.

Осенью 1809 г. началась прежняя волокита: обер-полицмейстер Папков по приказанию Балашова, заступившего место Вязмитинова, присылает мастера Утермарка «освидетельствовать» крыши, прибавляя, что Утермарку *«особо приказано, чтобы он выполнил сие сколь можно поспешнее и о том, сколько потребно на исправление их денег, подал... письменное сведение»*. Руска же (тем временем произведенный в статские советники) уведомил полк, что он к починкам «никак сам собою» приступить не может, *«ибо на сие не имею никаких от начальства приказаний, равно и сумм, а для сего составлен есть для построения казарм лб.-ге. полков комитет, в который и может оный полк относиться для представления вышнему начальству»*. Началась отписка по всем правилам подьяческого искусства; мало того, комитет стал изощряться в делании начетов на Воцкого, а казармы все более и более приходили в невозможное состояние; так, например, полковник Ершов рапортовал, что в его эскадроне *«в нижнем этаже, у женатых... стена деревянная осела, так что весь карниз отстал от потолка, от чего сделалась насквозь щель»*.

В конце сентября Балашов в ответ на представление полка уведомил Де-Прерадовича, что он «уже дал предписание комитету об исправлении... бумажных крыш», но комитет только в середине декабря прислал Ткачева, которому «полк объявил, что исправить наборы и бумажные крыши покрыть железом приказано уже инженерной экспедиции». Действительно, за это время державшийся как бы в стороне граф Аракчеев предписал инженерной экспедиции произвести осмотр провалившихся потолков в конюшнях 1-го эскадрона и запасного полуэскадрона. Инженерная экспедиция нашла, что «самые потолочные бруски пришли в совершенную гнилость, так что во многих местах доски уже провалились и держатся на одной подшивке». По смете на это исправление и на покрытие этих конюшен железом экспедиция исчислила 9034 руб., и по докладу графа Аракчеева состоялось высочайшее повеление привести смету в исполнение той же экспедиции. Но на этом Аракчеев и остановился: он не благоволил к Уварову, и мы можем без натяжки допустить, что и кавалергарды, конечно, не могли пользоваться его симпатиями; Аракчеев затормозил дальнейший ремонт.

Впрочем, не надо забывать, что положение государственных финансов вследствие, с одной стороны, только что окончившейся войны со Швецией и продолжавшейся войны с Турцией - с другой, было далеко не блестящее, а впереди уже и тогда виднелось неизбежное столкновение с Наполеоном. Как бы то ни было, но в начале 1810 г. Аракчеев уведомил цесаревича, что он поручал архитектору Руска сделать исчисление на замену бумажных крыш железными и что Руска представил смету «более 44 000 руб.». По докладу о сем государю «Е. И. Величество, находя, что по умножившимся теперь расходам отделить нельзя такой суммы, высочайше повелеть соизволил: оставить на нынешний год конюшни сии в настоящем их положении, с тем чтобы Кавалергардский полк существующие в них повреждения исправил из отпущенных ему на сей год на починку и постройку полковых строений и другие хозяйственные надобности 27 500 руб.». Ниже мы увидим, на что именно ассигновались эти 27 500 руб. и что полк фактически не мог исполнить высочайшего повеления. Было ли о сем доведено до сведения государя, мы не можем указать, но в августе инженерная экспедиция уведомила полк, что ею представлена была военному министру смета «на исправление ветхостей в казармах» на 97 628 руб., но что министр приказал немедленно приступить к исправлению «тех единственно ветхостей, без коих нельзя никак обойтись» (полы, печи, оконницы, двери и ясли), а остальное оставить до будущего года.

Полк ушел в кампанию 1812 г., не дождавшись капитального ремонта...

Обер-офицер Кавалергардского полка

Мы вышли бы из пределов нашей работы, если бы стали излагать более подробно историю построек «гвардейских зданий». Она ждет своего историка, но на основании беглого обзора, который мы могли здесь представить, возможно сделать некоторые выводы.

Не касаясь нравственных качеств Руска, нельзя отнять у него некоторого по тому времени вкуса; построенные в модном тогда псевдоклассическом стиле, казармы не были безвкусны; общая распланировка - особенно приняв во внимание, что некоторые здания уже существовали, - довольно красива. Зато в чисто строительном отношении Руска далеко не безупречен: всякое здание должно быть строго сообразовано с климатическими условиями места его возведения и отвечать своему назначению. Ничего подобного Руска не принял во внимание: бумажные крыши можно, пожалуй, объяснить падкостью русских высших классов на всякие новинки, а в особенности когда эти новинки обещают якобы экономию, но на ответственности самого Руска уже всецело лежит малый подъем крыши и устройство галерей кругом жилых зданий. Россия - не Италия, а Петербург в особенности - не Неаполь: двухаршинный слой снегу у нас не редкость, зато редко - солнце, и потому наши постройки надо не затенять, а открывать полному доступу солнечных лучей; к тому же постройка деревянных галерей у каменных зданий - прямое уменьшение безопасности от пожара; помещение сеновалов под деревянной крышей, покрытой проолифенным картоном, едва ли также говорит о строительной сообразительности архитектора.

Взявшись построить казармы, следовало бы подумать о специальном их назначении; между тем архитектор упустил из виду необходимость хоть какой-нибудь вентиляции отхожих мест. И если и теперь «башни» наших казарм представляют из себя клоаки, мимо которых не всегда можно пройти, не затыкая носа, то едва ли можно сомневаться в донесении Черепанова, утверждавшего, что «в калидорах и на галереях вонь». Построили галереи, но забыли возвести брандмауэры ... (*Брандмауэр (от нем. Brand - пожар и Mauер - стена) - противопожарная огнестойкая стена.*) Мы не будем говорить уже о таких специальных сооружениях, как манеж, ясли и т. п., но надо же было вспомнить, что войска стреляют, а потому им необходимо хранить в безопасном месте патроны. За неимением места патроны хранились на чердаках, и мы увидим, что если подобный способ хранения и не вызвал во время случившегося однажды пожара большого несчастья, то только благодаря самоотвержению чинов полка.

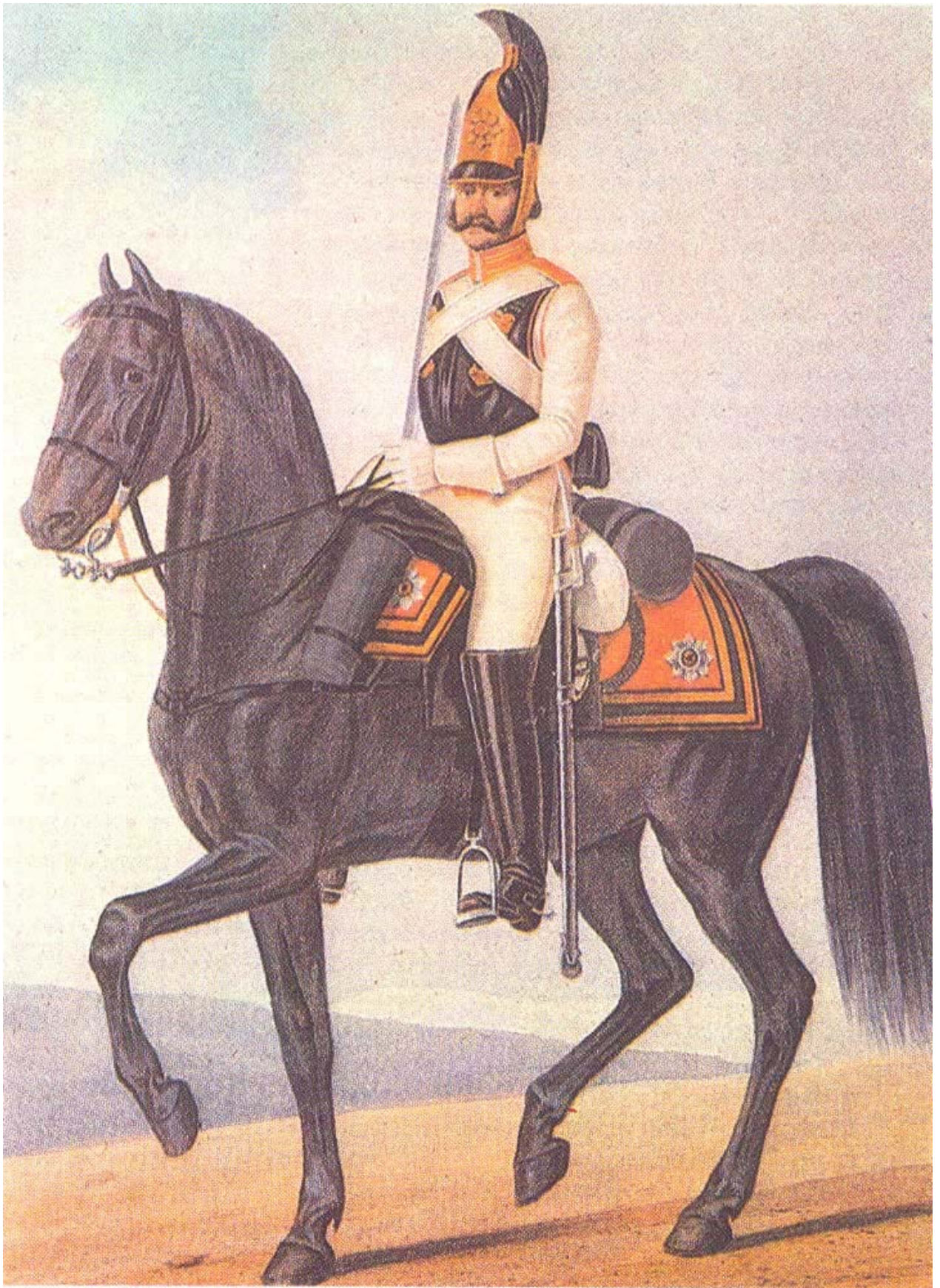
В коротких словах, история постройки казарм - это фантазия сверху и недобросовестность снизу. И среди сложной игры страстей и влияний нелегко, думаем, пришлось триумvirату из Де-Прерадовича, Черепанова, Воцкого, тем более что не только план, но и смета Руска были одобрены государем...

Относительно соблюдения чистоты снаружи казарм можно заметить, что постоянные напоминания в приказах указывают на то, что она мало соблюдалась, и в особенности офицерской прислугой.

«Замечено... что на дворах у гг. офицеров опять начинается нечистота, и подтверждается последний раз дежурному при полку иметь за сим наилучшее смотрение, и буде он не отыщет впредь виновного, то с самого строжайше взыщется; а гг. офицерам предписывается своих людей держать в лучшем повиновении; вспомнить и то, что - казенное место, и что, по милости государя императора, дается им квартира; ежели впредь усмотрена будет какая-нибудь нечистота, то не только человек будет строго наказан, но и сам господин его будет арестован и представлен начальству».

Улицы против казармы - Захарьевская, Воскресенская и Шпалерная (2-я Воскресенская) - представляли из себя невылазную грязь осенью и весною и ухабы зимою. Из-за того, чья обязанность очищать улицы, возникали между полками и городским управлением постоянные пререкания.

Рядовой Кавалергардского полка

В 1809 г. обер-полицмейстер Папков, а затем и генерал-губернатор князь Лобанов требовали, чтобы полк очищал улицы, причем ссылались на то, что «высочайшая воля есть, чтобы в здешней столице все улицы содержаны были всегда в совершенной чистоте», но так как они не могли в подтверждение своего требования указать, чтобы эта обязанность была высочайше возложена на полки, то последние и оставляли требования полиции без внимания. Действительно, существовало высочайшее, состоявшееся еще в 1803 г., повеление о том, чтобы «отныне впредь со дворов полковых казарм свозима была грязь и нечистота на полковых лошадях». Обращает на себя внимание то, что в тот же день, как князь Лобанов писал Уварову, требуя очищения улиц, состоялся следующий высочайший указ Военной коллегии: *«Государь император заметил, что полки здешнего гарнизона, имея назначенные для жилищ их казармы... не очищают оные от нечистоты полковыми лошадьми и в противность указа 24 июня 1803 г. слагают сие на городскую повинность»*. Во исполнение сего указа цесаревич предписал Уварову *«означенную нечистоту казарм, если таковая в занимаемых сим полком казармах имеется, непременно очистить, а если впредь окажутся подобные упущения, то на счет шефов или полковых командиров наняты будут работники для очищения за какую бы то ни было цену»*.

Всем этим пререканиям и своеобразным толкованиям высочайшей воли положен был предел положительным законом. 17-й параграф закона 13 апреля гласил: *«Содержание по улицам вокруг казарменных строений мостовых и канавок с надолбами и мостиками и освещение фонарей (кроме внутренних полковых дворов) в рассуждении, что на сие ремонта не положено, оставляется на отчете городской думы»*. И позднее попытки полиции встречали надлежащий отпор со стороны полкового начальства.

Чистота внутри казарм поддерживалась, насколько то было возможно, но теснота помещений, непригодность зданий к специальному их назначению и невозможность приспособить их к этому давали себя постоянно знать. Насколько было тесно в казармах, можно судить из следующего: в 1809 г. Де-Прерадович доносил Уварову: «Как и в пр-ву известно было, что по вступлении в казармы ...для женатых нижних чинов, коих тогда было еще немного, помещение было весьма недостаточно, а потом прибыло оных почти такое же число. Все средства употреблены были для помещения их с величайшей теснотой, ныне же ежели один из нижних чинов женится, то уже никак невозможно будет поместить». Из числа же «употребленных средств» достаточно указать на то, что полк сам ходатайствовал об устройстве «для лучшего пространства» антресолей, т. е. при малой высоте комнат сажал людей буквально друг другу на голову.

Казармы весьма часто осматривались полковым командиром, и многие из этих посещений отмечены в приказах: *«При осмотре сего числа полк. командиром казарм найдено, что койки у нижних чинов не были покрыты белыми простынями»*; велено *«в ящики, сделанные в кроватях, класть вещи, солдату принадлежащие, а сундуков отнюдь не иметь»*.

Гонения на сундуки, картины и «прочий пустой убор» продолжались все царствование императора Александра; они особенно обострились в ожидании посещения казарм государем.

Казармы были построены на 5,5-эскадронный полк при 14 рядах во взводе; по возвращении из Франции пришлось разместить 7 эскадронов, имевших по 20 рядов во взводе. Пришлось нанимать помещение для вдов у частного лица (Полнобокова), а 7-й эскадрон и женатых «за утеснением» вывести «в казармы на Преображенском фуражном дворе, по фасаду в офицерский переулок».

Так продолжалось до 1830 г., когда взамен отведенных помещений в Преображенских казармах были наняты «два каменных флигеля (Кусовникова) по Воскресенскому проспекту, против оранжерей Таврического сада», а лошади 7-го эскадрона помещены в полковых конюшнях. Флигеля Кусовникова оказались настолько тесными, что людей 7-го эскадрона пришлось вывести и поместить в полковом лазарете, который по этому случаю был уничтожен, а больных перевести в артиллерийский госпиталь. При этом часть семей-

ных была помещена в подвалах под эскадронными казармами и офицерскими корпусами. Осенью 1835 г. женатые из дома Кусовникова были переведены в казармы «бывшего учебного карабинерного полка» (аракчеевские казармы). В 1852 г. с передачею полку «придворного запасного дома» (на Шпалерной ул.) семейные из аракчеевских казарм, а равно и «проживающие на вольнонаемных квартирах» были переведены в этот дом.

Насколько была велика теснота в казармах, сколь мало они были приспособлены в хозяйственном отношении, видно из следующего: кадки с капустой за неимением подвалов хранились на чердаках конюшен. Гвардейская казарменная комиссия в 1825 г. уведомила полк, *«что она поставление на чердаках конюшен кадок с капустою не берет на свою ответственность»*. Началась переписка. Командир бригады предписал было хранить капусту в сараях (!), на что граф Апраксин ответил, что *«капусту... хранить в сараях неудобно по той причине, что она мерзнет и после сего предаётся порче и потому делается негодною и даже вредною для употребления в пищу нижним чинам. А посему имею честь вторично всепокорнейше просить в. с-во об исходатайствовании позволения от высшего начальства ставить кадки с капустою по-прежнему на капитальные стены, под строгим присмотром, дабы только оные отнюдь не были на потолках, или приказать для сего отвести другое какое-либо место»*. *(Хороша капуста, пропитанная аммиаком конюшен! Но нельзя не согласиться с графом Ф. С. Апраксиным, что и такая лучше, нежели мерзлая, т. е. никакая.)*

Обычно в казармах всегда тесно, и воздух в них оставляет желать многого, но то, что было прежде, едва ли мы, неочевидцы, можем себе представить. Выше мы сказали, что казармы представляли из себя помещичью усадьбу: полковой командир был помещиком, а люди - вроде дворовых. Разница та, что над помещиком не было не только ближайшей, но - фактически - и никакой власти, здесь же вес начальство было не только близко, не только контролировало все и вся, но всячески старалось и непосредственно управлять. Требования «единообразия» и «щегольства» предъявлялись и здесь, но, к чести наших командиров (за единичными исключениями), они и в этом отношении по силе возможности оберегали своих подчиненных от непомерных требований. Некоторые приказания повторяются из года в год и распределяются в книгах приказов с удивительной симметрией; приказы, относящиеся до чистоты казарм, положительно представляют собою «периодические дробы»: можно вперед сказать, когда данный приказ опять будет повторен. Все это указывает, что полковое начальство ясно сознавало, что поправить дело не в его силах, и потому своими приказами отписывалось от «вышнего» начальства.

«Дошло до сведения полкового командира, - читаем в приказе, - что в офицерских конюшнях без позволения полка поделаны антресоли, и люди на оных без всякой осторожности в ночное время зажигают свечи, без фонарей ходят по конюшням и даже притыкают свечи к стенам, где лежит сено». Казалось бы, что естественное заключение сего приказа должно было быть: наложение «примерного» взыскания, «дабы и впредь не повадно другим было»... Ничуть не бывало, конец приказа таковой: *«Хотя по тесноте квартир и позволяется иметь антресоли, но только чтобы отнюдь господские люди не имели по ночам огня и особенно без фонарей»*.

«В тесноте, да не в обиде», - справедливо рассуждали командиры-кавалергарды. А обидеть калеку, вдову или сирот ведь нетрудно, тем более что в данном случае закон был бы на стороне обидчика. К счастью для полка, большинство кавалергардских командиров признавало не один закон, но и совесть, а так как с возникновения полка в течение 50 лет преемственно были именно такие командиры, то этот взгляд обратился в столь крепкую полковую традицию, что ее не могли искоренить командиры, ее не признававшие. Достоин замечания, что эта традиция, как, впрочем, и большинство прочих полковых традиций, выработалась под влиянием лиц, во многих отношениях между собою не сходных: двух русских (Уваров и Апраксин), одного серба (Де-Прерадович) и двух немцев (Гринвальд и Фитингоф).

Церковь св. Иоанна Крестителя на Каменном острове в Санкт-Петербурге

«При обозрении казарм, - писал граф Апраксин корпусному командиру, - заметил я чрезмерную тесноту в помещении как холостых нижних чинов, так еще наиболее женатых семейств; и с некоторого времени увеличивается тем, что многие, при выходе ныне в отставку, оставить прежних своих жилищ не могут по причине слабого здоровья, большого семейства, или неприисканием постоянных мест. Принимая столь достаточные причины в уважение, но не желая помещением оных слишком стеснить на службе состоящих, я почтеннейше прошить имею честь в. впр-во обратить внимание на них, тем более что в числе оных много вдов с малолетними детьми, каковые совершенно лишены возможности доставить собственными трудами необходимое пропитание, не говоря уже о возможности нанимать себе квартиру, - исходатайствовать сумму для найма оным дома поблизости казарм или где начальству угодно будет».

При такой тесноте и при непригодности казарм к климатическим и бытовым условиям жизни, а равно и вследствие неряшливости и нечистоплотности в жилье русского народа весьма понятно, что было крайне трудно соблюдать постоянно и во всех помещениях чистоту. Постоянно встречаем мы требования, чтобы в казармах был «чистый и свежий воздух», чтобы отворялись «форточки для освежения воздуха», ибо «в покоях свирепствует спертый и тяжелый воздух». Но вместе с тем только в 1842 г. обращается внимание на порчу воздуха ночниками: «Для отвращения вредной копоти от ночников построить новые фонари, к коим от казны будут сделаны дымовые воздухопроводные трубы».

Галереи не только отнимали свет, но и служили поводом к увеличению нечистоплотности... С другой стороны, выстроили галереи, но забыли про необходимость иметь баню и прачечную, «а потому - нижние чины моются в частных банях на счет своей собственности... а мытье белья производится на собственном попечении нижних чинов». Но вымытое белье надо же было где-нибудь высушить, и «вопреки приказаниям» его развешивали на галереях.

Так жили в «холостых» казармах; у женатых же было и того много хуже. В одной и той же комнате помещалось «в углах» несколько семей. Общее число женатых в полку доходило до 250 душ. В комнатах женатых, по словам приказа, они «производят чистку капусты, рубку дров, на окна ставят горшки, держат в покоех помои невынесенными по целым суткам, от чего происходит зловоние и потому вред для здоровья».

В 1846 г. начальник дивизии нашел в помещении женатых «столь большую тесноту, что без вреда здоровью самих родителей, наиболее же детей, нельзя позволять жениться... и привозить жен из деревень».

Однако и эта мера не помогла: и после нее в помещениях женатых оказался «воздух спертый», что, по мнению генерала Безобразова, происходило «оттого, что кладут... на печь горшки, лоханки и кулья и т. п., которые заражают воздух по мере того, как печь натапливается... над кроватями сделаны потолки... кладут на оные разный хлам».

Поместить всех женатых в казармах не было возможности, и потому «не имеющим казенного помещения», каковых в 1841 г. было до 30 семейств, полк выдавал для найма квартир деньги от 4 до 6 руб. в треть. Так продолжалось до 1851 г., когда полковой командир, найдя «неудобным и для службы вредным дозволять нижним чинам... проживать на вольнонаемных квартирах, потому что за ними не может быть надлежащего надзора», поместил их в казармах женатых людей.

С 1816 г. по «положению», изданному цесаревичем, двум офицерам отводились три комнаты с дровами. Неудобность этого «положения» состояла в том, что квартиру занимал один офицер, а другой был к ней приписан, о чем так и отдавалось в полковом приказе. Офицерские квартиры помещались в шефском корпусе и в 1-м и 2-м офицерских корпусах (по обе стороны церкви). Офицерских квартир постоянно не хватало, и даже с устройством нескольких офицерских квартир в переданном полку «придворном запасном доме» 25 офицеров не имели казенного помещения. В 1837 г. генерал Гринвальд доносил, что «квартиры... устроены так, что невозможно отделить покоев, излишествующих против положения», а потому просил о перестройке их так, чтобы «разместить гг. офицеров по положению и тем впредь избавить полк от платежа 6600 руб.». Но из этого ходатайства ничего не вышло...

Кампания за Неманом и Тильзит

*Цари в плену, в цепях народы!
Час рабства, гибели приспел!
Где вы, где вы, сыны свободы?
Иль нет мечей и острых стрел?
Иль мужество в груди остыло
И мстить железо позабыло?..*

М. В. Милонов. "К патриотам"

ажда отмщения - вот чувство, которым жила вся русская армия после аустерлицкого поражения. Казалось, время реванша не за горами - Россия готовилась к очередной войне в составе антинаполеоновской коалиции. И вот наступил 1807 год.

10 февраля Де-Прерадович донес Кологривову, что Кавалергардский полк "к выступлению в поход находится в готовности", в составе 41 офицера, 802 нижних чинов и 738 коней.

13 февраля в 6 часов утра кавалергарды первые выступили из Петербурга. Государь провожал полки и напутствовал их милостивыми словами.

На другой день по выступлении кавалергардов цесаревич Константин Павлович приказал отдать в приказе по полку, что государем было замечено: "1) когда полк тронулся из Миллионной, то трубачи заиграли поход (походный марш (барабанный бой); у каждаго гвард. полка, отличившегося в боях, был свой "гвардейский поход") в то время, когда полк был не сформирован, ибо штандарты были на правом фланге полка; 2) гг. офицеры лошадей своих горячили, прыгали и не равнялись; 3) при маршировании повзводно шеренги не равнялись, и в эскадроне полковника Титова (2-м) унтер-офицер, на место (того) чтобы быть в замке, ехал на правом фланге 2-й шеренги; 4) гг. офицеры дурно палашаи держали; 5) вообще 2-я шеренга вовсе не равнялась и люди качали палашами; 6) стремяна во всем фронте были весьма длинны, саквы (Саква (от лат. *Saccus* - мешок) - кавалерийская сумка с запасом зерна для лошади) не довольно круто и высоко застегнуты... Все государь император изволил приказать исправить, дабы впредь сего замечено не было".

Кавалергарды назначены были во вторую колонну (Малютина) вместе с измайловцами и лейб-гренадерами.

Маршрут полку был на Лугу, Псков, Фридрихштадт, Шавли, Юрбург. Во время похода приказано было ежедневно выдавать мясную (рыбную) и винную порции.

Для ускорения движения амуницию везли на обывательских подводах; под Кавалергардский полк выставлялось по 596 лошадей.

3 марта полк достиг Крейцбурга, делая переходы свыше 50 верст в сутки. Погода стояла холодная (-12° при резком ветре); значительное число нижних чинов было сильно озноблено, некоторые настолько, что сделались не способными к продолжению службы. Большинство офицеров ехали в санях.

16 марта государь выехал из Петербурга, но уже с 17 марта стали ожидать его приезда, и войскам второй колонны приказано было "идти в мундирах, ранцы и шинели иметь на подводах".

Есть сведение, что войска при выступлении в поход не выказывали большого воодушевления; причиною тому были: предшествовавшая неудачная кампания, вести с театра военных действий, которые военная молодежь имела от своих товарищей, отправив-

шихся волонтерами (*Волонтер (фр. volontaire) - добровольно поступивший на военную службу*) на войну, а также и то, что гвардия снова шла в поход под командою цесаревича, равно как и взгляд, который господствовал в петербургском обществе, что гвардия существует не для боевых целей.

При переходе через границу гвардейская дивизия была разделена на две колонны, и каждая колонна на три отделения. Кавалергардский полк (один) составлял второе отделение второй колонны. Перед вступлением в пределы Пруссии цесаревич отдал следующий приказ: *"В кавалерии ничего на колесах не иметь, офицерам весь свой экипаж везти на вьючных лошадях, а генерал-майорам иметь по повозке или карсте в 4 лошади... Подвод офицерам за границую нигде ни под каким видом не требовать, а тем более брать само-вольно, Подводы отпускаемы будут только для больших нижн. чинов... в Кавалергардский - по 6 фур в 4 лошади... Каждый солдат получать будет ежедневно от хозяина, где будет стоять на квартире, 2,5 фунта хлеба, 0,5 фунта мяса вареного (в похлебке с карто-фелем или какой другой зеленью) и кружку пива или чарку вина, и сверх того для людей и лошадей на подстилку будет даваема солома..."*

Так как лед на Немане был уже не крепок, то приказано было совершать переправу "как можно ранее утром... людям идти не вместе и с большой осторожностью".

В Благовещение, 25 марта, полк перешел Неман. На другой день в Кидуллине (про-тив Юрбурга) состоялся высочайший смотр гвардейской кавалерии в присутствии короля и королевы прусских. Государь объявил за парад свою благодарность офицерам и пожа-ловал нижним чинам по рублю. 29 марта отдан был следующий высочайший приказ: *"Его Имп. Величество, изъявля по переходе за границу войскам, бывшим в параде 25 и 26 чисел сего месяца, высочайшее благоволение за порядок и устройство оных, надеется, что они, вступя в чужестранное владение, сохранят везде строгую дисциплину и тишину, так что жители все будут везде довольны и сохранят единственно похвальное о российском вой-ске воспоминание"*.

Из Юрбурга полк направился через Гумбиннен к г. Бартену, где 2 апреля и распо-ложился на квартирах.

По мере удаления из Петербурга неспособность и злоупотребления нашего интен-дантства давали все более и более чувствовать себя войскам. По переходе лее через гра-ницу оба вышеупомянутые качества интендантства стали проявляться в более резкой и постоянной форме, воочию обнаруживая, что это не случайное недомогание интендант-ского организма, но наследственный и хронический недуг.

"По прибытии с командуемым мною Кавалергардским полком вчерашнего числа на заграничные квартиры, - доносил Де-Прерадович, - не имелось ни малейшего фуража для государевых строевых лошадей; тогда же послал к в. пр-ву словесно о том донести, но как и до выступления полка ниоткуда не было доставлено, то, дабы не оставаться в от-вете, если лошади будут изнурены от бескормицы, долгом поставляю в. пр-ву донести, что Кавалергардский полк целые сутки был без фуража". Через два дня Де-Прерадовичу пришлось доносить, что хотя "предписанием в. пр-ва... велено по сделанному с прусским правительством договору принимать фураж в дачу строевым и подъемным лошадям... но здесь, на станции, комиссионеры недостаточно отпустили в Кавалергардский полк... отзываясь предписанием от своего начальства и неимением; посему я вынужден купить фураж, как и на прошедшей станции, где вовсе фуража не было..."

Невозможное состояние интендантства, беспечность главнокомандующего, недоб-рожелательство жителей и весенняя распутица сразу дали себя почувствовать и гвардии. "Обоз по причине дурной дороги весь остановился, даже и сухарные фуры", - доносил 3 апреля Малютину Де-Прерадович. Началось изыскание средств к продовольствию самими частями; дача сухарей была уменьшена до 1 фунта, взамен чего увеличена на 0,5 фунта мясная порция...

6 апреля полк расположился на квартирах в Винкельдорфе, откуда Де-Прерадович доносил: "Фураж, хотя с крайней трудностью, покупаю, а провианта до сих пор нету". Не-

смотря на то что люди получали "меньше^половинной дачи", а лошади только по 2 гарнца (*Гарнец (польск. garniec) - старая мера сыпучих тел, равная 3,28 л.*) овса и по 5 фунтов сена, Де-Прерадович доносил, что и те, и другие "вовсе остаются без продовольствия".

7 апреля полку было предписано занять позицию при д. Камбиенен. "Сборное место" на случай тревоги назначено было не доезжая м. Линенбурга.

Положение полка сделалось критическим. Обоз по причине чрезвычайно дурной дороги и за упальми 19 подъемными лошадьми остановился на первом переходе из г. Гумбиннена (в д. Немерсдорфе); и патронные ящики, провиантские фуры и "людская аптека" ожидалась к полку не ранее 10-го числа. Наступила страстная неделя, а "рыбы в здешнем месте ни под каким видом достать не можно", доносил полковой командир; к тому же не только 1000 червонцев, полученных авансом от комиссариата, вышли, но полк издержал из собственности свыше 1315 червонцев, между тем комиссариат ни новых сумм, ни провианта и фуража не присылал. Интендант гвардии Гове словесно объявил Де-Прерадовичу 12 апреля, что он прикажет отпустить деньги, между тем ближайший к полку комиссионер Караулов объявлял, что денег у него нет. Полковому квартирмейстеру Белавину предписывалось "требовать у Караулова неотступно денег", рапорты посылались ежедневно и по несколько - и Малютину, и Кологривову, но задержки в деньгах были постоянны.

15 апреля Де-Прерадович просил Малютину *"о строжайшем предписании провиантским чиновникам, чтобы отпустили передержанные полком деньги... и притом, чтобы доставляли фураж в полк натурою, ибо до сего времени с чрезвычайной трудностью мог полк быть удовлетворен, а им довольно уже было времени заготовить, имея все к тому способы"*. Малютин в тот же день предписал, но полк тем не менее фуража не получил. Полкам предписано было иметь при себе 9-дневный запас провианта, который они должны были получить при переходе границы в Юрбурге. Но в Юрбургс за неимением запасов кавалергарды провианта не получили; мало того, за 10 дней (с 6 по 16 апреля) они получили всего 7000 фунтов хлеба взамен следуемых 20 000 фунтов, и потому, "чтобы не уморить всего полка чинов с голоду", полк вынужден был покупать недоданный провиант...

Так перебивался полк всю кампанию изо дня в день; особенно ощутителен был недостаток фуража; хлеб же полк имел возможность покупать у жителей.

20 апреля гвардия начала стягиваться к Гейльсбергу, и полк расположился в деревнях Вусляк, Шенвальде, Траутенау и Винкене. Разделение войск на две колонны было уничтожено; вся кавалерия подчинена Кологривову, а пехота - Малютину. Цесаревич перенес свою квартиру из Шипенбейля в Гр.-Швансфельд. Сборным пунктом назначена была д. Галинген. По занятии новых квартир полк "с чрезвычайной трудностью мог на несколько часов купить фуража, но оно более вовсе не имеется, как и провианта, так и порций", доносил Де-Прерадович.

Насколько велики были беспорядки в армии, и не только в отношении одного продовольствия, можно видеть из следующего: 18 апреля цесаревич предписал отсылать в случае выступления с квартир труднобольных в г. Шипенбейль, "где учреждается для оных на сей случай госпиталь"; между тем когда полк отправил туда двух труднобольных, то Кологривов 24 апреля написал Де-Прерадовичу: *"Долгом поставляю предварительно повестить вас: как в сем городе еще никакого лазарета не учреждено, то чтобы впредь больных туда не посылать"*. Вместе с тем отношение высшего гвардейского начальства к обозам переходило в какое-то систематическое и безотчетное гонение на них: войска оставались без обоза не только во время марш-маневров, но и при занятии ими квартир на продолжительное время. Между тем армия особенно нуждалась в перевозочных средствах, а потому оставление большей части обоза в Юрбурге было мерой, едва ли соответствующей обстановке настоящей кампании.

По прибытии государя в Пруссию оказалось, что при главной квартире нет церкви. 24 марта приказано было священнику Кавалергардского полка о. Гратинскому немедленно отправиться в Петербург "для принятия церковных вещей". 8 апреля Де-Прерадович уведомил начальника тыла в Юрбурге барона Маркловского: "Его Имп. Величеству угодно, чтоб церковная фура Кавалергардского полка непременно была отправлена к армии в главную квартиру Его Величества". Доставка фуры была поручена корнету М. Ф. Орлову. Фуру везли на девяти лошадях, но сначала переправа через разлившийся Неман, а затем такая грязь, что лошади "насилу могли вывозить из оной", задержали фуру, и только 13 апреля она прибыла в Гумбиннен, где была встречена Орловым и доставлена в главную квартиру.

Растянутое расположение французской армии и положение корпуса маршала Нея, стоявшего отдельно от главных сил Наполеона, привели императора Александра к мысли атаковать Нея. Нападение назначено было произвести 1 мая.

29 апреля полк двинулся через Кервинен к Гейльсбергу; предписано было, "чтоб люди имели на себе на четыре дня провиант"; исполнить последнего полк не мог, "потому что оного (провианта) не было". 30 апреля полк расположился биваком у Гейльсберга и снова оставался без фуража.

Ночью наши войска скрытно заняли назначенные им по диспозиции места. Все было готово к атаке, но к государю, стоявшему при передовых войсках, подъехал главнокомандующий Беннигсен и доложил, что, по полученным известиям, Наполеон со всеми силами на марше близко и надобно отложить атаку на Нея. Император отвечал Беннигсену: "Я вверил вам армию и не хочу вмешиваться в ваши распоряжения. Поступайте по усмотрению". Затем государь вернулся в Бартенштейн, в тот же день поехал в Тильзит и более не возвращался к армии. Так ничем не кончилось это наступательное движение, получившее название в армии прогулка 1 мая.

Перед началом гейльсбергского марш-маневра 22 мая цесаревич отдал подробный приказ по гв. корпусу: вперемежку с весьма полезными и чисто боевыми распоряжениями предписывалось соблюдение и мирно парадных правил, притом последние помещены были в начале приказа. 1-м параграфом приказа воспрещалось офицерам употребление иного оружия, кроме форменного, а равно употребление "нагаек, приличных единственно казакам и извозчикам". Параграфом 2-м предупреждалось, что контуженые будут подвергнуты медицинскому освидетельствованию. Параграфом 3-м предписывалось пехотным офицерам носить белые панталоны. Следующие параграфы имели в виду боевые цели; в изложении 8-го параграфа можно даже заметить некоторое подражание Суворову, но подражание это не шло далее формы: тогда как Суворов сводил бои к "глазомеру, быстроте и натиску", здесь все сводилось к "чинопочитанию, повиновению, тишине", запрещалось "проноситься при атаке", требовалось "делать все движения без всякой торопливости, смиренно и плавно".

Для прикрытия штандартов Кавалергардского и Конного полков предписано было нарядить сводный полуэскадрон; штандарты "иметь на расстоянии, где бы они могли быть в безопасности, если не будет особого приказания, куда их отправить". Накануне Гейльсбергского сражения это "особое приказание" было дано, а именно: штандарты отправлены были в г. Инстербург (лежавший в 130 верстах от поля сражения!). Затем Ко-логринов, заступивший место уехавшего после Гейльсбергского боя цесаревича, сделал было попытку возвратит штандарты полкам, но попытка не удалась, и штандарты очутились даже не в Инстербурге, а много далее - в Юрбурге! Нельзя оспаривать того, что положение штандартов во время производства кавалерийской атаки рискованное, ибо в свалке и за пылью легко потерять их из виду, но едва ли распоряжение, подобное вышеприведенному, притом с отдачею его в приказе, было уместно.

По словам современника, цесаревич окончательно потерял уважение к себе офицеров. Это известие, к сожалению, вполне и по многим основаниям заслужено: отъезд из армии непосредственно перед боем, увоз штандартов в тыл армии могли казаться заслугой

статскому Куракину, но не военным. Наконец, если не все "неосмотрительные и противодисциплинарные" слова цесаревича доходили до всех слоев армии, то, безусловно, до них доходила часть, а самой малой частицы их было достаточно, чтобы вселить в войска общее нравственное недомогание, убедить их, что наверху не знают, чего хотят, и что командный организм армии настолько расшатан и болен, что ему необходимо серьезное и продолжительное лечение.

Атаки Наполеона на гейльсбергскую позицию были отбиты, но нерешительность Беннигсена, а равно припадок каменной болезни, вследствие которого он к концу боя лишился чувств, помешали нашей армии перейти в наступление. Действия полка под Гейльсбергом ограничились тем, что он был "потребован Беннигсеном на правый фланг к атаке неприятеля, но как по прибытии туда оно неприятель ретировался в лес и атаковать кавалерией было уже невозможно, то генерал Уваров приказал, подкрепляя Ингерманландский драгунский полк, занять высоту против неприятеля, с которой хотя и старался неприятель сбить ядрами и частью рассыпанных стрелков ружейными выстрелами, но никак в том не успел. В сие время ранены юнкер Дубровский, унтер-офицер Ляпин, рядовых двое; убита строевая лошадь.

"Готовность к выступлению" за 5 - 7 часов до самого выступления, стояние полка спешенным часами на одном месте неизбежно приводили к тому, что люди засыпали, "лошади вырывались и бегали по полям", причем "терялась амуниция". Люди бросались ловить лошадей, отбивались от полка и попадали в рубрику нахождения "в неизвестности". К этому должно прибавить, что почти с начала сосредоточения армии к Гейльсбергу полк "не только никогда не расседлывал лошадей, но даже размундштучивать не мог без особого на то повеления, довольствуя (их) во все сие время более подножным кормом".

Хотя шеф Ф. П. Уваров командовал отдельным кавалерийским отрядом, находившимся на правом фланге армии, но он внимательно следил за своим полком; так, 19 апреля он прислал в полк особый приказ для руководства полка. Приказ этот доказывает, что Уваров не только отлично понимал кавалерийское боевое дело, но и был человеком с большим служебным тактом. Даже могущий на первый взгляд показаться мелочным приказ Уварова о том, что им замечено, "что у некоторых нижних чинов не равны были стремяна, а равно и у рейтуз нижние подтяжные ремни изорваны", имел практическое значение, так как неравенство стремян - одна из главных причин "сбивания" спин лошадей, а плохо натянутые рейтузы - "растирания" людей.

К Уварову, как шефу, назначены были ординарцы от полка: унтер-офицер Митюхин и рядовые Овчаренко и Анохин. При учреждении знака отличия Военного ордена первые четыре номера получили ординарцы Уварова, причем Митюхин - № 1 и Овчаренко - № 3; крест за № 2 получил Псковского драгунского полка унтер-офицер Михайлов, а за № 4 - того же полка рядовой Клементьев; вслед за получением Георгиевских крестов они переведены были в кавалергарды.

Кампания 1807 г. опять-таки получалась для союзников неудачной. Обстоятельства настоятельно требовали, чтобы император Александр вступил в переговоры с императором Франции.

12 июня в 3 часа дня Наполеон прислал Дюрока поздравить государя с прекращением военных действий и условиться относительно свидания. Дюрок нашел императора Александра и короля прусского в д. Пиктупенен. Условились иметь свидание на следующий день на Немане. Из Пиктупенена государь перенес свою главную квартиру в Бенигкейтен; для охранения главной квартиры государя Кавалергардскому полку приказано было расположиться по окрестным деревням. В тот же день в Бенигкейтен выслан полускадрон кавалергардов с приказанием "содержать там день и ночь патрули и всех, которые будут грабить, и празднующихся брать под арест и отсылать в главное дежурст-

во". Кроме этого полуэскадрона, наряжаемого для содержания разъездов, 13 и 14 июня назначен был от полка 1-й полуэскадрон лейб-эскадрона в конвой государю. Этому полуэскадрону под командой В. В. Левашова (впоследствии графа) суждено было быть свидетелем тильзитского свидания и составлять конвой государя в первые дни его пребывания в Тильзите.

Александр I и Наполеон Бонапарт. Тильзитское свидание

Немного ближе к левому берегу Немана Наполеон приказал построить на плоту два четырехугольных павильона, обтянутые белым полотном. Один, назначенный для императоров, был больше и роскошнее убран, другой, поменьше, предназначался для их свит. На фронтонах зеленою краскою были нарисованы вензеля - с нашей стороны "А", с другой, обращенной к Тильзиту, такой же величины "N". Тысячи любопытных жителей Тильзита и французских военных покрывали левый нагорный берег Немана.

Государь в сопровождении короля прусского и многочисленной свиты прибыл в Преображенском мундире и Андреевской ленте около 11 часов утра в корчму Обер-Мамельшен-Круг, расположенную у самого берега, на повороте дороги из Тильзита в Амт-Баублебен, и вошел в полуразрушенную корчму, на которой крыша была уже снята войсками на корм лошадям. Конвой Их Величеств, состоявший из двух взводов лейб-эскадрона кавалергардов под командой В. В. Левашова и эскадрона прусских Gardes-du-Corps (*Солдаты гвардии (фр.)*), построился правым флангом против сожженного моста, а левым - к корчме. Государь сел у окна корчмы и положил на стол шляпу и перчатки. Вся корчма наполнилась свитою.

"Государь, - по словам очевидца, - казалось, прикрывал искусственным спокойствием и даже иногда веселостью духа различные чувства, его обуревавшие... И как могло быть иначе? Дело шло о свидании с величайшим полководцем, политиком, законодателем, администратором и завоевателем... обладавшим даром неограниченно господствовать над всеми, с коими он имел дело, и замечательным по своей чудесной проницательности. Дело шло не об одном свидании с ним, а об очаровании сего всемирного очарователя, об

искушении этого увлекательного искусителя, о введении в заблуждение этого светлого и положительного гения..." Не прошло получаса, как кто-то из свиты торопливо вошел в корчму и сказал: "Едет, Ваше Величество". Государь хладнокровно и не торопясь встал со своего места, взял шляпу, перчатки и вышел со спокойным лицом и обыкновенным шагом из горницы. На противоположном берегу Немана между двумя рядами своей старой гвардии скакал Наполеон, окруженный свитой и конвоем по крайней мере из четырехсот человек. Крики "Vive L'Empereur!" были столь громки и восторженны, что переносились через Неман и "оглушали нас", говорит очевидец.

Почти одновременно оба императора вступили каждый в свою лодку. Государя сопровождали: цесаревич Константин Павлович, Беннигсен, Ливен, князь Лобанов, Будберг и Уваров; Наполеона - Мюрат, Бертье, Бессьер, Дюрок и Коленкур. Во время переезда по реке государь и Наполеон хранили молчание. Наполеон в мундире старой гвардии и ленте Почетного легиона стоял в лодке со сложенными на груди руками. Он причалил на несколько секунд ранее Александра Павловича, быстро вошел на плот и, пройдя через павильон, принял государя при выходе из лодки. Императоры еще издали раскланялись, а на плоту подали друг другу руки, "дружественно обнялись", поцеловались и молча вошли в большой павильон. В эту минуту отчалила от левого берега Немана лодка с командой из 20 вооруженных солдат и стала между плотом и нашим берегом. Свидание императоров длилось 1 час 55 минут. Затем в большой павильон была позвана свита, и императоры взаимно представили их.

Во все время свидания прусский король стоял верхом на берегу Немана с князем П. М. Волконским и почти все время молчал. "В роковой час, когда решался жребий его монархии, он постоянно устремлял взор и слух на плот, как будто желая вслушиваться в разговоры обоих императоров. Один раз он съехал с берега в реку и остановился, когда вода была по брюхо лошади его".

Таким образом, "из всех войск русской армии на долю одних кавалергардов досталось быть зрителями достопамятного первого свидания Александра с Наполеоном".

По предложению Наполеона Тильзит был объявлен нейтральным, и государь переехал туда 14-го вечером прямо к обеду у Наполеона. В город были введены для занятия караулов батальон французской гвардии и 1-й батальон Преображенского полка, а для конвоя государя 15 июня переправлен полуэскадрон кавалергардов под командой В. Б. Левашова. Комендантом нашей половины города назначен командующий 1-м батальоном преображенцев полковник Козловский. Полки Преображенский и Кавалергардский сведены в один отряд, подчиненный Н. И. Де-Прерадовичу. Отряд этот оставался против Тильзита до отъезда государя в Петербург.

Императоры жили один от другого шагах в пятистах. Утро посвящалось занятиям. Часу в пятом императоры, иногда с прусским королем, выезжали прогуливаться или на смотры и учения французских войск, расположенных близ Тильзита в красивых лагерях. "Наполеон обыкновенно несся во всю лошадиную прыть, кратчайшим путем, не дорогою, но полями и оврагами". Рядом скакал Александр Павлович. Тяжелые кирасирские лошади с трудом могли следовать за императорами, и "потому вместо кавалергардов государь назначил в свой конвой лейб-гусаров". После смотров, учений или прогулок Александр Павлович всегда обедал у Наполеона. Иногда бывали приглашаемы к обеду прусский король, цесаревич и Мюрат. За стол садились в 8 часов. Потом монархи расставались на короткое время. Часов в десять вечера Наполеон приходил к государю пешком, без свиты. Наполеон оставался с государем далеко за полночь, иногда же по вечерам вдвоем под руку гуляли по улицам Тильзита.

27 июня, в исторический день Полтавского боя, "ратификован" был Тильзитский мир.

Таким образом, можно согласиться с тем, что в армии все желали мира. Однако если бы неприятель посягнул на честь государя и достоинство России, все лучшее, что было среди офицерства, - и в данном случае, действуя в полном единомыслии с солдатами, - го-

тово было, по словам Уварова, "и теперь, без сомнения, пролить до последней капли кровь".

Император Александр с честью и с соблюдением достоинства и выгод России выполнил возложенную на него провидением задачу. Среди общей растерянности мыслей, упадка воли и брожения, доходившего до крамолы, он явился в Тильзите не как побежденный, а как союзник, явился не для того, чтобы выслушать волю победителя, но чтобы вступить с ним в переговоры как равный с равным. На глазах армии заключался этот союз, и ни в сути, ни в формах его ничего унижительного для России не было; таковым и был он принят армией...

Началось приведение полка в исправность. На другой же день три эскадрона привели себя в порядок и получили признательность полкового командира "за найденную во всех частях исправность". Труднее было "поправить лошадей", а так как сена не было, то Де-Прерадович предписал эскадронным командирам "стараться накашивать теперь как можно более травы и сушить в сено, дабы тем сколь можно было поправить лошадей". 20-го числа к 5 часам утра полку было приказано перейти в штаб-квартиру армии и расположиться биваком у д. Микитен; в тот же день Уваров произвел учение полку и благодарил за него.

После нескольких недоразумений и изменений маршрута полк в первых числах июля выступил в Петербург через Россиены, Поневеж, переправился через р. Двину у Кокенгузена и далее через Мариенбург на Печоры и Псков. Из Пскова полк выступил 1 августа на Лугу, Гатчину и затем в Красное Село. Запасный полуэскадрон тогда же перешел в Павловск, где и находился до 26 августа, когда вернулся обратно в Петербург.

В общем полк совершил обратный поход благополучно, но должно отметить, что число бежавших даже в Кавалергардском полку было весьма значительное - 30 человек. Особенно много было самовольно отлучившихся в июне: с 10 по 26 июня самовольно отлучилось 18 человек, из которых 9 бежало, так что 22 июня Де-Прерадович приказал кроме поставленной "вокруг всего полка цепи... иметь особые караулы" в каждом эскадроне, а через два дня приказал, "чтобы каждые четверть часа ходили вокруг полка патрули".

По мере приближения к Петербургу все чаще и чаще появлялись напоминания и строгие требования приведения эскадронов в порядок; вместе с тем введены были некоторые изменения в уставе, заимствованные у французов, впрочем, почти исключительно - внешнего характера.

При вступлении в Красное Село предписано было офицерам быть "уже всегда под пудрой", исправить у нижних чинов на касках козырьки и плюмажи, так как они "не прямы", офицерам непременно иметь в ольстредях пистолеты. Вслед за этим на неисправных офицеров наложены были взыскания.

22 августа в Красном Селе состоялся высочайший смотр кавалерии. Тяжелой кавалерии предписано было быть на смотре "под пудрою и с нафабранными усами". Государь остался доволен смотром и объявил "совершенную свою благодарность полкам 1-й дивизии корпуса е. и. выс-ва как за храбрость и устройство против неприятеля, так и за чистоту и порядок, найденные при смотре, и в знак признательности к сему изволил пожаловать всем чинам не в зачет получаемое ими третное жалованье".

24-го гвардия торжественно вступила в Петербург. Впереди шла пехота, за нею вся артиллерия (в том числе и конная), за артиллерией - кавалерия, имея во главе кавалергардов.

Кавалергард

Государь объявил "свое совершенное удовольствие всем гг. генералам, шт.- и об.-офицерам за вступление сего дня в Петербург в устройстве, порядке и чистоте", а нижним чинам пожаловал по рублю на человека и по фунту говядины... Того же числа по приказанию цесаревича отдано было в приказе по полку: "По повелению е. и. выс-ва Кавалергардского полка поручику князю Лопухину и корнету Колычеву делается выговор за то, что имели усы; из коих корнет Колычев, сверх того, арестовывается и сажается на гауптвахту, равно и эск. командиру полк. Титову делается за сие замечание" (*В войсках ношение усов строго регламентировалось, и офицерам они разрешались только в легкой кавалерии.*).

30 августа все офицеры гвардии, бывшие в походе, были приглашены после выхода в Александро-Невской лавре к высочайшему обеду в 2 часа в Таврическом дворце.

"Гроза двенадцатого года..."

*..Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб - наш договор!*

А. С. Пушкин. "Наполеон"

е мир, но время для подготовки к новой большой войне дал Тильзит обеим сторонам... Велик соблазн подробно рассказать о событиях 1812 года, однако мы вынуждены оставлять за рамками повествования все то, что не имеет прямого отношения к истории Кавалергардского полка...

Слухи о войне все более и более распространялись в обществе. "У нас очень говорят о походе, - писал 19 февраля 1812 г. М. П. Бутурлин отцу своему. - Вчера наш генерал (Де-Прерадович) сказал нам, чтоб мы были готовы через несколько дней; приказа еще никакого нет наверное, а все вдруг стали готовиться..." Брат его, Дмитрий Петрович, того же числа уведомлял своего отца: "Хотя мы еще приказания никакого не имеем, однако по всем обстоятельствам должно полагать, что мы скоро пойдем в поход... Кексгольмский полк ничего не знал и стоял в карауле; в 5 часов вечера приказ вышел их сменить, и на другой день поутру они вышли; я думаю, и нас такая же участь ждет".

По-прежнему продолжались разводы с церемонией, парады и учения в высочайшем присутствии, воскресные выходы; так, кавалергардам было конное учение 13 февраля; государь остался доволен полком и "приказать изволил объявить всем гг. шт.- и об.-офицерам благодарность", а нижним чинам выдать по чарке вина. Через три дня Д. Бутурлин писал: "Мы все ждем, однако по сих пор никакого приказания не получали. Я думаю, масленица так пройдет". Масленица (3-9 марта) "так" не прошла: 1 марта приказано было бросить жребий между средними эскадронами, которому из них превратиться в запасный. Жребий пал на 2-й эскадрон полковника Ершова, и все офицеры этого эскадрона, в том числе и Д. П. Бутурлин, стали просить перевода в действующие.

На первой неделе великого поста полку было объявлено, что выступление назначено в воскресенье на второй неделе поста, и 14 марта офицерам выдано пожалованное не в зачет третное жалованье и сделана репетиция выступления. 16-го полк был выведен на полковой двор в пешем строю "в колетах и рейтузах, без палашей, в фуражках" для слушания напутственного молебна.

17 марта весь полк одновременно с Конной гвардией выступил из Петербурга в исходе 8-го часа; четыре действующих эскадрона под командой полковника С. Н. Ушакова - на Царское, Гатчину, Лугу, Порхов, Опочку, Вильну, а запасный эскадрон - через Стрельну, Нарву, Гдов, Псков в Остров. При выступлении государь сделал смотр бригаде, остался ею вполне доволен. "Громкое "ура" встречало царя, и то же "ура" отвечало ему на слова "добрый путь". Многие не высказывалось, но все чуялось, как это и должно быть в великие минуты гражданской жизни народов... Тут не было ничего приготовленного, все чистосердечное. Слова царские "добрый путь" много говорили, а общее "ура" войска выражало то, чего Россия ожидала от своих сынов".

За войсками при выступлении их из Петербурга "тянулись экипажи городские провожающих матерей, жен, детей; хоть и были видны слезинки на их глазах, но то не были слезинки отчаяния, а порука в чистоте того благословения, которым посвящали близких их сердцу на святое дело пользы отечественной. Отцы же в рядах народа толкались вблизи сыновей, и последний поцелуй, последнее пожатие руки и посланный вслед сыновьям перстовый крест выражали и любовь к детищу, и любовь к Родине".

Поход был тяжелый как вследствие климатических, так и местных условий; особенно ощутительны были резкие переходы от оттепели к морозам.

К счастью для кавалергардов, цесаревич был при Конной гвардии, двигавшейся по другому тракту, а потому полк, при котором находился сам Де-Прерадович, а равно и бригадный командир Шевич, шел в шинелях; у цесаревича, по словам очевидца, позволение надеть шинели считалось "выражением особого благоволения". В полковых приказах встречаются замечания и выговоры, сделанные Де-Прерадовичем во время похода, но они относятся к существу службы; так, например, сделано замечание эскадронному командиру за то, что "у многих рядовых подворачивались седла"; подтверждалось офицерам, наряженным с квартирьерами или с обозом, чтобы они на самом деле следовали с ними, и т. п.

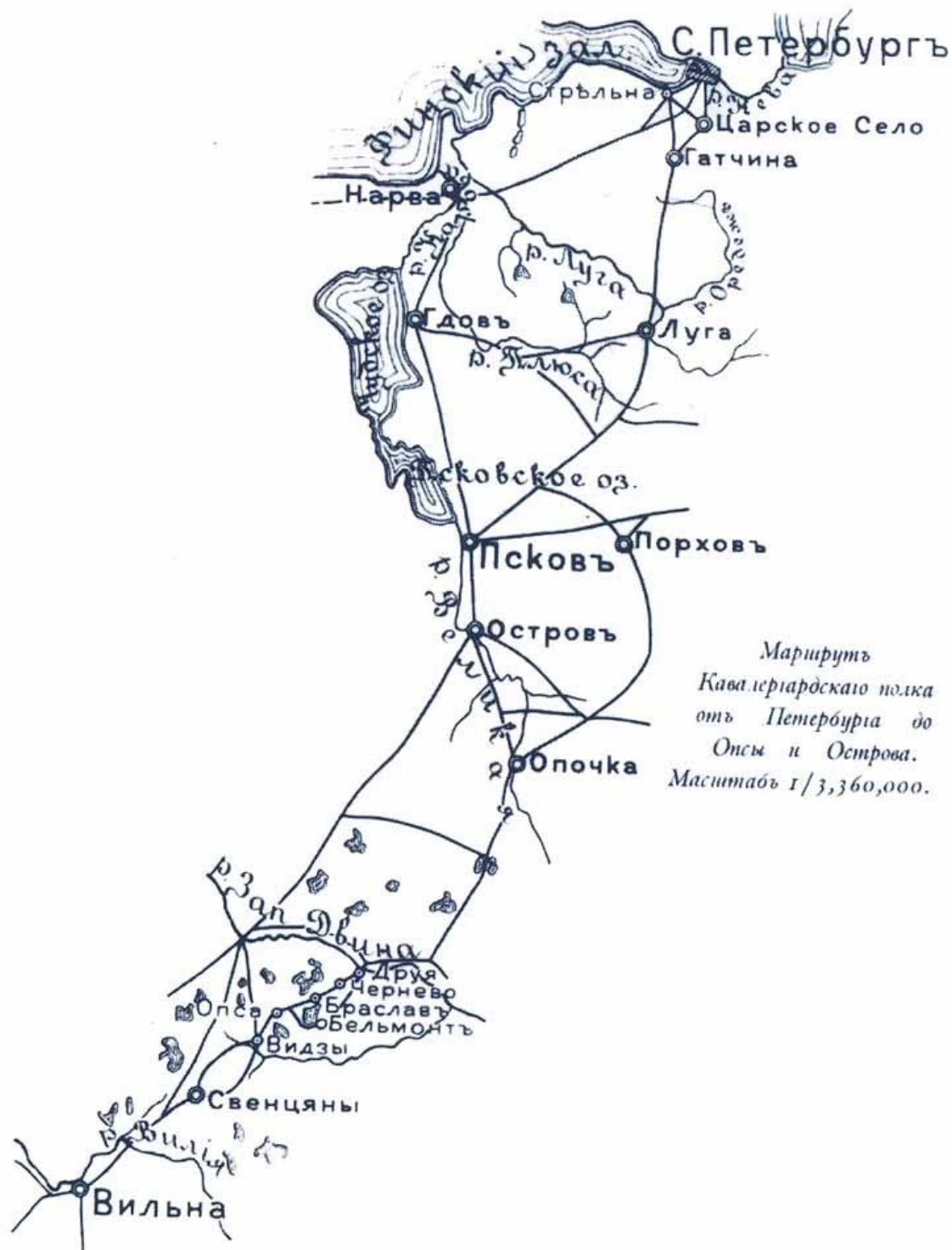
В марте выступление полка назначалось в 9 часов утра, а с апреля - в 6 часов утра. *"Мы пришли сюда (в Лугу) сегодня, - писал 23 марта М. Бутурлин, - дождь шел проливной во весь переход, и мы совсем перемокли, зато какое удовольствие, когда можно забраться на квартиру и отдохнуть, раздевшись... боюсь, чтобы у лошадей не сделались подседины от мокроты, тогда уже беда"*. 14 апреля 1-й и 5-й эскадроны переправились через Двину и расположились в м. Друе; на другой день переправились остальные два эскадрона. В Друе, к счастью, оказалась русская церковь, в которой полк встретил Пасху (20 апреля). 22-го полк выступил через Чернево в м. Опсу, куда прибыл на другой день.

1811 год был голодным для северо-западных губерний; жители "ели хлеб с соломою, а скот питался древесною корою... Все крестьяне были нищие... вконец разорены панами". Случалось, что солдаты по два дня "не находили продовольствия, а лошади получали уменьшенную дачу овса и почти не имели сена", так как "магазины были недостаточно снабжены", говорит Миркович. Действительно, чтение бумаг полкового архива напоминает знакомое: случилось у себя дома почти то же, что было в Пруссии в кампанию 1807 г., т. е. полная неподготовленность театра военных действий в военно-административном отношении.

18 апреля, одновременно с отдаением в полковом приказе воззвания Барклая по случаю назначения его главнокомандующим 1-й армией, было отдано и следующее: *"Дается знать полкам, что ежели будут отпускать из провиантского ведомства на продовольствие подъемных лошадей фураж вместо овса рожью, то оный принимать беспрекословно"*... *"Так как полк не имеет заготовленного фуража за небытием комиссионеров, - читаем мы в приказе 23 апреля, - а продовольствует тем, что может прислать, то по сему эскадронам и довольствоваться тою дачею, какая от полка будет назначаться"*... Полк ежедневно посылал команды при офицерах для отыскания фуража, но то, что находили, было далеко не достаточно, и 24-го Де-Прерадович вынужден был прибегнуть к неслыханной в военное время мере: *"Так как полк имеет большой недостаток в фураже и затруднения в заготовлении оного, то предписывается для отыскания фуража посылать всех гг. обер-офицеров, кроме командующих эскадронами"*. А через два дня читаем: *"Так как эскадронам нужно делать проезды, то рекомендуется гг. эскадронным командирам делать оные и стараться учредить так, чтобы иногда употреблять оные и на перевозку фуража, когда оный принимается поблизости, из чего и выйдет двойная польза"*.

Интендантство не позаботилось также о заготовлении крупы, и "по невозможности получить крупу натурой" полк вынужден был принять деньгами, по 8 руб. серебром за четверть. Хищения интендантства если и не превзошли 1806 г., то ничем ему не уступали. Неустройство хозяйственной части армии неизбежно повлекло за собою, как и в Прусскую кампанию, самоуправство войск.

"Дошло до сведения моего, - писал главнокомандующий в приказе, - что проходящими воинскими командами забирается на почтовых станциях фураж, заготовленный для почтовых лошадей; каковыя неизвинительные поступки расстраивают установленный порядок для сношения всякого рода и могут даже нанести величайший вред..." Но войска продолжали отбивать фураж: "По повелению главнокомандующего армией предписывается полкам, дабы не осмеливались брать и останавливать возимое в г. Вильну и другие места сено..." Остается заметить, что 12 мая было приказано Барклаем приступить к содержанию лошадей на подножном корме. Тем более обращает на себя внимание по-

добный приказ, что одновременно с ним предписывалось: *"Из Вильны отправить все ненужные вещи, как артиллерийские, так и комиссариатские, без замедления в Смоленск"*.

Кавалергарды были расположены по деревням "верст на двадцать кругом Опсы"; штаб полка - в самой Опсе, а штаб дивизии - в помещицкой усадьбе, в версте от этого местечка. С 1 мая наступила погода "в самом деле майская", но после 9-го она резко изменилась: пошел такой снег, "что хоть бы зимой". Холода держались до двадцатых чисел мая. Между тем в приказе по армии 5 мая было отдано: *"С завтрашнего числа носить летние панталоны. Зимние панталоны и все тягости, кои при движении войск не нужны полкам, отправить... в Динабург, Дриссу и Полоцк"*.

14 апреля государь прибыл в Вильну. Не объявляя в приказе о своем вступлении в командование армиями, государь фактически взял на себя распоряжение всеми ими. В 1-й армии начались учения; Де-Прерадович ограничился одним учением 15 мая, но зато приказал "заставлять нижних чинов как можно чаще упражняться в рубке". 15 мая Ушаков, назначенный шефом Курляндского драгунского полка, сдал командование Кавалергардским полком барону Левенвольде. 23 мая гвардия сосредоточилась у Вильны, где было два маневра, но кавалергарды в них не участвовали. После маневров войскам приказано было продать артельные повозки и лошадей казне для подвижных магазинов.

Цесаревич жил в Видзах, в 19 верстах от Опсы. Кавалергардские офицеры держали себя подалее от Видз. П. Н. Муравьев, состоявший при штабе цесаревича, говорит: *"Кавалергардские офицеры не любят Константина Павловича, и он их также не жалуется... Причиною сему то, что общество офицеров Кавалергардского полка по образованию своему и приличию выше офицеров Конной гвардии, среди коих постоянно находился шеф их Константин Павлович, тогда как кавалергардские всегда обегали его"*.

Кавалергардский штандарт

Россия готовилась к решительной борьбе с Наполеоном, а между тем цесаревич продолжал обращать внимание на мелочи военного дела...

В свободное от службы время офицеры охотились с собаками на зайцев, играли в городки, боролись и бегали, играли в шахматы и карты. Вероятно, в полку происходили также собрания франкмасонов (Франкмасоны (фр. *franc macons*, букв. - вольные каменщики) - то же, что масоны) и "братские банкеты" каменщиков, так как и тогда уже в полку были масоны.

В первых числах июня полкам 1-й дивизии даны были кирасы; по этому случаю Миркович занес в свой дневник: *"На разводе я узнал неприятную новость: нам привезли кирасы. Они были чрезвычайно неудобны... В 12 часов я пошел примерить свои цепи"*. Вслед за тем (9 июня) выдан был офицерам не в зачет на покупку лошадей полугодовой оклад жалованья.

Только 18-го дошел до полка высочайший приказ 13 июня о начатии войны, оканчивавшийся словами: **"Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, Свободу. Я с вами! На зачинающего Бог"**.

Но уже на другой день дивизия сначала отошла к Свенцянам, а затем после подхода корпуса Тучкова, которому приказано было удерживать Свенцяны, тронулась к Давгелишкам. *"Это был первый переход, - говорит Миркович, - который приходилось нам делать на пути отступления, и, признаюсь, этот переход произвел на меня тяжелое впечатление: мы уступали пять губерний, не имея еще ни одного дела, за исключением аванпостных стычек. Солдаты, как и мы, не постигали плана в действиях нашей армии, и заметно было, как на них неблагоприятно действовало отступление"*, Дальнейшее отступление было на Видзы: 20-го числа дивизия, не доходя 9 верст до Видз, расположилась по деревням (штаб-квартира полка в д. Ерканицы). В Видзах государь избрал для своего конвоя 1-й батальон Преображенского полка и лейб-

эскадрон кавалергардов, подчиненные "коменданту главной квартиры фл.-ад. полк. Чернышеву". Того же числа отдано было в приказе: "Как Е. И. Величество изволил заметить, что нижние чины делают грабеж, то подтверждается гг. начальникам иметь наистрожайшее наблюдение в прекращении оногo; в противном же случае, кто в оном замечен будет, будет расстрелян".

Цесаревич отдал 20-го же июня нижеследующий приказ: "Всем войскам 5-го корпуса подтверждается содержать одежду и амуницию в надлежащей исправности и чистоте".

21-го была дневка. Носились слухи, что войска остановлены, чтобы принять генеральное сражение, однако 22-го отступление продолжалось, и дивизия продвинулась всего на 3 версты за Видзы по дороге к Друе и расположилась по деревням. До 22 июня погода стояла "очень хорошая, хотя не очень жарко, однако прекрасные дни", но затем наступила жара и засуха. В воскресенье 23 июня дивизия продолжала через Угорье и Замошье движение к Друе; выступили в 8 часов утра; переход был большой (48 верст), по узкой песчаной лесной дороге, многочисленные обозы весьма стесняли движение. Ввиду тяжелого перехода и сильной жары выступление на другой день (24-го) было назначено в 7 часов вечера, но в 3 часа пополудни "было приказание седлать и через час выступать"... Приказание это было отдано ввиду ожидавшегося проезда государя, но "Его Величество не приезжал", и дивизия простояла до 10 часов вечера, "сложив руки, на месте"... Всю ночь была сильная гроза и совершенная темнота. "Ложная тревога, по которой нас внезапно подняли, - говорит Миркович, - произошла от опрометчивости в главной квартире"; там распространился "панический страх: показалось, что уже видят неприятеля, ударили тревогу, и приказано было отступить... Это было весьма тяжелое движение, всю ночь была гроза (начавшаяся с 5 часов вечера), и мы до 4 часов утра сделали всего 10 верст". 25-го дивизия дошла до Кричево...

Отступление... Стояние в резерве или во втором эшелоне во время арьергардных боев. Короткие перестрелки с противником - и снова отступление... Так было на всем долгом пути полка - от Немана до Бородина...

В генеральном сражении при Бородине Кавалергардский полк также был определен в состав резерва.

...Час проходил за часом - ожидание затягивалось. И вот, когда солнце давно уже перевалило за полдень, император Наполеон вновь приказал возобновить атаки на центральную батарею. С батареи ясно были видны приготовления французов к наступлению: кустами стала пробираться пехота и неприятельская кавалерия стала садиться на коней. Одна кавалерийская масса (Коленкур) взяла направление к югу (Семеновскому), другая (Латур-Мобур) - к северу от центральной батареи. Затем обе массы продвинулись вперед и остановились; конные батареи их выехали на позиции и открыли огонь. Наши батареи отвечали, и "огонь... сделался столь же живым, как и до полудня". Вслед за этим пехотные колонны Богарне двинулись вперед. Показалась наша кавалерия от Князькова, но она была дальше от центральной батареи, чем неприятельская. Вслед за этим неприятель сосредоточил огонь многочисленных батарей по центральной батарее.

Барклай лично руководил действиями наших войск в центре. Заметив движение французской кавалерии, он послал Левенштерна с приказанием Шевичу двинуться вперед рысью. В ответ на это приказание раздалось оглушительное "ура". На доклад Левенштерна, что ему приказано поставить бригаду так, чтобы она не подвергалась выстрелам, Шевич с улыбкою ответил: "Это будет трудно, мы уже давно смыкаем ряды, чтобы не было заметно убыли, которую причиняют ядра. Лучшее, что мы можем сделать, это идти вперед*. Бригада двинулась рысью и встала за скатом у перекрестка дорог, почти прямо за

центральной батареей. Перед кавалергардами ехал старший полковник барон Карл Карлович Левенвольде, тот самый, который последний снялся с аустерлицкой позиции.

Тучей надвигалась французская кавалерия. Вдали виднелась наша конница (1-я кирасирская бригада), спешившая на выручку; ее артиллерия вынеслась на позицию и открыла огонь ядрами, но французская артиллерия, не обращая внимания на этот огонь, продолжала громить пехоту и ее батареи. Центральная батарея все учащала и учащала огонь и совершенно окуталась дымом. Вдруг ветром отпахнуло эту завесу: у горжи ((*фр. Horge - горло*) - тыльная часть укрепления или тыльный вход в него) укрепления копошились неприятельские всадники (кирасиры Коленкура); наша пехота (Цыбульского) из-за оврага открыла по ним учащенный огонь. Всадники отхлынули, пространство между горжей и оврагом очистилось. С центральной батареи все еще слышались орудийные выстрелы.

Но только часть кирасир Коленкура была отброшена, другие пронеслись за овраг, опрокинули пешую батарею и заскакали в тыл нашей пехоте (Цыбульского), перешедшей через овраг в наступление. Пехота легла на землю, и кирасиры пронеслись между нею на встречу нашей кавалерии.

Предшествуемые густою стрелковой цепью, три колонны пехоты шли с фронта на батарею. Грозовая туча все ближе и ближе надвигалась на укрепление. Пехота, защищавшая его, сидела за бруствером, выжидая подхода неприятеля на ближний выстрел. Слышалась одна команда: "Все! Картечью!"

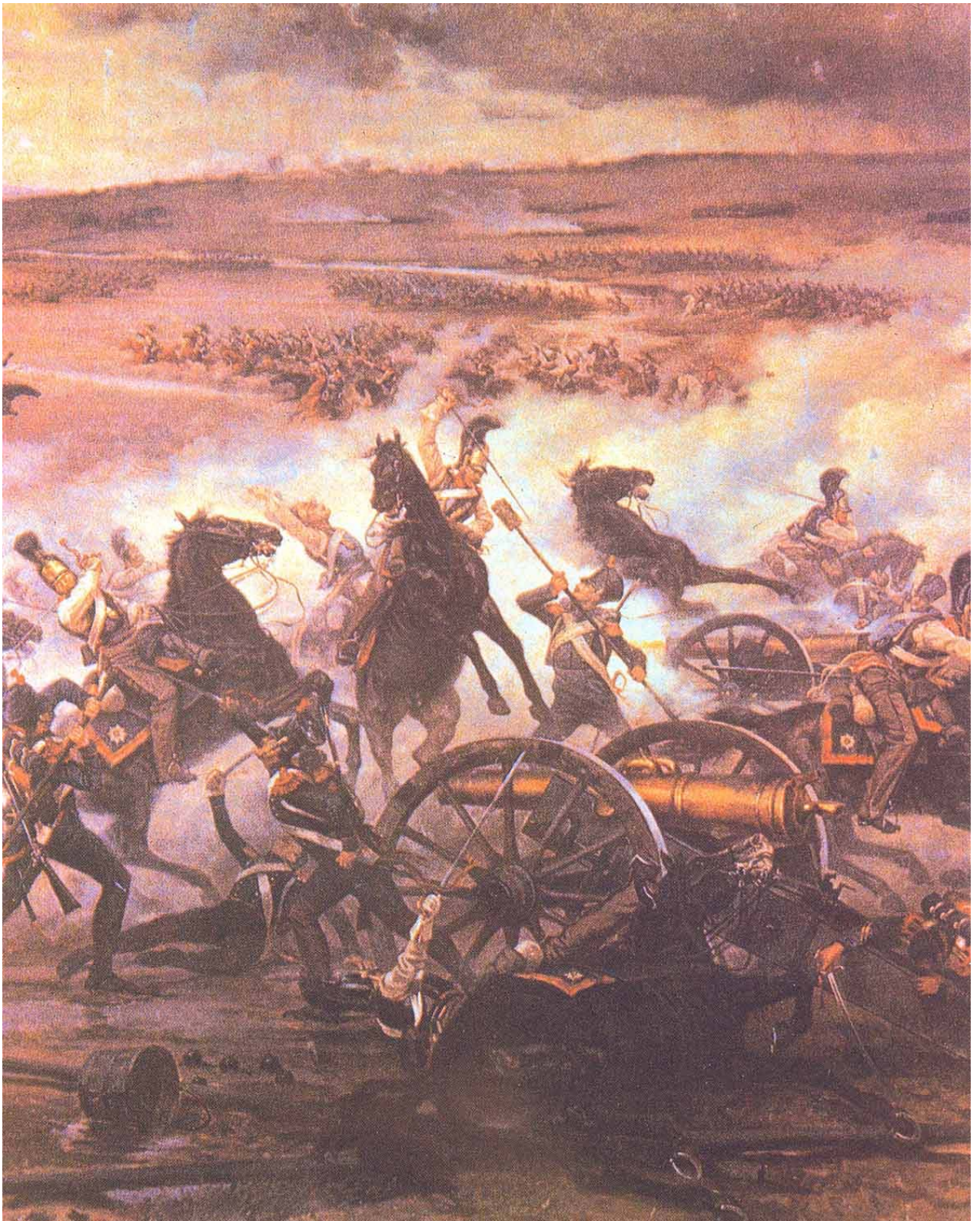
С криком "Vive L'Empereur!" бросились французы в атаку. Ответом на это был залп нашей пехоты... Потом редкие ружейные выстрелы уже в укреплении, крики "ура"... "Ура" все слабело, его вес более и более покрывало: "Vive L'Empereur!"

Центральная батарея была во власти неприятеля. Было 3 часа дня.

Вслед за этим от Колочи показалась одна масса неприятельской кавалерии (корпус Груши), а от Семеновского - другая масса (корпус Латур-Мобура).

Огонь русских батарей и залпы пехоты заставили французскую кавалерию частью отхлынуть назад, частью укрываться от выстрелов за центральной батареей и в овраге, который буквально был запружен убитыми и ранеными людьми и лошадьми. В это время подошла бригада кавалергардов. Капцевич, видя надвигавшиеся тучи неприятельской конницы, построил каре. Атака Латур-Мобура была отбита огнем; всадники его отскакали назад и стали собираться для новой атаки; Груши же, поддержанный огнем своей пехоты и артиллерии, опрокинул несколько полков 7-й пехотной дивизии и врубился в батарею Костенецкого. Следовавшая за Груши пехота пошла в штыки и довершила поражение нашей пехоты, отступившей в полном расстройстве.

Тогда подпоручик барон Корф с двумя взводами 2-й гв. конной батареи, находившимися при бригаде, вынесся на позицию и, снявшись с передков в 100 саженьях от неприятеля, открыл огонь картечью. После двух очередей пехота была опрокинута, на месте ее лежала груда трупов, но кавалерия Груши, несмотря на убийственный картечный огонь, "с большой запальчивостью" продолжала наступать, и один эскадрон бросился врассыпную на наши орудия. Помня наставление графа Кутайсова "держаться, пока неприятель не сядет верхом на орудия", Корф стоял на позиции до последней крайности, а затем двинулся в сторону кавалергардов, которые, стоя за возвышением, не были замечены неприятелем. Французские всадники уже были между нашими орудиями; Корф, въехав на возвышение, закричал командиру 1-го взвода лейб-эскадрона корнету Башмакову: "Башмаков, выручи орудия!" Тот, не выжидая приказаний, бросился в атаку, причем "передовые неприятельские всадники, далеко занесшиеся в наши ряды, были почти все истреблены". В это время от Горок подъехал к бригаде Барклай. "Attackieren Sie" ("*Атакуйте*" (*нем.*)), - спокойно сказал он Левенвольде. Громким "ура" отвечал полк на это приказание. 1-й и 4-й эскадроны двинулись рысью, за ними en échiquier (*В шахматном порядке (фр.)*) пошли 3-й и 5-й эскадроны под командой В. В. Левашова.

Атака русской кавалерии при Бородине

В небольшой и пологой ложине, прямо против полка, строилась в полковые эскадронные колонны кавалерия Латур-Мобура: впереди саксонские Gardes-du-corps, за ними саксонские кирасиры Цастрова и польские уланы. Пройдя между каре нашей пехоты, Левенвольде повел 1-й эскадрон прямо, а командиру 4-го эскадрона Е. В. Давыдову приказал атаковать во фланг. Заметив движение кавалергардов, неприятельская кавалерия начала разворачивать фронт. Ясно слышались командные слова: "En avant!", затем "Halte!" и "Par quatre a droite et a gauche!" (*"Вперед!", "Стой!", "По четыре справа, заезжай!" (фр.)*). Но было уже поздно. "Галопом! Марш!" - скомандовал Левенвольде и, повернув лошадь налево, только успел закричать Давыдову: "Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо", как упал с коня, пораженный картечью в голову. Первая линия замялась, но, поддержанная второй, врубилась в неприятельскую кавалерийскую колонну.

Однако польским уланам удалось развернуться вправо и таким образом взять кавалергардов во фланг, но Конная гвардия выручила кавалергардов: она бросилась в атаку и опрокинула улан.

Началась свалка. *"Рукопашный бой между массами смешавшихся наших и французских латников представлял необыкновенное зрелище, в своем роде великолепное, и напоминал битвы древних рыцарей или римлян, как мы привыкли их себе воображать. Всадники поражали друг друга холодным оружием среди груд убитых и раненых"*.

Французская кавалерия была опрокинута. Барклай приказал трубить "апель" (сбор), но у одних лошади занесли, другие же в пылу боя и грохоте выстрелов не слышали сигнала и пронеслись до ручья Семеновки, на берегу которого неприятельская кавалерия стала собираться. Около сотни кавалергардов разных эскадронов, увлекшись преследованием, наскочили на фронт неприятельской кавалерии. Кавалергарды стали собираться к своим офицерам и тоже выстроились. Старшим в этой кучке оказался поручик Шкурин. Оба фронта стояли один против другого неподвижно. В таком положении застал их дивизионный адъютант М. П. Бутурлин. *"Что мне делать?"* - сказал Шкурин Бутурлину. *- Если поворочу налево-кругом, они сядут на плечи. С другой стороны, полковые трубы играют "апель"; стоять опять нельзя - неприятеля много, и он все усиливается"*. Бутурлин ответил, что на месте Шкурина он атаковал бы, так как это единственное средство к спасению. Шкурин заметил, что и он того же мнения, но боится ответственности за действия в противность полковому сигналу, и потому упросил Бутурлина объявить ему приказание атаковать. Бутурлин согласился. "С места! Марш-марш!" - скомандовал Шкурин. Неприятель, не ожидавший атаки, смешался и дал тыл, а Шкурин, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, поскакал назад к полку.

Таков был "кирасирский подвиг" полка под Бородино.

Потери полка убитыми, ранеными и пропавшими без вести составляли 10 офицеров и более 90 нижних чинов. Из офицеров полка, находившихся адъютантами и ординарцами, один убит и двое ранено. Кроме того, полк лишился в ходе боевых действий 135 лошадей.

Полковник В. В. Левашов получил Георгиевский крест, три офицера награждены золотыми шпагами, все остальные - следующим орденом. Шестьдесят три нижних чина награждены Георгиевскими крестами. Все нижние чины получили по 5 руб.

Подвиги, совершенные нижними чинами, были следующие: они "храбро врезались в неприятеля, по "апелли" остановились и собирали нижних чинов под сильными картечными и ружейными выстрелами; храбро врезались во фронт неприятеля; спасали своих офицеров; тащили под сильным картечным огнем тело командующего полком; взяли в плен неприятельских офицеров; один трубач, находясь при генерале Шевиче, не только отлично исполнял свою должность, но даже храбро отличил себя в рубке".

Отличившись при Бородине, полк продолжал движение в составе армии. Сначала - к Москве и за нее, потом - вперед, на врага. И вновь все крупные стычки этой кампании происходили без его участия... Не всем, однако, кавалергардам пришлось большую часть времени пребывать в резерве.

*Св. Георгий,
поражающий дракона*

Еще на Березине полк встретился со своим 2-м эскадром. Мы оставили 2-й эскадрон, обращенный в запасный, по дороге в Остров. В Острове он недолго оставался; не хватало войск на отпор Наполеону, и от "организации" пришлось перейти к "импровизации". Запасные батальоны и эскадроны были сведены в сводные полки, полки - в дивизии, и дивизии направлены к действующим армиям. Запасные эскадроны 1-й кирасирской дивизии в качестве сводного Кирасирского полка вошли в состав 9-й кавалерийской дивизии князя Ник. Гр. Репнина и попали в отряд графа Витгенштейна.

Ко времени перехода Наполеона через Неман сводный Кирасирский полк подошел к Придруйску; 20 июня он получил приказание продвинуться к Друе для наблюдения за неприятелем.

При отступлении 1-й армии из Дрисского лагеря граф Витгенштейн с 25-тысячным корпусом был оставлен у Дриссы для заслона Петербурга от корпусов Макдональда и Удино, но одновременно на него возлагалась и обязанность прикрывать Ригу от осады.

К счастью, обстоятельства сложились благоприятно для Витгенштейна и позволили выполнить возложенную на него несоразмерную с силами его отряда задачу. (Графу Петру Христиановичу Витгенштейну было в 1812 г. 44 года. Человек лично храбрый, он охотно пополнял недостающие ему качества ума и недостаток образования умелым выбором своих советников, которых и слушался. Заботливый и ласковый с войсками, независимый к подчиненным, большой хлебосол, он, не терпя интриг, устроился так, что в штабе его отряда проводили весело время и не занимались копанием друг другу ям.)

*Знак ордена
св. Георгия*

Французы 4 августа после форсированного ночного марша достигли Полоцка. К утру 4-го Витгенштейн подошел к Гамзелеву, имея авангарды: Гельфрейха - у Ропно и Властова - у корчмы Боровка.

На правом фланге Гельфрейха шли кавалергарды и конногвардейцы под командой Ершова; остальные же два эскадрона сводного Кирасирского полка находились вместе со всей остальной кавалерией на крайнем левом фланге.

Витгенштейн решил не атаковать противника, "но сделать одну только демонстрацию ниже по Двине и выше по р. Полоти", для чего приказал строить на Двине в 4 верстах ниже и на Полоти в 4 верстах выше Полоцка мосты. Вместе с тем он приказал Гельфрейху и Властову в ночь на 5-е "форсировать дефиле, находящееся перед большою площадью, окружающей г. Полоцк". К рассвету Гельфрейх овладел высотами к югу от ропнинского дефиле и мызой

Присменицей, чем вошел в связь с Властовым, но все атаки наши на мызу Спас, составлявшую ключ позиции перед городом, были безуспешны: мыза несколько раз переходила из рук в руки, но к вечеру осталась в руках баварцев Вреде. Не рискуя произвести общую атаку, Витгенштейн приказал на другой день, в 9 часов вечера, главным силам отступить через Гамзелево к с. Белому.

Утром командующий французским корпусом маршал Сен-Сир узнал от польских помещиков, что Витгенштейн ожидает подхода подкреплений, и потому решил, не дожидаясь их подхода, перейти в наступление. Ему удалось подвести скрытно на ближний пушечный выстрел не только всю свою пехоту, но сосредоточить, по словам самого Витгенштейна, "большое число орудий за высотами против центра нашего" и двинуть туда же и также скрытно "еще батарейное подкрепление конных орудий, оставленных им на самом правом фланге своем на левом берегу Полоти". Пробило 5 часов на колокольне иезуитского монастыря в Полоцке, раздался одиночный орудийный выстрел. То был сигнал для атаки. Вслед за ним грянул залп 60 орудий, и неприятель *"начал жесточайшую канонаду против центра моего, - доносил Витгенштейн, - особенно против корпусной квартиры, находящейся в мызе Присменица"*. Одно из ядер попало в комнату, где Витгенштейн обедал со своим штабом. Едва успел Витгенштейн вскочить на лошадь, как неприятельская пехота, двинувшаяся с первым выстрелом в атаку, ворвалась в мызу и захватила не только "генеральский обед", но и дела его штаба.

"Жестокое действие неприятельской артиллерии и неожиданное наступление стрелков и пеших колонн расстроило сначала передовую стрелковую цепь и позволило неприятелю наступать против батарей центра нашего и левого фланга..." Застигнутая на биваке, пехота тут же свернулась в кучи и, отбиваясь во все стороны, медленно отступала "с мужеством, свойственным одним русским", говорит Сен-Сир. "Они совершали чудеса храбрости, но не могли удержать одновременного напора четырех дивизий". Центр боевого порядка был разорван: первая наша линия вынуждена была отойти сначала за Присменицу, а затем к Ропно и корчме Боровка с потерей семи орудий. Казалось, спасти дело может только случай.

И "случаем" этим была атака кавалергардов и конногвардейцев. Видя поражение своих войск, Протасов с двумя этими эскадронами понесся им на выручку. Первым попался ему неприятельский батальон 26-го линейного полка (дивизии Лиграна). Протасов атаковал его, но был отбит. Тогда он решает бросить батальон и врассыпную нестись далее через весь лагерь и этим произвести панику в тылу французов. Это вполне ему удалось.

Между тем французская кавалерия, имея в первой линии бригаду Кастекса (два полка), во второй - бригаду Корбино (три полка) и в третьей - дивизию Думерка, двинулась под прикрытием 40 орудий против стоявшего еще на месте нашего правого фланга. Против них пошли гродненцы и рижские драгуны и схватились с бригадой Кастекса. Заметив это движение, командовавший кавалергардским эскадронам штабс-ротмистр Авдулин собрал его и атаковал один из полков бригады Корбино. Полк дрогнул и повернул назад. На следующий полетели конногвардейцы; французских конных егерей охватила паника, и они, преследуемые кавалергардами и конногвардейцами, понеслись к Полоцку.

Полковник Ершов, командовавший в этот день 2-м дивизионом сводного Кирасирского полка, захватив и эскадрон гродненцев (ротмистра Дяткова), "бросился на оставшуюся неприятельскую кавалерию (т. е. остальные два полка Корбино) и на батарею и, прогнав первую, овладел 15 батарейными французскими орудиями, из которых по недостатку лошадей и упряжи и по причине многих рвов, нас разделявших, увезли только два, а остальные, заклепав и испортив лафеты, принуждены были оставить на месте".

Сен-Сир приказал командиру батареи встретить бригаду Корбино картечью, но последний мешкал исполнить это приказание, и на плечах конных егерей наши кирасиры ворвались на батарею. Сен-Сир укрылся от атаки среди батальона швейцарцев, но в суматохе понесшими лошадьми был выброшен из тележки, в которой разъезжал вследствие раны по полю сражения, и едва не попался в плен. 4-й кирасирский полк дивизии Думерка бросился на выручку батареи в то время, как наша кавалерия скакала мимо кладбища св. Ксаверия. За кладбищем засела французская пехота, встретившая кирасир выстрелами в упор, и принудила их повернуть.

При помощи некоторых недомолвок и уклонений от истины граф Витгенштейн изобразил сражение 6 августа у Полоцка в виде победы. На самом же деле это было поражение, не сделавшееся полным и не перешедшее в панику только благодаря мужеству нашей пехоты и артиллерии и тому, что кавалерия пожертвовала собою; во главе последней должно поставить сводный Кирасирский полк.

Войска отступили к Ропно не "по моему предположению", как доносил Витгенштейн, но потому, что, быв застигнуты врасплох вследствие беспечности своего командира, они были сбиты огнем и штыками с позиции, взятой ими накануне с боя.

Потери Витгенштейна за оба дня простирались до 5500 человек, в том числе до 1000 человек пленными; потери неприятеля - до 3000 человек. Кавалергардский эскадрон потерял убитыми: поручика Воейкова (тело не найдено) и 8 нижних чинов; ранено 19 нижних чинов, пропало без вести 5 нижних чинов. Лошадей убито 20.

Полковники Протасов, Ершов и штабс-ротмистр Авдулин получили Георгиевские кресты, Окунев - золотую шпагу.

"... Часто вспоминал Павел Петр. Ланской, - рассказывает А. П. Арапова, - о трудностях походной жизни в 12-м году. С удалением от Москвы доставка провианта становилась все затруднительнее, и самые богатые офицеры рады были разделить скудную солдатскую пищу. Весьма часто и ее не было, и после долгого перехода приходилось уснуть с тощим желудком. Наступившие морозы еще сильнее голода донимали войско. Когда Кавалергардскому полку пришлось обходить Москву, Н. И. Васильчикову удалось выписать из своего имения Лопасни (в 65 верстах по Тульскому шоссе) полушубок, и этот единственный экземпляр теплой одежды служил предметом зависти для всех товарищей. Вся обмундировка во время похода успела обратиться в грязные лохмотья, и заменить их было нечем. Единственная забота офицеров была раздобыть в выжженных и разоренных поместьях что-либо теплое. С. П. Ланской с радостной благодарностью получил от московской помещицы Недобровой, сжалившейся над его заморенным видом, ваточный капот и тут же напялил его на лохмотья мундира. Но еще курьезнее фигуру представлял Е. В. Давыдов. На его долю выпали три разноцветные набивные шали, и, не долго думая, он одной укутал стан, а остальные превратил в шаровары..."

14 ноября при выступлении главной армии из Копыса прибыл к ней цесаревич. Кутузов поручил ему начальство над гвардией, гренадерами и кирасирами. "Первым приступом Константина Павловича к начальству... было требование, чтобы офицеры не отступали на походе от установленной формы"(!)

Можно себе представить негодование цесаревича при виде фантастических одеяний кавалергардских офицеров. Но больше всего он распек Давыдова. Вызвав его перед фронт, он раздраженно стал ворочать его во все стороны, приговаривая: "Хорош! Хорош! Полюбуйтесь!" И тут же сгоряча отдал приказ, чтобы все иначе не появлялись как в надлежащей форме. Ввиду полной невозможности исполнить приказ офицеры один за другим заявляли о болезни и удалялись в обоз.

Это столкновение дошло до Кутузова, который не задумался отменить распоряжение великого князя и в свою очередь отдал приказ приблизительно в таких выражениях: так как России нужны все ее сыны, то он не только разрешает, но просит офицеров беречь свое здоровье, не стесняясь формой. То же самое разрешалось солдатам. Цесаревич же подавал пример соблюдения формы. *"Невзирая на то что морозы доходили до 25°, - говорит очевидец, - великого князя мы иначе не видали на походе как верхом, в шпензере сверх мундира и всегда в шляпе (Шпензер, шпенсер, спенсер (англ, spencer) - короткая обтяжная куртка.)"*

Кутузов мог бороться с несоответствующими войне требованиями цесаревича, но скоро должен был уступить...

Освобождение Европы

*Свобода! Пойте гимн свободы,
Европы славные певцы,
И вы, германские народы,
Сплетайте в честь Москвы венцы;
Сроднитесь с русскими сердцами
И будьте все ее певцами...*

Н. М. Шатров "Пожар Москвы"

В середине декабря 1812 года фельдмаршал приказал войскам главной армии "быть в готовности к выступлению по первому повелению". Кавалергардам (вместе с Конной гвардией и лейб-казаками) предписано было в пять дней перейти из Вильны через Ораны в м. Пршелай (101 верста). Полк выступил в первый день Рождества. Государь остался доволен состоянием Кавалергардского полка, и цесаревич прислал 28 декабря нижеследующий рескрипт командовавшему полком В. В. Левашову: *"Объявив сего числа войскам, в команде моей состоящим, монаршую благодарность Кавалергардскому полку за совершенную исправность и чистоту, в какой Его Имп. Величество изволил его найти, я долгом поставляю объявить как вам, так и эскадронным командирам и всем г. офицерам и нижним чинам совершенную мою благодарность за тот порядок и устройство, с которыми сей полк во все время сей кампании находился, к чему присовокупляю, что я всегда был доволен сим полком, но ныне не нахожу уже слов, как оный благодарить"*.

1 января после отслужения молебна полк перешел Неман по льду вместе со всей главной армией. Дальнейший поход был на Сувалки (5 января), Ортельсбург (15-го), Млаву (19-го) и Плоцк (25-го).

Со времени реорганизации в Тарутинском лагере армии 1-я кирасирская дивизия находилась в двойственном подчинении: "по внутренней своей части" - командиру 5-го гв. корпуса Лаврову; "по наружной" получала "вообще все приказания от г.-л. кн. Голицына, у которого она состоит в команде". Начальник штаба фельдмаршала Кутузова князь Волконский писал цесаревичу, что *"его светлость полагает удобнейшим командование кирасирскими дивизиями поручить непосредственно г.-л. кн. Голицыну, предоставив ему заботиться и об их продовольствии. Впрочем, не желая приступить к исполнению сего без воли в. и. выс-ва, он поручил мне испросить вашего на сие соблагovolения"*. Цесаревич ответил: *"На поручение под непосредственное командование обеих кирасирских дивизий г.-л. кн. Голицыну я весьма согласен"*, присовокупляя к сему: *"Я и наперед то весьма желал, но не решался сделать представление"*.

4 февраля главная армия прибыла в Колло, потом, достигнув Конины (9 февраля), свернула на Калиш, куда и прибыла 12 февраля. Одновременно с этим Кутузов приказал войскам Витгенштейна встать на квартиры в окрестностях Дризена (в восьми переходах от Берлина).

Сначала предполагено было расположить 1-ю кирасирскую и гв. кавалерийскую дивизии в окрестностях Калиша, но "по случаю открывшегося недостатка в фураже" фельдмаршал приказал расположить их далее от города. Кавалергарды были поставлены в м. Добром и окрестных деревнях.

Высшее польское дворянство и шляхта встретили паши войска недружелюбно, и при всем нежелании иметь с ними столкновения таковые были неизбежны, так как войска довольствовались средствами края.

С прибытием государя к армии требования относительно соблюдения формы все более и более увеличивались. В главной квартире, по замечанию Данилевского, произошла большая перемена против того, что было в Тарутине, где все ходили запросто и нередко в сюртуках, сшитых из солдатского сукна. 3 марта цесаревич представил подробный всеподданнейший доклад о состоянии вверенных ему частей, клонившийся к приостановке наступления, но не достиг цели. В тот же день, 3 марта, государь поехал из Калиша в Бреславль на свидание с Фридрихом Вильгельмом, с которым 16 февраля заключен был оборонительный союзный договор. *"Прием, сделанный императору в Бреславле, - писал светлейший князь Кутузов, - исторг слезы из глаз Его Величества"*.

21 марта король приехал в Калиш. Сначала приезд был назначен на 18-е число, но короля "просили помедлить несколько своим прибытием по той причине, что новые мундиры для нашей гвардии не были готовы".

Для парада, в котором приняли участие гвардейская пехота, гренадеры и обе кирасирские дивизии, войска были выстроены на равнине перед городом. Государь ожидал короля на последней почтовой станции к Калишу; подъезжая к городу, они сели верхом. Перед войсками стоял фельдмаршал, не быв в состоянии сесть на лошадь. *"Мы принимали короля с большим парадом, - писал кавалергард М. Бутурлин. - Три корпуса войск были в строю, особенно наш кирасирский делал славный вид на большом поле: десять полков в одной линии, и к тому день был прекрасный, точно как летом, и до того, что даже жарко было с полудня"*.

Затем 23 марта было смотровое учение Конной гвардии и несколько балов, но король был скучен, до того он был поражен слабым составом батальонов. Король пожаловал Кутузову орден Черного Орла и осыпанную бриллиантами табакерку; затем прислал к нему Гарденберга, объявившего фельдмаршалу, что если война окончится благополучно, то король пожалует ему поместье в Пруссии. Светлейший князь Смоленский отклонил это обещание, ответив: "Государь мой не оставит меня и детей моих". Короля проводили с повторенными неоднократно обещаниями, что запасные войска наши в скорости придут и что не положат оружия, доколе Пруссия не будет восстановлена.

26 марта началось выступление главной армии из Калиша. В авангарде пошел Милорадович. 1-я кирасирская дивизия, составлявшая второе отделение левой колонны (Тормасова), собралась 26-го в Калише и на другой день выступила в поход на Дрезден.

28 апреля 1813 года в Бунцлау скончался главнокомандующий русской армией светлейший князь Кутузов.

Император Александр поручил руководство армией генералу от кавалерии графу Витгенштейну - и тут же победоносное наступление прервалось, мы проиграли несколько сражений подряд... Войску необходим был отдых, требовалось собрать свежие силы. Такие же проблемы стояли и перед Наполеоном, а потому противоборствующие стороны заключили перемирие. Главная масса союзных войск провела время перемирия между Одером, Кацбахом и Богемскими горами. 25 мая кавалергарды расположились в деревнях кругом Гроткау. Прекрасная погода, сначала установившаяся, сделалась в июне холодной. *"Целый день ветер, и не только не жарко, но весьма свежо, почти как осенью, только под вечер установится - и довольно приятная погода, а ночи опять прехолодные"*, - писал М. Бутурлин. Первое время по заключении перемирия войска не рассчитывали, что оно продолжится долго. 4 июня издано было новое расписание войск, причем из состава 1-й кирасирской дивизии изъят был Астраханский полк.

Началось приведение в порядок конского состава и амуниции, сильно пострадавших от беспрестанных, часто форсированных переходов. Сделать же это было весьма нелегко как вследствие необузданного казнокрадства нашего интендантства, так и по следующим еще причинам: 1) недостатка денег, 2) запрещения пользоваться средствами Пруссии, 3) путаницы, происшедшей вследствие ведения кампании по импровизированному плану или, вернее, вовсе без плана...

Между тем войска были извещены, что на днях предстоят царские смотры.

Высочайший смотр трем дивизиям кирасир и гв. кавалерийской дивизии состоялся 16 июля между Михелау и Оссигом в присутствии короля прусского и принцессы Шарлотты (*Принцесса Шарлотта - будущая супруга Николая I императрица Александра Федоровна.*). Здесь кавалергарды первый раз увидели ту, которой суждено было более четверти века быть их ангелом-хранителем.

Смотр начался церемониальным маршем, после которого *"государь начал смотреть войска справа по одному в карьер, но не имел терпения пропустить поодиночке даже людей Кавалергардского полка и прекратил смотр, тем более что многие из людей и лошадей падали и расшибались. После того было общее учение всем полкам вместе. Полки Кавалергардский и лб.-гв. Конный делали атаку целой бригадой в одну линию"*.

В первом после окончания перемирия сражении - неудачном для нас штурме Дрездена - кавалергарды не участвовали. Зато потом они дрались под Кульмом, в том бою, который в очередной раз покрыл знамена российской гвардии неувядаемой славой.

17 августа 1-я кирасирская дивизия выступила утром на Теплиц. В голове колонны шли кавалергарды. Пока шли в горах, не было слышно пушечных выстрелов, и полки были далеки от мысли о предстоящем им участии в сражении. Князь Голицын и Де-Прерадович отправились вперед к Теплицу. Старшим при дивизии остался командир Конной гвардии Арсеньев. Кавалергарды уже начали спускаться в Теплицкую долину, как прискакал квартирмейстерский офицер Дист, настоятельно требуя подкрепления Остерману. *"По отсутствию старших начальников Арсеньев был в нерешимости исполнить требование Остермана, но, постигая важность обстоятельств и поддержанный дивизионным адъютантом Бутурлиным {М. П.}, велел полковнику Ершову вести Кавалергардский полк на место сражения"*. Лейб-эскадрон тотчас свернул с дороги влево к Краупену, за ним последовали один за другим остальные пять эскадронов, а между тем послано было известие о происшедшем к князю Голицыну и Де-Прерадовичу, которые нагнали 1-ю кирасирскую дивизию. Кавалергарды пришли к месту сражения около 2 часов дня и выстроились в боевой порядок правым флангом к д. Карбиц, занятой Тенгинским полком генерал-майора Лялина. Лейб-драгуны и лейб-уланы под командой Шевича свернули с шоссе налево и встали за крайним левым флангом, носом в горы.

Выйдя из Пристеня, *"французы опрокинули нашу пехоту на легкую дивизию, потом они бросились к орудиям, тщетно стреляли по ним картечью, ничего не могло их остановить. Казалось, что в сию минуту все должно было решиться, ибо коннице невозможно было в таких местах действовать"*.

Ермолов приказал 2-му батальону семеновцев выручить орудия. *"Никогда, - говорит Н. Н. Муравьев, - не видал я чего-либо подобного тому, как батальон этот пошел на неприятеля. Небольшая колонна эта хладнокровно двинулась скорым шагом и в ногу. На лице каждого выражалось желание скорее столкнуться с французами. Они отбили орудия, перекололи французов, но лишились всех своих офицеров, кроме одного - прапорщика Якушкина, который остался батальонным командиром"*.

Атака лейб-эскадрона кавалергардов у Ноллендорфа (Кульм)

Шевича, не знавшего, как употребить свою кавалерию, выручил прискакавший Дибич. Дибич бросился к лейб-драгунам и велел им следовать за собой, "но драгуны не знали его в лицо, и никто с места не тронулся, пока он не показал звезды своей". С криком "За мною, драгуны!" бросился Дибич вперед. Один драгун поскакал, потом другой, третий, и наконец весь полк пустился в атаку в беспорядке. Ермолов, увидев эту атаку, произведенную без его приказанья, послал остановить драгун, но уже было поздно: драгуны опрокинули часть неприятельской пехоты, а другую загнали в болото. *"Некоторые из драгун застряли в болоте, другие же заскакали французам в тыл за селением, вскочили в селение и выгнали к нам на чистое поле стрелков, которые, увидя, что их готовились встретить, остановились. Драгуны порубили их и присоединились к нам уже спереди"*. Атака драгун была поддержана лейб-уланами под командой Чаликова. *"Удачная атака сия восстановила бой с нашей стороны, ибо пехота наша оправилась и продолжала по-прежнему перестрелку"*.

На правом фланге неприятель, занимавший позицию на другой стороне рва, между д. Карвиц и дорогой в Петерсвальд, против строившейся в боевой порядок 1-й кирасирской дивизии, выслав стрелков и фланкеров (*Фланкеры - всадники, действующие рассыпным строем*), начал переходить через ров. Де-Прерадович вызвал фланкеров Кавалергардского полка (125 человек при четырех офицерах) и послал просить присылки нескольких орудий. Ему прислали шесть легких орудий штабс-капитана Синельникова. Огнем этой батареи, стрелками Тенгинского полка и кавалергардскими фланкерами неприятель был удержан от перехода через ров. Фланкеры Кавалергардского полка перестреливались с неприятелем до 6 часов вечера, когда были сменены фланкерами австрийского драгунского полка эрцгерцога Иоанна.

Вслед за 1-й кирасирской дивизией подошел к полю сражения и князь Голицын со 2-й кирасирской дивизией. Оставив Псковский полк в резерве, Голицын поставил Екате-

ринославский и Астраханский полки в центре, а Глуховскому полку приказал "занять место лейб-драгун и улан и подкрепить пехоту левого фланга". Между тем неприятель повел наступление на д. Карвиц; Де-Прерадович и Кретов послали туда несколько эскадронов лб.-гв. Кирасирского Его Величества, Екатеринославского и Астраханского полков; правее Карвица стоял Кнорринг с татарскими уланами. "Но, - пишет князь Голицын, - как по усилиям неприятеля видно было, что он решился через бой и с потерей вытеснить оттуда Тенгинский пех. полк и оттеснить кавалерийское подкрепление сильным ружейным огнем, то и решился я приказать, выведя из деревни Тенгинский пех. полк, зажечь оную и, высадя между нею и дорогою в Петерсвальд во рвы и лоцины две цепи стрелков на ближайшее расстояние, нас от неприятеля отделяющее, отражать его и беспокоить, которыми был он отбиваем и держан целый тот день, чем и дело 17-го числа кончилось".

В 9-м часу вечера прибыл Милорадович с 1-й гренадерской дивизией (Раевского); вслед за гренадерами подошли 2-я гв. пехотная дивизия и прусская гвардейская бригада; приехали Шварценберг и Барклай. Начальство над войсками у Кульма принял Милорадович.

На другой день назначена была атака неприятельской позиции под общей командой Барклая.

Бой начался атакой французов на мельницу Эгген и часовню Юхтен, из-за обладания которыми целый день накануне боролись обе стороны. Французы овладели мельницей и сожгли ее; с мельницей сгорели и наши тяжелораненые, но часовню нам удалось отбить. В это время Кнорринг с татарскими уланами и полковник Будберг с кирасирами Его Величества, поддержанные четырьмя орудиями Бистрома и австрийскими батальонами Абеля, несмотря на картечный и ружейный огонь, перешли ров. Бистром выехал на позицию и открыл огонь как по батарее на высоте *Wappling*, так и по неприятельским стрелкам, засевающим в садах и прикрывавшим свою батарею. Вслед за тем кирасиры и уланы пошли в атаку, сбили неприятеля с *Wappling'a* и взяли три орудия. Не успел Бистром въехать на высоту, как был тяжело ранен ружейными пулями.

Между тем бригада Геймрота (дивизии Корбино) атаковала во фланг Кнорринга; Геймрот опрокинул кирасир и улан, но был остановлен Абелем. На высоте завязался упорный бой; она несколько раз переходила из рук в руки; Кретов поддержал Кнорринга Екатеринославским кирасирским полком майора Жильбера. Три раза ходил Жильбер в атаку, пока наконец удалось ввести шесть орудий на высоту и закрепить ее за нами. Заметя обход своего левого фланга, Вандамм усилил его бригадой Кио, между тем как Коллоредо вдруг остановился. Причиной остановки Коллоредо было то, что он заметил сильную кавалерийскую колонну, спускавшуюся от Лобезау к Аушине, и счел ее за французскую. Кавалерия, приведшая в смущение Коллоредо, оказалась прусской; одновременно с ней показалась пехотная колонна, спускавшаяся от Ноллендорфа... Было около 11 часов утра. Барклай получил донесение о прибытии Клейста к Ноллендорфу, однако не перешел в наступление, ожидая, пока Коллоредо кончит свое обходное движение. Убедись в своей ошибке, Коллоредо, имея в авангарде Кнорринга и Абеля и поддержанный Астраханским и Глуховским кирасирскими полками, продолжал обходное движение.

А центр все продолжал стоять... Наконец австрийцы открыли огонь из своих батарей во фланг Вандамму. Вандамм сделал отчаянную попытку сломить левый фланг, но гренадеры Раевского еще раз отбили атаку. Вдруг в тылу у французов раздались пушечные выстрелы. Сомнения не могло быть: то были не свои, а враги. Вандамм, видя себя окруженным, быстро принял соответствующее решение: бросить артиллерию и пробиться сквозь Клейста. Клейст шел в походной колонне без надлежащих предосторожностей. По шоссе в гору в колонне по четыре понесся Корбино. Первое, что попало ему по дороге, была прусская батарея; батарея взята, прислуга частью изрублена, частью ускакала. Затем Корбино налетел на пехоту и смял ее. Пруссаков охватила паника. Корбино пробился, но пехоте Вандамма приходилось выходить из боевых линий. Заметив отступление французов, союзники перешли в общее наступление. Кавалерия пущена была в преследование: на

левом фланге пошли в атаку лейб-гусары, поддержанные гвардейскими драгунами и уланами, левее их вдоль гор - казаки Иловайского и псковские кирасиры.

Кавалергардские фланкеры, прикрывавшие правый фланг наших батарей центра, заметив отступление французов, донесли об этом Де-Прерадовичу. Последний приказал В. И. Каблукову с 1-м дивизионом поддержать фланкеров. Вслед за Каблуковым пошел и Ершов с остальными четырьмя эскадронами. Командовавшие кавалергардскими фланкерами офицеры Белавин и Бердяев, увидев, что полк за ними следует, атаковали неприятельскую батарею и захватили два орудия. Затем по приказанию Барклая 3-й дивизион Конной гвардии двинулся по шоссе к Пристеню и, "отрезав от дороги неприятельских стрелков, дал способ захватить полку лейб-гусар все, что находилось на нашем левом фланге". Однако, когда Кавалергардский и Конногвардейский полки поравнялись с пехотой, Милорадович остановил их, "а для дальнейшего преследования отрядил один лейб-эскадрон" (Каблукова). Каблуков преследовал неприятеля шесть верст, по дороге наскочил на 20 брошенных орудий, из которых 16 принадлежали Клейсту. В дефиле перед Ноллендорфом неприятель пытался остановить Каблукова, но последний бросился в атаку, сбил французов, отбил 4 орудия и денежный ящик Гвардейского экипажа (6 тыс. руб. ассигнациями) и взял в плен 3 офицеров и 370 рядовых.

Под Кульмом взято в плен до 10 тысяч человек, в том числе Вандамм и начальник его штаба Хаксо; трофеями была вся артиллерия (81 орудие), и, кроме того, союзникам достался весь обоз отряда Вандамма.

Полк был щедро награжден за двухдневный бой: Де-Прерадович произведен в генерал-лейтенанты, И. З. Ершов и П. И. Каблуков (1-й) - в генерал-майоры, Е. В. Давыдов - в полковники. В. И. Каблуков (2-й), Белавин и Бердяев, взявшие неприятельские орудия, получили Георгиевские кресты; остальные офицеры получили золотые шпаги или ордена. Нижним чинам Барклай дал 12 сентября по три креста на эскадрон, а государь пожаловал по 2 руб.; трое унтер-офицеров произведены были в офицеры армии. Георгиевские кресты были розданы на основании приказа главнокомандующего от 8 сентября тем нижним чинам, "кои по выбору собратий их избраны будут достойными к получению". Таковыми в полку оказались 6 унтер-офицеров и 12 рядовых, которые "во все время сражения 17-го и 18-го числа, быв беспрестанно в стрелках, неустрашимою храбростью показывали пример своим товарищам и несколько раз отрезывали неприятельских стрелков, и 18-го числа ими отбито у неприятеля два орудия".

Полк потерял: убитыми - 2 унтер-офицеров и 2 рядовых; ранеными - 2 офицеров, 1 унтер-офицера, 2 трубачей и 30 рядовых. Лошадей убито - 41; ранено - 35.

До 10 сентября резервная кавалерия простояла на квартирах к югу от Теплица; 10-го она была "для лучшего продовольствия" отодвинута за р. Эгер, в окрестные кругом м. Лобозиц деревни; дивизионная квартира была в д. Ворвошан.

Во время стоянки за Эгером И. З. Ершов сдал командование Кавалергардским полком 17 сентября полковнику В. И. Каблукову.

20 сентября Барклай, усмотрев, что кавалерийские полки, *"имея теперь налицо весьма меньшее против прежнего числа людей, рассчитываются на эскадроны по-прежнему"*, дал особое расписание для расчета эскадронов в полку. Согласно этому расписанию Кавалергардскому полку полагалось рассчитываться в пять эскадронов вместо шести.

15-го подошла к Теплицу польская армия, и в тот же день главная армия начала выступать из Богемии. Не решаясь захватить инициативы, двигались ощупью: решили сосредоточить армию между Хемницею и Цвикау, так как "дальнейшего направления нельзя было определить заранее, потому что не знали и знать не могли, куда обратится Наполеон"...

Последним крупным сражением заграничного похода стал для кавалергардов бой под Фершампенуазом.

Появление гвардейской кавалерии на поле сражения произошло так: в главной квартире слышали пушечные выстрелы, указывавшие, что впереди завязалось дело, но не могли решить, с какими французскими войсками наши встретились, так как о том, где находятся корпуса Мармона и Мортье, не имели понятия. При первых же выстрелах Шварценберг приказал пехоте "ускорить шаг и, не растягиваясь, идти в сомкнутых колоннах", а коннице Гиулая спешить из Арси к Фершампенуазу. *"Граф Барклай со своей стороны хотел послать за 3-й кирасирской дивизией, но находившийся близ него генерал Де-Прерадович доложил ему, что она по ее отдаленности от места сражения не может скоро поспеть, и просил позволения идти с 1-й кирасирской дивизией, еще не участвовавшей в сражениях во Франции. Главнокомандующий согласился на его предложение. Отборные латники, имея впереди кавалергардов, понеслись на рысях"*. С дивизией пошел и цесаревич.

Колонна цесаревича следовала в таком порядке: в авангарде сотня донских казаков, находящихся при гв. кавалерийской дивизии, за нею лб.-уланы, два орудия, лб.-драгуны, лб.-гусары, шесть остальных орудий, затем 1-я кирасирская дивизия правым флангом в эскадронных колоннах. Не доходя еще до Monterreux, лб.-гусары были "откомандированы в левую сторону" (для занятия аванпостов). *"Пройдя сию деревню, - говорит цесаревич, - я нашел авангард в деле с неприятелем, и, видя, что центр авангарда довольно силен и не нужно мне со всею кавалерийской колонною его подкреплять, я откомандировал туда лб.-улан, кавалергардов и кирасир Его Величества"*. Сам же цесаревич с лб.-драгунами и Конной гвардией, наблюдая движение неприятеля и видя его направление на Сезанн, "принял влево и поспешил под сильным огнем с неприятельских батарей на всех рысях обходить, сколь можно, "правый его фланг, дабы перерезать ему ретираду" (*Retirada (фр. retraite) - отступление*).

Получив донесение о появлении русской кавалерии, идущей на Vaurefrou, неприятель решил отступать к Фершампенуазу по возвышенностям, лежащим между р. Somme и оврагом des-Auges. Отступление начала кавалерия; за кавалерией последовала пехота уступами. Французская кавалерия отошла за пехоту беспрепятственно, так как кавалерия кронпринца приостановилась, и хотя на правом фланге Ридигер и Кретов продолжали надвигаться с фронта, но, однако, тоже не решались идти в атаку. Тогда Пален опять обошел левый фланг противника, а одновременно с ним Де-Прерадович атаковал правый фланг французов. В первой линии шли лб.-уланы с Ожаровским и Чаликовым, которые и пошли в атаку. Кавалергарды и кирасиры назначены были цесаревичем к подкреплению лб.-гв. Уланского полка. *"Но я, - говорит Де-Прерадович, - усмотря превосходство неприятельской кавалерийской линии, приказал Кавалергардскому полку на все те части, которых лб.-гв. Уланский полк занять не мог, атаковать неприятеля"*. Уланы и кавалергарды, опрокинув французскую кавалерию Бордесулля, более мили преследовали ее, причем кавалергарды отбили 6 орудий и взяли в плен 2 офицеров, 147 нижних чинов, "которые все сданы в главное армии дежурство"; 6 орудий отбили уланы и 3 орудия кирасиры Его Величества. Пален, пройдя Lenhaette, охватил левый фланг кирасир Бордесулля и потеснил их. На поддержку Бордесуллю Беллиар направил драгунскую дивизию Русселя, но Пален, поддержанный своей второй линией, опрокинул Русселя; французская кавалерия, охваченная паникой, понеслась назад к Коннантре. От окончательного уничтожения ее выручил отчасти 8-й конноегерский полк, двинувшийся вперед и заставивший Палена собрать свою кавалерию, а главным образом - стойкость пехоты.

До 2 часов дня отступление французской пехоты совершалось довольно беспрепятственно, и ей, чтобы достигнуть Фершампенуаза, оставалось перейти через овраг des-Auges, как вдруг налетела буря, разразившаяся проливным дождем. Дождь бил французам

прямо в лицо, заливал ружейные полки и тушил орудийные фитили, а потому приходилось отбиваться одними штыками.

Воспользовавшись атаками Палена и Де-Прерадовича, кронпринц (*Кронпринц (нем. Kronprinz) - титул престолонаследника в Германии и Австро-Венгрии*) повел четыре полка в атаку на каре молодой гвардии. Первые две атаки были отбиты, третью постигла та же участь, но у французов были отбиты два орудия, при четвертой атаке каре было смято. Де-Прерадович погнал французскую кавалерию к Фершампенуазу.

Рейд кавалерии генерала Ф. П. Уварова

"Выехав за город, - рассказывает Муравьев, - Кавалергардский полк повернул в левую сторону и неся поэскадронно на больших дистанциях. Де-Прерадович ехал впереди. Неожиданно понеслось на него человек 20 французов разных полков и войск. Они были пьяны и кричали "Rendez-vous, rendez-vous!" ("Встреча, встреча!" (фр.)). За ними гналось человек 15 казаков. Эти французы проскакали сквозь интервалы кавалергардов, отчего полк несколько смешался, конечно, не от испуга, а потому что бросились ловить их. Кирасиры и офицеры погнались за французами; чистое поле покрылось множеством скачущих всадников; была совершенная травля; где только останавливались и пыль взвивалась, там был изловлен или убит один из французов. Под одним garde d'honneur в красном кивере был куций серый конь. Как мне нужно было добыть лошадь, то я погнался за ним. Garde d'honneur скакал во весь дух, удирал во все лопатки, а я за ним с обнаженной шпагой, но не мог нагнать его. Вскоре обскакал нас обоих один кавалергардский унтер-офицер; он был Уварова эскадрона и назывался Чугунным. Имя сие приличествовало его росту и удару, который он нанес французу. Француз свалился без чувств, а нога его осталась в стремях. Лошадь его стала бить и измяла раненого. Лицо его было так изуродовано, что нельзя было ни глаз, ни носа различить... Я дал два червонца унтер-офицеру и взял у него лошадь".

За левым флангом Бордесулля оказалась пешая неприятельская колонна... Полк уже был выпущен Де-Прерадовичем из рук и преследовал бежавшую кавалерию Бордесулля, но ему удалось "удержать от преследования" эскадрон Храповицкого, которому он

и приказал атаковать эту пехоту. Храповицкий, несмотря на жесточайший ружейный огонь, от которого вдруг почти вся середина эскадрона пала - если не человек, то лошадь убита или ранена, - атаковал оную и принудил ретироваться. Тогда, говорит Де-Прерадович, *"приказал я четырем орудиям конной артиллерии бить по оной, и полковник Храповицкий, неоднократно возобновляя атаки, с помощью артиллерии почти всю оную истребил. У д. Фершампенуаз приказал я Кавалергардскому полку собраться, а его светлости принцу Кобургскому предложил преследовать неприятеля с лб.-гв. кирасирами; Кавалергардскому же полку приказал подкрепить его"*.

Пока Де-Прерадович и Ожаровский атаковали французов, цесаревич с тремя взятыми им с собою полками прибыл к Фершампенуазу, но еще до того подошел к д. Оеву Сеславин, как раз в то время, как нескольким эскадронам кронпринца удалось перейти des-Auges. Появление Сеславина на правом фланге французов вызвало новую панику среди них, и они побежали через Фершампенуаз на север.

К счастью для французов, в это время подошел из Сезанна в Фершампенуаз 9-й маршевой полк (400 коней) Леклерка. Проведя свой полк прибавленной рысью через толпы беглецов, запрудивших город, Леклерк вынесся навстречу рассыпавшейся при преследовании кавалерии союзников и заставил ее остановиться. Находчивость Леклерка дала возможность французам перевести дух, и маршалам удалось собрать остатки своих войск: пехота встала в батальонных колоннах левым флангом к Broussy-le-Grand, южнее ее, примыкая правым флангом к Connantre, расположилась в двух линиях кавалерия.

Подойдя к Фершампенуазу, цесаревич выслал фланкеров от лб.-гв. Драгунского полка, а фланкерам Конной гвардии приказал поддерживать их. Драгунские фланкеры открыли перестрелку с французскими стрелками и конниками, прикрывавшими отступление. Так продолжалось до подхода Де-Прерадовича; увидя себя поддержанным гвардейской кавалерией, Сеславин вновь атаковал противника, причем отбил у него 9 орудий, 14 офицеров и 400 пленных. Тогда цесаревич, ведя Конную гвардию на больших рысях в эскадронной колонне, приказал полковому командиру Андреевскому атаковать неприятеля одним эскадронам (графа Тышкевича), подкрепляя атаку двумя другими эскадронами.

"Эскадрон Тышкевича, несмотря на то что недавно прибыл из резервов и по большей части составлен из рекрут, - пишет цесаревич, - с примерно храбростью кинувшись на неприятельские пушки и будучи подкрепляем двумя эскадронами, обратив в бегство неприятеля, взял в присутствии моем шесть пушек и значительное число пленных. Опрокинувши таким образом неприятеля и находясь в соединении с наследным принцем Виртембергским, я намерен был продолжать с лб.-гв. Конным и Кирасирским полками обходить правый неприятельский фланг, но получил от государя императора приказание откомандировать немедленно для подкрепления правого нашего фланга два полка кавалерии по случаю приближения к оному французского корпуса..."

Мы оставили полк на преследовании французской кавалерии между Фершампенуазом и Connantre. Здесь Де-Прерадович через генерал-адъютанта князя Трубецкого получил высочайшее повеление "сколь возможно скорее поспешать с кавалерией 1-й кирасирской дивизии к неприятелю другого корпуса, показавшемуся у нас в тылу". *"В ту минуту, - говорит Де-Прерадович, - поворотя Кавалергардский полк, рысью повел к месту сражения, послав адъютанта своего к принцу Кобургскому, чтобы с полком Его Величества следовал за Кавалергардским. Не доезжая места сражения, встретил четыре орудия 6-й конной роты под командою поручика Пухинского, не имевших никакого прикрытия, и приказал им за собою следовать"*. Развернув полк "ан-эшекье", Де-Прерадович в самое то время увидел скачущую нашу расстроенную кавалерию против самого Кавалергардского полка и часть французской кавалерии (?), преследовавшую оную. Он приказал полковнику Уварову атаковать своим эскадронам неприятеля, который тогда же сим эскадронам уничтожен, а по прибытии на место сражения лично получил приказание от князя Шварценберга "стараться полком перерезать дорогу в порядке ретировавшейся неприятельской пешей колонны, составленной из всего остатка сего корпуса".

Сбившись в кучу, остатки отрядов Пакто и Аме, несмотря на предложения государя и короля прусского положить оружие, продолжали прокладывать себе дорогу штыками. Де-Прерадович приказал Уварову с двумя эскадронами галопом перескочить дорогу и атаковать спереди, эскадрону Храповицкого - поддерживать Уварова, Пухинскому открыть огонь картечью. Французы стреляли по кавалергардам картечью из четырех орудий, между тем как пехота открыла сильный батальный огонь, и эскадроны, подъезжая к самой колонне, несколько замялись и приняли вправо, однако опять бросились на неприятеля и врубились в пехоту... Уваров первый врезался в колонну и совместно с прочею кавалерией, окружившей ее со всех сторон, уничтожил. *"Вмиг колонна легла пораженною на дороге в том строе, как она двигалась: люди лежали горами, по которым разъезжали наши всадники и топтали их. Среди самой колонны, - говорит Муравьев, - мы встретились с конницей Блюхера"*.

По окончании атаки подъехал государь со своею свитою и начал говорить с пленным Пакто, который в ответах своих называл его генералом. *"Вы видите перед собою императора"*, - сказал Данилевский, обращаясь к Пакто. *"Это невозможно, - отвечал последний. - Ваш государь, верно, не пойдет в атаку на пехоту с одною конницею"*. Государь, услыша этот разговор, приказал Данилевскому не выводить Пакто из заблуждения.

Стало смеркаться, и Де-Прерадович расположился с полком на биваках подле пораженной неприятельской пехоты. Убит корнет Ал. Ив. Шепелев, "молодой, красивый собою и хороший офицер; пуля, минуя кирасу, поразила его". На другой день полковой священник о. Гратинский похоронил Шепелева близ наружной ограды кладбищенской церкви д. Connantre. *"Зрелище было трогательное, - говорит Муравьев, - потому что все любили его в полку. Генерал обнял покойного, которого в бурке опустили в могилу при отдавании последней чести на трубах и залпами из пистолетов"*.

Полк потерял убитыми и ранеными 2 офицеров, 2 унтер-офицеров и более 70 рядовых. Убито 78 лошадей.

За Фершампенуаз полку пожалованы были серебряные с Георгиевскими крестами трубы. Де-Прерадович получил золотую шпагу, алмазами украшенную; командующий полком В. И. Каблуков произведен в генерал-майоры с оставлением командующим полком. Дивизионеры Ф. А. Уваров, Е. В. Давыдов, А. Ф. Сталь, эскадронные командиры С. Ф. Колычев, С. П. Ланской, барон Е. К. Арнсгофен и прикомандированный из Борисоглебского драгунского полка поручик Подольский получили Георгия 4-й ст., все за взятие орудий в первую атаку; И. И. Храповицкий - золотое оружие; все остальные офицеры - следующие ордена; нижним чинам пожаловано 40 Георгиевских крестов, и 1 вахмистр произведен в корнеты армии.

Петербург - Париж и обратно

*Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем - рубиться молодцами,
Вечерком - горелку пить!*

Д. В. Давыдов. "Песня"

В конце марта 1814 г. русская армия входила в Париж. Акт о капитуляции столицы Франции подписал полковник Кавалергардского полка Михаил Орлов. Все ожидали, что после двух лет войны, прохождения с боями через всю Европу армия получит в "столице мира" долгожданный отдых. Но...

"В Париже, - говорит Паскевич, - начались, как и в Петербурге, гвардейские разводы, и мы из гренадерского корпуса поочередно туда езжали..." *"Во все пребывание наше в Париже часто делались парады, так что солдату в Париже было более трудов, чем в походе", - говорит Муравьев.* *"Стоять в Париже, - читаем мы в записках солдата Назарова, - было для нас невыгодно: частые парады, учения и караулы".*

Находясь в Париже, войска должны были посылать в окрестные деревни фуражировочные команды; наконец, нижеследующее приказание, отданное через неделю по вступлении войск в Париж, прямо указывает на то, что войска практически голодали: "С получения сего сколь можно поспешнее послать приемщиков к комиссионеру Палиевичу для принятия овса на двое суток в деревне Шарантон, а других приемщиков послать на его же квартиру для принятия хлеба, круп, соли, мяса, вина и дров на двое суток". *"Дошло до сведения государя императора, - писал в полк Арсеньев 28 марта, - что полки Кавалергардский и лб.-гв. Конный не только забирают в городских магазинах сами по себе и даже насильственным образом разного рода припасы, но также останавливают и проходящие транспорты и без повеления на то берут оное на продовольствие сих полков. Я предписываю оному полку сколь можно поспешнее и строго исследовать сие, мне донести, когда и кем именно такие непопозволительные поступки были сделаны..."*

Париж был снаружи и внутри оцеплен: днем и ночью все войска "в кругу своего расположения" посылали патрули; через городские рогатки строжайше запрещено было пропускать скотину, которую гонят солдаты, какому бы войску они ни принадлежали; "также ни офицеров, ни нижних чинов не пропускать на выездах без билетов начальствующих генералов"; запрещено офицерам, независимо от дежурных, отлучаться из казарм, кроме дежурных офицеров для наблюдения "по надлежащему за порядком и чистотой в казармах, равно и для предохранения, дабы все вещи были в целости" назначены были "бессменные коменданты" от полков.

1 апреля полк был переведен в Версаль и расположен частью в казармах, частью в ближайших деревнях. 4 апреля войска были оповещены, что государю императору угодно, "дабы войска наши не носили более белой повязки на девой руке, служившей до сих пор знаком союзного войска". 6 апреля государь поехал в Рамбулье, и туда были посланы два эскадрона кавалергардов.

О стоянке полка в Версале сохранились весьма скудные сведения. В Версале и окрестностях были расположены полки: Кавалергардский, Кирасирские Его и Ее Величеств и гвардейская конная артиллерия, непосредственно подчиненные сначала командиру конной артиллерии генерал-майору Козену, а затем по болезни последнего командиру Кира-

сирского Его Величества полка барону Будбергу. До нас дошли лишь следующие бумаги. 6 апреля Козен писал Каблукову: *"Его пр-во г.-л. Де-Прерадович предписал мне исследовать о жалобах, которые дошли к нему в рассуждении грабительства и разных шалостей, которые делает 1-я кирасирская дивизия. В сходность чего предлагаю в в-дию исследовать в Кавалергардском полку, и буде найдутся виновные, то мне донести, и предписать всем г. эск. командирам, чтобы впредь таковых шалостей воспретить"*.

"Шалости" ли тому были причиной или общее озлобление французов, начавших несколько приходить в себя, но нередко случались происшествия, указывающие на то, что в окрестностях Версаля наши люди не могли считать себя в безопасности. Так, 9 апреля, не доезжая Версаля, конный вестовой - кавалергард "неизвестно кем из лесу ранен в левую руку пулей навывлет"; а 28 апреля командующий лейб-эскадрона Арпс-Гофен рапортовал, что посланы от эскадрона по надобности из казарм в г. Версаль два кавалергарда, "на коих напавшие из французских войск ранили одного - Соболюка - в голову (разрублена в трех местах), а у второго - Иванова - рассекли правую бровь".

Сохранились предания, что версальские уличные мальчишки преследовали русских криками: "Ogre russe, barbare, cannibale" и т.п. Однажды при сборе полка на плацу собралась масса уличных зевак, отпускавших разные остроты и плоские шутки на счет русских, полагая, что за непониманием французского языка это пройдет безнаказанно. Солдаты в самом деле добродушно смеялись им в ответ, но офицеров эти выходки раздражали, и один из них, выведенный из терпения нахальством одного французика, шнырявшего между эскадронами и явного зачинщика издевательств, указал на него вахмистру атлетического телосложения, внушительно добавив: "Проучи-ка его хорошенько!" Француз был маленький, худенький, юркий, со включенной шевелюрой. Вахмистр ловко подъехал к нему, запустил всю ладонь в волосы и так потрянул его в воздухе, что французик опомнился уже на ногах, моментально оплешивев, а у вахмистра болтался в руке импровизированный парик. Картина мгновенно изменилась: проученный забияка исчез в толпе, которая разразилась неистовым смехом, награждая оглушительными рукоплесканиями недюжинного победителя...

Из Версаля полк ходил два раза в Париж на парады. Полк выступал из Версаля накануне парада, а в день его возвращался назад. Парад 22 апреля состоялся по случаю прибытия в Париж Людовика XVIII, а 18 мая - по случаю заключения мира.

Уместно, однако, вспомнить и некоторые "бытовые" подробности этого похода, свидетельствующие о том, как относились к российскому воинству в чуждых ему пределах.

...По выступлении из России в 1813 г. полк быстро прошел через лежащие между Россией и Варшавским герцогством полосы Пруссии. В Польше пришлось ему простоять в окрестностях Калиша до 26 марта, когда он в составе главной армии двинулся в Силезию. В полковом архиве не сохранилось материалов, по которым можно было бы составить себе картину внутреннего быта полка за этот период времени. Есть указания, что поляки встретили нас недружелюбно, но можно предположить, что недружелюбие это они не смели еще проявлять действиями, во-первых, потому, что были оглушены катастрофой, постигшей Наполеона в России, а, во-вторых, Кутузов не принадлежал к таким политическим деятелям, которые позволяли бы полякам издевательства над Россией и русскими.

Движение к Эльбе было настоящим торжественным шествием. Воздвигались триумфальные арки с различными надписями в честь государя и русских войск; народ встречал войска радостными восклицаниями. Молодые девушки в белых платьях надевали лавровые венки па голову офицеров и солдат. При появлении государя раздавался колокольный звон. По вечерам в окнах сияли освещенные разноцветными огнями прозрачные картины с различными надписями в честь императора Александра.

Немцы наперерыв старались угодить нашим войскам: в городах и деревнях солдатам отводили помещения с мягкой мебелью и зеркалами; во время обеда их сажали за столы, накрытые скатертями, а вместо артельной чашки перед каждым стоял куверт с прибором. Пища состояла преимущественно из немецкого вассер-супа и баранины с черносливом; но немецкая кухня не всегда приходилась по нутру русскому желудку, а потому в дополнение к таким обедам солдаты получали молоко, масло и сыр. Такой чисто русский аппетит немало удивлял немцев. Перед обедом подавали вино или водку, но картофельная водка была так слаба, что вместо рюмки можно было выпить стакан. После обеда подавали пиво и кофе. Чистого кофе солдаты наши не могли пить, а всегда - к ужасу немцев - с гущей. "Ты, матушка, жижицу-то себе оставь, а нам дай погуще". Офицеров жители встречали еще радушнее, видя в них людей образованных и часто говоривших с ними на их родном языке. Однако далеко не все русские офицеры понимали по-немецки, и потому иногда происходили столкновения на почве взаимного непонимания.

После Люцена и Бауцена картина быстро переменилась. Приподнятое и свыше разогретое братство по оружию с пруссаками сменилось взаимными укорами. Это объясняется со стороны пруссаков тем, что распоряжение их войсками было предоставлено русскому главнокомандующему Витгенштейну. Однако взаимные отношения между русскими и прусскими войсками продолжали быть приличными, а со временем они мало-помалу улучшились.

Иное было с жителями. Население Пруссии тяготилось французским игом более, чем в 1806 и 1807 гг., оно жаждало избавления от него, но жертв приносить не желало.

Как только наши войска снова расположились в пределах Пруссии, на них посыпались жалобы в насилиях и грабеже. Жалобы эти были в большинстве неосновательны: когда войска не обеспечены продовольствием, а жители не дают его добровольно, то неизбежно приходится брать его силой. Уже 12 мая (т. е. через три дня после Бауцена) Де-Прерадович по высочайшему повелению предписал полкам своей дивизии "посылать фуражировать командами при офицерах и отнюдь ничего не брать без квитанции, и поодиночке чтобы нигде ни под каким видом не шатались... в случае кто из нижних чинов будет пойман в грабительстве, начальник предастся военному суду".

Когда войска были помещены на кантонир-квартирах (*Кантонир-квартира (от нем. Kantonist - новобранец) - дом, жилище, определенные для солдатского постоя*) и им отведены районы для продовольствия, то в этих же районах разрешались, сверх того, реквизиции прусским властям. Прусский генерал-адъютант Кнезебек жаловался Барклаю, что "войска делают разные обиды обывателям здешнего края: выкашивают у них хлеб для фуража и на построение биваков, другие - вместо того чтобы ехать дорогою, проезжают чрез хлеб и лишают их надежды на будущую жатву". "Такое с жителями обхождение, - писал Барклай цесаревичу, - должно произвести к нам ненависть и самые неприятнейшие последствия; почему в необходимости нахожу повторить приказ свой по армии от 29 мая". И потому Де-Прерадович вследствие жалоб "здешнего местного правительства", дошедших до сведения главного начальства, о том, что "офицеры и нижние чины по прихотям для проездов своих самовольно берут обывательские форшпаны и употребляют также под возку травы и прочего в несоразмерном количестве", предписал, чтоб никто "под опасением жестокого наказания" не отваживался бы употреблять форшпанов (*Форшпаны - род повозок*), а траву и остальные потребные войскам припасы и провиант возить на подъемных лошадях.

Войска крайне нуждались в фураже; не было не только сена, но население не давало и травы. Такое положение дел Барклай находил возможным исправить... "экономией" и писал в июле цесаревичу: "*По всем доходящим сведениям время от времени увеличивается недостаток в сенном и далее травяном корму... и правительство прусское решительно отзывается невозможностью удовлетворить чрезмерно большой надобности в сем корме. Чем далее время уходит, тем сильнее могут быть затруднения по сенному продовольствию. Замена одного зерновым хлебом заключает в себе неудобства по великости*

потребности оного. А потому единственным средством избежать угрожающих недостатков в сене - строжайшая экономия в употреблении оного". Делать было нечего. Приходилось оберегать прусские поля, а русской кавалерии сидеть на лошадях с "соломенным брюхом". Де-Прерадович предписал "о самом рачительнейшем наблюдении за экономией сенного корма; к сему весьма способствовать может употребление... соломы в сечке, смешивая с частью овса и ржаной муки. Довольствие в здешнем крае сим способом лошадей тем удобнее, что везде есть солома и машины для резки оной".

Наши войска были встречены наиболее радушно населением "неприятельской" страны. "Саксония меня восхищала, - пишет Муравьев. - К красивому местоположению надо присоединить жителей замечательной честности и гостеприимных". К несчастью саксонцев, их не только угнетал Наполеон, но им пришлось терпеть и от наших солдат, которые рады были случаю назвать Саксонию неприятельским краем и, невзирая на ласки и гостеприимство жителей, часто обижали их. В этом отношении особенно отличались австрийцы, которые, вступив в Саксонию, беспощадно грабили жителей. "Французы, зная расположение жителей к нам, со своей стороны также грабили их, называя их изменниками и неверными подданными; но таково богатство сего края, что через две недели разоренное селение опять принимало прежний вид свой; разбежавшиеся жители опять собирались и жили прежним порядком; их снова обирали, но в короткое время они опять поправлялись своим терпением и трудолюбием. Но такое положение жителей можно преимущественно отнести ко времени нашего отступления или к третьей кампании, после перемирия". Про третье вторжение союзников в Саксонию (октябрьское наступление к Лейпцигу) тот же автор говорит: "И опять мы шли по чудесной Саксонии, где гостеприимство и образование жителей заменили дурной прием, который мы испытывали в Богемии".

2 августа полк вступил в Богемию. Вступлению в австрийские пределы заблаговременно предшествовал приказ Барклая: "Извещаю войска предводительствуемых мною армий, что мы в скором времени вступим в пределы Богемии. Я уверен, что каждый из

Аллегорическое изображение славы Александра I

воинов, вступая в границы сей благоприященной державы, не только не покусится на какое-либо своевольство, но будет сохранять строжайший порядок устройства и спокойствия с союзным нам народом; вообще ожидаю, что войска будут вести тоже похвально, как и здесь в Пруссии, чем заслужат и там ту же доверенность и любовь народа, не пороча славы храбрых воинов гнусным именем грабителя..."

Насколько плохо в Богемии было положение войск, и в особенности кавалерии, как до Дрездена, так и после него, можно видеть из рапортов наших эскадронных командиров. Они до-

носили: "По вступлении полка в австрийское владение августа 2-го дня фуражное довольствие производилось по австрийскому положению: вместо 4 гарнцев только по 2 гарнца овса... причем получено из комиссии только на 19, 20, 21, 22, 29 и 30 августа", а "недополучено" на остальные двадцать три дня. Рапорты кончались словами: "Ежели строевые лошади от таковых неотпусков положенной пропорции придут в худобу, дабы я не мог ответственать".

"Мы должны были посылать людей своих с фуражирами в отдаленные селения, откуда им удавалось привозить понемногу хлеба, причем случались драки, а иногда жители стреляли по нашим фуражиром". Доходило до того, что многие питались грушами и сливами, в изобилии произраставшими в садах.

Продовольствие, а в особенности фураж составляли большое место союзников и независимо от вопросов дипломатических нередко до крайности обостряли союзнические отношения. В общем, не только в Германии, но и во Франции наши регулярные войска, как мы это увидим ниже, не только грабили менее других, но в столкновениях, происшедших с жителями, они по большей части не были виновны.

"Вопреки всех моих приказаний, - писал цесаревич, - полки и команды делают разные обывателям насильства: берут силою фуры, отбивают замки, косят на полях разный хлеб и траву, опустошают огороды и пр. Почему последний раз сим строжайше запрещаю и подтверждаю гг. дивизионным, бригадным и полковым начальникам, что кто первый попадется, солдат или офицерский денщик, будет наказан шпицрутеном; начальник той части подвергнет себя законной ответственности".

"Хотя приказом по армиям, отданным минувшего августа 31-го числа, и предписано было, чтобы войска получаемые из австрийского колонного магазина с продовольствием форшпаны, не удерживая у себя для других надобностей, отправляли обратно, однако по предмету того доходят ко мне от австрийского начальника неоднократные жалобы. Почему вынужденным нахожусь сим в последний раз подтвердить, что буде в каком полку таковые форшпаны (окажутся), то начальник того полка предан будет суду за слушание данных высшим начальством повелений, дивизионному и бригадному начальникам будет объявлен приказом выговор..."

Такого рода распоряжения тянутся через все полковые приказы 1813 г. Частое повторение их, очевидно, указывает на то, что приказы не исполнялись. Не исполняются же приказы обычно по отсутствию дисциплины и за невозможностью их исполнить. Войска за недоставлением высшими властями армии продовольствия вынуждены были сами добывать его, т. е. фуражировать, причем кроме самих предметов продовольствия требовались и форшпаны для перевозки их.

По мере приближения к Рейну положение войск все более ухудшалось, а жалобы жителей все увеличивались. *"Дошло до его св-ти господина главнокомандующего, - писал дежурный генерал Ольдекоп в Кавалергардский полк, - что квартирующий в с. Штокштате полк кирасир расположил нижних чинов по квартирам вопреки многим отданным по сему предмету приказам без всякого согласия с жителями и сверх того забирает у жителей скот и делает разные им притеснения. Почему имеет оный полк по получении сего тотчас прислать ко мне полкового адъютанта".*

Из сохранившегося в полковых делах перечня жалоб, поданных Барклаю на "самовольства" кавалергардов, видно, что жалобы эти кляузные: "самовольства", а тем более грабежа не могло быть уже по одному тому, что сами жалобщики пишут, что фуражировочная команда была при офицере. Лошади были изнурены, впереди была новая война, и цесаревич весьма основательно требовал, чтобы на поправление лошадей полки обратили особое внимание. До сбережения ли тут было даже и посевных семян?

Не получая фуража, Де-Прерадович предписал полку производить фуражировки. Но 19 ноября 35 мешков овса, забранных фуражирами Кавалергардского полка, "по приказанию г. военного ген.-полицмейстера и кавалера Эртеля" были отобраны... Мало того, 21 ноября Ольдекоп прислал в полк капитана Розлача "сделать во всей точности исследование по жалобам жителей селений, якобы во оных чинами полка делались фуражировки".

В начале декабря войска начали подвигаться к Рейну. *"Поход этот был очень приятный, - говорит участник его, - потому что войска успели оправиться во Франкфурте; мы шли по богатым местностям и везде пользовались прекрасными квартирами".* При вступлении в Виртемберг король не пожелал, чтобы русские войска не только остановились в г. Гейльбронне, но чтобы проходили через этот город. "Он велел даже силою не пус-

кать нас, но, видя, что великий князь мало обращал внимания на его угрозы, он пропустил нас, и мы благополучно остановились дневать в Гейльбронне".

Встреча с австрийскими войсками для тех, которые не участвовали в суворовском походе и в походе 1805 г., была новинкой, но и на последних она произвела невыгодное для австрийцев впечатление.

Особенно плохое впечатление на союзников произвели австрийцы во время отступления от Дрездена: *"В Мариенберге уже съехались все главные квартиры. На сем переходе видели мы австрийскую армию в разброде: тащились отдельно то по несколько офицеров, то кирасиры; где гусары везли на волах пушки, где фуры, полные женщин, ребятшек и перин. Эти женщины были офицерские и солдатские жены, маркитантки, которые тогда рюмку водки продавали по одному червонцу"*.

Случаи вроде нижеследующего, конечно, еще более обостряли отношения между нашими войсками и австрийскими. *"По дошедшей до меня жалобе от австрийского местного правительства честь имею донести, - рапортовал командующий полком В. И. Каблуков, - что фуражиры посылались от полка по приказанию г. полк. командира за именем фуража в тех деревнях, где эскадроны расположены. 12-го числа сего месяца от эскадронов полк. Уварова и Ершова был послан корнет Мензенкампф с командой, который нашел оный фураж в деревне, взял от рихтера без всякого сопротивления, но, возвращаясь в эскадрон, на переправе чрез р. Егру (Эгер) был остановлен и взят под арест австрийской службы поручиком Вилани... По прибытии моем Мензенкампф донес мне, что оный фураж не из транспорта был взят, но от рихтера из деревни, и что прикрытия никакого не было. Я взял как г. офицера, так и всю команду с фуражом, представил в полк и обо всем случившемся отнесся рапортом к г. полк. командиру"*.

Нередко случались драки между русскими солдатами и австрийскими. *"Мимо идущие пруссаки всегда вступались в драку за наших, так как и наши вступались за пруссаков; победив общего неприятеля, австрийцев, они отправлялись в кабак, где пруссаки обыкновенно потчевали русских, и когда наши порядком напивались, то они принимались за пруссаков и в свою очередь колотили новых камрадов, своих угостителей... Австрийцы часто нам отплачивали в деревнях, где у них повсюду были расставлены залого. Они стреляли по нашим безоружным фуражирам, и более одного раза случалось, что убивали их"*.

Более всех русские дружили с пруссаками: встречаясь с незнакомым на улице, пруссак жал русскому руки и называл его "Mein bester Kamrad" или "Her, Kamrad" (*"Мой лучший друг", "сердечный друг"* (нем.)). *"Прусские солдаты имели более денег, чем наши, и, называя наших своими избавителями, водили их в трактир и потчевали. Они дивились, как наши выпивали водку стаканами, и слушали со вниманием рассказы наших, хотя и не понимали их. Пока напиток еще не начинал действовать, все происходило дружно и миролюбиво, когда же наши, употребляя без меры даровую водку, напивались допьяна, то заводили ссору с пруссаками, драку и выгоняли их с побоями из трактира"*.

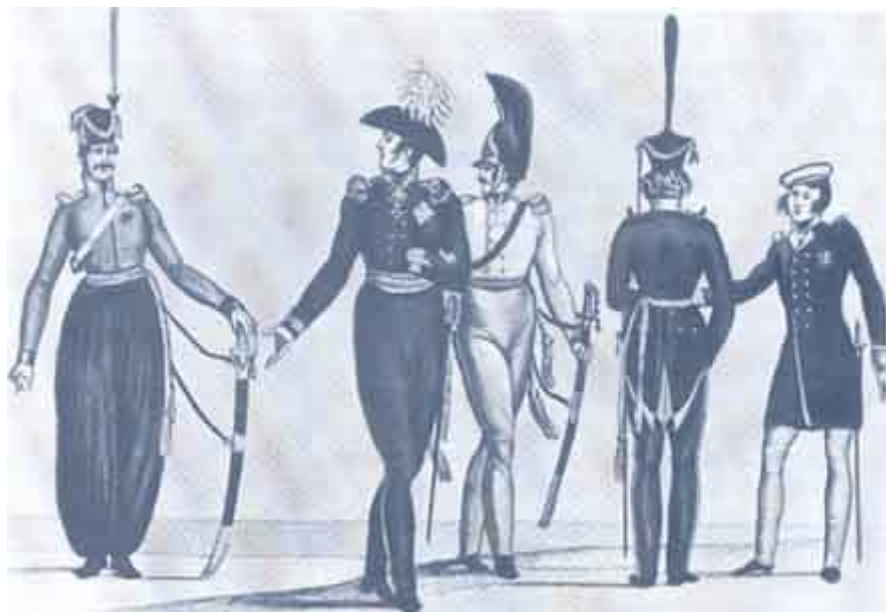
Прусские полки - Gardes-du-Corps, полк легкой гвардейской кавалерии и одна конная батарея составляли бригаду под командой полковника Ларош-Старкенфельса, прикомандированную к 1-й кирасирской дивизии, но непосредственно подчиненную командиру резервной кавалерии князю Д. Б. Голицыну и цесаревичу.

С целью восстановить в войсках "старинные товарищеские отношения", существовавшие во время походов 1806-1807 гг., приказано было сначала гвардейской пехоте дать обед прусской, а затем кавалергардам и конногвардейцам дать обеды прусской гвардейской кавалерии.

"5 сентября гвардейская кавалерия наша угощала прусских кавалеристов в присутствии монархов и военачальников. Этот пир кончился весьма плачевно. Когда государи

отбыли, офицеры продолжали свое угощение; головы разгорячились; началась проба лошадей и скачка чрез барьер. Командир прусского гвардейского полка, молодец лет тридцати, без кивера и без сабли пустился перескакивать какую-то преграду и на самом взносе лошади сорвался с нее и тут же убит до смерти. Это произошло в виду нашем".

К концу кампании 1813 г. баварцы перешли на сторону союзников. "Баварское войско было одно из лучших союзных: офицеры порядочные, народ храбрый, но они особенно отличались склонностью к грабительству и в нем превзошли даже австрийцев, которых, однако, не жаловали баварцы".

Шутливое изображение русских офицеров в Париже

Чтение полковых приказов как кавалергардов, так и в особенности Конной гвардии производит такое впечатление, как будто они были отдаваемы не в разгаре отчаянной войны с Наполеоном, а во время стоянки в Петербурге или, самое большое, во время маневров под Красным Селом. Приказы вроде нижеследующих составляют исключения.

"Заметил я, что в Кавалергардском полку везутся на седлах по две шинели и по два чемодана, старые и новые, от чего двойная тягость неизбежно будет причиною большого числа ссадненных лошадей; почему предписываю с получением сего старые шинели и чемоданы уничтожить..." "Предписывается всем кирасирским полкам конными - палаши держать, кроме атаки, всегда одинаково таким манером, как на галопе, т. е. эфес прижавши к ляжке и клинок к плечу..." "На маневрах после атаки никогда не командовать: Стой! Рав-няйсь! - а всегда командовать: Рысью".

По большей же части поражает, во-первых, самое обилие парадов и "смотровых учений", затем - требования, чтобы "кресты" (*перекрещивающиеся на груди белые лосиные ремни*) были чисто выбелены, чтобы нижние чипы не запускали больших бакенбард, чтобы "отнюдь оных ниже рта не носить и кольми паче запускать под бородой"; требования осенью не надевать на походе шинелей и чтобы на походе "люди сидели на лошадях по данным правилам: поводьев отнюдь не распускали, держали оные как можно крепче, не отделяя локтя от корпуса..."

Немало затруднен был полк переменами в форме во время похода. *"Если трубачские колеты не совсем сшиты, - писал Де-Прерадович на марше 8 декабря Каблукову, - то, взяв оные с собою, стараться на дневках как можно скорее отделать, а по окончании оных начать с лейб-эскадрона переделывать у новых колетов воротники".* Во Франкфурте изменена была форма кирасирских колетов - "вместо двубортных однобортные и вместо 6 по 9 пуговиц в один ряд".

"Хотя великий князь, - говорит Муравьев, - и назывался командиром отдельного гвардейского корпуса, но он исключительно привязался к 1-й кирасирской дивизии и был с нею неразлучен, особливо с Конной гвардией".

Мы имели уже случай указать, почему цесаревич не уделял особого внимания кавалергардам: при полку обыкновенно находился Де-Прерадович, а при особе государя - Уваров. Столкновения цесаревича с кавалергардскими офицерами, по-видимому, за все время заграничного похода не было; по крайней мере, мы не могли найти следов их. Между тем с другими частями, не исключая прусских, они случались...

"Константин Павлович, - рассказывает другой очевидец, - не любил шутить дисциплиной и формой одежды. Вся кампанию 1813 и 1814 годов он сам шел со своими полками и всего чаще находился при Конногвардейском любимом полку своем. Все время похода носил он холодную не на вате шинель; тогда и помину не было о меховых и бобровых воротниках: чур меня! Он не позволял и офицерам других шинелей, даже не допускал для себя фуфаяк и курток шерстяных под мундир и другим не любил позволять такой побрякушки, а офицерам запрещал строго. О калошах и долгих, подбитых байкою, сапогах также помину не было. Курить во время похода позволялось; впрочем, тогда курили только солдаты, а офицерское курение было в моде только в легкой кавалерии, а кирасиры были франты чопорные и чистенькие". Вполне можно согласиться с автором относительно строгого соблюдения цесаревичем формы, но едва ли - дисциплины, так как у того же автора мы находим: "За ним ехала в экипаже одна особа женского пола, которая всегда останавливалась в его квартире на дневках и ночевках", а Муравьев, принадлежавший к штабу цесаревича, утверждает, что "великий князь любил ехать с Фридерикшей вместе на переходах".

В походе Константин Павлович вел странную жизнь. "Поутру приезжал к нему на двор полуэскадрон в караул, и он, стоя на балконе, командовал и учил его часа полтора. После сего заставлял их поодиночке несколько раз через барьер прыгать, причем нередко случалось, что люди с лошадьми падали и ушибались, а он хохотал".

У цесаревича все было порывами и крайне непоследовательно: с одной стороны, обучение "прыганию чрез препятствия", в чем бесспорно наша кавалерия была весьма слаба, с другой - такое явно несообразное и противокавалерийское требование, как запрещение в холодное время производить походные движения рысью. Цесаревич как будто забывал, что лошадей губит не столько быстрота аллюров, сколько число часов, проведенных под седлом. Из-за этого-то распоряжения произошло у цесаревича столкновение с полковником Ларошем. В Colombe-les-Deux-Eglises великий князь выговаривал ему, что он переход сделал на рысях, отчего изнуряются у него лошади, на что Ларош дерзко отвечал, что за исправность полков "он не ему отвечает, а своему королю".

21 мая полк выступил из Франции в Россию. Резервный корпус вел Милорадович, кавалерийским корпусом командовал И. В. Васильчиков (затем Маликов), дивизией - Арсеньев (затем Каблуков и Солдаен), полком - Каблуков (затем - от Берлина до Риги - Ф. А. Бороздин). Организация тыла армии была весьма неудовлетворительна; в сущности, ее вовсе не было, а был произвол и в лучшем случае более или менее удачная импровизация. Первое случалось чаще второго. Полки обносились, но предметов вещевого довольствия не было ближе Дрездена, а некоторые имелись только в Бреславле. Пришлось туда посылать приемщиков с предписанием, "чтобы вещи были приняты, конечно, прежде, чем подойдут к оным войска". При выступлении в поход оказалось возможным отпустить на всю дивизию сапожного товара всего 1000 пар - "на тех, кои крайне нуждаются".

Странное впечатление производит чтение бумаг, относящихся до "обратного похода". Казалось бы, что при прохождении по Франции войска должны были испытывать наибольшие затруднения; после перехода через Рейн и вступления в спасенную, освобожденную

денную и союзную нам Германию положение войск должно было еще более облегчиться, а затем при вступлении в пределы России войска не должны бы встретить ничего, кроме отрядного. На деле вышло совершенно обратное. Войска прошли Францию благополучно, ни в чем не нуждаясь. То же было при проходе по южногерманским владениям; но по вступлении в пределы Пруссии, и особенно за Берлином, начались затруднения, главным образом из-за форшпанок.

Во время кампаний полковой обоз частью пришел в негодность, частью находился в разных "армейских вагенбургах" (от Домброва Белостокской области до Бибераха), а четыре сухарные фуры были отбиты неприятелем во время ретирады, и потому полк не мог запастись полным десятидневным провиантом, а брал сухарей столько, сколько можно поместить в оставшиеся при полку фуры. Цесаревич полагал снабдить полк находившимися у Канкрина отбитыми "французскими сухарными фурами"; но Канкрин отказался на том основании, что эти фуры назначены "польским войскам". Недостаток полкового обоза вызывал необходимость заменять его обывательскими подводами; кроме того, полагались на эскадрон одна подвода под хлебопек, две подводы "под своз конской амуниции на случай убылых лошадей".

"Дошла жалоба до меня, - писал Арсеньев, - что квартирующий эскадрон полк Давыдова в д. Скитен не принимал из магазейна фуража, а забрал оный в той деревне, и притом, привязавши мужика, били его. Почему предписываю командующему полком по получении сего тотчас донести мне, по какому праву и кто осмелился требовать фураж, когда оный назначено принимать из магазейна, а также без всяких причин бить мужика". "Вверенный мне эскадрон, - отвечал Давыдов, - расположен в д. Скитен и фуража брал только одно сено, на которое из комиссии получен билет... Мужика ж не били, но был посажен под арест мною и привязан к столбу за то, что хотел бежать с форшпанкой, на которой я должен везти казенную амуницию. Мужики ж здесь так грубы по делаемой им протекции, что не хотят выполнять ничего, следуемого по праву проходящих войск!" "Сего числа получил я от правительства на Кавалергардский полк жалобу, что квартирующий эскадрон в с. Либенау у жителей зарезали самопроизвольно несколько баранов и били мужиков...; предписываю... вам самим исследовать и по исследовании с объяснениями прибыть вам ко мне". Причина столкновений с обывателями в Германии почти исключительно происходила из-за того, что полк, не получив на новой станции подвод, не отпускал старых подвод. При жалобах начальство, не входя в разбор дела, старалось прекратить его деньгами.

Для "привета" офицеров балами и праздниками прусский король назначил особую сумму. Муравьев говорит: *"В Грауденце нам дали бал, достойный замечания... Вина лились в изобилии; дам мне не позволяли приглашать на танцы, а прусские офицеры спрашивали у меня, которая мне более всех нравилась; я им показывал красную или голубую, и тотчас отправлялся с их стороны посланец, который повецал даму, чтобы она ни с кем другим танцевать не смела, потому что г. русский товарищ (der Herr russische Kamrad) хочет ей честь сделать с ней танцевать. Однажды случилось, что я без их участия пригласил даму, которая не была из числа лучших собою. Пруссаки тотчас отказали ей и привели мне другую, прекрасную, с которой они просили меня протанцевать мазурку, о которой слыхали, но не знали фигур. Собрали еще три пары и стали в тесный кружок, который еще большие стеснялся от напавших зрителей; за мною стоял один офицер с бутылкою шампанского, беспрестанно наливая и заставляя меня пить, так что у меня начала голова кружиться. Я был в первой паре, а другие офицеры от меня фигуры перенимали. Когда я стал на колени, то, потеряв от шампанского равновесие, невольно нагнулся и упер рукою об пол, чтобы не растянуться. Пруссаки, думая, что это настоящая фигура, перенимали за мною... Избегая дальнейших угощений, я ушел, зазвав к себе человек пять прусских офицеров. Они оставили бал, пришли ко мне и нагулялись до такой степени, что их увели с собой пришедшие за ними вестовые".*

28 августа полк перешел Неман и вступил в пределы России. *"Как ощутительна была разница при переходе в наши границы! - говорит Муравьев. - Деревни были разорены и неприятелем, и помещиками; жители разбежались, бедность и нищета ознаменовали несчастную Литву"*.

В Литве, а затем в Остзейском крае полку пришлось иметь дело со сплошным и сплоченным польским или немецким чиновничеством... *"Истинно стыдно явное и, так сказать, подбострастное во всяком случае угождение полякам"*, - писал в марте 1814 г. князь Д. И. Лобанов Аракчееву. Едва ли эти слова не возможно отнести и к Прибалтийскому краю. Читая документы, относящиеся до прохода войск по Литве и Прибалтийскому краю, можно думать, что в обоих указы давались по-старому именем "Наполеона I, императора французов, короля Италии, протектора Рейнского союза", а не именем "Александра I, императора и самодержца всероссийского".

Прохождение войск по этим местам - сплошная кляуза. Жалобы помещиков так и сыплются; местная администрация дружно им вторит, нимало не стесняясь искажением истины. *"Сего числа весь день беспрестанно приходят с жалобами, что по сию пору не отпускают подвод, и есть таковые, которые больше трех станций идут, - пишет выведенный из терпения Арсеньев. - Предлагаю... старые рижские и лифляндские подводы прислать в мою квартиру, ибо дошла о сем жалоба до рижского военного губернатора маркиза Пауллуччи... и прислан от него для собрания подвод чиновник"*. *"Лифляндский губернатор Дюгамель прислал двух мужиков Митавской губернии... у которых Кавалергардского полка нижними чинами взяты две подводы"... "Предписывается полкам и артиллерии от сего числа и впредь самим собою обывательских подвод нигде не забирать, чрез что выходит большое затруднение, а каждый раз присылать за оными чиновника (т. е. офицера) с требованием к земскому чиновнику, который прислан от уезда для препровождения колонны"*.

Казалось бы, чего проще, как обращаться к чинам местной администрации, командированным для сопровождения войск, и не прибегать к самоуправству. Стоило только заблаговременно и согласно маршруту уведомить земскую полицию о выставке в данный день на данных пунктах известного числа подвод, но... уведомить о дне прибытия войск нельзя было потому, что маршрут неоднократно высочайшей волей менялся во время похода. Определять же вперед число подвод нельзя было, ибо это зависело от числа заболевших людей и присталых лошадей.

Один чиновник при движении полков не в сборе и при широком расквартировании по мызам не мог справиться с нарядом подвод, доставкой фуража и т. п. К тому же нередко случалось, что подобный полицейский чиновник вовсе не находился при колонне.

О том, как поляки и немцы встречали русские войска, Арсеньев донес цесаревичу.

При проходе через Россиенский и Шавельский уезды *"не только от земского начальства не было никакой встречи, но, словом, ни в чем не было никакого вспомоществования"*, и потому *"о благополучном квартировании не от кого было взять квитанции"*, писал Арсеньев, причем добавлял, что тогда же донес об этом генерал-губернатору Римскому-Корсакову.

Уведомляя о сем со своей стороны последнего, цесаревич писал, что Арсеньев, получив от шавельского земского суда две ведомости о претензии на лб.-гв. Конный полк и сделав по ним тотчас же расследование, не нашел ни малейшей справедливости... *"Впрочем, - основательно добавлял цесаревич, - ежели произошли сии претензии, то единственно от того, что не было земского начальства, которое на месте решило бы оно"*.

Насколько вообще были основательны претензии поляков, можно видеть из следующего: шавельский земский суд подал жалобу Арсеньеву на Кавалергардский полк, обвиняя его в забрании "съестных припасов и фуража" в течение дневки 4 сентября на 897 руб. 57,5 коп. серебром]

Римский-Корсаков признал все претензии, предъявленные эшелону Арсеньева, несправедливыми, прислал полкам "свидетельства о добропорядочном их следовании чрез

Биленскую губернию" и приказал подвергнуть строгому наказанию чиновников, обязанных сопровождать войска, но не исполнивших этой обязанности.

Иначе поступил рижский генерал-губернатор маркиз Паулуччи.

"Полки Кавалергардский, лб.-гв. Конный и лб.-гв. Конная артиллерия сего месяца 11-го числа вступили в г. Ригу, - доносил Арсеньев цесаревичу, - и имели квартирование по 13-е число... В оба дня большое было затруднение в продовольствии войск, даже так, что жители солдат не хотели пускать на квартиры. Сверх сего, когда надо было выступить из города, подвод не было, отчего полки принуждены были в тот день оставить там в городе слабых нижних чинов и заводную амуницию и уже по моему требованию на другой день получили подводы".

Цесаревич запросил объяснений у Паулуччи. Последний ответил столь своеобразным рапортом, что, читая его, с трудом можно поверить, что он принадлежит русскому генерал-губернатору, и к тому же генерал-адъютанту.

Паулуччи не только отвергал целиком весь рапорт Арсеньева, который, по его словам, "оказывается во всех случаях несправедливым", не только обвинял Арсеньева в незнании "совершенной надобности полкам в числе подвод" или в допущении полков "к излишнему требованию", чем "произвел беспорядки", но писал и следующее: *"Более же всего насилия сих команд подтверждаются просьбами, поданными ко мне... о причиненных кавалергардами на мызах обидах г-н. Каблуковым, на коих все офицеры с их денщиками довольствованы были безденежно, но за всем тем похищены у управителя скатерти, простыни и подушки. На мызе Ней-Фольфарт разломан сарай, из коего взята разная сбруя; насильно взято три стога сена. Сверх того, многие поля разорены переездом чрез них ради ближайшей дороги, а с других полей взято овса и сена на корм лошадей".*

Паулуччи опровергал обвинение в непускании солдат на квартиры таким доводом: *"Осмеливаюсь доложить о примерном благорасположении рижских жителей к сим гвардейским полкам, обратившим всеобщее внимание совершенством и красою, как в людях, так и в лошадях, после трехлетних походов и блистательных подвигов при поражении неприятеля. Таковые чувствования жителей доказаны поднесением каждому солдату в дар по 1 руб."*

Первая половина этих цветов красноречия говорит сама за себя, что же касается до второй, то она была даже не тонким, а грубым уклонением от истины: по 1 руб. "поднесено" было не "в дар", а взамен прокормления в течение двух дней.

"Получа при повелении в. и. выс-ва копию с рапорта... маркиза Паулуччи, противоречащего моему донесению, - писал Арсеньев, - с его заключением, что оное сделано мною в предупреждение жалоб, могущих последовать от жителей на солдат, долгом поставляю донести, что во все продолжение службы моей никому не делал я несправедливых донесений, а паче в. и. выс-ву, а потому и представленный мною рапорт о затруднительном продовольствии в Рижской губернии войск, в моей команде бывших, и о прочем есть совершенно справедливый, который поистине и... маркиз Паулуччи не может таковым не признать, потому что рапорт одного содержания, каковой послан к в. и. выс-ву отправлен и к нему, на который я не получил от него никакого ответа; следовательно, не было причин на опровержение оного. Жалоб же, по которым не сделано надлежащего удовлетворения, я ни от кого не имел, и со всех мест получены надлежащие квитанции, служащие всегда доказательством добропорядочного войск квартирования, о чем я всегда прилагал всемерное старание".

"Чувствования" рижских граждан, возбужденные, по словам Паулуччи, совершенством и красою людей, совершивших "блистательные подвиги при поражении неприятеля", едва ли совместимы, например, с нанесением побоев. Между тем приказчик рижского купца Шрейбера-Либбе "сделал грубости" ротмистру Колычеву и нанес побои унтер-офицеру Трутенко. При разбирательстве дела штаб-офицером, командированным рижским комендантом, Либбе признал себя во всем виновным и "испросил у Колычева и Трутенко прощения", причем Либбе уплатил Трутенко 25 руб.

Мы вполне допускаем, что не только бывали случаи кулачной расправы, но что могли быть случаи, ничем не оправдываемые, но при этом обращает на себя внимание следующее:

- 1) число жалоб, дошедших до нас, весьма ограничено;
- 2) строевое начальство тотчас же принимало меры к исследованию этих жалоб и, как мы видели выше, требовало, чтобы жалобщик немедленно и широко был удовлетворен деньгами;
- 3) основная причина самоуправства лежала как в хищениях и халатности, присущих нашему интендантству, так и в антирусском направлении местных административных учреждений.

Триумфальные ворота за Нарвской заставой в Санкт-Петербурге

14 октября, в день рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, эшелон Арсеньева прибыл в Красное Село. Офицеры от имени государыни приглашены были к обеду во дворец.

На другой день генералы и полковники были приглашены к высочайшему столу в Гатчину, а остальным офицерам князь Горчаков давал обед в Красном Селе.

16-го числа императрица, несмотря на дурную погоду, прибыла из Гатчины в Красное Село, произвела смотр полкам и "сделала оным угощение". *"Государыня императрица, - доносил Сипягин цесаревичу, - чрезвычайно была довольна устройством и порядком, какой сохранен сими полками при возвращении из столь дальнего и трудного похода"*. В тот же день эшелон выступил к Петербургу и расположился по деревням и дачам близ Екатерингофа.

Тогда же петербургское купечество сделало для офицеров кавалерии и артиллерии "большой обеденный стол" в маскарадной зале театральной дирекции.

18 октября кавалергарды, конногвардейцы и конная артиллерия, собравшись к 11 часам утра у "новых триумфальных ворот", прошли повзводно церемониальным маршем перед Вязмитиновым и князем Горчаковым и разошлись по казармам, "где прежде, чем распустить людей", приказано было "отслужить благодарственный молебен". "Чистота, опрятность и сбережение людей и лошадей, - доносил князь Голицын цесаревичу, - превышают всякое вероятие", а Сипягин писал, что полки эти "вступили в город в таком порядке, как бы никогда из С.-Петербурга не выходили".

По представлению цесаревича государь за вступление в Петербург пожаловал нижним чинам эшелона Арсеньева по рублю, по чарке и по фунту говядины, а от города все нижние чины гвардии получили по рублю серебром и по сайке.

... В продолжение всей зимы "было очень жестокое учение", занес в свои записки гвардейский солдат Назаров.

В течение трех лет боев и походов, т. е. с марта 1812 г. по октябрь 1814 г., выбыл из полка по суду 1 офицер (корнет Худолей) и разжаловано 18 нижних чинов. Нижних чинов, наказанных шпицрутенами, не было.

Кавалергарды в 1800 - 1825 годах

Проступки, совершенные офицерами, можно разделить на две категории: 1) существенные нарушения дисциплины и 2) несущественные. При этом мы должны заметить, что в рассматриваемую нами эпоху понятия эти были обратны существующим ныне в нашей армии.

Худолей был произведен в корнеты в резервные эскадроны из Дворянского полка в 1812 г. и прибыл к полку во время нахождения последнего в Германии. В приказе по полку 12 октября 1813 г. отдано было: "Г. корн. Худолей арестовывается на 24 часа за то, что пришел к г. полк. Уварову по службе с трубкою, без формы, и за случившийся беспорядок с командою, посланной для фуражировки, наряжается не в очередь на два раза с командою за фуражом". Через месяц Худолей "за сделанные им грубости полк. Уварову был предан суду Кирасирского Ее Величества полка и по высочайшей конфирмации выдержан три месяца в крепости с переводом тем же чином в армию".

В сентябре 1813 г. у поручика В. В. Шереметева вышло какое-то столкновение со своим эскадронным командиром В. И. Каблуковым. В приказе по дивизии Де-Прерадович отдал: "Хотя пор. Шереметев и сознался пред всеми офицерами в проступке своем по службе против полк. Каблукова 2-го, за который следовало бы его предать военному суду, но во уважение сего (т. е. сознания) и молодых его лет отменяется представление о том по команде в надежде, что впредь не осмелится быть нарушителем субordiнов и порядка службы Е. И. В., но арест его от сего числа продолжается на семь дней". Вместе с тем Шереметев был переписан в другой эскадрон.

Исполняющий дела полкового адъютанта Андр. Ив. Пашков "за грубые ответы пред полк. Храповицким" был арестован на четверо суток "с замечанием, что если таковой поступок будет впредь им учинен, то будет представлен к военному суду". В Париже молодой корнет Мензенкампф совершил какой-то проступок, за что и был арестован Де-Прерадовичем на восемь суток. Затем идут несколько случаев (в 1813 г.) опозданий на службу, подачи рапорта о болезни после назначения в наряд, опозданий из отпуска, выез-

да из лагеря без позволения и в особенности несоблюдения порядка во время походных движений...

Требования, предъявляемые Де-Прерадовичем относительно соблюдения порядка при походных движениях, были не только разумны, но и слишком снисходительны: он требовал, чтобы офицеры ехали на походе на своих местах при движении "боевым порядком" (т. е. при походном движении вблизи неприятеля), и не предъявлял полку таких требований, как, например, цесаревич - Конной гвардии.

Не менее понятны взыскания, наложенные на эскадронного командира Е. В. Давыдова, которому Де-Прерадович сделал замечание за то, что квартирьеру дана лошадь, оседланная "опасным седлом", а также на квартирмистра А. И. Шепелева и на корнета Рагдена.

"Г. корнету Шепелеву делается выговор за то, что вчерашнего числа отпустил подводы с приемщиками в эскадроны, которые сего числа собрались уже поздно, и от сего должен был полк остаться без фуража..." "Г. корн. Шепелев с начала исправления должности квартирмистра часто бывал неисправен: команда его при сборе, в марше, при занятии квартир, при встрече полка и эскадронов всегда почти была неисправна и притом в безобразном виде; да и сам он мною был арестован на 24 часа за неформенную и неисправную одежду; а сверх сего, он должен знать, когда о том всякий в войске служащий ведает, что квартира первая и лучшая принадлежит старшему чиновнику, а как сие место занимаю я, и всегда квартира мне отводится не только не лучшая, но из худших. За все сии неисправности и небрежения арестуется на трое суток с исправлением должности. Если, паче чаяния... окажется в чем-либо малейше неисправным, помещена таковая его служба будет в кондуитном списке" (Кондуитный список (от фр. conduite - поведение) - здесь: список офицеров, подвергшихся дисциплинарным взысканиям).

"От Теплица к лагерю, по большой дороге, где не только беспрестанно ездят генералы российские и союзных войск, но часто главнокомандующий армиями и даже императоры и король изволят проезжать, сего числа следовали фуражиры одного полка в таком беспорядке и безобразии, что невозможно описать, (а только) заключительно сказать, что хуже никакого войско иррегулярное не может себя показать. За что, во-первых, делая выговор ныне за болезнь полк. Ершова командующему полком полк. Каблукову 1-му, рекомендую ему до прибытия Ершова командовать полком на основании предместников своих, прилежнее смотреть за всем обыкновенным порядком, но особенно строго взыскивая за малейшее упущение службы Е. И. В., в противном случае вынужден буду взыскивать с него с первого строжайшим образом. Гг. эск. командирам также рекомендую как фуражиров, так же и все команды, отделяемые от них, при отправлении наставлять, как им поступать в откомандировках, внушая, что таковые неисправные, как сего числа была, наносят полку нареkanie и даже бесчестие. Офицера, кто находился ныне при фуражирах, оштрафовать по рассмотрению командующего полком..." Офицер, ехавший с фуражирами, был Рагден, и Каблуков нарядил его на одну не в очередь фуражировку и предписал эскадронным командирам "строжайше наказать" унтер-офицеров.

К несущественным нарушениям дисциплины можно отнести случаи неисполнения требований, не имеющих значения для боевой службы войск или не исполнимых на походе. Так, например, ротмистр Колычев был арестован цесаревичем на неделю за то, что был встречен "в усах, когда запрещено оные носить кирасирам. Г-ну же полковому командиру (т. е. Де-Прерадовичу) делается замечание за несмотрение за гг. офицерами"; корнет Рагден был арестован цесаревичем на трое суток за то, "что вчерашнего числа (11 декабря) во время церемониального марша не салютовал королю Виртсбергскому", которого едва ли Рагден когда-либо до этого видел в лицо.

Телесные наказания для нижних чинов существовали, конечно, и в Кавалергардском полку, однако кулачная расправа офицеров с нижними чинами считалась предосудительной. *"Хотя вахмистры и находятся под командою полкового адъютанта, - читаем мы в полковом приказе, - но можно их прилично наказать (нарядом) на три дня. Г. полк, адъютант поручик Языков наказал одного из них при эскадронном командире, за что ему делается выговор с подтверждением, чтобы впредь одного никогда не могло случиться"*.

Отношение и к нижним чинам было патриархально-снисходительное, и строгость наказаний весьма умеренная. *"При сем препровождается... самовольно отлучившийся ряд. Мурсалимов, явившийся ко мне из отлучки, который лично мне объявил, что он сие сделал якобы от нападок вахмистра и частного (т. е. взводного) унтер-офицера. Предписываю сего ж числа исследовать, и коли действительно таковое притеснение ему, ряд. Мурсалимову, было, то его за самовольную отлучку пред всем эскадронном примерным образом розгами наказать и объявить приказом всего полка нижним чинам, чтобы, когда в самом деле от вахмистра или унтер-офицера оказываемая была какая несправедливость или жестокость, просили бы о том частного офицера и эскадронного командира, а не смели бы отлучаться. И буде по следствию окажется, что и подлинно он вахмистром и частным унтер-офицером был притесняем, наказать их, оштрафуя также за худое смотрение г. эскадронного командира и частного офицера"*.

По изгнании Наполеона из Германии в русской армии заметно особое усиление требований парадной стороны военной службы; ноябрь и декабрь 1813 г. были обильны смотрами и парадами.

Под давлением свыше Де-Прерадович отдает в приказах по полку: *"При смотре полка сего числа г. дивизионным командиром замечено, что некоторые нижние чины дурно сидели, и каски были не по людям пригнаны, за что и делается замечание гг. эск. командирам с подтверждением, чтоб впредь все сие было усовершенствовано наилучшим образом"*.

"Сего числа при смотре полка г.-л. Де-Прерадовичем замечены некоторые неисправности: вещи и амуниция не в надлежащей чистоте, а особливо медные и железные вещи, которые не только в параде, но и на походе должны быть всегда в наилучшей чистоте; много невычищенных также лошадей; надеется притом, что завтра эскадроны будут выведены в наилучшей чистоте и исправности во всех частях. А также усы у нижних чинов были сего числа против данного образца: у которых висят вниз, почему и рекомендуется оные уравнивать и впредь иметь всегда соответственно данной формы. Завтрашнего числа к параду иметь оные нафабранными".

Насколько чрезмерные заботы о внешности дурно отражались на сущности военного дела, можно видеть из нижеследующего бесхитростного приказа того же Де-Прерадовича: *"Замечено сего числа г. полковым командиром, что ряд. Купейников, из рекрут 1812 г., стоявший на часах, хотя и довольно исправен и знающий, но, к стыду, не знал не только полкового, но и эскадронного своего командира, почему и рекомендуется гг. эск. командирам учить нижних чинов, чтобы оные (знали) не только полкового и эск. командиров, но всех вообще в полку шт.- и об.-офицеров"*. В полтора года кавалерийского рекрута обучили проделывать ружейные приемы, но не научили знать эскадронного и полкового командиров и, конечно, не научили и стрелять из ружья. И здесь, как и вообще в жизни, мы видим, что обучение начинают не с существенного, а с модного.

Обращает на себя внимание число бежавших и особенно распределение их по годам. С марта 1812 г. и по октябрь 1814 г. из полка бежало 60 рядовых и 3 унтер-офицера, причем основное число побегов (более 50 чел.) падает на весну - лето 1814 г.

"Во время похода до своей границы, - говорит Муравьев, - у нас было много беглых во всех полках. Люди уходили, иные с лошадьми и амуницией. Зная трудное положение нашего солдата в России, это бы и не странно показалось, но удивительно то, что в числе беглых были старые унтер-офицеры, имеющие кресты и медали. Побегов всего более оказывалось в пехоте".

Гвардейские заботы

*Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе - покой, в устах - "ура!",
Пришла домой и отдохнула.*

Ф.Н. Глинка. "Стихи о бывшем Семеновском полку"

Не успели войска по возвращении в Петербург устроиться, как пришлось поспешно готовиться к походу: 4 марта 1815 г. пришло в Петербург известие о победе Наполеона с острова Эльба. Не ожидая распоряжений свыше, граф Милорадович или, вернее, начальник штаба гв. корпуса генерал-адъютант Сипягин приступил к ряду мер по подготовке мобилизации войск гвардии. Большим местом мобилизации были обозы и состояние лошадей, как строевых в кавалерии, так и подъемных во всех войсковых частях. Полки, вернувшиеся из Франции морем, продали свой обоз "при амбаркировке на суда" (*Амбаркация (фр. embarquement - погрузка, посадка) - погрузка войск на корабли (суда) с целью перевозки и выгрузка их в установленном месте (районе)*), другие же имели его далеко не в комплекте.

Между тем цесаревич предписал: *"При укомплектовании шести действующих эскадронов... имеющих выступить в поход, отнюдь не выбирать лошадей из запасного эскадрона лучших и не перемешивать слабых на хороших из одного эскадрона, ибо и сей последний должен быть точно в такой же исправности, как и действующие"*. Такое несообразное распоряжение само собою пало, ибо, как доносил Де-Прерадович, *"не только ныне при выступлении в поход... но еще по сформировании 7-го запасного эскадрона по необходимости составлен был оный из негодных лошадей... а с тех пор ниоткуда на перемену негодных в сии полки других не поступало"*.

Фельдмаршал Барклай при объявлении высочайшего повеления о дозволении нижним воинским чинам, выслужившим узаконенный срок, брать отставки и возвращаться на прежние жилища, предлагал им, не согласятся ли они остаться еще в службе нынешний поход. *"Предложение сие, - всеподданнейше доносил фельдмаршал 11 апреля, - имело значительный успех. По собрании окончательных сведений... я буду иметь счастье таким нижним чинам именные списки повергнуть в высочайшее благоусмотрение В.И.Величества, а ныне для различия от прочих нижних чинов осмеливаюсь просить дозволить дать им преимущество носить каждому на левом рукаве мундира, выше локтя, нашитый углом позумент; по окончании же похода... не благоугодно ли будет обратить годовое их жалованье в пенсион им, независимо от пенсионов, каковыми некоторые пользуются на знаки отличия Военного ордена и св. Анны"*. Государь утвердил этот доклад. (В Кавалергардском полку из числа 97 человек, подлежащих отставке, изъявило согласие поступить на сверхсрочную службу всего 8 человек.)

К 18 мая гвардия находилась "в совершенной готовности" к походу, и в конце месяца полки начали выступать из Петербурга двумя колоннами. Кавалергарды шли в первой колонне (князя Голицына) и выступили 29 мая в 8 часов утра, по отслужении на семеновском плацу молебна. 31 мая полк имел дневку в Гатчине, причем офицеры были приглашены вдовствующей императрицей на завтрак (в 11 часов) и обед (в 3 часа).

Юнкер Кавалергардского полка

Пройдя Гатчину, Де-Прерадович разрешил юнкерам ехать без кирас и в общем старался облегчить поход. Ввиду жары полк выступал в зависимости от величины перехода в 3-6 часов утра; эскадроны собирались на походе, причем головной эскадрон ежедневно менялся. 7 июля полк пришел в Полоцк, где имел дневку. С 10 июля стали ожидать прибытия цесаревича, и в приказе по полку было отдано: *"Предписывается всем гг. шт.- и об.-офицерам от сего числа и впредь всегда быть во фронте во всей форме, т.е. в касках и кирасах, а вне фронта - всегда в полуформе"*.

Несколько ранее полк был извещен о победе, одержанной 18 июня Веллингтоном и Блюхером под Брейн-ля-Леде (Ватерлоо).

24 июля кавалергарды вступили в Вильну; на другой день они выступили оттуда к Вилькомиру, в окрестностях которого были расположены 27-го числа на кантонир-квартирах. Поход в 900 верст полк совершил в 59 дней блестящим образом: бежавших не было; умерло нижних чинов двое, один оставлен по дороге в госпитале; лошадей пало 20.

Для сбережения подъемных лошадей Де-Прерадович прибегнул к героической мере: он предписал командующему полком вытребовать фураж на 20 строевых лошадей, сверх действительно состоявших налицо.

5 августа объявлен был высочайший указ, подписанный в Париже 16 июля. Государь благодарил гвардию за неизменное усердие и рвение к службе и приказывал войскам вернуться в Петербург. Одновременно с этим были приняты меры к воспрещению ношения офицерами штатского платья, что было поощряемо во время пребывания войск во Франции и допущено в Петербурге по возвращении гвардии из похода. *"Запрещается всем господам шт.- и об.-офицерам, - читаем мы в полковом приказе 25 июля, - не только носить партикулярное платье, но даже оное при себе иметь"*.

Н.Н. Муравьев пишет, что "в течение похода в Вильну произошло много поединков в гвардейских полках". Были ли они в Кавалергардском полку - мы не знаем; сохранилось только известие, что вследствие поединка с каким-то поляком М.С. Лунин вышел в отставку.

27 августа кавалергарды выступили в обратный поход на Динабург, Псков, Лугу и Красное Село, где 14 октября имели дневку. Из Красного офицеры ездили для поздравления вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Гатчину, а нижним чинам государыня пожаловала "за усердную службу, коей они при всяком случае себя отличали", мясную и винную порцию. 15 октября полк прибыл в Петербург.

Обратный поход был совершен менее благоприятно: нижних чинов умерло 6, оставлен в госпитале 1; лошадей пало 18 и пропало 2 строевых и 3 нестроевых.

В Литве и Белоруссии войска встретили мало радушия: крестьянское население, и без того вконец разоренное своими панами-поляками, не могло еще опомниться от погромов предыдущих лет; какие же чувства питало к нам польское дворянство, мы уже видели... Между тем были приняты меры к возможно меньшему обременению населения переходом войск. Только в Витебской губернии дворянство, "усматривая попечение, которое принимает белорусский военный губернатор герцог Александр Виртембергский к доставлению полных выгод проходящим гвардейским полкам", пожелало изъявить со своей стороны "глубочайшую признательность их трудам" и отпустило по чарке вина на человека. Кроме того, маршалы Режицкого и Люцинского поветов (*Маршал (губернский или поветовый) - в Польше предводитель дворянства; повет (в Польше, Литве) - уезд, округ*) представили прогоны за подводы, первый - в пользу казны, а второй - в пользу солдатских артелей.

1 декабря император Александр прибыл в Петербург. О прибытии государя граф Милорадович известил войска нижеследующим приказом:

"Радуйтесь, храбрые солдаты гвардии! Желание вате совершилось: государь император изволил прибыть вчера в столицу, украшенный оливною ветвью мира. Воины! Слава Господу, сохранившему нам царя, отца Отечества! Слава царю, даровавшему всеобщий покой Европе! Слава вам, споспешествовавшим смирить замыслы врагов! Радуйтесь, солдаты гвардии: государь ваш с вами! Ура!"

Придворная служба

Офицеры являлись благодарить государя при производстве в чин, пожаловании ордена и т.п. и приносили поздравления в день рождения и тезоименитства государя, при бракосочетаниях лиц царской фамилии, "с благополучным разрешением от бремени" и приезде в Петербург великих княгинь.

На придворные балы приглашались или все офицеры полка, или поименно; поименно приглашались кавалергардские офицеры только на эрмитажные балы, а на остальные приглашались все полковники, по три обер-офицера с полка, и все бывшие камерпажи вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Иногда приглашение передавалось словесно. Обыкновенно приглашение делалось от имени императрицы Марии Федоровны.

Придворная служба в царствование Александра I заключалась в нарядах: 1) на выходы; 2) на высочайшие балы и обеды; 3) для принесения поздравлений. Высочайшие выходы в церковь бывали каждое воскресенье и праздничные дни; церковной службе обыкновенно предшествовал развод, откуда прямо шли во дворец (Зимний или Таврический), в церковь. На выходах обязаны были присутствовать все офицеры, кроме новых должностных. В первый день Пасхи кроме выхода к заутрене был еще выход в 4-5 часов дня к вечерне. После заутрени все офицеры, по старшинству полков, подходили христосоваться с государем и великими князьями и к руке императрицы, великих княгинь и великих княжон. Во время выходов кавалергардские офицеры собирались в тех же покоях, где собирались и лица, имеющие "вход за кавалергардов". Иногда на первый день Пасхи был парад всем войскам.

Свитская служба

Число кавалергардских офицеров, переведенных в адъютанты, а равно адъютантов, зачисленных в списки полка с оставлением в адъютантской должности, было весьма значительным (с 1800 по 1824 г. в полк поступило по спискам 318 офицеров, из них 70 - адъютантами).

В царствование императора Александра I зачисление в списки полка с оставлением адъютантами бывало особенно часто. Объяснение этому надо искать в том обстоятельстве, что в зачислении в кавалергардские списки усматривалась некоторая награда, ибо перечислялись в Кавалергардский полк не только адъютанты, числившиеся в армейских частях, но и числившиеся в гвардейских полках, тем более что до 1816 г. "генеральские" адъютанты "из полков лейб-гвардии" носили мундиры тех же гвардии полков, "из которых кто в адъютанты поступил".

За период с 1800 по 1824 г. число офицеров Кавалергардского полка, переходивших на адъютантские должности, составило около 15 %. Значительный процент перехода в адъютанты может быть объяснен следующими обстоятельствами: 1) высоким образованием многих из кавалергардских офицеров и знанием ими иностранных языков, вследствие чего их охотно брали в адъютанты; 2) желанием участвовать в военных действиях в тех случаях, когда полк оставался в Петербурге; 3) родственными связями, протекцией и т.п.

Значительный процент за первую четверть XIX века особенно обращает на себя внимание потому, что император Александр I не жаловал штабной службы, "чернильных", по его выражению, офицеров, не любил "волонтеров" и преследовал "родственные" штабы.

Маневры

С самого начала царствования Александра Павловича были сделаны попытки ввести лагерные сборы в гвардии, но попытки эти были слабые, и на расположение войск лагерем надо смотреть почти только как на сосредоточение их для маневров. В 1801 г. по случаю похода в Москву маневров не было; в 1802 г. лагерь был устроен на Волковом поле, но не на всю гвардию, а части чередовались; кавалергарды же в этот лагерь вовсе не выходили, так как находились в Новой Деревне. В конце августа назначены были маневры у Красного Села, на которые полк выступил 21 августа. Маневры продолжались два дня и были прекращены по случаю дурной погоды. Дошедшие до нас документы, относящиеся как до этих маневров, так и до следующих, не только высокопоучительны в отрицательном смысле, но позволяют установить, что аустерлицким погромом мы обязаны не одним австрийским стратегикам вообще и Вейротеру в частности, но и самим себе: под Аустерлицем мы хотели проделать то же, что делали на маневрах под Красным и Петергофом, и получили за это надлежащее возмездие...

Однако и после Аустерлица в организации и проведении маневров мало что переменялось. Они даже проводились не каждый год.

По возвращении гвардии из-за границы в 1814 г. лагерные сборы ежегодно происходили под Красным Селом. Они почти всегда оканчивались в первых числах июля маневрами, продолжавшимися 2-4 дня. Маневрам предшествовали репетиции, или, как тогда говорили, "пример" маневра. В царствование императора Александра I кавалергарды приходили в лагерь к самым маневрам и после них тотчас же уходили обратно в Новую Деревню; располагались они обыкновенно в Бартошинской слободе, а в 1823 г. в Русском-Капорском. В дальнейшем (при императоре Николае I) продолжительность лагеря была вообще увеличена, но кавалергарды по-прежнему вступали в лагерь последними; из Новой Деревни они к 1 июля переходили в Петергоф, а оттуда 3-6 июля - в Красное Село и располагались в Павловской слободе.

С переходом войск в Красное Село высшее начальство старалось воссоздать там боевую обстановку, но это плохо удавалось. Причина этому заключалась, вероятно, в том, что одного приказания недостаточно для того, чтобы фикцию приняли за действительность, между тем как система лагерного обучения ничего общего с боевой обстановкой не имела.

Нижеследующие приказы дают понятие о маневрах того времени.

"За бывшие вчерашнего и сего числа маневры полку я отдаю полную мою благодарность всем эскадронам, а особенно 2-му дивизиону, который содержанием аванпостов в продолжение ночи перенес весьма большие труды".

"Е.с. командующий Южным корпусом ген.-ад. граф Ридигер приказать изволил, чтобы на маневрах во всяком случае атака производилась рысью и чтобы атакующая часть останавливалась непременно на расстоянии 100 шагов от атакуемой части".

Исключительное внимание в лагере обращалось на парадно-показную сторону. Те же разводы с "парадирующими" караулами и ординарцами, то же увлечение пешим строем. Мало того: кавалерийское начальство усиленно практиковало не только "9-рядные учения", но и пешие по-конному даже таких масс, как дивизии. Стремление создавать несуществовавшую боевую обстановку отзывалось на дисциплине: выезды офицеров из лагеря были до крайности стеснены, а это, в свою очередь, постоянно вызывало самовольные отлучки; против отлучек принимались репрессивные меры, которые, однако, не помогали.

Декабристы

*Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.*

А.С. Пушкин. "Евгений Онегин", X гл.

В середине октября 1820 г. в Петербурге случилось происшествие, известное под именем "семеновской истории". Здесь не место излагать это печальное событие, и мы сделаем это лишь постольку, поскольку оно коснулось кавалергардов.

Существует мнение, что происшедшее в Семеновском полку представляло "пробу возмущения" - репетицию 14 декабря 1825 г. Мнение это неверно. Ныне на основании всего "дела декабристов" должно категорически прийти к заключению, что не было ни постороннего ("фрачных людей") революционного влияния, ни революционного влияния своих офицеров. Семеновский бунт был явлением случайным, без всякого уговора или подготовки, это было исключительно внутренним делом полка. И потому видеть в семеновском бунте репетицию 14 декабря решительно нельзя.

Для усмирения семеновцев был вызван в числе других частей и Кавалергардский полк. Но усмирять никого не пришлось, так как семеновцы без сопротивления отправились в Петропавловскую крепость.

Понятно, что "семеновское происшествие" возбудило толки во всех слоях городского населения, и особенно среди военных. В одном из своих писем к князю Волконскому, находившемуся при государе Александре Павловиче на конгрессе в Троппау, командир га корпуса Васильчиков писал, что кавалергардские офицеры много болтают.

Чтобы прекратить эту болтовню, сочли нужным остановить в полку производство офицеров в очередные чины.

Васильчиков поспешил ответить в ответ на это: *"Я не могу согласиться с мнением, что останавливать производство в полку было бы средством прекратить болтовню; напротив, при настоящих обстоятельствах этим толки лишь увеличатся, так как наказание пало бы не только на виновного, но и на невиновного, что, конечно, произвело бы дурное действие; сверх того, все болтали и еще болтают, и я не хотел бы брать на свою совесть заверения, будто между кавалергардами более беспокойных людей, чем где-либо; эта вещь слишком щекотливая, чтобы не требовать наивеличайшей осмотрительности; неверное указание повлекло бы несоответствующие меры, и произвол во время брожения умов может иметь прискорбные последствия. Итак, я прошу как необходимую меру дозволить производство в Кавалергардском полку... Могу отметить только три личности, которые имеют репутацию болтунов: полковник Шереметев, ротмистр Кавалергардского полка Пестель (В. И. Пестель, брат декабриста П. И. Пестеля) и полковник Московского полка Корсаков, последний в особенности человек беспокойный. Так как трудно найти верные доказательства того, что они говорили, то, по моему мнению, необходимо сыскать предлог к их удалению; иначе переводом их без вины в армию придадим им вид новых "жертв самовластия", дадим повод к новым выходкам против произвола и злоупотреблений шпионства".*

Приказом по российской армии государь повелел раскассировать весь состав Семеновского полка и сформировать новый из других офицеров и нижних чинов. Приказ

этот "удивил весь корпус", полагавший, что государь не поступит столь строго со своим любимым полком, и прекратил неуместные толки, доходившие до того, что лейб-гренадер князь Мещерский обращался к кавалергардским офицерам с предложением подать адрес государю о помиловании семеновцев, что кавалергардами было отклонено.

Васильчиков, с одной стороны, находил, что "действие приказа было волшебное", что большая часть болтунов умолкла и через несколько дней "спокойствие было восстановлено", а вслед за сим шли настояния о немедленном возвращении государя. Растерявшийся корпусный командир доходил даже до обвинения гвардейских офицеров в нежелании идти в поход.

О кавалергардах Васильчиков писал князю Волконскому, что они спокойны; *"неудовольствие, о котором мне говорили, произошло вследствие экономического устройства обмундирования; я говорил об этом ген. Де-Прерадовичу, который все уладил"*.

Найдено было нужным "проветрить" гвардию, и в этой связи в начале апреля последовал приказ по гв. корпусу о выступлении в Литву и Белоруссию. Кавалергарды выступили 8 мая на Ижору, Тосну, Новгород, Старую Руссу, Холм в Торопец, куда прибыли 8 июня, сделав 497 верст в 35 дней. Придя в Торопец, полк расположился на квартирах в самом городе и по окрестным деревням. Поход до Торопца, несмотря на ужасное состояние дорог ("накатники") и в особенности мостов, был совершен благополучно; как и всегда, полковое начальство строго следило, чтобы солдаты не притесняли обывателей; так же, как и всегда, больным местом был обоз вообще, а офицерский в особенности. Чтобы упорядочить последний, пришлось отдать три приказа по полку, из них последний с угрозой "сожжения".

Чтобы составить себе понятие о существовавших тогда взглядах на воспитание кавалерии, достаточно привести нижеследующий приказ: *"Спустя два дня по расположении на кантонир-квартирах начать заниматься выправкой людей поодиночке; чрез каждые четыре дня делать легкие проезды"*.

В окрестностях Торопца кавалергарды простояли до 13 июля, когда были направлены, вследствие недостатка сена в Торопецком и Холмском уездах, в Усвят. В Усвят полк прибыл 23 июля. В Усвяте В.И. Каблуков, назначенный командиром кирасир Ее Величества, расстался с полком, и во временное командование кавалергардами "впредь до высочайшего повеления" вступил барон Арпс-Гоффен. Из Усвята полк в конце августа ходил в Юрованово на смотр главнокомандующего графа Ф. В. Сакена, откуда направлен был 5 сентября через Сураж, Витебск и Островну к Бешенковичам. 10 сентября полк расположился на квартирах по деревням близ Бешенковичей и начал готовиться к царским смотрам. Смотры эти состояли в общем параде 17 сентября и в маневре на другой день. Маневру предшествовали репетиции (11-го и 13-го) при помощи жалонерных унтер-офицеров (*Жалонер (фр. jalonneur) - военнослужащий, обозначающий линию построения войск, а также линию их движения на парадах и учениях*). Государь остался вполне доволен как смотрами, так и маневрами.

При выступлении войск в обратный поход витебский губернский предводитель дворянства Феликс Цехановецкий обратился к Де-Прерадовичу как командующему всей гвардейской кавалерией с письмом, в котором от имени витебского дворянства благодарил "за кроткое гг. штаб- и обер-офицеров с помещиками обращение и за миролюбивое воинов с поселянами обхождение. Не могло не видеть дворянство, что при расположении сих же гвардейских войск на кантонир-квартирах гг. командиры полков и эскадронов, единственно из уважения к расстроеному сей страны положению, старались облегчать жителей во всем том, что следовало по закону от земли, и в чем по необходимости нуждались войска. Таковое беспримерное внимание увеличилось тем более нынешней весною, когда даже по ощутительному недостатку крестьян в пропитании и несостоятельности

помещиков к содержанию их гг. генералы, шт.- и обер-офицеры благотворительностью своей вспомогали бедных жителей; многие же воины, следуя столь человеколюбивому примеру, уделяли также оным по возможности из собственного своего провианта".

Весной полк выступил на Великие Луки, Лугу, Гатчину, Графскую Славянку, куда прибыл 27 июня.

30 июня государь Александр Павлович делал полку смотр в Царском Селе, на софийском плацу, а затем полк, пройдя мимо дворца "у подъезда государыни императрицы", направился в тот же день в Новую Деревню.

...Известие о кончине императора Александра дошло до Кавалергардского полка холодным предзимним днем 27 ноября 1825 г.

14 декабря 1825 г. император Николай встал рано и, одевшись в мундир Измайловского полка, принял командира гвардейского корпуса генерала Воинова и затем в 7 часов вышел к собравшимся во дворце начальникам отдельных частей гвардии. Государь словесно объяснил им, каким образом "по неперменной воле цесаревича Константина Павловича" он находится ныне "вынужденным покориться его воле и принять престол". Затем государь прочитал манифест 16 августа 1823 г. и акт отречения цесаревича (*Манифест (долгое время остававшийся в тайне), которым Александр I завещал престол великому князю Николаю Павловичу в обход цесаревича Константина Павловича*). Получив от каждого уверение "в преданности и готовности жертвовать собой", Николай Павлович приказал им ехать к своим командам и привести их к присяге, о чем и донести ему. Командиры частей направились из дворца в Главный штаб, где принесли присягу. Из Главного штаба они разъехались по своим полкам.

...Кавалергардский полк едва не был взбунтован незаконным и бестактным поведением начальника дивизии А. Х. Бенкендорфа.

По получении манифеста граф Апраксин собрал к себе на квартиру дивизионных и эскадронных командиров и ознакомил их как с манифестом, так и с приложениями к нему. Затем полк был собран в полковом манеже, куда прибыл генерал Бенкендорф. Полковой адъютант прочел манифест и отречение Константина Павловича, после чего граф Апраксин не тотчас же предложил присягать, а дал время эскадронным командирам объяснить, в чем дело, офицерам и нижним чинам. Между тем эта проволочка не понравилась начальнику дивизии, который приказал: "Присягать без рассуждений". В рядах раздался ропот. Командир полка близко подошел к Бенкендорфу и, напомнив ему, что за принесение присяги полком отвечает он, командир полка, просил Бенкендорфа покинуть манеж. Бенкендорф уехал. Тогда Апраксин, сняв каску и подняв правую руку, клялся полку, что отречение Константина Павловича добровольное, что престол переходит к Николаю Павловичу по воле императора Александра, "нашего благодетеля", и, указывая на вензеля на своих эполетах, заклинал полк именем покойного императора исполнить его последнюю волю. Дав полку успокоиться, Апраксин обратился к полковому священнику с предложением приступить к присяге, и полк без всякого уже колебания принес присягу. Затем граф Апраксин поехал во дворец доложить государю о принесении присяги кавалергардами.

Тем временем *"явился ко мне, - пишет император Николай, - г.-м. Нейдгардт (нач. штаба гвард. корпуса) и, войдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал: "Sire! Le regiment de Moscou est en pleine insurrection... les mutins marchent vers le Senat" ("Ваше Величество! Московский полк в полном восстании... Мятежники идут к Сенату" (фр.))*. Государь приказал выводить 1-й батальон преображенцев, а Конной гвардии седлать, но не выезжать. Спускаясь "на собственный подъезд", государь, которого сопровождал лишь генерал-адъютант П. Б. Кутузов, встретил в передней графа Апраксина, велел ему ехать в полк "и сейчас его вести ко мне". На лестнице государь встретил Воинова в совершенном расстройстве и строго припомнил ему, "что место его не здесь, а там, где войска, ему вверенные, вышли из повиновения"; это было между 10 и 11 часами утра.

Между тем после присяги, окончившейся около 10 часов утра, Кавалергардский полк был распущен по казармам, и люди пошли обедать.

Император Николай I

Граф Апраксин, сознавая, что каждая минута дорога, решил вести полк к государю не в кирасах и имея лошадей оседланными по-манежному. Мало того, эскадронные командиры по мере сбора эскадрона вели их, не дожидаясь сбора всего полка. Выехал даже запасный эскадрон барона Фитингофа, который, не давая людям переодеться в мундиры, посадил их, как они были, в вицмундирах и фуражках, на коней и потому пришел ранее всех других войск. Увидя, что Конная гвардия выезжает в кирасах, имея лошадей оседланными по-походному и слыша от лиц свиты, что кавалергарды не по форме одеты, а лошади не по форме оседланы, Фитингоф поставил свой эскадрон сзади дома Лобанова (позднее канцелярия военного министерства) и стал поджидать подхода остальных эскадронов, которые на полных рысях проследовали по Миллионной на Адмиралтейскую площадь. К часу дня Кавалергардский полк был уже на Адмиралтейской площади.

"Мятеж усиливался: к печальной массе Московского полка прибыл Гвардейский экипаж и толпа гренадер... Видя, что дело становится весьма важным, и не предвидя еще, чем все кончится, - пишет император Николай, - послал я Адлерберга с приказанием италмейстеру кн. Долгорукому приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село".

Принц Евгений Виртембергский предложил атаковать мятежников кавалерией. Государь согласился. Начинало смеркаться, было уже 3 часа пополудни. *"Конная гвардия первая атаковала поэскадронно, но ничего не могла произвести и по темноте и от гололедицы, но в особенности не имея отпущенных палашей (т.е. наточенных палашей); противники в сомкнутой колонне имели всю выгоду на своей стороне... Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха".* Кавалерия не могла действовать - оставалось прибегнуть к артиллерии, т.е. к картечи.

Четырьмя картечными выстрелами мятежники были рассеяны...

Объявление герольдов о коронации Николая I

Государь лично распорядился преследованием бегущих и принятием мер предосторожности для обеспечения Зимнего дворца. Кавалергарды были поставлены: 1) четыре эскадрона и лейб-егеря на Адмиралтейской площади, у Гороховой улицы; 2) два эскадрона на углу дворца, вместе с 1-м батальоном измайловцев у Иорданского подъезда.

15 декабря государь объезжал войска, стоявшие у дворца, и благодарил их за службу. В тот же день последовал следующий высочайший приказ:

"Храброе российское воинство! Верные защитники царя и Отечества! Кого из вас не поразила страшная весть, погрузившая нас и всю Россию в горесть неописанную? Вы лишились государя, отца, благодетеля, сотрудника в подвигах бесмертных. Но да не унывают сердца ваши! Он свыше зрит на вас и благословляет плоды неусыпных трудов его об устройстве вашем. В самые дни горести вы, верные, храбрые воины, приобрели новую, незабвенную славу, равную той, которую запечатали вы своею кровью, поражая врагов царя и Отечества, ибо доказали своим поведением, что вы и твердые защитники престола царского на поле бранном, и кроткие исполнители закона и воли царской во время мира.

В знак нашей к вам любви и в вознаграждение по заслугам вашим вам, полки гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Финляндский, Литовский, Волынский, Павловский, Кавалергардский, Подольский, Кирасирский, Гусарский, Конноегерский, гвардейская артиллерия и лейб-гвардии польские полки Гренадерский и Конноегерский, жалую те самые собственные Его Величества мундиры, кои государь, ваш благодетель, сам носить изволил; храните сей залог, и да хранится он в каждом полку как святыня, как памятник и для будущих родов незабвенный. Да хранится всегда между вами, храбрые воины, священная память Александра Первого; да будет она страхом врагов, надеждою Отечества, залогом вашей верности и любви мне..."

Того же числа командир полка граф Апраксин произведен в генерал-майоры, а полковники С.В.Шереметев и Пав. П. Ланской пожалованы флигель-адъютантами. После объезда государем войск кавалергарды вернулись в казармы...

1 июня последовал указ о предании злоумышленников верховному уголовному суду.

Верховному уголовному суду преданы были 121 человек. Из числа привлеченных к следствию офицеров Кавалергардского полка подвергнуты были высочайшими приказами 15 июня, 5 и 7 июля следующим наказаниям в дисциплинарном порядке: поручик Горюжанин переведен тем же чином в Кизильский гарнизонный батальон, с выдержанием в крепости 4 года; полковник Кологривов переведен в Финляндский драгунский полк, с выдержанием в крепости 6 месяцев; корнет Свинын переведен тем же чином в Харьковский драгунский полк; корнет князь Вяземский - тем же чином в С.-Петербургский драгунский полк; корнет Васильчиков - тем же чином в Тверской драгунский полк, с выдержанием в крепости 1 месяц; корнет Арцыбашев - тем же чином в Таманский гарнизонный полк, с выдержанием в крепости 1 месяц, и корнет Де-Прерадович - тем же чином в Нижегородский драгунский полк.

Первое заседание суда состоялось 3 июня, а последнее - 11 июля.

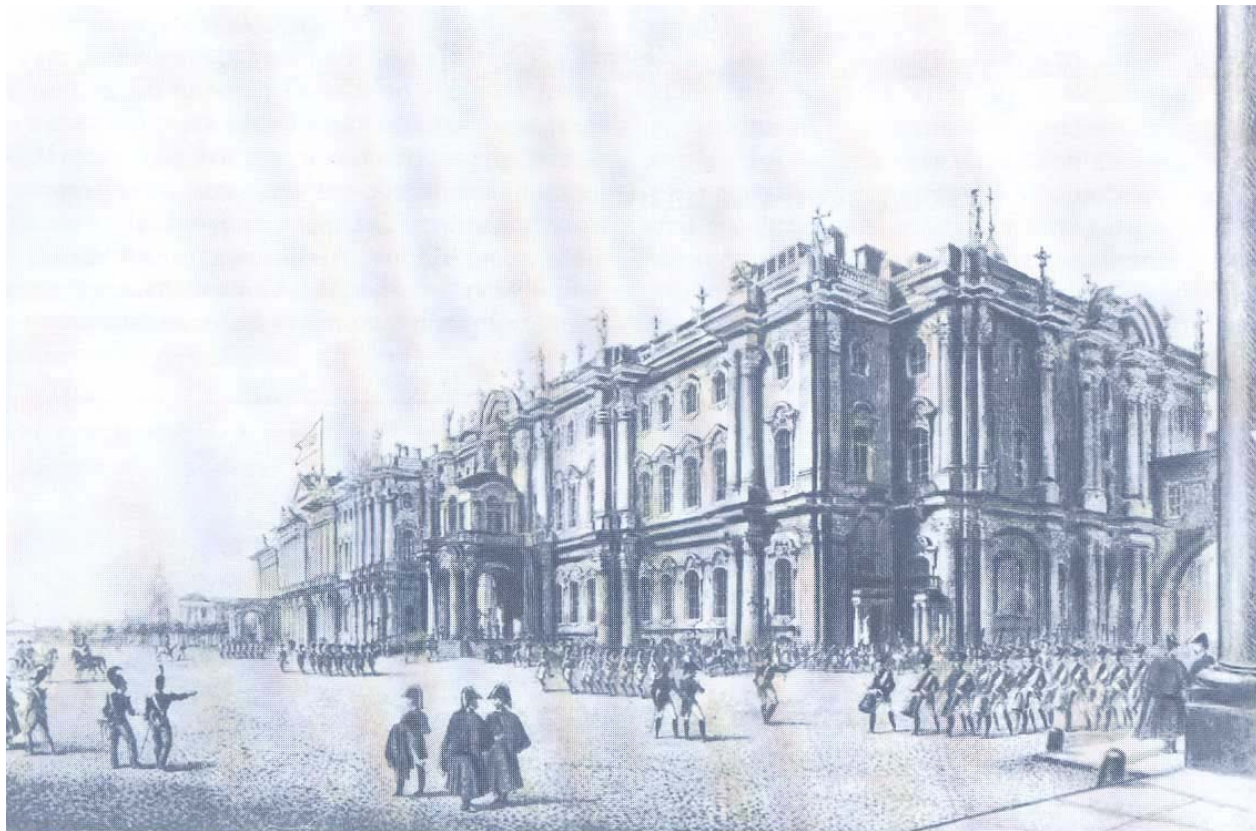
В дни заседаний суда от Кавалергардского полка наряжался к Сенату пикет в составе 1 офицера, 2 унтер-офицеров, 1 трубача и 24 рядовых.

Верховный уголовный суд приговорил поручика Анненкова, 24 лет, и корнета Сви-стунова, 23 лет, сослать "вечно в каторжную работу", корнета Муравьева, 23 лет, сослать в каторжную работу на 15 лет и ротмистра графа Чернышева, 28 лет, - в каторжную работу на 4 года (*Здесь перечислены только те офицеры кавалергардии, которые служили в полку на момент восстания. Ранее числившийся в полку П. И. Пестель казнен; бывших кавалергардов князя С. Г. Волконского, Ф. Ф. Вадковского, А. З. Муравьева "велено в каторжные работы"; различным мерам наказания были подвергнуты и другие бывшие кавалергарды, причастные к деятельности тайных обществ.*)

Государь смягчил 10 июля положенные судом наказания, в том числе Свистунову и Анненкову заменил пожизненную каторгу двадцатилетней; Муравьеву пятнадцатилетнюю каторгу - двенадцатилетней и графу Чернышеву четырехлетнюю каторгу - двухлетней.

12 июля верховный суд в полном составе отправился из Сената в крепость. Конный взвод кавалергардов сопровождал верховный суд.

Высочайшим приказом вышепоименованные офицеры исключены из списков полка.

Вступление внутренних караулов в Зимний дворец

13 июля в 4 часа утра назначено было исполнение приговора. Для присутствия при нем наряжены были два сводных батальона и два сводных эскадрона при четырех пеших и двух конных орудиях. Всем отрядом командовал генерал Воинов, пехотой - генерал Бистром, кавалерией - генерал Чернышев, артиллерией - генерал Сухозанет; 1-м сводным эскадроном в составе двух взводов кавалергардов, взвода Конной гвардии и взвода кирасир Ее Величества командовал граф Апраксин. Войскам приказано было быть готовыми к 3 часам утра.

Порядок казни был определен Дибичем следующий: вначале вывести под конвоем приговоренных к каторге и к разжалованию и поставить рядом против знамени. Конвойным оставаться при осужденных. Затем командовать "на караул" и пробить одно колено похода, после чего генералам, командующим батальонами, эскадронами и артиллерией прочесть приговор. По окончании чтения приговора пробить два колена похода и командовать "на плечо"; тогда профосам сорвать мундиры, кресты и преломить шпаги и все это бросить в приготовленные костры. По исполнении приговора отвести преступников в Кронверк. Затем уже взвести на вал приговоренных к смерти, при коих быть священнику с крестом. *"Тогда ударить тот же бой, как для гонения сквозь строй, докуда все это не кончится, после чего равнять (зайти) по отделениям направо и пройти оными местами и разойтись домой..."*

Приговор был суров, но обстоятельства требовали положить наконец предел разным "конъюнктурам", имевшим в течение целого столетия своим предметом престол Российской империи.

"Государь, ныне царствующий, - написал Пушкин, - первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышление о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать" (Намек на то, что захват трона нередко сопровождался физическим устранением коронованных правителей).

На другой день, 14 июля, все войска были собраны к памятнику Петра Великого, у которого в присутствии государя и императрицы Александры Федоровны совершено митрополитом "освящение Исаакиевской площади"...

Поход всей гвардии

*Царь наш - немец русский -
Носит мундир узкий.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!*

*К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев.
"Агитационные песни"*

Изнемогая под бременем тяжелого немецкого владычества, венгерцы, не желая быть онемеченными, восстали как один человек в защиту своей национальной самобытности. Правильная организация повстанцев, цельность действий, необыкновенное единодушие, обусловливаемое идейностью войны, довели австрийское правительство до такого положения, что оно принуждено было искать себе помощь извне.

В марте 1849 г. австрийское правительство обратилось к императору Николаю I с просьбою помочь усмирить венгерских мятежников русскими войсками.

Просьба была исполнена. Причинами этого было как желание охранить повсеместно принцип легитимности, так и опасение восстания в нашей Польше. Русские войска вступили в пределы Австрийской империи.

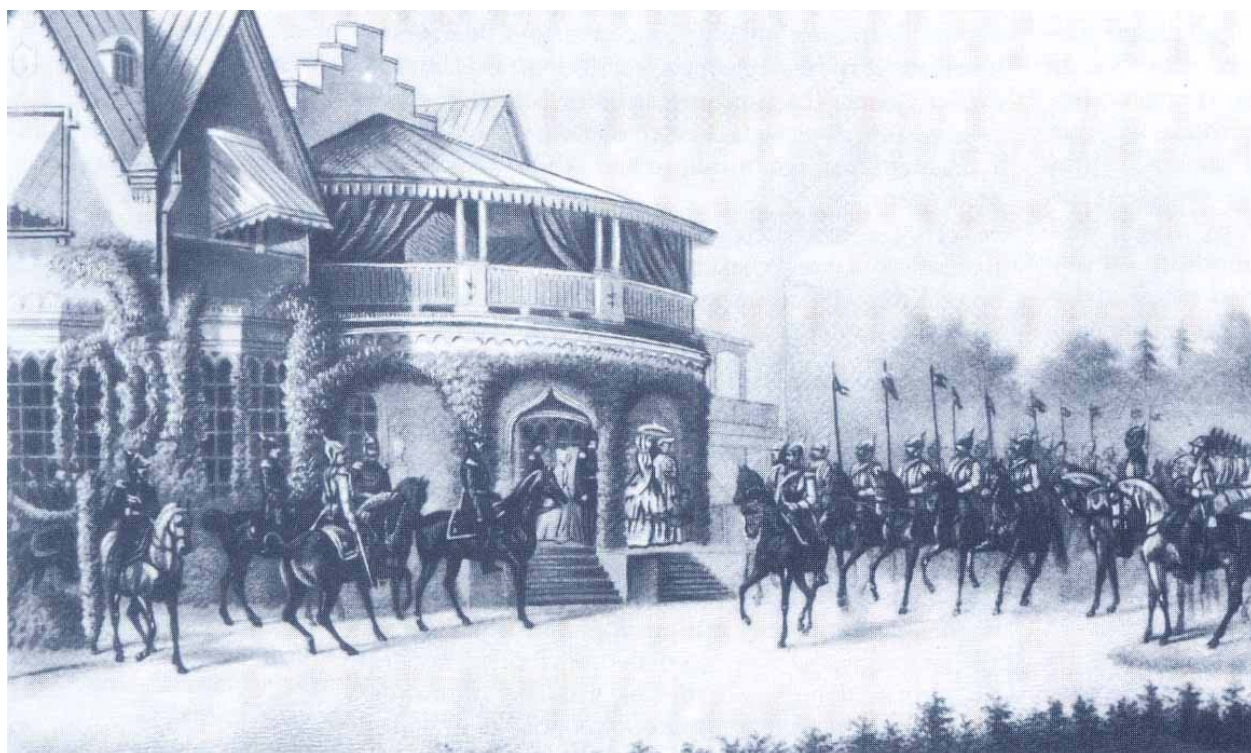
В числе мобилизованных войск была и гвардия. 23 апреля государь собственноручной запискою военному министру графу Чернышеву приказал приступить к мобилизации гвардии, а 26 апреля такой же запискою указаны были дальнейшие подробности мобилизации.

На другой день (27-го) полк получил по команде высочайшие повеления: 1) о приостановке увольнений офицеров и нижних чинов в отпуски и отставки; 2) войскам гв. корпуса начать движение к западной границе с 15 мая. Через два дня дошло до полка распоряжение о том, в каком количестве рядов идти в поход, а именно предписывалось при выступлении в поход "иметь в каждом действующем эскадроне: конных 16 унт.-оф. (кроме юнкеров) и 14 рядов (по двое в ряду) во взводах и пешех - 8 рядовых"; недостающее до этого комплекта число лошадей взять из ремонтных; всех остальных ремонтных лошадей взять также в поход, но иметь их "в заводу", без седел. Некомплект людей пополнить из

резервного эскадрона, "оставя, однако, в последних непременно 20 унт.-оф. и не менее двойного комплекта карабинеров" (т. е. 32 человека). Кроме 7-го резервного эскадрона учрежден был 8-й запасный (пеший) эскадрон. Дело полкового архива о мобилизации полка носит типичное для того времени наименование: "О доставлении разных сведений касательно выступления полка в поход". Из этого дела видно, что доставление разных - и по большей части мелочных - сведений стояло на первом плане; в "выступлении в поход" не видели дела спешного.

Войска были совершенно не подготовлены к военным действиям. Плац-парад и бой не могли иметь ничего общего, и увлечение первым, доходившее до экзальтации, не только отодвигало бой на задний план, но словно было забыто, что войска существуют только для действия оружием, а не как материал для живых картин военного жанра. Так было во всех частях гвардии и армии, так было и в Кавалергардском полку.

30 апреля состоялся обычный весенний парад на Царицыном лугу. На этом параде государь объявил поход всей гвардии.

Прохождение кавалергардов через Александрию

Через два дня после парада (3 мая) кавалергарды получили маршрут. Гвардейский корпус должен был совершить поход в двух колоннах: правая (генерал-лейтенанта Штрандмана) через Ригу в Гродно, левая (генерал-адъютанта Сумарокова) через Двинск в Брест-Литовск. 1-я кирасирская дивизия назначена была в правую колонну, причем от Риги дивизия должна была свернуть на Вилькомир к Минску, вокруг которого и расположиться на квартирах. Кавалергардскому полку назначен был г. Свенцяны. Через три дня (6 мая) маршрут был изменен: вместо выступления эшелонов через день высочайше повелено выступать ежедневно.

В гвардейских полках был значительный некомплект. В Кавалергардском полку не доставало до комплекта 11 обер-офицеров, 24 унтер-офицера и 73 рядовых, и потому командующий гвардией великий князь Михаил Павлович приказал: *"Все решительно команды полков и частей гв. корпуса, находящиеся в каких бы то ни было командировках, немедленно вытребовать к своим частям, кроме учебной барабанной команды"*. Но так как этой мерой некомплект не был пополнен, то великий князь приказал пополнить его

рекрутами, а так как все же оставался некомплект, то последовало высочайшее повеление доставить часть некомплекта из армейских кавалерийских полков и "отправить людей этих в С.-Петербург как можно скорее на подводах".

Поход был совершен без особых приключений. Высылались авангарды и арьергарды не для военно-полицейских целей, а словно боевые. "В отмену прежних правил" даны были новые правила относительно службы охранения. Воспитательное значение такого рода правил, конечно, было чисто отрицательное.

Театром военных действий была Венгрия, следовательно, до царства Польского, или по меньшей мере до Литвы, обстановка похода была мирная. Между тем высшее начальство непременно желало внушить войскам, что обстановка похода от самого Петербурга военная. Но представить себе то, чего не видишь и чего многие никогда не видели, превышает силу внушения. В результате было систематическое неисполнение приказаний начальства.

Последнее особенно легко проследить на ахиллесовой пяте всех вообще походных движений - на обозе, к тому же далеко не все приказания были продуманы: приказывалось сегодня одно, завтра другое, одно и то же то запрещалось, то разрешалось. Так, например, сначала повелено было взять в поход по одной артельной повозке на эскадрон, а 12 мая "высочайше дозволено" взять по две. Число офицерских повозок было точно определено штатами, но у офицеров (начиная с командира полка) оказалось лишних пятнадцать повозок. Великий князь, получив это известие, в приказе 12 июня предписал, *"чтобы число офицерских повозок при казенных полковых обозах было отнюдь не более определенного в утвержденной ведомости и чтобы повозки эти были предписанной формы и выкрашены желтой краской; все же излишние и не форменные повозки немедленно уничтожить, чтобы оные с обозом ни под каким видом не следовали"*.

В тот же день Михаил Павлович объявил генералу Штрандману нижеследующее предписание:

"Заметив при осмотре моем полков: Кавалергардского Ее Величества и лб.-гв. Конного, что число офицерских повозок было более определенного высочайше утвержденным положением от 20 апреля 1843 г., я тогда же сделал замечание за это в пр-ву... и вместе с тем приказал обер-вагенмейстеру полк. Штейну немедленно отправиться по пути следования полков гв. кирасирской и 1-й легкой кавалерийской дивизий и удостовериться, действительно ли при сих полках состоят офицерские повозки в определенном положении числе, а если окажутся излишние, то приложить к ним печати и уничтожить, чтобы таковые отнюдь с казенными полковыми обозами не следовали. Полк. Штейн... донес мне, что во всех полках означенных дивизий число офицерских повозок превосходило дозволенное положением, а в особенности в полках гв. кирасирской дивизии и лб.-гв. Гусарском; между тем как при осмотре моем полковых обозов во 2-й бригаде гв. кирасирской дивизии и в полках 1-й легкой кавалерийской дивизии офицерские повозки были представлены в числе, определенном положением."

За столь противные порядку службы и противосовестные поступки гг. полковых командиров предписываю объявить наистрожайший выговор как дивизионному начальнику и командующему дивизией, так и в особенности гг. полковым командирам, объявив им притом, что только на сей раз я ограничиваюсь таковым взысканием, но что за подобные поступки следовало бы сделать представление об отрешении их от командования частями; вашему же пр-ву объявляю строгое замечание за нераспорядительность в исполнении указанной вам прямой вашей обязанности."

Предписание это предписываю в пр-ву лично прочесть каждому из гг. дивизионных начальников, бригадных и полковых командиров..." (Вагенмейстер (от нем. *Wagen* - повозка и *Meister* - мастер, специалист) - адм.-хоз. должность в пехотных и кавалерийских полках; вагенмейстер отвечал за обоз, конский состав и упряжь).

16 июня начальство предписало "немедленно уничтожить" лишние повозки и иметь только форменные; через неделю (25-го) приказание это вновь подтверждено, "чтобы не

вести себя и начальство в большую неприятность". Почти все офицерские повозки оказались "не форменными"; заменить их форменными оказалось невозможным; лишние же повозки не были уничтожены ввиду того, что они принадлежат "семействам гг. офицеров... и с полковым обозом не следуют".

Между тем еще в мае великий князь Михаил Павлович приказал офицерам "иметь не только повозки, но и вьюки, дабы повозки можно было оставить без затруднения". 17 мая отдано было в приказе: "Его выс-во главнокомандующий изволил разрешить гг. офицерам гв. кавалерии завести походные вьюки по образцу, представленному его выс-ву от лб.-гв. Уланского полка". (Вьюки не были заведены и в августе; посему предписывалось, "чтобы те из гг. офицеров, которые не успели еще построить себе походных вьюков, непременно построили таковые в самом непродолжительном времени".)

Не зная, когда вернется гв. корпус в Петербург, большинство офицеров взяло с собою довольно большие суммы денег, вследствие чего в каждом городе, через который проходили войска, "были страшные кутежи". Говорили, что в Риге гвардейские офицеры выпили такое количество шампанского, какое прежде расходовалось в течение целого года; немалый доход доставили офицеры и разным увеселительным заведениям... На обратном пути кутежей было менее, "так как денег у офицеров поубавилось".

8 июля полк был в Риге, 18-го - в Поневеже, откуда, вследствие изменения дислокации для кирасирской дивизии, направлен был не в Свенцяны, а в Вилькомир, куда и прибыл 22 июля, сделав в 37 дней (при 14 дневках) 772 версты (средняя величина перехода равнялась 21 версте, наибольшая - 29 верстам, наименьшая - 12 верстам).

Польское дворянство "при всей внешней учтивости" замкнулось и чуждалось русских офицеров. "Искусителями и злыми демонами" офицерской братии стали еврей-факторы (*Фактор (от лат. factor - делающий, производящий) - здесь: лицо, занимавшееся торгово-снабженческой деятельностью*). Офицеры тотчас же очутились в еврейских руках. Факторы усердно устраивали гражданские браки офицеров с польскими "камелиями" самой низкой пробы и навязывали денег взаймы...

В Вилькомире кавалергарды простояли до сентября; а еще с августа начались занятия манежной ездой и пешим строем.

...28 августа скончался в Варшаве великий князь Михаил Павлович. Командующим гвардией и гренадерами назначен был 19 сентября наследник цесаревич великий князь Александр Николаевич.

2 сентября полк выступил (имея 12 рядов во взводе) обратно в Петербург через Шадов, Митаву, Ригу и Дерпт.

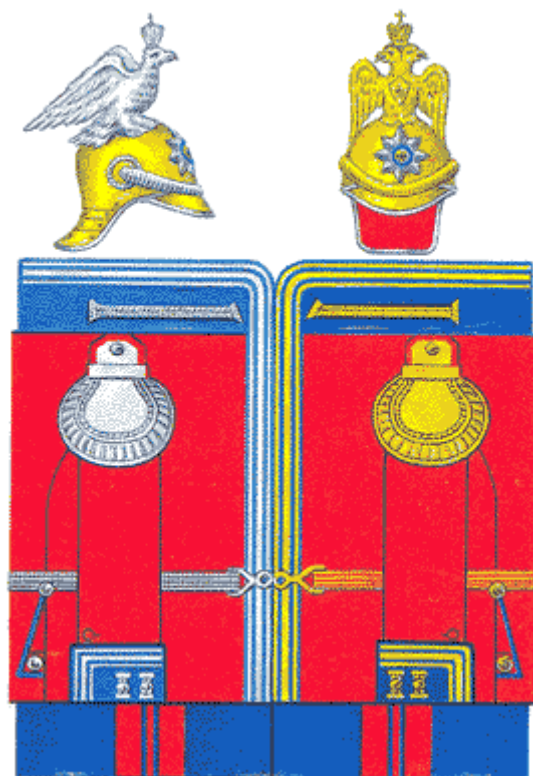
Последовал приказ наследника цесаревича при обратном походе "занимать войска действиями малой войны". Ближайшее начальство отнеслось к этому полезному распоряжению формальным образом; вместо двусторонних действий (если все дело не ограничивалось отпискою) эскадроны маневрировали, не имея перед собою противника. Между тем задания были такие: "открыть противника, скрытого за лесом", "обеспечить марш эскадрона... высылкою дальних партий для открытия неприятеля" и т. п.

Санитарное состояние полка, несмотря на холерную эпидемию, было отличное: с выступления полка из Петербурга и по 21 сентября (вступление в Ригу) больных было 2 офицера и 26 нижних чинов, из последних холерой - двое. Из всего числа заболевших умер один (первый случай заболевания холерой был 11 августа).

В общем, согласно воззрениям того времени, было немного дисциплинарных проступков офицеров и нижних чинов. Относительно офицеров наичаще встречаем небрежное несение обязанностей службы (следование команд без офицеров, самовольный отъезд на походе от эскадрона и т. п.). Меры взыскания часто доходили до двух недель ареста.

"На сегодняшнем смотру командующего корпусом, - читаем мы в полковом приказе, - полк. Кнорринг в то время, когда начальник дивизии равнял вверенный ему (т. е. Кноррингу) дивизион, занимался разговором, что поставляю ему на вид".

Наиболее распространенными проступками нижних чинов были пьянство и неопрятность в одежде (хождение "в портках" в городе, "в развратном виде, с расстегнутыми колетами", "безмерно неопрятно одетым" и т. п.). Мерами взыскания были разжалование и телесные наказания; последнее доходило (за повторное пьянство) до 300 ударов. За весь

Форма одежды кавалергардов

поход был один случай побега рядового, совершенный без умысла (напился пьян, заблудился по дороге и добровольно явился). Подсудимый был наказан 300 ударами без выписки в армию. С вступлением в Литву предписано было принять особые меры как "относительно наблюдения за нравственностью гг. офицеров и нижних чинов, так и особых предосторожностей".

Изобилие смотров с неизбежным "церемониалом" и многочисленными "репетициями оного", с почетными караулами, ординарцами и пр. показывает, что петербургская обстановка службы была целиком захвачена с собою в поход. Внезапных осмотров не полагалось, и, словно в Михайловском манеже, где громко провозглашался приезд начальства, и на походе вперед был известен проезд начальства. Затем обращает на себя внимание неустойчивость распоряжений командира полка; так, например, 23 июня генерал Безобразов отдал в приказе:

"Предписываю эскадронам иметь недоуздки на лошадях", а 8 июля он объявил полковому казначею "строгий выговор" и арестовал на трое суток фурштатского офицера за то, что "начальник дивизии изволил заметить, что на тройке лошадей, запряженных в провиантскую полковую телегу, были надеты недоуздки". Генерал Безобразов и вообще-то был весьма суеблив; эта черта его характера резко проявилась в походе. Затем поражает постоянная отдача в приказе по разным случаям таких выражений: "вопреки всем приказам", "вопреки всем словесным приказаниям", "несмотря на неоднократные приказания" и т. п. Между тем нередко приказания генерала Безобразова были до того необдуманны, что он сам их отменял.

По мере приближения к Петербургу буквально посыпались на полк бумаги, относящиеся до церемониала вступления в город. Нельзя обойти молчанием грустного факта, что были приложены все старания к тому, чтобы показать государю не то, что на самом деле представляют войска на походе, а то, чего они на действительном, а не красносельском походе представлять не могут. Начальство, видимо, находилось в нервно-возбужденном состоянии; мало того что предъявлялись едва ли военные требования, но предъявлялись и взаимно противоречащие; так, например, бригадный командир принц Гессенский предписывал (на основании "требования" начальника дивизии) иметь при полку "весь обоз с артельными и офицерскими повозками, всех нестроевых чинов и денщиков", а сам начальник дивизии Эссен предписывал денщиков "назначить с каждого эскадрона по два, которых в Красном Селе пересмотреть и сделать им расчет следования в обозе". Вместе с тем бригадный командир находил, что "у фурштатских и подъемных лошадей должны быть выстрижены как уши, так и ноги" (это в конце октября!), а генерал Эссен входил и в другие подробности; он предписывал: "Потников и подушек под седлами не иметь для лучшего седлания лошадей; на переходе из Красного Села до Петербурга правых пристяжных лошадей в обозе не закладывать, дабы сберечь их в своем виде и не были бы в поту, а заложить их у заставы". Что же касается до командира полка, то он ре-

шился на отдачу в полковом приказе следующего распоряжения: "Не получая до сего времени сведения, имеются ли форменные офицерские эскадронные повозки, долженствующие быть на смотре при вступлении в С.-Петербург, предписываю эск. командирам доставить означенное сведение с получением сего для того, если в каком-нибудь эскадроне повозки не имеется, то можно бы было заблаговременно вытребовать из С.-Петербурга".

Будь эти распоряжения сделаны фурштатским офицером, они были бы более или менее естественны, но так как они исходили от высших начальников, от генералов, то едва ли не должно прийти к заключению, что боевой организм армии во всю глубину был заражен "ремешковой" болезнью и что такая армия несла в самой себе свое поражение. Так оно и случилось: не прошло и пяти лет, как тяжелая расплата произошла на крымских полях сражений...

Хлопоты начальства о денщиках и лакеях пропали даром: государь смотрел полк 29 октября на Дворцовой площади без обоза. Суевливость начальства едва ли не была причиною неудачи смотра... Того же числа было отдано в полковом приказе:

"На высочайшем смотре сего числа государь император изволил заметить: полк на месте стоял дурно и не чисто был выравнен; этот недостаток относится к невниманию гг. офицеров, которые дурно равнялись. Держание пик не чисто и неправильно, на что наследник цесаревич изволил обратить особенное внимание. Неопрятность седлания и вообще одежды солдатской и нечистота лошадей. Невнимание большей части гг. офицеров во время прохождения церемониальным маршем: одни из них рысили и находились далеко от взводов, а другие проходили тупым и вялым шагом и таким образом задерживали свои взводы. В особенности же Его Императорское Величество изволил остаться недоволен неправильной посадкою некоторых офицеров, дурным выбором верховых офицерских лошадей и вообще совершенным отсутствием необходимого в гвардейском офицере щегольства".

Однако через две недели отдано было в высочайшем приказе монаршее благоволение командирам полка и дивизионов, а нижним чинам пожаловано по 1 руб.

По возвращении войск из похода наследник цесаревич приказал дать им двухнедельный отдых, но с тем, чтобы нижних чинов обучать пешему строю. 1 ноября последовало высочайшее повеление уволить в отставку "всех людей, дослуживающих 1 января 1850 г. 22 года службы", и "отпустить до 1 апреля 1850 г. нижних чинов, выслуживших 20 лет и более".

В начале ноября приступлено было к упразднению восьми запасных эскадронов, с обращением офицеров в действующие, а нижних чинов в 7-й резервный эскадроны.

Комплектование офицерами

В течение 1825-1849 гг. поступило в полк 153 офицера (среднее годовое поступление 6 чел.). Процентное отношение русских подданных к иностранцам было таким же, как и в предшествовавший период, т. е. иностранцы составляли менее 3 %.

Офицерский состав полка по племени и за этот период был таковой же, как и ранее, т. е. свыше 3/4 офицерского состава составляли русские, второе место принадлежит немцам, затем идут поляки (непоступление в полк поляков в пятилетие 1830-1834 гг. объясняется, вероятно, польским восстанием 1830 и 1831 гг.); грузин, французов и англичан было менее 1 %.

В среднем за данный период православные составляли свыше 81 %, а инославные около 19 %, причем протестантов было почти в два раза более католиков.

По образованию процентное соотношение следующее: окончившие Школу составляли более 46 %, Пажеский корпус - 21,5 %, Александровский лицей - 2,6 %; по 1,3 % падает на Артиллерийское училище, Институт путей сообщения и университеты; с домашним образованием было 25,5 %.

С учреждением Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров первое место переходит к ней, и непосредственное производство полковых юнкеров отходит на второе место. В среднем за период 1825-1849 гг. воспитанники военно-учебных заведений дают свыше 2/3 всего поступления офицеров; в частности, число пажей в два раза менее числа юнкеров Школы, а из числа полковых юнкеров лиц с высшим образованием (лицейстов и университетов) всего около 4 %.

Браки нижних чинов

Вступление в брак нижних чинов хотя и не поощрялось, но до 40-х годов ему и не ставилось особых препятствий; такое же отношение было и к переезду жен на жительство к мужьям в казармы. Закон как бы молчаливо признавал за нижними чинами не только право на совместное супружеское жительство, но и право на самое вступление в супружество. С 40-х же годов, не отменяя закона, т. е. не объявляя нижних чинов повинными безбрачию, начали стеснять как вступление в брак, так и переезд жен в Петербург. Причина этого распоряжения, по-видимому, происходила исключительно от денежных соображений: в 1839 г. установлен был определенный "комплект" семейных. В полковом приказе было от дано: *"Государь император высочайше повелеть соизволил: 1) тех женатых нижних чинов, которые ныне помещаются в казармах в излишестве против назначенного числа, из казарм не выводить, но привести в комплект по мере убыли; 2) на будущее время нижним чинам дозволяется жениться не иначе как с тем, чтобы семьи их, до открытия вакансии в казармах, оставались на вольных квартирах без всякой от казны платы"*.

Понятие о праве на брак стало все более и более заменяться понятием о браке как награде; вместе с тем стали требовать сведения о поведении невесты и о ее средствах к жизни.

В 1844 г. последовало новое высочайшее повеление "не дозволять в командах жениться или выписывать жен из родины сверх того, что в каждой части поместить можно", с тем чтобы "женатых, коих жены остаются на родине, преимущественно пред прочими увольнять в отпуск".

Но насколько легко было запрещать жениться, настолько трудно было препятствовать женам прибывать к мужьям. *"Командир 6-го эскадрона просит о помещении для жительства в казармах прибывшую с места родины жену рядового Михаила Усова, прибывшую сюда без его ведома. Предписываю поместить ее в казармы... На будущее же время гг. эск. командирам не входить с таковыми представлениями и вновь подтвердить нижним чинам, чтобы они не выписывали своих жен с места родины, согласно высочайшему повелению об этом, объявленному по полку в прошедшем 1844 г."*

Однако через год читаем в приказе: *"Приказами, отданными по полку, неоднократно было подтверждено высочайшее повеление о воспрещении нижним чинам выписывать жен из родины. Несмотря на это, ныне беспрестанно прибывают к ним жены с семействами, почему вновь предписываю... наистрожайше воспретить нижним чинам выписывать к себе жен из родины"*.

До перевода женатых в аракчеевские казармы особого наряда для наблюдения за порядком у женатых не было, но с переводом их в отдаленное от полка помещение генерал Гринвальд поручил надзор за женатыми полковому квартирмейстеру и ветеринарному помощнику. Дежурный унтер-офицер присылался на день из полка, а дневалили женатые нижние чины и проживавшие в казармах женщины.

"Дабы полезным быть для боя..."

*Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
Прямо на восток...*

М. Ю. Лермонтов. "Спор"

Судя по общему говору и "особенно по словам государя, сказанным на нынешнем выходе (1 января 1854 г.) генералам и кавалергардам, с припоминанием Кульма и Шампенуаза, судя по статейкам Греча в "Северной пчеле" и какого-то Беднякова в "Инвалиде", судя, наконец, по говору о наборе по 14 с тысячи - должна быть война", - записал в свой дневник очевидец.

Манифестом 11 апреля 1853 г. возведено было о занятии русскими войсками Дунайских княжеств. Манифест этот не возбудил энтузиазма.

Приведение на военное положение гв. корпуса в Восточную войну шло еще медленнее, чем в Венгерский поход: 4 января 1854 г. отдано было в полковом приказе о том, что последовало высочайшее утверждение расписания о сборе бессрочно отпускных нижних чинов; через два месяца (1 марта) офицеры и нижние чины 7-го резервного и 8-го запасного эскадронов были отчислены от полка. За эти два месяца полковая жизнь мало чем отличалась от обыденной мирной.

8 марта приказано было офицерам приобрести положенные пистолеты, а "эскадронным командирам сделать испытание в полковом манеже, не производят ли слишком сильной отдачи употребляемые ныне нижними чинами пистолеты и штуцера при стрельбе из оных боевыми зарядами".

Первый приступ к мобилизации полка следует считать 19 марта, когда поручик Задонский был командирован на две недели в Москву для покупки полковых подъемных лошадей, где им и было приобретено восемнадцать "отличнейших во всех отношениях лошадей".

В один и тот же день (13 апреля) отдано было в приказе "немедленно приступить к отточению палашей и заострить концы пик", для чего "непременно завтра доставить в полковую слесарню все палаша, сабли и пики", и назначена "репетиция церемониального марша".

15 апреля состоялся высочайший смотр 1-й бригаде гв. кирасирской дивизии, а затем приступлено к покупке подъемных артельных (по две на эскадрон, ценою по 100 руб.) лошадей.

Из опасения, что союзники произведут десант на Балтийском побережье, гвардия была стянута к морю. 1-я кирасирская бригада составила "стрельнинский отряд" под командой генерала Безобразова, выступила из Петербурга и расположилась в самой стрельнинской колонии и окрестных деревнях. Стоянка в Стрельне ничем не отличалась от обычной лагерной жизни в Красном Селе. За все нахождение полка в "стрельнинском отряде" встречаем один только приказ полкового командира, имеющий боевое значение ("чтобы атаки в карьер как взводами, так и эскадронами делались сомкнуто и стремительно"); остальные же напоминают о церемониальных маршах и даже "тихим" шагом, а не об атаках. 1 июня состоялось на стрельнинском плацу учение бригаде в высочайшем присут-

ствии. С 11 июня полк стал, по обычаю, готовиться к даче развода в Петергофе 1 июля. Начались пешая выправка поэскадронно и репетиции в стрелнинской колонии.

Цесаревич Александр Николаевич старался облегчить парадную службу войск и приготовить их к боевой службе, но можно проследить, даже по полковым приказам, что уступки боевым требованиям делались медленно и неохотно. Инициативе цесаревича офицеры обязаны были введением наконец походной шинели. До этого же офицеры имели только одни шинели, крайне неудобные для строя вообще, а для конного - в особенности, или же надевали сюртуки. И обыкновенная шинель и сюртуки резко отделялись и своим цветом и покроем от солдатских шинелей и способствовали увеличению потерь офицерского состава армии. 8 февраля состоялся смотр корпусного командира походным шинелям, для чего от каждого полка было послано по одному офицеру в таковой шинели. Прошел месяц; 5 марта цесаревич "одобрил образцы походной офицерской шинели" и приказал "гг. офицерам ныне же приобрести походные шинели".

15 апреля приказано было носить походную форму, во внутренний караул ходить без ружей (с палашами) и офицерам надевать "походные шинели, когда нижние чины бывают в шинелях на службе". Это приказание на другой же день было вновь подтверждено. Прошел месяц - последовало разрешение носить новые шинели "и вне службы", но не в столице; прошло еще две недели - разрешено было "носить и в столице во всякое время и вне фронта".

1 мая получено было нижеследующее предписание, которое отдано было в приказе по полку только чрез 1,5 месяца: *"Наследник цесаревич главнокомандующий, осмотрев на нижних чинах шинели с двумя карманами, пришитыми с внутренних сторон пол, для мелочных вещей, изволил изъявить соизволение, чтобы карманы эти были введены во всех войсках гвардейского и гренадерского корпусов, не требуя от казны за холст денег, а чтобы нижние чины сделали таковые собственным изданием, потому что они дозволены иметь собственно для мелочных вещей, как-то: трубок, табаку и прочее"*.

В 6 часов пополудни четыре великолепных полка стояли влево от шоссе из Петергофа в Петербург, недалеко от Стрельны. Полки занимали три фаса четырехугольника, четвертой стороной которого было шоссе. В назначенный час прибыл император в форме Конного полка, в каске и кирасе. Сев на коня, он въехал в каре. Музыка заиграла, штандарты склонились, и неумолкаемое "ура" грянуло навстречу обожаемому государю.

По переезде в Петергоф императрица Александра Федоровна изъявила желание, чтобы кавалергардские офицеры находились у обедни в церкви Петергофского дворца в праздничные и воскресные дни, и 13 июня отдано было в приказе по полку: *"Во исполнение высочайшей августейшего шефа полка воли предписываю, чтобы на означенных выходах находилось непременно по четыре офицера с каждого дивизиона, по назначению гг. дивизионных командиров"*. Увольнение офицеров по праздникам было ограничено одним полковником и по одному офицеру с эскадрона...

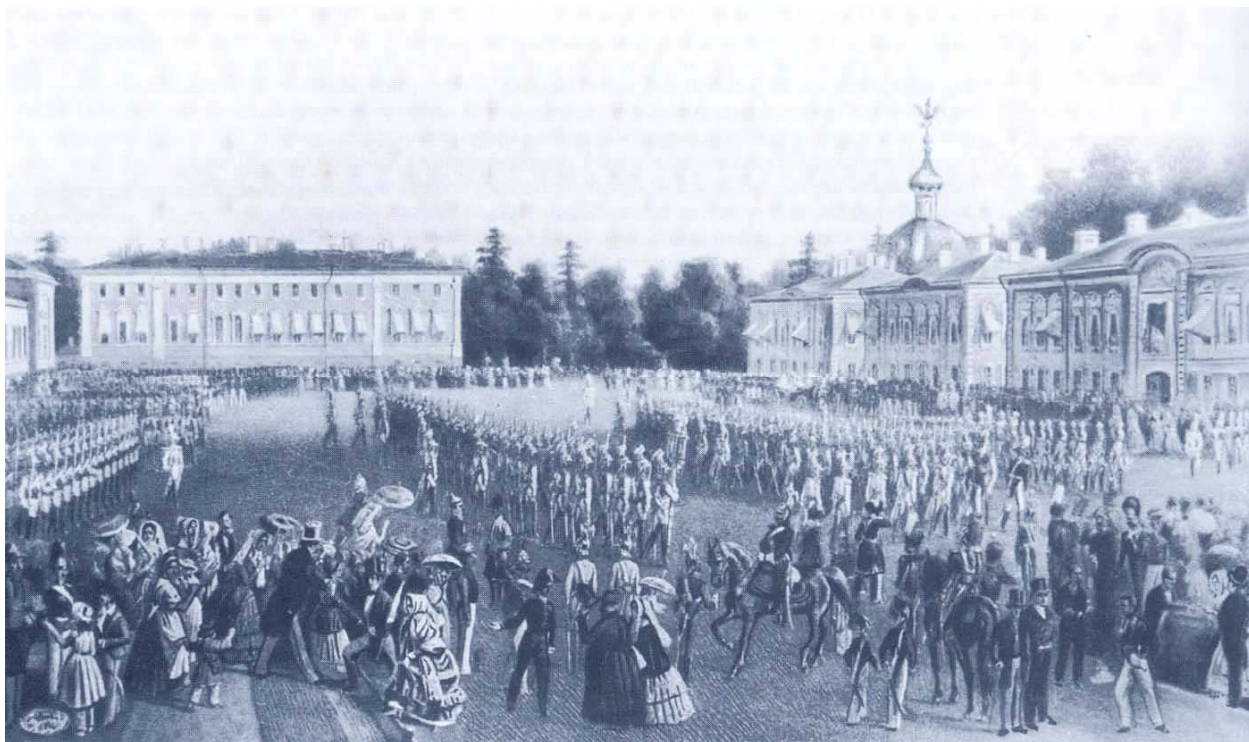
В конце июня явилось предположение направить гв. кирасирскую дивизию в Лифляндию, ближе к границе.

С 7 июля полк начал готовиться к походу. Из полковых приказов видно, что при этом главное внимание было обращено на церемониальный марш и на подбор флангов. Репетиции церемониального марша были ежедневны до самого высочайшего смотра дивизии в день выступления полка, 10 июля.

По поданному знаку поднялись опущенные палаши офицеров, музыка замолкла, и император объехал фронт полков, подробно их осматривая. Потом поскакал он в середину каре и могучим, далеко слышным голосом обратился к войскам. Как он говорил, свидетельствовали переполненные волнением и воодушевлением глаза воинов.

Император обнажил голову, все последовали его примеру, и в то время, как царствовала мертвая тишина, - он молился! Затем, приподнявшись высоко над седлом, он распростертыми руками благословил своих воинов, выступающих в поход, и заключил словами: "Бог в помощь, - а теперь проститесь с вашей матерью, вашей императрицей". Он

вынул палаш и провел войска мимо коляски императрицы. Императрица участливо кланялась то одному, то другому, называла некоторых по фамилии и протянула руку одному из кавалергардских вахмистров...

Развод Кавалергардского полка в Петергофе

Кавалергарды были направлены через Ропшу, Нарву и Иевве в Везенберг, куда и прибыли 30 июля. Но на другой же день был получен в полку маршрут движения к Брест-Литовску: угрозы десанта оказались пустыми, но зато приходилось считаться с явно неблагоприятным для нас сосредоточением на наших западных границах прусских и австрийских войск. 5 августа полк выступил из окрестностей Везенберга на Феллин, Вольмар и Венден; 9 сентября кавалергарды перешли Двину у Крейцбурга, 15-го были в Динабурге и 29-го в Вильне. В Вильне и ее окрестностях полк простоял до 25 октября, когда выступил через Сломим, Кобрин и Брест-Литовск в Бялу, где и расположился 12 ноября на зимние квартиры.

Поход был совершен вполне благополучно (12 августа был один случай заболевания холерой со смертельным исходом, но этим и ограничилось). Переходы делались каждым эскадроном отдельно, причем полковой командир назначал время, не ранее которого он позволял выступать; часы выступления были в августе не ранее 6.30, в сентябре 7.30; авангарды и арьергарды не высылались; с лошадей сняли пахвы и поперсья (*Пахва - нахвостник, ремень от седла, в который продевается хвост лошади, чтобы при движении седло не съезжало; поперсье - конский нагрудник*); предоставлено было на усмотрение эскадронных командиров разрешать ехать в коротких перчатках, но с тем, чтобы все нижние чины эскадрона были в одинаковых перчатках. Вместе с тем генерал Бреверн требовал, чтобы *"гг. взводные командиры были полными хозяевами их взводов, имея величайшее попечение о нижних чинах и строевых лошадях их взводов. Одним словом, они должны быть настоящими помощниками гг. эск. командиров"*.

В общем Бреверн не обращал, по-видимому, внимания на мелочи и требовал лишь необходимого и возможного: чтобы здоровье людей, тело и ноги лошадей были бережены и чтобы седловка была безупречная. Тем более следует это отметить, что начальник дивизии предъявлял самые неумеренные требования, а именно замечал, что *"гг. частные*

начальники не обращают должного внимания на то, чтобы во время похода нижние чины сохраняли правильную посадку, а так как не должно быть другой таковой, как та, которой обучают людей в манеже, то эту самую посадку нижние чины непременно должны сохранять во всех случаях и не сметь думать, что походное время дает им право опуститься в посадке и иметь оную самопроизвольную. Также замечено было, что не обращается должного внимания на правильность в седлании лошадей, кроме Кавалергардского Ее Величества полка. Каждый день выступления эскадронов должен быть день смотровой; частный начальник не должен себе позволять пропускать без внимания какого-либо отступления от правильной седловки лошадей".

Так двигался полк до середины сентября, когда стало известно, что цесаревич Александр Николаевич "проедет по тракту следования дивизии", и потому было приказано *"делать переходы не иначе как справа по три; на фланги отделений ставить людей с красивой и правильной посадкой и самых видных и сытых лошадей; непременно высылать от каждого эскадрона авангард и арьергард; пахвы и поперсыя иметь постоянно пристегнутыми; служителям офицеров быть в установленной форме, и чтобы волосы у них были острижены; на переходах пропускать эскадроны церемониальным маршем и в особенности обратить внимание на держание пик и палашией, на бодрый взгляд людей и на приветствие их".*

В Бяле и окрестных деревнях кавалергарды простояли до середины лета 1855 г. 20 июля полк выступил на Седлец, 27-го переправился через р. Буг у Нура и в первых числах августа направился через Ломжу на Августов и Мариамполь; переправился 22 августа через Вилию у Янова и 24-го вступил в Вилькомир. Поход в 488 верст полк сделал поэскадронно в 36 дней, из коих 10 дней. Часы выступления - 8 часов утра; пахвы и поперсыя были сняты; авангарды и арьергарды выслались при приближении начальства и тогда же производился церемониальный марш. В самом Вилькомире расположился штаб полка и по очереди один эскадрон; остальные эскадроны стояли разбросано по деревням кругом города.

Еще зимою, 18 февраля 1855 г., скончался император Николай Павлович. 26 февраля кавалергарды присягнули императору Александру II Николаевичу. 25 марта по полку было объявлено о выступлении не в Петербург, а в Москву, на имеющую быть там коронацию...

Новый дух не сразу проник до полка: 16 августа отдан был приказ по гвардейскому и гренадерскому корпусам, требующий боевого обучения солдат, а 18 октября командир гв. кавалерийского корпуса Пав. П. Ланской указывал, чтобы при обучении нижних чинов не только "в точности им руководствовались", но приступили бы к делу, "вникнув в смысл приказа этого, заключающего в себе все, чему солдат должен быть обучен, дабы быть полезным для боя". Хотя в приказе, дополнял его корпусный командир, "и не упомянуто особо о пешем выправке, но... дабы приготовить солдата к требуемым упражнениям с оружием и в прочих предметах, необходимо и ею заняться в такой мере, сколько нужно для кавалерийского солдата".

"Объявляю о сем для точного и непременно исполнения по полку, - писал граф Бреверн. - Делаю также известным по оному и выписку из приказа по корпусам за № 302, заключающего в себе следующее: согласно с высочайшей волею его с-во главнокомандующий требует, чтобы в настоящее время учили солдат преимущественно тому, что нужно для войны. Нынешняя война указала всю важность искусной стрельбы и одиночной развязной ловкости солдат.

Император Александр II

Для сего его с-во предписывает: при обучении кавалериста надо доводить одиночную ловкость и развязность его, а также умение владеть оружием до возможного совершенства, ибо удачная кавалерийская атака всегда оканчивается одиночным рукопашным боем. Чтобы быть уверенным в успехе атаки, надо, чтобы каждый всадник с уверенностью владел копьем и оружием и был свободен и ловок во всех движениях. Одерживает победу тот, в коем выше эти достоинства. Неповоротливый солдат будет изрублен прежде, чем схватится за оружие для обороны.

Все это его с-во повторяет не для формы, а чтобы напомнить, как необходимо настоящее приготовление солдата к бою, и поэтому какую важность его с-во придает этому существенному предмету, составляющему главное назначение солдата.

При обучении его с-во желал бы, чтобы постоянно имелось в виду объяснить солдату, чтобы он не гонялся за приемом, а, понимая цель удара, действительно и ловко наносил оный; чтобы обращено было особенное внимание развязывать человека во всех движениях, дать ему ловкость, чтобы в каждом его приеме видно было, что он понимает свое дело и совершенный в нем мастер. Особенно чтобы умел стрелять; в кавалерии учить стрелять сначала пешком, потом верхом на месте и, наконец, умеющих хорошо стрелять учить стрелять на скаку. Не оканчивать ни одного урока, пока он не принесет положительной пользы, не ограничивать ученья назначенным количеством пуль, а более успешным сокращать ученье; стрелять, пока обучающий не убедится, что урок принес пользу, приучать стрелка к оружию, если он уже начал верно попадать в цель. Стрелять надо каждый день, чтобы большая часть выучилась этому искусству; без практики самый опытный стрелок разучается..."

Следовательно, вопрос сводился к определению, сколько нужно для кавалерийского солдата пешей (т. е. одиночной) выправки. Вопрос этот, как увидим ниже, не получил коренного решения и в последующее двадцатипятилетие.

Комплектование офицерами

В период 1850-1874 гг. поступило в полк 211 офицеров (среднее годовое поступление 9 чел.). Иностранцев поданных не поступало.

По племени и вероисповеданию офицеров полка соотношение было следующим: русских (православных) - около 93,5 %, немцев (протестантов) - 4,5 %, поляков (католиков) и грузин (православных) - по 0,95 %.

Значит, за этот период офицерский состав, сравнительно с предыдущими периодами, был по крови и вероисповеданию еще более однообразен; отсутствие поляков с 1855 г. может быть объяснено как событиями, предшествовавшими польскому мятежу 1863 г., так и ближайшими его последствиями.

По образованию показатели такие: окончивших Школу – 36 %, Пажеский корпус - около 29 %, Александровский лицей - около 5 %, Артиллерийское училище - менее 0,5 %, университеты - 4,5 %, Академию Генерального штаба - более 2 %; по-прежнему большое количество – 23 % имели домашнее образование.

Средние цифры за данный период указывают, что 2/3 офицеров поступило из военных заведений, причем по-прежнему Школа занимает первенствующее место, но, в частности, за пятилетие (1870-1874 гг.) первое место переходит к Пажескому корпусу, и число пажей, вышедших в полк в это пятилетие, в два раза превышает число юнкеров Школы.

В период 1875-1899 гг. поступило в полк 145 офицеров (среднее годовое поступление 6 чел.). Иностранец поступил один.

Из средних чисел по племени и вероисповеданию усматривается, что в общем офицерский состав в последнюю четверть столетнего существования полка был столь же однообразен по подавляющему преобладанию русских и православных, как и в предыдущую четверть века.

Офицерский контингент четвертого, последнего, периода делится на две группы: 1) воспитанников военно-учебных заведений, поступивших в полк прямо офицерами, и 2) произведенных из вольноопределяющихся. Первые составляют почти 2/3 контингента, а вторые немногим более 1/3. Из военно-учебных заведений первое место принадлежит Пажескому корпусу, поступление из которого почти в 3 раза превышает поступление из Школы.

На долю вольноопределяющихся с высшим образованием приходится около 1/5 всего контингента, т. е. почти столько же, сколько на долю вольноопределяющихся со средним и домашним образованием, причем в два пятилетия (1885-1889 гг. и 1895-1899 гг.) вольноопределяющихся второго разряда вовсе не поступало.

Итак, за столетие поступило в полк 810 офицеров. Из них российских подданных было 799 человек и иностранных - 11. По племени эти 810 офицеров распределялись так: русских - 699 человек, немцев - 72, поляков - 24, греков и грузин - по 4 человека, армян, финляндцев, савойцев, французов, англичан, португальцев и сербов - по 1 человеку.

Суммарные данные указывают, что:

1) в первую половину столетия число офицеров нерусского происхождения было в 3 раза более, чем во вторую половину столетия¹,

2) наибольшее количество офицеров нерусского происхождения (64 чел.) было в первую четверть столетия, т. е. в царствование императора Александра I;

3) первое место среди офицеров нерусского происхождения занимают немцы, которых было в два раза более совокупности всех прочих офицеров нерусского происхождения.

По вероисповеданию православных было 708 человек, протестантов - 72, католиков - 28, армяно-григориан и англикан - по 1 человеку.

Значит:

1) лиц не христианского вероисповедания среди офицеров за все столетие не было;

2) по отношению вероисповедания офицерский состав еще более однообразен, чем по племенному составу, причем почти 9/10 его состава православные.

По образованию показатели такие: Пажеский корпус окончили 203 человека, Школу - 171, прочие военно-учебные заведения - 29, высшие гражданские учебные заведения - 62, средние учебные заведения и домашнее образование - 345.

Вышеприведенные данные указывают, что:

1) за столетие половину офицерского контингента составляли лица, получившие специально военное образование;

2) лица, получившие специально военное или высшее общее образование, составляли около 3/5 всего контингента;

3) первое место по числу выпустивших в полк воспитанников принадлежит Пажескому корпусу, второе - Школе; оба эти заведения дали свыше 9/10 всего числа воспитанников военно-учебных заведений.

В заключение укажем, что офицерский контингент за редким исключением принадлежал к дворянскому сословию и в подавляющем числе к русскому поместному дворянству.

Комплектование нижними чинами

До введения всеобщей воинской повинности основной способ комплектования полка нижними чинами оставался неизменен, т. е. перевод из армии по мере некомплекта в полку, а некомплект, в свою очередь, зависел главным образом от увольнения в бессрочный отпуск. Прямое же поступление рекрут в полк было более или менее случайно, и число таковых колебалось от 4 до 70 в год.

Так, с 1857 по 1874 г., в полк, вследствие все большего и большего фактического сокращения срока службы под знаменами, ежегодно поступало более, чем до Севастопольской войны; в среднем поступало около 210 человек в год.

С 1874 г., т. е. с введения всеобщей воинской повинности, основным способом комплектования делается поступление новобранцев. В среднем новобранцев ежегодно поступало по 250 человек.

Распределение всех поступивших в 1866-1900 гг. нижних чинов в полк по племени было следующим: русских - 84,4 %, поляков и уроженцев северо-западных губерний - 5,5 %, прибалтийских губерний - 8,6 %, северо-восточных финских племен - 1 %, татарских племен - около 0,1 %, евреев - около 0,3 %.

Общее число "русских" (великороссов, малороссов и белорусов) за период с 1866 по 1900 г. превышает 4/5 всего состава полка.

Число русских до введения всеобщей воинской повинности было почти на 10% выше среднего процента за весь рассматриваемый период; понижение процента русских произошло вследствие увеличения назначения в полк уроженцев прибалтийских губерний, поляков и уроженцев северо-западных губерний.

Поступление в полк инородцев финских племен начинается с 1871 г., но случаются года, когда их вовсе не поступает. Наибольшее поступление инородцев финских племен приходится на пятилетие с 1876 по 1880 г., причем в 1877 г. доходит до своего maximum'a (44 чел.); затем оно быстро падает до нескольких человек и с 1895 г. вовсе прекращается.

Татары представляют в полку элемент случайный: 1-2 человека в год, причем попадают ряды лет, когда татар вовсе в полк не поступает.

Причина этому - малый рост татарского населения империи.

Евреи комплектовали полк в весьма ограниченном размере, maximum (8 чел.) приходится на 1871 г. Евреи исключительно назначались на нестроевые должности.

Распределение поступивших в 1866-1900 гг. нижних чинов в полк по вероисповеданию было следующим: православных - почти 86 %, католиков - 4,7 %, протестантов - почти 9 %, магометан и евреев - 0,5 %.

Следовательно, нехристиан всего 0,5%. Из приведенных цифр усматривается, что процент православных (и старообрядцев) составляет почти 86, т. е. превышает процент "русских".

Следующую по значительности вероисповедальную группу составляют протестанты, затем идут католики, число коих почти в два раза менее протестантов; евреев в полку всего несколько человек; в некоторых годах бывает 1-2 магометанина.

Процентное отношение православных (и старообрядцев) несколько падает, начиная с 1875 г., и достигает в 1889 г. такой нежелательной цифры, как 73,7 %, т. е. менее 3/4 состава полка, затем процент этот с некоторыми колебаниями все возрастает и в 1899 г. достигает 85,2 %. Падение процента православных (и старообрядцев) объясняется, с одной стороны, повышением процента поступления в полк поляков и литовцев, а равно окатоличенных белорусов, а с другой - повышением процента поступления уроженцев прибалтийских губерний, огромное большинство которых принадлежит к протестантским верованиям.

История церкви св. праведных Захарии и Елизаветы

Полковая церковь заложена в 1752 г. по высочайшему повелению при новостроившемся Запасном дворе, "состоящем близ Невы реки, вверх Литейного двора", и освящена во имя св. Захарии и Елизаветы 3 сентября 1756 г. в присутствии императрицы Елизаветы Петровны. Каменная церковь эта была выстроена для низших служителей Запасного двора с приделом во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

В 1803 г. 20 июня высочайшим указом, данным на имя гофмаршала графа Н. А. Толстого, Запасный двор был отдан под перестройку казарм Кавалергардского полка.

Наружный вид церкви св. праведных Захарии и Елизаветы при переходе ее в ведение полка был очень незатейлив. Это была небольшая каменная церковь с деревянными куполом и колокольней. На церковной главе (куполе) и колокольном шпиге, обитых листовым железом, были вделаны кресты с "яблоками". Выкрашена была церковь белой, а крыша серой краской.

На колокольне висело семь колоколов, из которых большой весил только 47 пудов. Туда вела круглая лестница с двумя пробитыми в стене окнами. С колокольни можно было пройти на церковные хоры через створчатые двери.

Как в церкви, так и в приделе клиросы были отделены резной деревянной решеткой, покрытой зеленою краской. У клиросов стояли хоругви с выкрашенными в голубой цвет древками.

Окрашенный зеленым с золотистыми жилками иконостас был покрыт искусной резьбой, а карнизы с колоннами позолочены.

Приезд в полк августейших особ

Описанию придельного во имя св. Иоанна Богослова храма полезно предпослать следующее определение главной дворцовой канцелярии от 7 марта 1799 г.: *"При Запасном дворе в каменной церкви состоит придел во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в иконостасе которого святые образа писаны на атласе. Оный иконостас прислан из московской дворцовой конторы в 1754 г. и об нем сказано, что оный из походной церкви во имя воскресения Христова; в нем: царские двери 1, северные и южные 2, образов как в нижнем, так и в верхнем ярусе разных мер 28. Да из оною из иконостаса поставлены в разных местах - разного моления 54"*.

Существует предание, что эти иконы украшали походную церковь царя Иоанна Васильевича Грозного, присланную ему из Греции. Церковь эта находилась при царе во время его похода в Казань; до 1754 г. хранилась в московской Оружейной палате.

Служба в придельном храме продолжалась до ремонта (1855 г.), когда было решено для увеличения помещения церкви уничтожить придельный храм, причем его иконостас был пожертвован полком в новостроящуюся церковь села Долоцкого, Гдовского уезда, Петербургской губернии, в имени августейшего шефа полка императрицы Александры Федоровны.

Вход в церковь и ворота на полковой двор

Кроме того, при полку имеется еще походная церковь во имя св. архистратига Михаила. Церковь эта сопровождала полку во всех его походах 1805, 1807, 1812, 1814, 1831, 1849 и 1853-1855 годов.

Наружный вид большой церкви Кавалергардского полка все время оставался почти без изменений, тогда как внутренний подвергался частым переделкам. В 1834 г. усердием

командира полка Р.Е. Гринвальда, офицеров и прежних командиров Н. И. Де-Прерадовича и графа С. Ф. Апраксина церковь была отделана, перестроена и украшена многими ценными священными предметами.

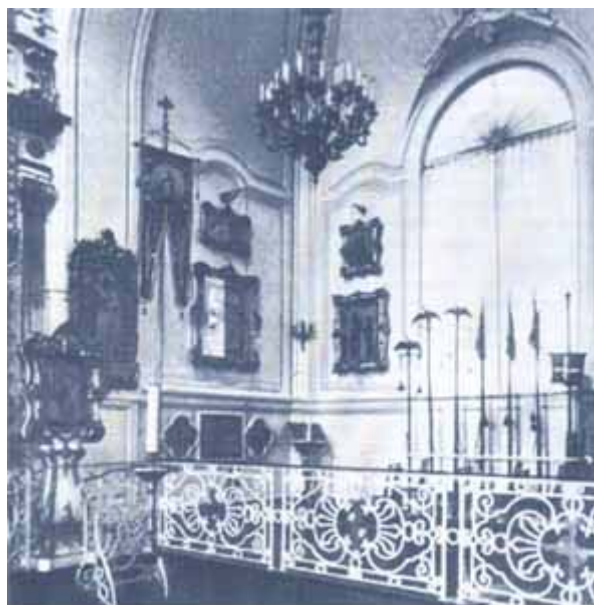
В 1830 г. при командире полка С. Д. Безобразове она была заново отремонтирована.

В 1855 г., по случаю исполнявшегося столетнего юбилея полковой церкви, было решено переделать и отремонтировать ее внутри и снаружи. Составление плана перестройки и сметы было поручено архитектору А. И. Штакеншнейдеру. В церкви были произведены следующие работы, совершенно изменившие внутренний ее вид: 1) сняты своды, на которых держался придельный храм; 2) сделаны малые хоры; 3) вместо каменного настлан паркетный пол; 4) кирпичные колонны заменены двумя гранитными; 5) иконостас возобновлен, исправлен и вызолочен; 6) реставрированы образа художником Прево. Работы производились под руководством академика архитектуры Циглера и под наблюдением ктитора церкви графа Н. А. Ламздорфа (*ктитор - церковный староста*), особенно ревностно относившегося к перестройке церкви. Вкладывая в это святое дело всю свою энергию, он добился того, что на такую большую и трудную работу было израсходовано всего лишь 14 157 руб. 60 коп.

Когда приближался столетний юбилей полка (январь 1899 г.), церковь после последнего ремонта уже успела прийти в ветхость, особенно деревянные потолки и колокольня. С одной стороны, эта причина, а с другой - желание увеличить храм вызвали разработку проекта капитальной перестройки его. Первую мысль о возобновлении храма подал протопресвитер А. А. Желобовский. В начале 1896 г. образована была комиссия в составе командира полка А. А. Гринвальда (председатель), полкового священника М. Лебедева, штаб-офицеров и эскадронных командиров. Делопроизводителем комиссии был назначен ктитор церкви поручик В. Н. Воейков.

Протопресвитер отец Желобовский (служивший в церкви Кавалергардского полка с 1869 по 1882 г.) принимал самое живое участие в работах комиссии.

Проект перестройки церкви, составленный профессором архитектуры Л. Н. Бенуа, был высочайше утвержден 21 февраля 1897 г. 24 апреля комиссия под председательством

Церковный клирос со старыми штандартами полка

нового командира полка А. Н. Николаева утвердила смету и постановила приступить к работам. Общее наблюдение за ходом дел было поручено строительной комиссии под председательством полковника Д. Я. Дашкова, а непосредственное ведение дела - ктитору Воейкову.

Наблюдение за ходом технических и художественных работ принял безвозмездно на себя профессор Л. Н. Бенуа.

Работы начались 25 апреля 1897 г. Средств у комиссии было очень немного, всего 2150 руб. церковных сумм, но благодаря щедрым пожертвованиям государя императора Николая II (6 тыс. руб.), августейшего шефа полка вдовствующей императрицы Марии Федоровны (4 тыс. руб.), бывших и находящихся на службе офицеров полка, а

также различных учреждений и частных лиц оказалось возможным израсходовать на перестройку церкви 180 990 руб. 92 коп.

Работа шла очень быстро. 16 мая была заложена колокольня, а уже в октябре на ней повесили новый "красный" звон весом 900 пудов. Колокола (числом 14) были отлиты на петербургском заводе Орлова, украшены орнаментами по модели скульптора Сала; часо-

вой же колокол вылит в 1754 г. весом 47 пудов 30 фунтов, с изображением императрицы Елизаветы Петровны.

14 ноября 1897 г. окончены были капитальные работы, и в неотделанной церкви для совершения богослужения была поставлена походная церковь. В апреле 1898 г. снова было приступлено к работам по отделке здания с целью закончить их к юбилею полка.

Для увеличения церкви были пристроены выступы с южной и северной сторон, удлинена западная сторона, алтарь и ризница увеличены, устроены удобные входы: в алтарь, церковь и особый, с северной стороны, для полковых дам. Проведено водяное отопление. Реставрирован, с поправкою позолоты, иконостас. В церкви и алтаре сделаны паркетные полы, а в остальной части каменные.

К юбилею полка церковь была совершенно закончена и 14 января 1899 г. освящена протопресвитером А. А. Желобовским, в сослужении протоиерея И. Ил. Сергиева (Кронштадтского), настоятеля церкви протоиерея К. И. Добровольского, бывшего полкового священника М. Лебедева и многочисленного духовенства.

На освящении присутствовали государь император Николай II, августейший шеф полка вдовствующая императрица Мария Федоровна, высочайшие особы, дипломатический корпус, лица государевой свиты, бывшие командиры полка, старослужилые кавалергарды и весь полк в полной парадной форме.

Коронация Николая II

*Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...*

А. А. Блок. "Возмездие"

Велик был соблазн подробно рассказать обо всех коронационных торжествах, в которых участвовали кавалергарды. Красочные описания всех этих празднеств сохранились в полковой летописи, однако ритуал этот весьма схож и может утомить современного читателя. Вот почему, начав повествование рассказом о первом появлении кавалергардов в России, мы заключаем его описанием коронации последнего русского царя.

С апреля месяца 1895 г. полк начал свои приготовления к предстоящей коронации. Опыт коронации 1883 г. (Александра III) указал, что, ввиду участия всего наличного состава полка в коронационных торжествах, годичный срок может быть достаточен только при усиленной работе.

3 апреля 1896 г. началась коронационная служба кавалергардов: в этот день состоялся перевоз императорских регалий из Зимнего дворца на станцию Николаевской железной дороги. В конвой назначен был сводный эскадрон (по два взвода от 2-го и 3-го эскадронов), по 15 рядов и при 3 унтер-офицерах во взводе, при 4 трубачах, а для следования по сторонам шести карет, вмещающих регалии, - 12 унтер-офицеров (от эскадрона Ее Величества и 4-го). Эскадрона командовал ротмистр Е. И. Бернов; в строю находились: перед 1-м взводом - поручик А. Н. Безак и корнет М. А. Толстой; перед 2-м - корнет князь А.

Н. Долгоруков и А. И. Арапов; перед 3-м - поручик А. П. Червин и корнет князь М. А. Урусов; перед 4-м - корнет Д. М. Княжевич и граф П. М. Граббе. За вахмистра сводного эскадрона был вахмистр 3-го эскадрона Киреев.

"Общая картина поезда, когда он выровнялся в одну линию на прямом, как стрела, Невском проспекте, была великолепно. Парадные, запряженные цугом придворные кареты с верховыми форейторами, предшествуемые верховыми чинами конюшенного ведомства, расшитые золотом мундиры придворных, участвовавших в процессии, и ярко-красное с золотыми позументами одеяние многочисленной прислуги - все это, словно купаясь в ярких лучах весеннего солнца, переливало всеми цветами радуги и ослепительно сверкало. В окна карет ударяли лучи солнца, огромные бриллианты корон загорались, игра бриллиантов отражалась на золотом шитье мундиров - это было поистине ослепительное зрелище.

Впереди ехали трубачи-кавалергарды, за ними два взвода кавалергардов в блестящих мундирах, затем кареты с придворными чинами... Далее следовали кареты с регалиями; по два кавалергарда ехало по сторонам каждой кареты, а два взвода кавалергардов замыкали кортеж".

**Члены императорской фамилии в мундирах гвардейских полков;
император Николай II – в мундире Кавалергардского полка**

27 апреля в 5 часов утра полк слушал напутственный молебен на полковом дворе и в тот же день четырьмя эшелонами выступил из Петербурга. На станциях Любань, Мал. Вишера, Окуловка, Бологое, Спирово, Тверь и Клин к приходу военных поездов был заготовлен кипяток. Горячую пищу, приготовленную по нормальной раскладке, но с фунтом мяса на человека, люди получили в Чудово. Хлеб же (и ложки) люди имели с собою из Петербурга. В Москву полк прибыл 28 апреля и расположился в хамовнических казармах, где сумцы встретили кавалергардов хлебом-солью, приготовив товарищеский обед.

Администрация Московского лицея любезно пожелала, по примеру основателя лицея М. Н. Каткова, вновь широко открыть двери заведения для размещения офицеров в его гостеприимных стенах. Большинство офицеров заняли отдельные комнаты верхнего этажа, в которых живут студенты старших курсов. Командиру полка и некоторым женам офицерам отведены были квартиры в бельэтаже; офицерская артель поместилась также в лицее, так что лучшего нельзя было бы пожелать. Директор лицея В. А. Грингмут

был столь предупредительно любезен, что разрешил далее построить в саду лица отдельный барак для офицерских упряжных лошадей и экипажей.

Вечером 9 мая Их Императорские Величества переехали из Большого Кремлевского дворца в Александрийский, государь император и государыня императрица Александра Федоровна приступили к говению.

В последующие три дня - 11, 12 и 13 мая - состоялись "торжественные объявления о дне священного коронования Их Императорских Величеств", для чего от полка назначалось по дивизиону, с полным хором трубачей, литавщиком и по два трубача (отдельно от хора) с серебряными трубами, украшенными золотой парчой, с изображением государственного герба.

В первый день дивизион с трубачами прибыл к Кремлевскому дворцу к 8 часам утра и по принятии литавр взводом от 2-го эскадрона собрался к 9 часам утра в Кремле, на площади между арсеналом и казармой, где, поступив в распоряжение начальствующего генерал-адъютанта А. Д. Столыпина, перешел на площадь перед зданием Сената и там построился развернутым фронтом, имея хор трубачей и литавщика на правом фланге. Двое трубачей с гербовыми трубами (вместе с двумя трубачами от лб.-гв. Конного полка) стали позади начальствующего генерала перед серединой фронта. По приказанию, данному начальствующим генералом, герольды подняли жезлы, и по сему сигналу трубачи трубили сбор, по окончании коего прочтено было объявление, причем господа офицеры салютовали. После этого хор трубачей играл народный гимн.

"Блестящий кортеж, зубчатые стены Кремля, замысловатая архитектура храмов, рыцарские доспехи кавалергардов, заводные лошади, покрытые шитыми тяжеловесными золотыми попонами с громадными двуглавыми орлами, трубачи и трубы, украшенные парчой, наконец, несметная толпа народа - представляли живописнейшую картину и переносили вас воображением к давно минувшему времени...

Прекрасны были кавалергарды и конногвардейцы в своих белых мундирах, в блестящих на солнце кирасах и золотых и серебряных приборах с рельефными орлами на касках. Превосходные лошади, блестящее вооружение, молодежавый вид людей и минуты торжественного ожидания - все это невольно импонировало толпе, которая все возрастала и к 9 часам положительно загрохотала площадью".

За сим весь отряд направился через Спасские ворота на Красную площадь к памятнику Минина и Пожарского в следующем, указанном в церемониале, порядке: хоры трубачей Кавалергардского и лб.-гв. Конного полков впереди дивизиона кавалергардов, следовавшего повзводно. За дивизионом кавалергардов - четыре трубача с гербовыми трубами, кои предшествовали обоим герольдам.

На Красной площади весь отряд построился прежним порядком, и по прочтении объявления с той же церемонией генерал-адъютант Столыпин разделил его на две равные части. В состав первой части назначены были два эскадрона кавалергардов с хором трубачей и литавщиком под командой генерал-адъютанта князя Н. Н. Оболенского. Шествие открывалось шестью заводными лошадьми, за которыми шел 1-й эскадрон повзводно, имея впереди хор трубачей и литавщика, за ним два трубача с гербовыми трубами, кои предшествовали герольду. Далее ехали два церемониймейстера, обер-церемониймейстер, командующий генерал-адъютант, секретарь Сената; 2-й эскадрон, повзводно же, замыкал шествие.

По прибытии к месту, назначенному для объявления, оба эскадрона строились во фронт, имея на обоих флангах по три заводных лошади; два трубача с гербовыми трубами впереди фронта и позади командующего генерал-адъютанта. Затем объявление прочитывалось тем же порядком.

Одновременно с объявлением герольдами о коронации в полку поспешно оканчивали последнюю пригонку "выходного" обмундирования. Необходимо было проверить обмундирование не только нижних чинов, но и большинства офицеров, так как многим из них впервые пришлось надеть супервесты, лосины и ботфорты.

10 мая в приказании по полку было отдано: "Завтра в 9 часов утра его пр-во командир полка изволит произвести осмотр обмундирования гг. офицеров, в котором они будут в день коронации, т. е. пригонку супервестов, лосин, ботфортов и амуниции (мундиры могут быть надеты старые); для сего всем гг. офицерам, кроме полковников, эскадронных командиров и офицеров, участвующих завтра в строю с герольдами, собраться к означенному времени в лицейской столовой. Всем гг. офицерам, в коих завтра обмундирование не будет осмотрено, собраться в той же столовой в воскресенье 12 мая к 9 часам утра".

В прошлую коронацию не принято было в соображение, что кавалергардам придется находиться в Кремле с 3 часов утра до 4-5 часов дня. Вследствие того что нижние чины оставались все это время без пищи, с некоторыми из них в 1883 г. сделалось дурно (мы уже излагали выше, что вспомнили об этом обстоятельстве только тогда, когда государыня императрица сооблаговолела узнать, накормлены ли ее кавалергарды). Ныне полк сам заранее принял меры, почему по соглашению с дворцовым ведомством было отведено особое помещение, куда заблаговременно были доставлены пироги с рисом и бочонки с красным вином; тут же находились и полковые врачи.

Еще днем 13 мая все обмундирование нижних чинов было доставлено в отведенное для переодевания их особое помещение в арсенале. К 9 часам вечера в здание Сената, где было отведено помещение для одевания офицеров, доставлено их "выходное" обмундирование.

В 3 часа утра весь полковой наряд, собравшись у хамовнической полицейской части, одетый в белые (старые) мундиры, в касках с орлами, при амуниции, отведен был через Боровицкие ворота в арсенал. Там уже нижних чинов ждали штабс-ротмистр Ф. Н. Безак и капитан Ф. Ф. Лумберг со всеми нестроевыми. Началось одевание. Если принять во внимание, что лишь некоторые люди эскадрона Ее Величества изредка надевают "выходную" форму, что форма эта такого свойства, что без посторонней помощи ее невозможно надеть, весьма понятно всеобщее волнение, охватившее всех и каждого. "Полк удостоился на прошлой коронации особого царского "спасибо"; как-то покажется теперь?" - вот что у каждого было на душе.

С 6 часов утра стали подходить из Сената в арсенал офицеры. По мере одевания они выводили людей во дворец, благодаря чему уменьшилась толкотня в арсенале, и к 7 часам все кавалергардские наряды стояли в Кремлевском дворце на своих местах.

Наряды эти были следующие.

1. Внутренний караул - в Кавалергардском зале от эскадрона Ее Величества в числе: унтер-офицера, трубача, ефрейтора и 25 рядовых, под командою поручика А. И. Звезгинцова. Караул выставил парных часовых у дверей в Екатерининский зал.

2. Пеший взвод - в Александровском зале от эскадрона Ее Величества в 16 рядов, при 5 унтер-офицерах и 4 трубачах со штандартом, под командою штабс-ротмистра П. М. Каткова.

3. Хор трубачей с литаврщиком на дворцовой террасе, смежной с Андреевским залом, при полковом адъютанте штабс-ротмистре графе Г. Г. Менгдене. Литавры находились на подставках.

4. Четыре извода, в составе 2 унтер-офицеров и 24 рядовых каждый, для участия в шествии в Успенский собор:

а) взвод от 2-го эскадрона, открывавший шествие, встал на помосте около Красного крыльца;

б) взвод от эскадрона Ее Величества, следовавший перед Их Величествами, - в Андреевском зале;

в) взвод от 4-го эскадрона, шедший за Их Величествами, - в Андреевском зале;

г) взвод от 3-го эскадрона, замыкавший шествие, - в Екатерининском зале.

5. Шпалеры: 18 офицеров и 106 нижних чинов, под командою штабс-ротмистра маркиза А. А. Паулуччи, расположились следующим порядком:

- 1-я пара в Александровском зале у дверей в Андреевский зал;
- 2-я пара в Александровском зале у дверей в Георгиевский зал;
- 3-я пара в Георгиевском зале у дверей в Александровский зал;
- 4-я пара в Георгиевском зале у дверей во Владимирский зал;
- 5-пара во Владимирском зале у средних колонн;
- 6-я пара во Владимирском зале посередине шпалер;
- 7-я пара во Владимирском зале у дверей в святые сени;
- 8-я пара в святых сенях у дверей во Владимирский зал;
- 9-я пара в святых сенях у дверей на Красное крыльцо.

На всем вышеуказанном пути между офицерами расположены были, парами же, нижние чины.

6. На часы в Успенский собор:

- а) к трону (две пары - старшая и младшая);
- б) к дверям собора (северным и южным).

7. В Грановитую палату - во время трапезы Их Императорских Величеств:

- а) на часы внизу ступеней трона по обеим сторонам его (впереди старшая пара, позади - младшая);
- б) "для сбереженья кушаний" (четверо).

8. Почетным стражем к особе государя императора - командир кавалергардов генерал-майор А. А. Гринвальд.

9. Для предоставления возможности нижним чинам, не находящимся в наряде, видеть торжество коронавания назначено было от полка 5 унтер-офицеров и 1 рядовой.

Утром 14 мая московские улицы представляли необычайный вид. Все лавки заперты, нигде не видно ни экипажей, ни пешеходов. Вся жизнь как бы отхлынула от города и вся прихлынула к его центру, к Кремлю; тут, на священной вершине его, билась она с удвоенной силой. Сотни тысяч народа занимали кремлевские площади и стояли вокруг его стен. Это было сплошное море голов.

"Площадь между соборами ярко облита светом майского солнца, пестреет красным сукном помостов, золотом мундиров, роскошным разнообразием одежд. Начиная от Благовещенского собора и кончая церковью Двенадцати апостолов, площадь охватывает полукружием широкий амфитеатр трибун с местами для зрителей. Между Красным крыльцом и Благовещенским собором также устроена трибуна. Невысокие перила окаймляют красный от сукна путь торжественного шествия. Между перилами, в свободном пространстве, море голов народа занимает всю правую сторону площади кремлевских соборов, считая от Архангельского".

В Кремле строились войска: кирасиры, казаки собственного Его Величества конвоя, лб.-гусары и лб.-уланы становились разреженными рядами по пути торжественного шествия, а за ними шпалерами становились полуроты и взводы разных частей.

У Красного крыльца собрались кавалергарды, участвующие в процессии. От Красного крыльца до южных дверей собора стали конногвардейцы с обнаженными палашами.

Ровно в 7 часов утра загудел колокол Ивана Великого, и с Тайницкой башни загремели пушки. Один за другим раздавались 21 выстрел, и по всей Москве разлился могучий звон колоколов. И звон и пальба известили Москву, что в Успенском соборе началось молебствие о здравии и многолетию царя и царицы.

В собор стали собираться лица, назначенные в разные должности при совершении торжественного обряда священного коронавания; в 8 часов 30 минут прибыли в собор придворные дамы. "Была необыкновенно красивая картина, когда одна за другой дамы проходили на свои места. Русский костюм дам как нельзя более идет к русским лицам; русский головной убор, украшенный драгоценными камнями, придает лицам мягкое, полное прелести выражение".

Затем прибыли представители духовных иноверческих исповеданий.

Через несколько минут в собор вошла и заняла свои места свита, прибывшая с принцами. Это было действительно блестящее собрание.

В 8 часов 45 минут прибыл и дипломатический корпус. "Шествие открылось дамами; тут белые платья, блеск бриллиантов, золотое шитье, разноцветные мундиры дипломатов... Взоры всех обращались и к трону: там безмолвно и неподвижно стояли на ступе-

нях четыре кавалергардских офицера с обнаженными палашами и касками в руках".

Между тем из здания Грановитой палаты вынесли балдахин вдовствующей императрицы Марии Федоровны и поставили внизу Красного крыльца.

К 9 часам окончилось в Успенском соборе молебствие, и верховный церемониймейстер с золотым жезлом, пройдя через площадь, поднялся по Красному крыльцу во дворец известить министра императорского двора, что часы в соборе уже прочтены (*Имеется в виду чтение установленных в данное время псалмов, стихов, молитв*). Министр доложил о том государыне Марии Федоровне. Государыня, в порфире и короне, вышла из внутренних покоев с великими княгинями и великими князьями, сопровождаемая придворными дамами, и направилась в Успенский собор...

Зрителям на трибунах кремлевских площа-

Тарелка с изображением кавалергарда-литаврщика

дей представилась первая великолепная картина шествия. "Прежде всех спустились с Красного крыльца два церемониймейстера с жезлами, а за ними как бы полился вниз на площадь золотой поток придворных; лился он, казалось, бесконечно в берегах живых людей, шпалер войск, неподвижно, как гранит, стоявших вдоль пути до собора, держа "на караул".

Мерно звонил колокол Ивана Великого, и звон его громче стал слышаться, так как гул народной толпы стал стихать.

В 10 часов началось царское шествие. На дворцовую площадку спустился взвод "статных молодцов кавалергардов в сияющих с орлами касках, белых мундирах и красных супервестах, с серебряной Андреевской звездой на груди". Два церемониймейстера с жезлами открывали собой нескончаемую процессию представителей русских волостей, городов, земств и дворянства, "в лице которых государю предшествовала на пути к месту священного коронавания вся Россия". За представителями земской Руси шли представители первопрестольной Москвы и чины министерства императорского двора; за ними - депутаты казачьих войск в мундирах и черкесках; за ними - длинные ряды губернских предводителей дворянства с их ассистентами, открывавшие собою часть процессии из высших гражданских чинов; почетные опекуны, сенаторы в своих красных, расшитых золотом мундирах; министры и члены Государственного совета следовали друг за другом, точно раззолоченные звенья громадной цепи, втягиваясь в собор...

Появились два коронационных обер-церемониймейстера с золотыми жезлами, верховный церемониймейстер с высоким жезлом, сиявшим большим изумрудом, - войска взяли "на караул", забили барабаны, разлился по Кремлю звон колоколов. Предшествующие двумя герольдами и великанами унтер-офицерами роты дворцовых гренадер высшие сановники государства несли императорские регалии. Когда шествие с императорскими регалиями приблизилось к собору, навстречу ему вышло снова высшее духовенство. Ми-

трополит киевский Иоанникий окадил регалии фимиамом, а митрополит московский Сергей окропил их святой водою.

Едва присутствовавшие перевели глаза от пышной картины встречи регалий к Красному крыльцу, как наверху показались, за взводом кавалергардов, гофмаршал, обер-гофмаршал и верховный маршал с золочеными жезлами.

Внимание народа достигло в эту минуту высшей степени напряженности; все взоры обратились к Красному крыльцу в ожидании появления императорской четы. Словно море заколыхался народ...

Вдруг грянуло громоносное стотысячное "ура". Подхваченное густыми необозримыми толпами народа, оно пронеслось по всему Кремлю, перекатилось через стены его, загремело на Красной площади, громовым откликом отозвалось вдоль берегов Москвы-реки. Все находившиеся на дворцовой площадке оркестры военной музыки грянули народный гимн "Боже, царя храни". Под звуки этой "молитвы за царя", при этих неумолкаемых, восторженных приветствиях государь император и государыня императрица появились на площадке Красного крыльца и тихо начали спускаться со ступеней его, Предшествуемые взводом кавалергардов, гофмаршалом, обер-гофмаршалом и верховным маршалом с жезлом. Позади Их Величеств шли ассистенты великие князя Михаил Александрович, Владимир Александрович, Сергей Александрович и Павел Александрович, далее министр двора, военный министр, командующий императорской главной квартирой, дежурство и командир Кавалергардского полка генерал-майор А. А. Гринвальд с обнаженным палахом. Позади шли четыре статс-дамы и свитные фрейлины Ее Величества.

Сойдя с Красного крыльца, государь и государыня изволили встать под золотой балдахин, поддерживаемый тридцатью двумя генерал-адъютантами; вслед за тем Их Величества медленно направились к южным дверям Успенского собора, на паперти которого стояло духовенство со всеми митрополитами во главе.

Шествуя под балдахином, милостиво и приветливо раскланиваясь на все стороны, при торжественном колокольном звоне, восторженных, неумолкаемых, все более и более возраставших криках народа, государь император и государыня императрица приблизились к паперти Успенского собора.

Генерал-адъютанты, несшие балдахин, остановились. Крики, музыка и колокола смолкли; повсюду воцарилась благоговейная тишина. Их Величества по ступеням паперти поднялись к южным дверям собора. Здесь, у входа в храм, встретил Их Величества митрополит московский Сергей и обратился к ним с прочувствованною речью. С пристальным вниманием прослушав прекрасную речь святителя московского, благоговейно приложившись к поднесенному им петербургским митрополитом Палладием кресту, окропленные святой водою киевским митрополитом Иоанникийем, государь император и государыня императрица вступили в Успенский собор в предшестве архиереев и прочего духовенства и при пении певчими царского псалма "Милость и суд воспою тебе, Господи".

Вступив в собор, Их Величества со своими ассистентами приблизились к царским вратам и совершили троекратное Господу поклонение; затем, приложившись к местным иконам Спасителя и Богоматери, Их Императорские Величества взошли на тронное место. Архиереи, архимандриты и прочее духовенство, участвовавшее в служении, стали по обе стороны от ступеней тронного места до царских врат; особы же, участвовавшие в шествии, заняли заранее назначенные для них места на троне и ступенях его.

Когда все вышепоименованные особы заняли свои места, древний всероссийский храм Богоматери представлял удивительно торжественное зрелище. Высоко поднимались между четырьмя исполинскими церковными столпами широкие, обтянутые алым сукном ступени, ведущие к верхней площадке тронного места, на вершине которого под балдахином восседали на прародительских престолах императорская чета и вдовствующая императрица Мария Федоровна. По обеим сторонам этой спускавшейся к царским вратам великолепной лестницы стояли в роскошных, шитых золотом мундирах придворные чины,

кавалергарды и герольды. Далее до царских врат тянулись два ряда высшего духовенства в новых золотых облачениях. На клиросах стояли придворные певчие в полном составе в живописных парадных кафтанах.

Встреча Их Величеств Николая II и Александры Федоровны духовенством на рундуке Успенского собора в Кремле

Вдоль южных и северных стен поместились в русских костюмах со множеством бриллиантов и драгоценных камней придворные дамы и дипломатический корпус в блестящих мундирах различных наций. Направо и налево от тронного места стояли за золотой решеткой на особых площадках члены августейшей фамилии, иностранные принцы и высшие военные чины в блестящих золотом и орденами мундирах. Наконец, у западной стены храма, составляя как бы фон этой дивной картины, стояли сенаторы, главные начальники всех учреждений Российской империи и представители русского дворянства. "А надо всем этим блестящим собранием возвышались старинные своды величайшей святыни нашей, немого свидетеля исторических событий, с золотым иконостасом, расписанными ликами святых на колоннах, освещенными ласковыми лучами весеннего солнца, ярким огнем роскошных паникадил, лампад и свечников, богато украшенных золотом, жемчугом и драгоценными камнями".

По бархатным ступеням возвышенного амвона тихо поднялся удрученный годами, но еще бодрый митрополит Палладий петербургский. "Како веруеши?" - спросил митрополит. "И громогласно, торжественно, осенив себя крестным знаменем троекратно, как верный сын и заступник церкви, произнес вслух символ православной веры благочестивейший государь, проникнутый до глубины души тем, что исповедовал устно, и каждое его слово проникало в душу внимающих его искреннему исповеданию. Начался торжественный молебен, предшествующий венчанию. Умилительные прошения возглашал

протодиакон от лица всей церкви. По прочтении Евангелия водворилась в соборе совершенная тишина; митрополиты поднялись на возвышение к трону и приступили к царскому облачению во все знаки царского сана. Государь император снял Андреевскую цепь и передал великому князю Владимиру Александровичу. После этого великие князья Михаил Александрович и Владимир Александрович возложили на монарха порфиру с бриллиантовой цепью ордена св. Андрея. Митрополит Палладий положил руки на склоненную голову монарха и возгласил трогательную молитву, которая из всех глаз вызвала невольные слезы. Старческий голос одушевлялся с необычайной силою, чтобы вся церковь приняла участие в столь знаменательной молитве. Плакал не один лишь преклонявший свою освящаемую главу под руки святителя, плакали все предстоявшие, и столько слезных молитв могли ли не проникнуть в небо?"

Митрополит поднес государю большую корону. Часы показывали 10 часов 30 минут утра. В эту минуту глаза решительно всей церкви устремлены были на государя. Его Императорское Величество, стоя в порфире перед престолом своим, твердыми руками взял корону и неторопливым, спокойным и плавным движением возложил ее на главу свою. Митрополит подал государю скипетр и державу; государь был в волнении...

Обряд миропомазания императора Николая II

"Одетый в порфиру и корону, со скипетром и державою в руках, государь император представлял зрелище необыкновенной красоты. Могуцественнейший из владык земных, верховный вождь необъятного Русского царства, стомиллионного народа, до полного самоотвержения, до последней капли крови верного, преданного и любящего, стоял он пред алтарем творца вселенной во всем доступном для земли великолепии, славе и блеске своего величайшего и высочайшего сана. Он - источник обновления государства. Он - представитель лучших преданий нашей истории, лучших стремлений народа; знаки царской чести и славы, порфира и венец, - в то же время символ багряницы Христа и его тернового венца. Государственный разум, патриотизм, сохранение целостности земли русской, все великое и высокое в народной жизни - всему этому он должен отвечать, все уловить своим сердцем и умом".

Положив на подушки скипетр и державу, государь тихо подозвал государыню Александру Федоровну. Государыня стала перед ним на колени; государь снял с себя корону и, прикоснувшись к голове государыни, снова надел ее. Поднесли малую корону. Государь возложил ее на голову государыни; четыре статс-дамы подошли в это время и оправили ее; возложив на государыню порфиру с цепью ордена св. Андрея Первозванного, государь ожидал, пока ее оправят ассистенты. Когда императрица поднялась, в порфире и короне, государь и государыня поцеловались. Затем Их Величества сели на троны. Торжественная тишина царила в соборе. Ее нарушил звучный, сильный и красивый голос протодиакона, возгласившего полный титул государя императора - "этот конспект всей нашей истории, всего труда, крови и разума народных"; он воскликнул многолетие государю императору и государыне императрице. Певчие пропели трижды "Многая лета"; раздались колокольный звон, несмолкаемые крики "ура" и залпы орудий; началось принесение поздравлений Их Величествам.

Поклон Их Величеств с Красного крыльца

По принесении всеми поздравлений, когда умолкли пушечные выстрелы и колокольный звон, все присутствовавшие снова заняли свои прежние места; государь, встав с престола и отдав скипетр и корону, взял поданную ему митрополитом книгу, стал на колени и прочитал установленную молитву. Вид коленапреклоненного и молящегося перед лицом всего мира могущественного русского царя произвел на всех присутствовавших глубокое, потрясающее, неизгладимое на всю жизнь впечатление.

Государь окончил молитву. Настала самая торжественная минута священного коронования - молитва за царя. Мститый митрополит Палладий, а за ним вся церковь преклонили колени; один государь, один он, в короне и порфире, со скипетром и державою, стоял у трона.

Речью митрополита Палладия и пением "Тебе Бога хвалим" окончился чин коронования. Началась божественная литургия, во время которой государь стоял, сняв корону и сложив скипетр и державу.

Литургия окончилась провозглашением многолетия "благочестивому и христоролюбивому, самодержавнейшему великому государю нашему, Богом венчанному, превознесенному и святым миром помазанному, Николаю Александровичу, императору и самодержцу всероссийскому, и супруге его, благоверной и венчанной и превознесенной и святым миром помазанной государыне императрице Александре Федоровне". Певчие трижды пропели "Многая лета".

В заключение к целованию Их Величеств поднесен был митрополитом Палладием св. крест. Государь император, возложив на главу свою корону, взял скипетр и державу. Тогда все, как духовные, так и светские особы, принесли Их Императорским Величествам троекратным поклонением всеподданнейшее поздравление с благополучным совершением священного коронования и св. миропомазания. Августейшие особы императорской фамилии для принесения поздравлений поднялись на тронный помост.

Затем, сойдя с тронного возвышения, государь и государыня императрица изволили выйти в северные двери Успенского собора, имея по сторонам ассистентов своих, а позади министров императорского двора и военного, командующего императорской главной квартирою, дежурство и командира Кавалергардского полка. Здесь, у северных дверей, уже стояли вышедшие ранее из собора тридцать два генерал-адъютанта с балдахином. Четыре кавалергардских офицера, стоявшие на троне, встали у балдахина: перед передними штангами - штабс-ротмистр В. Р. Кнорринг и поручик барон Г. К. Маннергейм, за задними - полковники Н. Н. Казнаков и Д. Я. Дашков, имея каски надетыми с опущенными чешуями и палаши в плече. Став под балдахин, Их Величества изволили направиться в Архангельский собор. Впереди Их Величеств шли лица, участвовавшие в шествии из Кремлевского дворца в Успенский собор, и митрополит Палладий.

Церковное торжество кончилось, началось торжество народное. Государь - в порфире и венце, с державою и скипетром в руках, государыня - в порфире и короне, блистая золотом и драгоценными камнями, под роскошным балдахином, предшествуемые пышной процессией, явились перед народом.

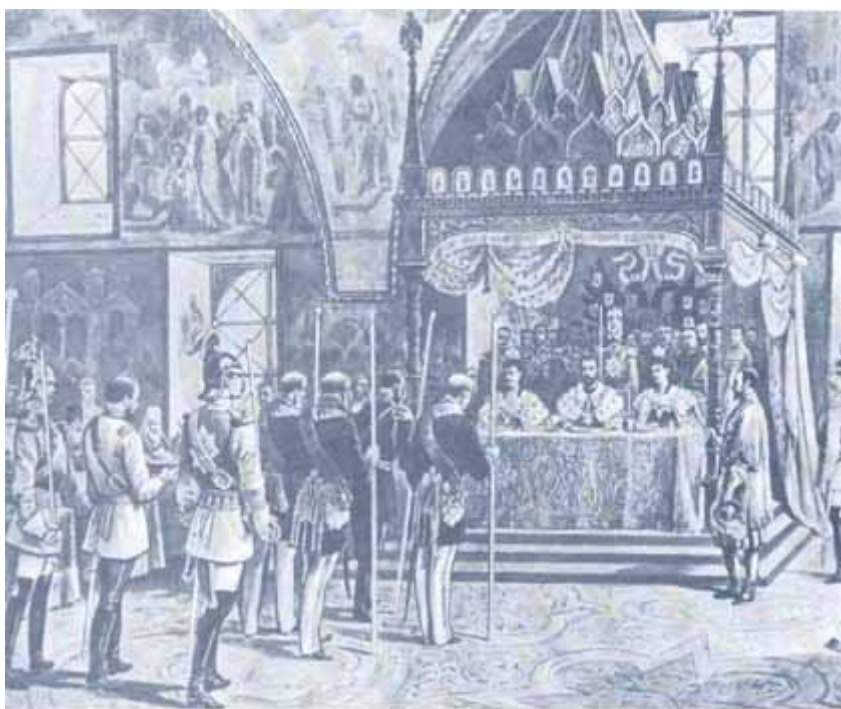
"Загудели все московские колокола; грянул 101 пушечный выстрел; раздалась приветственная музыка с барабанным боем стоявших в параде войск; дрогнул священный Кремль от криков "ура" ликующего народа, с беспредельной радостью и счастьем встретившего коронованных и миропомазанных своих обожаемых царя и царицу. Это был такой крик, которого нельзя позабыть. Это был гул восторга; тут сказала вся народная любовь. Все существо русского человека с его бесконечной добротой и беззаветным самоотвержением выковало этот могучий, неподражаемый крик. Он принадлежит одному только ему, русскому императору, вождю русской силы и славы, носителю народных верований, народных упований".

Так приблизились Их Императорские Величества к Архангельскому собору. Выступив из-под балдахина и поднявшись на ступени паперти, они встречены были духовенством со св. крестом и водою. Приложившись ко кресту, окропленные св. водою, император и императрица вступили в собор. Здесь Их Величества прикладывались к святым иконам и мощам и поклонились гробницам своих державных предков. Выйдя из собора западными дверями, государь изволил шествовать под балдахином вместе с государыней в Благовещенский собор, где также Их Величества прикладывались к святым иконам.

В 2 часа дня в Грановитой палате состоялась торжественная трапеза Их Императорских Величеств. По всему пути следования высочайшего шествия стояли шпалерами дворцовые гренадеры - в Андреевском зале и кавалергарды - в остальных.

За престолами стали: ассистенты Их Величеств, великие князья Михаил Александрович, Владимир Александрович, Алексей Александрович, Сергей Александрович, Павел Александрович и наследный принц датский, первые чины высочайшего двора, не исполнявшие особых обязанностей, и особы, несшие и поддерживавшие шлейфы порфир Их Императорских Величеств. Командир Кавалергардского полка, с обнаженным палашиком и каскою на голове, поместился позади престола Его Величества. У нижней ступени трона,

с правой стороны, стали дежурные генерал-адъютант и свиты Его Величества генерал-майор, а с левой - дежурный флигель-адъютант. По сторонам трона, около ступеней, стали четыре офицера Кавалергардского полка, в касках, с обнаженными палашами, а у обоих передних углов нижней ступени трона - два герольда; против трона - верховный маршал, обер-гофмаршал, верховный церемониймейстер и гофмаршал, а за ними - коронационные обер-церемониймейстеры и церемониймейстеры с жезлами. Сановники, несшие корону, скипетр и державу, со своими ассистентами стали у особо приготовленного для сих регалий стола. Вошедшие с Их Императорскими Величествами в Грановитую палату и приглашенные к высочайшему столу особы стали у своих мест, а не остающиеся в Грановитой палате во время трапезы - направо от дверей, по указаниям церемониймейстеров.

Высочайший обед в Грановитой палате Кремля

По данному Его Императорским Величеством повелению верховный маршал, обер-гофмаршал, верховный церемониймейстер, гофмаршал, коронационные обер-церемониймейстеры и церемониймейстеры, отдав Его Императорскому Величеству поклон, вышли в святые сени за блюдами, которые вносили в Грановитую палату отставные штаб-офицеры из дворян Московской губернии (в числе которых был и кавалергард полковник в отставке С. С. Смирнов) в предшествовании верховного маршала, обер-гофмаршала, верховного церемониймейстера и гофмаршала, имея по сторонам по два офицера Кавалергардского полка с обнаженными палашами и касками на голове. Позади шли коронационные обер-церемониймейстеры и церемониймейстеры; обер-гофмаршал и гофмаршал ставили кушанья на стол у среднего столба палаты.

По принесении кушанья Его Величество, сняв с головы корону, передал ее, а также скипетр и державу несшим их сановникам, которые возложили эти регалии на приготовленный для них стол. Митрополит московский благословил затем трапезу. Их Величества изволили есть.

Во время обеда провозглашались тосты: за здравие государя императора при 61 выстреле, за здравие вдовствующей императрицы Марии Федоровны при 51 выстреле, за здравие государыни императрицы Александры Федоровны при 51 выстреле, за здравие всего императорского дома при 31 выстреле, за здравие духовных особ и всех верноподанных при 21 выстреле. Заздравные провозглашались при звуке труб и литавр хора Кавалергардского полка.

По окончании трапезы Его Величество, сойдя с трона, изволил возложить на себя корону и принять в руки скипетр и державу.

Их Величества возвратились из Грановитой палаты во внутренние покои по залам дворца тем же порядком, как изволили прибыть на трапезу. В Тронном зале государь, сняв с себя корону, отдал ее, а также скипетр и державу несшим их сановникам, и затем Их Величества проследовали во внутренние покои...

Высокознаменательным для полка приказом объявил командир кавалергардов об окончании почетной коронационной их службы:

"Вверенный мне полк имел счастье сегодня быть участником в великом торжестве священного коронования.

После окончания всех церемоний государю императору благоугодно было призвать меня и осчастливить высокомиловитым благоволением за отличное выполнение возложенного на полк почетного наряда, причем Его Императорское Величество изволил дважды выразить свою благодарность за блестящий выход полка и безукоризненное его обмундирование.

Счастлив, что могу объявить о сем по полку и поделиться радостью со всеми сотрудниками в работе, положенной для достижения столь блестящего успеха, который и дал возможность получить высшую награду для кавалергарда - царское спасибо. Да послужит нам навсегда в утешение и украшение нашей многообразной службы царю - незабвенное его спасибо и счастливые часы, в которые мы, по примеру старых кавалергардов, удостоились быть свидетелями и участниками торжества нашего возлюбленного государя императора.

За отличный порядок и превосходную подготовку людей наряда выражаю мою самую искреннюю благодарность помощнику моему по строевой части полковнику Казначеву, эскадронным командирам ротмистрам Бернову, барону Гюне, Серебрякову и фон Кауфману и полковому адъютанту штабс-ротмистру графу Менгдену.

За безукоризненное обмундирование и снаряжение людей приношу самую сердечную благодарность моему помощнику по хозяйственной части полковнику Дашкову и положившим много труда для достижения столь блестящих результатов штабс-ротмистру Безаку и капитану Лумбергу.

Благодарю всех гг. офицеров и чиновников за вполне успешное исполнение возложенных на них обязанностей.

Всем строевым нижним чинам и во главе их вахмистрам и штаб-трубачу выражаю мое искреннейшее спасибо.

Объявляю тоже сердечное спасибо всем мастеровым старших и младших званий и прикомандированным к мастерским за усиленную и успешную работу.

Всем вахмистрам и штаб-трубачу жалую по червонцу; взводным унтер-офицерам - по 3 руб.; всем нижним чинам - по чарке водки.

Нестроевым предписываю выдать: кройщику Иванову - 5 руб., казначейскому каптенармусу Филиппову - 5 руб., седельному мастеру Видуцу - 5 руб., снаровицу Кудрявцеву - 4 руб., оружейному мастеру Волкову - 3 руб. и мастеровым (40 чел.) - по 1 руб. каждому. - Приказ сей прочесть при собрании нижних чинов".

В день священного коронования государь осчастливил старейшего из служащих кавалергардов особой милостью: старый командир полка граф А. И. Мусин-Пушкин, носитель полковых традиций, назначен был шефом 4-го эскадрона.

В тот же день священного коронования всемиловитейше пожалован орден св. Станислава 1-й ст. командиру полка; числящийся по списку в полку великий князь Николай Михайлович произведен в генерал-майоры с оставлением командиром Мингрельского гренадерского полка.

Государю императору благоугодно было разрешить произвести в день священного коронования в унтер-офицеры сверх вакансий нижних чинов, окончивших курс учебных

команд и достаиваемых производства своим начальством, каковых в полку было произведено 37 человек.

"Вечером 15-го большинство офицеров проводило время, отдыхая в лицее. Вдруг - беготня по лестницам и коридорам, офицеры выскакивают из своих келий кто в чем попало, чтобы узнать причину шума: "Генерал взят в свиту! Генералу даны вензеля! Сейчас пришла бумага из главной квартиры!" Все, что было в лицее, бросилось вниз, в квартиру командира полка, которого не оказалось дома... Через полчаса приехал генерал Гринвальд, и пошли поздравления, подали шампанское, и долго затянулся импровизированный раут; дали знать в эскадроны, откуда пришли поздравить вахмистры".

Радость полка была двойная: в пожаловании командиру высочайших вензелей видели новую милость государя к полку, радовались и лично за Артура Александровича, редкую и безусловную правдивость, самостоятельность и нелицеприятие которого полк успел уже глубоко оценить.

В приказе по полку 16 мая было отдано: "Государь император в 15-й день сего мая высочайше соизволил назначить меня в свиту Его Величества с оставлением командиром полка. Глубоко осчастливлен царскою милостью и, приписывая се всецело примерному и доблестному исполнению кавалергардами долга службы, приношу всем чинам полка мою искреннюю, горячую благодарность за этот новый знак монаршего благоволения родному полку".

16 мая в 11 часов утра приносили поздравления Их Императорским Величествам в Георгиевском зале представители полка: командир, оба полковника (Н. Н. Казнаков и Д. Я. Дашков) и старшие в каждом чине: штабс-ротмистр граф Г. Г. Менгден, поручик князь Н. П. Кропоткин и корнет князь И. Н. Салтыков.

Того же числа в 9 часов вечера состоялся куртаг (*Куртаг (от нем. Kurtag - день собрания избранных) - прием, приемный день в царском дворце*). Государю императору угодно было явить новое внимание полку: на куртаге Его Величество был в красном мундире кавалергардов.

На время куртага внезапно был наряжен от полка внутренний караул; несмотря на короткое время для всех приготовлений (около 1,5 часа), караул от эскадрона Ее Величества при корнете князе А. Н. Долгорукове был выставлен вовремя и безукоризненно одетым, за что в приказе по полку генерал Гринвальд выразил свою благодарность командиру эскадрона ротмистру барону Ф. Ф. Гюне, полковому квартирмейстеру штабс-ротмистру Ф. Н. Безаку и командиру нестроевой роты капитану Ф. Ф. Лумбергу.

17-го числа все находящиеся в Москве кавалергарды с графом А. П. Игнатьевым, Н. Н. Шиповым и А. А. Гринвальдом во главе представлялись графу А. И. Мусину-Пушкину по случаю назначения его шефом 4-го эскадрона.

В тот же день состоялось торжественное представление в Большом театре, на которое несколько офицеров полка удостоились приглашения.

А 18-го числа полк был вызван по тревоге. Дойдя до Тверских ворот, он был остановлен великим князем Владимиром Александровичем, так как в содействии войск не было никакой необходимости.

...18 мая 1896 г. было днем ходынской трагедии - своего рода знаменья последнего российского царствования...

Из биографий кавалергардов

Кавалергарды 1724 года

Граф Павел Иванович Ягужинский (1683-1736)

был, как и большинство "птенцов" Петра Великого, человеком весьма скромного происхождения.

О молодости первого генерал-прокурора нам известно немного. Родился Павел Ягужинский в Польше, откуда отец его, приглашенный в Москву органистом лютеранской кирки, выехал в 1687 г. с женой и детьми. Красивая наружность мальчика обратила на себя внимание начальника артиллерии Ф. А. Головина, и он был взят к нему в пажи, а отсюда в том же звании перешел ко двору. В 1701 г., на 18-м году жизни, Ягужинский из камер-пажей был зачислен в гвардию в Преображенский полк и, дослужившись до офицерского чина, попал в число царских денщиков. Для этой должности, требовавшей сметливости, исполнительности, способности делать все быстро, кро-

ме того, умения угодить государю и не нажить себе врагов среди окружающих высокопоставленных лиц, с которыми приходилось часто сталкиваться, Ягужинский по своему характеру был человеком весьма подходящим.

9 июля 1706 г. "иноземец П. Ягужинский, жительствовавший при дворе Его Величества", как выразился официальный документ, получил в вечное владение остров на р. Яузе близ Немецкой слободы в Москве, а к 1710 г. он был уже камер-юнкером и капитаном Преображенского полка. Поступив на службу, Ягужинский перешел из лютеранства в православие, "думая угодить этим царю, но за перемену веры царь не стал к нему милостивее, хотя впоследствии и был рад этому обстоятельству". И без того карьера Ягужинского создавалась очень быстро, и положение его в это время уже совершенно упрочилось благодаря расположению к нему Петра. Расторопность и исполнительность Ягужинского сделали его "одним из самых угодных государю денщиков".

Граф Павел Иванович Ягужинский

Помимо успехов по службе около этого времени Ягужинский сделался богатым человеком, женившись на дочери вдовы Хитрово Анне Федоровне, состоятельной невесте. До самого назначения генерал-прокурором Сената Ягужинский сделался неразлучным спутником государя во всех походах и заграничных поездках. В 1711 г. Ягужинский сопровождал Петра в Прутском походе и здесь, "в Волосской земле, на р. Днестре", в июне месяце вместе с подполковником гренадерского драгунского полка А. Девиером Ягужинский был произведен из капитанов в полковники, а 3 августа пожалован в генерал-адъютанты.

Во второй половине ноября 1713 г. Ягужинский был послан к датскому королю с извещением о прибытии Петра с войском в Мекленбург и с просьбою поспешить соединиться с ним. По возвращении из заграничной посылки Ягужинский начало 1713 г. проводил в Москве, где у него, вероятно, был дом в Немецкой слободе на пожалованном на р. Язуе острове. Здесь ему приходилось исполнять различные поручения как Петра, так и Екатерины. Через него царь часто посылал указы Сенату, пребывавшему еще в Москве.

Между тем неосторожные действия Меншикова в Померании, секвестр Штеттина (*Секвестр (от лат. sequestra) - здесь: запрещение, ограничение пользования чем-либо, налагаемое государственной властью*) и пр. возбудили сильное неудовольствие Дании и вызвали оживленный обмен дипломатических сношений между двумя государствами, выразившийся в целом ряде посылок Ягужинского к датскому двору. В наказе, данном Ягужинскому, поручалось русским дипломатам внушить датским министрам, что единственным естественным врагом Дании являются шведы и что для дальнейших успехов русским нужно содействие датского флота - русские войска "дошли уже до самого Ботникуса, а далее идти сухим путем нельзя, а водою - кораблей мало". "*Так как мы сами будем при войсках, - писал Петр в наказе, - то чтобы королевское величество изволил вручить нам команду над своим флотом*".

Только 6 марта была подписана конвенция, более или менее благоприятная для России. Предполагалось атаковать Карлскрону, причем Дания выставляла 18 кораблей, а Россия 75 тысяч сухопутного войска и 12 кораблей к Або и, кроме того, должна была заплатить 200 тысяч ефимков. Командование флотами предоставлялось Петру, а Петр за то принимал на себя обязательство побудить прусского короля не вмешиваться в Северную войну. Однако конвенцией 6 марта не были устранены недоразумения с датским двором. 16 августа Ягужинский снова отправлен был в Данию и Пруссию. Результатом его переговоров было соглашение о посылке в полное распоряжение короля вспомогательного русского корпуса.

В 1718 г. ему, уже в звании генерал-майора поручен был надзор за коллегиями. Как исполнил Ягужинский возложенную на него обязанность, нам совершенно неизвестно, но надо думать, что Петр остался им доволен, иначе он не назначил бы его позднее на, аналогичный высокий пост генерал-прокурора (*Генерал-прокурор - высший чиновник, наблюдал за законностью деятельности государственного аппарата, возглавлял Сенат*), такого же приставника-надзирателя над Сенатом, этим излюбленным своим детищем. Как бы то ни было, но новые дипломатические поручения и посылки скоро оторвали Ягужинского от исполнения роли надзирателя над коллегиями и их вдохновителя.

Памятная медаль на коронацию Екатерины I

Позднее Ягужинский должен был принять участие в Ништадтском конгрессе. Петру так хотелось во что бы то ни стало заключить мир со Швецией, что он решался даже уступить шведам завоеванный Россией Выборг. С этим последним полномочием и был послан 24 августа 1721 г. Ягужинский. Остерман, опасаясь любви Ягужинского разыгры-

вать важную персону, его нетерпеливости, а главное, конечно, того, что в случае приезда Ягужинского вся честь заключения мира выпадет на его долю, употребил хитрость, чтобы задержать приезд Ягужинского. По его просьбе выборгский комендант И. М. Шувалов на целых два дня задержал в Выборге веселого генерала, и когда Ягужинский приехал в Ништадт, то мир уже был заключен, притом без уступки Выборга. Ягужинский принужден был примириться с совершившимся фактом и со своей неудачей, но не мог никогда простить этого Остерману.

Теперь Ягужинского ожидало очень высокое назначение: 18 января 1722 г. он стал генерал-прокурором Сената, а 22-го произведен в генерал-лейтенанты.

В кратких словах обязанности генерал-прокурора заключались в следующем: он должен был наблюдать не только за правильным, безотложным и законным производством дел, но и за действительным исполнением решенных, за справедливостью решения, которое он мог опротестовать, за порядком в заседаниях и исполнением всего по регламенту, за исполнением своих обязанностей фискалами (*Фискал (лат. fiscus – государств. казна) - служащий для надзора за законностью действий государственных учреждений и должностных лиц*) и прокурорами, наконец, генерал-прокурор заведовал сенатской канцелярией.

Он был связующим звеном, посредником между государем и Сенатом и, как таковой, являлся исполнителем всего того, что шло лично от государя через него в Сенат или представлялось его непосредственному исполнению. Неудивительно поэтому, что в царствование Петра деятельность генерал-прокурора отличалась обширностью и разнообразием, касаясь самых различных сторон русской государственной жизни. Деятельный и энергичный П. И. Ягужинский был как нельзя более на месте.

В последний год жизни Петра Великого Ягужинский, при учреждении для коронации Екатерины роты кавалергардов, был назначен ее командиром с чином капитан-поручика. В день коронации, 7 мая, Ягужинскому был пожалован орден св. Андрея Первозванного.

Со смертью Петра Ягужинский терял почву под ногами. Его благополучие всецело зависело от государя: в любви и доверии Петра он видел единственную защиту против своих многочисленных врагов. Кто бы ни наследовал престол, императрица или юный великий князь, Ягужинский должен был лишиться всего своего значения или во всяком случае большей части его.

Бассевич приписывает Ягужинскому важную роль в событиях, подготовивших вступление на престол Екатерины I; именно Ягужинский будто первый сообщил ему о "заговоре" в пользу великого князя и тем дал ему возможность спасти Екатерину и Меншикова, "ничего не подозревавших о готовившейся катастрофе". Из рассказа Бассевича видно, что Ягужинский принимал активное участие в деле провозглашения Екатерины императрицею: он был посредником между Меншиковым и Бассевичем и руководил в то же время действиями своего тестя, великого канцлера. Как только скончался Петр, Бассевич удачно выбрал болтливого Павла Ивановича для того, чтобы распространить среди собравшихся во дворце сановников весть о том, что "казна, крепость, гвардия, Синод и множество бояр находятся в распоряжении императрицы", и тем побудить их признать Екатерину наследницей Петра I.

По воцарении Екатерины Меншиков и герцог Голштинский сделались первыми лицами в государстве, а Ягужинский на первых же порах оказался почти в явной немилости. Беспokoйный дух и невоздержанность на язык делали его вовсе нежелательным сотрудником для новой государыни. Однако значение Ягужинского вскоре начало подниматься; он приобрел себе союзников в лице умнейших дельцов прошлого царствования, Толстого и Остермана, недовольных самовластием светлейшего князя, а вскоре затем Ягужинский получил непосредственный доступ к самой Екатерине, сумел заслужить временно ее расположение и сделаться неременным членом ее интимного кружка.

Петр I – капитан кавалергардов

"Безотлучное пребывание" Ягужинского около Екатерины принесло свои плоды: 30 августа он получил орден св. Александра Невского, а в октябре 1725 г. Кампредон находит, что Ягужинский, которого в апреле он считал погибшим, *"стал любимцем императрицы, хотя не сделался ни благоразумней, ни трезвее прежнего"*. Благодаря увлечению императрицы удовольствиями власть Сената сильно расширилась; увеличилось вновь и значение генерал-прокурора. Возвышение Ягужинского было, однако, временным: уже в следующем году он должен был оставить Сенат, а при учреждении указом 8 февраля 1726 г. Верховного тайного совета не попал и в число его членов. По словам прусского посланника Мардефельда, *"царица положительно не хотела назначить его в совет, ибо считала его не расположенным к себе, что следовало приписать его неукротимой ненависти против князя Меншикова"*.

Не попав в Верховный тайный совет, самолюбивый Ягужинский был в отчаянии, которое увеличивалось еще и тем, что в члены совета был назначен его недавний союзник Остерман. Плохим утешением для генерал-прокурора было назначение его обер-шталмейстером (*Шталмейстер* (нем. *Stallmeister*, буквально: начальник конюшни) - придворный чин в ряде монархических государств). Ягужинский сердился на всех, даже на своего тестя, великого канцлера, который сделался членом тайного совета. В виде протеста Ягужинский перестал ездить в Сенат и стал бывать при дворе лишь в случае крайней необходимости, предпочитая придворной службе "прелести деревенской жизни".

В своем уединении Ягужинский, однако, оставался недолго. 3 августа тайный совет определил отправить его в качестве полномочного министра на польский сейм в Гродно. С одной стороны, хотели удалить из Петербурга беспокойного генерал-прокурора, с другой - враги Меншикова наносили этим чувствительный удар князю. На гродненском сейме Ягужинский действовал со свойственной ему горячностью, по собственному отзыву, "сколько смысла и силы имел".

20 апреля Ягужинский имел прощальную аудиенцию в Варшаве и затем отправился в Петербург. Он прибыл туда, когда императрица лежала в предсмертной болезни, а Девьера постигла печальная участь. 6 мая 1727 г. Екатерина скончалась, и заклятый враг Ягужинского - Меншиков сделался фактическим правителем государства при юном Петре II, внуке Петра Великого. Светлейший князь постарался удалить Ягужинского из Петербурга, и тот должен был ехать на Украину. Ссылка продолжалась недолго, и в самый день последовавшего вскоре ареста Меншикова за Ягужинским был послан курьер. Ягужинский был желателен в это время в Петербурге в качестве врага павшего временщика. 8 октября он приехал в Петербург, а 24 октября состоялся указ о производстве его в генерал-аншефы; тем же указом он был назначен вместо Меншикова капитан-поручиком кавалергардии.

Император Петр II был очень милостив к Ягужинскому, удостоивал его своими посещениями, причем засиживался за полночь; очевидно, Павел Иванович, умевший в свое время развеселить сурового деда, умел теперь занять и его внука. Но Ягужинский все же не играл видной роли в царствование Петра II: он был в дружбе с Лефортом и с герцогом де Лириа, но дипломатическая его деятельность едва ли не ограничивалась переговорами с посланником Филиппа V об ордене Золотого Руна, который хотелось иметь государю, и об испанских лошадях и мулах для царских конюшен...

В ночь на 19 января 1730 г. Ягужинский, по-видимому, старался принять участие в рискованном предприятии ограничения самодержавия, открыто заявляя, что ему "с миром беда не убыток". Уже во время совещания верховников о выборе государя Ягужинский, пробуя почву, начал говорить о необходимости ограничить власть преемника скоропостижно скончавшегося Петра II. "Долго ли нам терпеть, что нам головы секут; теперь время, чтобы самодержавию не быть", - будто бы были его подлинные слова. Когда же Анна Иоанновна была провозглашена императрицей, Ягужинский прямо обратился к князю В. Л. Долгорукову с просьбой, которая как бы доказывала его горячую преданность делу ограничения самодержавия. "Батюшки мои, - воскликнул он, - прибавьте нам, как

Кавалергарды 1724 года

можно, воли!" Долгоруковы отнеслись уклончиво и холодно к горячим заявлениям Ягужинского.

Он понял, что ему нечего делать с верховниками, и 20 января утром отправил в Митаву голштинского камер-юнкера П. С. Сумарокова с неподписанным письмом к Анне и устной инструкцией. Ягужинский, уверяя императрицу в своей преданности ("как был верный, так и ныне в верности пребываю"), уведомлял, что ограничение верховной власти "не во многих персонах учинено", т. е. противно воле большинства, и давал ей наставления, как ей держать себя с посланными в Митаву депутатами тайного совета ("что станут представлять, не всему верить, пока сама изволит прибыть в Москву"). Сумароков, благополучно доехавший и повидавшийся с Анной, не ускользнул от бдительности князя В. А. Долгорукова. 26 января он был арестован и допрошен, а 1 февраля был привезен в Москву, закованный, генералом М. И. Леонтьевым, с которым были присланы утвержденные Анной "кондиции".

2 февраля, в день конференции Верховного тайного совета с Сенатом, Синодом и генералитетом, в самом заседании Ягужинский был арестован и посажен в кремлевский каземат. Последовало несколько арестов замешанных в дело лиц, в том числе трех кавалергардов. В тот же день Ягужинский был допрошен, на следующий день снова; у арестованного были отобраны не только "кавалерия" и письма, но и ножницы и карандаш; бумаги его были рассмотрены верховниками и запечатаны. С барабанным боем было объявлено, что Ягужинский арестован за письмо, написанное императрице и направленное против блага Отечества и интересов Ее Величества. Арест Ягужинского вызвал много шума и самых противоречивых слухов. Впрочем, нужно прибавить, что Ягужинский мог не особенно тяготиться своим заключением: он имел все необходимое, свою прислугу и хороший стол.

Восстановление самодержавия имело следствием немедленное освобождение Ягужинского, который имел то нравственное удовлетворение, что родовитый фельдмаршал князь Долгоруков по приказанию Анны встретил его в дверях дворцовой передней и возвратил ему шпагу и орден св. Андрея. Радость Ягужинского выражалась со свойственной его характеру страстностью: он то проливал слезы у ног императрицы, то обнимался на придворном балу с Лефортом. Можно было думать, что Ягужинский, оказывавший и раньше обездоленной вдовствующей герцогине Курляндской разные услуги, получит теперь щедрые награды от императрицы: Лефорту казалось, что в коронацию его друга сделают фельдмаршалом. Но награды были не щедрые; мало того, Ягужинский был отставлен от должности генерал-прокурора.

Для того чтобы добиться милостей от нового правительства, надо было заручиться покровительством новых людей. Дружба с сильной придворной партией не осталась без результатов для Ягужинского; несмотря на интриги Остермана, старавшегося удалить его в Польшу, Ягужинский занял прежнее место генерал-прокурора в Сенате с прежним влиянием на внутренние дела России. 20 декабря 1730 г. ему же подчинен богатый Сибирский приказ, из которого он должен был получать и свое жалованье "по рангу". Генерал-прокурора, однако, ждали еще новые почести и награды. 31 декабря 1730 г. он был назначен подполковником вновь учрежденного лб.-гв. Конного полка, а 19 января следующего года, в годовщину восшествия на престол императрицы, Ягужинский был возведен в графское достоинство.

10 ноября 1731 г. был учрежден кабинет, который, подобно Верховному тайному совету, лишил Сенат его прежнего значения. Ягужинскому было невыносимо обидно, что главную роль в этом учреждении, назначенном, как говорили, "для его обуздания", играл Остерман. Ягужинский проделал в это время то же, что и при учреждении Верховного тайного совета: он позволил себе неприличные выходки и угрозы против кабинета и влиятельных иностранцев; он перессорился со всеми, начиная со своего тестя Г. И. Головкина, и дошел до того, что не только наговорил Бирону грубостей, но даже, как рассказывает Манштейн, обнажил шпагу против фаворита. Все считали уже Ягужинского погибшим

человеком, с которым опасно иметь сношения, которому угрожает Сибирь; но Анна и на этот раз пощадила Ягужинского. 18 ноября он был назначен послом в Берлин.

Внутренний вид Кремля в Москве

В начале 1735 г. он возвратился в Петербург, а 28 апреля был назначен кабинет-министром с жалованьем 6 тыс. руб.; тогда же ему была возвращена должность обер-штальмейстера, отнятая у него в 1732 г. Ягужинский, казалось, достиг верха благополучия: всемогущий временщик "чрезвычайно доверял" ему, и все полагали, что впредь в кабинете будет делаться только то, что угодно будет приказать его новому члену. Английский король рекомендовал своему резиденту при русском дворе в нем заискивать, а Рондо в ответ на это выставлял перед своим правительством свою старинную дружбу с ним; князь Радзивилл не гнушался просить руки дочери Ягужинского, а Остерман был "в неизреченном прискорбии" по случаю успехов своего недоброжелателя.

Однако здоровье Ягужинского было сильно расшатано чересчур беспорядочной жизнью и всякими излишествами. В январе 1736 г. он заболел подагрой и лихорадкой; одновременно заболел подагрой и Остерман. Насколько заметным деятелем был Ягужинский, видно из замечания Рондо, что *"болезнь этих двух самых деятельных министров почти остановила течение всех дел"*. Сначала болезнь Ягужинского казалась неопасной, но организм больного был ослаблен, болезнь затягивалась, и в марте друзья его стали опасаться, что он уже не встанет. Опасения их сбылись: Ягужинский умер в ночь на 6 апреля 1736 г. и был погребен в Александро-Невской лавре, на клиросе нижней церкви.

Иван Ильич Дмитриев-Мамонов (1680-1730)

был сыном стольника и полкового воеводы Ильи Михайловича. В молодости и сам Иван имел чин стольничий, а в 1700 г. был зачислен в лб.-гв. Семеновский полк "лейтенантом" (т. е. поручиком).

Вся боевая служба Дмитриева-Мамонова прошла в рядах этого полка; он принимал участие во всех походах и сражениях, в которых участвовал в царствование Петра Великого Семеновский полк. В несчастном сражении при Нарве в ноябре 1701 г. Мамонов был ранен и вслед за тем произведен в капитаны. Под Нарвой не случилось Мамонову: три года спустя, в августе 1704 г., при взятии штурмом этого города, он был дважды ранен. Затем он участвовал в сражениях при Лесной и Лебедине и, наконец, в чине уже майора, в

Полтавском бою. В 1711 г. он участвовал в Прутском походе, а в следующем году был с полком в Померании и Голштинии.

С этого времени Дмитриев-Мамонов начинает получать от государя различные поручения. Исполнение этих поручений отрывали его, нередко надолго, от полковой службы. Так, в том же 1712 г. в августе он отправлен был Петром из Голштинии в Ригу "для государева дела", а летом следующего года Мамонов объявлял в Смоленске "именной указ" о сборе подвод "под пехотные полки, идущие из Киева к С.-Петербургу с генералом Вейде", а затем послан был в Вологду для переписки у "купецких людей наличной юфти и пеньки" и отпуска этих товаров к Архангельскому порту, с тем чтобы "впредь отнюдь туда не отпускать, а отправлять те товары в С.-Петербург". В 1714 г. имя "Ивана большого Ильина Дмитриева-Мамонова" встречается в числе имен царедворцев, которым указано строить дома и переезжать на житье в С.-Петербург.

Петр Великий любил пользоваться гвардейскими офицерами, на преданность которых рассчитывал и от которых скорее надеялся узнать правду, для исследования различных щекотливых дел, связанных с фискальным интересом казны, касающихся взяток и

поборов или хищений казенного имущества и т. п. Одно время, незадолго до учреждения генерал-прокурорской должности, Петр вручил даже контроль над действиями Сената гвардейским штаб-офицерам. В этих случаях Петр, обходя высших сановников и обычные суды и учреждения, назначал специальные комиссии, которые составлялись из пользовавшихся его доверием офицеров гвардейских полков. К числу таких офицеров принадлежал и И. И. Дмитриев-Мамонов.

Участие в этих "сыскных" делах имело свои последствия для Мамонова. В 1718 г. он был произведен в следующий чин бригадира, а из конфискованных имений получил с. Сенницы Рязанского уезда и с. Спасское

Сражение при Лесной

Саранского уезда (до 1000 душ).

Затем Дмитриев-Мамонов "был в экспедиции под Стекгольмом", но в которой именно, за неимением более точных указаний, неизвестно; в Военной коллегии участвовал в составлении "Воинского устава и артикула", а во время торжества по случаю заключения Ништадтского мира был произведен в генерал-майоры. В январе 1722 г. Дмитриев-Мамонов участвовал в комиссии, которая занята была "сочинением" Табели о рангах.

При учреждении в 1724 г. роты кавалергардов для коронации императрицы Екатерины Дмитриев-Мамонов был назначен поручиком кавалергардии.

По свидетельству Кампредона, "царь доверял ему почти безусловно". Есть основание думать, что Дмитриев-Мамонов не вполне оправдывал это доверие к нему Петра I. Хотя получение имений из числа конфискованных у подсудимых в общем и было в обычае того времени, но особенная склонность к этому Дмитриева-Мамонова была отмечена.

Свой человек с кабинет-секретарем Макаровым, покровительствуемый всегда Меншиковым, Дмитриев-Мамонов в последние годы царствования Петра I особенно сблизился с любимым денщиком государя Василием Петровичем Пospelовым, человеком темного происхождения, но очень влиятельным по своему положению. Надо думать, что в это же время Мамонов сделался близок ко двору вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны.

У царицы Прасковьи от брака со сводным братом Петра I Иоанном было три дочери: любимица старшая - герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, нелюбимая средняя - герцогиня Курляндская Анна Иоанновна, и младшая, царица Прасковья, к которой мать относилась совершенно безразлично. Вечно больная, с опухшими ногами и руками, страдавшая каким-то особым недугом, который царица называла "лихорадкой с горячкой", царица Прасковья проводила большую часть жизни в постели, бледная, с утра не одетая, не причесанная... Царевне пошел 30-й год, когда 13 октября 1723 г. умерла царица Прасковья Федоровна. Весь следующий год царица Прасковья болела, она не присутствовала даже по нездоровью на коронации императрицы Екатерины и только в начале сентября "после продолжительной болезни начала наконец понемногу оправляться".

Между тем Кампредон, говоря о гневе царя, постигшем его любимого денщика В. П. Поспелова, писал в депеше 21 октября: "Я открыл, что Василий, так зовут этого пажа, покровительствовал любовным отношениям царицы Прасковьи, племянницы царя, с Мамоновым, тоже одним из любимцев царя. Оказывается, что царица родила мальчика в Москве. Она не показывается теперь". Сказав, что после "тяжелого", вероятно собственноручного, наказания Василий "снова попал в милость на другой же день", французский дипломат недоумевает, что постигнет Мамонова. Иностранцы писатели свидетельствуют, что Петр разрешил царице тайно повенчаться с Мамоновым, который в это время был уже вдовцом.

*Знак ордена
св. Александра Невского
на орденой ленте*

Когда по смерти Петра Великого возник вопрос о престолонаследии, Дмитриев-Мамонов, по своим близким связям с Меншиковым, Макаровым и другими сторонниками императрицы, был на стороне Екатерины. Тотчас по воцарении ее Мамонов, как человек, пользовавшийся полным доверием государыни, был отправлен в Москву, где опасались волнений, для приведения к присяге войска и жителей Москвы и для охранения там порядка. 21 мая 1725 г., в день учреждения ордена св. Александра Невского, Мамонов получил этот орден в числе первых 19 кавалеров. Указом 8 февраля 1726 г., при образовании из "первых сенаторов" Верховного тайного совета, Дмитриев-Мамонов был назначен сенатором. Как сенатор, он отличался особенной аккуратностью, так что почти никогда не пропускал заседаний Сената, несмотря на то что в ведении Мамонова еще находилась в это время Сибирская канцелярия в Москве. 27 декабря этого же года

Дмитриев-Мамонов был пожалован в генерал-лейтенанты.

В день кончины императрицы Мамонову, успевшему заблаговременно, вслед за своим покровителем Меншиковым, перейти на сторону приверженцев великого князя Петра, было поручено начальство над Петропавловской крепостью. Новый император относился к Мамонову чрезвычайно милостиво: в день вступления на престол Петр II пожаловал его в подполковники Преображенского полка.

Ожидали, что падение Меншикова нанесет сильный удар положению Дмитриева-Мамонова: покровительствуемый Меншиковым, Мамонов считался в числе преданных ему людей. Лефорт высказал даже предположение, что Мамонов будет арестован. Тотчас же начали распространяться слухи о почетном удалении из Петербурга Мамонова и о назначении его на разные должности. Однако ни на одно из назначений "Его Величество резолюции объявить не изволил", Напротив, 14 октября 1727 г. состоялся указ о выдаче из Камер-коллегии Мамонову 10 тыс. руб. на обмундирование кавалергардии к коронации, а 30 октября к этим деньгам еще прибавлено 1 тыс. руб.

По смерти императора Петра II (на 19 янв. 1730 г.) Дмитриев-Мамонов, после избрания Анны Иоанновны, хотя и был возвращен вместе с Ягужинским и Измайловым во

дворец из опасения, "как бы от них чего не было", но в "камору", где верховники рассуждали о "пунктах", он впущен не был.

Вообще же в событиях воцарения Анны Иоанновны Мамонов держался в стороне, опасаясь, по родственным связям, слишком открыто выставлять себя сторонником ее самодержавия. От императрицы Анны Иоанновны Мамонов успел получить только одну милость: 28 апреля он был произведен в генерал-аншефы.

И. И. Дмитриев-Мамонов скончался скоропостижно 24 мая 1730 г. в присутствии императрицы, которую сопровождал верхом в с. Измайлово.

Мы не имеем достаточно данных для полной характеристики И. И. Дмитриева-Мамонова. Пользуясь доверием Петра Великого, Мамонов не вполне оправдывал это доверие и далеко не был бескорыстен; факты говорят за то, что он был храбрым офицером; отзывы современников упоминают о его суровом нраве. Дюк де Лириа оставил более или менее удачную характеристику его, подтверждаемую в общем этими отдельными чертами: "Мамонов - человек храбрый, умный, решительный, служил хорошо и был хороший офицер, но был преисполнен лукавства и проницательности, и все его боялись..."

Артемий Григорьевич Загряжский (1675-1754),

сын стольника, в 1696 г. написан (зачислен) в службу при боярине Ал. Сем. Шеине "есаулом". В этом звании он участвовал в Азовских походах и был в 1696 и 1697 гг. "при взятии и строении Азова".

В 1700 г. Загряжский был определен "в генеральство ген. Ад. Ад. Бейде в ученье, а из ученья, рассмотрением его, генерала Бейде, пожалован в поручики" и назначен в пехотный полк. "Под Нарвою на баталии он был ранен, в трех местах голова прорублена". В 1701 г. Загряжский взят в адъютанты к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, а в 1704 г. переведен в кавалерию и назначен капитан-поручиком в "шквудрон его, фельдмаршалов, который ныне именуется Архангелогородский драг. полк". В 1712 г. Загряжский был пожалован в полковники с назначением командиром Киевского драгунского полка. В 1724 г. на время коронации Екатерины I Загряжский взят в кавалергардию капралом. В 1726 г. 1 января он был произведен в генерал-майоры, 29 июля 1731 г. получил орден св. Александра Невского, а 28 июня 1733 г. пожалован в генерал-поручики.

Прослужив до производства в генерал-лейтенанты почти 30 лет в кавалерии, Загряжский принадлежал к числу немногих кавалерийских генералов чисто русского происхождения, имевших за собою такое блестящее боевое прошлое. Служба Загряжского - сплошной, непрерывный ряд походов, причем он участвовал во множестве крупных и мелких сражений.

Кроме трех ран в голову, полученных под Нарвою в 1700 г., он был еще дважды ранен в ногу. В 1701 г. Загряжский "был на баталии под Брест-мызою со шведским генерал-майором Шлиппенбахом, при атаке г. Алистра, в партиях под Ревелем и Юрьевом" и, наконец, на штурме при взятии Нотебурга (Шлиссельбурга). В 1705 г. Загряжский был "на баталии со шведами под Мур-мызою", а в следующем году участвовал в Астраханском походе Шереметева "против стрельцов и на штурме того города Астрахани"; в том же году под командою Р. В. Брюса он был "при атаке" г. Выборга; 1707 г. провел в походе в Польше, а в августе 1708 г. под командою генералов Ренцеля и Пуфлюка участвовал в сражении под Добрым; "того ж году под командою генерала Рена был во многих партиях в Малороссии и во время приходу короля шведского к местечку Веприку". Загряжский участвовал в Полтавском бою, а затем, в том же году, под командою фельдмаршала-лейтенанта Гольца в великой Польше "на баталии при Адалянах".

В "турецкой акции" 1711 г. он не принимал участия, так как этот и следующий, 1712 г. состоял при польском короле Августе и под командою князя Г. Ф. Долгорукова был в Польше, Померании и Дании. Пробыл он там до 1717 г.

Вид села Измайлово под Москвой

В царствование Петра II Загряжский, по его показанию, служил с 1727 по 1731 г. в Низовом корпусе, в крепости Св. Крест, а в 1732 г. был "при Царицынской линии". Известно, что указом 4 августа 1730 г. Загряжский был назначен состоять "при Украинском корпусе", а указом 31 декабря 1731 г. "отправлен в Царицынский корпус".

В 1733-1734 гг., во время войны из-за польского престола, он принимал участие в походе и в осаде Данцига, командуя кавалерией действующей армии.

Позднее А. Г. Загряжский принимал участие в Турецкой войне 1735-1739 гг. и был, по его показанию, "в 1735 г. в Крымском походе при взятии Азова, в 1737 г. на Днестре против турецких и татарских войск". В мае 1738 г. Загряжский в составе армии Миниха перешел Днепр. Это был последний поход, в котором ему пришлось участвовать. Начался он вполне удачно для Загряжского. 11 июля в сражении на р. Кодине своим успехом Миних был в значительной степени обязан Загряжскому - "он так кстати подоспел на помощь, что неприятель был отбит назад". В начале сентября с генералом случилась "оплошность", за которую ему пришлось поплатиться.

"Генерал-поручик Загряжский, - рассказывает Манштейн, - приказал для своего корпуса идти на фуражирование под прикрытием полковника и майора с 800 человек пехоты и драгун, но как не ожидали никакой для себя опасности, то конвой находился там для одного лишь вида. Фуражиры, оставя проводников своих назад, отважились уйти вперед мили на две от лагеря, рассеявшись по полям. Засевшие в засадах татары вдруг на них напали, изрубили от 3 до 4 сотен солдат и погонщиков, взяли по крайней мере такое же число в полон и увели с собою с лишком 2 тысячи быков и лошадей прежде, нежели конвой мог им воспротивиться".

Начальников постигло строгое наказание: полковник Тютчев, командовавший конвоем, расстрелян, бригадир князь Кантакузен разжалован в рядовые за "отлучение от команды", сам Загряжский, "пославший фуражиров при весьма недостаточном прикрытии, в противность данному от фельдмаршала повелению, и не учинивший надлежащего от себя предписания полковнику, был разжалован в простые драгуны". Генерал-поручик и бригадир принуждены были всю следующую кампанию прослужить рядовыми...

Но уже 14 февраля 1740 г. высочайшим указом поведено было "всех тех, которые во время прошедшей войны за неисправление должностей своих военным судом осуждены и чинов лишены, всемилостивейше простить, с возвращением им прежних чинов и отставлением их от военной службы". 20 марта 1740 г., "по ордеру" фельдмаршала графа

Миниха, Загряжскому предписано было из армии явиться в Петербург в государственную Военную коллегию "для подлинной отставки" и определения к статским делам.

Тяжкое наказание и удаление из военной службы, которой Загряжский посвятил всю свою жизнь, должны были сильно подействовать на 64-летнего старика, заслуженного генерала. В мае 1740 г. он подал прошение, которым просил: "За мою многолетнюю службу, за ранами и слабостью, и от статской службы отставить, ибо я, за ранами и слабостью, статской службы понести не могу". 27 мая Загряжский указом Сената "для излечения его болезни отпущен в дом на два года", но уже раньше истечения этого срока он был назначен в Казань губернатором...

21 февраля 1753 г. Загряжский был уволен от службы с производством в полные генералы.

Кавалергарды 1726-1731 годов

князь Александр Данилович Меншиков (1673-1729).

"Светлейший св. Римского и Российского государств князь и герцог Ижорский...", по официальному титулу", "прегордый голиаф", "колосс из пигмеев", "такой сильный фаворит, что разве в римских гисториях находим", по отзыву современников, Александр Данилович Меншиков был в полном смысле слова "счастья баловнем безродным" (*Полный титул А. Д. Меншикова был: "Светлейший св. Римского и Российского государств князь и герцог Ижорский, в Дубровне, Горы-Горках и в Почепе граф, наследный господин Аранибургский и Батурицкий, Е. И. В. всероссийского над войски командующий генералиссимус, верховный тайный действительный советник, рейхсмаршал, государственной Военной коллегии президент, адмирал Красного флага, генерал-губернатор губернии С.-Петербуржской, подполковник Преображенской лейб-гвардии, полковник над тремя полками, капитан компании бомбардирской, орденов св. апостола Андрея, Датского Слона, польского Белого и прусского Черного Орла и св. Александра Невского кавалер "*). Он был первым из тех "случайных людей", которыми так богат XVIII век, первым не только по времени, но и по быстроте своей карьеры, по тому высокому положению, которого достиг этот "полудержавный властелин", и, наконец, по тому страшному падению, которое постигло его в последние годы жизни. Нужно было исключительное счастье для того, чтобы "безродный Алексашка" так близко пришел в соприкосновение с Петром и сумел занять прочное место в сердце великого человека.

Вопрос о происхождении князя Меншикова не выяснен окончательно, равно как неизвестен точно и год его рождения, указывают и 1670 и 1673-й. Источники, говорящие о происхождении Меншикова, распадаются на две группы: к первой принадлежат официальные документы, ко второй - известия современников. Как это ни странно, однако приходится отдать предпочтение последним. Латинский диплом императора Иосифа и русский на княжеское достоинство одинаково говорят о происхождении Меншикова "из фамилии благородной литовской", причем русский, кроме того, прибавляет, что Меншиков "от юных лет" принят в милость и ко двору "ради верных услуг в гвардии родителя его и видя в добрых поступках его самого надежду". О родителях Меншикова таким образом сказано чрезвычайно глухо. Имеется еще русское известие о том, что Меншиков родился около Владимира и был сыном придворного конюха, а генерал П. Гордон говорит, что отец его был капралом в Преображенском полку. И то и другое вполне возможно: ведь первые потешные полки и набраны были из конюхов и придворных служителей.

Возвышение Меншикова было так быстро, совершилось на глазах многих современников, что о происхождении его можно было разве что не говорить, но никак нельзя

было его скрыть. Меншиков хорошо понимал это и старался заставить окружающих забыть об его прошлом... Позднейшие иностранные писатели прибавляют к этому, с легкой руки царского токаря Нартова, что Меншиков в молодости продавал на улицах пирожки и что отец его был крестьянин из окрестностей Москвы.

Князь Александр Данилович Меншиков

Благодаря такому происхождению Меншиков не получил даже того скудного образования, которое давалось достаточным (состоятельным) людям служилого класса в конце XVII века. Витворт в 1705 г. положительно говорит, что он узнал "из достоверного источника", что Меншиков "не умеет ни писать, ни даже читать". Весьма вероятно, что первоначально Меншиков был совсем неграмотен. Зато в росписях за 1702 и 1704 гг. находятся уже, по-видимому, собственноручные росписки Меншикова. К этому времени, вероятно, нужно отнести ту подпись *Александр Меншиков*, которая одна, начертанная пером, плохо

слушавшимся руки, остается неизменной в течение всей жизни князя, столь богатой всякими переменами. Чувствительный ко всяким почестям и титулам, Меншиков не дал себе труда выучиться подписываться князем. Кроме подписи, неизвестно ни одной строки, написанной Меншиковым собственноручно, хотя существует целая масса писем и груды деловых документов, написанных, несомненно, со слов самого князя, настолько рельефно выразился в них его стиль.

Не выучившись писать, Меншиков приобрел, однако, необыкновенную ясность речи, отражавшей ясность его мысли, большую проницательность и опытность в делах. Редкие способности, усердие, честолюбие и желание угодить Петру дали возможность Меншикову научиться многому от жизни: он внимательно присматривался ко всему, что интересовало Петра, схватывал на лету то, что другими пропускалось мимо. У Меншикова не было ничего родового, все было благоприобретенное; он ничем не был связан с прошлым, и в нем не могло быть тех скрытых симпатий к старине, которые глубоко таились в душе даже наиболее преданных сотрудников Петра из родовитых фамилий. Счастье его тесно было связано с успехами Петра, потому можно думать, что увлечение новизной со стороны Меншикова было вполне искренним, он явился сознательным помощником Петра в его преобразовательных действиях по возвращении из-за границы. Побывав на Западе, Меншиков вернулся в Москву с лоском европейца, человеком, много видавшим, нахватавшимся разных сведений, говорившим порядочно по-голландски... Болтать по-немецки и танцевать еще раньше научился Меншиков в Немецкой слободе, где он провел немало веселых дней с Петром и Лефортом в компании нестрогих и веселых немецких красавиц.

Сведения о молодости Меншикова чрезвычайно скудны и очень мелочны. Прежде всего мы знаем, что он был слугой у друга Петра, швейцарца Ф. Я. Лефорта, этого веселого, ловкого и живого человека, "фавор к которому, - по выражению Куракина, - продолжался токмо для одних вечеринок и пиров". Этому-то человеку обязан Меншиков всем своим счастьем. Заметив в нем способности, сметливость, усердие и веселый нрав, качества, так ценимые Петром, Лефорт указал царю на Меншикова как человека, который мог ему понравиться.

Переход Меншикова от Лефорта к Петру относится к 1686 г., с этого года и начинается сближение Петра со своим будущим любимцем. Затем мы встречаемся с Меншиковым не раньше 1693 г., когда имя его находится во второй статье бомбардиров Преображенского полка. В это же время Алексашка исполняет обязанности денщика, неразлучен с государем днем, ночью спит у его постели. Служба эта при Петре с его неустанной кипучей деятельностью, с его нервным, вспыльчивым характером была нелегка. Денщики должны были выказывать расторопность, исполнительность, усердие и преданность и безропотно сносить вспышки царского гнева. Зато денщики превосходно изучали характер Петра, его вкусы и странности и при случае умели этим пользоваться.

Азовские походы Петр и Меншиков, "тружась в Марсовом яре", совершили вместе, даже жили в одной палатке. Отпраздновав триумфальным въездом в Москву взятие Азова, причем сам Петр и его любимец маршировали в рядах бомбардирской роты, Петр начал собираться в заграничное путешествие. Весь 1696 г. и начало 1697 г. прошли в снаряжении Великого посольства, во главе которого ехали великие послы Ф. Я. Лефорт, Ф. А. Головин и думный дьяк П. Б. Возницын со свитой дворян и волонтеров. Волонтеров было три десятка; во втором десятке десятником был сам царь под именем Петра Михайлова, а первым волонтером стоял по списку Александр Меншиков. Уже назначен был отъезд посольства.

9 марта Великое посольство выехало из Москвы. Встреченное нелюбезно в Риге, где, по словам современников, чересчур любознательный Петр вместе с неразлучным своим Алексашкой будто бы занялся снятием чертежей Рижской крепости, и проведя весело время в Германии, посольство 16 августа прибыло в Амстердам. 17-го "смотрели комедию", 19-го присутствовали на фейерверке, а 20-го Петр со своими волонтерами пере-

брался на двор голландской Ост-Индской компании, с нетерпением спеша "вдать себя в научение корабельной архитектуры" и узнать все, "что подобало доброму плотнику знать". Меншиков остался вместе с Петром на ост-индском дворе, остальные были розданы по разным местам.

За работой Петр имел очень мало досуга; свободное же время посвящалось осмотрам кунсткамер с раритетами и монстрами, физических и анатомических кабинетов, фабрик и заводов, военных кораблей, ботанического сада и т.п.; только очень редко, отмечалось, "были дома и веселились довольно". Как в работе, так и в попойках неизменным спутником царя был Меншиков.

В мае посольство выехало из Голландии в обратный путь и посетило Вену, откуда Петр с несколькими из своих преображенцев думал заехать в Венецию. Уже был взят проежжий лист на имя Меншикова, выданы были деньги на расход, когда получилось известие о новом стрельцком бунте.

"Семя Ивана Михайловича (Милославского) растет", и Петр, бросив все, поскакал в Россию, взяв с собою Лефорта, Головина и Меншикова. Возвратившись в Москву и мимоходом остригши боярам бороды и переодев их европейцами, в чем деятельное содействие оказывал Меншиков, Петр всецело погрузился в стрельцкий розыск (*Розыск - здесь: предшествующее суду дознание, соби́рание ули́к*). Желание во что бы то ни стало докопаться до участия в бунте сводной по отцу сестрицы Софьи и ненавистных Милославских чрезвычайно расширило пределы розыска, а тяжелые впечатления майских дней 1682 г. довели Петра до решения совершенно уничтожить стрельцкое войско.

Наградной знак с портретом Петра I

Весь октябрь 1698 г. и февраль следующего совершаются ежедневно казни, ежедневно гибнут сотни стрельцов в застенках Преображенского, на плахах, виселицах и колесах. Обыкновенно Петр сам присутствует при казнях, приезжая на площадь в карете "вместе с известным Александром, общество которого он наиболее любит". Раздражение достигает высшей степени, Петр начинает сам рубить головы мятежникам и заставляет то же проделывать трепещущих от страха бояр. Не научившись, может быть, строить кораблей, Меншиков научился, однако, владеть топором и, как опытный палач, ловко отрубил 20 стрельцких голов. Очевидец, иностранец, был поражен тем нетерпением, которое выказывал Меншиков перед казнью, и тем хвастовством, с которым он рассказывал о совершенном им подвиге. Тут уже не простая исполнительность и повиновение, тут является природная жестокость и угодливость, умение даже войти во вкус того, что могло понравиться Петру в данный момент, как проявление особенной преданности. Зато и угодливый Алексашка, терпеливо перенося побои и пощечины за неуместные и несвоевременные советы, за разные упущения и неаккуратность, даже за танцы, не сняв шпаги, и пр., начинает постепенно приобретать влияние на своего сурового господина и друга.

Уже и в это раннее время жизни можно заметить в Меншикове значительное честолюбие и тщеславие, корыстолюбие и алчность. Не занимая важного положения, по-прежнему простой сержант гвардии, которому Петр, по просьбе одного из его "милостивцев", не хочет дать чина стольника, говоря, что "Александр уже и без того присваивает себе почести, на которые не имеет права, и честолюбие его следует более унимать, чем поощрять", этот Александр силен своей близостью к государю, его любовью и дружбой, знанием его вкусов и привычек. Такой человек всегда может быть нужен; находятяся покровители, находятяся и люди, нуждающиеся в его помощи, содействии, заступничестве в беде. С купцов, попавшихся в плутнях, Меншиков берет тысячи рублей за заступничество. Ему несутся всякие "презенты"; "милостивцы" завещают Меншикову "деревеньки". Так

закладывается прочный фундамент тому колоссальному богатству, обладателем которого был впоследствии светлейший князь.

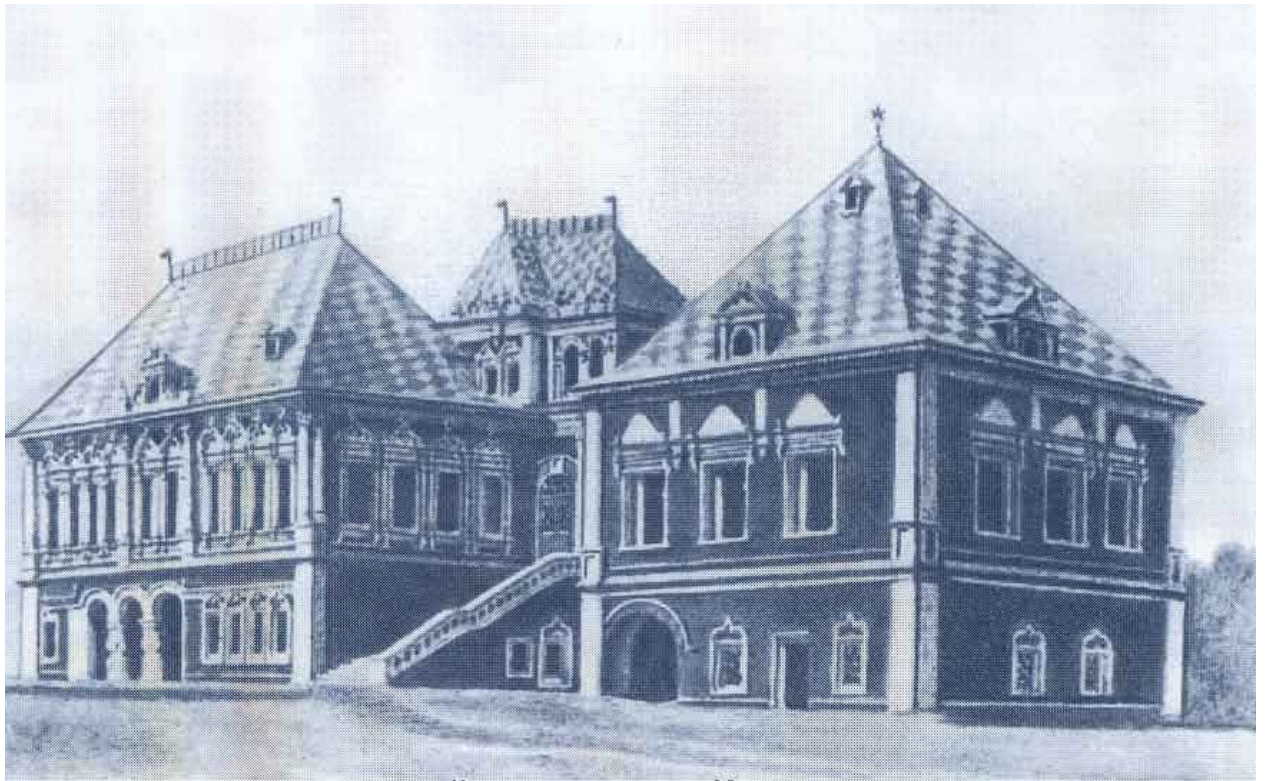
Первоначально у Меншикова ничего не было, кроме двора с баней в с. Семеновском, но уже с 1699 г. Меншиков имеет весьма значительное состояние. В 1700 г. ему пожалованы подмосковные села Кузьминское и Телятево да деревня в 30 дворов. В 1701 г. он является владельцем лесопильной мельницы на Москве-реке и получает монополию на торговлю в Москве пиленным лесом. У Меншикова была и подмосковная вотчина, в которой он жила летом. Это с. Алексеевское в 12 верстах от Москвы, на берегу Яузы. В конце 1702 г. Меншиков становится владельцем великолепного дома, принадлежавшего Лефорту, в Немецкой слободе, который он немедленно отделал и увеличил. В своем Алексеевском Меншиков давал блестящие праздники, на которых присутствовали дамы царской фамилии, иностранные послы и офицеры, иноземные купцы с семействами. Сестры Меншикова являлись здесь хозяйками.

Меншикову поручалось домашнее хозяйство государя в с. Преображенском. Меншиков получает из казенной палаты "сосуды серебряные и золотые в поход в с. Преображенское", берет сукно для обивки лавок и стен, слюду для оконеч в государевых хороммах; известно письмо Петра к Меншикову (1700 г., январь), в котором Петр просит его всюду вычистить и починить, сделать новый пол и погреб, позаботиться о сохранении пива... Кроме того, Меншикову поручалось в отсутствие царя состоять при дворе царевны Натальи, любимой сестры Петра, и при царевиче Алексее Петровиче.

Не сомневаемся, что это поручение было по душе молодому царскому любимцу, потому что здесь у него завязались сердечные привязанности. В числе боярышень двора царевны Натальи были сестры Меншикова, Анна и Марья Даниловны, и три сестры Арсеньевы, из них Дарья и Варвара Михайловны играли значительную роль в жизни Меншикова. Сближение Меншикова с Арсеньевыми произошло довольно рано, может быть, именно в 1698 г., причем скоро дружба с Дарьей Михайловной заменилась более близкими отношениями. Красавица собой, по общему отзыву современников, Дарья Арсеньева была простой и веселой, преданной и любящей женщиной, ничем не выдававшейся в жизни, настолько скромной, что в письмах всей компании к "радости-капитану" Петру она подписывалась "Дарья-глупая". Девушки любили повеселиться со своими друзьями: они скачут за сотни верст по зову "радости-капитана" или "свет Александра Даниловича", совершают переходы вместе с войсками, терпят разные "мытарства", Анна Даниловна и Дарья Михайловна ездят даже верхом, к немалому соблазну ревнителей старины. Во главе компании - сестра Меншикова Анна, "худенькая", как она подписывалась под письмами к Петру; затем являются новые лица, Анисья Толстая и Катерина Трубочева.

Слишком известно, каким образом мариенбургская пленница сделалась царицей Екатериной Алексеевной, чтобы на этом подробно останавливаться. По взятии Мариенбурга 24 августа 1702 г. молодая пленница, жившая в доме пастора Глюка, попадает к старому фельдмаршалу Шереметеву. Через полгода она переходит к Меншикову и в его доме становится компаньонкой "девиц". Приблизительно в феврале или марте 1704 г. в доме Меншикова встретился с нею Петр, и с этого времени начинается их связь, закрепившаяся в том же году рождением сына, Петрушки. А в октябре 1705 г. родился другой сын. Случайная связь теперь окрепла окончательно; несчастливый отец, Петр всегда искренно желал иметь детей и очень их любил. Много способствовал, впрочем, и характер этой новой привязанности Петра тому, что связь эта не была мимолетной.

Несомненно, что вначале Петр любил Екатерину как простую фаворитку, которая нравится, без которой скучно, но которую и можно бросить во всякое время. С течением времени, однако, Петр полюбил Екатерину как женщину, тонко освоившуюся с его характером, ловко применившуюся к его привычкам, умевшую ему угождать. Женщина не только лишенная всякого образования, но и совершенно безграмотная, она до такой степени умела делить с мужем и горе, и радость, что Петр, по свидетельству царевича Алексея, постоянно находил, что "жена его, а моя мачеха, умна".

Княжеские палаты в Москве

Меишиков был настолько благоразумен, что не только не стал противодействовать развивавшейся привязанности царя, но и всячески ей содействовал, верно оценив все выгоды такого образа действий; а Екатерина, всецело обязанная ему своим возвышением, не только помнила и покровительствовала своему старому приятелю, но и сохранила на всю жизнь к нему дружественное расположение.

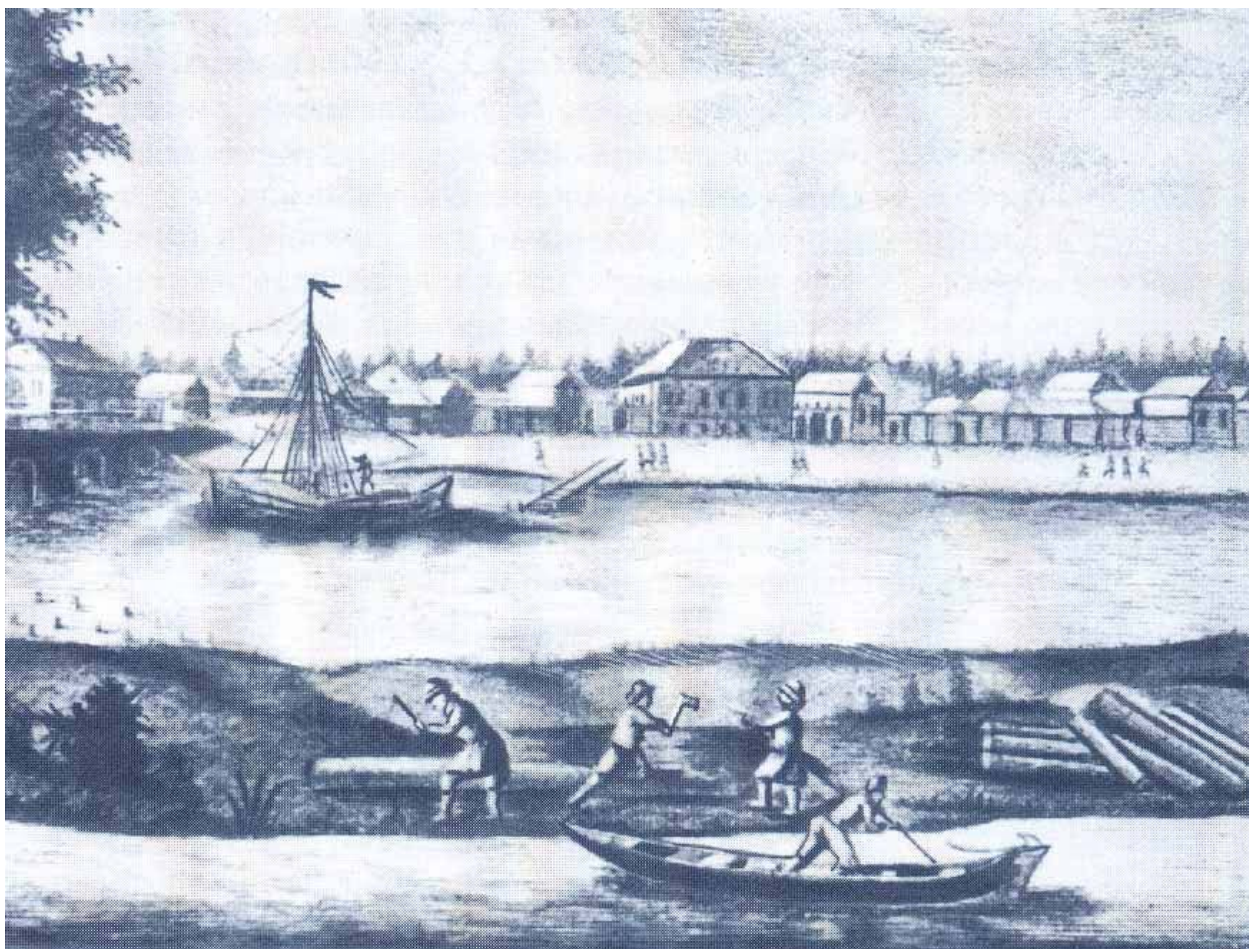
Итак, судьба Екатерины была решена, но Петра, видимо, смущала судьба и других дорогих ему женщин. 18 августа 1706 г. состоялась свадьба Меншикова с Дарьей Михайловной. Позднее и Анна-"худенькая" была выдана замуж за Антона Девиера, первого петербургского полицмейстера. Обвенчав Меншикова, Петр и Екатерина уехали в Петербург. Компания распалась.

Между тем война со Швецией была в полном разгаре. Сложные политические отношения, доставшиеся Петру в наследство от XVII века, и новые потребности, вызванные к жизни преобразовательной деятельностью самого Петра, должны были привести Россию, стремившуюся исправить свои западные границы и вернуть старорусское побережье Финского залива, в столкновение со Швецией. Три государства, Россия, Польша и Дания, обобранные Швецией в XVII веке, 11 ноября 1699 г. заключили союз, и в начале 1700 г. саксонские войска Августа вступили в Ливонию... Союзники встретили в молодом шведском короле совсем не то, на что рассчитывали, и война началась для них неудачно, тем более что и действия слабой Дании и изнеженного Августа не отличались особенной энергией. Но и русские потерпели сильное поражение под Нарвой 19 ноября 1700 г. При всеобщем смятении и бегстве только два потешных полка, Преображенский и Семеновский, выказали необыкновенную стойкость и до вечера отбивались от шведов, огородившись повозками и рогатками. За участие в Нарвском сражении Меншиков был произведен в поручики бомбардирской роты Преображенского полка.

Кроме материальных потерь нравственное впечатление нарвского поражения было ужасное. Петр, однако, не упал духом и проявил энергическую деятельность: приходилось собирать деньги и рекрутов, лить пушки, заготавливать всякие запасы. "Не годится при несчастии всего лишаться", - писал он Шереметеву, ободряя его. Во время этой-то лихорадочной деятельности Петр имел своим ближайшим сотрудником Меншикова, который оказался не только быстрым и точным исполнителем приказаний царя, но и самостоятель-

ным деятелем с выдающимися способностями военного человека и администратора. Петр особенно дорожил такой самостоятельностью своих сотрудников, требуя, чтобы они прежде всего действовали "не испустя времени", по своему усмотрению, "ибо издали нельзя так знать, как будучи там".

Постройки на берегах Невы

Между тем в 1702 г. получается известие, что шведы намерены захватить "город" (Архангельск). Петр скачет в Архангельск, взяв с собою царевича Алексея и его "гофмейстера" Меншикова, В Архангельске Петр и Меншиков занялись постройкой "фортеции", за что позднее (в 1703 г.) Меншиков был награжден "золотым с персоною царской". Но лето прошло благополучно, и осенью Петр вновь едет к побережью Балтийского моря. Вызвав сюда Шереметева, Петр осаждает город Нотебург, который и берет приступом 11 октября. Можно думать, что наиболее деятельное участие и главная роль в разгрызении "зело жесткого ореха" принадлежали самому Петру и Меншикову, который и был назначен комендантом вновь завоеванной крепости, названной Шлиссельбургом. Новый комендант споро берется за дело, выписывает из Москвы сотни подвод с припасами и питьями, от "города" коляски и кареты и в то же время впервые знакомится с прелестями климата прибалтийского побережья, этого петровского "парадиза", а для большинства современников - ненавистного чухонского болота.

С весною возобновились военные действия. В марте (19-го числа) приехал Петр в Шлиссельбург - этот ключ-город, а в апреле русские войска двинулись вниз по Неве к Финскому заливу и 1 мая взяли маленькую шведскую крепость Канцы, или Ниешпанц. 5 мая неосторожно подошедшие к невоскому устью два шведских судна были окружены русскими и взяты капитаном Петром и поручиком Меншиковым. Это была первая морская победа, и оба участника получили награду.

16 мая 1703 г. закладывается новая крепость - Петербург, причем один из верков (*Верки* (нем. *Werk* - строение, укрепление) - оборонительные сооружения в крепостях (*брустверы, форты и др.*)) новой крепости называется "меншиковским"; закладывается дом для Меншикова, и ему поручается наблюдение за постройкою зданий. Кроме того, у него еще серьезное и трудное поручение - построить крепость для защиты дорогого "парадиза" по рисунку самого Петра, данному ему еще зимою. Петр хорошо знал, что, поручив Меншикову постройку как нового города, так и крепости, "мимо которой невозможно без препятствия ни единому кораблю в устье пройти", он мог быть спокоен.

Возложенное на Меншикова поручение было исполнено. 7 мая 1704 г. "изволил великий государь идти со всеми ближними людьми и с новгородским митрополитом из С.-Петербурга водою в судах на взморье, к Котлину-острову, на новую крепость Кроншлот, сиречь "коронный замок", и торжество в ней было тридневное". Торжествовать, однако, особенно долго было некогда. С весною возобновились военные действия. Шереметев осаждал Дерпт и пишет оттуда плачевные письма, а Петр с Меншиковым отправляются (12 мая) осаждать Нарву. Между тем осада Дерпта идет вяло, Шереметев жалуется, что "лета его уже не те, что ему помощи ни от кого нет". Приходится Петру ехать туда и лично руководить осадой и штурмом, которые 13 июля возвратили России "сей славный отечественный град". С возвращением Петра под Нарву, при деятельном участии Меншикова, город в начале августа был взят. Меншиков производится в генерал-майоры и делается губернатором "вновь присоединенных областей". Теперь он надолго оставляет свой Петербург, который стал для него так же дорог, как и Петру его "новая столица".

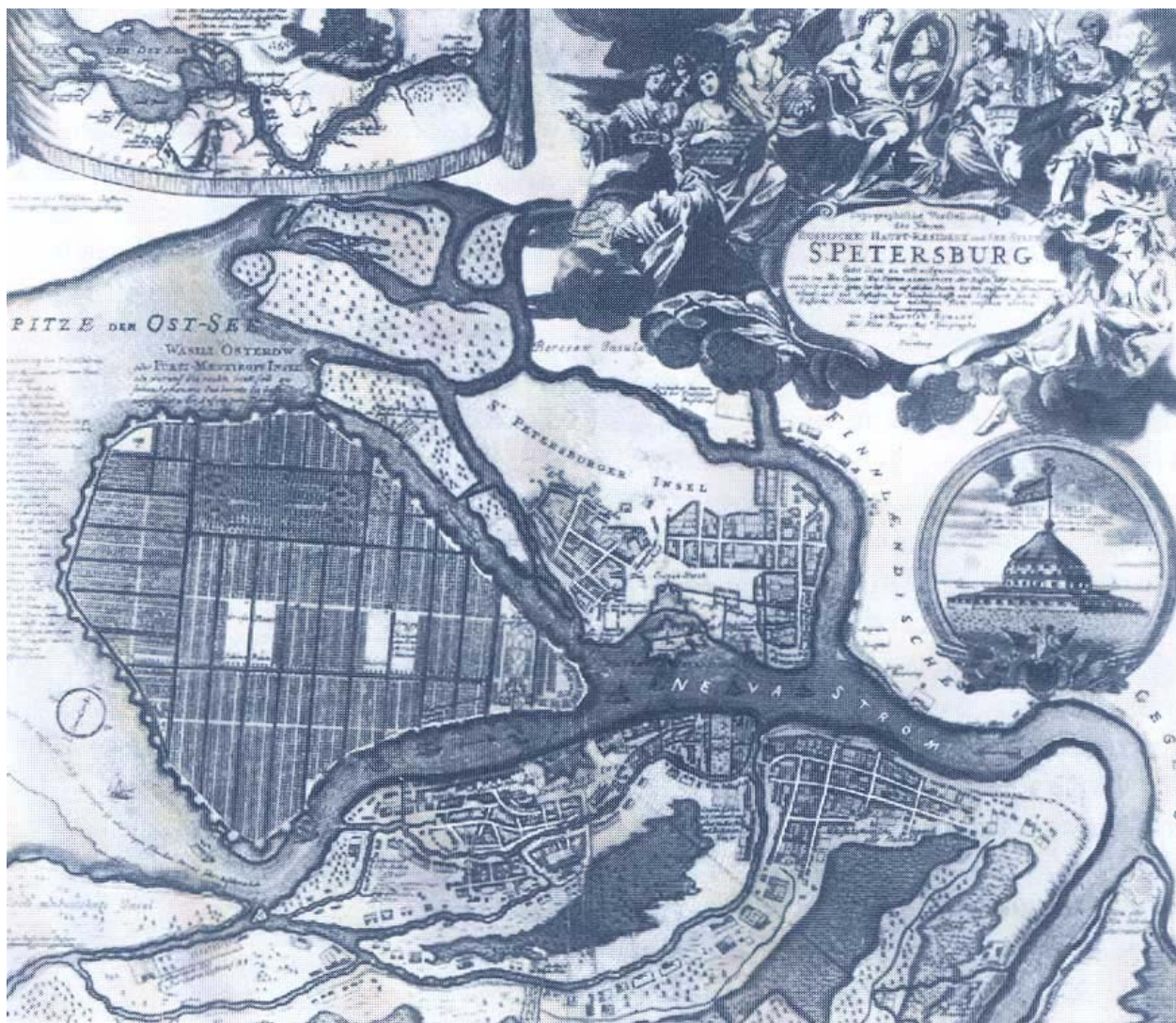
Итак, Меншиков постоянно в разъездах, а между тем мы уже знаем, что на него возложена Петром обязанность главного наблюдателя за воспитанием царевича Алексея Петровича, - он его "гофмейстер". При таком подвижном образе жизни, при той массе дела, которая была у Меншикова, он мог, конечно, только очень немного времени уделять делу воспитания царевича, если бы мы даже и признали его пригодным для этого. Напрасно поэтому считают Меншикова главным виновником в дальнейшей несчастной судьбе царевича, веря на слово современникам вроде Нейгебауера, что Меншиков будто бы развращал Алексея, приучая его к пьянству, пренебрегал его развитием, драл его за волосы и т.д. Если и можно усомниться в пригодности Меншикова для роли педагога и воспитателя, то все же он настолько был дальновидный человек, что едва ли, при всем нерасположении к царевичу и его симпатиям, решился бы сознательно воспитывать себе врага в лице наследника престола. Будущее было неизвестно. Вернее, что оба, и Петр и Меншиков, за множеством дел забыли о царевиче и его воспитании, ограничившись только определением к нему немцев-педагогов более чем сомнительного качества. Алексей Петрович оставался окруженный приверженцами старины, симпатии к которой, само собой, тем сильнее укреплялись в его душе, чем более разрасталось враждебное чувство к отцу, виновнику несчастья матери, к его делу и сотрудникам. Меншиков человек наиболее близкий Петру, его любимец, с громадным влиянием, и естественно, что к этому человеку всего легче могло явиться у царевича враждебное чувство. Меншиков первый его враг, он стоит между ним и отцом, а тут еще и кругом он слышит то же самое, что в Меншикове все зло...

Так возрастала вражда в душе царевича, прорываясь иногда, под пьяную руку, в упреках по адресу Меншикова. В Померании произошла крупная ссора за обедом. "У тебя змеиный язык, - сказал Алексей Петрович, - и поведение твое неблагородно; я надеюсь, что ты скоро попадешь в Сибирь за твои клеветы". Не будем строго судить Меншикова за то, если с этого времени он сделался затаенным врагом царевича Алексея; человек, вообще неспособный забывать и прощать обиды, Меншиков с этого времени, вероятно, в гибели царевича стал видеть собственное спасение...

1705 год принес заботы на востоке. Астраханский бунт отвлек на время внимание царя от запада, отвлек также и одного из фельдмаршалов, Шереметева, с частью войска из Польши; другой фельдмаршал - Огильви продолжал военные действия на западе. Но Петр

не доверял наемному фельдмаршалу и послал к нему в качестве "начальника кавалерии" Меншикова. Таково было его официальное положение; неофициально Меншиков был доверенным лицом государя, наблюдавшим за всеми действиями фельдмаршала. Неудивительно поэтому, что неудовольствия с Огильви начались тотчас по приезде Меншикова. "Фельдмаршал, - пишет "начальник кавалерии" Петру, - стороны саксонской; не изволь, государь, его писем много рассуждать и оным подлинно верить. Для Бога, не изволь ни о чем сомневаться, все у нас управно".

Петр меж тем, несмотря на жалобы фельдмаршала, пишет Репнину об оставлении Гродно, против чего был фельдмаршал, напоминая ему: "Не забывайте слов господина моего товарища, которые приказаны вам при отъезде..."

План-карта Санкт-Петербурга

Меншиков в это время проявляет еще раз свойственную ему проницательность: в то время как сам Петр, опасаясь вторжения шведов внутрь страны, заботится об укреплении Петербурга и Москвы, Меншиков указывает на Киев и находит необходимым укрепить Печерский монастырь. В июле, встретив Петра и "девиц" в Смоленске, Меншиков вместе со всей компанией водой возвратился в Киев, и здесь Петром была заложена Печерская фортеция, которую должен был строить Мазепа своим гетманским региментом.

Из Киева Меншиков повел полки в Польшу против оставленного там шведского генерала Мардефельда. В Люблине он соединился с Августом, и роскошный саксонский

король "со слезами" выпросил у Меншикова займы из собственных его денег 10 тыс. ефимков.

Дарья Михайловна, и раньше вечно беспокоившаяся о "своей радости, Александре Даниловиче", и теперь с Анной Даниловной сопровождает Меншикова в Польшу; им, впрочем, не привыкать к этой подвижной жизни в обозе. Как и прежде, Дарья Михайловна продолжает заботиться о хозяйстве Меншикова, посылает ему подводы с припасами, "сайки и крендели по московскому образцу". За два дня до знаменитой Калишской битвы Меншиков пишет жене, стараясь ее успокоить: *"Для Бога, обо мне не сомневайтесь, воистину в баталии сам не буду, и о том не печальтесь"*.

18 октября, ведя с собою короля Августа, вступившего уже в это время в тайные сношения с Карлом, Меншиков догнал Мардефельда у Калиша и, несмотря на крепкую позицию неприятеля, атаковал его и после упорного боя совершенно разбил. Сам Мардефельд с большею частью своего корпуса сдался; до 6 тысяч шведов осталось на поле битвы.

Из Варшавы Меншиков отошел на Волынь, расположившись на зимние квартиры в м. Жолкве, и отсюда, жалуясь на переменчивость погоды, зовет Петра в Польшу. Конец 1706 г. принес ему большую радость: он получил от императора диплом на титул "князя священной Римской империи". В Жолкву приехал 28 декабря и Петр и пробыл в Польше, разъезжая по разным городам в сопровождении Меншикова, около полугода. Здесь 30 мая 1707 г., в день своего рождения, Петр порадовал Меншикова, дав ему титул "светлейшего князя Российского и герцога Ижорского" с пожалованием в вечное его владение городов Копорье и Ямбург.

Меншиков был очень обрадован этим пожалованием и спустя некоторое время начинает писать в своих приказах и инструкциях: мы, Александр Меншиков и т.д. и рассылать именные указы за своей подписью... Даже самые заботы о жене принимают какой-то особый характер: она теперь уже не просто Дарья Михайловна, а светлейшая княгиня; ее сопровождает всюду отряд кавалерии; ей шлются арапы и карлицы, которых подобает иметь княгине... Но все это к ней плохо прививается - она остается по-прежнему простой, симпатичной женщиной, любящей Александра Даниловича, а не герцога Ижорского.

Насколько быстро привык новый князь к своему титулу, настолько туго вошел сей титул во всеобщее употребление. Оно и понятно. Это был первый пример пожалования княжеским титулом. На Руси было много князей, они были люди родовитые, кичившиеся древностью рода, ведшие бесконечные местнические споры, а тут вдруг в князьях является бывший денщик, быть может, даже придворный конюх, головокружительная карьера которого прошла на глазах у всех...

Вид на Ивангород и Нарву

Новый, 1708 год, не обещавший в то время ничего особенно хорошего, Петр встретил в Москве, а уже 6 января выехал в Польшу. 21 января Петр и Меншиков приехали в Гродно, но спустя неделю явился Карл и овладел этим городом. Меншиков начал быстро отступать по направлению к Днепру...

Между тем Карл, обманув ожидания Меншикова, переходит через Березину и спешит в Малороссию. Петр немедленно выезжает в армию и, уведомляя об этом князя, пишет: "Дай Бог вас в радости видеть и прошу, ежели возможно, до меня главной баталии не давать". Тем не менее Шереметев и Меншиков сделали попытку задержать неприятеля при переправе через болотистую речку у Головчина и потерпели неудачу. Петр отдал под суд князя Репнина, "многие полки дивизии которого пришли в конфузию", а главное, выказали такое "злое" поведение, что дрались ненавистным Петру "старым казацким, а не солдатским боем". На общем совете русских генералов решено было избегать решительных столкновений со шведами, но всюду стараться их "упрежать" и не допускать соединения Карла с Левенгауптом, шедшим из Лифляндии с обозами и провиантом.

*Памятная медаль
за сражение при Лесной*

29 августа русские одержали победу над частью армии Карла под Добрым. Не имея возможности дольше держаться в опустошенной стране, Карл быстро поворачивает на Украину и идет на соединение с гетманом. Оставленный Левенгаупт был разбит при деревне Лесной, и громадный обоз, на который рассчитывали шведы, достался русским. Сам Петр руководил сражением, Меншиков был с ним неразлучен. Вскоре получено было известие об измене Мазепы, а 2 ноября, почти в виду неприятеля, Меншиков взял приступом и разорил гетманскую столицу Батурин, в котором собраны были запасы и заперлись "главные мазепинцы". Сам Петр сомневался в успехе предприятия, так как шведы спешили к Батурину и были всего в 6 милях, зато он и вполне оценил значение подвига Меншикова. "Зело вам благодарны, - пишет он, - паче же Бог воздатель будет вам". Трудно сказать, какие последствия имела бы

измена Мазепы, если бы Меншикову не удалось овладеть Батурином. Довольный действиями Меншикова, Петр отобрал у Шереметева начальство над Преображенским полком и отдал его Меншикову. Мазепинские имения, с. Ивановское с деревнями, пожалованы были Меншикову, громадные земельные владения которого делали его уже в то время одним из богатейших вотчинников в России.

Начало следующего года порадовало светлейшего князя появлением на свет первого его ребенка - сына, родившегося 9 февраля в походе, в Белгороде. Крестный отец - Петр, назвавший своего крестника Петром-Лукой, - произвел его в поручики Преображенского полка и подарил "на крест" 100 дворов на выбор. Меншиков, однако, "деревни способной в 100 дворов не изыскал, а сыскал деревню в 150 дворов" и просил отдать ему ее. Взяв за излишние дворы с него деньги. Петр согласился, прибавив: "А вычту в те поры, как Бог даст вам другого сына".

В конце апреля 1709 г. Карл осадил Полтаву. За отсутствием Петра Меншиков руководил всеми действиями войск, направленными к защите Полтавы. 27 июня Петр решил наконец дать давно желанное Карлом сражение. Полтавский бой начался в 9 часов утра, а в 11 все было кончено полным поражением шведов.

Роль Меншикова под Полтавой была выдающаяся. Взяв в плен Шлиппенбаха и отеснив к Полтаве Розена, Меншиков разбил трехтысячный резервный отряд шведов. Несомненно, что полный успех этих предварительных действий имел громадное влияние на дальнейший ход сражения и в значительной степени подготовил исход дела. Во время боя

Меншиков командовал кавалерией на левом фланге и довершил победу. Личная храбрость его не подлежит сомнению уже по одному тому, что под ним были ранены три лошади.

Полтавское сражение

Уцелевшие шведы со всеми почти своими генералами сдались; обозы, пушки, даже деньги достались победителям. Но эти победители так были обрадованы "преславной викторией", что забыли преследовать бежавшего к Днепру короля и генерала Левенгаупта с 16 тысячами шведов. Уже только к вечеру отправлены были в погоню князь Голицын и

Боур, а на другой день - сам Меншиков со всей кавалерией. 30 июня неприятель настигнут у Переволочни и сдался Меншикову. За Полтавскую викторию Меншиков получил чин фельдмаршала и от гетмана Почепскую и Ямпольскую волости.

Полтавская победа изменила положение России в Европе. Вопрос, за кем останется преобладание в восточных землях, был решен окончательно. Петр отпраздновал победу в декабре особенно торжественным триумфальным въездом в Москву, причем дожидался приезда Меншикова в с. Коломенском. В торжественном шествии светлейший князь ехал с правой стороны государя...

В феврале следующего года Петр зовет Меншикова в Петербург. Но только 29 мая, возвратившись из-под Риги, князь приехал в Петербург и был встречен самим государем, несмотря на некоторое нездоровье, в трех верстах от города. Встреча была почетная и торжественная. Государь обнял Меншикова, пушки приветствовали его салютом в 55 выстрелов. Раболопство, поразившее датчанина Юста Юля, перед всеильным временщиком достигло того, что все целовали у него руки: "Он был полубог, и вся Россия должна была молиться на него!" Даже царевны, дочери царицы Прасковьи, "устремлялись" целовать у него руки. На другой день рождение государя было отпраздновано "извычайным" банкетом в новом доме князя на Васильевском острове...

Дом этот был лучшим в Петербурге; обстановка его была не только роскошная, но и изящная, совершенно в европейском вкусе; у князя был отличный стол и превосходные вина, что было большой редкостью среди тогдашней аристократии; был многочисленный штат прислуги, состоявшей по большей части из наемных иностранцев, свои трубачи и литаврщики, музыканты и певчие... Празднества в доме князя, его ассамблеи и банкеты проходили весело и оживленно, на них много танцевали, но зато сравнительно мало пили, так как не было варварского обычая принудительного напавания, когда это было возможно, хотя превосходного дорогого "венгерского" подавалось столько, как нигде. Не даром, когда нужно было принять иностранца, угостить посла, блеснуть умением жить, Петр поручал это своему Данилычу.

Все эти приемы, празднества и банкеты требовали громадных расходов. Меншиков постоянно старается поэтому увеличивать свои доходы, не разбирая особенно средств: он участвует во всевозможных торговых предприятиях и монополиях, соляных, китоловных и ворваньих промыслах, строит лесопильные заводы и фабрики, имеет обширные рыбные ловли, ведет противозаконную торговлю хлебом с Амстердамом, наконец, вступает в казенные подряды при помощи подставных лиц и держит кабаки по всей Ингерманландии (*Ингерманландия (от швед. Ingermanland) - одно из названий Ижорской земли (территория по берегам Невы, прилегающая к С.-Петербургу)*) и в Петербурге. Помимо всего этого Меншиков не уклоняется и от всяких подарков, взяток и т.п. Заметим, однако, что, поручая Меншикову устраивать всякие праздники, Петр не справлялся, откуда берет на них деньги Данилыч, и тот все устраивал, никогда не прося у расчетливого Петра возмещения расходов.

Между тем Петр везде слышал жалобы на бесцеремонное "гощение", на грабежи и вымогательства своего любимца. Меншиков пытался оправдаться, указывая на незначительность поборов, благо около Петра была старая приятельница Меншикова Екатерина, теперь веселившаяся на банкетах в Польше; она поспешила утешить и успокоить князя, сообщая ему, что государь "по-прежнему в своей милости и в любви вас содержит". В начале 1712 г. Меншиков должен был выступить в Померанский поход, и Петр в напутствие сказал ему: "Ты мне представляешь плутов как честных людей, а честных плутами. Говорю тебе в последний раз, перемени поведение, если не хочешь большой беды. Теперь ты пойдешь в Померанию; не мечтай, что ты будешь вести себя, как в Польше; ты мне головой ответишь при малейшей жалобе на тебя". Но каково бы ни было поведение Меншикова, а светлейший князь был еще очень нужен.

Несмотря на полученное предостережение, Меншиков и в Померании позволил себе всякие вымогательства. Выводя войска из Померании, он успел выжать контрибуцию с

городов Гамбурга, Любека и Данцига. "Две мысли - увеличивать могущество царя и обогащать себя - руководили всеми действиями Меншикова", - откровенно признает его друг Бассевич. "По заступничеству Екатерины Меншиков отделался тем, что с ним несколько времени обращались с холодностью, заставлявшей его бояться всего. Царь с умыслом показывал ее публично, чтобы удовлетворить датчан. Царедворцы трепетали, видя, что царь не прощает проступков и человеку, для него столь дорогому".

Ходили слухи, что светлейший князь потеряет свое Ингерманландское наместничество и С.-Петербургскую губернию, управление которыми перейдет к царевичу Алексею.

Но и на этот раз надежды врагов Меншикова не сбылись. Петр не мог не быть снисходительным к своему Данилычу. Не говоря о долголетней дружбе, если бы Петр мысленно обернулся на пройденный им путь, он повсюду встретил бы своим неизменным спутником Меншикова, на каждом шагу мог бы вспомнить его верную службу. Но Меншиков нужен был и для будущего - он был у Петра один. Все сотрудники имели в своем ведении отдельные отрасли, один Меншиков, как и сам Петр, должен был делать все, быть там, где требовали того нужда и обстоятельства. При частых отлучках Петра Меншиков являлся как бы исправляющим должность государя, действительным "верным прикащиком", на преданность, исполнительность и энергию которого Петр мог смело положиться. Так было и теперь. Несмотря на все "истории", уезжая за границу в 1716 г., Петр оставил князя доверенным лицом.

На этот раз на время отсутствия Петра рядом с доверенным человеком оставалось в государстве и учреждение, облеченное особым доверием государя, - Сенат. Следующий случай показывает, что и при существовании последнего первый оказывался нелишним. Русское войско в Финляндии терпело недостаток в хлебе, и адмирал Апраксин грозил, что возвратится назад, если не получит немедленно запасов. Сенат проволакивал время, тогда Меншиков собственной властью захватил хлеб из купеческих магазинов на 200 тыс. руб. и отправил в Або. Самоуправный поступок Меншикова был совершенно в духе Петра и не мог ему не понравиться; а тут и великий адмирал пишет: "Ежели б не было здесь светлейшего князя Меншикова, то б в делах могли быть великие помешательства".

Кружка. По венцу надпись: "Въезд Петра Великого в Москву после Полтавской битвы 1709 г."

Весь 1717-й и первая половина 1718 г. заняты были делом царевича Алексея. Мы должны здесь сказать, что участие Меншикова в гибели царевича сильно преувеличено. Его роль была пассивная. Нельзя, конечно, отрицать, что Меншиков был доволен таким исходом дела, что, может быть, даже таким образом исполнилось давнишнее его желание. Меншиков не принимал непосредственного участия в страшном розыске, который разве только и можно сравнить со стрелецким, когда "сержант Алекашка" был деятельным его участником. В то время как в Преображенском идет розыск под личным наблюдением Петра, Меншиков остается в Петербурге. Самые доверенные лица и несомненно преданные Петру навлекали на себя подозрение в сочувствии к царевичу и его замыслам. Можно без преувеличения сказать, что только один Меншиков оставался вне подозрений, и Петр мог еще раз оценить всю преданность и исполнительность своего Данилыча.

В то время как Петр облакал Меншикова высоким доверием, никогда, конечно, не думая серьезно лишить себя Данилыча, счетные канцелярии сначала князя Долгорукова, а затем князя Голицына продолжали свою кропотливую работу и насчитывали миллионную сумму. Просматривая эти любопытные документы, можно видеть, из каких мелких составных частей образовались те колоссальные суммы, которые должен был уплачивать князь Меншиков (начет по одной канцелярии Долгорукова достиг цифры 896 378 руб). Меншиков решился подать царю повинную, в которой сообщает любопытные сведения. Оказывается, что он "с 1702 г. губернаторского жалованья никакого

не имел... во время нужных случаев по особливым изустным повелениям немалые от него дачи были". Говоря далее о расходах на разные еще подарки деньгами, лошадьми, каретами и припасами, на устройство банкетов и пр., Меншиков прибавляет: "Все свое за ваше почитая, чего и ныне вспоминать и на счет ставить не хочу". Петр прочел прошение, не мог не признать многого справедливым и велел "зачесть" значительную долю начета. Нахождение под судом строгой канцелярии князя Голицына, которая, как жаловался светлейший князь, намеревалась взять у него шпагу и арестовать, не помешало Меншикову при учреждении коллегий быть назначенным президентом Военной коллегии и вместе с другими президентами сделаться сенатором.

Осенью 1721 г. Россия праздновала заключение мира со Швецией, мира, которым скрепилась навсегда связь России с Европой, закончилась борьба за обладание Балтийским побережьем и за политическое преобладание на севере. Официальные празднества, происходившие в Петербурге 22 октября, начались торжественным богослужением в Троицком соборе, во время которого Петру был поднесен титул императора, и закончились в Сенате пиром и блестящим фейерверком, причем за столом по правую руку Петра сидел герцог Голштинский, а по левую - Меншиков. В Москве Ништадтский мир был отпразднован 31 января маскарадным шествием в санях, которым придана была форма морских судов. Шествие направилось из с. Всесвятского и прошло по улицам, Красной площади и Кремлю. Меншиков в костюме аббата исполнял обязанности маршала, а княгиня была за костюмирована испанкой.

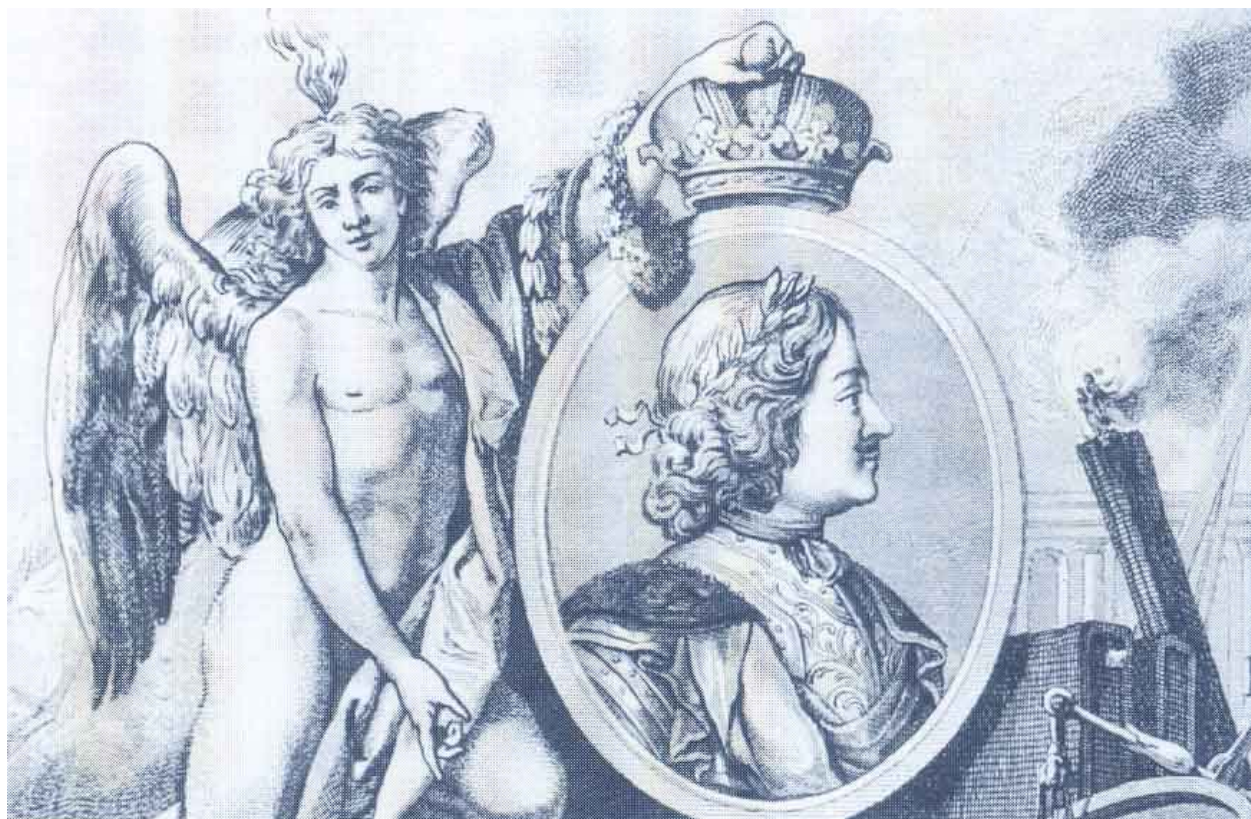
Но не прекращались и неприятности. Меншиков попал, кроме всего, в число нерадивых, "поздноприездных царедворцев", хотя и оправдывался тем, что два дня в неделю должен был бывать в Военной коллегии. Но и тут его постигло наказание: у него отобрано было президентство в Военной коллегии и сенаторство; кроме того, он должен был заплатить большой штраф.

12 декабря Меншиков получил извещение от М. Олсуфьева о том, что накануне вечером приехал государь в деревню Меншикова, где и остановился, с просьбой найти и выслать туда "хороших полпив и вина крепкого венгерского". Остановка Петра в имении Меншикова показывала уже, что гнев его против Меншикова утих, тем не менее в тот же день у Меншикова сделалось сильное кровотечение горлом. Многие считали болезнь притворной; весьма вероятно, что Меншиков не решался явиться к Петру до приезда Екатерины. Благодаря ее заступничеству, которое всегда, как верно заметил Бассевич, встречало отголосок в сердце Петра, он отнесся и на этот раз снисходительно к своему любимцу, заметив только Екатерине: *"Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой; если он не исправится, то быть ему без головы..."*

Между тем начинались деятельные приготовления к коронации Екатерины, которая должна была совершиться в Москве 7 мая 1724 г. Меншиков исполнял разные поручения, в том числе должен был собрать с купечества 60 лучших лошадей для кавалергардов. Светлейший князь воспользовался удобным моментом и по приезде в Москву перед Пасхой просил у Петра "для праздника Воскресения Христова во всех своих винах милостивого прощения", в то же время прося и у Екатерины "всемилодивейшего предстательства и заступления". В эту торжественную минуту Екатерина едва ли могла отказать в "предстательстве" человеку, которому была всем обязана, а Петр - отказать в ее просьбе. Но по возвращении в Петербург князь подал повод к новым неудовольствиям; у него отобрано было губернаторство и отдано П. Апраксину, а там последовало дело Монса и заметное охлаждение Петра к Екатерине...

Петру было всего только 52 года, а между тем здоровье его, несмотря на богатырское сложение, было совершенно расшатано: могучий организм его не выдержал ни той кипучей деятельности, которую проявлял Петр в течение трех десятилетий, ни той беспорядочной жизни, в которой прорывались его сильные, ничем не сдерживаемые страсти. Петр часто прихварывал в последние годы, и приладки делались все чаще и болезненнее; к тому же он мало берегся. 16 января Петр слег в постель, и скоро стало ясно, что едва ли

он поднимется. Не распорядившись заблаговременно вопросом о престолонаследии, Петр не успел этого сделать и во время предсмертной болезни; только 27 января он потребовал бумаги, но рука, любившая писать так много и писавшая всегда так своеобразно и неразборчиво, теперь начертала несколько слов так, что могли только разобрать "отдайте все..."

Аллегорическое изображение Петра I, возведенного в титул императора

Вопрос о престолонаследии остался открытым, решить его должны были те, которые толпились теперь во дворце и около постели умиравшего императора, так как ни Екатерина, ни малолетний Петр не имели возможности самостоятельно действовать в свою пользу. Партия знати, враждебно относившаяся к делу Петра, оттертая на второстепенные места группой людей более чем скромного происхождения с Меншиковым во главе, стояла за великого князя Петра. Партия эта, хотя и многочисленная, состояла из людей малоспособных, плохих практических деятелей и не имела таких побудительных причин действовать энергично. Ее положение не могло ухудшиться, если бы кандидатура Петра и не удалась. Люди, группировавшиеся около Екатерины, занимали первые места и были выдвинуты Петром за их способности, но в большинстве люди были худородные. Чувство самосохранения должно было побуждать эту партию действовать энергично и дружно в пользу Екатерины. Меншикову первому грозила неминуемая гибель, и понятно, что он должен был употребить все усилия, чтобы доставить престол Екатерине.

Предстояло дело трудное - возвести на престол женщину - явление небывалое на Руси, да к тому же еще иноземку, происхождение которой не было секретом... Должна была поддерживать Екатерину из собственных интересов и партия герцога Голштинского в лице своего хитрого и изворотливого министра Бассевича. За несколько часов до смерти Петра Екатерина поручила Меншикову и Бассевичу действовать в ее пользу. Решено было опереться на гвардию, для чего заручиться содействием подполковника Семеновского полка И. И. Бутурлина; подполковником Преображенского полка был сам Меншиков. Бутурлин, по убеждениям Бассевича, согласился поддержать права Екатерины. Затем приглашены были во дворец старшие офицеры обоих гвардейских полков и все те лица, со-

действие которых было полезно и на которых можно было рассчитывать. На Преображенский и Семеновский полки, обожавшие императора, можно было положиться...

Екатерина сама вышла к собравшимся во дворце и со слезами на глазах заговорила о правах, данных ей коронованием. Не были забыты обещания повышений и наград, а для желающих были заготовлены векселя, деньги и драгоценные вещи. Некоторые не упустили случая воспользоваться этим тотчас; другие уклонились, чтобы не показалось усердие их продажным, но зато все немедленно присягнули поддерживать права коронованной супруги Петра. Между тем некоторые меры были приняты заблаговременно: войскам выдано жалованье, солдаты возвращены с работ в свои части, по улицам усилены караулы, казна свезена в крепость.

Утром 28 января 1725 г. скончался Петр... Когда во дворце собрались сенаторы, генералы и придворные, пронеслось известие, пущенное Бассевичем и разнесенное по зале П. И. Ягужинским, что важнейшие сановники уже присягнули Екатерине, Синод и гвардия за нее, казна в ее руках. Между тем Бассевич подходит к окну и, как было условлено, прикладывает лицо к стеклу - раздается барабанный бой двух гвардейских полков, собравшихся на площади перед дворцом. Участие гвардии производит подавляющее впечатление; все споры прекращены. Екатерина, поддерживаемая герцогом Голштинским, выходит к собранию и говорит, что она готова, исполняя намерения дорогого ее сердцу супруга, разделившего с нею трон, посвятить дни свои трудным заботам о благе империи... Меншиков просит разрешения обсудить дело на свободе, и все собрание удаляется в другую комнату. Все чувствуют, что вопрос о престолонаследии решен, и никто не решается говорить. Наконец, Феофан Прокопович, указав "с трогательным красноречием" па значение присяги 1722 г. (о престолонаследии), припоминает, что накануне коронации Екатерины Петр высказался, что коронуется супругу, чтобы после его смерти она могла наследовать престол, причем ссылается на свидетельство великого канцлера. Смущенный Головкин отвечает утвердительно, а Меншиков спешит воскликнуть: "В таком случае я не спрашиваю никакого завещания... я верю вам, да здравствует Екатерина!"

Возведение на престол Екатерины было торжеством и спасением для светлейшего князя. Она давно уже привыкла пользоваться его советами, а теперь они тем более необходимы, что Меншиков единственный человек, способный продолжать дело покойного императора, к тому же он единственный генерал с блестящим боевым прошлым, военный авторитет которого можно было противопоставить популярнейшему из генералов, представителю родовой боярской знати князю М. М. Голицыну, начальнику Украинской армии, движения которой очень опасались. Меншиков может надеяться, что теперь он будет сильнее, чем когда-либо при Петре. Надежды эти, по-видимому, начали сбываться. "Меншиков получил такую большую власть, какую только подданный может иметь", - доносит один иностранный министр своему двору; "Меншиков завел такие порядки, которые сделали его действительным правителем, а царице оставили одно имя", - пишет другой. Президентство в Военной коллегии возвращено Меншикову, но ему этого было мало. Светлейшему князю хотелось звания генералиссимуса и прекращения всяких счетов по его злоупотреблениям. Кроме того, давно уже мечтал светлейший получить в свое владение гетманский Батурин. Екатерине пришлось сдерживать его алчность, чтобы не возбуждать еще большего озлобления в притихшей, но продолжавшей существовать партии великого князя.

В партии, возведшей Екатерину на престол, скоро обнаружился раздор, вызванный в значительной степени надменностью светлейшего: Ягужинский ворчит, Апраксин плачется, что послан в Ревель к флоту, Репнин недоволен назначением в Ригу. Не успели тело Петра перенести в Петропавловский собор, как туда явился П. И. Ягужинский и громко стал жаловаться на обиду от Меншикова. "*Снять шпагу с меня хотел*, - говорит оскорбленный Павел Иванович, - *чего я над собою отроду никогда не видал...*"

Несмотря, однако, на то что значение Меншикова возросло до высшей степени, о чем можно судить по многочисленности объявляемых им словесно именных указов по

разным делам, 1725 г. подходил к концу, а светлейший князь не получил ничего еще из того, чего так хотел. Приближались именины Екатерины, и Меншиков просил кабинет-секретаря Макарова напомнить ей о нем. Кроме того, князь подал прошение и самой императрице. Добиваясь звания генералиссимуса, Меншиков мотивировал свое право тем, что *"хотя тем званием был и не пожалован, однокож, по воле Его Величества, то делал, что тому чину делать надлежит"*. Однако на этот раз Меншиков обрадован не был; правда, указом 8 декабря предписано было уничтожить его "счетные дела", а в июне следующего года получил он Батуриин с 3000 дворов с лишком.

Хотя Меншиков и не получил звания генералиссимуса, тем не менее он был полным хозяином в военном деле. Опираясь на данное ему Петром право (отмененное, впрочем, указом 11 декабря 1724 г.) давать указы, равные именным самого государя, которых "все слушали и по оным исполняли", Меншиков, по свидетельству Лефорта, "то и дело от имени царицы рассылает указ за указом, о которых она и не знает", и в то же время "присваивает себе одному право назначения и производства офицеров", став к тому времени капитан-поручиком отряда кавалергардов.

Между тем распространился слух, что аристократическая партия намерена возвести на престол великого князя Петра при поддержке родственного ему австрийского двора. Общая опасность заставила снова сплотиться партию Меншикова, готовую уже совсем

Дом князя Меншикова на Васильевском острове
в Санкт-Петербурге

распасться. Придуманно средство, которое должно удовлетворить противную партию. "Ловкий Толстой, - писал де Кампредон, - судьба которого, так же как и кн. Меншикова, зависит от положения царицы, предложил учреждение Верховного совета. Ограничиваемая отныне власть кн. Меншикова не станет более возбуждать справедливой зависти, так как ему нельзя уже будет ничего решать иначе, как с единогласного согласия всего совета..." Именным указом 8 февраля 1726 г. на имя генерал-прокурора Ягужинского учрежден был Верховный тайный совет, членами которого назначены кроме Меншикова Апраксин, Головин,

Толстой, князь Д. М. Голицын и Остерман.

Однако в конце июля мы видим попытку, идущую со стороны самих членов Верховного тайного совета, воспользовавшихся отсутствием Меншикова, хлопотавшего в Курляндии о своей кандидатуре в герцоги, ограничить его самовластие. В последнее время светлейший князь стал совсем игнорировать Верховный совет, непосредственно рассылая указы Сенату и другим учреждениям. *"Господа Сенат, - пишет он, подражая Петру, - Ее Имп. Величество указала..."*

Потеряв надежду сделаться герцогом и, кроме того, навлекши на себя неудовольствие и холодность Екатерины, которая будто бы даже подписала указ об арестовании князя по дороге из Курляндии, оставшийся без исполнения по просьбе герцога Голштинского, Меншиков должен был подумать о будущем.

Вопрос о престолонаследии представлял значительные затруднения и для императрицы и не мог не беспокоить ее. Можно было легко понять, что отстранение великого князя Петра было почти невозможно и должно было повести к осложнениям, могущим иметь печальные последствия для ее дочерей. Наиболее проникательный из людей того времени - Остерман, указывая на возможность появления, в случае устранения Петра, ка-

кого-нибудь "бездельного, мизерабельного мужика под фальшивым именем", попытался придумать "немецки-остроумный" способ примирить интересы партий - женить 11-летнего Петра на 17-летней красавице Елизавете. Но доводы даровитого дипломата, доказывавшего, что такое супружество "натуральным и божественным законам отнюдь не противно", так как "в начале, при сотворении мира, сестры и братья посягали, и чрез то только род человеческий распложался", аргумент этот был мало убедителен с точки зрения канонов православной церкви.

*Наградная медаль
«За Полтавскую баталию»*

императора жениться на одной из княжон Меншиковых. 6-м пунктом "тестамент" определялось "множеством голосов вершить всегда, и никто один повелевать не имеет и не может", но ясно было, что действительным правителем по смерти Екатерины будет нареченный тесть императора.

Под предлогом надзора за воспитанием Меншиков перевез Петра II в свой дом на Васильевском острове. Неудобные персоны были постепенно удалены: неуживчивый Ягужинский, несмотря на просьбы графа Головкина, удален в Украину, барон Шафиров, теперь президент Коммерц-коллегии, послан в Архангельск, как опытный в этом деле, устраивать китоловную компанию, учитель Петра Зенкин выслан за границу, камергер Маврин и инженер А. Ганнибал посланы в сибирские города с почетными поручениями.

Безграмотный Меншиков хорошо сознавал, однако, необходимость для императора продолжать образование и поэтому вверил воспитание Петра со званием обергофмейстера Остерману, в котором видел преданного себе человека. Мы сказали бы, что выбор был очень удачен, если бы не знали, что этот образованный, даровитый и способный человек был чересчур гибким царедворцем, ставившим выше всего свои личные интересы.

На помощь явился цесарский посол граф Рабутин, указавший Меншикову на возможность выдать его дочь за великого князя и, поддерживая его кандидатуру, сделаться тестем будущего императора. Светлейший убедил Екатерину дать согласие на брак великого князя с его 16-летней дочерью. Старые союзники Меншикова отшатнулись от него. Между тем противники великого князя не сходились в вопросе, чью кандидатуру им поддерживать. Толстой был за Елизавету, предлагая отправить Петра в чужие края поучиться; Бутурлин стоял за Анну Петровну, которую считал *"нрава изрядного, умильной и приемной и ум превеликий, много на отца похожа"*.

В апреле Екатерина заболела горячкой, осложнившейся воспалением легких. 16 апреля "во время пружестоккой болезни, параксизмуса", по выражению официального документа, "все доброжелательные подданные были в превеликой печали". 6 мая 1727 г. Екатерины не стало. "Тестамент" Екатерины, как говорят, составленный Бассевичем и подписанный Елизаветой, назначал "сукцессором" великого князя Петра (*Сукцессор (фр. successeur) - преемник, наследник*), определял дальнейший порядок престолонаследия, назначал "администрацию" до совершеннолетия императора и подтверждал обязательство

Счастье, всеобщее преклонение, беспрекословное повиновение усыпили подозрительность Меншикова и сделали его неосторожным и беспечным. Из вице-адмиралов князь сделан адмиралом, получил наконец давно желанное звание генералиссимуса; сын его Александр сделан обер-камергером и получил орден св. Андрея Первозванного; дочери - орден св. Екатерины. 25 мая совершено было обручение малолетнего Петра с княжной Марьей, для которой тотчас же учрежден особый придворный штат, с отпуском на содержание его ежегодно по 34 тыс. руб. Имя невесты, с титулом великой княжны, должно было возноситься за богослужениями... Меншиков был вполне самодержавен: Верховный тайный совет, Синод и Сенат исполняли его волю. Петр был в совете всего два раза; не чаще бывали и князь с Остерманом, посылая приказания из дому.

Положение правительства, руководимого Меншиковым, было не из легких: император был внук Петра Великого и сын царевича Алексея. Первый всю жизнь посвятил любимому делу, второй погиб упорным противником этого дела; Петру II одинаково близки эти два человека со столь несходными характерами, противоположными вкусами и стремлениями... Эта двойственность замечается и в действиях правительства. Бабушку императора Евдокию Лопухину (в монашестве инокиню Елену) освободили из Шлиссельбургской крепости и поместили в московском Новодевичьем монастыре. Верховный тайный совет распорядился отобрать всюду манифесты по делу царевича Алексея, а также закон 1722 г. о престолонаследии. Непопулярный в Малороссии владетель Батурина и Почепа, закабаливший казаков, Меншиков разрешил избрать гетмана и этим отступил от политики Петра. Но в других случаях нельзя не заметить со стороны правительства тенденции продолжать дело Петра Великого, причем даже прямо выставляются мотивом "указы деда нашего". Петербург является предметом правительственных забот Меншикова: проводятся каналы на островах, раздаются земли по Фонтанке под загородные дворы, на "бывший не в авантаже" Ладожский канал, детище Петра, отпускается 10 тыс. руб. для окончания его.

Между тем Меншиков старается отдалить от Петра всех тех, в ком может заподозрить враждебное к себе отношение. Герцог Голштинский с супругою должен удалиться за границу; Анне Иоанновне, герцогине Курляндской, не разрешается приехать в Петербург; Елизавета, незадолго лишившаяся жениха, остается одна. Этими неосторожными поступками Меншиков наживает себе несколько лишних и сильных врагов. Петр II находился пока еще вполне во власти будущего тестя, он еще раньше привык видеть его высокое положение, привык его слушаться. Но сам Меншиков не был дальновиден. Он продолжал по-прежнему смотреть на императора только как на мальчика, которому нужно еще учиться, которого не следует баловать; он считал лишним заслужить его любовь и расположение, забывая, что об этом позаботятся другие, оставив на долю светлейшего одно враждебное чувство и нерасположение. Меншиков забыл при этом, что он силен не своей собственной силой, а именно слабостью этого мальчика-государя, добровольно подчинившегося его воле, и только до тех пор, пока он не почувствует сам или не укажут ему другие на то, что Меншиков распоряжается им, не имея на то никакого права.

Остерман сослужил князю очень дурную службу: ему обязан был Меншиков тем, что в душе Петра постепенно крепло озлобление против него. Немало содействовали этому и две близкие и любимые юным Петром женщины: сестра великая княжна Наталья, чахоточная, развитая выше своих лет, умная и серьезная, не выносившая Меншикова и поклявшаяся, что ноги ее не будет в его доме (может быть, она знала замыслы светлейшего выдать ее замуж за своего сына), и тетка - веселая, беззаботная красавица Елизавета. Обе они старались подействовать на самолюбие мальчика-императора, указывая ему, что князь не оказывает ему, своему государю, должной почтительности. Есть известие, что Петр в досаде против Меншикова мстил его сыну, своему обер-камергеру, и бил его до того, что тот кричал и молил о пощаде. Но если это удовлетворяло мальчика, то взрослым, конечно, нужно было совсем другое. Случай помог слабому мальчику выйти из подчинения сильному характеру тяжелого человека.

В начале августа произошел тот чересчур известный случай с 9 тыс. червонцев {которые Петр послал в подарок сестре, а Меншиков велел отнести к себе), когда юный император впервые дал почувствовать оторопевшему Меншикову, что власть его начинает колебаться. На оправдание князя, что казна истощена, что деньги могут быть употреблены с пользой и что, если угодно, он может из собственных денег дать 100 тыс. руб., Петр, топнув ногой, закричал: *"Я тебя научу знать, что я император, и хочу, чтоб меня слушали"*. Труден был первый шаг, но он был сделан; юный государь почувствовал свою силу; он не мог не видеть, что сам надменный светлейший князь теперь следовал за ним, смиренно выпрашивая себе прощение, готовый повиноваться. Между тем события быстро идут вперед. На беду, Меншиков заболевает, у него открылась старая его болезнь - кровохарканье. Он собирается умирать и пишет наставление императору, указывает на его обязанности в отношении к России, "этой недостроенной машины", а Петр весело проводит время, ездит на охоту, бросил учебные занятия и чувствует себя как нельзя лучше.

*Знак ордена св. Андрея
Первозванного*

В день именин великой княжны Натальи Меншиков мог уже видеть, что влияние его прошло безвозвратно. Петр не отвечает на поклоны князя, оборачивается к нему спиной, когда тот пробует заговорить с ним, и, бравируя этим, говорит одному из придворных: "Смотрите, разве я не начинаю его вразумлять". Официальное положение князя остается прежним, и ничто не дает повода предполагать скорого его падения. Издается даже указ, которым предписывается исполнять все словесные и письменные распоряжения Меншикова, как это было раньше, при Петре I. Но зато 3 сентября государь отказался быть у князя в Ораниенбауме на освящении церкви, может быть, потому, что князь не нашел нужным пригласить цесаревну Елизавету.

Князь искал случая объясниться и не находил - враги считали это опасным: мальчик все еще мог опять подчиниться влиянию Меншикова. Зато Меншиков успел крупно поговорить с Остерманом, двуличную роль которого он теперь только разглядел. Остерман теперь заметная величина, главное - он авторитет в глазах великой княжны, поэтому на угрозы светлейшего его колесовать смело отвечает, что его колесовать не за что, но что он знает человека, который может быть колесован. Разговор этот не остался без последствий. 8 сентября утром явился к Меншикову генерал-лейтенант Салтыков и объявил домашний арест. С самим князем сделался обморок, а княгиня Дарья Михайловна с сыном поспешили во дворец и на коленях умоляли Петра о прощении князя, но он не обратил внимания на их просьбы. Насколько сам князь успел заслужить общую ненависть, настолько все жалели его достойную жену.

Меншиков сделал последнюю попытку, написал письмо императору, в котором просил "для старости и болезни от всех дел уволить", освободив от ареста, и обещал "верность содержать даже до гроба". Но и это не помогло. На следующий день Петр прибыл в Верховный тайный совет, так редко им посещаемый, выслушал доклад по делу Меншикова и затем "в своих покоях подписать соизволил указ", которым князь лишился всех своих должностей, чинов и "кавалерии" и ссылался в нижегородские его деревни; "а имению его

быть за ним", гласил указ. Затем по просьбе Меншикова ему разрешено было отправиться в Ораниенбург (г. Ранненбург Ряз. губ.). 11 сентября 1727 г. громадный поезд, состоявший из четырех карет и множества разнообразных экипажей, конвоируемый отрядом в 120 человек, увозил Меншикова с семьей и многочисленной прислугой из столицы, которая была ему стольким обязана, чтобы больше никогда уже не вернуться в "парадиз" Петра Великого.

Говорят, что пышность выезда Меншикова была истолкована в дурную сторону и повредила ему, но едва ли это имело какое-нибудь значение. К 1727 г. число его врагов увеличилось во много раз. Радость по поводу падения Меншикова была всеобщей – "погибла суетная слава прегордого Голиафа", "тирания, ярость помешанного человека, разрешилась в дым".

В Ораниенбурге Меншиков надеялся пожить на покое, пользуясь плодами своих нажитых всеми правдами и неправдами богатств. Но сам светлейший князь был слишком опасен, чтобы его могли оставить так близко, а богатства его составляли такой лакомый кусок, разделить который между собою нашлось немало охотников. Начали раскапывать старые дела, давние начеты, забытые взятки, делали попытки обвинить его в государственной измене, но всего более повредил Меншикову, как это часто бывает, кто-то из его доброжелателей, подкинув к Спасским воротам в Кремле письмо в пользу князя. 9 апреля 1728 г. состоялся указ Верховного тайного совета о ссылке Меншикова с семейством в Березов; многочисленные имения князя и колоссальные богатства его велено было конфисковать под предлогом покрытия разных начетов и недоимок. Детям князя оставлено по 10 тыс. руб. и по несколько деревень.

...В 106 верстах от Тобольска, на берегу р. Сосвы, среди дремучей тайги и пустынных тундр отдаленного Севера, заброшен маленький городок Березов. Унылая природа бывает облачена в снежный саван в течение восьми месяцев, от холода захватывает дыхание, земля и лед от морозов дают трещины, безмолвие пустыни царствует в полутемном, занесенном снегом городке. Сюда-то привезен был в августе 1728 г. князь Меншиков с сыном, дочерьми и несколькими слугами. Княгиня Дарья Михайловна, ослепшая от слез, не доехав до места ссылки, умерла 10 мая недалеко от Казани. Ссылные помещены были в остроге, низком, длинном деревянном здании, состоявшем из четырех комнат.

Несчастье произвело сильный нравственный перелом в Меншикове. Гордый, жестокий, надменный, властолюбивый и порочный в дни могущества, в ссылке он явил образец христианского смирения, так что местное предание сохранило о нем память как о праведнике. Меншиков вел записки о своей богатой событиями прошлой жизни (утраченные), любил также побеседовать с местными жителями запросто. "Вот ты сидишь теперь со мной рядом, - говаривал он березовскому старожилу Бажанову, - а прежде вельможи, принцы и князья всячески добивались попасть ко мне во дворец и каждое слово мое считали особой милостью..." Со времени стрелецкого розыска в застенках Преображенского мы ни разу не встречаем Меншикова в течение всей его жизни с топором в руках, но здесь, в Березове, ему пришлось вспомнить знания, приобретенные на ост-индском дворе в Голландии. На остатки от своего содержания он построил церковь Рождества пр. Богородицы с приделом св. Ильи, причем сам работал топором.

12 ноября 1729 г. Меншиков скончался и был погребен около алтаря построенной им церкви... Вскоре после отца скончалась и несчастная царская невеста, княжна Марья, которая принадлежала к тем тихим, кротким и простым женским натурам, которые умеют только любить и страдать, которые как бы созданы для семейных радостей, забот и печалей домашней жизни. И характером, и лицом она сильно напоминала свою мать. Местное предание рассказывает, что будто вслед за Меншиковым приехал в Березов молодой князь Ф. Долгоруков, любивший княжну Марью, и обвенчался с нею. Через год княгиня Долгорукова скончалась родами двух близнецов и была похоронена вместе с детьми в одной могиле недалеко от Спасской церкви, на крутом берегу р. Сосвы.

Другие дети Меншикова были возвращены из ссылки в 1730 г. и получили часть имений отца. Их было двое: князь Александр Александрович и княжна Александра Александровна. До ссылки князь Александр был обер-камергером и кавалером ордена св. Андрея и единственный из мужчин имел орден св. Екатерины; позднее он дослужился до чина генерал-аншефа и имел орден св. Александра Невского.

Граф Александр Борисович Бутурлин (1704-1767)

родился в Москве. К этому времени древняя дворянская фамилия Бутурлиных, ведущая свое начало от Радши, "мужа честна", приехавшего "из семиградской земли" при Александре Невском, насчитывала в своих рядах 29 представителей, бывших богатыми помещиками. Его отец, капитан гвардии, умер от раны, полученной в сражении при Лесной в 1708 г. Родной дядя Бутурлина, Петр Иванович, известный "князь-папа", будучи приближенным к Петру лицом, мог содействовать карьере племянника.

**Граф Александр Борисович
Бутурлин**

людей это была незаменимая школа, в которой они под руководством самого Петра могли многому научиться. Оставаясь в этой должности до самой кончины государя, Александр участвовал во всех сухопутных и морских предприятиях Петра и исполнял его многочисленные и разнообразные поручения. Здесь у него могли зародиться те симпатии к членам Петрова дома, которыми в значительной степени определяется его последующая деятельность, тем более что он был также доверенным лицом императрицы, исправляя и при ней должность денщика.

Усердная служба и толковое исполнение обязанностей скоро расположили к нему Петра. Эта милость простиралась до того, что государь лично заботился о переходе к любимому денщику имений, оставшихся после смерти его дяди П. И. Бутурлина, и в сентябре 1723 г. сделал в этом смысле резолюцию на поданной Александром челобитной.

Почти немедленно по воцарении Екатерины I Александр Бутурлин был пожалован гоф-юнкером, а к концу ее царствования, в 1727 г., был уже камер-юнкером двора. Назначение Бутурлина на придворные должности не могло не отразиться на всей его последующей деятельности и имело несомненное и решающее влияние на образование его характера, вкусов, симпатий и убеждений. Еще очень молодой, неопытный, с несложившимися взглядами человек, находившийся до этого в суровой и трудовой обстановке,

новке петровского двора, сразу попал в изнеживающую и праздную атмосферу придворной жизни XVIII века, окунулся с головой в море интриг, отличавших собою эпоху от смерти Петра I до воцарения Екатерины II. Ему пришлось почти все время присутствовать при борьбе партий, не пренебрегавших никакими средствами, лишь бы попасть в фавор, видеть незаслуженное возвышение лиц, о которых до этого никто ничего не знал, и удивляться неожиданному падению временщиков, стоявших, казалось, на недосыгаемой высоте. Здесь, в этой обстановке, появились в характере Александра Борисовича те несимпатичные черты, за которые он получил от современников прозвище царедворца, в худшем смысле слова.

Вероятно, что еще с первых шагов его придворной деятельности и было положено начало тем отношениям между молодым красавцем камергером и пышно расцветавшей цесаревной Елизаветой, о которых впоследствии упоминают иностранные посланники в своих донесениях. Борьба придворных партий еще более обострилась в правление малолетнего Петра II. С падением Меншикова партии резче обозначаются, и в дипломатической переписке того времени каждая выступает с очень определенной физиономией. Александру Борисовичу, еще в 1726 г. женившемуся на княжне Анне Михайловне Голицыной, которая приходилась родной сестрой князьям Дмитрию и Михаилу Голицыным, гордившимся своим происхождением и заслугами, естественнее всего было примкнуть к этой влиятельной партии. Этим обстоятельством можно объяснить, почему Петр II немедленно по восшествии своем на престол пожаловал его камергером, а 1 января 1728 г. одна из отобранных у Меншикова "кавалерий" - орден св. Александра Невского - была отдана Бутурлину. 10 февраля Бутурлин пожалован унтер-лейтенантом Кавалергардского корпуса и чином генерал-майора.

Несмотря на все свои неоспоримые заслуги, несмотря на то что партия Голицыных разделяла отвращение молодого императора ко всему иностранному, эта партия не могла всецело расположить к себе Петра II. Ей скоро пришлось вступить в борьбу с Долгоруковыми.

Известно, что в их планы входила, между прочим, женитьба юного императора на родной сестре царского фаворита князя Ивана Долгорукова. Главным препятствием к достижению этой заветной цели была страстная любовь молодого Петра к его красавице-тетке. Нужно было во что бы ни стало поколебать эту любовь и устранить цесаревну.

Как на подходящем средстве для этого партия остановилась на Бутурлине и его отношениях к Елизавете. Уже прежде от глаз посторонних наблюдателей не ускользнуло ни расположение Петра к тетке, ни его ревнивый и вспыльчивый характер. Принимая во внимание неосторожное поведение и не совсем скромный образ жизни, который вела в то время Елизавета, нетрудно себе представить, что пылкая юношеская любовь царя, доходившая почти до обожания, должна была уступить место противоположным чувствам, как скоро ему намекнули об отношениях цесаревны к ее камергеру. Немаловажным поводом к перемене настроения царя было, кажется, неосторожное путешествие Елизаветы вместе с Бутурлиным на богомолье в один из подмосковных монастырей, причем их сопровождала только одна дама.

Эта перемена не замедлила выразиться, по обычаю века, в очень резких и грубых формах. *"Приискивают различные средства унижить княжну Елизавету, - доносит Лефорт 4 мая 1729 г. - Ей отказывают, - продолжает он, - почти во всем, даже в пиве для ее людей. Ее лишили Бутурлина, ее советника, хотя с самыми дурными наклонностями, но Господь, во гневе своем, довел его до генерал-майорства, и так как он открыто признается в своем неумении начальствовать, то полагают, что его отправят в Персию, где бы он научился своему ремеслу"*. Герцог Лирийский в донесении от 6 июня 1729 г. сообщает, что "ген. Бутурлина понизили чином, отняли у него орден св. Александра и с чином подполковника сослали в Персию". Так на этот раз неудачно кончилась для Александра Борисовича столь блистательно начатая им придворная служба.

С воцарением Анны Иоанновны Бутурлин 8 апреля 1730 г. снова получил назначение на персидскую границу в корпус, находившийся под командою генерал-поручика Румянцева. В этом вновь завоеванном русским оружием крае Бутурлин участвовал в многочисленных сшибках с кавказскими народцами, находясь "в атаке от татар и турков два месяца", а потом будучи "в двух акциях, одна под Дербентом, другая в Табасаране".

*Походная печать
Петра I*

Однако Бутурлин очень тяготился своей службой на отдаленной окраине. Положение его улучшилось с назначением командиром Низового корпуса принца Гессенгомбургского, покровительствовавшего Бутурлину. В мае Бутурлин был отправлен из крепости Св. Крест в Дербент, откуда поспешил послать принцу Гессенгомбургскому "черешни, сколько мог спелой собрать", а в июле одержал над неприятелем победу "на акции, продолжавшейся часа 3 и больше". Бутурлин, ссылаясь на лихорадку и общую слабость здоровья, продолжал просить освобождения от службы, и в августе принц сделал об этом представление государыне. На это последовал высочайший указ об отправке Бутурлина из Низового корпуса для лечения и житья в Казань.

В 1735 г. генерал-майор Бутурлин именным указом был назначен губернатором в Смоленск. Выступая впервые на административном поприще, Александр Борисович кроме обычной губернаторской деятельности должен был столкнуться с целым рядом вопросов об упорядочении пограничных отношений в этой примыкавшей к Польше губернии. Ему пришлось разобрать массу дел об обидах, чинимых литовскому шляхетству воинскими командами при розысках беглых русских крестьян, и предложить несколько мер для предотвращения побегов.

Война с турками и недостаток в генералах оторвали Бутурлина от его административной деятельности, за которую он уже успел получить "всемилодивейшую Е. И. Величества апробацию, за подписанием собственной рукою". В январе 1738 г. он был определен в действующую армию, находившуюся под начальством Миниха, и участвовал в Днестровском походе против турок. В донесении своем императрице 4 октября главнокомандующий аттестует его как надежного и способного, хотя и слабого здоровьем генерала.

*Большая государственная
печать Петра I*

В кратковременное правление Анны Леопольдовны в сентябре 1740 г. состоялось назначение Бутурлина армейским кригскомиссаром, с повелением присутствовать в московской военной конторе, затем в октябре он был произведен в генерал-лейтенанты.

Немедленно по восшествии на престол Елизаветы Петровны вместе с наградами лиц, способствовавших перевороту 25 ноября, обрушилась кара на сторонников и деятелей предшествовавшего царствования; их имущества были конфискованы и большей частью розданы лейб-кампанцам. Именным указом 1 декабря было поведено Бутурлину командировать на Украину надежных людей для описи имений и имущества обоих Минихов, вице-канцлера графа М. Головкина, генерал-адмирала графа А. Остермана и президента Коммерц-коллегии барона Менгдена. Вместе с тем императрица поручала своему бывшему любимцу, сменив известного Неплюева, принять на себя главное управление Малороссией. Это было очень почетным и вместе с тем ответственным назначением, если принять во внимание заботы тогдашнего правительства об этом крае, страшно пострадавшем во время бироновщины и только что начинавшем оправляться от минувшей Турецкой войны. Тем не менее это назначение пришлось далеко не по душе Бутурлину; он принял его "крайне неохотно, с условием, что оно будет временное, и только

и думал, как бы возвратиться ко двору". Как предъявление Бутурлиным этого условия, так и его стремление непременно оставаться при дворе крайне характерны; они как нельзя лучше обрисовывают вместе со вкусами Александра Борисовича ту монаршую благосклонность, которой он неизменно пользовался во все время царствования Елизаветы.

Коронование императрицы, состоявшееся 25 апреля 1742 г., послужило Бутурлину удобным предлогом уехать в Москву и, навсегда распрощавшись с Малороссией, снова начать излюбленную им придворную службу. Получив еще в марте этого года звание действительного камергера, Александр Борисович в день коронации был произведен в полные генералы. В это время со шведами велась война, окончившаяся впоследствии Абовским миром. Елизавета, не сомневавшаяся, кажется, в разнообразных дарованиях бывшего фаворита, назначила его главным командиром войск, расположенных в Лифляндии, и затем ему же было поручено выступить с войсками в Курляндию, на случай появления там шведского десанта. Здесь "через его (Бутурлина) благоразумие и неусыпное попечение" были взяты у шведов два шкота и одно судно; снятые с них шесть флагов отправлены ко двору.

С отъездом двора в Петербург Бутурлин был оставлен в Москве "главным командиром", причем ему же было вверено начальствование над войсками, расположенными в столице и ее окрестностях. Его губернаторская деятельность не была, да и не могла быть особенно плодотворной; она скоро осложнилась другими обязанностями. В том же году Бутурлин сделан был сенатором и в 1744 г. командиром дивизии из полков, расположенных в Казанской, Астраханской и Нижегородской губерниях.

Памятная медаль
на заключение
Ништадтского мира

В 1748 г. Бутурлин был назначен в Сенат для объявления высочайших повелений по разным предметам. С небольшими перерывами он исполнял эту обязанность до 1760 г. За это время Бутурлин был пожалован в генерал-адъютанты, подполковники лейб-гвардии Преображенского полка, получил орден св. Андрея Первозванного и, наконец, 5 сентября 1756 г., в день тезоименитства государыни, возведен в фельдмаршальское достоинство.

Параллельно с занятиями в Сенате шли работы в Конференции, в которую вместе с возведением в фельдмаршалы был назначен Бутурлин. Главные заботы этой Конференции заключались в приготовлении русских военных сил к предстоящей борьбе с Фридрихом II. Скоро началась и сама война. Участвуя постоянно в заседаниях Конференции,

А. Бутурлин имел полную возможность изучить сложный механизм мобилизации, познакомиться со взглядами товарищей на эту малопопулярную войну и быть свидетелем странного поведения племянника Елизаветы, наследника престола, который открыто радовался при получении известий о победах Фридриха и упорно не доверял рассказам о поражении пруссаков. От наблюдательного придворного, каким был Александр Борисович, не могло ускользнуть ни слабое здоровье императрицы, ни те перемены, которые должны были последовать после ее смерти.

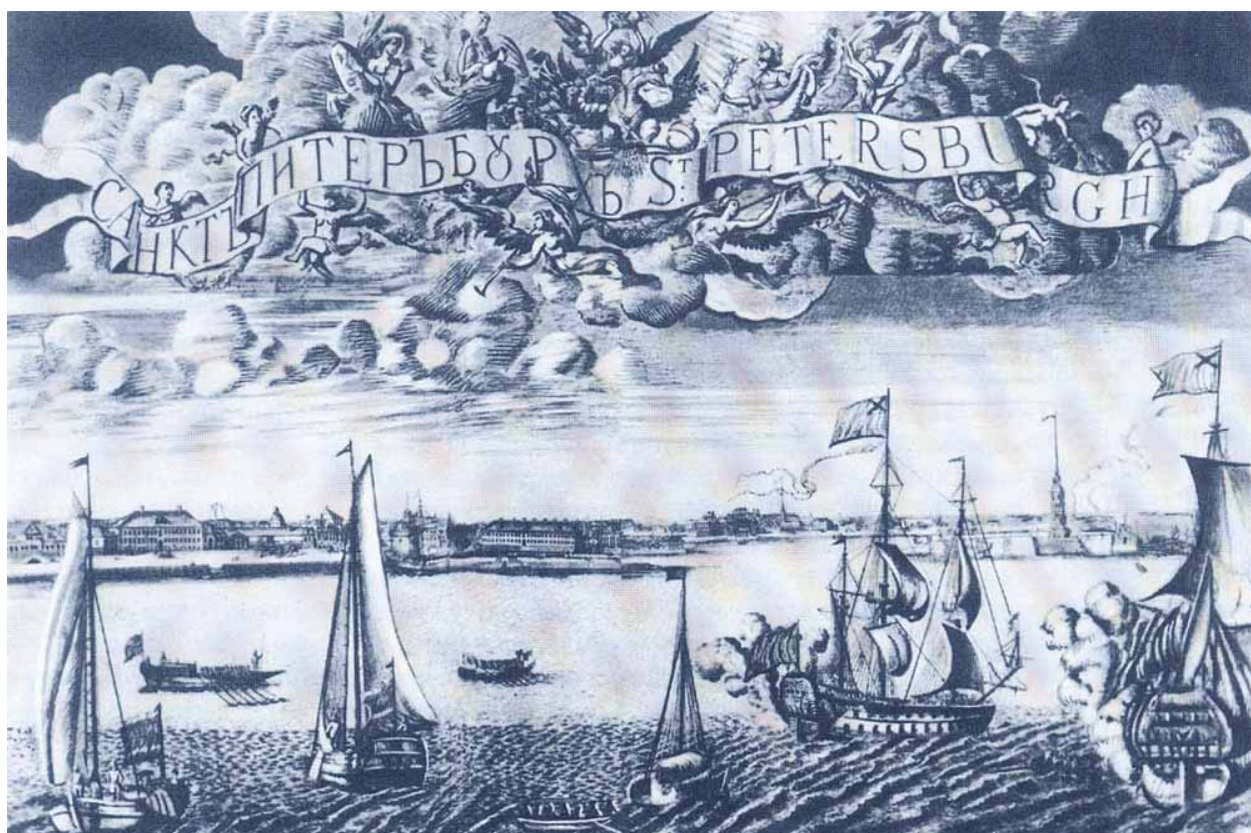
Положение дел при дворе действительно было таково, что требовалось с постоянным и неослабевающим вниманием следить за ходом событий. Здоровье Елизаветы день ото дня становилось хуже; дни ее, по-видимому, были сочтены, и всем было ясно, чего можно было ожидать от ее слабого духом и телом преемника. Вокруг супруги наследника великой княгини Екатерины Алексеевны, умевшей располагать к себе всех, уже группировался кружок преданных ей лиц.

Наученный горьким опытом, вынесенным из прежней придворной жизни, Бутурлин знал, как опасно не примкнуть вовремя к преобладающей партии. В его поступках заметны колебание и нерешительность, не ускользнувшие от Екатерины. "Хотя, - писала о нем великая княгиня, - это человек слабого характера и наклонен к плутовству, однако и

из него можно извлечь пользу". Несомненные военно-административные заслуги, которые оказал Александр Борисович, будучи членом Конференции, побудили последнюю сделать представление Елизавете о назначении Бутурлина главнокомандующим на место Салтыкова. Таким образом, противником гениального Фридриха II становился вельможа почти без всякой боевой подготовки, с одними талантами хорошего администратора. Это назначение вызвало оживленные толки и сильное неудовольствие и в публике, и в действующей армии.

Но во всех недоброжелательных отзывах, сложившихся отчасти по окончании войны, совершенно упускается одна сторона, на которую мало обращали внимания и наши историки. Без всякого сомнения, Бутурлин не отличался военными дарованиями, и возложенная на него задача была ему не по силам; но при оценке его поступков, бывших в общем точным повторением ошибок его предшественников, совершенно остается в тени его придворное прошлое, его близкое знакомство с настроением "молодого двора". Бутурлин ни на минуту не мог сомневаться в том обороте дел, который должен был наступить и действительно наступил после кончины императрицы Елизаветы. Приняв во внимание и другие причины, тормозившие успешный ход операций, - полную зависимость главнокомандующего от распоряжений Конференции, этого русского гофкригсрата (*Гофкригсрат - высший военный совет*), и недостаток доверия к австрийцам, - мы получим достаточно данных если не для оправдания, то для смягчения приговора о действиях Бутурлина, которому так и не удалось прославиться "побеждением неприятеля".

Впрочем, военные неудачи особенно не тревожили Бутурлина: он имел сильную поддержку при дворе в лице только что вошедшего в милость И. И. Шувалова, с которым состоял в переписке. Убеждая Шувалова внимательно читать его реляции, фельдмаршал заявляет, что из них видно, как "венский двор ничто иное желает, как токмо, по простой пословице, чужими руками жар загребать".

Панорама Санкт-Петербурга

Распоряжения главнокомандующего носят отпечаток полнейшей растерянности и нерешительности. Лишенный возможности созвать военный совет, потому что Конференция запретила даже помянуть это "мерзлившее" ей слово, и предоставленный собственной инициативе, фельдмаршал в полной мере обнаруживает свою неспособность. Нужно еще здесь же отмстить зависть и открытое недоброжелательство Бутурлина к выдающемуся своими дарованиями Румянцеву.

Кружка в память основания Санкт-Петербурга

утверждавшую за ним и его потомством графское достоинство Российской империи; затем назначила его, с оставлением в звании генерал-адъютанта, командующим всей кавалерией, расположенной около Петербурга.

Депеши иностранцев раскрывают нам то участие, которое принимал Бутурлин в деле, живо интересовавшем высшие сферы, в составлении проекта брачного договора Екатерины с ее любимцем графом Г. Г. Орловым. Несмотря на антипатию к Орлову, в короткое время сделавшемуся равным ему по чину, Бутурлин, верный себе, все-таки одним из первых подписал бумагу, в которой от имени знатнейших представителей нации одобрилось это ни с чем не сообразное намерение...

Остаток жизни А. Б. Бутурлина протекал тихо, без тревожений и бурь, которыми были ознаменованы его молодые годы. Он то командовал парадом, причем неизменно получал высочайшую благодарность, то, явившись во дворец к наследнику престола великому князю Павлу Петровичу, рассказывал эпизоды своей богатой приключениями жизни и нередко становился предметом насмешек слушателей.

Приехав в Москву, Бутурлин в мае 1767 г. заболел и, несмотря на все заботы докторов, присланных императрицей, 31 августа скончался на руках своей семьи и близких ему лиц.

Князь Никита Юрьевич Трубецкой (1699-1767)

принадлежал к одной из старейших русских фамилий. Отец его князь Юрий Юрьевич с воцарением Анны Иоанновны, когда весь род его пошел в гору, получил звание сенатора и чин действительного тайного советника. Он был не без знаний, приобретенных в чужих краях, и Меншиков причислял его к "господам честным и обученным". Будучи сам человеком "обученным*", князь Юрий Юрьевич старался и сыновей своих "воспитать с преиз-

рядным учением". Князь Никита, старший, в юности обучался за границей. Из "немецкой земли" он вывез не только знание чужого языка, но также известное общее образование, склонность к литературе и обществу развитых и образованных людей.

Князь Никита Юрьевич Трубецкой

"а был по-прежнему при дворе", отмечает он в своем журнале. В том же году 16 апреля Трубецкой женился на графине Головкиной. Посаженым отцом и матерью у Трубецкого были император Петр I и княгиня Меншикова, у невесты - Меншиков и императрица Екатерина. Во время празднования коронации Екатерины 10 мая 1724 г. он был произведен в прапорщики, "а при дворе был по-прежнему", добавляет журнал.

В современных памятниках не сохранилось точных сведений об этой придворной службе Трубецкого; не подлежит, однако, сомнению, что Петр благоволил к князю Никите. Эта благосклонность выразилась в том, что государь удостоил вместе с цесаревной Анной Петровной воспринять от купели двоих сыновей его, родившихся в 1723 г. и 1724 г. Но кумовство с царем не приносило никаких существенных результатов, и, для того чтобы получить производство в преображенские офицеры, "волунтир" Трубецкой должен был заискивать у сильного в то время Вилима Монса, которому за эту милость униженно обещался "со всей своею фамилиею служить до смерти". Императрица Екатерина I пожаловала князя Никиту в камер-юнкеры, крестила его сына Ивана, а отца - князя Юрия Юрьевича назначила белгородским губернатором.

При Петре II явились новые влияния, с которыми приходилось считаться, явились новые временщики, у которых приходилось заискивать. Первое место между ними занимал князь Иван Долгоруков. Немало лиц искало милостей любимца императора; искал их и Никита Трубецкой, и притом способом, достаточно характеризующим "повреждение нравов" в России того времени. Жена Трубецкого княгиня Настасья Гавриловна была "приятна и недурна собою". Хотя она имела дурную привычку румяниться до того, что "лицо ее блестело, как ни у одной из петербургских дам", но все-таки она привлекала взоры великосветских кавалеров. По свидетельству Щербатова, княгиня обратила на себя внимание Ивана Долгорукова, и ухаживания временщика, по-видимому, не остались без успеха. Щербатов утверждает, что Трубецкой "с терпением стыд свой сносил"; Долгоруков же имел в доме Трубецкого "частые съезды с другими своими младыми сообщниками", при этом он "пивал до крайности, бивал и ругивал" князя Никиту, а однажды "по исполнении над ним многих ругательств хотел, наконец, выкинуть его в окошко".

Непосредственно за смертью Петра II наступило трудное и тревожное время; казалось, пошатнулись самые устои государственной организации, и все слои русского обще-

Но наряду с этими наклонностями в князе Никите Юрьевиче, по отзывам современников, уживались грубость, жесткость и полное отсутствие нравственных принципов. Щербатов называет его "пронырливым, злым и мстительным"; княгиня Дашкова отзывается о нем как о куртизане, в совершенстве обладающем секретом притворства; наблюдательный Гельбиг, резюмируя мнения своих предшественников, утверждает, что князь Никита был "очень мстительный человек, имевший чрезвычайно деспотические принципы и не отличавшийся ни человеколюбием, ни снисходительностью".

Князь Никита Юрьевич возвратился из "немецкой земли" в 1717 г. 3 июня 1719 г. молодой князь "сговорил жениться" на графине Настасье Гавриловне Головкиной и 5-го же июня был взят в службу ко двору "волунтиром", т.е. поступил в число царских денщиков. 28 января 1722 г. он был написан в сержанты лб.-гв. Преображенского полка,

ства "пришли в небывалое брожение"; приходилось лавировать между партиями и приспосабливаться к новым общественным течениям. Люди осторожные, будучи противниками ограниченной монархии, не решались открыто выступить против олигархов и оставляли себе почетное и выгодное отступление на случай, если восторжествует "тиранство верховников". Некоторые прибегали к довольно ловкому, хотя и не особенно благовидному приему: близкие родственники, например отец и сын, подписывались под прямо противоположными политическими *credo* для того, чтобы обеспечить себе покровительство совершенно различных партий. Так поступали Головкины, Апраксины, Мусины-Пушкины и др. Не отставал от них и князь Никита Юрьевич. Он подписался и под "аристократическим" проектом князя Черкасского, упразднявшим Верховный тайный совет, и под умеренным проектом Секиотова, допускавшим компромисс с церковниками. Имя его стояло под петицией, поданной князем Черкасским Анне Иоанновне утром 25 февраля 1730 г. и выражавшей желание "по большим голосам форму правления государственного сочинить"; через несколько часов он с прочими представителями дворянства просил уже императрицу "царствовать самодержавно по примеру прародителей".

Само собой разумеется, что, когда восторжествовало самодержавие, защитники его получили щедрые награды. Не был забыт и князь Никита Юрьевич: 10 марта он был пожалован в генерал-майоры и в подпоручики Кавалергардского корпуса; по сообщению саксонского посла Лефорта, он был сделан знаменщиком эскадрона кавалергардов. Впрочем, он недолго числился в списках кавалергардов: 8 июня 1731 г. "по рассказовании" Кавалергардского корпуса князь Никита был пожалован в "мажоры" лб.-гв. Преображенского полка. Молодой тридцатилетний генерал принял участие в 1734 г. в Польской кампании и в непосредственно следовавшей за нею войне с Турцией. Миних справедливо признавал юного генерала "слишком слабым для полевой службы", и князь Трубецкой был назначен в крисккомиссариат (*Крисккомиссариат - учреждение, ведавшее обеспечением войск предметами хозяйственного довольствия и денежным содержанием*). Он находился в слободской Украине, когда 27 апреля 1735 г. в Москве скончалась жена его Настасья Гавриловна, и полгода спустя он вступил в брак с вдовой валахского выходца майора Хераскова Анной Даниловной. Фельдмаршал Миних был весьма расположен к молодой майорше. Расположение свое к жене он перенес и на мужа.

В начале 1736 г., готовясь к осаде Азова и к походу в Крым, Миних приехал в крепость Св. Анны на Дону и не нашел там ни одного куля муки из значившихся по бумагам 50 тысяч; в Изюме, где также заготавлился провиант для Крымской армии, дела шли не лучше. Миних решил сам взять на себя "трудную должность комиссариата" и собрал достаточное количество съестных припасов для Азовской армии. Нуждаясь в помощнике, он выбрал Н. Ю. Трубецкого. Заготовив зимой провиант для Крымской армии, Миних выступил в апреле в Крым и поручил Трубецкому доставку провианта в армию. По свидетельству Манштейна, князь Трубецкой действовал так медленно, что еще не успел кончить своих распоряжений, когда армия возвратилась в Украину. После взятия Перекопа 20 мая Миних подтверждал Трубецкому об отправке в Перекоп запасного провианта; но и два месяца спустя, выступая обратно из Крыма, фельдмаршал должен был послать напоминание Трубецкому о необходимости скорейшей поставки провианта в армию. Посланный генерал застал на Украине Трубецкого только еще "намеревающимся" отпустить первый транспорт. В Крыму погибло более половины армии...

Миних, которому нужно было оправдать себя, объяснял гибель солдат "жарким климатом и дурной степной водою"; ни один полковой командир, ни один доктор не представлял, да и не смел представить главнокомандующему о другой причине смертности. Значительная доля вины в этом случае падает на нераспорядительность Н. Ю. Трубецкого. Сознавал это и сам фельдмаршал Миних. Жестоко каравший за оплошности своих подчиненных и в том же, 1736 г. за ошибку разжаловавший в драгуны генерал-майора Гейна, он не только не разжаловал князя Трубецкого, но представил его к награде чином и, мало того, дал ему весьма важный пост начальника транспортов, которые должны были из Брян-

ска идти по Днепру под Очаков с тяжелой артиллерией, боевыми снарядами и провиантом. Б января 1738 г. Трубецкой именным указом 13 числа был определен генерал-кригскомиссаром и на этой должности пробыл до окончания Турецкой войны.

28 апреля 1740 г. князь Трубецкой был назначен генерал-прокурором Сената с производством в действительные тайные советники. А полгода спустя, 6 октября, на другой же день после опасного припадка, случившегося с императрицей, Бирон пригласил к себе для совещания немногих избранных сановников, в том числе и Никиту Юрьевича. Вельможи решили, что Россия погибнет без руководства "гением герцога Курляндского"; в награду за это они услышали комплимент, что они поступили, "как древние римляне". Князь Трубецкой, как показало потом следствие над Бироном, не отставал в усердии от своих товарищей и вместе с Бреверном и Бестужевым диктовал определение о регентстве Бирона. На долю Трубецкого выпала также честь объявить Бирона регентом. 17 октября генерал-прокурор присутствовал при последних минутах Анны Иоанновны и затем прочел декларацию о назначении герцога Курляндского регентом Российской империи.

В продолжение кратковременного регентства Бирона князь Трубецкой показывал себя верным приверженцем герцога, "на ухе у него лежал", как говорили недовольные. Охраняя прерогативы регента, Трубецкой должен был "наижесточайше экзаменовать" П. Ханькова, задумавшего низвергнуть Бирона. Само собой разумеется, что "экзаменатор" сторонников Анны Леопольдовны, опекуниши при малолетнем Иоанне VI, не мог ждать для себя ничего особенно хорошего от переворота в ее пользу. Анна Леопольдовна, однако, "явила опыт величия души": зять Трубецкого князь Черкасский, только что перед тем выдавший Бирону преданных Анне Леопольдовне гвардейцев, не только не поплатился за это, но был даже пожалован в канцлеры; его раболепство перед регентом было снисходительно приписано "более робости, нежели приверженности" Бирону. Князь Трубецкой если и не был награжден, но все же остался на прежнем месте; через три недели после низвержения Бирона он был командирован в Ригу для описи имений бывшего герцога Курляндского и устройства их управления.

А вскоре произошел переворот, вознесший Трубецкого на небывалую еще для него высоту. Утверждают, что Трубецкой и Черкасский заранее вступили в сношения с цесаревной Елизаветой; что Трубецкой по возвращении из Риги сообщил Елизавете о преданности ее делу остзейских провинций. Во всяком случае переворот 25 ноября 1741 г. не застал князя врасплох. Он был желанным гостем во дворце цесаревны; там он встретился со многими своими родственниками и друзьями. Князь А. М. Черкасский, позабыв, что накануне еще он был канцлером Иоанна VI, как ни в чем не бывало приспособился писать манифест о восшествии на престол Елизаветы; ему помогали опытные дельцы Бреверн и Бестужев; к помощникам канцлера присоединился и князь Никита Юрьевич. Последнему как генерал-прокурору пришлось наблюдать за печатанием и рассылкой по губерниям манифестов и присяжных листов, из которых Россия узнала "о радостной перемене"; сын его 17-летний камер-юнкер Петр ездил к иностранным дипломатам с объявлением о воцарении Елизаветы. Зная, что Елизавета "законы своего любезнейшего родителя во всем своими почитает", Трубецкой постоянно "представлял ей о возобновлении всех законов Петра Великого". Выгодные последствия такой политики не замедлили обнаружиться: указом 12 декабря Сенат получил свои прежние, петровские, "прерогативы верховного места" и генерал-прокурор из "нуля между незначащими цифрами снова сделался царским оком".

Князь Трубецкой, по-видимому, питал самую сильную привязанность "к крови Петра Великого" - племяннику Елизаветы, юному герцогу Карлу Петру Ульриху, объявленному наследником престола. Во время миропомазания герцога 7 ноября 1742 г. под именем Петра Федоровича императрица, растроганная церемонией, упала на колени, обливаясь слезами; увидав это, Никита Юрьевич поспешил зарыдать так громко и умиленно, что заразил лютеранина, принца Гессен-Гомбургского... С большой ревностью Трубецкой охранял все права и прерогативы великого князя: усмотрев, что в академическом календаре титул Петра Федоровича напечатан "без надлежащего респекта", без при-

бавления слов "внук Петра Великого", генерал-прокурор считал это "важным упущением, за которое могла академия великому ответу подлежать".

Кавалергарды в 1724-1731 годах

Правительство Елизаветы было неумолимо строго по отношению к законодательной деятельности Бирона и Анны Леопольдовны: все канцелярское делопроизводство за время с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. независимо от его содержания сразу было изъято отовсюду и только случайно не было уничтожено и сохранилось в сенатских архивах под именем дел "с известным титулом". Мало того, 31 декабря 1741 г. вышел указ, отменявший все пожалования, состоявшиеся при Иоанне VI. Эта мера поставила в самое неприятное положение очень многих людей. Указ этот должен был привести к таким невозможным последствиям, что Елизавета, "не желая никого из подданных опечалить", через неделю отменила его и объявила законными все пожалования Иоанна VI, кроме назначения пенсий и жалования сверх окладов.

В это же время князь Трубецкой был назначен, по выражению Я. П. Шаховского, "первейшим членом новоучрежденной комиссии, где судили в несчастье впадших министров". Для добродушного князя Шаховского Миних, Остерман и Головкин были именно "в несчастье впадшие министры", с которыми он готов был плакать; для князей Трубецкого и Черкасского это были "государственные злодеи". Обвинительный акт был составлен, по выражению самих следователей, "зело темно и конфузно"; обвинения были противоречивы и бездоказательны; следствие велось пристрастно. Иначе, впрочем, и быть не могло. "Богомерзкие и зловымышленные преступления" падших министров, в сущности, состояли в том, что они "слишком хорошо служили двум Аннам, исполняя присягу подданных". Некоторые из судей, в том числе и генерал-прокурор, отличались от подсудимых только тем, что вовремя изменили присяге.

Но Трубецкой забыл свое прошлое и заседал в комиссии "со смелым судейским видом". Забыв, что сам "компоновал" духовную императрицы Анны, он уличал Миниха в пособничестве Бирону; забыв, что благодаря Миниху получил несколько наград и самое место генерал-прокурора, князь Никита Юрьевич имел смелость обвинять фельдмаршала в том, что он "адгерентов своих не по достоинству производил" (*Адгерент (фр. adherent) - единомышленник, приверженец*). Беззастенчивость генерал-прокурора возмутила Миниха, и он при всех сказал Трубецкому, что "удивляется бесстыдству его, так как он сам ведь был главным двигателем и исполнителем в деле назначения Бирона регентом, и что ему нечего выпытывать у других, а только следует обратиться к своей собственной совести". "Я в одном только внутренно себя укоряю, - бросил он в лицо Трубецкому, - зачем не повесил тебя, когда ты занимал должность генерал-кригскомиссара во время Турецкой войны и был обличен в похищении казенного достояния. Вот этого я себе не прощу до самой смерти". Императрица, сидевшая за ширмами, сочла нужным вывести генерал-прокурора из неловкого положения и приказала закрыть заседание.

Вполне естественные укоризны Миниха не располагали, конечно, генерал-прокурора к милосердию; сверх того, у него с Минихом были старые счеты; когда-то Никита Юрьевич сильно унижался перед могущественным фельдмаршалом. Приговор над Минихом и его товарищами казался "во всех отношениях ужасным" даже современникам, более или менее привыкшим к подобным процессам. Великий канцлер и генерал-прокурор не довольствовались, подобно иным, простым лишением жизни Миниха и Остермана, но настоятельно требовали, чтобы граф Остерман был колесован, а фельдмаршал Миних - четвертован... Как известно, Елизавета даровала жизнь осужденным.

25 апреля 1742 г. Елизавета была коронована. Должность верховного маршала исполнял князь Никита Юрьевич, украшенный в день коронации Андреевской лентой. Высокий пост, занимаемый Трубецким, и его придворное положение делали князя невольным участником всех не только политических, но даже и дипломатических интриг, разыгравшихся у трона Елизаветы.

После обручения 15 июля 1744 г. великого князя Петра Федоровича с принцессой Цербстской, нареченной Екатериной Алексеевной, Трубецкому были пожалованы деревни в Лифляндии и мыза в Кексгольмском уезде. Тем не менее после этого Трубецкой оставался в тени и как бы в немилости. Важнейшие заседания совета по иностранным делам, на которых решались вопросы об отношениях России к Пруссии и Австрии, происходили без участия генерал-прокурора; трудно решить, получал ли он приглашения на эти заседания или же сам уклонялся от них, не желая быть свидетелем торжества канцлера А. П. Бестужева.

В начале весны 1748 г. князь Трубецкой опасно захворал. Извещая 4 мая короля о выздоровлении Трубецкого, прусский посланник Финкенштейн признавал генерал-прокурора "по великому его разуму наиспособнейшим предводительствовать прусскими приятелями при возможных в будущем дивных случаях". В примечаниях к этой перлюстрированной депеше Бестужев советовал императрице употребить "всевысочайшую свою самодержавную власть" против всей "потаенной шайки", и в частности против генерал-прокурора. Зная, что перед мнительной Елизаветой часто встают призраки дворцовых переворотов, Бестужев указывал ей на возможность появления из среды "шайки" нового Миниха и предсказывал, что этим Минихом будет Трубецкой. Подготовив таким образом императрицу, канцлер отводил Лестоку "лучшее место в Камчатке", а об остальных заговорщиках высказывал мнение, что они "способнее были бы в Сибири или инде где в губернаторах, нежели здесь"; говоря о Сибири, он, очевидно, имел в виду князя Трубецкого. Старания канцлера увенчались успехом. В ноябре Лесток был арестован и была образована следственная комиссия под председательством "адгерента" Бестужева - С. Ф. Апраксина. Трубецкой мог попасть в эту комиссию только в качестве подсудимого.

Новодевичий монастырь в Москве

После этого генерал-прокурор потерял уже значение видного противника Бестужева и сделался сторонником Шуваловых и Воронцова. Благодаря такой политике "новый Миних" продолжал быть уважаемым членом петербургского общества, получая при том видимые знаки милости и доверия императрицы. 14 марта 1756 г. он был назначен членом новоучрежденной Конференции, а в день именин императрицы получил награду, на кото-

рую он едва ли имел право рассчитывать, именно был пожалован в генерал-фельдмаршалы.

Князю Никите Юрьевичу было теперь под 60; он страдал подагрой и поддерживал свои силы только пирмонтскими водами. "Суеты" в Сенате сделались ему не под силу. Неудивительно, что 16 августа 1760 г. Трубецкой оставил пост генерал-прокурора и в звании сенатора перешел на менее хлопотливое президентское место в Военную коллегия.

По вступлении на престол Петра III князь Трубецкой занял место в числе "возлюбленных придворных персон" императора. С голштинским двором у Трубецкого были старинные и близкие связи, укрепленные услугами, оказанными в свое время генерал-прокурором великому князю. Кроме того, Никита Юрьевич с необыкновенным искусством старого куртизана умел подлаживаться к личным вкусам нового императора. Не будучи военным и страдая болезнью ног, Трубецкой в 60 лет принял вид образцового прусского "фрунтовика". *"Трудно было не улыбнуться, - пишет княгиня Дашкова, - когда я увидела князя Трубецкого, вдруг принявшего воинственный вид и в первый раз в жизни затянутого в полный мундир, перевязанного галунами, подобно барабану, обутого в ботфорты со шпорами, как будто бы он сейчас готовился вступить в отчаянный бой"*.

В царствование Петра III князь Трубецкой в качестве доверенного лица государя объявил в Сенате много указов самого разнообразного содержания, начиная от окраски будок до управления церковными имениями. Расположение Петра III к Трубецкому доходило до того, что он иногда запросто "кушал у него вечерний стол". 9 июня Никита Юрьевич получил от Петра III последнюю милость, именно звание полковника Преображенского полка, которое до того времени носили лишь государи России. Трудно было выбрать время, более подходящее для награждения старого "прусского партизана", чем день празднования мира с Фридрихом II. За историческим обедом, во время которого Петр III публично оскорбил Екатерину, "громко пили" в честь новопожалованного полковника.

Но через три недели сын его князь Петр Никитич Трубецкой в своей памятной книжке на 1762 г. охарактеризовал падение государя, осыпавшего милостями его семейство, следующими словами: "Благополучная перемена Отечеству, счастливое восшествие на престол Ее Императорского Величества, избавительницы империи Российской". Отец также очень скоро перешел в ряды сторонников Екатерины II. Утверждают, что Никите Юрьевичу были неизвестны приготовления к перевороту; но Петр III считал Трубецкого человеком, на которого можно положиться, и в отчаянии послал его из Ораниенбаума к Екатерине с поручением или отвлечь от нее гвардию, или в крайнем случае умертвить ее. Трубецкой, встретив Екатерину на дороге, тотчас благоговейно облобызал руку государыни и без всякого сопротивления стал в ряды ее свиты. Екатерина не могла ничего иметь против старого царедворца, оказывавшего ей кое-какие услуги.

6 июля, в самый день смерти Петра III, князь Трубецкой был назначен главным распорядителем коронации Екатерины. По отзыву самой Екатерины, "трудами кн. Трубецкого вся церемония весьма изрядно отправлялась". В это время ему пришлось испытать некоторые уколы самолюбия. Он должен был отказаться от звания Преображенского полковника: Екатерина любезно изъявила желание служить под его начальством, и Трубецкой уступил первое место коронованной подчиненной.

После коронации Екатерины II Никита Юрьевич недолго оставался на служебном поприще. 9 июня 1763 г. князь Трубецкой "по изнуренном своем здоровье" был уволен от службы. Екатерина назначила ему полное фельдмаршальское жалованье, а "в показание еще вящего удовольствия" пожаловала 50 тыс. руб. и приказала "давать ему в резиденциях пристойный караул другим не в образец".

Последние четыре года своей жизни Трубецкой провел в Москве, где у него был барский дом на Тверской.

Лейб-кампания

Людвиг-Груно-Вильгельм принц Гессенгомбургский (1705-1745),

капитан-поручик Лейб-кампании, оставил о себе незавидную память. Как при дворе, так и в войске более любили его младшего брата принца Карла, 1706-1728, полковника Нарвского полка, юношей погибшего от оспы.

В 1717 г., во время второго заграничного путешествия Петра Великого, отец их ландграф Фридрих Гессенгомбургский выразил желание вступить в русскую службу со званием командующего всей кавалерией. Петр I высоко ценил военные способности ландграфа, но признал такое требование чрезмерным. Шесть лет спустя, в 1723 г., ландграф Фридрих согласился на предложение обершталмейстера Ягужинского, посетившего Гомбург (*Гомбург (Homburg) - до 1866 г. столица ландграфства*), отпустить в русскую службу обоих своих сыновей - принцев Людвиг и Карла.

Принц Людвиг Гессенгомбургский

По отзывам современников, к тому же людей вполне компетентных, принцы не получили воспитания, соответственного их высокому происхождению. Их домашнее воспитание было, по словам Манштейна, крайне слабо; общественное же ограничилось посещением Гессенского университета всего в течение десяти месяцев, с апреля 1722 г. по январь 1723 г. Даже университетские лекции они посещали лишь в сопровождении дядьки (гофмейстера) Пассерна, который постоянно жаловался ландграфу-отцу, что принц Людвиг не отличается любовью к наукам, что он проявляет слишком большую склонность ко сну, что у него нет должного прилежания и т.п.

13 января 1723 г. оба принца в сопровождении Ягужинского и русского полковника Левенвольде отправились в Россию. Через три месяца принцы были представлены Петру, который принял их очень ласково. Принцы были довольно высокого роста, красивы, ловки, хорошо танцевали. На Петра они произвели, по-видимому, хорошее впечатление.

В Петербурге принцы начали вести веселую, рассеянную жизнь, что составляло предмет большого беспокойства для состоявшего при них дядькой Пассерна; так же, как и раньше, его письма к отцу наполнены жалобами на нелюбовь его воспитанников к наукам. Придворная жизнь требовала больших затрат; жалованья не доставало на покрытие расходов. Явились долги, вызвавшие негодование отца, раз навсегда отказавшегося оказывать сыновьям какую бы то ни было денежную поддержку.

9 ноября 1723 г. Людвиг был произведен в полковники Нарвского полка с назначением в Ревель. В Ревеле он продолжал вести прежнюю, полную удовольствий жизнь, которую считал нераздельною со своим высоким происхождением. Балы и маскарады только увеличивали долги. Дошло до того, что принц Людвиг не мог ехать на коронацию Екатерины I вследствие недостатка в деньгах. Кончина Петра значительно изменила положение принца к худшему. Ставший во главе правления Меншиков был им враждебен вследствие стремления Людвиг сделать Курляндским герцогом, чего добивался и фельдмаршал.

6 мая 1727 г. скончалась Екатерина I, и на престол взошел Петр II. Теперь Меншиков сделался всемогущим, и для принцев наступило еще более тяжелое время.

В скором времени произошла новая перемена в правлении: пал Меншиков, власть перешла к Долгоруковым, и с этих пор положение принцев заметно улучшилось. 1 декабря 1727 г. Людвиг произведен в генерал-майоры, Карл - в полковники, и им дано 500 руб. для поездки в Москву на коронацию.

Полк принца Людвиг переvedен был в Ригу. Поселившись в Риге, Людвиг мало-помалу познакомился с курляндским дворянством, с польскою знатью и вдовствующей герцогиней Анной Иоанновной. Последнее обстоятельство имело громадное значение для всей его последующей жизни и карьеры.

В феврале 1730 г. принц Людвиг узнал о смерти Петра II и о провозглашении Анны Иоанновны императрицей. Тотчас же он выехал в Митаву для принесения поздравления новой императрице, которой он и ранее был хорошо известен. От воцарения Анны Иоанновны принц ожидал великих и богатых для себя милостей, и не ошибся.

Первая же просьба Людвиг к императрице имела более полный успех, чем он предполагал. На просьбу о выдаче ему сверх получаемого содержания жалованья покойного его брата Карла последовала резолюция: *"Дать ему пенсию брата и жалованье генерал-поручика"*. Это было началом целого ряда милостей.

Осенью 1730 г. принц вызван был в Москву. В начале декабря он сделан вторым, а вскоре затем и старшим майором Преображенского полка, и в этой должности его ведению подлежали бомбардирные роты и фейерверкские лаборатории. Сверх того, по устному приказанию государыни принц назначен советником в Военную коллегию. В день коронации Анны Иоанновны принц командовал гвардией и устроил блестящий фейерверк, которым государыня осталась очень довольна. В начале мая в Ригу был отправлен особый гонец, чтобы уплатить за счет императрицы долги принца.

И тут принц Людвиг впервые проявил, будучи 26 лет, свою "самостоятельность": знаменитый полководец, командовавший гвардией в Полтавском бою, честный князь Василий Владимирович Долгоруков был по его доносу "арестован, лишен чинов, знаков отличия, сослан в крепость Ивангород, близ Нарвы, где содержался под строгим караулом восемь лет", и в 1739 г. был переведен в вечное заточение в Соловецкий монастырь, из которого он был вызван императрицей Елизаветой Петровной, признавшей донос принца Людвиг ложным.

2 мая 1732 г. состоялось назначение принца командующим полевыми войсками в Петербурге и его окрестностях; в сентябре - командующим 25-тысячным отрядом, назначенным в Персию. Это назначение могло состояться только после погубления доносом князя В.В. Долгорукова. 16 сентября принц был принят в прощальной аудиенции государыней, а 17-го, получив подробную инструкцию для предстоящего командования, отправился в путь. В начале февраля 1733 г. при гоме пушек принц въехал в Астрахань; в середине марта начато было путешествие из Астрахани к укреплению Св. Крест, куда караван прибыл после трудного перехода через две недели. 22 апреля принц принял начальство над всеми войсками, причем он титуловался "главнокомандующим на Кавказе".

24 мая к принцу Людвигу явилось посольство от крымских татар, испрашивая разрешения отряду в 6 тысяч крымцев пройти в Персию на выручку Багдада, осажденного персидским шахом. Ввиду мирных отношений с Персией принц отклонил это ходатайство, но крымский султан Тертигерей, несмотря на то, двинулся на Горанчи.

Для преграждения татарам пути принц решил воспользоваться двумя горными проходами. Проходы были заняты драгунами, пехотинцами и казаками под начальством генерал-майора Еропкина. Татары, двинувшись сперва всею массою на Еропкина, быстро разделились, и главная часть их обрушилась на драгун, защищавших узкое дефиле. Принц поспешил к ним на помощь и своевременно поддержал их. Первый натиск был отбит ружейным огнем. Татары возобновили атаку и поколебали левое крыло, которым командовал Еропкин. Видя, что левый фланг подался назад, принц приказал орудиям открыть по

неприятелю фланговый огонь. Этот маневр артиллерии решил победу. Татары побежали, потеряв тысячу человек убитыми и ранеными; русские из 4 тысяч оставили на месте сражения 400 человек. В числе раненых был Еропкин, получивший удар саблею по лицу, а принц, окруженный татарами, спасся от смерти только благодаря быстроте своего коня. 14 июня Людвиг и Еропкин возвратились с трофеями, со знаменами и пленными в Св. Крест, а 17-го прибыл туда и весь отряд.

Памятная медаль на воцарение императрицы Елизаветы Петровны

В декабре 1733 г. Людвиг отбыл в Москву, где за успехи в Персидском походе был награжден чином майора гвардии и орденом св. Андрея Первозванного.

Весною 1735 г. принц сделан был генерал-фельдцейхмейстером и получил приказание успокоить Подольское воеводство, об успешном исполнении чего он и донес 25 мая из Лемберга. 3 августа принц награжден был орденом Белого Орла, данным ему Августом за участие в усмирении страны. В декабре принц стал на квартиры в окрестностях Люблина, надеясь с наступлением нового года возвратиться со своим отрядом в Россию. Надежды эти были разрушены Крымским походом.

Покидая Польшу для Крыма, Миних поручил принцу Людвигу вывести войска из Польши на Украину.

Весною 1736 г. армия в 54 тысячи под начальством Миниха двинулась в Крым в пяти колоннах. 21 мая был взят штурмом Перекоп; 5 июня занят г. Козлов; 16-го взят и разграблен Бахчисарай. Дальнейшее движение было приостановлено вследствие "сильных жаров, развивших болезненность в армии и падеж лошадей".

В 1737 г. в записке с описанием характеров и свойств генералов командуемой им армии, поданной императрице, Миних крайне резко отзываясь о принце Гессенгомбургском: *"Генерал-фельдцейхмейстер Гессенгомбургский весьма горяч и вспыльчив, не содержит никакого порядка в подчиненности; во время дела недостает ему твердой решимости, часто бывает нездоров и потому не годится к полевой службе"*.

По окончании Крымского похода 1737 г. принц Людвиг послал просьбу о разрешении приехать в столицу. Просьба его была уважена. Принц приехал в Петербург после четырехлетнего отсутствия.

Несмотря на состоявшуюся вскоре женитьбу на вдове князя Кантемира, принц надеялся принять участие в кампании 1738 г., но на него возложены были по должности фельдцейхмейстера только заботы об артиллерийском довольствии действующей армии...

Воцарение Елизаветы Петровны, которое неминуемо должно было повлечь за собою падение немецкой партии, не отразилось, однако, неблагоприятно на судьбе принца:

принц, призванный в Россию Петром и многим обязанный ему, никогда не относился враждебно к его дочери и держал себя по отношению к ней всегда почтительно и тактично.

Переворот совершился в ночь на 25 ноября. Арестовав семью Анны Леопольдовны и ее приближенных, Елизавета Петровна послала за принцем Людвигом, который важен был как старший из гвардейских начальников, в положении которого он легко мог способствовать переходу гвардии на сторону цесаревны. Вполне сочувствуя планам Елизаветы, принц отозвался на ее призыв и принял деятельное участие во второй части переворота, последовавшей за арестом правительницы.

Императрица пожаловала принца Людвига в капитан-поручики Лейб-кампании, капитаном которой состояла она сама. Одновременно с этим принц Гессенгомбургский сделан директором Шляхетского корпуса.

В феврале 1742 г. Елизавета выехала из Петербурга для коронации в Москву, куда и прибыла 26-го. В свите государыни находился принц Гессенгомбургский, который ехал в открытых санях то впереди, то сзади, то садился в большие сани к государыне. 25 апреля состоялась коронация, и в тот же день императрица пожаловала принца Людвига в генерал-фельдмаршалы.

Осенью 1744 г. в Москве принц тяжело заболел и поправлялся настолько медленно, что только в декабре мог отправиться в Петербург. Здоровье его не улучшалось ни в Петербурге, ни в деревне, куда по совету докторов принц переехал на некоторое время. Доктора настаивали на поездке за границу. 18 августа 1745 г. принц выехал из России. Доехав до Берлина, он принужден был остановиться вследствие усилившейся болезни, а 23 октября в 6 часов утра скончался.

Граф Михаил Илларионович Воронцов (1714-1767)

Отец его был стольником и ростовским воеводой. Возвышение сына доставило отцу в царствование Елизаветы Петровны чин тайного советника и орден св. Александра Невского. 14-летний Воронцов был определен пажом ко двору цесаревны Елизаветы Петровны; в 1730 г. пожалован в камер-пажи, в 1735 г. - в камер-юнкеры цесаревны. Он сделался одним из приближеннейших к ней лиц и пользовался ее полной доверенностью. Когда младший его брат Роман Илларионович женился на богатой М. И. Сурминой, Воронцовы оказывали цесаревне и денежную помощь.

Положение цесаревны в царствование Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича было тяжелое. Правительство относилось к ней подозрительно; но зато симпатии народа, особенно же гвардии, были на ее стороне. Близкие к Елизавете лица - Воронцов, Лесток, Разумовский, Шувалов стали настаивать на необходимости воспользоваться пребыванием гвардии в столице и произвести с ее помощью государственный переворот. Елизавета Петровна не решалась последовать их совету, считая подобное предприятие крайне опасным. Тогда Воронцов, стараясь подействовать на ее самолюбие, сказал: "Подлинно, это дело требует немало отважности, которой сыскать ни в ком, кроме крови Петра Великого".

Был уже второй час ночи, когда Елизавета Петровна наконец решилась исполнить совет, села в сани и отправилась в казармы Преображенского полка в сопровождении Лестока, Шварца и Воронцова, стоявшего на запятках ее саней. Когда переворот совершился, Воронцов, Лесток и Шварц отправились с гренадерами к знатнейшим духовным и светским лицам с вестью о случившемся и с приглашением ехать немедленно во дворец цесаревны. Манифест о вступлении Елизаветы Петровны на престол был написан, по словам Екатерины II, Воронцовым.

Граф Михаил Илларионович Воронцов

Наградой за услуги Михаила Илларионовича было пожалование в действительные камергеры, генерал-поручики и Лейб-компания поручики (31 декабря 1741 г.). В день коронации, 25 апреля 1742 г., ему был пожалован орден св. Александра Невского. Еще раньше, в январе, он вступил в родство с самой императрицей, женившись на двоюродной сестре императрицы графине Анне Карловне Скавронской.

Пользуясь доверием и дружбой императрицы, Воронцов не старался выдвинуться вперед, но положение его при дворе давало ему возможность иметь влияние на дела. В это время при дворе боролись две партии. Маркиз Шетарди, бывший французский посол и один из участников возведения Елизаветы Петровны на престол, старался склонить импе-

ратрицу к союзу с Францией и восстановить ее против вице-канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина, который был врагом Франции и сторонником союза с Австрией и Англией. Императрица хотя недолго любила Бестужева, но ценила его как человека полезного. В июле 1744 г. Бестужев был назначен канцлером, а Воронцов вице-канцлером с производством в действительные тайные советники.

Главное внимание правительства в это время было обращено на Пруссию. Фридрих II, нарушив нейтралитет Саксонии, напал на владения Марии-Терезии. Австрия на основании прежних трактатов потребовала от России помощи. Воронцов, подобно Бестужеву, сознавал, что и России может угрожать опасность от Фридриха II, но во взгляде на то, что нужно предпринять против прусского короля, он расходился с канцлером. Бестужев был сторонником деятельной борьбы с Фридрихом II, тогда как Воронцов был против активного вмешательства в австро-прусскую распрю. Объявление Фридрихом II войны Саксонии дало перевес мнению Бестужева, который занял теперь один руководящее место. Воронцов решил на время удалиться. 29 августа он был уволен в заграничный отпуск.

3 сентября Воронцов с женою выехал из Петербурга. Прежде всего он посетил Берлин и представился Фридриху II, который в разговоре высказал надежду, что Россия не предпримет ничего враждебного против него. Воронцов ответил, что императрица, может быть, против своей воли, по обязательству, должна будет дать помощь врагам его...

В августе 1746 г. Воронцовы вернулись из путешествия. В Петербурге Михаил Иларионович нашел большую перемену. В его отсутствие враги его так настроили против него императрицу, что он лишился ее милости. Хотя Елизавета Петровна сохраняла с ним прежний дружественный тон, но он более не допускался к личным докладом. Несколько раз писал он императрице и лично спрашивал о причине неудовольствия, но каждый раз получал в ответ, что он напрасно думает, что лишился ее милости. Впрочем, Воронцов, еще будучи за границей, имел, по всей вероятности, сведения, что против него что-то заговаривается...

В ноябре 1748 г. произошли события, которые еще более должны были возбудить неудовольствие императрицы против Воронцова. Бестужеву удалось наконец погубить своего врага Лестока, которого обвинили в том, что он добывал секретные сведения и передавал их прусскому посланнику Финкенштейну. При следствии старались доказать, что не только Лесток делал это с ведома вице-канцлера, но и сам Воронцов делал такие сообщения прусскому министру. Финкенштейн действительно был в хороших отношениях с Воронцовым и в своих депешах называл его "важным приятелем". Вице-канцлер, имея в виду, вероятно, малый двор наследника престола Петра Федоровича, хотел примирить Елизавету Петровну с Фридрихом II. Бестужев же старался обвинить Воронцова в том, что он открывает все тайны прусскому королю.

Вице-канцлер, узнав, что его обвиняют в преступных сношениях с Фридрихом II, в декабре 1749 г. опять подал императрице прошение, в котором оправдывался в возводимых на него обвинениях и еще раз просил объяснить действительную причину немилости. Только 18 декабря 1753 г. Воронцову, по свидетельству его племянника, удалось окончательно убедить императрицу в своей невинности и вернуть прежнее ее доверие, хотя еще раньше Елизавета Петровна оказала милость своему вице-канцлеру: пожаловала ему Андреевскую звезду.

Восстановление доверия императрицы дало Воронцову перевес над Бестужевым. Падение канцлера произошло в феврале 1758 г. После этого события Воронцов управлял в течение восьми месяцев иностранными делами, оставаясь в прежнем звании вице-канцлера. 23 ноября 1758 г. Елизавета Петровна присутствовала на освящении церкви в новом доме Воронцова и тут объявила ему, что он пожалован в канцлеры.

Офицер и сержант Лейб-кампании

Императрица последнее время часто прихварывала. Можно было ожидать скорой ее кончины и вступления на престол почитателя Фридриха II. Если и в прежние годы можно было заметить склонность Воронцова к Пруссии, то теперь она обнаружилась еще в большей степени в угоду будущему императору. Фридрих II часто получал сведения о русской армии раньше ее главнокомандующего. Весною 1759 г. представители датского и французского правительств указали Воронцову на это странное явление. В конце 1761 г. ему сообщили о том, что в Петербурге находятся прусские шпионы, которым покровительствует великий князь Петр Федорович. Канцлер не обратил внимания ни на то, ни на другое заявление и старался только успокоить союзников.

Русская армия между тем достигла блестящих результатов. Восточная Пруссия была занята русскими, и в ней было введено русское управление. Губернатором ее был на-

значен барон Н. А. Корф, муж сестры Анны Карловны, старавшийся о соблюдении не русских, а главным образом местных интересов. В Петербурге он нашел поддержку в своем влиятельном свойственнике. Корф очень хлопотал о рассрочке и уменьшении контрибуции в 2 миллиона, наложенной на Пруссию. Помимо губернатора хлопотали и купцы, приславшие в Петербург депутатов и благодаря канцлеру добившиеся своего. Одна из депутатий поднесла Воронцову в благодарность за содействие вексель в 18 тыс. талеров, но он, доведя об этом до сведения императрицы, отослал вексель обратно.

*Лейб-кампанская шапка
и нагрудный знак*

В день восшествия на престол Петра III Воронцов вспомнил о своем ссыльном друге Лестоке и первым его делом в новое царствование был доклад "о помиловании и освобождении несчастного графа Лестока". Петр III немедленно прекратил войну с Пруссией. Положение Воронцова было щекотливое. Его осаждали послы союзных держав с требованием объяснений относительно образа действий императора. Он отвечал, что, каковы бы ни были меры Петра III к ускорению мира, он никогда не пойдет так далеко, чтобы соединиться с врагом против союзников, и обещал, что будет изо всех сил

противодействовать прусским интригам, рискуя лишиться доверия и места. Воронцов советовал императору принять на себя вооруженное посредничество, но Петр III не последовал его совету. 24 апреля подписан был мирный договор с Пруссией, а 8 июня союзный.

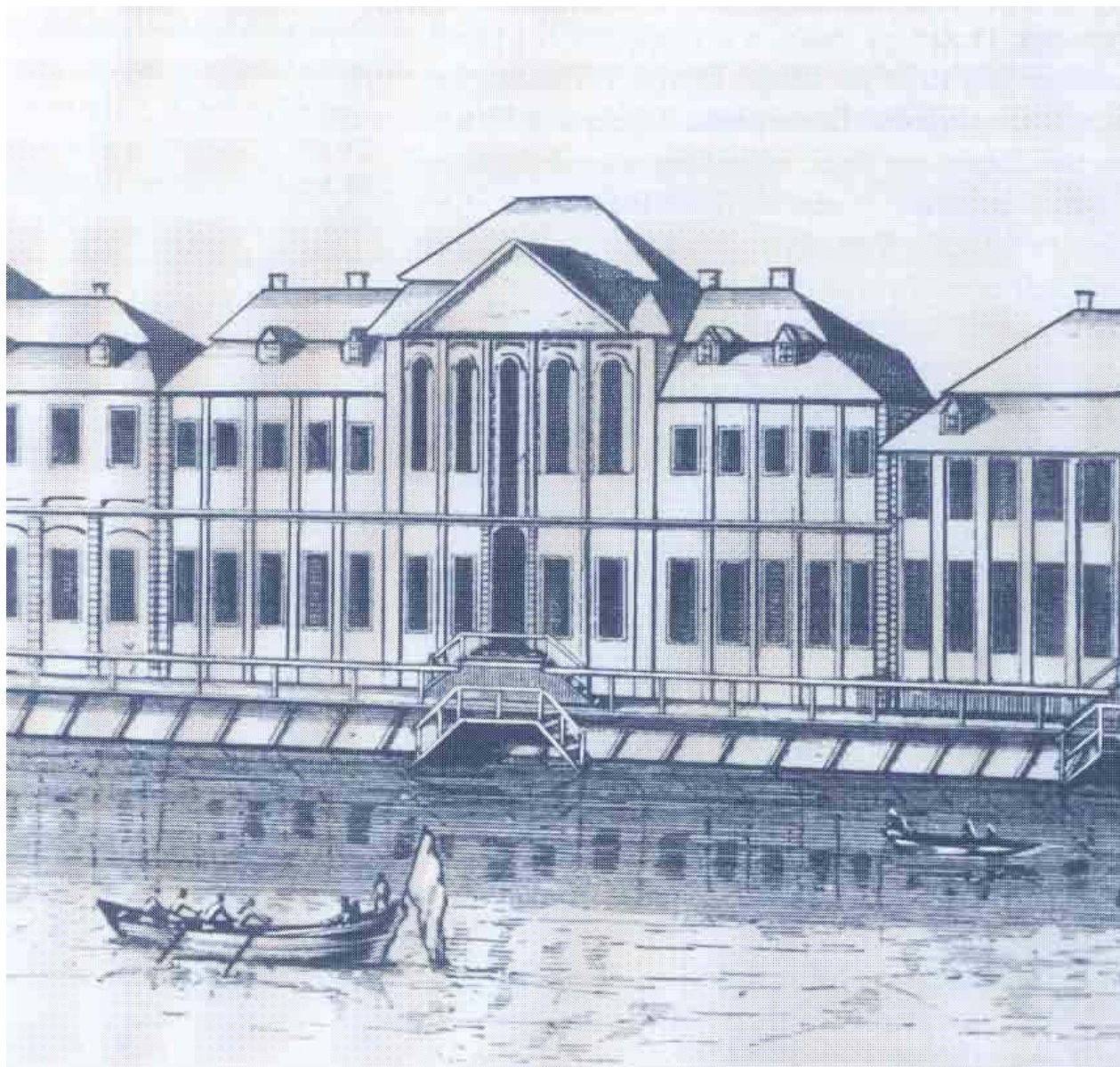
В царствование Петра III Воронцов, по выражению Соловьева, *"со степени канцлера снизошел на степень правителя канцелярии иностранных дел, заготовляющего бумаги по требованиям, объявленным ему Гольцем (пруссский посланник) или принцем Георгом Голитинским"*. Воронцов уверял, что он очень равнодушен к тому, что у него отнимают подобающее его посту влияние, потому что он и без того видит себя лишенным возможности отправлять свою должность с пользой...

28 июня 1762 г. произошел государственный переворот: воцарилась Екатерина. Воронцов с женой и дочерью находился с императором в Ораниенбауме. Когда Петр, прибыв в Петергоф, узнал о петербургских событиях, Воронцов вызвался поехать в Петербург к Екатерине с упреками за ее действия и приглашением вернуться к повиновению императору. Миссия Воронцова не имела успеха. Екатерина подвела его к окну и, указав на войско, сказала: *"Вы видите - не я действую: я только повинуюсь желанию народа"*. Воронцову не было позволено вернуться в Петергоф. Тогда с разрешения Екатерины он написал Петру III письмо, в котором сообщил о своей неудаче и объявлял, что, исполнив свой долг по отношению к государю, он подчинился "народной воле" и принес присягу на верность Екатерине II.

Нерасположение Екатерины к Воронцову и его болезненное состояние не давали ему возможности играть видной роли. Со вступлением на престол новой императрицы получили влияние и новые лица. Возвращен был из ссылки и прежний канцлер Бестужев, который также стал влиять на дела, действуя против Пруссии. Воронцов примирился с Бестужевым, и оба они обещали друг другу предать прошедшее полному забвению.

22 сентября 1762 г. совершилось коронавание Екатерины II. Во время пребывания двора в Москве Бестужев составил прошение к императрице о том, чтобы она избрала себе супруга, причем имелся в виду Г. Г. Орлов. Когда Бестужев явился с этим прошением к Воронцову, то канцлер, по словам его племянницы княгини Дашковой, объявил этот проект опасным для Отечества и, не дослушав его до конца, вышел из комнаты. По отъезде Бестужева он отправился к императрице и высказал ей все невыгоды, которые произойдут от подобного брака, и что народ не захочет видеть ее супругом Орлова. Императрица уверила Воронцова, что она никогда не уполномочивала Бестужева на такой шаг, и выразила ему свою признательность за его откровенный и благородный образ действий. В связи с

этим событием находится предание о том, что Екатерина II поручила Воронцову написать проект указа о даровании графу А. Г. Разумовскому титула "императорского высочества", отвезти этот указ к Разумовскому и попросить его дать все документы, касающиеся морганатического брака его с императрицей Елизаветой Петровной. Воронцов исполнил приказание Екатерины, но Разумовский в его присутствии бросил все документы в огонь...

Казарма лейб-кампанцев на Дворцовой набережной Санкт-Петербурге

Несколько раз в течение 1762 и 1763 гг. Воронцов просил об увольнении или о заграничном отпуске, но императрица находила удаление его от дел несвоевременным. *"Ныне дела много кредита потеряют, - писала она ему, - если вы их оставите вовсе или на время"*. Наконец 4 августа 1763 г. он был уволен в заграничный отпуск и выехал из Петербурга... В конце февраля 1765 г. канцлер вернулся из путешествия. Не доехав до Петербурга, он остановился по нездоровью в имении графа Разумовского Гостилицах. Сюда был прислан вице-канцлер князь Голицын, который объявил ему от имени императрицы, что государыня, принимая во внимание его болезненное состояние, освобождает его от утомительных занятий.

Выйдя в отставку, Воронцов некоторое время жил в имении своем Кимрах, а затем переехал в Москву в дом свой на Знаменке, где и скончался 15 февраля 1767 г. Погребен он в Москве же в Крестовоздвиженском монастыре, на Воздвиженке.

Граф Петр Иванович Шувалов (1710-1762)

был сыном одного из сподвижников Петра Великого, Выборгского коменданта, затем генерал-майора и кавалера Ивана Максимовича Шувалова. 13 лет от роду, в ноябре 1723 г., Петр Шувалов был взят ко двору Петра I и назначен пажом императрицы Екатерины. 3 февраля 1726 г. молодой Шувалов был назначен камер-пажом супруга цесаревны Анны Петровны герцога Голштинского Карла Фридриха, а в 1731 г. определен камер-юнкером ко двору цесаревны Елизаветы Петровны, при котором служил и играл довольно видную роль его старший брат Александр Иванович Шувалов. Вскоре и Петр приобрел там значение благодаря женитьбе на любимице и фрейлине цесаревны Мавре Егоровне Шепелевой. Елизавета Петровна оставалась неизменно милостива к супругам Шуваловым и их родне до самого дня своей смерти.

Хотя Петр Иванович и не играл особенно деятельной роли во время государственного переворота 25 ноября 1741 г., но как лицо, близкое к цесаревне, не мог не сочувствовать ее воцарению. С первых же дней нового царствования на него посыпались милости. 30 ноября он вместе с другими наиболее близкими к императрице лицами был пожалован в действительные камергеры. При переименовании гренадерской роты в Лейб-кампанию он был назначен подпоручиком Лейб-кампании. 25 июля 1744 г. Шувалов произведен в генерал-поручики и получил в вечное потомственное владение три мызы в Лифляндии, а через два дня после этого назначен сенатором.

5 сентября 1746 г. Петр Иванович и брат его Александр Иванович были возведены с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство, а 17 декабря того же года повелено было отпускать Петру Ивановичу камергерское жалованье в размере 1500 руб. Осенью 1749 г. значение Шувалова еще более увеличилось или, по крайней мере, укрепилось: 22-летний двоюродный брат его Иван Иванович Шувалов был пожалован в камер-юнкеры и сделался фаворитом императрицы. Его влияние не прекращалось до самой смерти Елизаветы Петровны.

5 сентября 1751 г. Шувалов был произведен в генерал-аншефы и назначен генерал-адъютантом императрицы; в 1756 г. назначен конференц-министром и генерал-фельдцейхмейстером. В то же время он командовал Петербургской дивизией, а перед Семилетней войной, до назначения фельдмаршала С.Ф. Апраксина, ему была поручена вся армия. С февраля 1758 г. до августа 1760 г. он был вице-президентом Военной коллегии.

Как сенатор Шувалов внес в Сенат ряд проектов, преследовавших главным образом увеличение государственных доходов и "народную пользу". В марте 1753 г. он предложил увеличить портовые и пограничные таможенные сборы, но при этом уничтожить все внутренние сборы в таможах и канцеляриях, от которых терпят крестьяне и купцы. Императрица утвердила доклад Сената по этому вопросу, и внутренние таможи были уничтожены. Они, по выражению Соловьева, разрывали Россию на отдельные страны, и уничтожением их Елизавета заканчивала дело, начатое Иваном Калитой. В феврале 1754 г. Шувалов, заботясь о купечестве, предложил учредить купеческий банк. Заботясь о сохранении лесов, он хлопотал, чтобы установлен был определенный порядок относительно рубки и разведения лесов. Денежные же реформы Шувалова оказались убыточны для бедных людей.

Граф Петр Иванович Шувалов

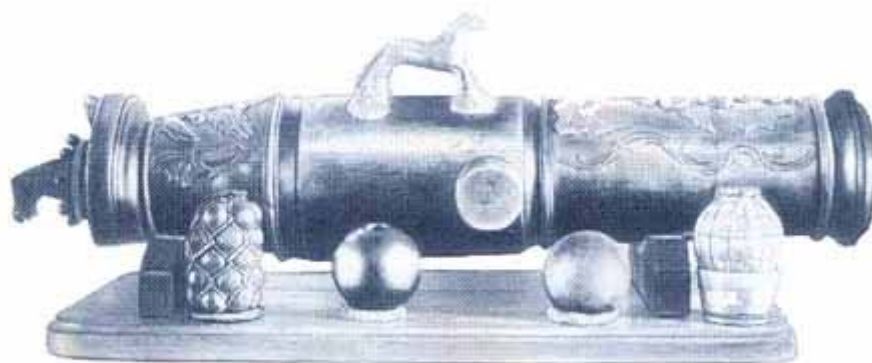
Граф Шувалов держался того взгляда, что промыслы и горные заводы в руках частных лиц могут достигнуть более высокой степени развития, чем при казенном управлении, - взгляда, в то время господствовавшего и выразившегося в составленном в царствование Анны Иоанновны берг-регламенте (*Берг-регламент (от нем. Berg - гора) - правила, касающиеся руководства горным делом*), который предписывал отдать рудоплавильные заводы компаниям или партикулярным людям. Правительство признало, что передача принесла пользу казне, в действительности промыслы прежде приносили гораздо больше, чем при Шувалове.

Забываясь об увеличении государственных доходов, Шувалов не забывал и себя. В его руках очутились все северные и каспийские рыбные промыслы, приносявшие большие доходы.

Новейший исследователь утверждает, может быть несколько преувеличенно, что финансово-экономическая деятельность Шувалова имела следующие результаты: "1) господство гр. П. И. Шувалова в промышленной и торговой сфере; 2) его, гр. Шувалова, единение с крупнейшими русскими и действовавшими на русской почве иностранными капиталистами, скрепленное и официальным, и "купецким" значением гр. П. И. Шувалова; 3) уничтожение внутренних таможен, проведенное Шуваловым как непосредственно в своих интересах, так и в интересах указанного единения, и, наконец, 4) расстройство государственных финансов..."

Большое внимание Шувалов обращал на армию. В 1748 г. она была увеличена, по его представлению, на 50 батальонов; полки сделаны трехбатальонного состава. В 1749 г. увеличено было в каждом полку число мушкетеров и гренадер. Из последних составлено было некоторое время спустя четыре гренадерских полка. Получив в командование дивизию, Шувалов, по собственным его словам, *"приметя людей не только весьма худо экзерцированных, но и так великую разницу, что один полк с другим ниже в приемах согласно делал, а офицеры весьма слабо должности свои исполняли и об нужнейшей вещи, касающейся до марширования и обращения корпусами, худое понятие имели, (то) от всех полков (своей дивизии)... со всякой роты рядовых, от полку офицера и барабаника к себе взял, экзерцируя их, и, приведя в соглашение, в полки отправил, и оные потому и поправились"*. В 1735 г. он обучал Петербургский пехотный полк и Лейб-Кирасирский полк, и, как он сам рассказывает в записке о своей деятельности, *"не только способнейшая экзерциция в состояние приведена, но эволюции и марши до такого состояния доведены, что, по свидетельству Военной коллегии, всей армии по тому исполнять поведено и печатные с планами книги для того выданы"*. Шувалов заботился и о хорошем составе офицеров: неспособные генералы и штаб-офицеры были уволены от службы.

Полушаровый единорог, более известный как "шуваловский единорог"

Самым любимым детищем Шувалова была артиллерия, которую он заведовал в качестве генерал-фельдцейхмейстера. Он нашел ее, по его словам, в "сожалительном состоянии". Будучи убежден, что "артиллерия и инженерный корпус, на науке будучи основаны, должны снабжены быть весьма наученными офицерами", но что из артиллерийской и инженерной школ таких офицеров получить нельзя, он задумал преобразование школы. В 1758 г. он соединил петербургские артиллерийскую и инженерную школы в одну с двумя отделениями - дворянским и солдатским. Дворянскую школу Шувалов начал малопомалу готовить к преобразованию в кадетский корпус, улучшил там научное образование и поднял нравственный уровень учеников, которые все выпускались офицерами.

Другой заботой Шувалова, к которой он прилагал много стараний, было усовершенствование артиллерийских орудий с целью достигнуть большей результативности вы-

стрелов и удобоподвижности артиллерии. Его единороги были пригодны для операций и в труднопроходимых местах, и их качества были оценены при первых же боевых столкновениях.

Хотя Шувалов лично и не принимал участия в военных действиях во время Семилетней войны, тем не менее под его начальством находился наблюдательный корпус, которым он командовал, не выезжая из Петербурга. При его устройстве Шувалов имел оригинальную, по выражению военного историка, мысль: обречь пехоту во время боя исключительно на прикрытие артиллерии, которая должна была иметь решительное влияние на исход сражения. Корпус по проекту Шувалова должен был быть снабжен ружьями нового образца и громадным количеством артиллерийских орудий разных типов, изобретенных или самим Шуваловым, или другими лицами под его покровительством. Но ни то, ни другое предположение не могло быть осуществлено вполне. Состав корпуса был очень разнообразен. В него вошли и гусары Хорвата, и донские казаки, и казанские татары, и башкиры, и мещеряки, и недоросли из дворян. Корпус стоил больших денег: на него было израсходовано более миллиона рублей, но, кроме вреда, он ничего не принес.

Лагерь лейб-кампанцев

Печальная участь постигла его в 1759 г. под Кунерсдорфом. Наблюдательный корпус и не мог принести пользы, потому что он, по словам военного историка, *"со дня рождения носил все зародыши будущего расстройтва, которое и оказалось в первом же сражении... Как каждая вновь сформированная часть, шуваловский корпус не представлял целого, с прочной воинскою связью отдельных частей между собою. Граф П. И. Шувалов, оставаясь в Петербурге, командовал этим корпусом, вошедшим в состав действующей армии - бывшей тогда в Пруссии, - и хотел командовать не номинально: главнокомандующему по каждому вопросу приходилось сноситься лично с всемогущим в то время графом. Короче говоря, весь вред отдельных привилегированных корпусов вполне подтверждается наблюдательным корпусом"*. После Кунерсдорфской битвы наблюдательный корпус был расформирован (в феврале 1760 г.). Из одной части были образованы три артиллерийских полка, а другая часть была передана в пехоту.

В последний год царствования Елизаветы Петровны Шувалов тяжело заболел и не мог более исполнять всех возложенных на него обязанностей. Некоторые были почему-то убеждены, что наследник престола великий князь Петр Федорович не расположен к Шувалову, и предсказывали, что в случае смерти императрицы граф Шувалов будет сослан в Сибирь, а имущество его конфисковано. Слухи эти оказались совершенно неоснователь-

ными. Шувалов оставался в силе и при новом императоре, несмотря на свою болезнь. Через три дня после вступления на престол Петра III 28 декабря 1761 г. он был произведен в действительные генерал-фельдмаршалы.

Только неделю пришлось пользоваться Шувалову своим новым высоким званием. Он с каждым днем все больше и больше слабел. Потеряв всякую надежду на выздоровление, он окружил себя, как рассказывают, духовенством и 4 января 1762 г. скончался. П.И. Шувалов погребен в Александро-Невской лавре.

Граф Иван Симонович Гендриков (1719-1778)

Родной племянник императрицы Екатерины I по линии матери - Христины, рожденной Скавронской.

В 1732 г. Иван Гендриков был отдан в Шляхетский кадетский корпус. 4 ноября 1736 г. Гендриков выпущен в Воронежский пехотный полк, находившийся в то время в составе миниховской армии, и семнадцатилетний капрал сразу попал в тяжелую обстановку боевой жизни. Его полковым командиром был принц Гольштейн-Бек. С весны 1737 г. начался труднейший и изнурительнейший поход: армия двигалась в страшную жару по выжженным степям, страдая от заразных болезней и бескормицы.

Только 30 июня армия приблизилась к Очакову. Воронежский полк находился в составе "1-й колонги", бывшей под начальством генерал-лейтенанта Бирона. В ту же ночь начаты были осадные работы, а на другой день в 6 часов утра началась горячая перестрелка; на рассвете 2 июля большая часть города уже пылала. "Колонга" Бирона, в которой находился Иван Гендриков со своим полком, совсем уже было приступила к городу, но была остановлена настолько глубоким рвом, что спускавшиеся в него люди не могли оттуда вылезти. К счастью, пожар в городе принял такие размеры, что зарево его навело панический страх на турок; они повернули назад, и, в свою очередь, большая часть их стала жертвою русских штыков. В 11 часов пополуночи на одном из бастионов турки выбросили белое знамя и прислали к Миниху янычарского офицера с просьбою о суточном перемирии. Но было уже поздно. Гусары и казаки ворвались в крепость с морской стороны, и сераскер (*Сераскер - главнокомандующий турецким войсками в Османской империи*) опять прислал к фельдмаршалу парламентаря, но уже с мольбою о пощаде...

Капрал Иван Гендриков вышел невредимым из этого тяжелого похода и геройской осады Очакова, участвуя с частью в рядах Воронежского полка "на очаковском приступе, в баталиях и акциях". Он был произведен в сержанты, а спустя некоторое время - в прапорщики.

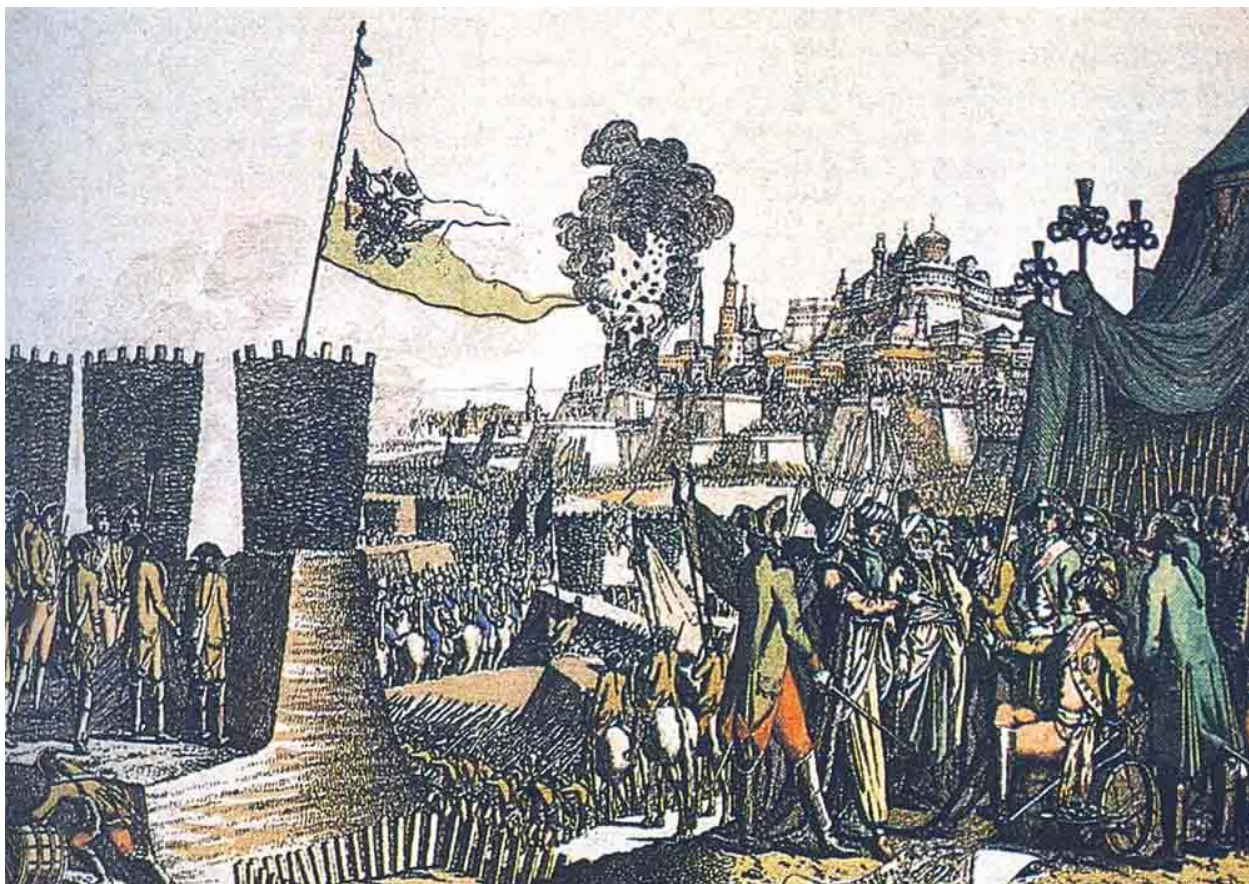
После Очакова Миних только в мае 1738 г. переправился со своим штабом во главе армии через Буг. 26 июля аккерманский султан во главе турецких сил встретил нашу армию, обессиленную изнурительной стоянкой и походом, у Днестра и стал ее окружать. Миних отступил и на время прекратил этот "днестровский поход". Юный прапорщик Гендриков, вероятно, проявил немало стойкости и мужества в этом походе, а также искусства "при делании шанцов, також во многих посылках и партиях", так как фельдмаршал, скупой на награды, "поздравил его подпоручиком", хотя не прошло и года со дня производства его в прапорщики.

Граф Иван Симонович Гендриков

Затем Гендриков участвовал и "на баталии Ставучанской, с которой пришли к Хотину". Ставучанский лагерь, воздвигнутый турками по дороге к Хотину, как известно, был ими укреплен тройным ретраншементом (*Ретраншемент (от фр. Retrancher - отсекать, уничтожать) - вспомогательная фортификационная постройка для усиления внутренней обороны*), батареями, вооруженными 60 пушками и мортирами каждая; к тому же с правой стороны лагерь этот был защищен непроходимым лесом, впереди болотом, слева буераками и горами, а сзади Хотинской крепостью. После ожесточенного сопротивления лагерь этот сдался могучему натиску русских, потерявших в этом деле не более ста человек, тогда как потери турок были огромные. 19 августа сдался Хотин, 28 и 29 августа армия перешла Прут и углубилась в Молдавию, встречая на своем пути покорность, обилие фуража и припасов. С этого времени служба Гендрикова становится все более и более самостоятельной и ответственной. Ему дают разнообразные поручения и командировки...

Турецкая кампания кончилась. Воронежскому полку приказано было идти в лагерь под Переволочную. Из Переволочной он направился на зимние квартиры в Васильев, а затем ему приказано было двинуться в Москву, куда он и прибыл в конце июля. Из Москвы полк тронулся в Петербург. Поход туда длился три месяца. Около Усть-Ижор полк был посажен на баркасы, а в конце сентября он в сумерках причалил у Литейной.

Осада Очакова

Таким образом Гендриков после почти трехлетней исключительно боевой жизни очутился снова в Петербурге, в кругу близких людей и родни. Во время его отсутствия произошли важные события в русской государственной жизни: смерть Анны Иоанновны, провозглашение немецкого младенца Иоанна Антоновича императором, регентство Бирона, его свержение, правление Анны Леопольдовны, захват власти всяким немецким сбродом, глухое движение в народе против этого иноземного наплыва и, наконец, Шведская война.

Весь 1741 год в Петербурге прошел в глухой борьбе между правительством Анны Леопольдовны и цесаревной Елизаветой Петровной. В знаменательную ночь на 25 ноября 1741 г. русский народ в лице преображенцев заявил свой протест против наглого хозяйничанья в России разного немецкого сброда в форме решительного действия, завершившегося провозглашением Елизаветы Петровны императрицею. Принимал ли непосредственное участие в этом действе Гендриков - неизвестно, но, зная его родственную близость к цесаревне, ее расположение к нему и его семье, можно с уверенностью предположить, что он был из числа "немногих кавалеров", собиравшихся у цесаревны в "малейшие консилиумы" за несколько дней до переворота.

25 апреля 1742 г., в день коронации, семейство Гендриковых, конечно, не было забыто: старший из Гендриковых - Андрей, его брат Иван и сестры их Марфа и Мария Симоновны были возведены в графское достоинство. Мария, любимица императрицы, буду-

чи 17-летней девушкой, была назначена статс-дамой; Андрей был пожалован камер-юнкером; Иван был переведен в Преображенский полк с чином капитан-поручика.

18 июля 1744 г. граф Иван был произведен в бригадиры и назначен камергером великой княгини Екатерины Алексеевны, недавно прибывшей в Россию, будущей великой русской государыни.

Служба Ивана Симоновича Гендрикова при малом дворе, не отличавшаяся какими-либо выдающимися актами, была проникнута глубокой преданностью великой княгине, что само по себе было делом далеко не легким ввиду того сложного и запутанного положения, в котором очутилась юная принцесса по прибытии своем в Россию. Граф Гендриков, будучи человеком весьма небольшого образования и далеко не утонченного воспитания, но верный и преданный слуга, к тому же богатый опытом и знанием придворной жизни, умудрялся вовремя предостеречь и своим добрым советом удержать великую княгиню от неосторожного слова или шага.

В 1747 г. императрица Елизавета жалует Ивану Симоновичу орден св. Анны; в том же году 5 сентября, в день своего тезоименитства, оказывает ему высокое отличие, назначив его подпоручиком Лейб-кампании. Одновременно с зачислением в Лейб-кампанию граф Гендриков был произведен в генерал-майоры; с 1750 г. вплоть до раскиссирования Лейб-кампании Петром III 21 марта 1762 г. заведовал ею в качестве помощника графа Алексея Разумовского.

Знамя Лейб-кампании

Вступление Екатерины на престол сразу поставило Гендрикова на видное место среди придворных. В 1762 г. он сопровождает императрицу в Москву для коронации; среди коронационных развлечений он принимает императрицу в своих Пруссиях. По случаю восшествия Екатерины на престол он получает 2956 руб. 50 коп. и 22 августа - 4807 руб. 70 коп.

Лейб-кампанцы, принявшие участие в возведении на престол императрицы Екатерины II, были награждены "пожалованием в кавалергарды". 5 июля императрица изустно повелела И. С. Гендрикову быть шефом "при учреждаемом вновь Кавалергардском корпусе". 11 июля граф Гендриков представил императрице несколько докладов, относящихся до организации корпуса; в первом из них он докладывал о том, "что к учреждению одного корпуса потребно"; причем за основание им была принята организация корпуса 1726 г. императрицею Екатериной I.

Немало трудов положил граф Гендриков в 1762 г. при учреждении Кавалергардского корпуса. Особенное усердие проявлял он в деле материального обеспечения бывших лейб-кампанцев и представлял государыне их прошения.

В 1764 г. императрица пожелала дать кавалергардам новое устройство и обмундирование, которое вполне соответствовало бы назначению кавалергардов быть избранной стражей при лице императорском. С этой целью государыня возложила на президента Военной коллегии графа З. Гр. Чернышева составление нового проекта о Кавалергардском корпусе. *"Графу Гендрикову да графу Гр. Орлову, рассматривая штат Кавалергардского корпуса, также проект графа Чернышева, представить нам со мнением"*. 17 марта Гендриков и Орлов представили всеподданнейший доклад.

24 марта императрица подтвердила этот доклад, написав на нем: "Быть по сему". 2 апреля Гендриков представил новый доклад о постройке на казенный счет вседневного обмундирования предписанным чином - *"не повелите ль В. И. В-во из высочайшей своей монаршей милости построить из казны, а вперед чтоб оные все чины имели от себя"*. Того же числа государыня утвердила этот доклад.

Этим обрывается деятельность Ивана Гендрикова по Кавалергардскому корпусу. 30 декабря 1764 г. был подписан императрицею следующий указ Сенату об увольнении от службы графа Гендрикова: *"Генерал-аншеф граф Иван Гендриков, в поданном нам прошении прописывая, что он по причине умножившегося на нем великого долгу не в состоянии себя содержать здесь без крайнего себе разорения, просил нас для поправления домашнего его состояния об увольнении его из службы. Мы, входя в его и многочисленной его фамилии обстоятельства, особливо же уважая всегдашнюю его к нам усердную преданность и верную службу, всемилостивейше на его прошение снисходим, увольняя его от всех дел, и на оплату долгов его жалуем ему 30 тыс. руб."*

Иван Симонович Гендриков умер 5 мая 1778 г. и похоронен в сооруженном им в 1769 г. храме в слободе Рубежной, Волчанского уезда, Харьковской губернии

Кавалергардский корпус

раф Григорий Григорьевич Орлов (1734-1783),

Первый по времени "из стаи славной екатерининских орлов". Он был вторым из пяти братьев Орловых, отличавшихся необыкновенно тесной дружбой, "они делили меж собою все доходы, у них были общие расходы, один общий кошелек". Этой тесной дружбой братья обязаны были той патриархальной семье, из которой вышли. Орловы принадлежали к старинной дворянской фамилии. Более отдаленные их предки служили по г. Бежецку, а дед служил уже "по московскому списку" и был стряпчим. Отец, дослужившись до чина действительного статского советника, был в начале 40-х годов в Новгороде вице-губернатором. Он поздно женился на Лукерье Зиновьевой, бывшей более чем втрое моложе него, и имел от нее девять сыновей, из которых пять остались в живых.

Григорий Орлов родился 6 октября 1734 г. Неизвестно где и как провел он детство; в 1749 г. он был привезен вместе с еще двумя братьями в Петербург, и в то время как Иван поступил в Преображенский полк солдатом, Григорий поступил в Семеновский.

По свидетельству Екатерины II, склонной скорее преувеличить, чем умалить достоинства своего любимца, Григорий Орлов не получил никакого воспитания, ничему не учился и настолько плохо знал французский язык, что не мог читать и не понимал французских стихов. Между тем природа щедро одарила Орлова. "Это было, - по выражению императрицы, - изумительное существо, у которого все хорошо: наружность, ум, сердце и душа..." Высокий, стройный, он, по отзыву Екатерины, "был самым красивейшим человеком своего времени". Превосходя красотой, смелостью и решительностью своих братьев, Григорий не уступал никому из них ни в атлетическом сложении, ни в геркулесовой силе. При этом Григорий был, несомненно, добрым человеком, с мягким и отзывчивым сердцем, готовым помочь и оказать покровительство, доверчивым до неосторожности, щедрым до расточительности, не способным затаивать злобу, мстить; нередко он разбалтывал то, чего не следует, и поэтому казался менее умным, чем был.

Поручиком, а с 1758 г. капитаном одного из армейских полков Орлов участвовал в Семилетней войне и в Цорндорфском сражении, успел выказать необыкновенную отвагу и хладнокровие: получив три раны, он остался в строю. При Цорндорфе был взят в плен флигель-адъютант прусского короля граф Шверин, и для сопровождения его в Кенигсберг, центр русского управления завоеванной части Пруссии, назначен был Орлов со своим двоюродным братом Зиновьевым. Весной 1759 г. граф Шверин, в сопровождении тех же Орлова и Зиновьева, был отправлен в Петербург.

В Петербурге Григорий встретился с братьями, из которых Алексей служил в Преображенском полку, а Федор - в Семеновском. Веселое препровождение времени, заключавшееся в игре в карты и в кутежах в многочисленном, но далеко не изысканном обществе, Орлов разнообразил рискованными любовными приключениями...

Перейдя на службу в артиллерию и сделавшись в 1760 г. адъютантом генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова, Григорий Орлов не задумался увлечь его любовницу княгиню Ел. Ст. Куракину. В это время благодаря графу Шверину, с которым сошелся наследник престола великий князь Петр Федорович, Орлов появляется и при малом дворе. После "случая" с Куракиной, грозившего гибелью молодому адъютанту грозного Шувалова, заинтересовалась Орловым и Екатерина. Екатерина одинока, Орлов красив, место бывшего возлюбленного Понятовского свободно, и Григорий Орлов занял его. Сближению содействовали доверенные люди - графиня Прасковья Брюс и камердинер Екатерины Шкурин.

Граф Григорий Григорьевич Орлов

Орлов увлекся Екатериной. 25-летний красавец был от нее без ума, готов был на все, лишь бы угодить ей. Нужно быть современником Екатерины, чтобы понять вполне, чем могла она так очаровывать всех более или менее близких ей людей, будучи далеко не красавицей. Орлов не был таким человеком, который мог бы без сердечного увлечения сделаться заговорщиком в пользу великой княгини, если бы великою княгиней не была Екатерина.

25 декабря 1761 г. Петр III вступил на престол и Екатерина стала императрицей; от этого, впрочем, положение ее несколько не улучшилось, оно сделалось даже опаснее. Теперь ей приходилось уже не только думать, но и действовать.

По собственному сознанию Екатерина вошла в сношения со своими будущими пособниками, и прежде всего, конечно, с Орловыми. Екатерина не всем из друзей, ни даже

графу Разумовскому или княгине Дашковой, открывала в равной степени свои намерения, которые всецело были известны только Орловым. "Орловы сделали все, - рассказывал Фридрих II графу Сегюру, - Дашкова была только хвастливой мухой на рогах быка". Григорию с братьями приходилось вербовать сторонников императрицы в рядах гвардии, возбуждать к ней симпатии. Поэтому дом Орловых сделался центром, где собиралось многочисленное общество офицеров, привлекаемое радушием хозяев и их репутацией отличных товарищей.

К весне на стороне Екатерины было около 40 гвардейских офицеров и до 10 тысяч солдат в разных полках, и есть известие, что Орловы настаивали на скорейшем приведении в исполнение задуманного плана. Но Екатерина знала, что, чем дольше будет сдерживаться негодование, тем энергичнее и неудержимее будет взрыв.

12 июня Петр III, отпраздновав ненавистный для русских мир с Пруссией, отправился в Ораниенбаум в сопровождении многочисленной, преимущественно дамской свиты, оставив императрицу в Петербурге.

В то время как Петр III, по выражению Екатерины, "*vivait et buvait*" в Ораниенбауме, в Петербурге подготовлялся переворот. Но Г. Г. Орлову в это время приходилось действовать особенно осторожно, так как к нему, как к лицу подозрительному, был приставлен соглядатай. 17 июня Екатерина уехала в Петергоф. Переворот благодаря случайности произошел несколько раньше, чем предполагалось его участниками. 27 июня был арестован по подозрению в неблагонадежности один из главных участников - капитан Преображенского полка Пассек; медлить было нельзя. В полдень Григорий Орлов сообщил об этом княгине Дашковой, а затем поспешил в гвардейские слободы, чтобы подготовить сторонников императрицы к мысли, что она должна быть немедленно провозглашена самодержавной государыней. Ал. Орлов тотчас поскакал в Петергоф за Екатериной. Некоторое время спустя Григорий с князем Федором Бярятинским направились по петергофской дороге и встретили Екатерину в 5 верстах от Петербурга. В их коляске она приехала в Измайловский полк.

Переворот совершился 28 июня. Объявив в кратком манифесте о своем вступлении на престол, чем она исполнила "ясное и нелицемерное желание всех верноподданных", и указав на опасность, угрожавшую православной вере и славе русского оружия, Екатерина в 10 часов вечера выступила во главе войск петербургского гарнизона в поход против Петра III. Григорий Орлов ехал в свите императрицы, а 29 июня сопровождал генерала Измайлова, ездившего из Петергофа в Ораниенбаум для переговоров с Петром III, и в тот же день привез Екатерине его отречение от престола...

Орловы были осыпаны наградами. В день переворота Григорий был пожалован в действительные камергеры с жалованьем по чину и в "александровскую кавалерию", а 3 августа троим братьям Орловым дано по 800 душ крестьян, к которым 5 августа еще прибавлено 50 тыс. руб. 22 сентября, в день коронации, Орловы были возведены в графское достоинство, а Григорий произведен в генерал-поручики и пожалован в генерал-адъютанты... Не прошло и года по воцарении Екатерины II, как 27 апреля 1763 г. граф Г. Г. Орлов получил орден св. Андрея Первозванного.

С воцарением Екатерины деятельность Григория Орлова становится более широкой, многосторонней, причем всегда духовный образ Екатерины совершенно заслоняет собою фигуру Орлова, Имея горячую голову и отзывчивое сердце, Орлов быстро усваивал излюбленные идеи государыни и искренно увлекался ими. По словам самой Екатерины, никто не содействовал ей так в работе, как Григорий Орлов. "*Способности Орлова были велики, но ему не доставало последовательности к предметам, которые в его глазах не стоили заботы, и лишь немногие удостаивал он труда своего, и от этого он казался более небрежным, чем был на самом деле. Природа избаловала его, и он был ленив ко всему, что внезапно не приходило ему в голову*".

Отъезд императрицы Екатерины Алексеевны из Петергофа

Со дня переворота Екатерина поселилась в старом елизаветинском Зимнем дворце, где получил помещение и Орлов, живший постоянно во дворце, хотя у него был и свой дом в Петербурге, подаренный ему императрицей. Кроме того, под Петербургом ему пожалованы были мызы Гатчина и Ропша. Г. Г. Орлов имел всегда свободный доступ к императрице, читал книги по ее указанию; она писала проекты писем, которые он должен был посылать от своего имени. В партии "ломбера" Орлов был постоянным участником игры; по вечерам, когда молодежь веселилась как кому нравилось, Григорий Орлов всегда принимал деятельное участие в танцах, играх, рядился на святках и т. п.

Была у Орлова еще страсть к естественным наукам и всевозможным физическим опытам. Будучи неучем, он любил потолковать "о физике, химии и анатомии", поспорить "о параболической фигуре", любовался, как из шелковых обоев "искры сыплются и электризация производится"; он пробовал строить ворота на ледяном фундаменте и с удивлением показывал Екатерине, как бомбы, налитые водою, разрываются на морозе. В его помещении во дворце была устроена обсерватория с телескопом, на которую ходили любоваться видами. Конечно, все это - занятия дилетанта, забава любителя курьезных явлений, но наряду с этим он приглашает в Гатчину Ж. Ж. Руссо, покровительствует Ломоносову, после смерти которого скупает и сохраняет оставшиеся после него бумаги, представляет императрице русского самоучку Кулибина. Орлову, который первый оценил "Бригадира", Фонвизин обязан был и представлением ко двору, и тем, что его комедия сделалась известна Екатерине.

В мае 1763 г., когда Екатерина в сопровождении Орлова ездил из Москвы на богомолье в Ростов, а затем в Воскресенский монастырь, "городская эха" начала разносить по Москве слухи, что государыня имеет намерение выйти за него замуж. Есть указание на то, что мысль эту возымели Орловы, имея в виду молву о браке императрицы Елизаветы с графом А. Г. Разумовским. Екатерина, несомненно, не была склонна с кем бы то ни было делить свою власть. В то же время ей не хотелось прямо отказать любимому человеку, и

она предоставила решить вопрос общественному мнению, зная вперед, как оно выскажется.

По приказанию императрицы канцлер Воронцов должен был отправиться к графу Разумовскому и попросить у него все документы, касавшиеся до его брака с императрицею Елизаветой Петровной. Разумовский вынул из окованного серебром ларца черного дерева бумаги, обвитые в розовый атлас. Прочитав бумаги, граф поцеловал их, подошел к образам, перекрестился и затем, возвратившись к камину, бросил сверток в огонь. *"Я не был ни чем, как только верным рабом Ее Величества покойной императрицы Елизаветы Петровны, - сказал он Воронцову. - Если бы и было некогда то, о чем вы говорите, то поверьте, граф, что я не имел бы суетности признать случай, помрачающий незабвенную память монархини, моей благодетельницы... Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов. Доложите обо всем этом всемилостивейшей государыне..."* Императрица, выслушав доклад, сказала: "Мы друг друга понимаем".

В следующем году в половине июня императрица предприняла поездку в Лифляндию, в которой ей сопутствовал граф Г. Г. Орлов. Это была первая продолжительная поездка, в которой Орлов сопровождал императрицу. Во время путешествия Екатерина не скрывала проявлений особенного своего к нему расположения...

Екатерина II во главе войска

Пожалованный в предыдущем году в подполковники лб.-гв. Конного полка, 1 января 1765 г. Гр. Орлов был назначен шефом Кавалергардского корпуса, причем во время крещенского парада он *"ехал подле саней государыни верхом, в римско-российском уборе кавалергардов, в шишаке с белым пером, что весьма казистый и прекрасный вид делало"*.

1765 год важен потому, что в этом году императрица, мечтая о благе миллионов подданных, писала свой "наказ". Екатерина, для достижения единства содержания, не хотела иметь помощников в своей работе, но Орлов, конечно, раньше других ознакомился с ее содержанием и находил "верхом совершенства".

В это же время, конечно, Орлов познакомился с мечтами Екатерины "об устройстве свободных сельских обывателей", бывшими совершенно в духе первых лет ее царствования. Реальным последствием этого было учреждение старейшего русского ученого общества - Вольно-экономического, ставившего своей задачей "общим трудом стараться об исправлении земледелия и домоводства". Первым председателем общества, с 1 января 1766 г., был Григорий Орлов. Вольно-экономическое общество увенчало премию сочинение члена Дижонской академии Беарде-де-Лабей, в котором проводилась мысль о необходимости постепенного освобождения крестьян с наделом землею. Графы Орловы, Григорий и Владимир, сами крупные душевладельцы, но в то же время и образцовые помещики, любимые крестьянами, настояли на напечатании этого сочинения на русском и французском языках.

Григорий Орлов никогда не принимал особенно деятельного участия в политике. Он занимался иностранными делами лишь случайно и преимущественно по желанию Екатерины. Иностранные дипломаты, зная его влияние, заискивали в нем, но никогда не могли считать его надежным союзником: он часто менял свои взгляды, так как не имел твердых убеждений в политике.

Придворная жизнь графа Орлова была прервана поездкой в Москву для борьбы с чумой.

Заболевания чумой обнаружилось в Москве в декабре 1770 г. в самой отдаленной части города, в Лефортове, в сухопутном госпитале. Пока штаб-доктор А. Шафонский и штат-физик Риндер при участии всех медицинских знаменитостей Москвы вели ученый спор о характере болезни, зараза появилась на сукольном дворе за Москвой-рекой, откуда разбежавшимися рабочими разнесена по всему городу. Быстро увеличивавшаяся смертность к середине года достигла громадной цифры - 700-900 человек в день. Население охватило панический страх, "в присутственных местах все дела остановились", все, что могло, бежало из Москвы. Сами власти не знали, принимать ли меры предосторожности или считать их вредными.

"Видя прежалостное состояние Москвы и что великое число народа мрет от прилипчивых болезней", Екатерина манифестом 21 сентября 1771 г. объявила о посылке в Москву "персоны, от нас поверенной", графа Григория Орлова, избранного "по довольно известному его усердию и верности к нам и Отечеству". Орлову давалась "полная мочь", ему должны были повиноваться все учреждения, он "имел вход" в московские департаменты, и он знал волю императрицы, "чтоб прекратить, колико смертных сил достанет, погибель рода человеческого"... В день издания манифеста Орлов выехал в Москву и, несмотря на распутицу, 26 сентября был уже там.

Все меры, принятые Орловым, отличались благоразумием и целесообразностью, а главное, тем спокойствием и уверенностью, которые так благотворно действуют на умы. Были учреждены комиссии предохранительная и исполнительная; доктора начали собираться и объявлять результаты своих совещаний - "как всякий предохранить сам себя и пользоваться может"; увеличено число карантинных и больниц, причем Орлов отдал под больницу свой родовый дом на Вознесенской улице; учреждены на казенный счет дома для воспитания многочисленных сирот.

Панорама Москвы

Орлов не жалел средств для организации борьбы с заразой: докторам дано сверх двойного жалованья ежемесячное содержание с обещанием в случае смерти значительной пенсии их семействам; больничным служителям обещана по окончании их службы вольность. Зная, что русский человек больше самой болезни боится больниц, Орлов разрешил лечение на дому; выходявшим же из больниц велел давать вознаграждение от 5 до 10 руб. Умерших хоронили на особых кладбищах особые служители и арестанты; кроме одежды и содержания последним давалось обещание прощения. Орлов считал необходимым дать заработок нуждавшимся: насыпали землю на кладбищах, копали камер-коллежский ров, исправляли дороги и т. п. Москва должна была хоть несколько очиститься от грязи, всякой "рухляди", таившей в себе заразу, и бродячих собак. Императрица из сообщений графа Орлова узнавала то, что едва ли узнала бы от других. Он был того мнения, что в Москве "трудно завести дисциплину полицейскую, трудно различить: что Москва, а что деревня, и на каких кто правах живет, особливо слободы"... В начале ноября чума значительно ослабела, и Орлов стал ждать своего отозвания.

21 ноября 1771 г. Григорий Григорьевич выехал в Петербург, причем ему предстояло еще выдержать почти двухмесячный карантин перед въездом в столицу. Екатерина, однако, собственноручным письмом разрешила ему и сопровождавшим его ехать прямо в Петербург. Здесь ожидала его торжественная встреча: в Царском Селе, по дороге в Гатчину были воздвигнуты деревянные ворота с надписью, изображавшей его подвиг, и со стихом поэта В. И. Майкова: "Орловым от беды избавлена Москва"; в честь его выбита медаль.

Между тем в Петербурге неожиданно заметно выдвинулся поручик Конногвардейского полка Васильчиков и быстро получил ряд подарков и повышений. Перемена эта, в то время еще совсем необычная, взволновала все сферы, начиная с высших аристократических кругов и дипломатического корпуса и кончая штатом низшей придворной прислуги. *"Лакеи и горничные императрицы, - писал граф Сольмс, - озабочены и недовольны: все они знали гр. Орлова, привыкли к нему, он их любил и покровительствовал им"*.

...Постепенное охлаждение Орлова к Екатерине было замечено уже давно. Он не только подолгу уезжал на охоту, но предавался и "другим удовольствиям, менее совместным с его отношениями к императрице". Щербатов говорит об Орлове, что его хорошие качества были "затменены любострастием: он учинил из двора государева дом распутия; не было почти ни одной фрейлины, которая не подвергнута была бы его исканиям, и коль много было довольно слабых, чтоб на оные преклониться". Екатерина благодушно отно-

силась к этим хотя и мимолетным, но многочисленным увлечениям своего любимца. Вероятно, дело шло бы так и далее, если бы не начавшийся роман Орлова с его двоюродной сестрой, фрейлиной императрицы, Екатериной Николаевной Зиновьевой. Зиновьева сумела возбудить в Орлове глубокое и серьезное чувство, которое заставило его тяготиться прежним положением.

В начале сентября 1772 г. Орлов приехал в Гатчину и заболел. Государыня отправила к нему лейб-медика Крузе. Орлов получал содержание от двора, имел придворную прислугу, он мог пользоваться полной свободой, принимать здесь своих родных и друзей. От него же хотели добровольного отказа от всех прав и должностей, а он не давал никакого ответа; "сдержанностью его были очень недовольны, так как не знали, на что решиться, если он будет упорствовать". Зато все затруднения быстро были устранены, когда Екатерина пожелала вступить в сношения с ним через посредство его брата Ивана Григорьевича. Орлову давалось право жить во всех дворцах, кроме Петербурга, иметь все необходимое от двора, назначалась пенсия в размере 150 тыс. руб. в год, давалось 100 тыс. руб. одновременно на покупку дома и 6000 душ крестьян в Псковском уезде или на Волге. Под предлогом болезни Орлов должен был "взять увольнение в Москву, или к деревням своим, или куда он сам изберет".

Нечего и говорить, что Орлов без всякого возражения принял все распоряжения государыни; он только еще просил разрешения воспользоваться титулом князя священной Римской империи, на что и последовало 4 октября разрешение Орлову именоваться князем с титулом светлости. На зиму Орлов хотел выехать по первому санному пути в Москву, а летом отправиться на воды, но предварительно ему хотелось видиться с государыней, и он просил разрешения приехать в Петербург.

В Петербурге он остановился у графа Ивана; он не воспользовался ни придворным экипажем, ни даже караулом по должности генерал-фельдцейхмейстера. 24 декабря князь Орлов был принят Екатериной, а вечером, в сочельник, был в придворной церкви у всенощной. На другой день во время выхода императрица разговаривала с ним "о картинах", и очевидец граф Сольмс не заметил в ней ни малейшего смущения. Орлов в свою очередь был весел как всегда, шутил с новым любимцем, ездил с визитами. Дипломатический корпус также на всякий случай поспешил посетить Орлова. По замечанию Сольмса, Орлов *"имел вид человека, который, чувствуя себя избавленным от тяжести, хочет насладиться свободой, и что он пожелал вернуться ко двору только для того, чтобы восторжествовать над замыслившими держать его вдали, порадоваться их смущению и показаться публике, которая могла считать его виноватым"*.

В первых числах января 1773 г. Орлов уехал в Ревель, получив отпуск на год с оставлением его во всех должностях, но уже в начале марта возвратился в Петербург. Никому не было известно секретное разрешение императрицы, и поэтому приезд его поразил неожиданностью и возбудил всякие толки, еще более усилившиеся после милостивого приема, оказанного ему Екатериной. 12 апреля двор переехал в Царское Село, а Орлов отправился в Гатчину.

15 июня приехала в Россию ландграфиня Дармштадтская с дочерьми, из которых одна предназначалась в невесты великому князю Павлу, и Екатерина поручила "гатчинскому помещику" встретить путешественниц и принять их в своем доме. За несколько времени до приезда ландграфини в Гатчину прибыла императрица в сопровождении одной только графини Прасковьи Брюс, желая таким образом "устранить затруднения первого свидания". После обеда у Орлова все вместе отправились далее в Царское Село...

Осень Григорий Орлов провел в Гатчине. В конце августа он решил ехать в Италию, где в это время был Алексей, и вскоре получил "увольнение в чужие края на два года", причем в день рождения, 6 октября, получил от государыни бриллиантовую табакерку. Между тем отъезд пришлось отложить. Князь сильно заболел, у него обнаружилось "странные припадки", то проходившие, то возобновлявшиеся с новою силой; нервное расстройство выразилось в сильной бессоннице, "в постели не лежит уже недели с полторы".

Только к концу ноября Орлов совсем оправился и в начале 1775 г. выехал наконец за границу через Берлин и Вену.

Был ли Григорий Григорьевич в Италии - неизвестно, но в июле или начале августа он посетил Париж. Распростившись с Парижем и любезным Гриммом и едва не утонув в Рейне под Кельном, к концу года Орлов попал в Англию. Если он и раньше всегда симпатизировал Англии, то в свою очередь он не мог не понравиться англичанам.

Вместо того чтобы пробыть за границей два года, Орлов в начале 1776 г. возвратился в Петербург и был так милостиво принят императрицею, что возбуждал зависть.

Однако едва возвратившись в Россию, он снова заболел. "Удар паралича" дал знать, что нервная болезнь не прошла бесследно, и служил серьезным предостережением для довольно пожившего на своем веку 43-летнего человека. Императрица была чрезвычайно к нему внимательна и два раза посетила больного. Оправившись, Орлов начал подумывать об оставлении службы. В то же время он решил закрепить свою давнюю связь с Екатериной Зиновьевой браком и, удалившись от двора, предаться частной жизни. Свадьба Григория Григорьевича с Зиновьевой была, вероятно, весной 1777 г. Молодая княгиня была пожалована в статс-дамы, получила орден св. Екатерины и много подарков от императрицы. Два следующих года Орловы прожили в Петербурге. Красавица собою, как можно судить по ее портретам, одаренная высокими качествами ума и сердца, княгиня Екатерина Николаевна, по отзыву современников, обладала еще и поэтической душой. *"Княгиня сумела, - по словам Гельбига, - возвратить спокойствие в сердце Орлова; он предпочитал теперь частную жизнь прежнему бурному и блестящему существованию"*. То же подтверждает и другой современник. *"Орлов неразлучен со своей женою, - писал Гаррис в феврале 1778г. - Никакая побудительная причина не заставит его принять участие в делах"*.

Весною 1780 г. Орловы отправились за границу с целью лечения. Здоровье княгини Орловой было непрочно - по некоторым известиям, у нее скоро появились зачатки чахотки; у него самого стали обнаруживаться также какие-то припадки странной мнительности. Княгиня ехала, впрочем, еще и со специальной целью: ей страстно хотелось иметь детей, и она надеялась, что медицина поможет ей в этом... Судьба оказалась неумолима - 16 июня молодая княгиня Орлова умерла в Лозанне и была погребена в тамошнем соборе...

Орлов не вынес обрушившегося на него несчастья, у него явились явные признаки умственного расстройства. В начале октября братья привезли Григория в Москву. Екатерина выразила соболезнование собственноручным письмом: *"Привыклиши столько лет брать величайшее участие во всех до вас касающихся делах, не могла я без чистосердечного и чувствительного прискорбия уведомиться о рановременной потере любезной вашей княгини, моля Бога да сохранить ваше здоровье и дни до позднего века..."*

Помешательство князя, впавшего в детство, было непоправимо. *"Я его видела три раза, - писала осенью Екатерина, - он тих и покоен, но слаб, и все мысли вразброд; он сохранил только непоколебимую привязанность ко мне. Что я должна была перестрадать, увидавши его в таком состоянии... В настоящее время он в постели; предполагают, что его болезнь - последствие удара, поэтому нет никакой надежды на выздоровление"*. Ни лечение опытного доктора, ни консилиум врачей не принесли ему пользы, он "в ребячестве, не знает, что делает и говорит". Путей к исцелению уже не было.

10 апреля 1783 г. Платон, давнишний знакомый Орлова, исповедал и причастил князя, а в ночь на 13 апреля он скончался. 17-го совершенно было отпевание в Донском монастыре, после которого тело князя Орлова было перевезено в с. Отраду Серпуховского уезда, в фамильную усыпальницу.

Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1735-1807),

брат фаворита, отличался "богатырским сложением и геркулесовой силой". Из всех Орловых он один был "в истинном смысле народный человек, в силу того, что у него с народом были общие вкусы, общие радости, общие стремления и верования"; из всех Орловых в нем одном иностранные дипломаты признавали все качества государственного мужа: большое спокойствие в обсуждении дела, ясность взгляда, упорство в преследовании своих целей; "только полная уверенность в успехе может побудить его предпринять что-либо рискованное". "Граф мастер скрывать свои чувства", - говорила о нем одна особа, очень хорошо его знавшая. Было бы чрезвычайно любопытно и даже поучительно проследить, как рос и мужал этот человек, прегрешивший в устранении Петра III, прославивший себя Чесмой, опозоривший себя Таракановой. Несомненно, что все эти роли, столь разнообразные, отвечали его твердому характеру, соответствовали его сильной воле.

Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский

Мы не знаем ничего о его воспитании, не знаем, какое получил он образование. Современники говорили, будто он воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе, будто участвовал в Семилетней войне и получил несколько ран; но эти сведения, хотя и довольно вероятные, ничем не подтверждаются. В формулярном списке Орлова не упомянуто о ранах, полученных в Семилетнюю войну, и несомненна одна только рана, нанесенная ему лейб-кампанцем после трактирной ссоры, - шрам на левой щеке, давший ему прозвище *le balafre* (*Меченый (фр.)*), которое Орлов носил всю жизнь и унес в могилу.

Более обстоятельные сведения о жизни и деятельности Алексея Орлова имеются лишь со времени переворота 28 июня 1762 г., возведшего императрицу Екатерину на престол. Орлов принимал деятельное участие в подготовке этого события, и его заслуги в этом отношении высоко оценивались Екатериной. 29 июня А. Г. Орлов "за отличные заслуги Отечеству" был произведен в секунд-майоры в Преображенский полк с чином генерал-майорским; 3 августа ему пожаловано 800 душ крестьян, а в день коронации императрицы он получил орден св. Александра Невского и графское достоинство вместе с братьями.

Следующие за переворотом годы Алексей Орлов прожил в Петербурге. 1 января 1765 г. он был пожалован в поручики Кавалергардского корпуса. В 1767 г., после смерти фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина, бывшего подполковником Преображенского полка, Орлов был назначен на его место. Екатерина пожаловала ему на известных условиях села Остров и Беседы с причисленными к ним деревнями, всего 1500 душ, а два года спустя повелено было отдать ему эти села "без всякого зачета в полном составе в потомственное и вечное владение".

Но вскоре граф Орлов вдруг заболел. Его болезнь называли "воспалением желудка". Екатерина, которая в это время путешествовала по Волге "в Азию", выказала сильное беспокойство состоянием здоровья Орлова. *"Теперь одна болезнь Алексея Григорьевича меня беспокоит"*, - писала императрица Н. И. Панину. 21 июня 1768 г. вице-канцлер князь А. М. Голицын писал к русским представителям при иностранных дворах, что граф А. Г. Орлов *"для поправления здоровья по совету врачей отправляется в чужие края к минеральным водам и уже выехал по пути в Германию"*. Графа сопровождали брат его Ф. Г. Орлов, подполковник Герсдорф и кавалергард Бухгольц. Орловы ехали под именем "господ Острововых", чтобы не подать повода к бесполезным замечаниям об их путешествии. Так усердно старались сделать поездку Орловых частной и по возможности незаметной именно потому, что она имела политическую подкладку.

Братья Григорий и Алексей Орловы интересовались положением греков и славянских народов, находившихся под турецким и иностранным игом. Теперь А. Г. Орлову представлялся случай вступить в непосредственные сношения с этими народами, посетить некоторые из славянских земель и извлечь возможную пользу в интересах России. Перед отъездом императрица пожаловала Алексею Орлову орден св. Андрея Первозванного и 200 тыс. руб. на покрытие расходов в пути и на лечение. 24 октября 1768 г. Орловы прибыли в Вену, пробыли очень недолго и отправились в Пизу. Принятый благосклонно герцогом Тосканским А. Г. Орлов остался в Пизе гораздо дольше, чем предполагалось по программе лечения. В июле Орловы вместе с И. И. Шуваловым устроили в Пизе блестящий праздник, удостоенный посещения герцогом. В Пизе Орлов забыл о лечении, всецело поглощенный главной целью своего путешествия.

Доверенные лица и негласные корреспонденты "господ Острововых" отправились в Морею, появились среди греческих колоний в Венеции и Триесте и сообщали свои наблюдения Орловым; появились русские агенты и в Черногории. Сам Орлов хлопотал о вооружении судов Венецианской республики под предлогом защиты ее торговых интересов на море; приобрел в Генуе 20-пушечный корабль, набрал из греков и славян экипаж в 150 человек, ловко пустив в то же время слух, что корабль готовится для корсарских целей.

Эти предприятия делались с ведома и одобрения императрицы. Уже в конце 1768 г. Алексей Орлов доносил Екатерине "о действительной тамошних народов склонности к восстанию против Порты". В ответ на это императрица писала ему: *"Мы сами уже, по предложению брата вашего генерал-фельдцейхмейстера, помышляли об учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции как на твердой ее земле, так и на островах архипелага"*. Императрица желала ведать "собственное рассуждение" Орлова об удобности, пользе, времени и количестве отправляемой в Средиземное море эскадры; и для того, писала она, *"поручаем вам объяснить как наискорее мысли ваши, дабы мы по оному решительную уже резолюцию благовременно принять могли"*. Таким образом, Екатерина имела полное основание сказать: *"Гр. Орлову одолжена я частью блеска моего царствования, ибо он присоветовал послать флот в архипелаг"*. А сия экспедиция составляет действительно одно из славнейших военных событий царствования Екатерины II.

29 января 1769 г. графу А. Г. Орлову даны были две "формальные полные мочи", но государыня желала, чтобы все дело велось тайно. Орлову предоставлялось право просить себе сотрудников по собственному выбору; он должен был позаботиться о вооружении; ему открывался неограниченный кредит с отчетностью в расходах только перед самой императрицей. 3 июня Алексей Орлов был пожалован в генерал-аншефы. В конце 1769 г. князь Ю. В. Долгоруков под видом купца приехал в Пизу и сообщил Орлову, что "весьма скоро к нему придут 9 линейных кораблей, несколько фрегатов и 5 тысяч десантного войска..."

В ноябре 1769 г. эскадра адмирала Спиридова, вышедшая из Кронштадта 25 июля, прибыла на о. Минорку. Приказано было Спиридову идти к морейским берегам, и эскадра его с десантом 17 февраля 1770 г. вступила в порт Витуло. Здесь русские сухопутные войска образовали из майнотов два спартанских легиона, восточный и западный, придав каждому по дюжине русских солдат при одном унтер-офицере. Командовавший восточным легионом капитан Барков 20-го же февраля обложил крепость Мизитру, которая через девять дней сдалась на капитуляцию.

Вслед за этим 1 марта Спиридов послал цейхмейстера морской артиллерии Ганнибала с двумя кораблями и одним фрегатом к крепости Наварин, которая и сдалась 10 апреля. В этот же день главнокомандующий Орлов прибыл на флот, стоявший на якоре у Корона. Местом своего пребывания он избрал Наварин, откуда предпринял несколько экспедиций, но почти без всякого успеха. Изменив свой план действий, он взорвал наваринские укрепления и со всем флотом пошел к о. Идра, куда вскоре прибыла и вторая эскадра контрадмирала Эльфинстона. Алексей Орлов сам принял начальство над всем флотом, подняв 11 июня на корабле "Три иерарха" кайзер-флаг.

В момент поднятия кайзер-флага положение дел было таково: у о. Идры соединились обе эскадры, Спиридова и Эльфинстона, со всем десантом, состоявшим из восьми рот Кексгольмского пехотного полка и двух рот артиллерии; турецкий флот, имевший целью освободить Наварин, увидя полное разрушение крепости, шел на всех парусах к Дарданеллам. Орлов, убежденный уже горьким опытом, что на суше никакие успехи немислимы, решился преследовать турецкий флот. *"Теперь, - писал он вице-канцлеру князю Голицыну 20 июня, - соединясь, весь наш флот следует за неприятелем, который везде бежит, укрываясь между архипелагских островов. Время покажет впредь, отважится ли оной дать бой или возвратится в Константинополь"*.

Турецкий флот отважился. Им командовал алжирец Хасан-бей, не раз уже проявлявший свою отчаянную храбрость. К тому же силы противников были далеко не равны - численное превосходство было на стороне турок. Русский флот состоял из 10 кораблей, 3 фрегатов и 17 легких судов; в турецком же флоте насчитывалось 16 кораблей, 6 фрегатов и более 50 мелких судов. Хасан-бей не избегал сражения. 23-го же июня турецкий флот стал на якорь за о. Хиос; утром 24-го Орлов ввел русский флот в канал, отделяющий Хиос от анатолийского берега. На совете флагманов было принято предложение графа Орлова немедленно атаковать турок.

Русский флот, построив "линию баталии", стал спускаться на противника в следующем порядке: корабли "Европа", "Евстафий" и "Три святителя" составляли авангард под командой адмирала Спиридова; кордебаталию под командой самого Орлова составляли корабли "Иануарий", "Три иерарха" и "Ростислав"; контр-адмирал Эльфинстон командовал арьергардом, состоявшим из кораблей "Не тронь меня", "Святослав" и "Саратов".

Ровно в полдень 24 июня капитан Клокачев, командир "Европы", приведя свой корабль на левый галс, открыл огонь по передовому турецкому кораблю, носившему флаг главнокомандующего, но вскоре ввиду мели и близости "Евстафия" поворотил на правый галс, спустился и стал за "Ростиславом". Бой длился уже два часа. Авангард и кордебаталия действовали более или менее успешно против первых от входа неприятельских кораблей; арьергард же стрелял издалека и лишь к концу боя мог приблизиться к неприятелю.

Военно-морские флаги
России, учрежденные
Петром I.

Решительное значение имел маневр "Евстафия"; он был в сильном огне против трех судов, направляя свои выстрелы исключительно на корабль турецкого главнокомандующего; с прорванными парусами и с перебитым рангоутом "Евстафий", потеряв возможность управляться, навалился на корабль капитан-паши; начался рукопашный бой. Спиридов и Ф. Г. Орлов съехали с "Евстафия" на пакетбот "Почталъон". Корабль капитан-паши загорелся; турки, спасаясь, бросились на "Евстафия"; вслед за тем турецкая грот-мачта, подгорев, упала на "Евстафия", причем искры попали в крыйт-камеру, и "Евстафий" взлетел на воздух; несколько минут спустя взлетел на воздух и корабль капитан-паши. С "Евстафием" погибло более 600 человек. Турками овладела паника. Обрубая канаты, они ставили паруса и бежали по направлению к Чесменской бухте. Русский флот не преследовал неприятеля - он перешел к входу в бухту и стал на якорь.

В этот же день вечером граф Орлов созвал военный совет, на котором решено было вновь атаковать неприятеля. Хотя совету не были известны положение и размеры Чесменской бухты, но имелись частные сведения, что укрывшийся там турецкий флот крайне стеснен в своих движениях, вследствие чего сама собой являлась мысль о брандерах (*Брандер - судно во времена парусного военного флота, предназначенное для сожжения вражеских кораблей*). Бригадиру Ганнибалу поручено было приготовить четыре брандера; имевшийся в русском флоте бомбардирский корабль должен был открыть огонь бомбами. Приготовления к бою заняли не только вечер 24-го, но и весь день 25 июня.

К утру 25 июня русский флот расположился перед входом в Чесменскую бухту полукружием, на стосаженной дистанции между кораблями. Турки тоже готовились: они построили на суше против флангов нашей линии батареи, выставили четыре корабля при входе в бухту, поставив за ними все прочие суда, почти под самым берегом. Наши брандеры были готовы только к вечеру 25-го и поступили в отряд бригадира Грейга, состоявший из четырех кораблей, двух фрегатов и бомбардирского корабля.

В ночь на 26 июня при полном лунном свете Грейг начал атаку. Капитан Клокачев приблизил "Европу" к неприятелю и открыл огонь; за "Европой" стали подходить и другие суда. В это время загорелся один из турецких кораблей, за ним другой. Пущены были брандеры. Три брандера не имели успеха; четвертый под командой лейтенанта Ильина сцепился с турецким кораблем и был зажжен; от него загорелся турецкий корабль. Ветер был слабый, но северный, на турецкие суда. За первым кораблем загорелся второй, третий, и затем вспыхнул страшный пожар, охвативший весь турецкий флот, стоявший под ветром и не имевший выхода. Одно за другим взлетали на воздух турецкие суда, и к 9 часам утра 26 июня в Чесменской бухте сгорела вся флотилия Хасан-бея: 15 кораблей, 6 фрегатов и более 50 мелких судов. Во время общего пожара удалось спасти только 60-

пушечный турецкий корабль "Родос" и 5 галер, увеличивших наши трофеи. Кроме 6 судов были взяты 22 медные пушки с батареей против наших флангов...

Корабль "Евстафий"

27 июня Орлов писал вице-канцлеру князю Голицыну: *"Победы совершеннее быть не может. Из 16 неприятельских линейных кораблей, шести фрегатов, множества бригантин, полугалер и других малых судов не осталось ничего, кроме печальных следов сего вооружения: все без остатка потоплены, переломаны и сожжены"*.

Действительно, "победы совершеннее быть не может". Многие А. Орлову простится за Чесму, и слава, добытая им в чесменских водах, навеки записала его имя на скрижалях истории. Значение чесменской победы для русского флота достойно было оценено императрицею Екатериной: после благодарственного молебствия была отслужена *"соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для России славы; мы плодом его трудов пользуемся"*.

За Чесму граф Алексей Григорьевич Орлов получил орден св. Георгия 1-й ст. Позднее он получил титул Чесменского, шпагу, украшенную бриллиантами, серебряный сервиз и "на поправление домашней экономии" 60 тыс. руб. Празднование Chesменской победы отличалось особой пышностью. В память Чесменского боя и в честь Орлова выбита медаль, в царскосельском саду поставлен обелиск с изображением Орлова, на фарфоровом заводе сделаны вазы с его портретом и рисунками боя...

Чесменская победа доставила русскому флоту господство в архипелаге, которым Орлов, к сожалению, не сумел воспользоваться. Поздней осенью он направился со всем флотом к о. Парос и избрал порт Аузу местом стоянки.

4 марта 1771 г. граф Орлов приехал в Петербург для представления отчета о положении дел в архипелаге. Здесь он пробыл всего несколько дней. В конце марта Орлов выехал обратно в Ливорно, а оттуда в Парос, куда и прибыл 28 июня. Теперь он был снабжен двумя "полными мочами": одна заключала инструкцию для дальнейших действий флота в архипелаге, другая - право начать "мирную негоциацию" с турецкими комиссарами.

Кампания 1771 г. уже не отличалась прежней энергией. Высадка на о. Негропонт и близ Кавалы не имела значения; 2 ноября Орлов овладел Митиленой, которую защищал 4-тысячный гарнизон, сжег верфи, уничтожил заготовленные для постройки кораблей материалы, заклепал пушки. Кампания 1772 г. ознаменовалась славной победой, где граф Войнович истребил 11 турецких судов и уничтожил все замыслы Мустафы против экспедиции Орлова.

Осенью 1773 г. Орлов был опять в Петербурге и принимал участие в заседаниях совета при обсуждении предстоящей кампании 1774 г. Решено было отправить новую эскадру в средиземные воды под командою Грейга, а о себе граф Орлов заявил, что, видя волю императрицы, чтобы он продолжал начальствовать над флотом, он, как усердный сын Отечества, не уклоняется..., но видно было, что на этот раз Орлов ехал в архипелаг неохотно, хотя и получил новые знаки милости государыни.

Отставка младших братьев вслед за удалением от двора графа Григория, конечно, подействовала на Алексея Орлова. Он должен был сознавать, что с этого времени деятельность его уже далеко не будет иметь того простора, который он имел раньше, всегда встречая поддержку в императрице благодаря брату Григорию. *"А. Г. Орлов, - писал Сольмс 21 февраля 1774 г., - вернулся из Москвы, куда ездил единственно для развлечения, и скоро вновь отправляется в архипелаг, хотя на этот раз против своего желания, ибо сам признается, что там нельзя сделать ничего существенного"*.

В архипелаге ничего и не было сделано, но в Италии Орлов ознаменовал себя *подвигом*, не соответствующим приобретенной им славе. Подвиг этот - позорное пятно на памяти графа А. Г. Орлова.

В начале 70-х годов XVIII столетия в разных пунктах Европы появлялась таинственная личность, молодая 25-30-летняя женщина, выдававшая себя за русскую принцессу, дочь императрицы Елизаветы Петровны. Кто была она - остается и, вероятно, надолго еще останется неизвестным. Она так же часто меняла свои имена, как местопребывание и свои привязанности. Она называлась султаншей Селимой и Али-Эмене, принцессой Владимирской Елизаветой, госпожой Франк, Шелль, Треймюль и т. п.; в Венеции она жила под именем графини Пиннеберг, в Пизе она называлась графиней Силинской; у нас ее звали и зовут *Таракановой*.

Английский посол в Петербурге утверждал, что она дочь трактирщика в Праге; английский консул в Ливорно считал ее дочерью нюрнбергского булочника. В Лондоне и Париже она вращалась в обществе различных искателей приключений; она находилась некоторое время в связи с польским посланником в Париже Огинским, а затем с князем Лимбургским. Сношения авантюристки с польскими эмигрантами, может быть, подали ей мысль заявить свои права на русский престол под видом дочери императрицы Елизаветы и Разумовского.

По отзыву современников, она отличалась быстрым умом, некоторым образованием, обладала привлекательной наружностью и кокетством, легко побеждавшими сердца мужчин. Алексей Орлов дает такой ее портрет, впрочем, изложенный канцелярски-бесцветным языком: *"Она женщина росту небольшого, тела очень сухого, лицом ни бела, ни черна, а глаза имеет большие и открытые, цветом темно-карие, и косы, брови темно-русые, а на лице есть и веснушки..."* Задумав склонить на свою сторону русский флот и привлечь графа Орлова обещанием щедрых наград, она написала ему письмо, открывшее ее намерения и ее местопребывание. Орлов послал своих агентов следить за нею и сообщил о появлении ее Екатерине, прибавив в своем донесении: *"Есть ли этакая на свете (т. е. дочь Елизаветы) или нет, я не знаю, а буде есть и хочет принадлежащего, то б я навязал ей камень на шею да в воду"*.

Княжна Тараканова в заточении

когда будет на своем месте, тогда и меня сделает счастливым". Всецело доверившись Орлову, "принцесса" дала уговорить себя отправиться в Ливорно для осмотра русской эскадры. Здесь она была арестована.

"Она и по сие время еще верит, - пишет Орлов, - что не я ее арестовал, а секрет наш наружу вышел... Она была во все время склонна до самой Англии в чайнии, что я туда приеду, а как меня не видала тут и письма не имела, пришла в отчаяние, узнав свою гибель, и в великое бешенство, а потом упала в обморок и лежала в беспамятстве четверть часа, так что и жизни ее отчаялись, а как опамятовалась, то сперва хотела броситься на английские шлюпки, а как и того не удалось, то намерение положила зарезаться или в воду броситься..."

Ревнивая вообще к своей власти, а теперь встревоженная пугачевским бунтом, Екатерина отнеслась к этому известию с крайним раздражением и предписывала Орлову послать корабль и требовать выдачи *"сей твари, столь дерзко всплывшей на себя имя и породу... употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомб несколько в город метать можно, а буде без шума достать способ есть, то я и на сие соглашаюсь"*. Орлов обязан был исполнить в точности волю государыни, но действия его были иные. Он сделал вид, что соглашается на лестные предложения "принцессы", уговаривал ее приехать в Пизу, где ожидает ее великолепная квартира и почетная встреча; он готов всюду сопровождать ее.

Сам Орлов следующим образом рассказывает о дальнейшем: *"Она ко мне казалась быть благосклонной, чего для и я старался казаться пред нею быть очень страстен, наконец я ее уверил, что я бы с охотою женился на ней и в доказательство хоть сегодня, чему она, обольстясь, более поверила. Признаюсь, что я оное исполнил бы, лишь только достичь бы того, чтобы волю Вашего Величества исполнить. Но она сказала мне, что теперь не время, потому что она еще несчастлива, а*

В то время как Орлов в таком спокойном тоне описывал из Пизы от 11 мая путешествие своей жертвы, эскадра Грейга, жаловавшегося, что он никогда не исполнял более тяжелого поручения, подходила к Кронштадту. В Петербурге несчастная Тараканова подверглась допросу "с пристрастием" и вскоре умерла в каземате...

К концу 1775 г. Орлов возвратился в Россию. Могущество и значение Потемкина были уже в полной силе. При его честолюбии рядом с ним трудно было стоять такому же честолюбивому человеку, как Орлов-Чесменский, обладавшему к тому же таким громким именем. В ноябре Орлов подал прошение об отставке от всех должностей по болезни, и 2 декабря 1775 г. указом Военной коллегии уволен с чином полного генерала "навсегда от всякой службы".

Всю остальную жизнь Орлов-Чесменский прожил в Москве, только по временам уезжая за границу и еще реже в Петербург. Он сделался своим человеком в Москве, особенно любимым и популярным, первым в ряду тех вельмож не у дел, которые наполняли тогда Москву. Живя в Нескучном, около Донского монастыря, Орлов погрузился в хозяйственные заботы и с особенным увлечением занимался своим конным заводом, который скоро приобрел заслуженную известность. В этом заводе, в Острове, находились в числе прочих арабских лошадей, приобретенных Орловым на Востоке, и те два знаменитых жеребца, которые считаются родоначальниками орловских рысистых и верховых лошадей.

В 1782 г. Орлов, которому шел уже 48-й год, женился на 20-летней Авд. Ник. Лопухиной. Екатерина изъявила согласие на брак и прислала пожелание "всякого счастья и благополучия". 2 мая 1785 г. у графа Орлова родилась дочь Анна. Но семейная жизнь Орлова продолжалась недолго: 20 августа 1786 г. Авд. Ник. родила сына и в тот же день умерла; сын умер четырех лет...

Весной 1796 г. Алексей Григорьевич Орлов вместе с братом Владимиром приезжал в Петербург с целью представить императрице свою юную дочь. *"Видел я, - говорит Грибовский, - когда он представлял государыне в Зимнем дворце свою дочь графиню Анну. Государыня приласкала ее рукою за подбородок, похвалила и в щечку поцеловала. Когда они вышли, то государыня сказала: "Эта девушка много доброго обещает"*.

Осенью того же года, собираясь за границу, Орлов снова приехал в Петербург, и здесь застала его смерть императрицы. Орлов, не обнаружив "ни малейшего движения трусости или подлости", присягнул Павлу I. При перевозе тела батюшки императора Павла - Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец нес императорскую корону, а во время церемонии совместного погребения Екатерины II и Петра III он был "дежурным при гробах". Тотчас после этого, ссылаясь на слабость здоровья, Орлов начал проситься за границу.

Лишенный именованным указом 31 декабря 1796 г. пенсии, граф Орлов все царствование Павла I прожил вне пределов России, проводя зимы в Лейпциге и Дрездене, а на лето уезжая в Карлсбад и Теплиц.

Весною 1801 г. получено было известие о смерти Павла I. Орлов немедленно выехал в Россию. По этому поводу он писал Воронцову в Лондон: *"Расположился было я ехать в Карлсбад, но на сих днях получил от всемилостивейшего нашего императора (Александра I) своеручное письмо, в котором благоугодно было показать свое соизволение и желание видеть меня в Петербурге, чего для тороплюсь упасть к стопам его и препоручить дух и тело мое. У меня ж большой камень с сердца свалился: за дочь мою я всегда опасался, чтобы покойный государь не приказал ее выдать противу желания ее, а теперь от оной снедающей меня мысли совершенно освобожден. Да и вся Россия стала спокойнее дышать. Удивительное дело, как себя до такой степени довести, что и здешние жители отменно оному случаю рады"*.

В сентябре Орлов участвовал в торжествах по случаю коронации Александра I. С этого времени он, как кажется, уже безвыездно поселился в Москве. Несмотря на то, что года давали себя чувствовать и Орлов сам сознавал, что он дряхлеет, ему еще раз пришлось выступить на поприще общественного служения. В 1806 г. был избран и утвержден

в звании "командующего милицией V области", в значительной степени сформированной на средства графа и его дочери. Хотя этой "милиции" по случаю Тильзитского мира не пришлось принять участия в военных действиях, но практичность Орлова при организации ополчения отразилась на хозяйственной стороне этого дела. 26 февраля 1807 г. император Александр I писал в рескрипте: *"Известясь с особым удовольствием о пожертвовании, которое дочь ваша, гр. Анна Алексеевна, сделала доставлением в V область милиции значущего количества оружия, не могу я никому другому лучше, как вам, поручить изъявить ей мою признательность"*. А 26 октября Орлов был пожалован орденом св. Владимира 1-й ст.

Благодаря своему богатству, азиатской роскоши, к которой Орлов питал слабость, а главное благодаря своим чисто русским народным вкусам он не мог не сделаться в Москве самым популярным человеком. Орлов делал много добра, старался быть доступным, оказывал покровительство людям, к нему обращавшимся. Праздники и балы Орлова по-

Знак ордена св. Владимира с мечами

сещались всей дворянской Москвой, на его обеды незваные собирались так же, как и званые. Простой народ стремился под Донской, к Нескучному, чтобы полюбоваться на рысаков графа, на его скачки и бега или посмотреть на кулачные и петушьи бои, устраивавшиеся Орловым для народа.

В манеже его в Нескучном постоянно устраивались карусели, и графиня Анна Алексеевна со своими знакомыми дамами и девицами участвовала в них. Наездницы, среди которых графиня Орлова была первой, изумляли зрителей своей ловкостью. При манеже были у графа берейторы англичане и немцы и русские наездники, выученные им самим. Чтобы возбудить интерес к скачкам и бегам, граф Орлов назначал призы и держал пари.

Англичанин Кокс, которому Алексей Григорьевич показывал в с. Острове свой завод, говорит: *"Большая часть лошадей паслась на равнине; среди них было немало весьма красивых жеребцов, более 60 кобыл, причем у большинства были жеребята. Эти лошади приведены из отдаленнейших частей света, а именно из Аравии, Турции, Татарии, Персии и из Англии. Арабских он приобрел во время своей экспедиции в архипелаг. Из них ценились особенно четыре лошади настоящей кохлинской породы, столь ценимой даже в Аравии и столь редко встречающейся вне своего отечества"*. Но заслуга графа Орлова-Чесменского не в том, что он был охотником и любителем лошадей - такие есть всегда и везде, - а в том, что он создал тип русской рысистой и верховой лошади, не говоря о том, что русское коннозаводство обязано ему улучшением всей массы лошадей в России. *"Наш рысак, - писал современник, - есть чисто русское произведение, обязанное своим происхождением сообразительности гр. Орлова-Чесменского"*; ему же *"обязаны мы и образованием лучшей в России породы верховых лошадей, породы, названной также, по имени графа, орловскою"*.

А. Г. Орлов-Чесменский умер в Москве 24 декабря 1807 г. на 73-м году. Он был погребен в фамильном склепе в с. Отраде.

Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739-1791)

В числе лиц, окружавших трон Екатерины II, среди дипломатов и военачальников, законодателей и администраторов, среди всех сановников и советников резко выделялся Григорий Александрович Потемкин, заслуживший титул князя и прозвание Таврического. Это был наиболее славный и достойный советник императрицы, оставивший по себе заметный след в истории.

Князь Григорий Александрович Потемкин

Потемкины известны в русской истории с начала XVII столетия как стольники; более других известен стольник, позднее думный дворянин и окольный Петр Иванович, ездивший в 1668-1681 гг. русским послом в Мадрид, Париж, Лондон и Копенгаген.

Григорий Александрович Потемкин, сын майора, был на десять лет моложе Екатерины II; он родился 13 сентября 1739 г. в родовом селе Чижеве, Духовщинского уезда и получил в Москве хорошее для того времени образование сперва в частном пансионе Литкена в Немецкой слободе, потом в университете, где особенно прилежал к изучению греческого языка и церковной истории. Его пребывание в Московском университете очень характерно: Потемкин получил золотую медаль и в 1757 г., в числе лучших воспитанников, был отправлен в Петербург для представления императрице Елизавете Петровне, а в 1760 г. был исключен из университета "за леность и нехождение в классы". Это "отличие" Потемкин получил вместе со своим товарищем Н. И. Новиковым, подобно которому просиживал ночи за книгами.

По обычаю того времени, учение не мешало службе: записанный в Конную гвардию, Потемкин, не являясь в полк и числясь в университете, проходил низшие чины военной службы. По исключении из университета он явился в 1761 г. на службу в Конногвардейский полк уже вахмистром.

Пятнадцатилетним юношей Потемкин впервые увидел Екатерину, тогда великую княгиню. По смерти Елизаветы Петровны он увидел ее уже императрицей, о которой много и часто говорили в столичном обществе, особенно среди военных, преимущественно же гвардейцев. Молодой, пылкий вахмистр тотчас же стал в ряды сторонников Екатерины и вместе с тремя гвардейскими офицерами, бывшими "в секрете", много содействовал пропаганде среди низших чинов полка в пользу императрицы.

В день переворота, 28 июня, Потемкин со своим полком сопровождал императрицу "на походе" в Петергоф; на другой день он конвоировал из Ораниенбаума в Петергоф карету, увозившую "бывшего императора"; спустя неделю, 6 июля, Потемкин находился в Ропше, но не был непосредственным участником печального события. Такое поведение Потемкина было оценено Екатериной в полной мере: вахмистр Потемкин был произведен в подпоручики, ему было пожаловано 400 душ крестьян, он был назначен камер-юнкером, и, наконец, в числе 33 ближайших "пособников" ему был пожалован серебряный сервиз.

По отзывам всех современников, своих и чужих, Потемкин был статный, красивый мужчина. Сохранившиеся портреты его вполне подтверждают эти отзывы, несмотря на физический недостаток - Потемкин был крив на правый глаз. Он окривел в 1763 г.: по совету знахаря Потемкин прикладывал к голове какую-то припарку, которая "притянула пресильный жар к правому глазу", покрывшемуся как бы бельмом.

Подобно Екатерине, чтением подготовившей себя к многотрудному служению России, Потемкин чтением же обогащал и развивал свои природные дарования. И этот подневольный полторагодовой труд его не пропал даром - физический недостаток послужил поводом к умственному усовершенствованию.

Трудолюбивый, деятельный, живой телом и духом, Потемкин работает в самых разнообразных сферах и трудится над задачами самого разностороннего характера: то сидит он в Синоде в качестве помощника обер-прокурора, то наблюдает за шитьем казенных мундиров, то командует ротой, то командирован в Москву для участия в делах "большой комиссии" по составлению уложения в качестве опекуна депутатов-иноверцев, то заседает в "комиссии духовно-гражданской". В сентябре 1768 г. Потемкин пожалован был в камергеры, в ноябре по воле императрицы отчислен от Конной гвардии как состоящий при дворе, а 2 января 1769 г. в заседании "большой комиссии" А. В. Бибииков объявил, что "господин опекун от иноверцев и член комиссии духовно-гражданской, Григорий Потемкин, по высочайшему Е. И. В. соизволению, отправляется в армию волонтиром" - па театр первой Турецкой войны.

Поле брани стало полем чести для Потемкина. Мы не знаем, когда он прибыл в действующую армию, но из реляций известно, что 19 июня он уже отличился в авангард-

ном деле, а 2 июля - при овладении турецким укреплением под Хотинном; 29 августа содействовал поражению верховного визиря и крымского хана; 3 января 1770 г. участвовал в сражении при Фокшанах, 18 января - при Браилове, 4 февраля трудился над овладением Журжею, бил турок, бежавших от Рябой Могилы, отличился при Ларге и Кагуле, участвовал в занятии Измаила, поражал турок у р. Олты, сжег г, Цимбры, полонил много турецких судов. В реляции от 9 сентября 1770 г. Румянцев писал о Потемкине: *"Ваше Величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться. Сия причина преклонила меня при настоящем конце кампании отпустить его в Петербург во удовольствие его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам Вашего Величества"*.

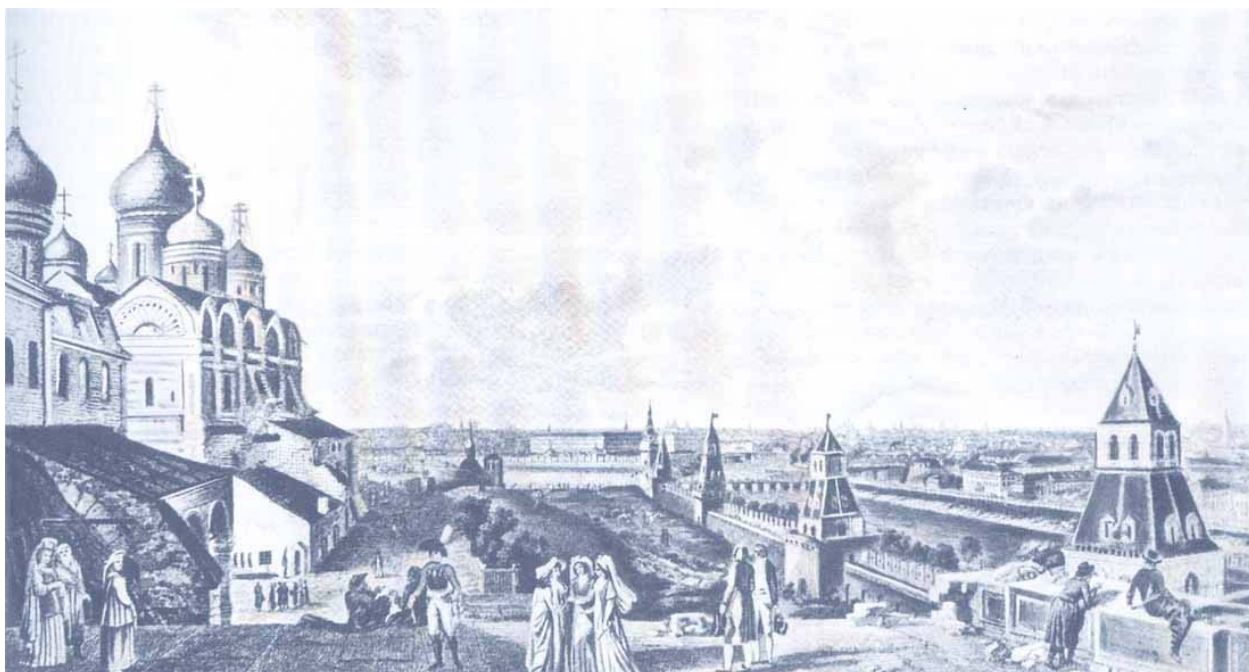
*Медаль в честь победы
при Кагуле*

Недолго пробыл в Петербурге Потемкин, но успел испросить разрешение писать непосредственно императрице письма с театра войны. Сначала письма эти, полные преданности и любви к государыне, оставались без ответа, но затем заинтересовали Екатерину, и она сама взялась за перо. *"Господин генерал-поручик и кавалер!* - писала Екатерина собственноручно Потемкину 4 декабря 1773 г. - *Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что вам некогда письма читать; и хотя я по сию пору не знаю, преуспела ли ваша бомбардирада, но тем не меньше я уверена, что все то, что вы сами предприимлете, ничему иному приписать не должно, как горячему вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то вас прошу по-пустому не вдаваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься, сделаете вопрос: к чему оно писано? На сие вам имею отвечать: к тому, чтобы вы имели подтверждение моего образа мыслей об вас, ибо я всегда к вам весьма доброжелательна"*.

Во время войны, с января 1769 по декабрь 1773 г., в течение пяти лет, Потемкин из поручиков стал генерал-поручиком. Такое быстрое повышение по службе, объясняемое исключительно военными заслугами на поле брани в действующей армии, было лишь предлюдией к еще более быстрому возвышению при дворе. В январе 1774 г. Потемкин, вызванный "неприметно" письмом императрицы, был уже в Петербурге; в феврале он был сделан генерал-адъютантом, в марте - подполковником Преображенского полка, в мае - членом Государственного совета, в октябре - генерал-аншефом и вице-президентом Военной коллегии, в декабре награжден орденом св. Андрея Первозванного, 10 июля 1775 г. возведен в графское достоинство, в 1776 г. пожалован в поручики Кавалергардского корпуса и 27 февраля того же года сделан князем Священной Римской империи с титулом светлейшего.

Как быстрое повышение Потемкина во время войны объясняется его военными заслугами, так и быстрое возвышение его при дворе вполне оправдывается его государственной деятельностью. Отныне и до самой смерти Потемкина в октябре 1791 г., в течение семнадцати лет его влияние сказывалось на государственной политике России, внутренней и внешней, - влияние ума государственного, взгляда просвещенного, по большей части широкого, всегда практического. *"У князя Потемкина, - писала Екатерина, - были качества, встречающиеся весьма редко и отличавшие его между всеми другими: смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Вот почему мы всегда понимали друг друга"*. В этом заключался секрет его могущества, тайна того воздействия на Екатерину в течение всей его жизни, до самой кончины, которое сознавали, но не понимали современники. При жизни

Потемкина Екатерина нередко говорила ему: "Я без тебя как без рук"; при первой же вести о его смерти императрица записала: "Потемкин умер... - теперь вся тяжесть правления лежит на мне одной". Вот чего не знали современники и не должны упускать из виду потомки.

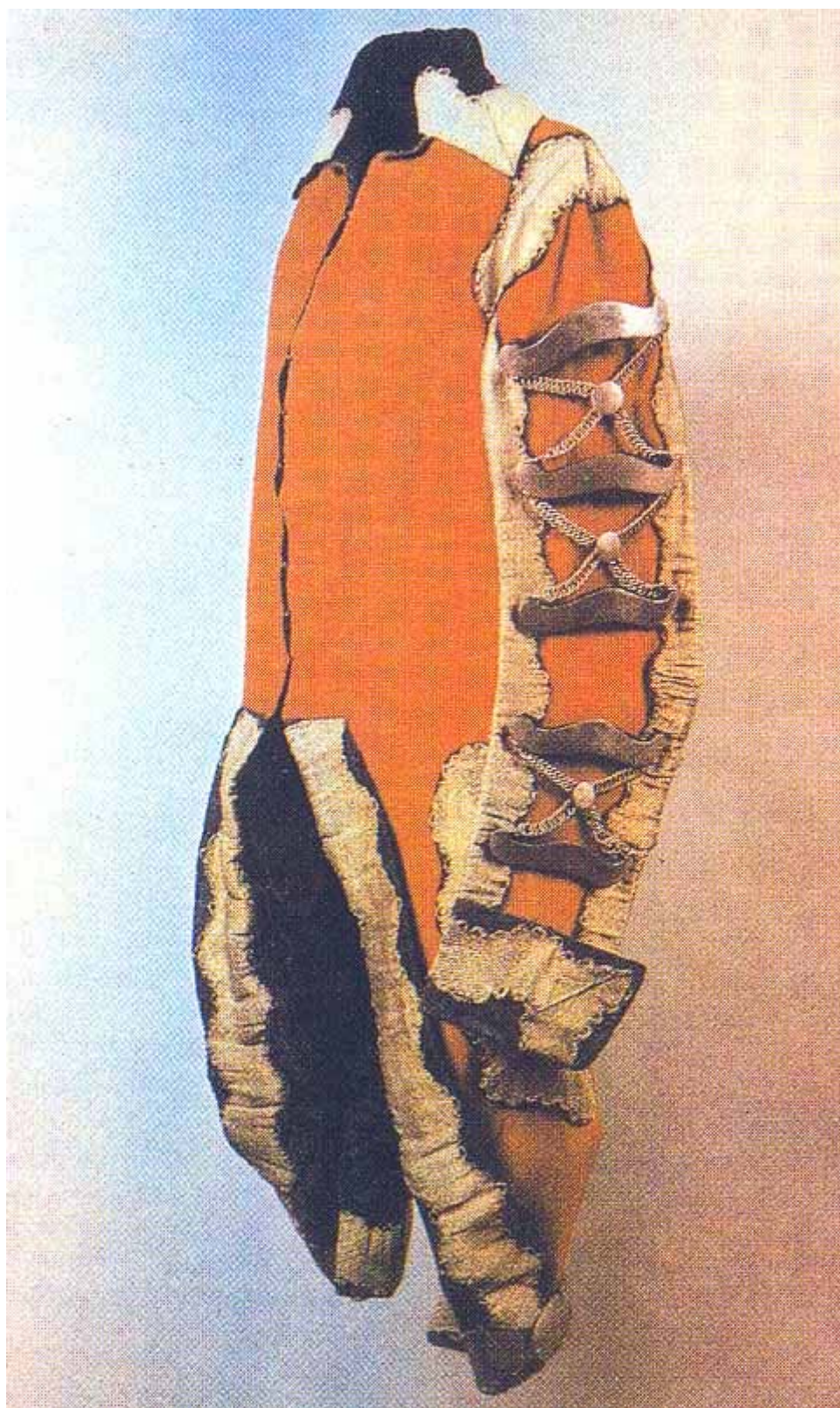
Вид Москвы с террасы Кремлевского дворца

Положение, занятое Потемкиным при дворе, было совершенно особое, ни прежде, ни после никем не представлявшееся. Оно нимало не зависело от того, кто именно занимает в Зимнем дворце ближайшие апартаменты к внутренним покоям императрицы - Ермолов ли, Ланской, Мамонов или кто иной. Оно было основано прежде всего не на фаворитизме и потому-то было значительно серьезнее, прочнее и не прекращалось с окончанием фавора - оно коренилось как в согласии государственных идей и политических целей, так в тождестве взглядов и намерений. Для Екатерины Потемкин олицетворял "благо империи и мою славу добрую", а не какие-либо случайные, временные прихоти, питаемые фавором. По словам императрицы, *"Потемкин был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца; цели его всегда были направлены к великому. В голове его непрерывно возникали новые мысли. Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Словом, это был вполне государственный муж: он умел дать мудрый совет, умел и выполнить его. Его привязанность и усердие ко мне доходили до страсти. Это был великий человек, не выполнивший и половины того, что был в состоянии сделать"*.

Потемкин, разделявший с Екатериной, по ее же сознанию, "тяжесть правления", является центральной фигурой во второй половине екатерининского царствования. Все вопросы, интересовавшие русское правительство и волновавшие русское общество в эти семнадцать лет, с 1774 по 1791 г., обсуждались и разрешались при большем или меньшем участии Потемкина, и не только вопросы государственные или общественные, но нередко и частные, личные вопросы императрицы: совершенно интимное письмо матери к сыну - Екатерины II к Павлу Петровичу о его женитьбе исправлено Потемкиным. В переписке Екатерины с Потемкиным, как и в бумагах его, упоминается масса самых разнообразных вопросов внутренней и внешней политики: крестьянское волнение и австро-русское сближение, Запорожская Сечь и бурбонские дворы, беспорядки в Вологде и война со Швецией, торговый договор с Францией и устройство Черноморского флота, судьба Гру-

зии, Дунайские княжества, устройство городов, Кавказ, положение русского солдата, пленные в Хиве, Крым, Дарданеллы, восстановление Византийской империи, Польша, Курляндия и многие другие.

Особенно заметна и плодотворна деятельность Потемкина по двум вопросам: внутреннему - о военной реформе и внешнему - об отношениях к Турции.

Кавалергардский колет

Еще до рождения Потемкина, в 1737 г. русская армия взяла Очаков, над которым он столь потрудился пятьдесят лет спустя, и в годы его юности побеждала уже Фридриха II, несмотря на многие недостатки ее устройства. Эти недостатки сознавали и с ними боролись Румянцев, Панин, Суворов, но поборол их Потемкин.

Румянцев первый обратил внимание на русского солдата. Знаменитый полководец заботился, чтобы солдаты соблюдались в чистоте, чтобы при учении их не тиранили, чтобы офицеры знали солдат и сами с ними занимались; ему принадлежит много изменений в строе, который он старался сделать более пригодным для действий военных. В лице Потемкина граф Румянцев нашел человека, понявшего все значение его реформы и быстро усвоившего его взгляды.

Уже при князе Голицыне Потемкин зарекомендовал себя дельным офицером. *"Русская конница, - писал Голицын в своем донесении, - до сего времени еще не действовала с такой стройностью и мужеством, как под командой генерал-майора Потемкина"*. Пройдя же школу Румянцева, Потемкин еще более понял недостатки нашей армии и, получив власть, тотчас же, еще будучи вице-президентом Военной коллегии, начал осуществлять те реформы, нужда в которых была так настоятельна.

Еще в январе 1775 г. вошел он со всеподданнейшим докладом, стараясь очистить полки *"от всех неупотребительных излишностей и каждый род войска поставить на такой ноге совершенства, чтобы вся в нем благопристойность была, соответственно стремительному его движению"*. Особенное внимание обращал Потемкин на кавалерию; здесь он явился защитником драгун, *"полезнейших и самонужнейших в государстве"*. Потемкин предлагал обучать драгун и конному и пешему строю, чтобы они могли действовать, не нуждаясь в подкреплении ни пехоты, ни тяжелой конницы. В том же докладе Потемкин указывал на необходимость увеличить число гусарских полков, нужных для разведочной службы и быстрых передвижений. На основании соображений Потемкина было сформировано пять драгунских полков, из десяти эскадронов каждый, и семь русских гусарских полков, по шести эскадронов. Позже, в 1783 г. десять малороссийских казачьих полков были также обращены в регулярные, и в докладе своем от 27 мая 1783 г. Потемкин мог сказать, что *"конницы в армии российской достаточно"*.

Первая Турецкая война, в которой так блистательно участвовал Потемкин, показала, насколько полезны в военное время егеря. По настоянию Потемкина при всех полках были устроены егерские команды, со временем обращенные в особые егерские батальоны: в 1777 г. было сформировано шесть таких батальонов, по шести рот каждый.

Но недостаточно было при новых пределах империи увеличения числа конных полков и учреждения егерских батальонов; нужно было усилить все войско. И в 1785 г., по ходатайству Потемкина, число grenадер было приказано довести до сорока батальонов и сформировать шесть егерских корпусов, по четыре батальона каждый; были сформированы также и мушкетерские четырехбатальонные полки.

Опыт той же первой турецкой войны показал, что от армии надо прежде всего требовать не показной чистоты, а способности быстро передвигаться и менять строевые формы. Но этого невозможно было требовать от солдата, стесненного в своих движениях амуницией, отягченного ношей и чуть не четверть дня вынужденного тратить на приведение в надлежащий порядок своей прически и на чистку амуниции.

Во всеподданнейшем докладе 4 апреля 1783 г. Потемкин писал между прочим следующее: *"Одежда войск наших и амуниция таковы, что придумать еще нельзя лучше к угнетению солдата. Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением; платье должно служить солдату одеждой, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может... Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов"*.

При обучении рекрутов Потемкин требует строгой последовательности, требует приведения их *"нечувствительным образом к первым познаниям звания солдатского"*, го-

рячо восстает против побоев, ограничиваясь "шестью палками". Неоднократно писал Потемкин начальникам частей с просьбой относиться к солдатам человечнее и не превышать известной меры в наказаниях. *"Гг. офицерам гласно объявите, чтоб с людьми обходились со всеможной умеренностью, старались бы об их выгодах, в наказаниях не преступали бы положенных, были бы с ними так, как я, ибо я их люблю, как детей"*.

Вообще Потемкин входил во все подробности солдатской жизни и требовал того же от офицеров. Он приказывал офицерам наблюдать, чтобы солдаты не страдали от стужи, чтобы они были хорошо одеты, чтобы не терпели недостатка в пище. *"Строго я буду взыскивать, - говорит Потемкин в приказе 6 октября 1788 г., - если солдаты будут подвержены претерпению нужды от того, что худо одеты и обуты"*.

Эти гуманные меры Потемкина не нравились иным офицерам. Зато солдаты оценили заботы о них Потемкина и были ему благодарны. *"Покойный его светлость был нам отец, облегчил нашу службу, довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети"*, - говорил Энгельгардту один гренадер, вспоминая князя Потемкина.

Знак ордена св. Анны с императорской короной и мечами

Военная реформа - дело внутреннее, которое прежде всего должно служить целям внешней политики. А цели эти у Потемкина были обширны и сводились, в общем результате, к изгнанию турок из Европы и восстановлению Византийской империи.

Так называемый "греческий проект" возник не вдруг: приобретение северных берегов Черного моря, присоединение Крыма и создание Черноморского флота составляли те задачи, которые послужили главным мотивом проекту. Центром ближайших стремлений являлся Крым. В особой записке Потемкин так определяет императрице значение Крыма для России того времени.

"Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны кубанской - во всех сих случаях Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их через Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите теперь, что Крым - ваш и что нет уже сей бородавки на носу, - вот вдруг положение границ прекрасное... мореплавание по Черному морю свободное, а то извольте рассудить, что кораблям вашим и выходить трудно, а входить еще труднее... Поверьте, что вы сим приобретением бессмертную славу получите и такую, какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава положит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море..."

Екатерина одобрила мысль о приобретении Крыма, и на осуществление ее ушла вся жизнь Потемкина, скончавшегося во время второй Турецкой войны, вызванной присоединением Крыма к России.

Вслед за Кючук-Кайнарджийским миром, оторвавшим Крым от Турции, начались приготовления к осуществлению плана Потемкина. В 1776 г. была занята Перекопская линия; в 1777 г. началось заселение Азовской губернии и устройство Новороссийской; с 1778 г. строились корабли на Днепре и адмиралтейство на Лимане; в 1779 г. был заложен Херсон и приняты меры против кабардинских набегов; в 1780 г. заключен союз с Австрией; в 1781 г. окончена Моздокская линия и положено начало присоединению Грузии; в 1782 г. волнения против ставленника России крымского хана Шагин-Гирея ускорили развязку: "лаской, убеждением, золотом и грозным вооружением" Потемкин склонил Шагин-Гирея к уступке Таврического полуострова, и в 1783 г. Крым был присоединен к России без пролития крови.

Для нас особенно знаменательно признание заслуг Потемкина Екатериной, считавшей Крым "своим приданым" России: признательная "за благополучное сего знаменательного дела совершение", императрица назначила Потемкина шефом Кавалергардского корпуса, екатеринославским и таврическим генерал-губернатором, генерал-фельдмаршалом и президентом Военной коллегии.

Ни Екатерина, ни Потемкин не обманывали себя и смотрели прямо на дело, признавая приобретение Крыма не более как захватом. "Цапанье нам никогда непротивно", - писала Екатерина Потемкину и торопила вооружениями, ясно сознавая, что подобное "цапанье" поведет к войне с Турцией. Потемкин хорошо понимал, насколько слабо "морское наше ополчение на Черном море", и обратил теперь все внимание на флот, сооружение которого являлось насущной потребностью ввиду наступательных действий России против Турции. В Херсоне Потемкин завел Морской кадетский корпус и училища штурманское и корабельной архитектуры; в разных местах были построены им верфи; он основал Севастопольскую гавань. В Новороссийский край стягивались войска, формировались на месте новые полки; появлялись на юге села и создавались города, строились фабрики и заводы, росла промышленность.

Крымское побережье

Заинтересовалась югом России и Екатерина. С 1784 г., когда впервые императрица выразила желание посетить Тавриду и обозреть Новороссийский край, закипела на всем юге России усиленная деятельность: тысячи рабочих трудились над созданием Екатеринославля, спешно строилась галерная флотилия, в которой Екатерина и ее спутники должны были спуститься из Киева в Херсон; в Крыму прокладывались дороги, строились дворцы на станциях, заводились экипажи, лошади и мебель. Были приняты меры, чтобы в тех местах, где должна была проезжать императрица, ее встречали толпы народа. Для путешествия Екатерины воздвигались даже целые города, как Алешин, построенный и заселенный в несколько месяцев.

В 1786 г. Потемкин покинул Петербург и, отправившись в свое наместничество, занялся лично приготовлениями к приему Екатерины, которую он встретил в Киеве. Плавание по Днепру оказалось, однако, медленнее и беспокойнее, чем рассчитывала императрица, но зато Кременчуг очаровал ее и она не скрыла своего восторга от Потемкина. *"До самого Киева я могла думать, - сказала она, - что механизм администрации в моей империи испорчен; здесь же я нахожу, что он действует с полной силой"*. Это восхищение перед результатами деятельности Потемкина не покидало императрицу во все время ее путешествия: все виденное по пути от Кременчуга до Карасубазара приводило ее в восторг.

Конечно, восторженные отзывы императрицы не совсем соответствовали истинному положению дела: Потемкин показывал ей одно хорошее. Но этого хорошего было так

много, что торжество Потемкина было вполне заслужено. Сделать для нового края больше, чем сделал Потемкин, было невозможно. За ним остается заслуга, что он первый призвал к жизни пустынный степной край.

Еще таврическое путешествие, доставившее Потемкину прозвание Таврического, не было вполне окончено, как началась вторая турецкая война, ведшаяся Россией в союзе с Австрией.

Князь Потемкин-Таврический был назначен командующим Екатеринославскою армией, граф Румянцев-Задунайский - Украинскою.

Военные действия открылись нападением турок на Кинбурн, Суворов победоносно отразил все приступы турок. В то же время страшная буря разметала флот, шедший к Варне. *"Флот севастопольский, - писал императрице Потемкин, - разбит бурей; корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки"*. Поддерживая павшего духом князя, Екатерина отвечала ему: *"Известия, конечно, не радостные, но, однако, ничто не пропало; сколько буря вредна была нам, авось либо столько же была вредна и неприятелю; неуже что ветер дул лишь на нас; как ни ты, ни я сему не причиной, то о сем уже более и говорить не стану, а надеюсь от добрых твоих распоряжений, что стараться будут исправить корабли и ободрить людей"*.

Екатерина оказалась права: при первых же встречах обоих флотов на Лимане уже не Бог, а русские побили дважды турок. Тем не менее Потемкин, впервые принявший на себя командование армией, при всякой неудаче, при каждом неуспехе волновался, нервничал, о чем откровенно и писал императрице. Екатерина так отвечала ему: *"Ради Бога не пушайся на сии мысли, кои мне понять трудно и мне кажутся неудобными, понеже лишают нас многих приобретенных миром и войною выгод и пользы. Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с оногo, чтобы держаться за хвост?"*

Лагерь Г. А. Потемкина под Очаковом

Потемкин остался на коне: 6 декабря 1788 г. Очаков взят был штурмом. Это был удар решительный, определивший дальнейший ход военных событий и самый исход войны. Полтора года стоял Потемкин под Очаковом, возбуждая против себя самые невыгодные толки; взятием Очакова он "всем рот закрыл", и в Петербурге недовольство на медленность и нерешительность князя Потемкина сменилось тотчас же ликованием.

Взяв Очаков, Потемкин не сразу поехал в Петербург, а сначала отправился в Херсон для распоряжений по кораблестроению. Путь его из Херсона в столицу был торжественным шествием, и в Петербурге, куда он прибыл 4 февраля 1789 г., торжество продолжалось. Весь город был "на поздравлении его светлости"; ему подносили поэты стихи, с него рисовали портреты, в его честь было приказано в Царском Селе "иллюминировать мраморные ворота и, украся морскими и военными арматурами, написать в транспаранте стихи, кои выбрать изволила (императрица) из оды на Очаков Петрова".

Возвратившись три месяца спустя из Петербурга на место военных действий, Потемкин прежде всего занялся пополнением убылей от кампании 1788 г. и приготовлениями к новой. Необходимо заметить, что теперь Потемкин явился уже главнокомандующим всех войск. Еще в бытность его в Петербурге императрица выразила мысль об отозвании графа Румянцева и о поручении ему обеих армий, "дабы согласно дело шло". Как отнесся к этому Потемкин, мы не знаем, но факт тот, что граф Румянцев был теперь косвенно подчинен князю: ему было предписано согласовать действия своей армии с действиями армии Потемкина и быть от них в полной зависимости. А когда графа Румянцева сменил Репнин, последний прямо был уже подчинен Потемкину.

Кампания 1789-1790 гг. показала, что Потемкин как полководец не оправдал надежд, на него возлагавшихся. Пока он со своей армией медленно продвигался к Днестру, Суворов по ту сторону Дуная одерживал победу за победой. Тем не менее Потемкин пожинал лавры как главнокомандующий. После, например, рымникской победы Суворова Екатерина, благодаря Потемкина, писала ему: "*Спасибо, мой фельдмаршал, что дела ведешь умно и с успехом*". После битвы при Фокшанах, где Потемкин также не принимал участия, благодарность Екатерины к нему была беспредельна.

Вскоре отличился и сам светлейший: он занял Аккерман, а затем Бендеры, не пролив капли крови. Занятие этих двух крепостей увенчало Потемкина ореолом и несказанно обрадовало императрицу. "*Знатно, что имя твое страшно врагам, что сдались на дискрецию, лишь ты показался. Спасибо тебе и преспасибо; кампания твоя нынешняя щегольская...*" - писала ему Екатерина. - *Недаром я тебя люблю и жаловала...*" 10 января 1790 г. Екатерина даровала Потемкину титул гетмана казацких екатеринославских и черноморских войск. В то же время она заказала мраморный бюст Потемкина и великолепный кавалергардский мундир синего бархата.

Наградной офицерский крест за штурм Измаила

По занятии Аккермана и Бендер Потемкин поселился сначала в Яссах, а затем в Бендерах, окружив себя невероятной роскошью. Отсюда он внимательно следил за общеевропейской политикой, руководил военными действиями, вел переговоры о мире с Турцией, обозревал важные пункты, переписывался с Екатериною, Суворовым, Булгаковым о делах государственных и военных, следил за ходом Шведской войны и за действиями Пруссии. Императрица пользовалась его советами в войне со Швецией и придавала советам этим большое значение.

Кампания 1790 г. доставила Потемкину славу. "*Спасибо тебе, мой друг, и преспасибо за вести, и за попечение, и за все твои полезные и добрые дела*", - писала ему Екатерина, узнав о морской победе Ушакова над турками. Благодарила его императрица и за взятие Суворовым Измаила.

Не надеясь, однако, на скорое заключение мира с турками, Потемкин собрался в Петербург; и хотя императрица советовала ему не отъезжать с театра войны, он 28 февраля 1791 г. явился в столицу. Это было тяжелое для Екатерины время. На юге продолжалась еще война с Турцией; мир, заключенный на севере со Швецией, считался непрочным; отношения с Англией были натянуты, с Пруссией - враждебны; польские дела беспокоили императрицу; французская революция заставляла задумываться. Не блестящи были дела и

внутри империи: финансы государства были расстроены; между Екатериной и молодым двором происходили недоразумения; вельможи соперничали между собою.

Потемкину пришлось окунуться во все эти дела и дразги. Не могло быть приятным ему в то же время и чрезвычайное влияние Платона Зубова на императрицу. Правда, Потемкину нечего было бояться: он так высоко стоял в глазах императрицы, она так привыкла советоваться с ним во всех делах, что не Зубову было свалить Потемкина.

Делами армии, главнокомандующим которой он состоял, Потемкин интересовался в это время мало, менее даже чем великолепным праздником в своем Таврическом дворце, и Екатерина была недовольна, что он по неделям задерживает курьеров Репнина, который между тем продолжал войну с турками и 28 июля одержал над ними блистательную победу при Мачине и начал мирные переговоры.

За четыре дня перед тем Потемкин покинул Петербург - и покинул навсегда. Болезнь, давно уже подточившая его организм, усиливалась быстро, и все чаще и чаще в письмах его к императрице находим мы жалобы на упадок сил.

На театр войны приехал он 1 августа, совершенно разбитый физически, но тотчас же приступил к делам и признал все предварительные условия перемирия, заключенного Репниным. Занимался он в это время и другими государственными делами. Так, например, в конце августа, уже после первых приступов болезни, сведшей его в могилу, он писал следующее к князю А. А. Безбородке: *"Из Ясс буду я писать обо всем обстоятельно, и о Польше, и пришлю журнал всего, происходившего между мною и визирем. Дело совсем было расклеилось упрямымством султана; но флот наш Черноморский все поправил, приведя до крайней трусости "его султаново величество"*. В этом же письме, далее, пишет Потемкин и об отношениях России к Австрии и Пруссии: *"На императора (Леопольда) нельзя надеяться и для того нужно скорее учредить свои интересы с берлинским двором. После все можно устроить, но только на теперешний случай сие надобно, конечно"*. *"Польша требует большого внимания, - писал Потемкин, - тем паче, что император ходит с королем прусским"*.

Но в сентябре здоровье князя было уже очень плохо. *"Стал было я бродить, но третьего дня схватил меня сильно пароксизм и держал более 12 часов, так что и по сие время не могу отдохнуть; крайнее ослабление"*, - писал он князю Безбородке 21 сентября. Болезнь Потемкина чрезвычайно беспокоила императрицу. В дневнике Храповицкого под 3 октября записано: *"Два курьера, что князь Потемкин был опасно болен, и теперь еще лихорадка продолжается; он приобщен святых тайн. Прислано описание болезни от Массо и Тимана. Слезы"*. Под 11 октября: *"В обед приехал курьер, что 1 октября князю Потемкину опять хуже. Слезы"*. Екатерина не оставляла князя своими письмами, и они, по свидетельству Попова, благотворно действовали на Потемкина. 3 октября в последний раз писала ему императрица, а 5 октября Попов писал ей: *"Удар совершился, все милостивейшая государыня! Светлейшего князя нет более на свете... Поутру он сделался очень слаб, но приказал скорее ехать; наконец, не доезжая большой горы, верстах в 40 от Ясс, так ослабел, что принуждены были вынуть его из коляски и положить на стени. Тут и испустил он, к горестнейшему нашему сожалению, дух свой..."*

Известие о кончине Потемкина было получено в Петербурге 12 октября. На Екатерину весть эта подействовала так сильно, что она слегла в постель и ей должны были пустить кровь. *"Теперь не на кого опереться"*, - были первые ее слова, когда она узнала о смерти "сердечного друга Григория Александровича". Скорбь Екатерины была вполне искренна и вполне заслужена Потемкиным.

Кавалергарды в 1742-1796 годах

Тело Потемкина было привезено обратно в Яссы, набальзамировано и перевезено для погребения в Херсон, где его 28 ноября 1791 г. поставили в склепе церкви св. Екатерины. Так, не засыпанный, простоял гроб до 1798 г., когда император Павел I приказал, чтобы "все тело, без дальнейшей огласки, в самом же том погребу погребено было в особливо вырытую яму, а погреб засыпан землею и изглажен так, как бы его никогда не бывало". Тогда же по приказанию Павла был уничтожен и памятник, воздвигнутый в храме по

распоряжению Екатерины, предписавшей, кроме того, "заготовить грамоту с перечислением заслуг Потемкина и хранить ее в том храме, где он погребен".

Лишь по смерти Павла I разрешено было родственникам Потемкина поставить ему памятник. В 1836 г. в херсонском городском саду была воздвигнута статуя князя Г. А. Потемкина-Таврического на повсеместный сбор в России, а в 1873 г. херсонское земство соорудило по добровольной подписке мраморную доску в церкви св. Екатерины на память о Потемкине.

Семен Гаврилович Зорич (1745-1799)

В половине XVIII столетия сербы толпами переходили юго-западную границу России и селились в Новороссии. Политические гонения в Турции и вероисповедные притеснения в Австрии побудили полковника Хорвата из Куртиц просить русского посла в Вене графа М. П. Бестужева-Рюмина о праве переселиться в Россию. В 1751 г. последовало разрешение, и в том же году Хорват с семейством и со многими своими единоверцами переселился в Россию. В следующем году явилось еще много сербских выходцев под предводительством полковников Ивана Шевича и Райко из Прерадович, служивших в войсках императрицы Марии Терезии. Им отведены были земли по левой стороне днепровской степи, между речками Луганью и Бахмутом, где они и образовали два гусарских полка

Наградной знак кадетам
«За прилежание и хорошее
поведение»

Зорич происходил из сербской шляхты, был греческого вероисповедания, не имел никакого состояния. В 1754 г. он зачислен в службу гусаром. В 1760 г., будучи вахмистром, он участвовал в Прусской войне и 1 марта был взят пруссаками в плен, где находился около девяти месяцев, и был отпущен "на пароль". По возвращении из плена он был произведен в корнеты и в тот же день в подпоручики - за неоднократно проявленную им смелость в бою. Попав снова в строй, он продолжал участвовать в Прусской войне до самого ее окончания уже офицером, имея от роду всего 16 лет; в одном из сражений он был ранен саблей. Высокого роста, красивый, смелый, решительный, он легко приобретал общую любовь и уважение. Целый ряд отличий характеризует его как блестящего офицера, и по окончании войны он был произведен в поручики.

В первую турецкую войну Семен Зорич командовал значительными передовыми отрядами и за свою личную храбрость произведен в секунд-майоры. Состоя под командой генерал-поручика Штофельна, он неоднократно получал приказания разведывать движения турок через р. Дунай. В декабре 1769 г. Зорич отличился поражением татарских скопищ в Бессарабии и разорением их селений.

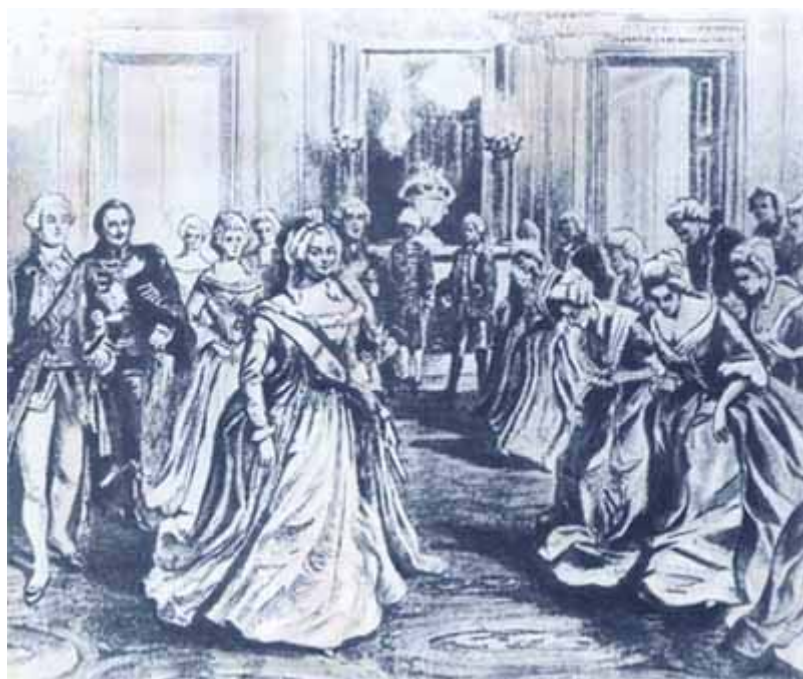
19 мая 1770 г. Штофельн командировал Зорича воспрепятствовать туркам переправиться через Прут. Когда Зорич прибыл, неприятель перешел уже Прут и даже два залива вброд и вплавь. У третьего, самого узкого, залива стоял капитан Требухович Ахтырского полка с 300 человек легких войск, 200 человек Архангелогородского пехотного полка и двумя орудиями. "Невзирая на сильную пальбу по нем из пушек, неприятель с обыкновенным криком бросился в воду". Зорич поспешил туда на помощь, приказал стрелять и метать гранаты по неприятелю и заставил его бежать, несмотря на то, что турок было 12 тысяч.

27 мая того же года Семен Зорич со своей командой сильным артиллерийским огнем не допустил неприятеля построить мост на р. Прут и принудил его отступить. "В течение семимесячного командования Зорича передовыми отрядами на дистанции в 180

верст неприятель не имел возможности прорваться внутрь кордона, кроме двух раз, да и то не далее пяти верст, причем с большим уроном был прогоняем; так был прогнан крымский хан с тремя бунчужными пашами, с 9 тысячами янычар, с большою артиллерией и с буджацкой и другими ордами".

3 июля того же, 1770 г. Зорич, получив две раны копьем и одну саблей, был взят турками в плен. Очевидец Щегловский говорит: *"Храбрый майор Зорич был окружен турками, защищался мужественно и решился дорого продать свою жизнь. Многие пали от руки его; наконец, видя необходимость уступить и поднятые над собою сабли, он закричал, указав на грудь свою: "Я капитан-паша!" Это слово спасло ему жизнь. Капитан-паша у турок полный генерал, почему и отвезли Зорича в Константинополь, где он был представлен султану как русский генерал. Его ум, важный вид, осанка, рассказы о его мужестве - все побуждало султана отличить его".* По словам Щегловского, султан просил Зорича перейти к нему на службу, но ни обещанные награды, ни угрозы не смутили его: он с негодованием отверг предложение султана и содержался в Константинополе до обмена пленных (около пяти лет).

По возвращении Семена Зорича в Россию в 1775 г. он тотчас же был отправлен с важными депешами в Стокгольм и лишь по возвращении получил орден св. Георгия 4-й ст. В Петербурге Зорич решил искать покровительства у Потемкина, своего бывшего сослуживца по армии. Именно в это время при дворе появились Безбородко и Завадовский, поддерживаемые Румянцевым, Разумовским и Г. Г. Орловым. Императрица награждала их усердие и особенно

Выход императрицы Екатерины II с дежурными генералами Г. Г. Орловым и С. Г. Зоричем

благосклонно стала относиться к Завадовскому. Потемкин был недоволен Завадовским, стремившимся сделаться самостоятельным, и искал человека, который мог бы занять его место при дворе. Зоричу тогда было 30 лет; по отзыву современников, он был красивый мужчина и храбрый офицер. Потемкин оставил его при себе в звании адъютанта и 26 мая 1777 г. представил императрице доклад о назначении Семена Зорича командиром лейб-гусарского эскадрона и лейб-казачьими командами. 30 мая Зорич получил просимое Потемкиным назначение с производством в подполковники. Затем он был представлен императрице и пожалован флигель-адъютантом с производством в полковники и назначением шефом лейб-гусарского эскадрона. Румянцев в своей автобиографии так говорит об этом событии: *"Возвратясь в Петербург, мы нашли Завадовского, теряющего фавор, и без того недолговременный. Зорич заступал его место. Почести, награды, богатство посыпались на него".* 22 сентября Семен Гаврилович Зорич пожалован в корнеты Кавалергардского корпуса с производством в генерал-майоры, а через два дня назначен шефом Ахтырского гусарского полка.

Зорич получил большое влияние при дворе, но не злоупотреблял им. "Случай" с Зоричем был принят петербургским обществом благоприятно для него. *"Генерал Зорич, -*

особенно благосклонно стала относиться к Завадовскому. Потемкин был недоволен Завадовским, стремившимся сделаться самостоятельным, и искал человека, который мог бы занять его место при дворе.

Зоричу тогда было 30 лет; по отзыву современников, он был красивый мужчина и храбрый офицер. Потемкин оставил его при себе в звании адъютанта и 26 мая 1777 г. представил императрице доклад о назначении Семена Зорича командиром лейб-гусарского эскадрона и лейб-казачьими командами. 30 мая Зорич получил просимое Потемкиным назначение

писал А. К. Разумовский своему отцу, - *очень ласково со всеми обходится*". Другой современник писал о Зориче, что он *"был писанный красавец, но весьма ограничен и без всякого воспитания; впрочем, он был добрейшим из смертных"*. Вернее понимала его сама императрица: *"Можно сказать, что две души имел: любил доброе, но делал и худое, был храбр в деле с неприятелем, но лично трус"*.

Его успехи при дворе продолжались менее года, и его удаление состоялось в мае 1778 г. Об этом современники рассказывают следующее: ставленник всесильного Потемкина Зорич вздумал освободиться из-под его влияния. *"Потемкин хотя и не опасался Зорича, но хотел показать, что нельзя безнаказанно даже думать ему противиться, и этим примером предостеречь всякого, кому пришла бы в голову такая мысль. Князь представил императрице, что неприятно и даже унижительно иметь близ себя человека столь ограниченных познаний, как Зорич"*.

Императрица, вероятно под влиянием Потемкина, как-то раз обошлась с Зоричем очень холодно. Приписывая это интригам Потемкина, Семен Зорич, будучи от природы очень вспыльчив и необуздан, тотчас же наговорил князю кучу дерзостей и вызвал на дуэль, которую Потемкин отклонил. Зорич отправился к императрице и с отчаяньем объявил ей, что дорожит в своей жизни лишь ее к нему расположением. После этого два дня императрица снова была к нему благосклонна, и, казалось, все снова пошло по-старому. Но это только казалось: дни влияния его при дворе были уже сочтены. Английский посланник говорит, что императрица лично объявила Зоричу его отставку в самых мягких формах, прибавила ему пенсион, дала огромную сумму денег и 7 тысяч крестьян. Зорич покинул Петербург и отправился путешествовать за границу.

В сентябре 1778 г. он возвратился из-за границы в Шклов, где в день именин императрицы, 24 ноября, основал Шкловское благородное училище.

В Шклове Зорич жил широким русским баринем, славясь своим гостеприимством и удивляя всех своей роскошью. Каждый год в шкловский замок к Екатерину дню, к именинам Зорича и на время шкловских ярмарок съезжались со всех сторон знакомые, гостившие у него недели по две и даже более; тут устраивались балы, маскарады, любительские спектакли, фейерверки и карусели. В 1780 г. императрица Екатерина два раза ездила в Шклов во время своего путешествия в Могилев. Зорич достойным образом встретил свою матушку-царицу. Он переделал свой дом, выписал из Саксонии чудный столовый сервиз, построил триумфальные ворота. Семен Гаврилович встретил государыню у триумфальных ворот и проводил ее в свой дом. Он ехал с правой стороны кареты рядом с графом З. Г. Чернышевым, наместником края. Вечером императрица играла в карты и слушала немецкую комическую оперу. Затем открылся бал, по окончании которого был подан великолепный ужин...

Выйдя в 1784 г. в отставку, С.Г. Зорич еще более занялся своим училищем; он сам носил звание главного директора и был его начальником. Все воспитанники, число которых сперва было 150, а потом доходило до 300, были дворяне, и хотя училище не называлось военным, но носило характер военно-учебного заведения. Оно состояло из эскадрона кавалерии и трех рот пехоты. Эскадрон делился на два взвода, первый был кирасирский, второй гусарский; две гренадерские роты и одна егерская составляли пехоту. О выпускаемых из училища Зорич ходатайствовал перед императрицей об определении их на службу. Он вложил не только свою душу в это училище, бывшее в то время единственным в своем роде, но и значительные суммы.

Вскоре по вступлении на престол император Павел 25 декабря 1796 г. назначил Зорича шефом Изюмского полка, а год спустя произвел в генерал-лейтенанты. Назначение это было неудачное и принесло немало горя самому Зоричу. Безалаберный, невоспитанный, постоянно нуждаясь в деньгах и держась только займами, сроки которых "редко наблюдал", привыкнув в Шклове к исполнению всех своих прихотей и к подобострастному отношению, Зорич запутался в полковых денежных суммах, а своим дерзким вызываю-

щим поведением восстановил против себя офицеров своего полка, начиная с полкового командира Трегубова, преданного по жалобе на него Зорича суду.

Штаб-офицеры Изюмского полка подали на Зорича жалобу инспектору Лифляндской дивизии генерал-лейтенанту Нумсену, обвиняя шефа в недопущении их к проверке денежного ящика. Узнав о посылке таковой жалобы, Зорич "почел сие за возмущение", о чем и донес Нумсену. Прибыв в м. Биржу, Нумсен повел дело "как только возможно, чтоб не компрометировать Зорича с подчиненными ему". Он хотел ограничиться допросом командующего полком подполковника Дембровского, который пользовался "безызытною доверенностью шефа", но оказалось, что Зорич и его не допускал к полковой денежной казне. На просьбу штаб-офицеров допустить их к освидетельствованию казны он отвечал,

Выездка в манеже

что "подчиненные слепо повиноваться должны", что он "ко всякому предприятию имеет свои причины, а может, и чрезвычайные повеления", и наконец сказал: "Чего вы хотите смотреть в казне? Денег нет налицо, ордера есть, которых я еще не подписал, но я их тотчас подпишу".

При расследовании Нумсена оказалось, что "на частную потребу" издержано шефом свыше 12 тыс. руб. полковых денег, что не только офицеры, но и нижние чины не получили жалованья, что "многие из нижних чинов принуждены

были продать собственные вещи на свое содержание", что Зорич употреблял нижних чинов и казенных лошадей для возведения собственных построек и т. д.

Получив донесение Нумсена, император Павел 15 сентября уволил от службы Зорича, а через три дня Ростопчин сообщил ему следующее высочайшее повеление: "*Государь император соизволил указать написать к в. пр-ву, что после случившегося в правлении вами полком не дурно будет жить вам в Шклове...*"

В начале 1798 г. С. Г. Зорич покончил расчеты с полком и переехал в Шклов. Два раза обращался он к государю с просьбами разрешить ему приехать в Петербург, "где бы во мгновение ока В. И. В-во увидели бы истину", но разрешения не последовало.

29 мая 1799 г. сгорело Шкловское училище. Пожар сильно опечалил Зорича и отозвался на его расшатанном здоровье: он слег в постель, и положение его по заключению врачей становилось безнадежным.

В том же году Семен Гаврилович Зорич скончался, ровно в третью годовщину смерти Екатерины. "Государь милосерд, он вас не оставит", - сказал умирающий собравшейся у постели его многочисленной призываемой им родне.

С. Г. Зорич погребен близ шкловской Успенской церкви. На могиле его поставлен был мраморный крест, но лучшим памятником Зоричу служит переведенное из Шклова в Москву благородное училище, именуемое 1-м Московским кадетским корпусом.

Александр Дмитриевич Ланской (1758-1784)

был сыном смоленского помещика Дмитрия Артемьевича, служившего поручиком в одном из кирасирских полков; разжалованный за самоуправство и выслужившийся снова во время Семилетней войны, Дмитрий Артемьевич занял впоследствии должность полоцкого коменданта. Александр получил домашнее образование и в 1772 г. начал службу в Измайловском полку солдатом, где "происходил унтер-офицерскими чинами". Из сержантов Измайловского полка пожалован 19 июня 1776 г. в Кавалергардский корпус кавалергардом с производством в армейские поручики. Состояние молодого кавалергарда в то время было крайне скудным. Все имущество его, по словам некоего Серра, обучавшего его французскому языку, составляли пять рубак.

Судьба, обделившая Ланского богатством, щедро наградила его прекрасной наружностью. По отзывам современников, Ланской имел чрезвычайно правильные и красивые черты лица и был большого роста, здорового и мужественного телосложения. Императрица Екатерина II во время пребывания своего в лето 1779 г. в Петергофе обратила внимание на красавца кавалергарда, часто появлявшегося в карауле. 4 октября того же года Александр Ланской подал прошение о переводе в армию и через два дня был назначен адъютантом князя Потемкина. С переходом Ланского на должность адъютанта Потемкина совпала отставка близкого к императрице лица - флигель-адъютанта Корсакова. Гаррис в письме от 11 октября 1779 г. писал лорду Уаймоуту: *"Вчера утром Корсаков получил свою отставку лично от самой императрицы... Имя его преемника - Ланской, родом из Смоленской губернии. Он служил в кавалергардах и со времени пребывания в Петергофе постоянно привлекал внимание Ее Имп. Величества. Ланской молод, красив и, как говорят, чрезвычайно уживчив"*. С этого времени действительно начинается быстрое возвышение Ланского, не прекращавшееся до его ранней кончины.

Кавалергард в парадном головном уборе

Представленный императрице Потемкиным, Александр Ланской в ноябре 1779 г. был пожалован во флигель-адъютанты, получил 100 тыс. руб. на гардероб и переехал во дворец. Та уживчивость, о которой говорит Гаррис в своем письме, много помогла Ланскому в его новом положении, а полное воздержание от вмешательства в государственные и политические дела поставило его вне всяких интриг. Отзывы современников о Ланском по большей части говорят в его пользу. По свидетельству Гельбига, *"он мог иметь часто случай сделаться важным лицом. В то время в Россию приезжали Иосиф II, потом Фридрих Вильгельм, наследник Фридриха II, и, наконец, Густав II. Каждый из них охотно привлек бы его на свою сторону, но его поведение всегда было настолько сдержанно, что до него нельзя было и добраться"*. Безбородко, сравнивая Ланского с графом Мамоновым, называет его *"сущим ангелом"*, потому что он не слишком старался вредить дру-

гим". При таких свойствах характера и при все усиливавшемся расположении к нему императрицы Ланской сделался одним из самых приближенных к Екатерине II лиц.

Императрица искренно привязалась к своему юному флигель-адъютанту. Вся переписка ее с Гриммом полна самых лестных, едва ли не преувеличенных, отзывов о Ланском. *"Чтобы понять, что такое этот молодой человек, - писала императрица 25 июня 1782 г. Гримму, - надо вам знать сказанное про него графом Орловым одному своему другу. "О, - сказал он, - вы увидите, какого она сделает из него человека. Он все "пожирает". В одну зиму он "пожирал" поэтов и поэмы, в другую несколько историков, романы нам надоедают, и мы увлекаемся Альгаротти и его товарищами. Не получив образования, мы*

приобретаем бесчисленные познания, и мы любим только общество самое образованное. Ко всему этому мы строим и садим, мы благотворительны, веселы, честны и кротки".

Действительно, Александр Ланской, не получивший образования, но смысленный и неглупый от природы, уже при дворе стал пополнять свои знания изучением литературы и истории, причем императрица сама руководила его занятиями. В это же время у Ланского появилась страсть к коллекционированию различных произведений искусства. Он в большом количестве скупал картины, камеи и драгоценные камни. Императрица не жалела средств для его удовольствия. Grimm состоял комиссионером при покупке вещей за границей, и между ним и Ланским установилась своеобразная переписка: не владея французским языком, Ланской подписывал свою фамилию под письмами, написанными от начала до конца императрицею.

Не жалея ни наград, ни денег для своего любимца, императрица во время путешествия ее в Белоруссию пожаловала Ланского 9 мая 1780 г. в камергеры, что дало ему право на чин генерал-майора; вслед за сим он был назначен шефом Смоленского драгунского полка; в 1783 г. пожалован орденами св. Александра Невского и св. Анны. Наконец 2 февраля 1784 г. Александр Ланской получил высшее придворное отличие того времени - звание генерал-адъютанта с производством в генерал-поручики, а 6 марта пожалован поручиком Кавалергардского корпуса. Состояние Ланского быстро возросло, и современники оценивали его в 6-7 млн. Оно заключалось в вотчинах, трех домах в Петербурге и Царском Селе, капиталах и коллекции.

Катание на тройках в парке

Таково было положение и состояние генерал-адъютанта Александра Дмитриевича Ланского через четыре года после того, как он бедным кавалергардом и армии поручиком впервые появился при дворе.

...19 июня 1784 г. Ланской почувствовал боль в горле и сообщил о том императрице, сказав, что он подвергнется тяжкой болезни, от которой не встанет. Предчувствие его оправдалось: к вечеру жар усилился и заставил его лечь в постель, а через пять дней, 25 июня в половине пятого пополудни, его не стало...

Современники приписывали исход болезни Ланского тому обстоятельству, что организм его был расшатан сильными дозами кантариды, будто бы ему прописанными доктором Соболевским.

Похороны состоялись на третий день после его кончины. *"В четверг, 27 июня, - значится в камер-фурьерском журнале, - поутру, около 9 часов, тело покойного его пр-ва А. Д. Ланского из дому его вынесено с должною честью в соборную Софийскую церковь, где оное после литургии от-*

пето высокопреосвященным митрополитом Новгородским и С.-Петербургским с другими тремя архиереями и с прочим знатным духовенством; потом для погребения всем оным духовенством, також знатнейшими обою пола особами из соборной церкви препровождено до кладбища и в имеющейся тут часовне предано земле".

По повелению императрицы над могилою Александра Ланского воздвигнута была церковь во имя Казанской Божьей Матери.

Смерть Ланского повергла императрицу в глубокую печаль. 2 июля она писала Гримму: *"Я встала с постели, но слабая и так горько опечаленная, что в настоящее время я не могу видеть человеческого лица без того, чтобы рыдания не заглушали моей речи; я не могу ни спать, ни есть, чтение мне надоедает, а писание изнуряет мои силы. Я не знаю того, что со мною будет, но что я знаю, так это то, что никогда в жизни я не была такой несчастной, как с тех пор, когда мой лучший и милый друг меня покинул таким образом".*

Из указа Сенату, данного в Царском Селе 7 июля 1784 г., видно, что Александр Ланской перед своей кончиной передал обратно в казну все свое недвижимое имущество. Остальное было предоставлено "соизволению лица, писавшего указ", т. е. соизволению Екатерины II. Императрица приказала разделить состояние Ланского между его матерью, братом и пятью сестрами. Коллекция была приобретена Екатериною за 350 тыс. руб.

Образ Ланского не скоро изгладился из памяти императрицы. По прошествии двух лет придворные иногда замечали, что Екатерина обливалась слезами у памятника, воздвигнутого покойному генерал-адъютанту.

Ланской, вознесенный волею императрицы на высшую степень почестей, при жизни своей представлял из себя пример такой верной преданности Екатерине, которой она, по ее собственному утверждению и по свидетельству современников, в жизнь свою не встречала. В этой безграничной преданности императрице и в том, что, сделавшись сильным человеком, Ланской не пользовался своим влиянием, чтобы вредить другим, состоит его заслуга.

Граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758-1803)

Отец его издавна служил в дворцовом ведомстве. Александр воспитывался дома, затем жил у своего дяди барона Строганова "на его коште" (*Кошт - содержание, пропитание; иждивение; денежные средства*). Мамонов владел итальянским и французским языками; "по-французски и по-русски говорил и писал, как немногие в те времена", и недурно рисовал. Когда поступил в военную службу и как служил - неизвестно. Из сохранившихся материалов видно лишь, что в 1784 г., будучи уже 26 лет, он состоял генерал-адъютантом князя Г. А. Потемкина.

Два года спустя Потемкин представил Мамонова императрице. Рассказывают, будто между Екатериной и Потемкиным было условлено, что князь пришлет ей своего адъютанта с картинкой, критика на которую будет служить оценкой подателя. Отпуская Мамонова, Екатерина ему велела передать князю, что "картинка хороша, но колорит дурен". 19 июля 1786 г. Мамонов был произведен в полковники с пожалованием во флигель-адъютанты, а 2 сентября того же года пожалован корнетом Кавалергардского корпуса с чином генерал-майора. 20 января 1787 г. он был пожалован действительным камергером, а 11 июня того же года премьер-майором Преображенского полка.

К чести Мамонова, должно указать на его отношения к великому князю Павлу Петровичу, служившему мишенью глумлений и дерзостей других фаворитов. Несмотря на отношение своей повелительницы к сыну, Александр всегда оказывал величайшее почтение и внимание к наследнику и его супруге и старался делать им одно приятное. Гарновский доносил Потемкину, что обе половины двора живут теперь в наилучшем согласии.

Из всех фаворитов Екатерины Мамонов был единственный, который тяготился таким своим положением и спустя три года изменил императрице, женившись на ее подданной. Это, впрочем, и единственные его отличия: своей жизнью и деятельностью он не оставил по себе заметного следа.

Приблизив к себе Мамонова, Екатерина старалась выработать из него государственного человека - все дела внутренней и внешней политики обсуждались и решались всегда в присутствии графа Мамонова, - но эти ее усилия не увенчались успехом. Александр нимало не был придворным человеком, и он окончил свою придворную жизнь самым, по словам Потемкина, "глупым образом".

Уже в декабре 1786 г., спустя всего лишь пять месяцев после назначения флигель-адъютантом, Мамонов говорит императрице, что ему "при дворе жить очень скучно" и что "между придворными людьми почитает он себя, как между волками в лесу". "*Паренек считает житье свое тюрьмою, очень скучает*", - говорит Захар Зотов.

Кавалергард во вседневной форме

Клетка была золотая - но все же клетка. Фаворит тяготится своим положением, властью и решается променять все это на личное семейное счастье. "Неблагодарный", он влюбляется в 16-летнюю фрейлину Дарью Федоровну Щербатову. В продолжение восьми месяцев он борется между чувством любви к княжне и благодарностью к императрице, осыпавшей его столь великими милостями.

О связи Мамонова со Щербатовой многие уже при дворе говорили. Императрица также слышала, но не хотела тому верить. *"Мне князь зимой еще говорил, – рассказывала она Храповицкому, – мол, матушка, плюнь на него, и намекал на Щербатову, но я виновата, я сама его перед князем оправдать старалась"*.

И, однако, на него сыплются награды: 1 мая 1788 г. он назначен шефом Казанского кирасирского полка; 4 мая - поручиком Кавалергардского корпуса с производством в генерал-поручики и с пожалованием в генерал-адъютанты; 9 мая он возведен в графы Римской империи. Но все же государыня замечает, что Мамонов тяготится своим положением. Наконец отношения настолько сделались натянутыми, что Мамонов не выдерживает и 17 июня 1789 г. идет к государыне, просит ее совета, что ему делать. Императрица обещает подумать о *retraite brillante* (блестящей отставке), чтобы выйти ему из этого положения.

Граф Рибопьер в своих записках, говоря об этой сцене, приводит слова Екатерины: *"Я старею, друг мой; будущность твоя крайне меня беспокоит. Хотя великий князь к тебе благосклонен, однако я крайне опасуюсь, чтобы завистники (а у кого их нет при дворе) не имели влияния на переменчивый его нрав"*.

Но Мамонов отказывается оставаться при дворе. В ответ на письмо государыни он пишет "дрожащею рукою", что он год уже влюблен в Щербатову и полгода, как дал слово жениться.

1 июля в девятом часу вечера происходило бракосочетание в придворной церкви. 2-го числа в 10 часов вечера он ходил к государыне прощаться, и в ночь молодые уехали в Дубровицы. Мамонов уезжал графом, шефом Казанского кирасирского полка, генерал-адъютантом, уезжал, получив от императрицы годовой отпуск, не отставку.

Однако Мамонов был тяжело наказан за неблагодарность к своей благодетельнице. Наказание это было в лице его жены, с которой он жил очень недружно. Отец и мать Мамонова, узнав об его удалении от двора, "затрепетали", а сам он постоянно упрекал жену в том, что она сломала его карьеру. Скоро раскаявшийся в сделанной им "глупости", он желал вернуться на службу в Петербург, писал об этом императрице, но дозволения вернуться, конечно, не получил...

24 ноября 1796 г. Мамонову по приказу Павла I было предложено или отправиться на службу в Казанский кирасирский полк, в котором считается шефом, или оставить службу. Мамонов 14 декабря подал прошение об отставке и получил ее 20-го числа того же месяца.

В 1803 г. 29 сентября А. М. Дмитриев-Мамонов скончался в Москве, пережив всего на два года свою жену.

Князь Платон Александрович Зубов (1767-1822)

Отец его, известный взяточник и лихоимец, служил в Конной гвардии, по болезни был уволен с чином подполковника ландмилицкого корпуса, перешел в гражданскую службу и занимал должность вице-губернатора, причем управлял имениями графа Н. И. Салтыкова. Платон восьмилетним ребенком был, по обычаю того времени, записан сержантом в Семеновский полк.

В 1788 г. Зубов находился при армии, действовавшей в Финляндии. 1 января 1789 г. он был произведен в секунд-ротмистры.

Быстрой карьере Платона Александровича способствовало покровительство графа Н. И. Салтыкова, которому молодой человек понравился "своей скромностью и почтительностью". Весною 1789 г., когда императрица отправлялась в Царское Село, Зубов выпросил у своего покровителя Салтыкова команду над конногвардейским отрядом, назначенным для царкосельских караулов. 20 июня стало уже несомненным, что именно Зубов будет преемником Дмитриева-Мамонова

Князь Платон Александрович Зубов

"Со вчерашнего дня, - пишет Гарновский, - государыня сделалась повеселее. С Зубовым, конногвардейским офицером при гвардейских караулах, здесь находящихся, обошлись весьма ласково. И хотя сей совсем не видный человек, но думают, что он ко двору взят будет, но прямо никто ничего не знает, будет ли что из г. Зубова". 21 июня Зубов сидел у императрицы; 22-го он уже обедал с императрицей и с тех пор каждый вечер про-

водил с нею. 24-го он получил 10 тыс. руб. и перстень с портретом государыни. 4 июля Екатерина подписала указ о производстве Зубова в полковники и пожаловании его флигель-адъютантом.

Возвышение Зубова устроили враги Г. А. Потемкина, желая иметь при императрице лицо, на которое они могли бы опереться и таким образом усилить свое значение. Но Потемкин был слишком могущественным, с ним опасно вступать в открытую борьбу, необходимо даже заручиться его благосклонностью. Все это внушалось Зубову, который не только послушно оказывал "к его светлости достодолжное почтение", но и старался приобрести расположение лиц, близких к Потемкину. Даже сама Екатерина долго не решалась сообщить Потемкину об отставке его ставленника Дмитриева-Мамонова и о выборе ему "заместителя". В письме от 6 сентября 1789 г. императрица "ходатайствует" перед князем Потемкиным о назначении Платона Зубова корнетом Кавалергардского корпуса, шефом которого был князь.

Вслед за Зубовым начинает выдвигаться и родня его - отец и братья. Но сам Платон Зубов, "человек невидный" и "ума недалекого", удержится ли при дворе? Даже покровители его боялись за своего питомца и следили, чтобы ко двору не явились красивые молодые люди. А. Н. Нарышкина уверяла Екатерину, что Зубов влюблен в нее; Салтыков наставлял молодого человека, как нужно действовать, чтобы утвердиться на месте: "Никогда не иметь желания, которое не совпадало бы с мнением императрицы, всегда льстить капризам императрицы и ее главным страстям и... смиряться пред князем Потемкиным и противиться ему не прежде, чем когда будешь настолько крепок, чтобы князь не мог уже свергнуть".

С первых же дней возвышения Зубова императрица стала приучать его к государственным делам. "Я и государству делаю немалую пользу, воспитывая молодых людей", - говорила она Салтыкову. Часы доклада были для Зубова временем учения, причем проявилась полная неспособность ученика. "*С утра докладывал Зубов по гвардейским бумагам, и было не без шума*", - записано Храповицким 30 декабря 1792 г. Столь же малоуспешны были и занятия над государственными бумагами. "*Из всех сил мучит себя над бумагами, не имея ни беглого ума, ни пространных способностей... Весьма прилежен к делам и опричь оных чужд всяких забав, но еще нов, и потому бремя выше настоящих его сил*", - писал граф Завадовский. Даже добродушный Храповицкий называет его "дуралеюшка Зубов". Суворов также свидетельствовал, что "князь Платон Александрович царя в голове не имеет", и признал его "что называется в общенародье лукавым".

Суворов не ошибся. Зубов не был ни скромным, ни добрым, ни хорошим; он был только лукав. Он притворялся, хитрил и лукавил, пока не укрепился в занятой им позиции при дворе. Став же полновластным господином удрученного годами сердца Екатерины, Зубов явился во всем своем нравственном безобразии - дерзким до наглости, спесивым до чванства, властолюбивым и надменным, человеком вполне бесчестным.

Очевидец свидетельствует, что на обеде в Зимнем дворце, на котором был цесаревич Павел Петрович с семейством, зашел оживленный разговор, в котором наследник престола не принимал, однако, участия; Екатерина, желая приобщить великого князя к беседе, спросила его, с чьим мнением он согласен по вопросу, составлявшему предмет разговора. "*С мнением Платона Александровича*", - любезно отвечал цесаревич. "*Разве я сказал какую-нибудь глупость?*" - нагло откликнулся Зубов. Как все выскочки, он был очень спесив. Всем обязанный Н. И. Салтыкову, представившему его императрице, Зубов не задумался теснить старика, чтоб самому получить место президента Военной коллегии и таким образом стать фельдмаршалом. Вопросы чести были совершенно ему неизвестны. Слухи об усиливающемся значении Зубова доходили до Потемкина и не могли его не тревожить. Потемкин дорожил славою Екатерины, он понимал нужды и знал положение России; он видел, что то и другое не по плечу Зубову, о котором до него доходили верные сведения. Рассказывают, что, отпуская в Петербург курьера с известием о взятии Измаила,

Потемкин сказал ему: "Доложи государыне, я во всем здоров, только один зуб мне есть мешает; приеду в Петербург, вырву его".

28 февраля 1791 г. Потемкин прибыл в Петербург. Многое из того, что он увидел, не предвещало ничего хорошего. Из дневника Храповицкого видно, что в течение всего пребывания Потемкина в Петербурге его разговоры с Екатериною нередко оканчивались слезами императрицы и мрачным расположением духа Потемкина, хорошо понимавшего, чего можно ожидать от такого ничтожества, как Зубов. Много лет позже Зубов добровольно сам сознался: "Хотя я победил его (Потемкина) на половину пути, но окончательно устранить с моего пути никак не мог, а устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его, будто взыскательного супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтобы я брал с него пример". Зубову этот пример был не по силам.

12 октября пришло в Петербург известие о смерти князя Потемкина. Весть эта страшно поразила императрицу. Она слегла в постель и весь следующий день провела в слезах. Храповицкому она жаловалась, что ей не на кого теперь опереться; Гримму же она писала: *"Князь Потемкин, умирая, сыграл со мною жестокую шутку. Теперь вся обуза падает на одну меня... Снова мне приходится готовить людей, и, конечно, Зубовы подают к тому наибольшие надежды..."* Смерть "устранила" Потемкина, которого, по мнению Зубова, "устранить было необходимо", а старческая любовь императрицы ставила Зубова на место Потемкина.

21 октября 1791 г. Зубов назначен шефом Кавалергардского корпуса, 12 марта 1792 г. произведен в генерал-поручики и пожалован в генерал-адъютанты; 23 июля 1793 г. получил портрет императрицы и орден св. Андрея Первозванного; 25 июля назначен екатеринославским и таврическим генерал-губернатором, 19 октября генерал-фельдцейхмейстером; 1 января 1795 г. Зубову пожалован орден св. Владимира 1-й ст.; 18 августа он получил во вновь присоединенных польских областях Шавельскую экономию, а за присоединение Курляндии ему пожалован курляндский замок Руэнталь. В том же году он назначен шефом Кадетского корпуса и получил портрет императрицы, осыпанный крупными солитерами; 19 июля 1796 г. назначен начальником над Черноморским флотом и Адмиралтейством. И, наконец, 22 мая того же года П. А. Зубов получил титул князя священной Римской империи.

Близкий ко двору человек, испытанный в делах, прямой и честный Д. П. Трошинский много лет наблюдал за ходом дел, захваченных Зубовым, и в год смерти императрицы, когда уже Екатерина только царствовала, а управлял Россией Зубов, писал графу А. Р. Воронцову о всемогущем фаворите: *"Вот ему-то прямо идет название бельма вместо ока государева"*. *"Все ползало у ног Зубова, - говорит Массой, - он один стоял и потому считал себя великим. Каждое утро многочисленные толпы льстецов осаждали его двери, наполняли прихожие и приемные"*.

Только Суворов не уважал, не любил и верно оценивал Зубова. 15 декабря 1795 г., когда фельдмаршал приехал в Зимний дворец, Зубов принял его по-домашнему, в сюртуке; когда же фаворит приехал к нему с ответным визитом, Суворов принял его в одном нижнем белье. В качестве новороссийского генерал-губернатора Зубов считал Суворова своим подчиненным и смешил его своими распоряжениями. Когда же тон его писем сделался слишком начальническим, Суворов преподал ему урок, как мальчишке: *"Ко мне штиль ваш рескриптный, указный, повелительный, употребляемый в аттестованиях? нехорошо, сударь!"* Суворов относился к деятельности Зубова неодобрительно и при всяком удобном случае открыто высказывал это, громко отзываясь о Зубове как о негодяе и болване.

6 ноября 1796 г. Екатерина умерла. С ее смертью кончилось значение Зубова. Тем не менее император Павел Петрович, имевший столько поводов быть недовольным Зубовым, и наследник Александр Павлович, не желавший иметь его даже в числе своих лакеев, с участием отнесли к его горю. Император Павел I купил за 100 тыс. руб. дом Мятлева

на Морской, велел отделать его, как дворец, и 14 ноября, накануне дня рождения П. А. Зубова, подарил этот дом ему. На другой же день Их Величества Павел Петрович и Мария Федоровна навестили Зубова и "кушали у него вечерний чай".

Михайловский замок в Санкт-Петербурге

Благосклонность Павла I к Зубову была непродолжительна. Уже в начале декабря Зубов просил увольнения от занимаемых должностей. 3 февраля 1797 г. он уволен был на два года в чужие края для поправления здоровья с разрешением заехать в лежащие на пути литовские деревни. Путь его лежал через Ригу. Из Риги Зубов проехал на некоторое время в литовские свои имения, оттуда отправился в Германию, где поражал всех своим богатством. В Берлине он был принят очень хорошо; при различных германских дворах, которые он посетил, его также принимали благосклонно.

Осенью 1798 г. Зубов получил высочайшее повеление возвратиться в Россию. Приехав в Вильну, он сообщил императору о своем приезде и испрашивал дальнейших приказаний. В ответ он получил письмо от князя Лопухина с советом поселиться в своем имении Владимирской губернии. Платон Александрович вместе с братом Валерианом был отдан под надзор владимирского губернатора Рунича. Указом Сенату 25 мая повелено было *"все имения фельдцейхмейстера князя Зубова и отставного генерала Зубова, кроме родовых, взять в казенное ведомство..."*

В конце 1800 г. Зубовым разрешено было возвратиться в Петербург. Разрешение это состоялось по предложению с.-петербургского военного губернатора графа Палена. Зубов был назначен директором 1-го кадетского корпуса, с переименованием в генералы от инфантерии; 25 февраля следующего года он был назначен шефом того же корпуса. Конфискованные имения были ему возвращены.

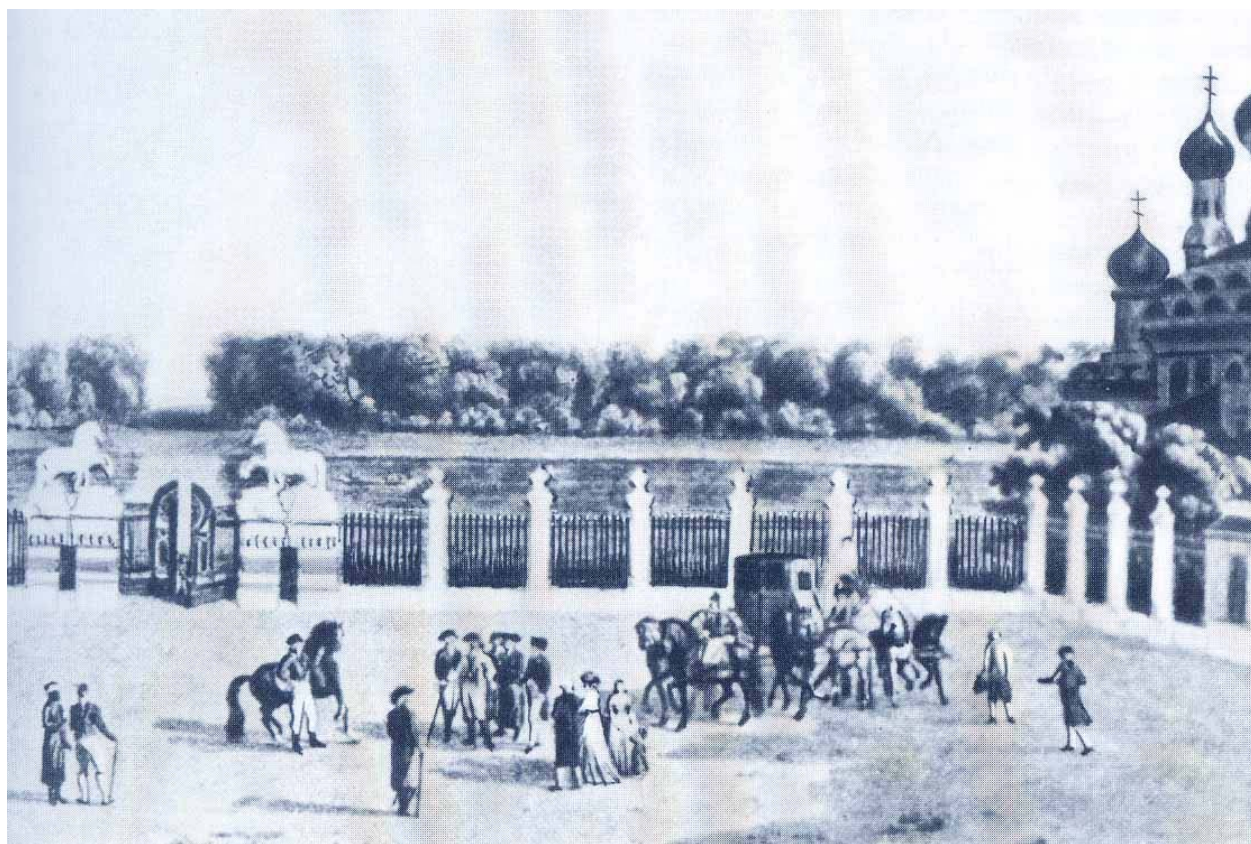
"Платон Александрович, забудем прошлое", – сказал государь при первом появлении Зубова при дворе. Но Зубов не умел забывать; он охотно примкнул к заговору, задуманному графом Паленом против императора. Заговорщики двумя партиями направились во дворец: во главе одной шел Пален, во главе другой Беннигсен и Платон Зубов. Когда заговорщики подошли к дверям первой дворцовой передней, Зубовым вдруг овладел страх, и он предложил вернуться назад. Беннигсен схватил его за руку и сказал: "Как, вы нас привели сюда и теперь хотите отступить? Мы слишком далеко пошли, чтобы следовать вашему совету, который всех погубил бы". Зубов, Беннигсен и Аргамаков вошли

первыми в спальню императора. Зубов бросился к постели и нашел ее пустой. "*Nous sommes perdus! Il s'est sauvé!*" ("*Мы пропали! Он спасся!*" (фр.)) - закричал он в ужасе. Тревога оказалась напрасной: императора нашли рядом с кроватью за ширмами. Беннигсен и Зубов указали ему на необходимость отречься от престола. Павел Петрович ничего не ответил и, обратившись к Зубову, сказал: "Что вы делаете, Платон Александрович?" В это время один из заговорщиков вошел в комнату и сказал Зубову, что его присутствие необходимо внизу. Зубов вышел и более не возвращался в спальню...

По воцарении Александра I Зубов некоторое время играл видную роль и пользовался влиянием.

30 марта 1801 г. был учрежден Государственный совет, и Зубов был назначен его членом. 21 ноября он был назначен членом вновь учрежденной комиссии для устройства Новороссийского края. Зубов сразу сумел уловить новые веяния: главный деятель реакционного периода царствования Екатерины II превратился в одного из самых либеральных сановников. "Трое ходили тогда с конституциями в кармане - Державин, князь Платон Зубов со своим изобретением и граф Никита Петрович Панин с конституцией английской, переделанной на русские нравы и обычаи... Стоило тогда большого труда наблюдать за царем, чтобы не подписал которого-либо из проектов; который же из проектов был глупее, трудно было описать: все три были равно бестолковы".

Положение Зубова, однако, было очень непрочное. К нему относились подозрительно; над ним и графом Н. П. Паниным был учрежден тайный полицейский надзор. Зубов просил о заграничном отпуске, который и был ему разрешен 24 декабря 1801 г., а в октябре 1802 г. он уже снова был в России. Обыкновенно он жил в своих имениях. В сентябре 1805 г. Зубов принимал императора Александра в своем витебском имении Усвяте, в том доме, где в 1780 и 1787 гг. останавливалась Екатерина II. В память этого события он воздвиг обелиск.

Дворянская усадьба в окрестностях Москвы

С 1814 г. Зубов поселился в своем имении Янишках, Шавельского уезда, Виленской губернии, центре его обширных литовских владений. Зубов имел до 30 тысяч душ крестьян, заселявших множество местечек, фольварков и деревень, при соответствующем количестве пахотной земли, лесов и т. п. В своих имениях Зубов устроил правильное полевое хозяйство и конные заводы. Не доверяя никому, кроме своего главноуправляющего Братковского, он входил сам во все хозяйственные подробности. Осенью к нему съезжались скупщики пшеницы и прочих хозяйственных продуктов и лошадиные барышники из Пруссии, царства Польского и Прибалтийского края. Только тогда Зубов бывал весел, разъезжал со своими посетителями по усадьбам, угощал купцов и сбывал им при этом товар по выгоднейшим для себя ценам. Остатки непроданных продуктов и забракованные лошади посылались в Митаву, Ригу и другие торговые пункты.

Весь доход от торговых оборотов, оброка и аренды, все звонкой монетой, Зубов свозил в подвалы своего янишкского замка, и груды золота и серебра хранились здесь неприкосновенно. По праздничным дням он в сопровождении Братковского спускался в подвалы, любовался своими сокровищами и приводил в порядок случайно осыпавшиеся горы звонкой монеты. После смерти Зубова, по свидетельству Братковского, оказалось на 20 000 000 серебряных руб.

Осенью 1821 г. на конной ярмарке в Вильне Зубов познакомился с помещицей Валентинович и ее красивой 19-летней дочерью Феклой Игнатьевной. Женолюбивый Зубов, несмотря на свои 54 года, влюбился в красавицу польку и женился на ней...

П. А. Зубов скончался в замке Руэнталь, в Курляндии, 7 апреля 1822 г. и был погребен в Сергиевой пустыни, близ Петербурга, в склепе под церковью Инвалидного дома, воздвигнутого Зубовыми в память брата, графа Валериана Александровича. Вдова Зубова княгиня Фекла Игнатьевна спустя четыре года вышла замуж за графа Андрея Петровича Шувалова, и таким образом часть богатства Зубова перешла к роду Шуваловых. Зубов был чадолюбивым отцом: он имел от разных матерей несколько побочных детей и всех их обеспечил, положив в банк на имя каждого 1 млн. руб. ассигнациями. Сын его Александр был принят на службу в гвардию и начал службу в Кавалергардском полку.

Кавалергардские эскадроны

Граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин (1735-1804)

Г По обычаю того времени, он, будучи еще ребенком, был записан в гвардию и на 13-м году (1747 г.) получил уже боевое крещение в Семилетнюю войну. Вскоре после этого он был зачислен в Конную гвардию, служа в которой в чине секунд-ротмистра, принимал участие в перевороте 1762 г., за что в день коронации Екатерины II помимо возвращения конфискованных при Бироне имений был пожалован камер-юнкером.

Во время первой Турецкой войны Мусин-Пушкин служил в армии своего тестя князя В. М. Долгорукова-Крымского и в 1771 г. получил "за отличную храбрость" ордена св. Анны и св. Георгия 3-й ст. В 1774 г., будучи уже генерал-майором, граф был послан из Крыма с отрядом из пехотного полка и 15 эскадронов карабинеров, драгун и гусар в Воронеж для усмирения волнений, вызванных пугачевским бунтом. Отряд по прибытии на место был разделен на мелкие части, Мусину-Пушкину лично почти не пришлось принять участия в успокоении края. В 1775 г., в день празднования мира с Турцией, он получил

орден св. Александра Невского, а вскоре после того, в чине уже генерал-поручика, был назначен командовать дивизией, расположенной в Белоруссии.

**Граф Валентин Платонович
Мусин-Пушкин**

орден св. Андрея Первозванного, а в 1787 г. был назначен "членом совета императрицы Екатерины II".

Вскоре после этого началась русско-шведская война. Мусин-Пушкин был назначен командующим армией, посланной в Финляндию. Дойдя до границы, он остановился и, несмотря на приказы императрицы, не пошел далее, "пока не получил подкрепления".

*Звезда ордена св. Андрея
Первозванного*

бездарности оставшихся в распоряжении Екатерины генералов Валентин Платонович получил это назначение. Неудовольствие императрицы сказалось очень скоро, но все-таки граф два года (1788 г. и 1789 г.) стоял во главе армии.

Несмотря на полную неспособность и на неудовольствие на него императрицы, Валентин Платонович получил за кампанию 1788 г. орден св. Владимира 1-й ст., а за кампанию 1789 г. - золотую шпагу и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного. В 1790 г. Мусин-Пушкин был отозван из Финляндии и на его место назначен граф И. П. Салтыков.

В 1782 г. пожалован ему чин генерал-аншефа, а на другой год - звание генерал-адъютанта. В этом же году Валентин Платонович получил назначение состоять при великом князе Павле Петровиче вместо Н. И. Салтыкова. Одно уже это назначение показывает, какими милостями императрицы он пользовался и как она ему доверяла. Екатерина II часто сама говорила, что она "персонально обязана" графу, и высшие отличия, которыми жаловался Мусин-Пушкин, доказывают, что она никогда этого не забывала. Положение его в первое время после этого назначения было довольно тяжелое: великий князь почти не знал его и вряд ли ему было приятно видеть Мусина-Пушкина на месте Н. И. Салтыкова, об уходе которого, по словам самого цесаревича, "немало слез было пролито". Впрочем, отношения вскоре установились хорошие.

По отъезде из Петербурга Потемкина Валентин Платонович был назначен в 1786 г. вице-президентом Военной коллегии, шефом Сибирского гренадерского полка, получил орден св. Андрея Первозванного, а в 1787 г. был назначен "членом совета императрицы Екатерины II".

Лично весьма храбрый, граф оказался положительно непригодным в роли высшего начальника. Нерешительность его характера вполне выказалась во время командования им финляндской армией. Екатерина прекрасно это знала и поручила ему такой важный пост с большой неохотой. Но делать было нечего и выбирать было не из кого. Все лучшие боевые генералы были на главном театре - в армии, действовавшей против турок. Там были Румянцев, Долгоруков, Суворов, Репнин, а из оставшихся: Я. А. Брюс - "не имеет головы", и "как дураку, который неудачу имел, где был, вверить такую важную часть?"; граф Ф. Е. Ангальт - "вздумал дурачиться, и мы почти в ссоре"; граф И. П. Салтыков - "плут и упрям"; Н. И. Салтыков - нужен "сидеть в Военной коллегии до возвращения президента или вице-президента". Итак, только благодаря сплошной

При вступлении на престол Павел Петрович назначил Мусина-Пушкина шефом Кавалергардского корпуса, а при коронации своем возвел в звание генерал-фельдмаршала и пожаловал ему 4 тысячи душ крестьян.

Граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин умер в Москве 8 июля 1804 г. на 69-м году и погребен в Симоновом монастыре, в построенной им церкви во имя св. Валентина.

По рассказам современников, Валентин Платонович был человеком весьма добрым и ласковым, но слабохарактерным и нерешительным. Полная его неспособность к управлению войсками ясно обнаружилась во время войны со Швецией, и своей блестящей карьерой он обязан главным образом случаю, помогшему ему принять активное участие в воцарении Екатерины II, а также его умению уживаться со всеми сильными при дворе людьми и подлаживаться под общий характер переживаемой эпохи. Павел I, рубивший сплеча все екатерининские порядки, не пощадивший лучших людей царствования своей матери, уволивший таких, как Суворов, Репнин и другие, не только не обидел, но, наоборот, пожаловал высшие отличия графу В. П. Мусину-Пушкину.

Алексей Николаевич Титов 1-й (1769-1827)

Из древнего дворянского рода Московской губернии, сын полковника. В службе с 1781 г. в Преображенском полку, откуда из сержантов переведен в 1784 г. вахмистром в Конную гвардию. В январе 1797 г. переведен в Кавалергардские эскадроны. Находясь в Москве на коронации, произведен в ротмистры. При расформировании Кавалергардских эскадронов уволен от службы надворным советником; в 1799 г. назначен кригс-комиссаром; в 1802 г. произведен из военных советников в генерал-майоры.

Значительные средства, полученные в приданое за женою, давали возможность жить открыто, а личные качества Алексея Титова привлекали в дом к нему образованное петербургское общество. Музыка была главным призванием его. Профессор с.-петербургской академии Секетти свидетельствует о нем как о выдающемся композиторе старого времени. Много опер его исполнялось на сцене русского театра. Вот названия некоторых из них: "Ям", "Девишник", "Посиделки", "Легковерные", "Татьяна прекрасная", "Кирилловцы", "Наталья, боярская дочь", "Минутное заблуждение".

Сам Алексей Николаевич играл превосходно на скрипке. В доме его часто устраивались музыкальные вечера, посещавшиеся многими из артистов того времени, в том числе знаменитыми: скрипачом Лафоном, виолончелистом Ромбергом и композитором Штейбельтом. У Титова было особое изречение, если исполнялось произведение композитора умершего: "Вот автора уже нет в живых, а сочинение его играют! Это театр".

По семейным преданиям, А. Н. Титов был "редкой доброты, мастер жить и угощать; образованный, умный; в обществе был всегда весел и чрезвычайно любезен, имел дар красноречия и даже писал проповеди".

Николай Яковлевич Мандрыка (1777-1853)

Происходил из казаков. Дед его Никита Алексеевич, полковой есаул, носил фамилию Уж и служил лесничим в Беловежской пуще, при короле польском Владиславе IV. Ему удалось спасти жизнь королю на охоте, убив медведя, бросившегося на Владислава. Затем Никита Алексеевич принимал у себя в доме короля и угощал его мандрыками (особенное польское печенье), которые очень понравились королю. За спасение жизни Владислава наградил Никиту Алексеевича графским достоинством и поместьем в Черниговской губернии - местечком Кобыщи. Спасаясь от иезуитов, требовавших принятия унии, Ники-

та Алексеевич переехал в Кобыщи. Здесь он и его старший сын Яков употребляли пожалованный Владиславом герб, но графское достоинство должны были откинуть и подписывались просто Мандрыка.

Николай Мандрыка, кончив курс в Peterschule (*Немецкая гимназия в Санкт-Петербурге*), почему прекрасно знал немецкий язык, 2 июля 1793 г. поступил на службу сержантом в Преображенский полк. 11 декабря 1796 г. пожалован кавалергардским унтер-офицером в Кавалергардские эскадроны, по расформировании которых переведен в Лейб-Гусарский полк. В 1806 г. произведен в полковники.

В 1812 г. Мандрыка командовал Лейб-Гусарским полком и участвовал во многих делах. В Бородинском бою пожалован орденом св. Анны 2-й ст.

13 февраля 1814 г. Мандрыка был по высочайшему повелению откомандирован к Гродненскому гусарскому полку, с которым участвовал в деле при д. Ла-Брюссель, где, командуя на левом фланге 3-м эскадроном, "отбил множество обозов, взял до 100 человек в плен, рассеял неприятельскую кавалерию, принудил ее оставить оружие, которое досталось в наши руки", за что пожалован орденом св. Георгия 4-й ст. Затем находился в сражении при Арси, под Фершампенуазом и под Парижем...

Николай Мандрыка был красив собою, прекрасно сложен и очень высокого роста. С первых годов службы он был известен как отличный ездок; к нему особенно благоволил цесаревич Константин Павлович, который много помогал ему материально. В 1814 г. в Париже цесаревич спросил Мандрыку: "Как живется тебе здесь? Дорого тебе стоит. Верно, трудом перебиваешься?" Мандрыка ответил, что "трудненько", и великий князь предложил ему солидную сумму из своих денег, сказав: "Надо гвардейскому русскому офицеру показать себя французам, и я надеюсь, что ты не ударишь лицом в грязь. Если не хватит денег, доложи мне - я поддержу тебя".

О причине выхода в отставку в 1815 г. Николай Мандрыка рассказывал следующее. Когда командующим Лейб-Гусарским полком был назначен В. В. Левашов, имевший менее числа лет службы, чем Мандрыка, последний подал в отставку, которой ему не дали. Мандрыка надел штатское платье и пошел гулять по Фонтанке, где имел обыкновение гулять император Александр. Встретившись с государем, Мандрыка остановился и, сняв шляпу, поклонился. Государь сказал: "Полковник Мандрыка?" - "Точно так, В. И. Вел-во". - "По какому праву в этом платье?" "По вольности дворянства, В. И. Вел-во", - ответил Мандрыка. Государь прошел дальше. На следующий день Мандрыка был отставлен от службы без мундира. Тогда он надел мундир и явился к князю Волконскому, прося доложить государю, что он, как георгиевский кавалер, по закону должен быть отставлен с мундиром. Волконский заметил: "Вы, полковник, сами себе дали отставку, надев самовольно гражданское платье. Я не могу докладывать государю; поезжайте сами". При представлении государь его спросил: "Полковник Мандрыка, по какому случаю явились?" Мандрыка ответил: "Осмеливаюсь доложить, что я получил отставку, но без мундира, а по закону я, как георгиевский кавалер, должен получить мундир в отставке". "А, хорошо, благодарю, что напомнили мне", - ответил государь, и Мандрыка получил мундир.

В 1819 г. император Александр был в Чернигове, где при представлении дворян представлялся и Николай Мандрыка. Государь поздоровался с ним и спросил: "Что вы здесь делаете? Вероятно, скучаете? Поступайте вновь на службу; вы больше пользы принесете там, чем здесь". Мандрыка подал прошение и был вновь принят на службу, и ему поручена была покупка ремонтных лошадей для гвардейской кавалерии.

В те времена гвардейские офицеры особенно щеголяли упряжными лошадьми. Мандрыка, выезжавший четверкой цугом, часто менял лошадей, выезжая неделю на лошадях одной масти, неделю на лошадях другой. Все удивлялись и недоумевали, но ларчик открывался просто: Мандрыка белых лошадей перекрашивал в рыжие или вороные. Как знатока лошадей, его просил великий князь Николай Павлович выбрать для него четверку "без отметин вороных лошадей". Мандрыка выполнил просьбу с успехом, и великий князь остался доволен. Через месяц, встретив Мандрыку, он сказал ему: "А ведь лошади почему-

то стали белоножки, и у одной губа белая. Правда ли, что ты подкрасил их?" - "Точно так, жаль было таких красавцев не предоставить вам, и я решился подкрасить, но человек, исполнявший это, забыл сообщить в придворную вашу конюшню, чтоб возобновляли окраску и самый секрет состава краски". Великий князь ответил: "Ну, ничего! Лошади прекрасны. Я, словно жених, пощеголял на них пред иностранцами - спасибо тебе!"

В 1826 г. Мандрыка был произведен в генерал-майоры и назначен командиром поселенных эскадронов 2-й уланской дивизии; в 1828 г. отчислен от этой должности с назначением состоять при военном поселении. В 1830 г. назначен окружным генералом Казанского округа внутренней стражи. В 1845 г. произведен в генерал-лейтенанты.

Еще в 1826 г. в г. Чугуеве офицеры резервных эскадронов 2-й кирасирской дивизии поднесли Н. Я. Мандрыке серебряную вазу. Ваза весила около пуда и была настолько велика, что Мандрыка, по семейным преданиям, крестил в ней сына Николая. Когда вазу увидел Аракчеев, то сказал Мандрыке: *"Да, генерал, можно вас поздравить с таким подарком; это лучше всяких орденов; всему потомству вашему останется о вас память..."*

Маркиз д'Отишан (Дотишамп) (1738-1831)

происходил из старинного французского дворянского рода Бомонов, одну из ветвей которого составляли д'Отишаны. Жан д'Отишан был старшим сыном убитого в сражении при Лауфельде полковника Энгиенского полка маркиза Людовика Иосифа. Одиннадцати лет от роду д'Отишан поступил в "полк короля". Он участвовал в Семилетней войне сначала в качестве адъютанта своего родственника маршала Брольи, а затем командиром драгунского полка, принявшего с назначением д'Отишана его имя, и в 1762 г. за боевое отличие был пожалован орденом св. Людовика.

Маркиз д'Отишан

В 1770 г. д'Отишан произведен в бригадиры и вслед за сим ему была поручена под руководством маркиза де Кастри реорганизация корпуса жандармов, расположенного в Люневиле. Здесь впервые цесаревич Павел Петрович увидел д'Отишана и обратил внимание на его способности по организации кавалерии. В 1780 г. д'Отишан был произведен генерал-квартирмейстером и в 1789 г. состоял начальником штаба армии, стянутой к Парижу. Он предлагал принять энергичные меры к подавлению происходивших в Париже волнений, но мнение его не было принято.

Вслед за сим он удалился в Турин с принцем Конде, при дворе коего уже давно числился шталмейстером. При открытии военных действий сформировал в 1792 г. кавалерийский отряд, с которым и участвовал в злополучной кампании в Шампани. По распусшении легитимистской армии д'Отишан вместе с другими эмигрантами укрылся в Мاستрихте и участвовал в обороне города до подхода австрийцев, заставивших революционные

войска снять осаду (1 марта 1793 г.).

Между тем денежные средства д'Отишана иссякли, и, чтобы избегнуть нищеты, он решил попытаться поступить на чью-либо службу. Попытки свои он начал с России, затем почти одновременно начал хлопотать о поступлении на испанскую, прусскую или английскую службу.

По семейным сведениям д'Отишанов, император Павел вскоре по восшествии своем на престол предложил маркизу вступить на русскую службу "и назначил на какую-то высокую и почетную должность".

"Высокой и почетной должностью" было назначение д'Отишана 9 июня 1797 г. командиром Кавалергардского полка, но еще до этого о нем состоялся следующий высочайший приказ: *"Французской службы генерал-лейтенант маркиз Доттишамп определяется в кавалерийские полки генерал-лейтенантом же, с ношением кавалерийского армейского мундира"*.

Памятная медаль на воцарение императора Павла I

В основу Кавалергардского полка была положена верная мысль, которая заключалась в следующем: заставить действительно служить, а не числиться на службе русскую дворянскую молодежь и, заставив ее испытать на себе всю тяжесть службы нижнего чина, этим самым подготовить ее к званию офицера армейской кавалерии. Сознывая, что для того, чтобы быть достойным офицером, необходимо кроме твердого и всестороннего знания обязанностей службы быть воспитанным в чувствах чести, император Павел решил собрать всю эту молодежь вместе, поручив ее нравственное воспитание и строевое образование маркизу д'Отишану.

Выбор был одновременно удачный и неудачный. Несомненно, что д'Отишан знал и любил кавалерийское дело и, как руководитель строевого кавалерийского образования, был на высоте поставленной ему задачи; то же самое мы должны сказать и относительно

его нравственных качеств. Неудачным же мы позволяем себе назвать этот выбор в том отношении, что д'Отишан был иностранец, и к тому же эмигрант. Он не знал ни слова по-русски и, следовательно, не мог иметь непосредственного влияния на своих подчиненных. Кроме того, д'Отишан, как эмигрант, был представителем идей "старого режима" Франции, совершенно не свойственных ни духу России, ни исторически выработанным государственным началам Российской империи.

Задача, выпавшая д'Отишану, была не только серьезной, но и в высшей степени нелегкой: достаточно заметить, что в одном строевом отношении ему предстояло выехать 700 строевых лошадей и посадить на коней столько же молодых людей, из которых большинство не имело понятия о строевой верховой езде. Д'Отишан энергично взялся за приведение в порядок материальной части полка. Много хлопот представляла воспитательная часть.

Еще при назначении д'Отишана царственный шеф полка дает ему ордер, в котором значится: *"Полк Кавалергардский препоручается в полное командование в. пр-ва, почему имеете вы оный осмотреть во всех частях, а при том рекомендую в. пр-ву при собрании всех господ штаб- и обер-офицеров объявить, чтобы не осмеливались они унтер-офицеров и рядовых штрафовать палкою, также и бранными или грубыми словами, а обходились с ними ласково и вежливо, как должно с благородными людьми. Ежели кто окажется в худом поведении или в нерачении своей должности... вы уже по мере преступления имеете штрафовать... сходно со званием кавалергарда"*. Но писать было одно, а действительность была иная. Запрещение "штрафовать палкою благородных" слишком

Берег реки Фонтанки в Санкт-Петербурге

походило на потемкинские времена, кои решено было вырвать с корнем и даже след его могилы замести.

Подтянуть некоторую распущенность, существовавшую в конце царствования Екатерины II в войсках вообще и в гвардии в особенности, было необходимо, но, вместо того чтобы сделать это исподволь и пригодными для русских мерами, решено было подтянуть на прусский образец, т. е. при помощи суровых телесных наказаний, давно уже выведенных Г. А. Потемкиным.

Эмблемой их и служила трость, за-

имствованная от пруссаков вместе с их одеждой и уставами. Направить армию должны были "гатчинцы".

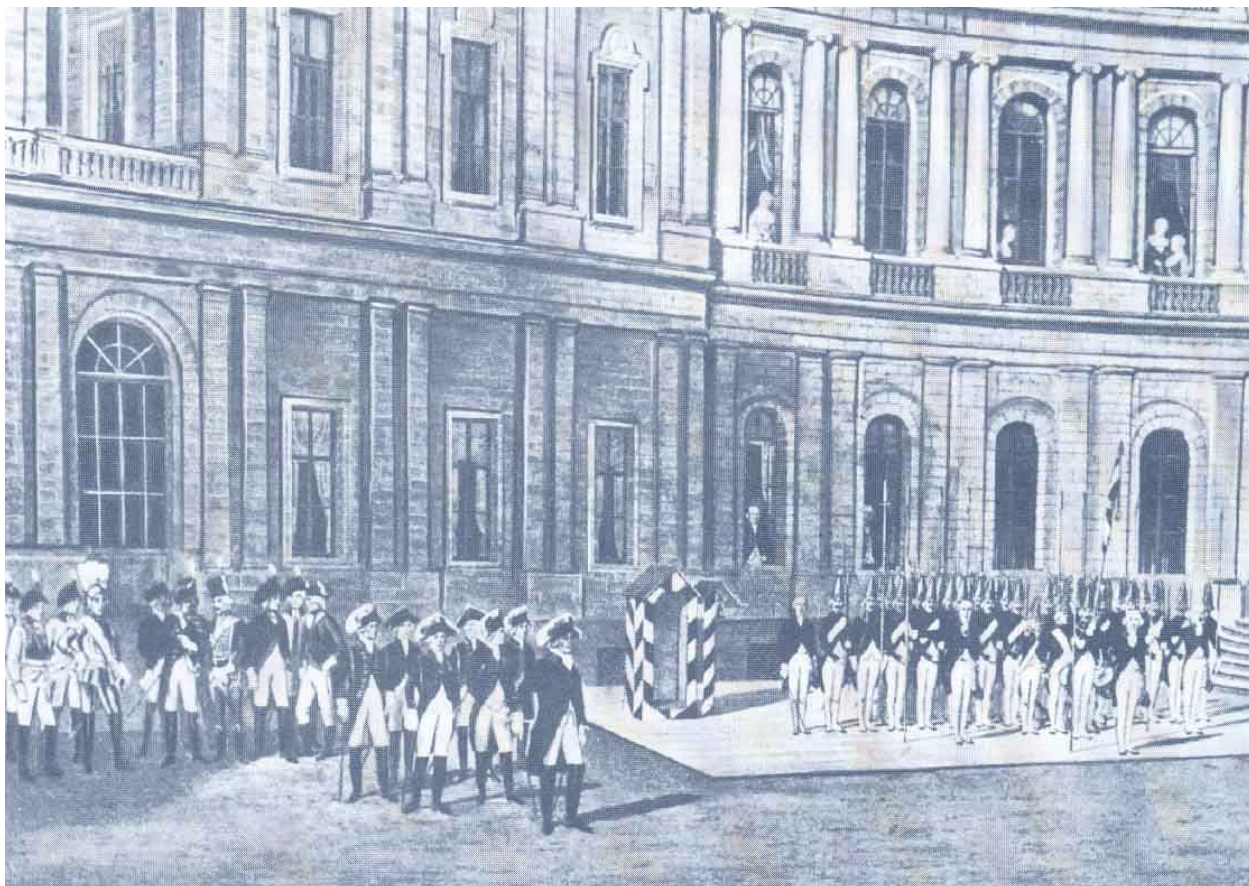
5 сентября 1797 г. в Гатчине при параде состоялся высочайший приказ о сокращении штатов Кавалергардского полка. Извещая об этом д'Отишана, великий князь Александр Павлович писал ему, что намерение государя - сохранить всего один эскадрон в 60 человек кавалергардов, не считая офицеров, унтер-офицеров и трубачей.

Чем было вызвано такое решение Павла Петровича? На основании дошедших до нас документов можно с большим вероятием заключить, что д'Отишан надоел своей настойчивостью. Вместе с тем он по своим нравственным качествам слишком резко расходился с вошедшими в силу "gatchinois"; между маркизом д'Отишаном и "бароном" Аракчеевым лежала пропасть... Если бы д'Отишану удалось войти в силу у государя, удалось бы примером своего полка доказать, что можно управлять людьми и не прибегая к палке, это ведь было бы полным крушением для всех "гатчинцев".

Получив письмо великого князя Александра Павловича, д'Отишан представил ему 13 сентября доклад о сокращении полка до состава одного эскадрона. 1 декабря 1797 г. Кавалергардский полк фактически прекратил свое существование. А спустя год с неболь-

шим д'Отишан вновь был принят на службу с зачислением "по армии" и 20 марта 1799 г. произведен в генералы от кавалерии. 19 ноября назначен командующим корпусом, сформированным для подкрепления армии Суворова.

Вслед за сим последовало резкое изменение политики императора Павла, решившего прекратить войну с Францией, и 10 декабря повелено было расположенным по границе войскам быть готовыми к выступлению "на неперменные их квартиры".

Павел I со свитой перед Гатчинским дворцом

2 ноября 1802 г., уже при императоре Александре, д'Отишан был назначен "инспектором по кавалерии Днестровской инспекции". 30 августа 1804 г. в возрасте 66 лет уволен в отпуск на два месяца, отпуск продолжен еще на два месяца с отчислением от должности. Не получая никакого назначения, он обратился к государю 25 ноября 1805 г. с просьбой об отставке, которую и получил, с мундиром, 20 февраля 1806 г.

Д'Отишан поселился с женою в пожалованном ему в аренду сроком на 12 лет м. Народич Волынской губернии.

Пробыв на Волыни до августа 1815 г., маркиз отправился во Францию и был поставлен во главе войск Тулузского военного округа. В январе 1818 г. он назначен комендантом Лувра, а в октябре того же года командирован для встречи императора Александра Павловича, которого сопровождал король прусский.

Бесспорно, маркиз д'Отишан покрыл себя неувядаемой славой в тяжелые дни июльской революции 1830 г. Несмотря на страшный припадок подагры, не позволявшей ему двигаться, этот 92-летний старик - один из немногих - не забыл своей солдатской присяги. При первых раздавшихся вечером 27 июля выстрелах он приказал поднять его из кровати, одеть в полную форму и вынести в галерею, где лично принял команду над горстью солдат, присланных для охраны дворца, решившись умереть, защищая вверенный ему пост. Сидя в креслах, д'Отишан приказал отвечать на огонь мятежников. К ногам его

пали 19 швейцарцев, убитых или раненых, сам он ранен пулей и, окруженный толпами мятежников, продолжал оборону до тех пор, пока в ночь на 29-е число не был сменен при- сланным маршалом Мармоном генералом...

Маркиз д'Отишан умер в Сен-Жермене 12 января 1831 г.

Граф Юлий Помпеевич Литта (1763-1839)

родился в Милане. Он был младшим сыном Помпея Литты, генерального комиссара авст- рийских войск, и по отцу и матери принадлежал к знатнейшему итальянскому дворянству. Родители Литты поместили его девяти лет в римскую коллегию св. Климента, которую он блестяще окончил публичным экзаменом на латинском языке, выказав особенные способ- ности в гуманитарных науках, в риторике и философии.

Граф Юлий Помпеевич Литта

Записанный с 1780 г. в рыцари Мальтийского ор- дена, Литта в 1782 г. отправился в Мальту и участвовал в трех кампаниях на берегах Леванта, Сардинии и Сици- лии.

Как капитан галеры "La Magistrate", Литта в про- должение двух лет плавал по Средиземному морю, а в 1787 г., вернувшись на родину, в качестве делегата от великого приора герцога Патерно производил ревизию имений и строений, принадлежавших великому приорст- ву Ломбардскому.

В 1788 г. императрица Екатерина II обратилась через своего уполномоченного Псаро к великому маги- стру Мальтийского ордена герцогу Рогану с просьбой прислать ей сведущего в морском деле для содействия в переформировании флота на Балтийском море. Герцог Роган, уже на деле успевший оценить достоинства Литты как моряка и человека, не колеблясь, назначил его на эту ответственную должность. Честолюбивый, польщенный в глубине души доверием Екатерины, Литта решил сде- лать все от него зависящее, чтобы оправдать ее ожидания, и собрался в путь с твердой на- деждою отличиться и добиться "славы и всеобщего уважения".

Литта прибыл в Петербург в начале января 1789 г. "В России в те времена встреча- ли вообще всех иностранцев с распростертыми объятиями"; величественная же наруж- ность Литты, его богатырский рост, мужественная осанка и привлекательная, многообе- щающая физиономия сразу склоняли всех в его пользу.

Литта сейчас же был представлен государыне. Она с ним милостиво разговаривала, пригласила его тут же на все придворные спектакли и произвела на него своей личностью глубокое очаровывающее впечатление.

7 марта 1789 г. состоялся указ о принятии "мальтийского кавалера и тамошнего флота капитан-командора Юлия Литты на русскую службу с чином капитана 1-го ранга, с пожалованием капитаном генерал-майорского ранга" и назначением командиром легкой флотилии, с жалованьем по 8000 руб. в год и на стол по 150 руб. в месяц. Сообщая своей семье о своем важном назначении, Литта с гордостью добавляет, что он "самый молодой генерал в России".

С самого царствования Елизаветы Петровны легкий гребной флот не принимал участия в морских сражениях, многое в нем устарело и теперь подлежало изменению. Литта целыми днями работал на верфях, наблюдая за вооружением судов и приготовлени- ем их к военным действиям, обучал молодых офицеров новой тактике, а для пополнения

С самого царствования Елизаветы Петровны легкий гребной флот не принимал участия в морских сражениях, многое в нем устарело и теперь подлежало изменению. Литта целыми днями работал на верфях, наблюдая за вооружением судов и пригото- влением их к военным действиям, обучал молодых офицеров новой тактике, а для по- полнения

нужного числа лоцманов и матросов прибегнул к простым солдатам. Незнание русского языка крайне осложняло задачу молодого итальянца: без переводчика он не мог обходиться, и это при официальной переписке ставило его в зависимость от Коллегии иностранных дел. Несмотря на всю добрую волю Литты и его усиленную деятельность, дело двигалось медленно, хотя императрица и делала все, чтобы ему помочь, и приказала кронштадтскому начальству исполнять беспрекословно все требования молодого командира.

В 1789 г. возгорелась война со Швецией. Русский флот, разделенный на две эскадры и легкую флотилию, находился под командой герцога Нассау-Зигена. Литта был поручен авангард гребного флота, состоявший из 33 судов. Кроме того, его назначили вторым командиром всей легкой флотилии, что в случае отлучки герцога делало его первым командиром.

За участие в первом сражении, где он доказал свою "храбрость, распорядительность и решительность", Литта по окончании кампании был произведен в контр-адмиралы, получил Георгиевский крест и золотое оружие с надписью "За храбрость".

Мир между Россией и Швецией, подписанный 9 августа 1790 г., вызвал в Петербурге целый ряд празднеств. Литта, которому поручили привести флотилию в Кронштадтский порт, по Неве подвел ее под самые окна Зимнего дворца и таким образом участвовал во всех торжествах.

Парусники на Неве

Некоторое время еще Литта командовал резервной морской эскадрой, плавая между Петербургом и Кронштадтом. Исполнив все возложенные на него поручения, он начал помышлять об отдыхе и просил императрицу дать ему отпуск, чтобы побывать на родине. Просьбу его уважили, но не в той форме, как он ожидал. Его уволили 11 ноября 1792 г. совсем от службы, но милостиво прибавили: "впредь до востребования".

В 1794 г. Литта отправился ревизовать свое командорство в Сицилии, а оттуда по дороге в Милан навестил в Риме своего брата Лаврентия. Но Литта недолго наслаждался спокойной жизнью в семье: в следующем году его ожидало новое назначение.

Герцог Роган ходатайствовал перед императрицей Екатериной II о возвращении ордену доходов с Острожского приорства на Волыни, отошедшей к России по второму разделу Польши. Питая уже давно истинное уважение к личности и способностям Литты, великий магистр возложил на него это важное поручение. В Вене Литта узнал, что императрица, согласившаяся на переговоры по этому вопросу, осталась довольна выбором его в уполномоченные от ордена, и по прибытии в Петербург в начале октября 1795 г. был принят ею и двором как старый друг.

Однако Литта не мог надеяться на скорый и благоприятный исход своей миссии, так как внимание всех было отвлечено новыми осложнениями в Польше и дурными отношениями со Швецией, грозившей опять войною. Он еще надеялся на "правосудие и величие души" императрицы, но вместе с тем со своим независимым характером пренебрегал

расположением и помощью всемогущего в то время Зубова и, таким образом, не мог ничего добиться от Екатерины II. Смерть ее все изменила.

Павел I с юных лет питал симпатию к ордену. Император придавал более важное значение отношениям к Мальте, чем его мать, имевшая к ордену только "политическую любовь". Литта кроме расположения императора к ордену встретил еще сильную опору в лице нового вице-канцлера князя А. Б. Куракина. Вскоре он мог сообщить герцогу Рогану радостное известие о согласии Павла признать владения ордена в России и вернуть ему доходы с Острожского приорства, простиравшиеся до 120 тыс. польских злотых. Кроме того, "император увеличил эти доходы до 300 тыс. злотых" и учредил особой конвенцией 4 января 1797 г. "Российское великое приорство" вместо прежнего "Польского". Оно составлено было из десяти командорств, которые исключительно могли быть даруемы русским подданным.

Павел I в знак своего особенного благоволения к Литте, принявшему 17 сентября 1798 г. русское подданство, пожаловал ему первое из этих десяти командорств, приносящее 10 тыс. руб. дохода, и занес его с потомством в число графских родов Российской империи.

Сдача Мальты французам в 1798 г. глубоко потрясла Литту, который боялся, что орден никогда более не приобретет своего прежнего военного и религиозного значения. Видя в Павле I единственное лицо, могущее водворить снова на папском престоле Пия VI, изгнанного французами из Рима, а также вернуть ордену остров Мальту, которым он владел в течение веков, Литта более остальных представителей католической партии при русском дворе хлопотал об избрании Павла I великим магистром Мальтийского ордена. Под его влиянием император вошел по этому поводу в переговоры через своего посланника в Риме с папою.

Акт избрания императора Павла I великим магистром ордена состоялся в Петербурге 27 октября 1798 г., а 29 ноября в Георгиевском зале Зимнего дворца совершено провозглашение государя "великим магистром державного ордена св. Иоанна Иерусалимского". При этой церемонии Литта произнес речь и прочел прокламацию, при окончании которой провозгласил государя от имени всего капитула ордена великим магистром и поднес ему вместе с актом прокламации и регалии ордена св. Иоанна Иерусалимского.

На Литту в качестве заместителя великого магистра были возложены все дела ордена. Это приблизило его еще больше к государю. Проводя с ним целые часы в беседах о делах ордена, Литта касался и других вопросов и влиял даже на ход государственных дел.

Вслед за этим на Литту посыпались новые милости императора. Государь пожаловал ему ордена св. Александра Невского и св. Иоанна Иерусалимского и 8 тыс. руб. серебром, но, не довольствуясь этими щедротами, пожелал ему дать и семейное счастье, для чего обратился к папе Пию VI, прося его снять с его любимца обет о безбрачии, требуемый орденом. Принятие императором титула великого магистра Мальтийского ордена и вступление в орден кроме императорской фамилии многих представителей русской знати было первым успехом католицизма в русской земле, а потому папа без всяких затруднений исполнил просьбу государя.

Юлий Литта с благодарностью принял предложение Павла I жениться на статс-даме графине Екатерине Васильевне Скавронской, рожденной Энгельгардт, тем более что избранная для него невеста была, по словам современников, "прекраснейшая собою" и имела "добрую душу и чувствительное сердце". 31 октября 1798 г. в Зимнем дворце состоялась свадьба. Венчал Литту его брат Лаврентий, известный своей приверженностью к Иезуитскому ордену.

Несмотря на свой брак, Литта остался по-прежнему предан ордену, для могущества которого он столько сделал. Литта побудил Павла I учредить при своей особе как великом магистре, в подражание своим предшественникам, особую гвардию, составленную исключительно из дворян. Он представил государю устав, "означающий их число, служение и внутреннее положение". Государь утвердил устав, и приказом 11 января 1799 г. Литта

был назначен шефом только что формировавшегося Кавалергардского корпуса. Подробных сведений относительно деятельности Литты по отношению к Кавалергардскому корпусу не сохранилось. Мы знаем только, что ему разрешено было выбирать в кавалергарды из дворян унтер-офицеров всей гвардии; назначение же офицеров Павел I предоставил лично себе.

Преобладание Литты и его брата нунция Лаврентия при дворе возбудило против них многих; образовалась русская партия, во главе которой стал граф Ростопчин, задумавший низвергнуть Литту, в котором видел опасного соперника. События, совершавшиеся в Европе, помогли Ростопчину ослабить силу и влияние партии Литты на государя. Политика Австрии раздражала Павла I; изменились его чувства и к Бурбонской династии. По мере того как редели в Петербурге ряды французских эмигрантов, теснее становился и круг мальтийских рыцарей.

Кавалергардский
штандарт

Беспрестанные проiski Ростопчина вскоре увенчались желанным успехом: 18 марта 1799 г. Юлий Литта был уволен без прошения в отставку и должен был оставить столицу и поселиться в имении графини Скавронской, своей жены. Эта ссылка в деревню превратилась в счастливый медовый месяц. Наместником ордена сделан был граф Салтыков, канцлером граф Ростопчин, а шефом кавалергардов князь В. П. Долгоруков.

Немилость к Литте продолжалась недолго; в том же, 1799 г., вызванный двумя курьерами обратно в Петербург, он не замедлил появиться при дворе более чем прежде сильным, любимым и уважаемым.

Впрочем, он уже с меньшим рвением принимал участие в последующих делах восстановления ордена. Причиной этого, вероятно, была спокойная семейная жизнь, испытанное недавно изгнание, а также, может быть, и некоторое разочарование.

Окруженный богатством, наслаждаясь счастливой семейной жизнью, Литта являлся в петербургском высшем обществе одним из последних представителей екатерининского двора. Но он не забывал своей родины и семьи. Гостеприимству последней он поручал всех русских, путешествующих по Италии и заботился о своих соотечественниках, выписывая, например, на свой счет лучших миланских художников для работы в императорских дворцах.

Занимаясь управлением имениями своей жены, Юлий Литта в течение нескольких лет уплатил все долги, лежавшие на них, и утроил доходы. Жил он так, как того требовало его положение в России, но сам, по его словам, не любил роскоши. В имениях он имел на пенсии около 500 человек, снабжал крестьян в неурожайные годы зерном и топливом, строил им избы и заводил фабрики, чтобы дать бедному люду заработок.

Император Александр I продолжал оказывать Литте любовь и уважение. 1 января 1810 г. он пожалован в обер-шенки и в том же году назначен обер-гофмейстером и главноначальствующим над интендантской конторой, а 9 июля 1811 г. назначен членом Государственного совета.

14 лет спустя Юлий Литта находился в Петербурге при вступлении на престол императора Николая Павловича и участвовал в "чрезвычайном собрании" Государственного совета 27 ноября, где Николай настаивал на принесении присяги брату своему Константину. Когда по прочтении всех бумаг Николай повторил перед членами совета отказ от престола и снова потребовал присяги своему брату, тогда граф Литта сказал ему: *"Следуя воле покойного императора, мы, не присягнувшие еще Константину Павловичу, признаем нашим государем вас; поэтому вы одни можете нами повелевать, и если решимость ваша непреложна, мы должны ей повиноваться; ведите же нас сами к присяге"*.

Кавалергарды в царствование Павла I

При Николае I Литта получил св. Андрея Первозванного и назначен (в 1826 г.) обер-камергером.

Через 13 лет, 26 января 1839 г., граф Юлий Литта скончался в своем доме на Большой Морской, оставив по себе живую память среди многих несчастных, участь которых он облегчил. Огромное свое состояние он завещал внучке своей жены от первого брака графине Самойловой, двум племянникам, жившим в Милане, благотворительным учреждениям, а также католическим церквям в России и своей приходской церкви в Милане "Santa Maria alla Porta". Литта запретил всякую пышность при своих похоронах и приказал раздать в этот день 10 тыс. руб. бедным. На его отпевании присутствовал император Николай I. Останки графа Литты покоятся в католической церкви в Царском Селе.

Иностранец по крови и иноверец, граф Литта правдою служил усыновившей его России.

Князь Михаил Петрович Долгоруков (1780-1808)

Третий сын генерала от инфантерии князя П. П. Долгорукова. Михаил получил хорошее образование. В 1784 г., четырех лет, зачислен в Преображенский полк, из коего выпущен ротмистром в Павлоградский легкоконный полк 1 января 1795 г. В следующем году, шестнадцати лет, он участвовал в походе графа Валериана Зубова на Кавказе, служа в полку старшего своего брата. 25 января 1799 г. Михаил был определен в Кавалергардский корпус капралом.

Корпус был разделен на три эскадрона и третий - наименован эскадроном князя Долгорукова. Сам же князь был по высочайшему повелению командирован в Москву для выбора из полков унтер-офицеров из дворян и обер-офицерских детей в кавалергарды. Выбрав в Москве 26 человек, князь Михаил отправился с ними на почтовых 23 августа.

**Князь Михаил Петрович
Долгоруков**

При реформировании Кавалергардского корпуса в полк князь был переведен 11 января 1800 г. в Преображенский полк с производством в полковники; 25 апреля назначен в свиту Его Императорского Величества, а 23 мая того же года произведен в полковники.

В начале 1800 г. князь Михаил отправлен в Париж в свите генерала от инфантерии, назначенного комиссаром для размена военнопленных. Таким образом, в 19 лет князю удалось побывать в Париже, который в то время был особенно интересен после великой революции и при зарождении могущества Наполеона. *"Что за город!"* - писал Михаил из Парижа сестре своей. - *Он украшен всем, на что ездили смотреть в Италию и во все места, куда войска могли проникнуть. Можешь себе представить, что за собрание образцовых произведений во всех родах"*.

Обширные, разнообразные и основательные сведения молодого русского, одаренного от природы пылким воображением и быстро схватывающим умом, приобрели ему любовь парижан и даже парижских ученых, которых князь усердно посещал. Наружная красота князя, его любезность в обхождении, его острый ум доставили ему также самый лестный прием со стороны женщин. Женщины эти были Жозефина Бонапарт, Каролина Мюрат, Полина Леклерк, г-жа Рекамье и другие.

Утренние часы своего пребывания в Париже молодой князь посвящал изучению всего интересного, ездил к ученым, проводил с ними время в поучительных беседах, а по

вечерам отдавался светским обязанностям, бывая в шумных и живых парижских салонах. Сам Наполеон оказывал большое внимание князю Михаилу Петровичу, нередко с ним беседовал и перед его отъездом велел Бертье подарить ему на память пару пистолетов. *"Только император всероссийский да мой дом могут меня из Парижа вырвать"*, - писал князь родным.

Впоследствии, на бивуаке под Аустерлицем, Наполеон спросил у князя Петра Долгорукова, не родственник ли ему тот Долгоруков, адъютант императора, который во дни его консульства жил в Париже, удивляя всех своим умом, своими сведениями и жаждой к познаниям. *"Скажите, где он теперь?"* - сказал Наполеон. *"Он мне младший брат, - отвечал князь Петр, - находится здесь, в армии, и надеется, в случае битвы, снискать уважение французов и на бранном поле"*.

Из Парижа князь Михаил Петрович был отправлен курьером в Петербург, куда прибыл после кончины императора Павла, а 6 апреля 1801 г. он уже был назначен флигель-адъютантом к новому государю. Брат его князь Петр исходатайствовал ему бессрочный отпуск за границу для окончания его образования. Этим отпуском князь Михаил Петрович воспользовался весьма удачно и посетил Германию, Англию, Францию, Италию, Испанию, Ионические острова и Константинополь. Сведения о нем мы встречаем в различных воспоминаниях. В 1805 г. он через Одессу возвратился в Россию, как раз перед началом моравской кампании.

Император Александр за несколько дней до Аустерлицкого сражения дал ему поручение в Берлин, к королю прусскому. Князь Михаил поспел вовремя к Аустерлицкому сражению. В послужном его списке значится: *"В Аустерлицкой баталии ранен пулею в грудь навывлет, за что награжден золотой шпагой с надписью "За храбрость", а затем орденом св. Георгия 4-й ст."*.

В конце 1806 г. снова открылась кампания против французов, и князю Долгорукову пришлось участвовать почти во всех делах 1806-1807 гг. За отличие в сражении под Пултуском 14 декабря 1806 г. он был награжден орденом св. Владимира 3-й ст. В начале 1807 г. князю удалось особенно выказать свои военные дарования в деле при Морунгене.

13 января Бернадот опрокинул авангард наш под Морунгеном и до глубокой ночи преследовал его к Либштадту, не заботясь о защите Морунгена, оставшегося в тылу преследующего. Того же числа к вечеру прибыли Сумской гусарский и Курляндский драгунский полки. Первым командовал граф Петр Пален, вторым - князь Михаил Долгоруков. Заметив, что пушечный гул более и более подвигается к Либштадту, граф Пален и князь Долгоруков сочли за стыд оставаться в бездействии, когда другие дерутся, и решили самовольно пуститься в тыл французского корпуса.

Они прибыли поздно ночью в Морунген, где находились все обозы французов, и, ворвавшись в улицы этого городка, привели все в полное смятение, захватили что могли, перепортили все повозки и нанесли неприятелю большой урон. Денис Давыдов замечает, описывая это дело: *"От карет и верховых лошадей до последней рубахи Бернадота все досталось в добычу предприимчивым исполнителям сего подвига"*. А Беннигсен в своих записках говорит: *"Этот ловкий набег был сделан с такою же храбростью, как и осторожностью..."*

19 января князь Д. В. Голицын занял Алленштейн и послал Долгорукова с Курляндским драгунским полком, батальоном Ростовского пехотного полка и казачьим полком занять Пассенгейм.

"Князь Долгоруков, подойдя к этому месту, увидел, что оно сильно занято неприятелем. Он с драгунами и казаками атаковал неприятеля и опрокинул его. При этом, по показаниям пленных, французы потеряли убитыми одного полковника, много офицеров и значительное число солдат. После этого князь Долгоруков занял Пассенгейм со всеми предосторожностями, которые этот молодой и храбрый офицер обнаруживал во всех действиях в продолжение этой войны".

24 января в деле под Вольфсдорфом князь Долгоруков с Курляндским драгунским полком вовремя произвел атаку на обходившую левый фланг князя Багратиона французскую колонну и принудил ее отступить в беспорядке. Князь Багратион удачно воспользовался этим моментом. В своем донесении об этом он говорит, что трудно выразить все услуги, оказанные в этот день генералом Юрковским и флигель-адъютантом полковником князем Михаилом Долгоруковым с их кавалерией и полковником Ермоловым с его конной артиллерией.

26 и 27 января того же года произошло кровопролитное сражение при Прейсиш-Эйлау, успех которого одинаково приписывали себе и русские, и французы. Князь Михаил Петрович принял в нем деятельное участие и был награжден орденом св. Георгия 3-й ст. 9 апреля 1807 г. князь Долгоруков был произведен в генералы с назначением генерал-адъютантом к Его Величеству и одновременно с этим назначен шефом Курляндского драгунского полка. В последующих делах он также принимал участие, а именно: под Гутшта-том и Гейльсбергом, где получил орден св. Анны 1-й ст., и, наконец, 2 июня под Фридландом, которым закончилась кровопролитная кампания 1807 г. Король прусский пожаловал Долгорукову орден Красного Орла.

Современники отдают должное проявленным блестящим военным способностям князя Михаила Петровича за этот период его деятельности, и, как видно, император Александр сумел оценить молодого князя, наградив его весьма щедро. После заключения Тильзитского мира князь Долгоруков был отправлен в Петербург с извещением о том. Как

Офицеры с дамами

вестнику мира петербургское купечество поднесло князю 2 тыс. червонцев, немедленно им внесенных в сохранную казну опекунского совета для содержания из процентов двух пансионеров в девичьем училище военно-сиротского дома.

В конце лета 1808 г. открылась война со Швецией. Князь Михаил Петрович был назначен начальником Сердобольского отряда. Войска эти были подчинены генерал-лейтенанту Н. А. Тучкову, который возлагал всю надежду будущих успехов на князя Долгорукова.

6 августа Долгоруков выступил из Сердоболя с полками 4-м егерским, Митавским драгунским, четырьмя эскадронами ямбургских и нежинских драгун и четырьмя конными орудиями. Получив известие о сборе вооруженного ополчения из местных жителей у озера Пигоярви, Долгоруков полагал, что оно могло захватить магазины наши, собранные в Руссиале и Сердоболе, а потому счел нужным укрепиться до получения назначенных ему подкреплений. К концу августа благодаря действиям князя Михаила Петровича

вооруженные шайки разошлись и оказались гораздо менее значительными, чем было донесено.

Между тем граф Буксгевден, главнокомандующий русской армией в Финляндии, заключил со шведским генералом графом Клингспором перемирие, вызванное неоднократными предложениями этого генерала. Перемирие длилось целый месяц, с 17 сентября по 15 октября, и войска наши оставались в бездействии. Комитет министров не одобрил перемирия, и военный министр Аракчеев предписал графу Буксгевдену немедленно возобновить военные действия.

Неприятель, имея до 4 тысяч человек, отделялся от нас проливом между двумя озерами. К 15-му числу Тучков сблизил свои войска к проливу. Они состояли из восьми батальонов, пяти эскадронов, трех сотен казаков - всего 5 тысяч человек.

Командовавший авангардом князь Долгоруков, горя желанием оправдать победой возлагаемые на него надежды государя, рвался в бой, не предвидя своей близкой кончины...

Ровно в полдень князь велел атаковать шведские пикеты. Двум ротам 4-го егерского полка было приказано, сложив ранцы, бежать за казаками и овладеть мостом. Взяв мост, егеря бросились на батареи и уже вошли в неприятельские окопы, но здесь наш успех прекратился. Шведы двинули против атакующих сильные колонны и штыками опрокинули егерей. Неприятель остановился у моста, куда Тучков успел подвести батареи. С обоих берегов пролива открылась канонада, скоро утихшая по причине наступления ночного мрака.

Императорская династия – Екатерина II, Павел I и Александр I

Потеря наша убитыми, ранеными и без вести пропавшими состояла из 764 человек. В числе убитых находился сам князь Михаил Долгоруков: заметив отступление своих войск, он кинулся вперед, хотел восстановить порядок, но был поражен ядром... Об этой кончине существуют различные рассказы. Вот рассказ И. П. Липранди, служившего под началом Михаила Петровича.

"Князь был в сюртуке нараспашку; под ним надет был - тогда почти у всех в употреблении - шпензер, т. е. мундир без фалд. На шее Георгиевский крест, сабля под сюртуком. В правой руке он держал в коротеньком чубуке трубку, в левой - небольшую зрительную трубу. Был прекрасный осенний день. Шли под гору довольно шибко, князь - по самой оконечности левой стороны дороги. Ядра были довольно часты. Вдруг мы услышали удар ядра и в то же время падение князя в яму (из которой выбирали глину) около дороги. Граф Толстой и я мгновенно бросились за ним. Фуражки и чубука при нем уже более не было, но в левой руке зрительная труба была стиснута. Он лежал на спине.

Прекрасное лицо его не изменилось. Трехфунтовое ядро ударило в локоть правой руки и пронизало его стан. Он был бездыханен. Граф и я приподняли голову. Ядро прошло через туловище князя между грудью и спиной. Послали меня через дорогу за людьми; тотчас явился офицер с людьми, нашли доску, накрыли труп какой-то парусиной, принесенной артиллеристами, и понесли в сопровождении офицеров в Палоис. Вечером, возвратясь туда, мы нашли князя на том самом столе, за которым обедали, уже в распоряжении медиков, бальзамировавших его..."

Тело князя Михаила Петровича Долгорукова было привезено в Петербург, отпето 31 октября в Сергиевском соборе и предано земле в церкви Благовещения Александро-Невской лавры, рядом с телом брата его Петра, умершего в декабре 1806 г.

Евсей Степанович Горданов (1777-1859)

Из дворян Курской губернии. В службе с 1791 г. в Измайловском полку солдатом. 24 декабря 1796 г. пожалован кавалергардом в Кавалергардские эскадроны, по расформировании которых переведен унтер-офицером в Конную гвардию, откуда вторично взят в Кавалергардский корпус; в 1799 г. произведен в корнеты с назначением адъютантом и пожалованием ордена св. Иоанна Иерусалимского. При сформировании в 1800 г. Кавалергардского полка переведен в него адъютантом.

Горданов пользовался благорасположением императора Павла. Так, однажды на разводе, когда лошадь его поскользнулась и государь с гневом заметил: "Плохо подкована", все ожидали строгого взыскания, но такового не последовало, а через несколько дней Павел Петрович на разводе же подарил Горданову серебряный круг подков. Другой раз Горданову удалось спасти от ссылки товарища Евтихия Сафонова, найденного государем спящим во внутреннем карауле. Горданов уговорил Павла Петровича отсрочить выключку Сафонова из полка, а тем временем товарищи прибегли к заступничеству княгини Гагариной, и Сафонов был прощен.

В роковую ночь 11 марта 1801 г. на Горданова была возложена графом Паленом обязанность наблюдать за императрицею.

Когда Мария Федоровна проснулась, то ей, чтобы проникнуть в комнату государя, пришлось направиться через залы. Здесь она натолкнулась на внутренний караул кавалергардов, стоявший в противоположной стороне от спальни Павла Петровича; при карауле находился Горданов, которому Зубов по совершении злодеяния сказал: "Все кончено! Не пускай никого, пока не приберем".

Горданов помешал императрице объявить солдатам, что - за кончиной государя - она имеет вступить на престол, а затем, когда императрица упала, поднял и отнес ее в ее апартаменты.

Кавалергардский караул во дворце

При походе на коронацию полк 29 июля проходил через Гатчину. Императрица Мария Федоровна узнала Горданова, и того же числа было отдано в полковом приказе: *"Полкового адъютанта не употреблять ни в какие должности"*. 22 августа в полковом приказе было помещено: *"Полковому адъютанту Горданову принять по-прежнему должность свою"*. Так продолжалось до дня вступления полка в Москву, когда в силу высочайшего приказа было отдано в полковом приказе 3 сентября: *"Произведенный из полковых адъютантов корнет Горданов в штабс-капитаны определяется в Нарвский драгунский полк"*.

Горданов выехал из Москвы, но не поехал на Кавказ, где стояли тогда нарвские драгуны, а отправился в деревню, откуда подал прошение об отставке. 8 февраля 1802 г. он был уволен от службы штабс-капитаном.

По семейным преданиям, Горданову был запрещен выезд из деревни, но вернее, что ему был только запрещен въезд в столицы, ибо из отношения новгородского губернатора Кушников к Ф. П. Уварову 30 апреля 1803 г. видно, что Горданов в январе того года был в Новгородской губернии у родственника своего Овцына. По тем же сведениям, Уваров неоднократно хлопотал о прощении Горданова, но безуспешно; однако через Уварова Горданов "неоднократно получал вспомошествования, в том числе однажды 15 тыс. руб."

Горданов владел в Малоархангельском уезде 110 душами в усадьбе Евтиховской, купленной при содействии его старого друга Евтихия Сафонова. Умер холостым в июне 1859 г.

Граф Иван Осипович Витт (1781-1840)

Поляк, католик, позже перешедший в русское подданство и принявший православие. Десятилетним он был записан в русскую службу с чином корнета. В 1799 г. Иван Витт был принят на действительную службу в Конную гвардию. В 1800 г. переведен в Кавалергардский полк и в том же году награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского. 6 марта 1801 г. Витт был произведен в ротмистры, а 4 октября того же года, на двадцатом году от рождения, - в полковники и назначен командиром 1-го эскадрона. В 1802 г. переведен в Лейб-Кирасирский полк.

Граф Иван Осипович Витт

В 1805 г. принимал участие в войне с Наполеоном и при Аустерлице был контужен в правую ногу. Очевидец этого сражения рассказывает, что Витт со своим полком удалился с поля сражения как раз в то время, когда его присутствие там было необходимо. По словам того же очевидца, Витт только притворился, что был контужен.

4 сентября 1807 г. Витт вышел в отставку. Причиной его ухода со службы были, по-видимому, служебные недоразумения с князем Багратионом и графом Витгенштейном. Иван Витт уехал за границу и поселился в Вене. В 1809 г. во время войны Франции с Австрией он вместе с некоторыми другими русскими офицерами поступил волонтером во французскую армию и принимал участие в сражениях.

В 1811 г. граф Витт служил тайным агентом по наблюдению за поляками, а в июне 1812 г. он снова поступил на русскую службу. Ему было поручено формирование четырех казачьих полков на Украине. Три полка восьмиескадронного состава были набраны в Киевской губернии и один в Подольской. 14 июня 1812 г. Витт был назначен бригадным командиром украинских казачьих регулярных полков, им же сформированных, и 18 октября произведен в генерал-майоры. С этими-то полками он принимал участие в войнах Отечественной и за освобождение Европы и был отмечен русскими, а также шведским и прусским орденами.

19 августа 1814 г. Витт был назначен начальником Украинской казачьей дивизии, преобразованной в 3-ю уланскую дивизию. В 1817 г. Витту было поручено формирование Бугской уланской дивизии из частей уланской дивизии и казачьего войска. Эта дивизия должна была составить военные поселения. В начале мая 1818 г. император Александр приехал для осмотра вновь сформированной дивизии и остался очень доволен. "Все, что я видел сегодня, превзошло мои ожидания", - объявил он Витту. 6 мая за скорое формирование дивизии Витт был произведен в генерал-лейтенанты. В октябре 1823 г. дивизия Витта принимала участие в маневрах в присутствии государя. После высочайшего смотра Витт за "успехи в начальном устройстве военного поселения" был награжден орденом св. Владимира 1-й ст. и назначен командиром 3-го резервного кавалерийского корпуса.

В том же, 1823 г., еще до назначения корпусным командиром, высочайшим рескриптом ему было поручено управление Одесским лицеем. Семилетнее управление лицеем дало возможность Витту открыть существование во 2-й армии тайного общества. 13 августа 1825 г. он донес императору Александру о своем открытии и просил разрешения приехать в Таганрог для личного доклада. Получив разрешение, он приехал 18 октября в Таганрог и сообщил государю, что существует тайное общество, *"которое значительно увеличилось в обеих армиях, старалось, но тщетно, помощью г.-м. Михаила Орлова и сыновей генерала Раевского, заразить и Черноморский флот; что бывают часто подобные собрания в фамилии Давыдовых, кои все заражены сим духом"*. Витт представил также

государю полученное им анонимное письмо, в котором его опять извещали о существовании тайного общества и сообщали, что он намечен одной из первых жертв заговора. Государь приказал графу "продолжать открытия свои". Смерть Александра I и возмущение 14 декабря положили конец деятельности Витта в этом направлении.

Император Николай Павлович был так же милостив к Витту, как и Александр I. За "особенные услуги и отличное усердие" ему была пожалована в пользование мыза в Курляндии, близ Митавы, на 12 лет без платежа аренды.

По случаю войны с Турцией Витт 12 января 1828 г. был назначен командиром резервных войск. В апреле следующего года он был произведен в генералы от кавалерии.

Осыпавший милостями государя, Витт тем не менее не был доволен своим положением и подумывал об оставлении службы. Еще при Александре I он не ладил с графом Аракчеевым, который очень недолюбливал Витта и всегда радовался, когда тот получал от государя за что-нибудь выговор. *"Если бы государь, - говаривал он своим приближенным, - написал мне или тебе хотя один такой выговор, мы бы с тобою умерли с отчаяния, а вот поляк, ему все ничего"*.

25 ноября 1830 г. в Петербурге было получено известие о восстании в Польше. Против мятежников были двинуты войска. 3-й резервный кавалерийский корпус также принимал активное участие в боевых действиях. В августе 1831 г. "в ознаменование блистательной храбрости, непоколебимого мужества и подвигов, оказанных в делах против мятежников", Витт был назначен шефом Украинского уланского полка, за военные подвиги во время войны получил орден Белого Орла и за храбрость при взятии штурмом варшавских укреплений - св. Георгия 2-й ст.

29 августа приказом главнокомандующего граф Витт был назначен варшавским военным губернатором с оставлением в прежней должности. Государь вполне одобрил выбор Паскевича. *"Ты назначил графа Витта, - писал он ему 4 сентября, - и весьма хорошо избрал, ибо его я тебе предложить хотел"*. Вскоре, однако, Витт возбудил неудовольствие Николая Павловича.

Еще в 20-х годах, живя в Одессе, Витт сошелся с Теклой-Каролиной Собаньской и жил с нею открыто, и она держала себя как его жена. Из военных поселений к ней приезжали на поклон как генералы и офицеры, так и жены их. Несмотря на ее фальшивое положение, к ней ездило почти все общество; Воронцовы приглашали ее на свои балы. К числу ее поклонников принадлежал и Адам Мицкевич, в обществе которого Витт и Собаньская совершили путешествие в Крым, воспетое знаменитым поэтом в его сонетах.

По назначении Витта варшавским военным губернатором Собаньская явилась в Варшаву. Государь был этим очень недоволен, так как считал пребывание ее в столице Польши вредным. Вскоре, однако, граф Витт, разведясь с женою, женился на Собаньской. *"Женившись на Собаньской, - писал государь Паскевичу, - он поставил себя в самое невыгодное положение, и я долго его оставить в Варшаве с ней не могу. Она самая большая и ловкая интриганка и полька, которая под личиной любезности и ловкости всякого уловит в сети, а Витта будет за нос водить, в смысле видов своей родни"*.

10 апреля 1832 г. Витт был назначен инспектором всей поселенной кавалерии, но до назначения нового военного губернатора в Варшаву не мог выехать к месту своего нового назначения.

Поселенная кавалерия, общее командование которой было вверено графу Витту, составляла три резервных корпуса с прикомандированными к ним резервными дивизиями и артиллерийскими ротами и военно-рабочими батальонами. Центром южных поселений был Елизаветград, но Витт не любил жить в этом степном городе. Он проводил время или в имениях польских магнатов в Киевской и Подольской губерниях, или же в Одессе.

Два или три раза в год Витт объезжал корпусные штабы, в которых к его приезду собирались окружные начальники для совместного обсуждения средств к улучшению наружного вида и благосостояния военных поселений, особенно же сел, лежащих на почтовой дороге. Все села были распланированы, и все избы перестроены по одному образцу.

Смотр гвардейской кавалерии

В мае 1836 г. Витт объявил, что едет в Петербург просить государя осчастливить поселения своим посещением. По возвращении из Петербурга он вызвал всех начальников военных поселений и объявил им, что государь назначил смотр в августе будущего года для всей армейской кавалерии с ее артиллерией, обозами и понтонными парками.

Местом для смотра был выбран Вознесенск, где находился штаб сводного кавалерийского корпуса. Перестройки начались еще в апреле, и скоро Вознесенска нельзя было узнать: образовался хорошенький городок с улицами, обсаженными деревьями и садами, выросший как бы по мановению волшебного жезла. Дом, где жил корпусной командир, превращен был в маленький дворец с прекрасным садом. Из манежа было сделано помещение для бала с огромным залом, гостиными и пр. Зал был украшен по стенам оружием, канделябрами служили стволы пистолетов и ружей, расположенных звездами и украшенных вензелями государя и государыни из цветов и зелени. Выстроено было также театр с тремя ярусами лож. Квартир для гостей были вполне меблированы и снабжены всем необходимым.

За несколько дней до приезда государя войска собрались под Вознесенском в лагере, который тянулся на протяжении восьми верст. Кавалерии было 350 эскадронов, пехоты - 30 батальонов.

Со всех концов Европы съехались гости. Здесь были представители Австрии, Пруссии, Баварии, Швеции, Англии и даже Турции. Из Одессы и окрестностей были приглашены дамы. 17 августа приехал государь, в тот же день осматривал войска и остался очень доволен. Смотры продолжались и в следующие дни. 23-го в шестом часу утра государь произвел тревогу. Через полчаса все войска собрались в назначенном пункте. Государь остался доволен быстротою, с какой войска прибыли на сборный пункт. Маневры продолжались до часу, после чего войска были отпущены, но почти немедленно государь, желая показать иностранным гостям выносливость своей кавалерии, снова дал сигнал к сбору и продолжал маневры еще четыре часа. Тревога эта очень утомила войска и стоила им многих людей и лошадей.

Витт опоздал к началу маневров, и Николай Павлович после подтрунивал над ним, что он в благодарность за угощение приготовил ему сюрприз, только не знает, угодил ли

*Знак польского ордена
Белого Орла*

этим сюрпризом. *"Вот каких ты нажил беспокойных гостей, - шутил государь, - которые тебя только и знай что тревожат"*.

24 августа приехала императрица Александра Федоровна с великой княжной Марией Николаевной; в ночь на 25-е приехал наследник цесаревич. 25-го был произведен смотр всей кавалерии. Государь во главе войск проехал церемониальным маршем мимо государыни. Марш продолжался с 10 до 4 часов. На следующий день был смотр пехоты. Маневры и смотры сменялись балами, праздниками с фейерверками и пением кантонистов, спектаклями в театре, где играли французская труппа из Киева и русская... Торжества закончились балом, данным государыней 3 сентября для избранных, после чего последовал отъезд высоких гостей в Одессу. 3 сентября Витту были пожалованы алмазные знаки ордена св. Андрея и 300 тыс. руб. *"за примерную деятельность и неусыпные труды в доведении до превосходного устройства во всех отношениях войск, находившихся в сборе при г. Вознесенске"*.

5 июня 1838 г. Витт отправился для лечения за границу, откуда вернулся 15 ноября. Вскоре он снова заболел горловой болезнью. Несмотря на то, что ему было только 58 лет, он казался более старым: был очень слаб и страдал сильной глухотой. Пришлось обратиться снова к заграничному лечению. 27 февраля 1839 г. он был уволен в четырехмесячный отпуск, который был продолжен потом по 1 июня 1840 г. Лечение, однако, не имело успеха, и в июле 1840 г. граф И. О. Витт скончался.

Кавалергарды в царствование Александра I

Федор Петрович Уваров (1769-1824)

Из древнего дворянского рода. Родился в селе Хруславке, Веневского уезда, Тульской губернии. По обычаю того времени, он шести лет был записан на службу в артиллерию сержантом, а затем, не выезжая из родительского дома, "прошел службу" во всех родах оружия: 3 ноября 1780 г. был переведен из артиллерии каптенармусом в Преображенский полк, состоя в котором 1 апреля 1781 г. произведен в сержанты, а 1 декабря 1787 г. зачислен вахмистром в Конную гвардию.

Федор Петрович Уваров

Средства его отца были очень ограничены, он был по какой-то причине под судом и должен был жить в Петербурге, а имущество было под запрещением. Только в царствование Павла I ему удалось при содействии сына добиться оправдания. При таких обстоятельствах Федор Уваров не мог получить соответствующего образования и даже не имел

возможности определиться на действительную службу. До 18-летнего возраста он жил с матерью безвыездно в деревне. Только в 1787 г. нашел удобный случай приехать к отцу в Петербург. С помощью покровителя своего генерала Тутолмина отец определил сына на службу. 1 января 1788 г. он был выпущен капитаном в Софийский пехотный полк и попал в Олонецкую губернию в войска, формирувавшиеся для войны со Швецией. 8 сентября 1790 г. Федор Уваров был произведен в секунд-майоры с переводом в Смоленский драгунский полк.

Летом 1792 г. он принял участие в военных действиях против поляков и участвовал в делах при Столбцах и Мире. Он находился в Варшаве, когда в ночь на 6 апреля 1794 г. произошло нападение поляков на русские войска. В продолжение 36 часов ему пришлось отбиваться от мятежников, но наконец удалось вместе с бароном Игельстромом пробиться сквозь многочисленную толпу врагов и выйти из города. За отличие, оказанное в этом деле, Уваров был произведен 10 июня в премьер-майоры. В июне и июле 1794 г. принимал участие в военных действиях против поляков в Литве и во взятии Вильны 31 июля. 14 мая 1795 г. Уваров был произведен Суворовым в подполковники.

О дальнейшей службе Федора Петровича в течение двух лет мы имеем несколько свидетельств современников, не подтверждаемых формуляром. В январе 1797 г. Уваров случайно проезжал через село Радогощ Орловской губернии, где в это время происходили волнения среди крестьян. Для усмирения их там находились полки Ахтырский гусарский (Линденера) и Рязский мушкетерский. Федор Петрович принял участие в усмирении, взяв на себя командование лейб-эскадром ахтырцев и распоряжение орудиями, и Линденер в своем донесении государю с большой похвалой отзывался об его действиях. 9 марта 1797 г. Уваров был переведен в Екатеринославский кирасирский полк. 12 апреля 1798 г. он был произведен в полковники.

1798 год имел важное значение в его жизни: ничем особенно не отличавшийся от своих товарищей армейских офицеров, он неожиданно достиг такого высокого положения, на какое при обыкновенном ходе вещей не мог рассчитывать. Живя в Москве, Уваров приобрел благосклонность жены сенатора Екатерины Николаевны Лопухиной и даже, по словам сослуживца его А. М. Тургенева, пользовался ее средствами. В мае в Москву приехал император Павел. Вслед за этим последовали переезд Лопухиных в Петербург и назначение П. В. Лопухина генерал-прокурором. Их возвышение вызвало и возвышение Уварова. Екатерина Николаевна не соглашалась переезжать в Петербург без Федора Петровича, и поэтому пришлось хлопотать о его переводе. 21 августа он был переведен в Кирасирский (генерал-майора Цорна) полк, а 3 сентября в Конную гвардию. 19 октября был пожалован в генерал-адъютанты с производством в генерал-майоры, а в начале 1799 г. получил орден св. Анны 1-й ст.

9 августа 1799 г. Федор Петрович был назначен шефом Кавалергардского корпуса, который с его назначением был доведен до трехэскадронного состава. 28 августа 1-й эскадрон назван именем шефа корпуса. 7 октября корпус в новом составе представился государю, который остался вполне им доволен. 11 января 1800 г. повелено было переформировать Кавалергардский корпус в Кавалергардский полк трехэскадронного состава. Шефом нового полка был назначен Уваров, он же и командовал полком. В звании шефа он оставался до конца жизни.

23 апреля государь присутствовал в первый раз на учении нового полка на Царицыном лугу и остался вполне доволен. На следующий день он объявил Уварову свое благоволение. И в последующее время государь часто был доволен полком, хотя все-таки в течение лета 1800 г. он объявил однажды полку свое неудовольствие, а Уваров три раза получал выговор, между прочим, "за незнание службы, и рекомендуется впредь оную более знать". Но в общем Федор Петрович пользовался неизменно милостью императора: ему был пожалован командорский крест ордена св. Иоанна Иерусалимского, а 5 ноября 1800 г. он был произведен в генерал-лейтенанты.

В роковой день 11 марта Федор Петрович был дежурным генерал-адъютантом. Ночью он расположился с несколькими офицерами своего полка близ комнат наследника с целью охранять его, а по воцарении Александра I сопровождал его при объявлении войскам о кончине Павла I и при переезде из Михайловского замка в Зимний дворец. И при новом императоре Уваров оставался одним из самых приближенных к нему лиц и почти всегда сопровождал его во время прогулок и пешком, и верхом. 19 марта ему повелено было быть по-прежнему генерал-адъютантом.

В 1805 г. Уваров принял участие в войне с Наполеоном и отличился при Аустерлице. Под его начальством были полки Елизаветградский гусарский, Харьковский и Черниговский драгунские, расположенные на левом фланге боевого порядка князя Багратиона (левое крыло армии союзников) и служившие связью между Багратионом и центром армии. Чтобы окончательно разобщить левое крыло с опрокинутым уже центром, Мюрат двинул вперед всю свою кавалерию. Впереди шла дивизия Келлермана (восемь полков). Навстречу ему пошел Уваров и удачно атаковал его двумя полками с фронта, а третьим охватил правый фланг Келлермана и опрокинул пять передних его полков. Но, атакованный дивизией Вальтера (из общего резерва), был им опрокинут с потерей своей артиллерии. Несмотря на такой конечный исход атак Уварова, должно признать, что он весьма много способствовал тому, что маневр Мюрата и Ланна, клонившийся к отрезанию Багратиону пути отступления на Аустерлиц, потерпел неудачу.

За Аустерлиц Уваров был награжден орденом св. Георгия 3-й ст. Кроме этого ордена он за кампанию 1805 г. получил орден св. Александра Невского. Император Александр очень высоко ценил заслуги Уварова в этой войне и однажды сказал о нем: *"Если армия в своем отступлении избежала бедствий, кои казались неминуемыми, то мы обязаны сим усердию, распоряжениям и искусным маневрам сего храброго генерала"*.

8 февраля 1807 г. Уваров был послан государем к Беннигсену. Беннигсен предоставил Уварову командование кавалерией правого фланга армии. 26 мая Уваров атаковал неприятеля в деревне Вольфсдорфе и, не допустив шедшие к нему на помощь колонны, выгнал его оттуда. 29-го, во время сражения при Гейльсберге, Беннигсен, увидев, что французская кавалерия послана в обход нашего авангарда, послал навстречу Уварова с 25 эскадронами (полки Елизаветградский, Курляндский, Псковский и Лифляндский), который, сделав стремительно несколько атак одну за другой, замедлил наступление неприятеля. Французы несколько раз отбивали у нас пушки, но их каждый раз возвращал Уваров. Позднее он со своею кавалерией прикрывал правый фланг. По его приказанию 14-я пехотная дивизия атаковала неприятеля и опрокинула его, а удачные атаки кавалерии довершили расстройство французов.

2 июня при Фридланде Уваров, заметив, что неприятель усилился кавалерией, немедленно пошел на подкрепление нашей конницы, повел сильную атаку, обратил неприятеля в бегство и преследовал его на большом расстоянии. Этим действием, по свидетельству Беннигсена, он способствовал нашему успеху. После сражения Уваров исполнял должность дежурного генерала армии и способствовал успешности переправы армии через Неман.

Во время тильзитского свидания он находился при государе; осенью 1807 г. ездил к Наполеону. 5 ноября он был назначен командиром кавалерии 1-й дивизии (т. е. корпуса), которой командовал цесаревич Константин Павлович. 14 мая 1808 г. назначен "командиром инфантерии" 1-й дивизии. В июле того же года всем генерал-адъютантам и флигель-адъютантам повелено было состоять в команде Уварова как старшего генерал-адъютанта. Федор Петрович находился при государе в Эрфурте, а в 1809 г. два раза (в марте и ноябре) сопровождал Александра Павловича в его путешествиях.

Обер-офицер Кавалергардского полка в походной форме

В апреле 1810 г. Уваров был послан в действующую против турок армию, командуя сначала авангардом, а затем 1-м корпусом. Он принимал участие во взятии Силистрии и неудачной осаде Шумлы, в безуспешном штурме Рушука 22 июля, во время которого командовал одной из пяти колонн и был контужен в правое плечо, в сражении при Ватине, за которое получил Георгия 2-й ст., и во взятии Никополя.

Во время Отечественной войны Уваров, командуя 1-м кавалерийским корпусом, участвовал в сражениях при Вилькомире, Островне и Смоленске.

При Бородине корпус его, состоявший из шести полков и 5-й конно-артиллерийской роты, входил в состав правого крыла. Платов, считая возможным обойти неприятеля с левого фланга, просил разрешения атаковать. Кутузов разрешил употребить для этой атаки и весь корпус Уварова. Между тем Наполеон все свои усилия направил на центр и левый фланг наших войск и решил сокрушить его окончательным ударом, но предположенная им атака была остановлена смятением на левом фланге его войск. Смятение это вызвано было переходом Уварова и Платова в наступление. Французы принужде-

Император Александр I

ны были отступить, но Уваров не преследовал их, так как получил от Барклая-де Толли приказание вернуться назад. Поиск Уварова хотя и не имел решительных последствий, но был в высшей степени полезен в том отношении, что заставил Наполеона потерять в бездействии два часа, в продолжение которых был усилен наш левый фланг.

Во время отступления русской армии к Москве корпус Уварова был в арьергарде и 29 августа при селе Крымском атаковал французскую кавалерию, отступившую после этого в расстройстве. 1 сентября Уваров участвовал в военном совете в Филях и высказался за мнение Беннигсена о необходимости дать под Москвой сражение. 16 сентября ему было поручено начальство над всей кавалерией 1-й и 2-й армий, кроме ки-

расирских дивизий. 6 октября Уваров принял участие в тарутинском деле, а 22-го в сражении при Вязьме. 4 ноября, командуя кавалерией авангарда, одержал верх над неприятелем около Красного.

В 1813 г. Уваров, находясь в арьергарде, прикрывал отступление отряда принца Виртембергского к Бауцену, а затем, после поражения армии, ему была подчинена вся кавалерия, которая задерживала на каждом шагу неприятельскую пехоту. При Дрездене, Кульме и Лейпциге Уваров находился при государе. За Лейпциг он был 8 октября произведен в генералы от кавалерии.

По окончании войны с Наполеоном в течение семи лет деятельность Ф. П. Уварова ограничивалась исключительно исполнением обязанностей генерал-адъютанта. Он почти безотлучно находился при государе и сделался одним из самых близких к нему лиц. По словам Михайловского-Данилевского, только четыре человека пользовались особым правом входить к государю через камердинерскую комнату: князь П. М. Волконский, граф Аракчеев, лейб-медик Виллие и Уваров. Федор Петрович сопровождал государя во время его путешествий в Англию и Венгрию в 1814 г. и по России в 1816 и 1818 гг.

1 ноября 1821 г. ему повелено быть командующим гв. корпусом, находившимся в то время в Северо-западном крае. В Петербург корпус вернулся только в конце июля 1822 г. А год спустя Уваров, оставаясь в прежних должностях, был назначен членом Государственного совета. Гв. корпус под его начальством неоднократно получал высочайшие бла-

говоления за "порядок, внутреннее устройство, соблюдение чинопочитания, фронтную часть, за искусство и за быстрое произведение всех бывших учений и маневров".

Весною 1824 г. Уваров заболел, но продолжал заниматься службой. Государь часто навещал его (Уваров занимал помещение в Зимнем дворце). 16 ноября он причастился и 18-го подписал составленное накануне завещание. 19-го силы его ослабели, но он все-таки принял командира Кавалергардского полка графа Апраксина, с которым беседовал об офицерах своего полка, затем простился с духовником, родными и друзьями. Поздно вечером приехал государь и долго беседовал с умирающим, после чего он уже ни с кем больше не разговаривал и несколько раз лишался сознания. 20-го утром он уже не узнал государя и в 2 часа дня скончался. Кавалергардские офицеры в течение пяти дней дежурили у его тела. 25-го последовал вынос тела в полковую церковь, а 27-го, после отпевания в той же церкви, состоялось погребение в Духовской церкви Александро-Невской лавры в присутствии государя и великих князей.

Александро-Невская лавра в Санкт-Петербурге

В знак признательности к подчиненным своим по гв. корпусу он оставил 400 тыс. руб. на сооружение в честь их памятника, предоставив исполнение императору Александру Павловичу. Деньги эти были употреблены на сооружение Нарвских триумфальных ворот, открытых 18 августа 1834 г.

Константин Яковлевич Булгаков по поводу его кончины сообщал в одном письме: *"Нельзя не сожалеть искренно о человеке, который никому вреда не делал... Все истинно и достойно об нем сожалеют"*.

...Хотя формулярный список Федора Петровича и говорит, что он "по-русски, по-французски и по-немецки читать и писать и историю, географию и математику знает", но современники утверждают, что образованием он не отличался. В особенности прославился Федор Петрович своим французским языком. *"Уваров, - говорит князь Вяземский, - иногда удачно поражал французов на поле сражения, но еще удачнее и убийственнее поражал французский язык в разговоре. Однажды Уваров и Милорадович, тоже известный плохим знанием французского языка, горячо разговаривали о чем-то. Александр I обратился к графу Ланжерону с вопросом, о чем они беседуют. "Извините, государь, - ответил Ланжерон, - я их не понимаю, они говорят по-французски"*.

Что касается военных дарований Ф. П. Уварова, то он отличался качествами хорошего кавалерийского офицера, но талантов полководца не имел. В многочисленных войнах, в которых принимал участие, он никогда не играл видной, более или менее самостоятельной роли. Приказы его по гв. корпусу интересны в том отношении, что дают возможность познакомиться с Уваровым как с начальником, и на основании их личность эта вырисовывается в симпатичном облике. Они свидетельствуют о заботах его о здоровье подчиненных и поддержании их чести и доброго имени. Впрочем, надо сознаться, встречаются в них места, могущие вызвать улыбку; так, Уваров говорит, что необходимо заботиться о здоровье солдат, *"дабы и по увольнении их... могли они, наслаждаясь безболезненным состоянием в недрах семейств своих, с удовольствием вспоминать о службе и прославлять попечительность начальства, доставившего им такое благосостояние"*.

И приказы по Кавалергардскому полку доказывают гуманное отношение Уварова к подчиненным. Он был умерен в своих взысканиях и, по-видимому, старался воздействовать на них не страхом, а стыдом. За время командования им полком в царствование Павла I наказания, наложенные им на офицеров, заключались главным образом в том, что он назначал лишние дежурства и только два раза подвергнул виновных домашнему аресту, и то с отправлением должности, т. е. с сохранением оружия. Федор Петрович любил солдат, а они со своей стороны были преданы и доверяли ему.

18 октября 1812 г. он, находясь в действующей армии, "подал записку государю о бедственном положении России, описывая в оной, что все состояния вообще недовольны, что доверие исчезло, что налоги обременительны, что нет правосудия и что промышленность год от года упадает". Такие высокие черты забываются, зато долго помнят каждую ошибку, сделанную против правил французского языка.

Без особых дарований, но в то же время человек честный, добрый, старавшийся никому не делать зла, Уваров был и хорошим начальником, хорошим кавалерийским офицером, и, что особенно замечательно, не рутинером, и не плац-парадным генералом. Его приказ по Кавалергардскому полку от 19 апреля 1807 г. доказывает, что он отлично понимал боевое кавалерийское дело, а последний параграф приказа обличает в нем человека с большим служебным тактом, и если Уваров и был "посредственностью", то во всяком случае полезной.

Он достиг высокого положения и до конца жизни пользовался неизменным расположением Александра Павловича, в то время как почти все другие участники события 11 марта были или удалены от двора, или не пользовались милостью государя. Очевидно, он знал, что Уварова заставили принять участие в заговоре побуждения совсем другого рода, чем остальных, и одним из таких побуждений была, без сомнения, преданность Уварова Александру Павловичу. С первых же дней нового царствования он является одним из самых близких лиц к молодому монарху. Сохранить же раз занятое положение помогло то умение жить при дворе, тот такт, который признавали за ним и друзья, и недруги.

Барон Карл Карлович Левенвольде (Левенвольд) 1-й (1779-1812)

Из лифляндских дворян, сын отставного майора русской службы. В службе с 1 февраля 1790 г. в лб.-гв. Конном и кирасирских полках. 8 декабря 1798 г. произведен в поручики. 19 марта 1801 г. переведен в Кавалергардский полк, в 1804 г. произведен в ротмистры.

Барон Левенвольде участвовал в знаменитой атаке кавалергардов под Аустерлицем и по окончании боя командовал кавалергардскими пикетами, отступившими последними с поля сражения. 27 сентября 1807 г. произведен в полковники и назначен командиром 3-го эскадрона, которым блестяще командовал.

В 1812 г. Левенвольде выступил в походе с полком и 15 мая принял от полковника С. Н. Ушакова, назначенного шефом Курляндского драгунского полка, командование Кавалергардским полком. Во время Бородинского сражения, когда французам удалось прорвать наш центр, единственным кавалерийским резервом остались кавалергарды и Конная гвардия. В это время от Горок подъехал к бригаде Барклай. "Attackieren Sie" ("*Атакуйте*" (нем.)), - спокойно сказал он Левенвольде. Громким "ура" отвечал полк на это приказание; 1-й и 4-й эскадроны двинулись рысью, за ними en eschiquier пошли 3-й и 5-й эскадроны под командою В. В. Левашова.

В небольшой пологой ложине, прямо против полка, строилась в полковые эскадронные колонны кавалерия Латур-Мобура: впереди саксонские Gardes-du-corps, за ними саксонские кирасиры Цастрова и польские уланы. Пройдя между каре нашей пехоты, Левенвольде повел 1-й эскадрон прямо, а командиру 4-го эскадрона Е. В. Давыдову приказал атаковать во фланг. Заметив движение кавалергардов, неприятельская кавалерия начала развертывать фронт. Ясно слышались командные слова: "En avant!", затем "Halte!" и "Par quatre sa droite et a gauche!" ("*Вперед!*", "*Стой!*", "*По четыре справа, заезжай!*" (фр.)). Но было уже поздно. "Галопом! Марш!" - скомандовал Левенвольде и, повернув лошадь налево, только успел закричать Давыдову: "Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо", как упал с коня, пораженный картечью в голову. Первая линия замялась, но, поддержанная второй, врубилась в неприятельскую кавалерийскую колонну...

Барон Казимир Карлович Левенвольде 2-й (1780-1805), брат Карла Карловича Левенвольде. В службе с 1790 г. в Конной гвардии. В 1798 г. произведен поручиком. 15 мая 1801 г. переведен тем же чином в кавалергарды; в 1805 г. произведен ротмистром.

Смертельно раненный в рядах 3-го эскадрона под Аустерлицем 20 ноября 1805 г., умер на другой день.

Оба брата Левенвольде, достойные представители балтийского дворянства, нашли смерть на поле сражения, защищая в рядах кавалергардов честь и достояние своего отечества - России.

Князь Николай Григорьевич Репнин (Волконский) (1778-1845)

Был сыном князя Григория Семеновича Волконского от брака с княжной Александрой Николаевной, дочерью последнего представителя рода князей Репниных фельдмаршала Николая Васильевича. Григорий Семенович Волконский, сподвижник Румянцева и Суворова, получивший от этого последнего прозвище "неутомимого Волконского", после продолжительной военной карьеры был с 1803 по 1817 г. оренбургским военным губернатором и умер в 1824 г. в чине генерала от кавалерии и звании члена Государственного совета.

По желанию деда Н. В. Репнина молодой князь Николай Волконский поступил в 1-й кадетский корпус, где и окончил свое воспитание. По свидетельству М. И. Муравьева-Апостола, он "своим образованием служил лучшей похвалой воспитанию, которым отличались наши офицеры". 9 октября 1792 г. Николай вступил в службу в Измайловский полк. 14 апреля 1797 г. он был переведен в Лейб-Гусарский полк и 29 сентября того же года назначен флигель-адъютантом. 17 сентября 1802 г. Николай Волконский был переведен в Кавалергардский полк.

В 1795 и 1796 гг. он находился в армии, расположенной в Польше. В 1798 г. был командирован в свите деда, князя Репнина, в Пруссию на коронацию короля Фридриха Вильгельма III; в то же время он посетил Вену также вместе с дедом. В 1799 г. находился в корпусе генерала Германа, действовавшем в Голландии против французов, и участвовал в авангардных делах и в генеральной баталии при Бергене.

После неудачной экспедиции Германа Николай Волконский до августа 1800 г. находился на английском фрегате "Sensible" в крейсировании у французских берегов.

В мае 1801 г. скончался старый князь Репнин. Со смертью его прекратилась муж-

**Князь Николай Григорьевич
Репнин**

ская линия князей Репниных и согласно его желанию Александр I 12 июля 1801 г. даровал князю Николаю Волконскому с его потомством фамилию Репнина. *"Дарод князей Репниных, - говорилось в указе, - столь славно Отечеству послуживших, с кончиною последнего в оном не угаснет, но, обновясь, пребудет, с именем и примером его, в незабвенной памяти российского дворянства"*.

В 1802 г. Николай Репнин вступил в брак с дочерью графа Алексея Кирилловича Разумовского графиней Варварой Алексеевной. Еще при жизни фельдмаршал Репнин, очень дружный с графом Разумовским, желал этого брака и нарочно вызвал внука к себе в подмосковное с. Воронцово в то время, когда туда приехал граф Разумовский с дочерью. Молодые люди с первого взгляда полюбили друг друга, но брак между ними тогда не состоялся, потому что Разумовский как раз в это время поссорился с фельдмаршалом, а вскоре затем молодой

князь отправился на войну в Голландию. Уже после смерти деда Николай Репнин осуществил свою давнюю мечту и женился на графине Разумовской.

Кампанию 1805 г. князь Репнин совершил в рядах Кавалергардского полка, командуя 4-м эскадром. При Аустерлице Репнин произвел знаменитую атаку, художественно описанную Львом Толстым в романе "Война и мир". Раненный пулей в голову и контуженный в грудь, он был взят в плен с остатком своего эскадрона, от которого уцелело только 18 человек. Кавалергарды были приведены к Наполеону. "Кто старший?" - сказал он, увидев пленных. Назвали Репнина. *"Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?"* - спросил Наполеон. *"Я командовал эскадром"*, - отвечал Репнин. - *"Ваш полк честно исполнил долг свой"*. - *"Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату"*. - *"С удовольствием отдаю ее вам"*.

Раненого князя Репнина перевезли в аббатство Мельк, где ему отвели удобное помещение и окружили хорошим уходом. Княгиня Варвара Алексеевна, следовавшая за мужем и бывшая в это время в Тешене, получила доступ к больному.

В Брюне Репнин снова был представлен Наполеону, который даровал свободу ему и его товарищам, сказав, что возвращает их императору Александру.

В 1806 г. Репнин был награжден орденом св. Георгия 4-й ст. Для лечения ему дан отпуск на полгода, а вслед за тем "за болезнь от ран" он уволен от службы генерал-майором с мундиром.

Спустя два года он был вновь принят на службу с назначением состоять по армии, а 7 января 1809 г. назначен чрезвычайным посланником при короле вестфальском Иерониме. В инструкции, данной Репнину, указывалось, что основанием всей русской политики служит "самое дружеское единение и доброе согласие" между Россией и Францией. Согласно инструкции князь Репнин подробно сообщал своему правительству о современных событиях, главным образом о войне и о передвижениях французских и вестфальских войск, а также о доходивших в Кассель из Парижа слухах о политическом положении Европы.

В марте 1811 г. он вернулся в Петербург и спустя год был назначен командиром 9-й кавалерийской дивизии.

Во время Отечественной войны он состоял в корпусе графа Витгенштейна и участвовал в делах под Клястицами, Свольной, Полоцком и Чашниками. За отличие в этих боях он получил орден св. Георгия 3-й ст. и золотую с алмазами шпагу.

После перехода русской армии в Германию Репнин, командуя авангардным отрядом, переправился через Одер близ Кюстрина и 20 февраля занял без сопротивления Берлин; передовые отряды его войск преследовали до Эльбы французов. 8 марта 1813 г. он был назначен генерал-адъютантом "за благоразумные распоряжения при занятии города Берлина". В кампанию 1813 г. князь Репнин, состоя при государе, участвовал в сражениях под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом, получил бриллиантовые знаки ордена св. Анны 1-й ст., прусский орден Красного Орла и командорский крест австрийского ордена Леопольда.

Атака Н. Г. Репнина под Аустерлицем

8 октября 1813 г., в тот день, когда саксонский король Фридрих Август был отправлен из Лейпцига в Берлин в качестве военнопленного, князь Репнин был назначен от имени трех союзных держав генерал-губернатором королевства Саксонского, причем ему было поручено начальство над находившимися в королевстве русскими и саксонскими войсками на правах командира отдельного корпуса. В это время многие города Саксонии, в том числе крепости Виттенберг и Торгау, находились еще во власти французов; самый Дрезден был занят войсками маршала Сен-Сира. Только после сдачи Дрездена 30 октября Репнин мог прибыть в столицу Саксонии и вступить в управление королевством.

В Саксонии Николая Григорьевича Репнина ожидали тяжелые труды и заботы. Положение королевства было самое печальное: край был разорен войною, города и деревни сожжены, армия рассеяна, администрация дезорганизована, государственная казна пуста, 50 тысяч раненых и больных, принадлежавших ко всем национальностям, требовали ухода и лечения, множество сирот оставалось без призора, ощущался недостаток в съестных припасах, свирепствовали тиф и другие заразные болезни. Временному правительству предстояло не только исцелить язвы, нанесенные стране войною, и восстановить нормальный порядок, но и организовать армию для подкрепления союзных войск в войне с Наполеоном, Благодаря умелому и энергичному ведению военного хозяйства правитель-

ство, несмотря на то, что войны уменьшили число людей, способных носить оружие, уже в январе 1814 г. выставило 6-тысячную армию; в феврале и марте к ним было присоединено еще 12 тысяч человек, а 3 тысячи были оставлены в пределах Саксонии.

Энергичная и полезная деятельность генерал-губернатора Саксонии была оценена императором Александром. В 1814 г. князь Репнин получил две награды: чин генерал-лейтенанта и орден св. Владимира 2-й ст.

Князь Репнин управлял Саксонией ровно год. 9 октября 1814 г. ему было приказано передать Саксонию в прусское управление.

По возвращении в Россию князь Репнин был назначен в Малороссию военным губернатором. В осеннюю распутицу с семьей и большим обозом выехал он из Москвы; после долгого и трудного пути прибыли в Полтаву, бывшую центром генерал-губернаторства.

Репнин не закрывал глаз на трудности управления Малороссией с ее веками сложившимися традициями и разнообразным составом населения, права и обязанности которого определялись в то время не общегосударственными узаконениями, а особыми архаическими уставами вроде "литовского статута" и "магдебургского права". Еще до приезда на место службы князь имел сведения о беспорядках в крае и принимал меры к их пресечению. От ближайшего знакомства с положением дел в Малороссии он вынес еще менее утешительное впечатление.

Недоброжелатели Репнина выставляли меры необходимой строгости "жестокостью и самовластием"; люди же, расположенные к нему, отзывались иначе. Сам князь показывал себя, по выражению его подчиненного Сердюкова, вельможей не из тех, кои лишь красуются в лентах и наградах, но был примером трудолюбия и аккуратности.

Репнин был очень популярен в Малороссии. Простолюдины любили своего "Реприя" за его прямое и сердечное отношение к ним. Он всегда придавал особое значение непосредственному обращению начальника к простому народу помимо всяких канцелярских формальностей. "Нужно говорить народу языком, который ему понятен, и бумага, подписанная генерал-губернатором, произведет более впечатления на мужиков, чем указ, подписанный советником Болдыревым, секретарем Быдриным или повытчиком Докукиным".

Николай Григорьевич желал установления нормальных, основанных на справедливости, отношений между помещиками и их крепостными. Он надеялся на "восстановление со временем прав малороссийских крестьян, статутом и манифестами утвержденных", а пока считал своим правом ходатайствовать перед престолом за "сие сословие, столь полезное и столь обремененное".

Заботясь об улучшении участи помещичьих крестьян, Репнин усердно отстаивал интересы "прежних храбрых поборников Малороссии, а ныне безгласных казаков". По поводу проекта министра финансов графа Гурьева о запрещении казакам продавать принадлежащие им земли Репнин представил в 1821 г. в Сенат обширную докладную записку, в которой доказывал "безграничность прав собственности малороссийских казаков".

Независимо от забот о благосостоянии Малороссии князь Репнин самым образом своей жизни приобрел себе популярность среди всех классов населения этого края. Он был гостеприимен и щедр; его балы и обеды отличались великолепием; он не уклонялся также от посещения праздников, которые устраивали малороссийские магнаты. Его канцелярия имела всегда стол у него; все обращались к нему за пособиями, часто злоупотребляя его добротой.

Солдатский постой в Саксонии

Проезжие через Полтаву художники и ремесленники сбывали князю свои произведения, рисунки и проекты, совершенно ему ненужные. Князь считал своим долгом заплатить деньги, и затем все, по выражению Сердюкова, "сваливалось в кучу без рассмотрения". Благотворительность Николая Григорьевича не ограничивалась этими излишними подачками, но часто преследовала высокогуманные цели. Так, он устроил спектакль для сбора денег на выкуп из крепостной зависимости известного артиста М. С. Щепкина и, когда выручка не достигла нужных 10 тыс. руб., пожертвовал из своих средств 4500 руб. Княгиня Варвара Алексеевна, бывшая еще в Петербурге председателем патриотического общества, соперничала с мужем в деле благотворительности.

Репнин питал особенные симпатии к Малороссии, к ее культуре, истории и литературе. Бантыш-Каменский был близким к нему человеком и правителем его канцелярии, и Репнин содействовал собиранию материалов для его "Истории Малороссии". Котляревский пользовался его покровительством, и благодаря ему "Наталка-Полтавка" появилась на сцене.

Восшествие на престол императора Николая I совпало с весьма тяжелым испытанием для князя Репнина. Младший его брат князь С. Г. Волконский был сослан после 14 декабря в Сибирь на каторгу как видный член тайных обществ. Николай Григорьевич принимал теплое участие в положении брата, снабжал его деньгами и всем необходимым. Сохранились письма его к иркутским губернаторам о пересылке к С. Г. Волконскому денег, вина, табаку и других вещей.

Участие С. Г. Волконского в заговоре 14 декабря не повлияло прямо на служебное положение его брата: в день коронации 22 августа 1826 г. князь Репнин был награжден орденом св. Александра Невского, а спустя два года произведен в генералы от кавалерии. Несомненно, однако, что преступление брата не могло не возбудить в императоре Николае некоторого скрытого предубеждения против князя Репнина. Впечатление это должно было усилиться вследствие того, что в числе основателей "Союза благоденствия" оказался Новиков, правитель канцелярии князя Репнина, в 1825 г. уже умерший.

Нет ничего удивительного в том, что неблагоприятным для Репнина настроением Николая I пользовались недоброжелатели князя, которых у него было немало. Репнин, гордившийся тем, что не умеет "льстить, яко царедворец", естественно не пользовался расположением этих самых царедворцев. Влиятельная немецкая партия, среди которой одно из первых мест занимал Е. Ф. Канкрин, ненавидела князя, открыто и справедливо заявлявшего, что "истинно русские должны окружать престол". Привычка Репнина возражать "мужам, призванным быть у кормила государственного управления", не могла приобрести ему доброжелателей. Сама популярность его среди малороссов, родство с Разумовскими и Гудовичем заставляли осторожных сановников, вроде князя В. П. Кочубея, подозревать его в украинофильстве и сепаратизме. Малороссийские "паны", недовольные отношением Репнина к крестьянскому вопросу, выставляли его революционером и вторым Мазепой.

Независимо от петербургских сплетен и интриг это время было тяжелым для Репнина по причине появления холеры, польского мятежа и постигшего Малороссию неурожая. 1830 г. ознаменовался также обострением крестьянского вопроса. В течение короткого времени в Малороссии было обнаружено три убийства помещиков крестьянами.

В том же году князь Репнин имел столкновение с министром финансов Канкриним по еврейскому вопросу. Основываясь на своем десятилетнем опыте и с цифрами в руках, Репнин вооружался против мнения о пользе, приносимой евреями малороссийской деревне, и утверждал, что "евреи были там всеобщими агентами преступлений, сбывали вино и сельские произведения для разврату, также делали ссуды крестьянам не к добру помещиков и поселян, но к разорению их".

"Монополия, - писал он, - есть цель всех жидовских действий, от Ротишльдов до шинкарей, ибо в руках сего пронырливого и расчетливого народа она потом соделывает их властелинами торговли, промышленности, произведений земли и, наконец, правительств". В заключение он касался отношений между помещиками и крестьянами и выражал сожаление, что *"в Малороссии существуют еще такие помещики, которые, быв равнодушны к пользам крестьян, им принадлежащих, желают для собственной своей временной корысти иметь в деревнях жидов и производить чрез них обороты, забывавая или не зная даже той простой истины политической экономии, что, чем более посредников между производителем и потребителем, тем первый дешевле продает, а последний дороже покупает для выгод посредников. Иноземному можно только подобное помыслить и написать, русскому же тяжело даже и читать сие"*.

Польский мятеж потребовал от Малороссии значительных жертв и поставил на очередь некоторые вопросы, касавшиеся управления этим краем и определения прав и обязанностей его жителей. 15 апреля 1831 г. Репнин получил от государя повеление представить соображения относительно организации ополчения из казаков, подобного тому, какое было сформировано в 1812 г. Н. Г. Репнин, отправив 20 апреля требуемый проект в Петербург, писал, что "ни дворянство, ни казаки не помышляют о каком-либо вознаграждении, ибо верность и усердие их неограниченны". 6 мая было объявлено о сформировании восьми полков ополчения по тысяче человек каждый.

Организуя ополчение, он в то же время старался поднять дух населения и побудить его к патриотической борьбе с "вероломными и неблагодарными изменниками, отродьем тех самых ляхов, которые некогда хотели уничтожить святую веру храбрых предков малороссиян и отнять у них собственность, но праотцами их были побеждены". Энтузиазм населения превзошел все ожидания. Три четверти ополченцев составились из охотников. Менее чем в шесть недель полки были окончательно сформированы и двинуты в Белоруссию.

Село в Малороссии

В октябре 1831 г. Н. Г. Репнин отправил в Петербург свой проект об обращении малороссийских казаков в особое военное сословие. "На страже у Днепра, - писал он государю, - стоял бы против легковерия польского народ воинственный, и благоденствие полмиллиона подданных упрочится на долгие времена". Репнин составил "особые правила, относящиеся к улучшению устройства волостных и сельских правлений и вообще всех частей внутреннего управления".

Между тем Малороссию в 1833-1834 гг. постиг опять страшный неурожай. Князю Репнину предстояла трудная задача заготовить продовольствие и распределить его между населением.

Труды его во время неурожая были оценены высочайшим рескриптом 30 ноября 1834 г. Рескрипт этот был последней милостью, полученной от императора Николая князем Репниным. Через неделю, 6 декабря, он был уволен от должности малороссийского военного губернатора и назначен членом Государственного совета и "присутствовать по департаменту гражданских и духовных дел".

Но деятельность Репнина в Петербурге скоро прервалась самым неожиданным и оскорбительным для него образом. Враги князя по удалении его от должности военного губернатора получили полную возможность вредить ему, раскапывая дела по управлению им Малороссией и отыскивая в них упущения. В этом отношении особенно выгодным для них оказалось дело о постройке здания для полтавского института. Враги Репнина воспользовались этим делом, чтобы бездоказательно обвинить его в хищении казенных денег. 28 июня 1836 г. состоялся указ Государственному совету об увольнении Репнина "во все от службы".

"Князь, - пишет Листовский, - должен был явиться в Красное Село на маневры. Он встретил государя со свитой на плотине возле какой-то дереvушки. Государь так грозно посмотрел на него, что, как говорил князь графу Орлову, он, один из героев 1812 г., считал себя совершенно уничтоженным и никогда в жизни не испытывал такого трепета и страха, какой он испытал под влиянием этого взгляда. Затем Бенкендорф, подъехав к

В октябре 1831 г. Н. Г. Репнин отправил в Петербург свой проект об обращении малороссийских казаков в особое военное сословие. "На страже у Днепра, - писал он государю, - стоял бы против легковерия польского народ воинственный, и благоденствие полмиллиона подданных упрочится на долгие времена". Репнин составил "особые правила, относящиеся к улучшению устройства волостных и сельских правлений и вообще всех частей внутреннего управления".

Между тем Малороссию в 1833-1834 гг. постиг опять страшный неурожай. Князю Репнину предстояла трудная задача заготовить продовольствие и распределить его между населением.

нему, объявил высочайшую волю: "Отправиться в Петербург на свою квартиру и ожидать дальнейшего повеления".

После увольнения от службы Николай Григорьевич с семейством уехал за границу и жил большею частью в Дрездене, Риме и Флоренции. Незаслуженная опала, расстройство денежных дел и назначение опеки над имуществом тяжело отозвались на старом князе. Состояние его духа в это время было безотрадное. Князя тянуло в любимую им Малороссию. В 1840 г. Репнину удалось наконец поселиться в Яготине Полтавской губернии, бывшем раньше только его летней резиденцией. Здесь был обширный барский дом с картинной галереей и редкою библиотекой и роскошный парк с искусственным озером в 5 верст длиною. В Яготине Н. Г. Репнин провел последние годы своей жизни. Он умер 7 января 1845 г. и погребен в церкви Троицкого монастыря близ г. Прилук. Любовь малороссов к своему бывшему генерал-губернатору обнаружилась со всею силою при его погребении: на всем пути от Яготина до монастыря, несмотря на страшную стужу, гроб встречали и провожали сменяющиеся депутации.

Князь Н. Г. Репнин, если и не был человеком выдающихся административных талантов и государственного ума, несомненно был добр, храбр и деятелен, бескорыстно предан делу и долгу и никому не делал зла. Любимым присловьем Репнина было: "Доброе дело никогда плечи не жмет и спать крепко не мешает". И он - вельможа в обхождении и жизни - действительно заботился о простом народе, умел прежде многих других сознать его нужды и интересы и его тяжелое положение, быть его защитником, доступным и близким к нему.

Князь Александр Иванович Чернышев (1785-1857)

Сын сенатора генерал-поручика Ивана Львовича и жены его Евдокии Дмитриевны, урожденной Ланской (сестры екатерининского фаворита). Еще в детстве он был записан в военную службу вахмистром в Конную гвардию. Воспитателем его был известный в свое время аббат Перрен. Будучи пятнадцатилетним мальчиком, Чернышев имел случай обратиться на себя внимание императора Александра I, благосклонность которого к нему с тех пор не прекращалась.

В 1801 г., во время пребывания в Москве, Чернышев, как сын сенатора, попал на один из балов, данных в честь Александра Павловича. Веселая и приятная физиономия мальчика, отличавшегося особенной ловкостью в обращении и танцах, понравилась Александру Павловичу, и он вступил с ним в разговор. Чернышев отвечал государю умно, смело и забавно и еще более понравился ему. Государь пожаловал его в камер-пажи.

Через год, 20 сентября 1802 г., Чернышев был произведен в корнеты Кавалергардского полка, а 20 июня 1804 г. назначен адъютантом к шефу полка Уварову; 29 сентября произведен в поручики. В 1805 г. он принял участие в войне с Наполеоном и за Аустерлиц был награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом. Посланный Уваровым с донесением к государю, он остался при нем и исполнял разные его поручения. 1 ноября 1806 г. Александр был произведен в штабс-ротмистры. Во время войны 1807 г. он, оставаясь все в той же должности адъютанта, принимал участие в делах и сражениях при Ланау, Шарнике, Акендорфе, Вольфсдорфе, Гейльсберге и Фридланде. Золотая шпага с надписью "За храбрость" и Георгий 4-й ст. были наградой за эту кампанию.

В 1808 г. Александр Чернышев был послан курьером в Париж. Наполеон, увидев на нем ордена Георгия и Владимира, сказал: "А, вы один из недавних моих врагов. Где вы заслужили эти кресты?" Александр ответил, что при Аустерлице и Фридланде. Наполеон начал разговор об этих сражениях и стал критиковать действия русских генералов. Александр оспаривал его мнение, отстаивая честь русской армии, и вынудил Наполеона согла-

ситься с ним. Эта смелость очень понравилась Наполеону, и он с тех пор стал постоянно выказывать свое расположение к Чернышеву.

Когда началась война Австрии с Францией, Александр был послан к Наполеону с письмом государя, в котором он обещал свою помощь; Чернышев должен был остаться в

Князь Александр Иванович Чернышев

полном распоряжении французского императора и, состоя при его особе, был свидетелем взятия Вены и сражений при Асперне и Ваграме. При Асперне австрийцы одержали верх над французами.

Не желая, чтобы до Александра I прежде дошли сведения о сражении при Асперне из австрийских источников, Наполеон просил Чернышева описать государю все, как было в действительности. Александр написал донесение, вполне согласное с истиной, но закончил его такими словами: *"Словом, французская армия была так разбита, что она теперь не существовала бы, если бы австрийскою командовал Наполеон"*. По всей вероятности, Наполеон прочел это донесение, и лесть ему понравилась, так как после этого он больше обыкновенного был ласков с Чернышевым.

Наполеон первый сообщил ему о пожаловании его во флигель-адъютанты. В 1810 г. он произведен в ротмистры. В марте он в очередной раз повез письмо государя к Наполеону в Париж и с этих пор вплоть до весны 1812 г. прожил в столице Франции, приезжая в

Петербург только на короткое время с письмами Наполеона.

Но роль Чернышева не ограничивалась только тем, что он был посредником в переписке монархов, она была гораздо значительнее. Русским послом в Париже в это время был князь А. Б. Куракин, человек старый и не имевший никакого значения. Настоящим представителем Александра I сделался Чернышев и, несмотря на свою молодость (ему в то время было только 25 лет), обнаружил недюжинные дипломатические способности. Все, что Наполеон желал довести до сведения Александра I, шло через Чернышева. В то же время молодой дипломат зорко следил за каждым шагом Наполеона и обо всем сообщал государю. Отношения между обоими монархами не имели уже тогда своего прежнего дружеского характера. В лице молодого дипломата Наполеон приобрел опасного врага: Чернышев постоянно старался усилить подозрительность Александра I и советовал ему не только быть готовым к отражению нападения со стороны Франции, но и самому действовать наступательно.

Несмотря на ухудшение отношений между Россией и Францией, Чернышев был желанным гостем на всех балах и празднествах. Красивый и ловкий, прекрасный танцор, он пользовался громадным успехом у дам. Утверждали даже, что сестра Наполеона, принцесса Полина Боргезе, была более чем неравнодушна к нему. Александр умел соединять приятное с полезным и часто приобретал в дамских будуарах очень ценные для себя сведения. Это не было, впрочем, единственным источником, откуда он черпал сведения. Когда ему удавалось проникать в кабинеты представителей иностранных держав, он бросал беглый взгляд на бумаги, лежавшие на письменном столе, и кое-что подсматривал. У него были сношения даже с канцелярией военного министерства. Наполеон не видел беды в том, что Чернышев узнает о его боевых силах, и не мешал ему действовать в прежнем духе. Пока он не думал еще серьезно о войне с Россией, ему выгодно было, чтобы Россия знала о его огромных военных силах и чувствовала перед ними страх.

Памятная медаль на воцарение императора Александра I

Но когда Наполеон приступил к приготовлениям к походу против России, тогда присутствие Чернышева в Париже было признано неуместным. Его подвергли наблюдению, окружили сыщиками. Наблюдения были успешны: у дипломата нашли доклад государю с приложенными к нему копиями с документов, в том числе таблицу с указанием организации всей армии. Наполеон был в негодовании, но не хотел давать огласки делу до отъезда Чернышева, чтобы не осложнить преждевременно отношений с Россией.

В начале Отечественной войны Александр Чернышев состоял комендантом главной квартиры и заведовал конвоем государя. 31 августа он был отправлен из Петербурга в главную квартиру Кутузова, чтобы передать ему план военных действий.

В начале октября Чернышев был командирован с конным отрядом в герцогство Варшавское для действий в тылу армии князя Шварценберга. Появление Чернышева вызвало такой страх, что жители уходили толпами. Получив от Чичагова повеление возвратиться, он привел с собою 200 пленных и доставил собранную им денежную контрибуцию, которая была роздана нижним чинам, участвовавшим в экспедиции.

26 октября Чернышеву было дано новое поручение - с казачьим полком разведать о направлении неприятеля и затруднить его движение. Австрийцы были остановлены, и Чичагов выиграл время для движения к Березине. 28 октября Чернышев получил приказание идти к Лепелю для открытия сообщений с армией графа Витгенштейна. Выступив в тот же день из Зельвы, он переплыл Неман и пошел по местности, занятой неприятельскими

отрядами. По пути он захватил трех французских курьеров, в окрестностях Минска освободил из плена генерал-адъютанта барона Винценгероде и других и с ними явился к Витгенштейну, пройдя в 4,5 суток более 350 верст. "За успешные действия по возлагаемым на него поручениям и благоразумное исполнение отважной экспедиции" А. И. Чернышев 22 ноября был произведен в генерал-майоры и пожалован генерал-адъютантом.

Начало 1813 г. прошло в том, что Чернышев со своим партизанским отрядом тре-

вожил неприятеля на левом берегу Одера. За дела в Берлине он получил Георгия 3-й ст. После выступления французских войск из Берлина Чернышев 20 февраля занял столицу Пруссии. В память освобождения Берлина и последовавших затем победных сражений была выбита медаль. Чернышев с этих пор стал пользоваться в Германии большой популярностью.

Далее следовала экспедиция в Вестфальское королевство и занятие с боями его столицы – Касселя. В конце 1813 г. отряд Чернышева составил авангард корпуса Винценгероде. Чернышев предложил взять приступом Суассон, обнесенный древними каменными стенами. Первые два приступа были неудачны. Воспользовавшись затем смятением в рядах неприятеля, вызванным смертельной раной коменданта, Чернышев взорвал городские ворота и вступил в город. 3 генерала, 180 офицеров и более 3000 солдат попали в плен, наш же урон не превосходил 500 человек. За отличие при

*Знак ордена св. Станислава
с императорской короной*

взятии Суассона и другие успешные дела Александр Чернышев был произведен в генерал-лейтенанты.

Занятие союзниками Парижа прекратило войну.

Во время пребывания государя в Париже Чернышев находился при нем. И прежде расположенный к молодому генерал-адъютанту, государь теперь в особенности стал к нему милостив. В июле 1814 г. Чернышев сопровождал императора в Англию, а затем в Вену на конгресс. На все празднества и вечера у венских сановников государь являлся в сопровождении любимого генерал-адъютанта. Чернышев считался одним из первых кавалеров Вены и по обыкновению был любимцем дам, съехавшихся со всех сторон. Но постоянные удовольствия не мешали ему следить за политическими делами и быть недвольным действиями русских дипломатов. Чернышева озабочивали также намерение Александра Павловича даровать конституцию Польше и его продолжительное отсутствие из России.

10 марта 1819 г. Чернышев был назначен членом комитета об устройстве Войска Донского. На Дону развилось аристократическое самовластие, общественные войсковые земли произвольно раздавались в частную собственность сильным людям, финансовая часть велась беспорядочно, взяточничество процветало в сильной степени. Комитет должен был "собрать воедино все узаконения относительно Войска Донского, в различные времена по различным случаям изданные... сообразить их с настоящим порядком вещей и представить новое войсковое положение... и поспешествовать лучшему устройству, порядку и благоденствию донских казаков".

Наполеон Бонапарт

Так как Александр Павлович хотел ознакомиться с донскими делами, то ко времени его приезда в Новочеркасск Чернышев был вызван туда. Из Новочеркасска ему было разрешено приехать в Таганрог для обсуждения тех же дел и вследствие этого пришлось присутствовать при смерти императора Александра...

Из Таганрога Чернышева командировали во 2-ю армию для арестования Пестеля и опечатания его бумаг. После ареста Пестеля и по приведении армии к присяге новому императору Чернышев вернулся в Петербург и 4 января 1826 г. был назначен членом следственной комиссии о декабристах.

22 августа, в день коронавания, он, "в воздаяние отличных заслуг, оказанных престолу и Отечеству, неутомимого усердия в исполнении высочайше возлагаемых на него важных поручений и в изъявление монаршего благоволения к неусыпным трудам, понесенным им при открытии злоумышленников и произведению о них исследования", возведен был с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство. 3 февраля 1827 г. он был назначен товарищем (заместителем) начальника Главного штаба Е. И. В-ва и управляющим военным министерством. 2 октября того же года Чернышев был

произведен в генералы от кавалерии, а 11 апреля 1828 г. назначен членом Государственного совета.

В 1832 г. было совершено преобразование военно-сухопутного управления, и 1 мая Чернышев был назначен военным министром и непременным председателем военного совета. Власть военного министра была значительно расширена: в его руках сосредоточилось главное начальство над всеми отраслями военного управления, и он стал единственным докладчиком государю по всем делам военного ведомства.

Спустя 10 лет, 16 апреля 1841 г., граф Александр Иванович Чернышев был возведен с нисходящим потомством в княжеское Российской империи достоинство.

2 апреля 1842 г. на него было возложено особое поручение на Кавказ и Закавказье. Незадолго до этого было произведено преобразование в деде управления Кавказом, но многие реформы оказались несоответствующими местным нуждам и нравам жителей, даже невозможными в исполнении и возбуждали ропот. Вновь назначенные чиновники оказались или неспособными, или безнравственными; главнокомандующий на Кавказе Головин часто бывал простым орудием в руках одной партии. Постоянные жалобы и доносы обратили на себя внимание Николая Павловича. Беспokoили его и военные неудачи. Он сам было хотел туда ехать, но помешали этому празднование серебряной свадьбы и приезд короля прусского. Государь решил послать вместо себя Чернышева с поручением обследовать военную часть и все управление. В помощь ему был дан статс-секретарь Позен для ревизии гражданского устройства.

Результатом поездки Чернышева было прежде всего увольнение главных начальников - Головина и Граббе. На Кавказской линии военный министр предложил новую систему действий: заняв все выходы из гор укреплениями, оставаться в оборонительном положении. По мнению одного из кавказских деятелей, генерала Филипсона, это значило передать всю инициативу действий в руки Шамиля; он полагал, что такая система едва ли могла прийти в голову кому-нибудь из знающих Кавказ и горцев. Вообще он не одобрял выбора императора Николая I, потому что Чернышев совершенно не знал Кавказа и отличался самонадеянностью.

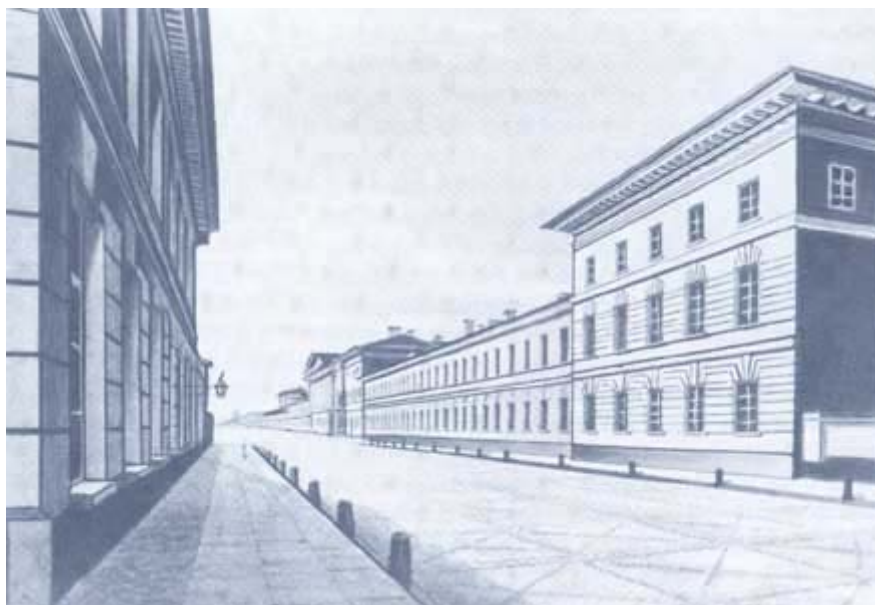
К осени 1848 г. здоровье князя Александра Ивановича сильно пошатнулось вследствие бывшего с ним удара, но это не помешало ему быть вскоре призванным к еще более сложной деятельности. После смерти графа Левашова он был назначен 1 ноября 1849 г. председателем Государственного совета, а 6 ноября и комитета министров, с сохранением прежних званий и должностей.

Весной 1849 г. доверие государя к Чернышеву выразилось в особом поручении, возложенном на него. Уезжая в действующую армию по случаю войны с венграми, Николай Павлович издал следующий секретный указ на имя князя Чернышева: "Отъезжая в армию и за отбытием любезнейшего сына моего, его императорского высочества государя наследника, поручаю вам в случаях чрезвычайных, которые могли бы потрясти общественное спокойствие, принять главное начальствование над столицей и над войсками, в С.-Петербурге и окрестностях расположенными, с властью, присвоенной званию главнокомандующего в военное время. По всегдашнему к вам доверию моему предоставляю сие повеление мое предъявить, когда востребует надобность".

За заслуги, оказанные во время Венгерской кампании, Чернышеву повелено было 22 августа 1849 г. присвоить к носимому им княжескому достоинству титул светлейшего.

В течение длительного управления Чернышева военным министерством в военном ведомстве были произведены многочисленные преобразования. Изданы были уставы: госпитальный, рекрутский, военно-уголовный и управления армией в мирное и военное время; положения: о казачьих войсках, об экономическом капитале военного министерства и об отчетности этого же министерства. Из учебных заведений были учреждены Военная академия, восемь кадетских корпусов и аудиторское училище. В 1841 г. окончено было военно-статистическое описание империи по губерниям и областям. В течение этого времени воздвигнуто было много крепостей и укреплений: в Александрополе, Варшаве

(Александровская цитадель), Новогеоргиевске, Ивангороде, Брест-Литовске, Вильне (ци-тадель), Шуше и Ленкорани; преобразованы военные поселения.

Казармы Кавалергардского полка

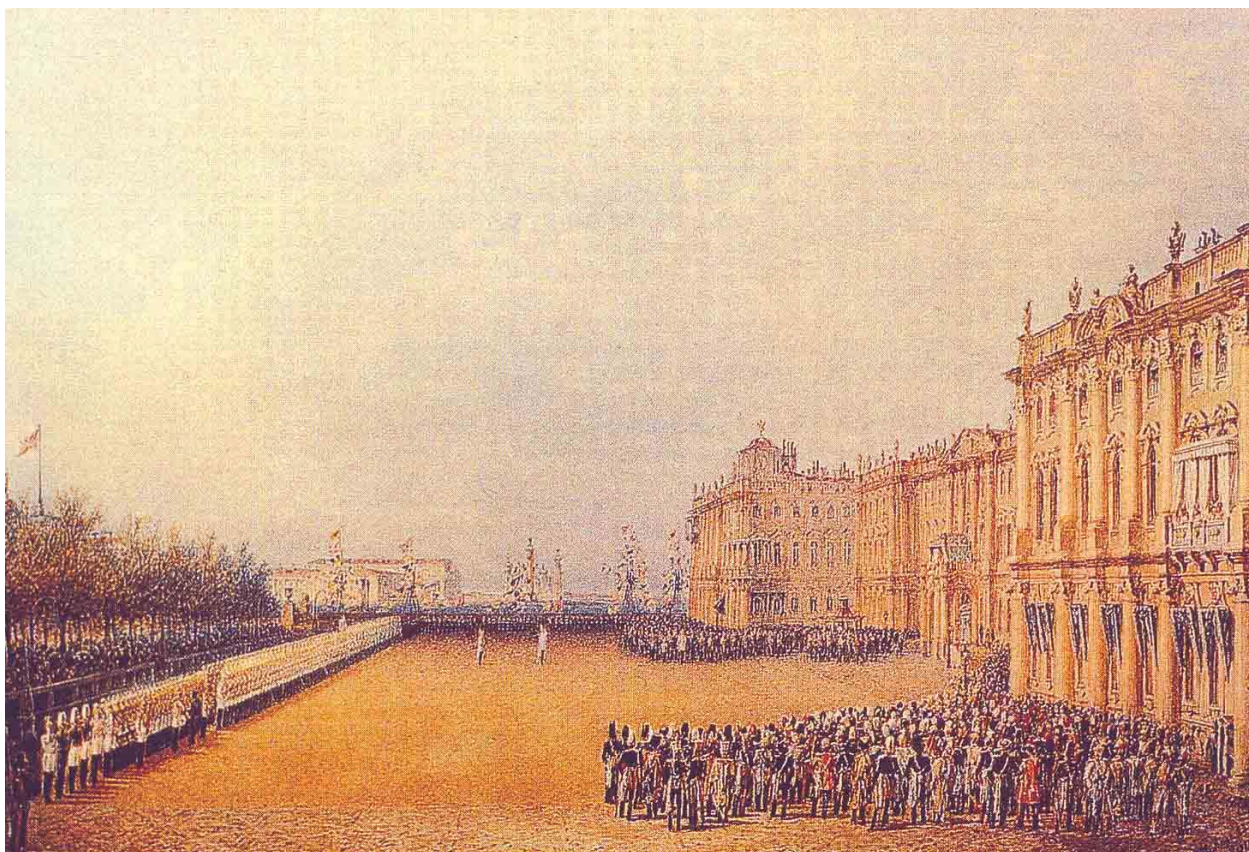
Произведено было общее преобразование армейской пехоты и кавалерии и всей артиллерии. Резервные батальоны были отделены от действующих и образовали шесть резервных дивизий. Расформированы были конно-егерские полки и несколько гусарских и уланских полков. Кирасирские, уланские и гусарские полки приведены в состав восьми действующих и одного резервного эскадрона, драгунские же - десяти действующих и одного резервного. Артиллерийские роты переименовывались в батареи. Почти все артиллерийские бригады приведены в состав четырех действующих батарей и одной резервной. Пехотные корпуса получили состав в три пехотные дивизии с одной легкой кавалерийской дивизией (уланской или гусарской) и одной артиллерийской дивизией.

Самым важным преобразованием было установление бессрочных отпусков и образование запасных войск из бессрочноотпускных. Срок службы с 25 лет был сокращен до 20 лет для музыкантов, евреев и солдатских детей и до 15 лет для остальных. Образование запасных войск давало возможность значительно развивать в военное время вооруженные силы и содержать в мирное время меньшее их число.

Положение офицеров было улучшено; им было увеличено жалованье и столовые деньги, а на время корпусных сборов назначено порционное довольствие. С 1832 г. разрешено всем офицерам носить усы. С этого же года принят ряд мер по упрощению снаряжения и одежды солдата. Так, прежде всего были уничтожены совершенно излишние для пехотных солдат султаны на киверах и некоторые другие предметы, что составило для казны несколько миллионов экономии. В 1834 г. велено носить ранцы на ремнях, пере-крещивающихся на груди. В 1844 г. кивера заменены касками (они были так же тяжелы, как и кивера, но, будучи правильно пригнаны, не так жали голову, как первые).

С 1842 г. начали вводить нарезное оружие, так называемые стрелковые или ударные штуцера. Прежде пехотные солдаты попадали на расстоянии 300 шагов, теперь же меткая стрельба стала возможна на расстоянии до 600-700 шагов. Штуцера получили все стрелковые батальоны, а в пехотных полках ими были вооружены только по 2 унтер-офицера и по 24 рядовых в каждом батальоне. Кавалерия получила в небольшом количестве кремневые штуцера. Со второй половины 40-х годов началась переделка кремневых замков у ружей и кавалерийских штуцеров в ударные. Что же касается артиллерийских

орудий, то были изменены их калибр и конструкция, а на Кавказе была введена в 1842 г. горная артиллерия.

Развод кавалергардов перед Зимним дворцом

В августе 1854 г. князь А. И. Чернышев получил знак отличия беспорочной службы за 50 лет. Вскоре ему пришлось присутствовать при кончине императора Николая Павловича, который назначил его одним из своих душеприказчиков.

Состояние здоровья у самого князя в это время было очень плохое. Сенатор К. Н. Лебедев записал в своем дневнике за февраль 1855 г.: *"Граф Панин вел едва движущегося князя Чернышева, медленно подвигавшего одну ногу за другою и готового упасть на каждом шагу"*. Такое состояние здоровья заставило его проситься в заграничный отпуск для лечения, который и был ему разрешен 4 мая 1855 г. Спустя полгода светлейший князь по совершенно расстроенному здоровью был уволен от должностей.

Александр Иванович Чернышев умер 8 июня 1857 г. в Каstellамаре, близ Неаполя. Отчасти ускорило его кончину огорчение, что на коронацию императора Александра II его не сделали фельдмаршалом одновременно с князем М. С. Воронцовым.

Граф Василий Васильевич Левашов (1783-1848)

Сын действительного тайного советника и обер-егермейстера Василия Ивановича Левашова. Тайный советник не был женат, но имел внебрачных детей, "воспитанников". Желая дать им права дворянства и передать фамилию, он в сентябре 1797 г. подал императору Павлу I об этом прошение. В следующем году детям его пожаловано было дворянское достоинство с фамилией Левашовых.

В 1799 г. 16-летний Василий Левашов поступил на службу губернским регистратором в канцелярию с.-петербургского военного губернатора графа Палена и здесь 10 октября следующего года произведен в коллежские асессоры. На службе в канцелярии Левашов оставался недолго, но и это позднее подавало повод говорить о нем, что он начал свою служебную деятельность в "полицейских драгунах". 13 марта 1801 г. он был переименован в майоры с назначением в Лейб-Кирасирский полк, из которого 13 декабря 1802

Граф Василий Васильевич Левашов

о важном, и при лице самого государя императора, гг. офицеры сошли с лошадей, и он не умел их опять посадить, и ежели впредь не будет уметь довести своих подчиненных до надлежащего послушания, то отказано будет от командования эскадроном".

При Бородине, когда при начале атаки кавалергардов барон Левенвольде был убит, Левашов, уже в чине полковника, принял командование полком и довершил вместе с Конной гвардией ту атаку, которая решила участь боя; в этом бою он заслужил орден св. Георгия 4-й ст. Левенштерн с большой похвалой отзываясь о действиях Левашова под Бородином. *"Полковник Левашов, - пишет он, - принял командование Кавалергардским полком. Я видел его в самый критический момент, когда, сопровождаемый несколькими трубачами, он старался собрать свой полк, который был совершенно рассеян; ему это удалось благодаря выказанному им хладнокровию и уменью"*.

26 декабря он был произведен в генерал-майоры и вскоре затем назначен командующим 6-й кирасирской бригадой, а 10 сентября 1813 г. назначен шефом Новгородского кирасирского полка и бригадным командиром.

По возвращении в Россию войск в апреле 1815 г. Левашов был назначен командиром Лейб-Гусарского полка. Гусары стояли в Павловске, любимом местопребывании вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и государыня очень была расположена к Левашову. В письмах к великому князю Николаю Павловичу она не раз о нем упоминает, иногда при этом называет его особым шутливым именем "усеньки кой черненьки", ввиду, конечно, того, что усы тогда носить могли одни только гусары. Свое благоволение государыня выразила Левашову и официально. 26 апреля в приказе по гв. корпусу было объявлено: *"Государыне императрице Марии Федоровне угодно было объявить, что, быв в г. Павловске, узнала от всех вообще жителей, что нижние чины Гусарского полка примерным поведением своим и ласковым обращением с жителями г. Павловска заслуживают общее уважение... отдается притом полная справедливость старанию и попечению г. генерал-майора Левашова в доведении полка до такой исправности, в чем государыня Мария Федоровна объявить изволила высочайшее свое благоволение"*.

г. был переведен штабс-ротмистром в Кавалергардский. Василий участвовал во всех походах и войнах против Наполеона, кончая Отечественной войной и взятием Парижа. В 1805 г. он отличился при Аустерлице и получил орден св. Анны 3-й ст., а в кампанию 1806- 1807 гг. произведен в ротмистры.

Во время тильзитского свидания императоров Левашов командовал тем полуэскадроном кавалергардов, который составлял конвой императора Александра I. 13 июня 1807 г. от цесаревича было прислано к полковому командиру Де-Прерадовичу приказание, *"чтобы завтрашнего числа поутру, в 11 часов, был у квартиры государя императора полуэскадрон Кавалергардского полка во всевозможной чистоте; оный полуэскадрон будет употреблен для конвоя"*. Это почетное назначение не обошлось для него без неприятности; в приказе по полку 14 июня было объявлено: *"Г. ротмистру Левашову делается выговор за то, что сего числа, во время парада и когда дело шло довольно*

Однако в отношении к сослуживцам и подчиненным Левашов не скрывал неприятных свойств своего характера. По словам А. В. Кочубея, служившего под его начальством

**Императрица Мария Федоровна
в кавалергардском мундире**

в лейб-гусарах, офицеры особенно не любили его за чванство и фанфаронство. *"Надо правду сказать, - пишет Кочубей, - что Левашов, кроме того, что был весьма неприятный начальник, был пренесносный человек; он сохранял старые замашки фанфаронства, которым отличался при Александре I весь Кавалергардский полк. Сам он весьма плохо знал службу, а занимался мелкими эскадронными учениями; надо сказать правду, он был ловкий кавалерист. Человек он был вообще не глупый, но пустой и имел слабость считать себя большим стратегиком"*. Офицеры не любили его и за пороки. Он был "своекорыстен и вытягивал из полка всевозможные доходы, в особенности от обмундировки и фуража. Левашов был жесток с нижними чинами: многих солдат и унтер-офицеров вогнал в чухотку, беспощадно наказывая их фухтелями".

В 1817 г. Левашов был пожалован в генерал-адъютанты, а 17 июля 1818 г. назначен командиром 2-й бригады легкой гв. кавалерийской дивизии с оставлением командиром Лейб-Гусарского полка и вслед за тем командирован в Варшаву.

В 1820 г. В. В. Левашов был назначен председателем суда над семеновцами после их возмущения. *"Странно показаться может, - говорит неизвестный автор заметки об этом возмущении, - что в президенты суда выбран человек, который никогда не отличался глубокими сведениями и еще менее справедливостью"*. Будто бы, "полагаясь на деспотический и сумасбродный нрав суда, думали, что никто скорее Левашова не обвинит младших в деле со старшими... Второе, хотелось угодить государю, выбрав человека, им любимого, и потешить сей доверенностью самого Левашова". Однако в деле суда над семеновцами Левашов их оправдывал, и результатом было то, что он "впал в немилость".

22 мая 1822 г. он был уволен от командования полком, получил рескрипт с изъявлением монаршей благодарности и вслед за тем был уволен и от командования бригадой. Что была за причина этого увольнения и в чем заключались служебные занятия Левашова в течение почти двух следующих лет, нам неизвестно, но уже в мае 1824 г. он был снова назначен командиром и 2-й бригады легкой гв. кавалерийской дивизии, и Лейб-Гусарского полка, а в следующем году получил орден св. Владимира 2-й ст.

14 декабря 1825 г. В. В. Левашов находился на площади при особе государя Николая Павловича и "удостоился получить монаршую признательность за примерный порядок, усердие и точность в исполнении высочайших повелений", а 1 января 1826 г. произведен в генерал-лейтенанты.

Левашов пользовался полным доверием государя, ему поручено было производить первые допросы арестованных декабристов, которые в большинстве случаев делал сам Николай Павлович или в его присутствии - Левашов; затем он был назначен членом следственной комиссии над декабристами. В этом качестве он допрашивал декабристов и один в Петропавловской крепости. Насколько можно судить по имеющимся данным, и во время допросов, и в заседаниях комитета Левашов держал себя с достоинством. Нет данных, по которым можно было бы его обвинять, как некоторых других из комиссии, в насмешках, колкостях, язвительных улыбках, беспорядочных вопросах. Он только настойчиво убеждал декабристов раскаться и все чистосердечно рассказать. Некоторые из них и обращались к нему с таковыми письмами раскаяния.

В 1826 г. Левашов оставил командование Лейб-Гусарским полком по случаю назначения начальником 1-й кирасирской дивизии, а ровно через год - главным начальником гв. Берейторской школы. В 1829 г. 26 апреля получил орден св. Александра Невского.

Скоро Левашову пришлось оставить военное поприще и перейти на административную деятельность. 8 февраля 1831 г. он был назначен временным военным губернатором Подольской и Волынской губерний с управлением гражданской частью. Эти губернии со своим разноплеменным, пестрым населением после польского мятежа требовали особенно внимательных забот и приведения их в порядок. Деятельность В. В. Левашова вполне оправдала возлагавшиеся на него ожидания, и уже 22 августа он был награжден орденом св. Владимира 1-й ст. "за отличное рвение, неутомимую деятельность и благоразумные распоряжения" по управлению этими губерниями.

Менее чем через год Левашов был назначен военным губернатором киевским и генерал-губернатором подольским и волыньским, а через несколько дней ему предоставлено и управление гражданской частью в Киевской губернии. В то время в Киеве первое место принадлежало не военному губернатору, а командующему 1-й армией старому фельдмаршалу князю Ф. В. Сакену. При тщеславном характере Левашова ему трудно было выносить это, и неудивительно, что вскоре же у него начались недоразумения с фельдмаршалом.

Фельдъегерь

Когда в 1835 г. сделаны были распоряжения об упразднении 1-й армии, Левашов, прежде чем переговорить с князем Сакеном, "нескромно, с торжественным видом", разгласил это по городу, и эти известия дошли до старого фельдмаршала "с различными неслыханными слухами об изгнании отсюда главной квартиры по ходатайству Левашова". Однажды князь Сакен и сам высказался весьма резко о Левашове: *"Забиться до такой степени передо мной! Где его заслуги? Я 69 лет служу верно государю, а он что делает - рубит деревья в Киеве да дома ломает, и что он больше делать умеет?"*

Левашов перебил у фельдмаршала даже честь открытия древних "золотых ворот". 9 сентября 1832 г. проездом через Киев государь Николай Павлович посетил место раскопок и, внимательно осмотрев уже раскрытые развалины, прошел через "золотые ворота" и произнес: "Памятник, достойный сохранения". Государь остался вообще доволен посещением Киева, и 9 октября 1832 г. Левашов получил высочайшее благоволение "за отлично хорошее состояние киевского госпиталя и устройство города Киева". 1 июня 1833 г. он был возведен с нисходящим потомством в графское достоинство и 6 декабря того же года произведен в генералы от кавалерии.

Между тем и слова князя Ф. В. Сакена о том, что Левашов только рубит деревья да ломает дома, имели основание. Граф Бутурлин пишет, что *"вандализмом Левашова скрыта была до основания часть вала старого Киева, и в своем фронтном рвении соблюдать прямую линию он срубил пирамидальные тополи, окаймлявшие улицы, выровнял бугровые откосы одной из улиц"* и пр. Но, конечно, с внешней стороны Киев много выиграл, и государь, посетив его вторично в 1835 г., потом рассказывал графу Бенкендорфу, что город "улучшается с каждым годом, и надо отдать справедливость гр. Левашову, в управлении которого было пропасть сделано к его украшению".

Через два года, в январе 1838 г., граф Левашов был назначен членом Государственного совета и в этом качестве был приглашаем государем в особые секретные комитеты, собиравшиеся во дворце для обсуждения некоторых важнейших вопросов под руководством и председательством самого государя. Из записок барона Корфа можно видеть, что граф Левашов не играл здесь видной роли и в большинстве случаев примыкал к кому-либо из более выдающихся членов этих совещаний.

21 февраля 1847 г. умер председатель Государственного совета князь И. В. Васильчиков. Всех в Петербурге интересовал вопрос, кто будет преемником Васильчикова. *"Первым кандидатом, - пишет барон Корф, - если не по степени дарований, то по некоторому виду права, называли гр. Левашова"*. Но великий князь Константин Николаевич говорил по поводу этих слухов: *"Нет уж, председатель Государственного совета из полицейских крючков, тут, право, не было бы никакого приличия... мне сам папа сказывал, что он служил в полицейских драгунах"*.

В 1848 г. в Петербурге свирепствовала холера, и жертвой ее сделался и граф Левашов. Он заболел в имении своем Осиновой Роще (за Парголово), но был перевезен в Петербург. Здесь перед смертью его посетили государь и наследник цесаревич. В полной памяти В. В. Левашов скончался 23 сентября и погребен в Александро-Невской лавре в церкви Св. Духа.

"Отличительной чертой графа, - говорит не всегда, впрочем, беспристрастный барон Корф, - несмотря на очень ограниченную способность к делу, было безмерное тщеславие. В публике он не пользовался ни особым доверием, ни большим уважением. Кто-то дивился, как он мог подпасть холере при своем постоянно умеренном образе жизни. Да, говорил один из остряков, он всегда был умерен и не только в образе жизни, но во всем: в уме, в способностях, в правилах... Замечательно, как тщеславие Левашова выразилось даже в одном из предсмертных распоряжений: он завещал положить себя в новом парике, в котором не было бы ни одного седого волоса".

Денис Васильевич Давыдов (1784-1837)

Происходил из старого дворянского рода, который ведет свое начало от знатного татарского мурзы Минчака. Денис Давыдов родился в Москве. Отец его Василий Денисович командовал Полтавским легкоконным полком и, владея значительными поместьями в Орловской и Московской губерниях, был одним из зажиточных людей своего времени.

Принадлежа к служилому дворянству и будучи знаком со многими видными деятелями славного екатерининского века, он воспитывал сына в духе стародворянских традиций.

Денис Васильевич Давыдов

Обстановка, окружавшая Дениса, поддерживала в нем присущую каждому живому ребенку наклонность к войне и военным играм. *"С семилетнего возраста, - рассказывает сам Давыдов, - я жил под солдатской палаткой... Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства - в езде на казачьей лошади"*. Во время раннего детства Давыдову удалось видеть Екатерину II, Румянцева, Потемкина, Безбородку и говорить с Суворовым. Этот разговор оставил неизгладимый след в душе мальчика и имел решающее значение на всю его будущность: *"Любишь ли ты солдат, друг мой?" - "Я*

люблю графа Суворова; в нем все - и солдаты, и победы, и слава!" - "О, помилуй Бог, какой удалой! Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет!"

Предсказание великого человека так глубоко запало в душу ребенка, что, когда отцу его спустя много лет предложили записать сына на службу в Иностранную коллегию, Денис решительно отказался и не хотел избрать другого поприща, кроме военного. Непосредственным результатом этой беседы с Суворовым было то, что маленький Давыдов "бросил псалтырь и замахал саблей".

Семья Давыдовых жила зимой в Москве, уезжая летом или в орловское поместье, или в свое подмосковное имение с. Бородино - то самое Бородино, где впоследствии Давыдову пришла благая мысль о партизанской войне. *"Здесь я провел, - рассказывает он, - беспечные лета моего детства и ощутил первые порывы к любви и славе"*.

В один из своих зимних приездов в Москву Денис познакомился с воспитанниками университетского благородного пансиона. Литературные знакомства и собственный, несомненно яркий и оригинальный талант сделали свое дело: юноша начал писать и стихами и прозой, а богатая всякими приключениями жизнь предоставила в его распоряжение разнообразный материал.

В начале 1801 г. Давыдов, покинув родную Москву, приехал в Петербург и был зачислен, не без затруднения из-за своего небольшого роста, в Кавалергардский полк эскадрон-юнкером. Со всем пылом своего увлекающегося характера принялся Давыдов за изучение военных наук, насколько ему позволяли это служба и стесненные материальные обстоятельства. Как раз в это время отец его попал под суд, имение было конфисковано, и семья Давыдовых терпела немалую нужду.

Параллельно с военными занятиями шли литературные упражнения, и муза юного поэта приобретает сатирическое направление. Две басни - "Река и Зеркало" и "Человек и Ноги" - были доведены до сведения начальства, и юный поэт, успевший в это время последовательно получить чины корнета и поручика, должен был расстаться со столицей и блестящим полком и 13 сентября 1804 г. перейти на службу в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии, в окрестностях г. Звенигородки.

В 1806 г. 4 июля Давыдов был возвращен в гвардию - переведен в лейб-гусары поручиком и в начале сентября был уже в Павловске. *"Мы жили ладно, - рассказывает об этой эпохе Давыдов, - у нас было более дружбы, чем службы, более рассказов, чем дела, более золота на ташках, чем в ташках, более шампанского (разумеется, в долг), чем печали, всегда веселье и всегда навеселе"*.

Поражение пруссаков при Иене побудило императора Александра подать помощь разбитому союзнику. В обществе заговорили о войне и предстоящем походе в Пруссию. Давыдов бросился в Петербург, изыскивая все способы прикомандироваться к какому-либо полку, назначенному в поход. Командиром авангарда действующей армии был назначен князь Багратион. По протекции друзей он взял к себе в адъютанты Давыдова (5 дек. 1806 г.). Так наконец осуществилась заветная мечта его попасть в действующую армию.

В весенней кампании Давыдов принимал участие в делах под Альткирхом, под Деппеном, под Гейльсбергом, причем получил орден св. Анны 2-й ст. За Фридланд он был награжден золотым оружием.

Тильзитским миром закончилась война 1806-1807 гг., в которой Денис Давыдов начал свое боевое поприще. Скучные познания, вынесенные им из петербургских уроков, расширились и пополнились пол руководством такого опытного боевого генерала, каким был Багратион. Благоговей перед Суворовым, Давыдов усвоил все лучшие его традиции, узнал и полюбил русского солдата.

Получив за эту кампанию кроме упомянутых еще два ордена, Давыдов взял отпуск и приехал в Москву. Но среди празднеств и кутежей не забывал прежних литературных занятий. Наклонность к эпиграммам вспыхнула в молодом поэте с новой силой, и большая

часть их написана в это время. Беззаботная гусарская жизнь, вино и любовные похождения - вот содержание остальных его стихотворений этого периода.

Война со Швецией и движение русских войск в Финляндию заставили Давыдова покинуть шумную столицу и все ее удовольствия и поспешить вслед за 21-й дивизией, командиром которой был назначен Багратион.

В наступившей в следующем году войне с Турцией Багратион был назначен главнокомандующим. Находясь весь этот год при Багратионе, Давыдов участвовал при взятии Мачина и Гирсова, в сражении при Рассевате, при обложении Силистрии и в сражении под Татарицей.

*Наградное Георгиевское
оружие с надписью
«За храбрость»*

В 1810 г. Багратиона, получившего команду над 2-й западной армией, сменил граф Каменский. Давыдов, однако, остался в Турции и, поступив в авангард своего друга Кульнева, 4 марта получил чин ротмистра.

Взятие русской армией Силистрии и сражение под Шумлою доставили ротмистру Давыдову алмазные знаки св. Анны 2-й ст.

Когда началась Отечественная война 1812 г., Денис Давыдов обратился к Багратиону с просьбой зачислить его в ряды Ахтырского гусарского полка и 8 апреля был пожалован в подполковники. Он командовал 1-м батальоном ахтырцев и в июне принимал участие в сражении под Миром. 3 августа Давыдов командовал ночной экспедицией под Катанью, участвовал затем в делах под Дорогобужем, Рожеством, Поповкой и Покровом.

Но Давыдов тяготился положением рядового гусарского офицера и обратился к Багратиону с письмом, в котором просил позволения лично объяснить ему свой взгляд на партизанскую войну, мысль о которой уже давно бродила в его голове. 21 августа в овине при Колоцком монастыре Давыдов обстоятельно изложил князю свой взгляд на положение вещей и значение партизанской и народной войны, которая должна была возникнуть, по его предположению, в тылу неприятеля. С большим вниманием выслушал его Багратион и обещал немедленно представить все дело на усмотрение главнокомандующего.

Кутузов соглашался, в виде опыта, дать Давыдову 50 гусар и 80 казаков для действия на неприятельских сообщениях. В жизни Давыдова наступила та пора, о которой он неоднократно и с особенной любовью вспоминал впоследствии. Предоставленный самому себе, автор плодотворной идеи о партизанской войне "зарубил", по собственному выражению, свое имя на этой грозной эпохе, и воспоминание об Отечественной войне неразрывно связано с воспоминанием о Денисе Давыдове.

Тактика, которой решил держаться Давыдов, заключалась в том, чтобы, избегая открытых стычек с неприятельскими отрядами, налетать на них врасплох, отбивать обозы, провиант и боевые запасы. В случае неудачи нападения вся партия тотчас рассыпалась в разные стороны и собиралась в заранее условленном месте. Отнятым у неприятеля оружием Давыдов вооружал крестьян, научая их, каким образом следует действовать против общего врага.

Успех превзошел все ожидания партизана. Мало-помалу его партия значительно разрослась вследствие присоединения к ней двух казачьих полков, находившихся в распоряжении начальника калужского ополчения генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева. Охотно поступали под команду Давыдова отбитые им от французов русские пленные солдаты и добровольцы. Усилившись таким образом, Давыдов продолжал свои "веселые и залетные поиски" в окрестностях Вязьмы, Дорогобужа и Гжатска, скоро обратившие на себя внимание французского губернатора Смоленска генерала Бараге д'Илье, отрядившего 2 тысячи человек для поимки Давыдова.

Получив в подкрепление еще один пришедший с Дона казачий полк, Давыдов отважился уже и на более серьезные дела. 28 октября под Ляховом партизанские отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина и графа Орлова-Денисова, соединившись вместе, общими силами атаковали отряд генерала Ожеро и заставили его положить оружие. Эту победу оценил сам Кутузов, заметив, что в первый раз в эту кампанию целый неприятельский отряд положил оружие. Из последующих сражений, в которых принимал участие Давыдов, следует отметить дело под Красным 4 ноября, под Копысом 9 ноября и, наконец, под Бельничанами 14 ноября, где трофеями кроме пленных были еще большие запасы оружия и провианта. 9 декабря Давыдов занял своим отрядом Гродно. С начала партизанских дей-

**Д. В. Давыдов, партизан Отечественной войны
1812 года**

ствия до 23 октября им было взято в плен 3560 рядовых и 43 штаб- и обер-офицера; пленных сдавали под расписку губернскому начальству.

По окончании Отечественной войны, находясь уже на границе, Давыдов получил от генерала Коновницына пакет с поздравлениями и с двумя орденами: св. Георгия 4-й ст. и св. Владимира 3-й. Партия Давыдова вошла в состав главного авангарда, порученного отличавшемуся большой строгостью генералу Винценгероде.

Ряд побед, одержанных над непобедимыми прежде французами, поднял дух нашей армии, от солдата до генерала. По словам Давыдова, союзные генералы требовали "для удовлетворения своего честолюбия столиц". Без всякого сомнения, и сам он был не чужд этих честолюбивых помыслов, когда передовой отряд, которым он командовал, достиг Дрездена, занятого сравни-

тельно незначительными силами под командой генерала Дюрюта. Чтобы оградить свой слабый отряд от нападения, Давыдов позволил себе заключить 48-часовое перемирие, рассчитывая, что за это время успеет получить подкрепление. Этот поступок был поставлен ему в вину генералом Винценгероде, взбешенным тем, что близкая добыча, Дрезден, ускользнула из его рук. Предписав Давыдову немедленно сдать команду, Винценгероде приказал ему отправиться в главную квартиру и там ожидать суда.

В Калише, где находилась в то время главная квартира, Давыдов явился прямо к начальнику штаба князю П. М. Волконскому. По докладу Волконского Кутузову главнокомандующий представил все дело на усмотрение государя, напомнив ему прежние заслуги Давыдова. Заметив, что победителей не судят, государь освободил Давыдова от всякой ответственности.

Следующий, 1814 год застает Давыдова уже в авангарде армии Блюхера командиром Ахтырского гусарского полка. Преследуя остатки французской армии, этот авангард имел ряд сражений, из которых бой под Бриеном 17 января доставил Давыдову чин генерал-майора. После кровопролитного дела под Краоном, где все генералы 2-й гусарской дивизии выбыли из строя, Давыдов временно командовал этой дивизией, а потом бригадой, составленной из Белорусского и Ахтырского гусарских полков. Сражением под Фершампенуазом, где победа была одержана исключительно кавалерией, и взятием Парижа закончилась кампания и вместе с ней боевые труды Д. В. Давыдова.

23 мая 1814 г. он получил шестимесячный отпуск и уехал в Москву отдохнуть от тягостей походной жизни, продолжавшейся с небольшими перерывами с начала 1807 г.

21 декабря 1815 г. Давыдов получил назначение состоять при начальнике 1-й драгунской дивизии. Но это назначение казалось ему несоответствующим его прежней службе и способностям. *"Служа целый век по легкой (кавалерии), за что меня назначают в это пресмыкающееся войско"*, - пишет он Закревскому. В результате всех стараний 14 марта 1816 г. он получил было назначение состоять при начальнике 2-й конно-егерской дивизии, расположенной около его имения в Орловской губернии, но к занятию и этой должности явилось "неодолимое препятствие": надо было сбрить усы, которые носили тогда лишь гусары, а Денис Васильевич ни за что не хотел расстаться с этой "красой природы, чернубурой, в завитках". Об этом обстоятельстве узнал сам государь, и Давыдов был назначен в мае того же года во 2-ю гусарскую дивизию, а затем в ноябре назначен командиром 1-й бригады той же дивизии.

Знакомство с Жуковским, князем Вяземским, Баратынским, А. Тургеневым открыло Денису Давыдову двери в Общество любителей российской словесности, состоящее при Московском университете, которое в заседании 20 мая 1816 г. единогласно выбрало поэта в действительные члены. Почти в то же время Давыдов сделался членом другого известного литературного общества - "Арзамас", которое Карамзин называл "русской академией, составленной из молодых людей, умных и талантливых".

19 февраля 1818 г. Давыдов был назначен начальником штаба 7-го пехотного корпуса, а через год с небольшим занял эту же должность в 3-м пехотном корпусе, расположенном в Кременчуге. В это время он женился на дочери генерал-майора Софье Николаевне Чирковой.

Это пустое по работе место начальника штаба было очень тягостно для Давыдова, он просто задыхался в душной атмосфере тогдашних учений, парадов и неуклонно следовавшей за ними палочной муштровки. *"Душная моя должность, - пишет он П.Д. Киселеву, - как тюрьма, гасит даже воображение мое; в него так много вкралось прозы, что я себя не узнаю"*.

Наконец 17 марта 1820 г. исполнилось давнишнее желание Давыдова - он получил отпуск с зачислением по кавалерии. *"Наконец я свободен, - с восторгом сообщает он своему другу, - учебный шаг, ружейные приемы, стойка, размеры пуговиц изгоняются из головы моей... Слава Богу, я свободен!"* Проживая в только что купленном им с. Прикутове и ведя спокойную жизнь деревенского помещика, Давыдов на свободе занялся перedelкой и подготовкой к печати по указаниям друзей своего "Опыта о партизанской войне".

Вынужденное бездействие, однако, сильно надоедало Давыдову, и он задумал было проситься на Кавказскую пограничную линию служить под начальством А.П. Ермолова. Эта мысль очень понравилась и Алексею Петровичу, который высоко ценил способности своего двоюродного брата. Все хлопоты, однако, не увенчались успехом. Прошлого Давыдова, его не всегда осторожные слова и поступки составляли неодолимое препятствие.

Эта неудача удручающим образом подействовала на Давыдова; он решился немедленно выйти в отставку и получил ее 14 ноября 1823 г.

Вращаясь постоянно в кругу литераторов и не разрывая связей с прежними сослуживцами, Давыдов, конечно, не мог не знать о том идейном брожении, которое с особой силой в последние годы царствования Александра I охватило значительную часть молодежи и привело к печальному событию 14 декабря 1825 г. Пробудившаяся общественная мысль беспомощно билась в беспощадных цензурных тисках и наконец нашла себе выход во многих тайных обществах. Наиболее останавливает на себе внимание одно из таких обществ, носившее название "Союза благоденствия".

Образовавшись по образцу подобного лее немецкого общества, оно скоро разделилось на две ветви: Северное и Южное общества. Члены той и другой ветви были хорошо знакомы Давыдову, а в состав Южного общества входил даже его двоюродный брат Василий Львович.

Как человек умный, Денис Давыдов не мог не знать всех язв тогдашнего режима, как патриот, он, разумеется, должен был горячо желать их исправления, но его прямой

солдатской натуре была противна мысль о заговоре и о насильственных действиях; а консервативно-монархическому складу его ума были совершенно чужды и непонятны те фантастические проекты перемены управления, на которые были так тароваты заговорщики. На предложение Василия Львовича вступить в их общество Давыдов отвечал отказом, заметив: *"Бунт - так бунт русский; тот хоть погуляет да бросит, а немецкий - гулять не гуляет, только мутит всех..."*

Кавалергарды в царствование Александра I

Вступление на престол императора Николая воскресило вновь у Давыдова надежду на продолжение столь любимой им военной службы, Желание его исполнилось: 23 марта 1826 г. он вновь был назначен состоять по кавалерии. Приехав в первых числах августа в Москву для представления государю, Давыдов совершенно неожиданно получил через Дибича предложение государя ехать в Грузию, где шла в то время война с персиянами.

15 августа Денис Васильевич выехал к месту назначения. По дороге он нагнал Александра Грибоедова, который был с ним знаком раньше. Совместное путешествие еще более сблизило обоих писателей.

В это время наши дела на персидской границе находились далеко не в блестящем состоянии. Большим силам неожиданно вторгнувшегося неприятеля Ермолов мог противопоставить лишь 10 тысяч, из которых три, предназначенные для действия против сардара эриванского и его брата Гассан-хана, поступили с прибытием Давыдова под его команду. 20 сентября Давыдов имел дело под Амамхами, а 22-го, разбив накануне наголову 4-тысячный отряд Гассан-хана при урочище Мирок, вступил в персидские пределы близ урочища Судагенд. Накануне принятия на себя команды Давыдов заболел местной лихорадкой и мог держаться на коне только благодаря усиленным приемам хины. Здоровье его вообще значительно пошатнулось, и он, полагая, что военные действия не возобновятся раньше весны, взял на это время отпуск и уехал в Москву лечиться.

Во время его отсутствия последовала отставка Ермолова и назначение на его место Паскевича. Падение Ермолова имело самые тягостные последствия для всех близких ему лиц, в том числе и для Давыдова. Убедившись, что совместная с Паскевичем служба решительно невозможна, он начал хлопотать об отставке и наконец получил разрешение оставить армию.

Поселившись в подмосковном селе Мышецком, Давыдов жил там почти безвыездно до 1830 г., лишь изредка посещая Москву для свидания с докторами.

Внимательно следя из своего уединения за событиями внешней и внутренней политики, Денис Васильевич при первом известии о польском восстании обратился с письмом к начальнику Главного штаба графу А.И. Чернышеву и просил дать ему отдельный отряд. *"За долг поставлю не скрыть от вашего сиятельства, - писал он, - что, хорошо зная себя, я уверен, что полезнее буду в командовании летучим отрядом, по чину моему составленным"*. На этот раз Давыдов без всяких затруднений получил назначение и 12 марта был уже в главной квартире, где его ждал очень хороший прием.

15 марта он был назначен командиром отдельного отряда, составленного из Финляндского драгунского и трех казачьих полков; отряд входил в состав корпуса генерала Крейца. Появление знакомой фигуры партизана Отечественной войны было встречено в армии, по словам Давыдова, с восторгом. *"Я, - вспоминал Давыдов, - поставил здесь все вверх дном и отбил навсегда охоту бунтовать"*. С занятием Владимира волнение на Волыни утихло. За взятие его Давыдов получил орден св. Анны 1-й ст.

Всю весну и лето Денис Васильевич находился в движении, участвуя в боевых действиях. Сражение 28 августа на левом берегу Вислы было последним в его жизни. Д.В. Давыдов был произведен генерал-лейтенантом и получил орден св. Владимира 2-й ст.

По окончании войны он поселился почти безвыездно в с. Маза Симбирской губернии, изредка посещая Петербург, Москву, Владимир и Пензу, где всюду у него был обширный круг знакомых. Главным его занятием было чтение, литературные труды и переписка по поводу их с друзьями и издателями. В это время писателем-партизаном была написана большая часть его прозаических сочинений, носящих характер мемуаров. Он владел весьма оригинальным слогом, своеобразную силу и прелесть которого живо чувствовал Пушкин, утверждавший, что он научился быть оригинальным у Давыдова и в молодости, по собственному признанию, подражал ему в "кручении стиха".

Плодами своего вдохновения Денис Давыдов делился с друзьями, главным образом с Языковым, Пушкиным и Баратынским. Друзья признавали и высоко ценили в нем лите-

ратурные дарования. В одном из своих посланий к Давыдову Н.М. Языков сделал такую оценку его стиха:

*Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.*

Николай Иванович Де-Прерадович (Депрерадович) (1767-1843)

Николай Иванович Де-Прерадович

Происходил из дворян Екатеринославской губернии. Предки его, австрийские сербы, носили первоначально фамилию Прерадовичей, а после возведения их в 1722 г. импе-

ратором Карлом VI в дворянское достоинство присоединили к своему родовому прозвищу частицу "Де". Позднее полковники австрийской службы Шевич и Райко (Родион) Де-Прерадович, дед Николая, с сербскими дружинами переселились из Австрии в Россию и осели на местности между реками Луганью и Бахмутом. Отец Николая Иван Родионович командовал гусарскими полками, сформированными из приведенных в Россию сербов, и дослужился до чина генерал-майора.

Детство и отрочество Николая Де-Прерадовича протекали в суровой обстановке только что начинавшей заселяться Новороссии, а 15-летним мальчиком он был уже на действительной службе в походе; понятно поэтому, что он не мог получить основательного образования, хотя говорил по-немецки, но зато французского языка, столь распространенного в то время, не знал. 10 лет от рождения, в декабре 1777 г., Де-Прерадович был записан кадетом в Волошский гусарский полк и, числясь в нем, произведен в адъютанты и в подпоручики. Будучи переведен в 1782 г. в Украинский гусарский полк, он вскоре принял участие в походе в Польшу и во время похода произведен в поручики.

В августе 1787 г. его перевели в Смоленский драгунский полк, в котором он прослужил с небольшим перерывом 10 лет. В 1789 г. во время войны с Турцией Де-Прерадович отправился волонтером на войну и участвовал в сражении при Каушанах и во взятии Аккермана и Бендер. Летом 1792 г. он в чине капитана принял участие в Польском походе и был в делах при Столбцах, Мире и Мстибове.

В 1798 г. он произведен в полковники и переведен в лб.-гв. Гусарский полк. С восшествием на престол императора Александра I изменилось положение Де-Прерадовича. В марте 1803 г. он определен в Кавалергардский полк, а 16 мая того же года произведен в генерал-майоры и назначен командиром этого полка.

Звезда ордена св. Георгия

В 1805 г. он принял с полком участие в военных действиях. Кавалергарды выступили в поход в августе. Де-Прерадович кроме полка командовал в этом походе бригадой. Еще в пределах России у него произошло неприятное столкновение с цесаревичем Константином Павловичем. 29 сентября цесаревич, объезжая войска, заметил бричку, которая, как оказалось, принадлежала одному из кавалергардских офицеров, несмотря на запрещение кавалерийским офицерам иметь с собой в походе повозки, и потребовал от Де-Прерадовича объяснения. Николай Иванович ответил, что бричка следует за полком без его ведома. В тот же день цесаревич приказал ему сдать командование полком и ехать позади полка, а на следующий день отдал приказ,

по которому Де-Прерадовичу *"за слабое смотрение и незнание, что происходит в командую им полку, отказывается на 24 часа от команды полком"*. Этот приказ не мог быть исполнен, потому что еще накануне Николай Иванович, получив словесное приказание цесаревича, велел показывать себя в полковых рапортах больным. Дело дошло до государя, и 10 октября цесаревич объявил Де-Прерадовичу благодарность за содержание полка в порядке и отсутствие жалоб со стороны обывателей.

Под командою Де-Прерадовича Кавалергардский полк отличился при Аустерлице блестящей атакой, спасшей гвардейскую пехоту. Наградой полковому командиру был орден св. Георгия 3-й ст. В феврале 1807 г. Николаю Ивановичу с полком снова пришлось идти в поход по случаю войны с Францией, но в Прусской кампании ему не пришлось принять деятельного участия; во время Фридландской битвы он занимал речные перепра-

вы, а во время тильзитского свидания командовал находившимся против Тильзита отрядом, который состоял из преображенцев и кавалергардов.

28 октября 1810 г. Де-Прерадович назначен командиром 1-й кирасирской дивизии с оставлением полковым командиром. 1 января 1812 г. он награжден орденом св. Анны 1-й ст., а 15-го того же января назначен командиром всей гвардейской кавалерии с оставлением в обеих прежних должностях.

В Отечественную войну первое столкновение Де-Прерадовича с неприятелем произошло 15 июля близ Витебска, когда он прикрывал левое крыло арьергарда, которое французы пытались обойти. 16 июля Дохтуров поручил ему открыть дорогу к Смоленску, и он блестяще выполнил возложенную на него задачу: несмотря на сильную жару, он со своим отрядом, в состав которого кроме кавалерии входила и пехота, прошел безостановочно 75 верст и, не встретив на пути неприятеля, 18-го подошел к Смоленску. В Бородинском сражении Де-

Смоленск, август 1812 года

Прерадович не участвовал, так как был болен и находился в Можайске. Затем он находился в делах при Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном и при преследовании неприятеля до границ России.

В 1813 г. хотя он со вверенными ему войсками и участвовал во всех главных сражениях (при Люцене, Бауцене, Дрездене, Лейпци-

ге), но участие это было незначительно и состояло главным образом в прикрытии отступления армии или в нахождении в резерве. Зато при Кульме 1-я кирасирская дивизия вписала новую славную страницу в историю своих боевых подвигов. Де-Прерадовичу наградой за Кульм был чин генерал-лейтенанта. В 1814 г. в деле у Фершампенуаза дивизия была отправлена в бой по личному ходатайству своего командира, и Де-Прерадович решил участь боя. За Фершампенуаз он получил украшенную алмазами шпагу и иностранные ордена.

Едва кончились военные действия и войска вернулись в Россию, как в 1815 г. по случаю появления Наполеона во Франции Де-Прерадовичу пришлось снова идти в поход, но на этот раз только до Вильны. 1 декабря 1821 г. он назначен командиром 1-го резервного кавалерийского корпуса. Более года после этого назначения Де-Прерадович продолжал еще командовать полком, хотя, по-видимому, последнее время командование причиняло ему неприятности и вызвало неудовольствие начальствующих лиц. Наконец 1 февраля 1823 г. Николай Иванович был уволен от командования полком по собственному желанию "вследствие других обязанностей". По смерти Уварова, как старший, вступил в командование гв. корпусом. 1 января 1825 г. Де-Прерадович получил украшенную алмазами золотую табакерку с портретом государя и позднее - алмазные знаки ордена св. Александра Невского, 22 августа 1826 г. - чин генерала от кавалерии.

В 1828 г. по отъезде командира гв. корпуса великого князя Михаила Павловича в Турцию Де-Прерадовичу предписано было принять начальство над войсками гв. корпуса, выступающими в поход, и пожаловано вспомоществование в размере 50 тыс. руб. Под его начальством гвардия совершила поход в Турцию. По переходе через Дунай 12 августа он сдал командование великому князю. С декабря 1830 г. по февраль 1832 г. он командовал войсками гв. корпуса, не ушедшими в поход в Польшу.

28 февраля 1835 г. Де-Прерадович уволен по прошению от командования корпусом. Просить об увольнении заставил его преклонный возраст; по словам Н. Н. Муравье-

ва, он был в это время до такой степени глух, что нужно было всякое слово кричать ему по нескольку раз. По оставлении должности корпусного командира Де-Прерадович до самой предсмертной болезни занимался усердно делами комитета о раненых. Он скончался 16 декабря 1843 г. и погребен на Смоленском кладбище.

Имя Де-Прерадовича должно занять почетное место в истории Кавалергардского полка, совершившего свои подвиги под его начальством. Как командир он был довольно взыскателен и скуп на похвалы, будучи того мнения, что "всякий офицер, особливо кавалергардский, исправляя поручение хорошо, ничего больше не сделал, как долг свой". Придерживаясь в служебном отношении строгой дисциплины, Николай Иванович считал, что вне службы и начальники, и подчиненные равны. Зато офицеры и любили своего командира.

Безукоризненно честный, не допускавший не только "грешных", но и "безгрешных" доходов, Николай Иванович в частной своей жизни был, судя по немногим дошедшим до нас известиям, жизнерадостным человеком, не отказывавшимся при случае и выпить, и потанцевать, и страстным игроком, способным просидеть за бостоном несколько ночей подряд. Как человек он был, по отзывам современников, в высшей степени добр и честен, но не отличался образованностью. Указанные свойства были причиной того, что он никогда не играл видной самостоятельной роли, но это не мешало ему честно исполнять свой долг.

Граф Павел Петрович Сухтелен (1788-1833)

Происходил из голландской семьи Ван Сухтелен, получившей от императора Александра I сначала баронское, а затем и графское достоинство в лице отца его, известного генерала и русского посланника в Стокгольме Петра Корнилиевича Сухтелена, поступившего в 1782 г. на русскую службу и в 1806 г. принявшего со всем семейством русское

подданство. Петр Корнилиевич, человек выдающегося ума и обширной учености, библиофил, обладатель громадной библиотеки, собиратель коллекций ландкарт, монет и медалей, подвизался на поприщах военном, инженерном и дипломатическом (присоединение Финляндии в 1809 г.), пользуясь постоянным расположением и доверием государей и всеобщей любовью как человек.

Под руководством отца, от которого он унаследовал "благороднейший характер", Павел Сухтелен, "с детских лет являвший прекрасные качества ума и сердца", получил блестящее образование, развившее его "отличнейшие способности:". Сын не был ученым, как его отец, но был широко образованным, гуманным и просвещенным человеком. Он также пользовался всеобщим расположением, а с отцом своим, имевшим несчастье пережить сына, был до конца жизни в близких и наилучших отношениях. В августе 1811 г. С. Н. Марков писал из Петербурга графу М. С. Воронцову: *"Письмо это тебе отдаст Сухтелен; он важный малый, и я надеюсь, что ты его полюбишь, ибо он не из числа молодых людей, которые, кроме себя, никого не почитают, которые презирают всех, кто прежде них родился. Он даже тем странен, что слушает и любит своего отца"*.

Граф Павел Петрович Сухтелен

Павел Сухтелен начал службу под начальством отца 26 января 1802 г. колонновожатым в свите Е. И. В. по квартирмейстерской части; Петр Корнилиевич был тогда гене-

рал-квартирмейстер. Молодой Сухтелен не провел и года в звании колонновожатого. 23 сентября того же года он был произведен в подпоручики квартирмейстерской части, а через год переведен по собственному его желанию корнетом в Кавалергардский полк. Семнадцать лет ему уже пришлось вступить на боевое поприще.

Во время знаменитой атаки кавалергардов под Аустерлицем в числе раненых и взятых в плен офицеров был и Сухтелен, получивший сабельный удар в голову и контуженный ядром в правую ногу. Отец Сухтелена, участвовавший в том же сражении, состоя при государе, узнал о плене своего 17-летнего сына.

Отправляясь после сражения ночевать в Позоржиц, Наполеон встретил дорогою наших пленных и, узнав, что между ними есть гвардейские офицеры, потребовал к себе старшего из них. Явился князь Репнин. *"Ваш полк честно исполнил свой долг, - сказал ему Наполеон и, заметив Сухтелена, прибавил: - Он слишком молодым вздумал тягаться с нами". "Молодость не мешает быть храбрым", - смело отвечал Сухтелен. "Хороший ответ, молодой человек! Вы далеко пойдете"*.

В апреле 1806 г. Павел Сухтелен возвратился в Россию и получил за Аустерлиц золотую шпагу с надписью "За храбрость" и в том же году был произведен в поручики. В феврале 1807 г. он выступил с Кавалергардским полком в поход и проделал с ним всю кампанию. После Тильзитского мира он был командирован сопровождать отца, обозревавшего западные границы России от Балтийского моря до Черного.

Во время Шведской войны Павел опять состоял при своем отце, находившемся при главнокомандующем Буксгевдене, и был с ним при занятии Ловизы, Борго и Гельсингфорса.

Во время осады Свеаборга он первый был послан для переговоров со шведским адмиралом Кронштетом о сдаче крепости. Закончены переговоры были Сухтеленем-старшим, и результатом их была сдача Свеаборга.

Пожалованный званием флигель-адъютанта, Павел участвовал и в дальнейших военных действиях против шведов и награжден бантом к ордену св. Владимира 4-й ст.; был при завоевании Аландских островов, доходил до Улеборга. В 1809 г. он совершил с Кульневым переход по льду Ботнического залива на шведский берег. 10 мая того же года он произведен в штабс-ротмистры, а спустя год ездил в Швецию, состоя при отце во время чрезвычайного его посольства в Стокгольм. По

Знак ордена св. Станислава

возвращении оттуда просил назначения в действующую южную армию. В половине августа 1811 г. Павел Сухтелен был уже на Дунае в главной квартире Кутузова.

Осенью 1812 г. был послан в корпус графа Витгенштейна, подходившего к Березине. За участие в разных делах Сухтелен был 20 февраля 1813 г. произведен в чин полковника. По переходе русских войск за границу он находился при занятии Берлина; после того был в разных авангардных делах и 23 февраля ранен пулею в правую руку выше локтя с повреждением кости; награжден орденом св. Анны 2-й ст. с алмазными украшениями, а также получил прусский орден.

Еще не совсем оправившись от раны, Сухтелен участвовал 21 марта с отрядом Чернышева во взятии Люнебурга; но по истечении перемирия в начале августа снова был назначен состоять при Витгенштейне и с ним был в сражениях под Дрезденом и Пирной, за которые получил орден св. Владимира 3-й ст., прусский и шведский ордена. За Лейпциг он получил Георгиевский крест из рук графа Витгенштейна и оставался при нем во время преследования армии Наполеона от Лейпцига до Рейна.

В декабре 1813 г. он был назначен командиром Волынского уланского полка, находившегося в отряде Чернышева; в январе 1814 г. участвовал со своим полком в переходе через Рейн и в занятии Люттиха, а потом при взятии Намюра. 1 февраля он был послан Чернышевым под Суассон. В этом деле Павел Сухтелен командовал правым крылом отряда и вступил в город с двумя эскадронами волынских улан и двумя казачьими полками. За взятие Суассона он произведен в генерал-майоры. По заключении мира Сухтелен возвратился в Россию, получив прусский орден Красного Орла 2-й ст.

В начале 1815 г. он был послан в Швецию, где, состоя при наследном принце, участвовал в походе в Норвегию. По получении известия о высадке Наполеона во Франции был послан к русской армии, шедшей из Варшавского герцогства к берегам Рейна. По переходе русских войск за Рейн Сухтелен командовал отдельным отрядом на левом крыле армии, а при оккупации Франции заведовал департаментом. Здесь справедливостью и ласковым обращением с жителями он сумел снискать любовь и уважение французов, получил от Людовика XVIII орден св. Людовика. Был назначен командиром 1-й бригады 2-й гусарской дивизии и в декабре 1815 г. возвратился с нею в Россию. Император Александр, зная его недостаточное состояние, пожаловал ему аренду на 12 лет.

В начале царствования Николая I в 1826 г. Сухтелен был назначен генерал-квартирмейстером Главного штаба Его Императорского Величества. В день коронавания 22 августа он был произведен в генерал-лейтенанты и получил единовременно 6 тыс. рублей.

Павел Сухтелен был близким человеком к начальнику штаба Дибичу и был другом с Паскевичем. Когда последний был послан на Кавказ для совместных с Ермоловым действий против персиян, а затем и сменил его в звании командующего Кавказским корпусом, состоялось назначение Сухтелена начальником штаба Кавказского корпуса.

Он принимал участие в осаде и взятии Эривани, участвовал в походе Паскевича к Тавризу, и во время приезда персидского наследника в Дей-Карган для переговоров о мире участвовал в них. Переговоры были безуспешны; военные действия возобновились. Сухтелен двинулся к укрепленному городу Ардебилу и 26 января занял его. Здесь, в этом священном городе персиян, русские овладели богатой библиотекой редких восточных рукописей, причем исполнителем этого поручения был Павел Сухтелен.

За взятие Ардебил Сухтелен был пожалован званием генерал-адъютанта и по возвращении в Петербург получил 50 тыс. рублей. В Петербурге он назначен был состоять при принце Хозреве-Мирзе, приехавшем в Петербург во главе чрезвычайного посольства по поводу убийства Грибоедова.

Пробыв всего месяц в Петербурге, Сухтелен 8 мая 1827 г. отправился на Дунай к действующей армии. Он прибыл к войскам, осаждавшим Браилов, под начальством великого князя Михаила Павловича; 6 июня Браилов сдался. После этого Сухтелен отправился к главной армии, находившейся у Базарджика. Для обеспечения со стороны Варны движения армии к Шумле ему был поручен отдельный отряд из 4 батальонов, 12 эскадронов, 1 сотни, 12 орудий и 2 рот пионеров (инженерных) - всего 4558 человек; он должен был обложить Варну и открыть сообщение с Черноморским флотом, который должен был осадить Варну с моря.

После месяца боев, говорил Михайловский-Данилевский, *"июля 6-го пришел к Варне отряд г.-л. Ушакова, а Сухтелен получил приказание отвести отряд свой в Праводы, сдать его там ген.-ад. К. Х. Бенкендорфу и явиться в главную квартиру, бывшую под Шумлою, для занятия своей должности генерал-квартирмейстера Главного штаба"*. За Турецкую войну Сухтелен был награжден орденом св. Владимира 2-й ст. и золотой шпашкой с алмазами.

По возвращении в Петербург в марте 1829 г. он был уволен в отпуск за границу для поправления расстроенного здоровья. В апреле 1830 г. ему была пожалована украшенная бриллиантами табакерка с портретом государя, а 21 апреля того же года граф Сухтелен

был назначен оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса.

2 июля 1830 г. П. П. Сухтелен прибыл в Оренбург и вступил в управление войском и краем. Необыкновенно деятельная натура и выдающийся ум позволили ему быстро ознакомиться с положением дел, разобраться в сложных местных интересах и даже лично объехать некоторые части губернии. Первое дело, которое встретило его на месте, был вопрос о преобразовании Оренбургского казачьего войска, численность которого в это время достигала 32 676 душ, положение же было бедственное, и средств очень мало.

На увеличение численности войска и на поднятие его материального благосостояния было прежде всего обращено внимание Сухтелена. Что касается до строевого устройства войска, он проектировал разделить его на бригады и линейные полки (21 полк) по линии и на кантоны внутри губернии. Для строевого образования казачьих полков предлагал прикомандировать к ним до 30 кавалерийских офицеров. Заметив, что младшие казацкие офицеры живут крайне бедно и с трудом могут содержать себя на службе, Сухтелен ходатайствовал о немедленном отводе хорунжим, сотникам и есаулам временных участков в размере от 60 до 120 десятин каждому. В начале 1832 г. была удовлетворена просьба военного губернатора об отпуске ежегодно суммы в 3 тыс. руб. из казны на пенсии и пособие бедным семействам убитых в сражениях офицеров.

Для улучшения в войске лошадей около Оренбурга были заведены первые казачьи конные заводы. Построено было пять новых форпостов. Как в этих форпостах, так и в

Уральские казаки в походе

других поселениях Уральской области Сухтелен выказывал особую заботу о положении церквей и их причтов. При нем было одновременно здесь заложено десять каменных церквей православных и единоверческих.

Наряду со многими заботами им положено начало изучению края. Уже в 1832 г. было издано "краткое обозрение достопамятных событий Оренбургской губернии". Мысль о распространении просвещения в крае была излюбленной у графа Сухтелена; она никогда не оставляла его, всегда и всюду в той или другой форме он поднимал вопросы о школе. В Уральске

была возобновлена школа, в Оренбурге основано приходское училище, в Верхнеуральске устроены школы для обучения казачьих детей; наконец, при личном посещении в 1831 г. Челябинска Сухтелен изыскал средства и убедил местных жителей сделать пожертвование на учреждение уездного училища, которое и было утверждено министерством народного просвещения.

Граф Сухтелен пробыл губернатором в Оренбурге менее трех лет, но и за этот короткий период времени им было сделано для края так много, что память об этой светлой личности сохранилась там. Даже краткий обзор его деятельности ясно показывает, сколько внесено им было энергии, сколько душевных и телесных сил вложено графом в его деятельность.

Голландец по происхождению и лютеранин по вероисповеданию, Сухтелен пользовался особой любовью и расположением среди уральцев, в большинстве случаев даже старообрядцев; память о нем надолго его пережила, и в каждом форпосте рядом с иконами можно было видеть портрет этого популярнейшего из местных деятелей.

Кипучая деятельность, постоянное напряжение сил, многочисленные раны, особенно сабельный удар по голове, полученный при Аустерлице, имели результатом появление уже с осени 1832 г. сильных головных болей, постепенно усиливавшихся. Не при-

давая им значения, Павел Петрович продолжал заниматься делами и 20 марта 1833 г. "мгновенно скончался" в половине 10-го вечера, на 46-м году жизни. Стечение народа при погребении П. П. Сухтелена было необыкновенное; жители Оренбурга, не исключая магометан, со слезами провожали любимого начальника и на себе довели колесницу от губернаторского дома до церкви.

Сергей Петрович Ланской 1-й (1789-1832)

Сергей Петрович Ланской 1-й

Из новгородских дворян, был старшим из четырех братьев Ланских, служивших одновременно в кавалергардах. 30 августа 1804 г. Сергей Ланской из закорпусных пажей определен юнкером в Кавалергардский полк, в январе 1805 г. - эстандарт-юнкером и в октябре того же года на походе произведен в корнеты.

16-летним юношей ему довелось принять боевое крещение под Аустерлицем, за что награжден орденом св. Анны 4-й ст. С полком же он участвовал и в кампании 1807 г. В 1808 г. произведен в поручики.

12 марта 1812 г., уже штабс-ротмистром, он выступил в поход с действующими эскадронами и за Бородинское сражение получил золотое оружие. В феврале 1813 г. произведен в ротмистры. В Кульмском сражении Сергей Ланской не участвовал, так как был командирован в Варшаву для привода резервного эскадрона.

Под Фершампенуазом он, "ударив на неприятельскую кавалерию, опрокинул оную и занял место неприятеля, потом собрал свой эскадрон под картечными выстрелами, атаковал орудие, действовавшее по нем, и взял оное", за что был награжден орденом св. Георгия 4-й ст.

В 1816 г. С. П. Ланской был произведен в полковники и 18 февраля 1818 г. назначен командиром Малороссийского кирасирского полка, коим командовал до 25 апреля 1825 г., когда был уволен от службы за болезнью генерал-майором с мундиром.

Граф Василий Иванович Апраксин 2-й (1788-1822)

В службе с 1802 г. колонновожатым и того же года 11 сентября произведен в подпоручики. 3 апреля 1806 г. переведен корнетом в кавалергарды; в 1808 г. - поручиком. В 1810 г. назначен шефским адъютантом к Ф. П. Уварову; в 1813 г. - ротмистром. 2 апреля 1814 г. в Париже назначен флигель-адъютантом; 30 августа 1815 г. на смотре в Вертю произведен за отличие в полковники.

Василий Апраксин был в походе 1807 г. с полком; участвовал в Турецкой войне 1810 г. в качестве адъютанта Ф. П. Уварова в сражении под Шумлою, за что награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом. На штурме Рущука Апраксин был ранен в правое плечо, но уже вскоре участвовал в деле при Ватине и при занятии Никополя.

Умер В.И. Апраксин от болезни в 1822 г.

Граф Апраксин - Васинька - хорошо был известен князю П. А. Вяземскому, который пишет о нем:

"Император Александр Павлович не любил Апраксина, и вероятно потому, что Апраксин, будучи фл.-адъютантом, перешел к великому князю Константину. Апраксин просил однажды объяснения, не зная, чем поверг себя царской немилости. Государь сказал, что он видел, как Апраксин за столом смеялся над ним и передразнивал его. В этом Апраксин не сознавался. Его мучило, что он не произведен в генералы...

Карикатуры его превосходны. Чтобы дать понятие об его легкомыслии, достаточно сказать, что он во все время пребывания своего в Варшаве писал карикатуры на вел. князя, одну смелее другой, по двадцати в день. Кроме двух страстей - музыки и рисования, имел он еще две - духи и ордена. У него была точно лавка склянок с духами, орд. лентами и орденами. Уверяют даже, что по смерти его нашли у него несколько экз. звезды Станислава 2-й ст., на которую давно глядел он со страстным вожделением. Он несколько раз был представляем к ней, но по сказанным причинам не получал ее от государя.

К довершению был он сердцем добрый, но нравов весьма легких и уступчивых. В характере его и поведении не было достоинства нравственного. Его можно было любить, но нельзя было уважать... Однажды разнесся слух, что папа [римский] умер. Многие старались угадывать, кого на его место изберет новый конклав. "О чем тут и толковать?" - перебил речь Апраксин. - Разумеется, назначен будет военный". Это слово, сказанное в тогдашней Варшаве, строго подчиненной военной обстановке, было очень метко и всех рассмешило. Замечательна удачливая находчивость Апраксина в подобных

случаях. Он не знал истории, ничего никогда не читал, вероятно, как-то мельком слышал про изречение и тут же применил его так метко, остроумно и забавно.

Кроме саморожденного дарования на острые слова Апраксин имел еще и другие таланты: никогда не учась музыке, пел он прекрасно и разыгрывал на клавинофордах лучшие места из слышанных им опер; никогда не учась рисованию, он мастерски владел карандашом и рисовал прекрасные карикатуры. У генерала Сипягина есть большой альбом, Апраксиным исписанный: тут в смешных и метких изображениях проходит все петербургское общество. Со временем этот альбом может сделаться историческою достопамятностью".

Граф Павел Дмитриевич Киселев (1788-1872)

Происходил из древнего дворянского рода. Он получил домашнее образование, довольно поверхностное, под руководством гувернера-француза; на его нравственное воспитание имела большое влияние мать его Прасковья Петровна, рожденная княгиня Урусова, отличавшаяся умом и добрым характером. Когда Павлу минуло 17 лет, его записали на службу юнкером в Коллегию иностранных дел. В октябре 1806 г. он перешел в военную службу в Кавалергардский полк с чином корнета, и в феврале 1807 г. полк выступил в поход в Пруссию. В августе он вместе с полком вернулся в Петербург, где и оставался вплоть до Отечественной войны.

Граф Павел Дмитриевич Киселев

Во время Бородинского сражения он за убылью старших офицеров некоторое время командовал эскадроном и получил орден св. Анны 4-й ст. В сентябре Павел Киселев был назначен адъютантом к графу Милорадовичу, командовавшему арьергардом, и принимал участие в боях. 6 октября он был в Тарутинском сражении, а 11-го с тремя сотнями казаков "открыл сношения" с отрядом Винценгероде, находившимся на Петербургской дороге. В тот же день Киселев вступил в Москву, взял в плен 120 человек и через два дня выступил обратно. После этого Киселев участвовал в сражениях при Вязьме, Дорогобуже и Красном и в преследовании неприятеля до Борисова; получил за Вязьму орден св. Анны 2-й ст., а за Красное - золотую шпагу с надписью "За храбрость".

Произведенный в штабс-ротмистры, он во время кампании 1813 г. принимал участие в сражениях при Герлице, Бауцене, Дрездене и Лейпциге. 17 июля произведен в ротмистры. В 1814 г. он был в делах при Арси-сюр-Об и Париже.

В течение всей войны Павел Киселев продолжал быть адъютантом Милорадовича, и эта-то служба была причиною его возвышения, дав ему возможность сделаться более известным императору Александру Павловичу: Милорадович тяготился не только письменной отчетностью, но и подробным словесным докладом; в его же штабе только Киселев оказался способным толково докладывать государю - таким образом он получил возможность беседовать с Александром I, всегда остававшимся довольным его докладом. 2 апреля 1814 г. Киселев был назначен флигель-адъютантом.

Во время Венского конгресса он находился при государе; в 1815 г. в числе немногих сопровождал государя во Францию. Произведенный в полковники, сопровождал государя в поездке в Москву, Киев и Варшаву, продолжавшуюся с августа по октябрь 1816 г.

Во время пребывания в Москве Павел Киселев подал Александру I записку о постепенном уничтожении рабства в России.

В мае 1817 г. Киселев получил новое поручение. Генерал-интендант 2-й армии Жуковский жаловался на притеснения со стороны главнокомандующего графа Беннигсена; последний просил государя прислать для расследования доверенное лицо. Выбор пал на Киселева. На словах государь объяснил, что поручает ему "осмотреть вообще все во 2-й армии и во все вникнуть с самой строгой точностью". Во время исполнения поручения Павел Киселев 29 лет от роду был произведен в генерал-майоры с назначением "состоять при особе Его Императорского Величества".

22 февраля 1819 г. Киселев получил назначение на видный пост начальника штаба 2-й армии, столь хорошо уже ему знакомой по предшествующим неоднократным командировкам, а 27 февраля был зачислен в свиту Е. В-ва по квартирмейстерской части. 16 мая он приехал в Тульчин, главную квартиру 2-й армии, и немедленно представился главнокомандующему.

На маневрах

Летом 1820 г. Павел Киселев занялся подготовлением войск к предстоящему высочайшему смотру и надеялся получить после смотра звание генерал-адъютанта. Надежда его, однако, не оправдалась. Огорченный этим, он даже думал оставить свою должность. Причина неожиданной немилости заключалась в том, что государь остался не вполне доволен фрунтовой частью в осмотренных им войсках. Киселев вообще не сочувствовал системе усиленных фрунтовых занятий и старался ослабить петербургские требования, но, видя, как государь относится к этому вопросу и как его несогласие с господствующим взглядом отзывается на его собственной служебной карьере, он начал стараться

показывать интерес к фрунтовой службе и в конце концов добился того, что Александр Павлович нашел даже, что Киселев сделался "страшным пуристом в фрунтовой службе".

В сентябре 1821 г. П.Д. Киселев вступил в брак с Софьей Станиславовной Потоцкой, дочерью знаменитой красавицы графини Софьи Потоцкой (в первом браке графиня Витт). Спустя год ему пришлось предпринять поездку в Берлин по случаю болезни тещи, но он уже не застал ее в живых. Она оставила большое состояние, из которого на долю Софьи Станиславовны пришлось 2 млн. польских злотых.

Осенью 1823 г. состоялся высочайший смотр войскам 2-й армии, после которого 5 октября государь поздравил Киселева своим генерал-адъютантом и взял его с собою на время поездки для осмотра южных военных поселений. Весь следующий год Киселев провел в путешествиях, затем отправился за границу и 15 декабря вернулся в Тульчин к армии.

20 ноября 1825 г. Киселев получил известие, что государь заболел крымской лихорадкой, и решил, не испрашивая разрешения, немедленно отправиться в Таганрог с доктором Шлегелем, специалистом по лечению этой болезни, но, приехав в Одессу, узнал о кончине императора и вернулся в Тульчин. Вскоре после его возвращения сюда явился А. И. Чернышев для производства следствия о раскрытом во 2-й армии заговоре. Киселев

был оскорблен присылкой Чернышева, но принужден подчиниться. 2 января 1826 г, он выехал в Петербург.

Император Николай Павлович принял Киселева очень холодно. Причиной этой холодности было то, что штаб армии ничего не знал о затевавшемся в армии заговоре. Является вопрос: знал ли Киселев о существовании в армии тайного общества и о заговоре, и даже, может быть, сочувствовал ему, или же ничего не подозревал?

С одной стороны, известно, что он был в хороших отношениях со многими из членов тайного общества. По свидетельству Басаргина, Киселев участвовал в беседах офицеров и соглашался с ними, что многое надо бы изменить в России, хотя императору Александру I он был очень предан. С другой стороны, известно, что Киселев старался об удалении из армии офицеров, навлекших на себя подозрение в вольнодумстве.

Получив приказание от Николая I присутствовать при его коронации, П. Д. Киселев явился в Москву. Здесь он был привлечен Дибичем к совещанию о подготавливавшемся движении армии против турок. 5 октября ему был пожалован орден св. Владимира 2-й ст. "за ревностное выполнение обязанности по своему званию и при изготовлении армии к походу". Конец 1826 г. и начало 1827-го прошли в приготовлениях на случай войны с Турцией. Для обсуждения окончательного плана военных действий Киселев был вызван в марте 1828 г. в Петербург и работал там с самим государем, Дибичем и графом Нессельроде. 8 апреля он вернулся в Тульчин, 12-го главная квартира выступила оттуда, 14-го объявлена война, а 26-го армия перешла через Прут.

Кроме письменных занятий по должности начальника Главного штаба действующей армии Киселеву приходилось устраивать осаду Браилова и переправу через Дунай. 27 мая войска были посажены на суда и переправлены в Болгарию. Киселев первым вступил на противоположный берег; в тот же день он был произведен в генерал-лейтенанты.

По плану Дибича прежде всего предпринята была главными силами осада Шумлы. Для обеспечения правого фланга позиции государь велел Киселеву устроить редут на оконечности того возвышения, где была расположена армия. Он успешно исполнил возложенное на него поручение на глазах у государя. Когда вслед за этим начался бой, он сражался наравне с солдатами и своим примером воодушевлял их. Вечером того же дня государь призвал его к себе в палатку, обнял и пожаловал в награду за участие в обоих делах золотую шпагу, украшенную алмазами, с надписью "За храбрость".

9 февраля 1829 г. П. Д. Киселев был назначен командиром 4-го резервного кавалерийского корпуса. Назначением этим он остался доволен. 12 апреля он, сверх того, был назначен командующим всеми войсками, оставшимися на левом берегу Дуная, а 1 мая ему было поручено командование войсками, составлявшими правый фланг действующей армии. 23 июня ему подчинены были крепость Силистрия с находившимися там войсками и Дунайская флотилия.

Ввиду начавшихся переговоров о мире ему было приказано ограничиться действиями на левом берегу Дуная. Несмотря на это, Киселев с частью войск переправился в Болгарию, дошел до Балкан и, хотя мир уже был заключен, отправил авангард на Шипку, чтобы беспокоить турецкий аррьергард. Фланговое движение, предпринятое Киселевым, увенчалось полным успехом и охранило русскую армию от нападения турок на ее тыл. 29 сентября ему пожалован был орден св. Александра Невского.

Россия, приняв на себя протекторат над княжествами Молдавией и Валахией, старалась упорядочить их внутреннее устройство и управление, и с этой целью еще в 1827 г. организованы были комитеты для составления нового уложения. Деятельность их, прерванная войною, возобновилась после Адрианопольского мира под председательством Киселева. Он нашел княжества в печальном положении: к турецкому разорению присоединились чума, голод и падеж скота. Немедленно были приняты меры против этих бедствий. Одной из главных своих задач Киселев считал завязать торговые сношения княжеств с Россией и "покорить молдаван и валахов на будущее время нашим воспитанием и введе-

нием наших обычаев и нравов". 18 декабря 1830 г. он получил за 25-летнюю службу орден св. Георгия 4-й ст.

22 апреля 1834 г. П. Д. Киселев был произведен в генералы от инфантерии. 9 мая, на следующий день по приезде в Петербург из Румынии, он представлялся государю, который милостиво поблагодарил его за услуги, оказанные им России в столь важном и трудном деле. В сентябре он отправился в свите государя в Москву и Орел, где были назначены смотры, и в Орле получил разрешение ехать в Малороссию для устройства своих дел.

Русская деревня

Он поселился на некоторое время в имении жены и стал приводить в порядок в высшей степени запутанные хозяйственные дела. Здесь же он свиделся с женою после пятилетней разлуки. К хозяйственным делам присоединились и дела семейные. Дальнейшая совместная жизнь оказывалась невозможной вследствие легкомысленного характера Софьи Станиславовны и постоянного проявления ее польских симпатий. По совету друзей он покинул имение и в феврале 1835 г. приехал в Петербург, где ему предстояло широкое поприще деятельности.

Вскоре по возвращении в Россию Киселеву, назначенному членом Государственного совета, пришлось принять участие в решении одного из важнейших, стоявших на очереди вопросов, именно вопроса крестьянского. Известно, что решение этого вопроса было заветной мечтой императора Николая Павловича, но он не находил сочувствия в ближайших своих сотрудниках. К числу немногочисленных среди сановников сторонников ограничения крепостного права принадлежал Киселев. Государь сделал ему такое предложение: *"Помогай мне в деле, которое я почитаю должным передать сыну с возможным облегчением при исполнении, и для того подумай, каким образом надлежит приступить без огласки к собранию нужных материалов и составлению проекта или руководства к постепенному осуществлению мысли, которая меня постоянно занимает, но которую без доброго пособия исполнить не могу"*. Киселев с удовольствием принял предложение государя.

Ознакомившись поближе с делом, он признал необходимым учредить отдельное министерство государственных имуществ. 27 декабря 1837 г. утверждены государем учреждение и штаты министерства и подписан указ о назначении Киселева министром государственных имуществ. Само собой понятно, какие ближайшие обязанности входили в круг ведения министерства, но император Николай Павлович, учреждая его, несомненно имел в виду и более обширные общегосударственные интересы и задачи.

Почти двадцатилетнее управление Киселева министерством государственных имуществ дало положительные результаты. В течение всего этого времени он настойчиво

проводил мысль, что государственные крестьяне должны быть не источником дохода для казны, а предметом попечения для правительства и что они представляют свободное состояние. Он постоянно заботился об ограждении их прав и препятствовал передаче их в другие ведомства.

Со времени учреждения министерства государственных имуществ положение государственных крестьян, несмотря на частые неурожаи и холерные эпидемии, изменяется: их благосостояние поднимается настолько, что во время Крымской войны они делают значительные пожертвования. Таких результатов Киселев достиг рядом разумных мер, хотя, как и в каждом деле, в деятельности его были ошибки, а учреждения, вызванные им к жизни, на практике оказывались не так хороши, как в теории.

С переменой царствования изменилось и поприще деятельности П. Д. Киселева. Во время затруднительных обстоятельств, которые испытывала Россия в начале царствования императора Александра II, он неоднократно призывался на совещания по делам внешней политики, и у государя явилась мысль назначить его послом в Париж. 26 августа, в день коронавания императора Александра II, ему были пожалованы украшенные алмазами портреты императоров Николая Павловича и Александра Николаевича.

И по оставлении поста министра Киселев не оставался равнодушным к крестьянскому делу. В Петербурге считали необходимым справляться с его мнением. *"Крестьян-*

ская земля, - писал он, - должна оставаться (с вознаграждением помещиков) в полной и неотъемлемой собственности крестьян... Крестьяне не поймут освобождения без родной земли". В пользовании крестьянами землею должно быть сохранено общинное начало. Таким образом, освобождение крестьян с землею посредством выкупа последней у помещиков и сохранение общинного начала - таковы те основы, на которых, по мнению Киселева, должна строиться крестьянская реформа.

Киселев ехал в Париж с неприятным чувством. Помимо того что ему тяжело было расставаться с ведомством, всецело созданным его трудами, положение его как русского посла во Франции было в высшей степени затруднительное. На Киселева легла задача позаботиться не только о восстановлении мирных отношений между двумя

империями и о забвении недавней борьбы, но также и о более тесном сближении между ними.

П. Д. Киселев достиг Парижа 26 октября 1856 г., 2 ноября был принят императором частным образом, а 12-го представился ему официально во дворце Тюильри. Император французов отнесся к нему в высшей степени милостиво, и скоро между ними установились наилучшие отношения. Уже весной 1857 г. Наполеон III настолько сблизился с Киселевым, что поверял ему свои заботы и опасения по делам внутренним.

А летом императрица Мария Александровна приехала в сопровождении государя в Киссинген для лечения. Сюда по этому случаю съехались представители России при некоторых европейских дворах, в том числе и Киселев. В беседе с государем он между прочим высказал, что России следует всячески стараться о союзе с Францией, на которую одну она может опереться, так как Пруссия, связанная с Германией, в состоянии оказать поддержку, только пока Россия находится в хороших отношениях с Францией.

*Звезда ордена
св. Александра Невского*

Осенью 1859 г., во время пребывания государя в Варшаве, Киселев представил записку о заключении оборонительного договора с Францией, но государь, недоверие которого к Наполеону все более и более увеличивалось под влиянием иностранной политики последнего, нашел необходимым отсрочить решение вопроса. Таким образом, в Варшаве выяснилось, что Россия намерена уклониться от намеченного в начале царствования императора Александра II пути. Главной союзницей ее сделалась теперь Пруссия. Несмотря на это, Киселев остался твердым сторонником прежней политики.

Ставший на очередь восточный вопрос как будто несколько сблизил Россию и Францию. Со времени Парижского мира обе империи держались одинаковой политики по отношению к Турции, поддерживая балканских христиан и содействуя их автономии.

В 1859 и 1860 г. произошло восстание турецких христиан, подавленное турками с большой жестокостью, что побудило князя Горчакова снова поднять вопрос о бедственном положении единоверного нам населения Балканского полуострова. В Париже собралась общеевропейская конференция по восточным делам, в которой русским уполномоченным был П. Д. Киселев. Ободренный успехом, Горчаков поручил ему разведать, не пожелают ли в Париже облечь соглашение с Россией в форму письменного договора. Оставалось только подписать оборонительный договор, как известие о предстоящем свидании императора Александра с императором австрийским и принцем-регентом прусским уничтожило все труды Киселева.

Свидание императоров и правителя Пруссии состоялось в октябре 1860 г. Как и в предыдущем году, в Варшаву съехались русские представители при главных европейских дворах. Государь в разговоре с Киселевым высказал опять недоверие к Наполеону. Несмотря на это, посол, верный своим убеждениям, подал записку о пользе оборонительного союза с Францией. Государь написал на записке: "Против кого?" Недовольный, вероятно, французскими симпатиями своего посла, он предложил ему занять пост председателя Государственного совета, но Павел Дмитриевич отказался от почетного предложения.

В Петербурге тоже были недовольны Киселевым и находили, что он "проведен" Наполеоном. В половине 1862 г. он получил письмо от Горчакова с сообщением, что "для облегчения ему бремени управления посольством" посылается барон Будберг. Киселев увидел в этом намек и поспешил с подачей прошения об отставке.

Привыкнув к парижской жизни, Павел Дмитриевич и по оставлении своего поста продолжал жить в Париже. Между тем физические и умственные силы его постепенно ослабевали, и в ноябре 1872 г. он тихо скончался. 24 декабря тело его было предано земле на его родине, в Москве, в Донском монастыре, рядом с родителями и любимым братом.

Характеризуя Киселева, А. Ф. Кони говорит, что он был *"настоящим слугою государства в лучшем смысле этого слова. Глубоко преданный своему монарху, он был не менее предан и Родине, будущему благу которой, прозреваемому светлым умом, он, несмотря на ранние общественные и служебные успехи, умел приносить в жертву свое самолюбие. Он был усерден, неподкупен - царю наперсник, но не раб"*.

Князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский (1788-1866)

Сын малороссийского генерал-губернатора, члена Государственного совета. Получил образование в знаменитом пансионе Николя, где одновременно с ним учились Орловы, князь С. Г. Волконский и князь Андр. П. Гагарин. На 14-м году от рождения 9 октября 1801 г. был записан на службу актуариусом в Коллегию иностранных дел.

30 ноября 1806 г. Александр Лобанов был определен в Кавалергардский полк корнетом. В следующем году он принял с полком участие в войне с французами и во время тильзитских переговоров состоял ординарцем при дяде своем князе Дмитрие Ивановиче.

Произведенный 9 октября 1809 г. в поручики, Лобанов в 1810 г. принял участие в военных действиях против турок. В Отечественной войне он не участвовал, а состоял ремонтером

**Князь Александр Яковлевич
Лобанов-Ростовский**

6 февраля 1813 г. назначен командиром 3-го полтавского казачьего полка. 6 мая 1815 г. переведен в Изюмский гусарский полк. В августе 1817 г. определен подполковником в лб.-гв. Конноегерский полк и назначен адъютантом к князю П. М. Волконскому; 12 декабря того же года назначен флигель-адъютантом. 5 июня 1819 г. произведен в полковники. В марте 1828 г. он был пожалован в генерал-майоры с назначением состоять по кавалерии, но уже 24 сентября уволен от службы по болезни с мундиром и пенсионом. Рассказывают, что поводом к отставке был выговор, полученный им от императора Николая Павловича за то, что он явился во дворец в старой форме.

Оставив службу, князь Лобанов мог теперь вполне предаться своим природным влечениям: у него была страсть собирать всевозможные коллекции, из которых многие оказались полезными в научном отношении. Он обладал хорошим состоянием:

ему принадлежали 2278 душ крестьян в Орловской губернии и большой каменный дом в Петербурге. Кроме того, он женился на одной из самых богатых невест в России графине Клеопатре Ильиничне Безбородко. Впрочем, брак этот, сначала счастливый, оказался неудачным, и супруги разошлись совершенно. Размолвка, как говорили, началась после того, как Лобанов проиграл в Киеве не только много денег, но и полученное за женою имение в Подольской губернии.

Богатство позволяло ему жить открыто и пышно в его громадном доме на Адмиралтейском проспекте (позднее канцелярия военного министерства). В 20-х годах его любимым местопребыванием сделался Париж, где он продолжал вести открытый образ жизни. Князь Лобанов приобрел расположение короля Карла X и получил от него в аренду замок и лес для охоты в Фонтенбло. Каждый вечер, по окончании спектаклей в Париже, многие артисты и артистки приезжали ужинать к Лобанову в Фонтенбло.

Широкая жизнь в конце концов несколько расстроила его состояние, и он решил продать свой петербургский дом. Впоследствии А. Я. Лобанов поселился на углу Большой Морской и Гороховой. Раз в год он давал раут для мужчин, на который собиралось избранное общество. Рауты отличались такой же роскошью, как и прежние его приемы. На лобановских раутах устраивались всегда бильярдные турниры. Князь пользовался большой любовью петербургского общества.

Выше уже было упомянуто, что Александр Яковлевич был страстным собирателем. Большею частью то, что он собирал, имело отношение к какому-нибудь интересовавшему его историческому вопросу.

Так, в 20-х годах его очень интересовал вопрос о русской княжне Анне, дочери Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за французского короля Генриха I. Позднее он заинтересовался судьбой несчастной шотландской королевы Марии Стюарт и так чтит ее память, что не позволял, чтобы кто-нибудь в его присутствии дурно о ней отозвался. В Шотландии друзья называли его в шутку *Queen Mary's fourth husband* (*Четвертый муж королевы Марии* (англ.)). Он извлек из архивов и напечатал три тома писем Марии Стюарт и собрал богатое собрание ее портретов. Между прочим, ему принадлежал самый достоверный портрет Марии работы, как предполагают, одного из лучших учеников Жана Клуэ.

Песня.

1
Нуткоруккія салдатѣ. — Станемъ немцофѣ выручатѣ.
Они не много труковатѣ. — Мы станемъ за нихъ отвечатѣ.

2
Не робеемъ мы французофѣ. — Всегда герои естѣ у насѣ. —
Лишь бы батюшка Кутузофѣ. — отдалъ намъ прикладѣ.

3
Разщелкаемъ эту саблючѣ. — за боемъ ихъ полки. —
намъ не очень нужна палачѣ. — не очень нужны прусаки.

4
По подвояжнѣ на брата, — мы къ себе ихъ поведемъ. —
вѣтъ для рускаго салдата. — воеватѣ славно мечемъ.

5
Банопартѣ хотя христитѣя. — Но на пляшетѣя онѣ. —
какѣ удастѣя намъ срайтѣя. — Где нашѣ князѣ безрационѣ.

6
Онѣ Еуорова риминиска, — Ученикѣ достойный былѣ. —
Подондктка къ нему блиска. — такѣ узнастѣ каковѣ былѣ.

7
Будѣ хотя онѣ нѣ смелѣя. — Мы не станемъ отѣ спугатѣ. —
тутѣ гораздо мы смелѣя. — Где намѣ трудно побеждатѣ.

8
Мы сражаемѣя за веру. — Ысѣ не огрнѣихѣ за любовь. —
Но заводорню химеру. — Промоаемиѣ мы ихѣ кровѣ.

9
Волностиѣ мы не жалемиѣ. — Императора любимѣ какѣ отца. —
встѣи душѣи къ нему являемѣ. — Знаетѣ нашѣ онѣ сердца.

10
Такѣ мѣдренѣи мѣ дело. — Намѣ французофѣ истребитѣ. —
Царѣ величѣи цѣмѣ мы смела. — всю оселенную победитѣ.

Александр Яковлевич завещал его Эрмитажу, куда еще раньше перешел отдел его библиотеки, касавшийся шотландской королевы. За пожертвование этих книг ему была назначена пожизненная пенсия.

К числу собраний, имевших научную ценность, относится собрание книг по военному искусству и карт (каталог этого собрания был издан в 1823 г. в Париже на французском языке) и портретов Петра Великого. Он напечатал списки портретов Петра, имеющихся у него и в Публичной библиотеке, пополнил собрание последней своими экземплярами. Впоследствии он пожертвовал это собрание Публичной библиотеке. Кроме упомянутых собраний у него было еще обширное собрание каталогов разных картинных галерей, снабженное, в свою очередь, хорошим каталогом, и, наконец, собрание тростей и палок, принадлежавших разным историческим лицам. Эту последнюю у него приобрел граф Воронцов-Дашков.

По-видимому, А. Я. Лобанов, пока еще не пристрастился к истории, интересовался религиозными вопросами; по крайней мере, так заставляют предполагать две книги, изданные им в начале его ученой деятельности: Евангелие от Матфея, переведенное им на русский язык, и молитвы, читаемые при Божественной литургии. Обе книги были изданы в 1821 г. в Париже и напечатаны в типографии Дидо специально для этого вырезанным шрифтом, принадлежавшим самому князю. В конце своей жизни богослов и историк Лобанов является перед нами в качестве гастронома: он издал, без обозначения своего имени, два сборника разнообразных меню на французском языке.

Еще в начале своей деятельности, при появлении первых трудов, А. Я. Лобанов-Ростовский был избран в члены парижского *Societe des bibliophiles français (Общество библиофилов)*, в память чего была выбита медаль. В России он был избран в действительные члены Русского географического общества.

Наибольшую известность Лобанов-Ростовский приобрел как основатель и первый командор императорского российского Яхт-клуба. Первые годы его деятельности в Яхт-клубе были временем процветания этого учреждения. Морским делом Лобанов занимался как любитель. Еще будучи флигель-адъютантом, он имел свои суда, из которых был известен двенадцатипушечный бриг "Пожарский". Впоследствии были известны его яхт-шхуны "Рогнеда", "Русалка", "Александра" и "Голубка"; почти все они были куплены в Англии.

Князь А. Я. Лобанов-Ростовский умер 26 ноября 1866 г. в Петербурге, не оставив потомства. Он погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Барон Матвей Иванович фон дер Пален 3-й (1779-1863)

Родился в родовом имении Пальме Эстляндской губернии, сын кавалергарда.

Матвей Пален еще в детском возрасте был зачислен в Конную гвардию квартирмейстером и, проходя последовательно по ступеням военного чиновничества, вступил в 1797 г. в действительную службу корнетом с переводом в Рижский кирасирский полк, в котором и получил первое боевое крещение. В 1798 г. в чине поручика он участвовал с полком в делах при Янкове, Ландсберге и в прейсиш-эйлауских боях, где заслужил первое свое военное отличие - орден св. Владимира 4-й ст. с бантом. 20 апреля за отличие переведен тем же чином в Кавалергардский полк и затем 30 апреля участвовал в ночном деле под Остроленкой, за что награжден золотой шпагой; по окончании кампании получил прусский орден "За заслуги".

Позднее Матвей Пален прибыл к полку, назначен адъютантом к генералу Тучкову 1-му, командовавшему во время шведской кампании 5-й дивизией, входившей в состав войск, действовавших в Финляндии, и произведен в штабс-ротмистры. Участвуя во время

финляндской войны во многих делах, барон Пален проявил особую храбрость и распорядительность.

Особенно деятельное участие принимал Пален в ночном бою 30 октября 1808 г. при Иденсальми: благодаря его распорядительности и личной храбрости вовремя преду-

**Барон Матвей Иванович
фон дер Пален**

преждена была и отбита атака шведских партизан Сандельса. За это дело барон Пален награжден был орденом св. Георгия 4-й ст. 11 ноября того же, 1808 г. он участвовал при занятии нашими войсками Улеаборга, а в следующем, 1809 г. находился в отряде графа Строганова, где командовал "препорученным ему кавалерийским отрядом".

9 октября 1809 г. Матвей Пален был произведен в ротмистры и вместе с Ф. П. Уваровым отбыл в Молдавскую армию. В мае и июне 1810 г., состоя адъютантом при Уварове, он находился при осадах Силистрии и за сражения под Шумлой удостоен благоволительного рескрипта. При вылазке турок из Шумлы 26 июня барон Пален "во все продолжение 24 часов сражения, не сходя почти с лошади, находился во всех опасностях, развозя приказания, и даже оставался часто на пунктах между сражающимися". За это сражение Пален был произведен в полковники. При неудачном штурме Рушука (22 июля) он был ранен в правое плечо, 26 августа участвовал в сражении

при Ватине, 15 октября находился при занятии Никополя.

В Отечественную войну М. И. Пален сначала был командирован дежурным штаб-офицером к Тучкову, а затем с 14 октября командовал летучим отрядом и первый открыл сообщения между большой армией и корпусом графа Витгенштейна. Преследуя затем неприятеля, он имел с ним дело при Россиенах. В декабре 1812 г., с переходом наших войск через Неман, он находился 24-го числа при занятии Кенигсберга.

В январе следующего, 1813 г. он был командирован с отрядом для обложения крепости Пилау. "Во время двухнедельной его команды блокадою отбил значительный транспорт с провиантом и фуражом". Затем Пален отбил две неприятельские вылазки и был награжден алмазными украшениями к ордену св. Анны 2-й ст. и назначен комендантом Кенигсберга. В марте того же года он поступает под начальство генерал-адъютанта А.И. Чернышева. При взятии Люнебурга (21 марта) Пален, "командуя двумя казачьими полками, повел атаку по левому берегу р. Ильменя на засевшего в городе многочисленного неприятеля и тем обратил на себя значительные силы неприятеля, а когда вытеснен он был из города и покушался пробиться чрез отряд его, то искусными движениями присоединил к себе еще 200 казаков, занял все проходы, могущие служить к отступлению, чем самым содействовал к совершенному поражению неприятеля; атакуя его, отбил 2 знамени, 2 пушки и взял в плен большое число шт.- и об.-офицеров и нижних чинов". За отличия, оказанные в последнем деле, произведен в генерал-майоры.

Перейдя затем под начальство Винценгероде и командуя особым кавалерийским отрядом, он участвовал во многих делах, за каковые имел награды. В ноябре-декабре 1813 г. Пален находился при блокаде Гамбурга и "многократно отражал неприятельские вылазки". Участвовал в деле против французских и датских войск, находившихся под начальством генерала Вишеры, которые разбил и преследовал до самого Гамбурга, за что награжден золотой шпагою, украшенной алмазами,

В 1814 г. с 1 по 7 января барон Пален находился при блокаде датской крепости Ренсбург до заключения Кильского мира, за что получил командорский крест шведского

ордена Меча. Затем он перешел Рейн близ Кельна и участвовал в многочисленных делах в пределах Франции.

По окончании кампании 1814 г. барон Пален возвратился в Россию.

Высочайшим приказом 12 июля 1818 г. он по прошению был уволен от военной службы. Действительные мотивы прошения неизвестны. Можно, однако же, предполагать, что на это решение имели влияние два обстоятельства: брак и престарелые годы отца, который и умер вскоре.

Новая эра жизни наступила для барона Палена: он женится на Елизавете фон Эссен, уезжает в свое родовое поместье Пальме в Эстляндской губернии и после тревог боевой жизни отдается деревенскому покою и супружескому счастью. Последнее, однако, продолжалось недолго: не прошло и трех лет, как он потерял жену, оставившую ему сына Александра. Впрочем, 25 августа 1823 г. он вступает во второй брак с Екатериной Арвелиус, от которой впоследствии имел четырех дочерей. Вторая супруга не только сопровождала барону Палену во всю его долгую жизнь, но даже пережила его на шесть лет. Обе супруги были уроженки Эстляндии, и это, несомненно, еще теснее связало барона Палена с балтийским дворянством и повлияло на всю его дальнейшую деятельность.

Должность ландрата (*ландрат* (нем. *Landrat*) - советник от дворян уезда при губернаторе) Эстляндской губернии барон Пален занимал в течение семи лет с 18 февраля 1821 г. Судя по дальнейшей его деятельности, он был, вероятно, полным приверженцем остзейского дворянства и действовал всецело в его интересах.

В 1828 г. о М. И. Палене вновь вспомнили в Петербурге: он производится в тайные советники и назначается попечителем Дерптского учебного округа, преемником графа Ливена, занявшего пост министра народного просвещения. Должность попечителя была самостоятельна, и только барон Пален совместил эту должность с более обширной и ответственной, а именно в 1830 г. он переименовывается в генерал-лейтенанты с назначением генерал-адъютантом и рижским военным губернатором (с 1801 г. рижский военный губернатор значился одновременно и генерал-губернатором Прибалтийского края).

Польское восстание. Взятие арсенала

В 1831 г. наступила тяжелая пора, когда в Польше возникли легкомысленные надежды на восстановление самостоятельного польского государства и глухо заволновали край. В народе велась деятельная пропаганда, и вскоре стали появляться мятежнические банды, распространившие волнения на некоторые уезды Курляндской губернии. На остзейского генерал-губернатора было возложено умиротворение края в ближайших к Кур-

ляндии местностях. В этом деле генерал-губернатор выказал большую энергию: немедленно же было сформировано земское ополчение и, кроме того, составлен особый конный отряд из жителей Риги и Митавы, на что государь дал свое соизволение и приказал нижних чинов этого отряда снабдить оружием, лошадьми и производить им от казны во все время службы продовольствие и фураж по положению легкой армейской кавалерии.

В качестве командующего отрядом войск (2000 человек, 6 орудий) Пален принимал непосредственное участие в делах. Эта деятельность его по усмирению мятежа не осталась без наград, и 6 декабря 1831 г. ему пожалован орден св. Александра Невского.

Чтобы выяснить движение, начавшееся в 30-х годах среди латышей, необходимо обратиться к 1819 г., когда произошло освобождение остзейских крестьян от крепостной зависимости. Освобождение это носило совершенно своеобразный характер: латышам земли не дали и тем самым поставили их в полную экономическую зависимость от местного дворянства. Наследственная аренда тоже не была установлена, и помещик мог во всякое время увеличить арендную плату и прогнать крестьянина не только с земли, но далее из дома. С точки зрения правовой крестьяне также оказались в полнейшем подчинении у землевладельцев, хотя и существовали некоторого рода самоуправление и даже свой суд.

Жаловаться крестьянам было некуда, ибо высшие инстанции всецело находились в руках того же дворянства. В сущности, для остзейских крестьян после "освобождения" наступила еще горшая кабала и самое крепостное право во внутренних губерниях России, несмотря на все его темные стороны, казалось раем в сравнении с мнимой свободой прибалтийских крестьян.

Таково было положение дел в Остзейском крае, когда несколько последовательных неурожаев довели ливонских крестьян в 1841 г. до полного обнищания. Появились голод и болезни. Народ изнывал и в отчаянии стал обращаться с жалобами к местному начальству, причем в просьбах своих крестьяне нередко обвиняли помещиков, не дававших им достаточных средств к пропитанию. Наряду с этим в народе стала распространяться молва о возможности переселения, и вскоре толпы крестьян стали приходить в Ригу с просьбами поскорее вывезти их из Ливонии.

В июне 1841 г. одна из таких голодных и запуганных крестьянских артелей забрела на архиерейское подворье, в котором в то время проживал представитель православной церкви в Прибалтийском крае преосвященный Иринарх. Теплом веяло на души обездоленных латышей от православного духовенства, и невольно потянуло их туда, где вера Христова не дает различия между людьми и открывает одинаково всем мирное пристанище для измученной души. Неизвестно как, но мечты о переходе в православие соединились в умах латышей с представлением о лучшей доле, о каких-то иных землях, куда будто бы переселяют всех принявших православие.

Как бы то ни было, латыши обратились к преосвященному Иринарху и просили его принять от них прошения о желании перейти в православие и о переселении. Преосвященный взял прошения и препроводил их в Петербург к обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову. Одновременно с этим он известил Протасова о бедственном положении народа и о преследованиях со стороны губернского начальства.

Петербургские друзья немедленно известили барона Палена обо всем, и последний стал непримиримым врагом Иринарха. Между генерал-губернатором и русским архиереем возникла резкая переписка, началась открытая война.

Результатом этих обостренных отношений между Иринархом и бароном Паленом явилось донесение последнего в Петербург о том, что рижский архиерей способствует возмущению края. На этом основании Протасов представил государю всеподданнейший доклад, в котором на искреннего служителя православия была брошена тень подозрения в неблаговидных политических поступках. Доклад возымел свое действие: государь в своей резолюции приказал, чтобы Иринарху было сделано "строгое внушение о неправильности и неблагоразумии его действий".

Новый доклад генерал-губернатора, поданный государю через графов Строганова и Бенкендорфа, изобразил весь Остзейский край охваченным народным возмущением: Иринарх и православные священники были изображены чуть не демагогами, "потрясающими основы государства"; говорилось, что те же священники будто бы обещают за перемену веры дома, земли, скот и все хозяйственное обзаведение; что, наконец, крестьяне совершенно отказываются от работ и что не далее как осенью 1841 г. должна последовать кровавая развязка.

Преосвященный Иринарх писал по этому поводу графу Протасову: *"Сие волнение или возмущение не что иное есть, как сильное и почти всеобщее желание крестьян присоединиться к православной церкви"*. Однако все сообщения Иринарха, вся его защита несчастных латышей не привели ни к чему и только погубили самого преосвященного.

**Офицеры в дворянском поместье
в Остзейском крае**

На место Иринарха был назначен в 1842 г., уже с саном епископа Рижского, ректор Московской духовной академии архимандрит Филарет, ревнитель православия, человек души возвышенной и доброты необыкновенной. Генерал-губернатор встретил его с видимым предубеждением и каждое действие епископа подвергал строжайшему контролю, ревниво оберегая свою власть и вместе с тем и права прибалтийских дворян, видевших в стремлении латышей к православию покушение на свои исконные помещичьи права.

Спустя некоторое время остзейского генерал-губернатора вызвали в Петербург для объяснений. Доклады барона Палена, имевшие целью представить положение дел в очень опасном для окраины состоянии, не имели уже успеха. Напротив, государь очень заинтересовался жизнью прибалтийских крестьян и даже повелел учредить повсеместно для латышей и эстонцев богослужение на их родном языке, а не на немецком. Пален

не нашел теперь поддержки в Петербурге, а вскоре (в 1844 г.) скончался и всесильный граф Бенкендорф.

В 1845 г. Матвей Иванович Пален был назначен членом Государственного совета с повелением присутствовать в военных дел департаменте. Граф А. Ф. Орлов, заменивший Бенкендорфа, и Перовский, явившийся на смену Строганову, употребили все усилия, чтобы на место его на пост генерал-губернатора в Ригу назначено было лицо русского происхождения.

В том же 1845 г. Матвей Иванович был назначен членом высочайше утвержденной при Государственном совете комиссии для рассмотрения двух первых томов "Свода местных узаконений губерний Остзейских". Замечательно, что здесь при обсуждении столь важных вопросов, касавшихся его родины, барон Пален всецело высказался в пользу реорганизации быта местных крестьян, экономическое положение которых он признавал крайне тяжелым. Это свидетельствует о том, что в душе Матвей Иванович был человеком сердечным и гуманным, отзывчивым к человеческому горю, но, к сожалению, не могшим оградить себя от влияния местного дворянства, навязавшего ему крайне неблагоприятную роль защитника и поборника своих узкосословных интересов и стремлений.

В 1847 г. барон Пален согласно прошению был уволен в отпуск с назначением пенсии 6 тыс. руб. в год. С этих пор кончается его поприще на служение Отечеству, и он

мирно доживает свои дни в родовом имении Пальме, удостоенный многочисленных отличий и знаком беспорочной полувековой службы.

Князь Александр Константинович Ипсиланти (1792-1828)

Принадлежал к древней и богатой греческой фамилии. Отец его князь Константин, составивший заговор для освобождения Греции, был последовательно господаром Молдавии и Валахии. В 1806 г. он, как ревностный приверженец России, лишился власти и бежал в Киев. Этот поступок повлек за собою казнь его восьмидесятилетнего отца и конфискацию как его обширных имений в княжествах, так и роскошного дворца близ Константинополя.

Александр, старший из сыновей князя Константина, по свидетельству формуляра, "грамоте по-русски, по-немецки, по-французски и по-молдавански читать и писать умел и алгебры знал". Его образование было тем поверхностнее, что он, по свидетельству даже весьма расположенной к нему родственницы графини Эдлинг, отличался "легкомыслием и леностью к умственным занятиям, помешавшими ему в развитии драгоценных задатков, данных ему природою".

**Князь Александр
Константинович Ипсиланти**

Князь Александр в 15 лет был представлен ко двору, причем вдовствующая императрица Мария Федоровна обещала "покровительствовать ему при вступлении его в свет". 12 апреля 1808 г. он поступил "из малолетних молдавских князей" в Кавалергардский полк с чином корнета. Движение Ипсиланти по службе шло быстро: 27 сентября 1810 г. он был произведен в поручики, 18 октября 1812 г. - в штабс-ротмистры, 20 февраля 1813 г. - в ротмистры; 6 июля того же года переведен подполковником в Гродненский (Клястицкий) гусарский полк. Во время войны с Наполеоном Александр Ипсиланти участвовал во многих сражениях, причем обнаружил большую храбрость, доходившую иногда до безрассудства. В кампании 1813 г., в сражении при Дрездене, у Ипсиланти была оторвана ядром правая рука. Раненый немедленно был произведен в полковники.

Увечье, полученное Александром Ипсиланти, сделало его неспособным к действительной военной службе. Он долго страдал от раны, но при этом сохранял спокойное и даже веселое настроение духа и 1813-1815 гг. провел за границей. Благодаря своей молодости, веселому нраву и почетному увечью князь Ипсиланти возбуждал к себе общий интерес и сочувствие. Император Александр I был чрезвычайно милостив к юному инвалиду и 1 января 1816 г. пожаловал его флигель-адъютантом. В конце 1817 г. он произведен в генерал-майоры с назначением командиром 1-й бригады 1-й гусарской дивизии. Еще в 1810 г. Александр вступил в масонскую ложу "Палестины"; впоследствии мы видим его в ложе "Трех добродетелей" вместе с главнейшими представителями декабристов.

Вращаясь в высшем европейском обществе и верно служа своему второму отечеству, Ипсиланти не забывал о печальном положении своей родины. Еще во время откровенных бесед с друзьями юности "надежда, что греческий народ некогда будет свободен, являлась ему радужным сном". Время Венского конгресса было особенно благоприятно для патриотических надежд греков. Их соотечественник граф Каподистрия был доверенным лицом и ближайшим сотрудником Александра I по иностранным делам; благодаря его стараниям в венский трактат не была внесена статья, гарантирующая неприкосновенность Порты. Не только славяне, но и греки полагали, что "освободитель Европы" намерен сде-

латься и освободителем христианского Востока: самое имя Священного союза (Австрии, Пруссии и России) вводило многих в заблуждение относительно цели этого учреждения и возбуждало уверенность, что этот союз может быть направлен против врагов креста.

Общество "Друзей муз", имевшее целью устройство в Греции школ и охрану местных древностей, пользовалось щедрыми пособиями от императора Александра. Иной характер носило другое общество - "Этерия", которое втайне готовило освобождение Греции путем насильственного переворота. Во главе этого общества стояла таинственная "верховная власть", за которую многие считали самого императора Александра; вожаки "Этерии" всеми силами старались поддерживать это убеждение, ни на чем не основанное.

Вербую повсюду членов, этеристы остановили свое внимание и на семействе Ипсиланти. Меньший брат Александра Ипсиланти князь Николай, вступив в 1818 г. в "Этерию", поспешил привлечь своих братьев к участию в этом обществе.

1820 г. был решительным в истории "Этерии", вожаки которой постановили приступить к враждебным действиям против турок, предполагая воспользоваться разрывом между Портою и Али-пашой, почти независимым властителем Эпира, Фессалии и Морей.

Уполномоченному Эммануилу Ксанфосу было прямо поручено предложить графу Каподистрия главное руководство "Этерией". Положение Каподистрия было чрезвычайно затруднительно. Как греческий патриот, он желал скорейшего освобождения своего отечества, как близкое лицо к русскому императору, он был уверен, что восстание греков, не поддержанное Россией, поведет только к бесполезному кровопролитию. Поэтому он стал убеждать Ксанфоса оставить мысль о насильственном перевороте.

Потерпев неудачу у Каподистрия, Ксанфос обратился к Александру Ипсиланти. Предложение соответствовало желаниям Ипсиланти, человека крайне легкомысленного и весьма честолюбивого. 31 марта 1820 г. он признан был генерал-эфором, т. е. блюстителем "верховой власти". Вместе с этим Ксанфос передал князю все текущие дела и денежные документы "Этерии". Для того чтобы быть ближе к главным центрам "Этерии", Ипсиланти испросил себе заграничный отпуск для лечения раны и в июле выехал из Петербурга через Москву на юг России. При этом он высказывал намерение посетить Дунайские княжества.

В Москве Ипсиланти был встречен с восторгом местными этеристами. Через Киев, где он простился со своей матерью, он проехал в Одессу. В этом городе, родине "Этерии", Ипсиланти провел конец лета и начало осени. Прием, встреченный там генерал-эфором, должен был несколько охладить его горячее увлечение делом "Этерии". Богатые одесские банкиры-греки относились недоверчиво к рискованному предприятию Ипсиланти и были скупы на пожертвования.

Этеристы могли достигнуть успеха только в том случае, если бы их поддержала Россия, и всякому было ясно, что открытие враждебных действий против турок в Дунайских княжествах представляло много шансов на вмешательство России в войну, происходящую у самых границ ее. К тому же турки были очень слабы в княжествах: в Браилове их было только 700; крепости по правому берегу Дуная были почти лишены гарнизонов и припасов, а вследствие войны с Али-пашой были отозваны войска из Болгарии и Фракии.

В начале 1821 г. обстоятельства сложились так, что Ипсиланти счел нужным приступить к решительным действиям. Тяжкая болезнь и последовавшая 13 января смерть господаря Валахии Александра Сутцо была благоприятна для утверждения этеристов в стране, оставшейся без правительства. Пользуясь этим, Владимиреско с войском в 4 тысячи человек, состоявшим из всякого хищного сброда, поднял знамя восстания в Чернецах. Он, правда, объявлял, что действует не против Порты, но желает защитить валахов от притеснений со стороны господаря и бояр; но этеристы в это время вполне рассчитывали на него.

Александр Ипсиланти ночью 22 февраля, имея заграничный паспорт за подписью Нессельроде, выехал к турецкой границе. В 6 часов пополудни он в русской генеральской форме перешел через замерзший Прут в сопровождении только брата Георгия и двух при-

ближенных к нему лиц и отправился в Яссы. Этеристы встретили его с энтузиазмом; он обнимал их, говоря: "Я пришел умереть с вами".

24 февраля Ипсиланти обнародовал прокламацию к грекам, наполненную высокопарными фразами о необходимости единения, о слабости врага и о всеобщем сочувствии делу греческой свободы; сверх того, упоминание об ожидаемой помощи со стороны какой-то "державной силы" компрометировало русское правительство, так как прокламация князя Ипсиланти как бы обещала немедленное вступление в Молдавию русских войск. Так лее неудачно была составлена и прокламация к народу Молдавии, выпущенная Ипсиланти в один день с воззванием к грекам. В то же время он отправил в Лайбах два письма на имя императора Александра и графа Каподистрия, в которых просил оказать поддержку "делу греческой свободы".

Ипсиланти пробыл в Яссах шесть дней. На третий же день была отслужена торжественная обедня в церкви Трех Святителей в присутствии генерал-эфора и его солдат, причем митрополит освятил меч князя Ипсиланти и знамена. Среди этеристов господствовал сильный энтузиазм, они клялись не брить бород до тех пор, пока не увидят креста на куполе св. Софии. *"Прекрасная минута надежды и свободы"*, - восклицает Пушкин по поводу этой церемонии, и он же пишет в связи с событиями в Молдавии: *"Первый шаг кн. Ипсиланти прекрасен и блистателен! Он счастливо начал! 28 лет, оторванная рука, цель великодушная. Отныне он принадлежит истории"*. С поэтом был согласен и практический деятель П. Д. Киселев. *"Ипсиланти, - писал он Закревскому, - перейдя за границу, перенес имя свое в потомство. Помози ему Бог в святом деле; желал бы прибавить: и Россия"*.

Трудно было выбрать время, менее благоприятное надеждам греков на помощь России, чем февраль 1821 г. Император Александр был тогда на конгрессе в Лайбахе, где он находился в постоянном и тесном общении с императором Францем и Меттернихом. Австрийские войска, усмирявшие в это время королевство обеих Сицилий, рассеяли карбонаров под Риэти в тот самый день, когда Ипсиланти обнародовал в Яссах свою прокламацию.

Греческое восстание

"Изумление, страх и ярость, - пишет Стурдза, - овладели членами конгресса при получении сей загадочной вести. Догадки, опасения таинников политической науки, все их распросы метили на Россию".

Положение императора Александра и графа Каподистрия было крайне затруднительно. Самые противоположные чувства должен был испытывать Александр I, читая письмо Ипсиланти. *"Благородные движения народов исходят от Бога, - писал князь, - и, без сомнения, по Божью вдохновению поднимаются теперь"*

греки свергнуть с себя четырех вековое иго. Долг в отношении к отечеству и последняя воля родительская побуждают меня посвятить себя этому делу. Несколько лет тому назад среди греков образовалось тайное общество, имеющее единственную целью - освобождение Греции; оно выросло быстро, и его ветви распространяются повсюду, где только есть греки. Я смею уверить Ваше Императорское Величество, что никакие человеческие силы не могут остановить этот благородный порыв греков и что сопротивление общему желанию нации может только погубить ее навсегда, тогда как, управляя ее энтузиазмом, должно надеяться спасти ее. Государь! Неужели вы предоставите греков их собственной участи?.."

Это письмо было написано со знанием характера императора Александра: оно взывало к его гуманности, льстило его самолюбию. Но, как член Священного союза и охранитель его начал, Александр должен был строго осудить поступок Ипсиланти. В этом же смысле был составлен графом Каподистриа ответ на письмо Ипсиланти.

"Разве какой-нибудь народ, - писал Каподистриа, - может подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнение императора. - Как вы смели обещать жителям княжества поддержку великого государства? Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите вы от императора, ибо мы повторяем, что недостойно его подкапывать основания Турецкой империи постыдными и преступными действиями тайного общества... Ни вы, ни ваши братья не находятся более в русской службе, и вы никогда не получите позволения возвратиться в Россию". Тогда же, 9 марта, было официально объявлено об исключении князя Ипсиланти из списков. Посланнику барону Строганову было вменено в обязанность сообщить Порте о всех этих мерах.

Между тем князь Ипсиланти окружил себя "целой армией родных и льстецов". По отношению ко всем прочим он вел себя так, как будто на его голове уже находилась корона некоей восточной империи: он всех отталкивал от себя своей надменностью и строгим соблюдением этикета, напоминавшего церемонии византийского двора; с боярами он обращался, как с лакеями, и заставлял их по целым часам дожидаться в передней. В его главном штабе господствовала полная дезорганизация. Советники Ипсиланти, по выражению Ризоса, "не знали ни того народа, на который они напали, ни того, освобождение которого они выставляли своею задачей". Бояре были напуганы слухами о демократических проектах Ипсиланти; низшие классы обманулись в своих надеждах на реформы. Войско Ипсиланти было бременем для страны. Эти шайки, жившие на счет горожан и крестьян и в своих бесчинствах доходившие, как это было в Галаце, до осквернения церквей, всего более способствовали непопулярности среди валахо-молдаван князя Ипсиланти и его дела.

28 марта он вступил в Бухарест, простояв перед этим два дня вблизи столицы. Его мучили тяжелые сомнения. Он не скрывал неуверенности в успехе своего дела. 1 апреля он отступил на север, к Тырговишту. В это время силы турок с трех сторон надвигались на Малую Валахию и Молдавию и одерживали одну победу за другой. 2 мая ими был взят Галац, а 17 мая турецкая армия заняла Бухарест. В Тырговиште господствовала полная деморализация: дезертиры оказывались даже среди "священной дружины"; бежал близкий к Ипсиланти его домашний врач Мауранатос; этеристы даже вели с турками переговоры относительно убийства или выдачи Ипсиланти. Александр, бросив часть обоза, отступил еще ближе к австрийской границе.

7 июня произошло сражение, имевшее решительное влияние на судьбу Ипсиланти. Турки, увидя слабость кавалерийского отряда греков, дали им отпор и без труда рассеяли кавалерию, предводитель которой к довершению всего сражался в пьяном виде. Затем турки бросились на "священную дружину" и перебили ее. Греческая армия в паническом страхе обратилась в бегство. Удалось спасти только знамя и остатки "священной дружины" и прикрыть отступление.

Стремясь попасть на австрийскую территорию, Александр объявил солдатам, что Австрия начинает войну с Турцией, и под предлогом переговоров с австрийскими властями перешел 15 июня границу в сопровождении братьев. В деревне Орлай, близ Германштадта, адъютант генерал-губернатора вручил ему паспорт для проезда через Гамбург; в этом документе Александр Ипсиланти был назван "русским подданным и богатым купцом", но в Темешваре комендант задержал его и отправил в Арад до получения инструкций из Вены.

После десятидневного пребывания в Араде князю Ипсиланти было объявлено, что император Франц, "движимый присущим ему чувством великодушия", согласен дать беглецам убежище в своих владениях. В сопровождении плац-адъютанта и двух своих спутников Ипсиланти был переведен в крепость Мункач.

У Ипсиланти были отобраны все его вещи, и он был отведен в каземат со сводами и маленьким окном у самого потолка; вся меблировка состояла из кровати с соломенным тюфяком и судна. Александр умолял коменданта прислать ему нужные вещи и служителя, без которого он, как безрукий, не мог обходиться, и особенно не заключать его отдельно от его товарищей. Комендант согласился только на эту последнюю просьбу. Тут они провели семь недель без всякого сообщения с миром.

В июле 1823 г. узники были под конвоем перевезены в Чехию в крепость. Здесь Ипсиланти был почти постоянно болен; по совету врача он просился на воды в Теплиц или Мариенбад, но ему было дозволено в конце лета 1826 г. съездить на воды в Венгрию, после чего он опять жестоко проболел всю зиму.

Братья Ипсиланти со времени их задержания в Австрии не теряли надежды на изменение своей участи. Еще в ноябре 1821 г. мать их княгиня Елизавета Ипсиланти обратилась к Александру I с ходатайством о смягчении участи ее сыновей. Император ответил, что "обязанности высшего порядка, независимые от всяких личных взглядов, запрещают ему исполнить ее желания".

Воцарение императора Николая I оживило надежды Ипсиланти на улучшение их участи, и они несколько раз обращались с письмами к государю и императрице. Только в 1827 г. русскому послу в Вене было приказано заявить, что русский двор при настоящих обстоятельствах ничего не имеет против освобождения Ипсиланти, но что они не будут допущены в Россию.

В ноябре 1827 г. Александр Ипсиланти был выпущен на свободу. Он предполагал жить в Вероне или Венеции, но болезнь позволила ему доехать только до Вены, где он и провел последние дни. Он умер от разрыва сердца 19 января 1828 г.

Михаил Петрович Бутурлин (1786-1860)

Сын отставного капитана Измайловского полка. Воспитанный в старинной дворянской семье, Михаил Бутурлин вышел из родительского дома с основательным знанием языков и 25 марта 1807 г. поступил на службу эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк. Вместе с полком ему пришлось совершить Прусский поход 1807 г.; в следующем году он произведен корнетом, а еще через два года - поручиком; 15 марта 1811 г. назначен полковым адъютантом.

Михаил Петрович Бутурлин

Весенний поход 1812 г. до окрестностей Вильны Бутурлин совершил с полком. *"Мы сюда (в Друю) пришли вчерашнего числа (16 апреля), - писал он своему отцу, - и останемся еще и завтрашний день; здесь переправа чрез Двину. Мы получили, т. е. наш полк, приказание остановиться в м. Опсы Виленской губ., это за два перехода отсюда. Я сегодня исповедовался и приобщался; к счастью, что здесь есть русская церковь... Я удивляюсь, как эта старинная церковь осталась здесь, она была, вероятно, еще прежде, нежели этот край достался Польше, и среди всех прочих, которые тогда приняли римскую веру, удержалась одна бедная церковь; теперь строение деревянное и худо"*.

Во время нахождения полка под Вильной 29 мая 1812 г. он назначен старшим адъютантом 1-й кирасирской дивизии. Поглощенный новой должностью, Бутурлин поддерживал переписку с отцом. *"Я кое-как мог урвать, чтобы написать вам несколько строк, может*

быть, мы очень скоро будем в деле; я прошу вашего благословения и надеюсь на Бога; жив или мертв - не сделаю вам стыда, я в первый раз еще увижу рубку, однако авось Бог поможет... Я просил генерала, что ежели буду убит, то деньги мои отдать людям, которые со мною; поручаю их вам".

Первое дело, которое увидел Михаил Бутурлин, было дело под Витебском. Особенно отличился он под Смоленском. Вызвавшись добровольно в отряд полковника Вуича, он "с удивительной храбростью и рвением расставлял егерские цепи". Вуич хотел даже рапортом уведомить старика Бутурлина о доблестном поведении сына, но Михаил упрямил не делать этого.

26 августа, во время Бородинского боя, Бутурлин находился при князе Д. В. Голицыне, который командовал кирасирами. После знаменитой атаки кавалергардов и Конной гвардии, положившей предел атакам французской кавалерии, "Барклай приказать трубить "апель", - записано в "Истории кавалергардов", - но у одних лошади занесли, другие же в пылу боя и грохота выстрелов не слышали сигнала и пронеслись до ручья Семеновки, на берегу которого неприятельская кавалерия стала собираться. Около сотни кавалергардов разных эскадронов, увлекшись преследованием, наскочили на фронт неприятельской кавалерии; кавалергарды стали собираться к своим офицерам и тоже выстроились. Старшим в этой кучке оказался пор. Шкурин. Оба фронта стояли один против другого неподвижно. В таком положении застал их дивизионный адъютант М. П. Бутурлин. "Что мне делать? - сказал Шкурин Бутурлину. - Если поворочу налево-кругом, они сядут на плечи; с другой стороны, полковые трубы играют "апель", стоять опять нельзя - неприятеля много, и он все усиливается". Бутурлин ответил, что на месте Шкурина он атаковал бы, так как это единственное средство к спасению. Шкурин заметил, что и он того же мнения, но боится ответственности за действия в противность полковому сигналу, и потому упрямил Бутурлина объявить ему приказание атаковать. Бутурлин согласился. "С места! Марш-марш!" -скомандовал Шкурин. Неприятель, не ожидавший атаки, смешался и дал тыл, а Шкурин, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, поскакал назад к полку".

Кавалергарды в бою у Семеновского во время Бородинского сражения

"Вчера был целый день в деле, - писал 27 августа из Можайска Михаил, - и благодаря Бога жив; меня в 10 ч. утра ранили картечью или пулей - не знаю; только пробило шинель с воротником, мундир и жилет, а раны не сделано; видно, мертвая пуля или картечь, как лекарь говорит..." А 31 августа из Москвы: *"За 26-е число можно благодарить, что Бог вынес; вы не представите, что это было: мы не уступили ни шага, 14 часов была со-*

вершенная бойня, те, кои были под Пр.-Эйлау, под Нови и в других баталиях, говорят, что это было ничего пред сою; нашего полка убито и ранено 16 офицеров, неприятель, конечно, должен потерять гораздо более". Наконец, через месяц из д. Колодези: "Вы не можете вообразить, что это за ад был; кавалерийские атаки уже точно шутки, я был в шести с князем, а то непрерывный огонь; ядра, а особливо картечь и гранаты, так что нигде места выбрать (нельзя) - так и сыпет; счастлив, кого Бог вынес; такого огня, верно, уже не будет. При князе нас было шесть: один убит, четверо ранены - трех самих, а у четвертого три лошади убило; один только Неклюдов (Серг. Петр.) уцелел, отделался шинелью простреленной, да еще ему убыток: его же шинель и на мне была прострелена пулею, которая меня ранила".

За Бородино Михаил Бутурлин был награжден орденом св. Анны 4-й ст. Затем он участвовал в деле при Чернишне, где был "употреблен с поручениями в опаснейших местах", под Тарутином, Малоярославцем, Вязьмою и под Красным. Награжден орденом св. Владимира 4-й ст., а за Красное - золотой шпагою. В феврале 1813 г. был произведен в штабс-ротмистры.

Москва, сентябрь 1812 года

Перейдя границу, он живо заинтересовался окружающей его обстановкою: нарядный вид немецких деревень, чистота улиц, постройки и костюмы жителей служат постоянной темою его писем к отцу. Привыкшего к обстановке русской широкой помещичьей жизни, Михаила особенно поражала немецкая расчетливость и аккуратность и отсутствие дворни. "Что меня удивляет здесь, - писал он из Франкфурта-на-Майне, - это чистота в домах; у моего хозяина преогромный дом в три этажа, услуга же его состоит: кухарка, горничная девка и еще одна женщина для черной работы, да один человек, который камердинер, служит за столом, на всех посылках, кучер и конюх, - и все в порядке: пара вороньих всегда вычищена, коляска в исправности, а в комнатах любо посмотреть, и ко всему этому хозяин жалуется, что этот человек ленив, а я только удивляюсь, как его достает на все работы".

В кампанию 1813 г. Бутурлин находился в сражениях под Люценом, Бауценом и Дрезденом. Б знаменитые дни Кульма он оказал немалую услугу. 17 августа, когда отряд Остермана преградил путь у Кульма корпусу Вандамма, 1-я кирасирская дивизия выступила утром на Теплиц. В голове колонны шли кавалергарды. Пока шли в горах, не было слышно пушечных выстрелов, и полки были далеки от мысли о предстоящем им участии в сражении. Князь Голицын и Де-Прерадович отправились вперед к Теплицу. Старшим

при дивизии остался командир Конной гвардии Арсеньев. Кавалергарды уже начали спускаться в долину, как прискакал офицер Дист, настоятельно требуя подкрепления Остерману. "По отсутствию старших начальников Арсеньев был в нерешимости исполнить требование Остермана, но, постигая важность обстоятельств и поддержанный дивизионным адъютантом Бутурлиным (М. П.), велел полковнику Ершову вести Кавалергардский полк на место сражения". Вслед за кавалергардами пошли и остальные полки дивизии. "При-

*Знак ордена св. Георгия
на орденской ленте*

спели кирасирские полки 1-й дивизии, и правое крыло мое стало неодолимо", - доносил государю Остерман.

Заболев в конце ноября сильнейшей лихорадкой, Бутурлин принужден был оставаться долгое время во Франкфурте-на-Майне. Остальное время кампании до взятия Парижа он находился в армии. В 1816 г. он был произведен в ротмистры, в следующем году назначен адъютантом к князю П. М. Волконскому, а 12 декабря того же года флигель-адъютантом. В 1818 г. он был произведен полковником; позднее переведен в лб.-гв. Драгунский полк. 2 октября 1827 г. произведен в генерал-майоры и до 1829 г. находился в командировках в различных губерниях, в том числе в Оренбургском крае, дважды заслужив за это время высочайшее благоволение. Болезнь заставила его выйти в отставку 23 октября 1829 г. Уже уволенный, он остался, однако, по высочайшему повелению в Оренбургском крае до окончания возложенного на него поручения. Выйдя в отставку, М. П. Бутурлин поселился в Москве, в своем родовом доме в Кудрине.

Спустя два года он снова поступил на службу, с состоянием по кавалерии, и к концу года был назначен нижегородским губернатором.

Назначение его нижегородским военным и гражданским губернатором было непосредственным распоряжением государя, лично его знавшего. Трудность управления губернией, значительной по пространству и населению, наводняемой ежегодно во время ярмарки разноплеменным людом, не могла ускользнуть от Бутурлина, который в прощальной аудиенции умолял государя освободить его от этого назначения и удостоился услышать следующие слова, характеризующие важность нового поста и репутацию, которой пользовался Михаил Петрович. *"Это место, - сказал государь, - не равняется с другими; узел Европы с Азией и множество приезжающих на ярмарку дают ему особую важность. Мне надобно знать, кто у меня тут; тут надобны руки да руки, глаза да глаза. Я знаю твои правила, твердость твоего характера, твою ко мне преданность - вот отчего я тебя определил"*.

Бутурлин приложил все усилия, чтобы оправдать царское доверие. Не было такой отрасли, в которую бы не вникал он, ежедневно работая с 6 часов утра до поздней ночи. Строгое соблюдение закона, равное со всеми обращение и полная доступность скоро доставили ему всеобщее уважение. Соблюдая интересы казны, Бутурлин входил во все мелочи, особенно по казенным подрядам, постройкам и народному продовольствию, и сумел в первые 14 месяцев сэкономить 2 млн 620 тыс. руб. Строгая законность и недоступность посторонним влияниям быстро привели его к серьезному столкновению с некоторой частью влиятельного местного дворянства, привыкшего раньше вмешиваться во все отрасли губернаторской деятельности. Однако все эти усилия разбились о непоколебимую твер-

дость Бутурлина, нимало не изменившего своего ровного и одинаково любезного со всеми обхождения.

Во время своей службы губернатором он кроме высочайших благоволений был неоднократно пожалован орденами, а 16 апреля 1841 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Однако Бутурлин просил уволить его от занимаемой должности, ссылаясь на расстроенное здоровье и ослабшее зрение, но государь отклонил это ходатайство, и он оставался на своем посту до 17 ноября 1846 г., когда был уволен с мундиром и пенсионом.

После отставки М. П. Бутурлин жил в Москве до своей смерти, последовавшей 26 июня 1860 г. Могилы его и его жены находятся в Новодевичьем монастыре.

Александр Михайлович Гедеонов (1791-1867)

Происходил из дворянского рода, принадлежавшего к смоленской шляхте. Отец его, которого он рано лишился, дослужился до чина полковника, а затем в гражданской службе до действительного статского советника.

Александр Гедеонов получил домашнее воспитание и на 13-м году был записан на службу юнкером в Московский архив иностранных дел, а 30 марта 1805 г. определен в военную службу, в свиту Е. И. В-ва по квартирмейстерской части колонновожатым. Произведенный в подпоручики, 8 января 1810 г. переведен в Кавалергардский полк; 30 апреля того же года назначен адъютантом к полковому командиру Н. Н. Де-Прерадовичу и 28 сентября произведен в поручики. Прослужив в Кавалергардском полку полтора года, Александр Гедеонов 9 июня 1811 г. переведен в Ямбургский драгунский полк капитаном и с этим полком принял участие во время Отечественной войны в Клястицком и Полоцком сражениях.

Александр Михайлович Гедеонов

5 марта 1813 г. переведен в Казанский драгунский полк, который входил в состав корпуса, блокировавшего Данциг. Во время осады Александр неоднократно отличался, в особенности смелой атакой на мызу Шальмюль, где едва не захватил командовавшего французскими войсками генерала Раппа, и был тяжело контужен.

23 февраля 1816 г. Гедеонов был уволен от службы по прошению за ранами, с чином майора и с мундиром. В отставке пробыл около года, после чего поступил в гражданскую службу: 17 апреля 1817 г. определен в экспедицию Кремлевского строения в число смотрителей. На новом поприще он быстро достиг высокого служебного положения. Первыми успехами он, по всей вероятности, был обязан родственным связям, дальнейшими же успехами - расположению своего непосредственного начальника князя Н. Б. Юсупова, очень ему покровительствовавшего и награждавшего его, по мнению некоторых, не в меру заслуг. Впрочем, нерасположенный к нему вообще А. Я. Булгаков находил, что Александр был полезен придворному ведомству тем, что "знал Москву и все лица хорошо".

14 января 1818 г. он назначен присутствующим в экспедиции Кремлевского строения и оставался в этой должности до 22 августа 1831 г., когда экспедиция была преобразована в московскую дворцовую контору, а он назначен советником этой конторы.

Помимо своих прямых обязанностей Гедеонову приходилось исполнять и некоторые другие, на него возлагавшиеся. В 1822 г. был директором итальянской оперы, находившейся в доме его деда Апраксина. Обязанности директора театра были на него возло-

жены, вероятно, потому, что он был большой театрал и сам подвизался на сцене в качестве любителя; жена его тоже была талантливая певица-любительница, обладавшая красивым сопрано. Впрочем, управление оперой было, по-видимому, не совсем удачно, и его близкие отношения к театру закончились скандалом вследствие его непрошеного вмешательства в частную жизнь одной замужней артистки, чуть не доведшего его до дуэли с другим ее поклонником. В 1828 г. он заседал в комитете по сооружению в Москве храма Христа Спасителя, причем ему было вверено управление имениями, купленными в казну для храма.

Кроме пожалованных орденов и наград он за время своей 15-летней службы в Москве получил чин действительного статского советника, придворные звания камергера и церемониймейстера и денежную награду в 5 тыс. руб. Позднее, в 1846 г., ему был пожалован чин действительного тайного советника.

В 1833 г. А. М. Гедеонов переименован поприще своей деятельности: 13 мая этого года был назначен и.д. (*исполняющим должность*) директора Императорских петербургских театров. Утвержденный в должности при производстве в тайные советники (31 дек. 1834 г.), Александр Михайлович Гедеонов в течение четверти века стоял во главе петербургской театральной дирекции и с 1842 г. распространил свою власть и на московские театры. Должность директора театров, стоявшая сравнительно невысоко на придворной иерархической лестнице, при нем достигла высших ступеней ее: 5 января 1835 г. повелено было считать директора "в числе вторых чинов двора и носить ему придворный мундир", а 26 августа 1847 г. повелено считать его уже "в числе первых чинов двора" и определено ему жалованье, положенное президенту придворной конторы.

Первые годы управления Гедеоновым Императорскими театрами были лучшим временем его деятельности. Гедеонов главное внимание обратил на сокращение расходов и поднятие театральных сборов, и уже 25 марта 1836 г. ему было объявлено "совершенное высокомонаршее благоволение за немаловажное сбережение в суммах по расходам дирекции на 1835 г. и значительное умножение сборов".

Александрейский театр в Санкт-Петербурге

В первый же год Александр Михайлович занялся реформой Театрального училища, а затем приобрел в собственность дирекции огромный дом против Александрейского театра, куда и перевел все театральные учреждения, помещавшиеся прежде в различных зданиях. Хозяйственно-административная часть при нем изменилась к лучшему. Гедеонов обратил также внимание на бесправное положение актеров и исходатайствовал артистам 1-го разряда за 20-летнюю службу потомственное почетное гражданство. Затем он выхлопотал выдачу пенсий вдовам и сиротам артистов. В благодарность за первую из вышеука-

занных милостей актеры поднесли Гедеонову изящный серебряный позолоченный кубок, и, тронутый этим, директор пригласил их к себе на обед. Вообще первое время актеры были очарованы его приветливостью и простотою; к такому отношению они не привыкли при прежних директорах. С летами, однако, характер его испортился.

Желая поднять сборы, Гедеонов обратил в равной степени внимание на все подведомственные ему театры. Драматический театр был в большом пренебрежении при его предшественнике. Он стал посещать театр почти ежедневно, замечал успехи молодых артистов и поощрял их похвалой или материальным вознаграждением.

Русская опера до Гедеонова почти не существовала, так что, собственно, он положил ей основание. Отделив оперную труппу от драматической, он решил ставить по-русски большие оперы иностранных композиторов. Первым опытом была постановка оперы Мейербера "Роберт Дьявол", стоившая до 60 тыс. руб. Опыт благодаря трудам капельмейстера К. А. Кавоса оказался блестящим, и в сезон 1835 г. поставлены были оперы Мейербера, Россини, Обера, Герольда. Вскоре после этого гениальный Глинка положил начало и самобытной русской опере: в 1836 г. была поставлена его "Жизнь за царя". В 1844 г. была восстановлена итальянская опера, после того как имели большой успех гастроли Рубини, певшего с русскими артистами. В этой опере Гедеонов дал возможность петербуржцам услышать лучших знаменитостей того времени: Виардо, Бозно, Тамберлика, Марио и др. Много внимания уделял он и балету. Вообще, время управления Гедеоновым петербургскими театрами было блестящим периодом в их истории по роскоши и изяществу постановки и составу исполнителей.

С течением времени Гедеонов совершенно охладел к драме и опере и все внимание обратил на балет, а в последние годы на французский театр. Балет достиг высокой степени процветания, и Петербург в этом отношении превзошел все европейские столицы, в особенности с приездом Тальони. Так как балет пополнялся воспитанницами Театрального училища, то Гедеонов обращал большое внимание на это учебное заведение и относился к его питомцам как добрый, чадолюбивый отец. При приеме поступающих в училище он обращал внимание на то, чтобы они были миловидны. "Если не будет талантлива, - говорил он, - то чтобы мебель была красивая на сцене".

Некоторые современники называют Гедеонова глубоким знатоком театра, изучившим сцену всесторонне и добросовестно. Действительно, он чутко угадывал вкусы большинства публики, посещавшей театры, и умел ей угодить выбором пьес, но был далек от понимания истинного искусства. И если при нем поставлены были и "Ревизор", и оперы Глинки, то не он явился инициатором их постановки. Воспитанный на французской литературе, он, по свидетельству Куликова, плохо знал русскую литературу, по-русски писал неправильно и ничего не читал, кроме театральных рецензий в "Северной пчеле". У него были две страсти - карты и женщины.

В 50-х годах Александр Михайлович всецело был поглощен поздней страстью к одной из артисток французского театра и большую часть времени проводил за кулисами этого театра. В сущности, он уже только номинально стоял во главе театрального ведомства. Ему дали дослужить до юбилея, и 25 мая 1858 г. он был уволен от должности с пожалованием в обер-гофмейстеры.

"При всех своих недостатках и слабостях, - говорит Каратыгин, - он был действительно человеком доброй души, существенного зла он, конечно, никому из артистов не сделал, но мог бы сделать много доброго русскому театру, если б не увлекался своим чрезмерным самолюбием и умел укрощать свой строптивый и упрямый характер; самое его мягкосердечие было иногда некстати и заставляло его оказывать снисхождение людям, которые этого не заслуживали... Как бы то ни было, но большая часть артистов, служивших при нем, и особенно театральных чиновников с благодарностью о нем вспоминают". Однако нельзя сказать, чтобы он относился ко всем одинаково и умел ценить действительные таланты. Многие из первостепенных артистов не без основания жаловались на притеснения с его стороны; известный балетмейстер Дидло должен был выйти в

отставку вследствие недоразумений с директором. Кроме того, у него, по словам Каратыгина, была слабость создавать таланты, которые, однако, не пользовались успехом у публики и только заграждали дорогу настоящим дарованиям, а по поводу его любовных походов ходили анекдоты.

Последние годы своей жизни А. М. Гедеонов провел большей частью в Париже, куда он последовал за французской артисткой, и здесь же скончался в апреле 1867 г. Погребен на кладбище Pere Lachaise.

Гедеонов имел трех сыновей, младший из них - Степан Александрович - был впоследствии известный деятель театра, директор Эрмитажа и Императорских театров.

Дмитрий Петрович Бутурлин (1790-1849)

Как и большинство дворян того времени, принадлежавших к высшему кругу, он получил хорошее домашнее воспитание. В отроческих годах он наезжал с отцом к известному общественному деятелю, писателю и издателю Н. И. Новикову, имение которого в Московской губернии находилось в соседстве с имением Бутурлиных. Быть может, этому знакомству Дмитрий обязан рано сказавшейся в нем любви к книгам.

15 февраля 1808 г. он поступил в Ахтырский гусарский полк корнетом. Два года спустя за отличие в Австрийском походе переведен в Кавалергардский полк. Дмитрий служил во 2-м эскадроне (Ершова), которому по жребию приходилось обратиться в запасной. Все хлопоты его о переводе в один из действующих эскадронов остались безуспешными, и 26 марта 1812 г. он перешел подпоручиком в свиту Е. И. В-ва по квартирмейстерской части - учреждение, впоследствии переименованное в Генеральный штаб.

В начале августа Бутурлин сильно заболел и потому не мог участвовать в Бородинском бою. Участие в разных арьергардных делах доставило ему чин поручика. 6 октября произошло Тарутинское сражение, положившее начало бегству "великой армии". Принимая участие в преследовании французов до Вильны, Дмитрий находился в сражении при Малоярославце и в деле при Вязьме. За отличие в последнем в кампанию этого года деле при Вильне он был награжден золотой шпагой и 24 декабря переведен тем же чином снова в Кавалергардский полк.

С перенесением в следующем, 1813 г. войны за пределы России Бутурлин участвовал в делах при Гейерсберге, при Кульме и, наконец, в "битве народов" под Лейпцигом (4 и 6 окт.), где был ранен и получил орден св. Анны 2-й ст. Несмотря на рану, он находился в авангардном деле при Рейне и 23 октября был произведен в штабс-ротмистры.

Кампания 1814 г. застаёт Бутурлина в рядах союзной армии; он принимает участие в авангардных делах в окрестностях города Труа и в сражении при Арси (8 и 9 марта), за что ему было объявлено высочайшее благоволение. Сражением при Фершампенуазе 13 марта и боем под Парижем 18-го, во время которого Бутурлин находился на аванпостах близ Эссона, закончились его походные труды.

По окончании боевой службы Дмитрий Бутурлин, юный штабс-ротмистр, украшенный военными орденами, посвящает себя военно-историческим трудам, причем вследствие полученного образования не будучи в состоянии литературно излагать свои мысли по-русски, пишет на французском языке. Первый его труд "Кампания 1799 г. в Италии" обратил, как говорят, на себя внимание Жомини.

25 января 1816 г. Дмитрий был назначен адъютантом к начальнику Главного штаба князю П. М. Волконскому. В том же 1816 г. он подал князю "мемуар на французском языке", заключавший в себе теоретические соображения относительно обороны южной и западной границ России.

Наполеон на реке Березине

1 июля 1817 г. Бутурлин был назначен флигель-адъютантом и уже в чине ротмистра сопровождал государя на конгресс в Ахен. 13 марта произведен в полковники. В это время, задумав писать историю походов русских в XVIII столетии, он испросил разрешение собирать материалы в архиве Иностранной коллегии и в сотрудничестве с прикомандированным к нему отлично образованным офицером А. Корниловичем составил четырехтомную "Историю походов россиян в XVIII ст." с приложением тома планов. И это сочинение было изложено Бутурлиным по-французски и переведено на русский язык А. Корниловичем.

Вскоре затем Бутурлин попал в Испанию в качестве военного представителя России. За отличное исполнение возложенных на него поручений 1 января 1824 г. он был

произведен в генерал-майоры с назначением состоять по кавалерии, а 4 марта снова причислен к свите Е. И. В-ва по квартирмейстерской части.

30 июня 1824 г. состоялось назначение его генерал-квартирмейстером 1-й армии, главнокомандующим которой был граф Сакен. Бутурлин не спешил к месту своего назначения и значительную часть времени проводил в Петербурге. Между ним и графом Сакеном возникла переписка. Письма его заключают любопытные подробности о придворных и военных новостях. Сообщая своему начальнику о суде над декабристами, Бутурлин с удовольствием констатирует твердость нового правительства и его желание быть вполне беспристрастным. *"Образ действия нового правительства, - пишет он, - отличается такой твердостью, искренностью, величием, что невольно возбуждает удивление. Все делается явно, на виду у всех"*.

Отступление "великой армии"

В Москве во время коронации Николая Павловича Бутурлин получил орден св. Анны 1-й ст. Возвратясь в Петербург, он просил графа Сакена продлить ему отпуск, указывая на необходимость окончить соби́рание материалов для задуманной им работы. Результатом занятий в архивах было появление в 1829 г. "Картины войн России с Турцией в царствование Екатерины II и Александра I", написанной по-французски и переведенной на русский язык Ф. Булгариным.

В конце 1829 г. Бутурлин подал в отставку, и 4 января 1830 г. уволен по домашним обстоятельствам от службы с мундиром и пенсионом. В августе того же года он уехал с семейством в Италию.

По возвращении из-за границы начинается его служба в гражданских чинах. Переименованный высочайшим указом 14 мая 1833 г. из генерал-майоров в тайные советники, 18 мая того же года он становится сенатором. В декабре 1840 г. назначен членом Государственного совета и в октябре 1843 г. - директором Публичной библиотеки с оставлением в прежних званиях.

В это время им написана трехтомная "История смутного времени" - единственное сочинение, написанное автором на русском языке. 1 января 1845 г. он пожалован был орденом св. Александра Невского, а в следующем году произведен в действительные тайные советники.

Февральская революция 1848 г., низвергнувшая монархию во Франции, отголосок которой раздался по всей Европе, причинила немало тревоги и беспокойства нашему правительству, которое решилось оградить русское общество от революционных идей, не останавливаясь ни перед какими мерами, и открыто стало на путь реакции. Одним из сторонников таких крайних мер был Д. П. Бутурлин, выступивший даже с проектом закрытия университетов.

Реакция вылилась и достигла своего апогея в возникшем по инициативе барона М. А. Корфа "особом комитете". В поданной цесаревичу Александру Николаевичу докладной записке Корф настаивал на необходимости подвергнуть особой цензуре наши периодические издания, которые, "пользуясь малоразумием тогдашней цензуры, позволяли себе печатать бог знает что и по проповедуемым под разными иносказательствами идеям могли сделаться небезопасными для общественного спокойствия". Подобная же записка "о либерализме, коммунизме и социализме, господствующем в цензуре и во всем министерстве народного просвещения", по внушению того же барона Корфа была подана государю бывшим попечителем московского учебного округа графом Строгановым.

Результатом этих докладов было учреждение в конце февраля особого временного комитета, облеченного самыми широкими цензурными полномочиями. 2 апреля комитет был преобразован в постоянное учреждение, состоявшее под председательством Бутурлина из статс-секретарей Корфа и Дега и получившее название "негласного комитета 2 апреля". Членам комитета поручалось просматривать все вышедшие и уже подвергшиеся цензуре произведения печати, отмечать упущения цензоров и их начальства, т. е. министерства народного просвещения, и делать обо всем этом доклад государю.

Карикатура на отступающих французов

Хотя об учреждении комитета не было сообщено в законодательном порядке, однако слух о нем быстро проник в общество, и, когда выяснился дух этого учреждения, среди литераторов и издателей распространилась настоящая паника. Люди различных направлений, взглядов и убеждений единогласно сходятся в оценке деятельности комитета, получившего по имени председателя название "бутурлиновского", и тех условий, в которые была поставлена наша печать, называя это печальнейшее время в истории нашего просвещения эпохой цензурного террора. *"Бутурлин действует в качестве председателя какого-то негласного комитета по цензуре, - записал Никитенко в своем дневнике, - и действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать"*. При таких условиях, чтобы оправдать самое существование комитета, его члены должны были обращать особое внимание не на "видимую цель автора, как то предписывалось неотменным цензурным уставом, но на предполагаемую, и читать между строк". Впрочем, и сами члены комитета не сознавали ясно, в чем заключаются их обязанности. Сам Бутурлин "был в больших попытках и признавался, что находится в затруднительном положе-

нии, ибо не может себе дать отчета, в чем должна состоять обязанность комитета, которого он был председателем".

О характере Д. П. Бутурлина и его образе мыслей в эту эпоху свидетельствует следующий рассказ графини Блудовой. Отец рассказчицы, бывший в большой дружбе с Дмитрием Петровичем, под конец, в 1848 г., совершенно разошелся с ним в мнениях относительно цензуры, так как Бутурлин был сторонником самых крайних мер. Так, он предлагал вычеркнуть из акафиста Божьей Матери несколько строк, осуждающих дурных правителей, находя, что эти строки революционны. На замечание собеседника, что акафист сочинен св. Дмитрием Ростовским, которого никто не считал за революционера, Бутурлин не обратил внимания. Когда же из разговора выяснилось, что подобные же места можно найти и в Евангелии, он, переходя в шуточный тон, заметил, что если бы Евангелие не было так распространено, то и в нем следовало бы сделать необходимые цензурные поправки.

5 апреля 1849 г. Д. П. Бутурлин получил алмазные знаки к ордену св. Александра Невского, а 9 октября его уже не было в живых. Он погребен в Духовской церкви Александро-Невской лавры.

Военно-исторические сочинения Бутурлина не имели научного значения и давно всеми позабыты; но "бутурлиновский" комитет, незавидно прославивший его имя, нанес чувствительный ущерб русскому просвещению.

Сергей Николаевич Тургенев 1-й (1793-1834)

Отец писателя Ивана Сергеевича, происходил из старинного рода тульских и орловских дворян. Прадед его был кавалергардом в 1726 г. и позднее бригадиром, а отец служил в Семеновском полку. Сергей Тургенев родился в родовом имении с. Тургенева, Чернского уезда, Тульской губернии, в 18 верстах от с. Спасского-Лутовинова; у отца его было всего только 140 душ крестьян.

В 1810 г. шестнадцатилетний Сергей Тургенев поступил на службу юнкером в Кавалергардский полк, а через год был произведен в эскадрон-юнкера. Он участвовал в Бородинском бою, где "храбро врезался в неприятеля и поражал его с неустрашимостью", причем был "ранен картечью в руку", и награжден знаком отличия Военного ордена. В кампании 1813 г. Сергей не принимал участия, он оставался в России при резервных эскадронах, которые тогда формировал генерал Кологривов. За это время он был произведен (21 окт. 1812 г.) в корнеты, а через год - в поручики.

В марте 1814 г. с резервным эскадронам Сергей Тургенев был командирован за границу для присоединения к полку. Он встретил полк только 30 июня в Саксонии на обратном походе из Франции и вместе с полком возвратился в Россию.

В ноябре 1815 г. Тургенев был уволен в отпуск в Орловскую губернию и здесь через два месяца женился на Варваре Петровне Лутовиновой, богатой владелице населенных имений в губерниях Курской, Калужской, Орловской, Тульской и Тамбовской, доставшихся ей после дяди, перед тем скоропостижно умершего, у которого она жила с 1810 г.

Сергею было в то время всего 23 года; "он был очень хорош собой: удивительные темные глаза, смелые и мужественные... взгляд какой-то русалочий, светлый и загадочный; чувственные губы и едва заметная усмешка". Одна немецкая владетельная принцесса высказала раз Варваре Петровне, что она "после императора Александра I не видала никого красивее ее мужа".

Лутовинова была на 6 лет старше своего мужа. Невысокого роста, сутуловатая, смуглая брюнетка с большим носом, под старость сизым, с лицом, попорченным оспой, она была очень нехороша собой: большие черные глаза, загоравшиеся злым блеском, не

только не красили ее лица, но придавали ему еще неприятное выражение. Зато она была единственной наследницей большого лутовиновского состояния, заключавшегося в нескольких тысячах крепостных душ, и хорошо понимала, что муж любил не ее, а ее состояние, что она была для него выгодной партией... При некрасивой наружности Лутовинова обладала еще и очень тяжелым характером, хотя, говорят, была "умна и обаятельна", когда этого хотела.

После женитьбы Сергей Тургенев, просрочив отпуск, вернулся в полк и 9 августа 1817 г. был произведен в штабс-ротмистры, через год - в ротмистры, а 20 октября 1819 г.

*Медаль «В память
Отечественной
войны 1812 г.»*

переведен подполковником сверх комплекта в Екатеринославский кирасирский полк, стоявший на юге.

В 1816 г. 4 ноября родился старший сын Тургеневых Николай; 28 октября 1818 г. - второй, Иван, будущий писатель; третий и последний сын, Сергей, родился 18 марта 1821 г. (эпилептик; он умер в 18 лет). В том же году С. Н. Тургенев вышел в отставку полковником и поселился с семьей в с. Спасском-Лутовинове Мценского уезда.

Жизнь в Лутовинове протекала так же, как и в большей части богатых "дворянских гнезд" того времени: многочисленная дворня, свой оркестр, свои певчие и театр, частые гости со всего уезда и постоянно менявшиеся гувернеры у детей - всякие швейцарцы и немцы сомнительного качества... Иван Тургенев рано выучился у них французскому языку, но узнал и полюбил русскую литературу только благодаря крепостному камердинеру матери, с увлечением читавшему "Россияду" Хераскова. Все домочадцы, начиная с детей, много терпели от жестокости Варвары Петровны и вспыльчивости Сергея Николаевича. Долго

наблюдая сцены деспотизма матери над крепостными, Иван Тургенев всю жизнь помнил впечатления молодости и сознавался, что он "вырос среди побоев и истязаний". *"Драли меня, - рассказывал он, - за всякие пустяки чуть не каждый день..."* Сергей Николаевич мало этим интересовался; жизнь в Спасском доставляла гораздо более удовольствий мужу, чем жене: она хорошо знала его наклонности. Иван Тургенев не часто вспоминал своего отца, но когда это случалось, с полной искренностью определял преобладавшую черту его характера: *"Отец мой был великий ловец перед Господом..."*

В начале 1827 г. Тургеневы переехали в Москву, где купили себе дом на Самотеке. Вероятно, здоровье Сергея Николаевича требовало постоянного лечения, к тому же дети подрастали, и их нужно было помещать в учебные заведения. Известно, что Иван Тургенев был сначала отдан в пансион Вейденгаммера, затем жил у директора института Краузе и, наконец, в 1833 г. поступил в Московский университет.

Лето этого года Тургеневы жили на даче около Донского монастыря, против Нескучного сада, по крайней мере, так говорит Тургенев в своей повести "Первая любовь"; в герое рассказа писатель изобразил своего отца, и, по словам автора, в повести этой "нет ни одной строчки придуманной".

Между тем старший сын Тургеневых Николай поступил в военную службу в Петербурге; туда же в начале 1834 г. переехала и вся семья. *"Через полгода отец мой, - говорит Иван Тургенев в повести "Первая любовь", - скончался от удара в Петербурге, куда только что переселился с матерью и мною"*.

Кроме приведенных выше, других сведений об С. Н. Тургеневе как о человеке не имеется, а потому будет не лишним посмотреть, каким именно пытался изобразить отца сын-писатель в своей повести.

Высокого роста, красивый, сильный и смелый, презиравший робких людей, прекрасный наездник, он был человеком, полным сил, жаждущим и торопящимся жить и умеющим пользоваться благами жизни... *"Сам бери, что можешь, - говорил он сыну, - а в руки не давайся, самому себе принадлежать - в этом вся штука жизни... А знаешь ли, что может дать свободу человеку? Воля, собственная воля; и власть она даст, которая лучше свободы. Умей хотеть - и будешь свободным, и командовать будешь..."* Если Сергей Николаевич Тургенев был действительно таким, каким изображен герой повести, - он был полной противоположностью своему знаменитому сыну, которому именно и не хватало того, в чем, по убеждению отца, была вся "штука жизни"...

Василий Васильевич Шереметев 2-й (1794-1817)

Из эстандарт-юнкеров Кавалергардского полка. В октябре 1812 г. был произведен в корнеты, через год - в поручики, а в октябре 1817 г. - в штабс-ротмистры.

В том же 1817 г. Василий Шереметев был убит на дуэли камер-юнкером графом А. П. Завадовским.

Обстоятельства, вызвавшие эту дуэль, были следующие: Шереметев увлекся известной тогда балериной Истоминой, которая около двух лет была у него на содержании и жила с ним на одной квартире. В ноябре 1817 г. между ним и Истоминой произошел разрыв. Истомина уверяла, что она "давно намеревалась, по беспокойному его характеру и жестоким с нею поступкам, отойти от него"; некоторые лица из высшего петербургского общества предполагали наоборот, что Шереметев, "по юным летам своим, вероятно, ничем другим пред нею не провинился, как тем, что обмелел его карман".

Василий Васильевич Шереметев

Как бы то ни было, Истомина 3 ноября переехала от Шереметева на отдельную квартиру, а 5 ноября из театра отправилась к графу Завадовскому вместе с Грибоедовым, квартировавшим тогда у Завадовского. Об обстоятельствах этого визита Истомина на следствии показала, что, *"когда она была 5-го числа, в понедельник, в танцах на театре, то знакомый как ей, так и Шереметеву ведомства госуд. Коллегии иностр. дел губ. секр. Грибоедов, часто бывший у них по дружбе с Шереметевым и знавший о ссоре ее с ним, позвал ее с собою ехать к служащему при театральной дирекции д. ст. сов. кн. Шаховскому, к которому по благосклонности его нередко езжала, но вместо того завез ее на квартиру Завадовского, но не сказывая, что его квартира, куда вскоре приехал и Завадовский, где он, по прошествии некоторого времени, предлагал ей о любви, но в шутку или в самом деле, того не знает, но согласия ему на то объявлено не было, с коими посидевши несколько времени, была отвезена Грибоедовым на свою квартиру"*.

По этому поводу Грибоедов показал, что он Истомину *"пригласил ехать единственно для того только, чтоб узнать подробнее, как и за что она поссорилась с Шереметевым, и как он жил до сего времени за неделю на квартире гр. Завадовского, то и завез"*

на оную, куда приехал и Завадовский, но объяснялся ль он ей в любви, не помнит, но после отвез в ее квартиру".

Завадовский сначала утверждал, что он *"ее в театре на лестнице лично приглашал к себе, когда она оставит Шереметева, побывать в гостях у него, но с кем она приехала к нему, не знает и о любви, может быть, в шутках говорил и делал разные предложения"*, но на очной ставке с Грибоедовым он взял назад свое показание и заявил, что он *"ошибся, принявши визит Истоминой на свой счет"*.

Рассказывали, что Истомина, опасаясь Шереметева, просила Грибоедова ждать ее с санями у Гостиного двора, куда балерина приехала в театральной карете. На третий день после этого приключения Шереметев просил прощения у Истоминой и звал ее к себе, а когда она стала выражать свое прежнее желание *"ехать к кн. Шаховскому"*, то Шереметев, подобно Грибоедову, под этим самым предлогом завез ее к себе и грозил застрелиться, если она не останется у него. Видя Шереметева *"в таком чистосердечном раскаянии и не желая довести до отчаяния"*, Истомина согласилась на его предложение. В течение двух следующих дней Шереметев замучил Истому распросами о том, не была ли она у кого-нибудь во время их ссоры, причем грозил застрелить уже ее.

Вынудив у Истоминой признание о ее визите Завадовскому, Шереметев вызвал его на дуэль. Правда, секундант и друг Шереметева лб.-гв. Уланского полка корнет Якубович утверждал, что причиной дуэли был какой-то *"поступок Завадовского, не делавший чести благородному человеку"*, но разъяснить эти слова отказался, ссылаясь на обещание хранить тайну, данное им умиравшему Шереметеву, а от очной ставки с Завадовским уклонился, прося *"пощадить его, не дав случая видеть убийцу друга его и виновника всех его несчастий"*.

Вообще подробности поединка не были вполне выяснены, потому что оба - Завадовский и Якубович - старались всячески выгородить прочих участников дуэли. В Петербурге носились слухи, что дуэль была предположена двойная и что Якубович посоветовал Шереметеву вызвать Грибоедова, а сам обещал стреляться с Завадовским; Грибоедов будто бы, наоборот, предложил Шереметеву стреляться с Завадовским, а сам сделал вызов Якубовичу. Дуэль между Грибоедовым и Якубовичем, состоявшаяся в Тифлисе осенью 1818 г., как бы подтверждает эти слухи.

Официальное следствие, производившееся Кавалергардского полка полковником Ланским 3-м совместно с полицмейстером полковником Ковалевым, выяснило только, что 9 ноября в 4 часа дня Шереметев с Якубовичем приехал к Завадовскому и потребовал от него *"тот же час драться насмерть"*. Завадовский просил дать два часа срока, для того чтобы пообедать, и тогда Якубович решил отложить дуэль до 10 ноября. На другой день в 9-м часу утра Шереметев и Якубович приехали снова к Завадовскому для переговоров о дуэли, причем Шереметев, как и накануне, говорил, что он *"ничем не обижен"*, но что поединок должен быть смертельным, потому что он *"клятву дал"*.

Якубович, правда, опровергал показания Завадовского о суровых условиях дуэли и о клятве Шереметева, но эти показания были подтверждены гвардейской артиллерии подпоручиком бароном Строгановым, бывшим в то время у Завадовского. Завадовский тщетно старался успокоить Шереметева и отклонить его от дуэли, просил, между прочим, у него письменного вызова. Барон Строганов также не мог убедить Шереметева в беспечности поединка.

10 ноября дуэль не могла состояться потому, что для нее не выбрали еще места, а 11-го - вследствие снежной погоды. Только в понедельник 12 ноября в два часа дня противники съехались на Волковом поле. Барьер был сделан на 18 шагах, и было условлено, что, кто первый выстрелит, тот должен подойти к барьеру. Завадовский и Якубович отрицали присутствие секундантов; но молва называла свидетелями дуэли Грибоедова, лейб-гусара Каверина и доктора Иона.

Шереметев выстрелил первый, выведенный, по словам Якубовича, из терпения медленностью Завадовского, и оторвал пулею край воротника у сюртука противника. При

этом Шереметев, по словам Завадовского, повторил, что если этот последний не попадет, то он по нем стреляет вновь. Тогда Завадовский ради самообороны вынужден был стрелять в Шереметева. Согласно не совсем достоверным рассказом о дуэли, находящимся в "Воспоминаниях" Пржецлавского, Завадовский стрелял сначала нарочно мимо и предлагал примирение, от которого Шереметев, одно время колебавшийся, отказался по настоянию Грибоедова.

Кофейня в парке

По данным, добытым следствием, Завадовский, бывший отличным стрелком, целился очень долго, сделал два раза вспышку на полке и один раз осечку и только после этого выстрелил в Шереметева. Пуля попала в бок, а по другим сведениям - прошла через живот и засела в левом боку. Шереметев тотчас упал, но потом поднялся на ноги, пока его не положили для перевязки, которую, как утверждал Якубович, желая, вероятно, выгородить присутствовавшего при дуэли врача, он сделал раненому сам. По совершенно неправдивому известию "Записок" Н. Н. Муравьева, Якубович после окончания поединка между Шереметевым и Завадовским "с досады" выстрелил в последнего и прострелил ему шляпу. Якубович отвез Шереметева на его квартиру, где последний и умер 13 ноября в шестом часу пополудни. Он был погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Говорили, что отец Шереметева просил государя не подвергать Завадовского наказанию, и император Александр Павлович, выслушав объяснения Завадовского, признал, что убийство Шереметева было совершено "в необходимости законной обороны". Завадовский был отправлен за границу, а Якубович переведен на Кавказ.

Николай Николаевич Тургенев 2-й (1795-1881)

На 17-м году, как и старший брат, поступил на службу юнкером в Кавалергардский полк. Оба брата служили в одном эскадроне, вместе участвовали в Отечественной войне и в Бородинском бою, в числе первых "храбро врезались во фронт неприятеля", за что и награждены знаком отличия Военного ордена, в один и тот же день (21 окт. 1812 г.) произ-

ведены в корнеты и перечислены в резервные эскадроны, а годом спустя - в поручики. 6 ноября 1816 г. Николай Тургенев был уволен от службы по болезни штабс-ротмистром.

А. А. Фет познакомился с Н. Н. Тургеневым, когда ему было уже далеко за 60 лет; когда-то "ломавший подковы", он и теперь казался "могучим стариком"; веселый, остроумный и общительный, он был любим всеми соседями и знакомыми. Фет называет его "милейшим стариком, незабвенным здравомыслом" и т. п., а граф Л. Н. Толстой однажды на похвалы Фета тоже воскликнул: "Он прелесть!"

После смерти (в 1834 г.) брата Сергея Николаевича Тургенев в течение более 10 лет был главным управляющим у его вдовы, матери знаменитого романиста. *"Главным лицом в доме, - говорит в своих воспоминаниях Колонтаева, - был родной брат ее мужа Н. Н. Тургенев; он управлял ее имениями и заведовал всеми делами, хотя полновластным хозяином не был, потому что все делалось по инициативе Варвары Петровны"*. Незадолго до

Аллея в дворянском поместье

смерти Варвары Петровны (в 1850 г.) Н. Н. Тургенев навлек на себя ее неудовольствие женитьбою на одной из ее горничных. Он оставил Спасское-Лутовиново и переселился в свое маленькое именье Сухово Карачевского уезда.

Весной 1858 г. Иван Тургенев, к тому времени уже автор "Записок охотника", обратился к дяде Николаю Николаевичу с предложением принять на себя труды по управлению всеми имениями, так хорошо ему знакомыми. В это время Николай Николаевич был уже второй раз женат "на совсем молоденькой женщине, более годившейся ему во внучки", и имел от нее двух дочерей.

И. С. Тургенев говорил Николаю Николаевичу: "Не беспокойся, дядя, твои дети - мои дети, и мое состояние - их состояние", и в виде обеспечения выдал дяде вексель на 20 тыс. руб.

Переселившись в Спасское, старик Тургенев зажил здесь полным хозяином; племянник приезжал сюда гостем, отношения его с дядей были пре-

красные. Иван Сергеевич был чрезвычайно внимателен и с домашними дяди, выписывал для них газеты и журналы, подарил им рояль, снисходительно выслушивал их безыскусственное пение... Фет, братья графы Толстые и другие соседние помещики были частыми гостями у Николая Николаевича, а в день именин старика и его жены в Спасском бывал "пир горой", с фейерверком на лугу, устраивавшимся по старой памяти бывшими дворовыми.

Первое время И. С. Тургенев был, по-видимому, доволен управлением дяди, но уже с 1864 г. начались между ними недоразумения из-за денежных расчетов, доходности имений и отчетности по управлению. Поселившись в Бадене, Иван Сергеевич стал все чаще и настойчивее требовать присылки денег и указывать на недостаточность доходов с имений. В конце 1864 г. И. С. Тургенев обращался к П. В. Анненкову с просьбою подыскать ему управляющего, "так как дядя стареет и путает все дела".

Когда в 1867 г. Тургенев нашел управляющего и предписал ему принять от дяди управление так, как тот пожелает ему сдать, не требуя ни в чем отчета, Николай Николаевич, по рассказу Фета, "громко рыдал каждый раз, когда в речах касался грозившей ему сдачи управления не лично Ивану". 20 мая того года он оставил наконец Спасское, получив предварительно "изъявление благодарности" от племянника в "Московских ведомостях" и обещание пенсии в 1 тыс. руб. в год.

В начале 1872 г. брат сообщил И. С. Тургеневу, что престарелый их дядя ослеп и помещен в больницу. Иван Сергеевич в ответ на это писал: *"Картина Н. Тургенева - сле-*

ного, в больнице, возбудила во мне жалость... все-таки я глубоко любил его - и не могу я не дорожить этим прошедшим... Как же не сострадать к своему ближнему - и кто из нас безгрешен; кто имеет право строго судить другого..."

Степан Никитич Бегичев (1790- 1859)

Принадлежал к древнему роду, происходившему от выходца из Золотой Орды. В 1795 г. Степан Бегичев был записан в Пажеский корпус, 1 августа 1802 г. произведен в корнеты в Александрийский гусарский полк, а 21 августа того же года переведен прапорщиком в Олонецкий мушкетерский полк.

Степан Никитич Бегичев

В 1813 г. он был назначен адъютантом к генералу от кавалерии А. С. Кологривову, своему родственнику, а в мае того же года переведен в Кавалергардский полк с оставлением в прежней должности; в 1814 г. произведен в поручики. 26 января 1817 г. отчислен во фронт и 13 марта 1818 г. произведен в штабс-ротмистры, ровно через год - в ротмистры; тогда же переведен в Тираспольский конноегерский полк подполковником, а 15 сентября 1823 г. уволен от службы за болезнью полковником.

Частная жизнь более, чем военная служба, соответствовала спокойному, чуждому честолюбия характеру Степана Бегичева, за который А. С. Грибоедов шуточно титуловал его "ваше флегмордие". Из писем Грибоедова к Бегичеву видно, что этот последний за долго до выхода в отставку тяготился службою в гвардии, своими отношениями к каким-то "казарменным готтентотам" (*Готтентоты - древнейшие обитатели Южной Африки*) и генералам, у которых "подбородок не опушился". Брак Бегичева (29 апр. 1823 г.) с весьма богатой Анной Ивановной Барышниковой обеспечил

ему, имевшему до того времени лишь 175 душ, независимое от служебной карьеры положение, и, выйдя через полгода после женитьбы в отставку, он только исполнил свое давнее желание. Дом Бегичева в Москве являлся средоточием избранного общества, состоявшего из видных представителей современной литературы и искусства: в 20-х годах постоянными посетителями его дома были князь В. Одоевский, Д. В. Давыдов и Б. Кюхельбекер; А. Н. Верстовский пел там свои романсы под аккомпанемент Грибоедова. Тонкие гастрономические обеды и изысканный погреб Бегичева славились на всю Москву.

Бегичев был членом тайного "Союза благоденствия". Вероятно, был принят в союз Никитой Муравьевым в 1817 г., во время нахождения гвардейского отряда в Москве...

В марте 1826 г. некоторые из заговорщиков были запрошены следственным комитетом о том: *"Когда, где и кем принят в тайное общество Бегичев? В каких сношениях с кем из членов находился и какое принимал участие в действиях общества? Оставался ли он в обществе после уничтожения оногo в 1821 г. и где теперь находится?"*

Никита Муравьев показал, что *"Бегичев находился весьма малое время в "Союзе благоденствия". Он никогда никакого участия в делах общества не принимал и вышел из оногo гораздо прежде разрушения оногo. Сколько мне известно, он в отставке и живет в деревне в Московской губернии"*.

Сергей Муравьев-Апостол - что *"был Бегичев один в обществе, который, однако ж, мне не был знаком, и не знаю, кем он принят был..."*

Пестель: *"Я слышал от адъютанта Ивашева, что Бегичев был член общества до 1821 г. Более же никаких подробностей о нем ни от кого никогда не слышал и сам его никогда не видал..."*

Бурцов: *"Бегичева я, служа в гвардии, лично не знал и даже в лицо никогда не видал. Помню только, что при самом начале существования общества о нем говорили как о человеке, способном быть принят, и кажется мне, что это слышал я от Никиты Муравьева. Но был ли он действительно принят, не знаю"*.

Остальные опрошенные (кн. Трубецкой, Митьков, Нарышкин, Якушкин и Матвей Муравьев-Апостол) ответили, что им Бегичев совершенно неизвестен.

24 марта комитет постановил: *"Отставного ротмистра Бегичева внести в список 42 отставших членов "Союза благоденствия", кои оставлены без внимания"*.

Личность С. Н. Бегичева возбуждает особый интерес благодаря его тесной дружбе с А. С. Грибоедовым и тому влиянию, какое он имел на творца *"Горя от ума"*. Дружба с Грибоедовым завязалась в 1813-1815 гг., в то время, когда Грибоедов служил в Иркутском гусарском полку, состоявшем в команде А. С. Кологривова. Бегичев скоро приобрел благотворное влияние на юного гусара, только что вышедшего из-под суровой материнской опеки; дружба с Бегичевым спасла Грибоедова от многих увлечений и постепенно направила его от рассеянной и пустой жизни к серьезным занятиям.

"Ты, мой друг, - писал Грибоедов Бегичеву, - поселил в меня или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру; я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, как с тобою познакомился, и - ей-Богу! - когда с тобою несколько побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сделаюсь хорошим сыном". Грибоедов глубоко

**Встреча А. С. Пушкина
с телом Грибоедова**

уважал и сердечно любил Бегичева и, по собственному признанию, *"себя совершенно поработил его нравственному превосходству"*.

Письма Грибоедова к Бегичеву отличаются необыкновенной задушевностью: *"милый"*, *"бесценный"*, *"друг сердечный"*, *"бесценный друг"*, *"душа, друг и брат"* - таковы обычные обращения его к Бегичеву. *"Тебя, мой милый, люблю с каждым годом и месяцем более и более"*, - писал он через 12 лет после начала их дружбы. Любовь к Бегичеву распространялась у Грибоедова и на всех близких к последнему людей. *"Я враг крикливого пола, - писал он, - но две женщины не выходят у меня из головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю их ни в воспоминаниях, ни в молитвах"*. Когда Грибоедов узнал о рождении старшей дочери Бегичева, по его признанию, первым движением его было *"лететь к Бегичеву, поздравить его и обнять крепко-накрепко"*.

Грибоедов сожалел о том, что он *"не вместе"* с Бегичевым, но в то же время считал *"его приязнь и в отдаленности для себя благодеянием"*. У него он искал прибежища и от *"пустоты душевной"*, и от часто нападавшей на него *"тоски неизвестной"*. *"Скажи мне что-нибудь в отраду"*, - писал он во время одного из приступов меланхолии. *"Ты меня старше, опытнее и умнее, - писал он в другом подобном случае, - сделай одолжение, подай совет, чем мне избавиться себя от сумасшествия или пистолета, и я чувствую, что то или другое у меня впереди"*.

Отношения Бегичева к Грибоедову вполне подтверждали мнение этого последнего, что Бегичев любил его тоже, *"как только брат может любить брата"*. Не один раз, по видимому, Бегичев оказывал дружескую помощь деньгами, без которой *"корабль Грибоедова остался бы на мели"*. Он берег и лелеял талант Грибоедова, всеми силами поощрял

его к занятиям литературой, радовался его успехам на этом поприще и был до крайности ревнив к его славе. *"Вечно попрекаешь меня малодушием, - оправдывался Грибоедов перед своим другом, - не попрекнешь же впредь; право, нет, музам я не ленивый служитель"*.

Когда в 1825 г. М. А. Дмитриев поместил в "Вестнике Европы" резкую статью о Грибоедове, Бегичев "с жаром вступился" за друга и написал опровержение, которое хотел напечатать. Только усиленные настояния Грибоедова отклонили его от этого намерения. *"Я привык тебя уважать, - писал он по этому поводу Бегичеву. - Это чувство к тебе вселяю в каждого нового моего знакомого; как же ты мог думать, что допущу тебя до личной и публичной схватки... и все это за человека, который бы хотел, чтобы все на тебя смотрели как на лицо высшего значения, неприкосновенное, друга, хранителя, которого я избрал себе с ранней молодости как отчасти по симпатии, так равно столько же по достоинству. Итак, плюнь... в одном только случае возьми за перо в мою защиту, если я буду в отдалении или умру прежде тебя и кто-нибудь, мой ненавистник, вздумает чернить мою душу и поступки"*. Совместное житье с Бегичевым было особенно плодотворно для творчества Грибоедова: лето 1823 г. поэт провел в Тульском имении Бегичева, в с. Екатериновском; и здесь, в садовой беседке, написал третий и четвертый акты "Горя от ума".

**Монастырь св. Давида
в Тбилиси, где похоронен
А. С. Грибоедов**

Авторитет Бегичева так высоко стоял в глазах Грибоедова, что тот, по свидетельству племянницы Бегичева Е. П. Соковниной, решился принять пост посланника в Тегеране только по настоянию своего друга. Бегичев был уверен, что при знании Грибоедовым восточных языков, при его знакомстве с нравами и обычаями персиян он мог оказать на этом посту большие услуги России.

На пути в Персию в Туле Грибоедов пробыл три дня у Бегичева и был очень мрачен. Бегичев заметил ему это, и Грибоедов, взяв его за руку, сказал с глубокой горестью: "Прощай, брат Степан! Вряд ли мы с тобой увидимся!.." "К чему эти мысли? - возразил Бегичев. - Ты бывал и в сражениях, но Бог тебя миловал". "Я знаю персиян, - отвечал Грибоедов. - Аллаяр-хан мой личный враг, он меня уводит! Не подарит он мне заключенного с персиянами мира!"

Известие об убийстве Грибоедова сильно поразило Бегичева: он сразу поседел и никогда не мог утешиться, считая себя виновником гибели своего друга...

Граф Матвей Юрьевич Виельгорский (1794-1866)

Происходил из польского дворянского рода, утвердившегося на Волыни и, по всей вероятности, бывшего первоначально русским и православным. Отец его граф Юрий Михайлович был польским посланником в Петербурге, а затем перешел на русскую службу и дослужился до чина действительного тайного советника и звания сенатора. Матвей Юрьевич по матери был русским и поэтому православным.

На десятом году (11 янв. 1804 г.) он был записан на службу юнкером в Коллегию иностранных дел и через полгода уволен "в чужие края до окончания наук". 25 июня 1812 г. в 18 лет он поступил на действительную службу корнетом в 3-й украинский казачий полк.

Участие его в Отечественной войне ограничилось встречами с неприятелем при Мордах и Лосицах. В последнем деле ему удалось отличиться: будучи командирован со взводом на аванпосты, он был отрезан неприятелем и подвергся преследованию, но успел присоединиться к полку и не потерял при этом ни одного человека. 18 января 1813 г. Матвей Виельгорский за отличие был произведен в поручики. Состоя в корпусе генерал-майора Эссена, он участвовал в начале 1813 г. в изгнании неприятеля из русских пределов, после чего был прикомандирован к командующему кавалерийским корпусом генерал-адъютанту В. С. Трубецкому и 15 февраля назначен его адъютантом. Находясь безотлучно

**Граф Матвей Юрьевич
Виельгорский**

при князе, Виельгорский принимал участие в сражениях при Бауцене, Герлице, Дрездене и Лейпциге. За Герлиц он был награжден орденом св. Анны 4-й ст., а за Лейпциг переведен в Кавалергардский полк с оставлением адъютантом. По перенесении военных действий во Францию он участвовал в сражениях при Бриенне, Арси, Фершампенуазе и Париже. Во время войны 1815 г. Виельгорский находился при главной квартире.

2 декабря 1817 г. он был произведен в штабс-ротмистры, а 13 марта 1819 г. - в ротмистры. 18 января 1821 г. отчислен во фронт. Не пребывая в полку, 12 ноября того же года переведен подполковником в Псковский кирасирский полк, где назначен командиром дивизиона. 1 апреля 1826 г. он был уволен по болезни от службы полковником с мундиром.

В отставке Виельгорский был недолго и поступил в гражданскую службу, пожалован в звание камергера и вторично определился в Коллегию иностранных дел. 18 апреля 1831 г. произведен в статские советники.

В 1833 г. Виельгорский был назначен вице-директором департамента хозяйственных и счетных дел министерства иностранных дел, а через год - директором того же департамента.

6 апреля 1835 г. он был произведен в действительные статские советники и пожалован в должность шталмейстера при великой княжне Марии Николаевне. Когда после выхода Марии Николаевны замуж для нее был образован двор, Матвеем Юрьевичу повелено быть в должности шталмейстера ее двора.

В день коронации императора Александра II, 26 августа 1856 г., он был пожалован в обер-гофмейстеры. Затем ему повелено было состоять при вдовствующей императрице Александре Федоровне. По смерти ее он был назначен состоять при императрице Марии Александровне.

Вместе со своим братом Михаилом Юрьевичем, "гениальнейшим дилетантом", по выражению Р. Шумана, Матвей Юрьевич играл видную роль не только в придворной, но и в общественной жизни, и заслужил почетную известность как талантливый дилетант-меценат, покровитель ученых, литераторов, художников и в особенности музыкантов. Дом Виельгорских, по словам их внука М. А. Веневитинова, был "проводником в петербургское высшее общество артистов, композиторов и их произведений и, так сказать, академией музыкального вкуса". Оба брата собирали вокруг себя лучшие музыкальные силы столицы. Иностранные артисты прежде появления перед публикой выступали на музыкальных вечерах у Виельгорских. Такие предварительные испытания часто делались по поручению театрального начальства.

Матвей Юрьевич не только покровительствовал музыкантам, но и сам был талантливым музыкантом, унаследовав музыкальные способности от отца, одного из учредителей петербургского филармонического общества. Он играл на виолончели, сочинял пьесы для этого инструмента и в молодости хорошо пел. Он был учеником виолончелиста

Адольфа Мейнгарда, и игру его многие считали артистической. *"Матвей играет на виолончели так, как, должно быть, играют ангелы в концертах Господа Бога в раю"*, - говорит один современник. В доме Виельгорского собирался первый русский квартет, состоявший из автора народного гимна А. Ф. Львова, Мауера, Вильде и самого хозяина. Он выступал публично в любительских концертах, устраивавшихся в Дворянском собрании в благотворительных целях.

Граф был обладателем драгоценной виолончели работы Страдивариуса, которую он, шутя, называл своей женой. Впоследствии он ее подарил известному виолончелисту К. Ю. Давыдову, восхитившись его игрой в бетховенском квартете. Передача инструмента новому владельцу произошла при торжественной обстановке во время концерта Давыдова в зале Дворянского собрания. Виельгорский, взойдя на эстраду, вручил свою драгоценность концертанту со словами: "Не нахожу никого достойнее получить мой Страдивариус, кроме вас". Слова эти были покрыты дружными аплодисментами публики. Матвей Юрьевич был одним из основателей и первых директоров Русского музыкального общества. Свою богатую библиотеку и инструменты Матвей Юрьевич завещал петербургской консерватории, основанной музыкальным обществом.

Кроме музыкантов покровительством графа пользовались и художники. До самой своей смерти он был вице-председателем Общества поощрения художников, чередуясь в этом звании с Прянишниковым. Обществу он был полезен своей близостью к председателям общества - герцогу Лейхтенбергскому и великой княгине Марии Николаевне. Сталкиваясь постоянно с различными знаменитостями на поприще искусства и литературы, Матвей Юрьевич любил оставлять у себя воспоминания об этих встречах, и результатом этого был альбом, наполненный портретами и автографами знаменитых писателей, композиторов, музыкантов и певцов. Большинство портретов - гравюры, есть несколько акварелей известного портретиста Соколова; между прочим, Соколову принадлежат портреты Жуковского, Крылова, Брюллова и братьев Рубинштейн. Большинство портретов снабжено автографами.

Матвей Юрьевич умер в Ницце 21 февраля 1866 г., погребен в Петербурге, в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

Граф Николай Ильич Толстой (1795-1837)

Сын казанского губернатора и отец знаменитого писателя. Он приходился прапра-внуком видному сотруднику Петра Великого Петру Андреевичу Толстому, возведенному в графское достоинство в 1724 г.

В половине 1812 г. семнадцатилетний Толстой поступил корнетом в 3-й украинский казачий регулярный полк. Из формулярного списка о его службе видно, что почти весь заграничный поход 1813 г. он совершил в рядах действующей армии. В половине октября из Геттингена Николай Толстой был отправлен курьером в Петербург к военному министру "с нужными депешами". Возвращаясь из России обратно к армии, он в местечке Сент-Оби был захвачен французами в плен и пробыл в плену до взятия Парижа союзными войсками 19 марта 1814 г.

Семейное предание сохранило рассказ и память о преданном молодому графу крепостном его денщике, который при взятии в плен *"спрятал себе в сапог деньги графа и за все время плена почти не разувався, чтобы не обнаружить их; этим он до того растер себе ногу, что нажил большую рану; зато, когда гр. Толстой был освобожден от плена русскими войсками, он мог жить в Париже не нуждаясь"*.

По возвращении в Россию в августе 1814 г. Николай Толстой был переведен штабс-ротмистром в Кавалергардский полк с назначением адъютантом к брату военного министра, своему родственнику по матери, князю А. И. Горчакову. В кавалергардах Толстой чис-

лился немногим более трех лет и 14 марта 1819 г. был уволен по болезни в отставку подполковником.

Победное вступление императора Александра I в Париж

В 1822 г. он женился на княжне Марии Николаевне Волконской, единственной дочери генерал-аншефа князя Ник. Андр. Волконского, принесшей в род Толстых известное всему образованному миру родовое имение Волконских Ясная Поляна (Крапивенского уезда, в 15 верстах от Тулы).

После смерти отца Николай Толстой наследовал имение Никольско-Вяземское, находившееся в опеке за долги. На его попечении остались мать Пелагея Николаевна, впоследствии воспитавшая его сына Льва Николаевича. Николай Толстой выкупил отцовское имение, устроил его, выстроил там каменную церковь, привел также в порядок имения, полученные за женой.

Живя в Ясной Поляне, граф Н. И. Толстой деятельно занимался хозяйством, воспитывал четырех сыновей и дочь, был добрым, гуманным помещиком и особенно заботился о благосостоянии своих крестьян. *"Однажды после долгой отлучки подъезжая к Ясной Поляне, - рассказывает один из внуков Николая Ильича, - и встретив нищего, он его остановил, расспросил и, узнав, что нищий из его деревни, велел ему сесть на козлы, и, приехав домой, сделал внушение своему приказчику за то, что хотя один его крестьянин нищенствует".*

Счастливая семейная жизнь графа Толстого продолжалась недолго: в 1831 г. графиня Мария Николаевна умерла. Николай Ильич пережил жену всего на шесть лет. В 1837 г. он скоропостижно умер в Туле и погребен в семейном склепе в Качаковском приходе, к которому принадлежит сельцо Ясная Поляна.

По свидетельству одного из внуков, некоторые черты графа Н. И. Толстого и его жены графини Марии Николаевны изображены сыном их Львом Николаевичем в "Войне и мире" в лице Николая Ростова и княжны Марьи.

Гаврила Васильевич Бобоедов (1796-1872)

Из дворян Нижегородской губернии, сын титулярного советника. Воспитывался в московском университетском пансионе, где кончил курс математических наук у профессора Мячкова, так как готовился на службу в артиллерию (в которой служил и его отец).

Будучи еще пятнадцатилетним мальчиком, учеником университетского пансиона, он возымел желание участвовать добровольцем в Отечественной войне, но не получил позволения отца, который, несмотря на горькие слезы сына, увез его из Москвы. По окончании курса Гаврила Бобоедов приехал в Петербург для определения на службу и по совету приятеля отца поступил юнкером в кавалергарды 16 марта 1816 г. В 1825 г. он был уже ротмистром.

По рассказам Бобоедова, офицеры его времени делились на две группы: "служак" и "пользующихся светом". У "слугак", к которым принадлежал и он, все было в казармах, где они знали каждого солдата. По окончании занятий собирались у кого-нибудь из товарищей провести время, поговорить и пошутить. Карт и вина совсем не было в ходу. Чаще всего собирались у Ланских, которых посещал и Бобоедов, "по застенчивости не посещавший светских гостиных". Жизнь "слугак" отличалась патриархальной простотой, например, "играли в лапту с таким увлечением, что с удовольствием вспоминали об этих играх уже 70-летними стариками". Часто они читали вместе, и если попадалась книга юмористического содержания, то непременно приглашали на чтение сослуживца, отличавшегося смешливостью.

Большинство офицеров жили душа в душу и составляли как бы одну семью. Богатые помогали бедным. Бобоедов в особенности был дружен с братьями Шереметевыми (Сергеем и Петром), Р. Е. Гринвальдом, Павлом и Петром Ланскими и И. А. Фитингофом. Неравенство состояний не мешало дружбе, в которой "не было ни корысти, ни самолюбия, а все было просто и искренно". Например, Ланские и Бобоедов помогали Фитингофу, который был беден. За необыкновенное добродушие и простоту Фитингофа прозвали в кругу товарищей "простыней", и, как видно из переписки Бобоедова, он и Фитингоф называли друг друга Бобешкой и Фишкой.

Бобоедов сходилась с людьми самых различных темпераментов; честь полка и службы были источником единения между самыми противоположными натурами. Насколько Гринвальд был человеком сдержанным и осторожным, настолько Фитингоф - "вспыльчив, хотя и добр до бесконечности". Но особенной горячностью характера отличался Петр Шереметев. И Бобоедов, человек ровного и спокойного характера, умел со всеми ладить. С Шереметевым, с которым при всем благородстве его души не всегда легко было ужиться, Бобоедов подолгу жила вместе и никогда не ссорился.

"Я умел с ним ладить", - говорил он. Нередко он старался умерять вспыльчивость Шереметева, доходившего до безрассудства.

Во время летней стоянки в Новой Деревне раз пришлось им жить вместе. Бобоедов занимал помещение внизу, а Шереметев наверху. Как-то вечером, усталые от учений, они улеглись спать и с неудовольствием услышали под окнами пение. То проходила компания немцев-дачников с песнями и со смехом. Разбуженный и рассерженный Шереметев за-

Медаль «За взятие Парижа»

кричал в окно, чтоб прекратили пение, и, когда пение не прекратилось, схватил кувшин с водою и запустил в проходящую компанию. Немцы разбежались, но скоро снова раздались смех и пение, и Бобоедов тут же услышал быстрые шаги по лестнице.

Ожидая недоброе, он сейчас же выбежал из избы и увидел Шереметева, одетого в одну рубашку, с колом в руке бегущего за немцами. Бобоедов бросился догонять товарища. Когда тот поравнялся с одним из немцев и замахнулся на него колом, Бобоедов закричал: "Петр Васильевич, как ты меня ушиб!" - и схватился за голову. Шереметев тотчас опомнился, бросил кол и кинулся к приятелю. "Что? Где?" - с испугом спрашивал он. Тогда только Бобоедов признался, что вовсе не был ушиблен, а проделал всю комедию для того, чтоб помешать приятелю сделать поступок, о котором пришлось бы впоследствии сожалеть. "Да что ты, Петр Васильевич, с ума сошел? Ведь ты наповал мог убить человека!" "А, так ты притворился, - возразил Шереметев. - Стоит из-за этих дураков... Так их и надо!.. Что они, черти, тут шляются по ночам!" Но потом Шереметев благодарил приятеля за эту своевременную услугу.

Великий князь Михаил Павлович очень любил "служак"-офицеров, между прочим и Бобоедова. Однако, присутствуя однажды на смотре и пропуская полк поэскадронно в карьер, Михаил Павлович увидел, что Бобоедов, командовавший эскадронном, упал с лошадей, которая споткнулась. Через него перескочили обе шеренги, и одна лошадь раздавила каску. Великий князь сказал: "Жаль мне Бобоедова; и люблю его, но все-таки для примера надо посадить его на гауптвахту". Бобоедов был отправлен на гауптвахту, но спустя несколько часов был освобожден по приказанию Михаила Павловича.

Заслуживает также внимания отношение Бобоедова к подчиненным. Он умел приобрести любовь эскадрона, которым командовал, и с простотой обращения соединял справедливость. Занимаясь как строевой, так и хозяйственной частью, он проверял пищу солдат, корм лошадей, причем многие субалтерн-офицеры разделяли этот труд, в особенности помогали обучению в манеже.

14 декабря Бобоедов находился в рядах полка на Дворцовой площади. Ночь он провел на Васильевском острове, а когда возвратился в казармы, то уже начались аресты (Анненкова и др.). За точное исполнение данного поручения он был награжден орденом св. Владимира 4-й ст.

Прослужив в Кавалергардском полку 13 лет, Бобоедов 27 октября 1829 г. вышел в отставку полковником с мундиром и поселился в поместье своем Ожгибовке. Причиной выхода в отставку были расстроенные дела имения. Великий князь Михаил Павлович не раз уговаривал Бобоедова остаться на службе и даже обещал со своей стороны материальную помощь.

Поселившись в деревне, Бобоедов не забывал своих товарищей по полку. Воспоминание о вместе проведенных днях было для него одним из лучших ... Во время разговоров о полковой жизни он оживлялся и как бы молодел. Из переписки его можно судить, насколько трогательны были эти отношения. Петр Шереметев писал ему в 1829 г. из-под Силистрии: *"Поверь, что все, которые ко мне были хороши, мною не забудутся; на этот счет ты меня знаешь, и я не меняюсь"* - и звал его в армию: *"Выходи в армию, теперь послужить случай будет"*. Фитингоф в январе 1834 г. пишет Бобоедову: *"Мы все те же истинные друзья, которыми были - жилали в одной комнате, делили радость и печаль... Пришли сына ко мне, когда вырастет; он во мне найдет истинного друга, и я люблю его, как родного"*...

Судьба привела свидеться старым товарищам в 1851 г. во время празднования 25-летнего юбилея шефства императрицы Александры Федоровны. Очевидец рассказывает, что встреча Бобоедова с Фитингофом произвела на всех глубокое впечатление. Их "нельзя было оторвать одного от другого при взаимных объятиях и поцелуях".

Не забывали Бобоедова и нижние чины. Когда он был в отставке, к нему являлись нижние чины Кавалергардского полка также в отставке или отпущенные на побывку домой. *"Никогда не забуду, - замечает очевидец, - их разговоров - воспоминаний прошлого, в которых чувствовалась искренность и взаимная любовь между начальником и рядовыми солдатами"*.

В свободное от хозяйственных занятий время Бобоедов занимался чтением. Он любил читать путешествия или исторические книги, преимущественно сочинения, относящиеся до Отечественной войны; с особенным чувством глубокой преданности относился к памяти императора Александра I, а равно и государя Николая Павловича.

Но главные занятия Бобоедова во время отставки были посвящены сельскому хозяйству. Улучшение быта крестьян составляло его заботу; он ввел много преобразований, гуманных и редких, вызвавших неудовольствие со стороны соседей-помещиков. Бобоедов старался поддерживать крестьян как нравственно, так и материально чем только мог - "больных лечил, сам навещал, подолгу разговаривал с каждым из них, равно и престарелых". Он часто говорил: "Когда мужик будет зажиточен, домовит, хороший семьянин, то будет и хороший работник, а барину будет хорошо и покойно при нем житься". В народе, у стариков, сохранилась самая добрая память о нем. По словам их, "Гаврила Васильевич был добрый, честный барин; а нам было жить у него, как у Христа за пазухой". Бобоедов был религиозный человек, имел попечение о храме в Ожгибовке, выстроенном его отцом, и помогал церковнослужителям...

На упомянутом праздновании в Петербурге юбилея, несмотря на протекшие после отставки Бобоедова 20 лет, государь заметил его и подозвал к себе. Когда обрадованный Бобоедов побежал к государю, то последний остановил его, сказав: "Не бегай, не бегай, Бобоедов, - твои ноги отвыкли от ботфорт!" Когда Бобоедов подошел, государь милостиво подал ему руку и сказал: "Каков лейб-эскадрон, которым ты командовал во время коронации!" Затем, расспросив его о жизни и семье и узнав, что у него два сына, которых он желает определить в Школу, чтоб они впоследствии могли выйти в один из гвардейских пехотных полков, государь сказал: "Я бы желал, чтобы сыновья служили в тех же полках, где служили их отцы". На это Бобоедов отвечал, что и сам желал бы того же, но не имеет средств. Государь обещал все устроить. Но императора Николая Павловича уже не было в живых, когда сыновья Бобоедова вышли в офицеры...

11 февраля 1872 г. Гаврила Васильевич скончался и погребен при церкви с. Ожгибовки. До последних дней жизни лучшими его воспоминаниями остались полковая жизнь и его товарищи.

Пимен Николаевич Арапов 3-й (1796-1861)

Сын секунд-майора. Родители его, богатые помещики Пензенской и Саратовской губерний, имели возможность дать ему хорошее воспитание и образование.

Воспитание, полученное Пименом Араповым, способствовало развитию в нем художественного вкуса и склонности к литературе. Он обучался сначала в московском пансионе литератора В. В. Измайлова, затем в благородном пансионе при Московском университете и в самом университете по словесному отделению.

6 октября 1814 г. он поступил на службу в Преображенский полк. В июле 1818 г. переведен в Кавалергардский полк, прослужил два года и за болезнью уволен от службы штабс-ротмистром. 20 сентября 1821 г. определен чиновником особых поручений к министру внутренних дел с переименованием в титулярные советники. После многолетних трудов по различным ведомствам в конце 1854 г. был назначен чиновником особых поручений при министре двора и в августе 1856 г. произведен в действительные статские советники

Памятник боевым товарищам в полковой церкви

Известность П. Н. Арапова основана на его литературных заслугах как "первого летописца русского театра". Еще в юности он был большим поклонником театрального искусства, и известный актер Дмитревский рекомендовал его А. А. Шаховскому и П. А. Катенину "как страстного к декламации юношу". Арапов сошелся очень близко с Катениным на службе в Преображенском полку, и почвой для их сближения были театр и искус-

ство. Литературную карьеру свою Арапов начал в 1810 г. повестью, переведенной с немецкого, "Тильзитский мир". Это произведение было напечатано в "Вестнике Европы" Измайлова, где он помещал также и свои "Московские записки". В журналах же Измайлова "Благонамеренный" и "Сын Отечества" Арапов помещал "политические и иные статьи". Тогда же он начал заниматься переводами и составлением оригинальных пьес для театра и вошел в близкие отношения с Шаховским и Загоскиным, участвовал в домашних спектаклях.

С 20-х годов он окончательно посвятил себя театру. Всех пьес, написанных им, приблизительно около 40, но только часть их напечатана. Некоторые водевили его пользовались успехом на сцене, как, например, "Медведь и Паша", "Секретарь и повар", "Чертов колпачок", написанный им для В. Н. Асенковой. Из ненапечатанных пьес успех имели "Вертеп", "Демьянова уха", "Пикасьет", "Волшебное стекло". Последним драматическим произведением Арапова был водевиль "Лизанька", с музыкою князя Одоевского, написанный для Сандуновой, но успеха не имел.

В 1830 г. П. Арапов вместе с Д. Новиковым издал литературно-музыкальный альбом "Радуга". В 50-х годах вместе с художником Раппольтом издал большой иллюстрированный историко-биографический драматический альбом, с 20 портретами артистов, в котором помещена и пьеса самого Арапова "Квартира в московской гостинице".

В конце 50-х годов Арапов, путешествуя за границу, присылал "Путевые заметки" (заключавшие главным образом театральные сведения) в "Северную пчелу". В Париже он издал "Драматический букет" - собрание портретов актрис и танцовщиц петербургского театра и два больших листа портретов актеров александрийской сцены.

В 1862 г., уже по смерти П. Н. Арапова, вышла его "Летопись русского театра". Летопись доведена до ноября 1825 г. *"Летопись до сих пор остается ценной справочной книгой, - говорит Венгеров, - читатель не найдет тут чего-либо обобщающего, не найдет широкой картины хода развития нашего театра, но скелет событий, факты и детали собраны со знанием дела и тщанием"*. Относительно прочих произведений Арапова Венгеров замечает: "Драматические произведения Арапова слабы. Это все водевили с самой примитивной интригой и разные *pieces d'occasion* (*Пьесы по случаю (фр.)*) вроде "Репетиции на станции", написанной в виде сюрприза московскому генерал-губернатору князю Голицыну".

В частной жизни Пимен Николаевич был "домосед и хлебосол в полном смысле этого слова". Материальные средства его были довольно значительны и давали возможность жить на широкую ногу.

Умер П. Н. Арапов 23 марта 1861 г. и погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Петр Петрович Ланской (1799-1877)

Был младшим из четырех братьев, одновременно служивших в кавалергардах. Получив домашнее образование, он поступил юнкером в полк в 1818 г. Всю свою службу, до чина полковника включительно, он провел в Кавалергардском полку.

Ревностной и образцовой службой он удостоился милостивого расположения императора Николая I, который неожиданно для всех и для самого Ланского назначил его в апреле 1834 г. флигель-адъютантом. В октябре 1843 г. Ланской произведен в генерал-майоры с назначением состоять при гв. кирасирской дивизии, через полгода был назначен командующим лб.-гв. Конным полком и еще через два года утвержден командиром. Вскоре за тем назначен в свиту Его Величества с оставлением командиром.

Привязанность его к кавалергардской семье была так велика, что, несмотря на отменную царскую милость, ему было тяжело надеть конногвардейскую форму, являвшую в

ту пору особые, отличные от кавалергардской, традиции. Дело в том, что в Конном полку со времен Анны Иоанновны держались немецкие традиции, в Кавалергардском же под влиянием Екатерины II пробудилось русское самосознание. По счастью, почти одновременно с Ланским его товарищ и лучший друг барон И. А. Фитингоф получил родной полк,

Петр Петрович Ланской

и они дали друг другу слово приложить все старания к уничтожению постоянного антагонизма, что им отчасти и удалось. Через несколько лет командования Ланского сложилась уже поговорка, что он принял от Эссена regiment, а сдал графу Ламберту полк.

Его строгое отношение к службе и цельность характера способны были порождать недовольство между подчиненными, но все единогласно признавали в нем и высоко ценили редкую справедливость и нелицеприятие. Следующий факт служит лучшим тому доказательством: в Конном полку открылась вакансия полкового адъютанта; при всем известном благоволении императора Николая Павловича к своему шефскому полку это считалось верным обеспечением вензелей, и честолюбцы пустили в ход все интриги, чтобы добиться этого назначения. В течение полугода эту должность примерно исправлял Альбединский, и Ланской, считая его вполне достойным офицером, решил утвердить его полковым адъютантом.

Альбединский имел очень мало средств и никакой протекции. Кружок богачей-аристократов имел своего кандидата - Черткова, сильного своими связями, и всячески агитировал, чтобы сломить твердое решение командира полка. Однажды, во время приема с глазу на глаз, государь, любивший входить в разные подробности, спросил Ланского: *"У тебя очищается адъютантская вакансия?"* - *"Так точно, Ваше Величество"*. - *"Я слышал, ты избираешь Черткова?"* *"Ваше Величество! Должен ли я считать этот вопрос изъявлением вашего желания?"* - почтительно спросил Ланской. - *"Это почему?"* - *"Потому что оно для всякого становится законом, и только в силу его я имею право обидеть офицера"*. *"Нет, Ланской, всегда поступай по совести. Тебе это ближе и лучше знать"*, - ответил государь и, милостиво потрепав его по плечу, уже с легкой усмешкой добавил: *"Взялся поинтриговать, и не выгорело, а тебе за правду - большое спасибо! Я люблю, чтобы мне так служили"*.

Благосклонность императора отзывалась и на его частной жизни. Когда в 1844 г. Петр Петрович Ланской женился на Наталье Николаевне Гончаровой, вдове Пушкина, Николай I, взявший осиротелую семью поэта под свое высокое покровительство, отнесся очень сочувственно к этому браку и сам вызвался быть посаженным отцом. Но невеста настаивала, чтобы свадьба совершилась как можно скромнее; сопровождаемые самыми близкими родственниками, они пешком отправились в Стрельнинскую церковь и там обвенчались. Поэтому Ланскому не пришлось воспользоваться выпадавшей ему почестью. Государь понял и оценил мотивы этого решения, прислал новобрачной брильянтовый фермуар в подарок, велел при этом передать, что от будущего кумовства не дозволит так отделаться; и в самом деле, год спустя, когда у них родилась старшая дочь Александра, государь лично приехал в Стрельну для ее крестин.

В день освящения полкового Благовещенского собора (6 апр. 1849 г.), постройкой которого Николай Павлович живо интересовался, Ланской был назначен генерал-адъютантом и получил право быть погребенным в самой церкви. Одно место предназначалось князю А. Ф. Орлову, заложившему первый камень, другое - П. П. Ланскому как полковому командиру, при котором церковь была освящена. Сын князя Орлова воспользовался для покойного этой привилегией, а Ланской сам отказался от нее: пережив обо-

жаемую жену, он заблаговременно приготовил себе место рядом с нею в Александроневской лавре.

Прокомандовав Конным полком девять лет, Ланской был произведен 6 декабря 1853 г. в генерал-лейтенанты, и при сдаче полка ему сохранен мундир.

В самый разгар Крымской войны он был командирован в Вятскую губернию для формирования ополчения. Пожертвования лились щедрой рукой, и по распусшении ополчения (заклучение мира остановило вятское ополчение на пути в Крым) в безотчетном ведении П. П. Ланского оказался капитал, достигавший 100 тыс. руб. Этот избыток был единственным примером во всей обширной России. При докладе императору Александру II Ланской заявил об остатке, испрашивая указание, куда представить эти деньги. Государь весьма удивился, спросил, как поступили в других губерниях, и, удостоверившись в исключительности факта, промолвил: *"Так ты один возвратил их, Ланской! Да, с тобою иначе и быть не могло"* - и приказал всю сумму передать военному министру Сухозанету; затем она быстро испарилась по разным инстанциям.

Вскоре после этого случая, в день коронации 26 августа 1856 г., Ланской был назначен начальником 1-й гв. кавалерийской дивизии и оставался в этой должности до апреля 1861 г., когда расстроенное здоровье жены вынудило его взять годовой отпуск, с отчислением в свиту, чтобы увезти жену за границу.

С этого времени деятельность его переходит из фронтной в административную сферу: в ноябре 1864 г. он назначен председателем высочайше учрежденной в Петербурге следственной (о петербургских поджогах) комиссии и в апреле 1865 г. на время отсутствия петербургского генерал-губернатора для сопровождения государя за границу назначен исправлять эту должность...

П. П. Ланской оставил после себя трех дочерей, вышедших замуж за кавалергардов. Все внуки Петра Петровича служили в рядах кавалергардов, являясь последними отпрысками, по женской линии, еще в начале столетия столь многочисленного рода Ланских.

Наталья Николаевна Пушкина
(Ланская)

Граф Павел Карлович Ферзен (1800-1884)

Принадлежал к шведскому роду, перешедшему в русское подданство после завоевания прибалтийских провинций Петром Великим. Первоначальное образование получил в доме родителей, а затем поступил в Пажеский корпус. По окончании здесь курса в декабре 1819 г. он был переведен в Кавалергардский полк.

Лето 1829 г. было памятным в жизни графа Ферзена: он увез, без согласия родителей, графиню Ольгу Строганову и повенчался с нею тайно в церкви с. Александровки, близ мызы Тайцы. Графиня С. В. Строганова прислала к командиру полка графу Апраксину зятя своего генерал-майора Строганова, который объявил *"согласие ее на сей брак, привез письмо от гр. Строгановой к дочери, в котором она, изъявляя ей свое прощение, приглашала ее с гр. Ферзеном к себе. А после, - доносил Апраксин, - и я получил от нее письменное дозволение на сей брак, которое и представлено мною к в. пр-ву, а как оно написано было задним числом, то из сего и должно заключить, что гр. Строганова сама имела желание скрыть сие происшествие; но, не принимая сего в оправдание поступка*

шт.-ротмистра гр. Ферзена и бывших свидетелями его брака ротмистров Ланского 1-го, Бреверна и Соломирского, представляю участь их на благорассмотрение высшего начальства".

За этот поступок по высочайшему повелению Ферзен был предан военному суду и тем же чином переведен сначала в Свеаборгский гарнизонный батальон, а затем в Киевский гусарский полк

Кавалергарды в 1830 году

9 ноября 1830 г. он уже снова в гвардии, в Кирасирском полку, с которым принял участие в польской войне. Через год граф Ферзен удостоился высочайшей милости - перевода в Кавалергардский полк. За взятие Варшавы он, кроме того, получил орден св. Владимира 4-й ст. с бантом. В декабре 1833 г. Ферзен за болезнью уволен от службы полковником с мундиром.

Через три года он был назначен чиновником для особых поручений при министре двора с причислением к кабинету Его Величества. Формуляр графа П. К. Ферзена перечисляет длинный ряд почетных назначений и наград, которых он был удостоен в течение своей службы по министерству двора.

Блестящая карьера Павла Карловича неожиданно была им погублена зимою 1870 г., когда на царской охоте его роковым выстрелом был убит егермейстер В. А. Скарятин.

Для исследования дела высочайше назначена была комиссия под председательством В. В. Зиновьева. Комиссия пришла к убеждению, что *"Скарятин убит на охоте выстрелом из ружья гр. Ферзена разрывною пулею в то время, когда он проходил в 14 шагах от последнего, причем гр. Ферзен немедленно сознал в себе, что убил Скарятина..."*

25 января 1871 г. на донесении следственной комиссии государь начертал нижеследующую резолюцию: *"Усматривая из дела, что смерть егермейстера Скарятина произошла от случайного выстрела гр. Ферзена, и признавая последнего виновным в позднем сознании, я, во внимание к более пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее увольнение его от службы. За сим считать дело конченным"*.

Александр Павлович Чоглоков (1801-1873)

Из дворян Петербургской губернии, принадлежал к известному роду Чоглоковых, происходившему от выходца из Чехии Чоглика Пруша, и был сыном генерал-лейтенанта, одного из участников Отечественной войны. Александр получил домашнее образование под руководством гувернера-швейцарца.

31 января 1820 г. он поступил юнкером в Кавалергардский полк. Спустя 10 лет, уже ротмистром, назначен адъютантом к командиру полка графу Апраксину. Принимал участие в польских событиях 1831 г. и награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом.

12 апреля 1840 г. А. П. Чоглоков был уволен в отставку полковником с мундиром. В 1842 г. он был избран шлиссельбургским предводителем дворянства, коим и служил восемь трехлетий без перерывов (по 1866 г.), причем пожалован чинами статского советника (в 1848 г.) и действительного статского советника (в 1854 г.).

По семейному преданию, Александр Чоглоков был "красив, строен, всегда весел и остроумен, у женщин имел большой успех, прекрасно ездил верхом, имел отличных лошадей, верховых и упряжных, и прекрасные выезды - был, одним словом, блестящим офицером. Царской фамилией он был всегда отличаем как прекрасный танцор, приглашаем на все балы, как придворные, так и большого света".

Шутки были в моде в 30-х годах, и Чоглоков проделывал их немало, но они были всегда безобидные. Он, например, раз по всей Старой Деревне в полной форме, при кирасе и каске, проскакал на корове, которая, конечно, от испуга пала, но хозяин был щедро за нее вознагражден. В другой раз где-то на балу он проделал фарс со строгой старухой Мятлевой, и та на него не рассердилась, а лишь потрепала за ухо. Лучшие его друзья были граф Д. Н. Шереметев, братья Кожины, Бутурлины, Кологривов, а всех ближе А. А. Жерве. Александр был участником всех фарсов Вадковского, этого легендарного шалуна. Впоследствии участвовал в так называемых "похоронах Гринвальда", когда некоторые офицеры полка, недовольные им, наняли большой катер, поставили пустой гроб, накрыли черным покрывом и поехали с похоронным пением по Неве мимо Елагинского дворца. Конечно, все это наделало большой переполох...

Чоглокову однажды удалось уберечь государя Николая Павловича и государыню Александру Федоровну от угрожавшей им опасности. Это было в Петергофе в июльские праздники, вечером, на иллюминации. В качестве дежурного адъютанта графа Апраксина

Памятник кавалергардам и Конной гвардии на Бородинском поле

Чоглоков ехал впереди царской линейки; по какой-то оплошности или недосмотру лошади были не взнузданы; кучер это заметил и сказал Чоглокову, который, обернувшись, поставил свою лошадь поперек и обеими руками схватил уже бесившихся лошадей за ноздри, пока не подоспели конюхи и не взнуздали лошадей. За это он был удостоен от государыни подарком ценного перстня.

В последние годы Александр Павлович Чоглоков любил окружать себя даровитыми артистами всех родов искусства, но в особенности принимал с удовольствием знаменитых итальянских певцов и французскую труппу Михайловского театра. У себя в Колтушах держал театр и цирк, был большой гастроном, давал обеды не более как на 12 персон, держал французских поваров, нередко поступавших от него к высочайшему двору. Вина не пил и не любил, чтоб у него

много пили, но к столу, однако, всегда подавались лучшие вина. Вообще, жил роскошно и элегантно. В течение более десяти лет имел счастье принимать на охотах в имении Колтуши государя Александра Николаевича.

От придворных званий всегда отказывался, считая более лестным быть осчастливленным посещением царя в качестве простого смертного; но когда сын его Александр, совершенно еще молодым человеком, был пожалован камер-юнкером, то был польщен.

Павел Николаевич Демидов 1-й (1798-1840)

Сын тайного советника. Будучи 14 лет от роду, 1 августа 1812 г. поступил юнкером в егерский полк московского ополчения и 26 августа за Бородино произведен в прапорщики. 1 сентября 1814 г. Павел Демидов назначен в свиту по квартирмейстерской части. В следующем году командирован в главную квартиру и находился на смотре при Вертю. Затем служил в оккупационном корпусе графа Воронцова, Тверском драгунском полку, Елизаветградском гусарском полку и в 1819 г. произведен в штабс-ротмистры. В феврале 1820 г. назначен адъютантом к московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну, 11 января 1822 г. переведен в Кавалергардский полк с оставлением адъютантом, 25 июня 1826 г. произведен в ротмистры, а 27 декабря того же года уволен для определения по статским делам с переименованием в коллежские советники.

Павел Демидов ознаменовал свою жизнь такими щедрыми пожертвованиями, каких немного встречается в летописях русского благотворения. Вот список важнейших его

пожертвований: на 100 тыс. руб. военных снарядов из собственных его заводов во время Турецкой войны 1829 г.; 625 тыс. руб. в пользу вдов и сирот забалканских воинов; 50 тыс. руб. в пользу семейств, пострадавших от холеры в 1831 г. в Москве; имение Студеней, Московской губернии в пользу богоугодных заведений; 75 тыс. руб. в пользу Патриотического института в 1834 г.

16 марта 1831 г. П. Н. Демидов был назначен курским губернатором с производством в статские советники, а вскоре произведен в действительные статские советники. Он пробыл губернатором три года (до апреля 1834 г.), когда по расстроенному здоровью причислен к министерству внутренних дел и пожалован в должность егермейстера. О деятельности его как губернатора имеется такой отзыв современников: *"Демидов не был деловым губернатором, но, как человек очень богатый, жил в Курске роскошно и давал бесконечные балы и обеды"*; он платил от себя большие деньги курским чиновникам, чтобы они не брали взяток.

П. Н. Демидов в течение девяти лет вносил в день рождения наследника престола Александра Николаевича по 20 тыс. руб. в Академию наук на награды за лучшие по разным частям сочинения в России и по 5 тыс. руб. на издание увенчанных академией рукописных творений; они получили название "демидовских премий". Таким образом Демидовым было внесено 225 тыс. руб. Он же учредил в Петербурге детскую больницу, на которую вместе с братом внес особый капитал.

Павел Николаевич владел совместно с братом большим состоянием, оставшимся ему от отца, имел на Урале около 1 млн. десятин с 15 тысячами душ, с железными и медными заводами (Нижне-Тагильский горный округ) и несколько домов "в разных губерниях".

Гоголь избегал знакомств с "аристократами", в том числе и с Демидовым, но когда ему удалось, как он сам пишет в письме к Демидову, *"услышать лично из уст ваших просвещенный образ ваших суждений - и глубокое знание России, редкое в государственном человеке, и ваш твердый, верный взгляд на вещи, неужели я буду так глуп и ими не воспользуюсь? Нет, во что бы ни стало я должен вас видеть"*.

Кавалергардский полк от Николая I до Николая II

граф Степан Федорович Апраксин (1792-1862)

Из дворян Петербургской губернии, сын бригадира. В службу вступил двенадцати лет, 30 октября 1804 г., юнкером в кавалергарды. К 1810 г. он был поручиком. В Отечественной войне не участвовал, а находился (с 1 июля по начало 1813 г.) "в конвое при главной квартире Его Имп. Величества". По переходе Немана присоединился к полку и произведен в штабс-ротмистры. Кампанию 1813 и 1814 гг. Степан Апраксин проделал с полком; за Кульм награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом и за Фершампенуаз орденом св. Анны 2-й ст. В 1816 г. произведен в ротмистры, в 1818 г. - в полковники и назначен командиром 1-го эскадрона. В 1819 г. пожалован флигель-адъютантом; 6 августа 1824 г. назначен в чине полковника командиром Кавалергардского полка.

В день 14 декабря 1825 г. граф Апраксин заслужил вечную себе признательную память кавалергардов: благодаря его точному и правильному пониманию святости присяги, его такту, самообладанию и самостоятельности полк сознательно и спокойно принес присягу императору Николаю Павловичу.

По возвращении из Зимнего дворца Апраксин собрал у себя на квартире дивизионных и эскадронных командиров, ознакомил их с манифестом и приложениями к нему. Затем полк был собран в полковом манеже, куда прибыл и начальник дивизии А. Х. Бенкендорф. Полковой адъютант прочел манифест и отречение цесаревича, после чего граф Апраксин не тотчас же предложил присягать, а дал время эскадронным командирам объяснить офицерам и нижним чинам, почему они, несмотря на недавно принесенную присягу наследнику престола Константину Павловичу, обязаны теперь присягнуть Николаю Павловичу.

Граф Степан Федорович Апраксин

Проволочка эта не понравилась Бенкендорфу, который приказал "присягать без рассуждений". В рядах раздался ропот. Тогда Апраксин близко подошел к начальнику дивизии и, тихо напомнив ему, что за принесение присяги полком отвечает он, командир полка, попросил Бенкендорфа покинуть манеж... Бенкендорф уехал. Тогда граф Апраксин, сняв каску и подняв правую руку, клялся полку, что отречение Константина Павловича добровольное, что престол переходит к Николаю Павловичу по закону и согласно последней воле императора Александра I, "нашего благодетеля", и, указывая на вензеля на своих эполетах, заклинал полк именем покойного императора исполнить его последнюю волю. Дав полку успокоиться, Апраксин обратился к полковому священнику с предложением приступить к присяге. Полк без всякого уже колебания принес присягу и свято исполнил ее на Дворцовой площади, где по приказанию нового императора атаковал мятежников.

15 декабря 1825 г. С. Ф. Апраксин произведен в генерал-майоры; 5 сентября 1830 г. назначен генерал-адъютантом. Поход 1831 г. кавалергарды сделали под его командою.

Время командования Апраксина полком совпадает со временем упадка полка в строевом отношении. Он командовал полком до 25 июня 1833 г., когда назначен командующим гвардейской кирасирской дивизией, и 6 декабря того же года произведен в генерал-лейтенанты.

9 мая 1844 г., уже в чине генерала от кавалерии, назначен состоять при императрице Александре Федоровне, шефе Кавалергардского полка, и пребывал в этой должности до кончины императрицы в 1860 г.

7 февраля 1853 г. граф Апраксин был назначен членом Комитета о раненых. 30 ноября 1860 г. ему пожалован при высочайшем рескрипте орден св. Андрея Первозванного. В январе 1862 г. он назначается председателем Комитета о раненых.

В мае того же года С. Ф. Апраксин скончался и погребен в Сергиевской пустыни.

Родион (Мориц Рейнгольд) Егорович Гринвальд (1797-1877)

Из древнего рода эстляндских дворян, сын майора Кирасирского полка; родился в родовом имении Койк в Эстляндии. Первоначальное воспитание получил дома. Когда ему исполнилось 15 лет, был привезен отцом в Петербург и определен юнкером в кавалергарды.

Гвардия была в походе, и резервными эскадронами заведовал генерал Жандр, который, "не сильный в святцах", узнав, что имя Гринвальда Мориц, заявил, что такого имени не имеется на русском языке, и потому предпочел второе имя Рейнгольд в вольном переводе на Родиона. Принятый в кавалергарды, Гринвальд был зачислен в запасный эскадрон

полка, помещен в одной из офицерских квартир казарм и начал свою службу обучением езды у полкового берейтора.

В мае полуэскадрон выступил в Белосток, где был укомплектован до эскадронного состава. В Белостоке Родион заболел тифом, но эскадронный командир С. Н. Тургенев и брат его Николай выходили его. Будучи единственным немцем среди офицеров, он быстро выучился говорить по-русски. В 1815 г. участвовал с полком в походе в Вильну. Как этот, так и предыдущие походы он сделал в солдатских кирасах и вообще нес служебные обязанности "по-настоящему", чем приобрел уважение солдат.

Родион Егорович Гринвальд

Пробыв около трех лет юнкером, Гринвальд был произведен в корнеты и вскоре назначен эскадронным командиром. До кончины отца он получал по 6 тыс. руб., но затем эта сумма была сокращена матерью до 2 тыс. руб. Он был расчетлив; единственно не скупился на лошадей и экипажи, отлично одевался, но мебелировку имел скудную, ел "просто", не пил ни вина, ни пива, не посещал театров и концертов, никогда не бывал в ресторанах и не имел счетов у портного и сапожника. Вместе с тем он сам сознается, что и духовное его развитие было "в высшей степени грустное": *"Я ничего не читал, редко посещал церковь, христианская вера была мне совершенно чужда, не имел даже Библии"*.

Долгое юнкерство, походы, усердие к службе, любовь к лошади и езде доставили Гринвальду некоторый авторитет в полку, тем более что в эту эпоху служба была заброшена, "ибо почтили на мало заслуженных лаврах"; эскадронами управляли вахмистры, а не командиры, лошадей кормили плохо и потому мало ездили. Вообще понятия об ответственности и служебном долге, по словам Гринвальда, были весьма неразвиты...

Родион Гринвальд находился в Петербурге при восшествии на престол Николая I. О событиях 14 декабря он рассказывает следующее: *"В 10 час. утра командир полка гр. Апраксин собрал у себя эскадронных командиров, сообщил им о том, что Константин Павлович присягнул своему брату Николаю, и приказал привести к 12 час. эскадроны в манеж для принесения присяги... Полк собрался; между офицерами было четырнадцать (?), которые знали о плане заговора и о готовящемся восстании. Однако никто не пикнул, и присяга была беспрепятственно принесена. Едва люди разделись, как последовало приказание седлать. Полк. Шереметев побывал в Зимнем дворце и привез от императора приказание привести полк возможно скорее на Исаакиевскую площадь"*.

Полк двинулся на полных рысях мимо Зимнего дворца и на Исаакиевской площади выстроился в полковую колонну против мятежных войск, стоявших перед Сенатом. Государь был верхом, окруженный относительно небольшой свитой; он весьма спокойно отдавал приказания.

После рассеяния мятежников картечью Гринвальду было передано приказание государя очистить его эскадронами Галерную улицу и Английскую набережную и об исполнении этого поручения донести лично государю. Когда он подъехал к государю с донесением, то граф Толь представил его как своего земляка, на что Николай Павлович сказал, что "он уже знает Гринвальда - и с лучшей стороны".

1 января 1826 г. Гринвальд был произведен в полковники и весной выступил с эскадронами в Москву на коронацию. Оттуда он был отправлен в Берлин с "образцовой гвардейской командой", составленной из нижних чинов гвардейских полков, обмундированных в новые формы.

"В те времена, – говорит Гринвальд, – вся Пруссия всем сердцем была расположена и благодарна России. Личность имп. Николая много этому содействовала; его жеманство на дочери короля, его ласковое обхождение с военными в Берлине и уважение, которое он тогда выказывал пруссакам, настолько привлекали к нему, что все им бредили. В этом заключалась причина благорасположения, нам проявленного, а не в нашем внешнем виде, более высоком образовании, познаниях или светскости".

После ряда празднеств, данных в честь русских, образцовая команда двинулась в обратный поход. Сам же Гринвальд по воле короля остался в Берлине до лета. Он говорит, что всей своей карьерой обязан Берлину. Несомненно, что король остался вполне им доволен, наградил орденом св. Иоанна Иерусалимского с алмазами (давался этот орден не щедро) и хорошо отозвался о нем государю и императрице. *"Мое поведение в Берлине, – говорит Гринвальд, – было ровное и простое, думаю, что оно было прямое и порядочное; я не был ни царедворцем, ни интриганом, а этого тогда было достаточно в Пруссии".*

Знак ордена св. Станислава с мечами

По возвращении в Петербург он был пожалован (23 июня 1827 г.) флигель-адъютантом, и на него неоднократно возлагались особые высочайшие поручения, преимущественно по осмотру конского состава и материальной части армейских кавалерийских частей.

В Польский поход 1831 г. Гринвальд выступил командиром 1-го эскадрона. Перед самым штурмом Варшавы умер командир Новгородского кирасирского полка, и Гринвальду предписано было вступить в командование этим полком. 25 августа утром, в самый день штурма, он перебрался с кавалергардского бивака на бивак новгородцев и затем, не успев познакомиться даже с офицерами, повел немедленно полк в боевые линии.

Новгородцы в дивизионных колоннах двинулись на полных рысях вперед. Вскоре полк попал под орудийный огонь, и Гринвальд развернул его. Пройдя сквозь интервалы своей артиллерии, новгородцы, все двигаясь вперед, попали, не доходя шагов двухсот до занятого русскими накануне редута, в волчьи ямы. Вправо от полка виднелась большая желтая корчма, занятая неприятельской пехотой; выстрелы этой пехоты достигали лейб-эскадрона, составлявшего правый фланг полка. Вслед за тем весь фронт полка подвергся сильнейшему картечному обстрелу, много людей и лошадей попадало, и сначала 4-й эскадрон, а за ним и весь полк без команды повернули кругом и "осадили" на несколько сот шагов назад.

"Я, – пишет Гринвальд, – был в отчаянии, кричал: "Стой, стой, стой!" Он сам благородно сознается в своих недостатках, а именно в отсутствии боевого опыта и недостатке способности быстро решаться: "Это качество большой недостаток на войне, где быстрый глазомер и решимость весьма необходимы".

Получение полка весьма обрадовало Гринвальда: оно открыло широкое поле его самостоятельной деятельности. *"Мои приказания исполнялись точно и охотно, и как офицеры, так и солдаты сделали весьма большие успехи. Я всюду сам бывал, часто имел случаи быть довольным и весь отдался службе и долгу".*

25 июня 1833 г., в день именин императора Николая, Р. Е. Гринвальд был назначен "по особому желанию вел. кн. Михаила Павловича" командующим Кавалергардским полком с производством в генерал-майоры.

Государь принял Гринвальда милостиво, но казался неуверенным, насколько удачно назначение его командовать таким "трудным" полком. С первого же взгляда заметно было, что императрица сожалела об оставлении полка "ловким кавалером" графом Апраксиным, обладавшим большим опытом высшего света. *"Я, - говорит Гринвальд, - поразил всех их моею молчаливостью, ибо не имел чего-либо существенного сообщить, а в голову мне не пришло благодарить за оказанные отличия и доверие..."*

Приняв Кавалергардский полк, Родион Егорович Гринвальд уже не нашел в нем многих из старых товарищей, а младшие повысились в чинах. *"Я не мог допустить прежней небрежности, - пишет он, - должна была пробудиться в полку новая жизнь; служба и добросовестное исполнение обязанностей должны были стать выше всего. Удовольствия, связи, протекции должны были отступить перед справедливыми требованиями службы. Это не понравилось гг. офицерам, которые были избалованы и ставили общество выше службы"*.

Император Николай I со свитой

Распущенные предшественником Гринвальда офицеры встретили нового командира в высшей степени неприязненно. Жорж Дантес острил на его счет, Николай Мартынов осмеивал его в стихах (*"Задумчив, мрачен и взбешен - с ученья едет Родион..."*). Нашлись и такие, которые под влиянием бывшего юнкера полка князя А. И. Барятинского решились осенью 1834 г. заявить это чувство какою-нибудь демонстрацией.

Великий князь Михаил Павлович, желая помочь Гринвальду, стал наблюдать за офицерами и взыскивать с них помимо командира полка. В особенности он обращал внимание на поведение офицеров в обществе, бывал не только на придворных балах, но и у частных лиц, когда на этих балах бывала императрица - шеф Кавалергардского полка. Великий князь обвинял шефа в баловстве офицеров и отличии тех именно из них, которые уже тогда позволяли себе "шалости", а по службе были худшими.

"Моя наружность, - говорит Гринвальд, - была всегда серьезна и чопорна; с офицерами я обходился без дружественных и любезных слов. У меня была еще одна беда: я должен был бывать на вечерах и балах в самых аристократических домах. Это делалось ради офицеров и в особенности ради императрицы, которая всякий раз изволила со мною танцевать первую кадрили... Часто, вернувшись домой в 3 часа утра, я в 7 или 8 часов уже был в манеже".

**Императрица Александра Федоровна,
шеф Кавалергардского полка
в царствование Николая I**

Служба в полку стала исполняться строго и усердно, и труды Гринвальда не остались без результатов.

"Большинство офицеров полка, - вспоминает он, - были русские, и среди них было много превосходных офицеров, они к тому же по большей части были красивы, высоки, рыцарской наружности. Надо было только их так воспитать, чтобы они отвечали новым требованиям службы, которые в то время были очень скромны: хорошо ездить, маршировать, хорошо командовать - большего не требовалось... Начальство стало замечать успехи офицеров, в особенности Михаил Павлович, и кавалергардов начали ставить в пример другим

полкам. Учения при государе сходили блестяще и удостаивались благодарности. Ремонт был прекрасен, уход за лошадьми превосходен, и в строевом отношении полк выделялся от других... Однако ж на самое существенное для войны совершенно не обращалось внимания. Этот грех стоил нам много дорогой крови; Аустерлиц и Бородино нас не научили, да и из опыта Польской войны можно было видеть, чего нам недоставало... Когда я командовал Кавалергардским полком, все подгонялось для парада, который составлял нашу карьеру..."

Весною 1839 г. Гринвальд вывихнул себе ногу; этот случай усилил его желание сдать полк, и ни просьбы, ни уговоры не могли его переубедить. Сам великий князь при посещении больного пробовал уговорить его, но тщетно. *"Я более устал нравственно, чем телесно, - читаем мы в записках Гринвальда, - я не желал получить другое, но избавиться от старого..."*

Назначенный в мае 1839 г. командиром 1-й кирасирской бригады, он сдал полк и взял 5-месячный отпуск, который сначала провел в Прибалтийском крае, а затем в Германии у родственников и в нескольких курортах.

В 1843 г. Гринвальд был запрошен, желает ли он получить 2-ю кирасирскую дивизию. Он без колебания изъявил согласие. *"Мое решение, - пишет Родион Егорович, - было весьма естественно: новое назначение было повышением по службе, к тому же мой*

прежний полк входил в состав этой дивизии, и, наконец, ничто не связывало меня с Петербургом". О времени командования этой дивизией Гринвальд отзывается как о "наиболее приятном" за все время своей строевой службы ("днем - служба, вечером - разговоры о ней").

Так продолжалось до мая 1844 г., когда за блестящее командование 2-й дивизией он был перемещен начальником гв. кирасирской дивизии. Назначение это состоялось вследствие настояний Михаила Павловича, причем Гринвальд полагал, что государь не разделял возлагаемых на него великим князем надежд.

Командование дивизией в первые годы было не только благополучно, но блестяще. *"Мои отношения к командирам полков и офицерам, - читаем мы в его записках, - были лучше, чем ранее, когда я командовал Кавалергардским полком. Я не стоял столь близко, как прежде, к гг. офицерам, многое можно было предоставить командирам полков, которые должны были сами мыть свое грязное белье, о чем его имп. высочество слишком достаточно заботился... Что же касается до учений и маневров, то они всегда сходили отлично и доставляли мне много похвал..."*

Впрочем, однажды, по рассказу Родиона Егоровича, на смотре кавалерии великий князь поставил Гринвальду в образец легкую дивизию и, отпустив последнюю домой, приказал продолжать учение кирасирской дивизии. В способе и манере сделанных ему великим князем замечаний Гринвальд усмотрел недоверие к себе, причем, по словам Родиона Егоровича, великий князь употребил несколько слов, которые хотя и не были оскорбительны для чести, "однако меня обидели". По окончании смотра Гринвальд подал рапорт о болезни и прошение об увольнении в бессрочный отпуск, однако не только не был уволен в отставку, но взамен бессрочного отпуска получил по высочайшей воле отпуск для восстановления здоровья без обозначения срока.

Сдав 28 ноября 1847 г. дивизию, он поехал в Эстляндию, где прожил безвыездно до лета 1849 г., когда назначен был состоять при инспекторе резервной кавалерии и получил высочайшее повеление произвести осмотр некоторым войсковым частям, расположенным в южной России. Такие же командировки получал он в течение следующего года. По возвращении с высочайшего смотра в Белой Церкви пожалован был генерал-адъютантом и после почти трехлетнего отсутствия вернулся в Петербург.

В 1855 г. Гринвальду было предложено лично государем место командира гв. кавалерийского корпуса. По долгу службы, внедренному в него с детства, он принял предложение, хотя назначение (3 апр. 1855 г.) "на столь важное место решительно не радовало" его. *"Не знаю, - прибавляет он, - как это назначение было принято большой публикой; гвардия была в походе. А гвард. кавалерия... в которой начинают свою карьеру сыновья богатейших и важнейших русских семейств... едва ли была обрадована"*.

На свои обязанности Гринвальд глядел очень строго и широко, он считал своим долгом влиять путем примера не только на строевое образование, но и на нравственное воспитание подчиненной ему молодежи. В своих записках он не без гордости вспоминает, сколько государственных деятелей и генералов начали свою службу под его командою.

Командование эскадроном, двумя полками и двумя дивизиями облегчило ему работу, но Родион Егорович не забывает прибавить, что теперь он сделался "старее, спокойнее, рассудительнее, а вместе с тем и снисходительнее и сердечнее". Но была тому и другая причина: мало-помалу офицеры оценили достоинства "сдержанного и осторожного, тяжелого на похвалу", но прямого, честного и самостоятельного корпусного командира.

Многим обязана Гринвальду гвардейская кавалерия. Правда, реформировал он ее довольно медленно, но, во-первых, немецкая методичность была основной чертой его характера, а, во-вторых, все, что он делал, - делал не на бумаге, не напоказ.

Строевое воспитание кавалерии он повел на новый лад: обучение владеть оружием, преодоление препятствий, втягивание лошадей в продолжительные движения усиленными аллюрами, фехтование и вольтижирование - ничего не было забыто. "Военные и публика

тарашили глаза, видя, как кавалергарды или конногвардейцы на полных рысях неожиданно двигаются по улицам с самим Гринвальдом во главе".

Гринвальд до всего доходил сам. Его знание кавалерийской службы, многолетний и разносторонний опыт в соединении с прямо поразительной памятью на людей и лошадей легко доставили ему авторитетность, столь необходимую для начальника. Приказы писались им лично, это было всем известно, а потому его замечания и приказания, как непосредственно исходящие, а не навеянные штабом, имели большую силу. "Мой слог был известен; может быть, он некрасив, но всегда ясный, понятливый и точный", - справедливо замечает Гринвальд.

Осенью 1858 г. по высочайшему повелению он был отправлен для осмотра государственных конских заводов ввиду назревшей необходимости их переустройства. По возвращении из этой командировки был назначен председателем комиссии по переустройству заводов, а в апреле 1859 г. назначен главноуправляющим государственного конезаводства. Шестидесяти двух лет, "возраст, когда многие выходят в отставку", пришлось ему заняться делом, "до того совершенно неизвестным".

В январе 1864 г. Р. Е. Гринвальд был назначен членом Государственного совета с оставлением главноуправляющим. А 18 декабря 1865 г. исполнилось 50 лет службы Родиона Егоровича, и он был назначен шефом 4-го эскадрона кавалергардов.

Молебствие на Семеновском плацу при выступлении полка в поход

Годы давали себя чувствовать и этому железному старику; все чаще и чаще стал он прихварывать, но энергия в нем не совсем еще пропала, и бездеятельность его сильно тяготила; он не заседал в департаментах, а чтение докладов и самые собрания Государственного совета не могли заполнить его жизни. "Доволен ли я теперь? Недостает ли мне чего-либо?" - спрашивает он сам себя и отвечает: "Мне не хватает возможности делать полезное, не хватает этой столь часто тяжелой ответственности... И, однако, жизнь, несмотря на телесные страдания, для меня мила и дорога".

18 декабря 1875 г. особым приказанием по полку предписано было офицерам собраться к 10 часам на квартире Родиона Егоровича для принесения ему поздравления с 60-летием его службы.

Отворилась дверь кабинета, и вышел огромного роста сутуловатый старик в австрийской тужурке и с очками на лбу, вышел и остановился у притолоки, глядя с изумлением на полусотню офицеров в полной парадной форме. Полковой командир почтительно доложил, что общество офицеров прибыло принести поздравления по случаю юбилея. "Какого юбилея?" - "Вашего высокопревосходительства..." - "Юбилей мой был десять

лет тому назад". Водворилось молчание. "Ступайте, - сказал генерал собравшимся. - Такой юбилей не есть законен, ступайте", - и ушел в кабинет. Офицеры начали тихо выходить, как опять отворилась дверь и из кабинета показался Родион Егорович, он подал руку командиру полка и обратился уже с такими словами к офицерам: "Такие юбилеи не есть законны, но вы, господа, хотели утешить старика. Благодарю вас, благодарю душевно, искренно... Это хорошо - помнить старых служак, но... все-таки это не есть законно. - Голос его дрогнул. - Я очень, очень благодарю..."

Барон Иван (Адам Христофор Иоганн) Андреевич Фитингоф (1797-1871)

Из курляндских дворян; родился в имении Клен-Березн в Курляндии, воспитывался дома. 13 октября 1815 г. поступил юнкером в кавалергарды. *"Из моих имен, - вспоминает Фитингоф, - выбрали третье, а именно Иоганн, т. е. Иван, потому что это имя является более русским, чем Адам; Андреевичем назвали потому, что так перевели имя моего отца - Генрих"*.

15 декабря 1827 г. Фитингоф, будучи уже ротмистром, принял 6-й эскадрон, которым и командовал во время Польской войны; за отличие произведен в полковники и награжден орденом св. Анны 2-й ст.; затем с августа 1831 г. по май 1833 г. командовал лейб-эскадронам, приняв его от Р. Е. Гринвальда.

Прослужив 18 лет в кавалергардах, Фитингоф принял 10 мая 1833 г. от Гринвальда же Новгородский кирасирский полк, которым блестяще во всех отношениях командовал.

В 1834 г. Иван Андреевич писал своему другу Бобоедову: *"Великий, добрый государь награждал меня выше заслуг моих и дал мне прекрасный полк (Новгородский), который Гринвальд оставил мне в большом порядке; буду стараться поддержать его таковым и до последней капли крови останусь верным слугою нашему доброму и великому Царю и Отцу..."*

В мае 1839 г. Фитингоф в чине генерал-майора был назначен командующим Кавалергардским полком. Ему суждено было, таким образом, в третий раз принимать часть от своего товарища и друга Р. Е. Гринвальда. 20 июня 1840 г. утвержден командиром полка.

Барон Иван Андреевич Фитингоф

Кавалергардами Фитингоф командовал восемь лет и в течение этого времени пожалован в свиту, назначен командиром 1-й бригады гв. кирасирской дивизии с оставлением командиром полка. *"По уважению восьмилетнего командования Кавалергардским Ее Вел-ва полком высочайше повелено носить мундир сего полка"*.

В 1848 г. он назначен начальником 2-й кирасирской дивизии и произведен в генерал-лейтенанты; в 1857 г. назначен начальником сводной кирасирской дивизии; в 1860 г. - помощником командира сводного кавалерийского корпуса; в 1862 г. - помощником командующего войсками Одесского военного округа (Коцебу). В 1863 г. Фитингоф был награжден орденом св. Александра Невского и в следующем году назначен членом Комитета о раненых.

Офицеры и рядовые Кавалергардского полка

Барон Иван Андреевич Фитингоф был человеком не обширного образования, но зато обширного сердца. *"Это был прелестный человек, добрейшая душа"*, - говорит о нем современник-кавалергард. В этих нескольких словах - полная характеристика Фитингофа. Сохранив из немецкой своей натуры далеко не типичные черты, он обрусел настолько, что сумел усвоить наиболее симпатичные черты русского характера: отвращение к педантизму и формализму, широту, снисходительность, гостеприимство, юмор, а главное - признание в каждом человеке человеческого достоинства. Он увлекался русской поэзией и пере-

водил русских поэтов, особенно Пушкина, на немецкий язык. К сожалению, переводы не нашлись среди его бумаг после его кончины.

Сентиментализм немца толкнул, конечно, Фитингофа в масонство, и тогда как большинство русских вступало в масонство из карьеризма или "озорничества", он сделался масоном по влечению.

"Нашедши у него однажды знаки масонского ордена, - вспоминает сын кавалергарда Бобоедова, - мой отец шутил их спрятал. Это так рассердило добрейшего Ивана Андреевича, что отец мой после никогда не шутил над чтимыми им предметами".

Фитингоф вообще был страшно вспыльчив. Провинится так или иначе офицер, и Фитингоф кричит: "Навек на главную гауптвахту! Кончено! Там и умрете!" А затем говорит уже спокойно: "Ступайте, но в другой раз этого не делайте".

Сохранилось немало анекдотов о его рассеянности и неспособности запоминать фамилии. Так, например, в полку одновременно служили Криштафович и Мустафин. "Поручик Мустафович!" - кричит он во фронте Криштафовичу. "Ваше превосходительство, - замечает ему адъютант, - он Криштафович". "Ну, я это-о-о знаю... - И тут же кричит: - Поручик Криштафин!" "Ваше превосходительство, - продолжает адъютант, - я вам докладываю, что он Криштафович, а не Криштафин". "Ну-у, это все равно, они меня понимают..."

Судя по дошедшей до нас переписке, Фитингоф писал по-русски не хуже многих из его товарищей, кровных русских по происхождению; но некоторые слова ему положительно не давались, так, например, хоругви он называл хирургами.

"Когда понесут хирурги, вы скамандуете то-то и то-то", - приказывал он однажды на церковном параде П. А. Кривскому. "Ваше превосходительство, это не хирурги, а хоругви", - заметил Кривский. "Ну, это все равно, вы меня понимаете..."

*Ваза, поднесенная
И.А. Фитингофу,
с изображением четырех
фигурок унтер-офицеров*

Фитингоф не только не давал воли рукам, но и в те суровые времена показывал пример человеческого обращения с нижними чинами.

Брадобреем его был ефрейтор Кузьмин. Однажды полк готовился к знаменитому "апрельскому" разводу, и Кузьмин, несмотря на неоднократные замечания, отвратительно маршировал. Фитингоф рассвирепел и крикнул на весь манеж: "Вахмистр!.." У многих офицеров внутри дрогнуло: неужели кавалергардский командир до того забылся, что прикажет: "Скамейку!" (и прочее). "Вахмистр! - вторично закричал Фитингоф, - не пускать его брить меня!"

Другой раз, тоже при приготовлении развода, он заметил, что рядовой того же эскадрона Баранов скверно марширует да при этом улыбается. Фитингоф подлетел к нему, взял за длиннейший ус и стал маршировать с ним рядом, приговаривая в такт: "Не смеяться, у-са-та-я ско-ти-на", но на втором же куплете сбился с такта и сам расхохотался.

Относительно "хозяйства" он был достойным продолжателем своих предшественников и не только не имел каких-либо "доходов", но тратил на нижних чинов свои деньги, а сам не был богат, был прямо беден.

"Еще могу тебе сказать, - писал он в 1841 г. своему другу Бобоедову, - что служба моя идет не дурно, но дурно то, что не остается копейки на черный день, а о детях надобно подумать. Но Бог и царь помогут, и ежели было бы только прежнее здоровье, то и далее служба прокормит. Завидую вам всем, которые дома живете, как бы и я желал, но рано еще, нечем без службы жить".

При назначении начальником дивизии "у него совсем не было денег, и он принужден был продать свои ценные вещи, чтобы выручить необходимую для себя сумму".

"Оставляя Кавалергардский Ее Величества полк, я уношу в душе моей вечное приятнейшее воспоминание", и это, как свидетельствуют современники Ивана Андреевича Фитингофа, не было пустой фразой.

При прощании с полком офицеры поднесли ему вазу работы ювелира Вальяна: четыре фигурки солдат, подпиравших вазу, были "точное изображение четырех любимых Фитингофом унтер-офицеров".

Сергей Иванович Мальцов (1809-1893)

Происходил из дворян Орловской губернии. Мать его Капитолина Михайловна, урожденная Вышеславцева, первым браком была за Вас. Льв. Пушкиным, дядей поэта. Отец Иван Акимович, крупный помещик Орловской губернии, был в свое время известным сельским хозяином; он один из первых в Европе открыл у себя свеклосахарное производство.

Сергей Мальцов воспитывался сначала дома, а затем в Школе, кончил курс первым учеником, и имя его записано на мраморной доске.

Живой, способный, любознательный, Сергей в доме отца, пионера-сахарозаводчика, рано заинтересовался широкой заводской деятельностью, столь много

Сергей Иванович Мальцов

влияющей на культурно-экономическое состояние и всей страны, и людей, близко с ней соприкасающихся. Проведя в имениях отца детство и молодость, в течение многих лет видя близко крестьян и заводское население, Мальцов научился интересоваться жизненной обстановкой рабочих, понимать умом и сердцем их нужды, а затем и уметь благоразумно и своевременно прийти им на помощь.

Однако далеко не сразу он мог отдаться деятельности, которую любил и которая его манила к себе и интересовала. При жизни отца, в силу обычая, Сергей Мальцов должен был служить и, как богатый человек, поступил в гвардию, избрав Кавалергардский полк. 1 июля 1830 г. он произведен в корнеты, 10 апреля 1832 г. - в поручики, а затем в начале следующего года за болезнью уволен от службы. В отставке пробыл всего полтора года и за это время съездил за границу, где не только интересовался современным положением заводской, преимущественно механической промышленности, но и успел пополнить свои познания по химии и механике.

15 июня 1834 г. Сергей Мальцов вторично поступил на службу в Кавалергардский полк с назначением адъютантом к принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, неизменным расположением которого всегда пользовался. В мае 1836 г. Мальцов произведен в штабс-ротмистры, в декабре 1840 г. - в ротмистры и в апреле 1847 г. - в полковники.

Когда было решено по мысли принца Ольденбургского учредить училище правоведения, составление устава и первоначальная организация училища были поручены С. И. Мальцову, который одно время после князя Н. С. Голицына и до назначения в начале 1850 г. генерал-майора Языкова исправлял должность директора училища.

По возвращении еще в 30-х годах из поездки за границу Мальцов сделался убежденным сторонником постройки в России железных дорог, хорошо понимая их громадное стратегическое и экономическое значение. Когда в 1835 г. приехал в Петербург чех Герстнер предложить постройку железных дорог, он встретил здесь много противодействия и мало сочувствия, и только принцу Ольденбургскому удалось испросить назначение особого комитета, результатом деятельности которого явилось разрешение построить первую в России железную дорогу - Царскосельскую.

Когда предположено было строить Николаевскую железную дорогу, первоначально решено было воспользоваться рельсами русской прокатки, и мысль эта была одобрена государем Николаем Павловичем. Мальцов с этой целью составил компанию уральских заводчиков на поставку железа, в четыре месяца устроил завод в Петербурге и приспособил для той же цели свой Людиновский завод. Первые рельсы этого последнего вышли превосходного качества, но затем заказ был отдан английской компании, как потом и вся эксплуатация 600-верстной линии. *"Имя С. И. Мальцова, - говорит один из его современников, - занимает вообще весьма почетное положение в истории русских железных дорог целого полувека. Он был первым неутомимейшим борцом за водворение замечательного изобретения Стефенсона в нашем бездорожном Отечестве"*.

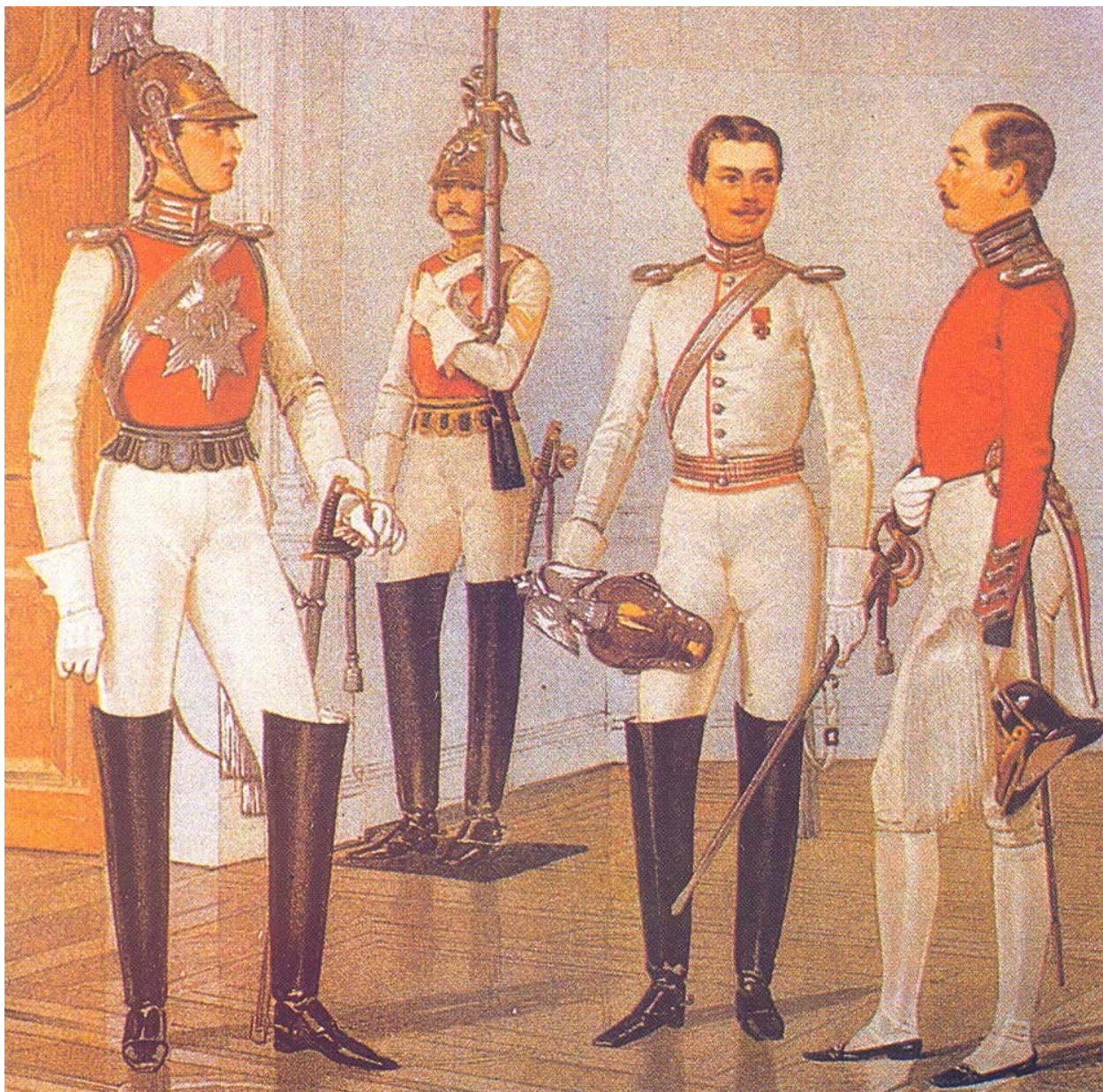
Сделавшись после смерти отца владельцем обширных имений в черноземной полосе России, в трех смежных уездах Калужской, Орловской и Смоленской губерний с 16 тысячами душ крестьян, с двумя заводами, Людиновским и Дятьковским, и с большой площадью неразработанных лесов, С. И. Мальцов энергично взялся за организацию хозяйства в имениях, в особенности за расширение заводского производства. В то время заводы вырабатывали в сравнительно незначительном количестве только стекло, хрусталь, чугунное литье и сахар; все машины ввозились из-за границы, откуда являлись также техники и мастера. Стремясь всецело отдаться любимому с молодых лет делу, Мальцов решился выйти в отставку и в чине генерал-майора 2 июня 1853 г. оставил службу навсегда.

Вложив в дело развития заводской промышленности в своих имениях всю свою несокрушимую энергию, всю широту своего предприимчивого ума и большие материальные средства, С. И. Мальцов быстро достиг почти невероятных успехов. Поселившись в Дятькове в старинном помещичьем доме среди портретов предков и отжившей обстановки, Мальцов трудился на заводах, как простой работник: он вставал вместе с рабочими, ложился позднее всех; приспособляя условия жизни к окружающим условиям, довольствовался самой скромной обстановкой.

Он сам часто ездил за границу, выписывал оттуда видных специалистов и техников на первое время, а затем посылал туда наиболее способных из своих мастеров. Благодаря этому случалось, что на заводах у Мальцова иногда опережались изобретения стран с более развитой технической промышленностью. Простой и доступный для всех, в полушубке или старой николаевской военной шинели, "генерал", как звали Мальцова на заводах, не был только номинальным хозяином, он был фактическим инициатором и вдохновителем всего, что делалось на заводах, был мастером, знавшим каждое из производств. Понимание дела глубоко ценится русским рабочим человеком в "барине", и тысячи заводских рабочих преклонялись и признавали твердый и непоколебимый авторитет своего "генерала".

На заводе в Людинове Мальцов смело взялся, при общем недоверии, за производство крупных и сложных машин. Недоверие потребителей было быстро побеждено после того, как для Петербургского арсенала и для Тульских оружейных заводов были изготовлены паровые машины, а для корвета "Воин" и шхун "Салгир" и "Буг" был сделан первый русский винтовой двигатель. На мальцовских же заводах построены первые русские пароходы для Днепра и Десны, а в 1858 г. спущены по Жиздре и Оке в Волгу три парохода американской системы, явившиеся первыми пароходами этого типа на Волге. В то же время Мальцов устроил первую в России газовую печь мартеновской системы, усовершенствовал плавку чугуна, ввел прокатку мелкосортного железа. На его заводах работа-

ны первые русские паровые молотилки, которые на конкурсе в Одессе превосходили по работе и дешевизне английские, а чугунное литье и хрусталь Дятьковских заводов вызывали удивление у французских и бельгийских заводчиков.

Кавалергарды 1840 года

Когда во время железнодорожной горячки в России потребовался для дорог подвижной состав и миллионы рублей начали уходить за границу, на вызов правительства откликнулся один С. И. Мальцов. Не останавливаясь перед громадными затратами, он устроил новые мастерские, построил печи Сименса для выработки рессорной стали, еще совсем не выделявавшейся в России, обучил мастеров. В это дело было им вложено до 2 млн. руб., а в течение 10 лет выпущено с заводов до 12 тысяч вагонов и до 400 паровозов, всего на сумму до 24 млн. руб.

Для потребностей своих заводов он построил узкоколейные дороги особого, мальцовского, типа, более дешевые и более доступные для подъездных путей в России. Мальцовская железная дорога соединила р. Болву с р. Жиздрой и таким образом соединила Волжский бассейн с Днепровским. Шоссейные дороги соединили между собой на протяжении 130 верст все главнейшие заводы.

Наряду с развитием главных отраслей Мальцов создал еще целый ряд вспомогательных производств, чем достигалась сразу двоякая цель, а именно: население получало новый заработок и оно же само вырабатывало для себя все предметы первой необходимости. Так возникли заводы: кирпичный, смолокурные, канатный, лесопильный, водочные, пивоваренные, содовый, писчебумажный, столярные и ткацкие мастерские, сельскохозяйственные хутора с образцовой постановкой земледелия и племенным скотоводством. Но и этого было недостаточно, и Мальцов, продав свои черноземные имения, прикупал земли и леса в своем заводском районе, занимавшем 280 000 десятин земли по рекам Болве и Жиздре, в уездах Брянском, Жиздринском и Рославльском. На этой обширной площади сосредоточивались 15 крупных заводов, 12 других фабрик и заводов, 2 арендованных чугунолитейных, 43 мельницы, 13 лесопилен, 12 кирпичных заводов, 13 хуторов, 26 угольных печей и пр.; все это давало заработок 100 тысячам рабочих.

До 1875 г. все это имение составляло частную собственность С. И. Мальцова. Опасение, что в случае его смерти огромное организованное дело может распасться на мелкие части в ущерб целому, побудило его учредить товарищество на паях под фирму "Мальцовское промышленно-торговое товарищество". И пока он сам оставался распорядителем делами товарищества, дело шло. Но в 1883 г. он заболел и уехал за границу... "Колосс был сломлен", заместители Мальцова окончательно запутали дела, и в 1885 г. была учреждена администрация, в четыре гола приведшая заводы в еще больший упадок.

Созданный Мальцовым промышленно-заводской округ при нем жил своей особой жизнью. Не ограничиваясь внешней организацией своих владений и заводов и их производительностью, Сергей Иванович всю жизнь стремился - и в этом не меньшая его заслуга - к тому, чтобы улучшить материальное положение своих "товарищей по труду", ближайших помощников и всего рабочего населения, причем терпел нередко только порицания и осуждения за "излишнюю" и даже "вредную филантропию". Но помимо доброты и просвещенной гуманности Сергея Ивановича в этом деле сказывались тот же его глубокий ум и громадный организаторский талант. Мальцов хорошо понимал, что создание хороших отношений - залог успеха самого дела.

Фабричное производство в провинции

что особенно высоко ценилось рабочими. В случае болезни рабочего кроме лечения семья получала содержание от конторы; для стариков устроена была богадельня и пенсии, которые также получались вдовами и детьми умерших рабочих; кроме того, им давалось помещение и содержание от "генерала".

Внимательная заботливость последнего касалась и других сторон жизни и условий труда рабочего: тем, которые работали у огня очагов стеклянных и плавильных печей, в жары, когда труд этот был особенно тяжел, разрешались частые отлучки для купания и отдыха, давались сельтерская вода, пиво и пр. Мальцовым были построены для семейных рабочих отдельные, большею частью каменные дома в 3-4 комнаты; к ним давалась земля для огорода и сада и общий выгон для скота.

Для всех рабочих установлен был 10-12-часовой рабочий день, а для работ самых тяжелых только 8-часовой. Кроме заработной платы рабочим выдавались пособия на свадьбы, похороны и пр., а перед большими праздниками каждый получал в виде награды известное количество чаю, сахару, пива и пр.,

что особенно высоко ценилось рабочими. В случае болезни рабочего кроме лечения семья получала содержание от конторы; для стариков устроена была богадельня и пенсии, которые также получались вдовами и детьми умерших рабочих; кроме того, им давалось помещение и содержание от "генерала".

Зная, какое важное и благотворное значение имеет религия в жизни русского человека, любящего благолепие храмов и богослужений, С. И. Мальцов построил везде каменные церкви, с богатой отделкой, с великолепными хрустальными иконостасами и хорошей живописью, заводил из рабочих церковные хоры. Содержание лечебниц, больниц, богадельни, школ, выдача пенсий и содержание сирот требовали выделения значительной доли доходов, но Мальцов никогда не останавливался перед полезными, хотя бы и крупными расходами, имея во всем прежде всего свою личную инициативу.

В 1883 г. Сергея Ивановича Мальцова разбила лошадь; он уехал за границу лечиться, и в Париже ему предсказали, что благодаря крепкому здоровью он проживет еще лет десять. По возвращении в Россию Мальцов поселился в своем имении Симеизе, в Крыму. 75-летний старик и тут нашел себе дело. Он занялся садоводством, выпустил второе издание писем Либиха, напечатал свои проекты 40-х годов об обеспечении народа на случай голодовок, а во время голода 1891 г. написал несколько статей по этому вопросу.

14 декабря 1893 г. в Петербурге его постиг удар, а через неделю, 21 декабря, он скончался.

Тело Мальцова было перевезено в Дятково для погребения в фамильном склепе. "Встреча тела в ночь на 26 декабря представляла что-то небывалое". Очевидец-корреспондент пишет, что "десятки тысяч народа многие часы ночью ожидали останки того, кто в течение полувека был истинным для них благодетелем. Тело С. И. Мальцова было встречено на станции многочисленным духовенством всех заводских церквей, им построенных, хорами из 200 певчих... Тысячная толпа с обнаженными головами, сотни факелов, ярко освещавших последний путь незабвенного "генерала", - картина торжественная, впечатляющая - никогда не изгладится из памяти!"...

Алексей Федорович Львов (1798-1870)

Сын дворянина Московской губернии, директора придворной Певческой капеллы, тайного советника.

Алексей Федорович Львов

1818 г. Алексей Львов был произведен в поручики и откомандирован к работам по военным поселениям. Таким образом изнеженный, неопытный юноша сразу попал в суровую

Кроме хорошего разностороннего образования Алексей Львов наследовал от отца большую склонность к музыке, первые проблески которой обнаружились уже с 7-летнего возраста. Отец, сам музыкант, тщательно заботился о развитии этого таланта; он сам играл с ним на скрипке, заставляя разбирать старых мастеров, и окружил сына представителями тогдашнего музыкального мира, как, например, рижский капельмейстер Кейзер, скрипач Лафон и концертист Вем.

В сентябре 1814 г. закончилось домашнее воспитание Львова, и он поступил в Институт инженеров путей сообщения. Выдающиеся способности и прилежание быстро выдвинули его среди воспитанников, и в 1816 г. он окончил курс первым, в марте того же года был произведен в прапорщики, и имя его занесено на почетную доску института. По исполнению практических занятий в институте 26 октября того же года Львов получил чин подпоручика.

В 1818 г. последовало высочайшее распоряжение, чтобы первый по успехам офицер, выпущенный из Института путей сообщения, поступал на службу в округа военных поселений, которыми заведовал граф Аракчеев; 9 июня

школу. Служба, по словам его, была невероятно тяжела: лишенные самого необходимого, надсмотрщики работ должны были находиться безотлучно на службе от 3 часов утра до 12 часов дня и от 1 часа до 9 часов вечера, причем взыскания начальства были жестоки и безграничны.

"В скором времени усердие и покорность притупились, - пишет в своих записках Львов, - и меры жестокости были единым средством к выполнению требований начальства. Во время работ молчание общее, на лицах страдание, горе! Так протекали дни, месяцы без всякого отдохновения, кроме воскресных дней, в которые обыкновенно наказывались провинившиеся во время недели. Я помню, что, ехав однажды в воскресенье верхом верст 15, я не проехал ни одной деревни, где бы не слышал побоев и криков. Мы сами лишены были самого необходимого для жизни и спокойствия... От начальников ни малейшего внимания, никогда ласкового слова, все это от подражания верхнему начальнику и желания угодить ему".

Несмотря на это, Алексею Львову удалось заслужить благосклонность своего сурового начальника, так что уже в приказе 12 июля 1819 г. последний объявил благодарность молодому инженеру, а вскоре после этого, показывая Александру I произведенные постройки и называя молодого строителя, граф Аракчеев отреккомендовал Львова как отличного офицера. Находившийся тут же будущий император Николай I, как знаток инженерного и строительного искусств, обратил на него свое внимание.

В 1821 г. он произведен в капитаны и получил орден св. Владимира 4-й ст.; а через год назначен старшим адъютантом в штаб военных поселений, где два раза был награжден бриллиантовыми перстнями по представлению Аракчеева, продолжавшего благоволить к нему. 3 февраля 1826 г. Львов был уволен от службы по домашним обстоятельствам с чином майора. Все это время, несмотря на

тяжелую службу, он не оставлял занятий музыкой и каждый день находил время поиграть на скрипке, нередко засыпая от усталости с нею в руках.

В отставке он пробыл недолго и в ноябре 1826 г. был определен старшим адъютантом в штаб корпуса жандармов. В то время шефом жандармов и начальником III отделения был граф А. Х. Бенкендорф. *"Возьми его, - сказал император Николай своему любимцу, просившему дозволения принять Львова к себе в адъютанты, - он отличный офицер: восемь лет прослужил у Аракчеева"*. Поступая на новую службу, Львов на заявление Бенкендорфа, что люди, умеющие писать, ему очень нужны, изъявил полную готовность служить ему беспрекословно, прося только уволить его от различных секретных поручений, к которым он совершенно неспособен. *"Благородный мой начальник, - вспоминал Львов, - сказал:*

*Звезда ордена
св. Владимира с мечами*

будь покоен, ты будешь иметь часть отдельную". И с этих пор ему были поручены все дела главной квартиры и собственного Его Вел-ва конвоя, занятия, обязывавшие его всюду следовать за шефом в путешествиях государя и исполнять должность секретаря графа Бенкендорфа.

Ревностная деятельность, ловкость, умение держаться, исполнительность адъютанта вполне удовлетворяли Бенкендорфа, который искренно полюбил его и приблизил к себе как честного и преданного ему человека. В Турецкую кампанию 1828 г. Алексей Львов,

сопровождая Бенкендорфа, находился в походе в Болгарии. Он участвовал в сражениях под Шумлою, а также при осаде Варны и взятии ее, за что награжден бантом к ордену св. Владимира 4-й ст. и орденом св. Анны 2-й ст.

Во время Турецкой войны Львова ближе узнал и полюбил сам государь Николай Павлович, повелевший всегда брать его с собою "для выполнения всех дел, до вояжей относящихся". И с этих пор Алексей сопутствовал государю во всех путешествиях его по России и за границей.

23 марта 1833 г. он был зачислен в Кавалергардский полк с переименованием в ротмистры и с оставлением в занимаемой им должности.

В августе того же года по возвращении из-за границы Львову через графа Бенкендорфа было передано сожаление государя, что в России не существует собственного народного гимна, подобно Франции и Англии. При этом граф добавил, что государь, который знал о музыкальных занятиях Львова и очень сочувственно к ним относился, велел поручить ему попытаться сочинить музыкальную мелодию подобного гимна. Алексей Федорович увлекся этой задачей и, желая по возможности выполнить мысль царскую, вдохновленный этим желанием, написал в начале ноября мелодию этого гимна, как он сам говорит, внезапно, в несколько минут, причем слова гимна "Боже, царя храни!" были написаны Жуковским.

Вот что говорит А. Ф. Львов в своих "Записках" о сочинении гимна: *"Задача эта показалась мне весьма трудною, когда я вспоминал о величественном гимне английском "God, save the King!", об оригинальном гимне французов и умильном гимне австрийском. Несколько времени мысль эта бродила у меня в голове. Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа, от ученого до невежды"*.

Как только Львов доложил, что гимн написан, государь пожелал немедленно выслушать его. После нескольких подготовительных репетиций 23 ноября 1833 г. назначено было первое исполнение гимна полным хором придворной музыки при двух оркестрах военной музыки - трубном и деревянных инструментов. Николай Павлович в сопровождении императрицы прибыл в Певческую капеллу, которая при входе их огласилась торжественными звуками впервые исполняемого русского народного гимна. Прослушав его несколько раз, то в исполнении одним только хором певчих, то оркестра той или другой музыки и, наконец, всею массою тех и других, августейшие слушатели с восторгом приняли это действительно художественное произведение Львова, а государь, несколько раз повторив: "C'est superbe!" (*"Это великолепно!" (фр.)*), приказал Бенкендорфу сообщить военному министру графу Чернышеву о немедленном введении этого гимна по военному ведомству, о чем и последовало официальное распоряжение в приказе 4 декабря 1833 г. Глубоко растроганный государь пожаловал А. Ф. Львову золотую, осыпанную бриллиантами табакерку с собственным портретом.

Первое публичное исполнение народного гимна происходило в Москве в Большом театре 6 декабря 1833 г. Вот как описывает один московский очевидец этот памятный театральный вечер:

"Я возвращаюсь сейчас из Большого театра, восхищенный и тронутый тем, что видел и слышал. Всем известна русская народная песня Жуковского "Боже, царя храни!". Львов сочинил на эти слова музыку.

Едва раздались слова напева "Боже, царя храни!", как вслед за представителями знати поднялись со своих мест все три тысячи зрителей, наполнявших театр, и оставались в таком положении до окончания пения. Картина была необыкновенная; тишина, царствовавшая в огромном здании, дышала величественностью, слова и музыка так глубоко подействовали на чувства всех присутствовавших, что многие из них прослезились от избытка волнения. Все безмолвствовало во время исполнения нового гимна; видно было только, что каждый сдерживал ощущение свое в глубине души; но когда оркестр те-

атральный, хоры, полковые музыканты числом до 500 человек начали повторять все вместе драгоценный обет всех русских, когда Небесного Царя молили о земном, тут уже шумным восторгом не было удержу; рукоплескания восхищенных зрителей и крики "Ура!", смешавшись с хором, оркестром и с бывшею на сцене духовною музыкою, произвели гул, колебавший как бы самые стены театра. Эти одушевленные восторги преданных своему государю москвитян только тогда прекратились, когда по единодушному всеобщему требованию зрителей народная молитва была повторена несколько раз. Долго, долго останется в памяти всех жителей Белокаменной этот день в декабре 1833 года!"

Восторженные рецензии наполняли газеты тех дней, и описание спектакля скоро долетело до Петербурга. Вторично гимн был исполнен в С.-Петербурге в день Рождества Христова во всех залах Зимнего дворца.

11 апреля 1834 г. А. Ф. Львов был пожалован флигель-адъютантом. "Тут я, - пишет он, - догадался, зачем милостивый император перевел меня за год перед тем в кавалергарды".

Одновременно с этим назначением государь, искренно любивший Алексея Федоровича, совершенно приблизил его к своей семье и, сделав его участником всех придворных празднеств и забав в домашнем кругу, изъявил желание составить домашний оркестр, так как императрица играла на фортепиано, государь на трубе, Виельгорский на виолончели, Апраксин на басу, Львов на скрипке; дети тоже могли участвовать, а Волконский, Бартенева и Бороздина - петь. Львов на другой же день принес написанную им пьеску во дворец, показав ее предварительно графу Бенкендорфу. Пьеса понравилась, всякий попробовал свою партию, и таким образом 10 марта 1834 г. было положено начало домашним концертам во дворце, о которых Львов вспоминает с восторгом.

Большой театр в Москве

1 января 1836 г. он произведен был в полковники, а в конце того же года скончался его отец, директор придворной Певческой капеллы. Все думали, что его место займет граф Виельгорский или князь Волконский, но вскоре последовал высочайший указ о поручении должности директора капеллы Алексею Федоровичу Львову с сохранением всех лежащих на нем обязанностей.

С тех пор он отдался своему любимому делу и близко сошелся с капельмейстером капеллы М. И. Глинкой.

6 ноября 1838 г. Львов женился на дочери статского советника Прасковье Агеевне Абазе, причем государь был его посаженным отцом, а графиня Бенкендорф - посаженной матерью.

В апреле 1840 г. он уехал с женою за границу с целью ближе ознакомиться с европейскими музыкальными талантами и выслушать от них оценку своих собственных произведений. В Берлине он познакомился с Мейербергом; в Лейпциге ему впервые пришлось играть на скрипке в присутствии многих музыкальных знаменитостей, в том числе Мендельсона-Бартольди, который выразил полное одобрение. В Элисе, где была тогда императрица, он сблизился с Листом, от которого также получил похвалу.

10 октября 1843 г. он был произведен в генерал-майоры с назначением в свиту Его Величества. С этого времени не прошло и двух лет, когда во время маневров он упал с лошади, и это пагубно отразилось на его слухе: он стал глухнуть.

В 1848 г. в память народного гимна государь повелел внести девизом в герб Львова слова "Боже, царя храни!"

В декабре 1853 г. он был произведен в тайные советники и назначен гофмейстером; в апреле 1855 г. назначен сенатором с оставлением директором придворной капеллы; в 1859 г. он получил орден св. Владимира 2-й ст., в июне 1861 г. уволен от должности директора придворной капеллы, а в следующем году назначен обер-гофмейстером. Вследствие глухоты военная музыка своею звучностью удовлетворяла его более, чем другая; он принялся ею заниматься в хоре Кавалергардского полка и написал для военной музыки несколько пьес.

В 1863 г. ему пожаловано было 4000 десятин в Самарской губернии. И когда он окончательно лишился слуха, государь разрешил жить ему в деревнях своих.

Скончался Алексей Федорович Львов 16 декабря 1870 г. в своем имении Романи, в пяти верстах от г. Ковны.

Кроме народного гимна А. Ф. Львов написал три оперы: "Бианка и Гвалтьеро", "Ундина" и "Эмма", одну оперетту и 30 различных вокальных и инструментальных пьес. По словам Глинки, он отлично исполнял Моцарта и Гайдна. До последнего года он подерживал сношения с музыкантами и был постоянным гостем Глинки.

Барон Егор Петрович (Осипович) Дантес, впоследствии барон Геккерен (*Georges Charles d'Anthes, baron de Heeckeren*) (1812-1895)

Родился в Кольмаре и принадлежал к старинному роялистскому семейству, возведенному в дворянство с баронским титулом Наполеоном I. В 1829 г. поступил в Сен-Сирскую школу, но пробыл в ней менее года, ибо был вынужден выйти из школы за участие в роялистских манифестациях во время июльского переворота 1830 г.

В 1833 г. Дантес прибыл в Петербург с нидерландским посланником бароном Геккереном. *"Дантес и барон Геккерен ни в каком родстве не состояли. Они познакомились случайно во время их общего путешествия в Россию. Дантес в дороге серьезно заболел в каком-то немецком городке; вскоре туда прибыл барон и задержался долее, чем предполагал. Узнав в гостинице о тяжелом положении молодого француза и о его полном одиночестве, он принял в нем участие и, когда тот стал поправляться, предложил ему присоединиться к его свите для совместного путешествия; предложение радостно было принято"*.

Жорж Дантес, барон де Геккерен
Эрмитажа, и Дантес часто туда хаживал, приходя в восторг как от исполнения, так и от изображаемого лица. В одно из этих посещений император Николай неожиданно зашел к

художнику, который еле успел спрятать Дантеса за занавескою. Но тут Ладюрнеру пришла мысль использовать это посещение для карьеры друга, и он стал выхвалять государю своего юного пылкого соотечественника, заочно влюбившегося в изображение царицы и просиживающего целыми днями перед ним. Государь рассмеялся, изъявил желание его видеть, что тотчас и было исполнено. Дантес своим разговором и находчивостью произвел благоприятное впечатление. Вскоре за тем состоялось его зачисление в полк.

Р. Е. Гринвальд пишет, что Дантес был допущен в январе 1834 г. прямо к офицерскому экзамену при военной академии по программе Юнкерской школы с освобождением от испытания в русской словесности, уставе и военном судопроизводстве. *"Барон Дантес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет"*, - занес в свои записки А. С. Пушкин (*Шуаны (фр. chouan) - участники восстаний в защиту королевской власти и католической церкви в Бретани и Нормандии во время Великой французской революции*). По выдержании экзамена Дантес определен 8 февраля того же года корнетом в кавалергарды с написанием в запасный эскадрон; 28 января 1836 г. произведен в поручики.

В мае 1836 г. Дантес был усыновлен бароном Геккереном по законам Нидерландского королевства, а в июне того же года ему разрешено было принять фамилию усыновившего его.

По словам секунданта Пушкина Данзаса, Дантес был *"довольно большого роста, приятной наружности, человек неглупый и имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда"*.

Однако по поступлении в полк Дантес оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером; таким он оставался в течение всей своей службы в полку. То он *"садится в экипаж"* после развода, тогда как *"вообще из начальников никто не уезжал"*, то он на параде, *"когда только скомандовано было полку "Вольно", позволил себе курить сигару"*. На учении *"слишком громко поправляет свой взвод"*, что, однако, не мешает ему самому *"терять дистанцию"* и до команды *"Вольно"* сидеть, *"совершенно распустившись, на седле"*; не говоря уже об отлучках с дежурства, опаздывании на службу и т. п. Число всех взысканий, которым был подвергнут Дантес за три года службы в полку, достигает цифры 44.

"Как иностранец, - говорит князь Трубецкой, - он был пообразованнее нас, пажей, а как француз - остроумен, жив, весел. Он был отличный товарищ... И за ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой, впрочем, мы узнали гораздо позднее..."

Вполне допустимо, что Дантес был *"пообразованнее"* пажей; не противоречит истине и утверждение Трубецкого, что Дантес был *"отличный товарищ"*. Этим объясняется, вероятно, то, что кавалергардские офицеры горячо стали на его защиту.

...27 января 1837 г. Дантес смертельно ранил на дуэли А. С. Пушкина.

В тот же день он был арестован домашним арестом командиром полка Гринвальдом и через день после дуэли приказом по гв. корпусу был предан суду Конной гвардии. При этом и. д. командира корпуса Н. И. Бистром предписывал: *"Комиссии военного суда вменить в неперемнную обязанность открыть, кто именно был посредниками (секундантами) при означенной дуэли и вообще кто знал и какое принимал участие в совершении или отвращении оной. Дело сие окончить сколь возможно поспешнее"*.

В тот же день по всеподданнейшему докладу начальника штаба гв. корпуса Веймарна состоялось высочайшее повеление *"судить военным судом как дуэлянтов, так равно и всех прикосновенных к сему делу с тем, что ежели между ними окажутся лица иностранные, то, не делая им допросов и не включая в сентенцию суда, представить о них особую записку с означением токмо меры их прикосновенности"*. Для производства дознания назначен был полковник Галахов. Он представил 3 февраля следующее отобранное им от Дантеса показание:

"27 числа января г. поручик де Геккерен действительно дрался на пистолетах с камергером Пушкиным, ранил его в правый бок и был сам ранен в правую руку. Секундантами были со стороны поручика де Геккерена виконт д'Аршиак, находящийся при французском посольстве, а со стороны камергера Пушкина инженер-подполковник Данзас. Поручик де Геккерен в тот же самый день, 27 января, просил виконта д'Аршиака быть его секундантом, который, однако ж, и прежде сего знал все сношения поручика де Геккерена с камергером Пушкиным, до дуэли бывшие. Место поединка было за Комендантскою дачею, близ Новой Деревни, в роще, куда поручик Геккерен с виконтом д'Аршиаком отправились вместе в 4-м часу пополудни. Кроме виконта д'Аршиака и инженер-подполковника Данзаса знал о дуэли, следующей быть между камергером Пушкиным и поручиком де Геккереном, один только усыновивший его министр нидерландского двора посланник барон де Геккерен, а более решительно никто".

5 февраля Дантес был вытребован в комиссию, но не явился по болезни; комиссия в тот же день предписала подвергнуть его медицинскому освидетельствованию. Того же, 5-го числа военный врач Стефанович свидетельствовал Дантеса и нашел, что он *"имеет пулевую проникающую рану на правой руке ниже локтевого сустава на четыре поперечных перста; вход и выход пули в небольшом один от другого расстоянии. Раны простые, чистые, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов. Больной может ходить по комнате, разговаривает свободно, ясно и удовлетворительно, руку носит на повязке... вообще же он кажется в хорошем и надежном к выздоровлению состоянии"*.

Бал в Москве 20-х годов

На другой день комиссия поручила старшим ассессорам (Столыпину и Балабину) и аудитору отобрать от него объяснения на дому.

На вопрос о причине, побудившей вызвать Пушкина на дуэль, Дантес показал: *"В ноябре месяце 1836 г. получил я словесный и беспричинный камергера Пушкина вызов на дуэль, который мною был принят; спустя же некоторое время камергер Пушкин без всякого со мною объяснения словесно просил нидерландского посланника барона де Геккерена передать мне, что вызов свой он уничтожает, на что я не мог согласиться потому, что, приняв беспричинный вызов его на дуэль, полагал, что честь моя не позволяет мне отказаться от данного ему мною слова; тогда камергер Пушкин назначенному с моей стороны секунданту, находящемуся при французском посольстве графу д'Аршиаку, дал письмо, в коем объяснял, что он ошибся в поведении моем и что он более еще находит оное бла-*

городным и вовсе не оскорбительным для его чести, что соглашался повторить и словесно; с того дня я не имел с ним никаких сношений, кроме учтивостей. Января 26-го нидерландский посланник барон Геккерен получил от камергера Пушкина оскорбительное письмо, касающееся до моей чести, которое якобы он не адресовал на мое имя единственно потому, что считает меня подлецом и слишком низким. Все сие может подтвердиться письмами, находящимися у Его Императорского Величества".

Ввиду ссылки на письма комиссия постановила всеподданнейше испросить по команде эти письма. Письма были вручены графом Нессельроде полковнику Бреверну и предъявлены последним комиссии.

В своем показании 6 февраля Дантес написал, что *"реляция учиненной нами дуэли вручена... секундантом моим при отъезде его из С.-Петербурга камергеру кн. Вяземскому, который до получения оной о имеющей быть между нами дуэли ничего не знал"*.

Как мы видели, протокол дуэли не был составлен секундантами; реляцией же Дантес называл письмо д'Аршиака Вяземскому, составленное 1 февраля, т. е. по прошествии 4-5 суток после дуэли.

Князь Вяземский был вытребован 8 февраля в комиссию, передал ей письма л'Аршиака и Данзаса, причем показал, что: 1) он в первый раз узнал о дуэли, когда услышал, что Пушкин смертельно ранен; 2) "никогда не слыхал ни от Александра Сергеевича Пушкина, ни от барона Геккерена о причинах, имевших последствием сие несчастное происшествие".

10 февраля Дантес был снова вызван в комиссию для дачи объяснений о том: 1) что он подразумевает под реляцией дуэли; 2) "в каких выражениях заключались письма, писанные к г. Пушкину или его жене, которые в письме, писанном им к нидерландскому посланнику барону Геккерену, названы дурачеством".

Дантес показал, что реляцией он называет письмо д'Аршиака к Вяземскому потому, что "в оном, как мне известно, описаны подробно условия дуэли и всего происшедшего на месте по всей справедливости". Относительно же писем к Пушкиной Дантес показал: *"Посылая довольно часто к г-же Пушкиной книги и театральные билеты при коротких записках, полагаю, что в числе оных находились некоторые, коих выражения могли возбудить его щекотливость (щепетильность) как мужа, что и дало повод ему упомянуть о них в своем письме к барону де Геккерену 26 числа января как дурачествах, мною писанных..."*

На основании показаний Данзаса (11 февр.) о том, что говорил ему и д'Аршиаку Пушкин перед отправлением на дуэль, комиссия потребовала от Дантеса ответов на следующие вопросы: не известен ли ему автор анонимных писем и не распространял ли он, Дантес, "нелепых слухов, касающихся до чести" жены Пушкина? Дантес отвечал, что ни автор безымянных писем, ни распространители "нелепых слухов" ему неизвестны.

Далее в вопросах стояло: *"Вследствие этого (т. е. получения анонимных писем и распространившихся слухов) тогда же он вызывал вас на дуэль, которая не состоялась потому, что вы предложили ему жениться на его свояченице, но вместе с тем требовал от вас, чтоб не было никаких сношений между двумя вашими семействами. Несмотря на сие, вы даже после свадьбы не переставали дерзко обходиться с женою его, с которою встречались только в свете, давали повод к усилению мнения, поносительного как для его чести, так и для чести жены его, что вынудило его написать 26 января письмо Геккерену"*.

На последнюю часть вопросного пункта Дантес возразил, что *"не согласен с тем, что уклонился от дуэли предложением жениться на его свояченице"*, причем сослался на письмо самого Пушкина д'Аршиаку; *"что же касается до моего обращения с г-жою Пушкиной, (то) не имея никаких условий для семейных наших сношений, я думал, что был в обязанности кланяться и говорить с нею при встрече в обществе, как и с другими дамами, тем более что муж прислал ее ко мне в дом на мою свадьбу, что, по мнению моему, вовсе не означало, что все наши сношения должны были прекратиться"*.

Эти показания Дантеса комиссия нашла достаточными, чтобы "привести дело немедленно к окончательному решению". Однако аудитор Маслов, опасаясь ответственности по закону, подал рапорт, настаивая на допросе Н. Н. Пушкиной. Маслов находил нужным допросить ее относительно: во-первых, содержания "безымянных писем", полученных Пушкиным; во-вторых, содержания ее переписки с Дантесом, названной Пушкиным дурачеством; в-третьих, содержания анонимного письма, полученного Пушкиным в ноябре, в котором письмо "виновником распри" между Дантесом и Пушкиным назван барон Геккерен; в-четвертых, того места письма Пушкина 25 января, в котором он обвиняет Геккерена в гнусном потворстве страсти Дантеса и, в-пятых, отношения обоих Геккеренов к Н. Н. Пушкиной после женитьбы младшего из них.

Комиссия сочла излишним истребовать указанные Масловым "некоторые объяснения" на том странном основании, что якобы при составлении своего постановления об окончании судебного следствия она "имела оные в виду", и потому комиссия, находя "дело довольно ясным", опасалась, как бы "без причины не оскорбить г-жу Пушкину".

В данном случае и аудитор, и комиссия были - с разных точек зрения - правы.

Была дуэль - т. е. с точки зрения действовавшего закона и аудитора Маслова было совершено преступление; с точки же зрения порядочности и судей - совершено деяние, в данном случае безусловно неотвратимое. Один из противников, смертельно раненный, уже умер, мало того, убитый - гениальный поэт, слава своей Родины. Всякое копание в его личном прошлом или прошлом его жены могло бы только так или иначе набросить тень на едва закрытую могилу... Получился бы грандиозный скандал, но не лишней субъект наказания. И судьи поторопились заявить, что все им ясно и что у них для вынесения приговора достаточно судебных данных. С этим "мнением" суда, несмотря на признание его "упущением", согласились все начальствующие лица, до императора Николая включительно.

19 февраля комиссия приговорила повесить Дантеса и Данзаса и представила приговор на заключение начальству.

Первое мнение высказал командир полка. Р. Е. Гринвальд находил, что *"подсудимый в опровержение взведенного на него Пушкиным подозрения относительно оскорбления чести жены его никаких доказательств к оправданию своему представить не мог, равномерно, за смертью Пушкина, и судом не открыто прямой причины, побудившей Пушкина подозревать бар. де Геккерена в нарушении семейного спокойствия, но из ответов самого подсудимого видно, что он к жене покойного Пушкина прежде, нежели был женихом (ее сестры), посылал довольно часто книги и театральные билеты при коротких записках; в числе оных были такие (как он сознается), коих выражения могли возбудить щекотливость Пушкина как мужа... Последнее сознание поручика бар. де Геккерена есть уже причина, побудившая Пушкина иметь к нему подозрение, и, вероятно, обстоятельство сие заставило Пушкина очернить поручика де Геккерена в письме к отцу его... а вместе с тем и насчет сего последнего прибегнуть к выражению оскорбительных слов"*.

В заключение Гринвальд полагал: Дантеса, "лишив всех прав российского дворянства, разжаловать в рядовые в дальние гарнизоны". Мотивами к такому смягчению приговора Гринвальд кроме обычных ссылок на монаршее милосердие и молодые лета подсу-

А. С. Пушкин в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге

димого приводил еще и то, что Дантес был "движим чувствами сына защищать честь оскорбленного отца своего" (хотя сему, быть может, сам был причиною).

Командир бригады барон Мейндорф "полагал достаточным, лишив его чинов и дворянства, разжаловать в рядовые без выслуги и потом определить в Кавказский отдельный корпус" (т. е. дать возможность выслужиться).

Мнение начальника дивизии графа С. Ф. Апраксина составлено, очевидно, лицом аудиторского ведомства. В общем Апраксин приводит те же добытые судом данные, на какие указывает и Гринвальд, но при этом обращает внимание и на то, что по разным причинам "невозможно открыть во всей подробности причин сего поединка". Таковыми причинами Апраксин, кроме смерти самого Пушкина, считает: отъезд д'Аршиака за границу, уклонение суда от испрошения "*удостоверительных сведений у жены камергера Пушкина, но как сего военно-судною комиссией не сделано, то сие остается на усмотрение начальства*". Граф Апраксин находил возможным, "лишив Дантеса чинов и дворянства", понизить еще наказание до разжалования в рядовые впредь до отличной выслуги.

Командир гв. кавалерийского корпуса Кнорринг, указав на то, что Н. Н. Пушкина не была допрошена судом, находил, как и Гринвальд, смягчающее вину обстоятельство в том, что Дантес "решился на строго законом запрещенное действие, будучи движим чувствованиями сына к защищению чести оскорбленного отца"; и Кнорринг смягчал наказание до простого (без лишения дворянства) разжалования в рядовые впредь до отличной выслуги, с преданием церковному покаянию и заключением на шесть месяцев в крепостной каземат.

Великий князь Михаил Павлович находился в отпуску за границей, и потому мнения "заключил" 11 марта его заместитель Н. И. Бистром. Последний признавал Дантеса виновным в: "1) раздражении Пушкина щекотливыми для него записками к жене его; 2) вызове на дуэль и нанесении смертельной раны". Бистром не упоминал о смягчающих вину обстоятельствах и потому находил возможным понизить наказание лишь до разжалования впредь до выслуги на Кавказе, но с лишением дворянства и с содержанием в каземате в течение шести месяцев, "так как нет в виду никаких заслуживающих снисхождения обстоятельств, ибо письмо камергера Пушкина к посланнику бар. Геккерену с выражениями весьма оскорбительными для чести обоих Геккеренов при строгом воспрещении дуэли не могло давать права на такое противозаконное самоуправление..."

Генерал-аудиториат 17 марта полагал: Дантеса, "лишив чинов и приобретенного им российского дворянского достоинства, написать в рядовые".

18 марта император Николай так подтвердил приговор: "*Быть по сему, но рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты*".

Приказом по полку 20 марта Дантес исключен из списков полка. На другой день в 9 часов утра к Геккерену явился жандармского дивизиона унтер-офицер Яков Новиков, долженствовавший сопровождать его до границы.

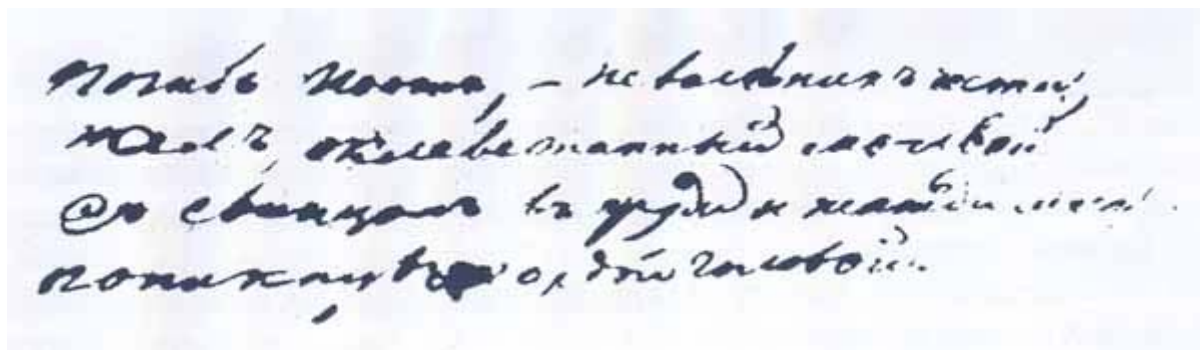
В 11 часов Дантесу было дозволено свидание с отцом и женою. Об этом свидании есть следующее донесение: "*По приказанию в. пр-ва (Клейнмихеля) дозволено было рядовому Геккерену свидание с женою его в квартире посланника барона Геккерена; при сем свидании находились: жена рядового Геккерена, отец его, посланник, и некто графиня Строганова. При свидании я вместе с адъютантом в. пр-ва гвардейским ротмистром Арцыбашевым был безотлучно. Свидание продолжалось всего один час. Разговоров, заслуживающих особого внимания, не было. Вообще в разжалованном Геккерене незаметно никакого неудовольствия, напротив, он изъявлял благодарность к государю императору за милости к нему и за дозволение, данное его жене, бывать у него ежедневно во время его содержания под арестом. Между прочим, говорил он, что по приезде его в Баден он тотчас явится к его высочеству вел. кн. Михаилу Павловичу. Во все время свидания рядовой Геккерен, жена его и посланник Геккерен были совершенно покойны; при прощании их*

не замечено никаких особых чувств. Рядовой Геккерен отправлен мною в путь с жандармским унт.-офицером в 1 3/4 ч. пополудни".

23 марта Геккерен был уже в Таурогене...

О дальнейшей судьбе Дантеса нам почти ничего неизвестно. По возвращении из России во Францию он сначала заперся в деревне своей в Эльзасе. От брака с Екатериной Николаевной Гончаровой он имел трех дочерей и сына. Вскоре после рождения сына Екатерина Николаевна умерла (15 окт. 1843 г.).

Автограф М. Ю. Лермонтова со строками стихов "Смерть поэта"

В 40-х годах выступил на политическое поприще, был избран депутатом и сначала продолжал быть крайним легитимистом. Затем он из легитимиста обратился в бонапартиста и в награду за услуги, оказанные Луи Бонапарту, назначен им в день декабрьского переворота 1851 г. сенатором. В сенате он обратил на себя особое внимание своими речами в защиту светской власти пап. Во время последней империи Дантес был *persona grata* при дворе Наполеона III. Он был одним из основателей Парижского газового общества и оставался директором этого общества до своей смерти, благодаря чему составил себе большое состояние. По словам одного из наших соотечественников, знавшего в Париже Дантеса, это был человек "очень одаренный и крайне деятельный, даже большой оригинал; он был замешан во всех событиях и происках второй империи". После падения империи он почти безвыездно жил в своем замке Сульц в Эльзасе. "Дантес постоянно вел свои записки, но в последние годы, дожив до глубокой старости, он впал почти в детство и в минуту раздражения сжег свои мемуары..."

Николай Соломонович Мартынов (1815-1875)

Сын пензенского помещика, полковника; родился в Н.-Новгороде, воспитывался с октября 1832 г. в Школе, откуда через три года выпущен корнетом в кавалергарды, 6 марта 1837 г. в чине поручика командирован на Кавказ, где участвовал в экспедиции генерала Вельяминова для заложения укреплений Новотроицкого и Михайловского, и награжден орденом св. Анны 3-й ст. с бантом. В апреле 1838 г. прибыл обратно в Кавалергардский полк; в следующем году зачислен по кавалерии ротмистром с прикомандированием к Гребенскому казачьему полку, а 23 февраля 1841 г. уволен в отставку по домашним обстоятельствам майором.

...15 июля 1841 г. Мартынов имел несчастье убить на дуэли М. Ю. Лермонтова.

Мы не имеем сведений о пребывании Мартынова в кавалергардах, но кавказские его товарищи так о нем отзываются: "Мартынов был с виду добрый малый, недурен собою, очень занимался своей наружностью и любил дамское общество". По словам другого кавказца, Мартынов "был очень красивый молодой гвардейский офицер, высокого роста, блондин с выгнутым немного носом. Он был всегда очень любезен, весел, порядочно

пел романсы, недурно писал стихи и все мечтал о чинах, орденах и думал не иначе как дослужиться на Кавказе до генеральского чина", но вдруг в 1841 г. вышел в отставку и "из веселого, светского, изящного молодого человека сделался каким-то дикарем: отрастил огромные бакенбарды, в простом черкесском костюме, с огромным кинжалом, нахлобученной белой папахой, вечно мрачный и молчаливый". Автор предполагает, что "причиной

Николай Соломонович Мартынов

такого странного образа действий Мартынова было желание играть роль Печорина, героя тогдашнего времени, которого Мартынов, к несчастью, и действительно вполне олицетворил собою".

По воспоминаниям Я. И. Костенецкого, "в то время на Кавказе был особенный известный род изящных молодых людей - людей великосветских, считавших себя выше других по своим аристократическим манерам и светскому образованию, постоянно говоривших по-французски, развязных в обществе, ловких и смелых с женщинами и высокомерно презиравших весь остальной люд; все эти барчата с высоты своего величия гордо смотрели на нашего брата армейского офицера и сходились с нами разве только в экспедициях, где мы в свою очередь с сожалением на них смотрели и издевались над их аристократизмом. К этой категории принадлежала большая часть гвард. офицеров, ежегодно тогда посылаемых на Кавказ; к этой же категории принадлежал и Лермонтов, который, сверх того, и по характеру своему не любил дружить с людьми: он всегда был высокомерен, едок и едва ли во всю жизнь имел хотя одного друга".

"Лермонтов, - свидетельствует князь А. И. Васильчиков, - был человек странного и вместе с тем заносчивого нрава... в нем было два человека: один - добродушный для небольшого кружка ближайших своих друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особенное уважение, другой - заносчивый и задорный для всех прочих его знакомых... Ко второму разряду принадлежал, по его понятиям, весь род человеческий, и он считал лучшим своим удовольствием подтрунивать и подишучивать над всякими мелкими и крупными странностями, преследуя их иногда шутильками, а весьма часто и язвительными насмешками. Это настроение его ума и чувств было невыносимо для людей, которых он избрал целью своих придирок и колкостей без всякой видимой причины, а просто как предмет, над которым он изошрял свою наблюдательность".

Мы не можем здесь останавливаться на причинах, почему Лермонтов был таким, но должно признать, что действительно он таковым был.

Николай Мартынов познакомился с Лермонтовым в Юнкерской школе, куда они поступили почти в одно время. "Он (Лермонтов) был добрый человек от природы, но свет его окончательно испортил", - говорит Мартынов. Находясь с Лермонтовым "в весьма близких отношениях", он "имел случай неоднократно замечать, что все хорошие движения сердца, всякий порыв нежного чувства он старается так же тщательно в себе заглушать и скрывать от других, как другие стараются скрывать свои гнусные пороки".

Настоящей причиной дуэли считают ухаживание Лермонтова за сестрою Мартынова - Натальей и находящуюся в связи с этим "пропажу" известного письма.

Так ли это?

Едва ли подлежит сомнению, что Наталья Соломоновна нравилась Лермонтову, но нет никаких данных утверждать, чтобы родители ее и брат желали этого брака. Напротив, есть основания полагать, что родители не желали этого брака, следовательно, о том, что

Николай Мартынов выступил в защиту чести сестры, не может быть и речи по той простой причине, что честь сестры никоим образом не была затронута.

История же "пропажи" письма следующая: 5 октября 1837 г. Николай Мартынов писал отцу в Пятигорск об окончании экспедиции, в которой принимал участие. В этом же письме он благодарил отца за присланные деньги. *"Триста рублей, - пишет Мартынов, - которые вы мне послали через Лермонтова, получил, но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собою разумеется, отдал мне свои. Если вы помните содержание вашего письма, то сделайте одолжение - повторите; также и сестер попросите от меня..."*

"Вся суть в том, - говорит П. И. Бартенев, - что письма от отца из Пятигорска в экспедицию на этот раз вовсе не было". По словам самого Мартынова, в 1837 г. Лермонтов из Пятигорска, где находилась семья Мартынова, отъезжая в экспедицию (где уже находился Николай Мартынов), взялся доставить пакет, в который Наталья Соломоновна вложила свой пятигорский дневник и письмо к брату. Прежде чем запечатать письмо, она предложила отцу своему - не захочет ли он также написать или приписать. Тот взял пакет и пошел с ним к себе в комнату, но ничего не написал, а только вложил деньги и, запечатав пакет, принес его назад для вручения Лермонтову, которому о деньгах ничего не было сказано. Поэтому, получив в октябре месяце от сына письмо, старик Мартынов удивлен был теми строками, в которых говорится о деньгах. Когда Николай Мартынов по возвращении из экспедиции в первый раз увиделся с отцом своим, тот выразил ему свое подозрение относительно Лермонтова и прибавил: *"А я совсем забыл написать на пакете, что вложено 300 руб."*. Словом, Мартыновы заподозрили Лермонтова в любопытстве узнать, что о нем пишут...

Подозрение осталось подозрением, но впоследствии, когда Лермонтов преследовал Мартынова насмешками, тот иногда намекал ему о письме, прибегая к таким намекам, чтобы избавиться от его приставаний.

"В объяснении с Лермонтовым по поводу пропажи письма Н. С. Мартынов сказал Л., что отец его не может себе объяснить этой истории, но что он (Н. С.) ответил отцу, что не допускает мысли о нескромности Л., на каковую ни один порядочный человек не способен. Лермонтов впоследствии говорил, что в течение этого объяснения порывался вызвать Н. С. М-ва, чувствуя иронию в его заступничестве, но не находил, к чему придраться."

В Пятигорске жило в то время семейство генерала Верзилина, состоявшее из матери и трех взрослых девиц, из которых Эмилия Александровна особенно отличалась красотой и остроумием. Это был единственный дом в Пятигорске, в котором почти ежедневно собиралась вся изящная молодежь пятигорских посетителей, в числе которых были Лермонтов и Мартынов.

Однажды в самом конце июня на вечере у Верзилиных Лермонтов и Мартынов, как обыкновенно, ухаживали за Эмилией Александровной.

*"Я танцевала с Лермонтовым, - пишет она. - К нам присоединился молодой человек, который также отличался злостью, и принялись они вдвоем наперебой острить свой язык. Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего особенно злого не говорили, но смешного много. Вот тут увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл кн. Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его *montagnard au grand roignard* (горец с большим кинжалом (фр.)) (Мартынов носил черкеску и замечательной величины кинжал). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово *roignard* раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом, весьма сдержанным, сказал Лермонтову: *"Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах"* - и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову; а на мое замечание: *"Язык враг мой"* - М. Ю. отвечал спокойно: *"Ce n'est fieri, detain**

nous serons bons amis" ("Это ничего, завтра мы опять будем друзьями" (фр.)). Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора".

Но этим ссора не кончилась. При выходе из дома Верзилиных Мартынов взял Лермонтова под руку и пошел с ним рядом по бульвару. *"Je vous ai prevenu, Lermontow, que je ne souffrirais plus vos sarcasmes dans le monde, et cependant vous recommencez de nouveau"* ("Вы знаете, Лермонтов, что я очень долго выносил ваши шутки, продолжающиеся, несмотря на неоднократное мое требование, чтобы вы их прекратили" (фр.)), - сказал Мартынов и добавил по-русски: "Я тебя заставлю перестать". "Но ведь ты знаешь, Мартынов, что я дуэли не боюсь и от нее никогда не откажусь: значит, вместо пустых угроз тебе лучше действовать", - ответил Лермонтов. "Ну, в таком случае завтра у вас будут мои секунданты", - сказал Мартынов и отправился домой, куда пригласил Глебова, которому поручил на другое утро вызвать Лермонтова. На другой день тот сообщил Мартынову, что вызов его принят и что Лермонтов секундантом своим выбрал князя Васильчикова.

Гостиная в доме Верзилиных в Пятигорске, где произошла ссора Лермонтова с Мартыновым

Почти в таких же выражениях передает разговор на бульваре и Васильчиков. "Выходя из дома на улицу, - говорит он, - Мартынов подошел к Лермонтову и сказал ему очень тихим и ровным голосом по-французски: "Вы знаете, Лермонтов, что я очень часто терпел ваши шутки, но не люблю, чтобы их повторяли при дамах", - на что Лермонтов таким же спокойным тоном отвечал: "А если не любите, то потребуйте у меня удовлетворения". Мы, - продолжает Васильчиков, - считали эту ссору ничтожной и уверены были, что она кончится примирением".

Считать ссору, в конце которой произнесено слово "удовлетворение" ничтожной - более чем легкомысленно. Однако, будь князь Васильчиков и прочие присутствовавшие при разговоре Мартынова с Лермонтовым на улице лишь очевидцами - то или иное их отношение к этому разговору могло не иметь особого значения. Совершенно иначе обязаны мы отнестись к тому же Васильчикову, М. П. Глебову, А. А. Столыпину и князю С. В. Трубецкому, когда они приняли на себя обязанности секундантов.

За исключением князя Васильчикова никто из секундантов не оставил нам рассказа о дуэли; рассказ Васильчикова составлен много лет спустя после печального события, и вызван этот рассказ настоянием Мартынова. Остается судебное дело. К нему следует, как мы увидим ниже, относиться еще с большей осторожностью, чем к рассказу Васильчико-

ва, ибо подсудимые (Мартынов, Васильчиков и Глебов) имели полную возможность сговариваться в своих показаниях.

Продолжаем рассказ князя Васильчикова: несмотря на уверенность, что ссора кончится примирением, *"тем не менее все мы, и в особенности М. П. Глебов, истоцили в течение трех дней наши миролюбивые усилия без всякого успеха. Хотя форменный вызов на дуэль и последовал от Мартынова, но всякий согласится, что вышеприведенные слова Лермонтова заключали в себе уже косвенное приглашение на вызов, и затем оставалось решить, кто из двух был зачинщик и кому перед кем следовало сделать первый шаг к примирению"*.

Верить на слово голословному показанию Васильчикова о трехдневных стараниях секундантов покончить дело миром мы не имеем права, тем более что и рассказ его весьма неясен: кого же секунданты в конце концов сочли за "зачинщика"? Если - как и следовало - Лермонтова, то и надлежало настаивать на том, чтобы он "сделал первый шаг к примирению". Не могло же секундантам не быть известно не только их право, но и обязанность не допускать дуэли из-за ссоры "столь ничтожной"...

После дуэли Мартынов узнал от Глебова, что Лермонтов во время переговоров относительно условий дуэли говорил своему секунданту Васильчикову: *"Нет, я сознаю себя настолько виновным перед Мартыновым, что чувствую, что рука моя на него не поднимется"*. Намекал ли тут Лермонтов на вскрытие письма или на нелепость своей выходки на вечере у Верзилиных - осталось неизвестно, но известно сожаление Мартынова после дуэли: *"Передай мне об этих словах Васильчиков или кто-либо другой, я Лермонтову протянул бы руку примирения и нашей дуэли, конечно, не было бы"*.

В чем заключались "миролюбивые усилия" секундантов, можно видеть из черновика ответа Николая Мартынова на вопросные пункты следователей: *"Васильчиков и Глебов старались всеми силами помирить меня с ним, но так как они не могли сказать мне ничего от его имени, а только хотели (проверить меня) уговорить меня взять назад мой вызов, я не мог на это согласиться"*. Такое изложение было секундантам "несколько неприятно", и потому Глебов писал Мартынову: *"Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали... Скажи, что мы тебя уговаривали с начала до конца"*.

Мартынов согласился и ответил секундантам, что *"на суде покажет о всех их усилиях примирить его с Лермонтовым, но требует, чтобы они после окончания дела о дуэли восстановили истину и для очищения его памяти опубликовали дело, как оно действительно было"*.

Некоторое объяснение такому странному поведению секундантов мы находим у самого князя Васильчикова. "Друзья" Лермонтова и Мартынова *"до последней минуты были убеждены, что дуэль кончится пустыми выстрелами и что, обменявшись для соблюдения чести двумя пулями, противники подадут друг другу руки"*.

Впоследствии Мартынов объяснял такое отношение секундантов *"тем шумом, который наделал предыдущий поединок Лермонтова с Барантом в 1840 г., где противники дрались на шпагах и пистолетах, причем, не считая пустой царапины, полученной Лермонтовым, никто из них ранен не был, что сделало как дуэлистов, так и секундантов их посмешищем всего Петербурга"*.

Дуэль состоялась 15 июля в седьмом часу вечера по левой стороне горы Машук, по дороге, ведущей в одну из немецких колоний. Врача не было. Васильчиков и Глебов отмерили барьер в 15 шагов и от него в каждую сторону еще по 10 шагов. Противники стали на крайних точках. По условию дуэли каждый из противников имел право стрелять, когда ему вздумается, стоя на месте или подходя к барьеру.

"Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, я, - говорит Васильчиков, - Лермонтову, и скомандовали: "Сходишь!" Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслонясь рукою и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту я в последний раз я взглянул на него и никогда не забуду того спо-

койного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него". Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру. Противники столь долго не стреляли, что кто-то из секундантов заметил: "Скоро ли это кончится?" Мартынов взглянул на Лермонтова - на его лице играла насмешливая, полупрезрительная улыбка... Мартынов спустил курок... Раздался роковой выстрел...

"Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни взад, ни вперед, не успев даже захватить большое место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные. Мы подбежали..." Мартынов "поцеловал его и тотчас же отправился домой, полагая, что помощь еще может подоспеть к нему вовремя".

"Положа руку на сердце, - кончает свой рассказ князь Васильчиков, - беспристрастный свидетель должен признаться, что Лермонтов сам, можно сказать, напросился на дуэль и поставил своего противника в такое положение, что он не мог его не вызвать".

Спору нет: Мартынов не мог на вызов по существу Лермонтова ответить иначе как посылкой формального вызова, но "беспристрастными свидетелями" дуэли ни Васильчикова, ни прочих секундантов признать нельзя. Пристрастие, и притом пристрастие личное, они показали не только во время самой дуэли, но и в течение многих, очень многих лет после нее...

<p>Стихотворения Н. С. Мартынова.</p> <p>Вдруг видит онъ: манежь огромный; Дверямъ, оконкамъ — нѣтъ конца! Барьеръ съ механикой: — подъемный, И два парадныя крыльца!... — Вездѣ богатство, роскошь, нѣга, — Повсюду золото блеститъ; И на землѣ, — бѣлѣе снѣга, Песокъ посыпанъ и убитъ! — Подъ мраморъ стѣны, колоннада, — Надъ нею хоры съ двухъ сторонъ; И тканью яркой Цареграда Внизу украшенъ павильонъ! — Ковры, статуи, зеркала, Фестоны радужныхъ знаменъ; Всѣ окна, двери и балконъ Изъ разноцвѣтнаго стекла. — Фонтаны брызжутъ по угламъ; — Цвѣты, деревья — здѣсь и тамъ; Вездѣ гилянды, кольца, шолкъ...</p>	<p>А въ серединѣ — вдохновенно, Стѣной, недвижимо, нетлѣнно, — Стоитъ Кавалергардской полкъ! — Какъ стройный тѣсъ мелькаютъ пики, Пестрѣютъ ярко флюгера; — Всѣ люди, лошади — велики, Какъ монументъ Царя Петра!... — Стремена, сѣдла, мундштуки, Пахвы, наперся, чепраки, — Все пригнуто: какъ разъ все впору, Нигдѣ ни складки, ни зазору! — Подъ рядъ, — для пользы и красы, У всѣхъ нафабрены усы; — Всѣ лица на одинъ покрой, — И статеъ тотъ, какъ и другой! — Вся амуниція — съ иголки, У лошадей — надменный видъ, — И отъ хвоста до самой чолки Шерсть одинаково блеститъ!... — Любой солдатъ — краса природы; Любая лошадь — типъ породы! Что офицеры? — рядъ картинъ! —</p>	<p>И всѣ какъ будто бы одинъ!... — Въ посадкахъ — идеалъ равенства; Въ равнени — просто совершенство!... Ужъ съ полчаса они стоятъ; — Все ждутъ кого-то и украдкой На горизонтъ далекой, гладкой... Въ смущеннѣ — пристально глядятъ!... По всѣмъ примѣтамъ: имъ парадъ!... И вотъ, — на самоъ на конѣ, Ворота съ шумомъ растворились; — Толпятся слуги на крыльцѣ, Берейтора засуетились, Ведутъ къ подъѣзду лошадей... ..... Невольно лица всѣхъ людей Мгновенной краской оживились... Уже вдали галопируютъ; — Ужъ офицеры салютуютъ!... Ужъ раздается крикъ ура!!!... — ..... (С.-Петербургъ, 1836 г.).</p>
---	---	---

Стихи Н. Мартынова, посвященные Кавалергардскому полку

Н. С. Мартынов сначала был предан гражданскому суду в Пятигорске, но по его ходатайству дело было передано в пятигорский военный суд. Государь подтвердил приговор следующей резолюцией: "Майора Мартынова выдержать в крепости три месяца, а затем предать церковному покаянию".

Наказание Мартынов отбывал в Киевской крепости, а затем киевская консистория определила срок епитимьи в 15 лет. 11 августа 1842 г. Мартынов подал прошение в Синод, ходатайствуя, "сколько возможно, облегчить его участь". Синод отклонил просьбу, указав, что "в случае истинного раскаяния Мартынова духовный его отец может и по своему усмотрению сократить время епитимьи". В следующем году срок был духовником сокращен до семи лет.

В 1846 г. митрополит Киевский Филарет разрешил приобщить святых тайн Мартынова, а 25 ноября того же года Синод определил: "Освободить Мартынова, как принесшего достойные плоды покаяния, от дальнейшей публичной епитимьи, с предоставлением собственной его совести приносить и за сим чистосердечное пред Богом раскаяние в учиненном им преступлении..."

В Киеве Н. С. Мартынов в 1845 г. женился на дочери киевского губернского предводителя Иосифа Михайловича Проскур-Сушанского девице Софье Иосифовне и имел от этого брака пятерых дочерей и шестерых сыновей.

Из воспоминаний И. А. Арсеньева: *"Как поэт Лермонтов возвышался до гениальности, но как человек он был мелочен и несносен. Эти недостатки и признак безрассудного упорства в них были причиною смерти гениального поэта от выстрела, сделанного рукою человека доброго, сердечного, которого Лермонтов довел своими насмешками и даже клеветами почти до сумасшествия. Мартынов, которого я хорошо знал, до конца своей жизни мучился и страдал оттого, что был виновником смерти Лермонтова"...*

Владимир Петрович Шелашников (1818-1843)

Из дворян Тверской губернии. В службе в кавалергардах с 25 октября 1836 г. с определением в Школу и 28 января выпущен корнетом в свой полк. В 1842 г. произведен поручиком.

Зимой 1843 г. Владимир Шелашников был командирован на Кавказ и 3 марта писал из Москвы своему другу А.Н. Муравьеву, что едет в Сергиеву лавру говеть. *"Я до крайности доволен, что побывал в лавре, но признаюсь, что ехал туда неохотно: не смел не последовать совету владыки, зато теперь благодарен остаюсь ему чрезвычайно: дни, которые я провел там тихо и уединенно, много меня успокоили. Нечаев, узнав мое намерение ехать к Троице, рад был случаю исполнить долг и поехал со мною и говел усердно, лучше гораздо меня, потому что до последнего дня сердце мое было совершенно закрыто, несмотря на мои старания чтением и молитвою умягчить его. Время наше, свободное от*

Кавалергардский нагрудный знак

богослужения, проводили мы или у настоятеля, беседуя, или дома, читая Седьмицу и другие степенные книги, а потому ты можешь судить, что наружно говели мы очень хорошо, а внутренне же всякий знает про себя".

"Через несколько часов, - писал Шелашников 12 марта, - выезжаю из Москвы к месту моего назначения; стою, так сказать, перед дверьми моего поприща на Кавказе; не знаю, что-то меня там ожидает, но признаюсь чистосердечно, что за исключением сожаления о друзьях и некоторых родных, нимало не раскаиваюсь, что еду туда. За всем тем мне грустно покидать Москву: расставаясь с нею, мне кажется, что разрываю последнее звено, связующее меня с родными и близкими, и что с этим вместе делаюсь совершенно другим человеком..."

29 марта он был в Ставрополе и узнал, что назначен в южный Дагестан или, как приписывал его друг Нечаев, "к черту на кулички". В великую субботу приехал в Тифлис, откуда в первый день праздника писал: *"Нынешний день встретил я впервые после четырех лет в церкви и все-таки не так, как бы мне хотелось (просто, не по наряду), а то и здесь парад, все военные и гражданские чины в здешней соборной церкви... Слухи насчет войны носят самые дурные; говорят, что дел у нас почти вовсе не будет, но Нейдгарт такой милый человек, что обещал, как скоро где начнутся дела, а в нашем отряде будет смирно, перевести нас туда и дать способ сделаться героями. Вообще, любезный друг, о себе ничего вперед не знаю и не хочу знать, а полагаюсь на волю провидения".*

Последнее письмо Владимира Шелашникова было от 13 июля из лагеря под Кумухом: *"Чувствую, cher Andre, что я заслужил, чтоб меня выбрали да выругали на чем свет стоит за то, что с выезда из Тифлиса ни разу к тебе не писал. Дело в том, что*

здесь большие затруднения писать письма: отсылают их с казенными бумагами очень неохотно, придут сказать за полчаса, что сейчас отходит нарочный, так что к отцу и матери успеваешь написать только несколько строк; нынче, например, я уже ни к кому, кроме тебя, написать не успею; но я раскаиваюсь, что не писал дорогою из Тифлиса в отряд. А было что рассказать, например, как заехал я к одному хану в гости, чрез какие прелестные проезжал места, какие любопытные видал вещи дорогою, например вечные огни в Баку и баядерки в Шемахе; последнее тебя пугает, успокойся, я только смотрел на них, но рукам воли не давал. Хан так насмешил, что не могу не рассказать тебе его ответа на вопрос мой через переводчика о его здоровье; он отвечал, что нос его жирен, умственные способности в порядке, а естественные нужды исправляет хорошо... (Далее следует описание природы.) Извини, что не стану продолжать описания: к нам в палатку набилось человек двадцать и мешают все писать, уйти же некуда. Нечаев, Аверкиев, Глебов (Конногвардеец Владимир Нечаев, товарищ по выпуску Шелашникова; преображенец Дмитрий Аверкиев, убит вместе с Шелашниковым; конногвардеец Михаил Глебов, одного выпуска с Шелашниковым (был секундантом Мартынова в поединке его с Лермонтовым), убит 28 июля 1848 г. при ауле Салты) - кланяются; не пишут оттого, что: Нечаев (отправляется) - будто бы на пикеты; Аверкиев - будто бы на ведеты (ведеты - ближайшая к противнику цепь конных сторожевых и разведывательных постов); Глебов - ленив".

В конце августа Шамиль, собрав около 10 тысяч человек, двинулся к Унцукулю и по дороге уничтожил отряд полковника Веселицкого. 31 августа горцы овладели Унцукулем, а отряд майора Коссовича очистил аул Харачи, имевший важное стратегическое значение.

Для овладения Харачами направлен был отряд из четырех рот апшеронцев под командою майора Зайцева с приказанием "овладеть Харачами во что бы то ни стало, для чего выбить оттуда мюридов штыками". Шелашников, князь Черкасский, Аверкиев и Нечаев получили позволение присоединиться к отряду Зайцева.

Наградное Английское
оружие с надписью
«За храбрость»

Наскучив долгим бездействием, все они с радостью ожидали первого дела и боялись только, чтоб деревня не сдалась без выстрела. Шелашников и князь Черкасский были необыкновенно веселы; но Аверкиев, незадолго перед тем получивший известие о смерти любимой сестры, казалось, предчувствовал и свою судьбу. "Не шутите, - говорил он, - кто знает, что может случиться... и все ли мы вернемся?!" "Какая тут опасность, - возразил Шелашников, - уж не прикажешь ли плакать?" Князь в свою очередь уверял, что дела не будет, потому что он несчастлив...

В три часа ночи на 1 сентября отряд, сохраняя глубокую тишину, потянулся по узкой тропинке на гору, за которой лежит селение Харачи. Он благополучно поднялся на вершину горы, в половине пятого двинулся далее, когда начало рассветать. В это время в деревне раздался крик муллы, призывавшего мусульман к утренней молитве; но вдруг войска наши были замечены: горцы, суетясь и бегая, подняли страшный шум.

Между тем человек 40 самых отчаянных подбежали на полужуравнейный выстрел к селению; вслед за ними подошли две штурмовые колонны, состоявшие из 2-й гренадерской и 5-й рот Апшеронского полка. При них или, вернее сказать, впереди них находились гвардейские офицеры. Князь Черкасский все еще шутил и не верил, что будет бой. Шелашников был совершенно спокоен. Он шел как будто на прогулку. Один Аверкиев грустил. Он простился с товарищами и вместо шашки вооружился огромным кинжалом.

Первый натиск был быстр и удачен. Солдаты, предводимые храбрыми офицерами, вмиг овладели каменной оградой и крайними домами и перекололи там оборонявшихся;

но в то время, когда наши колонны дробились по селению для штурма каждой сакли, неприятель производил самый убийственный огонь из других домов и башен, так что менее чем в полчаса в числе других пали майор Зайцев, гвардии поручики Шелашников, Аверкиев и Черкасский, а поручик Нечаев ранен в левую руку, впрочем неопасно. Когда офицеры были перебиты и строй ослаблен выносившими раненых, тогда неприятель, бросившись в шашки, без труда опрокинул штурмовавшие колонны... При поспешном отступлении отряда тела убитых остались в руках горцев, которые обыкновенно раздевают трупы донага; следовательно, не было никакой возможности отыскать тела убитых молодых людей...

"Я получил твое письмо, - писал Нечаев 19 марта 1844 г. с Кавказа Муравьеву. - Благодарю тебя за память и за дружбу - она же требует от меня тех горестных подлостей, которые я мало знаю и мало помню, потому что сам был в прескверном положении, но если ты непременно хочешь и если можно верить человеку, рассказывающему давно виденный страшный сон, из которого он помнит нечто несвязное, неясное и выводит свои заключения, то вот что могу я тебе сказать.

Из двух рот, которые ходили на штурм аула, я был в одной с Черкасским, в другой был Аверкиев и наш бедный Шелашников; я был ранен почти прежде всех; передо мною упал только Зайцев; меня оттащили, потом я встал и с помощью двух солдат пошел в гору; не успел я отойти, как началось отступление, и все, что я помню, на половине горы упав от усталости, - это белую фуражку: по справкам после оказалось, что это был наш Владимир, раненный в ногу и отступавший во время сильного преследования.

Остальное ты, верно, и сам отгадаешь; я помню крик: "Изрубили, изрубили", но кого - нас было так много, - я не знаю, и в этом общем смятении, в виду этих картин, и сам раненный, я разобрать ничего не мог; верно только, что никого из бывших в этом деле в плену нет: все справки через лазутчиков были сделаны, и все тщетно..."

Сергей Дмитриевич Безобразов (1801-1879)

Сергей Дмитриевич Безобразов

Из дворян Владимирской губернии, сын статского советника. Воспитывался в частном учебном заведении; в службу вступил 8 мая 1817 г. юнкером в Кавалергардский полк; через год уволен по болезни в отставку и тогда же поступил в лб.-гв. Подольский кирасирский полк; 16 октября того же года произведен корнетом; в 1820 г. назначен адъютантом к великому князю Константину Павловичу; в 1822 г. произведен поручиком, в 1829 г. - штабс-ротмистром.

По словам современников, Сергей Безобразов отличался умом и образованием, что давало ему возможность играть видную роль, будучи адъютантом при цесаревиче в Варшаве. Жил он в Бельведерском дворце и, вероятно, по этой причине, а также потому, что считался "одним из красивейших мужчин своего времени", был назван Аполлоном Бельведерским. *"При его любезности, ловкости, умении танцевать немудрено было ему сводить всех полек с ума"*. В числе таковых была и Т. И. Радзивилл (первая жена А. И. Чернышева)...

Польское восстание изменило весь строй веселой и беспечной жизни в Варшаве. В день восстания Безобразов был в театре, куда один из заговорщиков, Добровольский, вошел с саблею наголо и закричал: "Поляки, к оружию, режут нас русские!" Безобразов, си-

девший на крайнем кресле около той двери, в которую вошел Добровольский, встал, накинул шинель и направился к выходу, и когда Добровольский дерзко его остановил, то так сильно его толкнул в плечо, что тот отшатнулся и очистил дорогу к выходу. В деле при Калушине (5 февр. 1831 г.) он состоял при графе Толе, а под Гроховом - при цесаревиче и награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом; затем участвовал в деле при Ендржеве; в сражении под Остроленкою состоял при графе Дибиче и участвовал в обороне Вильны. За Польскую войну получил золотую шпагу.

По кончине цесаревича назначен 25 июня 1831 г. флигель-адъютантом и в том же году произведен ротмистром.

В ноябре 1833 г. Сергей Безобразов женился на дочери князя Хилкова, фрейлине императрицы Александры Федоровны; свадьба была в Зимнем дворце. Когда была объявлена свадьба Безобразова, то Пушкин в письме к жене замечает: *"Безобразов умно делает, что женится на кн. Хилковой. Давно бы так.*

Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой век за чужими женами..."

В 1834 г. Сергей Безобразов был командирован на Кавказ, участвовал в экспедиции генерала Вельяминова и 3 октября ранен пулею в правую ногу. В 1835 г. участвовал в экспедиции Вельяминова против шапсугов и произведен за военное отличие в полковники. *"Командуя в течение двух лет то авангардами, то всею кавалерией в отрядах Вельяминова, он целым рядом блистательных дел составил себе громкое военное имя. Всегда в высокой белой папахе, на белом коне, всегда впереди атакующей кавалерии, он увлекал своей отвагою линейных казаков, которые умели дать настоящую цену удаче и храбрости. Его так и звали казацким Мюратом. Двухлетние походы доставили ему орден св. Анны на шею, чин полковника и командование*

Крест «За службу на Кавказе»

Нижегородским полком, но надо сказать, что вместе с производством он был отчислен от свиты и перестал носить флигель-адъютантские аксельбанты".

Нижегородский полк он получил в запущенном виде. *"Это наследие не смутило, однако, Безобразова, человека, одаренного большим жизненным опытом... Принадлежа к категории редких офицеров, умеющих сочетать показную сторону службы с теми боевыми требованиями, которые предъявляет война",* он быстро привел в порядок обмундирование, полковой лазарет и общее санитарное положение полка. Вместе с тем без крутой ломки, отдавая дань времени, он привел на высоту тогдашних требований шагистики и пеший строй полка.

Менее чем через год командующий Кавказским корпусом барон Розен, осмотрев учебный дивизион нижегородцев из собранных по 40 человек с эскадрона, отдал в приказе: *"В пешем строю люди мною найдены отлично выправленными по новой форме; в учении как в ружейных приемах и прочем была вся возможная правильность; все движения и построения были произведены с надлежащей точностью и быстротою; церемониальный марш отлично хорош, шаг верен. Гг. офицеры знают пеший строй весьма хорошо; в построениях сомкнутым фронтом, равно как и в стрелковом деле, не было ни одной ошибки. В конном строю лошади найдены в надлежащей доброте и в хорошем теле, посадка людей весьма хороша и правильность в езде соблюдена..."* К смотру государя полк представился в отличном состоянии, и Безобразов удостоился получить *"особенное высочайшее благоволение"*.

В первый же год своего командования С. Д. Безобразов учредил военную школу для кантонистов и для детей грузинских помещиков. Эта школа служила не только образовательным целям, но и политическим, так как местные дворяне стали охотно посылать своих детей, которые изучали русский язык и сближались с русскими.

В 1841 г. и ранее Безобразов участвовал в нескольких экспедициях - против набегов лезгинцев и нуховцев. Головин в донесении своем военному министру об осмотре Лезгинской линии писал: *"Проезжая Джарскую область не далее как в сентябре прошлого года, я везде встречал угрюмые, недовольные лица жителей; в нынешнем году от Елису до Белокан меня встречали везде с непритворною радостью... Должно надеяться, что спокойствие и порядок, восстановленные деятельным и благоразумным управлением полковника Безобразова, дадут отличные результаты"*. Такого высокого мнения об офицере был и князь Чернышев, ревизовавший в 1842 г. Кавказ.

Пленный Шамиль перед русским командованием

С появлением Безобразова в штаб-квартире нижегородцев на Карагач "легла печать какого-то особого, словно праздничного настроения, и туда стала съезжаться чуть не половина Тифлиса. Домашние танцы, спектакли, пикники, охота с борзыми собаками и ястребами сменялись военными забавами: джигитовкой, маневрами, примерными штурмами, и все это заканчивалось пиршествами... Опять начались и забытые поездки к грузинским князьям, на которые Безобразов смотрел не только как на развлечение, но видел в них

средство к изучению быта, обстановки и. местных условий края". Однако должно отметить, что эта широкая жизнь создала серьезные затруднения преемникам Безобразова...

В мае 1842 г. он был произведен за военные отличия в генерал-майоры и назначен начальником правого фланга Кавказской линии; в этой должности пробыл год. В 1845 г. участвовал в Даргинской экспедиции и награжден орденом св. Анны 1-й ст. В следующем году назначен состоять при 2-й кавалерийской дивизии, а еще через год - командиром варшавских улан.

Прокомандовав уланами около полутора лет, С. Д. Безобразов в октябре 1848 г. был перемещен командиром Кавалергардского полка.

Один из однополчан так отзывается о нем: *"Сын богатого помещика, адъютант вел. кн. Константина Павловича, а после его смерти флигель-адъютант, прекрасно воспитанный, умный, красивый, имевший успех в высших кругах общества, в которых постоянно вращался, был совершенно иного типа, нежели три его предшественника. Командуя полком и другими частями на Кавказе, он не мог считаться знатоком кавалерийского дела. Но в продолжение короткого командования лб.-гв. Уланским полком настолько ознакомился со своими обязанностями, что уже приняв наш полк, командовал им не хуже других и, как ловкий человек, всегда сам себя и полк умел хорошо показать. И сравнивая его с другими гвардейскими командирами полков, можно смело сказать, что если бы пришлось послать какого-нибудь командира в Париж или Вену, то, наверное, Безобразов был бы самым представительным".* По свидетельству того же однополчанина, командир "был вспыльчив, но немедленно справедливость брала у него верх". Вообще он был вполне светским и вежливым человеком.

В декабре 1851 г. С. Д. Безобразов был назначен командиром 1-й бригады гв. кирасирской дивизии; в следующем году произведен в генерал-лейтенанты с оставлением в прежней должности. В 1854 г. назначен начальником 7-й кавалерийской дивизии. В августе 1860 г. пожалован в генерал-адъютанты и вскоре назначен командиром 4-го корпуса. В следующем году произведен в генералы от кавалерии. Через три года ему пожалован был на Кавказе участок земли в 300 десятин.

Скончался С. Д. Безобразов 6 декабря 1879 г. и похоронен в Москве на Даниловском кладбище, где стоит большой мраморный памятник, осененный двумя старыми липами.

Граф Анатолий Владимирович Орлов-Давыдов 2-й (1837-1906)

Родился в Петербурге, воспитывался дома. В службу вступил 15 января 1855 г. в 4-й дивизион Кавалергардского полка юнкером, спустя год - корнетом.

В январе 1859 г. назначен для особых поручений к главнокомандующему Кавказской армией; участвовал в Дагестанской экспедиции князя Барятинского и награжден орденом св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом; участвовал во взятии Гуниба и пленении Шамиля и награжден орденом св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. В апреле того же года произведен поручиком, прикомандирован к 20-му стрелковому батальону; в январе 1860 г. переведен в этот батальон капитаном, командовал в нем 4-й (кабардинскою) ротой, участвовал в экспедиции против абадзек, при штурме аула Беноя и награжден золотым оружием.

В 1862 г. за отличие по службе переведен тем же чином в кавалергарды с назначением в адъютанты к князю Барятинскому; в 1864 г. пожалован флигель-адъютантом и полковником. В 1866 г. состоял при министерстве внутренних дел; в 1872 г. произведен в генерал-майоры с назначением в свиту.

Во время свадебных торжеств великой княгини Марии Александровны граф Орлов-Давыдов состоял при принце Уэльском. В Москве они как-то заехали к Сапожникову

посмотреть различные парчи. Особенно понравился принцу кусок золотой парчи, который он облюбовал было для своего курительного кабинета (fumoig), но, узнав цену (50 руб. аршин), поморщился и взял один аршин, чтобы обить банкетку. Орлов-Давыдов приказал принести себе весь кусок и, провозжая принца до границы, захватил весь этот кусок парчи с собою.

Памятная медаль на воцарение императора Александра II

Прощаясь в Вержболове с графом, принц в сердечных выражениях благодарил его за любезное исполнение при нем службы во время пребывания его в России. *"Вы знаете, - прибавил принц, - что в Англии не принято, как в других странах, в подобных случаях давать ордена, но позвольте на память вам что-нибудь оставить в знак моей сердечной признательности"*. И принц вынул из рукавов две хрустальные запонки, которые он обыкновенно носил, и поднес их графу. *"Я очень тронут, - отвечал Анатолий Владимирович, - но позвольте и мне, ваше высочество, по русскому обычаю отдариться и поднести вам для вашего fumoig понравившийся вам в Москве кусок материи"*. И при этом немедленно в вагон внесли парчу ценою не менее 3 тысяч... Когда граф Орлов-Давыдов рапортовал императору Александру II о проводах принца Уэльского, он должен был и этот эпизод доложить. Император улыбнулся и сказал: *"Молодец, русским баринот поступил"*.

В 1875 г. Орлов-Давыдов был назначен командиром бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии; в августе 1881 г. произведен генерал-лейтенантом. С 1882 по 1891 г.

состоял в Москве обер-гофмейстером и президентом дворцовой конторы; в 1891 г. пожалован обер-шталмейстером с переименованием в гражданский чин.

В 1882 г. Анатолий Владимирович пожертвовал 5 тысяч на учреждение капитала своего имени в Кавалергардском полку для выдачи ежегодно троим строевым унтер-офицерам, состоящим на сверхсрочной службе, по 83 руб. каждому. При начале войны с Японией пожертвовал на Красный Крест миллион рублей.

Граф Орлов-Давыдов владел в Московской, Симбирской, Самарской, Тамбовской, Воронежской, Калужской, Орловской и Эстляндской губерниях 234 000 десятин земли и в Петербурге двумя домами; за его женою состояло 500 душ. Во всех имениях графа построены были церкви и в большинстве - школы и больницы. В имении "Отрада" Московской губернии при фамильной усыпальнице существовало благотворительное заведение, основанное в 1852 г., с больницей, богадельней и общиной сестер милосердия из крестьянок.

Князь Владимир Иванович Барятинский 3-й (1817-1875)

Из дворян Курской губернии, сын посланника в Мюнхене, родился в Ахене. Воспитывался в Пажеском корпусе и произведен из пажей 11 января 1837 г. корнетом в Лейб-Кирасирский полк; в 1838 г. - поручиком и назначен адъютантом к военному министру. 11 апреля 1842 г. переведен тем же чином в Кавалергардский полк с оставлением адъютантом и в 1845 г. произведен штабс-ротмистром.

9 сентября 1846 г. уволен от службы надворным советником и пожалован камер-юнкером; в апреле 1847 г. назначен адъютантом к наследнику цесаревичу с зачислением в Кавалергардский полк. В 1849 г. произведен ротмистром, в феврале 1855 г. - флигель-адъютантом и в декабре того же года - полковником.

**Князь Владимир Иванович
Барятинский**

В 1860 г. пожалован генерал-майором с назначением в свиту. 9 апреля 1861 г. назначен командиром Кавалергардского полка, которым командовал более пяти лет, когда в чине генерал-адъютанта назначен исполнять должность шталмейстера с сохранением кавалергардского мундира. В августе 1867 г. произведен в генерал-лейтенанты.

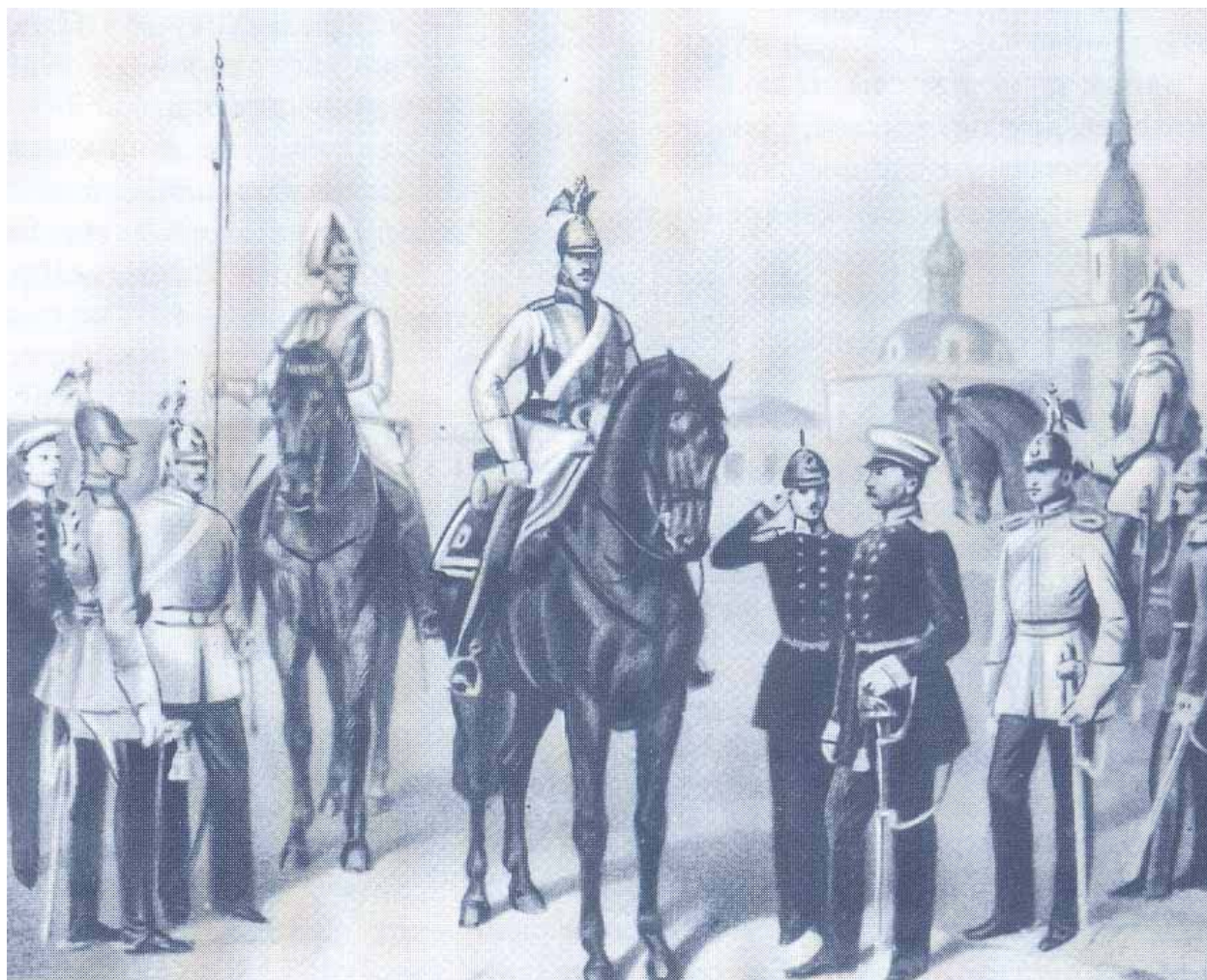
Князь В. И. Барятинский получил тяжелое наследие - распущенный и опустившийся состав офицеров. Относительно офицерского состава достаточно сказать, что при приеме полка налицо оказалось 16 офицеров, из них только один разговаривал по-французски. В порядочном обществе кавалергардские офицеры отсутствовали, предпочитая ему кутежи, далеко не всегда приличные, и картежную игру, далеко не всегда корректную. Дошло до того, что старые кавалергарды стали отдавать своих сыновей и родственников в чужие полки... В хозяйственном отношении полк был "вполне разоренным", но особенно было печально то, что кавалергардские предания полкового хозяйства, созданные еще Уваровым и Де-Прерадовичем и строго и безусловно соблюдаемые ближайшими их преемниками (графом Апраксиным, Гринвальдом, Фитингофом и бароном Менгденом), были нарушены...

Князь Барятинский круто, но приемами порядочного человека привел полк в хорошее состояние: удалил некавалергардские элементы офицерского состава и заменил их

вполне кавалергардскими, для чего "ездил в Школу приглашать офицеров, чтобы они выходили в Кавалергардский полк. Сделать подходящий подбор офицерского состава было делом весьма нелегким, чему может служить доказательством приказ по округу, коим Барятинскому был "объявлен строжайший выговор за допущенный 7 мая 1865 г. в 3-м эскадроне беспорядок по внутреннему управлению". "Беспорядок" этот был весьма крупный: эскадрон ночью был самовольно выведен эскадронным командиром по тревоге, причем некоторые пешие офицеры вскочили на коров, попавшихся им по дороге на Царицын луг.

Надо было приучить офицеров к "свету", и в этом командиру помогала его жена княгиня Vetsy, которую многие относили к числу "прелестных барынь". Ежедневно к обеду приглашалось кроме дежурного по полку еще несколько офицеров. Обедали, даже когда не было посторонних, начиная с хозяина, в вицмундирах, а княгиня - в открытом платье. Один из офицеров вел ее к столу под руку; так как не все умели подать руку даме, то княгиня в шутовском тоне исправляла погрешности.

До последних дней своей жизни княгиня Елизавета Александровна видела в Кавалергардском полку свою семью, гордилась всеми его успехами и болела от его неудач. До самой кончины, последовавшей в 1904 г., для нее существовал один только полк - полк кавалергардов.

Кавалергарды в 1856 году

Всего пять с половиною лет прокомандовал князь Барятинский кавалергардами, но и за это время успел воскресить в полку завещанные ему предания и опять поставить кавалергардов на принадлежащее им место. И, несмотря на молодой состав офицерского

корпуса, полк за все время командования В. И. Барятинского во всех случаях представлялся в особо блестящем виде.

При уходе из полка Владимир Иванович подарил обществу офицеров свою дачу в Павловской слободе, где позже помещалась офицерская артель.

Павел Александрович Кривский (1829-1905)

Из дворян Саратовской губернии, сын статского советника. Отец его служил раньше в военной службе и, состоя адъютантом при Витгенштейне, был тяжело ранен в 1812 г. под Полоцком, пролежал несколько часов на поле битвы, но все-таки потом поправился, хотя на всю жизнь остался хромым, так как одна нога была гораздо короче другой.

Павел Кривский воспитывался в Школе, откуда 13 июня 1848 г. вышел корнетом в Кавалергардский полк и в апреле 1850 г. произведен в поручики. Как один из деятельных участников дуэли Розена с Тендряковым, обвинявшимся в том, что он вместо успокоения первого высказывался за необходимость дуэли, Кривский был переведен в 1851 г. во Владимирский уланский полк тем же чином. Почти два года спустя он вернулся в гвардию, переведенный в лб.-гв. Кирасирский полк. В 1854 г. был произведен в штабс-ротмистры, а еще через два года уволен в отставку по болезни с чином ротмистра.

Павел Александрович Кривский

Вернувшись в Саратовскую губернию в имение матери-вдовы в самый разгар крестьянской реформы, Павел Кривский 1.8 мая 1861 г. был назначен вместе с братом Владимиром мировым посредником по Сердобскому уезду. *"Лучшее дворянство, - писал много лет спустя последний, - бросив дела, до того увлеклось устройством крестьян, что забыло думать о себе и своих нуждах; первый призыв посредников служит тому доказательством"*.

Горячий сторонник освобождения крестьян, проект которого подавала князю А. Ф. Орлову когда-то его мать Елизавета Дмитриевна, Кривский был деятельным мировым посредником и особенно хлопотал, хотя и не всегда успешно, чтобы крестьяне не льстились на "дарственный", а брали полный надел. Смутные слухи о возможности даром получить землю вызывали упорство крестьян. С другой стороны, Кривскому приходилось сталкиваться и с помещиками

Прямой, независимый и временами резкий, Павел Кривский, чтобы всегда оставлять за собой полную свободу действий, никогда даже не останавливался в помещичьих усадьбах, а всегда в волостных правлениях и на съездах, что усиливало доверие к нему населения. Когда отношения обострились, предводитель просил саратовского губернатора князя В. А. Щербатова "удалить вредных филантропов братьев Кривских".

В 1864 г. П. А. Кривский был переименован в коллежские асессоры, в 1866 г. пожалован в камер-юнкеры, а в 1869 г. избран в почетные мировые судьи по Сердобскому уезду. В 1870 г. Кривский был пожалован камергером, а в 1873 г. как опытный хозяин приглашен был министром государственных имуществ Валуевым в "Особую комиссию для исследования положения сельского хозяйства и сельской производительности в России".

С конца 1876 г. начинается та долголетняя деятельность П. А. Кривского, которой он всецело отдал вторую половину жизни. 5 ноября того же года он был избран в саратовские губернские предводители дворянства. В этой должности он прослужил четыре трехлетия и за это время был пожалован в должность шталмейстера, произведен в действительные статские советники; а в 1883 г. получил орден св. Станислава 1-й ст. и в 1886 г. - св. Анны 1-й ст.

В этом году он заседал в комиссии вместе с губернаторами и в числе предводителей дворянства для обсуждения проекта местного управления и проекта положения земских учреждений. Он совершенно неожиданно явился противником усиления бюрократического воздействия на земское самоуправление. *"Ведь какие мы ни есть, - говаривал он, - все же мы местные, а что такое губернаторы-пришельцы! Сегодня здесь, завтра там; ничем они с земством не связаны..."* Земство находило в нем всегда защитника: однажды, когда председательствующий в комиссии о реформе земства князь Гагарин указал на хищения в одном из земств, Кривский, признавая, что "в семье не без урода", указал на такой же факт, случившийся в бюрократических сферах, вышел из заседания, объявив, что слагает с себя членство, если председатель не принесет извинения. Извинение было принесено...

Оставив службу, П. А. Кривский большею частью жил в своем родовом имении - селе Борках, Сердобского уезда. Тут он устроил себе новую усадьбу, сам занимался сельским хозяйством, конным заводом, но особенно много положил труда на овцеводство. В

Звезда ордена
св. Станислава с мечами

этом он был знатоком, это было не только дело, но и страсть. Шерсть его овец породы *"инфантадо"* скоро достигла необыкновенной мягкости и нежности, вместе с обилием и весом руна, а отдельные экземпляры баранов и маток являлись первоклассными и получали высшие награды на разных выставках не только в России, но и за границей, в Париже и Чикаго. В 1891 г. он получил "во внимание к заслугам по улучшению овцеводства в России" большую золотую медаль "за полезную деятельность по сельскому хозяйству".

В 1896 г. П. А. Кривский был пожалован в шталмейстеры, а в конце года вновь избран дворянством в губернские предводители. В следующем году он был приглашен в комиссию при министерстве внутренних дел для рассмотрения, по высочайшему повелению, составленного им проекта правил о найме на сельские работы.

Кривский составил записку "о причинах, разоривших дворянство, и о мерах к поддержанию дворянского землевладения". Высказав убеждение, что дворянство само не виновато в своем настоящем положении, Кривский ставит вопрос: "Нужно ли дворянство для государства или нет?.. Если нужно, то необходимо его поддержать". На основании слов государя о дворянстве и, конечно, собственного твердого убеждения отвечая положительно на этот вопрос, Кривский излагает ряд причин, приведших к оскудению дворянство, и в устранении их видит средство для его поддержания.

Назначенный в мае 1902 г. членом Государственного совета, с присутствием в департаменте законов, он должен был оставить должность губернского предводителя, прослужив до этого еще два трехлетия.

Как ни любил он общественную деятельность, но каждый раз с грустью покидал позднюю осень Борки, уезжая в Петербург, и жаловался на то, что не чувствует уже себя свободным, как прежде. Последние годы предводительства он совсем не жил в Саратове, а только туда временами наезжал из деревни... Перед Пасхой 1905 г. он уже мечтал о возможности скоро уехать в Борки, а на страстной неделе скончался скоропостижно в Петербурге. Тело П. А. Кривского было перевезено в Саратовскую губернию и на второй день Пасхи рано утром было перенесено на руках крестьянами со станции Салтыковка Рязан-

ско-Уральской железной дороги в село Борки, где и похоронено около церкви в семейном склепе...

**Храм Христа Спасителя в Москве, возведенный на народные средства
в память войны 1812 года**

Видный, высокий, Павел Александрович Кривский был на редкость красивым, представительным стариком с крупной прямой фигурой и раздвоенной седой бородой; глаза его из-под густых бровей смотрели несколько сурово и холодно. Его слишком резкие отзывы о людях, его привычка держать себя независимо и говорить прямо в глаза тяжелые вещи создали ему славу человека гордого и высокомерного. Но его и действительно нельзя было назвать человеком мягким, ему чужда была всякая сентиментальность; в то же время он был, несомненно, добр и иногда излишне доверчив. Убеждения его были тверды и прямолинейны, он не способен был на сделки со своей совестью и компромиссы; так же он судил и о Других. С ним можно было не соглашаться, спорить, но он всегда был честным противником и открытым врагом - это сознавал всякий.

Павел Александрович до последних дней сохранил жизненные силы и интересовался всем. У людей преклонного возраста чаще бывает, что они живут в прошлом, интересуются и любят рассказывать об отдаленных событиях, которые хорошо помнят; у Кривского было как раз наоборот - его живо захватывало движение современной жизни. Но это не значит, что он не интересовался прошлым, напротив, он любил побеседовать на

исторические темы. Немало пережив и повидав, Кривский мог многое сообщить, но в этом случае приходилось нередко выпрашивать, задавая вопросы или высказывая свои взгляды. Иногда он сам начинал говорить, вспоминая что-нибудь прошлое из своей молодости. Так, прочитав в одном из исторических журналов, что глаза государя Николая Павловича имели какой-то особый фосфорический блеск, он сказал: "Вздор! Ничего подобного не было, самые обыкновенные голубенькие глаза".

Как это ни удивительно, но П. А. Кривский не был почитателем ни самого Николая I, ни его времени. Критикуя обилие немцев в армии, Кривский уверял, что на смотрах первый, кто произносил командные слова правильно по-русски, был командир Кавалергардского полка Безобразов, "все же, что было выше, командовало на ломаном русском языке". Рассказывая о царствовании Николая Павловича, Кривский часто задумчиво говорил: "Да, не хотелось бы второй раз пережить такое время". Может быть, отчасти причиной этого нерасположения было и крушение его собственной военной карьеры в результате злополучной дуэли Розена и Тендрякова, но он не любил говорить об этом и уклонялся от вопросов.

Рассказы П. А. Кривского были всегда правдивы, иногда очень остроумны, и даже при повторении прикрас никогда не было. Остается очень пожалеть, что за постоянной житейской сутолокой он не нашел времени записать своих воспоминаний, а он много знал и многое видел на своем веку.

Дмитрий Иванович Скобелев (1821-1879)

Из дворян Калужской губернии, сын известного генерала и отец еще более прославленного генерала - Мих. Дм. Скобелева. Воспитывался в Школе; в службу вступил в 1838 г. юнкером в Кавалергардский полк; в 1840 г. произведен корнетом, в 1843 г. поручиком; в 1846 г. назначен адъютантом к князю А. И. Чернышеву; в декабре того же года штабс-ротмистром.

Скобелев участвовал в Венгерской войне и награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом и орденом св. Анны 2-й ст. Назначен 12 августа 1849 г. флигель-адъютантом; в 1850 г. ротмистром.

С декабря 1851 г. по июнь 1852 г. был прикомандирован к Кавалергардскому полку "для узнавания фронтовой службы"; в 1853 г. командирован на Кавказ и за дело при Баяндуре награжден золотым оружием, а за Башкадыкларское сражение произведен в полковники и награжден орденом св. Анны 2-й ст. с императорской короной.

В 1854 г. командовал тремя сотнями Кубанского казачьего войска и за отличие в делах против турок награжден орденом св. Владимира 3-й ст. В сражении при Кюрюк-Даре (24 июля), "следуя с казаками в голове кавалерии, первый бросился в шашки и врубился в ряды турецкой кавалерии; опрокинув турок, устремился на стоявшую вблизи неприятельскую батарею и, несмотря на картечный огонь, взял с боя два орудия", за что и награжден орденом св. Георгия 4-й ст.

С июля 1855 г. по январь 1856 г. исправлял должность походного атамана Донских казачьих полков. В следующем году назначен командиром вновь сформированного Елизаветградского драгунского полка, в 1857 г. - командующим лб.-гв. Конногрендерским полком, в 1858 г. командиром Конвоя, с зачислением по гвардейской кавалерии. 17 апреля 1860 г. пожалован генерал-майором с назначением в свиту и оставлением в настоящей должности; в 1864 г. отчислен от должности командира Конвоя, с сохранением мундира. В 1869 г. в звании генерал-лейтенанта назначен состоять при генерал-инспекторе кавалерии.

Русское войско под Плевной

7 января 1877 г. назначен командующим вновь сформированной Кавказской казачьей дивизией и командовал ею до перехода через Дунай. За третью Плевну награжден орденом Белого Орла с мечами. В январе 1878 г. Скобелев был послан главнокомандующим в отряд генерал-лейтенанта Карцева, *"с тем чтобы взять два казачьих и один драгунский полки и идти на Филиппополь, чтобы препятствовать движению армии Сулеймана-паши, и присоединиться к отряду ген.-ад. Гурко, и быть начальником всей кавалерии"*.

Последнее фактически не состоялось, но Скобелев участвовал в занятии Филиппополя 4 января, а 7 января 30-й донской казачий полк Грекова, входивший в состав отряда Скобелева, захватил 40 турецких орудий у д. Караджилар, и Скобелев был награжден орденом св. Георгия 3-й ст. В 1878 г. вновь назначен состоять при генерал-инспекторе кавалерии.

Женат был на Ольге Николаевне Полтавцевой (убита 6 июля 1880 г. в Болгарии); имел детей: Михаила, Надежду, Ольгу и Зинаиду. Владел имениями в Рязанской, Тамбовской, Калужской и Самарской губерниях и майоратом в Сувалкской губернии.

Михаил Дмитриевич Скобелев (1843-1882)

Из дворян Рязанской губернии, родился в Петербурге. В службу вступил из студентов математического факультета Петербургского университета 22 ноября 1861 г. юнкером в Кавалергардский полк и в марте 1863 г. произведен корнетом. В следующем году по высочайшему повелению командирован ординарцем к графу Э. Т. Баранову, посланному в Варшаву. По возвращении из этой командировки подал прошение о переводе в лб.-гв. Гродненский гусарский полк, куда переведен в марте 1864 г. и в том же году произведен поручиком.

"Вне службы М. Д., запираясь на ключ от мешавших ему товарищей, по целым дням пролеживал на полу над планами", занимаясь военной историей. Тогда уже в беседах он мечтал о походе в Азию. "В кутежах гусарской компании М. Д. всегда был первым на разные смелые выдумки... В полковых воспоминаниях он остался истым джентльменом и лихим кавалерийским офицером".

Михаил Дмитриевич Скобелев

В Гродненском полку Скобелев пробыл около полутора лет, когда был переведен в резервный эскадрон (в Павловск). В 1866 г. он поступил в Академию Генерального штаба. В 1868 г. произведен в штабс-ротмистры и по окончании курса академии по второму разряду причислен к штабу Туркестанского округа.

Начало службы Михаила Скобелева в Туркестане было неудачно, "в чем он и сам отчасти виноват, обнаруживая самолюбивую запальчивость и недостаток необходимой выдержки и такта". В Ташкенте он имел две дуэли и был откомандирован обратно к резервному эскадрону. Через год (29 дек. 1870 г.) командирован в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией.

В 1872 г. назначен старшим адъютантом 22-й пехотной дивизии с переводом в Генеральный штаб капитаном, а 30 августа произведен в подполковники с назначением для поручений при штабе Московского округа. В октябре, находясь в отпуску в Тифлисе, прикомандирован по распоряжению великого князя Михаила Николаевича к Ставропольскому пехотному полку для командования батальоном.

Командуя 3-м батальоном, он участвовал в Хивинском походе в составе отряда Ломакина и командовал авангардом, был в деле при взятии Хивы. Награжден орденом св. Георгия 4-й ст. (одновременно с этим получил прусский орден Красного Орла 2-й ст. с мечами). Через полгода (22 февр. 1874 г.) произведен в полковники, а 17 апреля пожалован флигель-адъютантом с отчислением в свиту.

При открытии военных действий против кокандцев Скобелев был командирован в распоряжение К. П. Кауфмана и назначен начальником отряда (12 сотен, 8 орудий и батарея); участвовал во многих делах, в том числе при штурме Андижана и взятии Коканда. Результатом военных действий было присоединение к России Кокандского ханства под именем Ферганской области, военным губернатором которой и был назначен М. Д. Скобелев. За свои выдающиеся заслуги он был щедро награжден - в течение шести месяцев он получил чин генерал-майора, золотую саблю, орден св. Георгия 3-й ст., бриллиантовую шпагу и орден св. Владимира 3-й ст. с мечами.

Ферганским губернатором Скобелев пробыл всего год (до 17 марта 1877 г.), когда был отчислен в свиту. 12 апреля того же года командирован в распоряжение главнокомандующего Дунайской армией и добровольно участвовал в переправе через Дунай генерала Драгомирова, который свидетельствует о "великой помощи", оказанной ему Скобелевым, и о том "благотворном влиянии, которое он оказывал на молодежь своим блистательным, неизменно ясным спокойствием".

В сражении под Пленною 18 июля 1877 г. Скобелев командовал передовым отрядом в составе казачьей бригады и 1-го батальона. В сентябре произведен в генерал-лейтенанты и в ноябре назначен начальником 16-й пехотной дивизии. При переходе через Балканы отряда Радецкого командовал правой колонной и участвовал в разбитии и пленении армии Бесселя-паши. Затем (3 янв.) назначен начальником авангарда армии и награжден бриллиантовой шпагой с надписью "За переход через Балканы".

По прекращении военных действий назначен временно командующим 4-м корпусом и произведен генерал-адъютантом; в феврале 1879 г. назначен командиром 4-го кор-

пуса и награжден орденом св. Анны 1-й ст. (это был единственный орден, полученный им не за боевые заслуги).

После неудачной атаки Геок-Тепе генералом Ломакиным покорение текинцев было возложено на Скобелева. Он был вызван в Петербург и в марте 1880 г. назначен временно командующим войсками, действующими в Закаспийском крае. Возложенная на него трудная задача была во всех отношениях образцово разрешена им, и в январе 1881 г. после правильно веденной осады крепость Денгиль-Тепе была взята штурмом. 14 января М. Д. Скобелев был произведен в генералы от инфантерии и пожалован орденом св. Георгия 2-й ст.

...Умер скоропостижно в Москве 25 июня 1882 г. и погребен в с. Спасском-Скобелеве, Ряжского уезда, Рязанской губернии. (*"Случайность или преступление оборвало эту жизнь в самом начале? Служение, настоящее его служение народу только началось... Обстоятельства его смерти таковы, что тут конца нет вопросительным знакам"* - так заканчивается книга русского журналиста и писателя Василия Немировича-Данченко "Скобелев". Спб., 1884. (В 1993 г. книга была опубликована в Военном издательстве.))

Получив известие о кончине М. Д. Скобелева, государь Александр III послал следующую телеграмму старшей сестре его княгине П. Д. Белосельской-Белозерской: *"Страшно поражен и огорчен внезапную смертью вашего брата. Потеря для русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей. - Александр"*.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (род. 1844)

Сын кавалергарда. Воспитывался дома и выдержал экзамен в Пажеском корпусе на офицера гвардии; в службу вступил из камер-пажей в Кавалергардский полк 12 июня 1863 г. корнетом. В мае 1866 г. назначен полковым адъютантом. Спустя два года в чине ротмистра назначен адъютантом к наследнику цесаревичу. В 1874 г. произведен полковником.

Участвовал в войне 1877-1878 гг. в Руцукском отряде; был послан 24 марта 1877 г. парламентаром к турецкому главнокомандующему Али-паше; награжден орденом св. Владимира 3-й ст. с мечами.

2 марта 1881 г. назначен флигель-адъютантом. В мае 1884 г. вступил в должность егермейстера с производством в действительные статские советники. В следующем году избран московским губернским предводителем дворянства, в коей должности находился до 1890 г.

В 1896 г. С. Д. Шереметев избран московским дворянством ассистентом при предводителе дворянства в церемонии принесения поздравлений Их Императорским Величествам Николаю II и государыне Александре Федоровне по случаю священного коронавания; во время коронации состоял при особе вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В следующем году по высочайшему повелению назначен членом Особого совещания по делам дворянского сословия.

В 1900 г. назначен членом Государственного совета, председателем императорской Археографической комиссии министерства народного просвещения и комиссии для описания синодального архива. В 1901 г. назначен председателем Комитета о русской иконописи; в том же году избран московским дворянством пожизненным почетным членом правления Московского дворянского института для девиц и почетным попечителем Белгородской гимназии. В 1902 г. являлся членом Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности; в том же году назначен попечителем Краснослободского сельского детского приюта в Орловской губернии и членом Особого при Государствен-

ном совете присутствия для обсуждения проекта уголовного уложения. В 1904 г. пожалован обер-егермейстером.

Граф С. Д. Шереметев состоял почетным членом Академии наук, русского Археологического института в Константинополе, Общества Нестора-летописца в Киеве, псковского Археологического общества, архивных комиссий в Калужской, Владимирской, Пензенской, Саратовской, Таврической, Курской и Воронежской губерниях, петербургской Духовной академии и Национальной академии в Реймсе, а также членом императорского Исторического общества и французского Археологического общества.

Сергей Дмитриевич был женат на фрейлине княжне Екатерине Павловне Вяземской, и у них было пятеро сыновей и две дочери. В одиннадцати губерниях граф владел родовыми 235 704 десятинами, а также благоприобретенными (в пяти губерниях 8656 десятинами), кроме того, тремя домами в Петербурге и двумя в Москве.

С. Д. Шереметев является автором "Полковых воспоминаний", изданных в С.-Петербурге в 1898 г.

Граф Алексей Павлович Игнатьев (1842-1906)

Из дворян Тверской губернии, сын председателя Комитета министров. Воспитывался в Пажеском корпусе.

16 июля 1859 г. произведен в корнеты в лб.-гв. Гусарский полк и, не прибывая в полк, поступил в Академию Генерального штаба, где окончил курс по первому разряду. С 1863 по 1869 г. командовал эскадронами. За это время произведен в 1865 г. флигель-адъютантом и в 1866 г. - полковником. В 1871 г. назначен командиром Курляндского уланского полка, а в 1873 г. вступил в командование Кавалергардским полком. В августе 1875 г. произведен в генерал-майоры с назначением в свиту.

Граф Алексей Павлович Игнатьев

12 декабря 1877 г. отец его Павел Николаевич Игнатьев был возведен с нисходящим потомством в графское достоинство.

В январе 1881 г. Алексей Игнатьев получил назначение начальником штаба гв. корпуса с сохранением навсегда кавалергардского мундира; в 1884 г. объявлена высочайшая благодарность за труды по составлению правил военного судоустройства и судопроизводства в мирное время и тогда же зачислен по Генеральному штабу.

В августе 1885 г. назначен иркутским генерал-губернатором и командующим войсками Иркутского военного округа; в 1886 г. произведен генерал-лейтенантом. В 1889 г. назначен киевским генерал-

губернатором. В 1896 г. становится членом Государственного совета. В следующем году произведен в генералы от кавалерии.

В июне 1905 г. А. П. Игнатьев был командирован Николаем II на юг, в Херсонскую губернию, для прекращения происходивших там аграрных беспорядков, а также в Одессу, по выполнении чего им был представлен всеподданнейший доклад. Тогда же, по возвращении из командировки, был призван принять участие в состоявшихся под личным председательством государя императора заседаниях по рассмотрению законопроектов о Государственной думе.

В августе 1906 г. Алексей Павлович был избран гласным Ржевского уездного земства. Несмотря на постоянные угрозы со стороны революционных организаций и анонимные письма с требованием отказаться от всякого участия в деятельности земства родной ему губернии, граф считал своим гражданским долгом являться на все заседания губернского земского собрания, работая в нем в качестве рядового деятеля. И 9 декабря 1906 г. в г. Твери во время перерыва заседания был предательски убит одним из подосланных злодеев...

Сергей Алексеевич Панчулидзе (род. 1855)

Из дворян Пензенской губернии. Воспитывался в Школе, где имя его внесено на мраморную доску.

7 августа 1874 г. из младших вахмистров произведен корнетом в кавалергарды; в 1874 и 1875 гг. состоял помощником заведующего учебной командой. В Турецкую войну 1877-1878 гг. прикомандирован к лб.-гв. Гусарскому полку; участвовал во многих делах и пожалован орденом св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

Сергей Алексеевич Панчулидзе

В 1878 г. поступил в Академию Генерального штаба; в 1881 г. произведен в штабс-ротмистры. По окончании курса академии по второму разряду отказался перейти в Генеральный штаб и вернулся в полк, где с мая 1881 г. по июль 1883 г. состоял делопроизводителем полкового суда; в 1882 г. заведующим учебной командой. В апреле 1884 г. уволен в отставку ротмистром с мундиром.

До 1892 г. был в Саратове уездным и губернским гласным, председателем (с 1887 г.) губернской ревизионной комиссии; в 1891-1892 гг. избирался уездным предводителем. В январе 1899 г. причислен к министерству двора, "причем воспоследовало высочайшее соизволение на сохранение за ним военного чина и мундира". В 1906 г. вновь избран уездным и губернским гласным Саратовского уезда. Состоял членом императорского Исторического общества, Военно-исторического общества, Московского археологического института, а также саратовской и тамбовской архивных комиссий.

Сергей Алексеевич Панчулидзе является составителем и автором многотомной "Истории кавалергардов" (Спб., 1899-1912).

Николай Андреевич Челищев 1-й (1854-1888)

Из дворян Московской губернии, сын кавалергарда.

В службе с 20 февраля 1874 г. юнкером в Кавалергардском полку; в марте 1876 г. - корнетом, в 1879 г. - поручиком. С марта 1879 г. по апрель 1882 г. причислен к посольству в Париже. В мае 1882 г. уволен по болезни в отставку штабс-ротмистром.

"У меня был один близкий знакомый, слишком рано умерший, - писал Сыромятников о Челищеве. - Он был не фабричный рабочий, а блестящий офицер первого кавалерийского полка в России. Сын очень богатых родителей, он воспитывался во Франции и,

приехав в Россию лет семнадцати, чтобы поступить в военную службу, мог едва-едва говорить по-русски. Он служил, кутил, писал прелестные поэтические *fleurettes* и остроумные басни по-французски, ухаживал за блестящими женщинами, потом как-то поехал в деревню, увидел Россию и вышел в отставку.

Он был человеком очень способным, а воспитывал его не просто классный наставник, а аббат-иезуит, человек глубокой культуры и сильной энергии, который дал ему вкус к историческим изучениям. Мой приятель, помня слова профессора Бестужева-Рюмина,

Николай Андреевич Челищев

которого многие события современной жизни получили другой смысл, чем раньше, который увидел, что его народ не есть только стихийная сила, но что-то разумное и способное к развитию, к улучшению своих учреждений, не есть что-то только воспринимающее муштру, но и умеющее отличать одну муштру от другой и отвергающее ту, которая ему негодна.

Одним словом, он сделался образованным русским, понял хотя бы приблизительно историческую эволюцию своего народа и будущее этой эволюции, "Статейный список посольства моего предка в Крым, с объявлением о вступлении на престол Грозного, сделал меня русским", - смеялся он. Еще более русским сделали челобитные его предков, которые жили около Торопца и охраняли западную границу от Литвы и поляков. Он понял, каких жертв нам стоила наша государственность и как серьезно и толково служили наши предки. Теперь такая служба считалась бы мученичеством.

Я заговорил о моем покойном приятеле, который был прекрасным человеком и которого все любили, чтобы показать оздоравливающее значение изучения нашей истории для современного русского, воспитанного за границей или по складу своего ума считающего Запад своим духовным отечеством. Спешу оговориться, что я говорю не об истории России, испеченной на постном масле и приправленной противным для русского пафосом, как принято сочинять ее теперь нашими византийцами. "Льстиви бо суть греци и до сего дня". Я говорю об истории честной и правдивой, основанной на глубоком знании источников. Только такая история может отвратить человека, пораженного язвами современности, от механического, фабричного мировоззрения, которое поднимается мутными волнами, и направить его к здоровому историческому мышлению..."

Михаил Владимирович Родзянко (род. 1859)

В 15 лет определен в Пажеский корпус экстерном, через год переведен в младший специальный класс.

В июне 1877 г. произведен из фельдфебелей корнетом в кавалергарды; в 1881 г. - поручиком; с апреля 1881 г. по март 1882 г. состоял полковым квартирмейстером, а также заведующим оружием. В октябре 1882 г. Михаил Родзянко зачислен в запас по гвардейской кавалерии; с 1883 г. состоял почетным мировым судьей Новомосковского уезда Екатеринославской губернии. В 1885 г. уволен из запаса в отставку.

С 1886 г. по 1891 г. М. В. Родзянко состоял новомосковским уездным предводителем дворянства; в 1892 г. пожалован камер-юнкером, в 1898 г. - статским советником, в 1899 г. - камергером. С 1901 г. избран председателем Екатеринославской губернской земской управы, с 1902 г. - почетным попечителем екатеринославского 1-го реального училища. В 1905 г. пожалован действительным статским советником. В 1906 г. избран членом Государственного совета от екатеринославского земства. В 1907 г. избран членом Государственной думы (В дальнейшем в 1911-1917 гг. М. В. Родзянко был председателем III и IV Государственной думы. После октябрьских событий находился при Добровольческой армии, затем эмигрировал из страны. Ему принадлежат воспоминания "Крушение империи").

Николай Аркадьевич Тимирязев (1835-1906)

Из дворян Петербургской губернии, сын действительного статского советника, воспитывался дома.

В службу вступил 1 января 1856 г. юнкером в лб.-гв. Конногренадерский полк; через два года произведен прапорщиком, затем поручиком. С октября 1863 г. по декабрь 1868 г. состоял полковым адъютантом. Затем в чине капитана командовал 1-м эскадронном; в 1872 г. произведен полковником.

Николай Аркадьевич Тимирязев

В Турецкую войну 1877-1878 гг. участвовал в делах и сражениях под Горным Дубняком, Телишем, г. Врацем, Лютиковым, Филиппополем и награжден золотым оружием и орденом св. Владимира 3-й ст. с мечами. В марте 1878 г. назначен командиром Казанского драгунского полка и участвовал в делах у Пепсолана и Кадыкноя.

14 июня 1884 г. назначен командующим Кавалергардским полком; 30 августа того же года произведен в генерал-майоры. В октябре 1891 г. назначен командиром 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии с оставлением командиром полка. В 1892 г. назначен командующим 4-й кавалерийской дивизией с зачислением по гвардей-

ской кавалерии и пожалованием кавалергардского мундира.

13 марта 1892 г. генерал Н. А. Тимирязев отдал следующий последний свой по Кавалергардскому полку приказ:

"Удостоившись чести прокомандовать кавалергардами почти восемь лет, я душою и сердцем сроднился с полком. Деля труды и заботы с моими дорогими сослуживцами, я имел счастье получать благодарности от государя императора, от августейшего

нашего шефа и от всего высшего начальства за то неослабное рвение, которое выказывали все чины полка на поприще его мирного совершенствования. Достойные старожилы полка научили меня любить полк, любить его всей душою, уважать те священные традиции кавалергардов, на которых зиждется вся духовная жизнь полка, бледнеют личные интересы и крепнут чувства долга, товарищества и беспредельной преданности Престолу и Отечеству. Хранить старь, дабы новь крепла.

Блестящая молодежь радовала мое сердце своим рвением к службе, своим горячим желанием приносить пользу родному полку, следуя по верным стопам своих старших товарищей. Нижние чины, молодцы, не жалели ни сил, ни трудов на службу царскую, как Бог велит честному русскому солдату.

Примите же от меня, от мала до велика, мое последнее сердечное, задушевное командирское спасибо. Теперь я стал вашим старшим товарищем: царь почтил меня самою высокою и драгоценною для меня милостью, пожаловав мне пожизненно наш родной доблестный кавалергардский мундир. Вы на меня его надели, в нем я и в гроб лягу. Унося из полка лучшие и дорогие воспоминания моей жизни, об одном жалею, что Господь Бог не привел мне заслужить эту царскую милость кровью, на полях чести, во главе родных кавалергардов".

Сергей Васильевич Александровский (1863-1907)

Из дворян Пензенской губернии, сын пензенского губернатора, тайного советника. В 1877 г. определен в Пажеский корпус. В августе 1886 г. произведен корнетом в Кавалергардский полк, в 1890 г. - поручиком.

В 1893 г. назначен членом комиссии по довольствию войск Петербургского гарнизона, где, по отзыву председателя комиссии, "в короткое пребывание свое в составе комиссии проявил так много деятельности, энергии и бескорыстного усердия на пользу общевоинского дела, что только благодаря его содействию комиссия могла достигнуть

*Крест «50-летие
завершения
Кавказских войн»*

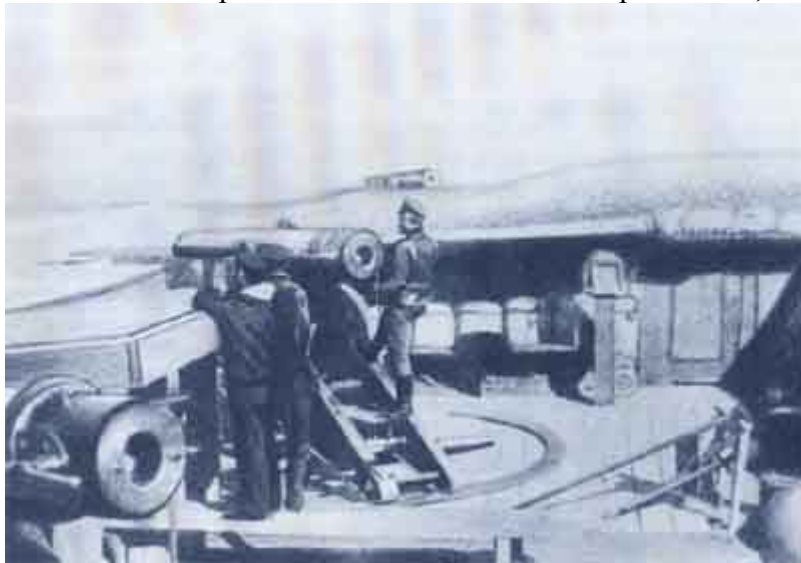
результатов, обративших внимание главнокомандующего, выразившего свою милостивую благодарность членам комиссии". В 1894 г. командирован в личное распоряжение главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа; в 1896 г. произведен штабс-ротмистром, в следующем году - заведующим полковой учебной командой. В 1898 и 1899 гг. командирован от Красного Креста в пострадавшие от неурожая Воронежскую, Тамбовскую, Уфимскую и Самарскую губернии для распределения высочайше пожалованных сумм.

В ноябре 1899 г. по домашним обстоятельствам уволен от службы ротмистром с мундиром и назначен чиновником особых поручений министерства финансов; в 1900 г. переименован в надворные советники и пожалован камергером; 4 апреля того же года за заботы по организации медицинской помощи Южно-Маньчжурскому отряду пожалован был орденом св. Владимира 4-й ст., а 9

января 1903 г. император Николай II соизволил пожаловать мечи к сему ордену. 22 марта того же года "за выдающиеся отличия в деле подачи помощи раненым и больным воинам на Дальнем Востоке" произведен в коллежские советники.

Во время землетрясения в Андижане в 1902 г. и наводнения в Петербурге в 1903 г. С. В. Александровский был призван организовать помощь пострадавшим от имени общества Красного Креста и как в том, так и в другом случае блестяще выполнил возложенные на него задачи.

При начале русско-японской войны он был избран членом исполнительной комиссии по оказанию помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке, и ему было поручено заведование отделом личного состава, в ведении которого находилась отправка на Дальний Восток медицинско-санитарного персонала; но уже по истечении весьма непродолжительного времени ему был предложен ответственный пост главноуполномоченного Красного Креста при действующих армиях. Прибыв на театр военных действий в начале марта 1904 г., Александровский организовал дело помощи больным и раненым и с неослабной энергией вел его до начала января 1905 г., когда был назначен на ответственный

**Укрепленная позиция в районе Порт-Артура
в период русско-японской войны**

пост начальника санитарной части 1-й армии. Как известно, блестящей постановкой санитарного дела русская армия во время этой войны главным образом обязана обществу Красного Креста, и немалая заслуга в этом отношении принадлежит Сергею Васильевичу, на долю коего выпала наиболее тяжелая задача, а именно: установить с самого начала правильную организацию всего дела.

Александровский отличался громадной работоспособностью, выдающейся энергией и полной доступностью для каждого, что являлось весьма ценным для всего персонала, работавшего под флагом Красного Креста.

Огромная заслуга его заключалась в том, что он сумел установить дружную работу между всеми многочисленными организациями, бывшими на театре войны. Ко всему отличался и личной храбростью и неоднократно подвергал свою жизнь опасности, находясь, как, например, в Ляоянском бою, в сфере действия неприятельского огня. Энергичный по натуре, он на войне проявил необычайную неутомимость в работе, трудясь, по рассказам сотрудников, и день и ночь не покладая рук.

1 июля 1906 г. С. В. Александровский был назначен губернатором в Пензу. Со свойственной ему энергией и добросовестностью принялся за прекращение возмутительных явлений позорящей Россию крамолы и 25 января 1907 г. погиб от руки убийцы-еврея, который при выходе его из театра протиснулся сквозь толпу и сзади в упор выстрелил ему в затылок. Погребен С. В. Александровский в Александро-Невской лавре.

Артур (Артур Отто Мориц) Александрович Гринвальд (род. 1847)

Из дворян Эстляндской губернии, родной племянник Родиона Егоровича, известного командира кавалергардов. Образование получил в Дерптском университете.

В службу вступил юнкером в лб.-гв. Кирасирский полк 25 мая 1866 г.; через год произведен корнетом, в апреле 1870 г. - поручиком и в октябре того же года переведен в Семиреченское казачье войско есаулом.

Артур Александрович Гринвальд

В 1871 г., командуя сотней, участвовал в походе генерал-лейтенанта Колпаковского и во многих делах и за военное отличие произведен в войсковые старшины. В 1873 г. назначен командиром вновь сформированной 5-й сотни и участвовал в Хивинском походе и занятии г. Хивы. За военные отличия произведен в подполковники и назначен заведующим обучением сотен, а затем командиром 1-го конного полка Семиреченского казачьего войска.

В 1879 г. произведен полковником и в мае того же года зачислен по армейской кавалерии. В 1884 г. назначен командиром 30-го Ингерманландского драгунского полка. 3 февраля 1892 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром Кавалергардского полка.

Во время священного коронавания Николая II находился на часах при императорских тронах. При всех коронационных торжествах представлял полк в самом блестящем виде, и в полковом приказе читаем: *"После окончания всех церемоний государю императору благоугодно было призвать меня и осчастливить высокомиловитвым благоволением за отличное выполнение возложенного на полк почетного наряда, причем Его Императорское Величество изволил дважды выразить свою благодарность за блестящий выход полка и безукоризненное его обмундирование..."*

Вечером 15-го большинство офицеров проводило время, отдыхая в лицее. Вдруг - беготня по лестницам и коридорам, офицеры выскакивают из своих келий кто в чем попало, чтобы узнать причину шума: "Генерал взят в свиту! Генералу даны вензеля! Сейчас пришла бумага из главной квартиры!" Все, что было в лицее, бросилось вниз, в квартиру командира полка, которого не оказалось дома.

Через полчаса приехал генерал Гринвальд, и пошли поздравления, подали шампанское, и долго затянулся импровизированный раут; дали знать в эскадроны, откуда пришли поздравить вахмистры. Радость полка была двойная: в пожаловании командиру высочайших вензелей видели новую милость государя к полку, радовались и лично за Артура Александровича, редкую и безусловную правдивость, самостоятельность и нелицеприятие которого полк успел уже глубоко оценить.

Гринвальд назначен в свиту 15 мая 1896 г. с оставлением командиром полка и награжден орденом св. Станислава 1-й ст., а в августе того же года назначен командиром 1-й бригады гвардейской кавалерийской дивизии с сохранением кавалергардского мундира. В 1897 г. пожалован в должность шталмейстера и управляющим придворною конюшенною частью. В 1899 г. произведен генерал-лейтенантом, а в 1904 г. - генерал-адъютантом.

Владимир Николаевич Воейков 2-й (род. 1868)

Из дворян Тамбовской губернии.

В 1882 г. определен в Пажеский корпус; в 1885 г. переведен в младший специальный класс; в следующем году произведен в старшие камер-пажи. В августе 1887 г. выпущен корнетом в Кавалергардский полк; с 1889 по 1892 г. заведовал полковою хлебопекарней; в 1891 г. произведен поручиком и командиром полкового обоза.

В 1894 г. В. Н. Воейков командирован в качестве ординарца ген.-адъютанта Кремера за границу с извещением о восшествии на престол императора Николая II. С 1895 по 1897 г. заведовал полковой школою солдатских детей; в январе 1896 г. был назначен ктитором полковой церкви.

В 1898 г. произведен штабс-ротмистром, затем назначен заведовать полковой учебной командою. С июля 1900 по август 1905 г. в чине ротмистра командовал лейб-эскадроном. В 1902 г. получил благословение Святейшего Синода. В июне 1904 г. объявлена высочайшая благодарность Их Величеств за исполнение возложенного поручения по

заготовлению для воинов действующей на Дальнем Востоке армии подарков от имени императрицы Александры Федоровны.

Памятная медаль на коронацию императора Николая II и императрицы Александры Федоровны

В ноябре 1905 г. В. Н. Воейков назначен заведовать в полку хозяйством и произведен полковником. Состоял председателем распорядительного комитета особой комиссии Красного Креста по размещению больных и раненых воинов; за полезные труды по этой деятельности ему объявлено в 1906 г. монаршее благоволение и в 1907 г. высочайшая благодарность.

11 августа 1907 г. В. Н. Воейков получил в свое командование лб.-гв. Гусарский полк.

(В. Н. Воейков известен тем, что являлся последним дворцовым комендантом Николая II (с дек. 1913 г.). После 1917 г. эмигрировал из страны. Автор мемуаров "С царем и без царя". Гельсингфорс, 1936. (В 1995 г. эта книга, представляющая большой интерес для современного читателя, была опубликована в Военном издательстве.))

Барон Густав (Густав Карл) Карлович Маннергейм (род. 1867)

Из финляндских дворян, лютеранского вероисповедания.

Барон Густав Карлович Маннергейм
СССР в 1939-1940 гг. и в 1941-1944 гг. (система оборонительных укреплений вдоль границы с СССР именовалась "линией Маннергейма"). После войны в течение двух лет был президентом Финляндии.)

По окончании курса в Гельсингфорсском лицее поступил в 1887 г. в Школу, откуда из эстандарт-юнксов произведен в августе 1889 г. корнетом в Александрийский гусарский полк.

1 декабря 1890 г. прикомандирован и затем переведен в Кавалергардский полк; в 1893 г. произведен поручиком. С сентября 1895 г. по сентябрь 1897 г. командовал полковым обозом, когда командирован для поручений при управлении придворно-конюшенной частью.

В 1899 г. произведен штабс-ротмистром, в 1902 г. - ротмистром. В августе 1903 г. зачислен в постоянный состав офицерской кавалерийской школы.

В октябре 1904 г. переведен в Нежинский драгунский полк подполковником. Участвовал с полком в японской войне и в 1905 г. произведен в полковники.

Женат на дочери кавалергарда Н.У. Арапова.

(Маннергейм известен как фельдмаршал (1933) и главнокомандующий финской армией в войнах против

Павел Петрович Скоропадский (род. 1873)

Из дворян Полтавской губернии, сын кавалергарда.

В 1886 г. определен в Пажеский корпус; в 1891 г. переведен в младший специальный класс; через год произведен в камер-пажи и в августе 1893 г. произведен корнетом в кавалергарды. В декабре 1896 г. назначен полковым адъютантом; в 1897 г. произведен поручиком и в апреле того же года утвержден заведующим полковой школой солдатских детей.

Павел Петрович Скоропадский
св. Анны 3-й ст., св. Станислава 2-й ст., св. Владимира 4-й ст. и золотым оружием.

15 марта 1904 г. переведен есаулом в 3-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. По прибытии на театр войны был назначен адъютантом к начальнику Восточного отряда графу Келлеру, после смерти которого с июля 1904 г. командовал сотней во 2-м казачьем Читинском полку. В мае 1905 г. назначен адъютантом к главнокомандующему.

По окончании войны в ноябре 1905 г. вернулся обратно в Кавалергардский полк, 9 декабря пожалован флигель-адъютантом; 19 декабря принял лейб-эскадрон. Награжден орденами с бантом и мечами:

Женат на дочери кавалергарда П. П. Дурново фрейлине Александре Петровне; имеет детей: Марию, Елизавету, Петра и Даниила.

(В дальнейшем П. П. Скоропадский был одним из организаторов белого движения на Украине в годы гражданской войны. В 1918 г. - гетман "Украинской державы"; в том же году эмигрировал из страны).

Граф Алексей Алексеевич Игнатьев (род. 1877)

**Граф Алексей Алексеевич
Игнатьев**

Сын генерала от кавалерии, киевского генерал-губернатора.

Воспитывался в Киевском кадетском корпусе, откуда в 1894 г. переведен в младший специальный класс Пажеского корпуса. В следующем году произведен в камер-пажи государыни императрицы Александры Федоровны, в 1896 г. - корнетом в кавалергарды.

В 1899 г. поступил в Академию Генерального штаба. Окончил ее в 1902 г. с получением премии имени генерала Леера, за отличные успехи в науках произведен штабс-ротмистром и причислен к Генеральному штабу. В том же году прикомандирован к Офицерской кавалерийской школе на один год; по отличном окончании курса принял для командования 3-й эскадрон лб.-гв. Уланского полка.

В феврале 1904 г. переименован в капитаны и переведен в Генеральный штаб с назначением помощником старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии. В течение кампании исполнял должности обер-офицера для поручений

при штабе главнокомандующего и старшего адъютанта штаба 1-й армии; участвовал в сражениях при Ляояне, Шахэ, Мукдене и награжден орденами св. Владимира с мечами и бантом.

В 1905 г. назначен обер-офицером для поручений при штабе гв. корпуса. В следующем году командирован с высочайшего соизволения за границу и временно исполнял должность военного агента в Париже. В 1907 г. состоял штаб-офицером для поручений при штабе 1-го армейского корпуса.

Из мемуаров кавалергардов

Из "Записок" князя Сергея Григорьевича Волконского

С. Г. Волконский служил в Кавалергардском полку с 1806 по 1813 г. Генерал-майор. Кавалер многих боевых наград, в том числе орденов св. Владимира и св. Георгия. В 1826 г. за принадлежность к тайному Южному обществу лишен чинов, орденов, княжеского титула и дворянства и сослан в Сибирь в каторжные работы на 20 лет. Вернулся в Европейскую Россию в 1856 г.

Начало моего воспитания было домашнее, и, хоть не жалели денежных средств на это, должен сознаться, было весьма неудовлетворительно. Я четырнадцати лет возраста моего поступил в общественное частного лица заведение - в институт аббата Николя - заведение, славившееся тогда как лучшее. Но по совести должен опять высказать, хоть и уважаю память моего наставника, что преподаваемая нам учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедическая. Вышел я из института на восемнадцатом году моей жизни и в начале 1806 г. поступил в Кавалергардский полк поручиком. Тогда начался общественный и гражданский мой быт.

Натянув на себя мундир, я вообразил себе, что я уже человек, и по общим тогдашним понятиям весь погрузился в фрунтовое дело. Первый мой наставник по фрунтовой службе - Александр Иванович Чернышев (умерший уже впоследствии князем и председателем Государственного совета). Часто мне придется говорить об нем и, к сожалению моему, всегда как о шарлатане, без всяких дельных способностей и часто в упречных эгоистических действиях.

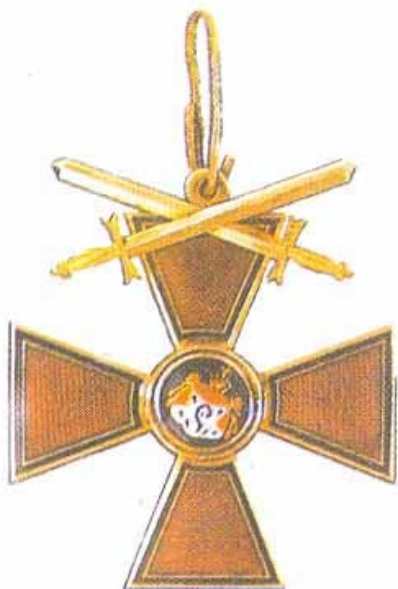
**Князь Сергей Григорьевич
Волконский**

Круги товарищей и начальников моих в этом полку, за исключением весьма немногих, состояли из лиц, выражающих современные понятия тогдашней молодежи. Моральности никакой не было в них, весьма ложными понятия о чести, весьма мало дельной образованности и почти во всех преобладание глупого молодечества, которое теперь я назову чисто порочным. В одном одобряю их - это тесная дружба товарищеская и хранение приличий общественных того времени.

Замечательным человеком был между нами ротмистр (впоследствии полковник) Карл Карлович Левенвольде, положивший свою жизнь в Бородинской битве. Он был замечательное лицо в полковом нашем круге образованностью и рыцарскими понятиями и имел такой вес в обществе офицеров, что суждение его во всяком возникшем деле между нами было для обеих сторон неоспоримый приговор. В числе других товарищей упомяну я о Василии Васильевиче Левашове, к крайнему моему удивлению занимавшему впоследствии места государственные и вовсе не приготовленному к оным. Был также Михаил Федорович Орлов. Лицо замечательное по уму, образованности и сердцу, преисполненному чувством полезного, бывшему впоследствии светилом среди молодежи, но не оказавшему впоследствии того, что ожидали от него при грозных обстоятельствах 1826 г. Был еще среди нас Михаил Сергеевич Лунин, весьма бойкого ума при большой образованности, но бойкой молодецкой жизни, к кото-

рой в то время общая была наклонность. Это лицо впоследствии выказало, во время ссылки в Сибирь, замечательную последовательность в мыслях и энергию в действиях. Он умер в Сибири - память его для меня священна, тем более что я пользовался его дружбой и доверием, а могила его должна быть близка к сердцу каждому доброму русскому.

Во время первого года моего служения самая отличительная и похвальная сторона в убеждениях молодежи - это всеобщее желание отомстить Франции за нашу военную неудачу в Аустерлице. Это чувство преобладало у всех и каждого и было столь сильно, что в этом чувстве мы полагали единственно наш гражданский долг и не понимали, что к Отечеству любовь не в одной военной славе, а должна бы иметь целью поставить Россию в

*Знак ордена св. Владимира
с мечами*

гражданственности на уровень с Европой и содействовать к перерождению ее сходно с великими истинами, выказанными в начале французской революции, но без увлечений, ввергнувших Францию в бездну безначалии. Честь и слава многим падшим жертвам за святое дело свободы. Но строгий приговор тем, которые исказили великие истины той эпохи.

При конце 1806 г. опять возгорелась война с Францией, и кто мог участвовать в оной из петербургской молодежи, спешили быть причислены к действующей армии. Я был в числе счастливых и был назначен адъютантом к графу Михаилу Федотовичу Каменскому, человеку с большой образованностью и военными достоинствами, но дряхлому, заносчивому и часто безрассудно вспыльчивому. Он выехал из Петербурга в ноябре месяце в уверенности, что армия, ему вверяемая, была снабжена всем тем, что необходимо для военных действий и продовольствия оной. Прибыв в Ригу,

прибыв в Вильно, прибыв в Гродно - главные места выказанных ему мест запасов, он убедился, что все сказанное ему было ложь.

Продолжил свой путь до главной квартиры Беннигсенова корпуса в Остроленке и при первом обзоре войск нашел в армии загроможденные гошпитали больными без средств лечения и продовольствия. Запасы для войск продовольственные истощенные, подвозы оных неустроенные, парки недостаточно снабженные и без средств возобновления. Одним словом, армия в ужасном расстроенном положении.

Эти впечатления при пылком его характере ввергли его в безрассудную отчаянность, и он при дряхлости своих лет, не выдержав двухсуточный объезд верхом аванпоста, не только морально, но и физически упал духом, отдал приказ по армии, чтоб все корпуса отступали бы без боя к городу Гродно, не жалея потери пушек и обозов, и старались довести людей и что по прибытии в Гродно он займется сформированием на новых началах армии. И вследствие принятого им решения, в то время как звук пушечных выстрелов французской армии раздавался на высотах пултускской позиции, он, начальник армии, сел в перекидную с адъютантом его и моим товарищем Валуевым и оставил армию, вступающую в битву с неприятелем.

На берегу Немана, против Тильзита, был расположен лагерь вновь пришедших башкирских казачьих полков. Странность наружности и обычаев их весьма занимала посещающих французов, и как эти башкирцы были вооружены кроме обыкновенного огне-

стрельного и белого оружия луками и стрелами, французов весьма занимали игрища их этим незнакомым для них оружием.

Наполеону желательно было увидеть Платова, и император Александр призвал его в Тильзит и представил Наполеону. В числе свиты Платова был переодетый в казачий мундир английский полковник Вильсон, желавший под этим маскарадом увидеть Наполеона без огласки его личности. Многим из нас желательно было удовлетворить подобное любопытство, и как затруднительно было получить гласное на это позволение, то помню, что я и товарищ мой князь Лопухин, надев платье прусских крестьян, успели переехать на французский берег в виде торгующих съестными припасами и имели случай видеть Наполеона, который ежедневно в сопровождении императора Александра и с обеими их свитами делали прогулки то в лагерь вышеозначенного русского конвоя, то по лагерям французских войск. Были обоюдные смотры, и на одном из них, в память события свидания, Наполеон украсил грудь флангового гренадера Преображенского полка солдатским знаком Почетного легиона.

В числе эпизодов этого времени было угощение русского конвоя как высших, так и нижних чинов в лагере французской гвардии и потом угощение французской гвардии в лагере, занимаемом Преображенским батальоном и лейб-гусарским эскадроном. При обоих этих празднествах присутствовали сами венценосцы.

В скором времени мы узнали, что мир заключен, и нашей армии дано было распоряжение о возвращении в российские пределы. Эта весть так не была по сердцу любящим славу России, что вспоминаю я, что, живши на бивуаке и пригласивши к себе знакомого мне товарища из свиты Беннигсена молодого барона Шпрингпортена, с горя (по русской привычке), не имея других напитков как водку, выпили вдвоем три полуштофа гданской сладкой водки.

Беннигсен при приказании отступления всех войск в Россию удален был от командования оными, и всем лицам, состоящим в его свите, приказано было явиться в соответствующие им полки, и я в том числе явился во фронт в Кавалергардский полк, который также через несколько дней после получил приказание следовать общему движению.

Нам предстояло до русской границы четыре перехода. Будущность тяжелой казарменной петербургской жизни, предстоящие опять тяжелые фрунтовые занятия, манежная езда, учение так подействовали на наших солдат, что в этом отборном войске родилось отчаяние и на первом ночлеге оказались дезертиры. Для охранения от этого на втором переходе бивуак был окружен ночью цепью, но и с одной оказались побег, и в четыре перехода исчислено побегов около ста человек.

В течение обратного марша до Петербурга нечего замечательного сообщать, тем более что я из Поневежа выпросил себе позволение ехать к брату моему Репнину в Москву и, пробыв у него две недели, явился опять в полк, уже прибывший тогда в г. Псков. В эту поездку мне одно только памятно, что из Новгорода я поехал почтовым трактом уездным, не заезжая в Петербург, прямо в Псков. Этот тракт, устроенный еще в царствование Елизаветы Петровны тогдашним способом - деревянной мостовой кругляком, в течение четырех царствований ни разу не был починен и так был худ, что просто каторга была на нем ехать перекладной, и я три станции просто шел все пешком. Поправлен ли был этот тракт потом, мне неизвестно, но при общей беспечности устройства наших путевых сообщений вряд ли он и теперь улучшен, разве случились по одному высочайшие проезды. Из Пскова я шел с полком до Петербурга, и после восьмидневной стоянки в окрестностях города полк вошел в город, вступил в свои казармы, и в первую ночь вступления один кавалергард из нижних чинов повесился, вероятно, из отчаяния от мысли предстоящей ему каторжной жизни.

Тут настает мне совершенно другая жизнь, уже не полная боевых впечатлений, а просто тяжелая фруктовыми занятиями и пустая в общественном быте, но постараюсь, хотя бегло, и об одной кое-что изложить.

Хотя Кавалергардский полк, в котором я служил, славился составом корпуса офицеров, но в общем смысле моральной жизни не могу ничего сказать хорошего. Во всех моих товарищах, не исключая и эскадронных командиров, было много светской щепетильности, что французы называют *point d'honneur* (*Вопрос чести (фр.)*), но вряд ли кто бы выдержал во многом разбор собственной своей совести. Вовсе не было ни в ком религиозности, скажу даже, во многих безбожничество. Общая склонность к пьянству, к разгульной жизни, к молодечеству, *des goûts de joyissements anti-naturelles dont on se pavanait*

На чужих берегах

même (*Склонность к противоестественным утехам, которой даже похвалялись (фр.)*).

Корпус офицеров делился на два отдела под названием бонтонный и мовежанрский (*От фр. bon ton - хороший тон; mauvais genre - дурной тон*). Между этими двумя отделами была резкая особенность, но этот раздел мгновенно сливался, как скоро шла речь об каком-либо деле, относящемся до чести полка и мундира или защиты обиженного офицера начальством.

Хоть один из вышеозначенных отделов и назывался бонтонным, но за весьма малыми исключениями наша жизнь была более казарменной, нежели столично-светской. Нашим старостой был Левенвольде, о котором я уже говорил. Ежедневно манежные учения, частые эскадронные, изредка полковые смотры, вахтпарады, маленький отдых бессемейной жизни; гулянье по набережной или бульвару от 3 до 4 часов; общей ватагой обед в трактире, всегда орошенный чрез край вином, не выходя, однако же, из приличия; также ватагой или порознь по борделям, опять ватагой в театр, на вечер к Левенвольду или к Феденьке Уварову (Федор Семенович, родной брат Сергея Семеновича, бывшего

министра просвещения), а тут спор о былом, спор о предстоящем, но спор без брани, а просто беседа. Едко разбирались вопросы, факты минувшие, предстоящие, жизнь наша дневная с впечатлениями каждого, общий приговор о лучшей красавице; а при этой дружеской беседе поливался пунш, немного загрузнели головою - и по домам.

Другой отдел - мовежанрский - вполне заслуживал это название; тут часто и не соблюдалось приличия: картеж, пьянство и беззазорное блядовство - занятия при досужных от службы минутах. Но и тут в деле общем, полковом, при отстаивании обиженного офицера, при деле, относящемся до чести мундира полка, оба отдела заедино действовали дружно.

В числе первого отдела, как я сказал выше, были некоторые, которые более могли быть названными бонтонными, как посещающие *les salons huppés de la capitale* (*Аристократические салоны столицы (фр.)*). Это были: Левашов, Федор Александрович Уваров (*surnomme le noir, vu son teint et cheveux* (*Прозванный черным за свой цвет лица и волосы (фр.)*)), Балабин, Васильев и Орловы - Михайло и Григорий, которые, однако ж, были чисто нашего отдела, исключая вечерних их выездов, которыми даже иногда жертвовали в нашу угоду.

Об Левашове что сказать? - хоть умный малый, но был тогда и остался и после фанфароном. Черный Уваров - добрый и честный малый, но с большими претензиями к уму и красоте: не без первого, но вовсе не с последней, *et très susceptible, ce que lui donnait une teinte d'être bretteur* (*И очень обидчивый, что придавало его поведению оттенок бретерства (фр.)*). Петр Иванович Балабин - человек дельный, образованный, *mais un peu trop marquis* (*Но немного слишком маркиз (фр.)*), а товарищ, начальник чудный. Граф Васильев - *bel esprit, bonne tournure, esprit mordant, mais peu aimé par nous* (*Остряк, с пре-*

красной выправкой, с язвительным умом, но не очень любимый нами (фр.). Что же относится до Орловых, Михайло тогда, как и после, во всех обстоятельствах своей жизни (кроме одного, о котором буду говорить гораздо позже) из общего ряда вон по красоте, по уму, по образованности, по доброму сердцу, а брат его Григорий - "тех же щей, но пожиже", как говорит пословица.

Между нами вовсе не было карточной игры, но затягивали нас два записных игрока в нашем полку и, не будь сказано в обиду памяти обоим, оба, как кажется, шулеры. Они оба умерли, один - с честью на поле брани, другой - обычной смертью, и если я об этом упоминаю, это чтоб выказать странное мнение тогдашнего времени. Шулерничать не было считается за порок, хотя в правилах чести были мы очень щепетильны. Еще другое странное было мнение - это что любовник, приобретенный за деньги, за плату (*amant entretenu*), не подлое лицо. Теперь в обоих случаях судят иначе - и честь теперешнему времени.

Но хоть я не люблю о себе говорить, нельзя же не сказать словечка. До поездки в армию я был посетителем гостиных не так по собственному желанию, как по требованию матушки моей. Возвратясь из армии, *je suis revenu emancipe sur une aveugle obéissance a ma mere* (Я вернулся освобожденным от слепого повиновения моей матери (фр.)). Прежде сидел на квасе или *sur de l'eau rougie* (На подкрашенной воде (фр.)), теперь - бокал в один глоток и чупурку водки также. Прежде - куда обедать едет маменька, и я туда следом. Приехав из армии, иное: помню, как удивило матушку мою, что пью за фриштеком водку, за обедом голое вино, а уж чтоб следовать ее поездкам, и в мысли не было. Не хвалю во все себя, но не хвалю и прежнюю надо мною взыскательность; то и другое должно иметь меру,

Мой быт служебный, общественный был подобен быту моих сослуживцев, однолеток: много пустого, ничего дельного. Кичились быть хорошими фрунтовиками, хоть по опыту видели во время войны, что не в этом дело в военном ремесле. Книжки забытые не сходили с полок. Одним я теперь горжусь былым временем - это общий порыв молодежи всех слоев желать отомстить французам за стыдное поражение наше под Аустерлицем и Фридрихландом.

Это чувство было так сильно в нас, что мы оказывали ненависть французскому посланнику Коленкуру, который всячески старался сгладить это наше враждебное чувство светскими учтивостями. Многие из нас прекратили посещения в те дома, куда он был вхож. На зов его на бал мы не ездили, хотя нас сажали под арест, и между прочими нашими выходками негодования было следующее. Мы знали, что в угловой гостиной занимаемого им дома был поставлен портрет Наполеона, и под ним как бы тронное кресло, а другой мебели не было, что почли обидой народности. Что ж мы сделали? Зимней порою в темную ночь несколько из нас, сев в розвальни, поехали по Дворцовой набережной, взяв с собою удобнометательные каменья, и, поравнясь с этой комнатой, пустили в окна эти метательные вещества, и цельные окна - зеркальные стекла были повреждены, а мы как говорится французами, *fouette cocher* (И след простыл (фр.)). На другой день жалоба, розыски, но донныне вряд ли кто знает, и то по моему рассказу, кто был в санях, и я в том числе.

Полагая себя человеком, героем, потому что понюхал пороху, как не быть влюбленным при мирной столичной жизни? И первый предмет, могу сказать, юношеского моего любовного порыва была весьма хорошенькая троюродная мне сестра, княжна Мария Яковлевна Лобанова-Ростовская, которая имела такое милое личико, что, об ней говоривши, ее называли *une tete de Guide* (Головка Гвидо (фр.)). Не я один ухаживал и поэтому имел для меня ненавистное лицо - более счастливого в поисках Кирилла Александровича Нарышкина.

Придаться без всякой причины к нему, вызвать его на поединок с надеждою ему преградить путь и открыть его себе было минутное дело, подтвержденное на другой день письменным вызовом.

Странное обстоятельство, что в этот день было три вызова: мой, другой - князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского к князю Кудашеву и полковника Арсеньева к графу Хрептовичу, и что переговоры по всем трем вызовам были у графа Михаила Семеновича Воронцова. Первые два кончили примирением. Мой антагонист мне поклялся, что не ищет руки моей дульциней, а год спустя на ней женился. Второго вызова причину должен утаить, как очернившую память одной женщины. Но не удалось графу примирить третий, и вот причина этого вызова.

Арсеньев был уже давно влюблен и искал руки фрейлины великой княгини Анны Федоровны - девицы Ренни. Его желания были увенчаны успехом, он был объявлен ее женихом, и государь император, отлично к нему расположенный как к человеку, вполне это заслуживающему, благоволил при объявлении Арсеньевым о предстоящем ему счастье, как человеку весьма ограниченному в средствах жизни, дать ему аренду или денежные средства. Эта помолвка получила полную гласность.

Едва несколько дней по одной граф Хрептович, богатый помещик польский, влюбленный также в девицу Ренни, не принимая в уважение бывшую помолвку, себя предложил в соискатели руки этой молодой девушки. Мать ее, прельщенная богатством Хрептовича, уговорила свою дочь отказать уже в данном с ее согласия обещании Арсеньеву и принять предложение Хрептовича. Арсеньев, обманутый в своих ожиданиях, не вынес этой обиды и вызвал на поединок Хрептовича, и вызов был принят этим последним. Дуэль была на пистолетах, секундантом у Арсеньева был граф М. С. Воронцов, а у Хрептовича граф Моден. Арсеньев был убит на месте.

Весь Петербург, за исключением весьма малого числа лиц, вполне оправдывал Арсеньева и принимал в постигшей смерти Арсеньева душевное участие. Его похороны почтила молодежь петербургская присутствием своим, полным участия, и явно осуждала

Офицер Кавалергардского полка

Хрептовича и тех лиц, которые своими советами участвовали в склонении матери и девицы Ренни к неблагоприятному отказу Арсеньеву. Хрептович, как осужденный общим мнением, выехал из Петербурга, но семейство Ренни поехало вслед за ним в его поместье, и там совершилось бракосочетание.

При сем случае скажу, что в царствование Александра Павловича дуэли, когда при оных соблюдаемы были полные правила общепринятых условий, не были преследованы государем, а только тогда обращали на себя взыскание, когда сие не было соблюдено или вызов был придиркой так называемых *bretteurs* (*Бретер (фр, brette - unaga) - заядлый дуэлянт, задира, скандалист*), и в этих случаях отсылали таковых на Кавказ. Дуэль почиталась государем как горькая необходимость в условиях общественных. Преследование как за убийство не признавалось им в его благородном понятии

правильным. Эта мера взыскания не остановит обиженного. Лучший способ к отстранению оного - это решение *d'un jugement d'honneur* (*суда чести*) и поставить в обязанность беспрекословно повиноваться оному.

Изложив некоторые эпизоды той современности, не относящиеся до рассказа обо мне, опять обращаюсь собственно к дневнику моему о себе.

Неудачное мое ухаживание за княжной не вразумило мое пылающее молодое сердце к новой восторженности любовной, а частые встречи у одной моей родственницы в общих съездах отборной публики петербургской воспламенили мое сердце тем более, что я нашел отголосок в сердце той, которая была предметом моего соискания. Не назову ее,

она вышла замуж, но еще недавно, по прошествии 35 лет, она мне созналась, что питала ко мне любовь и всегда хранила чувство дружбы.

Эта особа, приятная собою, не имела денежного состояния, а матушка моя столь явно и гласно выказывала ее родным, что она не желала этого союза, что мать той, которую я не называю, просила меня приехать к ней, хотя я и не ездил к ним в дом. Приглашение это возродило во мне много мечтаний; в назначенный час я явился, но, увы, от нее услышал, что явное и гласное противодействие моей матери против исполнения моего соискания, которое она, впрочем, очень ценит, поставляет ей в обязанность просить меня прекратить мое ухаживание за ее дочерью и что она никогда не согласится передать свою дочь в другую семью, где бы ее не приняли радушно.

Пораженный этим, как громовым ударом, я по чистоте моих чувств исполнил ее волю, но в сердце моем хранил то же чувство. Выход замуж предмета моей любви отдал мне свободу сердца, и по влюбчивости моей недолго оно было свободно и воспламенилось снова, и опять с успехом к прелестной Е. Ф. Л. Тут я встретил тот же отголосок к моим чувствам и те же предрассудки моей матери, и снова все мои мечтания, увы, как я говорил, не исполнились. Эта особа красотою своей пленила одну коронованную главу, но с чистейшим уважением, без всякого покушения на честь.

В то же время была со мною служебная неприятность. На полковом учении шефу полка Уварову показалось, что я ошибся в фрунтовом деле, чего не было, и закричал командуемому мной взводу: "Давить Волконского!" Обиженный этим, я тут же слез с лошади, пошел на полковую гауптвахту и караульному офицеру отдал мой палаш, сам себя объявив арестованным. Караульный офицер, как добрый товарищ, упрасивал меня не давать дальнейшего хода моему решению.

После учения пришли ко мне добрый полковой командир Депрерадович, эскадронный командир и много офицеров уговаривать меня в неприятии слов Уварова в обиду. И как от меня не принимали моего палаша, я объявил, что как во мне обижен мундир, я его не могу носить и подам просьбу к выходу из армии. И точно подал оную, но получил ее с выговором как поданную не в законном порядке. Я еще прежде рапортовался больным и продолжал это, имея твердое намерение дожидаться сентября и возобновить мою просьбу. Но встретившееся обстоятельство понудило меня рапортоваться здоровым.

Прибыл из армии Наполеона из Испании товарищ мой А. И. Чернышев. Я с ним тогда был дружен, и любопытство о событиях, которым он был свидетелем, возродило во мне желание его посетить. Поехал к нему, сию, расспрашиваю, как вдруг входит шеф Уваров: скрыться мне не было возможно. Посидев еще немного, я удалился и тут же, чтобы не попасть под законное взыскание, рапортовался здоровым. И как стоящий ближе всех на очереди был по приказу полковому назначен на вступление в полковой караул, куда и вступил на другой день.

Уваров приехал смотреть манежную езду, я уже стоял в карауле. И как он приехал к манежу с науличной стороны, то не ехал мимо меня. По окончании езды он обращается к Депрерадовичу и говорит: "Кто у вас в карауле?" - что он должен был знать по рапортичке дневной - и говорит: "И вы не заметили, что у него усы?" (которых тогда кирасиры не носили). "Я его еще не видел, - отвечал Депрерадович, - но уверяю, что Волконский примерный у нас офицер, строго соблюдает форму". "Увидим, - отвечал Уваров, - и вас и его уличу".

Во время сего разговора Колычев, товарищ мой, ускользнул из манежа и прибежал с вестью сказанного ко мне. У меня точно в слабом виде усов был пушок на губе, я взял у кавалергарда что-то похожее на бритву, выскоблил с болью усы и, когда подошел Уваров, отдал ему честь, и он остался в дураках, а Депрерадович за меня восторжествовал. Этот длинный рассказ поместил *in extenso* (столь пространно) не то чтоб он был интересен, но как доказательство, как мы были щепетильны в сношениях наших с начальниками и какая была у нас товарищеская связь.

Еще несколько слов о нашем товарищеском быте. Кавалергардский полк выходил тогда на травяное довольствие лошадей на шесть недель, и в течение таковой стоянки офицеры жили артелями. Помню, что в один год одной мы жили пятеро вместе, Чернышев, два Каблуковых, князь Лопухин и я. Для нашего жилья мы занимали сарай крестьянский, довольно удобно нами убранный. Мы носили еще тогда пудру; в Новой Деревне мы могли не пудриться, но, въезжая в город, надо было пудриться. У четырех из нас это происходило без больших сборов, часто и на чистом воздухе, кое-как, но у Чернышева это было государственное общественное дело, и как при пудрении его головы происходил просто туман пудренный, то для охранения нас от этого тумана и в угоду ему отведена была ему изба для этого великого для него занятия, высоко им ценимого. Чтоб - не в обиду ему будь сказано - на пустой его голове пудра на волосы легла ровными слоями. И как не сказать, что тогда, как и впоследствии, пускать пыль в глаза, и то чужими руками, было главным для него делом.

На следующий год или прежде вышесказанного, что я не упомяну, во время травяного довольствия я жил с Луниным уже не в Новой Деревне, а на Черной речке напротив Строганова сада, где мы наняли красивые избушки, обе рядом с дачей Бахарата.

Мы оба были большие повесы, да и вправду сказать, и не только молодежь, но и прочие товарищи, даже и эскадронные командиры, любили и пошалить и покутить. Вот несколько подробностей о нашей шумной жизни.

Лунин и я жили вместе. Кроме нами занимаемой избы на берегу Черной речки против нашего помещения была палатка, при которой были два живых на цепи медведя, да у нас девять собак. Сожительство этих животных, пугавших всех прохожих и проезжих, не-

мало беспокоило их и пугало их тем более, что одна из собак была приучена по слову, тихо ей сказанному: "Бонапарт" - кинуться на прохожего и сорвать с него шапку или шляпу. Мы этим часто забавлялись, к крайнему неудовольствию прохожих, а наши медведи пугали проезжих.

В один день мы вздумали среди белого дня пускать фейерверк. В соседстве нашем жил граф Виктор Павлович Кочубей, и с ним жила тетка его Наталья Кирилловна Загряжская, весьма умная женщина, которая пугалась и наших собак и медведей. Пугаясь фейерверка и беспокоясь, она прислала нам сказать, что фейерверки только пускаются, когда смеркнется, а мы отвечали ее посланному, что нам

**Император Александр I и императрица
Елизавета Алексеевна**

любо пускать их среди белого дня и что каждый имеет у себя право делать что хочет. Эта старая чопорная и несносливая женщина хотела на нас жаловаться, но граф ее удержал из снисхождения и даже защитил нас от негодования старухи.

В другой раз в вечернюю общую программу мы, по научению принца Бирона, нашего сослуживца, вздумали для забавы гуляющей в тот день девицы Луниной, за которую он волочился, дать ей неожиданную серенаду. И вот вся наша шумная ватага, каждый с инструментом, на котором он умел играть, вскарабкалась на деревья, которыми обсажена была речка, и загудела поднебесный концерт, к крайнему неожиданному прохожего общества.

В другой раз мы вздумали дать серенаду императрице Елизавете Алексеевне, которую вся молодежь любила, особенно от горькой семейной ее жизни с императором Алек-

сандром. Мы взяли две лодки, взяли с собой на чем умели играть и из Новой Деревни, где было наше соединение, поплыли против Каменного острова, где было пребывание государя и императрицы, и загудели серенаду, но, увидевши, что с потешной флотилии на нас пустили двенадцативесельный катер, мы успели приплыть в устье Черной речки, и как наши лодки были мелководные, то катер по мелководью не мог нас достичь, и мы выскочили из наших лодок, дай бог ноги, и тем кончилось безнаказанно наше похождение.

На Черной речке жил также товарищ мой по полку Балуев, малый, любивший кутеж. Он дал товарищам кутежный обед, который продолжался и ужином. Все мы были очень грузны и когда заметили, что один из наших эскадронных командиров тишком ускользнул из среды нас, то решено было его воротить. И некоторые из нас, как мы были уже полураздетые, сев без седел на лошадей, и я в том числе, пустились за ним. Этот эскадронный командир Александр Львович Давыдов, женатый, жил на даче на Карповке. Мы пустились во весь скач за ним, и как со Строгановского моста запрещено было прямо ездить чрез Дворцовый двор, мы, несмотря на это, пустились чрез него во весь скач и уж далеко были, когда пустились за нами вдогонку. Приехав на дачу Давыдова, там уже все спали; и нам сказали, что Давыдов уже в спальней своей жены. Нас это не остановило, и общим криком "давайте нам беглеца, он наш" вынудили Давыдова выйти, и по усиленной его просьбе, заставя его просить у нас прощения, оставили его в покое и уже круговым объездом воротились продолжать наш кутеж.

Этого рода кутежи довольно часто возобновлялись. Помню, что - по какому случаю, я не упомяну - был полный обед в Новой Деревне. На оном присутствовал и полковой наш командир Николай Иванович Депрерадович. Шампанское лилось рекою. Обыкновенное было не ставить шампанское, но ставить ящики под стол *a discretion* (сколько угодно, волюю). Обед продолжался долго, и зело все нагрузились, и зачали все ловкостью в прыганье отличать, и в том числе и Депрерадович. Об этом упоминаю тип нашего тогдашнего времени: в служебном отношении строгая субординация, но вне оной все равны.

Прежде нежели описывать мой быт уже в флигель-адъютантском звании, обращусь к некоторым обстоятельствам полкового нашего быта, как мерилу образа мнений и духа, общих между нами. Как ни была строга служебная дисциплина и как ни свято мы исполняли все служебные обязанности, довольно скучные и часто, по их мелочности, довольно тягостные, и исполняли не из страха, а просто как долг при ношении мундира, но в мнениях и суждениях мы были независимы. Вот тому несколько примеров.

1-е. Обыкновенно ежедневно при хорошей погоде в зимнее время все высшее петербургское общество прохаживалось по так называемому в то время "царскому кругу", то есть по Дворцовой набережной и, минуя Летний сад, по Фонтанке до Аничкова моста и потом по Невскому проспекту обратно до дворца Зимнего. Обыкновенно от двух до половины четвертого император Александр то пешком, то в санях посещал прогулкой эту местность. Цвет дам высшего света и иностранного купечества, царедворцы всяких категорий и слоев постоянно посещали эту местность. Первые с мыслями обратить на ими выказываемые прелести внимание царя, другие, то есть царедворцы или искатели мест, вытаптывали себе почву к возвышению в ожидании милостивого кивания головой, или высокой милости, или словечка, или пожатия руки. Но нашим предметом было появиться дружеской гурьбою четырех или шести товарищей, шедших рядом рука об руку. Мы туда являлись, чтобы посмеяться над ищущими приключений и столь дорого ими ценимыми, и частью чтобы им и царю доказывать, что вне службы мы независимые люди.

Понял ли сам это царь или передана ему была довольно гласная и неосторожная наша болтовня, но мы убедились, что царь, издавелека завидев нас, уже к минованию встречи с нами оборачивал голову в другую от нас сторону и не отвечал учтивостью на деланный нами фронт и жест руки к шляпе. И это негодование разразилось неприятностью на

нашем полковом командире, которому велел государь сказать чрез шефа нашего и его генерал-адъютанта Уварова, что Депрерадович составил ему не корпус офицеров, но корпус вольнодумцев.

Невский проспект у Аничкова моста в Санкт-Петербурге

Это весьма нелестное для доброго нашего старика командира замечание весьма его огорчило, и он, собрав весь корпус офицеров, передал нам словесно полученный им выговор, и с обыною его добротою нам сказал: "Ваш язык - ваш враг", и вместе объявил, что, к сожалению его, полученный им выговор заставил его подать в отставку, хотя он нас любит и уважает.

Вслед за сим весь корпус офицеров, за исключением только трех лиц, решили просить Депрерадовича не покидать нас и общей дружиной пошли к нему с просьбою взять ему обратно поданное им прошение. Старик, тронутый до слез этим общим порывом нашим, отвечал нам, что, подав прошение, не может лично от себя просить о возврате оногo ему. Но тут было решено нами послать к Уварову от корпуса офицеров депутацию с просьбою, чтоб он не давал хода прошению любимого нами начальника и возвратил бы оногo ему. И в пику тем трем из наших однослуживцев, отставших от нас, их и выбрали к посылке к Уварову, в исполнении чего не могли отказать, а меня послали соглядатаем, чтоб исполнили в точности поручение. Прощение было возвращено, мы поставили на своем, а остальным дали урок...

2-е. Исполняя неуклонно все обязанности службы и тем охраняя себя от служебных взысканий, мы очень были щепетильны насчет служебных и незаслуженных вспышек начальников. Первые переносили, когда не было в них личной обиды, но по незаслуженным - не только лично каждый, но и весь корпус офицеров умели дать голос отпора.

Теперь обращусь к быту моему как флигель-адъютанта государя. Как скоро я успел натянуть на себя новый мундир, я представился царю. Прием его был весьма сух по причинам вышеозначенным. Это нерасположение еще более усилилось разными моими шалостями, между ними следующими двумя.

Одна из них была общая шалость многих современников и сослуживцев. Станислав Потоцкий созвал многих в ресторан обедать, под пьяную руку мы поехали на Крестовский. Это было в зимнее время, был день праздничный, и кучи немцев там были, и забавлялись катаньем с гор. Нам пришла мысль подшутить над ними: мы разделились на две

шайки и заняли платформу гор и, как садится немец или немка на салазки, толкали салазки из-под них ногой - любители катанья отправлялись с горы уже не на салазках, а на гузне. Немцы разбежались и, вероятно, подали жалобу; нас была порядочная ватага, но на мне одном оборвался взыск, и Балашов, тогдашний генерал-губернатор петербургский и старший в чине генерал-адъютант, вытребовал меня и объявил мне от имени государя высочайший выговор.

Другая шалость была у меня в доме. Я жил на Мойке в доме матери в нижнем этаже, при въезде в ворота от пушинского дома. На одной лестнице со мною жила французженка, любовница Ивана Александровича Нарышкина - обер-церемониймейстера. Я имел причины ему и его жене *faire une niche* (*сыграть шутку*). Узнав, что он украл у жены своей собачку комнатную и подарил эту собачку своей любовнице, я украл у нее эту собачку

На островах в Санкт-Петербурге зимой

с намерением переслать оную Нарышкиной. Aussi tôt dit – aussi tôt fait (*сказано - сделано*), и собака у меня спрятана на отсыле. Но французженка узнала, что она у меня, и прислала какого-то француза вытребовать ее. Явился француз; узнав, что он хочет говорить о собачке, отнекиваясь, но поганая собачка залаяла в своем запоре и меня выдала в похищении. Француз говорит, *qu'il*

saura defendre les droits de Madame (*что он сумеет зацтитить права госпожи*), а я ему в ответ, как он смел взойти ко мне без доклада, *et que je lui ferai compter les marches de mon escalier* (*что я заставлю его пересчитать ступеньки моей лестницы*), и закричал: "Люди, в шею этого гологуза". Его вытолкали, но он прямо к Балашову. Подано было все это в дневной записке царю, и меня, бедного Макара, - на три дня комнатного ареста; может быть, и был бы больший взыск, но благодаря заступничеству после трех дней ареста меня выпустили. Но все эти оказии не были мне сручны в мнении о мне государя.

Служба моя дворцовая мало имела значительного, стоящего к повествованию. Тогда не было и 24 флигель-адъютантов, а не сотня и более, как теперь. Многие деловые, как Альбедиль, Кикин и другие, часто имели поручения. Чернышев, Горголи и брат мой Никита употреблены были по заграничным поездкам, нас на постоянной службе при царе было немного. Как придется дежурить в воскресенье, то посылали дежурного за Коленкуром, послом французским, с сообщением, что государь его ждет для выезда на воскресный парад. Честолюбивый представитель Наполеона выжидал всегда приглашения, но, всегда готовый к выезду, никогда не заставлял ждать к докладу и обращался с нами весьма вежливо. У дворца стоял всегда сторожевой, который давал знать, что выехал посол, и тогда государь, уже готовый, спускался с лестницы, и таким образом ни царь его не ждал, ни посол не выжидал царя.

В числе сотоварищей моих по флигель-адъютантству был Александр Христофорович Бенкендорф, и с этого времени были мы сперва довольно знакомы, а впоследствии в тесной дружбе. Бенкендорф тогда воротился из Парижа при посольстве и, как человек мыслящий и впечатлительный, увидел, какие услуги оказывает жандармерия во Франции. Он полагал, что на честных началах, при избрании лиц честных, смысленых, введение этой отрасли соглядатайства может быть полезно и царю, и Отечеству; приготовил проект о составлении этого управления, пригласил нас, многих его товарищей, вступить в эту когорту, как он называл добромыслящих, и меня в их числе. Проект был представлен, но не

утвержден. Эту мысль Александр Христофорович осуществил при восшествии на престол Николая, в полном убеждении, в том я уверен, что действия оной будут для охранения от притеснений, для охранения вовремя от заблуждений. Чистая его душа, светлый его ум имели это в виду, и потом, как изгнанник, я должен сказать, что во все время моей ссылки голубой мундир не был для нас лицами преследователей, а людьми, охраняющими и нас, и всех от преследований...

Из "Полковых воспоминаний" графа С. Д. Шереметева

Зачисление меня в Кавалергардский полк состоялось 12 июня 1863 г., а 15 июня записано было в полковом приказе: "Прибывший к полку камер-паж граф Шереметев зачисляется налицо и записывается в эскадрон Его Величества". 23 июня полковой адъютант сообщил мне, что "вследствие отношения к корпусному штабу следует носить палаш на золотой портупее по образцу офицерской портупеи лб.-гв. Конного полка".

Еще в мае месяце перебрался я в Царское Село, где нанял дачу на Малой улице, рядом с дачей полкового командира князя В. И. Бярятинского.

Почти насупротив меня в небольшой даче с мезонином и с балконом жил полковой адъютант Б. А. Звегинцов. Мне казалось, что я выбрал самое лучшее место. Дача была действительно удобная, хотя и чересчур просторная. Сад ее сходилсЯ с соседней дачей, в

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев

которой поселилось семейство барона Модеста Андреевича Корфа, тогда еще управлявшего вторым отделением Е. И. В-ва канцелярии.

Князь Бярятинский, всегда относившийся ко мне приветливо, нередко приглашал меня к себе. Княгиня была всегда очень благосклонна и гостеприимна. Со дня же вступления моего в полк отношения эти, понятно, несколько изменились, и я в скором времени мог усмотреть, насколько неудобно было молодому офицеру проживать около полкового командира.

Меня зачислили в лейб-эскадрон, которым командовал тогда флигель-адъютант полковник Амбразанцев-Нечаев. 2-м эскадроном командовал граф Протасов-Бахметев, 3-м - Антон Желтухин, 5-м резервным - полковник Гревс. Эскадроны были расположены по соседним деревням. В Большом Кузьмине стоял первый дивизион и там же за церковью резервный эскадрон. Второй дивизион стоял в Редком Кузьмине. Полк вообще тогда не был богат офицерами: незадолго перед тем граф Бреверн был назначен начальником штаба.

Князь Бярятинский старался привлечь побольше молодежи. Благодаря ему, и в особенности брату его фельдмаршалу, государю Александру II угодно было выразить отцу моему свою волю, чтобы я поступил в Кавалергардский полк. Отец был доволен, а я уже давно наметил себе этот полк, который в семье нашей почитался родным.

Таким образом, поступление мое в кавалергарды состоялось при самых благоприятных условиях. Дядя мой С. С. Шереметев, также старый кавалергард, принял самое живое участие в моем поступлении; он же повез меня представиться своему старому товарищу и приятелю Гревсу. Последний справедливо почитался в полку взыскательным и строгим; он принадлежал к старой школе и недолюбливал маменькиных сынков и балов-

ней; вообще он держался вполне самостоятельно. Довольно язвительный, он мог быть иногда очень неудобен, и его вообще остерегались.

Меня он принял как родного, не столько ради покровительства дяди, сколько по родству моему с Василием Алексеевичем Шереметевым, которого Гревс горячо любил как одного из ближайших ему товарищей.

Одно слово "Вася" производило на Гревса магическое впечатление. Любил он вспоминать общую с ним молодость, и сумрачное строгое лицо его тогда светлело. Он становился разговорчив, забавен и очень привлекателен; со дня этого первого моего посещения он стал оказывать мне расположение. Станным может показаться, но мне с ним было легче, чем с иными.

Одновременно со мною в 1-м эскадроне офицерами 1863 г. были Н. Чарыков и М. Скобелев, а юнкером - И. Арапов. Меня поставили на второй взвод, Чарыков командовал первым, Скобелев - третьим.

В то время еще свежи были воспоминания об императрице Александре Федоровне, всегда неизменно благоволившей к полку. Всего три года прошло со дня ее кончины; многие вскоре за тем вышли из полка; но в нем еще уцелели современники шефства покойной императрицы, и память о ней сохранилась, да вряд ли когда-нибудь забудется ее светлый образ, а главное - ее живое и сердечное отношение ко всему, что касалось полка. Мне с детства припоминаются ее слова: "Ты будешь кавалергард!"

С самых молодых лет слышал я в семье немало живых воспоминаний о прошлой жизни полка, и прежде всего от отца, который любил рассказывать о счастливых годах, им проведенных в полковой среде, о Польском походе, о коронации 1826 г., о 14 декабря...

Еще более отдаленные воспоминания доходили до меня по рассказам нашего домашнего врача Эмилия Ивановича Рейнгольда, бывшего лейб-медиком императора Николая, - когда-то полкового врача, бывшего под Фридрихсдорфом и Бородином, участника походов 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. Его живые рассказы о 1812 г., о Бородине, об атаке Левенвольда, о вступлении во Францию и о приятеле своем кавалергарде Луине, к сожалению, не были им записаны и едва ли сохранились в его потомстве.

Старший дядя мой Василий Сергеевич Шереметев также любил рассказывать о службе своей в дорогом ему полку, о великом князе Михаиле Павловиче, которого он был адъютантом, о походах, смотрах и светских увеселениях того времени, о строгостях и гауптвахтах. Его друзьями в полку были граф Б. А. Перовский и граф В. П. Кутузов.

Рассказы дяди С. С. Шереметева относились к более позднему времени, к 40-м годам, а к 50-м примыкают воспоминания Василия Алексеевича Шереметева, окончательно покинувшего полк только в 1862 г. Промежуток, когда в полку не было Шереметевых, прекратился моим поступлением.

Депрерадович, Апраксин, Гринвальд, Фитингоф, Безобразов - все это имена мне давно и с детства знакомые, как имена Барятинского и Мусина-Пушкина близки и дороги мне по личным впечатлениям и воспоминаниям.

Я застал еще старушку вдову генерала Депрерадовича и хорошо помню графа Степана Федоровича Апраксина, состоявшего при особе императрицы Александры Федоровны. Я имел честь, хотя и очень недолго, командовать эскадрой Р. Е. Гринвальда и не раз являлся ему. "Сын нашего Шереметева!" - сказал он мне отрывисто при первом приеме, а Фитингофа провожал я по казармам полка, по которым водил старика князь Барятинский.

Еще до производства моего по крайней мере за год, когда я по праздникам жила у великого князя Николая Николаевича в Знаменском, помню, как он взял меня с собою на прогулку, случайно со мною же зашел к графу Бреверну и Делагарди и, назвав меня, сказал, что я поступаю в кавалергарды.

Год поступления моего в полк (1863) был тревожный. Польское восстание было в полном разгаре. Гвардия отправлена была в Западный край. Лагеря не было.

Одна только кирасирская дивизия двинута была на короткое время в Красное Село. Дивизией командовал тогда генерал фон Вендрих, Кирасирским Ее Величества полком - барон Штакельберг, Конным полком - князь Владимир Дмитриевич Голицын.

Лето 1863 г. в Царском Селе, несмотря на тревожное время, отличалось необыкновенной оживленностью; общество было многочисленно; балы, пикники, кавалькады чередовались то и дело; двор подавал пример оживлению и веселости.

Император Александр II и императрица Мария Александровна

Памятны мне вечера в китайской комнате Большого дворца в присутствии императрицы Марии Александровны. Вокруг царкосельского озера ежедневно бывало гулянье; на пристани толпились в ожидании проезда государя. Это было сборным местом всего общества. Здесь ежедневно можно было встретить тогда еще вице-канцлера князя Горчакова в сопровождении неизменных А. Ф. Гамбургера или барона Жомини. Он обращал на себя всеобщее внимание; знаменитые ноты его по поводу польского мятежа уже тогда повсюду огласились.

Оживление в Царском Селе было тогда необычайное; словно не было польского восстания; веселию не было конца.

Вечерние прогулки повторялись в Павловске на обычную музыку; танцевали в Баболове, гуляли по озеру, танцевали на острове, танцевали в Павловске, не было предела изобретательности светских дам, их блестящему соперничеству!

Так как для учения полк обыкновенно выступал на софийский плац, то переход через роскошный парк был истинной прогулкой. Тогда же я был свидетелем несчастья, постигшего Чарыкова, который во время учения упал замертво в ту минуту, когда наездники, с которыми он поскакал, возвращались вскачь по сигналу "апель". Такая неожиданная смерть хорошего товарища и единственного сына у старика-отца произвела на всех удручающее впечатление.

В последующие годы моей службы полковой праздник неизменно проводили мы в Царском Селе. Не раз приходилось мне за полкового адъютанта подавать рапорты государю в его нижнем царскосельском кабинете. Ежедневно в 12 часов дня принимал он полковых адъютантов в присутствии царскосельского коменданта барона Велио.

Помню небольшой кабинет с диванами, увешанный оружием; в передней ряд моделей лошадей под стеклянными колпаками, гардеробные шкафы, на стенах рисунки, большую часть военного содержания.

Через эти комнаты проходили к государю с докладами министры.

Помню, как однажды выходил из кабинета государева князь Горчаков; с тонкой улыбкою и слегка прихрамывая, обратился он ко всем нам и, не останавливаясь, небрежно проронил: "*Messieurs, n'allez pas dire a L'Europe que je boite!*" ("*Не вздумайте, господа, оповестить Европу, что я хромаю!..*") Лично ко мне князь Горчаков всегда особенно благоволил.

Помню, как, уже будучи полковым адъютантом, подавал я государю рапорт и услышал от него - впрочем с улыбкою - замечание, что, случайно встретив наших трубачей, он заметил, что они, играя, "сильно фальшивили". Я доложил об этом князю Бярятинскому и получил, конечно, выговор в приказе.

Никогда не забуду постоянного доброго ко мне внимания государя. Когда по производству в офицеры впервые я надел полковой мундир и в тот же вечер был приглашен на танцевальный вечер в царскосельский Эрмитаж, то государь, заметив мой поздний приезд, подозвал меня, поздравил и, пристально всматриваясь, такие произнес для меня дорогие слова, которых забыть невозможно; мне кажется, что я все вижу его добрый взгляд, все слышу звук его голоса.

В китайской гостиной Большого дворца императрица Мария Александровна собирала на свои вечера немногочисленное общество. Бывал и я несколько раз на этих собраниях. Государь играл обыкновенно в карты. Иногда он сообщал присутствующим о полученных им телеграммах с театра (польского) восстания; особенно радостно сообщил он, как нашими войсками одержан был значительный успех. Меня очень привлекали эти вечера в чудном дворце Екатерины, где все, казалось, полно ею и образ ее царил повсюду.

Все полно для меня воспоминаний молодости, все звучит отголосками полкового марша, и целая вереница лиц проходит в моей памяти; воскресает давно прошедшее славное полковое время.

И среди этих дорогих отражений минувшего неизменно, как живой, представляется мне командир полка князь Владимир Иванович Бярятинский с его неизменно добрым, ласковым взглядом; мне видятся его белая фуражка, седые усы, его высокий стройный стан и мерная поступь, а весь обаятельный облик его не изгладится никогда в благодарной моей памяти. С самого поступления и в особенности за время полкового адъютантства я вполне мог оценить его благородство, возвышенность его взглядов и чувств и неизменную доброту.

Позднее другой человек явился носителем кавалергардских преданий. Душою, молодостью и пылким чувством, всей службою своей сроднился он с полком; он был олицетворением кавалергарда настоящего закала со всеми дорогими нам преданиями, исстари воплотившимися и унаследованными от других поколений, современных Аустерлицу и Бородину,

*Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.*

Граф Александр Иванович Мусин-Пушкин был и есть таким носителем кавалергардских преданий. Мне дорого, что я еще застал очевидца и участника боя под la Fere Champenoise...

Граф Александр Иванович Мусин-Пушкин, командовавший полком в 1866-1873 гг.

Скоро по вступлении моем в полк государь пожаловал наш полковой мундир Павлу Петровичу Ланскому. Старик был в восторге. Он жил тогда на даче в Павловске, куда весь корпус офицеров с князем Барятинским во главе отправился к нему для поздравлений. Собрались мы все в маленькой комнате, и к нам вышел П. П. Ланской, весь взволнованный. Он обратился к нам с речью, в которой необыкновенно живо благодарил за оказанную ему честь. Он коснулся прошлого, заговорил о своих полковых воспоминаниях, упомянул о la Fere Champenoise, о своем участии в этом бою, говорил порывисто и задушевно, повторяя несколько раз с особым, свойственным ему произношением слово "сердечно". О впечатлении этого дня я передавал моему отцу, который всегда живо интересовался всем, что делалось в полку, и хорошо знал П. П. Ланского.

Помню я и другого из прежних сослуживцев моего отца - Жерве, уже стариком. У него было красивое выразительное лицо; жил он летом на Петергофской дороге, и не раз встречал я его на прогулках в окрестностях Ульянки. Встретил я однажды и другого старого товарища отцовского, Пантелеева, случайно на вечере у Апрельевых, где был и мой отец. Надобно было видеть, с какой радостью встретились старые товарищи и, долго сидя за оживленным ужином, вспоминали о прошлом.

Помнится мне и другой их современник, довольно уже дряхлый и с бельмом на глазу, - Тюрогов; приходил он к нам в церковь, как и старик Тимковский, еще бодрый и живой, но всегда нуждающийся. Из других отцовских товарищей хорошо помню Алексея Петровича Бутурлина, брата его Сергея Петровича, князя Н. П. Трубецкого, графа Б. Потоцкого, Чоглокова, графа Гендрикова и Врасского. Последний был человек особенный, и о нем можно было бы сообщить немало любопытного.

Ближе всех к отцу был А. П. Бутурлин, впоследствии ярославский губернатор. Он хотя и редко приезжал к отцу, но всегда был как дома. Помню его шуточки с Татьяной Шлыковой, уж девяностолетней старушкой. Он называл ее "сильфидой", и она вторила ему шутками.

Но вернемся к 1863 г. Полковым квартирмейстером был тогда Оржевский, полковым казначеем князь Куракин. При мне разразилась над полком гроза вследствие неправильной ночной тревоги, за которую поплатились Грейг, Желтухин и Дурново.

Почти все время, пока я находился в полку, дивизией командовал князь Владимир Дмитриевич Голицын, добрая память о котором долго будет жить в Конном полку. Его нельзя было не уважать и не любить, хотя он и был грозой для всех молодых офицеров. Однажды разлетелся он на меня в строю: "Корнет! Граф Шереметев, вы не командуете, вы бормочете!" Мне, однако ж, не пришлось сидеть под арестом.

Только однажды на полковом празднике 5 сентября 1866 г., уже будучи полковым адъютантом, в самый тот день, когда князь Барятинский получил другое назначение, я

вполне заслуженно подвергся гневу государя. Он прямо из манежа отправил меня под арест, но не успел я дойти до места, как меня остановили и приказали немедленно вернуться во дворец. Меня ввели в зал, где весь полк уже завтракал с государем. Возвращение при таких условиях было крайне неприятное. Но гнев государя давно прошел; он ласково взглянул на меня и, приказав сесть и завтракать, проговорил, улыбаясь: "Небось, аппетит пропал!"

Маневры на военном поле в присутствии высочайших особ

При учебной езде однажды в Михайловском манеже - и не без особого волнения, хотя все кончилось благополучно - помню, как государь, подъехав ко мне, вполголоса сказал: "А на барьере здорово повихнулся!"

Разводы с церемонией не прерывались каждое воскресенье. Все происходило как по заведенным часам и кончалось "бумагой", т.е. джигитовкой конвоя. Государь становился неизменно у того же окна, а около него почти всегда испанский посол герцог d'Ossuna del Infantado, сделавшийся как бы неременной принадлежностью развода.

Однажды в Красном Селе ударили тревогу, полки поскакали на военное поле, но офицеров оказалось мало. Не было ни полкового командира, ни адъютанта. Случайно перед полком за старшего оказался Аверкий Львович Величковский, а я при нем за адъютанта. Тревога прошла благополучно, но разговора, как и всегда, было немало.

Братья Величковские, коренные кавалергарды, командовали эскадронами: Аверкий - 2-м, а Михаил - 4-м. Вахмистрами были в 1864 г.: в 1-м - Ямпольский, во 2-м - Бровченко, в 3-м - Григорьев, в 4-м - Филатов, в 5-м - Линат. По общему отзыву, первым между ними считался Григорьев.

Время командования Михаила Величковского в течение красносельского лагеря осталось особенно в памяти по тому необыкновенному оживлению, которым отличалась квартира его в свободное от занятий время.

Братья Величковские жили в одной большой избе; тут же находились и прикомандированные к полку братья графы Орловы-Давыдовы, князь Б. Н. Голицын и другие. Тогда в ходу была оперетка "Zehn Mädchen und kein Mann" (*Десять девушек и ни одного мужчины*) (нем.). В красносельском театре ее давали то и дело - и главную роль играла

смазливая актриса Лелева. Михаил Величковский проходу не давал, пародируя оперетку в применении к Голицыну. Он изводил его куплетами, вроде следующих:

*Борис - мужчина статный!
И ловкий и приятный!..
Одет он с шиком, с глянцем,
И смотрит иностранцем...
Положим, он бедненок,
Но вам не нужно денег! {и т.п.)*

К Голицыну иначе и не обращались тогда, как "Boris, mon fils - оглянись!" ("*Борис, сын мой...*" (фр.))

Это был своего рода балаган, шумный, неугомонный, но все же служивший некоторым отвлечением от скуки.

Весь лагерь пришлось мне быть полковым адъютантом при князе Барятинском. В это время закончилась постройка здания полковой столовой в Павловской слободе, в которой теперь помещается офицерская артель. Вместе с садом дом этот был подарен князем полку. Теперь сад этот разросся, а дом увеличен.

В верхнем этаже его жил тогда князь Барятинский в небольших уютных комнатах; сюда приходил я к нему с докладом, все более и более привязываясь к обаятельной его личности. Здесь не раз принимал князь Барятинский гостей. Едва ли не здесь я впервые познакомился с Иваном Федоровичем Горбуновым, заставлявшим всех помирать со смеху неисчерпаемыми своими рассказами. Мне особенно врезалось тогда в память изречение его о леших: "Одна ноздря, а спины нет!"

Моя изба, в которой я прожил подряд почти все годы в Красном Селе, была изба Кареева близ гауптвахты, почти насупротив избы Величковских. Одно время ближайшим моим соседом был юнкер князь Виктор Николаевич Гагарин.

Помню, как теперь, когда князь Барятинский передал мне о поступлении в полк двух лицеистов, Миллера и Шипова, и как оба они прибыли и обучались в особой юнкерской команде под наблюдением Трегубова и под главным начальством Гревса. Эта юнкерская команда состояла из многих лиц, тут были князь В. Н. Гагарин, В. А. Шереметев, Н. Свиньин, М. Эспехо, Б. Колемин, И. Мальцев, А. Войцехович.

Время было очень оживленное, помнится немало забавных эпизодов о том, как Гревс расправлялся со своей командою. Его боялись сильно, но всего более доставалось от него юнкеру Эспехо, родом испанцу. Он был слабее других и вызывал особую раздражительность Гревса. "Марш!" - командовал он в манеже, когда гонял юнкерскую смену. "Марш!" - и все двигались... кроме Эспехо; тогда Гревс в сильном раздражении обращался с речью. "На всех языках команда "марш" обозначает движение вперед, слышите ли: на всех, даже по-испански!" - прибавлял он особенно раздражительно.

Владимиру Шереметеву многое прощалось ради его лихости и сходства с братом Василием. В нем видел Гревс как бы возрожденного "Васю", а некоторые шалости были рискованны. Так, однажды, будучи юнкером, проехался он по набережной, стоя на карете, и много было таких необычайных происшествий, кончавшихся благополучно.

Любил я очень заходить к Гревсу и сидеть у него часами во время дежурства. Он колебался одно время, думая перейти на службу к М. Н. Муравьеву, который ему предлагал место в Вильне. Позднее он не раз сожалел, что не воспользовался этим предложением. Гревс был очень дружен с П. А. Черевиным.

Быть может, иные еще помнят лихого офицера с закрученными большими усами, стройного, хорошего ездока, добродушного, но слабого человека, когда-то богатого, но вконец разорившегося Александра Дмитриевича Перхурова. Грустна его судьба. Богатый тверской помещик, племянник Кожиных, он вступил в полк, а потом вскоре удалился в монастырь. Одно время был он послушником у Пимена, архимандрита Николо-

Угрезского монастыря, но потом вернулся в полк. Помню, как на одном бивуаке он, совершенно расхрипавшись, во что бы то ни стало желал показать князю Барятинскому свое умение исполнить какой-то особенный танец, который он называл почему-то "le pas de l'artilleur" ("*Шаг артиллериста*" (фр)). Конец его был очень печален.

Кавалергарды в годы командования полком князем В. И. Барятинским

Старшим полковником в год моего вступления в полк был барон Гейсмар, необыкновенно большого роста. Он покинул вскоре Россию, и надолго.

В полковой канцелярии в мое время служил всему полку известный старший писарь Иван Никифорович Четвериков. Служил он при многих полковых адъютантах. Я принял адъютантство от П. В. Оржевского и сдал его Н. Н. Шилову в 1868 г.

Много лет спустя у фельдмаршала князя Барятинского в Скерневицах был большой обед. Это тот обед, во время которого целых полчаса все ожидали появления супа, по умышленной оплошности дворецкого. Случайно на одном конце стола сидели рядом Войков, Оржевский, Оболенский и я. Князь громко заметил, что сидят рядом все бывшие полковые адъютанты Кавалергардского полка, и, подняв бокал, приветливо кивнул нам головой...

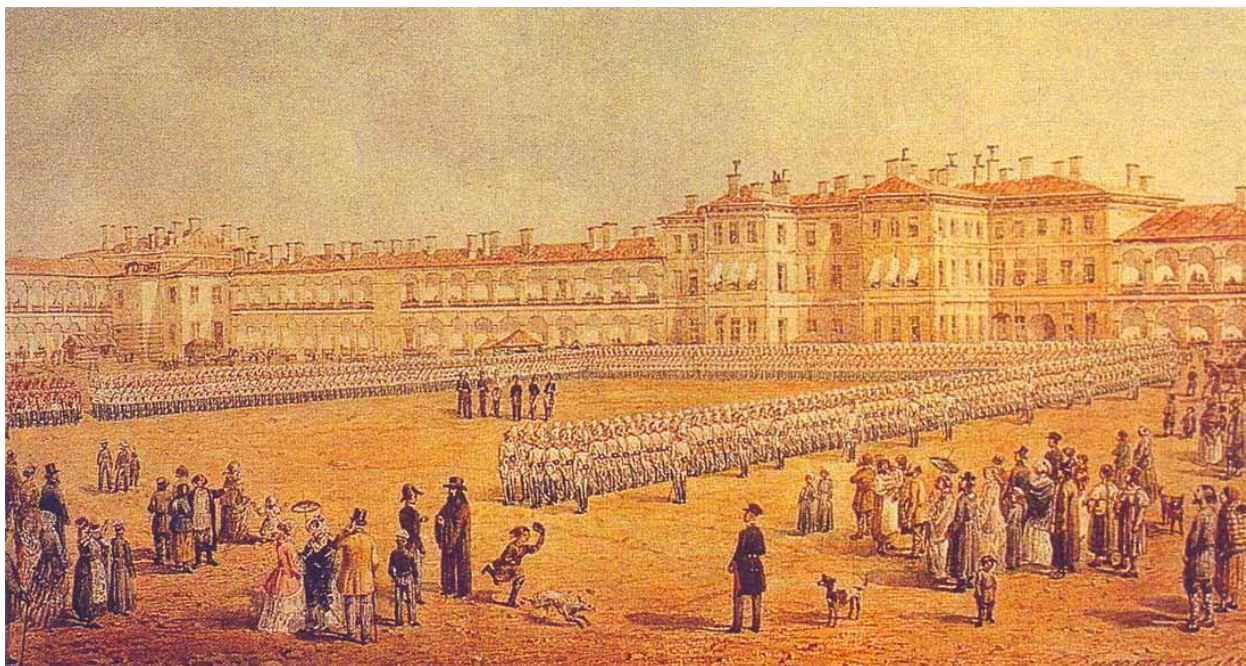
В Красном Селе из года в год повторялось почти то же: неизбежная тревога и в конце лагеря парад. Государь на учениях и маневрах обыкновенно передавал трубачу сигналы и сам давал напев.

Бывало, на военном поле полк выстраивался на неизбежной третьей версте Гатчинского шоссе. Подымаемся рано и очень неохотно под звуки генерал-марша; особенно раз-

дражительно было пробуждение после недоспанной ночи, но делать нечего, садишься на лошадь и дремлешь на переходе, припекаемый утренним солнцем.

Другие полки дивизии выстраиваются вслед за нами; в ожидании начальства все стеснились, разносчики снуют по рядам, предлагая сомнительные продукты. Я избегал всегда этих ранних завтраков, после которых еще более клонило ко сну.

Но вот раздается команда "К коням" и вслед за тем "Садись". Все полки выстраиваются, и все поглядывают на отдаленную пыль, показавшуюся перед Красным Селом. Начальство начинает объезжать ряды. "Четвертый взвод, повод на себя!" - слышится чей-то голос. По мере появления нового начальства настроение более сосредоточенно. Труба-чи в ожидании сигнала замерли. Не без волнения следишь, бывало, за движением из Красного Села.

Торжественное построение по случаю чтения высочайшего рескрипта

Вот показалась тройка, за нею другая, и потянулась вереница линеек свиты. Блестящий и на статном коне, главнокомандующий бросает последний взгляд на линию полков и скачет навстречу к приближающемуся государю, окруженному многочисленной свитой. Государь приостанавливается, принимает рапорт и затем поднимает лошадь в галоп. Вот уже он на нашем правом фланге. Труба-чи играют поход. "Здорово, кавалергарды!" - раздается слегка картавый звучный голос государя, и в ответ ему - дружное "Здравия желаем В. И. В." и громовое "ура". Государь галопом направляется к другим полкам, и "ура" не умолкает и растет. "Здорово, Конная гвардия!" - доносится уже издали, и топот коней постепенно удаляется среди облаков пыли.

Но вот объезд окончен, и государь выезжает на середину. Адьютанты летят во все стороны с приказаниями. Все начеку, пока не раздастся команда: "Труба-чи по местам!" Тогда мгновенно, стрелой, они разлетаются в пространство, и ученье началось... Солнце давно уже припекает, и пыль столбом. Вскоре возвращаются полки после удачного ученья; "песенники вперед", бьют в тарелки и бубны, а запевала Скорлупин заливается надтреснутым тенором: "Что за песни, что за песни распевает наш народ, и откуда что берется? Прямо к сердцу так и льнет!" И все дружно за ними подхватывают: "Золотые, удалые, не немецкие, песни русские, лихие, молодецкие!" Но вот приближаемся к Красному, и раздаются звуки полкового марша. Настроение бодрое, предвкушается завтрак, а за ним заслуженный отдых после испытанных волнений...

Удивительные были типы между вахмистрами эскадрона и славные были ездоки: Деньгуба, Лихтанский, Габельченко (у последнего во взводе служил Владимир Шереметев), в плечах у него косая сажень, густые черные бакенбарды, сила непомерная, и наездник он лихой.

Застал я еще старого вахмистра времен отца - Малыгина. Он ходил со мною в караул и всегда расспрашивал об отце.

Трубачи были на подбор, и полковой хор славился во всей гвардии. Штаб-трубачом был Никулин, и кого только он не пережил в полку! Еще застал он графа Мусина-Пушкина, бывшего адъютантом в коронацию Александра II в 1856 г.

Князю Бярятинскому очень хотелось вернуть полку серебряное шитье на рукавах красного мундира, и он несколько раз пытался подойти с этим к императору Александру, но всегда безуспешно. Сам же он неизменно пользовался расположением государя. Словно вчера, помнится мне ученье на софийском плацу. Полковой командир пропускает эскадроны справа по одному. В это время подъезжает к полку блестящий генерал в уланском сюртуке и следит за ученьем; то был А. Н. Стюрлер, уже состоявший тогда при цесаревиче.

При князе Бярятинском было заведено, что каждый дежурный по полку офицер должен был у него обедать. В то время всего один был дежурный офицер; проходил он в смежный с казармами полка дом князя Бярятинского сквозь проделанную калитку.

После обеда все сходились в кабинете князя в нижнем этаже этого дома. Изящная, уютная комната с дубовыми раппеаух (*панелями (фр.)*) и бильярдом, с шахматным столом, разбросанными на столах журналами и с покойными креслами. На стене висел портрет княгини Е. А., освещенный боковой лампой. Тут же рядом и рабочий кабинет князя. Памятна мне эта комната и собиравшееся в ней общество. Всех оживлял своим присутствием гостеприимный хозяин, всегда ласковый и приветливый, всегда готовый помочь словом и делом.

Царскосельская дача его не менее мне памятна со своим большим угловым балконом на улице, соединяющую оба дворца. В столовой висела картина масляными красками - то был вид села Ивановского, родового имения Бярятинских в Курской губернии...

Царское Село. Большой пруд у Камероновой галереи

Звучно раздавался по полковому манежу густой бас И. А. Грейга. Он служил в 5-м эскадроне под начальством Гревса, но был, кажется, старше его, как участник Крымской кампании. Он вносил оживление и подбадривал начинающих. Не особенно оживлен бывал манеж ранним утром, когда гоняли смену, а в промерзлые окна неуклюжих окон еле проникал дневной свет. То ли дело весной, когда езда происходила на полковом дворе, а ученье "пешее по-конному" подготовляло мысль к предстоящему выступлению в лагерь.

Хорошее было время, и многое множество впечатлений минувшего невольно всплывает в памяти при одном перечне будничных занятий, разнообразных интересов и полковых разговоров, оживлявших все эти сложные подчас и нелегкие положения, чрез которые проходит каждый поступающий в полк офицер.

В 1867 г., по случаю въезда цесаревича в Москву, и я был в числе отправленных туда офицеров. Воспоминание об этом времени - одно из лучших в моей молодости.

В Москве проживало тогда несколько старых кавалергардов - и между ними дядя мой Василий Сергеевич Шереметев. Приедешь, бывало, туда в отпуск, и старые однополчане неизменно выказывают привет и сочувствие; они не прекращали связей с полком, заставляли рассказывать, и сами увлекались воспоминаниями молодости. Беднее стали мы теперь этими цельными типами прошлого:

Мы променяли

На деньги медные старинные медали.

В Царском Селе жила княгиня Елизавета Васильевна Кочубей, муж которой князь Лев Викторович некогда служил в полку одновременно с моим отцом. Дом ее всегда был гостеприимно открыт для офицеров полка, к которому она питала особенное расположение. В то время она занималась музыкой, и в большом ходу были ее романсы: "Я очи знал!" и "Когда б он знал", заслужившие известность.

Бывали разводы на плацу Царскосельского дворца, и это было красивое зрелище, бывали и смотры в конном строю. Государь Александр II особенно любил Царское Село. Ежедневно можно было встретить его катающимся по аллеям обширного парка. Чаще всего носил он тогда форму Кирасирского Его Величества полка или гусарскую красную фуражку. В лице останавливались приезжающие с докладом министры.

В Китайской деревне жили почетные лица свиты и приближенные - и между ними старый кавалергард добрейший и благороднейший граф Борис Алексеевич Перовский.

В Павловске на музыке можно было встретить немало кавалергардских белых фуражек. Это было время особого оживления Павловска.

Ряд колясок приезжавших из Царского Села дам останавливался вдали насупротив вокзала. И здесь нередко появлялся князь Горчаков со своими неизменными спутниками. Он садился в саду, а вокруг него образовывался целый кружок; нередко, расточая свои любезности дамам, он щеголял изречениями, которые потом передавались от одного к другому как нечто серьезное; то был блестящий фейерверк, закончившийся, впрочем, потемками.

Помню один спектакль на царскосельской придворной сцене. Театр китайский - это изящная игрушка и прекрасный образец искусства прошлого века.

Все в нем еще полно Екатериной, как и в парке, на берегу широкого озера с воспетыми Жуковским и Пушкиным лебедями.

Осенней позднею порою

Люблю я царскосельский сад,

Когда он тихой полумглою

Как бы дремотою объят.

И белокрылые виденья

На тусклом озера стекле

В какой-то неге онеменья

Витают в этой полумгле.

И на порфирные ступени

Екатерининских дворцов

Ложатся сумрачные тени

Октябрьских ранних вечеров;

Сады темнеют, как дубравы,

И при звездах из тьмы ночной,

Как отблеск славного былого,

Выходит купол золотой.

"Шефская" комната в офицерской артели кавалергардов

Кавалергардские предания гораздо более, однако, примыкают к Петергофу, где в свое время было любимое местопребывание императрицы Александры Федоровны, шефа полка.

Новая Деревня, Елагин остров - средоточие воспоминаний офицеров 30-х и 40-х годов, блестящее время, о котором старики наши вспоминали с восхищением.

Припоминается мне бивуак близ Гатчинского дворца, недалеко от зверинца. Все поле далеко освещено кострами. В большой столовой палатке поздний ужин в присутст-

вии генерала свиты, который чувствует себя как дома и оживляет всех. То был граф А. И. Мусин-Пушкин, вскоре после того назначенный командиром полка. Время командования им полком - время полного оживления полковых преданий. Он входил во все подробности полковой жизни и службы, и имя его дорого каждому кавалергарду.

Бивуаки - это лучшее время лагерной жизни: разнообразие и оживление после однообразных занятий, все заинтересованы, все довольны. Но это ненадолго. К концу маневров показываются неизбежные высоты Дудергофа. Среди раскатов орудий и залпов пехотной стрельбы, среди атак и обходных движений на Пурский лес (любимое движение князя В. Д. Голицына) раздаётся наконец давно желанный сигнал "Отбой", еще мгновение - и все стихает! Явственно и отчетливо передается сигнал от одной части к другой, не-

вольно вздохнешь свободно при сознании того, что наступил конец лагерной страде.

Полковые обеды в переделанной комнате офицерского собрания отличались всегда шумным оживлением и возбуждением, несмотря на некоторую, в сравнении с настоящими, малочисленность офицеров. Мне пришлось участвовать на многих прощальных обедах, когда провожали князя Барятинского, когда прощались с Гревсом и пр.

В соседней комнате, где тогда висел портрет императрицы Александры Федоровны, помещалась музыка, и долго не умолкала она по окончании стола, поддерживая возбуждение и способствуя всеобщему оживлению. Произносились неизбежные речи, предлагались разнообразные тосты, и дружное "ура" гремело в ответ на то или другое приветствие.

При графе А. И. Мусине-Пушкине обеды эти приняли отличный характер и стали многочисленнее и оживленнее. Присутствие графа Александра Ивановича придавало особый душевный отпечаток. Кому неизвестно, насколько в подобных случаях присутствие сочувственного, объединяющего лица придаст оживления и бодрости и как чувства эти легко передаются при подобных условиях!

Особенно привлекателен граф Александр Иванович, когда за отдельным небольшим столиком, заставленным бокалами шампанского, он со свойственной ему добродушной настойчивостью и напускной суровостью полушутя, полусерьезно пробирает своих собеседников.

Звуки полкового марша сменяются другими, заканчиваясь пляскою, и долго не умолкает шумная товарищеская пирушка давно прошедших дней молодости...

Еще до поступления моего в полк припоминаю переходы его в лагерь мимо Ульяновки. Отец также следил за переходами полка и всегда выходил на дорогу. Бывало, и Т. В. Шлыкова оживлялась при проходе войск и ходила на них смотреть к решетке сада.

В то время еще процветал известный "Красный кабачок". Если бы стены его могли вещать, чего бы они ни рассказали про кутежи и удаль многих поколений! Мне всегда было жаль, что у нас нет описания прежних притонов, ресторанов, загородных увеселительных заведений и связанных с ними сказаний. Много в них потрачено веселости и остроумия, много неподдельного веселья и широкого разгула, раскрывающего непоказную сторону жизни и быта того времени. Много типов перебивало тут, и оставленный ими след мог бы служить освещением некоторых сторон деятельности иных лиц в соприкос-

Знак «За фехтовальный бой»

новении их с выдающимися лицами и событиями. Предание применимо к подобным закоулкам и притонам.

Стоит коснуться внешности и устройства того или другого излюбленного уголка хотя бы с целью украшения и усовершенствования его с большей роскошью и с большими удобствами, и все кончено: каждому дорого насиженное место, знакомая обстановка, все, что принадлежит к этой обстановке, с которой сживаемся, и никакая перемена не возвратит вам утраченного... Та же прислуга, все те же знакомые услужливые, добродушные лица, большей частью касимовские татары со своим старшиной, известным Simon, которого знал весь Петербург.

Новая Деревня с Излером, Черная речка с цыганами, места столь знакомые всей молодежи; теперь и они значительно изменились. Чего-то недостает, и что-то прибавилось, а главное, исчезли предания, даже в пирушках. В иных, даже невероятных выходках прошлого было своего рода искусство и было больше настоящего увлечения. Теперь общество потускнело и смешалось; иные еще слышали звон, не всегда зная, откуда он, а уровень художественного понимания понизился.

И это не обычное сетование старейшего поколения перед более молодым! Это явление общее во многих областях искусства и вкуса, даже разнообразных. Цыгане, например, разве это прежние голоса? Разве и к ним не привилась чужеземщина и не сбивает ли она их с настоящего пути?.. А публика, посещающая их, разве она способна в большинстве случаев воздействовать на их талант и направить вкус, оттеняя истинно художественное от пошлости и балагана?

И в мое время уже несколько пробавлялись отражениями прошлого, но мы застали еще свидетелей этого прошлого, воплотивших в себе живое предание. Поменьше было тогда французмании и англосмании, хотя начало первому положено давно. Недаром говорил Державин преобразенцам:

*Французить нам перестать пора,
Но Русь любить
И пить!...
Ура! ура! ура!*

И мы, заключая этим пожеланием, скажем: "Ура Кавалергардскому полку, и да не забудутся вовек его славные боевые предания Аустерлица, Фершампенуаза и Бородина!.."

Из "Воспоминаний кавалергарда" Д. Подшивалова

Назначение во 2-й эскадрон и водворение в казармах

а следующий день нам была разбивка по эскадронам. Для разбивки нас привели в полковую канцелярию; здесь же в ожидании командира полка собрались офицеры - командиры эскадронов и заведующие молодыми солдатами.

В ожидании разбивки мы стояли в углу и наблюдали офицеров - своих будущих командиров. Особенное наше внимание обращал на себя один офицер, очень высокого роста, с красивым выразительным лицом; в отличие от других офицеров на нем были белые, серебряные аксельбанты. Глядя на нас, он улыбался; то и дело ходил, танцуя, из комнаты в комнату; прыгал на плечи некоторым офицерам и громко с ними смеялся, - словом, вел себя непринужденно, а остальные офицеры были к нему почтительны.

Явился командир полка, генерал (генерал-майор Тимирязев), невысокого роста старичок, но очень бодрый. Производя разбивку, он также оглядел меня с ног до головы и, посоветовавшись с офицерами, мелом на груди написал цифру - 2, что означало назначение меня во 2-й эскадрон. Кроме меня в этот раз во 2-й эскадрон был назначен еще один новобранец - Карасев, Рязанской губернии.

Полковой учебный плац

Унтер-офицер повел нас в казарму 2-го эскадрона, расположенную во втором этаже; туда же явился и высокий офицер с аксельбантами; как оказалось, это был великий князь Николай Михайлович, командир 2-го эскадрона. Посоветовавшись с вахмистром, он обоим нас назначил в первый взвод. Здесь, в эскадронной канцелярии, нас еще раз записали. Затем великий князь предложил нам передать ему деньги на хранение; при этом он нас уверял, что денег наших не украдет, они будут целы, а у нас самих скорее "стянут". У моего нового товарища - Карасева оказалось три рубля, которые он сейчас же достал из сапога, завернутые в портянку, - предварительно разувшись здесь же. Отдавая деньги, Карасев спросил у великого князя: "А когда же ты мне отдашь их?" Великий князь, хохотавший все время, смотря на то, как он доставал деньги из сапога, засмеялся еще сильнее на его наивный и грубый вопрос и сказал, что деньги он может взять обратно, когда захочет. Очевидно, отобрание денег сильно смущало моего товарища. У меня денег ничего не оказалось, и мне было крайне неловко перед великим князем, который мог думать, что я скрываю и не хочу передать ему. Я объяснил ему, что денег не взял с собою потому, что у меня здесь живет брат, который и будет поддерживать меня деньгами, когда понадобятся.

Помещение казарм, куда нас привели и где мы должны были поселиться на житье, было просторно, светло и чисто; вдоль коридора по обеим сторонам длинными рядами вытянулись железные койки, покрытые красными байковыми одеялами, с подушками в белых наволочках. За койками, также по обеим сторонам в ряд, стояли дощатые, выкрашенные белой краской ширмы; на ширмах помещались кирасы и каски. На ярко вычищенных - как к празднику самовары - кирасах и касках отражались лучи солнца; от этого внутренность казармы приняла еще более веселый вид, чем от обильного света, лившегося в большие окна с двух сторон. За ширмами виднелись стриженные головы солдат, уголки столиков, табуреток и прочих вещей - там сосредоточивалась будничная жизнь солдата, там он ест, пьет, чистит и чинится...

Нам с Карасевым отвели койки в первом взводе, как раз против образной, перед которой после поверки солдаты поют молитвы. Первым нашим делом было набить соломой выданные из цейхгауза матрацы; затем нам пригнали мундир, тужурку и шинель, а нашу домашнюю одежду отобрали в цейхгауз. С этого времени мы сделались по виду настоящими форменными солдатами.

В тот же день нам обоим с Карасевым назначили одного дядьку, по фамилии Поверенный, уроженца Ярославской губернии; это был старый солдат, окончивший учебную команду; он был произведен в ефрейторы, но впоследствии разжалован в рядовые за умеренное употребление водки. В то время когда нас поручили его "попечению", он считался исправившимся и назначен в помощники к учителю молодых солдат. Как человек, он был прекрасный, развит, как большинство ярославцев. Кроме полезных для службы советов мы от него ничего не слышали; был вежлив не по-солдатски и никогда не заставлял чистить для себя сапоги и исполнять другие послуги - что почти всегда практикуется другими дядьками. Конечно, мы тотчас же его полюбили, как старшего брата.

Первый день в казармах и поверка

С хлопотами по разборке вещей и устройству постели (постель для солдатской жизни в казармах есть самая главная принадлежность; на уход за нею посвящается много внимания) незаметно наступил вечер, и время приблизилось к поверке, которая производится всегда ровно в 9 часов вечера.

Поверка в солдатском быту дело обыкновенное, но в первый раз она произвела на меня особое впечатление, которым я и желаю поделиться.

Вечером по окончании всяких занятий солдаты свободны и занимаются кто чем хочет: кто за ширмами производит ремонт обуви и одежды, кто закусывает, а кто "дуется в козла" (особая игра в карты). Но вот вдруг там, где-то в глубине казарм, послышался громкий возглас дежурного по эскадрону: "На поверку!" Солдаты засуетились: кто был раздет, поспешно стали одеваться, некоторые застегивали мундиры, и все быстро строились в шеренгу вдоль коридора. Пристроились и мы с Карасевым первый раз - на левом фланге. Водворилась полная тишина.

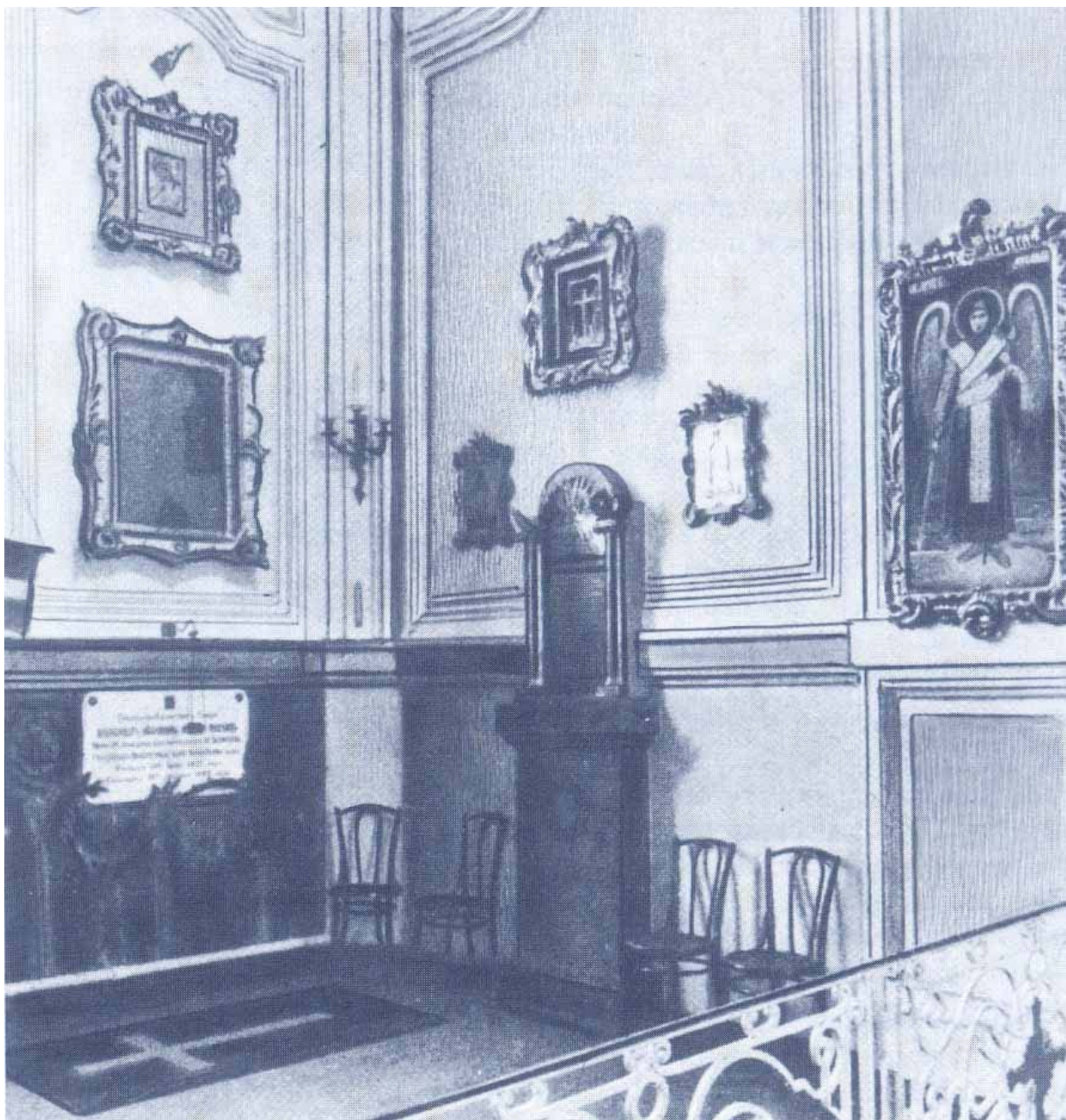
Через несколько минут вышел из своего отдельного помещения вахмистр (Иван Кузьмич Ермошкин); он был в серой тужурке нараспашку и, горло неся коротко остриженную голову, прошел на правый фланг первого взвода. В руках у него был список. За ним, позвякивая шпорами и слегка гремя палашом, следовал дежурный по эскадрону унтер-офицер в шинели и фуражке и с рапортчиком в руках. Глядя в список, вахмистр громко выкликивал фамилии: "Веселов! Туровец! Крепчук! Косолапый! Варна! Апшнек!.." Преобладали фамилии малороссов и "чухон".

После произношения вахмистром фамилии каждый, услышав ее, громко отвечал: "Я!" Это "я" перескакивало по фронту, как по неровной лестнице: то оно раздавалось громовым басом, то вдруг опускалось и слышалось глухо, точно из подполья, то произносилось высоким фальцетом, слышался альт и опять бас и так далее. Иногда после названия фамилии происходила заминка - "я" не выскакивало; в этих случаях дежурный по эскадрону, держа перед глазами рапортчика, отвечал - "в карауле", "дневальный у ворот" или "в дисциплинарном батальоне"... Наконец "я", перескакивая по фронту, с правого фланга приблизилось ко мне на левый фланг - вдруг и я услышал свою фамилию; у меня "я" выскакило как-то неестественно - глухо и вяло.

После переключки первого взвода вахмистр перешел во второй взвод, выстроившийся в одну линию и рядом с первым. Там "я" тоже поскакало как по неровной лестнице. Иногда выскакивало такое оглушительное "я", что вахмистр, опустив список, смотрел в ту сторону, откуда оно последовало, и говорил: "Что ты - пьян сегодня?" На это робко слышалось: "Никак нет, Иван Кузьмич" - и переключка продолжалась.

Переключив остальных два взвода, расположенных в другой половине казарм, дежурный кричал: "На молитву!" -• и со всех взводов все без исключения собрались перед образной. Здесь после минутной тишины послышался приятный тенор нашего дядьки Поверенного, запевшего "Царю небесный". Следующее - "Утешителю, душе истины" ему подтянули несколько голосов; а уже "Иже вездесый" подхватилось всеми, и молитва заканчивалась стройным пением всего хора. Следующая молитва - "Отче наш" начиналась

уже сразу всеми. После "Отче наш" пели "Верую" и заканчивали молитвой "Спаси, Господи, люди твоя". Последняя молитва пелась почему-то особенно громко.

Внутреннее убранство полковой церкви

Напев молитв в каждом эскадроне был особый и исстари установился один и тот же, хотя люди менялись. Пение выходило очень стройное. Пели все: и католики, и лютеране, только не могу сказать про нехристиан, но перед образом и они становились.

После молитвы дежурный приказал убавить огни, и солдаты стали разбираться и ложиться спать; мы тоже последовали этому - и очень охотно.

Растянувшись на соломенном матраце, покрытом чистой простынею, после долгих мытарств беспокойного путешествия я почувствовал во всем теле негу, блаженство. "Слава Богу..." - сказал я себе с вырвавшимся облегченным вздохом. Теперь я дома, на месте, и дом показался мне очень приятным: чисто, светло и тепло. Как раз против меня образная из резного орехового дерева - за стеклом блестит золотом художественной работы икона св. благоверного князя Александра Невского, во весь рост; на вызолоченной, ажурной ра-

боты лампаде отражался слабый свет огня от лампы, висевшей на потолке. Все это я видел, не поднимая головы, лежа, и виденное порождало во мне иллюзию чего-то приятного, умильного, растворявшего чувства, от которых хотелось плакать...

Направо и налево, также не поднимая головы, я видел правильные ряды железных коек, на которых под красными байковыми одеялами выделялись тела растянувшихся солдат. От слабого света повернутой лампы лица их казались бледными, на ширмах блистали даже при слабом свете ярко начищенные кирасы и каски. Эти кирасы и каски напоминали что-то рыцарское, сказочное и невольно пробуждали воспоминания о когда-то прочитанных рассказах из рыцарских времен. Дальше вдоль стены правильным рядом стояли в стенках винтовки с надетыми штыками, имеющие внушительный вид... Кроме умильности во мне прибавилось чувство бодрости и уверенности в будущем. Я был очень доволен, по крайней мере настоящей минутой; это настоящее я сравнил с прошлым, и оно показалось мне раем. Так я решил, так и написал потом матери: "Ты не тужи обо мне, я теперь "в раю"..."

Долго размышлял я, вытянувшись на койке во весь рост; наконец природа взяла свое, и я незаметно для самого себя заснул. Сосед мой Карасев давно уже храпел...

В конюшне

Утром я проснулся от громкого возгласа дежурного по эскадрону, который, проходя из взвода во взвод, кричал: "К коням!" Обыкновенно так будились солдаты ежедневно ровно в 5 часов утра. Я вскочил быстро и, сразу сообразив, в чем дело, стал одеваться. Некоторые старые солдаты после первого возгласа "к коням" продолжали лежать, или, как говорят, "тянуться", но недолго, так как настойчивое движение дежурного заставляло и их вставать. Через десять минут в казармах, кроме дневальных, никого не оставалось: все шли в конюшню на чистку и уборку коней.

Когда я в первый раз явился в конюшню, на меня пахнул резкий, щекочущий в носу запах конского навоза. Здесь по обеим сторонам чисто разметенного коридора в разделенных столбами и перекладинами стойлах стояло до 35 лошадей. Над каждым стойлом на полке лежало седло со свешивающимися ярко полированными стремянами; выше, на столбе, висели мундштук, уздечка и доска с надписью названия лошади, года ее рождения и завода, где она родилась.

Взводный унтер-офицер (Туровец) указал мне коня, за которым я должен постоянно ходить и чистить. На доске, висевшей над этим конем, было написано: "Конь Единодушный". Это был статный гнедой, с густой черной гривой и густым волнистым хвостом мерин; на лбу белая звездочка и во всю морду до губ белая узкая полоска; задние ноги по щиколотку также белые.

Мне дали щетку, скребницу и показали прием чистки, которая заключалась в следующем: прежде всего скребницей оскребается вся кожа, затем щеткой, сильно нажимая, проводится по шерсти и после каждого взмаха пыль со щетки оскребается скребницей; по мере накопления пыли в скребнице ее выколачивают на разметенном земляном полу коридора против стойла; от выколачивания пыли на полу образуется белесый квадрат соразмерно скребнице; следующая скребница выколачивается рядом, и таким образом получают рядки серо-белых квадратиков. Эти рядки служат указателем степени чистоты лошади; вахмистр, который приходит при окончании уборки осматривать чистку, вместе с блеском шерсти коня обращает внимание на количество и качество рядков, и если эти рядки не очень густы и их мало, то он делает солдату замечание, хотя бы шерсть на его лошади блестела как следует.

Вид полковой церкви со стороны Захарьевской улицы

Чистка и уборка обыкновенно продолжаются 3-4 часа, но каждая лошадь считается достаточно вычищенной, когда из нее будет выбито 10-12 рядков (квадратиков). В отношении чистки лошади бывают разные: иные содержат в себе пыли очень много и из нее 12 рядков можно получить в полчаса, иные же - очень мало, и этих 12 рядков с трудом можно набрать только в три часа. К последней категории лошадей принадлежал и мой Единодушный. На нем мягкая, шелковистая шерсть всегда блестела, но рядков добиться было очень трудно, да и те, которые выбивались, были жиденькие. То, что у меня получались рядки не такие густые и обильные, как у других, меня смутило, и я думал, что это происходит от неумения чистить; но старый солдат Китов, который с первого же дня подружился со мною, объяснил мне, что это такая лошадь - у нее всегда мало рядков. Он же мне объяснил, что старые солдаты в таких случаях, т. е. когда приходится чистить беспыльных лошадей, запасаются иногда золой и мукой, что, смешанное вместе, подходит под цвет пыли. Пыль иногда занимают у других лошадей; особенно отличался изобилием пыли конь Живой; сколько его ни чистили, пыль всегда высыпалась, как мука.

Мне хотя и приходилось часами потеть около своего Единодушного, но к фальшивым рядкам и к позаимствованию пыли у других лошадей я не прибегал; я сразу полюбил своего коня за красоту и смиренность, а поэтому тереть щеткой его хотя бы часами не представлялось очень тягостным. Первый раз я с трудом наскреб семь бледных рядков. Мне было неловко, потому что меня могли обвинить в лени, - но рубаху у меня хоть выжми.

Только первые полчаса - час после прихода в конюшню слышались энергичное шуршание щеток и стук от выколачивания скребниц, затем это шуршание и стук затихали, и уже когда чисто разметенный коридор пестрел правильными рядками серых квадратиков, в конюшню совсем водворялась тишина; солдаты, сидя на перекладине, дремали; только новобранцы при проходе взводного принимались за шуршание, и потом опять все стихало. Скучно, томительно... Но вот загремели ворота, и вдруг весь взвод, как один человек, бросился к лошадям, и пошла неистовая стукотня... В воротах появляется вахмистр. Он важно в сопровождении взводного и дежурного по конюшне идет по взводу, осматривает лошадей и роняет взгляд на рядки. Мои семь тощих рядков, очевидно, обратили на себя его внимание: он на минуту остановился, посмотрел на коня, на меня и пошел дальше, ничего не сказав.

По уходе вахмистра из конюшни послышалось отрадное: "Кончай!". Это всегда приводило солдат в неистовство; тут поднимался дым коромыслом; быстро поились кони, задавался корм, и солдаты стремглав мчались "наверх", в казарму.

На чистку и уборку коней у кавалериста уходит почти половина его службы (ежедневно, кроме первого дня Пасхи и одного дня Рождества, 3-4 часа утром, 2-3 часа вечером и 2 часа после езды); она представляет из себя самую скучную, а потому неприятную и утомительную работу. Сама по себе уборка коней занимает не больше часа, остальное же время приходится проводить сидя на перекладине около лошади и тревожно дремать или томительно ждать, когда в воротах появится вахмистр и принесет с собою отрадное "кончай".

Придя "наверх", солдаты также стремглав бежали в солдатскую артель за кипятком, затем начиналась чистка себя и чаепитие. Поспешность в последнем случае необходима, потому что на чистку себя и на чаепитие оставалось времени не более получаса, а потом начинались занятия.

На кухне

Ровно в 12 часов дежурный по эскадрону командовал: "Обедать!" Обед - одно из важных отправлений солдатской жизни; этот час один из лучших среди хлопотливого дня. Еще за пять минут до обеда уже все сидят наготове с ложками и краюхой хлеба (хлеб,

ежедневно по три фунта, раздают солдатам на руки) и при первой команде "Обедать" идут или, вернее, бегут на кухню.

Солдаты обедают в кухне артелями; каждая артель состоит из 5--6 человек (возле одной чашки). Один из членов артели, обыкновенно пошустрее и помоложе, вызывался быть "депутатом", на обязанности которого лежит при первой команде бежать сломя голову на кухню, вооружиться чашкой и стать к котлу в первую очередь, где кашевар чумичкой наливает щи или суп. Щи или суп в котле сначала всегда бывают жирнее и гуще, а после жиже и постнее, поэтому и считалось интересным встать к котлу в первую очередь, чтобы получить более жирных щей; остальные уже спокойно берут свои порции мяса и садятся за стол, где их "депутат" уже сидит с чашкой горячих, дымящихся щей. Чем жирнее щи или суп, тем больше одобрения заслуживает "депутат" у своих членов.

В отношении обеда эгоизм у солдат проявляется в высшей степени; бывают часто перебранки у котла между "депутатами". Зато в каждой артели за чашкой происходит полный порядок и полное равенство. Все члены артели режут свои порции на мелкие кусочки и кладут в чашку со щами и сначала хлебают одни щи; затем, когда щей нахлебаются, по общему согласию начинают таскать мясо - предварительно постучав в знак согласия по краю чашки ложками. Конечно, у кого зубы острее, тот может воспользоваться лишним кусочком, но в этом случае протест никем не заявляется, и обед проходит в полном единодушии. После щей или супа раздается гречневая каша с салом. Каша, наоборот, - чем ниже ко дну, тем она жирнее, поэтому "депутаты" идти за нею не спешат и щи дохлебываются спокойно. Унтер-офицеры обедают вместе с рядовыми из одних чашек.

Щи или суп (в постный день горох), кусок мяса величиной в среднее куриное яйцо да две-три солдатские ложки каши - вот ежедневное меню солдата. Несмотря на малое количество блюд, голодным из-за стола никто не выходил, - лично я всегда был доволен обедом. Что касается ужина, то он состоял из жидкого супа из пшениных круп, куда клались немножко сала. Суп этот был очень невкусен, и им пользовались немногие - у кого не было денег на покупку воблы или ситного. Вобла и ситный употреблялись за вечерним чаем и заменяли ужин.

Должность кашевара одна из нелегких и неопрятных; он всегда должен возиться с котлами, салом и помоями; варить кашу и готовить суп он должен не иначе как ночью, чтобы к утру все было готово. Зато бережливый кашевар может выйти из полка с "капитальцем" - так как в его пользу поступают кости и помои, которые он продает, и, кроме того, ему кое-что перепадает от дележа с артельщиком "излишков"; размер этих излишков зависит от искусства кашевара.

Время от времени кухня посещается командиром эскадрона, который и пробует солдатскую пищу.

Занятия

Когда нас, новобранцев, собралось человек 20-25 (полный комплект новобранцев бывает около 45 чел.), с нами начались занятия.

Упомяну сначала о составе лиц, назначенных обучать нас, новобранцев. Старшим офицером к молодым солдатам был назначен поручик Воейков, требовательный, но справедливый офицер; он обучал нас езде. Помощником его - корнет Кознаков; заведовал устными занятиями и пешим строем. Это молодой офицер, не терпевший особой строгости, но, к сожалению, не часто бывал на занятиях. Обучающий унтер-офицер Михайлов - на его характеристике я остановлюсь несколько подробнее - "фартовый" солдат, благодаря его длинным и кривым ногам был отличный ездок и в довершение всего был очень нервный. С начала занятий он вел себя хорошо, и мы собирались его полюбить, но после, когда, должно быть, издергал с нами свои нервы, он сделался зол, беспощадно сыпал на всех и каждого самую отборную брань и очень широко применял рукоприкладство.

Помощником Михайлову был назначен ефрейтор Поверенный; это был, как я уже упоминал, душа человек; от него никто и никогда не слышал брани; видно было, что он мучился за нас, когда у Михайлова слишком разойдутся нервы. Иногда он старался уговорить его и тем, может быть, неоднократно спасал некоторых из нас от лишней зуботычины.

Занятия с нами начались с того, что нас стали сажать по приемам на деревянную "кобылу", седлать ее, а также соблюдать посадку.

Самая главная наука для кавалериста - это езда. Может быть, не кавалеристы спросят: какая же наука в верховой езде - ведь всякий деревенский мальчишка умеет ездить верхом, да еще как скачет!

Однако наука в езде необходима, она составляет своего рода искусство, и это искусство не всякий вполне может усвоить. Для отличной езды необходим талант, как и во всяком искусстве, и, кроме того, необходимы природные физические (красота формы тела) качества человека, чтобы он был красивым и ловким наездником. Конечно, при массовом обучении солдат, притом еще первый год только что оторванных от сохи, нельзя сделать

Полковой манеж

хороших наездников, но необходимы для них хотя элементарные познания, для усвоения которых все-таки требуется усиленное и настойчивое упражнение в течение 7-8 месяцев.

При обучении езде прежде всего и главным образом обращается внимание на усвоение всадником красивой и твердой посадки и на то, чтобы научить - именно научить - этого всадника

управлять лошастью так, чтобы она была для него послушным орудием; всем этим достигается то, что всадник с лошастью составляют одно целое, и это целое должно быть неразрывно и грозно для противника в бою.

Чтобы ощутительнее показать нам правила посадки, сидя на деревянной "кобыле", нам приказывали оттягивать ноги подборами вниз, а носки повертывать к лошади. Если кто сам не мог справиться с этой задачей, то подобная операция проделывалась с помощью рук обучающего унтер-офицера. При этом иногда слышался хруст около ступней, но на хруст и боль не обращается внимания, лишь бы постигнуть тайну хорошей посадки. Затем устанавливалось положение корпуса и рук. Положение корпуса должно быть прямо; руки от плеча до локтя - отвесны, а от локтя до кистей - под прямым углом; при этом требовалось, чтобы локти были "пришиты" к телу и не болтались во время езды, а от локтя до кисти рука должна быть "каменная", кисть же руки мягкая и поворотливая, так чтобы управление лошастью совершалось только кистью руки, мягко и притом незаметно для постороннего глаза. В этом и заключается вся премудрость элементарного знания верховой езды. Только соблюдая эти правила, при всяких поворотах и аллюрах всадник может иметь неизменное и прочное положение тела, как каменная статуя, и вместе с лошастью составлять одно целое.

Когда нами были усвоены приемы посадки на деревянной "кобыле", нам устроили езду в манеже на живых лошадях.

Первый раз для езды взводный дал мне кобылу Турку (для езды новобранцам лошадей меняют); лошадь старая, смирная, но очень тряская. Оседлав коней, мы повели их в манеж, сели и выстроились. Пришел заведующий офицер с длинным хлыстом, поздоро-

вался с нами и, объяснив еще раз правила посадки и управления лошадью, скомандовал: "Справа по одному, шагом - ма-арш".

Турка, на которой я сидел, оказалась настолько знающей правила езды и команду, что когда нужно было ей идти, она без всякого с моей стороны понукания пошла куда следует и правильно держала дистанцию. Пока кругом по манежу мы ехали шагом, сидеть было чудо как хорошо, и посадка сохранялась правильно; но вот нам скомандовали: "Рысью - ма-арш!" - и моя Турка также без всякого принуждения затрусилась рысью, но как затрусилась! Я отскакивал от седла чуть не на четверть аршина и притом терял равновесие, так что при каждом привскакивании я не попадал центром в седло, а упирался то на одну ляжку, то на другую и готов был свалиться. В более критические минуты очень хотелось схватиться за спасительную луку, но это нам было строжайше запрещено; я краснел, пыхтел и старался держаться пятками - как раз противоположно тому, как следовало по правилу: носки к лошади и подборы вниз; но тут уж не до правил. Нечего и говорить, что руки болтались, как крылья у петуха, и ничем их "пришить" нельзя было.

Мои товарищи испытывали то же самое. Наша первая езда и растерянность вызвали невольный смех у наших учителей. Рысью мы проехали не больше двух кругов, но у меня от сильной тряски заболела уже грудь, и я с неприятностью подумал: "Неужели так всегда будет? Это беда, смерть!" Но в следующий раз взводный дал мне другого коня - Уносного; это был тоже старый мерин, но очень плавкий; при езде на нем я чувствовал себя очень хорошо, мог по возможности сохранить посадку и не утомился.

Впоследствии, когда я привык к езде, то, сидя на коне, чувствовал себя как "дома", и верховая езда представляла для меня некоторое удовольствие. Однако, чтобы вполне удовлетворить всем правилам верховой манежной езды, я должен был проявлять неимоверные усилия; дело в том, что мой сравнительно малый рост не гармонировал с огромными кавалергардскими лошадьми и короткие ноги не в состоянии обхватить лошадь, брюхо которой равнялось с сорокаведерной бочкой. Сидя на такой лошади верхом, мне приходилось сильно растопыривать ноги, а при этом правильная оттяжка подборов и привертывание носков к лошади, что увеличивает число точек соприкосновения и способствует твердой посадке при езде рысью, трудно выполнимы. Кроме того, естественное состояние моего корпуса не соответствовало правильной и красивой посадке, т. е. я не обладал для нее природными физическими качествами, а именно: когда я сижу верхом, то моя поясница кажется перегнутой, что со стороны выходит неестественно и некрасиво; если же я выпущу поясницу, то получается горбатая фигура со впалой грудью, и я тогда похожу на сморчка - как выражался Михайлов. Я очень много должен был поработать над собой, чтобы естественное положение своего корпуса изменить согласно требованию красивой посадки. После я понял, что верховая езда представляет для меня ахиллесову пяту и я не могу вступить в ряды первоклассных наездников, как мне хотелось, и это меня очень огорчало.

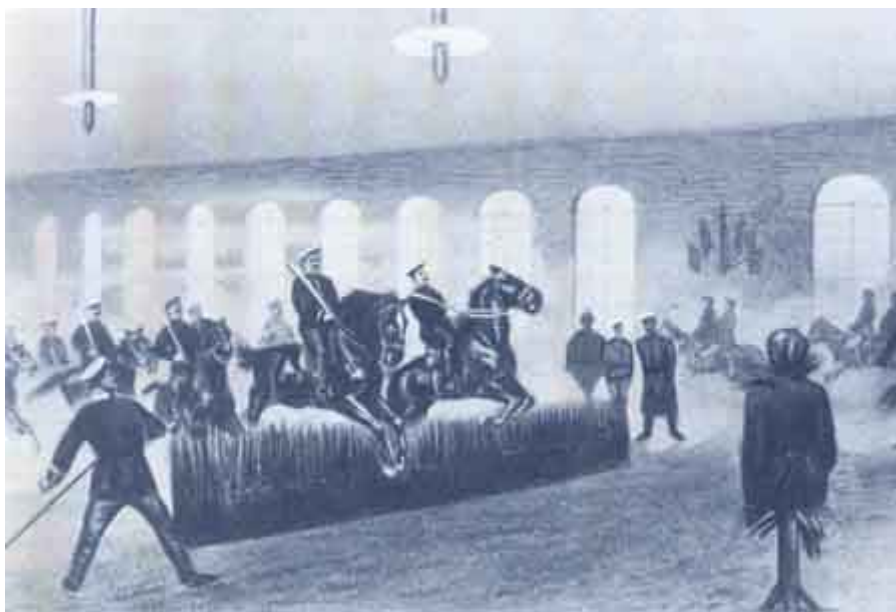
Весьма нелегкий труд при обучении езде молодых солдат представляется и обучающим. Молодых солдат в эскадроне в среднем бывает до 45 человек, и у каждого во время езды обязательно выказывается какой-нибудь недостаток: в посадке, управлении, внимательности и проч., и все эти недостатки обучающий должен заметить и поправить. В течение полутора-двух часов езды обучающий развивает свои голосовые связки следующим образом: пропустив мимо себя всю смену шагом и сделав замечание каждому в отдельности, он командует: "Рысью!"; во время езды рысью громко и отчетливо отсчитывает темп: "Раз-два, раз-два, раз-два"; в промежутке отсчитывания, так же громко и как будто без передышки, делает замечания.

В общем картина получается такая: "Рысью - ма-арш! Раз-два, раз-два, раз-два. Карасев! - голову выше; Учувашов! - локти назад. Раз-два, раз-два, раз-два. Вольты - ма-арш! В затылок, прямо! Болваны! Раз-два, раз-два... Дистанции! Кудинов! - грудь вперед; Павлов! - носки к лошади. Раз-два, раз-два... Налево назад - ма-арш! Петров! - внимание; Данилов! - в затылок; Смирнов! - шенкеля. Болваны!..."

И так весь урок. Неудивительно, что иногда обучающего выведут из терпения и кое-кому попадет бичом по спине или черенком нагайки по ляжке. Но после мало-мальски удачной езды слышится: "Спасибо, братцы, по чарке водки!" Под конец учебного года, когда ученье производилось усиленное и когда ряды молодых солдат вследствие разных болезней начали редеть, то "по чарке водки" слышалось чаще.

На слабогрудых верховая езда отражалась тяжело; некоторые ее не выносили и попадали в госпиталь, а оттуда - или на родину, или в нестроевую команду.

Кроме езды, но уже на втором месте, у нас были занятия по "пешему строю". Пеший строй заключался в маршировке, ружейных приемах и гимнастике.

Обучение в большом манеже. Барьер

На пешем ученье по ранжиру я стоял на левом фланге, третьим от края; значит, из 45 человек ниже меня по росту были только двое (Данилов и Петров). Все приемы пешего строя мною усвоились легко, и по этому делу я был у обучающихся на хорошем счету. Вообще пешее ученье не было тягостным, оно даже представляло собой некоторое развлечение - если только из-за каких-нибудь трех-пяти неудачников унтер-офицер Михайлов не заставлял нас всех без исключения четверть часа прыгать на корточках или стоять на одной ноге, вытянув вперед другую.

На пешем ученье господа офицеры бывали очень редко, и то ненадолго; этим занимались унтер-офицеры; при этом Михайлову представлялась полная свобода проявлять свою энергию по части нашей муштровки. К сожалению, как я упоминал, он был крайне нервен и во время особых припадков нервности не мог удержаться от рукоприкладства. Особенно часто и сильно "влетало" Петрову, который стоял на самом левом фланге и имел очень маленький для кавалергарда рост. Этот Петров, Рязанской губ., был очень смиренный и забитый солдатик; все зуботычины он переносил терпеливо, без малейшего намека на протест, который, кстати сказать, в военной службе невозможен без риска очутиться в дисциплинарном батальоне.

Попадало, конечно, и другим, но я почему-то пользовался его расположением и от зуботычин избавился. Конечно, ошибался и я, но за мои ошибки, когда таковые случались, он называл меня "армейцем"; тем и заканчивалось мое наказание.

В обыкновенное время, вне занятий с нами, новобранцами, Михайлов казался уважительным человеком, не чуждым к общительности, хотя и далеким от панибратства. На его вспышки "с приложением" мы смотрели как на нечто неизбежное. Должно быть, так надо, думали мы и смиренно покорялись своему року...

Словесностью с нами занимались ежедневно по вечерам в школе. Помещением для школы служил небольшой зал в углу казарм; в нем расставлены черные длинные столы и также скамейки. По стенам этой школы висели портреты царей, лубочные картины из военного быта, и на виду, около двери, торчал книжный шкаф - библиотека с надписью белыми буквами: "Читай понимаючи, иначе что прочел, то и позабыл" (в течение первой зимы я ни разу не видел, чтобы из этой библиотеки кому-либо выдавали книги; читающих тоже я не замечал).

Словесность заключалась в заучивании титулования начальства, зубрежке устава относительно присяги, дисциплины и всего, что необходимо знать каждому солдату.

Занятия словесностью были нетрудные, особенно для нас, грамотных, но скучноваты. Всю зиму приходилось штудировать один маленький уставчик, составленный специально для молодых солдат, с вопросами и ответами по параграфам. Этот устав, кроме сухих формальных слов, ничего не давал ни уму, ни сердцу. Обучающие также ничего не прибавляли от себя и ограничивались только требованием более или менее твердого знания того, что написано в уставе.

Лекции

По воскресным и праздничным дням для всех нижних чинов полка в малом манеже устраивались чтения с туманными картинами. Эти чтения, которые мы называли лекциями, кроме предоставления нижним чинам полезного развлечения носили еще и образовательный характер.

Устроителем и душою этих чтений был ротмистр Дашков. Благодаря этой светлой личности солдаты имели возможность хотя на короткий срок среди затхлой казарменной или, вернее, конюшенной жизни (кавалерист в казарме только спит, а живет в конюшне) вдохнуть струйку "свежего воздуха".

Чтения эти меня очень интересовали и захватывали всего. В то время когда я был в манеже и слушал чистый, ясный голос ротмистра Гернгросса или отечески добродушный и наставительный голос ротмистра Дашкова (чтения производились чаще всего этими офицерами) и смотрел на пояснительные картины и портреты замечательных людей, я уносился мыслью далеко-далеко и жил иной жизнью - жизнью тех героев, которые стояли среди мрака на светлом полотне экрана. Когда я слушал чтения, порой мои мысли рвались наружу, душа волновалась и чего-то сильно-сильно хотелось, но чего - ясно сознать тогда я не мог.

Очевидно, мое чувство подсказывало мне, что помимо той будничной и серенькой жизни, которой судьба заставила жить, есть еще жизнь другая, более интересная, осмысленная, - это жизнь для науки. Вот в такую-то жизнь, вероятно, меня и тянуло; но увы, волею судеб я должен довольствоваться теми немногими минутами, которые мы проводили в малом манеже. Нужно заметить, что чтения с туманными картинами мне пришлось видеть здесь впервые, а потому они производили на меня более сильное впечатление и, можно сказать, благотворное влияние. В антрактах чтения играла полковая музыка или пел хор песенников, что еще более усиливало интерес и поднимало дух.

Размышляя о прочитанном и примеривая это прочитанное к обиходу солдатской жизни, мне иногда представлялся вопрос: зачем не стараются развивать умственный кругозор солдата в более широком виде? Это так полезно и так легко достижимо вследствие объединения в команды и дисциплинирования, что, кажется, было бы непростительно не воспользоваться этим. В полк набираются люди молодые, в самом расцвете сил, со всех уголков обширного государства, и эти молодые люди представляют из себя прекрасный сырой материал для приготовления из них более разумных, а потому и более полезных работников на всяком поприще после военной службы.

Какая польза в том, что ежедневно шесть - восемь часов кавалерист проводит в конюшне около лошади? Для самой тщательной чистки и уборки одной лошади или даже

двух требуется времени не больше 1-1,5 часа, что фактически и бывает, а остальное время проводится солдатами сидя на перекладине в дремоте или наблюдении за дверью, в которой должен появиться вахмистр, чтобы вовремя броситься к лошади и произвести умышленный шум усердной чистки, говоря прямо - удачно обмануть начальство; и подобный обман - иногда в силу необходимости и иногда вследствие укоренившейся привычки - проявляется во всем. Такой порядок вещей, мне казалось, убивает в солдате всякое стремление к возвышенному и охоту к службе; он может, пожалуй, нравиться только лентяям, которым где ни спать - в казармах ли на матраце или в конюшне на перекладине - все равно, лишь бы поменьше движений. Человеку же, стремящемуся к деятельности и движению, это тягостно.

Я упоминал о шкафе-библиотеке, который всегда был заперт, и о том, что во время моей службы я ни разу не заметил, чтобы брали оттуда книги для чтения, не знал также, были ли там книги. Из этого можно заключить, что солдатские мысли ничем не были заняты и ничем не вдохновлялись. Воспользовавшись редким свободным временем отпуска и вырвавшись на волю, они спешат туда, куда влекут их ничем не обузданные грубые животные потребности. В результате констатируется тот факт, что большой процент служивых в виде "сюрприза" приносят к себе в деревню дурную болезнь. Такие мысли меня часто и сильно тогда волновали.

Содержание чтений было разнообразно: читались рассказы из военного быта, из русской словесности: о Кольцове, Лермонтове, с выдержками из их стихотворений, и проч.; сообщались научно-популярные сведения: об оспопрививании, о чахотке, об открытии Америки и проч.; велись и духовные беседы полковым священником и один раз в год - бывшим протоиереем Кавалергардского полка, теперь протопресвитером Желобовским. Беседы протопресвитера Желобовского были очень интересны и выразительны; он говорил обыкновенно своими словами, без книжки, и каждое слово точно клал в душу, где оно и запечатлевалось на долгое время. На меня его беседы производили благоговейное впечатление. Беседы протопресвитера Желобовского собирались слушать и многие господа офицеры.

Эти чтения, или лекции, нас, грамотных, заставляли записывать, и записки отбирались и отправлялись куда-то на просмотр. Цель этих записей нам не объясняли, но, должно полагать, по ним судили, как понималось и усваивалось солдатами прочитанное.

В писании этих лекций я усердствовал и переписывал почти целиком; так как я слушал со вниманием и интересом, то все прочитанное хорошо удерживалось у меня в памяти.

Царский смотр молодым солдатам

В правильных и регулярных занятиях прошла вся зима.

В марте 1891 г. нас, молодых солдат, готовили на смотр государю императору. Приготовление это заключалось в том, что нас несколько дней подряд водили в швальню, где пригоняли нам новые белые мундиры, а кому готовые не подходили, шили по особой мерке. Затем устраивали частные и генеральные репетиции "выравнивания и здоровья", а также подбор ранжира.

Настал день смотра. Нас повели в Михайловский манеж; сначала в соседнем манеже уральских казаков нам еще раз сделали репетицию и затем ввели в огромный Михайловский манеж, где выстроили весь полк в одну шеренгу по ранжиру. Там уже были собораны и также выстроены молодые солдаты всех частей Петербургского округа.

Теперь, через три месяца, из неуклюжей и пестрой толпы новобранцев они превратились в стройных молодцеватых солдат в разноцветных, по полкам, мундирах. Эти стройные солдатики выстроились длинными линиями (шеренгами) по полкам. Наш Кавалергардский Ее Величества полк, как первый по номеру, выстроился в первой линии.

Когда нас ввели в манеж, начальство было уже в сборе. Вскоре прибыл великий князь Владимир Александрович; но едва он успел принять рапорт от корпусного командира, как вдруг у подъезда сделалась суeta и в мгновение в манеже водворилась совершенная тишина, так что слышно было собственное сдержанное дыхание; во время этой тишины раздалась громкая команда великого князя: "Смирно! Глаза напра-во!" Мы, как один человек, повернули головы направо и в дверях подъезда увидели колоссальную фигуру государя Александра III.

**Император Александр III и императрица Мария Федоровна,
шеф Кавалергардского полка**

Приняв рапорт от великого князя, он подошел к нашему полку и поздоровался с нами, сказав не спеша своим бархатистым басом: "Здорово, кавалергарды!" Мы ответили дружно, как один человек: "Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!" Затем он медленно, но безостановочно пошел по нашему фронту; за ним двигалась многочисленная свита в блестящих мундирах с бесчисленным множеством звезд и орденов на груди.

Я стоял по ранжиру недалеко от левого фланга, кажется пятым. Так как я находился на левом фланге, мне было много времени ждать, пока государь приблизится ко мне. Он шел медленно и пристально смотрел в глаза каждому солдату. Конечно, идя безостановочно, он мог остановить свой взгляд на каждом солдате на один лишь момент, но когда он дошел до меня и посмотрел своими ясными голубыми глазами в мои глаза, которыми я "ел" его, как нас учили, то этот взгляд показался мне довольно продолжительным и глубоко проникающим в душу; я почувствовал этот взгляд всем своим существом; я почувствовал, как этот взгляд будил во мне патриотическое чувство, беззаветную преданность и любовь к этому человеку. Несомненно, что проявлению упомянутых чувств способствовало еще и то напряжение, с которым я смотрел на царя.

Я достаточно хорошо мог рассмотреть и запечатлеть в своей памяти его образ: светлые голубые глаза его искрились; лицо - белое, пухлое, с лучистыми мелкими морщинками вокруг глаз; выражение всего лица мягкое, приветливое, оно напоминало что-то

близкое, родственное, и, главное, в нем не чувствовалось недоступного величия, как это рисовалось воображению заочно, а было все просто, естественно, и этой-то простотой и естественностью государь прямо подкупал к себе окружающих. Против него некоторые генералы выглядели олимпийскими богами, и от их облаченных в красивые мундиры и величественных фигур обдавало холодом, как от мраморных статуй.

Когда государь прошел мимо меня дальше на левый фланг, то мне бросилась в глаза его необычайно широкая спина. По своей дородной фигуре против всех его окружавших он был поистине царь людей...

После осмотра царем нашего полка нам командовали "налево" и вывели вон из манежа. На том и закончился смотр... После Кавалергардского полка государь таким же порядком осматривал и другие полки.

Экзамен и присяга

Вскоре после царского смотра нам, молодым солдатам, был экзамен, т. е. особая комиссия, состоящая из нескольких офицеров и командира полка, проверила успехи, достигнутые нами в течение зимы. После экзамена занятия с молодыми солдатами прекратились, и спустя некоторое время нас приводили к присяге перед штандартом.

Присяга эта принималась молодыми солдатами при торжественной обстановке, в присутствии всех офицеров и нижних чинов полка.

В день принятия присяги в большом манеже был выстроен весь полк в парадной форме; молодые солдаты пристроились на левом фланге своих эскадронов. Посреди манежа был поставлен аналой с крестом и Евангелием, около аналая встал унтер-офицер со штандартом. Перед присягой был отслужен краткий молебен, а затем полковой адъютант громко и внятно прочитал обычные слова присяги и выдержки из статей военного закона о каре, которая должна постигнуть каждого нарушившего присягу. Кара эта распределялась от простого ареста до смертной казни включительно. После прочтения закона мы по очереди целовали крест и Евангелие и проходили мимо штандарта. Этот четырехугольный шелковый лоскут серого цвета с изображением темного орла и крестиком на древке был как бы свидетелем нашей клятвы, и он внушал нашему чувству какой-то страх. Проходя мимо штандарта, чувствовалось, что проходишь не мимо неодушевленного предмета, а как мимо святыни, как бы символически говорящей: "Я есмь носящий имя твоего полка и узел, связывающий вас всех в одно целое; а потому, чтобы не потерять имени полка, в котором ты служишь, ты обязан не щадить своей жизни в защиту меня".

Мне кажется, что вид штандарта или знамени потому внушает каждому солдату священный страх, что он должен в защиту его пожертвовать своей жизнью. И когда встречаешь где-нибудь штандарт или знамя, то невольно думается: "Вот предмет, висящий на древке, за целостность которого я должен умереть, если понадобится", и немедленно встаешь во фронт, благоговейно отдавая честь, и провожаешь его глазами.

Приняв присягу, мы пристраивались к своим эскадронам, и с этого времени мы вступали в ряды старых солдат. После присяги мы не имели права отговариваться незнанием закона и порядка и за проступки должны подвергаться взысканиям по всей строгости воинского закона.

Первое время находиться в рядах старых солдат было интересно, как интересно всякое новое дело; но затем мы втерлись в круговорот солдатской жизни, однообразной, скучной и лишенной всякой самостоятельности; вместо новобранческих занятий пошло обычное, но бессмысленное сидение в конюшне с утра до ночи, с небольшим перерывом на обед, и уже служба казалась далеко не раем, как я думал первую ночь при поступлении моем в полк. Но все-таки было сносно; были надежды на лучшее будущее, потому что у своего ближайшего начальства я был на хорошем счету, и эти надежды позволяли смотреть на настоящее как на временное, переходное, за которым должна наступить новая эра, более интересная и более осмысленная; но как она должна наступить и при каких обстоя-

тельстввах, я не заставлял себя об этом задумываться, а лишь надеялся и приготовился ждать...

В лагерях

В начале мая, как и всегда, наш полк после молебствия на полковом дворе выступил в Красное Село в лагерь.

В лагерях наш 2-й эскадрон, как и 1-й, помещался в бараках. Это длинный дощатый сарай, вдоль которого посередине располагались коновязи; к коновязям привязывались лошади, голова к голове; для каждой лошади толстой слегой отделялось стойло. Здесь же, в двух шагах от зада лошадей, по обеим сторонам барака размещались люди. Для жилья людей устраивались каморки, каждая для двух человек. Каморки эти как от лошадей, так и друг от друга загораживались досками или просто завешивались рогожами. Внутри каморки из досок сколачивались две кровати и между ними импровизировался стол. Над столом в наружной стене имелось небольшое, в 5-6 вершков, окошко, на ночь задвигавшееся доскою. Здесь же, в каморке, хранилось все солдатское и казенное имущество (седло, уздечка, мундштук и винтовка). Первый год в лагерях мы поместились вдвоем с Карасевым.

Заняв дощатую каморку (они занимаются в бараках солдатами захват: кто какую вперед занял, бросив туда седло, в той и остается; только крайние каморки около ворот остаются в неприкосновенности - для унтер-офицеров), мы оклеили ее листами бумаги из хрестоматии, купленной мною в мелочной лавочке; было уютно и не ощущалось большого ветра, дувшего в щели.

В лагерях начались усиленные занятия; главным образом езда эскадронами и полком, затем стрельба. Для нас, молодых солдат, было много нового, а поэтому было не скучно и не тягостно.

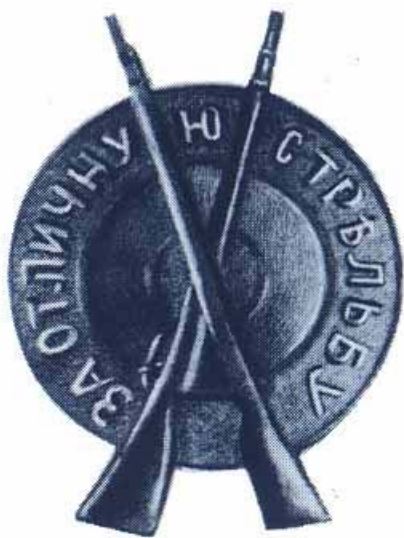
По стрельбе я попал в первый разряд.

Стрельба в кавалерии не считается главным занятием, и пуль выпускается гораздо меньше, чем в пехоте, для которой стрельба служит главным предметом занятий.

Лагерные занятия производятся взводами, эскадронами и полком, т. е. крупными частями, поэтому отдельные личности стусеваются и каждый солдат на ученье представляет собою не Петрова, Федорова или Иванова, а первый, второй или третий ряд, и уже взвод состоит не из 24 человек, например, а из 12 рядов (в две шеренги). Индивидуальность каждого солдата проявляется только при одиночной стрельбе.

В лагерях время идет очень быстро; незаметно прошла половина лета, а после начались обычные маневры, смотры и парады. Личные впечатления от маневров и смотров, которые всегда хорошо описываются в газетах, у меня были скудны. На маневрах и вообще на массовых ученьях каждый солдат представляет из себя автомат; он действует почти бессознательно и едет туда, куда командир махнет шашкой или куда повлечет его масса. В антрактах и на бивуаках он не расстаётся со своей лошадью.

На маневрах приходилось иногда мокнуть на дожде, спать в грязи и глотать много пыли; но бывали и хорошие стороны - иногда на бивуаке чувствовалось как на пикнике:

Знак «За отличную стрельбу из винтовки»

мутный чай с комарами в котелке; горячая каша, пахнущая дымом; слышатся залихватские песни, полковая музыка; иногда устраивался фейерверк; конечно, шумными развлечениями занимаются только тогда, когда части не надо скрывать от "неприятеля" своего местонахождения, например, по окончании маневренной задачи. В общем было весело.

Стремление в учебную команду и письмо великому князю

Наконец настало самое тревожное время для молодых солдат, окрыленных надеждой: это назначение в учебную команду.

Учебная команда для каждого нижнего чина имеет очень важное значение, и не только в продолжение военной службы, но и после нее, так как нижние чины в звании унтер-офицера пользуются некоторыми правами и будучи в запасе. Не побывавши в учебной команде, унтер-офицерского звания в мирное время получить нельзя и, значит, всю службу остаться рядовым или, много, - ефрейтором.

Лично для меня, смотрящего на военную службу как на переходную ступень из беспросветной деревенской жизни в более осмысленную и лучшую - чего, по моему мнению, я мог достигнуть, только будучи унтер-офицером, - остаться рядовым значило возвратиться в прежнюю жизнь, а это ужасно!

Поэтому мысль о назначении в учебную команду меня сильно тревожила. Но судя по успехам, которые я делал, будучи новобранцем, и по отношению ко мне ближайшего начальства, я не сомневался в назначении меня в учебную команду. Считали меня кандидатом в нее и все солдаты-товарищи, которые относились ко мне с каким-то особым уважением, несмотря на то что я был молодой солдат, а с молодыми солдатами вообще не церемонятся. Чувствовалось, что свое уважение ко мне они оказывали как бы в долг, ради будущего моего начальствования над ними. Бывший мой дядька, теперь унтер-офицер Поверенный, прозвавший меня за писание "лекций" Достоевским, тоже высказывал свое предположение, что я буду назначен в учебную команду, и вообще пророчил мне славные успехи по службе.

Но вот однажды приезжает к нам в бараки великий князь Николай Михайлович (командир эскадрона); по обыкновению поднялась суматоха между дежурным, вахмистром и взводными. Я был в это время дневальным по конюшне. Вскоре эскадронный писарь вышел со списком и громко выкрикивал фамилии с приказанием идти в канцелярию, где в это время находился великий князь.

Нами тотчас же была понята цель его приезда и вызова людей по списку в канцелярию - это был выбор или, вернее, назначение в учебную команду. В этом списке моей фамилии не оказалось, и напрасно я напрягал свой слух. Сначала это привело меня в смущение, а затем обуюла крайняя досада - досада несбывшейся мечты и надежды. Порой мне думалось, что здесь недоразумение: либо я не расслышал свою фамилию, либо писарь пропустил ее читая. Но вот выборные солдатики вышли из канцелярии с довольными, веселыми лицами; процесс назначения кончился. Вскоре вышли и великий князь с вахмистром; они прошли мимо меня, причем великий князь, по обыкновению смеясь, что-то говорил вахмистру, а тот, подняв голову кверху, с застывшей улыбкой на губах, по-солдатски смотрел ему в глаза - слушал и по временам отвечал: "Точно так... никак нет..." И только теперь я понял, что здесь недоразумений не было, а я просто был обойден и не представлен великому князю. Но почему? Список лиц для назначения в учебную команду и в другие командировки составляется вахмистром совместно со взводными; командир эскадрона только утверждает список и в очень редких случаях лично вмешивается при назначении нижних чинов в какую-либо командировку. Так, по крайней мере, было в мою бытность во 2-м эскадроне.

После этого я чувствовал себя так, как будто у меня отняли что-то драгоценное, любимое и вытолкали вон, т. е. отняли любимую мечту и вытолкали из того приятного положения, которое окрыляется надеждою. Неужели?! Но я боялся думать о последстви-

ях и старался как утопающий ухватиться за соломинку - найти хотя уголочек ушедшей надежды, хотя как-нибудь найти ключ к выходу из беспросветной тьмы к светозарному идеалу, который, но моему тогдашнему мнению, находился только в учебной команде.

Читатель, может быть, обвинит меня в эгоизме, подумав, что я стремился через учебную команду облегчить свою дальнейшую личную службу, но это обвинение было бы ошибочно. Все мое стремление было направлено к саморазвитию, к достижению более полных знаний и желанию до самозабвения быть полезным другим, и уже затем подталкивал меня к этому стремлению страшный призрак прошлого. Я думал, что более лучшая служба, исполненная при посредстве учебной команды, не допустит меня вернуться в прежнее положение, из которого я поступил в полк.

В моей душе была полная драма, но пока еще смягчаемая разными выдуманными мною надеждами.

Прошло некоторое время; мысли мои не мирились со сложившимися обстоятельствами; выдуманные надежды все бледнели; к тому же товарищи-солдаты стали смотреть на меня недоумевающе и ясно давали чувствовать, что я забракован, - и к душевным страданиям прибавилось еще страдание самолюбия. Что делать! Солдат поставлен в такие тесные рамки, что ему нет возможности сделать что-нибудь в пользу удовлетворения своего желания, хотя бы это желание было и благовидно. По духу воинского устава солдат не может сам напрашиваться, куда захочет, и не может отказываться от того, куда его посылают, хотя бы ему в таком случае угрожала смерть.

Однако что же делать? Хотя есть логика, здравый смысл, законы, а я все-таки не мог помириться с совершившимся фактом моего забракования; а досаднее всего то, что я не знал и мне не говорили, за что я забракован; знай это, я мог бы исправиться. И после долгих размышлений я решился на отважный и с точки зрения военной дисциплины преступный шаг - я написал великому князю, своему эскадронному командиру, письмо с просьбою назначить меня в учебную команду. Теперь, десять лет спустя, я точно не помню, что писал, но в общем припоминаю: в письме я выражал желание быть на военной службе более полезным и лучше применить к ней все свои способности, а этого можно достигнуть, только будучи унтер-офицером.

Решаясь на отсылку письма, я рассчитывал, что великий князь если не уступит моей просьбе, то во всяком случае не придаст ей никакого значения, и уже самое большее, если посмеется надо мной, тем и кончится...

С большим волнением и с замиранием сердца подошел я к почтовому ящику, подвешенному у ворот полкового штаба. Вставив письмо в отверстие, я подержал его за уголок и чуть-чуть подумал: "Не надо..." Затем, проговорив: "Господи, благослови", я разжал пальцы, письмо скользнуло из рук, скрылось в отверстии и ребром стукнулось о дно ящика. Этот стук я почувствовал так, как будто письмо ударилось о мое сердце. "Кончено", - отозвалось на этот звук у меня где-то внутри. "Кончено", - мысленно повторил и я. Отходя от ящика, я чувствовал себя до некоторой степени облегченно - точно мешок картофеля, а не письмо я опустил в него, - так тяжело было исполнить это решение...

Первый день после отправки письма я несколько волновался и рисовал в своем воображении разные предположения о последствиях этого письма. Но на второй день я уже успокоился и, занявшись исполнением служебных обязанностей, даже забыл о нем; но вдруг после обеда к баракам подъехал извозчик в пролетке и без седока; он сказал взводному, что великий князь прислал его за Подшиваловым, т. е. за мной, и приказал мне ехать с этим извозчиком и явиться к нему на квартиру. Услышав это приказание, я сразу вспомнил вчерашнее письмо; понятно, взволновался, в груди застучало так сильно, что я слышал этот стук. Я все предполагал, но только не предполагал, что великий князь позовет меня к себе; такой оборот дела застал меня врасплох, и я не знал, что мне подумать: хорошо это или дурно, радоваться этому или печалиться. Наскоро надев чистую "гимнастерку" (белую полотняную рубаху), я сел в пролетку и отправился на квартиру великого князя.

Только что я переступил порог приемной, как из другой комнаты навстречу мне вышел великий князь со своим неизменным янтарным мундштуком во рту и с палкой в руке. Он проговорил: "Здравствуй, Подшивалов!" Я хотел ответить обычно, по-солдатски, но у меня в глотке что-то забулькало, и я, кажется, не мог отчетливо выговорить слов.

Дача на Каменном острове в Санкт-Петербурге

Подойдя ко мне почти в упор, он бросил на меня сверху вниз серьезный взгляд своих красивых глаз и спросил:

— Ты дисциплину знаешь?

Я смело, по-солдатски, снизу вверх смотрел ему в глаза и в первый раз заметил его серьезный взгляд; до сих пор я видел его только или смеющимся, или улыбающимся. Этот его серьезный взгляд и вопрос о дисциплине поставили меня в тупик, и я опешил, но тотчас понял, что я в своих предположениях о письме ошибся.

— Так точно, ваше императорское высочество, - ответил я на его вопрос.

— А разве ты имеешь право писать мне письма как к своему командиру? Ведь это не полагается

— Виноват, ваше императорское высочество.

— Если тебе уже так хочется в учебную команду, то ты мог бы заявить об этом своему взводному, или Ермошкину (вахмистру), или же лично мне, ведь я бываю там часто; а писать не полагается, это запрещено законом, и ты это должен знать.

— Так точно, ваше императорское высочество, - ответил я, потому что надо что-нибудь отвечать, но думал иное, а именно: заявлять взводному или вахмистру невысказано, а если обратиться по этому поводу лично, то ближайшее начальство за это согнуло бы меня в бараний рог, а толку не было бы никакого. То, что я думал, высказать вслух опасался, чтобы не нарушить дисциплины, так как нас учили и заставляли твердо запомнить, чтобы начальнику отвечать всегда одно слово; утвердительно - "точно так" и отрицательно - "никак нет". При таких разговорах начальнику трудно добиться искренности у своего подчиненного и тем более трудно узнать, что у него в голове: мозг или мякина...

— Ты думаешь, я тебя не знаю, - продолжал он, уже ходя мимо меня по комнате, - и потому не назначил в учебную команду? Нет, я знаю: во-первых, ты ростом мал, не

представителен; во-вторых, едешь не лучше других и вообще ничем не выделяешься; в-третьих, еще молод, есть люди старше тебя, отставить которых я не мог.

— Но ведь мне, ваше императорское высочество, служить немного, - осмелился я возразить на его последний довод о моей молодости.

— Но еще успел бы, надо ждать, иметь терпение.

Здесь он стал говорить мне мою биографию: что я был любимец матери, что в школе обучала меня учительница... Я удивился проницательности великого князя и отвечал утвердительно. Я хотел еще прибавить, что у меня была крестная, монашенка, которая сильно влияла на мое воспитание. Очевидно, великий князь воспитание моего характера приписывал женскому влиянию.

Относительно письма он сказал, что написано хорошо и выраженные желания похвальны, но все это противозаконно; итак, закончил он, написано умно, а сделано глупо. После этих слов его глаза опять засветились улыбкой, наконец он сказал:

— Ступай, Ермошкин тебя проберет.

Я ушел убитый, но вместе с тем в душе чувствовал некоторое удовлетворение от серьезного разговора со мною великого князя. Дело в том, что мы, солдаты, привыкли к обращению с нами начальства, как с детьми, с которыми серьезно говорить не полагается, потому что они ничего не понимают.

При моей беседе с великим князем обычное дисциплинарное сношение начальника с подчиненным было уже нарушено, и он со мною не только говорил, но и рассуждал как с "большим"; это-то, вероятно, и льстило моему, может быть "детскому", самолюбию.

Последствия письма

Дома ожидала меня большая неприятность. Письмо мое великий князь передал вахмистру, а этот последний пробрал меня следующим образом.

Вечером, по обыкновению в 9 часов, эскадрон собрался перед серединой барака на молитву. Все солдаты встали лицом на восток, т. е. к скачкам, павильон которых помещался как раз против барака, по ту сторону речки Лиговки и линии Балтийской железной дороги.

Было тихо. На небе ни облачка. Солнце почти уже скрылось за Петербургом, колокольни и шпицы которого едва виднелись в сером мареве; косые лучи его золотили окрестность; а по низине, над самой речкой, широкой лентой расстился туман цвета офицерской шинели. Вдали, по кривой линии железной дороги, извивавшейся по извилинам речки Лиговки, тихо полз, как змея, товарный поезд; его грохот чуть-чуть доносился до нас.

Из среды собравшихся на молитву солдат унтер-офицер Поверенный, как всегда, выступил вперед и тенором, который разнесся далеко-далеко по окрестности, затянул "Царю небесный"; хор поддержал его, и стройные звуки 140 солдатских голосов широко разлились по всей окрестности.

Загрохотал пушечный выстрел; это возвещалось, что девять часов вечера - время зори. Из пехотных лагерей, расположенных направо от нас за той же Лиговкой, слышались мелодичные звуки трубы горниста, игравшего зорю; затем едва доносился глухой звук нескольких солдатских хоров, также певших молитвы.

Когда наш эскадрон закончил пение молитв словами: "Крестом твоим жительство" и когда последние звуки унеслись по серому туману над Лиговкой в сторону пехотных лагерей как бы для соединения с гулким звуком других хоров, чтобы вместе вознестись на небо, вахмистр Ермошкин, стоявший сзади всех, громко скомандовал:

- Стой, не расходись!

Солдаты остановились и недоумевающе смотрели на вахмистра.

- Подшивалов, сюда! - вызвал он меня на середину перед эскадромом.

Я вышел, подняв руку под козырек. Вахмистр, указывая на меня рукою и обратясь к солдатам, громко начал говорить:

- Вот этот болван, Подшивалов, написал великому князю письмо, просится в учебную команду...

В это время я почувствовал себя очень странно: я как будто стоял не на земле, а на воздухе - что называется, ног под собой не слышал - и после каждого слова, произнесенного вахмистром, подымался по воздуху все выше и выше, а люди и говоривший вахмистр сделались маленькими-маленькими.

Вахмистр говорил долго и что именно говорил, кроме вышеупомянутых слов, я не помнил. В заключение своей речи он обратился к эскадронному писарю и сказал:

- Варпа, запиши ему тринадцать караулов (*По уставу вахмистр не имел права наказывать одновременно тринадцатью караулами, но, называя это число, он, очевидно, хотел придать проступку большее значение*).

На что тот ответил:

- Слушаю, Иван Кузьмич.

После произнесения им слов "тринадцать караулов" я опомнился, "спустился на землю" и увидел, что все молча стали расходиться; пошел и я в свою каморку. После "проборки" вахмистром я чувствовал себя почти так же облегченно, как и накануне, когда, опустивши письмо, отходил от ящика. Теперь я уже знал, что мое положение определилось и большего наказания не последует, но зато в отчаянии предполагал, что все мои надежды разбились вдребезги; мать свою уже больше утешить нечем - и отвратительный призрак прошлого встал предо мной во всей ясности; было невыносимо тяжело. После объяснения великого князя я узнал, что причиною моего "несчастья" послужили мой сравнительно малый рост и вместе с тем непредставительность. Но я старался этим мыслям не верить и спешил выкинуть их из головы, как еще более отягчающие душу (после я убедился, что не все смотрят на солдата, как на вещь).

"Будь что будет", - сказал я себе и решил приложить все свое старание к маленьким обязанностям рядового солдата и терпеливо переносить всякие невзгоды. "Бывает и хуже", - пробовал я утешить себя.

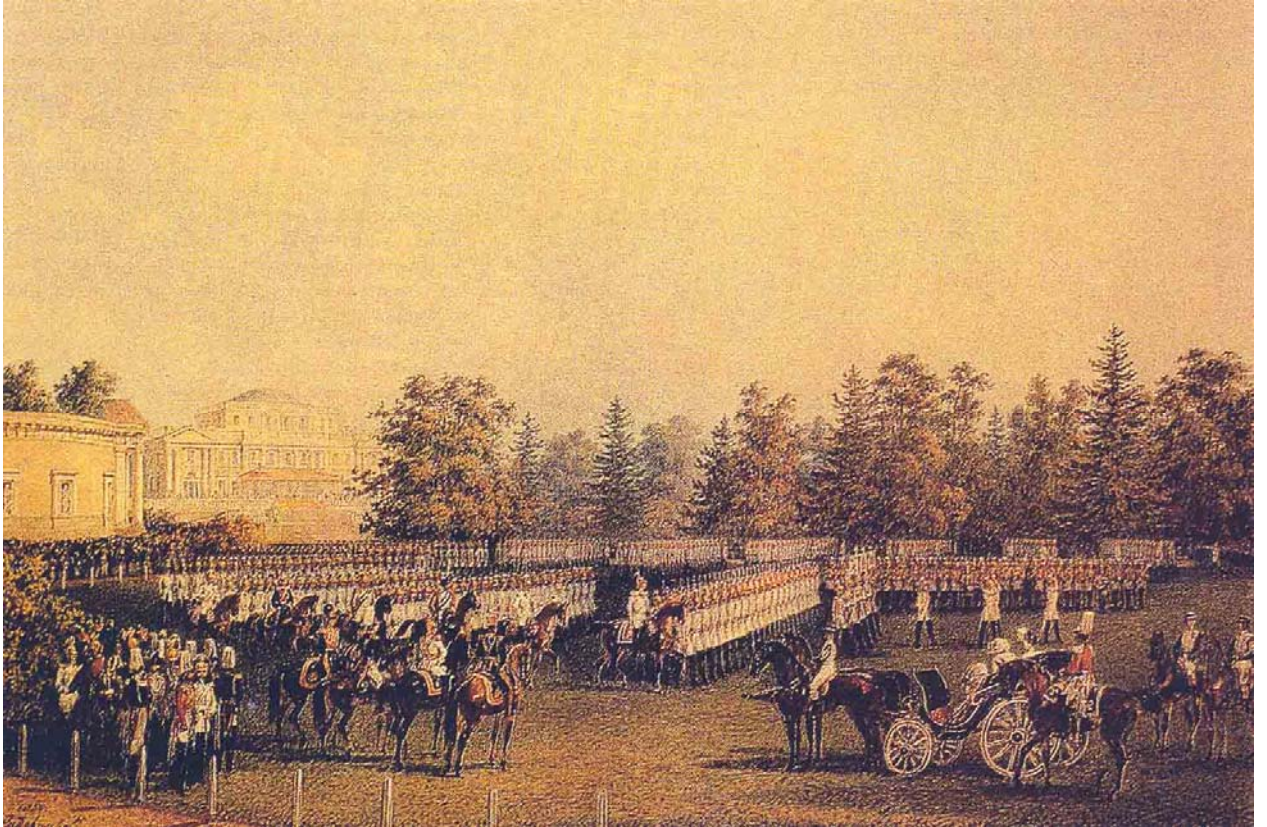
Многие солдаты не понимали степени моего проступка; это был единственный пример, и они не знали, как на меня смотреть: не то с сожалением, не то с насмешкой, не то с презрением. Среди них чувствовалось недоумение; но они держали себя как бы в ожидательном положении и своего отношения ко мне не изменяли; только старый солдат Удалов (весельчак по характеру) после произнесенной вахмистром речи сказал мне:

- Ну вот, Подшивалов, ты теперь будешь такой же, как и мы, прослужишь рядовым...

Не знаю, что он этим хотел сказать, но в его словах чувствовалась нотка сожаления.

На следующий день в первый раз за "провинку" я был назначен в караул к денежному ящику на дворе полкового штаба. Караульная служба, хотя и за "провинку", мне показалась нетяжелой. Стоять на часах и чувствовать себя неприкосновенным - нас учили, что часовой есть лицо неприкосновенное, - даже приятно. Здесь, стоя на часах, карауля деньги, сознаешь себя нужным человеком и знаешь, что делаешь полезное дело. Во всяком случае, в карауле мне показалось лучше, чем сидеть у себя в каморке за простывшим чаем и напряженно прислушиваться, не идет ли вахмистр, - чтобы вовремя броситься к лошади и произвести щеткой шум.

В карауле мне нравился порядок среди караульных, тишина и вечерняя молитва. Вечером в 9 часов, во время зори, приходит трубач; караул выстраивается около гауптвахты; караульный унтер-офицер командует "шапки долой" и размеренным голосом читает молитву "Отче наш"; затем трубач играет зорю. Во время игры трубача, которая напоминает что-то молитвенное и проникающее в душу, караул стоит без шапок.

Парад кавалергардов на Елагином острове

Чтение молитвы и игра трубача настраивали как-то на особый лад: все это казалось торжественным, серьезным и чувствовалась отрешенность от всего мира...

Этим одним караулом и закончилось мое наказание; меня больше в караул не назначали. Не знаю, чье было на это распоряжение. Однако взводный унтер-офицер Туровец считал мой проступок с письмом достойным большего наказания и уже от себя, где и как мог, восполнял этот недостаток: то лошадь даст для езды такую, что на ней неминуемо сделаешь беду; то найдет оторванную пуговицу у завалявшегося старого мундира; то какую-нибудь неисправность в седле; то не так прошел, не так сказал, не так честь отдал, - словом, придирался ко всему и за все своей властью наказывал: назначением не в очередь дневальным, па работу, а иногда ограничивался и более коротким, но чувствительным наказанием. Вообще, письмом я создал себе тяжелое положение, но после, как увидит читатель, оно имело и хорошие последствия.

Травы

По окончании лагерного сбора кавалерийские войска располагались на отдых, который продолжался не менее одного месяца. Время этого отдыха, или каникул, у кавалеристов называлось травами. Это название установилось, очевидно, потому, что во время каникул кавалерийских лошадей разрешалось кормить травой; но за неимением в Петербурге и его окрестностях травы Кавалергардский полк довольствовался только свежим сеном, причем для лучшего использования каникул в виде приволья каждому командиру эскадрона предоставлялось право искать лучшее место и вести туда свой эскадрон.

В 1891 г. великий князь Николай Михайлович свой 2-й эскадрон водил на травы в немецкую колонию - селение Каменку близ Петербурга, за Коломягами, - здесь он все время жил сам и охотился в окрестных лесах и болотах.

При въезде в селение Каменку немцы-колонисты устроили нашему эскадрону торжественную встречу. На краю этого селения из шестов и древесных ветвей они построили арку и украсили ее гирляндами зелени и цветов; здесь же собрались все колонисты: мужчины в суконных куртках с характерными бритыми лицами и женщины в пестрых нарядных платьях; хор детей под управлением учителя пел кантаты на русском языке, и очень стройно. Эскадрон вел сам великий князь.

Мы расположились по разным дворам. Здесь, на лоне природы, среди леса и полей, я, как и другие, отдыхал телом и душой. Погода была прекрасная. Колонисты оказались людьми добрыми и внимательными; они кормили нас до отвала картофелем, которого у них были целые горы, и во всякое время у себя на плите кипятили нам воду для чая и жарили грибы, которых тогда было много в соседнем лесу; к чаю в виде лакомства мы собирали клюкву, которой было много на обширном болоте, находящемся почти у самого селения. Все колонисты и даже маленькие дети хорошо говорили по-русски, но между собою всегда по-немецки.

Привольная жизнь, отсутствие занятий и тревоги способствовали тому, что некоторые солдаты наспали себе огромные лица и казались распухшими. Эту пухлость в лицах многих солдат заметил и великий князь Михаил Николаевич, приехавший в Каменку навестить своего сына великого князя Николая Михайловича; проходя мимо выстроенного эскадрона и глядя на нас, он сказал своему сыну:

- Какие они у тебя толстомордые.

Последний, смеясь, ответил, что это оттого, что здесь воздух хорош.

Воздух действительно был очень хорош, но еще лучше были и, несомненно, более способствовали опухлости щек - это огромные, жирные быки, частенько приводившиеся к нам из Петербурга. Быки эти убивались и разделывались на мясо солдатами здесь же, в Каменке. Иногда приводились такие быки, что к ним не отваживался подойти импровизированный мясник, и в этих случаях выручал сам великий князь; он брал револьвер и стрелял быку прямо в лоб, конечно без промаха, после чего тот падал и через некоторое время частями варился в котле, а жирные кишки его делились между солдатами и усердно мылись для картофельного жаркого, которое служило добавочным блюдом к солдатскому меню. В общем, было немножко патриархально и по-домашнему.

Это время, проведенное на травах, долго потом вспоминалось солдатами, как вообще часто и подробно вспоминается все приятное. Между прочим, одним из предметов воспоминаний были романы, устраиваемые некоторыми солдатами с "капорками" (поденщицами), которые во время трав большими партиями работали у колонистов. Эти "капорки" (почему поденщиц называли "капорками" - мне неизвестно), преимущественно молодые девушки из Тверской и Московской губерний, как везде бывавшие и много выдавшие, были очень незастенчивы - даже более...

На травах мне пришлось близко встретиться и говорить с великим князем при следующих обстоятельствах.

Однажды, будучи патрульным, я вместе со своим товарищем (в патрульные назначалось по двое) стоял у квартиры великого князя, помещавшейся в одном из домиков посреди селения. Было около 11 часов вечера. Великий князь играл на рояле. Он сидел к окну спиной, и нам были видны быстрые движения его рук то вправо, то влево и такое же быстрое наклонение его корпуса, так что казалось, будто он ловил руками какого-нибудь зверька, бегавшего от него то вправо, то влево. Играл он, очевидно, вдохновенно, и звуки музыки широкой волной лились из открытого окна на улицу. Игра кончилась, но мы, очарованные музыкой, продолжали стоять против окна и не заметили, как он вышел из квартиры и подошел к нам.

- Что, хорошо я играю? - неожиданно спросил он нас.

Мы, конечно, ответили утвердительно.

- А ты умеешь играть? - обратился он ко мне.

- Никак нет, - ответил я.

- А на гармонике?
- И на гармонике не умею.
- Так на чем же умеешь?
- Ни на чем не умею, ваше императорское высочество.
- Гм... странно, как же так, а еще Подшивалов...

Читатель, конечно, помнит, что мне было не до музыки; но великому князю я сказал искренно, что музыку люблю страстно и очень сожалею, что не умею играть.

Вечер был тихий, и звезды ярко горели на безоблачном темном небе. Великий князь, глядя на небо, показал нам созвездие Большой Медведицы и Полярную звезду, по которой можно определить север.

- Это очень важно знать разведчикам для ориентировки ночью, - сказал он нам.

Затем он хотел показать нам еще Малую Медведицу, но не нашел ее и сказал, что когда мы будем разведчиками, то нам покажут и объяснят все. Постояв еще немного, он пошевелил плечами, помахал руками и возвратился в комнату, где и продолжал игру...

13 сентября колонисты, так же как и при встрече, с пением кантат провожали наш эскадрон в Петербург на зимние квартиры.

Возвращение в казармы

По возвращении в казармы с нами, молодыми солдатами - срока 91-го года, - возобновились занятия, чтобы утвердить в памяти и лучше усвоить строевую службу. Занятия эти производились недолго, затем началась скучная, однообразная казарменная или, вернее, конюшенная жизнь.

Ежегодно осенью бывает инспекторский смотр и выводка лошадей. Недели за четыре до смотра происходит усиленная чистка лошадей, и кроме обычного количества рядков полагалось еще каждый день замывать лошадям хвосты и белые ноги мылом. На это дело убивалось все время - с пяти часов утра до восьми вечера ежедневно.

Вскоре по возвращении в казармы из полковой канцелярии поступило в эскадрон предписание, чтобы поручить кому-либо из нижних чинов составить отзыв о "Памятке кавалергарда" и доставить его в полковую канцелярию. Эта памятка, составленная ротмистром Дашковым и изящно изданная, выдавалась каждому солдату при поступлении в полк. В ней излагалась краткая история полка, его заслуги и объяснялись обязанности каждого солдата. Написана она простым для понимания солдата языком и в дружеском тоне. В ней подробно объясняется и защищается дисциплина.

В нашем эскадроне исполнение этой задачи по предложению Поверенного поручили мне как "усердному писателю лекций" и вследствие сложившегося в эскадроне мнения о том, что у меня "хорошо работает максимка", т. е. голова. Мнения эти и поручение были для меня лестны, но, по правде сказать, я не чувствовал в душе, чтобы они были вполне справедливы.

Я, конечно, взялся написать отзыв о памятке, и взялся потому, что не имел права отказываться; но почувствовал, что эта задача для меня была не легкая. При поручении этого дела программы никакой не сообщили, а сказали просто - "напиши, что знаешь о памятке". Дали бумаги. Писать мне приходилось только ночью, после поверки, а днем, с утра до ночи, я проводил время вместе с другими в конюшне и там, сидя на перекладине около своего Единодушного, обдумывал план "сочинения".

Обдумывая план, я прежде всего старался проникнуть мысленно во внутренний мир солдатской жизни, постигнуть яснее действительность и затем эту действительность сличить с мнением автора, изложенным в памятке, и уже на основании сличения искать противоречия или недостатки, которые и записать в своем отзыве. Иначе я не знал, что нужно было написать об этой памятке, изложенной безукоризненно хорошо, благонаравно, патриотично... И излагал-то ее такой человек, перед которым я благоговел и всегда при встрече с ним, отдавая честь во фронте, немножко останавливался, смотрел ему вслед и

думал: "Вот идеальный человек, и притом писатель, - хотя и военный"; а писатели, кстати сказать, в моем воображении были люди необыкновенные, видеть которых можно только на пьедесталах да на портретах, а живые нам недоступны.

Итак, что я выработывал мысленно в конюшне, то вечером в казарме записывал на бумаге; таким образом недели через две у меня образовалась рукопись в три листа писчей бумаги.

Из всего написанного в отзыве я теперь только чуть помню высказанные мною мнения о дисциплине. В отзыве я смело осуждал существующую чересчур строгую дисциплину, находя, что она убивает всякую самостоятельность в человеке, делает его безвольным и безличным и удерживает его на низком уровне умственного развития; и вообще очень строгая дисциплина делает службу тягостной. Я проводил мысль, что существующая дисциплина была введена еще в дореформенное время, когда в солдаты набирались большей частью люди из разных человеческих отбросов, нравственно испорченных и крайне грубых, - тогда строгая дисциплина действительно была необходима в войсках. Но теперь при всеобщей воинской повинности, когда на службу обязаны идти люди всех званий и состояний, люди более развитые и впечатлительные, - она тяжела и груба. Только доверием к себе, которое достигается любовью и справедливостью, начальник может руководить своими подчиненными как хочет, но не чрезмерной строгостью, всецело опираясь на дисциплину.

В заключение я высказывал мысль о том, что было бы очень полезно вместо бессмысленного сидения в конюшнях научить солдат чему-нибудь такому, что бы пригодилось им и после военной службы.

Спустя некоторое время после сдачи в канцелярию рукописи я встретился с ротмистром Дашковым, к которому поступали на просмотр эти рукописи, и получил от него за отзыв похвалу.

После этого мой служебный барометр начал подыматься. Впечатление от моего письма к великому князю сгладились. Взводный Туровец оставил меня в покое, а вахмистр Ермошкин признался мне лично, что он перепутал меня с другим солдатом - Копниным, который был неуклюж и неповоротлив и вдобавок неграмотен; эту неграмотность Копнина он приписывал мне, а мою грамотность - Копнину; отсюда и получилось то недоразумение, что я не попал в список при назначении в учебную команду. Не напиши я великому князю письма, я продолжал бы быть Копниным, неуклюжим и неповоротливым, а Копнин - мною, грамотным.

В этом случае оправдывается пословица, что нет худа без добра.

В один из дней я вместе с другими был в конюшне и готовился к езде; в это время к нам в конюшню прибыл великий князь Николай Михайлович, бывший командир эскадрона, теперь полковник; он вызвал меня и здесь же перед всем эскадроном благодарил меня за отличие и успехи.

- Ну, ты теперь подтянулся, - сказал он, - молодцом; будешь назначен в учебную команду.

- Ротмистр Бернов, - обратился он к новому командиру эскадрона, - назначьте Подшивалова в учебную команду.

- Слушаю! - ответил тот.

Таким образом мои желания начинали исполняться, и хотя в необычной, но в более интересной форме. Конечно, в это время я был на седьмом небе. Все мне казались милыми, хорошими, и всех я готов был расцеловать, хотя исполнил это только над Единодушным, чистить которого я опять взялся.

Вскоре к этой радости прибавилась другая. Наш успех по фехтованию возбудил интерес среди всех офицеров полка, и они решили устроить нам состязание на эспадронах. В состязании должны были участвовать мы, вновь выпущенные три человека (четвертый, Новиков, был болен) и прежде обучавшиеся - всего 6-7 человек. Условия состязания были такие же, как и на смотре, т. е. победителем считается тот, кто вперед нанесет

"чистых" три удара своему противнику; притом каждый состязующийся должен драться со всеми, т. е. каждый с 5-6 противниками, и приз должен взять тот, кто побьет всех своих противников.

Я, по обыкновению, был в экстазе и легко справился со своими 5-6 противниками, за что получил приз в виде серебряных часов с цепочкой и портретом шефа полка государыни императрицы Марии Федоровны; на крышке часов выгравирована надпись: "Приз от г.г. офицеров Кавалергардского Ея Величества полка". Часы вручил мне командир полка с обычными словами благодарности и пожеланием впредь служить так же успешно.

После этого я не замедлил послать обширное письмо своей матери, чтобы поделиться с нею своей радостью. Я знал, что моя радость будет ее радостью. И действительно, я вскоре получил от нее ответ с сообщением, что она так рада за меня, что не знает, как и Бога благодарить. "Я, - писала она, - про себя теперь не думаю; оттого что тебе там хорошо живется - и мне делается легче. Только очень хочется повидаться с вами (со мной и братом), больно соскучилась по вас. Служи, дорогой сынок, с Божьей помощью, обо мне пока не думай; я, Бог даст, как-нибудь проживу. Огород убрала, посадила 6 мер картофеля..." (письма писал под ее диктовку один из соседей).

По возвращении в свой 2-й эскадрон здесь я встретил нового командира эскадрона ротмистра Е. И. Бернова 1-го. Это был лихой офицер и в то же время добрейшей души человек. Его огромные русые усы, одутловатые щеки, серые глаза навывкате и резкий голос, казалось, должны наводить на солдат страх; на самом же деле получалось совершенно обратное: от его фигуры, несмотря на строгий взгляд и резкий голос, веяло каким-то добродушием; к нему что-то нас тянуло и при встрече с ним хотелось не спрятаться - как иногда, грешным делом, бывает, - а идти к нему поближе, вытянуться во фронт и отдать честь: на, мол, смотри, я весь тут и готовый на все, что ты пожелаешь. Со своей стороны он также при встрече с нами чем-то непонятным давал нам почувствовать, что он всех нас любит и готов расцеловать...

С водворением нового командира нельзя было не заметить, что дух среди солдат несколько изменился - стал более свободным. Взаимоотношения между унтер-офицерами и рядовыми сделались более дружескими и более тесными. Даже вахмистр Михайлов, произведенный после выхода из полка Ермошкина, был не так деспотичен, как с новобранцами. Относительно Михайлова я не знаю, что повлияло на смягчение его характера: давление ли свыше или то, что одновременно с производством в вахмистры у него в казарме поселилась молодая женщина, присутствие которой, может быть, смягчающе действовало на его деспотический характер.

Такая перемена в эскадроне меня как сторонника взаимной дружбы и любви к ближнему - кто бы ни был этот ближний, начальник или подчиненный, - очень радовала. От этой перемены чувствовалось, что как будто луч солнца проник сквозь толстые казарменные стены и весело играет на солдатских лицах.

Возвращаясь на минуту к "усатому" командиру ротмистру Бернову. Лично он не был защитником старых военных традиций, т. е. не был формалистом, и поэтому, может быть, его так скоро полюбили солдаты. Отличительной чертой его было то, что он не любил сажать под арест, и лично он, по крайней мере в мою бытность, никого не посадил. Штрафной журнал для записи дисциплинарных проступков, совершенных нижними чинами, всегда был чист - как будто солдаты 2-го эскадрона были идеальные люди.

Да и на самом деле, при нем в эскадроне все было благополучно и вовсе не замечалось серьезных проступков, если не считать таковыми недоразумения с некоторыми солдатами по части выпивки; эти недоразумения обыкновенно наказывались домашними средствами, т. е. провинившийся получал от ротмистра название "архаровец" - любимое его бранное слово, выслушивал нравоучение, и тем все заканчивалось; ну иногда в придачу вахмистр от себя назначит не в очередь на службу. Словом, было как-то семейственно, дружно, и в этом можно было видеть залог той устойчивости и сплоченности команды,

которая представляет из себя цельную, неразрывную массу, готовую идти за своим "уса-тым" командиром в огонь и в воду.

Командировка в полковую телеграфную станцию

С переездом в лагерь (на второй год моей службы) приказом по полку я вместе с другими двумя нижними чинами на лагерное время был командирован в полковую телеграфную станцию для несения телеграфной службы.

На телеграфной станции служба была легкая; нас было всех четверо, и мы почти бездельничали.

Пользуясь свободой, особенно ночным дежурством при аппарате, я принялся за обдумывание, а затем за исполнение проекта устава фехтования на конях. До 1893 г. в гвардейских кавалерийских полках фехтование на конях не было введено. Исходя из того мнения, что кавалеристу приходится иметь дело с неприятелем преимущественно на конях, - и все приемы фехтования должны быть приурочены к верховой езде. Те приемы фехтования, которые преподавались нам в пешем строю и лицами, не знакомыми с техникой верховой езды, были не совсем подходящими для всадника. Для кавалериста, сидящего верхом на лошади, приемы владения холодным оружием усложняются: кроме умения ловко наносить удары и защищаться он должен в то же время управлять лошадью, и управлять ею так, чтобы она всегда становилась в нужное положение; поэтому всаднику приходится одновременно изошрять свою ловкость во владении оружием и в управлении лошадью - чего можно достигнуть только практикой, т. е. изучением фехтования кроме пешего строя и на конях.

Все приемы, которые должны быть помещены в проекте устава фехтования на конях, я взял из пешего строя и, применяясь к верховой езде, изменил их; ввел некоторые новые приемы. Все руководство состояло из командования и объяснения приемов, положения тела и движений. Для наглядности поместил собственноручные рисунки фигур всадников и чертежи.

По составлении проекта устава, занявшего у меня время до половины лета, я написал в виде предисловия небольшую статью с объяснением необходимости введения обучения фехтованию кавалерии на конях и все это передал заведующему полковой канцелярией, к которой причислена и телеграфная станция, - штабс-ротмистру графу Менгдену.

Граф Менгден одобрил мой проект устава и обещал дать ему ход. Обещание он выполнил тем, что передал проект командиру полка, а тот - начальнику дивизии генерал-лейтенанту Струкову. До зимы про него не было слышно.

В полковой телеграфной станции я находился до перехода в учебную команду, т. е. до 1 октября. Приказом по полку я был откомандирован обратно в эскадрон и затем, приказом же по полку, по представлению командира 2-го эскадрона вместе с другими - всего 8 человек от эскадрона - назначен в учебную команду, куда мы скоро и перебрались со своими пожитками, матрацами и разной солдатской рухлядью.

Учебная команда

Наконец в числе прочих 32 человек от полка (по 8 человек от каждого эскадрона) и я поступил в учебную команду - эту солдатскую alma mater. Сколько было мечтаний о ней... С какой завистью я смотрел на это серое, ничем не отличающееся от других казарм здание, на его большие окна, за которыми находилась такая благодать, и побывавшие там солдатики столько набирались разной премудрости, что им потом была открыта дорога по службе...

Перебравшись в здание учебной команды, в верхнем этаже мы нашли два зала с голыми выбеленными стенами и заставленными в несколько рядов солдатскими койками, которые скоро заполнились вздутыми соломенными матрацами и покрылись красными

байковыми одеялами. На средней стене в киоте помещался образ, перед которым после переклички солдаты пели молитвы; здесь собравшимся со всех эскадронов приходилось спеваться и из разных напевов устанавливать свой напев. Этот напев в команде установился как-то сам собою и походил скорее на громкий крик, чем на пение...

Кавалергард в воскресной форме

Третий зал изображал собою школу (аудиторию); в нем помещались черные столы со скамейками; такая же черная блестящая доска в углу; шкаф с учебными принадлежностями, а на шкафу ящик с лошадиными копытами разной формы и величины; по стенам висело несколько фотографий в рамках с группами прежних учебных команд да картин, показывающих пример для подания первой помощи утопленникам, обгоревшим, раненым и проч. Столовая и принадлежности для гимнастики помещались внизу.

Вот и все, чем мы должны вдохновляться от созерцания окружающего.

Упомяну теперь о наших заведующих и обучающих.

Заведующим учебной командой был назначен штабс-ротмистр Серебряков, богатый офицер. Как только мы узнали, кто будет нашим заведующим, мы сейчас же подвергли его солдатской критике; пошли догадки, предположения: каков он будет? хорошо ли знает строевую службу? Многим из нас воображалось, что, будучи богатым офицером, он едва ли будет охотно заниматься сухими учебниками.

Но, когда начались занятия, мы были приятно разочарованы. Наш заведующий, этот интеллигентный и красивый офицер, при преподавании обнаружил полное и всестороннее знание военной службы, - конечно, в нашем, солдатском, понимании. А солдаты понимают больше того, чем о них думают; некоторые из них, ловкие строевики, воображают даже, что они строевую службу знают тверже, чем некоторые офицеры; не знаю, на какой почве родилось это воображение, но тем не менее они могут быть критиками, хотя и негласными.

Кроме знания службы штабс-ротмистр Серебряков обладал особой педагогической способностью, умением ясно объяснять и заинтересовать слушателя. Говорил он просто, удобопонятно - точно клал в голову, откуда преподанное им уже не улечивалось... Очень удобна была для нас, слушателей, его особая манера преподавания, которая заключалась в том, что каждый предмет он объяснял примером и подробно растолковывал, почему тот или иной прием делается так, а не иначе, т. е. в преподавании допускал рассуждение, далеко переходящее за программу учебника, - что так благотворно действует на слушателей в смысле усвоения.

Объясняя, например, правила верховой езды (в его ведении находилось преподавание верховой езды и строевого устава, но независимо от этого он наблюдал и за другими предметами, преподававшимися его помощниками), он говорил: чтобы прочнее и устойчивее сидеть в седле, нужно иметь больше точек соприкосновения с седлом, а это достигается только оттягиванием подборов вниз и привертыванием носков к лошади; объясняя подробно о точках соприкосновения, он попутно рассказывал нам теорию о трении; после этого нам стало понятно, что повертывание носков и прочие правила относительно положения тела - не есть пустая прихоть ради красивой посадки, а все это необходимо для того, чтобы не трепаться в седле и не отбивать себе грудь, а лошади спину.

О мягкости кисти руки при управлении лошадью, особенно мундштуком, он объяснял, что это необходимо потому, что устройство мундштука таково: если его сильно потянуть или дернуть, то он причиняет лошади сильную боль; эта боль отзывается на спину и на ноги - так что грубым управлением можно испортить лошадь. Свое объяснение он дополнял чертежом, нарисовав вагу, которая по теории напоминает мундштучные удила, и особой мимикой вызывал в нашем воображении те страдания, которые должна испытывать лошадь в случае дергания за мундштучные поводья. После этих объяснений нам стало страшно за наших лошадей; мундштучные поводья нам казались хрустальными, требующими очень осторожного обращения, и, взяв их во время езды в руки, мы чувствовали, как наши нервы сливаются с нервами лошади; при нечаянном сильном натяжении поводьев ощущалась воображаемая боль где-то внутри и в пояснице, т. е. там, где эту боль чувствует лошадь, - таково было значение внушительного и рассудительного объяснения.

Само собой разумеется, что мы все сейчас же полюбили нашего начальника-учителя. Он также нас любил; это было видно из того, что, кроме отеческого попечения и ласки, ничего мы от него не видели. Кормил он нас на славу: находясь в учебной команде, мы чувствовали себя точно в гостях на празднике, несмотря на обилие занятий, обыкновенно происходивших там.

Для иллюстрации доброго и отеческого отношения к нам заведующего считаю нужным упомянуть о следующем случае.

Как-то вскоре после начала занятий один из нижних чинов учебной команды (Сботов, 4-го эскадрона) заболел воспалением почек; ввиду серьезности этой болезни его немедленно отправили в военный госпиталь. Заведующий учебной командой штабс-ротмистр Серебряков принял в нем горячее участие, благодаря чему Сботов скоро вернулся в строй. Участие это заключалось в том, что он несколько раз ездил к больному солдату в госпиталь, давал ему денег на улучшение пищи и обставил его лучшим уходом. Выздоровевший Сботов потом с умилением и со слезами на глазах (он был чувствительный солдат) вспоминал о попечении о нем заведующего и называл его своим спасителем.

Доброе отношение к нам заведующего передавалось и его помощникам - двум офицерам и двум унтер-офицерам. Все они отличались доступностью, а унтер-офицеры, кроме того, и дружелюбием, и следует заметить, что от этого дисциплина несколько не страдала, но зато самосознание и развитие в солдатах много выиграло.

Один из офицеров-помощников корнет Чертков, тихий и образованный офицер, занимался с нами по русскому языку и по изучению воинских уставов.

Другой - корнет Толстой, молодой, только что выпущенный из Пажеского корпуса, тонкий и ловкий гимнаст, обучал нас вольтижировке и заведовал гимнастикой. Сам он проделывал вольтижировку как настоящий артист, а по лестнице лазил, как белка. Во время уроков вольтижировки между свободными солдатами устраивалась игра в чехарду. Вообще во время уроков корнета Толстого среди солдат были смех и веселье; здесь было место только для проявления смелости, ловкости и удали. При проделывании самых ловких и головоломных гимнастических упражнений, как, например, прыганье и кувыркание через "козла" и "кобылу", между нами было соревнование, и начальство делало нам замечания не для поощрения к исполнению тех или других приемов, а для того, чтобы мы поберегли себя и не рисковали сломать себе шею.

Состоящий при учебной команде унтер-офицер Помогаев со своим помощником унтер-офицером Малышевым занимались с нами ружейными приемами и маршировкой. Унтер-офицер Помогаев был хороший человек, способный солдат и отличный математик. Во внеурочное время и по праздникам он любил решать с нами самые головоломные арифметические задачи. Благодаря ему многие из нас укрепились или даже выучились арифметике свыше программы.

Обязанности инструктора по фехтованию лежали на мне.

Кроме наших постоянных командиров-учителей с нами еще занимались приходящие учителя: доктор, ветеринарный врач и священник.

Доктор Блейш преподавал нам медицину, которая заключалась в кратком ознакомлении со строением и анатомией человека, в распознавании и предупреждении некоторых болезней и учении о качествах пищевых продуктов.

Особенность преподавания доктора была та, что он всю зиму не говорил, а больше читал нам по книжке свои уроки и ни разу не проверил, как мы их усвоили. Но на экзамене выяснилось, что все, что нужно знать унтер-офицерам, мы усвоили хорошо.

Ветеринарный врач из курляндских немцев, которого все звали Иван Иванович (конечно, за глаза), преподавал нам ветеринарию, главным образом об уходе за лошадью. В преподавании он отличался оригинальностью. Две трети курса он объяснял нам строение копыта, его болезни и их распознавание и одну треть - о прочих предметах и повторял пройденное. Он находил, что у лошади самое главное - копыто; с большим копытом самая

лучшая лошадь никуда не годится. Поэтому он обращал особенное наше внимание на сбе-
режение у лошади копыта, а остальное для нас мало значит.

Каждый раз, как только он являлся в класс, сейчас же на стол ставился ящик с ко-
пытами разных форм, лодыжками и прочими частями нижних оконечностей лошадиных
ног. Взяв в руки копыто и прислонившись к краю стола (на стул он никогда не садился и
никаких учебников с собою не приносил), тотчас же начинал объяснять его строение, на-
значение и болезни; затем почти всегда с объяснения копыта он, увлекаясь, незаметно пе-
решел на другой предмет, иногда на общемедицинский. Когда он увлекался разговором
- а увлекался почти всегда, - то начинал ходить по комнате из угла в угол и уже с общеме-
дицинского предмета, от толкования о всевозможных микробах, микрококках и просто
кокках, переходил к отвлеченным предметам, к философии и в конце концов заявлял, что
он верит только в то, что видит, а чего не видит, тому не верит, ибо наука теперь осветила
все, что есть в природе.

Конечно, его философию не все могли понимать, но говорил он увлекательно, и
потому слушали его все с большим напряжением и интересом. Иногда он философствовал
весь свой урок - 1,5 часа; иногда же среди ораторствования он вдруг останавливался, при-
стально смотрел на какого-нибудь солдата, имеющего глуповатый вид, и спрашивал:

- Что, Игнатенко, ничего не понимаешь? Не забирается "сюда"? - говорил он, по-
вертев рукою вокруг своего лба.

- Так точно, ваше высокоблагородие, - признавался тот.

- Я знаю.

Но все-таки ораторствовать продолжал.

Иногда с объяснения копыта незаметно переходил на тему о вреде обычая, особен-
но среди народа, - целоваться, хотя бы с женами (сам он тогда не был женат). Он подроб-
но объяснял, какие от этого целования могут произойти последствия. Но, толкуя о вреде
целования, он сейчас же с улыбкой замечал:

- Впрочем, мои толкования об этом вы забудете сейчас же, при первом отпуске со
двора; встретится какая-нибудь знакомая кухарка, и, конечно, все нипочем. Ведь так, Иг-
натенко? - обращался он к тому же глуповатому на вид хохлу.

- Так точно, ваше выс... - соглашался Игнатенко.

В классе слышался сдержанный смех.

Прогремевший в то время немецкий профессор Кох со своими коховскими бацил-
лами благодаря объяснениям Ивана Ивановича нам был известен хорошо. Вообще он со-
общал нам все новости, появлявшиеся тогда в медицине.

Нам всегда было интересно его слушать. Нам льстило еще и то, что он говорил с
нами как с "большими", т. е. как с подготовленными людьми, точно со студентами. Прав-
да, многие его толкований не переваривали, но были из нас и такие, которые хорошо ус-
ваивали все, что он толковал, и их умственный багаж от этого, несомненно, увеличился.

Однажды, кажется в декабре, к нам в учебную команду прибыл командир полка
генерал-майор Гринвальд. После расспроса о ходе дела у заведующего он обратился ко
мне и сказал, что мое руководство по фехтованию он передал начальнику дивизии генера-
лу Струкову и что генерал Струков остался им доволен и обещал применить его к делу, а
меня приказал благодарить.

И действительно, в ту зиму 1892/93 г. в первый раз была сформирована от полка
особая команда из нижних чинов для изучения фехтования на конях (командировку в парк
отменили). Вскоре после посещения нашей команды командиром полка я был приглашен
на квартиру к заведующему фехтовальной командой штабс-ротмистру К-ву (сын извест-
ного редактора газеты), которому было поручено приготовить руководство к печати.

Придя на квартиру, я застал штабс-ротмистра в халате за письменным столом; пе-
ред ним среди множества разных безделушек лежали две мои тетради-руководства: одна,
переданная мною через учителя фехтования Байкова уланскому офицеру и написанная в
телеграфном парке, а другая - через командира полка переданная начальнику дивизии.

Штабс-ротмистр К-в составлял по ним на особой тетрадке руководство для печати. Он меня приглашал за тем, чтобы вместе выяснить относительно некоторых приемов - как лучше их исполнить, и здесь же, у него в квартире, его палашом я делал приемы, долженствовавшие исполняться на лошади, и признанный нами годным к применению прием тотчас же подробно записывался в тетрадку.

Оба мои руководства - как пешее, так и конное - соединили в одно, с разделением на две части. Рисунки сохранили характер моих рисунков; что касается текста, то в общем он сохранил тот же вид, как и в моих тетрадках, но слог исправлен, и некоторые командные слова, названные мною по-русски, были заменены французскими, по образцу французских руководств.

Через некоторое время руководство вышло из печати за подписью штабс-ротмистра К-ва. Это руководство потом раздавали всем нижним чинам, обучавшимся в фехтовальной команде...

Каждый праздник по вечерам учебная команда обязательно посещала в полковом манеже чтения с туманными картинами. Чтения, по обыкновению, были разнообразного содержания; между прочим, однажды был прочитан ротмистром Дашковым очерк из воспоминаний о войне 1877-1878 гг. полковника Вонлярлярского, бывшего офицера Кавалергардского полка.

В очерке рассказывалось о том, как автор его (во время войны штабс-ротмистр) Вонлярлярский исполнил поручение по передаче известий от главнокомандующего армией великого князя Николая Николаевича (старшего) к генералу Гурко. Поручение это было исполнено блестяще. Главным интересом и поучительностью в этом очерке было то, что, исполняя поручение, Вонлярлярский с двумя провожатыми-казаками и со своим неразлучным денщиком мог быстро, в течение нескольких часов, проскакать в неприятельской стране более ста верст без всяких несчастных случаев и при полном сохранении сил лошадей и людей. Кроме специальных сообщений очерк имел и художественный интерес. Автор яркими красками описывает природу на Балканских горах, чудную болгарскую ночь, в которую ему пришлось ехать с поручением, встречу с мародерами... Все это было занимательно и врезывалось в память.

По обыкновению, нескольким ученикам, преимущественно разведчикам, поручено было записать это чтение - кто как запомнит. Из учебной команды записывать поручено было между прочими и мне. Так как это чтение, особенно художественное описание, запомнилось мне хорошо (название некоторых городов я перепутал), то я написал легко и много.

Мою запись этого рассказа пожелал выслушать заведующий учебной командой штабс-ротмистр Серебряков; она ему понравилась, и он с рекомендательным письмом послал меня с этой запиской к автору воспоминаний полковнику Вонлярлярскому, жившему на Фонтанке.

Полковник Вонлярлярский, приняв меня в своем кабинете, взял у меня записку и прочитал ее от начала до конца; он остался очень доволен и удивлялся моей памяти относительно художественных подробностей. В знак своего благоволения он подарил мне золотой и пригласил с собою обедать. Конечно, я был весьма польщен таким вниманием полковника, и оно было мне дороже всякой вещественной награды.

Этот очерк из воспоминаний ординарца возбудил в полку интерес и автором его был издан отдельной брошюрой, которая затем раздавалась на руки всем нижним чинам полка.

В апреле 1893 г. учебной команде был экзамен. Успехи нижних чинов определяются по баллам; при этом самым главным предметом считалась езда. Моя непредставительность и несоответствие моей фигуры с огромной лошадию сказались и здесь: за езду полного балла я не получил. Качество моей езды определилось средним выводом балла в $4\frac{3}{4}$ (полный балл - 5). По всем остальным предметам я получил полный балл, а по русскому языку и закону Божию 5+.

Кавалергарды в царствование Александра III

На совещании комиссии я был признан окончившим учебную команду успешно и в числе прочих четырех избранников был награжден серебряными часами с цепочкой, с надписью на крышке вокруг выгравированного всадника: "За успешное окончание курса учебной команды 1893 г."

Откомандирование в эскадрон и назначение эскадронным писарем

На другой день после моего возвращения из отпуска к нам, в помещение телеграфной станции, пришел ротмистр Бернов и лично мне сказал, что я приму от Миккаса канцелярию. Вскоре в приказе по полку я был откомандирован в эскадрон и принял должность эскадронного писаря. Эта должность освобождает от уборки лошадей и несения внутренней службы, что дало мне возможность с удобством продолжать писание "бесед". Черновик их был закончен к ноябрю месяцу того же года.

По возвращении из лагерей в казармы первым моим делом было открыть шкаф-библиотеку и посмотреть, что в ней имеется. Ключ от библиотеки находился у эскадронного писаря, он же ею и заведовал. Когда я открыл двери шкафа, то увидел на двух-трех полках несколько книг, покрытых слоем пыли. Пахло затхлостью. Книги большей частью были в старых переплетах и старого содержания; на одной из полок стопками были сложены несколько новых книжек журнала "Чтение для солдат", получаемого эскадроном обязательно, да несколько брошюрочек забавных рассказов Тхоржевского. Здесь же лежала рукописная тетрадь-каталог, составленная кем-то в 70-х годах. По каталогу больше всего значилось книг из описания Севастопольской войны да сочинений Погосского; с тех пор, кроме упомянутых книжек журнала, брошюрочек Тхоржевского и нескольких экземпляров книг духовного содержания соч. протопресвитера Желобовского, в библиотеку ничего не поступало. Там был и журнал, составленный одновременно с каталогом, для записи выдаваемых читателям книг, но не велся с самого начала.

Проверив по каталогу книги - причем оказалось много утраченных - и вписав еще не вписанные в него книжки и брошюрки, я предложил солдатам брать их для чтения. Однако спрос на книги оказался очень мал; причиною было то, что книги устарели и были неинтересны, но главная причина заключалась в том, что солдатам некогда читать. Я уже писал, что кавалерийский солдат все свободное от ученья и службы время проводит в конюшне за уборкой лошадей, и в те немногие минуты, в которые он бывает совершенно свободен, ему не до чтения; в это время он рад отдохнуть, так чтобы ни о чем не думать, и для этого, по его мнению, лучшим средством служат карты.

Любовь к чтению, привычка и увлечение им приобретаются большей частью новыми интересными книгами и заражением ими - как это было в телеграфном парке. В эскадроне этой любви и увлечения не было и быть не могло.

Из библиотеки иногда брались кое-кем только брошюрки Тхоржевского - каждая брошюрка содержала в себе маленький рассказ.

Очевидно, это "некогда читать" и заставило моих предшественников-писарей закрыть двери библиотеки навсегда.

В бытность мою писарем ротмистр Бернов стремился обновить библиотеку, и я несколько раз ходил по столярным мастерским и мебельным магазинам справляться о цене новых книжных шкафов. Приобрести их при мне, по случаю болезни ротмистра Бернова, все-таки не пришлось. Что касается пополнения библиотеки новыми книгами, то об этом разговора с ротмистром не было.

Производство в унтер-офицеры и обучение молодых солдат

Четвертый, и последний, год моей службы ознаменовался большой деятельностью.

В ноябре месяце я был произведен в унтер-офицеры и назначен учителем молодых солдат срока 1894 г., оставаясь в то же время эскадронным писарем.

Командир полка генерал-майор Гринвальд, зная меня лично, при осмотре учителей молодых солдат в малом манеже обратился ко мне с разговором и между прочим сказал, чтобы я приготовил молодых солдат такими же полезными, как и я сам; но при этом он советовал, чтобы я с ними много не философствовал, так как они к этому не подготовлены и все равно не поймут.

Упоминание командира полка о философствовании я понял в том смысле, что при обучении молодых солдат прежде всего и главным образом надо обращать внимание на их

выправку, строй и воспитание в строгом духе дисциплины, т. е. учить так, как учили нас и как учат других, - ничего не вводя нового.

Заведующим молодыми солдатами, из офицеров, был назначен корнет Казнаков, тот самый, который был помощником поручику Воейкову при обучении молодых солдат срока нашего 1891 г. Его отношения к молодым солдатам я охарактеризовал еще тогда, и теперь они не изменились. Он обладал крайней терпимостью к ошибкам солдат, если таковые случались; он объяснял совершенно хладнокровно, без всякого крика и шума. В манере никогда не было слышно свиста и хлопанья бича, отчего все шло как-то чинно (он заведовал ездой). Наружно он не был любезен, но душевная доброта его чувствовалась во всем. Как я уже говорил о нем, он не любил грубого обращения с молодыми солдатами и тем более рукоприкладства.

В помощь ему был назначен корнет князь Долгоруков, только что выпущенный из Пажеского корпуса и произведенный в офицеры. Он часто посещал пешие и школьные занятия, но непосредственного участия в обучении почти вовсе не принимал, предоставив с этим ведаться нам, унтер-офицерам, и во время занятий никогда и никому не делал замечаний.

Помощником мне из унтер-офицеров был Чумиков, кончивший учебную команду вместе со мною; большой мой друг и ученик.

В конце ноября в эскадрон начали поступать новобранцы, по обыкновению, со всех концов России и всяких наречий: от шустрых и бойких москвичей и ярославцев до неуклюжих и грубых белорусов и чумазных малороссов. Вся эта серая масса в виде сырого материала поступала к нам на обработку. На нашей обязанности лежало приготовить из них компактную, послушную массу, служащую грозным орудием против врага.

Вступив в заведование молодыми солдатами в качестве учителя, я почувствовал всю важность своего назначения. Дело в том, что все новобранцы, поступившие в эскадрон, поручаются непосредственному наблюдению и обучению некоторым строем самостоятельно, т.е. учителю из унтер-офицеров. Заведующий офицер главным образом следит за общим ходом строевого образования молодых солдат; исполнение же всех деталей обучения, а также и нравственного формирования солдата лежит на обязанности унтер-офицера, который живет здесь же, в казармах, вместе с молодыми солдатами и которому, следовательно, более доступно наблюдение за ними. Учитель унтер-офицер кроме словесной передачи всех правил военной науки, а также нравственных начал служит еще для молодых солдат примером. Иногда примерная служба и поведение учителя лучше всяких объяснений принесет пользу солдату: это доступно всякому - развитому и неразвитому человеку.

Я, как сейчас, вижу робкие и покорные, на первый раз, глаза всех без исключения новобранцев, доверчиво и безотчетно смотревших на меня. Мое слово для них было законом. Будь оно умно или глупо - рассуждать они не могут, это им внушается с самого начала. При сознании того, что учитель молодых солдат призван быть авторитетом, напрашивается мысль, что при этом требуется умение переложить в голову и душу учеников свои знания строевой службы и все, что нужно для того, чтобы сделать из них хороших солдат и людей, умение заставить верить в эти слова как в закон, сделать эти слова понятными и нетяжелыми. Словом, учителю унтер-офицеру нужно быть хорошим педагогом; при отсутствии этого условия могут получиться нежелательные результаты.

После подобного рассуждения, в душу закрадывался тревожный вопрос: есть ли во мне данные для хорошего учителя, т. е. имею ли я педагогические способности настолько сильные, чтобы ученики слышали в моих словах не пустой звук, а находили бы в них для себя благодатную почву? Этот вопрос сильно меня волновал...

В начале воспоминаний я высказал мысль, что военная служба есть лучшее средство для воспитания народа. Эта мысль предстала предо мной и при назначении учителем молодых солдат. Теперь, когда предо мной встали 45 человек новобранцев, собравшихся со всех уголков матушки-Руси, и устремили на меня 45 пар своих глаз, я вполне пришел к

убеждению, что одного обучения военным артикулам недостаточно, и, может быть вопреки советам командира полка, я думал, что можно и даже должно преподать им еще кое-что и не предусмотренное воинскими уставами, а именно - воспитание.

Воспитание, в котором нуждаются очень многие молодые люди, поступившие в полк прямо от сохи и крайне неразвитые, может способствовать тому, что вместе с разви-

*Знак «Отличный
разведчик»*

тием в солдате сознания долга хорошего слуги Царю и Отечеству во время военной службы он получит способность быть более полезным гражданином в своем обществе и после нее. Если наблюдать жизнь, то можно видеть, что некоторые солдаты, попавшие в счастливые условия в отношении развития и воспитания, почти преобразуются, и нередко после военной службы их жизнь принимает другой облик: более разумный, рассудительный и порядочный; они легче приспосабливаются к обстоятельствам, и им не чуждо чувство прогресса.

Если бы в войсковых частях заботились о более частом предоставлении солдатам счастливых условий, то развитие и воспитание как факторы прогресса широкой волной разлились бы из полков по всем деревням и захолустьям...

Не знаю, сколь плодотворны были мои труды по обучению молодых солдат, но я искренно желал и стремился идти навстречу задачам воспитания и делал это, насколько хватало у меня сил и умения.

При обучении молодых солдат я с самого начала принял новую методу, совершенно отличающуюся от той, которой придерживались при обучении нас, а именно: крайнее терпение к ошибкам солдат во время учения, дружеский тон и тесное общение, дающее возможность проникнуть в душу ученика. Заведующий молодыми солдатами корнет Казнаков своими действиями и обхождением вполне разделял эту методу.

Но, однако, относительно нее я встретил противника в лице вахмистра Михайлова и некоторых взводных унтер-офицеров старого закала, сторонников ежовых рукавиц. Они еще при назначении меня учителем молодых солдат вслух высказывали сомнение в моей способности быть учителем. Это сомнение они строили на том, что я имел очень мягкий характер и, следовательно, по их мнению, не совладаю с новобранцами и распушу их, т. е. они сделаются самовольными и непослушными (мой характер им казался мягким потому, что я никогда и никому не грубил; грубость всегда была противна моему духу).

Затем в течение всей зимы мне приходилось вести борьбу с вахмистром Михайловым вследствие несогласия наших взглядов на метод обучения, и эта борьба немало испортила мне крови; но все-таки я выдержал и был очень доволен результатами. Уже с самого начала обучения опасения моих противников не оправдались. Серая толпа новобранцев скоро приняла облик стройных и храбрых солдат. Их робко-покорные глаза сменились покорно-любящими. При встрече эти глаза смотрели на меня открыто, доверчиво; в них светилась ласка. По всему было видно: прикажи я им что-либо, и они исполнят это не задумываясь...

Я со своей стороны также полюбил всех новобранцев без исключения, и полюбил так, что всякое их горе, всякая болезнь отзывались у меня на сердце; они были как будто мои дети, а не посторонние пришлые люди.

Очень отсталых не было, но были такие, которые с первой недели могли рассказать устав без запинки (напр., Столяров, Зубарев, Рождественский и некоторые другие).

Дурного поведения среди них в течение зимы и всего первого года, пока я был в полку, не наблюдалось вовсе. Один раз только новобранец Евсеев был увлечен старым солдатом ночью гулять без спроса. За этот дисциплинарный проступок Евсеев должен быть наказан непременно, иначе он не поймет своего поступка и увлечения дурными для дисциплины и нравственности делами. Но как наказать?

Здесь я позволю себе остановиться на дисциплинарном проступке Евсеева и на способе его наказания за этот проступок более подробно, так как это имеет принципиальное значение и объясняет, насколько правильна моя метода в деле обучения или, вернее, воспитания молодых солдат. Надеюсь, что это будет иметь общий интерес.

Проступок, совершенный Евсеевым, сам по себе несерьезный, но серьезно то, что это было дурное начало - начало, которое может повести к дальнейшим, еще худшим проступкам. Уже тотчас по совершении проступка, о котором я еще не знал, можно было заметить перемену в его глазах; в них было что-то нехорошее, затаенное; он не мог прямо смотреть мне в глаза и, конечно, упорно молчал. Показались все признаки дурных зачатков. Когда я узнал о его проступке, что неприятно меня смутило, я решил пресечь это дурное начало, выдернуть его с корнем, чтобы оно более не проявлялось. Этот проступок ложился грязным пятном на провинившегося, и его нужно было смыть чистосердечным раскаянием.

Для исполнения этого нелегкого дела, т. е. для наказания и приведения к раскаянию виновного, я призвал его к себе за ширмы, где была моя унтер-офицерская каморка. И здесь, за ширмами, с глазу на глаз - свидетелем при этом был только мой помощник Чумиков - мы стали беседовать с ним о его проступке. Эта беседа должна была олицетворять собою наказание. Конечно, в беседе я старался ярче осветить перед ним отвратительную сторону его поступка и указывал на пагубные последствия, которые могут отравить ему существование во все время военной службы и даже на всю жизнь.

Говорил я на эту тему долго. Он слушал, не возражая и не оправдываясь, и тупо смотрел в пол; казалось, что он был или равнодушен к моим словам, или трусил, ожидая от меня пощечин. Его поведение сначала привело меня в смущение. Но когда я стал говорить ему взволнованным голосом о том, что он своим дурным поступком злоупотребляет моей любовью к моим ученикам, что мою любовь он считает за слабость, при которой можно делать что угодно, он вдруг зашевелился и скорбно посмотрел на меня; его глаза налились слезами, и он заплакал, как дитя, при этом клялся, что подобного больше не повторится.

Мне стало жаль его, пришлось обнять и утешить. Таким образом, ни увещание, ни угрозы последствиями не могли привести виновника к чистому раскаянию, а привели к этому слова о любви, о которой я упоминал как оскорбленный его поступком.

После этой дружеской беседы-наказания мы оба почувствовали что-то особенное, приятное: я как будто нашел что-то потерянное, а он будто сбросил с себя что-то тяжелое, давящее.

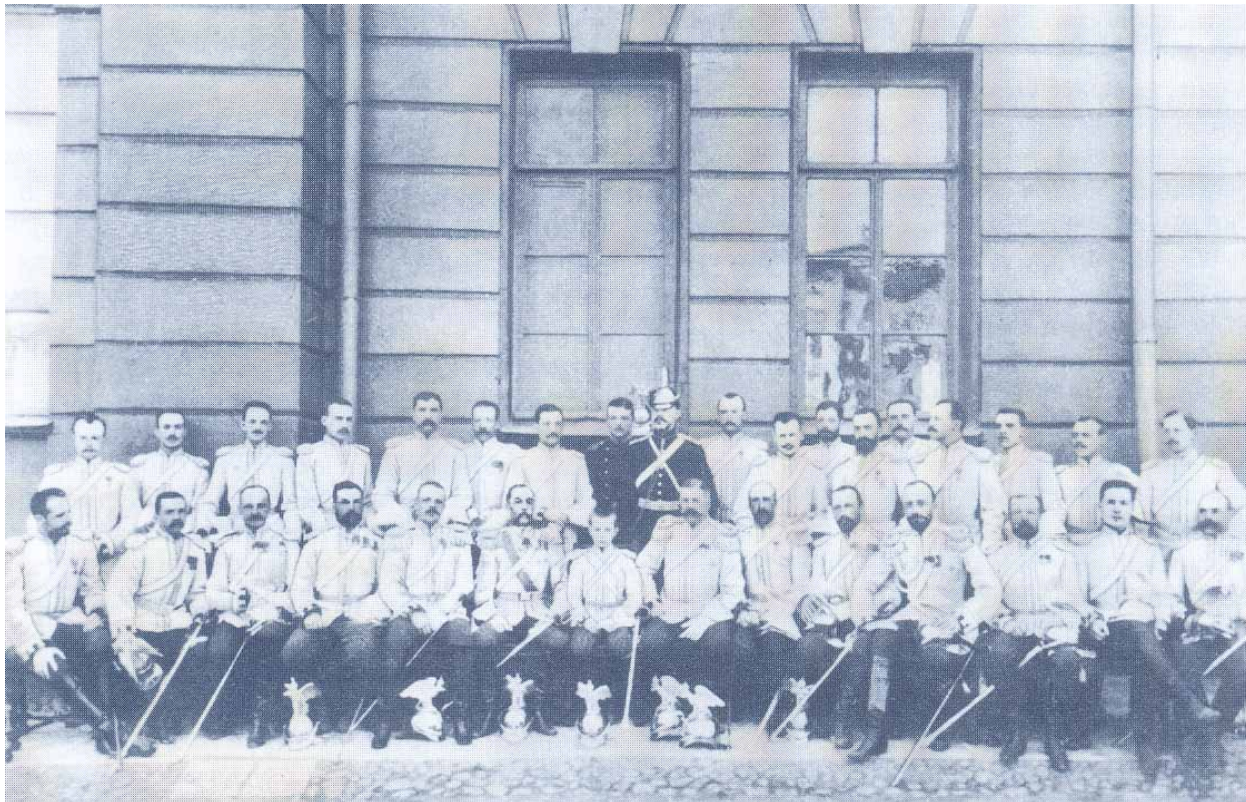
Он сдержал свое слово: после за ним никаких проступков не наблюдалось, а глаза его, омытые слезами раскаяния, по-прежнему светились лаской и были чистые, открытые.

Как проступок, так и "наказание" Евсееву для прочего начальства остались неизвестными. Для посторонних этот случай также казался незаметным; но на меня он произвел большое впечатление; я отнесся к этому случаю серьезно, и он меня убедил в правоте моего мнения относительно методы. Затем у меня прибавилось еще одно очень важное мнение, а именно: дурно и часто бесполезно строго судить и наказывать проступки людей, но еще хуже и пагубнее оставлять их незамеченными.

Только искреннее раскаяние, которое достигается участливым отношением и любовью, освобождает провинившегося от тяжелого чувства, рождаемого большими и малыми проступками, и возвращает его к порядочной жизни.

Падающего нужно поддержать, а не наказывать - последнее ускоряет его падение...

То, что мои слова, служащие для молодых солдат законом, были не тягостны, можно судить по тому, что все они были ко мне ласковы, внимательны и, что всего дороже, откровенны. Иногда от их чрезмерной ласки мне даже приходилось прятаться, чтобы не породить среди посторонних мнения о мягкости моего характера, который моими противниками считался вредным. Однако ничто так не сближает учителя с учениками, как непосредственное дружеское общение...

Офицеры Кавалергардского полка

На экзамене, произведенном, по обыкновению, весною командиром полка, выяснилось, что молодые солдаты были подготовлены отлично. За обучение молодых солдат мне были предложены заведующим офицером в награду серебряные часы, но так как я уже имел их двое, то предпочел получить деньгами (25 руб.).

Как отличные результаты, выяснившиеся на экзамене, так и награда за обучение молодых солдат доказывают, что опасения о распущенности, следовательно, порче солдат вследствие мягкого с ними обращения были неосновательны.

Лично я был очень доволен выяснившимися результатами, а также и последующей службою всех без исключения молодых солдат, которых я обучал. За свое старание к службе, отличное поведение и вежливость (что редкость для солдата) они были все любимцами своих взводных и равным образом вызывали с их стороны соответствующее, т. е. мягкое, граничащее с вежливостью обращение. Даже мои противники относительно методы воспитания с похвалой отзывались о них.

Из всей команды срока 1894 г., за исключением отпущенных раньше срока по разным причинам на родину и в разные командировки, восемь человек были произведены в унтер-офицеры, а один из них, Столяров, не бывший в учебной команде, на следующий уже год вместе с унтер-офицером Чумиковым {бывшим моим помощником} обучал новобранцев 1895 г. Эти мои ученики в свою очередь за обучение новобранцев получили в награду от князя Юсупова, который в то время был командиром эскадрона, по золотым часам. Такие плоды могут получиться только от хороших семян.

Отличное поведение солдат 2-го эскадрона срока 1894 г., которое они проявили в полку все без исключения, было для меня лучшей наградой.

Упомяну здесь о последней моей встрече с великим князем Николаем Михайловичем. Это было в начале зимы 1893 г.

Великий князь в то время был назначен на Кавказ командиром полка и накануне своего отъезда прибыл в большой манеж, где в это время производилась сменная езда нашим новобранцам.

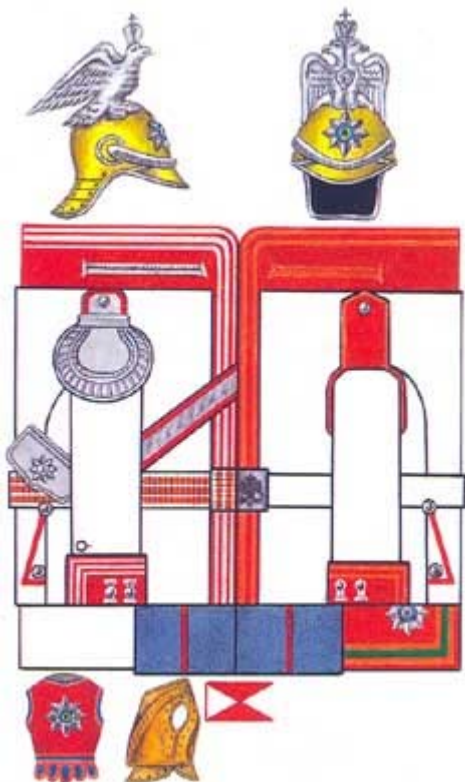
Увидав меня, после обычного здраванья он спросил:

- Ну что, Подшивалов, теперь доволен? - при этом указывая на мои галуны.

- Так точно, ваше императорское высочество! - ответил я, а затем добавил: - Впрочем, человек никогда не бывает доволен.

- А! А ты хочешь прямо в министры? Надо сначала поучиться. - Потом после небольшой паузы он добавил: - А я вот доволен: мне предлагали гвардейский полк, а я выпросил армейский, и как доволен...

Затем он обратился с разговором к сопровождавшему его ротмистру Бернову. А я в это время думал: "Да, надо сначала поучиться, это верно". Учиться всегда было моею мечтой; конечно, учиться не на министра и не на какой-либо чин с теплым местечком - этого тогда не могло прийти мне в голову, - но учиться для того, чтобы видеть свет... Но как это сделать мне, человеку, родившемуся в семье, ничего не имеющей общего с наукой и думающей только о насущном куске хлеба? Человеку, о котором все думали: на что ему наука, и без него много ученых, - пусть пашет! Даже и солдатской-то

Форма одежды кавалергардов

науки с трудом пришлось мне добиваться - при этом выслушивая мнения, что в моей учности не нуждаются и без меня обойдутся...

О "Беседах"

Мысль о писании "Бесед" у меня явилась вследствие взгляда на военную службу как на школу жизни для многих солдат и вследствие сознания необходимости поддерживать в солдатах нравственный дух - как в смысле понимания воинских обязанностей, так и в смысле взаимоотношений и нравственной чистоты.

Первая часть, т. е. понимание воинских обязанностей в войсках, стоит сравнительно на высоком уровне и неослабно поддерживается в силу необходимости; следовательно, беседами можно только еще более укрепить это понимание. Что касается нравственной чистоты, то у солдат она сильно хромает. Нарушение нравственности как порок в войсках строго не преследуется, потому что если оно умеренно, то не вредит военной службе. Но в личной жизни солдата это нарушение неблагоприятно отзывается на нем и незаметно мало-помалу подтачивает его силы, а главная опасность - для его будущего потомства.

В бытность мою в полку я замечал, что очень многие солдаты увлекались этим пикантным пороком и, конечно, большинство из них заболели "дурной" болезнью; иногда не помогала и "казенная починка", и некоторые из них эту болезнь уносили из полка к себе в деревню. Борьба с этим пороком насильственно невозможно; остается только нравственное влияние, беседы о его вреде и поднятие умственного развития солдата.

Позднее в своих "Беседах" я между прочим касался и нравственности и этому предмету посвятил обширную статью.

В декабре 1893 г. "Беседы" были закончены, я их переписал и передал заведующему молодыми солдатами корнету Казнакову, который, прочитав рукопись, одобрил ее и разрешил прочесть в школе молодым солдатам. Впоследствии он предложил мне напечатать рукопись и взялся об этом похлопотать. Но предварительно он передал ее на рассмотрение ротмистру Дашкову, составителю "Памятки кавалергарда" и истории полка, следовательно, - как знатоку военной литературы. Ротмистр Дашков, очевидно, заинтересовался рукописью и выдержки из нее читал в офицерском собрании. Потом он в свою очередь передал ее на суд известному военному писателю генералу Сухомлинову.

Этот последний подверг ее беспристрастной критике, сделав на полях несколько характерных замечаний, вполне объясняющих достоинство моего сочинения. Например, кроме вопросительных и иных знаков он поставил против некоторых статей такие отметки: "туманно", "наивно", "пустословие" и т. п.; а против статьи о водке, которую я жестоко осуждал, называя ее матерью всех пороков, он отметил: "А за хорошую службу - по чарке водки же". Этой отметкой он явно не соглашался со мною относительно вредности водки.

В конце июля 1894 г. рукопись с вышеозначенными пометками была возвращена мне через корнета Казнакова. Последний предложил мне сократить рукопись, переделать ее согласно пометкам генерала Сухомлинова и приготовить для печатания.

Я переделал рукопись, как мог, конечно, и передал ее опять корнету К-ву уже накануне моего отъезда из полка. Однако и в переделанном виде издатели, к которым обращался корнет К-в, не взялись ее напечатать, очевидно потому, что она все-таки имела необработанный вид, а может быть, и потому, что она не могла обещать им хороших барышей.

По своему характеру "Беседы" разделялись на две части. В первой я касался исключительно военных обязанностей солдата, например: о присяге, дисциплине, штандарте и проч. Во второй же преимущественно о взаимоотношении, о нравственности и прочих жизненных вопросах.

Позволю себе привести здесь из "Бесед" некоторые выдержки (из второй части) в том виде, как они были написаны до переделки (рукопись в переделанном виде обратно я не получил).

Из бесед унтер-офицера с молодыми солдатами

Обязанности нижних чинов к товарищам

"...Каждый солдат с товарищами по службе должен жить в мире и согласии. Каждый в своем товарище должен видеть родного брата, любить и уважать его; уважение должно простирается как на старшего по службе, так равно и на сотоварища.

Не помышляй ничего худого насчет товарища.

Если хочешь быть хорошим солдатом и быть всеми любим и уважаем, то нужно уметь любить и уважать других.

Ни один испорченный или злой товарищ не сделает нам зла, если мы со своей стороны не оскорбим его и отнесем к нему с уважением, по-товарищески.

Нуждающемуся товарищу помощи - придет нужда, и тебе помогут.

С людьми, ведущими порочную жизнь, не води компании по вредному делу, как-то: не пьянствуй, не играй в азартные игры и т. п.; но, напротив, старайся от этого их отвлекать; занимайся более благовидными занятиями и нравственными рассказами. Помни, что если твой товарищ по полку замазает мундир, то это пятно ляжет и на тебя. Старайся отвлекать товарища от преступления и тем охранишь свой полк от позора.

Тяжкий будет грех перед Богом и совестью тому человеку, который вводит своего товарища в пагубный соблазн.

Если удастся отличиться по службе - не гордись, но относись по-братски и советуй товарищам так отличиться. Если товарищ отличился - не завидуй, но радуйся вместе с ним.

Никогда не желай товарищу худого и тем более не делай ему зла. Если же он в несчастье, то старайся его утешить и, если можешь, выручи его из беды.

При исполнении всех этих братских обязанностей не страшна бывает служба и дисциплина и не опечалят никакие лишения. Армия, состоящая из людей, обладающих чувством любви и дружбы друг к другу, - действует как одна сильнейшая рука и не может быть победима!

...Наблюдая за собою, можно заметить, как приятно чувствуется, когда товарищи уважают и обходятся как с братом; за одно ласковое слово товарища каждый готов уважить его во всем. А как делается тяжело и неприятно, когда товарищи относятся с негодованием и бранью, - этим возбуждается зло и зачерствение сердца.

Нужно помнить всегда одно простое правило: если ты желаешь себе добра, спокойствия, то нужно того же желать и товарищам. Чтобы избежать неприятностей, не надо вредить товарищам".

Обязанности солдата по отношению к своим родителям

"Служа на военной службе, не забывайте родителей. Посылайте им утешительные письма и не обременяйте просьбою о присылке денег. В настоящее время благодаря отеческим заботам государя императора и своего начальства бережливый солдат может существовать сносно и без домашних денег. Мы часто можем наблюдать, что некоторые, к сожалению, присланные из дому деньги употребляют на лишние прихоти, тогда как родителям они достаются потом и кровью. Бывают и такие случаи, например: чтобы выклянчить у родителей денег, сочиняют письма с описанием какой-нибудь вымышленной беды и просят как можно скорее выслать денег, чтобы поправить эту беду; в противном случае грозят своей гибелью и никогда не видятся. Конечно, получа от сына подобное письмо, среди родителей делается переполох. Тужат, горюют о своем несчастном сынке, находящемся в "неволюшке", стараются, хлопочут и посылают ему последнюю копейку; а иногда, дабы "выручить" сына из беды, лишаются последней скотины.

И что же? Сынок, получив облитые слезами и трудовым потом деньги - о чем мало думает, - моментально их прожигает. Какие же бывают последствия этого? А очень известные: выговор, наказание, арест, а то и еще того хуже. Вот уже после этого грозит настоящая беда. Да, братцы, каждый из нас назовет такого - не сын он своим родителям, а варвар.

Будем же помнить о родителях, помнить то, что, отправляя нас на службу, сколько горя переносят они; сколько нужды претерпевают, чтобы снабдить сына и по силе возможности оградить его от могущих встретиться лишений. Отдавая сына в солдаты, они теряют в его лице работника и материальные средства по снабжению деньгами; иногда долго не заживает эта рана; особенно она чувствительна в крестьянском быту. А если мы будем еще требовать денег на ненужные и часто вредные прихоти, то тем более довершим их разорение.

Братцы, нужно помнить про родителей, помнить материнские слезы, которые пролиты ими на нашей груди.

Чем же мы должны выразить свое уважение и любовь к ним? А тем, что нужно стараться утешать их примерной, хорошей службою и безукоризненным поведением. Мы не можем не понять того, сколько радости, утешения и приятных чувств испытывают родители при получении от сына письма, в котором написано о его счастье, благополучии и успехах. Наоборот, сколько горя и печали испытывают они при получении письма от легкомысленного сына, который описывает только свои несчастья! Дурным поведением и

дурной службою сын еще вредит и здоровью своих родителей и нередко сокращает их жизнь.

Рядовой Кавалергардского полка

Кроме всего, что касается родителей, мы должны помнить, что по прослужении срока действительной службы нам придется возвратиться на родину и испытать громадные трудности при восстановлении разоренного хозяйства..."

О нравственности солдата

В этой беседе я касался трех пороков: пьянства, разврата и воровства. О пьянстве я написал очень много и выставил его самым вредным пороком. На статью о пьянстве я получил от корнета Казнакова замечания в том смысле, что очень сильно напал на водку. При предложении о переделке рукописи он советовал мне статью о водке сократить и написать в том духе, что "много - вредно, немного - полезно".

Здесь статью о пьянстве я пропускаю, а остановлюсь на выдержках из статьи о разврате.

Разврат

"Разврат - это то, что человек теряет совесть и стыд перед Богом и людьми; живет по-скотски, печется об удовлетворении своей похоти и тем оскверняет свое тело и душу. Разврат, так же как и водка, приносит громадный вред человеку: он расстраивает здоровье, отнимает силы и подвергает опасным заразным болезням. От разврата, так же как и от пьянства, бывают семейные раздоры, упадок хозяйства и нередко доходит до убийства из-за ревности..."

Порок разврата крайне печально отзывается на семейной жизни. Стесненное и тягостное положение чувствуют друг к другу муж и жена, если кто-нибудь из них заражен этим пороком, тогда для них будет не жизнь, а мученье. Женатые люди знают, что нет ничего обиднее, как измена супругов. Люди, зараженные пороком разврата, не способны быть полезными членами общества и вести в порядке свое хозяйство. Где есть порок разврата, там нет любви, радения и добродетели - там царствует зло, ненависть и мщение.

...Каких-нибудь 4-5 лет, посвятив себя военной службе, воздержаться от вредных размышлений и лишних похотей очень нетрудно. Нужно уметь управлять собою, что облегчается упражнением в чтении полезных книг, благими размышлениями и прилежанием к службе.

Если где на поле хорошая пшеница, там не должна расти сорная трава; точно так же если ум и сердце заняты благими мыслями и желаниями, то для дурных мыслей и желаний там не будет места..."

Увольнение в запас армии

"...Если кому Господь приведет благополучно кончить военную службу, тот возвратится на родину... Конечно, как бы служба ни была легка и хороша, но все-таки хочется домой, на родину - где ожидают отец, мать, у кого есть жена, дети... Родные поля, луга и леса - где проведены лучшие годы детства и юношества. Какая встреча! Какой восторг ожидает солдата, честно и благополучно исполнившего свой долг на военной службе! Особенно перед окончанием службы эти мысли часто приходят в голову, и тем усиливается желание вернуться на родину.

...Самая главная христианская обязанность: жить в мире и согласии не только с близкими родными, но и с посторонними, быть почтительным со старшими. Этим можно заслужить от всех любовь и уважение. Вообще, каждый образованный солдат должен иметь благородную душу и служить в запасе рассадником благовоспитания..."

Беседы с молодыми солдатами были закончены следующими словами: "Примите доброе семя в плодотворную почву; я молю Бога, чтобы оно принесло добрый плод и чтобы ям мог пользоваться всякий ближний".

В конце бесед с молодыми солдатами я еще прибавил беседу с учителями молодых солдат. Эту последнюю я вздумал передать в редакцию журнала "Чтение для солдат". В редакции рукопись одобрили, нашли ее интересной и признали годной для напечатания в журнале. Но, прежде чем напечатать, редактор посоветовал мне обратиться к своему эскадронному командиру и попросить его сделать надпись на рукописи о том, что печатать он разрешает. Я передал эту рукопись также корнету Казнакову, который предложил напечатать ее вместе с прежней.

Из бесед унтер-офицера с учителями молодых солдат

"...В унтер-офицеры выбираются лучшие люди испытанной нравственности, расторопные и знающие хорошо службу. На обязанности унтер-офицера лежит твердое знание воинских уставов и служение во всем личным примером для всех нижних чинов, и особенно для молодых солдат. Воспитание солдата с самого поступления в полк зависит главным образом от учителей и начальствующих унтер-офицеров - они есть ближайшие и непосредственные руководители в военной службе. Каждый солдат при поступлении на военную службу начинает учиться большей частью наглядным образом и нередко усваивает все те привычки, которыми обладает его учитель или начальник из унтер-офицеров. Поэтому каждый начальствующий нижний чин должен всегда помнить о важности личного примера в деле воспитания солдата; а помня это, он должен всегда вести себя добропорядочно и не позволять себе действий, противных воинскому духу, не только на глазах своих подчиненных, но и скрытым образом, ибо подчиненный следит за всеми действиями своего ближайшего начальника и знает не только его поступки, но часто и мысли...

Учитель унтер-офицер, как и всякий начальник, отвечает за всех лиц, ему подчиненных.

В деле обучения молодых солдат он должен помнить, что тем приготовляет Царю и Отечеству верных и беззаветных слуг. Он должен уметь заставить их полюбить службу и понять значение воинских обязанностей; а это достигается только беззаветной любовью к делу, терпением и хладнокровием. При обучении молодых солдат нужно всегда помнить, что хороших успехов в обучении можно достигнуть только ласковым обращением и терпением. Ошибки исправлять следует толковым разъяснением и показом, и никоим образом не должно прибегать к угрозам и тем более к ручной расправе.

При ласковом и спокойном обучении каждый солдат лучше понимает и скорее усваивает учение, а при вспыльчивости и брани он теряется, не так ясно понимает и невольно делает ошибки. Ошибки чаще всего делаются не от нерадения ученика, а от непонимания обучающего, от которого требуется толковое разъяснение. Невнимательность ученика также чаще всего зависит от невнимательности самого обучающего к преподаваемому предмету.

Во всяком случае нужно избегать неуместной строгости. Неуместная и чрезмерная строгость вредно отзывается как на грубых, так и на мягких характерах подчиненных: грубые и вспыльчивые раздражаются и затаивают злобу, чтобы при случае отомстить; легкие и тихие теряются и делаются подавленными, что парализует в них всякую деятельность. Чрезмерной строгостью нельзя сделать хорошего слугу Царю и Отечеству, а скорее этим можно приобрести вредного мстителя и личного врага или же ни на что не годную тупицу.

...От унтер-офицера, как и от всякого начальника, требуется охранение воинской дисциплины как главной основы военной службы, без которой войско не может существовать. Охранение воинской дисциплины состоит главным образом в том, что начальник не должен допускать, чтобы подчиненные делали противное дисциплине; мягко, но настойчиво требовать от них, чтобы они исполняли все по совести и так, как требует дисциплина. Он должен добиваться, чтобы подчиненные всегда говорили правду; этому может способствовать справедливость со стороны начальника и мягкий, спокойный тон.

...Все заботы и попечения о солдатах возлагаются на начальника, которому доверена команда, но от них не избавлен, конечно, и учитель молодых солдат - последний, как добрый отец или старший брат, должен любить и заботиться о своих подчиненных. Каждый солдат, будучи оторван от своих родных, где он большей частью пользовался добротой и ласкою, и найдя то же самое в добром начальнике, не только не будет скорбеть о своем положении, но будет радоваться и стараться еще более заслужить любовь начальника. Вместе с тем он должен быть отзывчивым на нужды подчиненных и по мере возможности помогать им, быть их советником и руководителем во всех личных делах.

Само собой разумеется, что на обязанности обучающего или начальника лежит наблюдение за нравственностью своих подчиненных. Воспитать добрую нравственность в подчиненных - громадная заслуга начальника перед обществом и потомством. Самый лучший урок нравственности - это личный пример поведения обучающего или начальника..."

Последний год в лагерях

Последний год службы в лагерях я провел в эскадроне и в большой деятельности. Помимо канцелярских занятий, которых во время лагерного сбора бывает больше, я как унтер-офицер обязательно участвовал на всех эскадронных и полковых учениях и как разведчик - в разведочной службе. Затем перед началом периода маневров я был назначен помощником к корнету князю Урусову руководить телеграфным делом.

Практической деятельностью по подготовке к телеграфному делу нам приходилось заниматься вне учебных занятий и ночью. Днем мы проводили телеграфные и телефонные линии, телеграфировали посредством гелиографов (зеркал), а ночью посредством особого аппарата - фонаря. В тот, 1894 год в первый раз вышло распоряжение о широком применении телеграфного дела в кавалерийских полках.

На высочайших маневрах близ Красного Села нам удалось протянуть линию на 3 версты в течение 15 минут, и два отряда соединили телефоном, который действовал исправно.

На маневрах, а следовательно, и на войне телефон с успехом может заменить ординарцев и вестовых, обязанность которых, как известно, заключается в том, чтобы перевозить и передавать от начальника в разные отряды его распоряжения и приказания. Посредством телефона как отряды между собою, так и начальники могут переговариваться лично и немедленно. С передвижением отрядов передвигаются и телефонные станции; для этого проволока быстро посредством ручки наворачивается на катушку, и всадники-телефонисты мчатся уже в другое место.

(За ведение телеграфных занятий в качестве руководителя заведующим командой князем Урусовым были предложены мне в награду часы, четвертые, взамен которых я получил деньгами.)

Считаю не лишним здесь упомянуть о "дружеских беседах", которые происходили между мною и князем Урусовым во время наших путешествий на маневрах. Корнет князь Урусов, в то время молодой, только что произведенный из пажей в офицеры, настаивал на том, чтобы я с ним говорил по-товарищески, не стесняясь, как будто я не солдат. Этими откровенными беседами он, очевидно, хотел поближе узнать мирозерцание простых солдат, которые, особенно в глазах молодых офицеров-аристократов, все без исключения казались манекенами, не могущими ни рассуждать, ни мыслить самостоятельно.

Из наших разговоров "по-товарищески" выяснилось, как мало знают господа офицеры нас, солдат. Это их незнание выказывается в следующем первом попавшемся на память случае: проезжая однажды мимо лагерей Преображенского полка, я вслух восторгался красивой архитектурой построек в древнерусском стиле. Услышав мои восторги и произнесение слов "архитектура" и "стиль", он очень удивился; ему казалось открытием, что я, простой солдат, знаю об архитектуре и стиле. Это удивление он выразил вслух. Я

также с удивлением посмотрел на него, и, признаться, выраженное им удивление по поводу моего знания каких-то двух культурных слов немного опечалило меня; я с грустью подумал: вот какое мнение имеют о нас господа офицеры...

Пример князя Урусова, предложившего мне говорить с ним "по-товарищески", я склонен был бы назвать достойным подражания.

Плакат по случаю столетнего юбилея Кавалергардского полка

Темой разговора у нас сначала были мои "Беседы", которые князь знал по отрывкам, читанным ротмистром Дашковым в офицерском собрании. Князь Урусов соглашался со мною вполне относительно того места, где я писал о нравственности; соглашался также и с проведенной мыслью о необходимости умственного развития солдат; при этом он сам указал как на пример на происходившую в то время войну Японии с Китаем. Развитие и умственное превосходство японцев делало их победителями такого колосса, как Китай, коснеющего в невежестве.

Сначала при разговоре я как-то "спотыкался" на словах и долго не мог отделаться от вошедшего в плоть и кровь солдатского "точно так" и "никак нет", но затем увлекся и громко высказывал свои мнения и сопоставления относительно того, какая может быть разница между солдатом-манекеном и солдатом более широко развитым; говорил о необходимости серьезного обучения в полках грамоте тех солдат, которые поступают в полк совсем неграмотными.

Система теперешнего обучения грамоте, говорил я, не достигает вполне своей цели по многим причинам: во-первых, бесцельное сидение в конюшнях отнимает все свободное время у солдата, и скука, происходящая от этого бездельничанья в конюшнях, парализует всякое стремление к умственному развитию; во-вторых, вахмистры часто в облегчение офицерам, назначенным обучать грамоте, назначают в школу тех солдат, которые уже немного знакомы с грамотой; те же, которые совсем неграмотны, остаются необученными - если только солдат по собственному желанию не подготовится к ней от товарищей заранее. И наконец, в-третьих, не у всех офицеров бывает достаточно рвения к этому довольно скучному занятию. По моему мнению, для обучения грамоте солдат следовало бы органи-

зовать в полках школы с учителями из нижних чинов, конечно под наблюдением офицеров.

Нет никакого сомнения в том, что от этой дружеской беседы авторитет князя Урусова как моего начальника ничуть не пострадал; напротив, она сослужила нам ту службу, что дала возможность приятно обменяться мыслями, поближе узнать друг друга и почувствовать общность интересов; почувствовать, что мы, каждый на своем месте, можем принести пользу тому делу, которое венчает благополучие Отечества. А когда чувствуется общность интересов, то рождается в собеседниках еще и чувство родства - чувство, что мы дети одной матери - России.

Увольнение в запас армии

По окончании лагерных занятий унтер-офицерам, представленным к увольнению в запас армии, делался запрос о желании остаться в Петербурге, т. е. о том, кто пожелает поступить на частную службу.

Это заявление делалось, как правило, заблаговременно потому, что заявившим желание остаться в Петербурге некоторые офицеры предлагали должности для частной службы.

Надо заметить, что как унтер-офицеры, так и рядовые из более развитых охотно остаются в Петербурге и поступают на службу к офицерам или, по рекомендации, к их родственникам. В мою бытность в полку я замечал, что почти все без исключения унтер-офицеры после службы оставались в Петербурге или уезжали на службу в имения своих офицеров. Не возвращались на родину далее и такие, которые имели у себя в деревне сравнительно обеспеченное и благоустроенное хозяйство. Очевидно, деревня со своей грязью и тяжелым трудом не притягивает своих воспитанников; последние, нанюхавшись городской жизни, где не так трудно, но чисто и сравнительно сытно, с легким сердцем изменяют своей воспитательнице - деревне. По этому можно заключить, что деревня ежегодно теряет большой процент своих лучших членов.

Под влиянием жалости к деревне у меня явилась было мысль вернуться на родину и послужить ей тем, что приобрел в полку. Но эту, правда идеальную, но не имеющую практического значения мысль я принужден был скоро оставить: кроме того, что я не имел никаких средств для ведения хозяйства, было сомнительно, чтобы приобретенные мною знания на военной службе могли принести фактическую пользу деревне. Если предположить, что я стал бы проповедовать о тех путях, которые ведут к благополучию сельской жизни, то мне все равно не поверили бы и осмеяли - ибо нет пророка в своем отечестве, - и очень возможно, что деревенская тина опять меня засосала бы и заглушила. Если не поддаваться этой тине и барахтаться, то ради защиты своей шкуры пришлось бы тянуть в эту тину других и сделаться так называемым "кулаком". Кулачество же, как известно, осуждается высшим общественным мнением, и небезосновательно, так как оно не облегчает жизни другим, более слабым элементам, а еще более запутывает их в тину...

Ввиду таких соображений я решил остаться в Петербурге, т. е. послужить на частной службе, чтобы запастись материальной силой и практическими знаниями, а там - что Бог даст.

После моего заявления о желании остаться в Петербурге я получил предложение от нескольких офицеров полка поступить к ним на службу в имение. Одно из этих предложений мною было принято. По прибытии полка в Петербург 24 сентября 1894 г. я взял двухмесячный отпуск (вплоть до увольнения 24 ноября) и отправился сначала на родину, а потом "на новую жизнь" - на частную службу в имение графа Уварова в Смоленскую губернию.

Последний день моего пребывания в полку ознаменовался для меня великим событием: почти все офицеры 2-го эскадрона, прощаясь со мною в офицерском собрании, жали мне руку и целовали меня. Таким весьма любезным отношением господ офицеров я был

несказанно тронут. Это было для меня лучшей наградой за мою службу, и этот день был лучшим в моей жизни. Никогда не забуду этот день! Несколько десятков рублей, оказавшихся у меня в кармане после сердечного прощания, если можно так выразиться, уже не так меня прельщали - хотя таких денег я никогда не имел и они должны представлять для меня большую ценность.

Временно командующий тогда эскадрой штабс-ротмистр Шебеко 1-й при прощании со мною сказал небольшую речь, в которой благодарил меня за службу и между прочим выразил пожелание, чтобы я и после военной службы был так же полезен, как и на службе.

Это лестное пожелание я унес с собою как задачу, которая всегда заставляет меня бодрствовать и стремиться ее исполнить, хотя это очень трудно...

Простившись затем с товарищами и бывшими учениками - причем немало было пролито слез, особенно я расчувствовался по выходе от корнета Казнакова, к которому заходил после всего переговорить относительно моих "Бесед", - я покинул полк.

Будучи уже на "воле" в Смоленской губернии после 24 ноября, когда кончался срок службы, я вместе с аттестатом получил знак разведчика 1-го разряда и золотой натальный крест от великого князя Николая Михайловича. (Золотые кресты от великого князя дарилась всем нижним чинам, выходящим из полка, которые служили при нем и участвовали в подношении ему иконы, когда он выходил из эскадрона.)

Затем, как отголосок военной службы, следует упомянуть о том, что в 1899 г., по случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полка, полковником М. А. Серебряковым была прислана мне юбилейная бронзовая медаль...

Само собой разумеется, что службою я остался очень доволен. Все мои желания сбылись...

В заключение не могу не сказать того, что свой полк я полюбил сильно и успел привязаться к нему так, что чувствовал с ним какую-то родственную связь; и лица, где бы ни были потом встречены мною в форме Кавалергардского полка, казались мне родными. Я искренно радовался увидеть потом каждого кавалергарда, которые будили во мне хотя беспокойные, но, как видит читатель, интересные для меня воспоминания.

Все лица, которые встают в моем воспоминании, мне кажутся милыми, хорошими. Да здравствует Кавалергардский полк!

Из воспоминаний графа А. А. Игнатьева

амо имя полка, "рыцарская гвардия", заключало в себе понятие благородства. История запечатлела подвиг воинского самопожертвования кавалергардов. В 1805 г., в сражении под Аустерлицем, кавалергарды для спасения русской пехоты атаковали французов и покрыли поле своими телами в белоснежных кирасирских колетах. Объезжавший поле сражения Наполеон неуместно пошутил над "безусыми мальчишками", polegшими в бесплодной атаке, но тут приподнялся раненый офицер нашего эскадрона и на прекрасном французском языке ответил:

- Я молод, это верно, но доблесть воина не исчисляется его возрастом

На потемневшем от долгой службы полковом штандарте было вышито серебром: "За Бородино", а на серебряных сигнальных трубах выгравирована надпись: "За Фершампенуаз 1814". Судьба занесла меня, кавалергарда, в эту небольшую французскую деревеньку из белых каменных домиков ровно через сто лет после этого боя, в дни сражения на Марне, которое я наблюдал как представитель русской армии при французском командовании. Посреди небольшой площади селения Фершампенуаз я увидел скромный памят-

ник, поставленный в память о русских солдатах, polegших в бою с французами в 1814 г. Изображение их подвига в этом сражении я и сейчас вижу каждый раз, когда бываю в Военно-инженерной академии, лестницу которой украшает громадная картина сражения при Фершампенуазе; на первом плане - 1-й так называемый лейб-эскадрон моего бывшего полка, готовый идти в атаку на ощетилившееся штыками пехотное французское каре.

Вступая в полк, каждый погружался в атмосферу преклонения перед историческим прошлым кавалергардов. У меня это преклонение усугублялось чувством привязанности к полку, почти как к родному дому. С самого раннего детства я видел на отце черный двубортный сюртук с серебряными пуговицами и белой подкладкой под длинными полами, а белая полковая фуражка с красным околышем казалась мне знаком благородства и воинской чести.

Родившись, можно сказать, в казармах полка, я через девятнадцать лет еще застал в нем старших офицеров, полкового врача и сверхсрочных трубачей, служивших под командою отца в годы моего детства.

Нигде в России, быть может, дух патриархальности не был сильнее, чем в этих казармах на Захарьевской.

Одним из проявлений этой патриархальности было своеобразно сложившееся отношение к солдатам, хотя "отцом-командиром" мог быть и неоперившийся корнет. Самые либеральные офицеры относились к солдатам, как добрые помещики к крестьянам, но даже и наиболее невежественные никогда себе не позволяли рукоприкладства, чтобы не нарушить полковой традиции.

На уклад полковой жизни оказывало влияние то обстоятельство, что у некоторых старинных русских родов, как у Шереметевых, Гагариных, Мусиных-Пушкиных, Араповых, Пашковых и др., была традиция служить из поколения в поколение в этом полку. В день столетнего полкового юбилея была по этому поводу сфотографирована группа, в первом ряду которой сидели отцы, бывшие командиры и офицеры полка, а во втором ряду стояли по одному и по два их сыновья.

Полковые традиции предусматривали известное равенство в отношениях между офицерами независимо от их титула. Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом, точь-в-точь как в каком-нибудь аристократическом клубе.

Сходство с подобным клубом выражалось особенно ярко в подборе офицеров, принятие которых в полк зависело не от начальства и даже не от царя, а прежде всего от вынесенного общим офицерским собранием решения. Это собрание через избираемый ям суд чести следило и за частной жизнью офицеров, главным образом за выбором невест.

Офицерские жены составляли как бы часть полка, и потому в их среду не могли допускаться не только еврейки, но даже дамы, происходящие из самых богатых и культурных русских, однако не дворянских семейств. Моему товарищу, князю Урусову, женившемуся на дочери купца Харитоненко, пришлось уйти из полка; ему запретили явиться на свадьбу в кавалергардском мундире.

В представлении гвардейского офицера полк составляли три-четыре десятка господ, а все остальное было как бы подсобным аппаратом. Если бы вы приехали в Париж даже через много лет после нашей революции, то нашли бы большую часть офицеров расформированных давным-давно гвардейских полков, и в том числе кавалергардов, собиравшихся в штатских пиджаках и шоферских куртках на полковой праздник в бывшую посольскую церковь на улице Дарю - тогдашнем центре русской эмиграции - и служивших молебны под сенью вывезенного ими при бегстве из Крыма полкового штандарта. Естественно, что в свое время в Париже они не преминули вслед за пажами прислать мне письмо, исключаящее меня из полка.

Во времена же Российской империи Кавалергардский полк был первым из шести полков 1-й гв. кирасирской дивизии, в которую кроме четырех кирасирских входили два гвардейских казачьих полка. Все полки были четырехэскадронного состава.

Дивизия эта долго сохраняла за собой название тяжелой - не только из-за высоких статных людей и крупных лошадей, но и как воспоминание о той эпохе, когда кирасиры своей тяжелой массой легко пробивали строй легкой кавалерии. В 1914 г., когда началась империалистическая война, которая принесла с собой применение газов и танков, мне пришлось видеть в Париже французских кирасир, выступавших еще в наполеоновских касках и кирасах. Такова сила привязанности к форме!

В отличие от тяжелой 2-я легкая гв. кавалерийская дивизия состояла из четырех шестиэскадронных полков: конногренадер, улан, лейб-драгун и лейб-гусар.

Кони 1-й дивизии получали по четыре гарнца овса, 2-й дивизии - по три гарнца, а армейская кавалерия - по два с половиной гарнца. В результате, однако, на смотрах некоторые армейские дивизии, особенно пограничных корпусов, оказывались в отношении боевой подготовки и выносливости коней выше гвардейских. Объяснялось это главным образом неблагоприятными для занятий условиями расквартирования гвардейских полков. Особенно страдала наша первая бригада - кавалергарды и конногвардейцы, располагавшиеся в центре самого Петербурга; большую часть года мы не могли даже выехать в поле, но зато заслужили прозвище - "бюро похоронных процессий", так как были обязаны участвовать в конном строю на похоронах бесчисленного генералитета, проживавшего и умиравшего в столице.

На этих церемониях, равно как на парадах, полк своим видом воскрешал в памяти давно отжившие времена эпохи Александра I и Николая I, выступая в белых мундирах-колетах, а в зимнее время - в шинелях, поверх которых надевались медные блестящие кирасы, при палашах и гремящих стальных ножнах и в медных касках, на которые навинчивались острые шишаки или, в особых случаях, посеребренные двуглавые орлы. Орлы эти у солдат назывались почему-то "голубками". Седла покрывались большими красными вальтрапами, обшитыми серебряным галуном. Первая шеренга - с пиками и флюгерами.

Обыкновенной же походной формой были у нас черные однобортные вицмундиры и фуражки, а вооружение - общее для всей кавалерии: шашки и винтовки.

Но этим, впрочем, дело не ограничивалось, так как для почетных караулов во дворце кавалергардам и конногвардейцам была присвоена так называемая дворцовая парадная форма. Поверх мундира надевалась кираса из красного сукна, а на ноги - белые замшевые лосины, которые можно было натягивать только в мокром виде, и средневековые ботфорты.

Наконец, для офицеров этих первых двух кавалерийских полков существовала еще так называемая бальная форма, надевавшаяся два-три раза в год на дворцовые балы. Если к этому прибавить николаевскую шинель с пелериной и бобровым воротником, то можно понять, как дорог был гардероб гвардейского кавалерийского офицера. Большинство старалось перед выпуском дать заказы разным портным: так называемые первые номера мундиров - дорогим портным, а вторые и третьи - портным подешевле. Непосильные для офицеров затраты на обмундирование вызвали создание кооперативного гвардейского экономического общества с собственными мастерскими. Подобные же экономические общества появились впоследствии при всех крупных гарнизонах.

К расходам по обмундированию присоединялись затраты на приобретение верхних лошадей. В гвардейской кавалерии каждый офицер, выходя в полк, должен был представить двух собственных коней, соответствующих требованиям строевой службы: в армейской кавалерии офицер имел одну собственную лошадь, а другую - казенную.

Если в легкой гвардейской и армейской кавалерии офицеры без особого труда могли найти для себя подходящих коней, то в нашей дивизии требования роста не могли быть удовлетворены конским материалом ни из казенных, ни из частных заводов. Конский состав наших полков с трудом комплектовался несколькими частными заводами на Дону и на Украине, выращивавшими хоть и "малокровный", но крупный и костистый молодняк. Офицеры же ко времени моего выхода в полк почти все сидели на так называемых "гунтерах", то есть якобы английских охотничьих лошадях. В действительности же это были в

большинстве случаев немецкие тяжелые выкормки из Ганновера, ничего общего с гунтерами не имевшие.

С юных лет создав себе идеал кровного легкого коня, я пришел в ужас, когда, еще будучи камер-пажом, попробовал одного из таких тяжеловесов, принадлежавших офицеру полка князю Карагеоргиевичу, дяде будущего сербского короля. Бретер и парижский бульварный гуляка, обычный посетитель кафе "Де ла Пэ", этот князь должен был выйти в отставку из-за дуэли, которую он имел с вольноопределяющимся собственного эскадрона графом Мантейфелем, ухаживавшим за его красавицей женой.

Потом мне сказали, что у самого великого князя Николая Николаевича продается за высокую цену, за тысячу пятьсот рублей, его собственная гнедая лошадь. Мы с отцом поехали посмотреть и попали в довольно неловкое положение. Получив разрешение великого князя, я стал пробовать эту прекрасно выглядевшую лошадь в его собственном крохотном манеже при дворце на Михайловской площади. Все шло хорошо до минуты, когда отец стал требовать прибавить на галопе аллюру. Я шел все скорее, а отец требовал еще нажать, пока я сам не услышал, что лошадь сильно хрипит. Мне оставалось поскорее спешиться и попросить передать великому князю благодарность за его сомнительную любезность по отношению к легковерному будущему кавалеристу.

Так и пришел я в полк с двумя молодыми конями русских государственных заводов: сыном араба Искандер-Бека - золотистым, как червонец, Импетом (Стрелецкого завода) и сыном знаменитого чистокровного Лоэнгринна - белоногим Лорд-Мэрмом (Яновского завода).

Велико, однако, было мое разочарование, когда заведующий офицерской конюшней и безапелляционный эксперт поручик Петька Арапов определил, что оба мои красавца не того роста - не кони, а "крысы" - и поэтому непригодны для строя в эскадроне, называвшемся "эскадрон Её Величества". Действительно, они казались малы среди крупных светло-гнедых коней. Надо было опять искать лошадь.

На счастье, мой богатый дядюшка по матери, Апраксин, великий барин и самодур, объявил, что сам заплатит за лошадь, лишь бы она была лучшая в полку.

Клиент для получения его денег нашелся быстро в лице генерал-адъютанта Александра Петровича Струкова, георгиевского кавалера за Турецкую войну, в которой он перешел с Гурко через Балканы во главе гвардейских улан. Этот стройный, как юный лейтенант, старый холостяк, с длинными "кавалерийскими" усами, был известен не только как лихой спортсмен и изобретатель русского вьюка, но и как ловчайший великосветский бабышник.

Угостив меня с отцом в своем особнячке на набережной отличным завтраком, он повел нас в крохотный внутренний дворик и, как был, не глядя на мороз, в сюртуке, вскочил по-жокейски, не трогая стремян, на гнедого коня, изумлявшего глубиной подпруги, длиной плеча и внешней здоровой сухостью. Когда же Струков на скользком крохотном пятачке стал крутить этого великана вокруг нас галопом, мы не могли сказать ни одного слова критики. Тогда Струков, не говоря даже о деньгах, повелительным тоном приказал вести лошадь прямо в Кавалергардский полк. Хорош, конечно, был мой Фауст впереди 1-го эскадрона на парадах, но только все пронюхивавший Петька Арапов знал, сколько скипидару "эмброкейшен" втирал я в плечи этого безмускульного венгерского выкормка.

Собственно служба в полку началась для меня, как и для всех молодых офицеров, с дежурств по полку. Ровно в двенадцать часов старый и новый дежурные офицеры шли на середину двора на полковую гауптвахту, состоявшую из помоста и столба с колоколом для вызова караула. На помосте стояла повозка с денежным ящиком, охранявшаяся часовым с винтовкой за плечами и шашкой наголо. Бесмысленным казалось сопровождать казначея полка, хилого и совсем полуштатского штабс-ротмистра маркиза Паулуччи к этому ящику, из которого он с особым благоговением вынимал или в который вкладывал какой-нибудь конверт. Зачем было, казалось, мерзнуть на дворе, вместо того чтобы держать деньги в канцелярском шкафу? Но в том-то и дело, что таков был обычай, изменить

который никому не приходило в голову. От маленьких деталей и до важнейших вопросов многое в русской армии держалось на изживших себя традициях, а не на здравом смысле.

Офицеры полка в 1898 году. Отцы и сыновья

Итак, осмотрев печати на ящике и поздоровавшись с новым полковым караулом из шести человек при унтер-офицере, выслушав рапорты всех дежурных по эскадронам и командам, зайдя тут же в караульное помещение и карцер, помещавшиеся в подвале, дежурные подписывали рапортчку о наличном составе и шли к командиру полка.

Днем дежурный офицер выполнял все свои служебные обязанности, а перед обедом присутствовал при распределении мяса по эскадронам. Он должен был отвечать за его вес и свежесть. В девять часов вечера он шел на переключку в один эскадрон, где пелись хором молитвы и читался приказ по полку на следующий день.

Ночью дежурный офицер был обязан обойти, хотя бы один раз, все помещения полка, записать в рапортчке температуру в жилых помещениях, проверить бдительность всех дежурных, дневальных и порядок в восемнадцати конюшнях.

Помещения были раскинуты между тремя улицами, и добросовестный обход требовал не менее двух часов.

Ни одна иностранная армия не знала таких внутренних нарядов, как русская. Поистине, о ней можно было сказать, что она существует, чтобы охранять себя. В каждом эскадроне кроме дежурного унтер-офицера четверо дневальных, в конюшнях - то же число, а затем - в хлебопекарне, в полковом лазарете, у дровяного склада... Общее число людей в наряде в маленьком четырехэскадронном полку доходило до шестидесяти человек в день.

Когда, дежуря по полку в первый раз, я вернулся вечером в офицерскую артель, в нижнем этаже которой находилась дежурная комната, вестовой - лакей артели - доложил

мне, что кровать постлана. Зная, что дежурный по полку обязан после вечерней зори оставаться в шинели, при шашке и револьвере, я сделал вид, что не замечаю за ширмой роскошного дивана, покрытого тончайшими простынями и английским теплым одеялом; тут же лежала моя собственная ночная рубашка, оставленная утром предусмотрительным камердинером.

Я сказал, что мне спать не хочется. Но старший буфетчик Егор сообщил мне, что все дежурные на ночь спокойно раздеваются, так как никто войти ночью без дежурного лакея не может, а последний не откроет двери никакому начальству, пока не убедится, что дежурный встал и готов к встрече.

Через несколько недель после этого стратегия Егора потерпела поражение, и бедному Ванечке Салтыкову, дежурному по полку и, по обыкновению, сладко спавшему, пришлось поплатиться. Главнокомандующему Петербургским округом великому князю Владимиру Александровичу, дяде царя, частенько не спалось, несмотря на выпиваемую ежедневно перед сном бутылку шампанского. Надев мягкие, с вечно спущенными голенищами сапоги и генерал-адъютантское пальто, он отправлялся ночью на прогулки с целью "поймать" какой-нибудь из гвардейских полков. В эту злосчастную зимнюю ночь со снежной пургой Владимир Александрович добрал до нашего полка и долго безрезультатно звонил в егоровский звонок. Внутри артели так же безрезультатно будили Ванечку.

Отчаявшись добиться дежурного по полку, великий князь пошел на полковой двор и, заметив огонек в одном из подвалов, поинтересовался узнать, что может здесь твориться в столь поздний час. Там его ждала неприглядная картина: в темном сыром подвале он нашел месивших тесто полуголых людей в грязных колпаках и подштанниках - это была полковая хлебопекарня. Ее начальник, поручик Нечаев, отделался арестом на Садовой, в комендантской гауптвахте.

У меня же, на одном из дежурств по полку, произошло следующее: под вечер, когда все офицеры уже разъехались, ко мне прибежал дежурный унтер-офицер по нестроевой команде и с волнением в голосе доложил, что "Александр Иванович померли".

Александром Ивановичем все, от рядового до командира полка, величали старого бородатого фельдфебеля, что стоял часами рядом с дневальным у ворот, исправно отдавая честь всем проходящим.

Откуда же пришел к нам Александр Иванович? Оказалось, что еще до того, как мой отец командовал полком, то есть в начале 70-х годов, печи в полку невероятно дымили и никто не мог с ними справиться; как-то военный округ прислал в полк печника-специалиста из еврейских кантонистов - Ошанского. При нем печи горели исправно, а без него дымили. Все твердо это знали и, в обход всех правил и законов, задерживали Ошанского в полку, давая ему мундир, звания, медали и отличия за сверхсрочную "беспорочную службу".

И вот его не стало, унтер-офицер привел меня в один из жилых корпусов, еще елизаветинской постройки, где в светлом подвальном помещении под сводами оказалась квартира Александра Ивановича. Он лежал в полковом мундире на составленных посреди комнаты столах. Его сыновья, служившие уже на сверхсрочной службе - один трубачом, другой писарем, третий портным, - горько плакали.

Я никак не мог предполагать того, что произошло в ближайшие часы. К полковым воротам подъезжали роскошные сани и кареты, из которых выходили нарядные элегантные дамы в мехах и солидные господа в цилиндрах; все они пробирались к подвалу, где лежало тело Александра Ивановича. Оказалось - и это никому из нас не могло прийти в голову, - что фельдфебель Ошанский много лет стоял во главе петербургской еврейской общины. На следующее утро состоялся вынос тела, для чего мне было поручено организовать церемонию в большом полковом манеже. К полудню манеж принял необычайный вид. Кроме всего еврейского Петербурга сюда съехались не только все наличные офицеры полка, но и многие старые кавалергарды во главе со всеми бывшими командирами полка.

В числе последних был и мой отец, состоявший тогда уже членом Государственного совета.

Воинский устав требовал, чтобы на похоронах всякого военнослужащего, независимо от чина и звания, военные присутствовали в полной парадной форме, и поэтому всем пришлось надеть белые колеты, ленты, ордена и каски с орлами. У гроба Александра Ивановича аристократический военный мир перемешался с еврейским торговым и финансовым, а гвардейские солдаты - со скромными ремесленниками-евреями.

После речи раввина гроб старого кантониста подняли шесть бывших командиров полка, а на улице отдавал воинские почести почетный взвод под командой вахмистра - как равного по званию с покойным - при хоре полковых трубачей. Таков был торжественный финал старой истории о дымивших печах...

По очереди со всеми другими частями столичного гарнизона мы дежурили в трех военных госпиталях - Николаевском, Клиническом и Семеновском.

Каждый дежурный офицер получал двух-трех унтер-офицеров своей части, которые помогали ему следить за отношением госпитальной администрации к больным солдатам. Небольшие офицерские и женские палаты находились только при Клиническом госпитале, так как большинство среднего и высшего состава лечилось на квартирах. После каждой раздачи пищи мы с унтер-офицерами обходили палаты, спрашивая, все ли довольны. В ночное время наблюдали за работой санитарного персонала, выслушивая жалобы и заявления, которые записывали в книге. На рассвете принимали мясо и отбирали у повара ключи от котлов, в которых оно варилось. Самой тяжелой обязанностью было составление завещаний умирающим и актов о смерти.

Гораздо реже доходила до полка очередь дежурства в окружном суде, куда высылались офицерский караул. На том заседании, на котором пришлось мне присутствовать, добрая половина дня была посвящена разбору дел о членовредительстве. Я не верил своим ушам, когда читали обвинительный акт: подсудимый, молодой крестьянин, узнав о своем призыве в армию, отрубил себе топором указательный палец на правой руке, чтобы не быть годным к военной службе. Несчастный, чахлый маленький человечек, охраняемый двумя громадными кавалергардами в касках, слушал все это с полным равнодушием. Так же бесстрастно отнесся он и к горячей речи молодого защитника, доказывавшего суду, что его клиент левша. В подтверждение этого он предлагал подсудимому продеть нитку в иголку, взять стакан с водой и тому подобное.

Суд, состоявший из украшенных орденами гвардейских полковников, приговорил подсудимого к пяти годам арестантских рот.

Тяжелое чувство вызвал во мне этот суд. Впервые я увидел с полной наглядностью, что для русского крестьянина наша армия была чем-то вроде каторги.

Дежурства составляли самую скучную сторону службы и были уделом корнетов и молодых поручиков, не успевших пристроиться к какой-нибудь должности - казначея, заведующего офицерской артелью, квартирмейстера, начальника школы кантонистов и даже церковного старосты. Последнюю должность создал и бессменно занимал пресловутый Воейков, последний дворцовый комендант при Николае II.

Небольшого роста, с надушенными усами, этот поручик жил в лучшей казенной квартире в казармах, был женат на совершенно безликой дочери министра двора барона Фредерикса, считался интриганом и самым неприятным по характеру товарищем, но внушал к себе известное почтение своей хозяйственной ловкостью. Решившись извлечь доход даже из полковой церкви, он собрал деньги на ее перестройку и лично сидел на стуле посреди полкового двора, продавая строительный хлам от старой церкви. Главным же свойством этого маленького задорного человека была скупость, доходившая до того, что, несмотря на свое громадное состояние, он умудрился сшить себе офицерское служебное пальто, перекроив и перекрасив свои старые вещи.

Многие офицеры, занимавшие подобные хозяйственные посты, надолго расставались со строевой службой, возвращаясь к ней только по получении командования эскад-

роном, чего им приходилось ждать обычно не менее десяти - пятнадцати лет, а иногда и больше. Из-за этого в нашем эскадроне числилось по списку чуть ли не десять офицеров, между тем как налицо никогда не было более пяти; с остальными я виделся за завтраком в артели, раз в неделю - на офицерской езде да на всяких "гуляньях".

Поступая в полк, я надеялся именно здесь постичь все тонкости строевой кавалерийской службы. Между тем с первых же дней я натолкнулся на барское благодушное игнорирование воинской службы со стороны офицеров. К счастью, вскоре меня назначили помощником заведующего молодыми солдатами; это были новобранцы прошлого года, отбывшие лагерный сбор в строю эскадрона и проходившие с начала учебного года два-три месяца усиленной строевой переподготовки.

Непосредственным моим начальником оказался поручик барон Маннергейм, будущий государственный деятель Финляндии. Швед по происхождению, финляндец по образованию, этот образцовый наемник понимал службу как ремесло.

Он все умел делать образцово и даже пить так, чтобы оставаться трезвым.

Он, конечно, в душе глубоко презирал наших штатских в военной форме, но умел выражать это в такой полушутливой форме, что большинство так и принимало это за шутки хорошего, но недалекого барона. Меня он взял в оборот тоже умело и постепенно доказал, что я, кроме посредственной верховой езды да еще, пожалуй, гимнастики, попросту ничего не знаю.

Главными моими учителями оказались унтер-офицеры.

Прихожу на занятия.

- Смирно! Глаза направо! - командует унтер-офицер Пурышев.

- Здорово, братцы, - говорю я по гвардейскому обычаю, не подымая голоса.

- Здравия желаем, ваше сиятельство! - несетя дружный ответ.

- Командуй, - говорю я унтер-офицеру.

Тот четко произносит команду, по которой мои ученики быстро рассыпаются по залу в шахматном порядке.

- Защищай правую щеку, налево коли, вниз направо руби!

Свист шашек в воздухе, и снова - полная тишина.

Чему мне тут учить? Дал бы Бог самому запомнить все это для смотра, где придется командовать.

- Не очень чисто выходит, - говорит мне вразумительно вахмистр Николай Павлович, - там у вас в третьем взводе совсем плохо делают.

Молчу, так как, по-моему, солдаты делают все лучше меня самого.

Смотр молодых солдат Маннергейм провел блестяще, я получаю вместе с ним благодарность в приказе по полку и назначаюсь заведующим командой эскадронных разведчиков. Заслужившие это звание получали отличие в виде желтого басона вдоль погон.

Кроме устных занятий по карте и писания донесений разведчики должны были раз в неделю выезжать в поле для практических занятий. Для этого полагались наиболее выносливые и резвые лошади. На деле же собрать команду на занятия удавалось крайне редко.

Тот же вахмистр Николай Павлович, от которого это зависело, оправдывался, перечисляя, сколько людей в полковом наряде, кто поехал за мукой, кто за маслом, сеном, овсом.

Да к тому же в ноябре инспекторский смотр великого князя, и к нему надо готовиться.

От холода кони-великаны обратились в косматых медведей, а ведь на смотре должны блеснуть. Поэтому с шести часов утра до восьми часов - чистка, с часу до трех - чистка, а в шесть часов вечера - опять чистка.

А в субботу - баня и мойка белья.

Да и вообще, для занятий людей в эскадронах не найдешь: налицо человек тридцать - сорок.

Кавалергарды в царствование Николая II

Даже только что обученные молодые солдаты рассеялись, как дым, - кто в командировке в штаб, кто назначен в кузнецы, денщики, санитары, писаря.

Жалуюсь на это новому командиру эскадрона, милому, воспитанному, но совсем не кавалеристу Кноррингу и прошу его назначить мне молодую казенную лошадь для выездки в унтер-офицерской смене, как это предписано новым строевым уставом.

- Брось, - отвечает мне по-французски Кнорринг, - ты мне еще испортишь лошадь: пусть ездят унтер-офицеры, а на смотр вы все успеете сесть на выезженных лошадей.

Решаю совершенствоваться на собственных трех лошадях в офицерском манеже. Здесь кроме любителя езды - Пети Арапова компанию мне составляют только два старых берейтора, проезжающие весь день господских лошадей, чтобы размять их опухшие от застоя ноги.

В первый год моей службы штаб войск гвардии и Петербургского военного округа решил нарушить мирную зимнюю спячку и организовал зимние отрядные маневры всех трех родов оружия. На лыжах ходили лишь охотничьи команды в пехотных полках, и потому маневры свелись к походным движениям по узким дорогам, сжатым среди безбрежного моря сугробов.

В нашем полку пострадал от этого предприятия поручик 3-го эскадрона Черевин, получивший в результате маневров несколько дней гауптвахты. Какой-то пехотный полковник направил его в разъезд для охранения фланга. Маленький, щупленький рыжий Черевин, узаконенный сын генерала Черевина - собутыльника Александра III, исполняя полученный приказ, замерз, а потому укрылся со своими людьми во встретившейся железнодорожной будке. Здесь он грелся, не обращая внимания на повторные приказания продвигаться вперед. В конце концов он послал начальнику отряда лаконическое донесение: "Ввиду сильного мороза разъезд поручика Черевина покинет будку только с наступлением весны".

В середине зимы, вероятно с целью использовать мой запас энергии, мне дают заведовать полковой хлебопекарней. Но ведь никто в школе не научил меня тайнам "припека", и учителем моим является и тут подчиненный - писарь Неверович. Он дает мне подписывать такие сложные таблицы с дробями, что я прошу его прочитать мне лекцию по хлебопечению.

Раза два в месяц езжу на интендантский склад для приемки муки и ругаюсь, когда нахожу ее затхлой. Мне объясняют, что другой муки в России вообще нет. Оказалось, как я потом узнал, что по существовавшей системе интендантство непрерывно освежало неприкосновенный запас, отпуская нередко затхлую муку.

Заключительным аккордом зимнего военного сезона в Петербурге являлся майский парад, не производившийся со времен Александра II и возобновленный с первого же года царствования Николая II.

Мне довелось его видеть, будучи еще камер-пажом императрицы, из царской ложи на Марсовом поле, расположенной близ Летнего сада. Позади ложи, вдоль канавки, строились во всю длину поля открытые трибуны для зрителей, доступные из-за высокой цены на места только людям с хорошим достатком, главным образом дамам, желавшим пощеголять весенними туалетами последней парижской моды.

После объезда войск царь становился перед царской ложей, имея позади и несколько сбоку только трубача из собственного конвоя - в алом чекмене, на сером коне.

Две алых полоски двух казачьих сотен конвоя открывали прохождение войск. Командовавший ими полковник барон Мейендорф, отпустивший красивую седеющую бороду и подражавший всем ухваткам природного казака, лихо, во всю прыть заезжал после прохождения и опускал перед царем свою кривую казачью шашку.

За конвоем, печатая шаг, проходил батальон Павловского военного училища, потом сводный батальон, первой ротой которого шла пажеская рота, вызывавшая своими касками воспоминание о давно забытой эпохе.

Затем наступал перерыв - на середину поля выходил оркестр преображенцев, и начиналось прохождение гвардии, шедшей в ротных, так называемых александровских колоннах, сохранившихся от наполеоновских времен.

Красноватый оттенок мундиров Преображенского полка сменялся синеватым оттенком Семеновского, белыми кантами Измайловского и зелеными - егерей.

Однообразие форм нарушал только Павловский полк, проходивший в конусообразных касках эпохи Фридриха Прусского и по традиции, заслуженной в боях, - с ружьями наперевес.

В артиллерии, следовавшей за пехотой, бросались в глаза образцовые запряжки из рослых откормленных коней, подобранных по мастям с чисто русским вкусом: первые батареи на рыжих конях, вторые - на гнедых, третьи - на вороных.

*Императорский орден
«За стрельбу из
револьвера»*

После минутного перерыва на краю поля со стороны Инженерного замка появлялась блиставшая на солнце подвижная золотая конная масса. То подходила спокойным шагом наша 1-я гв. кирасирская дивизия. Она шла в строю развернутых эскадронов, на эскадронных дистанциях.

Перед царской ложей выстраивался на серых конях хор трубачей Кавалергардского полка, игравший полковой марш, и торжественно проходил шагом наш лейб-эскадрон в развернутом строю; на первом взводе ехал Маннергейм. В последующие три года на этом месте ехал я - не без замиранья сердца и стараясь ни на минуту не отклониться от направления на второе от угла окно дворца принца Ольденбургского.

После прохождения и ответа царю на приветствие надо было переходить в рысь, чтобы, перестроившись во взводную колонну и зайдя правым плечом, очистить место следующим эскадронам. Тут нельзя было терять ни минуты, так как позади уже слышался сигнал

трубача, игравшего тот или другой аллюр.

Серебристые линии кавалергардов на гнедых конях сменялись золотистыми линиями Конной гвардии на могучих вороных, серебристыми линиями кирасир на караковых конях и вновь золотистыми линиями кирасир на рыжих. Вслед за ними появлялись красные линии донских чубатых лейб-казаков и голубые мундиры атаманцев, пролетавших обыкновенно наметом.

Во главе 2-й дивизии проходили мрачные конно-гренадеры, в касках с гардами из черного конского волоса, а за ними на светло-рыжих конях - легкие синеватые и красноватые линии улан. Над ними реяли цветные флюгера на длинных бамбуковых пиках, отобранных ими в турецкую кампанию.

Красно-серебряное пятно гвардейских драгун на гнедых конях было предвестником самого эффектного момента парада - прохождения царскосельских гусар. По сигналу "галоп" на тебя летела линия красных доломанов; едва успевала, однако, эта линия пролететь, как превращалась в белую - от накинутах на плечи белых ментиков.

Постепенно кавалерийские полки выстраивались в резервные колонны, занимая всю длину Марсова поля, противоположную Летнему саду.

Перед этой конной массой выезжал на середину поля сам генерал-инспектор кавалерии Николай Николаевич. Он высоко подымал шашку в воздух. Все на мгновение стихало. Мы с поднятыми палашами не спускали глаз с этой шашки.

И вот вдруг шашка опускалась, и по этому знаку земля начинала дрожать под копытами пятитысячной конной массы, мчавшейся к Летнему саду. Эта лавина останавливалась в десяти шагах от царя.

Так оканчивался этот красивый спектакль...

Слезая как-то с коня на полковом дворе после одного из парадов, солдат моего взвода оперся на пику и сломал ее. Оказалось, что пики были из плохой сосны и, конечно, как и все прочие красивые доспехи, для войны не были приспособлены. И когда, через несколько лет, на полях Маньчжурии я ломал себе голову, силясь понять истинные причины наших поражений, то в числе других показательных примеров нашей военной системы передо мной неизменно вставала картина майского парада на Марсовом поле - эта злая насмешка, этот преступный самообман и бутафория, ничего общего с войной не имевшая.

К несчастью для русской армии, это пускание пыли в глаза, этот отрыв подготовки войск от действительных требований военного дела ощущался не только на Марсовом поле, но и на военном поле Красносельского лагеря. Сколько раз, бывало, в Маньчжурии говорили мы, бывшие гвардейцы, сталкиваясь с тяжелой военной действительностью: "Да, это тебе не красносельские маневры!"

Выступление в лагерь очень смахивало на красивый пикник. День для этого выбирался в начале мая - теплый, солнечный. Из сорока офицеров полка в лагерь выходило не больше двадцати - в большинстве молодежь. Остальные разъезжались по своим имениям, на заграничные курорты, и мы их до осени никогда не видели.

Император Николай II и императрица Александра Федоровна

Полк вел новый командир полка, известный всему Петербургу "дяденька Николаев". Вся жизнь этого человека протекла между полковыми казармами и великосветскими салонами. Сын мелкого тульского дворянина, нажившего, как многие, хорошее состояние

на откупных операциях после освобождения крестьян, этот красивый мальчик окончил с грехом пополам нетрудный курс Николаевского кавалерийского училища и благодаря своим деньгам был принят в Кавалергардский полк. Кроме красивой "парикмахерской" внешности он обладал очень важным свойством - умением молчать и этим скрывать не только свое полное невежество, но и бедность словарного запаса. Попав благодаря мундиру полка в чуждую ему великосветскую среду, он усвоил основные требования, предъявляемые этой средой: уметь кое-как объясняться на французском языке, хорошо одеваться и иметь приличные манеры.

С удивительным искусством он стал подражать представителям самых высших аристократических семейств, как, например, своему старшему товарищу по эскадрону князю Барятинскому, близостью с которым особенно гордился. Потом надо было завести хороший роман с какой-нибудь великосветской замужней дамой; барышни Николаева не интересовали, так как трезвая расчетливость отворачивала его от каких бы то ни было обязанностей, связанных с семейной жизнью. Ему повезло, и со своими расчесанными, надутыми усами он одержал такую победу, о которой даже и мечтать не мог, - он был внесен в список фаворитов самой великой княгини Марии Павловны, жены Владимира Александровича, брата Александра III. С этой минуты его карьера была навсегда обеспечена, и он не только получил впоследствии командование Кавалергардским полком и попал в свиту царя, но и, не ударив всю жизнь палец о палец, сделался на старости лет даже генерал-адъютантом. Большинство с этим мирилось, так как он никому не мешал, а те, кто возмущался, - молчали.

- Совокупность отрицательных качеств, - говорил про него мой товарищ Гриша Чертков, один из культурнейших офицеров полка, - дает, оказывается, положительный результат!

Командовал он полком так. Верный принципу - достигать результатов с наименьшей затратой собственных усилий, - он предоставлял полную свободу действий двум своим помощникам, командирам эскадронов, и адъютанту. Зимой он выходил из своей квартиры прямо к завтраку в офицерскую артель, что позволяло ему услышать все текущие полковые новости. После завтрака он появлялся с большой гаванской сигарой в зубах в гостиной, куда адъютант полка Скоропадский приносил ему к подписи приказ и текущие бумаги. Отдохнув у себя на квартире, он на хорошей паре рысаков ехал на Морскую в Яхт-клуб, где садился за карточный стол или к зеркальному окну, из которого наблюдал за проходящими и проезжающими членами высшего петербургского общества. Здесь же он узнавал все великосветские и придворные сплетни. После обеда по четвергам - во французский Михайловский театр, по субботам - в цирк, по воскресеньям - в балет, а в остальные дни - к Шуваловым или Барятинским на партию винта.

Исключение в этом порядке дня бывали только в субботу, когда "дяденька" вместо двенадцати выходил из своей квартиры на полковом дворе в десять часов утра и шел в большой манеж. Здесь для поднятия строевой дисциплины он пропускал полк в пешем строю по несколько раз церемониальным маршем и в одиннадцать часов проводил общую офицерскую езду. С двенадцати порядок дня Николаева входил в обычную норму.

Зато в лагере в короткий период полковых учений и кавалерийских сборов Николаев выводил полк в шесть часов утра, с тем чтобы и тут не утомлять ни себя, ни людей жарой, - все за это были ему благодарны. Выехав на военное поле, "дяденька" спокойно подавал сигнал трубачам и начинал, как он выражался, "сбивать полк". При первом же прохождении он благодарил полк за службу и вселял этим во всех нас уверенность и спокойствие при перестроениях даже на самых резвых аллюрах. Начальство его ценило, полк получал благодарности, а "дяденька" принимал это со скромностью, повторяя, что другого он и не ожидал от своего полка.

Перед выступлением в лагерь он сговаривался заранее с бывшим офицером полка графом Александром Шереметевым, который на полпути в Красное - у Лигова - устраивал

богатеиший прием: завтрак на своей даче офицерам и угощение нижним чинам. Разумеется, что после этого песни пелись громче и путь казался короче.

Павловская слобода, где по дворам у крестьян располагался Кавалергардский полк, составляла продолжение Красного Села, разбросанного вдоль довольно скверного шоссе. Это шоссе, с мягкой обочиной для верховой езды, тянулось до военного поля 6-7 километров. Ближайший к военному полю отрезок этого шоссе по мере приближения конца лагерного сбора, связанного с царским приездом, постепенно принимал все более и более нарядный вид. Перед деревянными дворцами великих князей и высшего военного начальства благоухали цветы, дорожки посыпались ярко-желтым песком, и пыльное шоссе поливалось по несколько раз в день из бочек, развозившихся на одноконных повозках. Потом появлялась неизбежная дворцовая полиция и конные гвардейские жандармы, которые, в отличие от гражданских жандармов, носили светло-голубые нарядные мундиры. Наконец приезжали военные прелестно разодетые дамы, и ходить на учение становилось не так скучно, как в начале лагерного сбора. Вообще в течение двух-трех недель в году Красное напоминало роскошное дачное место.

Так называемый главный лагерь тянулся на 7 километров вдоль пологого ската долины речонки Лиговки, начинавшейся у живописного Дудергофского озера. Высокая гора Дудергоф скрывала в своем густом лесу и на дачах не один роман юнкеров с офицерскими женами.

Главный лагерь, предназначавшийся для пехоты, состоял из рядов белых палаток, перед которыми была посыпанная песочком линейка. Обычно безлюдная, она оживала лишь в девять часов вечера, когда ее заполняли обитатели палаток.

Дневальные, стоявшие под деревянными "грибами", на все голоса, как петухи, распевали приказ дежурного по лагерю: "Надеть шинели в рукава!" Затем звучали сигнальные рожки, игравшие в темпе марша пехотную зорю и заглушавшие полный поэзии мотив кавалерийской зори. После нескольких минут тишины, посвященных переключке, рев многих тысяч голосов оглушал все окрестности пением молитвы "Отче наш".

За палатками зеленела сплошная полоса березовых рощ, в глубине которых вдоль шоссе вытянуты были ряды офицерских дач, окрашенных в цвета мундиров соответственных гвардейских полков.

На другом берегу долины Лиговки вдоль военного поля тянулся авангардный лагерь, предназначенный для армейской пехоты и военных училищ. Кавалерийские полки занимали по традиции всегда одни и те же деревни, разбросанные в районе 10 километров от военного поля.

Пехотные стрельбища тянулись во всю длину позади главного лагеря.

Они были хорошо оборудованы на все дистанции. Здесь-то и проходила та часть обучения - стрельба из винтовок, - на которую было обращено особое внимание в русской армии после войны 1877 г.; в этой войне, как и в Крымской, героизм русского солдата был сломлен превосходством ружейного огня его противника.

Что же касается маневрирования, то до русско-японской войны реформы коснулись только нашего рода оружия - конницы, а пехота передвигалась на поле сражения по давно устаревшим правилам.

Мы только что получили новые строевые уставы, разработанные, в противоположность обычаям, в весьма короткий срок. Их написал начальник штаба генерал-инспектор кавалерии Палицын, объехавший предварительно со специальной комиссией кавалерийские школы и полки Германии, Австрии и Франции.

Пара, составленная из волевого, но взбалмошного Николая Николаевича и спокойного до комизма, но образованного и хитрого Феди Палицына, удовлетворяла требованию о том, чтобы в начальнике соединились воля и ум.

Результаты реформы не преминули сказаться. Изю дня в день вся русская кавалерия меняла свое лицо. Стих "вой" команд, передававшихся когда-то хором всеми начальниками до взводных командиров включительно, и взамен этого, по простому знаку шашкой, не

только эскадрон, а целые дивизии развертывались веером в строй эскадронных колонн, производили заезды в любом направлении в полной тишине и на полном карьере - слышался лишь топот тысяч копыт.

Но не нужно думать, что это произошло без затруднений. Дикий ужас охватывал всех старших кавалерийских начальников при появлении на поле долговязого всадника в гусарской форме, Николая Николаевича. Генерал-инспектора сопровождал скромный генштабист с рыженькой бородкой Федя Палицын; старый пехотинец, он выучился галопировать на своей рыженькой кобылке.

Лукавый, как прозвала Николая Николаевича вся кавалерия от генерала до солдата, - заимствовав это прозвище из слов молитвы: "избави нас от лукавого", - взирал на учение, бросив поводья на шею своего серого коня. Федя при этом что-то нашептывал.

Но вот сигнал "сбор начальников отдельных частей", и через минуту стек в руке Лукавого образно дополняет разнос подчиненных. Едкие фразы кажутся еще более ядовитыми от шипящего сквозь зубы голоса. Под конец стек взлетает резко в воздух, и слышится истерический крик:

- Я вам покажу, ваше превосходительство! Я вас выучу командовать! - Или же попросту: - Вон с поля! Не хочу видеть моих гусар!

Некоторые командиры "с положением" при этом не робели; однажды командир гусар, недалекий, но невозмутимый князь Васильчиков, после крика: "Вон с поля!" - спокойно отсалютовал, повернул коня и тут же при Лукавом скомандовал:

- Полк, по домам! Песенники, вперед!

В другой раз на кавалерийском учении, заранее точно отрепетированном в честь приезда Вильгельма II, я со своим взводом в непроницаемой туче пыли изловчился занять в резервной колонне по сигналу "сбор" точное место в затылок одному из эскадронов 2-й кавалерийской дивизии. Каков же был мой ужас, когда через несколько секунд во фланг моего взвода врезался эскадрон желтых кирасир с вензелями императора на погонах. Зная свою правоту, я твердо решил не уступать им этого места, но тут же из облака пыли передо мной выросла фигура Николая Николаевича, который, оценив положение, взвизгнул на кирасир: "Живо, живо, желтяки!" - и закончил фразу в рифму матерным ругательством. Немцы, слава Богу, из-за пыли этого заметить не могли, но командир кирасир, явившись в тот же день после учения к Николаю Николаевичу, заставил его извиниться перед офицерами полка.

Главным нововведением был полевой галоп, который в насмешку называли "палевым". Для него был введен специальный сигнал, а офицеры подобрали подходящие к мотиву слова:

*Сколько я раз говорил дураку:
Крепче держись за луку!*

Эту песенку относили не столько к слабым ездокам из новобранцев, сколько к путаньким генералам, полковникам и ротмистрам: многих из них этот "палевый" галоп довел не только до одышки, но даже до отставки.

Тот же сигнал заставил в конце концов всех кавалерийских офицеров запастись часами-браслетами с секундомером, по которым надо было точно регулировать скорость галопа: две минуты двадцать секунд - верста, пять минут - 2 версты, десять минут - 4 версты.

Весь нажим при внедрении новых требований Лукавый направил на старших начальников и на офицеров, выстраивая нас без частей по трое в ряд и заставляя скакать полевым галопом 4-5 верст, сохраняя равнение.

Проходя ежедневно на военное поле мимо двухэтажного здания красносельской гауптвахты, расположенной как раз вблизи дворца Лукавого, мы постоянно видели в ок-

нах арестованных офицеров - и все из кавалерийских полков; каждый из нас гадал, когда придет его черед.

Реформы генерал-инспектора встретили сопротивление со стороны вахмистров, отравивших по традиции дородные пуза на "экономии" от фуража. Эти полуграмотные приказчики при помещиках - эскадронных командирах - устраивали Лукавому настоящий саботаж, доказывая ему наглядно, что он губит кавалерию: русские лошади ходить, мол, как иностранные, галопом не могут. Обязанные выводить на учение девять рядов во взводе, они выстраивали по девять всадников только в первых шеренгах, задние же делались "глухими", то есть с пропусками: объясняли это хромотой большого числа коней. Или наполняли по вечерам мутную Лиговку конями всех мастей, демонстрируя этим, что непосильные требования новых уставов переутомляют ноги коней.

Одним из нововведений был вызов из строя во время учений постепенно всех начальников, с заменой их в строю младшими. И вот оказалось, что частенько, когда полком командовал какой-нибудь лихой корнет, а на взводе вместо "господ" становились унтер-офицеры, то полк маневрировал не хуже, а порой и лучше.

После учений на военном поле нашему полку приходилось возвращаться шагом по пыльному шоссе, которому, казалось, и конца не было. Офицеры выезжали из строя и, едучи по мягкой обочине, беспечно болтали, а солдаты по команде "Песенники, вперед!" затягивали песни, к которым большинство офицеров относилось совершенно равнодушно: любителей русской песни среди нас было мало, и когда я иногда выезжал за запевалу, товарищей это явно шокировало.

Впереди полка, тотчас за трубачами, везли полковой штандарт в сопровождении ассистента из офицеров, с шашкой наголо. Никому из нас не нравилось сопровождать штандарт. Офицеры почему-то прозвали его Эрнестом, по имени модного петербургского ресторана; под этим псевдонимом штандарт фигурировал в наших спорах, и солдаты не могли поэтому догадаться, о чем мы торгуемся после вопроса - кто едет сегодня к Эрнесту? Нельзя же всегда было говорить по-французски, чтобы скрывать от своих солдат то, что мы хотели скрыть от них.

Церемония встречи почетного гостя на вокзале в Царском Селе. Слева от Николая II - великий князь Николай Николаевич, генерал-инспектор кавалерии

Лагерный сбор заканчивался большими корпусными маневрами в царском присутствии. Для господ офицеров это являлось большим событием, связанным с отлучкой из

насиженных за лето красносельских дач. Появлялись на сцену комфортабельные собственные офицерские палатки, устилавшиеся подчас драгоценными персидскими коврами. Главной заботой полка была перевозка офицерской артели - с буфетчиками, поварами, посудой и тяжеловесным полковым серебром. Все это тянулось на крестьянских подводах. Полковой обоз разбухал до невероятных размеров, особенно из-за подвод, нанимаемых офицерами на собственный счет для перевозки их палаток и чемоданов.

Места биваков были известны заранее, и потому, подойдя к месту ночлега, мы находили уже палатку-дворец, в которой при свете канделябров подавался изысканный ужин с винами и шампанским, совсем как в городе. Лакеи и денщики стлали в палатках походные постели "для господ", и только длинные ряды коней на коновязях напоминали ржанием о нашем военном ремесле.

Мне, впрочем, редко удавалось пользоваться всем этим комфортом, так как я попал в число тех четырех-пяти офицеров, которых заранее предназначали в начальники разъездов. Самыми опасными "противниками" в этих случаях считались казаки, которые на своих

легких конях пробирались в ночное время по пересеченной местности с большей легкостью, чем наши тяжеловесные разъезды.

Если для нас, молодых офицеров, все эти полурусские названия, как Хейдемяки, Кавелакты, Парголовы, все эти угрюмые леса и приветливые на первый взгляд, а на самом деле - непроходимые болотистые луга представляли собой действительно незнакомую и интересную обстановку, то для нашего начальства, изъездившего эти места вдоль и поперек в течение добрых двух или трех десятков лет, все это было хорошо известной частью военного поля. Таковую-то возвышенность всегда полагалось атаковать с юга, а вот Х попробовал обойти ее с востока, ну и осрамился перед самим великим князем - главнокомандующим.

Этим людям было все наперед известно, и я никогда не забуду, какой был конфуз, когда казачья бригада под командой генерала Турчанинова, получив, как и мы, свободу действий с девяти часов вечера, решила после

Знак «За отличную стрельбу»

хорошей попойки не ожидать, как было принято, рассвета, а двинулась против нас ночью на рысях и, не дав опомниться сторожевому охранению, застала всю 1-ю дивизию мирно спящей на биваках.

- Нахальство. Где же это видано, - ворчал наш вахмистр Николай Павлович, возвращаясь с этого позорного маневра и делясь со мной впечатлениями. - Жаль щей и каши, что эти разбойники вывернули из походной кухни...

Последние два-три дня маневров все от мала до велика мечтали лишь об "отбое" и заранее гадали, где бы он мог состояться. Прошли уже времена, когда "отбой" обязательно должен был быть подан на военном поле у Красного Села. В мое время намечался известный прогресс, и царь выезжал на тройке за несколько верст от Красного Села, где после "отбоя" он лично присутствовал на разборе маневров, не решаясь, однако, проронить при этом ни единого слова.

Царский приезд на несколько дней обращал лагерный сбор в сплошной великосветский праздник. Здесь еще оставались в своем неприкосновенном виде красносельские скачки, описанные в "Анне Карениной". Вспоминая Вронского, я одно лето готовил под руководством англичанина-тренера своего красавца Лорд-Мэра; увы, он был побит чисто-

кровным рыжим Чикаго, напоминавшим своим экстерьером и мастью того Гладиатора, с которым соревновалась лошадь Вронского.

Тут же у трибун скачек царь раздавал призы лучшим стрелкам, ездокам и даже кашеварам.

Между кашеварами ежегодно устраивались состязания в варке щей и каши, для чего котлы врывались заранее в один из склонов Дудергофской горы; судьями были фельдфебели, и призы присуждались тайным голосованием.

После скачек все неслись на тройках, парах и извозчиках в Красносельский театр, где самую видную роль на сцене балета играла Кшесинская, которой любовались сразу все три ее последовательных августейших любовника - сам Николай II, его молодой дядя Сергей Михайлович и совсем еще юнец, младший брат будущего претендента на престол, Кирилла, - Андрей.

На другой день все то общество, что было в театре, незадолго до заката солнца собиралось у церкви главного лагеря, где должна была происходить "зоря с церемонией".

Перед парадной палаткой выстраивался сборный оркестр от всех гвардейских полков, около тысячи человек, исполнявший заранее отрепетированные музыкальные произведения. Впереди него и в нескольких шагах от царя стоял старейший барабанщик, барабанщик Семеновского полка, с большой седой бородой. Он взмахивал палками барабана, и музыка стихала. Старик, четко повернувшись к оркестру, командовал: "На молитву. Шапки долой!", после чего при последних лучах заходящего солнца внятно и раздельно читал "Отче наш".

Присутствовавшая на зоре петербургская знать, штабные карьеристы и блестящие гвардейцы, толпившиеся у трибун для дам, смотрели на нее как на обязательную служебную церемонию, давно потерявшую свой внутренний смысл. Едва успевала она окончиться, как все они спешили удрать в тот же Красносельский театр или на веселые ужины с наехавшими из Питера разряженными дамами всех рангов.

Лагерь был кончен, поезда, набитые до отказа, увозили в столицу все офицерство, а Красное Село замирало до следующей весны...

На второй год пребывания в полку я уже считаю хорошим строевиком, и хозяин офицерской артели штабс-ротмистр Александровский приглашает меня к себе помощником в учебную команду - унтер-офицерскую школу, куда он, к великому его смущению, назначен заведующим.

Разочарованный в своих надеждах научиться чему-либо в эскадроне, я с радостью принимаю это предложение. Но вскоре я узнаю, что и здесь всем военным образованием ведает унтер-офицер Кангер, а мне поручены лишь грамотность, арифметика и винтовка.

- Не мешайся, - говорит мне Джек Александровский, - Кангер знает все лучше нас с тобой.

Главным занятием в учебной команде была, конечно, верховая езда, производившаяся ежедневно в большом манеже. В середине стоит раздушенный, жирненький Джек с бородкой Генриха IV. Всем своим видом он напоминает элегантного французского буржуа. Обычно добродушный и корректный, в манеже он обращается в зверя, кричит и неистово шелкает бичом, хотя ничего в езде не понимает. Пар валит клубами от несущихся коней: люди на полном карьере должны соскакивать и вскакивать в седло. Они не робеют, и на земле остаются только вольноопределяющиеся, очутившиеся впервые в седле.

Я предлагаю Александровскому позволить мне заняться с вольноопределяющимися отдельно в те часы, когда учебная команда находится на устных занятиях. Он соглашается.

Мои новые ученики считают ниже своего достоинства и полученного ими высшего образования подчиняться безумному корнету, которого они к тому же встречают в петер-

бургских салонах. Они не могут примириться с тем, что я обращаюсь с ними, как с другими солдатами. Более выправленными и дисциплинированными оказываются бывшие воспитанники Александровского лицея, сохранявшего с давних времен обычаи полувоенного заведения, но зато бывшие студенты университета - князь Куракин, ставший после революции священником в одной из парижских церквей, и граф Игнатъев, мой двоюродный брат, - принимают военную муштру за смешную и обидную обязанность, с которой надо мириться, чтобы попасть в кавалергардский офицерский клуб.

Отдыхаю душой только на занятиях в классе, где пахнет конским и человеческим потом и где каждое мое слово принимается как откровение старательными учениками, из которых сорок процентов окончили только сельские школы, а сорок процентов - совсем безграмотные и попали в учебную команду как отличные строевики.

**Новобранцы лейб-эскадрона Кавалергардского полка
с корнетом А. А. Игнатъевым (в центре)**

По вечерам я превращаюсь в сельского учителя, исправляя диктовки и арифметические задачи.

На третий год получаю наконец самостоятельный и ответственный пост заведующего новобранцами своего эскадрона. Их сорок три человека, и я для них с декабря по апрель являюсь высшим и единственным авторитетом. Среди них много украинцев, несколько уроженцев Дона и Северного Кавказа, чувствующих себя с первого же дня на коне как дома, сметливые ярославцы, два весельчака москвича, угрюмый петербургский рабочий и несколько латышей, попадавших всегда в наш полк из-за роста и белокурых волос. Латыши, самые исправные солдаты, - плохие ездоки, но люди с сильной волей и обращались в лютых врагов солдат, как только они получали унтер-офицерские галуны.

Я гордился своими новобранцами. Мне казалось, что, зная их всех поименно, проводя с ними на занятиях круглый день с шести часов утра до пяти-шести часов вечера, по-

купая им на свой счет новые белые бескозырки вместо грязных казенных, жалуя, опять же на свой счет, шпоры лучшим ездокам, читая их письма из деревни, заботясь об их здоровье, отпуская бесконечные чарки водки для поощрения за хорошую езду, я выполнял не только мои обязанности по службе, но и являлся для них "отцом-командиром".

Позже я понял, что близким для них человеком был только полуграмотный унтер-офицер Гаврилов, мой помощник, а я был "барином", исполнявшим по отношению к солдатам почти обязательные традиции нашего помещичьего полка.

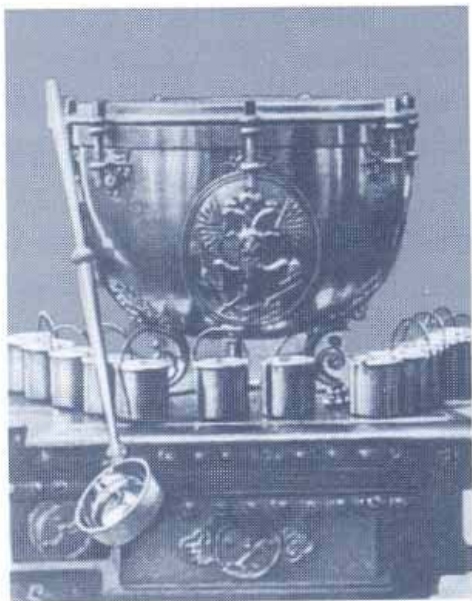

В страстную субботу читаю в приказе по полку: "Завтра по случаю пасхальной заутрени в залах Зимнего дворца от эскадрона Ее Величества назначается почетный караул в составе тридцати нижних чинов, при унтер-офицере и трубаче под командой корнета гр. Игнатьева. Форма одежды парадная: в белых мундирах, в супервестах, в касках с орлами, в лосинах, ботфортах и перчатках с крагами".

Величественные и ярко освещенные залы дворца постепенно наполняются придворными в раззолоченных мундирах, сенаторами в красных мундирах с расшитой золотом грудью, высшими чиновниками в черных мундирах, генералами и офицерами гвардии. Все рассматривают с любопытством наш караул, стоящий в середине большого Николаевского зала.

Ничто не напоминает о том, что поводом для этого собрания явился религиозный праздник. Все пышно и церемонно, как всегда.

Стук палочки церемониймейстера и гробовая тишина, среди которой раздается только моя команда: "Палаши вон! Слушай на караул!"

Чаша для пунша в виде полковых литавр, подарок офицеров одному из старших командиров

Царь идет под руку с царицей и, взглянув на караул, холодно произносит:

- Христос воскрес, кавалергарды!

- Воистину воскрес, Ваше Императорское Величество! - по разделениям отвечают кавалергарды, вкладывая в эти слова не больше чувства, чем в обычные, предусмотренные уставом ответы начальству.

И снова гробовая тишина.

На следующий день веду опять свой караул во дворец для христосования с царем. Там уже собраны по традиции все караулы, несшие службу в пасхальную ночь.

Я хорошо не знаю, в чем будет состоять церемония.

Царь подходит ко мне и христосует, как со старым знакомым. Императрица подает мне руку, целую ее и получаю фарфоровое яйцо, которое боюсь уронить, так как руки заняты и палашом, и каской, и крагами.

Но мой сосед унтер-офицер красавец Муравьев не смущается и проделывает точно ту

же церемонию. И правофланговый, латыш Михельсон, и украинец Яценко - все следуют его примеру, и все оказываются настоящими придворными кавалерами.

Изумляюсь, но при выходе из зала Муравьев мне объясняет, что вахмистр Николай Павлович весь великий пост "репертили и давали целовать ручку".

Возвращаемся по набережной и служим предметом восхищения катающихся элегантных дам и нарядной толпы, запрудившей гранитные тротуары.

Апрельское солнце играет на касках с серебряными орлами и на наших могучих палашах. Нога ступает твердо и уверенно по гладкому деревянному торцу мостовой, шаг у людей спокойный, кавалерийский, полный достоинства.

А еще год назад вел я этих великанов в зипунах и дырявых полушубках под мокрым ноябрьским снегом из Михайловского манежа, где производилась разбивка новобранцев. Они стояли в манеже запуганные, с бессмысленным видом, и гигант преображенный унтер-офицер брал по очереди каждого из них за плечи, разбирая отметку мелом на груди, которую ставил великий князь, главнокомандующий. Затем он отталкивал отобранного к толпе унтер-офицеров, ожидавших дневной "добычи" для своего полка.

А еще через три года поведу я их на вокзал полупьяной толпой, уволенных в запас. Вся военная дисциплина слетит с них при выходе из казарм, и на вокзале я буду избегать с ними заговаривать, немного опасаясь этих людей, опьяневших не только от водки, но и от счастья. Для них ведь служба в гвардии не была веселым времяпрепровождением.

Мой последний лагерный сбор в полку закончился для меня сюрпризом. За два дня до окончания больших осенних маневров, начавшихся в Финляндии и закончившихся, как полагается, поближе к военному полю Красного Села, нас, "отступающих под напором превосходных сил противника", завели на бивак в какой-то очень зловонный огород на самой окраине Выборгской стороны, в 2 километрах от собственных казарм. Здесь была назначена дневка. Все ворчали, и я в том числе. Неожиданно ко мне подъехал полковой адъютант Скоропадский и объявил, что я и Волконский назначены ассистентами при штандарте на открытие памятника Александру II в Москве и что я должен немедленно выехать в Москву, чтобы устроить помещение для сводного гвардейского кавалерийского полка.

Я не имел понятия, что это за памятник, но, приехав в Москву, узнал, что на заборе, окружавшем место постройки, какие-то досужие московские остряки вывели углем надпись:

*Бездарного строителя
Безумный выбран план:
Царя-освободителя
Поставить в кегельбан.*

Действительно, памятник был бездарный, небольшую фигуру Александра окружали колонны, напоминавшие своим видом кегли.

Кроме московского гарнизона, узкого служебного мира и, конечно, полиции, никто в первопрестольной этим торжеством не интересовался.

Сводный гвардейский полк, назначенный на торжества, состоял из первых взводов всех двенадцати кавалерийских полков.

Так как точного расписания воинского поезда я добиться не мог, то, соединившись с комендантом Николаевского вокзала по телефону, мы со Скоропадским решили облачиться в строевую форму с вечера и коротать ночь у "Яра". То был еще старый деревянный "Яр", гордившийся не только своим хором цыган, но и так называемым "пушкинским" кабинетом.

Ночь прошла тоскливо. Скоропадский терпеть не мог цыган и навевал, как всегда, своим рассеянным видом и бесцельно устремленным куда-то взором истинную скуку.

На рассвете мы встретили эшелон, и я повел свой извод по ужасающим московским булыгам к Покровским казармам, где размещался Самогитский гренадерский полк. Не-

медленно по прибытии Скоропадский объявил, что я - как представитель первого по ранжиру полка - должен первым дежурить по сводному полку.

Ровно в полдень, в час обеда в русской армии, ко мне в офицерское собрание пришел наш взводный и таинственно доложил, что люди отказались есть обед, настолько он плох, и что Николай Павлович (вахмистр) "беспокоятся и прислали спросить, как быть".

Войдя в помещение полка, я прежде всего увидел своих вскочивших с кровати кавалергардов. Перед ними стояли чашки с нетронутым обедом. Попробовав из первой попавшейся чашки, я убедился, что суп - это безвкусная жиденькая бурда, а каша нестерпимо пропахла дымом. Люди молчали.

Рядом за колоннами арки, так же молча вытянувшись, стояли великаны-брюнеты, все как один с бородками, - конногвардейцы. Дальше были гатчинские кирасиры - брюнеты с тонкими усиками, рядом с ними - грубоватые и светлые блондины, царскосельские кирасиры. И у гвардейских казаков, чубатых бородачей, до еды никто не дотронулся. Старшина их первой сотни, украшенный "Георгием" и медалями еще за Турецкую войну, с достоинством мне заявил, что "пища казакам не пригожа". Та же примерно картина повторилась и во взводах 2-й гв. дивизии. У черномазых конногренадер, белобрых драгун и гродненских гусар, в их малиновых чикчирах, а также лейб-гусар и улан никто обеда есть не стал.

Я обходил сводный полк, стоявший в угрюмом молчании, и невольно залюбовался этими людьми. Никогда русская гвардия не представлялась мне такой красивой, как при этом обходе. Самые физически сильные и красивые представители народов необъятной России были собраны здесь, в казармах Самогитского полка.

Никакого начальства, разумеется, в полку в этот час уже не было, и выход из положения для меня был один: если казенного пайка не хватает, а люди голодны, то надо их кормить из собственного кармана. На счастье, в бумажнике оказался сторублевый билет, припасенный для дорогой московской жизни, и не больше как через полчаса люди моего взвода уже несли для всего полка мешки с колбасой и ветчиной.

Вернувшись в собрание, я надеялся сам поесть, но никто мне этого не предлагал, и большой обеденный стол был даже не накрыт. Дежурный по Самогитскому полку, сидящий капитан, и его юркий помощник, краснощекий подпоручик, тоже как будто ничего не ели. Прождав весь день, я к вечеру все же решился спросить по секрету одного из двух вестовых - совершенно забытых на вид самогитцев, нельзя ли что-нибудь получить в буфете и притом иметь право заплатить за это. К немалому моему удивлению и радости, солдатик просиял, вероятно от возможности услужить, и, ответив: "Так точно, обязательно заплатить", - исчез. Уплетая через несколько минут глазунью, я ругал себя за свою глупую гвардейскую деликатность, помешавшую мне считать офицерское собрание доступным не только для своих, но и для чужих офицеров: я не мог себе представить, чтобы меня как гостя не угощали.

Угощение, впрочем, состоялось; только много позже.

Перед вечером стали собираться офицеры Самогитского полка, которые не то с подобострастием, не то с чувством отчужденности рассматривали мою парадную форму, которую они видели впервые. Я чувствовал, что их поражали моя почтительность к старшим, товарищеское отношение со своими сверстниками. Дежурный капитан все старался удержать своего помощника от беседы со мной и считал только себя достойным, на правах равного по должности, быть с гвардейцем в корректных служебных отношениях.

Одновременно с офицерами приехал их командир полка - высокого роста статный шатен с подстриженной бородкой, с иголочки одетый. В нем без труда можно было узнать бывшего гвардейца. Когда я рапортовал ему, он пожал мне руку почти как старому знакомому. Затем он присел к столу, а офицеры, стоя навытяжку, ловили каждое его слово.

- Завтра великий князь, главнокомандующий, произведет репетицию высочайшего парада. Вам, господа, надлежит быть в мундирах первого срока и уж, разумеется, не в ни-

тяных перчатках, как ваши, - при этом он указал на побагровевшего от стыда дежурного капитана, - а в чистейших замшевых.

После минуты смущенного молчания один из командиров батальона, подполковник с обрюзгшим бесцветным лицом, - голосом, в котором чувствовался страх, попросил разрешения быть в мундирах второго срока, так как офицеры сделали себе новые мундиры для высочайшего парада и светло-желтые воротники могут за один раз выцвести на солнце.

**Полковые командиры Н. А. Тимирязев, А. А. Гринвальд, А. И. Мусин-Пушкин,
А. П. Игнатьев, А. Н. Николаев, Н. И. Шипов**

- Тогда надо иметь не один, а два новых мундира, - ответил тоном, не допускающим возражений, командир полка.

О перчатках уже никто не смел заикаться, хотя я чувствовал, что их у офицеров, конечно, не было.

Дав закончить командиру полка разговор в непривычном для меня жестком тоне, я, горя желанием чем-нибудь отомстить этому гвардейскому зазнайке за несчастных офицеров, попросил разрешения доложить об инциденте с обедом. По показанию кашеваров и командира довольствовавшего нас батальона, обед был испорчен из-за спешки, вызванной отсутствием своевременного распоряжения от полковой канцелярии. Это я особенно подчеркнул. Меня немедленно и уже в более смелом тоне поддержал один из капитанов с круглым брюшком, а командир полка стал подобострастно передо мной извиняться и просить все вызванные этим дополнительные расходы отнести за его счет. После этого он скрылся.

Меня окружили офицеры и, услышав, что я искренно возмущен командиром, стали наперерыв рассказывать подробности их горькой судьбы под властью этого недавно к ним назначенного бывшего гвардейца.

- Неужели, - спрашивали они меня, - у вас в Петербурге все такие бессердечные? Тут же образовалась компания, предложившая выпить за мое здоровье.

- У вас, конечно, пьют только шампанское?

- Нет, - говорю, - больше всего я люблю водку.

- Что вы, что вы! У нас ведь есть даже красное вино.

Пришлось согласиться на вино, но когда бутылка была открыта, то офицеры, попробовав, потребовали льда, до того было трудно выпить этот сладкий квас в натуральном виде.

Электричества не было. Горел небольшой бронзовый канделябр, слабо освещавший высокие каменные своды собрания. Глубина пустынной залы и соседний аванзал оставались во мраке. Мрачно было и у меня на душе.

Компания рассказывала мне до рассвета про житье-бытье московского гарнизона, о том, как было трудно, особенно женатым, прожить на офицерское жалованье - в 90 руб. в месяц подпоручику и в 120 капитану. Да к тому же из этих денег шли вычеты на букеты великой княгине и обязательные обеды, а мундир с дорогим гренадерским шитьем обходился не менее 100 руб. Комнату дешевле чем за 20 руб. в месяц в Москве найти трудно. Вот холостые и спят в собрании, на письменных столах, там в глубине: диванов-то, кроме одного для дежурного, нет.

Мне тем тяжелее было слушать все эти откровения, что жизнь офицеров первых гвардейских полков не имела с этим ничего общего...

Выходя в полк, мы все прекрасно знали, что жалованья никогда не увидим: оно пойдет целиком на букеты императрице и полковым дамам, на венки бывшим кавалергардским офицерам, на подарки и жетоны уходящим из полка, на сверхсрочных трубачей, на постройку церкви, на юбилей полка и связанное с ним роскошное издание полковой истории и т. п. Жалованья не будет хватать далее на оплату прощальных обедов, приемы других полков, где французское шампанское будет не только выпито, но и разойдется по карманам буфетчиков и полковых поставщиков. На оплату счетов по офицерской артели требовалось не менее 100 руб. в месяц, а в лагерное время, когда попойки являлись неотъемлемой частью всякого смотра, и этих денег хватать не могло. Для всего остального денег из жалованья уже не оставалось. А расходы были велики. Например, кресло в первом ряду театра стоило чуть ли не 10 руб. Сидеть дальше 7-го ряда офицерам нашего полка запрещалось.

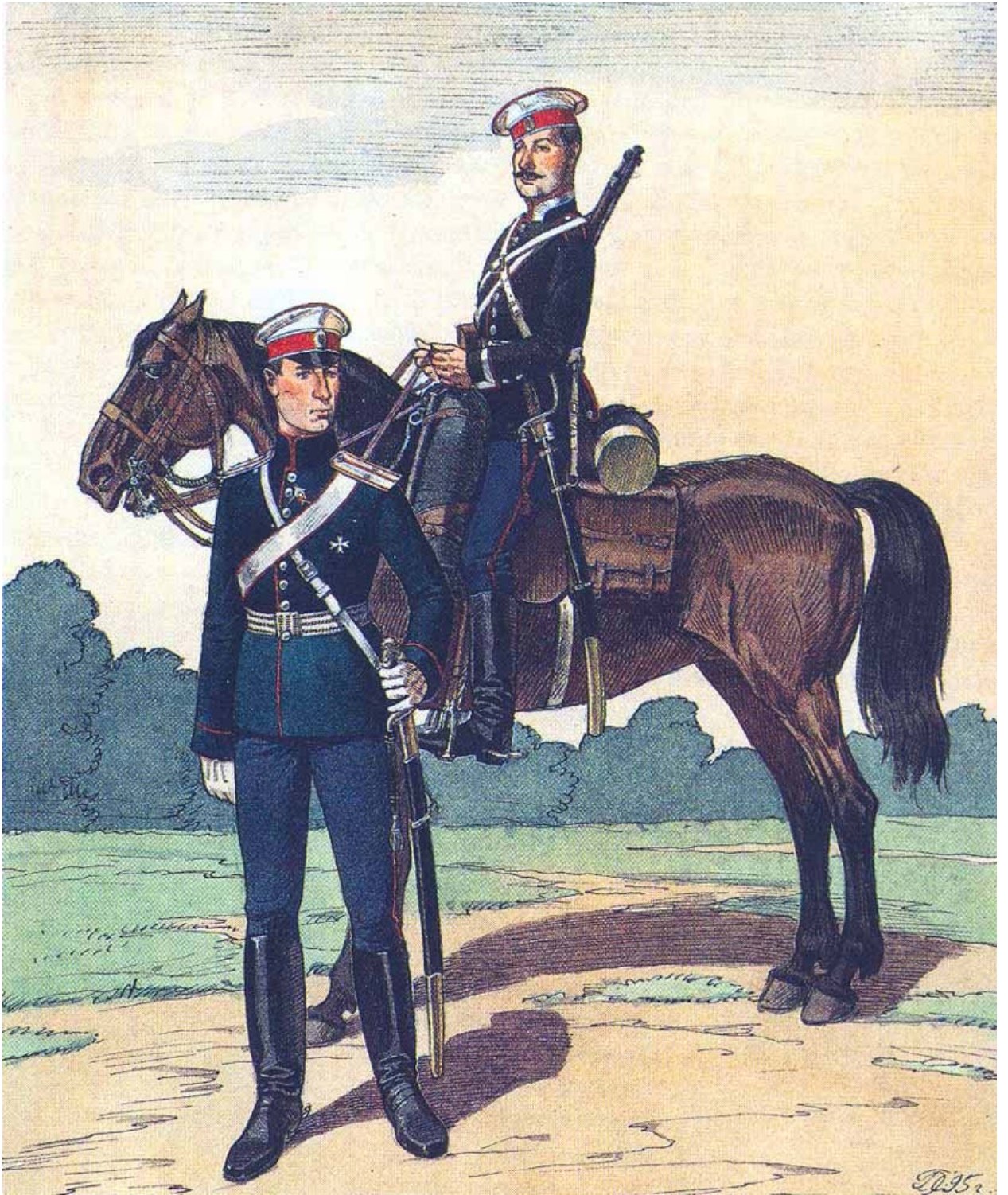
Умение выпить десяток стопок шампанского в офицерской артели было обязательным для кавалергарда. Таков был и негласный экзамен для молодых - надо было пить стопки залпом до дна и оставаться в полном порядке.

Для многих это было истинным мучением. Особенно тяжело приходилось некоторым молодым в первые месяцы службы, когда старшие постепенно переходили с ними на "ты": в каждом таком случае требовалось пить на брудершафт. Некоторые из старших, люди более добродушные, сразу пили с молодыми на "ты", а другие выдерживали срок, и в этом случае продолжительность срока служила критерием того, насколько молодой корнет внушает к себе симпатию. На одном празднике меня подозвал к себе старейший из бывших командиров полка генерал-адъютант граф Мусин-Пушкин и предложил выпить с ним на брудершафт. Однако после традиционного трехкратного поцелуя он внушительно мне сказал:

- Теперь я могу говорить тебе "ты", но ты все-таки продолжай мне говорить "ваше сиятельство".

Все праздники походили один на другой: после богатейшей закуски с водкой всех сортов и изысканного обеда или ужина стол ставился поперек зала и покрывался серебряными жбанами с шампанским и вазами с фруктами и сладостями.

Обер-офицер и унтер-офицер Кавалергардского полка

Сначала в зал входил хор трубачей, славившийся на всю столицу прекрасным исполнением даже серьезной музыки.

Русские военные капельмейстеры в русской гвардии были редкостью, и в нашем полку эту должность уже многие годы занимал "герр Гюбнер", носивший форму военного чиновника, но, конечно, не приглашавшийся к "барскому столу".

Веселье не клеилось. Тогда вызывали полковых песенников и начиналось собственно "гуляние". Если песенники затягивают песню "Я вечер, моя милая, я в гостях был у тебя", то все офицеры нашего эскадрона встанут, так как это эскадронная песня, и выпи-

вают стопку шампанского. "Ты слышишь, товарищ, тревогу трубят", - заводят песенники, и тот же ритуал проделывают офицеры 3-го эскадрона, и так дальше.

В интервалах между песнями поют бесконечные "чарочки" - всем по старшинству, начиная с командира полка, причем каждый должен выйти на середину зала, вытянуться, как по команде "Смирно!", с низким поклоном взять с подноса стакан шампанского, затем обернуться к песенникам и, сказав: "Ваше здоровье, братцы", осушить стакан до дна. В эту минуту солдаты его подхватывают и поднимают на руках, он должен держаться прямо и выпить наверху еще один стакан пива. Иногда поднимают по несколько офицеров сразу, и тогда начинаются длинные речи, прославляющие заслуги того или другого эскадрона, того или другого офицера. А песенники должны держать "господ" на руках до команды "На ноги!".

Бывало весной, уже светает - несколько офицеров сидят в бильярдной, куда доносятся звуки все той же "чарочки", остальные продолжают пить в столовой. Однообразие, скука гнетут, многим хочется идти спать, но до ухода командира полка никто не имеет права покинуть офицерской артели. Так на всех праздниках - полковом, каждого из четырех эскадронов, нестроевой команды, на каждом мальчишнике, на каждом приеме офицеров других полков - круглый год и каждый год, а для некоторых, быть может, и всю жизнь...

Никто не задумывался над тем, что эти "гуляния" шли вразрез с воинским уставом, каравшим нижних чинов за пьянство, и с военным законом, строже каравшим за преступление, совершенное в пьяном виде. Сломать эту традицию никто не смел или же не хотел. К тому же общие попойки были едва ли не главным связующим звеном в офицерской среде, а некоторые из полковых офицеров даже с солдатами знакомились благодаря вызову песенников и с удивлением замечали среди них то новых унтер-офицеров, то неоперившихся новобранцев.

Лучшим песенником был запевала нашего эскадрона, лихой унтер-офицер Пурышев. Его за душу бравший баритон вызывал общие похвалы, ему подносили офицеры полные бокалы шампанского, и он пил и пил все больше, до дня, когда я прочел в приказе по полку о его разжаловании в рядовые за пьянство. Шесть месяцев спустя он был переведен в разряд штрафованных, а еще тремя месяцами позже - наказан розгами за "неисправимо дурное поведение".

Так был погублен нами талантливый человек.

Должен оговорить, что полк наш считался среди других полков скромным, а главное - "непьющим", не то что лейб-гусары, где большинство офицеров разорялось в один-два года, или Конная гвардия, в которой круглый год шли знаменитые "четверговые обеды" - уйти "живым" с такого обеда было нелегко.

Зато на этих обедах устраивались крупные дела, раздавались губернаторские посты и даже казенные заводские жеребцы. Полк этот поставил из своей среды все царское окружение, как-то: министра двора - барона Фредерикса, гофмаршала - графа Бенкендорфа, князей Долгоруковых, Оболенских и даже директора Императорских театров Теляковского. Большинство великих князей предпочитало служить или числиться в Конной гвардии. Бывали периоды, когда засилье прибалтийских баронов в этом полку доходило до того, что, по рассказам моего отца, они попросту выживали из него чисто русских дворян.

На одном из первых царских парадов, в котором я участвовал, ко мне подъехал конногвардеец Сережа Долгоруков, будущий флигель-адъютант, и серьезно спросил, почему наш полк недостаточно громко кричал "ура" при объезде фронта царем? "Недостаточно репертили", - шутя ответил я, хотя из намека Сережи понял, что они, конногвардейцы, считали себя более верноподданными...

Полковая жизнь тесно переплеталась с жизнью высшего светского общества. Еще будучи пажом, я понял, что попасть в высшее общество совсем не так просто и что главным препятствием для меня в этом отношении является мое долгое пребывание в провинции.

Штаб-офицеры кавалергардского полка

Первые два года меня из-за дружеских чувств к моим родителям приглашали иногда только Шереметевы, Вяземские и Сипягин, женатый на Вяземской. Вместе с двумя-тремя подобными семьями они хотя и принадлежали к высшему петербургскому свету, но составляли в нем обособленное ядро с ярко выраженным патриархальным и помещичьим оттенком. Французский язык, в противоположность высшему свету, у них был не в моде. Они щеголяли исконными русскими обычаями и вкусами.

Помню, как мой камердинер Иван, замечая мое одиночество, советовал пойти погулять - или по набережной, или в Летний сад. Мне уже тогда бросилось в глаза, что вход в этот сад был воспрещен "собакам и нижним чинам". Позднее, выйдя в полк, я был возмущен, когда узнал, что вахмистр Николай Павлович должен был довольствоваться для прогулок со своими детьми пыльным полковым двором, в то время как в Летнем саду на уютных скамеечках сиживали с барышнями безусые юнкера первого года службы.

Отношение ко мне высшего света изменилось, как только я надел кавалергардский мундир. Посыпались приглашения, большей частью на французском языке.

- Ваше сиятельство, - говорил мне мой старый Иван, - на приглашения отвечать надобно, а если трудно, так вот у меня сохранились от бывшего моего барина графа Канкринна французские формы ответов на все случаи жизни.

Петербургский сезон длился всего несколько недель - от Рождества до воскресенья на масленой. В понедельник первой недели поста звонили церковные колокола, закрывались театры на целых семь недель, и в течение этого времени разрешалось изредка приглашать друг друга на вкусные скоромные обеды, но не "оскорамливаться танцами". Весной высшее общество встречалось на Стрелке, на Елагином острове. Знакомые раскланивались, двигаясь цепью колясок и дрожек вокруг Елагинского пруда. А летом - лагерь или дачи, отпуск в имении или в Париже, куда наезжало столько "бойр рюсс", что французы прозвали осенний сезон русским.

Выезды в свет зимой заключались в том, что каждый вечер нужно было надевать вицмундир и каску и ехать около одиннадцати часов вечера в один из тридцати-сорока домов, куда ты бывал приглашен на бал. Частенько ты даже не знал хозяев в лицо и просил первых встречных указать тебе хозяйку дома.

Каждый вечер ты встречал тех же самых барышень, которых приглашали на танцы те же офицеры; фраки составляли редкое исключение.

Каждый вечер танцующим раздавались бантики и гвоздики из Ниццы, а в богатых домах в залу вносились корзины с розами и сиренью. Каждый вечер тот же примерно ужин и бегство с котильона в четыре часа утра под предлогом утреннего манежа.

Выезды в свет представляли для молодых офицеров чуть ли не служебную обязанность, и каждый полк имел своих почти профессиональных танцоров. Каждый вечер дирижировал танцами тот же улан Маслов и играл на рояле одни и те же вальсы тот же тапер Альквист.

В углу зала всегда на тех же местах сидели мамыши, зорко наблюдавшие за тем, кто танцует с дочерью мазурку. Две-три мазурки подряд с той же барышней компрометировали ее, и свадьба на Красную горку считалась обеспеченной, можно было уже готовиться нанести осенью визит новой полковой даме.

Никому, конечно, в голову не приходило говорить на этих приемах не только о полковой службе - это была тайна офицерской артели, но и о России, о которой никто не вспоминал; за границу мало кто знал, а уж о политике никто не заикался.

Любопытно, что на этих приемах почти нельзя было встретить представителей многочисленного в Петербурге дипломатического корпуса. Но зато они были желанными гостями в единственном в своем роде политическом салоне графини Клейнмихель. Эта стареющая вдова была, между прочим, близко знакома с императором Вильгельмом. Од-

нажды в Берлине наш хорошо осведомленный военный атташе сказал, проходя со мной по Аллее побед:

- Всем здесь поставили памятники, а вот старуху Клейнмихель забыли... а уж она заслужила перед немцами.

Другим прибежищем для дипломатов являлся Яхт-клуб, где, впрочем, им подавали обед отдельно от русских и в другой час. Естественно, что роскошный обед располагал членов Яхт-клуба - крупных сановников - к откровенным разговорам. Подслушать их однажды попробовал не кто иной, как германский атташе, состоявший при особе Николая II, адмирал фон Гинце. Задержавшись после обеда дипломатов, он спрятался за ширмой. Но на его беду лакей случайно опрокинул ширму. Глазам обедавших представился титулованный представитель "дружественной" державы. Рассказывали, что этот прожженный шпион не очень и смутился.

Присмотревшись постепенно со стороны к жизни царской семьи, я понял, что все там прежде всего помирают от скуки, будучи отгорожены от жизни непроницаемой стеной. Я понял то наслаждение, с которым вдовствующая императрица Мария Федоровна, родом датчанка, освобождала себя ежегодно на несколько недель от "русского плена", чтобы иметь возможность побегать на свободе по магазинам своего родного Копенгагена. Царская семья была резко отделена даже от высшей петербургской знати.

Несколько более открыто жили "малые дворы", то есть дворы великих князей и княгинь. Каждый из них имел собственную свиту: управляющего двором - генерала, адъютантов, фрейлин из великосветских барышень и толпу лакеев и низших служащих. Как фрейлины, так и лакеи в парадных случаях носили цвета, присвоенные двору. У Владимира был малиновый цвет, у Константина - желтый, у Ксении - розовый и т. д. Этих же цветов бывали и сетки, покрывавшие рысаков в зимнее время.

По Петербургу ходили глухие слухи о пьяных оргиях Николая Николаевича. Однажды на рассвете, под конец попойки, в своем дворце в Петербурге он стал хвастать коллекцией оружия. Введя гостей в кабинет, он снял со стены кавказскую шашку и одним ударом снес голову своей великолепной белой борзой.

Но подобные сцены происходили за стеной, отделявшей Романовых от остального мира, и лишь шепотом передавались в высшем свете. Последний был, в свою очередь, также отгорожен от всего, что считалось недостаточно знатным.

Самыми недоступными в этом свете являлись "доморощенные лорды" с их дамами, как Белосельская, родом американка, Трубецкая, Орлова, Бобринская, говорившие по-русски или с природным или со специально привитым английским акцентом. Особенно смешон был один из их постоянных кавалеров - "лорд в казачьей форме" Иван Орлов, перенявший от них этот модный акцент. Некоторую брешь в этой стене пробивали лишь большие балы в Зимнем дворце, на которые приглашалось до трех тысяч человек.

Существовало общество "второго сорта", более смешанное, составленное из офицеров вторых полков и семейств чиновников всех ведомств. Постепенно в это общество влились финансовые и промышленные тузы, но кавалергардам в нем бывать не рекомендовалось.

Высший петербургский свет знал об интеллигенции, которой была так богата наша северная столица, только понаслышке, и я помню, что посещение графиней Ферзен, урожденной Долгоруковой, пьес Чехова было воспринято окружающей средой как верх вольнодумства.

Правящий петербургский свет представлял собою добровольную тюрьму, созданную заключенными в ней аристократами. Многие из нее бежали если не навсегда, то хотя бы на короткий срок за границу, и я замечал, что даже в Москве и в Варшаве дышалось легче.

Существенную роль, сопряженную во всяком случае с невероятным утомлением и затратой времени, играли обязанности, связанные с религией. Нигде, кажется, на земном шаре не бывало столько покойников, и нигде они не доставляли столько хлопот, как в Пе-

тербурге. Как только в "Новом времени" появлялось объявление в черной рамке о смерти какого-либо члена высшего общества, не только дальние родственники и близкие друзья, но просто связанные знакомством с кем-либо из родственников умершего считали своей обязанностью лететь на панихиду.

Таких панихид совершалось по две - в два часа дня и в восемь вечера. Все дамы облачались в черные платья с крепом, что многим было к лицу; офицеры должны были быть в так называемой "обыкновенной" форме, то есть в той же парадной, но при погонах вместо эполет, и иметь черную повязку на левом рукаве. Панихиды служили, как это ни странно, удобным местом свиданий, так как в гостиной, где лежал покойник, места бывало мало из-за бесчисленных венков, и большинство хотя и имело свечи в руках, но, не слушая богослужения, толпилось в соседних комнатах и коридорах. Многоутомительны бывали дни похорон, приходилось решать: заехать ли утром на вынос из квартиры и сделать несколько шагов за траурной колесницей, или словчиться попасть к концу отпевания в один из монастырей.

Весной приходилось бывать на свадьбах, где уже в церкви шли оживленные разговоры, ничего общего с "таинством брака" не имевшие. Если ко всем этим светско-религиозным обязанностям прибавить добрый десяток так называемых "царских дней", когда приходилось в полной парадной форме являться по наряду в Исаакиевский собор, то можно составить себе некоторое представление о том, что заставило Гришу Черткова одобрить мое бегство из полка.

Три раза обернулся для меня годовой цикл этой жизни, и я спрашивал себя, выдержи ли четвертый...

Послесловие к истории Кавалергардского полка

Материал основан на книгах А. А. Керсновского "История русской армии" (М., 1992-1994) и В. Н. Звегинцова "Кавалергарды в Великую и гражданскую войну" (Париж, 1936).

О завершающем этапе истории Кавалергардского полка можно рассказать не так уж и много. Ведь кавалеристы-латники куда более соответствуют рыцарским, средневековым временам, нежели эпохе "утверждения буржуазных отношений"...

Уже в начале царствования императора Александра II кирасирская кавалерия фактически прекратила свое существование: В 1860 г. все армейские кирасирские полки наименованы драгунскими и кирасиры оставлены лишь в составе 1-й гв. кавалерийской дивизии. К слову, несколько позже - в 1882 г. подобная судьба постигла и романтическую легкую кавалерию: доблестных гусар, лихих улан. Все армейские кавалерийские полки были переформированы в драгунские, обратились в "ползучее воинство", как когда-то называл драгун Денис Васильевич Давыдов.

Но если в 1907 г. части легкой кавалерии возвратили свои прежние наименования, вновь стали гусарскими и уланскими, то бывшие армейские кирасиры так и остались драгунами, сохранив в память о былом покрое мундира в виде колета (то есть на крючках, а не на пуговицах), обшитого по верху воротника и бортам каемчатой тесьмой, и белый волосяной валик на касках, тогда как "коренные" драгуны имели валик черного цвета. К тому же еще в 1864 г., когда все полки получали нумерацию, почти всем бывшим кирасирским полкам были даны четные драгунские номера... Можно, разумеется, жалеть об "уходе" кирасир, но нельзя отрицать, что медные их кирасы - потомки средневековых лат - были плохой защитой от пулеметной пули, осколка шрапнельного снаряда или ручной гранаты, тем более что на поле боя тяжелая кавалерия была куда менее подвижна, нежели те же казаки или гусары, а потому и оказывалась гораздо уязвимее их.

Так что уже в 60-е годы от всех кирасирских полков оставались лишь кавалергарды, Конная гвардия и лейб-кирасиры. Эти рослые красавцы-всадники, в блестящих кирасах, в касках с золотыми и серебряными орлами и Андреевскими звездами, на сильных конях, украшали петербургские парады и смотры, несли службу при дворе, в загородных императорских резиденциях, оживляли своим присутствием российскую столицу.

Жизнь Кавалергардского полка шла в это время своим чередом. Менялись полковые командиры, приходили и уходили офицеры, кто-то отправлялся волонтером на очередную войну... Изменялась, или, как обычно говорят, совершенствовалась штатная структура полка. Так, еще в 1856 г. полк с шестиэскадронного состава был переведен на четырехэскадронный, а пятый эскадрон был запасным. В 1880 г. запасный кавалергардский эскадрон вошел в состав гв. запасного кавалерийского полка.

2 ноября 1894 г. полк стал именоваться Кавалергардским Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полком. Такое парадно-придворное существование кавалергардии продолжалось до самого лета памятного 1914 г. Это лето, как обычно, полк проводил в своем лагерном расположении под Красным Селом - в Павловской слободе.

10 июля войскам красносельского лагерного сбора был проведен высочайший смотр, на котором рядом с императором Николаем II стоял президент Французской республики Раймон Пуанкаре (меньше чем через месяц русский царь и французский президент станут союзниками в великой войне). Смотр прошел обыкновенным образом, однако сразу после его окончания гвардейские кавалерийские полки получили приказ отправляться в Петербург и его пригороды для оказания помощи полиции. В это время в городе бастовали крупнейшие Путиловский и Обуховский заводы, по улицам проходили шествия бастующих и митингующих.

Позорная реалия XX века - отряжать гвардию для выполнения полицейских функций, бросать цвет воинства против собственного народа! В первый раз Николай Алексан-

дрович уже делал это в 1905 г., когда солдаты лб.-гв. Семеновского полка расстреливали рабочих на московской Пресне, - и гвардейцев стали называть палачами, кровь убитых легла черным пятном позора на священное полковое знамя. Теперь чуть было не пришел черед полкам гвардейской кавалерии - героям Аустерлица и Бородина. Но, слава Богу, на сей раз полиция обошлась без поддержки гвардии. Вряд ли выполнение подобной миссии пришлось бы по нраву солдатам и офицерам прославленных полков, укрепило бы их любовь к государю.

Через день, 12 июля, когда кавалергарды вновь заняли места в городских своих казармах, Николай II произвел в офицеры пажей и юнкеров выпускных классов. В полковую семью кавалергардов вошли корнеты Михаил и Сергей Безобразовы, Николай Казнаков, Дмитрий Дубасов, Александр Шебеко, князь Игорь Репнин. Это было последнее производство офицеров мирного времени.

Спустя пять дней, 17 июля, в полку был получен приказ об общей мобилизации, а уже 21-го числа в казармах на Шпалерной улице служили напутственный молебен. На этом молебне в последний раз собрались вместе старые кавалергарды во главе со старейшим из здравствовавших в ту пору полковых командиров генерал-адъютантом Гринвальдом. Кто бы знал, что кавалергарды идут парадом по полковому плацу в последний раз... Ведь возвращения с той войны не было. В ту же ночь полковой командир генерал-майор князь Александр Николаевич Долгоруков отправил первый эшелон кавалергардов на Варшавский вокзал для посадки в вагоны.

По боевому расписанию 1-я гв. кавалерийская дивизия - без 3-й казачьей бригады - вошла в состав кавалерийского отряда генерал-лейтенанта Хана-Нахичеванского, составлявшего правую группу армейской конницы 1-й армии. Свою первую боевую задачу в мировой войне - провести разведку боем за пограничной рекой Ширвинт - кавалергарды, как и сто с лишним лет тому назад, выполняли бок о бок с Конной гвардией. Переправившись через реку, Кавалергардский полк начал наступать на деревню Ваббельн, лейб-гвардии Конный - на Бильдервейген. Немецкая пограничная стража была быстро вытеснена из деревень, и командир дивизии распорядился отвести бригаду в исходное положение. При отходе был смертельно ранен кавалергард Зеленин - первая безвозвратная потеря полка.

Некоторое время кавалергарды осваивались на театре боевых действий: несли сторожевую службу, были в перестрелках с противником, проводили рекогносцировки. Наконец 6 августа полк принял первый бой - самый первый бой в длинной череде грядущих боев и сражений. По многим своим чертам этот бой напоминал боевое крещение кавалергардов при Аустерлице. В безоглядной отваге, презрении к смерти, в дерзости и рыцарстве последних кавалергардов проявились те лучшие качества, что унаследовали они от своих пращуров - кавалергардов александровского царствования...

В направлении деревни Каушен полк сначала шел конным строем - пока не ударила немецкая артиллерия, не поставила плотный заслон. Пришлось повернуть обратно. Отходили спокойно, однако потом вдруг зашпешили задние взводы, стали заскакивать вперед.

"Кавалергарды галопом не отходят!" - крикнул солдатам корнет Веселовский, офицер, участвовавший добровольцем в Балканской войне, раненный там в 1912 г. Слов этих, напоминавших о славных традициях полка, оказалось достаточно, чтобы люди успокоились, пустили лошадей в шаг.

Через некоторое время, спешившись, кавалергарды вновь двинулись на противника. Немцы обрушили на цепи артиллерийский огонь. Почти сразу был тяжело ранен шрапнельной пулей в живот шагавший впереди рядов полковник князь Кантакузен. 4-й эскадрон поддерживал наступающих в конном строю - несмотря на усиливающийся ружейный огонь и шрапнель. Здесь был смертельно ранен корнет Карцов, контужен корнет Волжин.

В рядах других эскадронов получили смертельные ранения штабс-ротмистр Коссовский и поручик князь Кильдишев. Когда, умирающего, его пронесли мимо командира полка, то поручик, преодолевая боль, сказал князю Долгорукову:

"N'oubliez pas ces pauvres diables, mon general!" ("Не забудьте этих бедных дьяволов, мой генерал!") (фр.) Князь Кильдишев имел в виду спасавших его кавалергардов. Право слово, такая фраза могла бы принадлежать и корнету Никите Лунину, умиравшему на поле Аустерлица!

Немало было от XIX века и прежней кавалергардии и в том, как поручик Воеводский 2-й, собрав оставшихся своих одиннадцать кавалергардов, вновь повел их на вражескую батарею. Шестеро человек погибли в этой дерзкой атаке, остальные были ранены, и поручик сам перевязал раны каждому... Но тщетным был порыв атакующих кавалергардов - у самых немецких позиций их ожидала реалия нового века - забор из колючей проволоки. Пришлось отходить. А затем кавалергарды атаковали немцев вновь, и впереди цепей шел с обнаженной шашкой сам князь Долгоруков. А шрапнель без устали била по цепям, кромсали ряды пулеметные очереди. Приходилось останавливаться, залегать, окапываться. В одной из атак был сражен корнет Воеводский 4-й. Умирая, он успел крикнуть поручику: "Прощай, брат!"

Вот ведь тоже - какой-то рок, тяготевший над кавалергардами: в бою при Аустерлице погибли Никита Лунин и ротмистр Казимир Левенвольде, служившие в полку одновременно со своими братьями. А в этом бою при деревне Каушен тоже погиб офицер, служивший в полку вместе с братом. Причем все это были младшие братья.

Наконец ближе к исходу дня, когда на подмогу кавалергардам подошли конногвардейцы, лейб-гусары и атаку поддержала гвардейская артиллерия, им удалось прорвать оборону противника. При преследовании был убит еще один офицер - корнет барон Пиллар фон Пильхау.

13 августа кавалергарды взяли Фридланд -- город, близ которого в 1807 г. произошло ожесточенное сражение между русской и французской армиями. Тогда победа все-таки досталась неприятелю. Теперь же было достаточно нескольких артиллерийских залпов, чтобы германцы спешно очистили город.

Так начиналась для кавалергардов война, которую современники называли второй Отечественной, а потомки - империалистической. Сейчас ее чаще всего именуют забытой. Забытой, заслоненной последующими событиями, в корне изменившими весь ход российской истории...

Кавалергардский полк пошел по дорогам войны - с одного участка на другой, с фронта на фронт. Кавалергарды воевали в Августовских и в Козлово-Рудских лесах, в районе Варшавы, у Петракова, Людинова, Свенцяна... К тому же, и эту логику понять довольно сложно, полк весьма часто менял свою подчиненность. Было логично, что поначалу все четыре кирасирских полка объединились в 1-ю гв. дивизию, затем две гвардейские дивизии сошлись в конный корпус, а потом начались новые перемены, так что одно время кавалергарды были даже прикомандированы к... Уссурийской конной бригаде генерала Крымова, куда входили Нерчинский и Уссурийский казачьи полки, Приморский драгунский полк и две Донские казачьи батареи.

Достаточно часто менялись и полковые командиры. В ноябре 1914 г., когда полк находился на Юго-Западном фронте, князь Долгоруков был зачислен в свиту и командование принял полковник князь Александр Николаевич Эрстов, командир 1-й батареи гв. конно-артиллерийской бригады. В мае 1916 г. князя назначили бригадным командиром, а полковым командиром кавалергардов стал полковник Николай Иванович Шипов. Командир 5-го Уральского казачьего полка, он принадлежал к числу "коренных кавалергардов", ибо еще в 1911 г. командовал в полку 4-м эскадронном. Но через год Шипова сменил полковник А. В. Елецкой, "коренной" офицер Уланского полка...

Кто бы признал тогда, в траншеях мировой войны, тех самых всадников-гвардейцев в блестящих латах и шлемах с орлами, почетную стражу у трона русских им-

ператоров? Аэропланы, пулеметы, газы, мощная артиллерия оказались для конницы весьма существенными противниками. Так что теперь гвардейских кавалеристов больше учили действиям не в конном строю, а в пешем, с ними отрабатывались перебежки, окапывание, метание ручных гранат. Разумеется, белые колеты, красные супервесты и золотистые кирасы были позабыты напрочь, их сменили "хаки". Про Аустерлиц и Бородино теперь также не вспоминали...

За первые десять месяцев боев русская армия понесла ощутимые потери. Особенно страдали пехотные части, и поэтому было разрешено откомандировывать желающих кавалерийских офицеров в пехоту. С каким негодованием отнеслись бы к подобному предложению кавалергарды времен Уварова и Де-Прерадовича! Но времена - иные, офицеры-добровольцы откликнулись тут же. Первыми перешли в 13-й лейб-гренадерский Эриванский полк флигель-адъютант поручик князь Багратион-Мухранский, поручики Бутурлин и Гернгросс, корнеты Безобразов и Пашков, прапорщик граф Медем. Корнет Оржевский был зачислен в лб.-гв. Преображенский полк. Весьма скоро Оржевский и князь Багратион были убиты...

В конце 1915 г. (после более чем полувекового перерыва) в полку были сформированы 5-й и 6-й действующие эскадроны. Однако пехоты требовалось еще больше, нежели кавалерии, так что в мае 1916 г. при 1-й гв. кавалерийской дивизии был сформирован стрелковый дивизион, первоначально состоявший из четырех пеших эскадронов. Несколько позже их количество удвоилось. Эскадроны носили наименования полков, из которых получили они офицеров, унтеров и рядовых: кавалергардский, конногвардейский, кирасирский. Первым командиром 1-го пешего эскадрона стал штабс-ротмистр В. Н. Бибиков. За непродолжительное время в рядах эскадрона пришлось послужить многим офицерам полка.

В июле 1916 г. кавалергарды были вновь переброшены на Юго-Западный фронт для развития наступления, которое назовут Брусиловским прорывом. 14 июля полк занял позиции в направлении на Ковель, но пробыл здесь чуть больше недели - 23 июля кавалергардов сменил на позициях у деревни Кроватки 93-й пехотный Иркутский полк.

Больше кавалергардам воевать не пришлось. В стране начались революционные события, что, как известно, напрямую отразилось на делах фронта...

5 марта 1917 г. в полку была получена телеграмма об отречении императора. Прочитав манифест, начальник штаба гв. кавалерийского корпуса генерал Винникен застрелился. Он, очевидно, почувствовал, что это - начало конца, и не пожелал испить до дна ту горькую чашу, которую пришлось принимать многим другим генералам и офицерам...

С марта Кавалергардский полк получил задачу охранять железнодорожные станции Шепетовка и Казатин. Охраняли не от немцев или австрийцев - от собственных российских дезертиров. Армия разваливалась, дисциплина падала стремительно. Но наивно было бы полагать, что доблестный Кавалергардский полк сможет долго оставаться оплотом порядка и верности присяге в окружавшем его бурном море анархии и безвластия. Антинациональные силы в стране прекрасно понимали, что полностью разрушить государственную машину можно лишь после того, как будет разложена армия.

Первые волны дезертиров были остановлены кавалергардскими патрулями, на станциях наведен порядок, но вскоре уже гвардейцы вынужденно оказались лишь наблюдателями того, как катились мимо них обломки разваливающегося фронта. Зато к самим кавалергардам зачастили разного рода агитаторы - эсеры и анархисты, большевики и меньшевики, - вся их пропаганда имела единую конечную цель: "низложить" один из немногих оставшихся "бастионов царизма", увлечь на свою сторону воинскую часть, что до сих пор не потеряла боеспособность. Но к тому времени многие из офицеров уже отчетливо поняли, что приходит пора покидать полк - не дожидаясь большевистской смуты.

30 августа в Сарнах и Казатине, где стояли дивизионы кавалергардов, произошли события, подтвердившие правильность подобного решения. В обоих подразделениях одновременно прошли митинги, участники которых постановили "выразить недоверие всему

офицерскому составу". Подобные требования вполне устроили заправлявших на фронте комиссаров Временного правительства. Комиссар Особой армии тут же энергично распорядился: "Ввиду острого недоверия солдат к командному составу все офицеры, находящиеся к 1 сентября в строю, должны покинуть полк для замены их более демократичными". Помощник комиссара фронта не был столь скор в решениях; он потребовал незамедлительно удалить лишь одиннадцать офицеров, а всех прочих убрать по мере прибытия смены...

К 1 ноября в Кавалергардском полку осталось всего лишь четыре офицера: исполняющий обязанности командира ротмистр Г. С. Воеводский, штабс-ротмистры В. Н. Звезгинцов, А. В. Чичерин и светлейший князь А. П. Ливен. Через день, 3 ноября, к ним прибыл новый командир, облеченный доверием новой власти, - полковник Абрамов из 8-го драгунского Астраханского полка. Он привез офицерам предписание убыть в Киев. Последние кавалергарды незамедлительно покинули полк.

"С отъездом последних офицеров, - написал в своей книге "Кавалергарды в Великую и гражданскую войну" Владимир Николаевич Звезгинцов, - порвалась последняя связь с прошлым. Душа полка отлетела. Полк умер..."

Бывшие кавалергарды - офицеры, унтера, солдаты - в подавляющем своем большинстве сражались на различных фронтах белого движения. В рядах Добровольческой армии на юге России существовали кавалергардские эскадроны.

Но все это - уже совсем другая история...